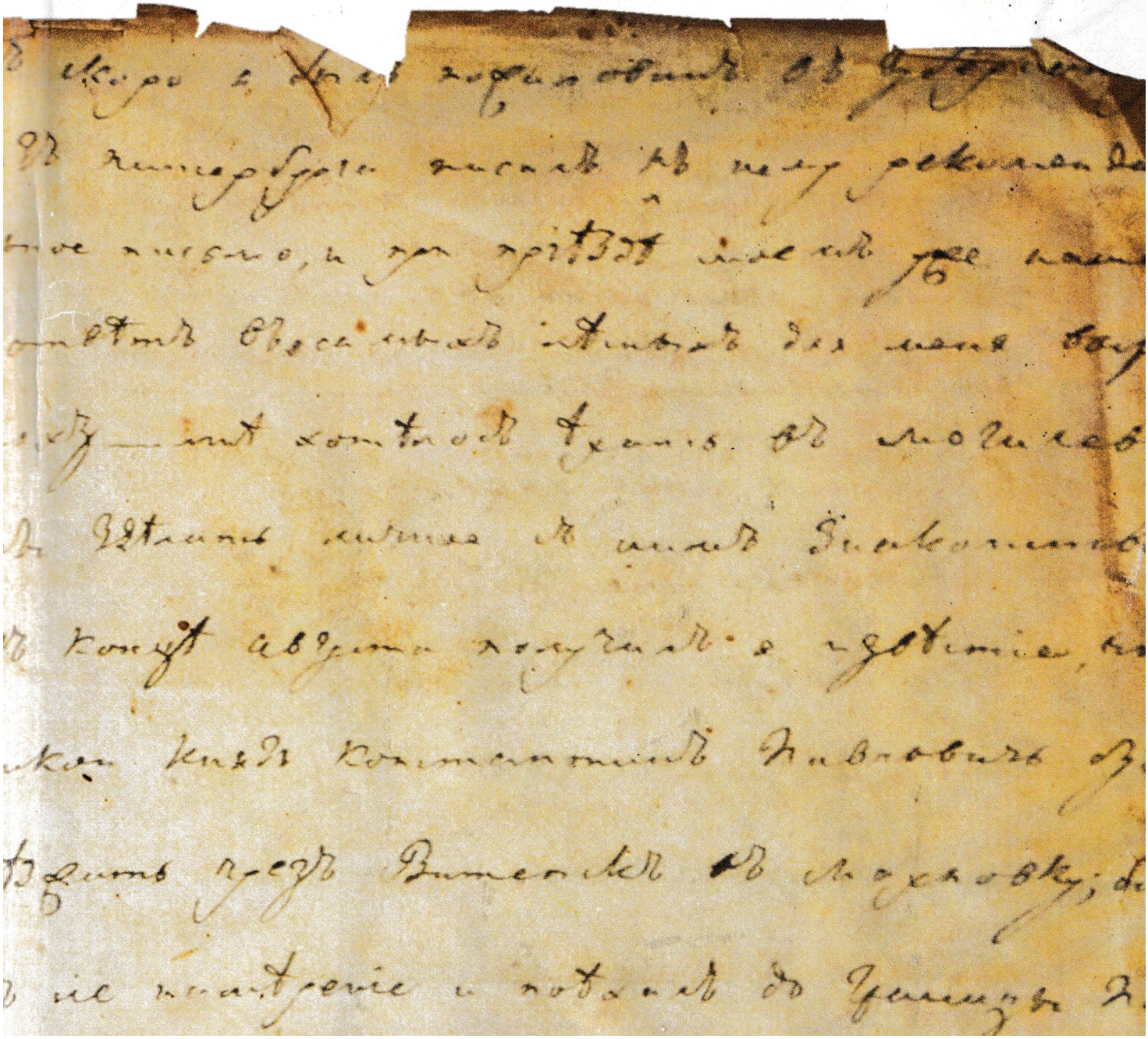
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

ВИТЕБСК
2021



Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П. М. Машерова»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Материалы VI Международной научно-практической конференции

Витебск, 23–24 апреля 2021 г.

Витебск
ВГУ имени П. М. Машерова
2021

УДК [930.2:94(100)+94(476.5)](062)
ББК 63.211я431+63.3(0)я431+63.3(4Беи)я431
А43

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова». Протокол № 4 от 18.02.2021.

Редакционная коллегия:
А. Н. Дулов (отв. ред.),
Е. Н. Богдашина, В. Г. Вовина-Лебедева, О. И. Вовк, Е. А. Гребень, Ю. В. Дулова, А. П. Косов, С. И. Маловичко, А. В. Мартынюк, Е. В. Мацулевич (отв. секретарь), **С. С. Минц, С. И. Посохов, М. Ф. Румянцева, С. Н. Ходин, И. Р. Чикалова, Д. В. Юрчак, Г. Н. Яковлева**

Р е ц е н з е н т ы :
директор Санкт-Петербургского института истории РАН, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН *А. В. Сиренов* (Санкт-Петербург, Россия);
профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор исторических наук, профессор *И. Н. Данилевский* (Москва, Россия);
заслуженный работник образования Республики Беларусь, доктор исторических наук, профессор *В. К. Коршук* (Минск, Беларусь);
заведующий кафедрой истории Украины, археологии и краеведения Национального университета «Черниговский коллегиум» имени Т. Г. Шевченко, кандидат исторических наук, доцент *А. Н. Острянко* (Чернигов, Украина)

А43 **Актуальные проблемы источниковедения :** материалы VI Международной научно-практической конференции, Витебск, 23–24 апреля 2021 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А. Н. Дулов (отв. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2021. – 464 с.
ISBN 978-985-517-785-3.

Рассмотрены широкий круг проблем теории и исследовательских практик источниковедения, источниковедения историографии, архивоведения, музейного источниковедения, комплексы исторических источников и отдельные источники Средневековья, Нового и Новейшего времени.

Данное научное издание может быть полезно историкам, источниковедам, архивистам, музееведам, а также всем, кто интересуется историей и источниковедением.

Для оформления обложки использован фрагмент рукописи воспоминаний витебского губернатора С. А. Шишкина (ок. 1814 г.).

УДК [930.2:94(100)+94(476.5)](062)
ББК 63.211я431+63.3(0)я431+63.3(4Беи)я431

ISBN 978-985-517-785-3

© ВГУ имени П. М. Машерова, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. История, теория и исследовательские практики источниковедения. Архивоведение и археография. Музейное источниковедение

Ланской Г. Н. Общее и документальное источниковедение в контексте гуманитарного знания 9
Маджаров А. С. «Источниковедение» в методологии познания истории России Н. А. Бердяева 11
Тимофеев Д. В. Источниковедение истории общественного сознания: от текстов «великих авторов» к исследованию истории формирования публичной сферы 14
Васильев В. М. Оружие в погребениях: возможности использования археологических источников в исторических исследованиях 16
Вовк О. И. Мемориальные доски в социокультурном пространстве города: к вопросу о видовых признаках, функциональных особенностях и информационной насыщенности 19
Омельченко Д. М. Переплёт в стиле «вентальо» из коллекции испанских дворянских грамот академика Н. П. Лихачёва: попытка «прочтения» 21
Рубинина З. М. Использование фотодокументов в исторических исследованиях 23
Хадарко Н. В. Фальклорныя формулы ў мове палескіх казак 26
Воднева И. П. Устная история на постсоветском пространстве: от первых исследований до создания центров 27
Юмашева Ю. Ю. Цифровая трансформация аудиовизуальных архивов: проблемы представления и использования в исследовательской практике 30
Любовець Н. І. Мемуари в епоху Digital Humanities (DH): локальний вимір 32
Буланый Н. Ю. Род Перетцов: материалы онлайн-лаборатории «Прожито» в изучении семейной истории 34
Базарова Т. А., Проскурякова М. Е. «Автографы Петра Великого: Чтение технологиями искусственного интеллекта»: этапы реализации проекта 38
Ткаченко Д. С. Российские историко-культурные памятники XIX – начала XX в. на Кавказе: опыт создания виртуальных реконструкций 40
Уланов К. А., Цеменкова С. И. Трехмерная реконструкция города Нового времени: Екатеринбург в 1733 г. 42
Колесникова М. Е. Библиографические указатели как исторический источник (опыт подготовки библиографического указателя «Историография и источниковедение истории Абхазии XIX – начала XX века») 45
Варламова Л. Н. Государственные и национальные стандарты как исторический источник по развитию терминологической базы документоведения и архивоведения 48
Попова Е. М. Источниковая база Новгородской Смуты: опыт исследования и перспективы 50
Соколов С. В. Готлиб Байер как культурный антрополог российских регионов: документы специальной коллекции Байера в библиотеке Университета Глазго 52
Сцебурака А. М. Крыніцы па беларускай гісторыі ў Францыі: гістарыяграфія пытання 54
Дубатоўка М. А. Беларускія архівы ў 1812 годзе: страты і перамяшчэнні 55
Карпекін К. Р. Архівы і бібліятэкі праваслаўных цэркваў у 1918–1920-я гг. (на прыкладзе Лёзненшчыны) 57
Агеенко Т. Н. Вклад историко-партийных учреждений Беларуси в формирование мемуарного фонда (1921–1938 гг.) 61
Вишневский И. А. Документальное наследие органов управления Белорусской обновленческой церкви 63
Перевалов Я. О. Государственная политика в сфере высшего медицинского образования БССР 1946–1991 гг.: обзор архивных источников 65
Паўлава А. Я. Матэрыялы архіва пісьменніка У. С. Караткевіча як гістарычныя крыніцы: перспектывы вывучэння збору ў ЦНБ НАН Беларусі 67
Бондарева Е. М. Документы личного происхождения Рывкина Михаила Степановича как источник по изучению истории и культуры Витебщины 70
Колосовская Т. А. Из истории археографических практик на российском Кавказе позднего имперского времени 72

Поляков И. А. Автобиографические записи в русской рукописной культуре конца XVI – XVII в.: проблема выявления и перспективы исследования 75
Смирнова М. А. Культура автобиографических записей и ранняя мемуарная литература в русской рукописной традиции XVII – первой половины XIX в.: предварительные результаты исследовательского проекта 77
Иващенко В. Ю. Археографические особенности публикации источников личного происхождения 79
Чикалова И. Р. Письма с фронта: публикации эго-источников Первой мировой войны 82
Вовина-Лебедева В. Г. Подготовка к изданию переписки ученых (на примере переписки А. А. Шахматова) 85
Афиани В. Ю. Интернет-публикации научного наследия ученых: новые аспекты и методы изучения 87
Раздорский А. И. Об изучении и публикации неизданных историко-статистических описаний белорусских православных епархий XIX века 90
Пестриков А. В. О «национализации прошлого» в археографических изданиях (Силезский пример) 93
Рокина Г. В. «Места памяти» русско-словацких связей в архивах и музеях Словацкой Республики 95
Shmatko O. N. The History of the University Lives in its Museums (for Example, the Museum of the History of Stavropol State Agrarian University) 98
Бабенко В. Д. Ресурсы музейного предмета как исторического источника (на примере коллекции Ставропольского государственного музея-заповедника им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве) 100
Котович Т. В. Почувствовать дух прошлого: о важности работы студентов с архивными и музейными источниками 101
Мареш Тереза. Научно-исследовательская мастерская историка на уроках истории в современной польской школе 104
Дружинина Ю. В., Бехтенова Е. Ф. Агитационный текстиль как исторический источник на уроках истории при изучении вопросов социально-экономического развития СССР в 1920–1930-е годы 107

Раздел 2. Источниковедение историографии

Воробьёв П. А. Византийское наследие в трудах Афанасия Филипповича и Симеона Полоцкого 112
Маловичко С. И. Большая национальная история в структуре форм исторических нарраций XVIII в. 114
Посохов С. И. Путеводитель как историографический источник 117
Майорова А. С. Первый опыт использования вещественных источников для изучения развития ремесла в Золотой Орде 120
Мининков Н. А., Мининкова Л. В. «История историка» как направление отечественного историографического исследования XIX – начала XX в. и его источники 122
Алеврас Н. Н., Гришина Н. В. Диссертации российских историков XIX – начала XX века как источник историографа: подходы к изучению 124
Кашинская О. А. Выбор формы презентации исторического исследования М. В. Клочковым (к вопросу о монографии и историческом очерке как видах исторических источников) 127
Синюрка С. А. Неизвестное об известном: история одной публикации М. В. Клочкова об А. С. Лаппо-Данилевском 129
Космач В. А. Создание и начало работы Русского научного института в Берлине (1923 г.) 130
Каплин А. Д., Гончаров Г. В. Создание сценария к кинофильму «Александр Невский» и М. Н. Тихомиров в контексте событий 1930-х гг. 132
Монзуль В. Ю. Перспективы применения рецензий в качестве историографического источника (на примере изучения истории Древнего Рима) 135
Норкин В. С. Сочинение Г. Ф. Логинова «История старообрядцев поморцев брачного согласия города Кургана» как исторический источник 137
Довгялло М. С. Русская православная церковь за границей (на примере Югославии): проблемы историографии 140
Холмов Д. В. К вопросу о подходах к трактовке понятия «коллаборационизм» в историографии 143

Ковяко И. И. Основные виды источников англо-американской историографии германской проблемы (1945–1990 гг.) 145
Зайцева Н. О. История белорусских земель на страницах российской периодической печати второй половины XIX – начала XX в.: историографические аспекты 147
Минц С. С., Яхутль Ю. А. Особенности понимания системного анализа в современных исторических исследованиях: об интерпретациях нэпа в контексте форм модернизации 150

Раздел 3. Источники Средневековья и раннего Нового времени

Аверьянов К. А. Кем являлись летописные полочане? 154
Нагирный В. Н. Об окружении киевского князя Святослава Всеволодовича: милостник Кочкарь 156
Долгов В. В. Семиотика чудесного в древнерусском историческом нарративе 158
Крылов К. Е. Может ли быть королевское завещание эго-документом? (На примере последней воли Изабеллы Кастильской) 161
Сліж Н. У. Крыніцы па гісторыі астралогіі Вялікага Княства Літоўскага (XV–XVII стст.) 163
Таценко Т. Н. Средства массовой информации начала Нового времени: новые подходы к изучению печатных императорских указов в Германии XVI в. 166
Субоцін А. А. Клімат Беларусі канца XVI – пачатку XVII ст. у адлюстраванні Баркулабаўскага летапісу 169
Булаты П. Ю. Саслоўныя тытулы Вялікага Княства Літоўскага праз прызму ўспамінаў Фёдара Еўлашоўскага 171
Вардомацкий Л. М. Тексты полоцких, витебских и оршанских документов рубежа XVI–XVII вв. как источник изучения истории языка 174
Павлов А. П. Источниковедческие проблемы изучения круга ближних придворных царя Михаила Романова 176
Ерохин В. Н. Источники по истории английского постреформационного католицизма 179
Абеленцева О. А. Приходные и расходные денежные книги Успенского Тихвинского монастыря как источник для изучения хозяйственных практик обители и ее взаимодействия с локальным сообществом в 1623–1633 гг. 181
Седов П. В. Опыт источниковедческого анализа приходо-расходных книг русских монастырей XVII в. 183
Сукина Л. Б. Изображения династических древ русских князей и царей как визуальные источники 185
Русина О. В. “Abryssy Rozne”: проблеми інтерпретації та атрибуції 188
Гладкова Г. А. Інтэрпрэтацыя вобраза А. Лісоўскага і дзейнасці лісоўчыкаў у замежных і беларускіх гістарычных і літаратурных крыніцах 190
Солодкин Я. Г. Насколько достоверны известия Кунгурского летописца о походе ермаковцев в Обь-Иртышье? 192
Башнин Н. В. Формуляр описания кабал в описях казны Вологодского архиерейского дома второй половины XVII в. 194
Колпаков М. Ю., Колпакова Ю. В., Михеев Д. В. Стереотипные образы жителей русско-белорусского пограничья в сочинениях путешественников XVII века 197
Базарова Т. А. Статейный список послов при Высокой Порте П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева 1713 г.: опыт кодикологического изучения 199
Редин Д. А. Частная и личная переписка в исследованиях административной истории Петровского царствования 201
Беспятых Ю. Н. Дневники, записки, письма, мемуары шведских военнопленных в России при Петре I (общий обзор) 204
Филимонова М. А. Пресса Массачусетса XVIII в. как источник по истории повседневности 206

Раздел 4. Источники Нового времени

Середа Н. В. Документы личного происхождения тверских купцов: к вопросу о функциях и жанровой принадлежности 209
Ермакова О. К. Иностранная техническая элита Урала XVIII – середины XIX в.: реконструкция статуса по актовым источникам 211
Марьенко Н. Ю. О дуэли и предсмертной записке Д. В. Арсеньева 214
Белявский А. М., Захаркевич С. А., Снапковский Ю. Н. Тайна семьи Шнеерсон: документы Национального исторического архива Беларуси об основании династии любавичских цадиков 216

Воднева Е. В. Тенденции экономического развития России во второй четверти XIX в. на страницах «Северной пчелы» (по материалам Ф. В. Булгарина) 219
Исаев С. А. Как специфика источника определяется спецификой события?: текстология дебатов Линкольна–Дугласа (1858 г.) 222
Моторова Н. С. Освещение социальных проблем 1860-х гг. в воспоминаниях Д. А. Милютина 224
Алентьева Т. В. Фотографии Гражданской войны в США как исторический источник 226
Рыжко Т. И. Материалы НИАБ как источник сведений о приходском православном духовенстве второй половины XIX века 229
Семенчук К. А. Мемуары как опыт построения региональной идентичности (к проблеме изучения миссионерского историописания) 232
Назарова И. М. Отчеты историко-этнографических экспедиций Ставропольского государственного музея-заповедника как источник по этнографии питания жителей Ставропольской губернии XIX – начала XX в. 234
Никитин Д. С. Англо-индийские мемуары как источник по истории Индийского национального конгресса (конец XIX – начало XX в.) 236
Мауль В. Я. «Мы вместе шли с чигиринцами…» («Чигиринский заговор» в воспоминаниях О. В. Аптекмана) 238
Михайлова Е. А. «Моя автобиография» И. Ф. Тюменева: культурно-историческое значение памятника 241
Богдашина Е. Н. Испитая до дна чаша страданий: Леся Украинка в семейной переписке Косачей–Драгомановых 243
Шимукович С. Ф. «Русская старина» об учреждениях военного образования на белорусских землях в XIX–XX веках 250
Олейник В. В. Основные источники по истории органов военной юстиции на территории Беларуси в последней трети XIX – начале XX века 252
Лякишева С. И. Аграрная жизнь Гринёво, или Комментарии к сведениям о хозяйстве 254
Бахтурина А. Ю. Движение за национальную польскую школу и правительственная политика 1905–1907 гг. в воспоминаниях графа И. И. Толстого 257
Короневский В. И. Перенос мощей св. Евфросинии Полоцкой из Киева в Полоцк в 1910 г. и проблема становления белорусского национального самосознания (по материалам прессы и источников личного происхождения) 260
Гуларян А. Б. Дневник генерала А. М. Сиверса как важный источник истории Первой мировой войны и революций 262
Бароўка В. Ю. Аксіясфера салдата Першай сусветнай вайны ў творах “На імперыялістычнай вайне” М. Гарэцкага і “На Заходнім фронце без змен” Э. М. Рэмарка 265
Марданов А. В. Идеи о создании ракетной техники: от научной фантастики до К. Циолковского и Г. Оберта 267

Раздел 5. Источники Новейшего времени

Каиль М. В. Проблемы церковного устроения в сочинениях и дневниках церковных деятелей первой половины XX в. 269
Мясоедова С. Н. «Дело по обвинению Никифора Яковлева в ограблении гражданина Иосифа Риммера» в контексте источников по истории витебского погрома 29 апреля 1918 года 271
Каплиев А. А. Периодические издания Белорусского Красного Креста как источник по истории его становления в первой трети XX в. (к 100-летию Белорусского общества Красного Креста) 273
Бараноўскі А. В. «В буре»: часопіс Сенненскага павятовага выканкама 276
Силина А. В. Журнал “Al eterna lumo” как источник об эсперанто-движении 279
Дианова Е. В. Культурно-просветительная работа Витебского губернского союза потребительских обществ 281
Буевич Т. В. Документы Государственного архива Витебской области как источник изучения истории латышей Витебщины (1920-е гг.) 284
Приборович А. А. Архивные материалы переписи городского населения БССР 1923 г. 289
Мазур Л. Н. Как жили ученые в СССР в 1920-е гг.?: из истории бюджетных обследований 291
Яковлева Г. Н. Анонимная культурно-бытовая анкета ЦБ Пролетстуда ЦСПСБ как источник по истории белорусизации конца 1920-х гг. 294
Акимченков В. В. Эго-документы как источник для изучения интеллектуального ландшафта Крымской АССР 297

Жилинская И. В. Культурная дипломатия СССР межвоенного периода: информационный потенциал документов Государственного архива Российской Федерации 300
Илизаров Б. С. Историческая биография (на примере автобиографии Сталина) 303
Бараненко В. В. Агентурные донесения осведомителей НКВД как исторический источник по религиозной жизни населения 1930-х гг. (на материалах Зонального государственного архива в г. Полоцке) 305
Булатая В. Ю. Праблема тыпалагізацыі заходнебеларускай прэсы міжваеннага часу (праваслаўныя, каталіцкія, уніяцкія выданні) 308
Сальков А. П. Служебные дневники как источник по истории национально-территориальных конфликтов в Европе конца 1930-х – конца 1940-х гг. 311
Вознесенский В. К. Высший и старший командный состав РККА в немецких военных документах 314
Новікаў С. Я. Першыя тры дні вайны ў Беларусі паводле савецкага афіцыйнага наратыву і нямецкіх дакументаў 317
Крыварот А. А. Архіўныя дакументы як важная крыніца даследавання баявой садружнасці савецкіх партызан на Віцебшчыне (1941–1942 гг.) 320
Корсак А. И. Оперативные сводки Северо-Западной группы ЦК КП(б)Б и СНК БССР как источник по учету потерь партизан и мирного населения 323
Твердюкова Е. Д. Социальная самоидентификация руководителей блокадного Ленинграда (по их автобиографиям и анкетам) 327
Чистиков А. Н. Воспоминания Е. С. Лагуткина о работе МПВО в блокадном Ленинграде: мотивации автора и публикатора 329
Пищулина С. Ю. Кадровый состав народных судов Сталинградской области в 1941–1943 гг. (по данным архивных источников) 331
Кантор Ю. З. «Выкачать из подчиненных областей все, что необходимо для германского государства…». «Рижский процесс» как источник по изучению нацистского оккупационного режима в Прибалтике 334
Красноженова Е. Е. Нацистский оккупационный режим в документах архивов Северо-Запада России 337
Гребень Е. А. Документы полиции Ветринского района как источник по повседневности периода германской оккупации 1941–1944 гг. 340
Кулинок С. В. Документальные источники по нацистской карательной операции «Весенний праздник» (апрель – май 1944 г.) 344
Пастернак А. М. Письма М. Ф. Шмырева как исторический источник 346
Николаева И. В. «Истории» партизанских формирований Беларуси в годы Великой Отечественной войны как источник изучения участия женщин в партизанском движении ... 348
Згірскі Ю. І. Практыка выкарыстання фотаздымкаў пры аналізе матэрыялаў вуснай гісторыі на прыкладзе даследавання біяграфіі жаўнера Войска Польскага з 1939 па 1954 год 349
Руссу О. Д. Творчество как один из источников истории быта военнопленных после окончания Сталинградской битвы 354
Півавар М. В. Важны дакумент па захаванні памяці пра падзеі Вялікай Айчыннай вайны ў Віцебскім раёне 356
Юрчак Д. В. Уліковыя дакументы аб'ектаў культурнай спадчыны як гістарычныя крыніцы ... 359
Киенко Д. Г. Источники исследования места падений самолетов и судеб летчиков: из опыта научно-исследовательской группы военной истории Беларуси «Рубон» 361
Сумко Е. В. Культура жизнеобеспечения крестьян в послевоенной деревне: определение источниковой базы 369
Филимончик С. Н. «Сродники» о жизни Заонежья в послевоенные годы 371
Козлов А. А. Нормативные документы цензуры как исторический источник (1953–1990 гг.) . 373
Асташкин Д. Ю. Партийные отчеты как источник о реакции населения на доклад «О культе личности и его последствиях» (по материалам Новгородской области РСФСР) 376
Столетова А. С. Эпистолярные источники как документы по истории трансформации повседневных представлений и традиций в экономическом устройстве России 1950–1980-х гг. (вопросы изучения и публикации) 378
Дубровская Е. Ю. Видлицкая операция 1919 года на страницах неопубликованного сборника воспоминаний о финской интервенции и Гражданской войне в Карелии 380
Кушнерева К. В. В. И. Белов в эпистолярном наследии своего времени 383

Павлова О. Г. Личные письма как источник по изучению социальных связей деятелей культуры второй половины XX века (на примере переписки музееведа и педагога А. Ф. Лунева) 384
Архипова Т. Г. Мемуары К. Н. Брутенца «Тридцать лет на Старой площади» как исторический источник 386
Ходин С. Н. Воспоминания Ираиды Осиповны Царюк как исторический источник 389
Литвинова Т. Ф. Песни о городе как источник по истории локальной культуры 392
Журба О. И. Путеводители по Днепропетровску позднего советского времени: визуальные стратегии саморепрезентации города 394
Ковальков А. Л. Документы Администрации Президента США Дж. Картера как источник изучения афганской проблемы 397
Мацулевич Е. В. Внешняя политика Республики Беларусь в 1990-х – начале 2000-х гг. в отечественном внешнеполитическом дискурсе 399
Свилас С. Ф., Слепцова В. М. Литературное творчество Хиллари Клинтон как источник по изучению гендерного аспекта истории и дипломатии США 401
Свилас С. Ф., Лузан Д. В. Об источниковой базе исследования подходов Республики Беларусь к реформированию ООН 404
Хришкевич Т. Г. Бедность и богатство: источники о состоянии социально-экономического неравенства в ФРГ 406

Раздел 6. Источники истории связей белорусских земель с государством Немецкого ордена в Пруссии и Ливонии (XII–XVI вв.)

Самонова М. Н. Теодорих из Турайды и Тидрек Бернский под стенами Полоцка 409
Бессуднова М. Б. Архивное наследие Немецкого ордена в Ливонии и проблемы его изучения 411
Подберёзкин Ф. Д. За что были убиты псковичи «на дани» в 1285 году? 413
Сердюк Б. В. «Хроника Ливонии» как иллюстрация осмысления средневековым латинским клириком актуальной конфессиональной обстановки 414
Риер Я. А. О перспективах использования поэмы “Aulaeum Dunaidum” Августина Эукаэдия для изучения ранней истории Великого княжества Литовского (середина XIII – первая половина XIV в.) 416
Дзярновіч А. І. Штурм замка Піленай у 1336 г.: сярэднявечная нарацыя і методыка тэксталагічнага даследавання хронік 418
Мартынюк А. В. Рыцари с Рейна на берегах Западной Двины: люди, события, источники 421
Зімніцкі А. А. Першыя факты выкарыстання артылерыі Тэўтонскім ордэнам і Вялікім Княствам Літоўскім у 1381–1382 гг.: аналіз крыніц 423
Лицкевич О. В. Граница между ВКЛ и Ливонией от озера Курцума до Западной Двины в XIV–XV вв. 426
Ушаков А. В. К вопросу об идентификации «новгородских гостей» Любека в ганзейских источниках 428
Якунина В. А. Коллекция писем фогтов Нарвы из Таллиннского городского архива: проблемы источниковедческого анализа 430
Вебер Д. И. Казненный ливонский пленник. Надгробие рыцаря Немецкого ордена в Москве .. 433
Рябов С. М. Проект французской Ливонии Шарля де Данзе и его место в изучении истории Ливонских войн 434
Клімаў М. В. Гравюры фартэцый перыяду Лівонскай вайны: верыфікацыя паводле археалагічных крыніц. Папярэднія заўвагі 438

Памяти Виктора Владимировича Тараневского (1954–2020)

Дулаў А. М. Віктар Уладзіміравіч Таранеўскі – педагог, перакладчык, літаратуразнавец-медыявіст 443
Русілка В. І. Перакладчыцкая, навуковая і педагагічная спадчына В. У. Таранеўскага 446
Успаміны пра Віктара Уладзіміравіча Таранеўскага 448
Бібліяграфія прац В. У. Таранеўскага 452

Сведения об авторах 455

РАЗДЕЛ 1
ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ. АРХИВОВЕДЕНИЕ И АРХЕОГРАФИЯ. МУЗЕЙНОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Ланской Г. Н.

ОБЩЕЕ И ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

На протяжении периода XX и первых двух десятилетий XXI в., который можно рассматривать в качестве этапа развития историографии новейшего времени, применительно к сфере источниковедения одним из основных направлений развития можно считать параллельное развитие и временами соперничество позитивистского и постмодернистского подходов. Позитивистский подход в соответствии с идеями своих основателей Э. Бернгейма, Ш.-В. Ланглуа, Ш. Сеньобоса был основан на определении в качестве цели источниковедческого исследования новизны и достоверности сообщаемых в конкретных текстах сведений о прошедших или о продолжающихся событиях. При этом предусматривалось установление единых, признаваемых на общесоциальном уровне критериев того, что представляемая информация будет иметь позитивный, развивающий общество и его представителей характер. Постмодернистский подход сформировался в рамках теории экзистенциализма и тем самым был ориентирован на изучение той роли, которую играет создание исторических источников в рамках материального и, что особенно важно, духовного существования человека. Значение создаваемых текстов выявлялось исходя из данной методологической платформы в том, в какой мере они способны реализовать и раскрыть творческий потенциал личности, свойства которой формируются изначально и нуждаются в раскрытии с помощью различных инструментов, к числу которых относится творчество.

На наш взгляд, с точки зрения теории и методики источниковедческих исследований выбор и использование данных подходов, а также определение их приоритетности с экспертно-аналитических позиций находится в сфере соотношения объектной сферы профессиональной деятельности историка или иного близкого ему по специализации ученого по отношению к информационным ресурсам. Различие этих подходов заключается в том, что позитивистский подход может быть адресован к сфере документального источниковедения, в то время как постмодернистский подход, отклоняющийся от характерного для периода исследовательского модерна главного вопроса о новизне, вторичности или невозможности извлечения из конкретных текстов нового достоверного знания, может быть в силу своей масштабности адресован к области общего источниковедения.

Необходимость и обоснованность данного вектора восприятия доступных познающему субъекту информационных ресурсов были убедительно доказаны в работах сторонников феноменологической оценки различных, имеющих ретроспективную сущность творческих произведений. В частности, значительный вклад в решение данной методологической задачи внесла О. М. Медушевская. Обосновывая правомерность существования и развития когнитивной интеллектуальной истории, она писала: «В истории исторической науки новейшего времени достаточно хорошо известна позитивистская историческая концепция, которая, в свое время, в рамках сложившейся историографической концепции, была достаточно эффективной и результативной. Позитивистская историография эффективно разрабатывала свои структурные методики, например, методики изучения средневековых картуляриев, дипломатики, латинской палеографии. В изменившихся условиях, когда от исторической науки потребовалось обращение к глобальным моделям цивилизационного подхода, когда возникли новые проблемы, стала казаться упрощенной социальная история, выяснилось, что традиционные исследовательские методики неэффективны» [4, с. 10–11]. Выделение в качестве основного участника создания объектов исторической информации именно их автора, а не социального или индивидуального заказчика с вырабатываемыми им критериями достоверности получаемых знаний, не являлось при этом маргинальным, оторванным от апробированной научно-исследовательской практики.

В частности, оно вполне коррелировалось с методологически обоснованным восприятием развития историографического творчества как процесса, базирующегося на расширении привлекаемой информационной базы, совершенствовании методического инструментария и формировании новых обоснованных теорий, посвященных конкретным осмысливаемым объектам. Об этом свидетельствует, например, восприятие предметной области историографии, которое было представлено в исследованиях К. Н. Тарновского. В своей опубликованной уже после его ухода из жизни книге об историографии социально-экономической истории России начала XX в. он, в частности,

писал: «Под историографическим фактом мы понимаем авторскую концепцию, с большей или меньшей четкостью и полнотой изложенную в исследовании: в нем, таким образом, доминирует системообразующее и объясняющее знание, полученное в результате анализа исторических фактов» [5, с. 10]. Значимым с точки зрения определения феноменологической, ассоциируемой именно с постмодернистским периодом интеллектуальной истории, природы общего источниковедения является и тот факт, что само становление научной специальности в области историографии, источниковедения и методов исторического исследования опиралось на стремление изучать как можно более широкий комплекс текстов, в которых описывается, анализируется и интерпретируется историческое прошлое. Об этом, в частности, писала внесшая значительный вклад в данный легитимационный процесс М. В. Нечкина. В одной из своих лекций, посвященных теоретическим вопросам отражения и изучения исторических знаний, ею отмечалось: «Она уже существовала в литературе и до нашего появления и называлась историографией, считалась «вспомогательной дисциплиной» и довольствовалась и пониманием своей «второстепенности» и вспомогательной функции, и своим серьезным – из древнего ученого языка – «история+пишу» или чего-то в этом роде. Нам же, внедряющим этот вспомогательный инструмент в работу историка, хотелось «осветить» имя нового занятия. Почти всегда напрашивался веселый, с «двумя крылышками» термин «история истории», с ним хорошо было действовать, и мы назвали им одну из вышедших у нас работ» [1].

Вполне органичным определение общего источниковедения в качестве приоритетной по отношению к более частному по своей объектной сфере документальному источниковедению является и в контексте восприятия современными учеными явления документальной памяти. Рассматривая его в качестве продукта восприятия, осмысления и понимания сущности различных событий, исследователи данной проблематики видят задачу представителей экспертного научного сообщества в том, чтобы осуществить систематизацию созданных в различные периоды информационных ресурсов. Исходя из данной точки зрения, В. П. Козлов в одном из своих новейших исследований писал о том, что «основная задача источниковедческого исследования заключается в выявлении документальных источников и документальных свидетельств, в упорядочении хаоса документальных свидетельств о факте, событии, явлении, процессе прошлого через установление подлинности и достоверности документальных источников и их документальных свидетельств, их классификации и определении познавательного потенциала» [3, с. 94]. Таким образом, с точки зрения конструирования исторической памяти деятельность исследователя, выступающего в качестве оснащенного необходимыми методическими и практическими знаниями эксперта, направлена на то, чтобы в рамках общей совокупности источников выявить и представить пользователям те из них, которые содержат подлинные и достоверные сведения. Решение подобной задачи становится при этом частью его профессиональной активности потому, что он обладает более широким по сравнению с обычными пользователями объемом знаний о доступных объектах исторического знания и имеет вследствие своего исследовательского опыта более глубоким знанием о тех событиях, которые оказались зафиксированными в различных типах текстов. В этой связи, проводя разделительную линию между областями научного и обыденного исторического познания, И. Д. Ковальченко в своей монографии «Методы исторического исследования», в частности, писал: «Степень объективности информации определяется мерой соответствия поставленной цели объективному функционированию и развитию действительности. Это, в свою очередь, зависит от социально-партийной природы поставленной цели. При соответствии цели реальному состоянию и ходу развития общественных и других явлений получение объективной информации легитимируется лишь существующими познавательными возможностями. Если же цель в силу партийно-классовой сущности или по другим причинам ограничивает подход к объекту и взгляд на него, то будет ограничен и объем объективной информации» [2, с. 125].

Приведенные точки зрения о сущности источников исторической информации, находящихся в сфере восприятия и познания для различных категорий профессионально подготовленных и обычных пользователей, свидетельствуют о том, что сторонники различных идеологических взглядов выделяли в рамках комплекса текстовых свидетельств о прошлом документальную и внедокументальную совокупности. Различие при этом заключалось в определении того, является ли целесообразным их обоюдное использование и в соответствии с какими критериями целесообразно осуществлять их систематизацию. Основанием для ответа на данные вопросы при этом служили в том числе факторы, не имеющие прямого отношения к научной деятельности и связанные с внешними политико-идеологическими условиями. В данном случае вполне очевидным становился тот факт, что степень ориентации исследователя на особенности окружающей его общественно-политической ситуации естественным образом определяла наличие у него способности к независимому, в определенной мере дискретному восприятию изучаемого и оцениваемого им текста.

Соотношение общего и документального источниковедения должно, с нашей точки зрения, определяться применительно к конкретному объекту познания, которым может являться практически любое документированное событие. В частности, применительно к истории формирования и развития системы государственного аппарата и административного управления документы, обладающие удостоверяющими их подлинность реквизитами, имеют приоритетное значение, потому что их функциональность определяется вполне конкретными, нормативно установленными признаками. Их наличие при этом может быть удостоверено на внешнем уровне в процессе анализа формуляра документов, а также на основе их происхождения, императивной направленности и соотнесенности с конкретными объективными явлениями, нуждающимися в регулировании. Тексты, представленные в рамках периодических изданий, мемуарных и дневниковых записей, будут рассматриваться при этом в отношении истории государственности в качестве имеющего субъективную сущность комментария к происходившим событиям, что собственно и будет определять их ценность и информационный потенциал.

Аналогичным образом соотношение общего и документального источниковедения будет проявляться и в отношении других типов информационных ресурсов. В частности, в условиях современного визуального поворота в восприятии ушедшей в прошлое и окружающей действительности архаичным выглядит характерное для позитивистской методологической концепции прикрепление содержания фото- и кинодокументов, а также в еще большей степени широкого круга изобразительных источников к уже имеющемуся историческому знанию для его дополнительной верификации. В условиях сформированности и высокой степени изученности хроникальных съемок, относящихся, например к событиям второй российской революции, особую ценность с точки зрения феноменологии и экзистенциального подхода приобретают те произведения, авторы которых не просто зафиксировали происходившие перед объективом события, но и проявили интенцию к их творческому осмыслению. Именно такое широкое восприятие ценности изобразительных и аудиовизуальных источников, которое на основании междисциплинарного исследовательского подхода было намечено в работах бывшего одновременно историком-архивистом и кинодраматургом Л. М. Рошаля, выглядит наиболее перспективным в рамках современной практики исторического познания.

Таким образом, изучение связи между общим и документальным источниковедением в контексте развития гуманитарного знания как о создателях, так и о потребителях исторической информации является актуальным не только в своем самостоятельном качестве, но и применительно к общетеоретическим вопросам развития исторической науки. Совершенно очевидным представляется тот факт, что стремящийся к познавательной деятельности человек движется от восприятия и создания всей совокупности источников к формированию их документальной части или напротив к созданию творческих произведений, целью которых стала бы не фиксация, а творческая интерпретация различных фактов и явлений. При этом с точки зрения имеющего очевидную ценность восприятия источниковедения в качестве особой отрасли гуманитарного знания совершенно не очевидным является выдвижение в качестве наиболее ценных свидетельств тех текстов, которые имеют формально удостоверенный статус объектов истинного знания о прошлом.

1. Архив Российской академии наук (РАН) – Ф. 1820. Оп. 1. Д. 164. Л. 7.
2. Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. – 2-е изд., доп. – М. : Наука, 2003 – С. 125.
3. Козлов, В. П. Некоторые вопросы документального источниковедения в научном наследии А. А. Зимина / В. П. Козлов // Документальный источник в историческом исследовании и в исследовании по истории науки: опыт использования, современные проблемы и задачи. К 100-летию со дня рождения А. А. Зимина : материалы международной научной конференции. Архив РАН-РГГУ // сост. И. Н. Ильина ; редкол.: В. П. Козлов (отв. ред.) [и др.]. – М. : Архив РАН, 2020 – С. 94.
4. Медушевская, О. М. Теория и методология когнитивной истории / О. М. Медушевская. – М. : РГГУ, 2008. – С. 10–11.
5. Тарновский, К. Н. Социально-экономическая история России: Начало XX в.: Советская историография середины 50-х – начала 60-х годов / К. Н. Тарновский. – М. : Наука, 1990. – С. 10.

Маджаров А. С.

«ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ» В МЕТОДОЛОГИИ ПОЗНАНИЯ ИСТОРИИ РОССИИ Н. А. БЕРДЯЕВА

Введение. Исторические прогнозы Н. А. Бердяева

Николай Александрович Бердяев (1874–1948) – выдающийся мыслитель, теоретик и практик освободительного движения в России после революции 1917 г., в 1922 г. был выслан из страны и работал в Берлине, Париже.

В философии «русский Гегель XX в. » развивал экзистенциальное (от лат. existentia – существование) направление философии истории.

Зимой 1919–1920 гг. Бердяев высказался о будущем нового, зарождающегося общественного строя. Прогноз был неутешительным. «Можно заранее с уверенностью сказать, – писал ученый, -что… не удастся никакой социализм». Он «будет совсем не тем, к чему социалисты стремятся», «не осуществит… освобождения труда, …не приведет человека к богатству», равенству, а «создаст лишь новую вражду между людьми, новую разобщенность и новые неслыханные формы гнета» [5, с. 155].

Спустя два десятилетия, в 1943г. во Франции, философ вновь коснулся перспектив социализма. Он определил место этого строя в русской истории и отношение нему в посткоммунистический период.

«В коммунизме, -писал философ, – есть своя правда и своя ложь. Правда – социальная, раскрытие возможности братства людей и народов, преодоления классов; ложь же – в духовных основах…Коммунизм… момент внутренней судьбы русского народа. И изжит он должен быть внутренними силами русского народа… преодолен, а не уничтожен. В высшую стадию, которая наступит после коммунизма, должна войти и правда коммунизма, но освобожденная ото лжи» [3, с. 295].

Научное предвидение, которое демонстрировал Бердяев в своих работах, свидетельствует о наличии сильных сторон в его методологии историко-философских изысканий, о необходимости ее специального исследования.

О творчестве ученого писали Аксельрод Л. И., Лосский Н. О., Луначарский А. В., Мережковский Д., Милюков П. Н., Михайловский Н. К., Плеханов Г. В., Розанов В. В., Сорокин П. А., Степун Ф. А., Трубецкой Е. Я., Федотов Г. П., Франк С. Л., Шестов Л. И. и другие. В последние годы исследованием творческого наследия Бердяева занимались Ермичев, А. А., авторы сборника статей о философе под редакцией В. Н. Поруса, Евлампиев И. И., Маджаров А. С. и другие. [6, 7, 8, 9].

Трудами Бердяева интересовались преимущественно философы. Однако его прикладная методология исторического исследования не менее интересна для историографии. Сочинения ученого тесно связаны с историей России, отечественной литературой, касаются проблемы исторического познания, в частности, значения «предания» в «опознании» прошлого.

В литературе, посвященной Бердяеву, источниковедческий аспект его теоретико-методологических размышлений остался нетронутым. Целью данного исследования является выявление источниковедческих представлений теоретико-методологической доктрины Бердяева.

История, предание и память

Концепция исторического познания Бердяева строилась на его понимании истории как науки, истолковании «исторического». Философ считал, что неверно рассматривать прошлое только как объект. В противовес позитивистам он доказывал, что нельзя «опознать» «историческое» лишь с позиции логики в форме «голого фактического материала» [5, с. 16].

«Историческую реальность» мыслитель видел «духовной», «конкретной», преодолевающей грани «внешней объективной фактичности» и раскрывающей «фактичность идеальную», а «историческое», рассматривал как «откровение о сущности действительности, о судьбе [5, с. 12, 15, 16, 18].

Ученый напоминал, что личность человека связана памятью, разрушение которой не позволяет «опознать душу человека как некую реальность». Вне «связи памяти», по словам Бердяева, также невозможно опознать и «душу истории», ибо изобличение религиозной жизни, культуры, искусства, по словам ученого, «отрывает человека от истории» [5, с. 20].

В работах «Смысл истории» (1922), «О свободе и рабстве человека» (1939) и других он писал, что научное исследование прошлого опосредовано историческим «памятником», предполагает «соединение с преданиями».

«Историческое предание» (традиция, преемственность) (память о событии, перешедшая устно от предков к потомкам, как заповедь, поучение) (Даль), философ считал носителем «исторической памяти», подчеркивал, что память не существует вне «предания» [5, с. 16].

Традиционную «историческую критику» памятника (предания) Бердяев оценивал как обязательную, «важную и необходимую», а ее результаты характеризовал как «объективно-непреложные», хотя и неокончательные [5, с. 16, 20].

Далее, по его словам, требовалось сделать следующий шаг, говоря современным языком, в источниковедческом исследовании, – выйти за пределы «объективно-научного» «момента» познания [5, с. 20, 21]. Суть этого этапа Бердяев усматривал в выявлении «экзистенциальной субъективности» предания, «опознании» «души истории», по нашей терминологии, – в интерпретации источника.

Для уяснения субъективного начала процесса, Бердяев предлагал опираться на категории, включающие познание в «человеческий» контекст: «предание», «память», «судьба», «душа», а их идеальное содержание раскрывать во взаимосвязи и в динамике. К памятником, способным помочь исследователю прорваться «через… объективность к экзистенциальной субъективности»

ученый относил, прежде всего, «исповеди, дневники, автобиографии, воспоминания», говоря современным языком – источники личного происхождения [4, 316].

В «предании», в соответствии с развиваемым методом, историк и выявлял «историческую память», которую переносил в «историческую судьбу» [5, с. 16].

Символика предания

В методологии Бердяева, историк, обращаясь к преданию, имел дело с фактом, который определяет традиционная критика, и с символикой внутренней жизни. Установить связь в истории, согласно воззрениям философа, возможно, если опираясь на факт, открыть смысл.

В работе «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики» (1939) Бердяев формулировал проблему «движения мысли историка» от символа к действительности. «Пространственные символы… «высокого» и «низкого», – писал он, – могут выражать…истины нравственного и духовного порядка… в символе «высоты» что-то угадывается о бытии… проблема в том, как от символов перейти к реальностям» [2, с. 288].

Один из путей ее решения исследователь видел в достижении соответствия «сознания» историка, объекту познания, и в своей историографической практике успешно воплощал задачу выявления внутреннего смысла символа [5, с. 21]. Он писал, в частности, о том, что в России, после октября 1917 г., процесс цивилизации совершался «через замену символики религиозно-христианской, символикой» коммунистической. Это социокультурное движение масс стало «концом» «старой русской интеллигенции», которая «мечтала» о революции [1, с. 126].

Предание и судьба

В центре историко-философских изысканий Бердяева стояли человек, духовная жизнь, смысл. «Смысл есть лишь в том, – писал ученый, – что во мне и со мной, т. е. в духовном мире» [2, с. 273]. О направлении его исследований свидетельствовали понятия, положенные в названия книг: «Русская идея», «Смысл истории», «О назначении человека» «О рабстве и свободе человека», «Истоки и смысл русского коммунизма», содержание этих трудов.

Раскрыть суть исторического источника, согласно методологии Бердяева и значило уяснить его смысл. Субъективное, «человеческое» начало, по словам ученого, может быть объяснено, если читать предание в контексте судьбы человека, страны, культуры, ее пространственных, хронологических, нравственных (оценочных) рамках.

В процессе интерпретации источника, историк производил «преображение» и «одухотворение» изучаемого «материала», устанавливал «внутреннюю связь», строил и наполнял духом исторический образ, открывал «душу истории» [5, с. 16].

Философ показал, что вся русская историософская мысль думала над «судьбой человека… в истории», была «религиозной, моральной и социальной» [3, с. 63, 120]. И сам он, следуя в фарватере этой традиции, раскрывал структуру «истории как судьбы». Мыслитель свидетельствовал, что она не является процессом равномерного прямолинейного движения. Напротив, «история» – иррациональна, – писал ученый в работе «Смысл истории» (1922). «Без бурлящего, иррационального начала, «вызывающего борьбу света и тьмы», столкновение противоположностей, и «подлежащего оформлению» «невозможна история» [5, с. 29].

Прошлое являлось для Бердяева не аморфной, безликой формой, а трагической судьбой, которая должна иметь последний акт [5, с. 161]. Он утверждал, что все культуры, переживают зарождение, расцвет, старость и смерть.

Опираясь на исследование предания в контексте «трагической судьбы» философ раскрывал особенности русской истории [3, с. 183]. Согласно его заключениям, высказанным в работе «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937), судьба народа была «несчастной и страдальческой», и осуществлялась «катастрофическим темпом через прерывность и изменение типа цивилизации» [1, с. 7]. «Душа России» являла «бурное стремление к прогрессу, к революции, к последним результатам мировой цивилизации, к социализму» и, вместе с тем, несла «глубокое и острое сознание пустоты, уродства, бездушия и мещанства всех результатов мирового прогресса, революции, цивилизации» [3, с. 62].

В итоге, – подчеркивал он, – «мы видим пять разных Россий», и а конце каждой – мощный сдвиг [1, с. 7].

Бердяев шел своим путем в жизни и в «опознании исторического», открыл новые грани истории отечества и занял достойное место в отечественной историографии. Он писал о том, как не прервать «связь памяти», не разорвать «предания», и в творческом поиске «смысла» соединил XIX и XXI вв. русской культуры – историю, литературу, философию, духовную традицию.

1. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – М. : Наука, 1990 – 224 с.
2. Бердяев, Н. А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики / Н. А. Бердяев. – М. : АСТ, 2006 – 637 с.
3. Бердяев, Н. А. Русская идея / Н. А. Бердяев. – СПб. : Азбука-Классика, 2008 – 320 с.

4. Бердяев, Н. А. Самопознание. Опыт философской автобиографии / Н. А. Бердяев. – М. : Книга, 1991 – 446 с.
5. Бердяев, Н. А. Смысл истории / Н. А. Бердяев. – М. : Мысль, 1990 – 175 с.
6. Евлампиев, И. И. История русской метафизики в XIX–XX веках. Русская философия в поисках Абсолюта. / И. И. Евлампиев. – 2-е изд. – СПб. : Издательство РХГА, 2020. – 920 с.
7. Ермичев, А. А. Три свободы Николая Бердяева / А. А. Ермичев. – М. : Знание, 1990. – 63 с.
8. Маджаров, А. С. История России в теории цивилизаций / А. С. Маджаров. – Иркутск : ИГУ, 2014. – 211 с.
9. Н. А. Бердяев и единство европейского духа / под ред. В. Поруса. – М. : Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2007. – 336 с.

Тимофеев Д. В.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ: ОТ ТЕКСТОВ «ВЕЛИКИХ АВТОРОВ» К ИССЛЕДОВАНИЮ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ

Исследование истории формирования разнонаправленных политических установок, экономических концепций, изменений в отношении к морально-этическим и правовым категориям является одним из наиболее сложных и масштабных аспектов истории общественного сознания. Исследование содержания и направленности этих процессов актуализирует перед историком задачу выработки адекватного инструментария работы с комплексом исторических источников, отражающих различные аспекты мировоззрения людей прошлого. Сложность ее решения связана не только с необходимостью формулировки критериев отбора исторических источников, количество которых с начала Нового времени многократно увеличивается, но и с ростом интерпретационной активности авторов исследуемых текстов, их способностью по-разному трактовать одни и те же факты и явления, как в процессе публичных дискуссий о прошлом, настоящем и будущем страны, так и в рамках повседневной межличностной коммуникации. Особую актуальность разработка принципов формирования источниковой основы имеет в связи с формированием в Европе [5], а с XVIII в. и в России элементов публичной сферы как особого пространства, способствующего расширению способов и форм межличностной коммуникации. Например, в Российской империи со второй половины XVIII в. – в условиях стремительного развития периодической печати, повышения интереса читающей аудитории к литературно-публицистическим произведением, а также укрепления формальных и неформальных каналов обращения к властным структурам с прошениями, жалобами и проектами – произошло расширение пространства публичной коммуникации, а следовательно, и возможностей для выражения субъективного отношения к различным событиям, оценки практических действий местных администраций и решений верховной власти.

Такой рост способов проявления публичной активности обусловливает принципиальную недостаточность сложившейся в историографии модели изучения истории общественного сознания посредством обращения к текстам «великих авторов» [1, с. 6–15; 2, с. 53–122], анализ которых позволяет выявить настроения лишь наиболее образованной части общества. Конечно, выдающиеся мыслители, литераторы или государственные деятели могли выражать еще не осознаваемые современниками тенденции развития, но, чаще всего, их идеи были нетождественны пониманию актуальных социально-экономических и политических проблем даже представителями образованной части российского общества. Например, проекты М. М. Сперанского или Н. С. Мордвинова не соответствовали ожиданиям не только всего российского дворянства, но даже и достаточно небольшой группы правительственной элиты первой четверти XIX в. Следовательно, анализ ограниченного круга произведений «великих авторов» позволяет понять особенности индивидуальных представлений лишь наиболее образованных и активных индивидов, которые являясь частью общественного сознания, не отражают всего многообразия оценок и суждений по наиболее актуальным для современников вопросам. Таким образом, в результате игнорирования массы источников «среднего» и «низового уровня» происходит упрощение исторической реальности, т. к., одновременно с мнением правящего меньшинства, сосуществовали различные по своей направленности представления о возможных позитивных /негативных сценариях общественного разлития в ближайшей или отдаленной временной перспективе.

Выход из сложившегося положения, на мой взгляд, требует корректировки традиционной парадигмы изучения истории общественного сознания посредством разработки новых критериев отбора исторических источников. Принципиальное значение при формировании комплекса источников имеет не только содержание, но и степень публичности, направленность аргументов и риторических приемов, которые авторы использования для оказания определенного воздействия на читателя / слушателя. В данном контексте системообразующей категорией, позволяющей структурировать процесс поиска и группировки источников по истории общественного сознания России имперского периода, на мой взгляд, может стать концепт «социальный диалог». Содержательно он включает в себя не только непосредственное личное общение индивидов, но и публичное обсуждение современниками наиболее

актуальных вопросов в периодической печати, а также опосредованную множеством управленческих структур, и порождаемой ими документацией, реакцию власти на прошения, жалобы и практические действия российских подданных.

В рамках предложенного подхода основными критериями для типологии комплекса источников может стать адресность, степень публичности, цель написания и характер предполагаемого коммуникативного воздействия на слушателя /читателя. В соответствии с этими критериями предлагается разделение источников на две группы.

1) *Публичная коммуникация с неопределенным адресатом*. Тексты, предназначенные для чтения неперсонифицированным кругом лиц с целью формирования общественного мнения или выражения личной позиции по какому-либо вопросу. Посредством публичной коммуникации с неопределённым адресатом обсуждение актуальных вопросов происходило открыто, круг потенциальных участников диалога заранее не был четко определен и мог варьироваться в зависимости от количества потенциальных читателей. Такая форма представлена, например, публикациями в правительственных и частных журналах, отражавшими, соответственно, позицию власти и мнения различных авторов статей, заметок путешественников, писем читателей в редакцию; научно-публицистическими произведениями и учебной литературой по гуманитарным дисциплинам. Изначальная неопределенность адресата, а иногда и автора, скрывающего свое настоящее имя за псевдонимом, позволяла представлять тот или иной факт, мнение или оценку как «общеизвестную», способствующую «общему благу», или напротив – «искоренению заблуждений, пороков и невежества». Такой формат публичного высказывания обусловливал возможность размещения на страницах журналов критических высказываний оппонентов и ответной реакции авторов, посредством которых участники заочного диалога стремились показать читателям справедливость и обоснованность своего мнения. В России первой четверти XIX в., например, публичные дискуссии в периодичесой песати, наряду с заявлениями верховной власти о восстановлении «силы закона» и «свободы мнений», формировали общий интеллектуально-эмоциональный фон, способствующий возникновению иллюзии открытости властных структур для обращений российских подданных с разнообразными жалобами, прошениями и проектами.

2) *Публичная коммуникация с определенным адресатом*. Тексты, создаваемые в процессе публичной коммуникации с определенным адресатом, авторы которых, преследуя четко сформулированную цель, обращались не к абстрактному читателю, а рассчитывали на ответную реакцию конкретных адресантов. К этой группе источников могут быть отнесены: жалобы, прошения, проекты, докладные записки, распоряжения и решения судебных инстанций, возникавшие в процессе рассмотрения письменных обращений заявителей и т. п.. Информационная ценность такого рода документов состоит в том, что они фиксирует аргументы и контраргументы участников социального диалога между представителями различных социальных групп. При работе с текстами данной группы принципиально важно, одновременно, отслеживать намерения авторов и их представления о возможной реакции современников, и то, каким образом в действительности появление документа было воспринято адресатом [4].

Реализация на практике сочетания текстов с определенным и определенным адресатом позволяет выявить, каким образом близкие по проблематике вопросы транслировалось на широкую читательскую аудиторию с целью формирования «общественного мнения, и какие аргументы высказывались в текстах, ориентированных на достижение сугубо утилитарного результата. Но решение столь масштабной задачи предполагает не экстенсивное расширение источниковой базы, т. к. анализ всей совокупности текстов, созданных в процессе публичной коммуникации в Новое и Новейшее время, является заведомо недостижимой целью, а обоснованное ограничение исследовательского поля четкими хронологическими и предметно-тематическими рамками. С учетом этих ограничений конкретно-историческое исследование должно быть направлено на комплексную реконструкцию дискурсивных практик, возникавших в процессе решения его участниками определенного круга вопросов, которые были частью более масштабной социально-экономической или политико-административной проблемы

Так, например, в первой четверти XIX в. одной из актуальных проблем, осознание важности решения которой порождало множество проектов и различных публикаций в периодической печати был вопрос о способах смягчения, а в перспективе – ликвидации внеэкономической зависимости крепостных крестьян в России [3, с. 1129–1143]. В периодической печати доминировали эмоционально-оценочные суждения о моральном неприятии «рабства», а его существование объяснялось природным стремлением человека к получению прибыли и обладанию собственностью. В данном контексте неоднократно артикулировалась компенсаторная модель предоставления личной «свободы» в других странах, предписывающая обязательность выкупной операции, инициатором проведения которой может и должна быть верховная власть. При этом одни авторы, подчеркивая противоречие «рабства» нормам христианской морали и констатировали неприменимость данно-

го понятия к российской действительности, а другие – признавали «рабство крестьян» и призывали к его скорейшем искоренению. И если позиция первых сводилась к воспроизводству аргументов о патерналистском характере взаимоотношений между помещиком и крепостными крестьянами, то сторонники признания «рабства крестьян» в России, чаще всего, акцентировали внимание на необходимости жесткой юридической регламентации объема прав и обязанностей как крестьян, так и собственников земли.

В проектах решения крепостного вопроса аргумент о безнравственности «рабства» имел уже второстепенное значение. Центральными становятся понятия «свобода» и «собственность», а главным сюжетом – размышления авторов о том, что может сделать правительство для освобождения крестьян, не нарушая права «собственности» помещиков. В ходе подобного рода рассуждений обосновывалась необходимость организации постепенного перехода зависимых крестьян на новый тип договорных взаимоотношений с «собственником земли». Подобная логика подразумевала целесообразность не только личного освобождения крестьян по договору с помещиком, но и предоставления права владеть населенными крестьянами землями даже лицам *недворянского происхождения*, что, по мысли некоторых авторов, не только не способствовало бы укреплению крепостного права, а напротив привело бы к его постепенному смягчению посредством юридической регламентации прав и обязанностей крестьян. Таким образом, сопоставление комплекса источников различной степени публичности по крестьянскому позволило обнаружить отличия в аргументации способов его решения.

В совокупности анализом содержания и направленности подходов к решению других актуальных для современников проблем, предложенный подход отрывает перспективу существенной корректировки сложившегося алгоритма жесткого приписывания исторических авторов к сторонникам какой-либо политической идеологии в условиях, когда сами идеологии еще не были сформированы, и рассмотрению истории общественного сознания как сложносоставной и постоянно изменчивой системы дискурсивных практик, оказывавшей влияние на процесс формирования публичной сферы.

1. Общественная мысль России с древнейших времен до середины XX века : в 4 т. – Т. 2 : Общественная мысль России XVIII – первой четверти XIX века. – М. : Политическая энциклопедия, 2020. – 549 с.
2. Скиннер, Кв. Значение и понимание в истории идей / Кв. Скиннер // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост.: Т. Атнашев, М. Велижев. – М. : Новое литературное обозрение, 2018. – С. 53–122.
3. Тимофеев, Д. В. Крепостной вопрос в России: социальный диалог и коммуникативные практики власти (первая четверть XIX в.) / Д. В. Тимофеев // Quaestio Rossica. – Т. 6. – 2018. – № 4. – С. 1129–1143.
4. Тимофеев, Д. В. Принципы инструментализации методологии «истории понятий» в исследованиях по истории общественного сознания России XVIII – первой четверти XIX в. / Д. В. Тимофеев // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 436. – С. 184–191.
5. Хабермас, Ю. Структурное изменение публичной сферы: исследование относительно категории буржуазного общества / Ю. Хабермас. – М. : Весь мир, 2017. – 344 с.

Васильев В. М.

ОРУЖИЕ В ПОГРЕБЕНИЯХ: ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Для истории раннего средневековья Восточной Европы наряду с письменными источниками очень важными становятся источники археологические. Особенно актуально это для Полоцкого княжества IX–первой половины XIII вв., так как количество письменных источников для этого периода ограничено. Принципиально важной особенностью археологических источников является увеличение их количества в результате постоянного открытия новых памятников и исследования уже известных. Традиционно основными объектами интереса археологов, наряду с поселениями, являются древние могильники. Однако, очень часто интерпретация результатов раскопок могильников основывается на обыденной логике и «здравом смысле». В связи с этим целью статьи является необходимость рассмотреть некоторые проблемы, связанные с оружием в погребениях (и в целом погребальными практиками) рубежа I и первых столетий II тыс. н. э. и возможности использования их в историческом исследовании.

Полоцкое княжество считается колыбелью белорусской государственности. Для ранних государств Европы война и военное дело во многом определяли процессы их образования. Это актуально и для Полоцкого княжества – из 265 летописных эпизодов военной истории древней Руси 1060–1237 на его долю, по мнению Г. В. Ласкавого, приходится 59 –почти четверть [7, с. 5]. Среди исследователей периода образования Древнерусского государства возникло мнение, что княжеские воины – «дружинники» могли выполнять кроме военных функций ещё и функции чиновников. Е. А. Мельникова назвала это явление «дружинным государством» [11, с. 16–36]. Археологи

пытались увидеть отражение дружины в материальном виде, основываясь на изучении некрополей X в. Исследователи вводят такие понятия как «дружинные курганы» [1, с. 72–72] и «дружинная культура» [14, с. 406–436]. Такие выводы делались в основном на значительном количестве курганов с оружием и «богатым» погребальным инвентарём.

При работе с археологическими источниками в целом, и некрополями в частности, может возникнуть мысль, что они являются прямым отражением «живой» культуры, и на основе данных из погребений можно напрямую делать исторические выводы. В результате такого упрощённого понимания может возникнуть ряд искажений и ошибок. Основываясь на присутствии или отсутствии в погребениях оружия делается вывод о вооружённости некого общества, его милитаризованности.

Может сложиться мнение, что погребения с оружием являются прямым отражением реально существующего комплекса боевых средств. Подробно эту проблему рассмотрел И. Л. Измайлов. По мнению исследователя, это далеко не так. Наличие оружия в погребениях определяется огромным количеством факторов: культурными, идеологическими, социальными, гендерными, религиозными, а также постдепозиционными процессами, происходившими с погребением. В ряде случаев оружие может заменяться его деталями, частями или моделями из органических материалов и поэтому может не сохраниться в силу естественных причин [5, с. 66–85].

Очень часто, по наличию оружия в погребении делается вывод о социальном статусе погребённого: примером может быть выделение в особую группу курганов «дружинников» или «дружинных курганов». С «дружинными», как правило, ассоциируется особый тип памятников со сложным ритуалом захоронения и богатым инвентарём. К «дружинным» относят некоторые погребения из археологических комплексовГнёздово и Шестовицы [1, с. 72–82; 3, с. 148–162]. Попытку проследить социальную дифференциацию внутри «дружины» по археологическим материалам совершил М. Х. Алешковский. Он попытался выделить «младших дружинников» из среды сельского населения. Основным критерием для него было наличие в курганах боевых топоров [2, с. 70–90].

Вообще стоит отметить, что такое прямолинейное применение данных из погребений для построения моделей древнего общества было вполне характерно для советской археологии. Подобные взгляды основывались на перенесении культурных установок и здравого смысла исследователя на культуру несуществующего уже общества [13, с. 68–73].

Близкими к советской археологии по своим позитивистским философским установкам были разработки западного направления в археологии – «новой археологии». Для «новой археологии» было очевидно, что социальная структура общества находит прямое отражение в археологическом материале. Важным инструментом становится математическая формализация и статистические методы [5, с. 68–70]. Похожим образом действовали, и некоторые советские археологи в попытке определить социальную структуру древнего общества по материалам погребений [10, с. 24–31].

С начала 1980-х годов популярность набирает новый подход в изучении погребальных памятников – «постпроцессуальная археология» и её наиболее ранний вариант – «контекстуальная археология». Под влиянием социальных антропологов постпроцессуальные археологи пришли к отказу от отождествления погребального ритуала с реальным социальным статусом. Погребальный ритуал и погребальный инвентарь пассивно отражают не реальный статус погребаемого, а скорее притязания коллектива, который хоронит, на социальный статус погребённого и его имущество [15, с. 217–218].

Немецкий исследователь Х. Хэрке, совместив различные методические подходы и взгляды различных школ, рассмотрел серию причин, которые, в принципе, заставляют людей, которые хоронят, помещать погребальный инвентарь в могилы [16, с. 1–21]. Исходя из этого, предметы вооружения в погребениях не обязательно могут быть связанны с профессиональной и социальной ролью человека. Для понимания этого значения нужно всесторонне проанализировать материал как с позиций методов археологии, так и с позиции естественнонаучных дисциплин и социальной антропологии.

Примером междисциплинарного подхода к изучению погребений с оружием могут служить работы Х. Хэрке. Он подробно проанализировал погребения с оружием в англосаксонской Британии. Особенностью его метода было сочетание собственно археологических методов с антропологическими данными. Автор проанализировал количество оружия и варианты его сочетания в погребениях, определил динамику изменения обычая помещать предметы вооружения в могилы во времени. Дальше он сравнил погребённых с оружием с погребёнными без него по целому ряду антропологических (пол, возраст, рост, физическое развитие) и палеопатологических признаков (болезни, прижизненные травмы, наличие стресса от недоедания). Х. Хэрке пришёл к выводу, что оружие в могилах не было признаком профессиональных воинов, пик распространения обычая погребений с оружием не совпадает с пиком военной активности англо-саксов и приходится на относительно мирное время. Погребения с оружием – это попытка англо-саксов выделить себя

среди завоёванного бриттского населения и отражает социально-этнический статус германцев как свободных и завоевателей [17, с. 197–207].

В более традиционном ключе написана работа С. Ю. Каинова «Погребения с предметами вооружения Гнёздовского некрополя». В ней были проанализированы количественные и пространственные особенности размещения оружия в захоронениях, определено соотношение оружия в кремациях и ингумациях, особенности ритуального обращения с оружием и особенности его размещения в могиле. Автор приходит к выводу о значительном количестве предметов вооружения в некрополе и что Гнёздовский археологический комплекс максимально похож на центры образования Древней Руси – Киев и Чернигов [6, с. 212–241]. Автор исследования в основном придерживался традиционных методов археологии, однако тщательность анализа материала и введение в научный оборот новых данных позволяет сделать выводы как по истории древнерусского оружия, так и ранней истории Древней Руси в целом.

Попытки анализировать погребения с предметами вооружения делали и белорусские археологи. Например, Ю. А. Заяц попытался выделить социальные группы на основе анализа материалов могильника древнего Заславля. Г. В. Ласкавый в кратких заметках анализировал вооружение населения Подвинья, используя и материалы погребальных памятников. Однако авторы этих исследований остались на позициях устаревших методик и взглядов. Погребённым с оружием прямолинейно придавался статус «дружинника». По наличию отдельных предметов вооружения делались умозрительные выводы о том, каким видом оружия пользовался воин в бою или же его «род войск»: топор – небогатый ополченец пехотинец, несколько видов оружия – дружинник [9, с. 69; 8, с. 72; 4, с. 130–135].

Н. А Плавинский значительное внимание уделил погребениям с оружием в Браславском Поозерье. Автор анализирует материалы, полученные в результате полностью исследованного курганного могильника Погоща, в системе синхронных памятников Браславского Поозерья. Особое внимание он уделяет предметам вооружения в погребениях. Сравнивая особенности погребального обряда в регионе, автор приходит к выводу о вероятном высоком статусе погребённых в могильнике Погоща и предпологает, что этот могильник мог быть оставлен представителями полоцкой княжеской администрации [12, с. 177–178].

Оружие – важная часть предметного мира древнего общества. Попадая в погребения, оно становится сложным и не всегда однозначным источником знания о жизни этого общества. Перед исследователем может возникнуть соблазн трактовать оружие в погребении с позиций своей обывательской логики. Всестороннее изучение погребальных памятников на высоком современном методическом уровне с привлечением междисциплинарного подхода поможет избежать ошибок и искажений и позволит использовать археологические источники в историческом исследовании.

1. Авдусин, Д. А. Раскопки в Гнёздово / Д. А. Авдусин // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. –1951. – Вып. 28. – С. 72–82.
2. Алешковский, М. Х. Курганы русских дружинников XI–XII вв. / М. Х. Алешковский // Советская археология. – 1960. – № 1. – С. 70–90.
3. Блифельд, Д. И. К исторической оценке дружинных погребений в срубных гробницах среднего Поднепровья IX–X вв. / Д. И. Блифельд // СА. – 1954. – Вып. XX. – С. 148–162.
4. Заяц, Ю. А. Социальные группы населения Изяславля на стадии формирования и раннем этапе развития города (X–XI вв.): по материалам Заславского курганного могильника / Ю. А. Заяц // Гістарычна-археалагічны зборнік. – 1996. –№ 8. – С. 129–147.
5. Измайлов, И. Л. Погребально-поминальная обрядность и комплекс вооружения древнего и средневекового населения (к постановке проблемы) / И. Л. Измайлов // Поволжская археология. – 2012. – № 2. – С. 66–85.
6. Каинов, С. Ю. Погребения с предметами вооружения Гнёздовского некрополя / С. Ю. Каинов // Гнёздовский археологический комплекс. Материалы и исследования. Вып. 1. – Труды ГИМ. – 2013. –Вып. 210. – С. 212–241.
7. Ласкавы, Г. В. Да пытання аб арганізацыі і складзе ўзброеных сіл Полацкай зямлі ў канцы XI–пачатку XIII стст. / Г. В. Ласкавы // Гістарычна-археалагічны зборнік :у 2 ч. – 1993. – Ч. 1. – С. 5–21.
8. Ласкавый, Г. В. Боевые топоры Белорусского Подвинья в X – XIII вв. / Г. В. Ласкавый // Археология и история Пскова и Псковской земли : материалы симпозиума, Псков, 1991 // редкол.: В. В. Седов (гл. ред) [и др.]. – Псков, 1992. – С. 68–69.
9. Ласкавый, Г. В. Оружие раннесредневекового населения Северной Беларуси // Археология и история Пскова и Псковской земли : материалы симпозиума, Псков, 1991 / редкол.: В. В. Седов (гл. ред) [и др.]. – Псков, 1992. – С. 70–72.
10. Лебедев, Г. С. Погребальный обряд как источник социалогической реконструкции (по материалам Скандинавии эпохи викингов) / Г. С. Лебедев // Краткие сообщения института археологии. – 1977. – Вып. 148. – С. 24–31.
11. Мельникова, Е. А. К типологии предгосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе / Е. А. Мельникова // Древнейшие государства Восточной Европы. – Москва : Наука, 1995. – С. 16–32.
12. Плавінскі, М. А Курганны могільнік Пагошча ў кантэксце сінхронных старажытнасцяў Браслаўскага Паазер'я / М. А. Плавінскі. – Мінск, 2017. – 242 с.
13. Смирнов, Ю. А. О роли обыденного сознания в археологической реконструкции: погребальный обряд / Ю. А. Смирнов, М. В. Тендрякова // Краткие сообщения института археологии. – 1990. – Вып. 201. – С. 68–73.

14. Фетисов, А. А. Дружинная культура Древней Руси / А. А. Фетисов // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования, 2010 год. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. – Москва : Вече, 2012. – С. 406–436.
15. Харке, Г. Проблемы исследования древних погребений в американской археологии / Г. Харке, С. Н. Савенко // Российская археология. – 2000. – № 2. – С. 212–219.
16. Harke, H. Grave goods in early medieval burials: messages and meanings / H. Harke // Mortality. – 2014. – Vol. 19, iss. 1. – P. 1–21.
17. Harke, H. The Anglo-Saxon weapon burial rite: an interdisciplinary analysis / H. Harke // Opus. – 2004. – Vol. 3. – P. 197–207.

Вовк О. И.

МЕМОРИАЛЬНЫЕ ДОСКИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА: К ВОПРОСУ О ВИДОВЫХ ПРИЗНАКАХ, ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ И ИНФОРМАЦИОННОЙ НАСЫЩЕННОСТИ

Одними из наиболее многочисленных знаков коммеморации в современном городе выступают мемориальные доски – т. е. плиты из долговечного материала (камня, металлического сплава, полимера), которые фиксируют память о личности или событии и устанавливаются на фасадах или в интерьерах зданий и сооружений, связанных с историческими событиями или жизнью и деятельностью увековечиваемых лиц. Мемориальные доски следует отличать от аннотационных. Последние устанавливаются на фасадах зданий и содержат сведения о человеке либо событии, в честь которых названа улица, на которой расположено соответствующее здание, либо же размещенное здесь учреждение [см. 3, с. 283–284].

С точки зрения градостроительства мемориальные доски относятся к малым архитектурным формам (т. е. небольшим сооружениям декоративного, вспомогательного или иного предназначения, которые используются для улучшения эстетического вида общественных мест и городских объектов, организации пространства и дополняют композицию зданий, сооружений или их комплексов) [7]. С точки зрения памятникоохранного дела – это произведения монументальной скульптуры, которые вместе с другими объектами монументального искусства подлежат охране как памятники культурного наследия [8].

К настоящему моменту в Украине уже появилось некоторое количество печатных и электронных баз данных, каталогов и справочников о мемориальных досках различных городов страны [см., например, 9; 10; 11 и др.], исследований аналитического уровня [см., например, 3; 4; 5 и др.]. При этом ощущается недостаток в публикациях теоретического характера (в основном украинские исследователи ориентируются на наработки своих зарубежных коллег [см., например, 2]).

В целом можно сказать, что теоретико-методологические основы исследования этих образцов скульптурной пластики к настоящему моменту находятся в процессе своего формирования. На наш взгляд, это следует из нескольких имманентно присущих им особенностей.

Во-первых, одной из основных функций мемориальных досок является историко-мемориальная, ведь с их помощью маркируются места, где пребывали выдающиеся люди или происходили исторические события [1, с. 49–50; 2, с. 148]. Согласно «Инструкции о порядке учета, обеспечения сохранности, содержания, использования и реставрации недвижимых памятников истории и культуры», которая была издана Министерством культуры СССР еще в 1986 г. и оставалась действующей (с изменениями) на территории Украины до 2013 г., наличие мемориальной доски являлась одним из важнейших элементов, подтверждающих принадлежность конкретного объекта к числу памятников истории [6]. То есть мемориальные доски с этой точки зрения выполняют хотя и важную, но все же вспомогательную функцию.

Во-вторых, мемориальные доски отличаются относительно небольшими линейными размерами: их наибольший параметр (ширина или высота – зависимо от ориентации) обычно не достигает и одного метра. Благодаря этому данные знаки коммеморации могут быть сравнительно несложно «вписаны» в окружающую архитектурную среду. Однако, в то же время, компактные размеры в ряде случаев негативно влияют на аттрактивность этих объектов, усложняют их выявление, каталогизацию и, как следствие, дальнейшее обобщение и изучение.

Третья характерная черта мемориальных досок непосредственно вытекает из предыдущей. Из-за небольших размеров стоимость установки этих объектов относительно невысока. Набор согласовательных процедур, которые необходимо пройти перед открытием доски, тоже сравнительно несложен. Это приводит к стремительному увеличению этих знаков коммеморации в пространстве украинских городов. Например, в Харькове за последние полвека наблюдалась следующая динамика появления новых мемориальных досок: 1970-е гг. – 5 единиц; 1980-е гг. – 24; 1990-е гг. – 42; 2000-е гг. – 107; 2010-е гг. – 271. В то же время, фактическое отсутствие контроля

за состоянием их сохранности приводит к тому, что мемориальные доски могут быть не только быстро установлены, но и так же быстро перенесены, повреждены или демонтированы.

Как видим, мемориальные доски являются весьма специфическими знаками коммеморации, функционирование которых в городском пространстве сопровождается целым рядом ограничений. Закономерно возникает вопрос о том, можно ли их считать такими, которые способствуют формированию образов города в глазах его жителей и гостей? Тем более, что в ряде случаев мемориальные доски устанавливаются на территории учреждений с режимом ограниченного доступа на территорию (промышленные предприятия, научно-исследовательские и проектно-конструкторские организации и т. д.), в связи с чем их, как правило, могут увидеть только сотрудники соответствующих учреждений или специально командированные туда люди.

На наш взгляд, все-таки можно. И это, опять-таки, следует из основных определяющих черт этих знаков коммеморации. В отличие от более крупных форм монументальной скульптуры (мемориальных комплексов, памятников, скульптурных групп и т. п.), решение об установке которых принимается органами центральной власти или местного самоуправления, мемориальные доски, как правило, представляют собой яркий пример инициативы снизу. Так, на протяжении практически всего XX в. в Украине инициаторами их установки выступали коллективы профильных предприятий и организаций или члены общественных объединений (в первую очередь, с 1966 г. – Украинского общества охраны памятников истории и культуры). В наше время инициатором установки мемориальной доски в Украине может стать любое физическое либо юридическое лицо.

Таким образом, в большинстве случаев, граждане города сами предлагают, где будет установлен новый памятный объект, что именно там будет написано и изображено (хотя итоговое решение остается за органами местного самоуправления). То есть две другие функции мемориальных досок: художественно-эстетическая и информационно-коммуникационная [1, с. 49–50; 2, с. 148], несут в себе не только следы эпохи, но и отражают эстетические предпочтения и мировоззренческие ориентиры представителей конкретного города или региона. Примечательно, что в конце XX – начале XXI вв. тексты некоторых мемориальных досок стали дополняться сведениями об инициаторах и заказчиках их установки. На наш взгляд, это дает основания говорить о том, что эти знаки коммеморации стали дополнительно выполнять функцию самопрезентации этих организаций в городском пространстве.

Мемориальные доски, как и любую другую совокупность элементов, можно систематизировать по целому ряду принципов: по времени установки, размеру, мемориалу изготовления и проч. Например, общепринятым является деление таких досок на внутренние (устанавливаются в интерьерах зданий и сооружений) и внешние (размещаются на фасадах зданий, которые выходят в сторону тротуара и проезжей части или реже – во двор).

Как правило, такие типологические схемы в большей мере ориентированы на «внешние» признаки объекта (адрес, авторство и т. д.), в то время как сущностная, содержательная часть мемориальных досок не всегда задействована. Предлагаем собственное видение возможных критериев их типологизации.

Так, по объекту увековечивания мемориальные доски можно разделить на «личностные» (укр. «особові») – посвященные выдающимся людям, и «событийные» (укр. «подієві») – открытые в честь исторических событий. Иногда также встречаются доски смешанного типа, установленные в честь какого-то знакового события, в котором принял участие определенный деятель.

По соотношению текстового и визуального компонентов предлагаем разделить доски на «текстовые», которые содержат только информационную надпись, и «изобразительные» (укр. «образотворчі»), на которых, кроме текста, имеются еще графические или рельефные изображения.

В свою очередь, «изобразительные» доски также можно подразделить по уровню художественной выразительности на три типа. Как показывают результаты современных психологических исследований, человеческому мозгу необходимо только 13 миллисекунд для обработки иллюстраций, причем они воспринимаются сразу как целостные образы, не требующие вербализации. Когда человек будет видеть одновременно текст и изображение, его мозг всегда в первую очередь будет интерпретировать изображение [12]. Соответственно, можно предположить, что от того, что именно изображено на мемориальной доске, зависит то, насколько быстро зритель сможет понять, в честь кого или чего она была открыта.

К первому типу мы предлагаем относить те мемориальные доски, где наряду с текстом размещен портрет человека без каких-либо отсылок к роду его деятельности или любых других профессиональных, личностных или иных характеристик. Увидев такой объект, можно сразу догадаться, что доска является «личностной», но для того, чтобы узнать больше информации про отмеченного с ее помощью деятеля, нужно будет прочесть текст.

Ко второму типу можно отнести доски, где нет портрета, зато присутствуют другие графические изображения: это может быть открытая книга (для писателей, преподавателей или ученых), образцы техники (для инженеров) и проч. Мемориальные доски такого типа позволяют зрителю быстро понять, с какой отраслью человеческой деятельности была связана их установка. Но чтобы понять, какая именно личность или событие были отмечены знаком коммеморации, требуется, опять-таки, обратиться к информационной надписи.

Наконец, у досок третьего типа визуальная составляющая включает как портрет увековеченной личности, так и знаки и символы, которые позволяют раскрыть ее качества, которые авторам доски кажутся существенными. Сюда же мы предлагаем относить и те мемориальные таблицы, где человек изображен в своей профессиональной «униформе» (шапочке и белом халате, мундире с погонами и проч.). На наш взгляд, объекты третьего типа являются наиболее аттрактивными, так как даже беглого взгляда на них будет достаточно, чтобы сделать умозаключение: с этим местом связана жизнь известного врача, военного деятеля и так далее.

Предложенная нами схема типологизации апробирована при написании подраздела готовящейся коллективной монографии, выполняемой в рамках международного научного проекта «Практики саморепрезентации многонациональных городов в индустриальную и постиндустриальную эпоху».

Смеем надеяться, что приведенные выше размышления будут полезны при подготовке дальнейших эмпирических и теоретических исследований в данной области.

1. Беседина, Е. А. «В этом здании жил и работал…»: мемориальные доски как образ исторической памяти / Е. А. Беседина, Т. В. Буркова // Искусство и зритель : сборник статей = Труды исторического факультета СПбГУ. – 2013. – С. 45–67.
2. Беседина, Е. Реализация коммеморативной и информационно-коммуникативной функций мемориальных досок в начале XXI века / Е. Беседина, Т. Буркова // Світогляд–Філософія–Релігія. – 2014. – Вип. 6. – С. 146–155.
3. Вовк, О. І. Меморіальні дошки Харкова, присвячені Другій світовій війні: хронологія, типологія, топографія / О. І. Вовк // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія «Історія». – 2020. – Вип. 57. – С. 281–300.
4. Долганов, П. С. Меморіальні таблиці у структурі символічного простору Рівного / П. С. Долганов // Intermarum: історія, політика, культура. – 2014. – № 1. – С. 41–50.
5. Єремєєв, П. В. Харківський університет у символічному просторі міста: меморіальні дошки Харкова // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія «Історія». – 2016. – Вип. 52. – С. 21–37.
6. Инструкция о порядке учета, обеспечения сохранности, содержания, использования и реставрации недвижимых памятников истории и культуры : утв. Министерством культуры СССР, 13 мая 1986 г. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/v0203400–86#Text. – Дата доступу: 15.03.2021.
7. Методичні рекомендації стосовно об'єктів нерухомого майна, права на які підлягають державній реєстрації : затв. Держ. реєстрац. служб. України, 11 грудня 2012 р. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: https://zakon.rada.gov.ua/rada/show/n0006835–12#Text. – Дата доступу: 15.03.2021.
8. Методичні рекомендації щодо визначення предмета охорони об'єктів монументального мистецтва : затв. Мін. культ. і тур. України, 2 листопада 2009 р. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: https://zakon.rada.gov.ua/rada/show/v0956655–09#Text. – Дата доступу: 15.03.2021.
9. Науковий проект «Практики саморепрезентації багатонаціональних міст в індустріальну і постіндустріальну добу» [Електронний ресурс]. – Режим доступу: https://cityface.org.ua/. – Дата доступу: 15.03.2021.
10. Скрижалі історії Харкова. – Т. 1 / О. І. Вовк [та ін.]. – Харків : Раритети України, 2020. – 400 с.
11. Скрижалі історії Харкова. – Т. 2 / Г. А. Бондаренко [та ін.]. – Харків : Раритети України, 2020. – 400 с.
12. Potter, M. C. Detecting meaning in RSVP at 13 ms per picture / M. C. Potter [et al.] // Attention, Perception, & Psychophysics. – 2014. – Vol. 76. – P. 270–279.

Омельченко Д. М.

ПЕРЕПЛЁТ В СТИЛЕ «ВЕНТАЛЬО» ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ИСПАНСКИХ ДВОРЯНСКИХ ГРАМОТ АКАДЕМИКА Н. П. ЛИХАЧЁВА: ПОПЫТКА «ПРОЧТЕНИЯ»

Грамоты об идальгии, или дворянские грамоты (carta ejecutoria de hidalguía) – судебные документы в Испании эпохи Габсбургов. Они выдавались специальной палатой Королевской канцелярии (Вальядолида или Гранады). Появление таких грамот было связано с тем, что в какой-то момент власти требовали от некоего человека уплаты налогов, а тот отказывался сделать это, ссылаясь на свой статус идальго. Доказывать своё дворянство приходилось через суд, где каждая из сторон приводила свои аргументы: показания свидетелей и документы.

В случае благоприятного для истца исхода судебной тяжбы канцелярия выдавала дворянину написанный каллиграфическим почерком документ. Он содержал подробное изложение хода судебного разбирательства, а в конце – подтверждение дворянского достоинства. Документ мог насчитывать более сотни листов, поэтому оформлялся в виде кодекса. Одним из признаков подлинности документа являлся шнур из цветных шёлковых нитей. Он проходил сквозь середину некоторых тетрадей и корешок переплёта, делая невозможным введение новых страниц и текста.

Оба конца шнура соединялись массивной свинцовой печатью с двусторонним оттиском, где изображался правящий монарх и его герб. Учитывая, что все листы были пергаменными, внутри содержались цветные миниатюры, а снаружи был кожаный переплёт, такой кодекс стоил дорого. В архиве канцелярии оставалась бумажная копия документа – уже без всяких украшений. Только в архиве Вальядолидской канцелярии таких бумажных экземпляров сохранилось более 30000. А вот богато оформленные грамоты разошлись по всему миру, осев не только в крупных архивах, но и в провинциальных музеях, частных коллекциях, у антикваров. Всё это в настоящий момент затрудняет их каталогизацию.

Выданный дворянину документ был рассчитан на длительное хранение и при этом являлся зримым доказательством принадлежности его владельца к высшему обществу. Этим объясняется использование в оформлении таких атрибутов престижа, как каллиграфия, пергамен и золотое тиснение кожаного переплёта.

Сложносоставной характер богато оформленных дворянских грамот делает их, по образному выражению испанской исследовательницы Элизы Руис Гарсия, «кладезем сведений» для самого широкого круга исследователей: архивистов, специалистов в области палеографии, генеалогии, геральдики, дипломатики, историков искусства, права, социологов [6].

В Западноевропейской секции Научно-исторического архива СПбИИ РАН хранится образец богато оформленной в стиле барокко грамоты из собрания академика Н. П. Лихачёва. Она была выдана жителям Бурго-де-Осма-Сьюдад-де-Осма (современная провинция Сория) братьям Алонсо и Франсиско де Карденья от имени испанского короля Филиппа IV (Колл. 13. Карт. 295. Е. х. 2). Процесс по их делу начался в 1625 г., завершился в 1628 г., а сама богато украшенная грамота была выдана братьям в 1630 г. Судя по записи в начале документа, за изготовление было заплачено 2300 мараведи. Рукопись содержит 110 пергаменных листов, две иллюстрации в полный лист. Каким образом эта грамота очутилась в собрании Н. П. Лихачёва, неизвестно.

Объектом нашего внимания станет лишь один аспект этого исторического источника – переплёт грамоты. Покровным материалом служит предположительно коровья кожа растительного дубления, натянутая на картон. Переплёт имеет прорехи, шёлковый шнурок, держащий сохранившуюся печать, порван, шёлковые завязки по углам переплёта утрачены, однако украшение обложки сохранилось почти полностью. Золотое тиснение на обеих переплётных крышках выполнено в одном из самых популярных в Испании того времени стилей. Он носит название «вентальо» или «веерный». Его характерной особенностью является расположенный по углам переплёта узор в виде раскрытых вееров. В данном случае «веера» раскрыты под углом 90°. В таком стиле в Испании украшались не только дворянские грамоты, но иногда и книги духовного содержания. Примечательно, что ещё одна хранящаяся в НИА СПбИИ РАН грамота из Вальядолида, датированная 1622 г., имеет переплёт в стиле испанского ренессанса и другой тип каллиграфии, но при этом миниатюры обеих грамот, по замечанию искусствоведа Е. Ю. Золотовой, происходят из одной мастерской [2, с. 319].

Появление «веерного» стиля в Испании принято связывать с влиянием французской придворной культуры, где веер в XVII в. постепенно становился модным дамским аксессуаром. Однако с тем же успехом «вентальо» можно связать со стилем «мудехар», который господствовал в Испании ещё в XVI в. Аналогии можно найти и за пределами стилей – в формах раковин морских моллюсков или географических объектах. Будучи весьма распространённым в декоре переплётов в Испании, Франции и Италии, «веерный» стиль всякий раз отличался в деталях. Даже в пределах одной переплётной мастерской комбинаций мотивов, сделанных теми же фигурными роликами и штампами, могло быть очень много. Раппорт, организующий симметрию (или ритм) декоративного пространства переплёта всякий раз – единственный в своём роде.

Попытаемся ответить на вопрос: проявлялась ли как-то воля заказчика в оформлении переплёта или орнамент был лишь данью моде и его можно рассматривать только в категориях эстетики?

В случае с переплётом грамоты братьев Карденья у исследователей есть возможность сопоставить его с несколькими другими, оформленными в стиле «вентальо» в конце 1620-х -1630-е гг. в той же вальядолидской мастерской: это грамоты Хуана де Рохаса (1628) [4], Доминго Ортиса де Баррона и Гвинея (1632) [5] и Франсиско Кальдерона (1635) [3]. У каждого из переплётов этих грамот обнаруживаются черты, общие с нашей грамотой: или кисти (стянутые узлом на одном конце пять нитей), или 32 арки центрального круга, или геральдические лилии, или фигура Богоматери, или элементы растительного орнамента.

Итак, рассмотрим детальнее украшения переплёта грамоты братьев Карденья. Центральное место в архитектонике декоративного пространства переплёта занимает заключённая в овал фигура Богородицы с Младенцем. В сравнении с другими элементами этот медальон невелик. Однако такое отношение величин вполне в духе барокко: активный декор часто как будто затмевал само

содержание сюжета. Как представляется, именно в этом медальоне – ключ к «прочтению» заложенного в декоре дворянской грамоты смысла.

Богоматерь в короне держит в левой руке Младенца и стоит на месяце, концы которого обращены вверх. Этот иконографический тип носит название «Мадонна Апокалипсиса», или «Жена, облечённая в солнце». Образ восходит к Откровению Иоанна Богослова (Откр. 12:1–17). Первоначально толкователи Апокалипсиса усматривали в Жене символ Церкви, её гонений, невзгод и последующего торжества. Но в XII-XIII вв. богословы и проповедники стали видеть в Жене Богородицу. Если брать более широкий контекст, то нельзя не вспомнить, что мариология была центральной темой в духовной культуре Испании рубежа XVI – XVII вв. Так, сугубо богословский вопрос о непорочном зачатии Девы Марии приобрёл политическую окраску, став составной частью идеологии Контрреформации и представлений об особой роли Испанской империи в истории христианского спасения.

И всё же в данном случае выбор медальона вряд ли связан с тем, что семья Карденья разделяла идею особой исторической миссии Испании. Или приверженность идеологии выражена здесь не столь прямолинейно. На первой иллюстрации внутри грамоты изображён святой Ильдефонс, епископ Толетский (ум. 667 г.) – один из самых почитаемых испанских святых. На миниатюре запечатлён рассказ Жития о том, как Дева Мария в награду за написанный епископом трактат о Её приснодевстве, вручила ему литургическое облачение.

В период Контрреформации культ Ильдефонса и его трактат о приснодевстве Марии приобрели особую популярность, а чудесное дарование одеяний стало одной из самых распространённых тем испанского религиозного искусства [1, с. 334]. В исследуемой дворянской грамоте выбор сюжета не кажется простой дань моде. Дело в том, что в честь святого был назван старший из братьев – Алонсо. Само содержание грамоты ничего не говорит об особенностях религиозности представителей семьи Карденья или их тесной связи с деятельностью религиозных орденов, бывших в авангарде Контрреформации. Однако выбор сюжета миниатюры и центрального медальона на переплёте совершенно очевидно связаны между собой, и связь их лежит в области личного благочестия. Возможно, эта связь имела выход на уровень имперской визуальной риторики, что могло бы придать грамоте ещё большую солидность. Во всяком случае, грамота была рассчитанная в том числе и на зрительное восприятие более широкого круга лиц, чем представители одной семьи. Поэтому предполагалось умение «считывать» заложенные в декоре смыслы.

Разумеется, не стоит искать в каждом элементе декора смысловую нагрузку: часто выбор мотива мог объясняться его выразительным архитектоническим началом. К тому же, поскольку художественное оформление грамот в Вальядолиде было поставлено на поток, унификация визуального языка была неизбежной. Скорее, декор может служить атрибутивным признаком. И в то же время отдельные элементы художественного оформление грамоты семьи Карденья дают замечательный пример эмблемы в её барочном смысле.

1. Зайцев, Д. В. Ильдефонс / Д. В. Зайцев, А. А. Королев // Православная энциклопедия. – Москва : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2009. – Т. 22. – С. 328–337.
2. Золотова, Е. Ю. Испанские дворянские грамоты XVI-XVII вв. из собрания Н. П. Лихачёва / Е. Ю. Золотова // Книжная миниатюра Западной Европы XII-XIX веков. Исследования и атрибуции. – Москва : [б. и.], 2019. – С. 307–319.
3. Carta ejecutoria de hidalguia de sangre en propiedad apedimjento de Francisco Calderon [Electronic resource] // Wikimedia Commons, the free media repository. – Mode of access: https://commons.wikimedia.org/wiki/File: Carta_ejecutoria_de_hidalguia_de_sangre_en_propiedad_apedimjento_de_Francisco_Calderon_-Manuscript_on_parchment-_-_Upper_cover_(Davis711).jpg. – Date of access: 15.03.2021.
4. Ejecutoria de nobleza del apellido Rojas [Electronic resource] //Todocoleccion – Compra venta y subasta de antiguedades, arte y coleccionismo. – Mode of access: https://en.todocoleccion.net/antique-manuscripts/ejecutoria-nobleza-apellido-rojas-gran-encuadernacion-1628–2-hojas-retrato-rey~x166017950#sobre_el_lote. – Date of access: 7.03.2021.
5. Joyas bibliográficas. Museo Lázaro Galdiano, 20 de julio al 8 de octubre de 2017 [Electronic resource] // PATRONS. – Mode of access: https://patrons.org.es/joyas-bibliograficas/. – Date of access: 15.03.2021.
6. Ruiz García, E. La carta ejecutoria de hidalguía: un espacio gráfico privilegiado [Electronic resource] / Ruiz García, E. // Dialnet. – Date of access: http://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=2688784. – Date of access: 2.03.2021.

Рубинина З. М.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФОТОДОКУМЕНТОВ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В данном докладе речь пойдет о некоторых проблемах использования фотодокументов в исторических исследованиях на примере исключительно российской науки.

Есть два основных способа использования фотодокументов в исследованиях: в качестве иллюстрации и /или в качестве исторического источника. Первый способ встречается намного чаще.

В 1990 г. в СССР были приняты «Правила издания исторических документов» [3], действительные в настоящее время на территории РФ. Отдельные разделы «Правил…» посвящены кино-

фотофонодокументам (далее КФФД). Безусловно, некоторые составляющие археографического описания, созданного в доцифровую эпоху, могут показаться излишними современному автору (цветность, масштаб). Не всегда возможно указать сведения о первой публикации фотодокумента. Но дело в том, что в большинстве случаев правила не соблюдаются в принципе. Даже в изданиях федеральных архивов. Проблема была поставлена на страницах профильного журнала «Отечественные архивы» известным российским архивоведом В. П. Козловым еще в 2015 г. [6] Но ситуация не меняется. Более того, сложившееся отношение к публикации фотодокументов проявляется не только в изданиях типографской формы, но в интенсивно пополняющихся цифровых архивах. [Например, 2] Далеко не всегда указываются такие важные для корректного представления фотодокумента данные, как: оригинальность, носитель информации, размер оригинала, степень полноты фотодокумента.

Отдельно следует выделить издания некоторых федеральных музеев РФ [Например, 1], где сохраняется традиция археографического описания фотографического изображения по примеру описаний произведений изобразительного искусства. Такие описания, созданные вне исторической науки, подробны и информативны. Но в настоящее время их можно назвать рудиментом, присущим в основном некоторым традиционным музеям.

Если таковы проблемы публикации фотодокументов в специальных изданиях (каталогах, альбомах, цифровых архивах и т. п.), то ситуация с изданиями неспециализированными (например, публикация фотографий в исторических исследованиях, что, впрочем, происходит не часто) еще печальнее. Очевидно, что публикуются иллюстрации к тексту исследования, а не документы. С их помощью автор может решать различные задачи. К примеру, представить основных деятелей исследуемой эпохи [Например, 13]. Или визуализировать реалии времени, описанные в тексте. [Например, 7] В подобных случаях фотодокумент становится вспомогательным материалом для историка, а не публикуемым источником. Излишне уточнять, что в таком случае публикуется он без атрибутов или с их минимальным набором.

При этом иллюстративная функция использования фотодокументов на протяжении десятилетий является основной формой их использования в российской исторической науке. [См. об этом: 8; 9] Между тем проблема информационной значимости фотографических изображений была поставлена еще в XIX столетии, равно как проблема фотодокументов как исторических источников уже в рамках советской исторической науки – в середине XX века. В настоящее время, наверное, никто не сомневается, что фотография является историческим источником, содержащим, в том числе, информацию, не дублируемую источниками письменными. Но дальше констатации этого факта дело двинулось мало. Достаточно упомянуть, что вплоть до сего дня, изобразительные источники в целом и фотодокументы, в частности, далеко не всегда входят в состав учебных пособий по источниковедению. На практике источниковедение фотодокументов в большинстве случаев сводится к небольшому числу работ (как правило, статей или докладов на конференциях), посвященных конкретным комплексам фотографий из различных собраний. [Например, 10; 11; 12] Такие публикации, несомненно, важны, но иные работы, посвященные источниковым особенностям фотографий определенного жанра / направления / периода, не появляются. Источниковые особенности фотодокументов в целом сформулированы В. М. Магидовым [8] в рамках, принятой в российском архивоведении, гиперсистемы КФФД. Это исследование, несомненно, значимо, но оно нуждается в продолжении. Потому что также важен, например, взгляд на источниковые особенности фотографии в контексте иных ее «родственных связей»: письменные источники, другие визуальные источники (кроме кино). А также вне иных видов / типов источников.

Источниковедение даже не фотографии, а КФФД – периферийное направление даже не истории, а именно архивоведения, состояние которого ярко проявляет значение этого вида источника в современной российской исторической науке. Несмотря на давнее признание информационной значимости, несмотря на «визуальный поворот», нельзя констатировать качественное изменение использования фотодокументов в исторических исследованиях. С одной стороны, возможно, это дело не столь далекого будущего. Об изобразительных источниках стали больше говорить, появляются / продолжаются специализированные курсы в некоторых вузах, периодически о них пишут в учебных пособиях [Например, 5] и т. д. С другой стороны, есть объективные причины тому, что фотография как исторический источник не играет роли, сравнимой хотя бы отчасти с письменными источниками.

Прежде всего, для корректной интерпретации фотографического изображения необходимо знание истории фотографии, поскольку любой фотокадр создан в рамках определенного периода технических возможностей фотографии, господства определенных подходов и направлений, модной тематики, не говоря уже об авторском взгляде фотографа, целях заказчика (если таковой есть), значении фотографии в определенных культурах / субкультурах и т. п. Иными словами, при анализе происхож-

дения фотодокументов в рамках специального источниковедческого исследования, необходимо исследование, как минимум, двух проблемных полей, одним из которых обязательно должна быть история фотографии. Более того, в ряде случаев недостаточно обращения к истории отечественной фотографии – нужны также тренды зарубежной фотографии. Так, советская индустриальная фотография 1920–1930-х гг. в равной степени является пресс-фотографией эпохи индустриализации и произведениями, характерными как по приемам съемки, так и по тематике для авангардной фотографии различных стран. Поэтому использование фотографии в неспециальных исследованиях – это либо серьезная дополнительная работа для автора, либо некорректная интерпретация источников, что соответствующим образом повлияет на исследование в целом.

Также без знания истории фотографии невозможно определить значение таких приемов создания / работы с фотографическим изображением, как использование ретуши и монтажа, а также постановочной фотографии. Появившись вместе / чуть позже фотографии, они являются ее важнейшими художественно-выразительными средствами, а постановочная фотография XIX в. была необходимым условием создания фотокадра. Тем не менее, в среде российских историков продолжает бытовать мнение о недостоверности постановочной фотографии и о ретуши и монтаже как средствах, прежде всего, фальсификации фотоснимка. В то время как популярное у историков вмешательство в фотоизображение с политическими целями – всего лишь частный и нечастый случай использования ретуши и монтажа. В противном случае следует причислить к фальсификациям всю портретную фотографию XIX и отчасти XX столетий, а также значительную часть произведений художественной фотографии. Отсутствие серьезного анализа этих сюжетов даже в специализированной литературе [Редкое и отрадное исключение: 4] приводит к тому, что указанные приемы не осознаются и не исследуются профессиональным сообществом как источниковые особенности фотографии по аналогии, например, с монтажом в кино. Результат – некорректная интерпретация фотодокументов и сохранение / умножение мифов вокруг фотографии.

Разумеется, иные источниковые особенности фотографии столь же мало изучены. Также необходимы специальные работы по классификации фотодокументов как исторических источников.

Другой серьезной причиной редкого и в большинстве случаев сугубо иллюстративного использования фотодокументов является недостаточная атрибуция российского фотографического наследия, аккумулированного в составе Архивного, Музейного и Библиотечного фондов РФ. Фотография в советское время не была аттрактивным памятником, приоритетным для архивистов / сотрудников музеев источником. Отчасти это положение сохраняется до сих пор: интерес к «старой» фотографии есть, но нет навыков ее исследования, поэтому ситуация меняется медленно. Тем более, фронт работ огромен, и быстрый результат невозможен в принципе. Для исследователя, который не работает непосредственно с фотографическими изображениями, использование документов с неустановленной датой / местом съемки, автором, без знания обстоятельств создания снимка (что принципиально важно для многих фотодокументов – прежде всего, для важного историкам фоторепортажа) может быть неприемлемым.

К слову, появление цифровых архивов выявило новую проблему в этой связи: у одного и того же фотодокумента, отложившегося в различных собраниях, могут быть два различных набора атрибутов, и не всегда можно установить, какой из них верен.

Таким образом, отсутствие традиции научной работы с фотодокументами в рамках российской исторической науки, та психологическая неподготовленность историков, о которой писал В. М. Магидов еще в начале 2000-х гг., [8] приводит к тому, что источниковедение фотографии и, как следствие, ее использование в исторических исследованиях развивается очень слабо. Это прямо влияет на подготовку будущих специалистов: если проблема не решается, нет результатов для учебных курсов и пособий. Ситуацию усугубляет необходимость знания истории фотографии и плохая атрибуция и изученность российского фотографического наследия. В связи с ростом интереса к изобразительным источникам в целом, возможно постепенное, неизбежно медленное изменение сложившейся ситуации, хотя узких мест на этом пути предостаточно.

1. Дагеротип в России. Собрание Исторического музея / сост. Т. Г. Сабурова. – М. : Исторический музей, 2014. – 456 с.
2. История России в фотографиях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://russiainphoto.ru/. – Дата доступа: 15.03.2021.
3. Правила издания исторических документов в СССР. – М. : [б. и.], 1990. – 186 с.
4. Алексеев, В. В. Проблема достоверности постановочных фото- и киносъемок // Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки : сборник статей. – М. : [б. и.], 2019. – С. 775–786.
5. Источниковедение : учебник для академического бакалавриата. / под ред. А. В. Сиренова. – М. : Юрайт, 2017. – 395 с.
6. Козлов, В. П. Публикации фотодокументов в 1990–2000-е гг.: археографический анализ // Отечественные архивы. – М. : [б. и.], 2015. – № 1. – С. 46–55.
7. Лебина, Н. Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы. Деструкция большого стиля. Ленинград. 1950–1960-е годы. / Н. Б. Лебина. – СПб. : Крига, 2021. – 560 с.
8. Магидов, В. М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания / В. М. Магидов. – М. : РГГУ, 2005. – 394 с.

9. Магидов, В. М. Кинофотодокументы как объект источниковедения (историография вопроса) / В. М. Магидов // Советские архивы. – М. : [б. и.], 1991. – № 4. – С. 32–33.
10. Молодцова, Н. В. Внедрение новых обрядов и праздников в середине 1960-х гг. : торжественная регистрация брака в Подмосковье по фотографиям из фондов Музейно-выставочного комплекса Московской области «Новый Иерусалим» / Н. В. Молодцова // Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей. – М. : [б. и.], 2019. – С. 391–397.
11. Тюнина, О. П. Фотоколлекция Юсуповых в Архангельском / О. П. Тюнина // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник, 1993. – М. : Наука, 1994. – С. 361–372.
12. Чертилина, М. А. Обзор фотодокументов личного архива зауряд-врача М. А. Латышева периода Первой Мировой войны из фонда Российского государственного архива кинофотодокументов / М. А. Чертилина // Вестник архивиста. – М. : [б. и.], 2014. – № 4. – С. 288–304.
13. Шубин, А. В. 1918 год. Революция, кровью умытая. / А. В. Шубин. – М. : Академический проект, 2019. – 598 с.

Хадарко Н. В.

ФАЛЬКЛОРНЫЯ ФОРМУЛЫ Ў МОВЕ ПАЛЕСКІХ КАЗАК

Казка – адзін з самых старажытных відаў вуснай народнай творчасці. Як адзначае К. П. Кабашнікаў, у казках захаваліся рэшткі анімістычных і тэмамічтычных уяўленняў, водгукі культу продкаў, на казках адчувальны ўплыў разнастайных відаў магіі, дахрысціянскіх і хрысціянскіх вераванняў. Казка звязанна з міфам адзінствам матэрыялаў, прыёмаў і схем, прычым схема казкі больш старажытная, чым міфа. Я. Ф. Карскі, адзначаючыважнае менсца казак сярод твораў народнай славеснасці рускага народа, выдзяляе беларускія казкі, якія па жывапісе і прыгожасці аповеду не маюць сабе роўных.

Нацыянальны характар беларускім казкам надае апісанне прыроды, абставін, пры якіх адбываюцца дзеянні, а таксама адлюстраваныя рысы беларусаў: глыбокая праўдзівасць, дабрыня, дабрадушнасць, спачуванне да нясчасных.

Своеасаблівымі фальклорнымі формуламі, ці фальклорнай фразеалогіяй, з'яўляюцца зачыны і канцоўкі казак. Навукоўцы І. Пачаі, І. І. Крук, Л. Ф. Станкевіч звяртаюць увагу на адрозненне казачных зачынаў ва ўсходнеславянскіх мовах. Так, для беларускіх казак характэрны зачын "жыў (жылі) сабе", "быў (былі) сабе"; для рускіх "жил –был (жили-были)"; для ўкраінскіх "жив", "був". Ужыванне іншых варыянтаў адпаведна ў беларускіх, рускіх, украінскіх казках сведчыць, мажліва, пра ўзаемаўплывы казачных традыцый або пра запазычванні.

Мэта нашай працы – скласіфікаваць зачыны і канцоўкі палескіх казак і вызначыць іх віды. Для аналізу выбраны зачыны і канцоўкі з народных казак, запісаных на Палессі А. К. Сержпутоўскім [1]:

Сярод зачынаў намі выдзелены наступныя віды:

а) сталы першаэлемент – дзеясловы "жыць" і "быць" у прошлым часе: Быў адзін музыка (Музыка і чэрці); Жыў сабе адзін чалавек (Хвароба над хваробамі); Жыў сабе каваль з каваліхаю (Каваль-багатыр); Жыў даўней адзін мудры цар (Чалавенчае воко); Жыў сабе адзін багаты чалавек (Бэч рыж); Жыў сабе адзін пан (Што майстар, та злодзей); Жылі сабе дзед да баба (Чорт і баба); Жыў сабе адзін вельмі цікавы пан (Кавальчукі і паніч); Была ў аднаго чалавека жонка вельмі языкатая (Калатня); Жыў сабе адзін светы чалавек (Светы чалавек);

б) акрэслінасць / неакресленасць месца казачнага дзеяння: Гэта было мо ўжэ за вашу памець от тут недалеко, кале Слуцька (Знаходка); У ямкось сельцы жыла старенькая баба (Шаптуха); У яком-тось царстве быў велікі голод (Каваль); У вадном царстве памёр цар (Петро велікі);

в) неакрэслінасць часу дзеяня – прыслоўе "даўно": Даўно тое было, як яшчэ сам Бог па землі хадзіў (Ілья і петро); Даўно, вельмі даўно гэта было (Як школу будавалі);

г) маральная формула "кажуць": Праўду людзі кажуць: не вер каню ў дарозе, а жонцы дома (Жонка); Праўду кажуць, што без ліха нема й дабра (Мудры Салімон); Людзі кажуць, колісь дак ге: гдзе балота, там і чорт (Палешукі і чорт);

д) формула "не ведаю": Калі тое было – не ведаю (Поп і пустэльнік); Не ведаю, там кажуць мо была й праўда (Скорам).

Прааналізаваныя палескія казкі падцвярджаюць назіранні даследчыкаў казак: пераважная большасць казак (васямнаццаць) пачынаецца зачынам "жыў (жылі) сабе", "быў (былі) сабе", адна – формулай "жылі-былі", чатыры – формулай "быў" і адна – "жыў".

Канцоўкі падзяляюцца на наступныя тэматычныя группы:

а) маральная сентэнцыя: От з тае пары чэрці й баятца Музыкі й больш не чапаюць (Музыка і чэрці); Дак от якіе жанкі (Жонка); От з тае пары годдзі дабівацьстарых людзей, а пачалі ім служыць, даглядаць іх да шанаваць (Стары бацько); І зажыў багаты з тае пары яшчэ лепш, як уперад, а бедны бедным так і астаўся (Бэч рыж)4

б) няўпэўненасць у праўдзівасці падзей: Моо й гэ. А ты як думаеш? (Хвароба над хваробамі); Мо ён там і цяпер яшчэ рарствуе (Чалавечае вока);

в) формула "казалі": Бо праўду казалі старыя людзі: людзей слухай а свій розум май і ні на кого не ўважай (Не вер ачом);

г) формула "жыць-пажываць": Вернуўся тагды ён да гаспады й давай ціхо жыць да пажываць да дабра нажываць, да да старэнькіх бацька з маткаю даглядаць да шанаваць (Каваль-багатыр).

Сярод прааналізаваных палескіх казак найбольшую группу складаюць канцоўкі з фальклорнымі формуламі "маральная сентэнцыя", што тлумачыцца мэтай канцоўкі – даць ацэнку падзеям, якія адбываюцца. Некаторыя з такіх канцовак з цягам часу ператварыліся ў крыказкі і прымаўкі, таму што тлумачаць паняцці пра дабро і зло, справядлівасць і несправядлівасць і інш.

Не зафіксаваны намі фінальныя формулы з абавязковым пазначэннем прысутнасці апавядальніка-казачніка (я там быў) і яго далучэння да падзей (еў-піў). Канцоўкі такога тыпу некаторыя даследчыкі звязваюць з дзейнасцю прафесійных казачнікаў, якія прынеслі ў казку "формулу аплаты".

1. Сержпутоўскі, А. К. Казкі і апавяданні беларусаў Слуцкага павета / А. К. Сержпутоўскі. – Мінск : Універсітэцкае, 2000. – 270 с.

Воднева И. П.

УСТНАЯ ИСТОРИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ОТ ПЕРВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ДО СОЗДАНИЯ ЦЕНТРОВ

Устная история сегодня является одним из актуальных направлений гуманитаристики. Она позволяет взглянуть на прошлое человечества под другим углом. Сам термин «устная история» появился относительно недавно, но его возникновение имеет более глубокие корни. По существу, устная история возникла одновременно с историей, как таковой, и была её первой разновидностью [5]. Однако как историографическая и методологическая практика устная история оформилась только в середине XX в. И хотя по-прежнему ряд вопросов, связанных с оценкой исторической ценности устных свидетельств, остаётся весьма спорным, устные свидетельства индивида являются не только источником индивидуальной, но и общей культурной памяти.

Обращение к устной истории на постсоветском пространстве произошло лишь на рубеже 1980–1990-х гг. и было сопряжено с кардинальными изменениями в государстве и обществе. Перестройка и гласность раскрепостили и научное познание, и историческую память народов СССР [6]. Исследователь Т. К. Щеглова, занимающаяся изучением теории и практики в сфере устной истории с опорой на полевой опыт, выделяет 3 ступени развития устной истории в России, что в принципе характерно и для других бывших советских республик. С 1985 по 1990-е гг. были активно исследованы процессы раскулачивания, диссидентства, репрессий, этнической депортации и другие запретные темы советского времени. В те годы при РГГУ была открыта первая в России Лаборатория устной истории под руководством Д. Н. Хубовой. Члены лаборатории уже с начала 1990-х гг. хорошо освоили зарубежный опыт oral history и признавали устную историю важным методом по созданию новых исторических документов [8].

На первой ступени развития устной истории значительный вклад в поиск носителей исторической памяти внесла московская организация «Мемориал». Результатом её работы стало создание в 1989 г. исторического архива на основе документов о государственном терроре и его жертвах, о сопротивлении режиму и трудной повседневной жизни советских людей.

Следующей ступенью в развитии устной истории в России стало создание в 1990–2010 гг. региональных центров и лабораторий. Первым в российской историографии, кто обратился с помощью устной истории к исторической памяти крестьянства, стал Центр устной истории и этнографии, созданный в 1990 г. Т. К. Щегловой на базе Алтайского государственного педагогического университета. Широко востребованным в научно-преподавательском сообществе стало учебное пособие для студентов высших учебных заведений «Устная история» (2010). Т. К. Щеглова и сегодня выступает инициатором проведения ряда научных форумов, которые собирают не только российских исследователей, но и учёных из разных республик бывшего СССР [2].

Ещё одним крупным региональным центром устной истории в России является кафедра истории и методики Иркутского государственного университета, при которой существует Архив устной истории Байкальской Сибири. Его начало было положено ещё 2005 г. За 15 лет полевой деятельности учёными были собраны коллекции уникальных рассказов респондентов 1917–1990-х гг., связанные с историей повседневности и крестьянства в период государственно-партийных кампаний в Байкальской Сибири [3].

Особую роль по сбору материалов устной истории сыграл в России также Центр устной истории Европейского университета Санкт-Петербурга, созданный в 2001 г. при поддержке института «Открытое общество» (фонд Сороса) и Центра устной истории Университета Индианы (США). Одним из ведущих исследователей в нём стала Е. А. Мельникова. Её курс «Историческая память: источники и методы» имел практическую направленность. На основе реализованных исследовательских проектов Центра был создан архив устных материалов. Для развития устной истории в Российской Федерации большое значение имела методическая и методологическая работа ещё одного сотрудника Центра Европейского университета Санкт-Петербурга М. В. Лоскутовой, которая занималась вопросами выявления принципов, методов и проблем устной истории, подготовки и техники проведения исторического интервью, проблемами интерпретации и научно-технической обработки данных [6].

В 2010-е гг. работа по сбору устноисторических источников в России продолжилась. Отличием развития на этой ступеньке стала антропологизация истории и исторических дисциплин, в результате чего устная история стала важным инструментом в социогуманитарных исследованиях и как метод, и как источник [8]. Сегодня большинство российских устных историков, также как и специалисты сопряжённых гуманитарных областей, продолжают пополнять свои архивы, уделяя при этом много внимания и теоретико-концептуальным, и технолого-методическим аспектам деятельности. Сегодня также ведущее место занимают центры устной истории, созданные при вузах Челябинска, Воронежа, Петрозаводска, Перми и др. [8].

На постсоветском пространстве изучением прошлого методом устной истории активно занимаются и в Украине. Впервые устная история заявила о себе там в 1994 г., когда состоялась международная конференция «Метолодогия и методы устной истории – рассказы о жизни в социологии». В последующие годы обращение к устной истории значительно активизировалось, увеличилось тематическое разнообразие и партнёрская деятельность. Итогом кропотливой работы украинской журналистки Г. Дацюк, а также исследователей из других бывших союзных республик, стал выход в 2003 г. книги «Устные женские истории. Возвращение», в которой авторы показали бурные события XX в. через биографические рассказы его современников. В 2004 г. была напечатана работа Г. Г. Гринченко «Невыдуманное. Устные истории остарбайтеров», в которой представлены материалы о принудительном труде сотен украинцев в Германии в годы Второй мировой войны. В то же время был реализован большой общегосударственный проект «Украина XX столетия в памяти женщин» под руководством О. Кись, в рамках которого было записано 30 биографических интервью с женщинами старшего возраста из Львова, Харькова и Симферополя, а также осуществлён междисциплинарный анализ женских биографий. С 2006 г. в Украине осуществляется международный проект «Книга памяти бывших узников концлагеля Дахау». Особенностью данного проекта стало его педагогическое направление. В записи интервью и их транскрибации приняли активное участие студенты и школьники старших классов из 7 украинских городов. В 2007 г. был запущен масштабный проект «Устная история деколлективизации в Украине 1990-х гг. : крестьянский быт», координатором которого стала Н. Ханенко-Фризен. Несмотря на проведение в Украине масштабных общегосударственных с международным участием проектов в области устной истории, большинство из них ещё не вышли на уровень интерпретаций публикаций и собранных материалов, однако при этом они существенно стимулируют развитие современного направления исторической науки [4].

В Беларуси устная история пока также не стала приоритетным направлением в области исторических исследований. В период существования БССР метод устной истории использовали в основном литераторы. В 1979 г. на основе воспоминаний очевидцев реальных событий вышла книга А. Адамовича, В. Колесника, Я. Бриля «Я из огненной деревни». В ней авторы представили рассказы более 300-х непосредственных свидетелей трагедии Хатыни, собранные у очевидцев событий в первой половине 1970-х гг. [1]. В 1985 г. широкому кругу читателей была представлена документально-очерковая книга С. Алексиевич «У войны не женское лицо», в которой автор собрала воспоминания женщин, переживших Великую Отечественную войну. В 1985 г. вышла ещё одна книга этого же автора под названием «Последние свидетели», где собраны рассказы детей, ставших непосредственными участниками военных событий. В 1989 г. С. Алексиевич издаёт книгу «Цинковые мальчики», куда вошли рассказы матерей и жён, потерявших своих сыновей и мужей в годы Афганской войны, а также воспоминания солдат и офицеров.

В рамках сбора материалов устной истории можно выделить проект «Исследование повседневных адаптивных практик в трансформирующемся социуме (воспоминания жителей западно-белорусского местечка о жизни «в польское время» и при «советах»), который был реализован в 2000-е гг. научным сотрудником Института истории НАН И. Н. Романовой и доцентом БГУ И. С. Маховской. Также в БГУ при кафедре источниковедения работает Белорусско-германская историческая мастерская, которую возглавляет К. И. Козак. Деятельность данной организации проходит

в рамках совместного белорусско-германского проекта «Связь поколений». Результатом активной поисковой работы стал выход сборников материалов международных конференций «Беларусь ў выпрабаваннях Вялікай Айчыннай вайны», «Лагер смерці Трасцянец 1941 – 1944 гг. » и «Жанчыны ў Другой сусветнай вайне: гісторыя барацьбы і выжывання» [1]. Большая работа по накоплению, обработке и введению в научное обращение источников по устной истории проводится в рамках совместного белорусско-германского проекта «Историческая мастерская в Минске» под руководством И. Кашталян. В рамках проекта в 2011 г. в интернет пространстве был создан «Белорусский архив устной истории», главной целью которого является сохранение исторической памяти через проведение устно-исторических исследований и архивное сохранение воспоминаний участников событий XX в. Научным руководителем онлайн-проекта выступил А. Ф. Смоленчук. В 2013 г. он издал книгу «Беларуская гісторыя: знайсці чалавека», в которой были затронуты проблемы истории повседневности, биографистики, устной истории. В соавторстве с О. Ивановой в 2019 г. А. Ф. Смоленчук издал ещё одну книгу «За першымі саветамі: польска-беларускае памежжа 1939–1941 гг. у вусных успамінах жыхароў Беларусі». В 2015 г. при непосредственном участии мастерской был издан сборник материалов международной конференции «Восень 1939 г. у гістарычных традыцыях і вуснай гісторыі», а в 2019 г. – сборник материалов международной конференции «Чернобыльская авария и общество: 30 лет после катастрофы».

Работу по сбору материалов устной истории в 2013–2015 гг. проводил и ГрГУ им. Янки Купалы. В рамках международного проекта был создан Виртуальный центр устной истории, целью которого стало повышение общественного сознания, связанного с охраной совместного историко-культурного наследия трансграничной территории Латвии и Беларуси. По итогам работы начал действовать и виртуальный музей устной истории, куда вошло более 200 видео- и аудиозаписей воспоминаний ветеранов войны, проживающих на территориях Гродненской и Витебской областей Беларуси, а также в Латгалии (Латвия), непосредственных участников послевоенного восстановления хозяйства.

В феврале 2019 г. Центр устной истории и полевых исследований появился и в Полоцком государственном университете. Своей главной целью он ставит развитие профильных направлений в сфере изучения истории и этнокультурной специфики Белорусского Подвинья. Одним из перспективных ракурсов этнической культуры жителей Подвинья, которым занялись исследователи Центра, стало изучение культуры жизнеобеспечения белорусской деревни в период Великой Отечественной войны и послевоенное восстановление хозяйства. Материалы устной истории способствуют пониманию динамики рассматриваемой проблемы и зафиксируют полную картину, созданную коллективной памятью населения. Центр активно сотрудничает с исследователями из Даугавпилса (Латвия), которые имеют значительный опыт в фиксации, документировании и архивировании источников устной истории [7, с. 300].

Сбором материалов устной истории активно занимается и Краеведческий музей Полоцка. Воспоминания Почётных граждан г. Полоцка второй пол. XX в., их родных и близких, были использованы при создании одноимённой стационарной выставки, открытой в 2016 г. В последующие годы научные сотрудники музея продолжили запись интервью, сбор ауди-, видео и фотодокументов. Разработаны и введены в практическое использование тематические карты для изучения жизни и деятельности Почётных граждан г. Полоцка. Материалы устной истории активно используются и во внеурочной деятельности учреждений образования города и района. Богатый фактический материал, собранный музейщиками, востребован и при написании ученических исследовательских работ краеведческой направленности.

Таким образом, устная история, появившись в зарубежной исследовательской практике ещё 1940-е гг., на постсоветском пространстве пока ещё находится в роли утверждающегося направления исторических исследований. Пройдя путь от отрицания и жестокой критики во второй половине 1980-х – 1990 е гг. и до широкого использования в 2010-е гг., устная история сегодня востребована не только исследователями-историками, но и представителями других социогуманитарных наук.

1. Васюк, Г. В. Перспективы устной истории в Беларуси [Электронный ресурс] / Г. В. Васюк. – Режим доступа: https://elib.grsu.by/katalog/165233-363433.pdf. – Дата доступа: 2.08.2020.
2. Дёмин, М. А. Т. К. Щеглова: исследования в области истории Сибири и Центральной Азии, этнографии и устной истории [Электронный ресурс] / М. А. Дёмин. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35156135. – Дата доступа: 10.03.2021.
3. Занданова, Л. В. Архив устной истории Байкальской Сибири: из опыта работы [Электронный ресурс] / Л. В. Занданова, Л. М. Салахова. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24884782_31054971.pdf. – Дата доступа: 11.03.2021.
4. Пастушенко, Т. В. Устноисторические проекты на Украине: изменение традиционных исследовательских перспектив [Электронный ресурс] / Т. В. Пастушенко. – Режим доступа: https://docpiayer.ru/36095978. – Дата доступа: 1.03.2021.

5. Рафалюк, С. Ю. Источниковедение новой и новейшей истории [Электронный ресурс] / С. Ю. Рафалюк. – Режим доступа: https://history.wikireading.ru/389351. – Дата доступа: 2.09.2020.
6. Ростовцев, Е. А. Российская наука об устной истории [Электронный ресурс] / Е. А. Ростовцев. – Режим доступа: https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.213. – Дата доступа: 1.03.2021.
7. Сумко, А. В. Новыя напрамкі рэгіянальнага краязнаўства ў Полацкім дзяржаўным універсітэце / А. В. Сумко // Першы Рэспубліканскі краязнаўчы форум Беларусі ў рамках Года малой Радзімы : зб. мат-ў. : у 2 т. – Т. 1 / укл.: П. М. Сапоцька, Ю. В. Юшкевіч ; рэдкал.: А. М. Карлюкевіч (старшыня) [і інш.]. – Мінск : Чатыры чвэрці, 2020. – 592 с. – С. 298–302.
8. Щеглова, Т. К. Устная история в российском историографическом пространстве 1990–2010-х гг.: вызовы, достижения и риски [Электронный ресурс] / Т. К. Щеглова. – Режим доступа: http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-5-01.pdf. – Дата доступа: 1.03.2021.

Юмашева Ю. Ю.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ АУДИОВИЗУАЛЬНЫХ АРХИВОВ: ПРОБЛЕМЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРАКТИКЕ

Революционные изменения, которые переживает человечество на пути к глобальному информационному обществу, оказывают существенное влияние на гуманитарную сферу.

Три составляющих цифровой трансформации – оцифровка, поиск новых исследовательских инструментов на базе цифровых технологий и изменение принципов организации и управления информационными ресурсами – отчетливо заметны в ходе анализа изменений, происходящих в архивно-библиотечно-музейной сферах.

Очевидно, что внедрение методов перевода информации в электронный вид, развитие технологий ее представления в электронной среде, а затем возникновение возможности организации публичного удаленного доступа к созданным информационным ресурсам, стали своеобразным спусковым крючком для начала «цифровой гонки вооружений» в этих областях. Первым «выстрелом» в череде перечисленных процессов стала оцифровка – как «процесс представления в цифровой форме данных, не являющихся дискретными [1]».

В результате применения такой понимания термина хронологические рамки «цифровой трансформации» применительно к аудиовизуальной документации сдвигаются к середине 1980-х гг., к первым опытам оцифровки статичных документов на прозрачных (пленочных) носителях с помощью проекционных сканеров, а фоноваликов (восковых цилиндров) – с помощью археофона. К середине 1990-х эти процессы приобрели массовый характер, вовлекая в оцифровку все более разнообразные комплексы документов, а с 2000-х гг. – стали обязательным направлением деятельности всех фондодержателей.

Подтверждением этого тезиса являются статистические данные об изученных информационных ресурсах, коллекция которых формировалась автором на протяжении последних 18 лет [2]. Так, на сегодняшний момент созданием аудиовизуальных ресурсов на основе перевода в электронный вид аудиовизуальной информации занимаются в 68 странах мира более 560 различных организаций. Всего же по состоянию на 01.10.2020 г. было выявлено более 3,5 тыс. информационных ресурсов, представленных в сети Интернет и основанных на электронных копиях аудиовизуальных документов, хранящихся в архивах, музеях и библиотеках. Количество подобных ресурсов растет с каждым днем, чему способствовали и события последних полутора лет, связанные с пандемией.

В целом положительно оценивая взрывной характер появления информационных ресурсов на основе копий аудиовизуальной документации и отмечая определенную недостаточность объемов оцифрованной информации для осуществления хотя бы первого этапа любого исследования – поиска и выявления документов, – особенно ощущающихся в условиях пандемии, следует отметить некоторые негативные тенденции, связанные с созданием электронных каталогов и копий аудиовизуальной документации.

1. За почти 35-летнюю историю сканирования аудиовизуальных документов не были разработаны единые методы их оцифровки, не выбраны единые форматы хранения электронной информации, что приводит к невозможности адекватного сравнения электронных копий, созданных разными фондодержателями, и проведения аналитических процедур, в том числе с использованием современных компьютерных методов.

2. Возрастание количества оцифрованной информации ставит вопрос о формах ее представления. В середине 1990-х стали издаваться каталоги собраний на CD-дисках, а с появлением и развитием всемирной путины возникли разные формы публикации электронных копий документов (аудиовизуальных в том числе) в сети Интернет. В настоящее время в Интернет сосуществуют фото-, кино и аудиокаталоги коммерческих структур; специализированные электронные архивные порталы; каталоги крупнейших фондодержателей, в которых аудиовизуальная информация является одним из многочисленных видов представленных документов; тематические и мемориальные ресурсы, интер-

нет-выставки и экспозиции, публикации результатов научных проектов, базы данных, персональные «авторские» сайты, блоги, страницы и т. п., на которых представлены электронные копии аудиовизуальной информации.

Такое разнообразие форм и видов публикаций, а также легкость и бесконтрольность создания «электронных копий с электронных копий» с целью их размещения на «собственных» ресурсах, приводит к возникновению серьезных проблем источниковедческого характера.

Первой из них является проблема множественных повторов информации, не дающая возможности установить владельца «твердого» оригинала, физическую природу этого оригинала (особенно для фотодокументов – отпечаток? негатив? позитив?), место первой публикации электронной копии.

Вторая заключается в невозможности определить степень адекватности электронной копии оригиналу, в том числе из-за незнания авторитета автора публикации, уровня ее научности. Впервые эта проблема была сформулирована еще в 1996 г. в выступлении Дж. Веллинга на XI Международной конференции Association for «History and Computing», где он выразился вполне определенно: « [В интернет] практически невозможно проверить качество информации; каждый идиот может выставить то, что он (она) хочет [3, с. 11]».

К сожалению, создаваемые в настоящее время на основе массовой оцифровки без реализации процедур аутентификации подлинности оригиналов информационные ресурсы несут на себе печать всех нерешенных проблем, которые являются «побочным эффектом» перевода архивных документов в цифровой вид (полнота, достоверность и т. п.). Поэтому они могут рассматриваться исключительно в качестве ознакомительных материалов, а не как полноценная замена исторических источников.

Некоторой, весьма ненадежной (поскольку архивы и музеи хранят и подлинники, и подделки и фальшаки, что требует обязательного указания на подлинность в описании), гарантией качества информационных ресурсов может выступать лишь авторитет организации, создающей электронные копии на основе хранящихся у нее документов, и публикующей их в сети [4].

Третья – в отсутствии полного археографического описания подлинника документа и электронной копии [5]. На эту тему писалось уже довольно много, однако, понимая всю сложность ее решения, публикаторы не торопятся ее решать. К тому же, следует отметить, что авторы информационных ресурсов, как правило, ограничиваются публикацией электронной копии документа без публикации сопроводительной документации к нему, что еще больше затрудняет осуществление источниковедческой критики.

Четвертая – в огромном количестве «информационного мусора», засоряющего сеть. К сожалению, наличие «вторичных» с точки зрения факта публикации электронной копии ресурсов усложняет выявление «первоисточника», поскольку большинство поисковых процедур в сети Интернет настроено на отражение результатов поискового запроса по критериям релевантности или частоты обращений к данному ресурсу, которым «первоисточник» может не соответствовать.

И, наконец, *пятая* – в вале самых разнообразных подделок, появление которых мотивировано незамкнутостью технологического цикла и простотой оцифровки, отсутствием точных и полных описаний, а также огромными объемами уже оцифрованной информации, в которых крайне сложно выявить подделку, и, к сожалению, политическим заказом, реализуемым ныне в виде «войны фейков».

3. Следующая негативная тенденция кроется в проблемах авторского права и интеллектуальной собственности. Она касается не только подлинников архивных аудиовизуальных материалов, защищенных авторским правом, оцифровка которых отложена до истечения срока действия авторского право, но и самих разработанных информационных ресурсов и опубликованных на них электронных копий, которые в отсутствие единых стандартов и методов оцифровки сами становятся объектами авторского права и интеллектуальной собственности. К сожалению, несмотря на ширящееся движение по организации «Открытого доступа» (Open Access) и отслеживанию произведений, переходящих в общественное достояние (The Public Domain), эти вопросы не только не находят своего юридического разрешения на уровне Всемирной организации интеллектуальной собственности (WIPO) [6], а, напротив, усугубляются в законодательстве и нормативной базе отдельных стран (например, в серии ГОСТов «Интеллектуальная собственность», разработанных и принятых в РФ.

Эта проблема является основной причиной ограничений доступа к уже оцифрованным и отрекламированным в сети аудиовизуальным архивам и коллекциям, и выражается, прежде всего, в платности оказания услуг доступа к цифровым ресурсам.

4. Еще одна тенденция связана с хранением и обслуживанием электронной информации. Не секрет, что файлы аудиовизуальной информации значительны по размерам, что создает определенные сложности при их хранении, миграции и конвертации [7]. По подсчетам специалистов Harvard

University Library годовая стоимость хранения и обслуживания 9, 5 Гб информации составляет около 143 тыс. долл. США, и, к сожалению, способов ее снижения не найдено. Эта финансовая проблема существенно тормозит процессы оцифровки, создания информационных ресурсов на основе аудиовизуальной документации и представления этих коллекций в сети.

5. Следующая проблема выражается в небольшом (на сегодняшний день) количестве удачных попыток разработки новых методов исследования электронных копий аудиовизуальной документации, что, с одной стороны, может быть объяснено спецификой самих видов источников, требующих наличия специальной подготовки у исследователей, а с другой – «болезнью роста», в ходе которой идет внутренний процесс разработки и апробации инструментария.

Примеры осуществленных исследовательских проектов наглядно демонстрируют два обозначившихся подхода к выработке научного инструментария. Первый заключается в попытках переноса и адаптации к цифровой среде традиционных методов изучения аудиовизуальных документов. Второй – в применении полидисциплинарного подхода, т. е. в привлечении методов и методик самого широкого спектра гуманитарных и естественнонаучных дисциплин для решения поставленных исследователями задач. Представляется, что существенные успехи в вопросе создания нового инструментария проявятся на стыке двух этих подходов, т. е. при сохранении и реализации в электронной среде традиционных методов исследования и дополнении их современными методиками из сопредельных дисциплин.

Вместе с тем, сам факт существования большого количества аудиовизуальных архивов и коллекций, представленных онлайн, свидетельствует о том, что многие проблемы и вопросы могут быть решены или преодолены в самом ближайшем будущем, что создаст возможность полноценного доступа и использования аудиовизуальной информации в исследовательских целях.

1. Информационная технология. Электронный обмен информацией. Термины и определения : ГОСТ Р 52292–2004.
2. Юмашева, Ю. Ю. Цифровая трансформация аудиовизуальных архивов. Аудиовизуальные архивы онлайн: монография / Ю. Ю. Юмашева. – Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2020. – 600 с.
3. Веллинг, Дж. История на интернете // Информационный бюллетень АИК. – 1996. – Ноябрь. – № 19. – С. 53–55.
4. Chassanoff, A. Historians and the Use of Primary Source Materials in the Digital Age / A. Chassanoff // The American Archivist. – Fall /Winter 2013. – Vol. 76. – No. 2. – P. 458–480.
5. Юмашева, Ю. Ю. Источниковедческие проблемы представления исторических источников в электронной среде // Вестник МГУ. Серия 8. История. – 2014. – № 6. – С. 18–36.
6. Исключения из авторского права для архивов: типологический анализ. Документ подготовлен доктором юриспруденции, кандидатом наук Кеннетом Д. Крузом [Электронный ресурс] // Постоянный комитет по авторскому праву и смежным правам. Тридцать девятая сессия Женева, 21–25 октября 2019 г. – Mode of access: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/copyright/ru/sccr_39/sccr_39_5.pdf. Дата обращения: 01. 03. 2021.
7. Bushey, J. Investigating Sites of Power: Audiovisual Archives and Social Media Platforms / J. Bushey // Photographic Powers. – Helsinki Photomedia, 2014. – Pp. 264–286.

Любовець Н. І.

МЕМУАРИ В ЕПОХУ DIGITAL HUMANITIES (DH): ЛОКАЛЬНИЙ ВИМІР

Кардинальні зміни в сучасній гуманітаристиці обумовили появу нових наукових напрямів та запровадження новітніх наукових практик /методик, які значно збагатили українську історіографію та історичне джерелознавство. Сучасні наукові розвідки все більше зосереджуються на культурологічних аспектах історичного процесу, які активно досліджуються в рамках історії повсякдення, усної, локальної, візуально та соціальної історії, мікроісторії, історії довкілля тощо. Ці зміни засвідчили прагнення до вивчення людини та її соціального оточення, що довгий час залишалося обабіч наукових досліджень.

Мемуари розглядаємо у трьох вимірах : як історико-біографічне джерело, культурно-історичний феномен та інформаційний ресурс для суспільного комунікування. Особливої ролі в сучасному глобалізованому світі мемуари набувають як унікальний інформаційно-комунікативний ресурс прикметою якого є здатність зберігати та передавати інформацію про минулі події, узагальнюючи індивідуальний досвід автора, впливати на формування особистості, індивідуальної та колективної історичної пам'яті, надавати імпульс для самореалізації та саморозвитку через засвоєння досвіду Іншого.

Найбільші зміни в контексті розвитку сучасної мемуарної традиції спричинили новітні наукові практики, які активно розвиваються в Україні в рамках усної історії та локальної історії. Останні переорієнтували історичні дослідження з часу на простір. Адже довгий час в системі «час – простір», де обидві її частини найтісніше взаємопов'язані, «… простору довго «не щастило», і не лише в історичних дослідженнях» [1, с. 9]. Вивчення *простору* в рамках локальної історії дає можливість отримати відповідь на питання не лише що і коли відбувалося, а де й чому.

Застосування методу інтерв'ю, яким послуговуються дослідники усної та локальної історії, призвело до актуалізації в к. XX на поч. XXI ст. мемуарного жанру – спогаду-інтерв'ю, що спричинило небувалий ріст інтересу до нього та *творення* великої кількості нових усноісторичних джерел, які за інших обставин не з'явились би, що стало свідченням кардинальних змін в сучасній вітчизняній мемуарній традиції та історичному джерелознавстві [2, с. 178].

Значного впливу мемуарний наратив зазнав і в контексті виникнення нового наукового напряму – цифрової гуманітаристики (DH, Digital Humanities, e-Humanities, e-Science, e-History, цифрові гуманітарні науки) – міждисциплінарної галузі досліджень, що об'єднує методики і практики гуманітарних, соціальних і обчислювальних наук та сприяє ефективному використанню цифрових ресурсів у гуманітарних і соціокультурних дослідженнях та освіті, особливо в частині розширення зони їх побутування та форм репрезентації [3]. Розвиток Digital Humanities спричинив інтерес до мемуарів як унікального контентного ресурсу, який спонукає до діалогу у суспільстві.

Потенційність використання здобутків DH вбачається в розширенні зони побутування мемуарів в інформаційно-комунікативному просторі, новими формами репрезентації та колом учасників. Окремі цифрові проекти можуть створюватися будь ким (не лише державними установи та науковцями, а й усіма охочими) і будь де (незалежно від локації) при наявності чіткої мотивації та зацікавлених учасників в рамках громадської ініціативи. Інструментарій DH, а саме можливість створення окремих цифрових проектів, дозволяє використовувати мемуари різних жанрів, що представлені у форматі аудіо-, відео- записів, фотопроектів, документальних фільмів, ілюстрацій, картин. Останнє відбувається в рамках візуалізації історії як нового наукового напряму, що на відміну від історії факту створює довкола події /особи світ образів.

Використання технічних та технологічних можливостей Digital Humanities передбачає можливість залучення для наукових досліджень, в подальшому – для широкого читацького загалу матеріалів у форматах: аудіо– та відеозаписів, які дозволяють відтворити голос особи, її зовнішній вигляд; 3D моделювання (тривимірна модель), яке відтворює віртуальний світ особи; елементів картографування (аналіз мережевих зв'язків), що допомагають з'ясувати й відтворити майже будь-які контакти особи. Застосування методів візуалізації надають дослідникові можливість представляти соціальну історію в цілому та індивідуальний досвід, викладений у мемуарах, зокрема, у вигляді образів, які, в свою чергу, більш ефективно впливають на свідомість читача та актуалізують інтелектуальне сприйняття дійсності. Саме тому візуалізація історії «…стає одним з найбільш дієвих способів репрезентації смислів та ідей, причому особливої актуальності візуальні репрезентації набувають в останні десятиріччя» [4, с. 7]. Адже, вивчаючи інтонації, манеру говорити особи, її зовнішній вигляд та коло спілкування набагато легше сформувати своє сприйняття та ставлення до неї та створити «свій, людський образ».

Розглянемо декілька прикладів створення цифрових проектів, основою яких стали мемуари у жанрі спогаду-інтерв'ю. Завдяки ініціативі громадськості в роки незалежності України було створено декілька цифрових проектів з мемуарною складовою. Зокрема, ресурси: «Мислене древо» (лінк – https: //www. myslenedrevo. com. ua /), «Diasporiana» (лінк – https: //diasporiana. org. ua /category /memuari /), «Дисидентський рух в Україні» (лінк – http: //archive. khpg. org /) [5; 6] та ін., які базуються на поданні матеріалів в класичних форматах – тексту мемуарів, бібліографічних записів. Паралельно створювалися цифрові проекти з ініціативи держави та при підтримці громадськості – зокрема проект «Майдан: Усна історія» Українського інституту національної пам'яті, який функціонує на загальнодержавному рівні та відіграє важливу роль у справі формування культурно-історичної пам'яті, національної ідентичності із задіянням наукового інструментарію DH, зокрема – напряму візуальної історії (лінк – https: //uinp. gov. ua /usna-istoriya /maydan-usna-istoriya) [2, с. 179–184].

Локальний вимір сучасного мемуарного простору в Україні представлений колом проектів. Цікавим з точки зору представлення мемуарів є проект «Локальна історія» (лінк – http: //localhistory. org. ua /pro-proekt /), який реалізовує Українська Галицька Асамблея (УГА) з 2013 р. Метою ресурсу «Локальна історія» було проголошено дослідження минулого крізь історію локальних місць – сіл та містечок Західної України «… руйнування стереотипів та усталених міфів, що породжені не лише окупаційними владами, а й окупованим суспільством» та формування української ідентичності [2, с. 184–186; 6].

Цікавим цифровим проектом, основою якого стали спогади-інтерв'ю, є проект «Красне – вузлова станція переселень» (лінк – http: //oralhistory. com. ua /aui /bu-k. html; станом на 27. 01. 2021 р.), який був здійснений у 2012 р. міжнародною командою дослідниць та активісток неурядових організацій у співпраці з Українською асоціацією усних історій (УАУІ). Тематично проект був спрямований на вивчення історії примусових повоєнних переселень у Красному, Буську (Львівська область) та їх околицях в період кінця Другої світової війни та перших років по її завершенні очима жінок, які відбувалися в рамках рішень Ялтинської та Потсдамської конференцій (1945 р.).

Дослідження здійснювалося на засадах усноісторичних практик, а саме – спогаду-інтерв'ю в рамках усної, локальної історії та історії повсякдення. Прикметно, що записувалися спогади жінок різних

національностей, адже переселення однаковою мірою зачепило українців, поляків, німців, євреїв та ін. Спогади цих трагічних події здебільшого фокусувалася на щоденному рутинному житті /виживанні, складних життєвих обставинах, смерті рідних та близьких через мозаїку життєвих досвідів жінок, на плечах яких лежало вирішення проблем повсякденного життя. Такий контекст ще й сьогодні робить ці спогади глибоко травматичними. Застосування методу спогаду-інтерв'ю має, як мінімум дві сторони, з одного боку – виступає своєрідною «терапією спогадами» для травмованих пережитим людей старшого віку. З іншого – отриманий мемуарний наратив, який досі залишався майже не відомим широкому загалу, стає частиною колективної історичної пам'яті і тим самим виступає засобом міжпоколіннєвого діалогу як запоруки громадянського примирення.

Основними напрямами діяльності в рамках проекту стали: збір свідчень реальних учасників цих події, запис інтерв'ю з подальшим створенням документального фільму «Залізнична станція Красне–Буськ. Розповіді переселених жінок». Три частини документального фільму представлені на сайті УАУІ (лінк – http: //oralhistory. com. ua /aui /bu-k. html). Окрім того, повні версії відеоінтерв'ю зберігаються в Українському громадському архіві усних історій (УГАУІ; лінк – http: //oralhistory. com. ua /aui. html), а фрагменти спогадів розміщені на сайті УАУІ. Збір спогадів та їх актуалізація в інформаційному національному просторі відіграє важливу функцію «соціальної терапії», яка має сприяти налагодженню міжпоколіннєвого діалогу у суспільстві та формуванню колективної пам'яті як запоруки національної ідентичності та незалежності. Саме потенціал /інструментарій DH у кожному з названих проектів дав можливість авторам проекту залучити до процесу *творення локальних* історико-мемуарних джерел громадські інституції (Українська Галицька Асамблея, Українською асоціацією усних історій, ВУЗи) та окремі ініціативи.

Зазначимо, що сучасна вітчизняна мемуарна традиція розвивається як у еволюційному вимірі, так і, з огляду на вимоги часу, піддається кардинальним змінам /трансформаціям. Ці зміни проходять в рамках актуалізації нових наукових напрямів гуманітаристики (усна, локальна історія, історія повсякдення тощо) у контексті Digital Humanities. Як наслідок, мемуари побутують у національному інформаційному просторі у класичних книжкових форматах та традиційних жанрах [8], паралельно відбуваються трансформаційні зміни, що знайшло своє втілення в актуалізації окремих жанрів (спогад-інтерв'ю) та появі нових форматів представлення мемуарів, а саме – цифрових проектів, що спричинено змінами гуманітарного дискурсу в умовах Digital Humanities. Останнє видаються більш ефективною моделлю з погляду донесення «готового продукту» (мемуарів) до потенційного користувача. На практиці ці два напрями здебільшого поєднуються та доповнюють один одного.

1. Верменич, Я. Локальні рівні сучасного історичного пізнання: спроба типологізації / Я. Верменич // Регіональна історія України. – 2009. – Вип. 3. – С. 9–40.
2. Любовець, Н. І. Сучасні трансформації мемуарного простору: загальний та локальний виміри / Н. І. Любовець // Українська біографістика. – 2020. – Вип. 20. – С. 359–376.
3. Матвієнко, О. Цифрова гуманітаристика як методологічна основа розвитку ІТ-освіти у вищих навчальних закладах культури / О. Матвієнко, М. Цивін // Цифрова платформа: інформаційні технології в соціокультурній сфері. – 2018. – Вип. 2. – С. 26–36.
4. Штомпка, П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования. – Москва : Логос, 2007. – 168 с.
5. Любовець, Н. І. Українські мемуари в сучасному інформаційному просторі / Н. І. Любовець // Наукові праці Національної бібліотеки України ім. В. І. Вернадського, 2013. – Вип. 37. – С. 602–615.
6. Любовець, Н. І. Мемуари як складова електронних ресурсів бібліотек: світовий досвід та перспективи створення вітчизняного електронного ресурсу «Українська мемуаристика» / Н. І. Любовець // Українська біографістика. – 2013. – Вип. 10. – С. 417–430.
7. Про проект [Електронний ресурс] // Локальна історія. – Режим доступу: http://localhistory.org.ua/pro-proekt/. – Дата доступу: 04. 02. 2021.
8. Любовець, Н. І. Видавничі серії українських мемуарів у контексті соціальних комунікацій / Н. І. Любовець // Українська біографістика. – 2020. – Вип. 19. – С. 101–120.

Буланый Н. Ю.

РОД ПЕРЕТЦОВ: МАТЕРИАЛЫ ОНЛАЙН-ЛАБОРАТОРИИ «ПРОЖИТО» В ИЗУЧЕНИИ СЕМЕЙНОЙ ИСТОРИИ

Современные условия, в которых оказались историки из-за коронавирусной инфекции COVID-19, предполагают преимущественно кабинетную работу, поскольку библиотеки, архивы и научные институции оказались практически недоступны. Поэтому особо популярными стали электронные базы источников. Среди них выделяется онлайн-лаборатория «Прожито» (https: //prozhito. org), созданная при Европейском университете в Санкт-Петербурге. Подобные онлайн-комплексы дневников позволяют исследовать эго-документы, связанные с семейной историей, биографистикой, что по-новому актуализирует вопрос археографических публикаций. База имеет ряд функций, таких как сведения об авторах со ссылками на различные сайты, поиск по фамилиям, датам старого и нового

стилей[1] и отдельным персоналиям. На сайте «Прожито» также даются подробные библиографические данные о публикациях, ссылки на архивы и сведения об онлайн-публикациях. Недостатком базы является отсутствие информации о персонажах, встречающихся в эго-документах, и ссылки на базу, поскольку на источник приходится одна ссылка. Соответственно, при использовании материалов из «Прожито» единственной отличительной чертой является дата записи в дневниках.

Учитывая возможности онлайн-лаборатории, была сделана попытка исследования ее ресурсов для изучения семейной истории на примере рода Перетцов, его интеграции в системы Российской империи. Тем более, что в «Прожито» имеются данные о нескольких представителях – А. И. Перетце, первом прибывшем в Россию, его сыне Е. А. Перетце с женой, а также о семье правнука В. Н. Перетца. Хотя дневники представителей рода пока еще в базе отсутствуют, на сайте есть информация о дневнике Е. А. Перетца и его публикациях, но подчеркивается, что «Нужен текст» источника [9].

Единственное упоминание об А. И. Перетце представляет запись в дневнике писателя С. П. Жихарева 15 мая 1808 г., где при описании охоты с казначеем Б. И. Юкиным, автор пишет о встрече с М. Г. Валежниковым. Б. И. Юкин отметил, что тот «большой приятель Перетца». Жихарев дал ценные сведения о А. И. Перетце: «богатый еврей, у которого огромные дела по разным откупам и подрядам и особенно по перевозке и поставке соли в казенные магазины», отметив, что «это должен быть именно тот, о котором говорят: где соль, тут и перец» [11]. Итак, дневник не только дает информацию о занятиях А. И. Перетца, но и об отношение столичного общества к еврею задолго до смены им вероисповедания, помощи русской армии в войне 1812 г., последующем его разорении.

Наиболее репрезентативным является комплекс источников о сыне А. И. Перетца Егоре, который окончательно интегрировался в имперский социум. Дневники позволили проследить участие Е. А. Перетца в модернизации страны. Так, его влияние на военные вопросы 1874–1881 гг. можно почерпнуть из дневника военного министра Д. А. Милютина [7], который в записи 5 января 1874 г. описал его как помощника государственного секретаря Д. М. Сольского, «редактировавшего журнал так же, как и весь проект закона» о воинской повинности. Более подробную характеристику военный министр дал в записи 20 июля 1878 г. при назначении Е. А. Перетца государственным секретарем: «весьма способный делец и хороший редактор». Записи 16 декабря, 20 декабря 1880 г. дают возможность проследить роль секретаря в восстановлении Департамента военных дел. Последним упоминанием о нем является запись 9 апреля 1881 г., когда тот, подтвердил министру слухи об удалении великого князя Константина Николаевича «как от морского ведомства, так и председательства в Государственном совете».

Относительно работы Е. А. Перетца в сфере внутренней политики сведения можно почерпнуть из заметок министра внутренних дел П. А. Валуева [3]. В записи от 15 апреля 1876 г. он упомянул его как участника совещания по вопросу найма рабочих. В отличии от Д. А. Милютина, назначение Е. А. Перетца на пост секретаря П. А. Валуев относит к 10 августа 1878 г. Благодаря этому источнику можно узнать, что 27 февраля 1880 г. Е. А. Перетц редактировал адрес Государственного совета к 25-летию Великой реформы, и министр отметил его старания: «неудобные и даже неприличные места исключены или изменены», благодаря чему журнал стал «более или менее пригоден». П. А. Валуев впервые отметил ораторские данные Перетца, сравнив его с доном Базилио из «Севильского цирюльника»: «…читает «ore rotundo», с пафосом в голосе и закатывая по временам глаза». Последнее упоминание о секретаре относится к 16 января 1883 г., когда П. А. Валуев узнал от него о роли гр. Д. А. Толстого в смене состава министерства.

Благодаря базе «Прожито» стало возможным изучение изменений в отношении к Е. А. Перетцу в 1880-х гг. Наиболее ранним примером служит запись будущего императора Александра III 6 февраля 1880 г., в которой цесаревич скептически отнесся к преобразованию совета, считая это «одним из первых шагов к Конституции» [1]. Более детально отношение к государственному секретарю удается проследить в записях А. А. Половцова с 1883 по 1892 гг. [6]. Примечательно, что в источнике подается причина недовольства цесаревича. Так, в записи 15 марта 1883 г. автор привел рассказ Е. А. Перетца о разработке в январе 1880 г. конституции, на что цесаревич «категорически объявил, что держится совершенно противоположного образа мыслей и что не видит необходимости навязывать России все неудобства конституционализма».

В начале дневника (запись 14 января 1883 г.) А. А. Половцов положительно описал Е. А. Перетца, прочившего автора дневника себе в преемники и даже договорился с министром финансов Н. Х. Бунге о сохранении ему окладов. Половцов описал не только прощание Перетца с чиновниками совета, где тот «выражает им свою благодарность и грусть о разлуке», но и отмечает быт бывшего секретаря: «Скромная, чиновничья квартира, присутствие мое в коей делает хозяина весьма словоохотливым и откровенным». Но как только автор дневника получил власть, начинается критика бывшего секретаря. Возможно, на отношение А. А. Половцова повлияло то обстоя-

[1] В статье даты подаются по новому стилю. – *Н. Б.*

тельство, что Е. А. Перетц (судя по записи 3 июня 1890 г.) был опекуном невестки Половцова гр. С. Ф. Паниной. Новый же секретарь и его сын, став ее попечителями после свадьбы, желали как можно скорее получить от Перетца принадлежащий ей капитал.

Используя тематический принцип, записи А. А. Половцова можно разделить на группы. Первая относится к обсуждению кандидатуры Е. А. Перетца на пост главы Кодификационного отдела Департамента законов. Так, 7 февраля 1883 г. Половцов сообщает, что отдать ему отдел «невозможно по нерасположению к нему государя». Хотя из записи от 10 марта следует, что глава отдела Е. П. Старицкий предлагал в условиях пересмотра свода законов «более молодых и здоровых членов Совета, как, например, Перетц». Из последующих записей (14 марта 1883 г.) видно, что автор эго-документа сам безуспешно желал объединить должности секретаря и главы отдела. Вопрос о Перетце возобновился 20 июня 1886 г., в связи с отпуском барона А. П. Николаи. Секретарь, предложив кандидатуру менее для себя опасного Д. М. Сольского, описал Перетца императору так: «Человек из того легиона, который имеет девизом: «Угадать и угодить»… не из таких людей должен состоять Совет Ваш, государь». Более успешно борьбу с Перетцом вел А. А. Абаза, судя по записи 30 октября, добившийся себе председательства. 1886 г. Несмотря на это, бывший секретарь продолжал участвовать в обсуждениях проектов: о присоединении Ростова и Таганрога к Донской области (2 апреля 1887 г.), об отмене должности земского начальника (декабрь 1888 – январь 1889 гг.). Лишь в 1891 г., судя по записи 1 ноября, из-за болезни Д. М. Сольского А. А. Половцов был вынужден не обращаться к императору и признать, что Перетц «должен председательствовать и в Департаменте, и в соединенном присутствии Департаментов законов и экономии». Учитывая, что 2 декабря 1891 г. секретарь указал, что государь «ничего против председательствования Перетца не имеет», язвительные замечания Половцова не вызвали реакции ни у императора, ни у великого князя Михаила Николаевича. Но нападки на Перетца прослеживаются и далее. Секретарь неоднократно отмечал, что председательствования Перетца велись «с постыдным раболепством и низкопоклонством» (6 февраля 1892 г.). Автор сравнивал Перетца с античным ритором, который способен выступать лишь в незначительных вопросах (записи 24 апреля 1883 г., 2 июня 1884 г., 2 февраля 1885 г.). Половцов также постоянно приписывал ему лакейство перед начальством (записи 22 мая 1883 г., 12 октября 1883 г., 2 февраля 1885 г.), хотя сам же себе противоречил, поскольку Перетц, в отличии от Половцова, умел отстаивать свою позицию перед высшими чинами (например, запись 10 февраля 1883 г.).

Второй темой является постройка архива Государственного совета, поскольку 7 февраля 1883 г. новый секретарь остановил проект, разработанный Е. А. Перетцом и Н. М. Рембелинским. И хотя Перетц присутствовал при закладке архива 26 июня 1883 г., уже в записях от 26 октября Половцов указывает на «подозрительную роль» Рембелинского, которого Перетц также прочил в секретари.

Третьей темой записей является позиция Перетца относительно конфессиональных проблем. Так, Перетц успешно вступал в противоречие с великим князем Михаилом Николаевичем и К. П. Победоносцевым по делу о раскольниках (записи с 5 марта по 12 мая 1883 г.). Поэтому неудивительно, что в записи 23 декабря 1883 г. Половцов привел характеристику Перетца Победоносцевым: «Хотя Сольский и Перетц одного служебного происхождения и канцелярского склада, но Перетц остался тем, чем был, и дальше не пойдет, тогда как Сольский весьма далеко ушел от того, чем был первоначально». А в записи 30 апреля 1890 г. относительно участия евреев в земских собраниях Е. А. Перетц вступил в противоречие с П. Н. Дурново, поскольку предложил их «изложить в общем законоположении о евреях», тогда как директор департамента полиции вслед за императором не желал расширения прав евреев империи.

Единственным упоминанием о жене Е. А. Перетца является запись в дневнике великого князя Константина Константиновича 30 июня 1911 г. [5], в которой упоминается участие С. А. Перетц при отпевании матери великого князя Александры Иосифовны.

Отдельный комплекс представляют дневники, посвященные академику В. Н. Перетцу. Среди авторов выделяются деятели украинского возрождения. Так, в дневнике издателя Е. Х. Чикаленко ярко описаны нападки на Перетца писательницы О. П. Косач, более известной как Олена Пчилка [14]. Запись 31 января 1909 г. – пример юдофобии писательницы. На заседании Научного общества им. Шевченко конфликт дошел до абсурда, когда на предложение В. Н. Перетца привлекать богатых украинских меценатов для развития общества, она предложила, «щоб члени його не працювали по кацапських товариствах, як це робить наш член професор Перетц». Иным поводом для скандала стал вопрос о поздравлении Л. Н. Толстого с 80-летием. Писательница отказывалась, мотивируя тем, что «Толстой не вартий того», тогда как Перетц, «відстоював думку, що треба привітати». Автор эго-документа умело подчеркнул отношение к Перетцу со стороны писательницы – «кацапський професор», «жидівського походження». При этом Чикаленко признавал находчивость и

такт профессора относительно урегулирования подобных конфликтов. Он также подчеркивал важность роли Перетца в становлении украинского национального движения. Так, 4 марта 1910 г. Перетц боролся с украинофобией цензора Т. Флоринского, а 31 декабря 1913 г. выступал за тесное взаимодействие с учеными подавстрийской Украины.

Послереволюционное положение В. Н. Перетца описывается в дневнике литературоведа С. А. Ефремова [10]. Часть дневника посвящена издательским инициативам Перетца. Так, в записях 24 декабря 1924 г. и 5 января 1925 г. указывается, что Перетц «обертається до мене, щоб я написав нову історію» (имеется в виду «Історія української літератури» – *Н. Б.*) для немецкого издательства или попытки издания автобиографии М. С. Грушевского (27 сентября 1926 г.). Судя по записям С. А. Ефремова, В. Н. Перетц следил за положением науки в УССР и РСФСР и активно выступал связующим звеном между Академиями наук, особенно относительно разграничений их деятельности, «щоб уникнути паралелізму» (запись 26 апреля 1928 г.). Даже находясь в Ленинграде, Перетц «з тривогою запитує, що тут робиться у нас» (18 февраля 1926 г.). Про этот период жизни В. Н. Перетца упоминается и в записи историка Н. И. Кареева 21 февраля 1926 г., благодаря которой можно очертить круг научных интересов и знакомств Перетца [12].

Представляют интерес данные о выборах членов Академии наук УССР и РСФСР, в которых участвовал Перетц. Так, в записи 22 апреля 1926 г. читаем: «Мали балотувати на академіка В. Рєзанова... Перетц: він, як людина однієї з Рєзановим спеціальности, занадто до його суворо ставиться. І це зараз же підхопив Грушевський з своєю бандою». Вместе с тем Ефремов подчеркнул участие Перетца в выборе М. С. Грушевского в АН СССР (запись 4 января 1928 г.) и нейтралитет относительно выбора в ВУАН «підлизи, донощика і фарисея» К. И. Студинского (записи 2 мая, 18 октября 1928 г.). При этом Перетц подчеркивал подобное «лизунство, холуйство» при выборах академиков и в АН СССР (22 января 1929 г.), вследствие чего просил С. А. Ефремова способствовать продвижению собственной жены В. П. Адриановой-Перетц (запись 12 июня 1929 г.).

Последние годы В. Н. Перетца на базе сайта «Прожито» представлены записями дневника нумизмата А. В. Орешникова [13]. Так, он сообщал, что 9 июня 1930 г. в Москву приехал В. Н. Перетц, который не знал про дело академиков и даже в 1932 г. он «работает в рукописном отделе» (запись 5 декабря). Нападки на Перетца и роль в этом академика А. В. Палладина не встречаются на сайте. Тем не менее, в дневнике В. И. Вернадского подается последнее упоминание о Перетце, спустя несколько лет после его смерти. Так, в записи 8 января 1938 г. академик с удивлением замечал, что исключение Перетца из АН СССР «произошло несоответственно с реальным положением дел». Благодаря записи удается проследить, что Перетца по доносу обвинили в руко И. А. Акулов «говорил Перетцу, что донос не подтвердился (он ездил в Самару, где был П[еретц]) и что через 2 недели все благополучно кончится» [4].

Последнее упоминание о представителях рода относятся к жене В. Н. Перетца – В. П. Адриановой-Перетц. В основном это касается ее докладов в Пушкинском доме и научных публикаций, что представлено в дневниках учителя А. А. Бардовского (24 июля 1941 г) [2] и библиографа Н. А. Соколова (27 мая и 17 ноября 1952 г., 14 января 1959 г.) [8].

Таким образом, оцифрованные дневники деятелей различных эпох существенно облегчают поиск необходимой информации. На примере сведений, на сайте онлайн-лаборатории «Прожито» о представителях рода Перетц удалось не только уточнить различные аспекты жизнедеятельности, но и очертить круг знакомств и отношение к ним представителей имперских элит, научных и общественных деятелей.

1. Александр Александрович, вел. кн. Дневник Наследника Цесаревича Великого Князя Александра Александровича, 1880 г. [Электронный ресурс] // Проект «Прожито». – Режим доступа: https://prozhito.org/notes?date=%221880-01-01%22&diaries=%5B1873%5D. – Дата доступа: 3.03.2021.
2. Бардовский, А. А. Дневник (22 июня 1941 г. – 3 января 1942 г.) [Электронный ресурс] / А. А. Бардовский // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Ед. хр. 7. Л. 70. // Проект «Прожито». – Режим доступа: https://prozhito.org/notes?date=%221941-01-01%22&diaries=%5B2504%5D. – Дата доступа: 3.03.2021.
3. Валуев, П. А. Дневники (1860–1881) [Электронный ресурс] // Проект «Прожито». – Режим доступа: https://prozhito.org/notes?date=%221876-01-01%22&diaries=%5B840%5D. – Дата доступа: 3.03.2021.
4. Вернадский, В. И. Дневниковые записи 1938–1939 гг. [Электронный ресурс] // АРАН Ф. 518. Оп. 2. Д. 19. – Режим доступа: https://prozhito.org/notes?date=%221938-01-01%22&diaries=%5B124%5D. – Дата доступа: 3.03.2021.
5. Дневник великого князя Константина Константиновича (К. Р.). 1911–1915 [Электронный ресурс] // Проект «Прожито». – Режим доступа: https://prozhito.org/notes?date=%221911-01-01%22&diaries=%5B182%5D. – Дата доступа: 3.03.2021.
6. Дневник государственного секретаря А. А. Половцова [Электронный ресурс] // Проект «Прожито». – Режим доступа: https://prozhito.org/notes?date=%221883-01-01%22&diaries=%5B906%5D. – Дата доступа: 3.03.2021.
7. Дневник Д. А. Милютина [Электронный ресурс] // Проект «Прожито». – Режим доступа: https://prozhito.org/notes?date=%221874-01-01%22&diaries=%5B765%5D. – Дата доступа: 3.03.2021.
8. Дневники Соколова Н. А. (1950–1961) [Электронный ресурс] // Проект «Прожито». – Режим доступа: https://prozhito.org/notes?date=%221952-01-01%22&diaries=%5B681%5D. – Дата доступа: 3.03.2021.

9. Егор Перетц [Электронный ресурс] // Проект «Прожито». – Режим доступа: https://prozhito.org/person/764. – Дата доступа: 3.03.2021.
10. Єфремов, С. О. Щоденники (1923–1929) [Электронный ресурс] / С. О. Єфремов // Проект «Прожито». – Режим доступа: https://prozhito.org/notes?date=%221924-01-01%22&diaries=%5B410%5D. – Дата доступа: 3.03.2021.
11. Жихарев, С. П. Записки современника [Электронный ресурс] / С. П. Жихарев // Проект «Прожито». – Режим доступа: https://prozhito.org/notes?date=%221808-01-01%22&diaries=%5B515%5D. – Дата доступа: 3.03.2021.
12. Историк в эпоху перемен: Н. И. Кареев в 1914–1931 гг.: исследование и материалы [Электронный ресурс] // Проект «Прожито». – Режим доступа: https://prozhito.org/notes?date=%221926-01-01%22&diaries=%5B172%5D. – Дата доступа: 3.03.2021.
13. Орешников, А. В. Дневник. 1915–1933 [Электронный ресурс] // Проект «Прожито». – Режим доступа: https://prozhito.org/notes?date=%221930-01-01%22&diaries=%5B172%5D. – Дата доступа: 3.03.2021.
14. Чикаленко, Є. Х. Щоденник (1907–1917) [Электронный ресурс] / Є. Х. Чикаленко // Проект «Прожито». – Режим доступа: https://prozhito.org/notes?date=%221909-01-01%22&diaries=%5B421%5D. – Дата доступа: 3.03.2021.

Базарова Т. А., Проскурякова М. Е.

«АВТОГРАФЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО: ЧТЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЯМИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА»: ЭТАПЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА

В докладе представлены результаты научно-исследовательского проекта «Автографы Петра Великого: Чтение технологиями искусственного интеллекта». Задачей проекта стало создание алгоритма, который способен автоматически распознавать и транскрибировать автографы Петра Великого.

Одной из особенностей русского делового письма до начала XVIII века является стандартизации почерка писцов и широкое использование типичных каллиграфических приемов. При составлении документов служащие канцелярий XVI–XVII вв. использовали устоявшиеся словосочетания, языковые формулы, повторяя их из документа в документ. Благодаря этому оказывается возможным чтение даже угасшего текста и восстановление целых фраз, которые не сохранились, но почти наверняка содержались в тексте.

В начале XVIII в. получает распространение новое явление. Сановники эпохи Петра Великого начинают вести переписку друг с другом по деловым и личным вопросам. Нередко они пишут письма своей рукой, не прибегая к помощи секретарей. Эти написанные беглым малоразборчивым почерком тексты чрезвычайно сложны для чтения и траслитерации.

Петр был первым русским царем, кто лично стал подписывать документы и собственноручно писать письма (до него грамоты заверялись печатью). Поэтому до нашего времени сохранился огромный массив (более десяти тысяч документов), написанных или подписанных Петром Великим.

В автографах петровских сановников также, как и в автографах самого Петра, можно увидеть продолжение скорописной традиции в использовании выносных (надстрочных) букв и сокращений, связности написания двух графем, одна из которых написана в строке, а другая над строкой (лигатура), отсутствии пробелов между словами. Однако в случае с автографами Петра Великого мы сталкиваемся также с яркой индивидуальной манерой. Перед нами письмо «спешащего» человека: торопящегося поделиться новостями, отдать распоряжение, сделать выговор провинившемуся чиновнику. Эта особенность автографов Петра Великого затрудняет их прочтение. Другая сложность заключается в богатстве лексики и языка петровских писем. Петр часто использовал иностранные слова, топонимы, узкоспециальные термины, метафоры. Поэтому чтение автографов царя требует не только навыков чтения документов XVII в. и начала XVIII в., но и глубокого знания исторического контекста.

Перспективы применения новых методов при изучении автографов первого российского императора открылись благодаря научно-исследовательскому проекту «Автографы Петра Великого: Чтение технологиями искусственного интеллекта», инициированному в июне 2020 г. Российским историческим обществом и ПАО «Сбербанк». В Санкт-Петербургском институте истории РАН (далее – СПбИИ РАН) была сформирована рабочая группа, состоящая из научных сотрудников – специалистов по истории Петровской эпохи, а также палеографии и археографии.

Реализация данного проекта находится в русле проблем, стоящих перед мировой наукой. В настоящее время активные поиски в области компьютерного транскрибирования рукописного текста ведут крупные европейские научные центры. В рамках международного проекта «The Recognition and Enrichment of Archival Documents (READ)» (https://eadh.org/projects/read) была создана платформа Transkribus [4], предназначенная для машинного чтения древних рукописей (http://transkribus.eu) [5]. Платформа включает более 50 моделей (58) для распознавания текстов и позволяет обрабатывать документы, написанные ранними формами кириллического письма – уставом и полууставом. Модель для транслитерации документов, написанных полууставом, построена на 38374 строках; комбинированная модель для чтения уставного и полууставного письма построена на 75422 строках [3].

Однако тестовое транскрибирование нескольких образцов полууставного письма выявило многочисленные неточности и ошибки прочтения. Прежде всего, следует отметить низкое качество распознавания надстрочных знаков, которые в отдельных случаях «читаются» алгоритмом как самостоятельные строки и неверно идентифицируются как предлоги или окончания слов верхней строки. Кроме того, основной массив русской делопроизводственной документации XV – начала XVIII в. написан скорописью, для чтения которой в Transkribus не создано модели.

Участниками российского проекта были выявлены и отобраны документы на основе материалов 9–13 томов издания «Письма и бумаги императора Петра Великого», вышедших из печати в 1950–2003 гг. [2]. Эти тома включают в себя документы с 1709 по 1713 г. Решение взять за основу не первые, а последние тома продолжающегося издания было связано с тем, что легенды опубликованных в них документов содержали наиболее близкие к современным архивные шифры Российского государственного архива древних актов (далее – РГАДА). Источниковую базу проекта также пополнили документы из собрания СПбИИ РАН. Основным критерием отбора документа являлось наличие в нем текста, написанного рукой Петра (от двух-трех слов до нескольких страниц).

Изучение значительного массива документов позволило выявить характерные черты почерка Петра Великого. Особенностью его автографов является малая вариативность в написании графем: как правило, буква имеет одну, реже две формы. В то же время начертание ряда выносных знаков близко друг к другу, а порой даже идентично. Так, например, схожим надстрочным знаком передаются буквы «н», «с», «т» [1, л. 66]. Прочтение и транскрибирование текста также затрудняет отсутствие пробелов между словами и частые сокращения слов, в том числе использование одного и того же знака при сокращении разных слов. Петр употреблял два вида сокращений: сокращения до начальной буквы слова или начальных букв нескольких слов, например, «г ф» – «г (енерал)-ф (ельдмаршал)» и сокращения слогов в отдельных словах, например, «де» – «де (нь)» [1, л. 66]. Применяя сигли (сокращения до первой буквы), Петр буквой «г» передавал сразу несколько слов «господин», «генерал», «Головин». Отсутствие вариативности в сокращении разных слов, начинающихся с одной буквы, встречается и в других случаях.

В почерке Петра Великого наблюдается непоследовательность в написании заглавных и строчных букв. Как правило, заглавная буква проставлена только в первой строке, где указывалась должность (или чин) и имя адресата, в начале основного текста послания, а также в подписи – имени государя. Кроме того, в автографах Петра существует вариативность в написании букв «ер» (ъ) и «ерь» (ь), что является характерной чертой в письме XVII – начала XVIII в. В изученном комплексе автографов нет случаев использования буквы «кси» (ѯ) и «пси» (ψ) [1, л. 66]. В собственноручных текстах Петра Великого также не удалось обнаружить букву «ферт» (ф), вместо которой употреблялась «фита» (Ѳ). Примечательно, что эту же букву царь использовал в качестве выносной в конце слов. В таких случаях она служила «заменой» букве «в»: «Ушакоф», «охотникоф», «футоф».

В ходе реализации проекта петербургские палеографы совместно со специалистами по анализу данных Сбербанка Д. В. Димитровым и М. С. Потаниным выработали методику передачи текста петровских автографов для последующей компьютерной обработки. Основным принципом стала максимально точная передача знаков (букв), которые использовал Петр Великий. Помимо букв современного нам алфавита при компьютерном наборе использовались «ять» (ѣ) и «и десятеричная» (і), надстрочные знаки вносились в строку, мягкий и твердый знаки при их отсутствии не восполнялись, сокращения не раскрывались, заглавные буквы, знаки препинания, знаки переноса строки не расставлялись [1, л. 67]. Компьютерному набору подлежал только собственноручный текст государя в документе (включая зачеркнутые буквы, слова и предложения, а также текст, вписанный на полях). Удалось выявить случаи, когда текст Петра Великого был подвергнут издателями «Писем и бумаг» цензуре. Фразы, содержащие вульгарные просторечные слова, не вошли в публикацию. В ходе реализации описываемого проекта такого рода лексика не опускалась и петровский автограф воспроизводился дословно. Набранный текст несколько раз сверялся с цифровой копией подлинника, все спорные случаи обсуждались. Каждой строке (в цифровой копии и компьютерном наборе) присваивался номер. Если документ состоял из нескольких страниц, то текст на каждой из них имел свою нумерацию. Таким образом было выделено 9656 строк.

Следующий этап работы начался после загрузки цифровых копий в web-приложение Computer Vision Annotation Tool (далее – CVAT). Это было связано с необходимостью построчной разметки цифровых копий документов (в соответствии с компьютерным набором). На данном этапе к выполнению проекта подключились аспиранты и магистранты Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва и Санкт-Петербург), имевшие опыт работы со скорописью XVII–XVIII вв. Таким образом, весь оцифрованный материал был размечен и подготовлен к последующей обработке сотрудниками ПАО «Сбербанк».

Созданный для машинного чтения автографов Петра Великого алгоритм безошибочно распознает свыше 97% текста [1, с. 68–71]. Разработанная модель способна быстро обучаться на новом почерке, не требуя большого количества транскрибированных и размеченных в CVAT данных (достаточно всего несколько страниц с новым почерком). Как представляется, дальнейшее совершенствование алгоритма пойдет по пути обучения его распознанию отдельных слов (вне контекста), заглавных букв (в том числе и буквиц), а также сокращений, вставок на полях и помет из документов XVI–XVIII вв.

1. Распознать и транскрибировать: Автографы Петра Великого и технологии искусственного интеллекта / Т. А. Базарова [и др.] // Воронцово поле. – 2020. – № 4. – С. 36–41.
2. Письма и бумаги императора Петра Великого. – М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1950–1962. – Т. 9. – Вып. 1, 2 ; Т. 10 ; Т. 11. – Вып. 1 ; М. : Наука, 1964–1975. – Т. 11. – Вып. 2 ; Т. 12 ; М. : Древлехранилище, 2003. – Т. 13.
3. Rabus, A. Recongnizing handwritten text in Slavic manuscripts: A neural-network approach using Transkribus [Electronic resource] / A. Rabus. – Mode of access: https://www.academia.edu/38835297/Recognizing_handwritten_text_in_ Slavic_manuscripts_A_neural_network_approach_using_Transkribus_1_Achim_Rabus. – Date of access: 21.03.2021.
4. The Recognition and Enrichment of Archival Documents (READ) project [Electronic resource]. – Mode of access: https://eadh.org/projects/read. – Date of access: 21.03.2021.
5. Transkribus. Transcribe. Collaborate. Share [Electronic resource]. – Mode of access: https://readcoop.eu/transkribus/. – Date of access: 21.03.2021.

Ткаченко Д. С.

РОССИЙСКИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ XIX – НАЧАЛА XX В. НА КАВКАЗЕ: ОПЫТ СОЗДАНИЯ ВИРТУАЛЬНЫХ РЕКОНСТРУКЦИЙ

Одним из динамично развивающихся направлений информационных технологий, имеющих потенциал использования в ходе исторических исследований, становится моделирование трехмерного пространства, или «виртуальной реальности». Кроме дублирования реальных историко-культурных объектов посредством 3D-технологий можно осуществить реконструкцию утраченных объектов – воссоздать их образ, используя набор данных, полученных через описания или изображение объекта, составленных до его уничтожения.

Одним из шагов в данном направлении стала реализация проекта РГНФ № 16–01–12012 «Российские историко-культурные памятники XIX – начала XX в. на Северном Кавказе: научно-исследовательский ресурс» [7], разработанный автором в 2016–2017 гг. с целью провести виртуальную реконструкцию ныне утраченных имперских памятников на Кавказе.

По своему архитектурному облику, реконструированные в виде трехмерных моделей памятники могли быть разных видов. Прежде всего, следует отметить наличие в российской империи типового архитектурного проекта, очень близкого тому стилю, который использовался европейскими странами. Это была пирамидальная стела, помещенная на квадратное основание. Одним из первых маркеров такого типа стал памятник майору Монтрезору, погибшему вместе со своим отрядом в июле 1804 г. под селением Серали. Помимо описания [4, л. 2–2об.], сохранился рисунок этого памятника, а также фотография торжеств, проведенных в 1904 г. во время освящения монумента после реставрации. Изображения дают все необходимые детали для создания трехмерной модели памятника.

Создание реконструкции проводится по технологии лофтинговой фигуры, когда квадратное основание и несколько уменьшающихся в диаметре срезов памятника проецируются на линию, очерчивающую высоту монумента. В результате создается точная копия того пирамидального обелиска, геометрия которого легла в основу оригинального памятника. Текстурой служит изображение каменных блоков из черного гранита – материала, которым по описанию современников был облицован оригинальный монумент. Образ таблички так же достаточно четко представлен на рисунке и фотографии памятника, что делает возможным ее точное воспроизведение в виде трехмерной модели.

Аналогичный по своему архитектурному решению памятник был возведен на Гунибе солдатами Апшеронского полка для того, чтобы увековечить роль своей части в штурме последней твердыни Шамиля. Еще одним памятником, изготовленным по вариации типового архитектурного проекта, стал памятник князю Цицианову, установленному в г. Баку на одноименном сквере в 1846 г. Его официальное описание содержится в отчете губернатора перед МВД [5, л. 3]. Сохранилось так же большое количество фотографий этого памятника, снятых с различных ракурсов, которые позволяют создать не только детальную реконструкцию стелы, но также и элементы историко-культурного ландшафта. Технико-строительный комитет МВД хранил и архитектурный проект всего Цициановского сквера с точным указанием на нем мест расположения основных объектов. Это делает возможным в совокупности с информацией об образах окружавших сквер зданий, воссоздать не только памятник, но и часть городского ландшафта старого Баку.

Кроме типового проекта в имперских памятниках на Кавказе использовались и более сложные архитектурные решения. Из них наибольший интерес представляет реконструкция первого

по времени своего создания памятника – знака пребывания в Тифлисе императора Николая I. Сохранилось не только словесное описание, но и четкие рисунки этого памятника, позволяющие воссоздать его 3d-реконструкцию.

Постамент памятника стандартной квадратной формы достаточно легко воссоздать в 3d редакторе как лофтинговую фигуру: спроецировав линию контура на линию периметра основания. Однако, техническую сложность в памятнике представляет передача образа чугунного креста ажурной формы. Еще одной трудностью является реконструкция исторического ландшафта вокруг памятника – того самого Веринского спуска, который стал местом установки реального объекта. К сожалению, кроме пересказа содержания памятной надписи, точного визуального образа памятной таблички не сохранилось, что заставляет дизайнера реконструкции при создании этого элемента прибегать к неизбежным экстраполяциям. Это снижает убедительность реконструкции, представляет ее как предмет художественного творчества. Таким образом, на примере данного памятника можно проследить как достоинства 3d-моделирования, так и ее неизбежные ограничения, связанные с фрагментарностью доступных исторических источников.

Примером более сложных реконструкций может стать модель памятника генералу В. С. Гулякову, возведенного в 1845 г. в Закаталах. Памятник победителю персов и лезгин был выполнен с большим художественным вкусом. Он представлял собой высокую узорную четырехгранную колонну, отлитую из чугуна, установленную на чугунном пьедестале. Основным украшением выступали имперские орлы, отлитые в виде барельефа на четырех углах карниза, лавровые гирлянды и герб генерала, помещенный под памятной надписью [1, с. 115].

Помимо рассказа об открытии памятника, помещенного В. А. Потто в его работе сохранился единственный фотографический снимок данного историко-культурного объекта, дающий четкое представление о его внешнем виде, материале использованном для его возведения. Фотография четко передает факт, что все стороны чугунной колонны были отлиты по единому шаблону. Это упрощает изготовление трехмерной реконструкции памятника, в котором только детали фамильного герба генерала представлены в стилизованном виде. Возможно, при обнаружении герба генерала в сборнике родовых гербов российских дворян, этот недостаток будет в дальнейшем устранен.

Еще большей сложностью отличается создание реконструкции одного из самых ярких имперских монументов Кавказа – памятника взятия Гуниба, воздвигнутого военнослужащими Апшеронского полка в своей штаб-квартире – в городе Темир-хан-Шуре. Проект памятника был разработан начальником Дагестанской инженерной дистанции полковником В. А. Лишевым. «Памятник … состоит из искусственной скалы с бронзовым орлом наверху; кругом скалы врытые в землю орудия, от которых по скале – железные веревки с крючьями; на скале бронзовая доска с надписью: “Апшеронцам за Гуниб”» [5, л. 2об.], – кратко сообщал о нем в отчете генерал-губернатор Дагестанской области.

Для своего времени, монумент был помпезным, причем в нем явно преобладала символическая, а не вербальная сторона. Главным украшением памятника был коронованный двуглавый орел. Раскрыв крылья, бронзовая птица сидела на вершине стилизованного Гуниба на солдатской винтовке с примкнутым штыком, как бы держа ее наперевес. Из-под винтовки свешивался лавровый венок, перевитый георгиевской лентой, а императорская корона, возвышавшаяся отдельно над головами и телом орла, была верхней точкой памятника, к которой вели все его линии, начиная с самого основания [6, л. 1]. Памятная надпись, укрепленная на пирамиде своей лаконичностью, как-бы уравновешивала символизм фигур, четко поясняя, кому потомки должны быть за победу благодарны: «Апшеронцам за Гуниб». Памятник был одной из достопримечательностей города, местом для фотографирования не только офицеров и солдат полка, но и русских жителей [9, л. 7]. Он изображался на памятных открытках, материалах, переданных в Военно-исторический музей «Храм Славы» и в МВД Российской империи. Образы памятника, снятые с разных ракурсов, помогают создать детальную реконструкцию всех частей памятника.

Еще одним достаточно распространенным видом имперских памятников на Кавказе, являлся бюст Александра II. Отношение современников к явлению, названному К. Г. Соколом «лавиной памятников царю-освободителю» [9, с. 266], многие из которых отливались по единому образцу и в силу этого не отличались ни художественным вкусом, ни изяществом формы, было неоднозначным. При этом, изо всей массы штампованных бюстов, в регионе отличался только один – памятник Александру II в станице Царской Кубанской области, основанной во время вытеснения адыгов из полосы земель между Кубанью и северным склоном Кавказского хребта. Данный памятник, хоть и выполненный по общей схеме «царских» монументов коммеморировал не реформу царя-освободителя, а завершение Кавказской войны. Он же и легитимировал присутствие казаков на землях Закубанья. История, запечатленная на его памятных табличках, отсылала зрителя к реалиям приезда Александра II на Тамань в 1861 г. и санкционирования наступательной операции на северо-Западном Кавказе, закончившейся через 3 года полным покорением региона.

По описанию атамана Кубанской области памятник «имеет следующий вид: возвышение из трех ступеней на коем установлен пьедестал из чугуна, имеющий вид четырехугольной усеченной пирамиды, на площади верхнего сечения которого установлен бюст Императора Александра II лицом к Югу, к горам Кавказа. Памятник окружен железной решеткой, по углам и перед серединой ее установлено стоймя по 1-му орудию крупного калибра, заряжающихся с дула. На памятнике имеются надписи: с Западной стороны: "16 сентября 1861 г. Государь Император окончательно утвердил предположенную систему покорения Западного Кавказа" и с передней – "В 1864 году Высочайшие указания исполнены. Кавказ покорен"» [3, л. 2об.].

В целом, композиция и смысловое послание памятника вышли для своего времени убедительными. Надписи на памятных табличках безошибочно указывали на то, в каком свете следовало воспринимать коммеморируемое событие. Существует два рисунка этого памятника, один из которых был передан в МВД вместе с описанием монумента. Оба рисунка четко передают все детали, однако имеют общий недостаток: художественного мастерства авторов не хватило для того, чтобы передать портретное сходство бюста с реальным персонажем. На рисунке же, кубанского художника, акцент сделан не на лице Александра II, а на деталях одетой на него казачьей формы и военных атрибутах, расположенных вокруг монумента. Он же показывает и фрагмент казачьей станицы на фоне окружающего ее степного пейзажа. Две человеческие фигуры на этом рисунке позволяют составить представление о масштабе памятника.

Реконструкция постамента проводится по технологии создания лофтинговой фигуры, которая помещается в реконструированное историко-культурное окружение: модели двух видов орудийных стволов, составляющие ограду, цепей и ядер. Для создания же бюста Александра II следует использовать специальную программу реконструкции человеческого лица по фотографиям: фас лица был взят из одного из многочисленных пожизненных портретов Александра II, а профиль – с изображения императора, помещаемого на российские монеты. В результате получена модель, в целом передающая общую идею оригинального памятника.

Таким образом, 3D-реконструкции дают возможность не только попытаться сохранить утраченное историко-культурное наследие, но и открывают дополнительные инструменты для проведения исторических исследований, так как позволяют в воссозданном виртуальном мире погрузиться исследуемую эпоху. При этом, как и все новоделы, они имеют ряд ограничений, вызванных как фрагментарностью доступных источников, так и неизбежной необходимостью использовать современные материалы при создании реконструкции. Кроме того, виртуальные трехмерные реконструкции на новом уровне ставят для историка необходимость проведения исторических обобщений.

1. Потто, В. А. Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе / А. А. Потто. – Тифлис : Типография штаба Кавказского военного округа, 1906. – Вып. I. – 153 с.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1284. Оп. 188. Д. 122.
3. РГИА. – Ф. 1284. Оп. 188. Д. 352.
4. РГИА. – Ф. 1284. Оп. 188. Д. 119.
5. РГИА. – Ф. 1284. Оп. 188. Д. 126.
6. РГИА. – Ф. 1293. Оп. 169. Д. 330.
7. Российские историко-культурные памятники на северном Кавказе в XIX – начале XX вв.: Информационный ресурс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tkdmsg.wixsite.com/commemoration. – Дата доступа: 11.12.2020.
8. Сокол, К. Г. Монументы империи / Г. К. Сокол. – М. : Грантъ, 2001. – 456 с.
9. Ставропольский государственный музей. – Ф. 48. Оп. 1. Д. 49.

Уланов К. А., Цеменкова С. И.

ТРЕХМЕРНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ГОРОДА НОВОГО ВРЕМЕНИ: ЕКАТЕРИНБУРГ В 1733 Г.[1]

В 2023 г. городу Екатеринбургу исполняется 300 лет. И сегодня проблема реконструкции исторического центра города, воссоздание его первоначального облика – одна из важнейших задач.

Первоначальная застройка раннего Екатеринбурга практически не сохранилась: от нее осталась только планировочная структура, определяющая своеобразие современного центра города. Уже в 40–50-е гг. XVIII в. сносят деревянные здания и заменяют их каменными, к концу столетия разбирают крепостные стены. В 70-е гг. XX в., невзирая по протест научного сообщества города, демонтируют часть заводских корпусов территории Исторического сквера – сердца, центра города Екатеринбурга. Архитектурный облик города за 300 лет сильно изменился [1, с. 5.].

[1] Исследование проводится при поддержке гранта РНФ № 20–18–00233 «Екатеринбург в 1733 г. : историко-антропологическая и архитектурно-пространственная реконструкция».

Качественных и точных реконструкций первой застройки города до сих пор нет. В то же время ранний Екатеринбург как один из немногочисленных российских городов нового типа, представлял собой попытку физического воплощения камералистских идей Петровской эпохи идеального общества-механизма и не имевшего прецедентов города-завода. Вокруг его многопрофильного производственного центра, включающего гидротехнические и передовые промышленные объекты металлургии, была выстроена фортификационная, административная и жилая инфраструктуры, под которые сформирована сложно организованная социальная общность, имевшая уникальное внутреннее функциональное, статусное и этнокультурное ранжирование.

Таким образом, идея создания максимально приближенной к исторической действительности трехмерной модели Екатеринбурга 20-х-30-х гг. XVIII в. задача отвечающая запросам как исторической науки в частности, так и социально-культурному сообществу города в целом.

Выбор Екатеринбурга в качестве предмета исследования обусловлен еще несколькими причинами. Во-первых, он не был типичным русским городом. Подобно Санкт-Петербургу он возводился с нуля, даже если можно так сказать, с абсолютного нуля. Сама идея появления город, а точнее – гигантского завода – не имел ничего общего с русскими городами, ни по функциям, ни по планировке и застройке.

Во-вторых, своеобразно складывалась и социальная стратификация Екатеринбурга: обилие технических специалистов, большая (для провинции) концентрация иностранцев, люди с инженерным образованием или навыками в составе администрации и т. п.

В-третьих, все эти технические и социокультурные новации, тем не менее, вошли во взаимодействие с традицией: ведь город строили местные крестьяне, охраняли солдаты, вспомогательными работами руководили местные подьячие и приказчики. Взаимодействие культур дало удивительный синтез, выразившийся в качестве и своеобразии городской среды, которая также нуждается в комплексном изучении.

Проект реализуется коллективом сотрудников и преподавателей Уральского федерального университета, Лаборатории эдиционной археографии департамента «Исторический факультет». В основу проекта положен принцип междисциплинарной интеграции гуманитарных и естественно-научных методологий и разработок, с привлечения современных технико-технологических методов и средств в сфере гуманитарного знания.

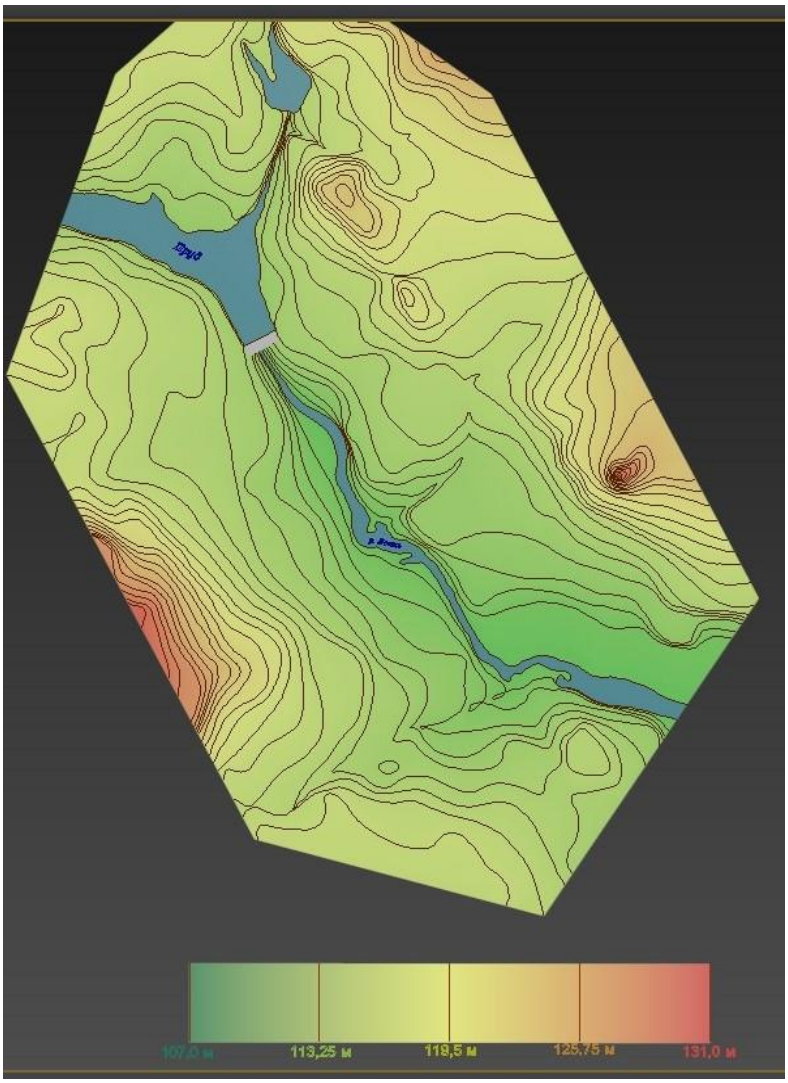
Технологические задачи проекта на настоящий момент представлены следующим образом.

Одной из основных задач проекта является создание трехмерной модели Екатеринбурга по состоянию на 1733 г. с параллельным формированием традиционной для гуманитаристики научной продукции: вербальных текстов (статей и монографии), в которых по принципу «плотного описания» будет раскрыта жизнь городского гетерогенного сообщества раннего Екатеринбурга первых десятилетий его существования.

Источниковой базой реконструкции стали, прежде всего, текстовые источники, документы центральных и региональных архивов: жизнедеятельность раннего Екатеринбурга очень хорошо отражена в документах. В первую очередь назовем комплексную документацию, фиксирующую (в конкретном временном срезе) состояние Екатеринбурга к концу 1733 года. Были выявлены сведения об особенностях фортификационных сооружений города, о количестве и функционале промышленных, административных и жилых зданий и строений, их размерных характеристиках и внутреннем обустройстве (оборудование, инструменты, мебель, интерьер). В этих же документах представлены сведения и о населении города-завода. Вкупе с чертежами, ландкартами и рисунками это дает возможность предельно корректной и научно выверенной трехмерной реконструкции архитектурно-пространственного облика города. Отсюда дата, вынесенная в название проекта. Она имеет принципиальное значение для исторического моделирования, но играет условную роль «реперной точки» для реконструкций социальной организации и социокультурных процессов и явлений. В истории города это особый рубеж – смена эпох – в 1734 г. генерал-майор В. И. Геннин передал (по указанию верховной власти) уральские заводы в управление новому горному начальнику – В. Н. Татищеву. И уже с 1735 г. начинаются работы по изменению архитектурного облика города.

Проведение работ планируется в двух взаимосвязанных предметных областях. Первый год работ был посвящен анализу исторических источников, нацеленному, во-первых, на обработку корпуса письменных исторических источников, необходимых для трехмерной реконструкции облика города, выявление и обработку визуальных материалов первой трети XVIII в., адаптацию их к цифровому виду. Наибольших трудозатрат потребовал процесс извлечения из архивных документов характеристик объектов городской застройки: в частности, это были описи, по которым город передавался от В. И. Геннина В. Н. Татищеву – документ очень детальный, с большим объемом листажа.

Кроме того, усилия коллектива были направлены на выявление основных социальных групп раннего Екатеринбурга, их происхождения, критериях их обособления (статусные характеристики), их пространственной локализации внутри города и иерархической соотнесенности в рамках городского сообщества.



Технические этапы проекта первого года реализации проекта сложились следующим образом.

Первый этап был посвящен процессу воссоздания рельефа той части территории, на которой располагался город, его посады и хозяйственные объекты. За основу были взяты материалы топографической съемки города 40-х – 50-х гг. XIX в. Обращение к топографическим данным более позднего периода мы сочли вполне корректным, поскольку на протяжении ста лет последовавших с момента постройки Екатеринбурга антропогенное воздействие на ландшафт центра города и его окрестностей было минимальным.

Трехмерная модель ландшафта была выполнена с помощью программы Autodesk 3D Max. Данная программа была выбрана для последующей интеграции рельефа и строений города, которые также буду выполнены в среде 3D Max. Выбор программного редакторы был осуществлен на основе опыта коллег, представленного в научных изданиях [Жеребятьев, с. 117–118] и тех возможностей, которыми располагает на данный момент времени коллектив.

На втором этапе мы сосредоточили внимание на реконструкции основных строений города, в числе которых базовым объектом для привязки на местности стала крепостная стена. Екатеринбург стал одним из первых городов-заводов новопетровского типа, имеющий крепостное сооружение. Крепости возводились по общегосударственным правилам – с начала XVIII века они были деревянно-земляными, с бастионами [Лотарева, с. 150]. На основе текстовых и визуальных источников были определены размеры крепости и, далее, была проведена привязка крепостной стены к ранее построенному ландшафту.

На третьем этапе рабочая группа призвана осуществить работы, направленные на создание схемы локализации зданий и сооружений города внутри крепостной стены.

Четвертый этап, который будет завершать первый год проекта, нацелен на разработку чертежей основных зданий города, с их последующей трехмерной визуализацией в середе 3D Max.

Одним из значимых результатов проекта стало создание двух баз данных. Одна из них включает формализованные данные обо всех объектах городской среды, вторая содержит сведения о руководителях горнозаводского Урала первой трети XVIII в.

В конечном итоге коллектив надеется, что итоги проекта будут востребованы в градостроительных научных изысканиях, при формировании городской микроэкономики с упором на георебрендинг и особенности исторического развития города и региона. Будут востребованы результаты реконструкции и в сфере познавательного туризма, а также в области инновационных обучающих программах: молодые поколения граждан особенно восприимчивы к визуальным и интерактивным формам подачи материала. Найдут свое результаты исследования и в развитии программ по популяризации исторического знания среди широких слоев населения (public history); общественный запрос на такие программы существует, что доказывается, в частности, высокой востребованностью проекта мультимедийных исторических парков «Россия – моя история». И одна из основных задач проекта лежит в плоскости возрождении и сохранении историко-культурного наследия, как в виртуальных моделях, так и в вариантах «дополненной реальности».

1. Козинец, Л. А. Каменная летопись города / Л. А. Козинец. – Свердловск : Сред. Урал. кн. изд-во, 1989. – 64 с.
2. Бородкин, Л. И. Digital history: применение цифровых медиа в сохранении историко-культурного наследия? / Л. И. Бородкин // Историческая информатика. – 2012. – № 1. – С. 14–21.
3. Бородкин, Л. И. Виртуальная реконструкция монастырских комплексов Москвы: проекты в контексте Digital Humanities / Л. И. Бородкин // Вестник Пермского университета. Серия «История». – 2014. –№ 3. – С. 107–115.
4. Бородкин, Л. И. Технологии 3D-моделирования в исторических исследованиях: от визуализации к аналитике / Л. И. Бородкин, Д. И. Жеребятьев // Историческая информатика. – 2012. – № 2. – С. 49–63.
5. Жеребятьев, Д. И. Методы трехмерного компьютерного моделирования в задачах исторической реконструкции монастырских комплексов Москвы / Д. И. Жеребятьев. – М. : МАКС Пресс, 2014. –224 с.
6. Лотарева, Р. М. Города-заводы России. XVIII – первая половина XIX века / Р. М. Лотарева. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та ; Урал. архит.-худож. Ин-т, 1993. – 216 с.
7. Юмашева, Ю. Ю. Источниковая база исторических реконструкций объектов историко-культурного наследия: к постановке проблемы / Ю. Ю. Юмашева // Историческая информатика. – 2020. – № 3. –С. 21–50.

Колесникова М. Е.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАТЕЛИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (ОПЫТ ПОДГОТОВКИ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО УКАЗАТЕЛЯ «ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ АБХАЗИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА»)

Справочно-библиографические труды и пособия представляют собой репрезентативный и универсальный исторический источник, без которого невозможно комплексное изучение истории и культуры того или иного региона. Историческая библиография, складывавшаяся постепенно, в процессе выявления, описания, учета и систематизации исторической литературы, опубликованных источников, а также изданий, обобщающих библиографических пособий по местной истории, со временем превратилась в самостоятельную область научно-библиографической деятельности, в результате которой появились специальные справочно-библиографические труды и пособия. Библиографические указатели являются универсальным справочником, который содержит сведения о печатных изданиях – результате интеллектуальной деятельности, являющихся к тому же фактами материальной культуры и продуктом полиграфического производства. Анализ их сам по себе позволяет получить новое историческое знание.

Функции историко-краеведческой библиографии гораздо шире, чем простое удовлетворение потребностей исторической науки. Она позволяет увидеть и понять специфику, тенденции и особенности развития интеллектуального сообщества региона, истории его изучения в различные исторические эпохи; обеспечивает понимание интеллектуальных «пересечений» краеведческих текстов, способствует пониманию их смыслов; «сосредотачивает» и «удерживает» в региональном культурном поле краеведческое информационное богатство, являясь, в то же время, одним из самых оперативных средств доступа к нему; выполняет функцию систематизации исторических источников, отражая результаты интеллектуальной деятельности, которая дает возможность интерпретировать социокультурную среду, в которой эта деятельность осуществлялась.

О роли библиографии и возможностях источниковедческого изучения библиографических пособий писали Н. В. Здобнов, М. В. Сокурова, М. В. Машкова, Г. В. Михеева, О. С. Острой, Б. А. Семеновкер, А. И. Слуцкий, В. Ф. Патракова, Л. М. Есипенко, Л. В. Астахова, Д. Н. Бакун, Т. В. Бернгардт и др. В их рабо-

тах, посвященных разным периодах развития исторического знания, рассмотрена функциональная роль исторической библиографии в сохранении исследовательской традиции историописания.

Библиографические указатели являются своеобразным отражением характера запроса общества на те или иные существующие публикации, которые содержатся в них. Каждая работа, внесенная в указатель, фиксируют не только адресные сведения, но и информацию об издателе, типографии, тираже, что позволяет рассмотреть степень распространения той или иной литературы, ее читаемость и потребность в ней, определить исследовательский интерес на том или иной этапе развития исторического знания. В структуре указателя, характере вспомогательных ключей к нему, системе записей, стиле аннотаций четко прослеживается авторская позиция составителя-библиографа, его понимание исторической реальности.

Библиографические издания представляют собой особый вид источников для изучения различных вопросов, связанных с организацией научной деятельности, с проблемой научных кадров, тенденцией развития научных идей, межличностных взаимодействий ученых, с рассмотрением историографических сюжетов. Такое свойство библиографических указателей позволяет рассматривать их в качестве источников, несущих первичную науковедческую информацию, дающих представление о корпусе исследователей, занимавшихся разработкой проблем истории науки, об уровне вовлеченности в этот процесс представителей различных направлений дисциплинарного знания, а также о характере околонаучного сообщества (в лице издателей, краеведов-любителей, собирателей древностей и т. д.). Своеобразие этого источника на уровне типологизации (общая, специальная, отраслевая, региональная библиография, биобиблиография) отражает степень участия той или иной категории отдельных исследователей в научном процессе.

Составление библиографий – совершенно особый жанр научного исследования. Авторы-составители во многом предопределяют последующие исследования в определенной области, задают условия для трансляции имеющегося исторического знания. Науковедческое и методологическое значение библиографий еще не в полной мере осознано современным научным сообществом несмотря на то, что роль истории науки в структуре и содержании научного знания стремительно возрастает. До сих пор многие библиографические указатели и справочники продолжают оставаться недоступными для большинства профессиональных исследователей из регионов страны и зарубежья, поскольку являются раритетами, хранятся в фондах отделов редких книг центральных и провинциальных научных библиотек и в архивах. Актуальной остается задача по созданию обобщающих библиографических указателей по истории, источниковедению и историографии отдельных регионов, государств.

Интерес к кавказоведению, частью которого является история Абхазии, проявившийся в последнее десятилетие XX столетия – начале XXI в., заставил историков всерьез заняться разработкой источниковой и историографической базы. Исследователи получили доступ к ранее недоступным комплексам источников, в том числе историографическим, оказались перед лицом старых- новых историографических практик. Особое значение приобрели выявление, описание, публикация, библиографирование архивных и печатных источников по истории отдельных областей Кавказа. Накопление научных знаний о прошлом народов Кавказа в российской исторической науке длительный процесс, начавшийся в XVIII в. Каждое поколение исследователей открывает новые грани истории региона, вводит в научный оборот исторические источники. Многочисленные научные труды (публикация источников, статьи, монографии, рецензии, тезисы докладов, материалы конференций, диссертации и т. д.) по истории Кавказа, являются источниковой базой (историографические источники) по истории изучения региона.

Необходимость разработки историографии различных проблем абхазоведения актуализировали работу по систематизации исторической литературы и составлению библиографического указателя. В 2019–2020 гг. совместно с учеными Республики Абхазия осуществлялась подготовка Библиографического указателя по историографии и источниковедению истории Абхазии XIX – начала XX в. (научный проект РФФИ и АНА № 19–59–40001). Работа проводилась на базе международной Лаборатории биографических исследований, созданной в Северо-Кавказском федеральном университете в рамках договора о сотрудничестве между университетом и Абхазским институтом гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии.

Была предпринята попытка собрать в одном справочном пособии сведения о книгах и статьях, сборниках документов, тематически связанных с историей изучения Абхазии научным сообществом, учреждениями и организациями, а также отдельными исследователями XIX-начала XX в. [1] Пристальный интерес к указанному периоду обусловлен тем, что именно в это время происходит становление и развитие местной историографической традиции, для которой характерно сочетание общих с российской национальной исторической наукой и специфических, присущих только Кавказскому региону, черт.

Формирование контента литературы осуществлялось на основе известных библиографий общего и отраслевого типа, библиографических справочников, а также каталогов и картотек Российской государственной библиотеки (Москва); Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург); Национальной библиотеки Республики Абхазия имени И. Г. Папаскир (г. Сухум), библиотеки Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии (г. Сухум), Ставропольской государственной краевой универсальной научной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова; библиотек Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) и Абхазского государственного университета (г. Сухум). Были использованы материалы «Абхазской Интернет-библиотеки» – уникального информационного ресурса, на котором собраны многочисленные тексты об Абхазии [http: //apsnyteka. org].

Принцип систематизации изданий в указателе всецело подчинен основной цели – учету литературы, отражающей своеобразие процесса отраслевой и дисциплинарной дифференциации гуманитарного знания на фоне истории массового исторического сознания, опирающегося на вековые традиции ценностных подходов к осмыслению эмпирических данных истории отдельного региона (Абхазии). Предварительный анализ собранной научной литературы позволил выявить публикации, которые являются отражением результатов интеллектуальной деятельности по изучению Абхазии в XIX- начале XX вв., сгруппировать их по тематическому признаку. Это позволило с большей наглядностью отразить становление и развитие историографической традиции Абхазии, обозначить основные направления и степень изучения отдельных проблем, определить роль научных центров и научных обществ, отдельных исследователей в разработке истории Абхазии.

Рубрикатор указателя включает разделы: Источники и источниковедческие исследования по истории Абхазии; Историография истории народов Кавказа XIX-начала XX вв. Историография истории Абхазии XIX-начала XX вв.; История изучения Кавказа. История изучения Абхазии в XIX-начале XX вв.; Известия об Абхазии в трудах путешественников, военных, ученых, историков-любителей и краеведов XIX-начала XX века; Научные общества и учреждения, изучавшие Абхазию в XIX-начале XX века и их труды; Биобиблиография исследователей Абхазии XIX-начала XX в. ; История периодической печати Абхазии XIX-начала XX в. ; История музейного дела Абхазии XIX-начала XX в. ; История библиографии Кавказа. История библиографии Абхазии; Научно-отраслевое знание об Абхазии: археология Абхазии, этнография Абхазии, история Абхазии, история абхазского языка и культуры, церковная история Абхазии, краеведение Абхазии; Справочно-библиографические издания по истории Абхазии: библиографические указатели и пособия общего типа, справочно-энциклопедические издания, справочные книжки и путеводители; Кавказоведение; Теория и методология исторической науки.

В первый раздел включены преимущественно источники по истории Абхазии XIX-начала XX в. При отборе литературы для второго раздела составители стремились представить фронтальную картину разработки истории Абхазии в историографии. В отдельном разделе представлены работы, дающие возможность увидеть процесс становления и развития историографической традиции в области исторических, археологических и этнографических исследований. Труды ученых показывают, что история изучения Абхазии в XIX-начале XX в. явилась составной частью российского кавказоведения, ее можно назвать коммуникатором научной мысли, поскольку каждое такого рода исследование содержит многовекторную информацию по истории освоения и развития региона. В четвертом разделе собраны записки, очерки, дневники, отчеты путешественников, военных, ученых, историков-любителей XIX-начала XX в. Пятый раздел содержит литературу по истории создания и деятельности научных обществ и учреждений, как столичных, так и местных, изучавших Абхазию и их труды. В отдельном разделе представлены биографические очерки и литература об известных исследователях, историках и краеведах, занимавшихся всесторонним изучением Абхазии в обозначенный хронологический период.

Отдельный раздел содержит литературу по научно-отраслевому знанию об Абхазии. Пользователь найдет здесь научные исследования разных жанров и форм. Учитывались работы, имеющие значительные историографические разделы. Имеется раздел, посвященный справочно-библиографическим изданиям по истории Абхазии и работам по кавказоведению. Завершает указатель раздел, в котором помещены преимущественно новейшие работы общетеоретического и общеметодологического плана, на которых базируется современная историческая наука. Одним из критериев отбора литературы в рамках европейских историографий являлся принцип дополнительности идейных и концептуальных оснований, позволяющий использовать и применять различные методологические приемы зарубежных исследователей, научных школ при изучении истории Абхазии XIX-начала XX в.

Содержание Библиографического указателя дает возможность по-новому осмыслить и раскрыть целый пласт истории Абхазии, преодолеть искусственный разрыв между органически взаимосвязанными научными направлениями – историческим краеведением и регионоведением, отследить историю взаимодействия национальных историографий в плане мониторинга познавательных стратегий кавказоведения, увидеть динамику становления и развития абхазоведения.

1. Историография и источниковедение истории Абхазии XIX – начала XX века : библиографический указатель. Предварительный список / Северо-Кавказский федеральный университет ; Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АНА ; сост.: А. Ф. Авидзба [и др.]. – Ставрополь : Дизайн-студия Б, 2021. – 380 с.

Варламова Л. Н.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО РАЗВИТИЮ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ БАЗЫ ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ И АРХИВОВЕДЕНИЯ

Источниковедение, как отрасль научной деятельности, разрабатывает теорию, методику и технологию изучения различных типов исторических источников. При этом понятие «исторический источник» до сих пор остаётся дискуссионным и варьируется от всего, откуда можно почерпнуть информацию о развитии человечества, включая объекты рукотворного и природного происхождения, до широкого спектра письменных источников. На наш взгляд, стремление максимально расширить понятие «исторический источник» приводит к тому, что эта область научного знания размывается и дублирует другие: палеонтологию, палеоантропологию, историческую экологию и другие науки. Безусловно, источниковедение тесно связано с палеографией, хронологией, исторической метрологией, сфрагистикой, фалеристикой и другими дисциплинами, которые позволяют определить дату, авторство и другие характеристики исторического источника – важнейшим из которых является документ.

Приоритетное положение документа, как исторического источника подтверждается и тем, что исторический анализ источника состоит из двух частей: определения его подлинности и выяснения достоверности его содержания, т. е. отражает критерии оценки документа.

В этой связи, крайне важным становиться само понятие «документ» и его интерпретация во времени. Как писал в своей работе К. Б. Гельман-Виноградов «Научно обоснованная трактовка понятия «документ» является одной из главных теоретических проблем документоведения и архивоведения, поскольку уяснение содержания данного понятия немаловажно для успешного решения широкого спектра междисциплинарных проблем информатизации общества» [1, л. 11]. Сложность понимания этого термина заключается в стремлении исследователей либо трактовать его очень широко, либо наоборот предельно узко применительно к конкретной сфере деятельности, в которой он используется. В определенной степени понятия «исторический источник» и «документ» имеют одинаковые подходы к их интерпретации и методологии определений этих терминов. Яркими исследователями, занимавшимися вопросом интерпретации термина «документ» были и остаются Г. Н. Швецова-Водка [2], А. В. Елпатьевский и Э. И. Хан-Пира [3], К. И. Рудельсон [4], К. Г. Митяев [5], А. Н. Сокова [6], М. П. Ильюшенко и Т. В. Кузнецова [7], В. П. Козлов [8], Э. Р. Сукиасян [9] и многие другие. При этом, определения, данные этому термину в монографиях и учебных пособиях, все же представляют авторское мнение их создателей и не могут быть приняты как официальные.

Официально определение термина закрепляется в законодательном акте или стандарте (государственном или национальном). Несмотря на то, что в России с 2004 года национальные стандарты стали добровольными к применению, они, по сути, является нормативно-методическими документами и повсеместно используются. Широта и дословность применения терминологических стандартов объясняется необходимостью однозначного понимания терминов, используемых в той или иной области деятельности.

В данной публикации мы поговорим о терминологии документоведения и архивоведения, как наиболее близких к источниковедению научных дисциплинах, на примере терминологических стандартов, адресованных специалистам, работающим в сфере делопроизводства и архивного дела, а также в смежных сферах деятельности. Этот подход представляется нам обоснованным ввиду того, что понимание смысла термина «документ» эволюционирует с течением времени, но его стандартизированное определение фиксирует его понимание в рамках определенного исторического периода. Ввиду того, что документ – это один из важнейших исторических источников, можно косвенно сделать вывод и понять, чем эти исторические источники были для их современников, какую функцию выполняли, как характеризовались и оформлялись в конкретный исторический период.

Одним из первых государственных стандартов СССР, регламентирующий терминологическую базу документоведения и архивоведения в прикладной плоскости был ГОСТ 16487–70 «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения». В соответствии с данным стандар-

том документ понимался как «средство закрепления различным способом на специальном материале информации о фактах, событиях, явлениях объективной действительности и мыслительной деятельности человека [10]». Это же определение мы находим и в терминологическом стандарте системы научно-технической информации, библиотечного и издательского дела – ГОСТ 7. 27–80 «СИБИД. Научно-информационная деятельность. Основные термины и определения» [11]. Следует отметить, что этот подход – согласованного использования терминов и их определений, заложенный в СССР, сыграл очень важную роль в формировании единой унифицированной терминологической базы страны в целом и отраслей ее деятельности в отдельности. Таким образом, в 1970–1980-х годах под документом понималась средство закрепления информации о фактах, событиях и явлениях, вне зависимости от способа ее закрепления. Цель – зафиксировать (закрепить) информацию о жизни-деятельности человека на специальном носителе.

Анализируя определение термина «документ», данное в ГОСТ 16487–83 «Делопроизводство и архивное дело Термины и определения», обращает на себя внимание изменение цели создания документа – передача информации во времени и пространстве. Согласно этому стандарту документ – это «материальный объект с информацией, закрепленной созданным человеком способом для ее передачи во времени и пространстве» [12]. Таким образом, в 1980–1990-е годы документ по-прежнему понимается как материальный объект с закрепленной на нем информацией, но с уточнением, что это закрепление должно быть рукотворным, т. е. сделанным человеком (а не природой, например).

В определении термина «документ», стандартизированном ГОСТ Р 51141–98 «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения» сказано, что это «зафиксированная на материальном носителе информация с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать» [13]. Таким образом, на первый план вышла информация, которую можно идентифицировать с использованием реквизитов. Учитывая тот факт, что ряд реквизитов (например, подпись, регистрационный номер, дата, в ряде случаев печать) придает документу юридическую силу, можно сделать вывод, что часть документов может обладать юридической силой, т. е. иметь правовые последствия. При этом, тип носителя информации и способ ее фиксации значения не имел. Следует отметить, что это определение термина «документ» актуально до сих пор.

Действующий в настоящее время ГОСТ Р 7. 0. 8–2013 «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения», по сути, его повторяет. Согласно этому стандарту документ – это «зафиксированная на носителе информация с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать» [14]. Исключение прилагательного «материальный» не меняет смысла, т. к. пока никакими другими носителями информации человечество не располагает (по крайней мере не может хранить и повторно использовать).

Ориентация определения термина на юридическую силу документа и его использование в бизнес процессах усилилась, с введением в практику работы международных стандартов ИСО, путем разработки на основе их дословного перевода национальных стандартов. В контексте нашего исследования следует обратить внимание на ГОСТ Р ИСО 15489 и ГОСТ Р ИСО 30300.

Так, в ГОСТ Р ИСО 15489–1-2007 «СИБИД. Управление документами. Общие требования» под документом понимается «зафиксированная на материальном носителе идентифицируемая информация, созданная, полученная и сохраняемая организацией или физическим лицом в качестве доказательства при подтверждении правовых обязательств или деловой деятельности» [15]. В актуальной версии этого стандарта (ГОСТ Р ИСО 15489–1-2019) документ – «документированная информация, созданная, полученная и сохраняемая организацией или частным лицом в качестве доказательства и актива для подтверждения правовых обязательств или деловой транзакции» [16]. Здесь четко пролеживается ориентация документа (его создание, использование и хранение) на подтверждение деловых операций и правовых обязательств, т. е. на первый план выходит практическая ценность документа здесь и сейчас или в обозримом будущем. Во многом это связано с тем, что в англоязычных (оригинальных) версиях этих стандартов ИСО используется термин «record», а не «document».

ГОСТ Р ИСО 30300–2015 «СИБИД. Системы управления документами. Общие положения и словарь» [17] не содержит термина документ и дает отсылку к терминологии ГОСТ Р ИСО 15489 в действующей редакции.

Таким образом, мы видим, что современное понимание термина «документ» сместилось в практико-ориентированную плоскость. Понятие «документ» уже не может быть эквивалентом понятия «исторический источник», но при этом остается его составной частью.

1. Гельма-Виногардов, К. Б. Особая миссия документов: избранные труды / К. Б. Гельма-Виногардов. – М. : ВНИИДАД, 2009. – С. 11.
2. Швецова-Водка, Г. Н. Общая теория документа и книги : учебное пособие / Г. Н. Швецова-Водка. – М. : Рыбари ; Киев : Знание, 2009. – 487 с.
3. Елпатьевский, А. В. Еще раз о термине «документ» / А. В. Елпатьевский, Э. И. Хан-Пира // Советские архивы. – 1987. – № 1. – С. 50–53.

4. Рудельсон, К. И. Современные документные классификации / К. И. Рудельсон. – Москва : Наука, 1973. – 264 с.
5. Митяев, К. Г. История и организация делопроизводства в СССР : учеб. пособие / К. Г. Митяев ; под ред. А. В. Чернова. – Москва : МГИАИ, 1959. – 359 с.
6. Сокова, А. Н. Документоведение: теория и практика / А. Н. Сокова. – М. : ВНИИДАД, 2009. – 333 с.
7. Ильюшенко, М. П. Документоведение: Документ и системы документации / М. П. Ильюшенко, Т. В. Кузнецова ; под ред. Я. З. Лившица. – М. : МГИАИ, 1977. – 83 с.
8. Козлов, В. П. Документальная память в архивоведческом знании / В. П. Козлов. – М. : Древлехранилище, Архив РАН, 2017. – 329 с.
9. Сукиасян, Э. Р. Практическое документоведение / Э. Р. Сукиасян. – СПб. : Профессия, 2014. – 96 с.
10. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения : ГОСТ 16487–70. – М. : Изд-во стандартов, 1970.
11. СИБИД. Научно-информационная деятельность. Основные термины и определения : ГОСТ 7.27–80. – М. : Изд-во стандартов, 1980.
12. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения : ГОСТ 16487–83. – М. : Изд-во стандартов, 1980.
13. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения : ГОСТ Р 51141–98. – М. : Изд-во стандартов, 1998.
14. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения : ГОСТ Р 7. 0. 8–2013. – М. : Стандартинформ, 2013.
15. СИБИД. Управление документами. Общие требования : ГОСТ Р ИСО 15489–1-2007. – М. : Стандартинформ, 2007.
16. СИБИД. Управление документами. Часть 1. Понятия и принципы : ГОСТ Р ИСО 15489–1-2019. – М. : Стандартинформ, 2019.
17. СИБИД. Системы управления документами. Общие положения и словарь : ГОСТ Р ИСО 30300–2015. – М. : Стандартинформ, 2015.

Попова Е. М.

ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА НОВГОРОДСКОЙ СМУТЫ: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ[1]

События Смутного времени уже давно привлекают исследователей своей многогранностью, однако одним из наиболее интересных сюжетов данного периода является именно история Новгородской Смуты. В целом, историографическая база показывает, что к проблемам Смуты в Новгороде в начале XVII в. обращались как зарубежные, так и отечественные исследователи, которые внесли неопровержимый вклад в изучение различных аспектов указанного периода: военного, административного, налогового, судебного и др. [3, с. 175–182].

Еще до революции историки обращали свое внимание на изучение событий Новгородской Смуты, однако ввиду скудности источниковой базы, они рассматривали ее лишь в контексте общерусской Смуты, не акцентируя внимания на деятельности шведов, занявших Новгород с близлежащими территориями. Основной базой для исследования являлся «Временник» дьяка Ивана Тимофеева, нарративный источник, не представляющий данных актового материала. Еще одним источником являлись летописи, описания которых также были малоинформативными и однотипными.

Некий прогресс был намечен благодаря обнаружению документов фонда Новгородского Оккупационного архива (далее – НОА) в Государственном архиве Швеции [7, с. 285–286]. Уже в конце XIX в. к работе с ним приступили шведские и русские историки, однако наибольшее внимание к архиву было проявлено в XX-XXI вв. Документы НОА по сей день хранятся в Государственном архиве Швеции, но, несмотря на это, они доступны широкому кругу исследователей, т. к. представлены в оцифрованном виде на сайте Riksarkivet. В начале 2000-х гг. группа шведских славистов, при поддержке российских коллег из Новгорода и Санкт-Петербурга, издала удобный для работы с фондом двухтомный каталог с указанием шифров документов, количества страниц и небольшим описанием характеров источников на английском языке [15]. Однако, несмотря на относительную доступность и наличие каталога, фонд по-прежнему нуждается в пристальном внимании со стороны историков, т. к. многие документы все еще не введены в научный оборот и не опубликованы.

Более детально изучить аспекты Новгородской Смуты также позволяют актовые материалы, вывезенные из Швеции профессором Гельсингфорсского университета С. В. Соловьевым [6, с. 179–180]. Это подлинники документов НОА, которые ныне хранятся в Санкт-Петербургском Институте Истории РАН (далее – СПбИИ РАН) в Коллекции 124 (т. н. Коллекция С. В. Соловьева). Работа с фондом в значительной степени затрудняется, ввиду особого графика работы и ограничений в читальном зале архива. К сожалению, на данный момент имеется только опись фонда, однако для удобства возможной перспективой для исследователей может быть создание подробного каталога для работы с источниками. Источники из данной коллекции вводились в научный оборот выборочно, так часть документов была опубликована еще в XIX в. в Дополнениях к Актам Историческим [4, с. 4–82], а также в Актах, относящихся до юридического быта Древней России [1, с. 271–276]. В настоящее время введение в научный оборот и публикация источников из Коллек-

[1] Исследование произведено при поддержке РНФ, проект № 19–18–00183.

ции С. В. Соловьева все чаще встречается в виде приложений к отдельным статьям [2, с. 70–73], в том числе опубликованных нами [12, с. 65–69].

Архив СПбИИ РАН хранит и другой, не менее важный для изучения Новгородской Смуты фонд – Коллекцию 174 (Коллекция Актов до 1613 г.). В данной коллекции частично представлены документы, касающиеся административного устройства в Великом Новгороде в период шведской оккупации, а также отдельные сюжеты, затрагивающие бытовые аспекты новгородского общества указанного периода. Стоит упомянуть, что изученность данных источников примерно такая же, как и у документов Коллекции 124. Говорить об активном введении фонда в научный оборот по сей день не приходится.

На данный момент наименьшего внимания исследователей были удостоены документы из архива графов Делагарди, основной фонд которого хранится в Швеции (в Стокгольме, Лунде, Уппсале). Часть архива хранится в библиотеке Тартуского университета в отделе древностей (RARA) [13, с. 149]. К исследованию и частичной публикации приступали как зарубежные [16], так и отечественные исследователи [14], однако полнота изученности архива по-прежнему далека от абсолюта. Затрудняет работу с фондом то, что в основном, он представлен на старошведском языке, а также не все документы имеют хорошую сохранность. Поэтому, как в свое время отмечал Г. А. Замятин, данный фонд «ждет коллективной организованной работы» [5, л. 143].

Наибольшее внимание хотелось бы уделить Фонду 96, хранящемуся в Российском Государственном Архиве древних актов (далее – РГАДА), т. к. часть документов которого вносит немаловажный вклад в изучение событий указанного периода. В работах исследователей, изучающих новгородскую Смуту, документы данного фонда представлены меньше всего, что, на наш взгляд, является недостатком. В основном фонд наполнен посольскими и дипломатическими переписками и грамотами, которые позволяют получить подробную информацию о подготовке к подписанию Столбовского мира, проблемах и взаимных претензиях русской и шведской стороны [11]. Также в одном из дел фонда представлена информация об обмене пленными, приведены точные поименные списки и краткие расспросные речи, которые характеризуют жизнь в оккупированном городе [9]. Особую важность представляют отписки в Разряд, отправленные из Тихвина с приложением росписей о поборах, чинимых шведами в Новгороде. Дело представлено на 16 листах, оно позволяет расширить имеющиеся данные о налоговой системе, сборе денег на военные расходы, которые проводились шведской администрацией в Новгороде [8]. Однако настоящим подспорьем для будущих исследований является дело № 3 1613 г., в котором собраны перенятые письма Якоба Делагарди, направленные к разным шведским офицерам [10]. Дело представлено на 21 листе, все письма написаны на шведском языке прописными буквами, что значительно затрудняет работу с документами. Сохранность бумаги и чернил хорошая, на всех документах присутствует подпись графа Делагарди. На оборотах писем есть записи на шведском и русском языках, часть из которых была сделана в XVII в., а другая часть принадлежит перу шведского переводчика, актуариуса Московского архива XVIII в. Карла Мерлина, который сделал краткие описания на оборотах, а также переписал часть писем своей рукой в 1790 г. Впрочем, почерк Мерлина еще более сложен для понимания, чем почерк Делагарди. Детальное изучение писем Делагарди, хранящихся в РГАДА, позволит пролить свет на действия шведской администрации в Новгороде в 1613 г., например, по вопросу поместных споров и их решений [10, л. 4], тяжб по крестьянским челобитным [10, л. 6] и т. д. Исходя из записей, сделанных Мерлиным, складывается впечатление, что Делагарди давал своим воеводам указания, максимально успокаивающие новгородцев и привлекающие их к сотрудничеству, что в очередной раз подтверждает тезис о широкой самостоятельности действий Якоба Делагарди на Новгородской земле.

Дополнить картину можно изучением переписки Якоба Делагарди и канцлера Акселя Оксенштерны, которая велась между ними на всем протяжении шведской оккупации Новгорода [17]. В личной переписке Делагарди не только повествует о событиях, происходящих в Новгороде и в Русском государстве в целом, но и о своих эмоциональных переживаниях. Упрощает работу с источником то, что письма были опубликованы и сейчас доступны в репринтных изданиях. Однако приступить к их изучению можно лишь обладая хорошими навыками шведского языка XVII в.

Таким образом, стоит отметить, что, несмотря на неплохую изученность разных аспектов событий Новгородской Смуты начала XVII в., общая картина все еще далека от завершения. Это связано с тем, что ряд источников все еще не востребован в среде исследователей, часть ждет своего транскрибирования и введения в научный оборот. Безусловно, упростит работу исследователя дальнейшая постепенная публикация документов, которой, в т. ч. мы занимаемся сейчас в рамках работы над наполнением базы «Документальные древности стран Балтии и русского Северо-Запада» на платформе сайта Новгородского университета при финансовой поддержке РНФ.

1. Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. – СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1884. – Т. 3. – 523 с.
2. Башнин, Н. В. Сбор налогов в Смуту на Северо-Западе (по новгородским документам из архива СПбИИ РАН) / Н. В. Башнин // Столбовский мир и возвращение Новгородской земли в состав Российского государства. – Санкт-Петербург, 2017. – С. 60–73.
3. Болдырев, Р. В. Шведское присутствие в Великом Новгороде начала XVII в. в свете современной российской историографии / Р. В. Болдырев, Е. М. Кончакова // НИС. – № 15 (25). – 2015. – С. 175–182.
4. Дополнения к актам историческим : в 12 т. – Т. 2. – СПб. : Типография II отделения С. Е. И. В. К., 1846. – 300 с.
5. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. – Ф. 618. Карт. 1. Ед. хр. 1.
6. Коваленко, Г. М. Архивные изыскания С. В. Соловьева в Швеции / Г. М. Коваленко // Скандинавский сборник. – 1988. – Т. 32. – С. 179–183.
7. Нордландер, И. Оккупационный архив Новгорода 1611–1617 гг. / И. Нордландер // НИС. – 1997 – № 6 (16). – С. 285–289.
8. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 96. Оп. 1. Р. 2. Д. 7.
9. РГАДА. – Ф. 96. Оп. 1. Р. 2. Д. 3.
10. РГАДА. – Ф. 96. Оп. 1. Р. 2. Д. 3.
11. РГАДА. – Ф. 96. Оп. 1. Р. 1. Д. 10.
12. Попова, Е. М. К вопросу о природе разбоев в Новгородской земле в Смутное время / Е. М. Попова // Ученые записки УО «Витебского Государственного университета им. П. М. Машерова». – Витебск, 2018. – Т. 28. – С. 65–69.
13. Рабинович, Я. Н. Архив графов Делагарди в Тарту: его история и изучение / Я. Н. Рабинович // Историко-краеведческий журнал «Псков». – 2013. – № 39. – С. 149–159.
14. Саблер, Г. Собрание русских памятников, извлеченных из семейного архива графов Делагарди. Оттиск из «Ученых Записок Имп. Юрьевского Университета» / Г. Саблер. – Юрьев, 1896. – 84 с.
15. Account of an Occupied City: Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617 / Elisabeth Löfstrand and Laila Nordquist. Serie I. – Stockholm : Almquist & Wiksell, 2005. – 298 p. ; Serie II. – Stockholm : Almquist & Wiksell, 2009. – 606 p.
16. Lossius, J. Der Grafen de Lagardie in der Universitätsbibliothek zu Dorpat / J. Lossius. – Dorpat : In Commission bei K. F. Kohler in Leipzig, 1882. – 160 s.
17. Rikskansleren Axel Oxenstiernas skrifter och brefvexling / Utgifna av kongl. Vitterhets-historie och antiqvitets academien. Senare afdelningen. Femte bandet. Jacob De la Gardies bref 1611–1650. – Stockholm : P. A. Norstedt & söners förlag, 1893. – 640 s.

Соколов С. В.

ГОТЛИБ БАЙЕР КАК КУЛЬТУРНЫЙ АНТРОПОЛОГ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ: ДОКУМЕНТЫ СПЕЦИАЛЬНОЙ КОЛЛЕКЦИИ БАЙЕРА В БИБЛИОТЕКЕ УНИВЕРСИТЕТА ГЛАЗГО[1]

Готлиб Зигфрид Байер – один из самых узнаваемых российских историописателей и один из самых неизвестных. Байера знают как отца-основателя «норманизма» (наряду с Миллером и Шлецером), но знание это, зачастую весьма поверхностное и, как правило, основано на историографических штампах. В лучшем случае историки знакомятся со статьей Байера «О варягах», переведенной на русский язык в 1740-е гг. К. Кондратовичем. Контекст создания этой статьи, другие исследовательские интересы и работы Байера, а также детали его биографии малоизвестны широкому кругу историков. Личность Байера и его труды довольно редко становились темой специальных исследований и, хотя в последнее время появилось несколько очень сильных работ [1; 4], можно сказать, что наиболее полное исследование, посвященное Байеру, защищенное в качестве диссертации Ф. Бабингером, вышло в 1915 г. на немецком языке [8]. Важно также отметить монографию К. Лундбека, в центре внимания которого деятельность Байера как синолога [10]. Имеются и современные обобщающие работы [9], однако они, в отличие от диссертации Бабингера основаны в большей степени на опубликованных источниках.

Сбор первичных источников, посвященных Байеру, с одной стороны, не является такой уж трудной исследовательской задачей, поскольку основные документы личного происхождения сосредоточены в двух крупных собраниях – Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (СПФ АРАН) и в специальных коллекциях библиотеки Университета Глазго [7; 11]. С другой стороны, личные документы Байера требуют определенной исследовательской подготовки, как минимум языковой, поскольку написаны они на латинском и немецком языках, а часть писем и рукописей содержит вставки на китайском, арабском, древнееврейском и некоторых других языках, изучением которых занимался Байер. Кроме того, в СПФ АРАН личный фонд Байера отнюдь не исчерпывает всех документов с ним связанных; исследователь должен обратить внимание на фонды органов управления Академией. Иная ситуация сложилась в специальной Байеровой коллекции (the Bayer Collection) библиотеки Университета Глазго.

Личный архив Байера и его библиотека незадолго до его смерти в феврале 1738 г. были разделены на две части. Одна часть, содержащая главным образом, книги и документы на китайском,

[1] Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ № FEUZ-2020–0056 «Региональная идентичность России: компаративные историко-филологические исследования».

Автор выражает признательность сотруднику библиотеки Университета Глазго Дэвиду Вестону за помощь и консультации в ходе работы с документами коллекции Байера в 2019 г.

а также переписку Байера и черновики его работ на ориенталистские темы была отправлена в Кёнигсберг и к моменту скоропостижной смерти ученого уже достигла этого города. Другая – и значительная – часть библиотеки и документов личного происхождения находилась в Санкт-Петербурге. Вдова Байера, нуждавшаяся в деньгах, передала документы Байера Академии наук и пыталась продать Академии библиотеку. Документы были приняты (часть из них была опубликована П. П. Пекарским [6, см. указатель на фамилию Байера на с. 731–732]), а вот библиотека, по свидетельству Г. Ф. Миллера так и не была приобретена и, вероятно, продана по частям [3, с. 52–53; 5, см. указатель на фамилию Байер на с. 612].

Документы, отправленные в Кёнигсберг, были приобретены Хайнрихом Гердесом, лютеранским пастором, служившим в Лондоне (он также был членом Лондонского королевского общества). После смерти Гердеса документы были проданы его вдовой Уильяму Хантеру, лондонскому врачу и филантропу, уроженцу Глазго. Хантер завещал свою коллекцию манускриптов и печатных изданий университетской библиотеке. Так документы оказались в Глазго в 1807 г. [11, p. 8–10]. Стараниями Дэвида Вестона, сотрудника библиотеки в 2018 г. был составлен полный каталог документов и печатных изданий, некогда принадлежавших Байеру. В этой коллекции довольно много автографов Байера, а в целом рукописные документы представляют собой письма, черновики статей и записки (печатные издания – в основном ориенталитской тематики, а также китайские книги).

Часть из документов глазгианской коллекции открывает очень интересное и малоизвестное направление исследований Байера – своеобразную культурную антропологию народов, обитавших в астраханских и оренбургских степях, а также в Поволжье. Байер изучал калмыков, башкиров и татар (в число последних могли входить и другие тюркские народы), интересовался их культурой, языком, политической системой и отношениями с русской администрацией. Отчасти эти исследования нашли отражение в писавшейся в 1736 г. «Азовской истории». Сведения о народах, обитавших на российском заволжском пограничье Байер получал от различных корреспондентов. Среди них был, например, Василий Татищев [11, p. 42]. Сведения Байер получал и от архиепископа Феофана (Прокоповича) и от графа Андрея Остермана, а также из других источников, в том числе известий, поступавших в Академию наук [11, p. 98, 106, 109, 121, 151–154].

Помимо народов Астраханской губернии и Оренбуржья Байер интересовался также регионом Восточной Сибири, в частности, его интересовали эвенки, тунгусы и монголы [11, p. 41, 162]. Важно, что Байер старался узнать и оценить политическую ситуацию, сложившуюся во всех указанных регионах. Таким образом, он выступил в роли одного из первых исследователей российских региональных окраин, и с учетом его интереса к истории и культуре вполне может оспаривать пальму первенства в изучении Поволжья и Сибири (статус обычно закрепляемый за В. Н. Татищевым или Г. Ф. Миллером).

В целом, в коллекции библиотеки Университета Глазго выявлено более 70 документов так или иначе связанных с указанными интересами Байера. Большая часть из них написана на латинском языке (оставшиеся на немецком). Эти документы еще ждут своих исследователей. В 2019 г. часть из этих документов автор настоящей работы скопировал во время своего пребывания в Глазго. Информационный потенциал документов не следует преувеличивать, однако для специалистов-историков, исследующих как историю науки, так и собственно историю отдельных народов и регионов России эти документы могут представлять определенный интерес [2].

1. Готлиб Зигфрид Байер – академик Петербургской Академии наук / под ред. Н. П. Копаневой, С. Б. Кореневой, А. В. Прохоренко. – СПб. : Европейский Дом, 1996. – 73 с.
2. Зорин, А. В. О «призрачности» рукописного наследия Семи Палат: отклик на книгу «Буддийский монастырь Аблайхит» / А. В. Зорин // Кунсткамера. – 2020. – № 1 (7). – С. 199–215.
3. История библиотеки Академии наук СССР (1714–1964) / под ред. М. С. Филиппова. – Ленинград : Наука, 1964. – 600 с.
4. Костин, А. А. «Русский автор» в 1739 году: Г. З. Байер, И. И. Тауберт и формирование русского школьного канона / А. А. Костин, Т. В. Костина // Slovene. – 2019. –Vol. 8. – № 2. – С. 163–197.
5. Материалы для истории Императорской Академии наук : в 10 т. – СПб. : Императорская Акад. наук, 1890. – Т. 6 : История Академии наук Г. Ф. Миллера. – 635 с.
6. Пекарский, П. П. История императорской Академии наук в Петербурге : в 2 т. / П. П. Пекарский. – СПб. : Императорская Акад. наук, 1870. – Т. 1. – LXVIII, 774 с.
7. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. – Ф. 784. Оп. 1–2.
8. Babinger, F. Gottlieb Siegfried Bayer (1694–1738). Ein Beitrag zur Geschichte der morgenländischen Studien im 18. Jahrhundert / F. Babinger. – München : Von J. Schon, 1915. – 86 s.
9. Dubowoj, S. M. Gottlieb Siegfried Bayer (1694–1738): From Königsberg tot he Imperial Academy of Sciences in St. Petersburg / S. M. Dubowoj // Canadian Slavonic Papers. – Vol. XXVII. – № 2. – P. 123–139.
10. Lundbaek, K. T. S. Bayer (1694–1738): Pioneer Sinologist / K. Lundbaek. – London ; Malmö : Curzon Press, 1986. – 243 p.
11. Weston, D. The Bayer Collection. A preliminary catalogue of the manuscripts and books of Professor Theophilius Siegfrid Bayer, acquired and augmented by the Reverend Dr Heinrich Walther Gerdes, now preserved in the Hunterian Library of the University of Glasgow / D. Weston. – Glasgow : University of Glasgow, 2018. – 261 p.

Сцебурака А. М.

КРЫНІЦЫ ПА БЕЛАРУСКАЙ ГІСТОРЫІ Ў ФРАНЦЫІ: ГІСТАРЫЯГРАФІЯ ПЫТАННЯ[1]

Шматлікія гістарычныя падзеі мінулых стагоддзяў звязваюць Беларусь з рознымі краінамі Еўропы. Пры гэтым існуе шэраг сюжэтаў, якія знітоўваюць нашу гісторыю з Францыяй. І гутарка ідзе не толькі аб вайне 1812 году, што звычайна лічыцца ледзь не адзінай кропкай судакранання [6]. Так разнастайныя культурныя, адукацыйныя, рэлігійныя, палітычныя кантакты Беларусі і Францыі адлюстраваліся ў архіўных зборах Парыжу і правінцыйных гарадоў. У пэўнай ступені іх выяўленнем займаліся і працягваюць займацца навукоўцы, якіх мы ўключаем у лік прадстаўнікоў французскага беларусазнаўства. Але трэба ўліваць, што іх увага найперш скіраваная на злабадзённыя пытанні грамадска-палітычнага і культурнага развіцця Беларусі ХХ – пачатку ХІХ ст. з адпаведным зваротам да інфармацыі з пераважна беларускіх крыніц. Тут неабходна прыгадаць выдатную сучасную выдавецкую серыю "Калекцыя Беларусь", ля вытокаў якой стаяла В. Шыманец [4]. Шматабяцальнай таксама падаецца значаная колькасць французскіх дысертацыйных даследаванняў на беларускую тэматыку, што дазваляе спадзявацца на трывалае павелічэнне манаграфій і навуковых публікацый у бліжэйшы час. Сярод французскіх навукоўцаў і беларускіх калег, якія рызыкавалі друкавацца па-французску, раз-пораз паўставала пытанне пошуку гістарычных крыніц у французскіх сховішчах, звязаных з беларускім мінулым.

Яшчэ ў канцы 1990-ых гг. беларускі навуковец І. Лялькоў падрыхтаваў і абараніў працу на дыплом D.E.A. ва ўніверсітэце Парыж-І Пантэон-Сарбона на тэму "Рукапісныя крыніцы Нацыянальнае бібліятэкі Францыі па гісторыі зносінаў паміж Францыяй і Вялікім княствам Літоўскім у Новы час (XVI–XVIII ст.)". Тэкст мае выразна крыніцазнаўчы характар і дзякуючы добраму навуковаму варштату можа слугаваць як каштоўны даведнік для працы беларускага гісторыка з рукапісамі ў буйнейшай бібліятэцы Францыі. Як трапна адзначаў аўтар ў прадмове, яго падштурхнула да вывучэння тэмы "поўная нераспрацаванасць як у беларускай, так і ў французскай гістарыяграфіі пытанняў, звязаных з гісторыяй зносін паміж Беларуссю і Францыяй…" [5, с. 14] Аўтар абмежаваўся 120-ццю дакументамі з 39-ці манускрыптаў БНФ, інвентар якіх быў надрукаваны ў якасці дадатку да беларускага выдання працы пад вокладкай часопісу "Athenaeum". У пераважнай большасці гэта дакументы, створаныя ў выніку дыпламатычнай дзейнасці ці справаводства ў самой Францыі. Але ёсць і рукапісы, звязаныя з працай выхадцаў з ВКЛ (славутыя граматыка і размоўнік І. Ужэвіча; дакументы прадстаўнікоў роду Радзівілаў, Сапег і інш.), ці вывезеныя з Беларусі гістарычныя дакументы (напрыклад – "Канстытуцыі і ўхвалы сойму вальнага кароннага двухтыднёвага ў Берасці Літоўскім 1653 г.") [5, с. 29-31]. У пазнейшых працах І. Лялькоў неаднойчы звяртаўся да гісторыі ВКЛ, адкрываючы яе для французскага чытача, але ўжо не ў крыніцазнаўчым ракурсе [2].

Яшчэ адной цікавай, але вельмі лаканічнай спробай падсумавання крыніц па гісторыі Беларусі ХІХ–ХХ ст. ў французскіх зборах стаў нарыс "Унёсак французскіх архіваў ў гісторыю Беларусіі-Беларусі" ("L'apport des archives françaises à l'histoire du Belarus-Biélorussie)" [1]. Яе аўтар Ф. Э. Бакур (1921–2005), вядомы знаўца гісторыі войнаў часу Французскай буржуазнай рэвалюцыі і Першай імперыі, дырэктар "Цэнтру напалеонаўскіх даследаванняў". Адметна, што гісторык заставаўся верным абранаму перыяду і зацікавіўся постаццю Т. Касцюшкі і некаторым іншымі звязанымі з гэтай эпохай беларускімі сюжэтамі.

У абставінах татальнага недахопу абагульняючых даследаванняў акрэсленага зместу мае сэнс звяртацца да даробку польскіх калег. У выніку маштабнага праекта архівістаў і гісторыкаў Парыжа і Варшавы ў пачатку ХХІ ст. пабачыў свет дыхтоўны каталог "Крыніцы па гісторыі Польшчы і палякаў у французскіх архівах" (2003) [3]. Да рэчы, у рамках гэтай ініцыятывы палякі выдалі "Даведнік крыніц па Францыі і французах у Польшчы" (2002). Было б залішнім тут абгрунтоўваць наколькі шмат звязвае гісторыю беларускага і польскага народаў не толькі ў перыяд Рэчы Паспалітай, але і ў ХІХ–ХХ ст. Адпаведна, шматлікія дакументы каштоўныя для палякаў, важныя і для нас. Вылучаючы асобныя тэматычныя блокі, варта пачаць з "класічнай французска-польскай тэматыкі", якая ўключае дакументы аб караляванні ў Рэчы Паспалітай Герыха Валуа, уцёках у Францыю караля Яна Казіміра, шлюбе дачкі караля Станіслава Ляшчынскага Марыі з Людовікам XV, жыцці жонкі двух каралёў з дынастыі Вазаў – Людвікі Марыі Ганзага, жонкі Яна Сабескага – Марысенькі (Марыі Казіміры д'Арк'ен) і інш. Другі вялікі дакументальны пласт звязаны з ўдзелам выхадцаў з "Рэспублікі абодвух народаў" ў рэвалюцыйных і ваенных падзеях у Францыі ў канцы XVIII – пачатку ХІХ ст. Тут архівы захавалі сведчанні аб адзіным выпадку, калі тэрыторыя Беларусі цягам паловы году ўваходзіла ў склад імперыі

[1] Даследаванне выканана пры падтрымцы БРФФД і РФФД у рамках навуковага праекта Г20Р-011 "Сучаснае замежнае гістарычнае беларусазнаўства: эвалюцыя метадалагічных падыходаў і ацэнак".

Напалеона і адначасова пераўтварылася ў арэну жорсткіх баявых дзеянняў і марадзёрства. Сувязі ў пазнейшы час найбольш яскрава ўвасобіліся ў эміграцыі ў Францыю нашых суайчыннікаў, якія ў французскім справаводстве часцей за ўсё занатоўваліся палякамі ("des réfugiés polonais"). У дэпартаментальных архівах Францыі знаходзіцца багата дасье аб эмігрантах з беларускіх губерняў Расійскай імперыі, пераважна інсургентаў па паўстаннях 1830-1831 і 1863-1863 гг. Яны ўтрымліваюць досыць шмат біяграфічных звестак, важных для вывучэння фарміравання беларускай дыяспары ў Францыі. Згадкі беларускага кантэксту ў дакументах канца XIX – першай траціны XX ст. досыць рэдкія. Яны прадстаўленыя пераважна эканамічнымі праектамі, дзейнасцю каталіцкіх манаскіх ардэноў, справамі аб ваенных стратах і палонных часу Першай сусветнай вайны.

На васьмістах старонках даведніка можна адшукаць дакументы ў французскіх архівах са згадкамі як Літвы (дакладней, Вялікага Княства Літоўскага), так і шматлікіх беларускіх гарадоў і мястэчак: Беластоку, Быцені, Вільні, Горадні, Косава, Кобрыну, Менску, Мсціслава, Магілёву, Нясвіжу, Полацку і інш. [3, с. 791, 793–805]. Безумоўна, гэта толькі вельмі павярхоўны і прыблізны падыход, які дазваляе скласці самае агульнае ўяўленне аб наяўнасці цікавых беларускаму гісторыку дакументаў у французскіх архівах рознага ўзроўню і падпарадкавання. У перспектыве неабходна падымаць пытанне аб рэалізацыі праекту "Гістарычныя крыніцы аб Беларусі і беларусах у французскіх архівах". Пры гэтым, час з'яўляецца нашым хаўруснікам, бо апошнія дзесяцігоддзі французскія архівы зрабілі велізарны крок у бок імклівай алічбоўкі і навуковай апрацоўкі зместу дакументаў. Большасць значных архіваў, за выключэнняў архіваў падкантрольных Міністэрству абароны Францыі і Міністэрству замежных спраў, ужо стварылі і зрабілі публічнымі надзвычай шмат раней недасяжных гістарычных дадзеных беларускацэнтрычнага зместу.

1. Beaucour, F. L'apport des archives françaises à l'histoire du Belarus-Biélorussie / F. Beaucour. – Levallois : Centre d'études napoléoniennes, 2000. – 8 f.
2. Lalkoù, I. Aperçu de l'histoire politique du Grand-duché de Lithuanie / I. Lalkoù ; préfacé par B. Drweski. – Paris : l'Harmattan, 2000. – 125 p.
3. Les sources de l'histoire de la Pologne et des Polonais dans les archives françaises / Direction des Archives de France. – Paris : Direction des Archives de France, 2003. – 814 p.
4. Калько, В. Н. Феномен белорусоведения во Франции в XX – начале XXI вв. в отечественной и французской историографической традиции / В. Н. Калько // Вестн. Полесского гос. университета. Сер. обществ. и гуманитар. наук. – 2013. – № 1. – С. 9–14.
5. Лялькоў, І. Рукапісныя крыніцы Нацыянальнае бібліятэкі Францыі па гісторыі зносінаў паміж Францыяй і Вялікім княствам Літоўскім у Новы час (XVI–XVIII стагодзьдзі) / І. Лялькоў ; прадм. А. Дзярновіча // Athenaeum. – Менск, 1998. – 90 с.
6. Сцебурака, А. М. Падзеі вайны 1812 г. у Беларусі ў святле французскіх дакументаў Дзяржаўнага Імператарскага сакратарыята: чаканні і рэчаіснасць / А. М. Сцебурака // Беларускія архівы на мяжы тысячагоддзяў: здабыткі і страты : матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 80-годдзю Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі (Мінск, 28 чэрвеня 2018 г.). – Мінск, 2019. – С. 243–246.

Дубатоўка М. А.

БЕЛАРУСКІЯ АРХІВЫ Ў 1812 ГОДЗЕ: СТРАТЫ І ПЕРАМЯШЧЭННІ

На працягу стагоддзяў у беларускіх гарадах назапашваліся багатыя архіўныя калекцыі, што змяшчалі найкаштоўнейшыя дакументы не толькі для айчыннай гісторыі, але і для разумення гісторыі краін Еўропы ўвогуле. Аднак змены дзяржаўных утварэнняў, у склад каторых уваходзілі землі сучаснай Беларусі, і шэраг ваенных падзей нанеслі архівам велізарныя страты. Вайна 1812 года апынулася для беларускіх губерній чарговай разбуральнай навалай. Ахвярамі канфлікту сталі не толькі людзі, цывільныя будынкі, храмы, палацы, бібліятэкі, але і архіўныя зборы. Прытым шмат якія з іх сёння маглі б лічыцца нацыянальнымі здабыткамі. Многія беларускія архівы зазналі розны, але ўсё адно нешчаслівы лёс: некаторыя зніклі назаўжды ў 1812 годзе; некаторыя ж змянілі месца знаходжаня, невысветленае дагэтуль. У дадзеным артыкуле будуць разгледжаныя страты і перамяшчэнні архіваў у Вільні, Смаленску, Нясвіжы, Гродна, Віцебску і Полацку падчас руска-французскай кампаніі 1812 года.

Вывучэннем лёсу беларускіх архіўных збораў у вайне 1812 г. займаліся ў розныя часы айчынныя і замежныя даследчыкі. Сярод даследванняў за часамі Расійскай імперыі вылучаецца артыкул А. В. Журкевіча аб стратах архіўных збораў Смаленска [4], у якім аўтар надае шмат увагі данясенням непасрэдных сведкаў ваенных падзей 1812 года ў горадзе. Сярод найбольш важных сучасных публікацый па гэтай тэме варта прыгадаць працы М. Ф. Шумейкі [14, 15], у якіх прыводзіцца агульная ацэнка стратаў архіўных калекцый падчас вайны. Таксама гэтаму пытанню прысвечаны працы Т. Ю. Афанасьевай [3], Д. У. Карава [6], А. М. Латушкіна [8, 9], М. М. Сачка [11]. Аднак грунтоўнае даследванне стратаў і перамяшчэнняў беларускіх архіваў у 1812 годзе ў сучаснай гістарыяграфіі адсутнічае.

Варта сказаць, што падчас ваенных падзей больш за ўсё пацярпелі архівы невялікіх гарадоў, бо ў іх захаванні царскія ўлады не бачылі сэнсу. Ставілася задача перш-наперш уратаваць архіўныя зборы, што мелі палітычнае і маёмаснае значэнне. Так, у рапарце гарадзенскага губернатара А. Ланскога ад 4 чэрвеня 1812 года адзначалася, што былі прынятыя меры па транспартацыі архіваў з прысутных месцаў Гродна, Берасця і іншых павятовых гарадоў у Вільню. Далей меркавалася перавезці іх у Пскоў [15, с. 47]. Пытанне аб характару дакументаў у архіве Вільні, іх дакладнае месцазнаходжанне падчас і пасля 1812 года мусіць быць даследвана асобна. Аднак вядома, што архіў Полацкага біскупства ў перыяд з 1810 па 1828 гг. знаходзіўся ў Вільні і не пацярпеў падчас руска-французскай кампаніі [2, с. 6].

Напярэдадні вайны 1812 года ў Смаленскім архіве вылучаліся тры асноўныя часткі: губернскі архіў, архіў гарадскога магістрату, архіў праваслаўнай кансісторыі [4, с. 347]. Калі да горада падыйшлі французскія войскі, акупацыйнае камандаванне прыняло рашэнне спаліць гарадскія будынкі, у ліку якіх быў і архіў. Уратаваўся ў вогнішчы вайны толькі кансісторскі архіў [4, с. 345]. Смаленскі губернатар барон К. І. Аш узгадваў, што царскія войскі паспелі вывезці планы, мапы, аднак архіў не паспелі праз банальны недахоп коняў і чалавечых рэсурсаў [4, с. 352]. Хаця зараз Смаленск не ўваходзіць у межы нашай дзяржавы, мы разглядаем архіў з нагоды таго, што па нашесці Напалеона архівы прысутных месцаў беларускага горада Мсціслаўля (у тым ліку старажытныя дакументы да 1662 г. [7, с. 63]) былі перавезеныя менавіта ў Смаленск як у бяспечнае месца, якое не будзе занятае французамі ніколі. Царскі ўрад засцерагаўся авалодання французамі інфармацыяй аб мясцовасці на тэрыторыі імперыі, якую яны займаюць; гэтым тлумачылася палітыка эвакуацыі архіваў як важных стратэгічных крыніц [11, с. 100]. Дастаўляліся дакументы «в 19 тюках и 6 сундуках при двух рядовых штатной команды, а затем сложены в нижнем этаже корпуса Совестнаго Суда» [4, с. 357–358].

Таксама варта улічыць, што ў XVIII ст. у Смаленск быў перавезены архіў Лідскага замку [5, с. 29]. Падчас паўстання 1794 г. ў сакавіку горад быў канчаткова заняты рускімі войскамі, Лідскі замак разбураны, а старажытны архіў, што захоўваўся ў замку, перавезлі ў Смаленск [13, с. 51]. Трэба сказаць, што ў стане на ранейші перыяд, XVI-XVII стст., лідскі замак ужо не адыгрываў сваёй першапачатковай абарончай ролі. Там праходзілі павятовыя сеймікі, адбываліся судовыя працэсы, і таму ў замку захоўваліся архівы земскага суда, якія, верагодна, і былі вывезеныя ў Смаленск, а пасля спаленыя [12, с. 33].

Што да лёсу архіва роду Радзівілаў у Нясвіжы і падзей 1812 года, пытанне патрабуе дадатковага і паглыбленага вывучэння. Значныя страты бібліятэка і архіў Радзівілаў панеслі ў 1772 г., а таксама падчас Другой сусветнай вайны, таму гэтыя перыяды ў гісторыі архіву даследваныя лепей; час вайны 1812 года застаўся ў цені ўвагі даследчыкаў [8, с. 103]. Нясвіжскі архіў пры ардынаце Дамініку Радзівілу знаходзіўся не ў лепшым стане. Гэта тлумачылася частымі зменамі прадстаўнікоў князя, якія гэтак жа часта змянялі архіўных службоўцаў.

Часткова архіў замка быў вывезены ў Няборава [15, с. 48], часткова знішчаны акурат на месцы [1, с. 63]. Захаваліся пазнейшыя сведчанні архіварыюсаў Рамуальда Сымановіча і Ануфрыя Ёдкі аб тым, што безліч актаў і папер з архіва падчас вайны 1812 года былі раскіданыя па дзядзінцы і замкавых валах, а ў саміх памяшканнях хадзілі наўпрост па дакументах, якіх было насыпана да пояса [9, с. 51–52]. Салдаты дазвалялі сабе рэзаць пергамент і выкарыстоўваць для рамонту падцяжак. Апрача таго, дакументы архіву замянялі дровы для абагрэву палаца [7, с. 62], а «… другие документы исторической важности похищены разными лицами. Печати, не только украшенные алмазами, но и медные, какие только были и имели приятную наружность, тогда от документов оторваны» [14, с. 160].

Архіў горада Гродна таксама пацярпеў у вайне 1812 года. Перад акупацыяй французскімі вайскамі царскім урадам было прынята рашэнне вывезці архіўныя дакументы. Яны апынуліся ў Маскве і Тамбове. На жаль, назад вярнулася толькі частка, бо некаторыя фонды згарэлі падчас пажара ў Маскве [3, с. 115].

Віцебскі архіў з дакументамі яшчэ часоў Сярэднявечча ў 1812 годзе быў часткова перавезены ў Лугу, часткова (матэрыялы дваранскага сходу) – у Невель. Падчас транспартацыі былі згубленыя гарадскія і земскія кнігі Віцебскага ваяводства за 1718 г. і з 1746 па 1772 гг. [10, с. 7]. У запісцы саветніка Рубцова да віцебскага губернатара падкрэсліваецца, што тая частка архіва, якая ўсё ж захавалася пасля вайны 1812 года, занядбана гніе [7, с. 62]. Полацкі архіў таксама зазнаў страты ў вогнішчы падзей 1812 года. Часткова дакументы эвакуявалі ў Пскоў, а архівы полацкага арцыбіскупства згарэлі [6, с. 8, 19].

Такім чынам, архівы беларускіх гарадоў у 1812 годзе панеслі значныя страты. Некаторыя архіўныя калекцыі былі вывезеныя царскімі ўладамі ў іншыя губерні Расійскай імперыі і не вярталіся назад альбо вярталіся часткова. Некаторыя былі знішчаныя ў вогнішчы французскімі жаўнерамі. Важным застаецца факт, што нават калі нейкую мясцовасць не акупавалі непасрэдна

французы, каштоўнейшыя дакументы архіўных збораў ўсё адно пацярпелі ад рук расійскага войска: іх знішчалі на месцы або вывозілі, як паказала пазнейшая гісторыя, без магчымасці вяртання назад. Таму ў межах дадзенага артыкулу даць компексную ацэнку архіўным стратам немагчыма. Пытанне патрабуе вывучэння ў межах не толькі ўсіх пацярпелых гарадскіх архіваў, але таксама архіўных збораў у шляхецкіх сядзібах, кляштарах, храмах розных канфесій. Правядзенне глыбокага аналізу дадзенай тэмы дазволіць скласці поўную карціну страт, нанесеных беларускім архіўным зборам вайной 1812 года.

1. Антонава, Т. Ці стане Нясвіж турыстычнай Мекай? // Беларуская мінуўшчына. – 1995. – № 1. – С. 63–67.
2. Архіў уніяцкіх мітрапалітаў. Дакументы да гісторыі царквы ў Беларусі XV–XIX стст. у фондзе «Канцылярыя мітрапаліта грэка-уніяцкіх цэркваў у Расіі» : даведнік / склад.: С. І. Паўловіч, Т. М. Мальцава. – Мінск–Полацк, 1999. – 386 с.
3. Афанасьева, Т. Национальному историческому архиву в Гродно – 65 лет / Т. Афанасьева // Архівы і справаводства. – 2005. – № 1. – С. 115–117.
4. Жиркевич, А. В. Смоленские архивы в 1812 г. / А. В. Жиркевич // Смоленская старина. – Смоленск, 1909. – С. 345–371.
5. Калубовіч, А. Мова ў гісторыі беларускага пісьменства / А. Калубовіч. – Ч. 1. – Мюнхэн–Лёндан, 1974–1975. – 84 с.
6. Караў, Д. Архіўная спадчына Вялікага Княства Літоўскага і беларускія архівы ў канцы XVIII – пачатку XX стст. / Д. Караў // Спадчына. – 1996. – № 1. – С. 3–25.
7. Клепікаў, М. Я. Румянцаўскі гурток і ахова помнікаў гісторыі і культуры Беларусі / М. Я. Клепікаў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2003. – № 1. – С. 60–66.
8. Латушкін, А. М. Дакументальныя страты Нясвіжскага архіва Радзівілаў у другой палове XVIII – першай палове XX сагоддзяў / А. М. Латушкін // Архівы і справаводства. – 2007. – № 2. – С. 102–107.
9. Латушкін, А. М. Да гісторыі Нясвіжскага архіва князёў Радзівілаў у 1790–1818 гг. / А. М. Латушкін // Беларускі археаграфічны штогоднік. – 2005. – № 6. – С. 46–60.
10. Левко, О. Н. Витебск XIV-XVIII вв. : (Стратиграфия, хронология, социал. -ист. топография и технология пр-в) / науч. ред. В. А. Булкин. – Минск : Наука и техника, 1984. – 120 с.
11. Сачок, М. М. Мартыралог дакументальных помнікаў Гродзенскай губерні (Да гісторыі фондаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі ў г. Гродна) XIX-XX стст. / М. М. Сачок // Архівы Беларусі на рубяжы XX–XXI стст.: гісторыя, стан, перспектывы развіцця : матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 8–9 лют. 2000 г. – Мінск : БелНДІДАС, 2001. – С. 99–104.
12. Ткачоў, М. А. Абарончыя збудаванні заходніх зямель Беларусі XIII-XVIII стст. / М. А. Ткачоў. – Минск : Навука і тэхніка, 1978. – 144 с.
13. Шимелевич, М. И. Город Лида и Лидский замок (исторический очерк) / М. И. Шимелевич // Виленский календарь. – Вильно, 1906. – С. 37–57.
14. Шумейко, М. Ф. Война 1812 года и белорусские архивы / М. Ф. Шумейко // Французская рэвалюцыя і лёсы свету : матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., прысвеч. гадавіне Фр. рэвалюцыі (1789–1799 гг.), Мінск, 21–22 крас. 1999 г. / рэдкал.: У. С. Кошалеў (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ. – 1999. – С. 159–160.
15. Шумейко, М. Ф. Архивоведение Беларуси : учебное пособие для студентов исторических факультетов вузов : в 2 ч. / М. Ф. Шумейко, К. И. Козак, В. Д. Селеменев. – Ч. 1. – Минск : Издательский центр РИВШ. – 1997. – 101 с.

Карпекін К. Р.

АРХІВЫ І БІБЛІЯТЭКІ ПРАВАСЛАЎНЫХ ЦЭРКВАЎ У 1918–1920-Я ГГ. (НА ПРЫКЛАДЗЕ ЛЁЗНЕНШЧЫНЫ)

У канцы XIX – пачатку XX ст. на тэрыторыі беларуска-літоўскіх губерняў Расійскай імперыі найбольшая частка насельніцтва належала да праваслаўнага веравызнання. Цэрквы знаходзіліся ва ўсіх гарадах і мястэчках, у многіх сельскіх населеных пунктах і з'яўляліся важнымі сацыяльна-культурнымі цэнтрамі. Акрамя іншых функцый праваслаўныя святары займаліся асветніцкай і рэгістрацыйнай дзейнасцю, таму натуральным з'яўляецца ўзнікненне пры храмах архіваў і бібліятэк. Па сённяшні час здараюцца выпадкі знаходжання ў храмах пад час рамонтных работ дагэтуль невядомых метрычных кніг і старадрукаў.

Мэта дадзенага даследавання – прааналізаваць стан архіваў і бібліятэк праваслаўных цэркваў у сацыяльна нестабільны перыяд часу – 1918 – 1920-я гг. (на прыкладзе тэрыторыі сучаснага Лёзненскага раёна Віцебскай вобласці).

Змена палітычнага ладу пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі 1917 г. выклікала трансфармацыю сацыяльнай ролі праваслаўнай царквы, у сувязі з чым пачалася кампанія па перадачы метрычных кніг з храмаў органам мясцовай улады. Заканадаўчай базай дадзенага мерапрыемства стаў дэкрэт УЦВК і СНК РСФСР "Аб грамадзянскім шлюбе, аб дзецях і аб вядзенні кніг актаў стану" ад 18 снежня 1917 г. [1, с. 249]. У даследуемым рэгіёне найбольшая частка царкоўных архіваў была перададзена ў валасныя выканкамы ў 1918 г., прычым значная частка – восенню. Меліся і асобныя выпадкі больш позніх перамяшчэнняў: напрыклад, метрычныя кнігі Нова-Бельскай царквы апынуліся ў валвыканкаме 25 лютага 1919 г. Найбольш раннія кнігі датаваліся 1820-мі гг., а самыя познія – 1918 – 1919 гг. (іншымі словамі, святары рабілі запісы да моманту здачы архіваў). У гэты час з асобных цэркваў у валвыканкамы перадаваліся і іншыя дакументы: у прыватнасці, у 1918 г. такі лёс напаткаў прыхода-расходныя кнігі, царкоўны летапіс і кіравыя ведамасці Дабрамыслінскай царквы [8, арк. 18; 11, арк. 54 адв., 59, 64 – 64 адв., 67, 85, 90 адв.].

Калі згаданае вышэй перамяшчэнне, па сутнасці, азначала змену ўласніка архіваў і не павінна было кардынальным чынам адбіцца на ўмовах іх захавання, то адначасова адбываўся працэс бессэнсоўнага псавання царкоўных архіваў і бібліятэк. Так, у хуткім часе пасля рэвалюцыі 1917 г. архіў Веляшковіцкай царквы, які захоўваўся на гарышчы, часткова разрабавала мясцовая моладзь, бо тут не было вартаўніка, а ў 1921 г. некаторыя кнігі загадаў з гэтага ж храма былі пашкоджаны чырвонаармейцамі [8, арк. 17 адв., 18].

На стане царкоўных кніг адмоўным чынам адбілася і кампанія па канфіскацыі каштоўнасцяў на карысць галадаючых Паволжа. З праваслаўных храмаў Лёзненшчыны выняцці адбываліся на працягу красавіка – сярэдзіны чэрвеня 1922 г. Што тычыцца непасрэдна архіваў і бібліятэк, то канфіскоўвалі срэбныя і пазалочаныя абклады і ўпрыгожанні з вокладак Евангелляў [4, арк. 305, 310, 312, 314, 317, 328; 5, арк. 3]. У ліпені 1922 г. вырабы з каштоўных металаў, забраныя з цэркваў, былі дастаўлены ў Віцебскую губернскую камісію. З сямі цэркваў даследуемага рэгіёна было канфіскавана 111 накладак з Евангелляў, 9 навугольнікаў і 4 цвічкі для іх прымацавання (усе яны былі выраблены са срэбра і мелі агульную вагу 3, 45 кг) [2, арк. 3 адв., 21, 24, 32 адв. – 34].

У сувязі са зменай адміністрацыйна-тэрытарыяльнага падзелу ў БССР у 1924 г. архівы метрычных кніг былі сабраны з валвыканкамаў і перавезены ў райвыканкамы, дзе і захоўваліся цягам некалькіх гадоў [3, арк. 15].

У 1925 г. у рэспубліцы прайшла кампанія па вывучэнні царкоўных архіваў і бібліятэк, мэтай якой было выяўленне іх стану і зместу. На Лёзненшчыне дадзенае мерапрыемства доўжылася з ліпеня да верасня. У прыватнасці, 5 ліпеня 1925 г. была агледжана Лёзненская царква, 11 ліпеня 1925 г. – Бабінавіцкая, 13 ліпеня – Замшынская, 14 ліпеня – Дабрамыслінская, 17 ліпеня 1925 г. – Высачанская і Нова-Бельская, у пачатку верасня 1925 г. – Калышанская царква. Дзеля вывучэння архіваў і бібліятэк ствараліся спецыяльныя камісіі, у якія ўваходзілі, як правіла, старшыня ці іншы служачы сельсавета, школьны работнік з мясцовай школы і прадстаўнік ад праваслаўнай абшчыны (святар, царкоўны стараста ці старшыня царкоўнага савета). У працы такіх камісій таксама маглі ўдзельнічаць прадстаўнікі сялянскіх камітэтаў, загадчыкі хат-чытальняў.

Па выніках даследавання аказалася, што ў некаторых цэрквах архівы захоўваліся ў асобных драўляных шафах у рызніцах (як, напрыклад, у Новай Белі і Стасеве), у іншых – у алтарах, бакавых прыбудовах да цэркваў ці званіцах (у Лёзне, Замшыне, Калышках) [6, арк. 38 адв. ; 9, арк. 146; 12, арк. 163].

У складзе архіваў мелася некалькі катэгорый дакументаў: 1) царкоўныя летапісы (як правіла, яны былі пачаты ў 1870-я ці 1880-я гг., і ахоплівалі падзеі да 1900-х гг.); 2) кліравыя ведамасці (у розных цэрквах колькасць кніг і іх храналагічныя межы значна адрозніваліся: 1 – 2 кнігі за 1910-я гг. у адных і некалькі дзясяткаў кніг за 1810-я – 1910-я гг. – у іншых); 3) метрычныя кнігі (адзінкавыя капійныя асобнікі за XIX – пачатак XX ст., а таксама запісы за 1918 – 1925 гг. – тыя, што вяліся ўжо пасля перадачы асноўнай масы кніг у валвыканкамы); 4) споведныя запісы (найбольш раннія з іх датаваліся пачаткам XIX ст., асноўная ж маса храналагічна ахоплівала 1840-я – 1910-я гг.); 5) шлюбныя вобыскі (у цэрквах мелася невялікая колькасць такіх кніг – ад 7 да 17, якія храналагічна ў цэлым супадалі са шлюбнымі вобыскамі); 6) прыхода-расходныя кнігі (пераважная большасць дакументаў была створана ў 1830-я – 1850-я гг., а завершана ў пачатку XX ст. ці ў 1910-я гг.).

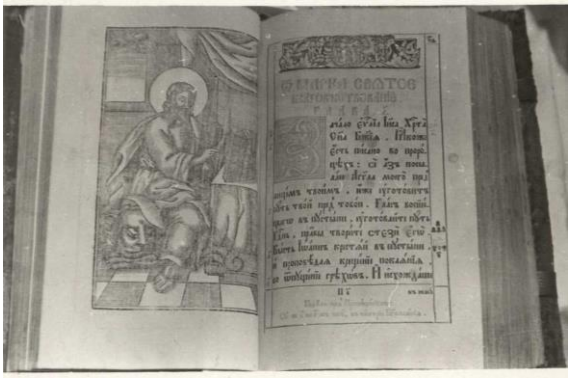
У некаторых царкоўных архівах захоўваліся і іншыя віды дакументацыі. Напрыклад, у асобных храмах Лёзненшчыны меліся адзінкавыя кнігі загадаў за 1865 г. і за пачатак 1920-х гг., кнігі ўваходзячых папер за 1850-я – 1860-я гг., кнігі сінадальных і кансісторскіх указаў за 1880-я – 1910-я гг. Нешматлікімі з'яўляліся і вопісы маёмасці (выяўленыя асобнікі адносіліся да сярэдзіны XIX ст.), пры чым у некаторых храмах маглі захоўвацца вопісы суседніх цэркваў (у прыватнасці, вопіс маёмасці Добрынскай царквы захоўваўся ў Высачанах).

Бібліятэкі праваслаўных цэркваў умоўна падзяляліся на 2 часткі: 1) багаслужбовыя кнігі, 2) выданні асветніцкага характару. Як правіла, у храмах налічвалася ад 30 да 70 багаслужбовых кніг. Звычайна ў цэрквах мелася ад 3 да 5 Евангелляў, аздобленых чырвонымі аксамітнымі вокладкамі (гл. ілюстрацыі 1 – 5). Многія з іх былі ўпрыгожаны металічнымі накладкамі: верхнія вокладкі – пласцінамі з выявай уваскрасення Хрыста і навугольнікамі з выявамі евангелістаў, а ніжнія – дошкамі з выявай распяцця і таксама чатырма навугольнікамі [6, арк. 30; 9, арк. 146; 12, арк. 163]. У многіх цэрквах меліся досыць арыгінальныя выданні: так, у Веляшковіцкім храме захоўваліся "Апостал" (выдадзены ў 1684 г. у Маскве), "Евангелле" (выдадзена ў 1753 г. у Львове), 7 кніг для набажэнстваў на латышскай мове, у Лёзненскай царкве – 3 рукапісныя кнігі на польскай мове другой паловы XVIII ст., у Калышанскай царкве – "Літургія" 1846 г. выдання (гл. ілюстрацыю 6).

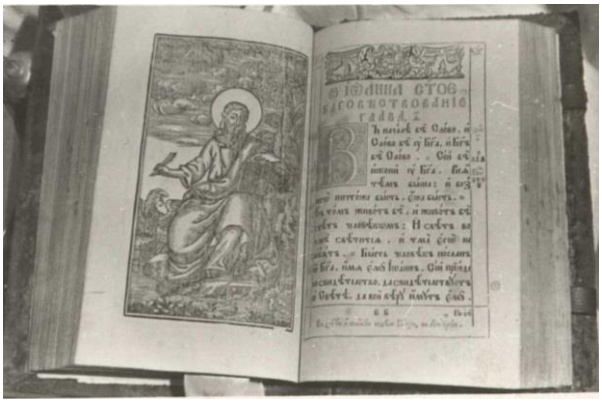
Рыс. 1

Рыс. 2

Рыс 3



Рыс. 4



Рыс. 5

Рыс. 6

Ілюстрацыі: 1 – 5 – Напрастольнае Евангелле 1816 г. выдання з Лёзненскай Узнесенскай царквы, фотаздымак 1982 г. [10, акр. 2, 25 – 29]
6 – “Пяцідзясятніца” 1780 г. выдання з Лёзненскай Узнесенскай царквы, фотаздымак 1982 г. [10, акр. 2, 32]

Бібліятэкі з выданняў асветніцкага характару адрозніваліся па сваіх памерах (самыя сціплыя налічвалі да 20 тамоў, найбольш багатыя – звыш 170). Тут захоўваліся кнігі кшталту “Гісторыя Фларэнційскага сабора” (1847 г. выдання), “Слова прыходскага святара да сваёй паствы” (1856 г.), “Гісторыя хрысціянскай царквы” (1861 г.), “Словы і прамовы архіепіскапаў” (1866 г.) і інш. [6, арк.

30, 31 адв. – 33, 39 – 41 адв.]. Акрамя кніг меліся перыядычныя выданні ("Царкоўны веснік", "Епархіяльныя ведамасці" і інш.).

Па завяршэнні агляду адказнымі за захаванасць пералічаных матэрыялаў былі прызначаны святары, псаломшчыкі ці царкоўныя старасты. У Дабрамыслінскай царкве адказным стаў адзін з вернікаў (верагодна, царкоўны стараста, якія пражываў у іншай вёсцы, не мог назіраць за захаванасцю архіва). Усе яны напісалі распіскі на адрас Віцебскага акруговага аддзела Цэнтральнага архіва БССР [8, арк. 17 – 18 адв. ; 11, арк. 53 – 54, 58 – 68, 84 – 86, 88 – 90].

У 1929 г. адбылося чарговае перамяшчэнне метрычных кніг: з пададдзелаў ЗАГС райвыканкамаў яны былі перададзены сельскім Саветам. На тэрыторыі Лёзненшчыны ўказанае мерапрыемства прайшло вельмі аператыўна (22 кастрычніка 1929 г. быў перавезены архіў Лёзненскай царквы, а 23 кастрычніка – астатніх праваслаўных храмаў раёна) [7, арк. 50 – 54].

Параўнанне храналагічных межаў метрычных кніг, якія захоўваліся ў архівах дзяржаўных устаноў у 1920-я гг., дае падставу меркаваць, што за кароткі прамежак часу частка кніг была страчана (верагодна, пры перамяшчэнні), а некаторыя кнігі наадварот выяўлены (гл. табліцу). Адначасова нельга выключаць варыянт няякаснага складання вопісаў, з-за чаго ў архіўныя дакументы патрапіла некарэктная інфармацыя. Паколькі храналагічныя межы кніг, якія захаваліся па сённяшні дзень, значна адрозніваюцца ад стану архіваў 1920-х гг., можна меркаваць, што значная частка асобнікаў, складзеных у цэрквах, была страчана, таму ў сучасных дзяржаўных архівах захоўваюцца пераважна асобнікі, у свой час адпраўленыя святарамі ў духоўныя кансісторыі.

Табліца – Захаванасць метрычных кніг Дабрамыслінскай Пакроўскай і Нова-Бельскай Успенскай цэркваў ў 1920-я гг.

Паводле стану на пэўны год	Храналагічныя межы метрычных кніг	
	Дабрамыслінскай Пакроўскай царквы	Нова-Бельскай Успенскай царквы
1924 г.	пра народжаных за 1835 – 1918 гг., пра памерлых за 1841 – 1918 гг., пра шлюбы за 1841, 1859 – 1871, 1880 – 1888, 1890 – 1900, 1910 – 1911 гг.	–
1929 г.	пра народжаных за 1835 – 1918 гг., пра памерлых за 1841 – 1871, 1880 – 1897, 1902 – 1918 гг., пра шлюбы за 1859 – 1900, 1910 – 1911 гг.	пра народжаных за 1839 – 1919 гг., пра памерлых за 1856 – 1881, 1888 – 1918 гг., пра шлюбы за 1849 – 1871, 1888 – 1918 гг.
У сучасны момант захоўваюцца ў Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі (г. Мінск)	пра народжаных за 1835 – 1857, 1859 – 1860, 1871 – 1872, 1875, 1877 – 1878, 1881, 1916 гг., пра памерлых за 1859 – 1860, 1871 – 1872, 1875, 1877 – 1878, 1881, 1916 гг., пра шлюбы за 1859 – 1860, 1871 – 1872, 1875, 1877 – 1878, 1881, 1916 гг.	пра народжаных за 1839, 1871 – 1872, 1875, 1877 – 1878, 1881 гг., пра памерлых за 1839 – 1855, 1871 – 1872, 1875, 1877 – 1878, 1881 гг., пра шлюбы за 1839 – 1848, 1871 – 1872, 1875, 1877 – 1878, 1881 гг.

Заўвага – Табліца складзена аўтарам паводле [3, арк. 15; 7, арк. 50 – 54].

Такім чынам, у 1918 – 1920-я гг. праваслаўныя цэрквы з'яўляліся важнымі асяродкамі захоўвання архіўных матэрыялаў і бібліятэк. Яны характарызаваліся адносна ўніфікаванай структурай, але зместавае напаўненне кожнага з іх адлюстроўвала асаблівасці развіцця кожнага храма і абшчыны. У сувязі з неспрыяльнымі ўмовамі на працягу даследуемага перыяду адбывалася парушэнне цэласнасці царкоўных архіваў і бібліятэк, часткова яны былі страчаны.

1. Декреты Советской власти : в 13 т. / редкол.: Г. Д. Обичкин [и др.]. – М. : Политиздат, 1957. – Т. 1 : 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – 625 с.
2. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (ДАВц). – Ф. 9. Воп. 1. Спр. 409.
3. ДАВц. – Ф. 118. Воп. 1. Спр. 584.
4. ДАВц. – Ф. 123. Воп. 1. Спр. 755.
5. ДАВц. – Ф. 123. Воп. 1. Спр. 763.
6. ДАВц. – Ф. 160. Воп. 1. Спр. 3.
7. ДАВц. – Ф. 160. Воп. 1. Спр. 40.
8. ДАВц. – Ф. 289. Воп. 1. Спр. 59.
9. ДАВц. – Ф. 571. Воп. 1. Спр. 23.
10. ДАВц. – Ф. 1439. Воп. 6. Спр. 3.
11. ДАВц. – Ф. 1947. Воп. 1. Спр. 19.
12. ДАВц. – Ф. 2458. Воп. 1. Спр. 1.

Агеенко Т. Н.

ВКЛАД ИСТОРИКО-ПАРТИЙНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ БЕЛАРУСИ В ФОРМИРОВАНИЕ МЕМУАРНОГО ФОНДА (1921–1938 гг.)

Национальный архив Республики Беларусь является крупнейшим хранилищем документов по истории Беларуси XX в. В том числе здесь сконцентрировано огромное количество мемуаров. Большую работу по их собиранию провели историко-партийные учреждения: Истпарт (Комиссия для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории Российской коммунистической партии) и его приемник Институт истории партии при ЦК КП (б)Б (Институт).

Белорусский Истпарт был организован 10 июня 1921 г. при ЦБ КП (б)Б. Кроме того, при Витебском (1922–1924 гг.) и Гомельском (1920–1926 гг.) губкомах РКП (б)–ВКП (б), входивших в состав РСФСР, действовали местные отделения. Методическую и координационную помощь им оказывал центральный Истпарт. Основной задачей истпартов являлось собирание и изучение материалов по истории Октябрьской революции и РКП (б)–ВКП (б) (архивных документов, печатного, художественного и иллюстративного материала, показаний современников), а также их публикация. В связи с многочисленными войнами в Беларуси ощущалась нехватка документов, которую предлагалось восполнять, в том числе мемуарами. Для этого Истпарт организовывал вечера воспоминаний участников революционных событий и старых большевиков, запись устных воспоминаний в индивидуальном порядке, устанавливал связи бывшими участниками революционного движения, проводил регистрацию бывших партизан.

Важно отметить, что в 1920-е гг. при собирании воспоминаний приоритетными являлись научно-исследовательские задачи, стремление собрать и сохранить более-менее объективные сведения о событиях революции. При этом авторы воспоминаний высказывались относительно свободно, особенно не опасаясь нарушить какие-либо идеологические каноны [1, с. 120].

С целью получения более полной информации участникам исторических событий, среди которых были как партийные и государственные деятели (И. Алибегов, М. Калманович, В. Кнорин, А. Червяков, и др.), так и рядовые граждане, направлялись анкеты, планы-опросы, «конспекты-минимумы». Для выявления материалов на местах несколько раз выделяли уполномоченных, направляли указания о том, что необходимо собирать. Например, в начале 1923 г. Истпарт обращал внимание на собирание документов о деятельности подпольных организаций в годы немецкой и польской оккупаций, биографий и фотографий погибших [2, л. 41].

Одним из направлений работы Истпарта в 1920-е гг. являлась организация групп (комиссий) содействия. Они объединяли участников революционных событий в Беларуси, проживавших в разных городах СССР. Например, в Москве действовала Западная областная комиссия Истпарта (в нее входили бывшие участники революционных событий Западной области и фронта), которая занималась подготовкой книги по истории Февральской и Октябрьской революции в Беларуси и на Западном фронте. Могилевская группа собирала материалы о большевистских организациях в губернии в 1912–1919 гг. К концу 1920-х гг. деятельность этих групп ослабла [3, с. 45].

Полученные воспоминания печатались в газетах «Звезда», «Рабочий», журналах «Пролетарская революция», «Каторга и ссылка», «Красная летопись», «Вперед», «Известия Гомельского губкома РКП (б)» и др., также издавались в сборниках документов.

В 1929 г. Истпарт был реорганизован в Научно-исследовательский институт по изучению истории КП (б)Б и революционного движения в Беларуси (1929–1938 гг., 1946–1991 гг. ; на протяжении всего периода работы его название неоднократно изменялось). Институт продолжил работу по формированию мемуарного фонда через собирание воспоминаний, организацию вечеров воспоминаний и совещаний. В то же время их направленность и наполнение изменилось. Совещания и вечера воспоминаний все больше представляли собой попытки со стороны старых большевиков засвидетельствовать свою верность «генеральной линии», оправдаться за реальные или выдуманные отступления от нее, своевременно покаяться за прошлые «ошибки» и тем самым отвести от себя возможную опасность. К середине 1930-х гг. воспоминания о революционных событиях трансформировались в воспоминания о деятельности И. Сталина, который в 1919 г. и 1920 г. был направлен в качестве члена Революционного военного совета на Западный фронт [1, с. 120–122].

В 1931 г. в газете «Правда» было опубликовано обращение к участникам революционных событий в Беларуси и на Западном фронте с просьбой сообщить свои адреса и телефоны в Ученый секретариат института Ленина [4, с. 105]. На обращение откликнулись жившие в Москве и других городах СССР бывшие участники революционных событий, которым было предложено написать свои воспоминания. Для этого была разработана специальная анкета, которая содержала 24 вопроса, разосланная А. Криницким (Бампи) в 50 адресов. Также подготовлена дополнительная анкета, состоявшая из 16 вопросов и предназначавшаяся для тех, кто не работал в воинских ча-

стях, но чья деятельность могла пролить свет на интересные моменты истории партии и революционного движения. В дальнейшем А. Криницкий (Бампи) предлагал «организовать небольшие групповые заседания товарищей, работавших вместе, для перекрестного освещения, пополнения и выправления данных сведений» [4, с. 106], отдельные наиболее интересные воспоминания предлагал стенографировать. В июне 1931 г. от К. Ландера были получены ответы на анкету на 10 страницах. Для координации работы по сбору воспоминаний и документов, а также ее методического обеспечения секретариат ЦК КП (б)Б утвердил А. Криницкого (Бампи) в качестве уполномоченного Института при Институте Маркса–Энгельса–Ленина в Москве [3, с. 67].

Работу по собиранию и публикации документов, в том числе воспоминаний, проводили структурные подразделения Института. Так, Секретариатом истории гражданской войны в БССР были подготовлены к изданию переведенные на белорусский язык воспоминания командира третьего конного корпуса Г. Гая «В боях за Советскую Беларусь», корректурный оттиск которых с авторскими и редакторскими правками хранится в фонде Института, а также машинописный экземпляр на русском языке сборника воспоминаний бойцов и командиров этого корпуса [5, с. 18]. Западным сектором, который занимался изучением проблем КПЗБ, был собран значительный архив по данной теме, среди документов представлены и воспоминания.

При работе с документами Института нужно учитывать, что не всегда подготовка к изданию означала публикацию документов. Так, к десятилетию со дня смерти А. Мясникова, Институт готовил сборник его памяти. В него предполагалось включить личный дневник А. Мясникова за 1924 г., а также воспоминания А. Червякова «А. Ф. Мясников в Белоруссии», В. Фомина «Мясников и подготовка Октября на Западном фронте и в Белоруссии», П. Андреева «Мясников в старой армии», В. Каменщикова «Мясников – главнокомандующий Западным фронтом» и др. Однако, сборник не был опубликован, а сами документы хранятся в фонде Института среди творческих работ под заголовком «Материалы к сборнику памяти А. Ф. Мясникова (к 10-летию со дня смерти)» [6].

В августе 1938 г. Институт был ликвидирован и его документы в количестве 4332 ед. хр. переданы в партархив ЦК КП (б)Б в Могилеве. В 1939 г. на их базе был создан фонд, в который вошли документы канцелярии Института, машинописные рукописи готовившихся к изданию сборников, собранные материалы, воспоминания и др.

Благодаря проделанной Истпартом и Институтом работе в фондах архива хранится большое количество мемуаров, которые сконцентрированы в архивных фондах: «ЦК КПБ» (ф. 4п), «Коллекция документов учреждений, организаций, воинских формирований и ячеек РКП (б) воинских частей Западного фронта» (Ф. 35п), «Северо-Западный областной комитет РКП (б)» (Ф. 59п), «Институт истории партии и Октябрьской революции при ЦК КП (б)Б» (Ф. 60п), «ЦК КПЗБ» (Ф. 242п). Они представлены воспоминаниями, стенограммами вечеров воспоминаний и несколькими дневниками. Среди затрагиваемых в них тем: революционное движение в Беларуси до 1917 г., Февральская революция, подготовка и проведение Октябрьского переворота, установление советской власти, история парторганизаций в разных регионах Беларуси, положение во время немецкой и польской оккупаций, деятельность ЛКСМБ, партийная работа в Западной Беларуси, входившей до 1939 г. в состав Польши, антисоветские вооруженные выступления, бандитизм и др. В то же время отсутствуют мемуары оппонентов советской власти, что делает их однобокими и не способствует получению полной картины происходивших событий.

1. Рудовіч, С. С. Вусная гісторыя ў архіве: стэнаграмы «вечарын успамінаў» бальшавікоў Беларусі і Заходняга фронту як гістарычная крыніца / С. С. Рудовіч // Историческое наследие Беларуси: выявление, сохранение и изучение : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию Гос. арх. службы Респ. Беларусь, 85-летию Нац. архива Респ. Беларусь и 20-летию кафедры источниковедения БГУ, Минск, 17–18 мая 2012 г. : в 2 ч. – Ч. 2 / редкол.: В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : БелНИИДАД, 2013. – С. 112–126.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 60п. Оп. 1. Д. 3.
3. Михнюк, В. Н. Становление и развитие исторической науки Советской Белоруссии (1919–1941 гг.) // В. Н. Михнюк. – Минск : Наука и техника, 1985. – 286 с.
4. Шумейко, М. Ф. Документы о революционных событиях 1917 года в белорусских архивах, дневниках, воспоминаниях, периодической печати / М. Ф. Шумейко // Архивы и делопроизводство. – 2017. – № 5. – С. 104–114.
5. Шумейко, М. Ф. Археографическая подготовка и публикация документов КПБ /КПСС : методические рекомендации / М. Ф. Шумейко. – Минск : БелНИИДАД, 2017. – 132 с.
6. НАРБ. – Ф. 60п. Оп. 2. Д. 104.

Вишневский И. А.

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ БЕЛОРУССКОЙ ОБНОВЛЕНЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ

Современный исследовательский интерес к истории православной церкви в Белорусской ССР за 1920–30-е гг. актуализировал источниковедческую разработку проблемы. При изучении рассматриваемой темы наряду с документами партийных, государственных и общественных структур особого внимания заслуживают источники церковного происхождения. Ограничение правомочности религиозных организаций, репрессии против духовенства, закрытие храмов негативным образом отразилось на формировании и сохранности церковных архивов. В настоящее время церковная документация за 1920–30-е гг. представлена главным образом документальным наследием органов управления Белорусской обновленческой церкви.

Обновленческая церковь представляла собой конфессиональную структуру, которая была создана при поддержке советской власти с целью раскола православной церкви и функционировала в 1920–1940-е гг. на территории СССР. На территории Беларуси обновленческая церковь как самостоятельная церковная организация со своей иерархией и системой управления образовалась по итогам проведения Белорусских Соборов в 1924–1926 гг. и функционировала до 1938 г. Государственная протекция, которой определенное время пользовалась обновленческая церковь, способствовала сохранности ее документальных комплексов.

Документальное наследие Белорусской обновленческой церкви представлено в сохранившихся архивах обновленческих органов управления. Указанные документальные комплексы хранятся в Национальном историческом архиве Беларуси (НИАБ), Государственном архиве Витебской области (ГАВт) и Государственном архиве Республики Крым (ГАРК). Самый значительный массив документов представлен в фонде НИАБ «Белорусский Православный Священный Синод» (ф. 2786, 608 ед. хр.). Основу фонда составляют материалы Белорусского обновленческого Синода (около 400 дел). Документы Минского и Могилевского епархиальных управлений представлены как в составе фонда Синода, так и в виде самостоятельных фондов (ф. 1535, 2 ед. хр.; ф. 3375, 2 ед. хр.). Архив Витебского епархиального управления представлен документальными материалами в ГАВт (ф. 332, 13 ед. хр.) и НИАБ (ф. 3202, 2 ед. хр.). Документы Могилевского епархиального управления за 1922, 1925–1927 гг. и Синода за 1925–1928 гг., которые были вывезены митрополитом Иосифом Кречетовичем в 1928 г., входят в состав дел фонда архиерея в ГАРК (ф. 540). Фрагментарно сохранился архив Гомельского епархиального управления в НИАБ (ф. 3419, 1 ед. хр.).

Хронологические рамки материалов архивов органов управления Белорусской обновленческой церкви составляют 1922–1935 гг. Архивы включают преимущественно делопроизводственную документацию, отложившуюся в результате деятельности высших и епархиальных органов управления. В соответствии с функциональным назначением документацию можно разделить на следующие группы.

Организационно-распорядительная документация включает положения об организации управления, уставы, циркуляры, указы, распоряжения, постановления Синода и епархиальных управлений. Протокольную документацию составляют журналы и протоколы заседаний Белорусских обновленческих Соборов, Президиума и Пленумов Синода, епархиальных управлений и съездов.

Значительную по объему группу документов в составе архивов обновленческих органов управления составляет служебная переписка, включающая материалы церковной и внецерковной (с государственными и партийными органами) коммуникации. По своему видовому составу переписка включает отчетно-информационную (отчеты, рапорты, доклады, докладные записки, сообщения, письма, телеграммы) и просительную (жалобы, прошения, заявления, ходатайства) документацию. В служебной переписке Синода за 1930 гг. преобладает индивидуальная корреспонденция, адресованная митрополиту Даниилу Громовенко.

Кадровая документация включает послужные списки духовенства, материалы о рукоположении, назначении, перемещении, награждении, дисциплинарных взысканиях и увольнении заштат. К документам учета обновленческих органов управления относятся клировые ведомости, списки церквей, причта и прихожан. Такой значимый вид учетной документации в дореволюционный период, как метрические книги, ведение которых фактически прекратилось после 1918 г., представлен фрагментом записей Минского Петропавловского собора за 1928–1929 гг. [15] Учетно-регистрационная документация включает книги записей входящих документов [6; 20]. К финансово-хозяйственной документации относятся ведомости и приходо-расходные книги, описи церковного имущества, договоры, квитанции, счета, сметы и другие материалы.

Законченные в делопроизводстве Синода и епархиальных управлений внутренние документы и материалы переписки формировались в дела, которые систематизировались по номи-

нальному, корреспондентскому, тематическому и предметно-вопросному принципам. Из значимых сформированных комплексов выделим дела о проведении Белорусских обновленческих Соборов и Пленумов Синода, которые содержат переписку об их подготовке, материалы, предоставляемые к рассмотрению на заседаниях, регистрационные списки, протоколы, доклады участников и резолюции по ним. Материалы этих периодических органов управления, вследствие документальных потерь канцелярии Синода в 1928 г. [1, с. 92], сохранились частично и в настоящее время входят в состав фондов НИАБ и ГАРК [4; 5; 11; 12; 13; 14; 16; 17; 18; 19]. Кадровая документация представлена в архивах как в обобщенной (в материалах переписки епархиальных управлений, делах о награждении и рукоположении духовенства в целом), так и персональной (в виде личных дел) формах. Персональная документация наиболее объемно представлена в архиве Минского епархиального управления, значительную часть которого составляют «дела о службе» приходского духовенства, которые содержат документы и материалы переписки о прохождении церковной службы. Специфику деятельности обновленческих органов управления как церковных институтов отражают дела об учреждении епархий и открытии приходов, восстановлении и лишении духовного сана, рассмотрении конфликтов в приходах, брачные дела (заведенные по прошениям о вступлении и расторжении церковного брака).

В результате обширной переписки Синода и епархиальных управлений в их архивах отложились копии материалов делопроизводства обновленческих органов разных уровней управления, что позволяет с их помощью восполнить отдельные утраченные виды документов, а также создать представление о составе несохранившихся церковных архивов. К примеру, в архиве Витебского епархиального управления сохранились копии документов I Белорусского обновленческого Собора и Пленумов Синода за 1924 г. [3, л. 57–65, 135–137, 195–200], подлинники которых были утрачены в 1928 г. В делах Синода представлены копии протоколов епархиальных управлений и съездов, благочиннических и приходских собраний, клировых ведомостей, послужных списков, материалов переписки епархиальных органов с благочинными и священниками. Кроме материалов обновленческих органов управления, в архивах епархиальных органов управления также содержится документация обновленческих групп и комитетов (учредительные документы, протоколы заседаний, списки членов, переписка), функционировавших на территории Витебской и Минской епархий в 1922–1925 гг. [2, л. 18–19, 31–34об.; 7; 8; 9; 10].

Таким образом, документальное наследие органов управления Белорусской обновленческой церкви представлено в сохранившихся архивах Белорусского Синода, Витебского, Гомельского, Минского и Могилевского епархиальных управлений. Материалы данных учреждений находятся на хранении в НИАБ, ГАВт и ГАРК. Большинство документов входит в состав фонда «Белорусский Православный Священный Синод». Обращение к материалам сохранившихся архивов позволяет не только создать представление об их документальном составе, но и осуществить виртуальную реконструкцию утраченных архивов Белорусской обновленческой церкви.

1. Вишневский, И. А. Архив Белорусского обновленческого Синода: формирование и состав документов / И. А. Вишневский // Архівы і справаводства. – 2017. – № 3. – С. 90–95.
2. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 332. Оп. 1. Д. 4.
3. ГАВт. – Ф. 332. Оп. 1. Д. 9.
4. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). – Ф. 540. Оп. 1. Д. 20.
5. ГАРК. – Ф. 540. Оп. 1. Д. 30.
6. Национальный исторический архив Республики Беларусь (НИАБ). – Ф. 1535. Оп. 1. Д. 2.
7. НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 6.
8. НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 25.
9. НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 26.
10. НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 28.
11. НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 137.
12. НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 139.
13. НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 225.
14. НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 226.
15. НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 255.
16. НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 337.
17. НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 338.
18. НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 344.
19. НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 407.
20. НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 517.

Перевалов Я. О.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ВЫСШЕГО МЕДИЦИНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ БССР 1946–1991 ГГ.: ОБЗОР АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Тема государственной политики в сфере высшего медицинского образования БССР 1946–1991 гг. на сегодняшний день остаётся малоизученной. Не смотря на наличие определенной научной литературы по истории здравоохранения Беларуси и единичные защищенные диссертации, практически все они относятся к советскому периоду и отражают лишь общие аспекты развития здравоохранения. Вопросы истории высшего медицинского образования в них отражены фрагментарно, а в некоторых аспектах, вообще оставались не изученными.

Вместе с тем, необходимо обратить внимание на то, что существует достаточный источниковедческий фонд, необходимый для раскрытия заявленной тематики. В фондах Национального архива Республики Беларусь (далее – НАРБ), Государственного архива Витебской области (далее – ГАВО), Государственного архива Гродненской области (далее – ГАГрО), Государственного архива Гомельской области (далее – ГАГО), архива Гомельского государственного медицинского университета (далее – АГГМУ), архива Витебского государственного медицинского университета (далее – АВГМУ) сохранился большой объём документов. Подавляющие большинство из них до настоящего времени не изучалось и не вводилось в научный оборот исследователями. В сочетании с другими видами источников они дают возможность осуществлять комплексный и всесторонний анализ государственной политики в сфере высшего медицинского образования БССР 1946–1991 гг.

Основные документы сосредоточены в следующих фондах: НАРБ документы по основной деятельности Наркомздрава, Министерства здравоохранения БССР (далее – МЗ БССР), приказы МЗ БССР, Министерства здравоохранения СССР (далее – МЗ ССР) (фонд 46, опись 9) материалы по кадровому обеспечению отрасли, Совет МЗ БССР по кадрам, переписка с Министерством высшего образования (далее – МВО) (фонд 46, опись 7) переписка МЗ БССР с партийными органами по основной деятельности, отчёты по научно-исследовательской деятельности (фонд 46, опись 11), приказы и решения коллегии МЗ БССР (фонд 46, опись 14), документы по приёму иностранных специалистов, делегаций, международной деятельности МЗ БССР, планы и отчёты по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС и списки принимавших участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, планы по основным направлениям развития здравоохранения БССР, (фонд 46, опись 18), планы по научно-исследовательской работе Минского государственного медицинского института (далее – МГМИ) (фонд 218, опись 3), планы развития МГМИ, документы по учебной деятельности МГМИ, протоколы заседаний Совета института (фонд 218, опись 7). [1, л. 5–199; 2, л. 2–202; 3, л. 7–77, 89, 95–199; 4, л. 53–59, 77; 5, л. 4, 9, 20, 31–47; 6, л. 2–81; 7, л. 20–102].

Отдельно необходимо выделить тот факт, что фонды МГМИ (фонд 218) за период 1944–1960-е гг. полностью отсутствуют в НАРБ. Однако, данный период развития высшего медицинского образования БССР можно проследить по хорошо сохранившимся материалам ГАВО на примере Витебского государственного медицинского института (далее – ВГМИ). Там имеются в полной сохранности материалы по основной деятельности института в период послевоенного восстановления системы здравоохранения БССР в т. ч. и системы высшего медицинского образования, приказы по внутренней деятельности ВГМИ, планы мероприятий по подготовке и приёму в высшие учебные заведения, приказы МЗ БССР и МЗ СССР, решения коллегий МЗ БССР, о организационно-кадровой работе института и приказах МЗ БССР и МЗ СССР по организационно-кадровой работе в медицинских институтах, планы и отчёты научно-исследовательской работы (фонд 2853, опись 1). Необходимо отдельно отметить, что некоторые материалы, касающиеся кадровой и организационно-методической работы ВГМИ за 1970–1980-е гг. отсутствуют в ГАВО, однако данные документы в полном объеме в АВГМУ в материалах по основной деятельности института [8, л. 8–9, 37–160; 9, л. 36–95; 10, л. 24–88; 11, л. 1–50; 12, л. 1–137; 13, л. 5–163].

Хороший подбор статистических данных и основных документов по регулированию системы высшего медицинского образования имеется в ГАГрО, где находятся материалы, приказы, постановления, решения МВО СССР начиная с 1958 г., штатные расписания Гродненского государственного медицинского института (далее – ГрГМИ), материалы о помощи со стороны МГМИ и ВГМИ по организации учебного процесса в ГрГМИ, организационно-кадровой и научной работе ГрГМИ, приказы и распоряжения МЗ БССР и МЗ СССР, документы по гражданско-правовому и идеологическому воспитанию студентов, перспективные планы развития ГрГМИ, планы внедрения в практическое здравоохранение разработок НИР медицинских институтов БССР, документы Государственной программы развития белорусского языка в медицинских институтах БССР (фонд 2720, опись 1). Также в данном архиве отражены вопросы научно-исследовательского направления института, планы и отчёты научно-исследовательских работ (фонд 2720, опись 3), проблемы

подготовки общежитий, трудовая и исполнительная дисциплина, подготовка кафедр к проведению экзаменационной сессии, проверка учебной нагрузки отражены в материалах работы народного контроля ГрГМИ (фонд 2720, опись 5); документы по основной деятельности медицинских учреждений Гродненской области с 1960 по 1984 гг., материалы коллегий МЗ БССР, доклады Республиканских совещаний по повышению эффективности системы здравоохранения сельских районов, доклады о вкладе ГрГМИ в здравоохранение Гродненской области (фонд 828, опись 5), приказы МЗ БССР о совершенствовании работы врачей специалистов и врачей стоматологов, аналитические справки о работе врачебных комиссий Гродненской области, итоговые справки о работе органов здравоохранения, приказы и распоряжения МЗ БССР и МЗ СССР, пятилетние планы развития здравоохранения Гродненской области, документы по потребностям в кадрах, справки о строительстве учреждений здравоохранения Гродненской области, договор о сотрудничестве ГрГМИ и отделом здравоохранения Гродненской области (фонд 828, опись 1) [14, л. 11–66; 15, л. 2–28; 16, л. 1–9; 1–15; 17, л. 1–13].

В ГАГО хранятся документы по основной деятельности системы здравоохранения Гомельской области, планы и отчёты отдела здравоохранения, приказы по основной деятельности, отчёты по улучшению медико-санитарного обеспечения Гомельской области, отчёты по смертности, документы по переподготовке медицинских кадров, основные отчёты по итогам работы медицинских учреждений Гомельской области, статистические данные по детской смертности, документы, касающиеся рассмотрения вопросов недостатков в работе медицинских учреждений и врачей, материалы касающиеся ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, потребности медицинских кадров вследствие аварии на Чернобыльской АЭС (фонд 1223, опись 3), справки о состоянии беременных и детей в Гомельской области, справки о состоянии спецдиспансеризации по годам (фонд 1223, опись 5), материалы, касающиеся Гомельского государственного медицинского института (далее – ГГМИ) в архивах ГАГО отсутствуют т. к. институт начал свою деятельность в 1991 г. и фонды ещё не были переданы в ГАГО, однако в архиве АГГМУ имеются все документы регламентирующие деятельность ГГМИ: приказ об открытии ГГМИ, документы регламентирующие учебно-методическую и научную деятельность, приказы распоряжения МЗ БССР, МЗ СССР, местных распорядительных органов власти, штатное расписание ГГМИ на 1991 г., план мероприятий проводимых ГГМИ совместно с отделом здравоохранения Гомельской области на 1991 г., отчёты о работе государственной экзаменационной комиссии, номенклатура ректората ГГМИ, приказы МЗ БССР МЗ Республики Беларусь 1990–1999 гг., планы перспективного развития ГГМИ, протоколы ректората [18, л. 1–25; 19, л. 1–19; 20, л. 1–48, 55; 21, л. 1–136; 22, л. 1–73; 23, л. 1–51].

Таким образом, материалы Государственных архивов Республики Беларусь (НАРБ, ГАВО, ГАГрО, ГАГО) и ведомственные архивы медицинских университетов (АВГМУ, АГГМУ) позволяют провести полноценную научную реконструкцию государственной политики в сфере высшего медицинского образования БССР 1946–1991 гг. Они вполне достоверны и репрезентативны. Некоторые же существующие пробелы одних фондов, в силу стандартизированной политической линии, компенсируются материалами других архивных фондов.

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 46. Оп. 9. Д. 21.
2. НАРБ. – Ф. 46. Оп. 7. Д. 666
3. НАРБ. – Ф. 46. Оп. 11. Д. 596
4. НАРБ. – Ф. 46. Оп. 14. Д. 400
5. НАРБ. – Ф. 46. Оп. 18. Д. 1
6. НАРБ. – Ф. 218. Оп. 3. Д. 223
7. НАРБ. – Ф. 218. Оп. 7. Д. 104
8. Государственный архив Витебской области (ГАВт) – Ф. 2853. Оп. 1. Д. 27.
9. ГАВт. – Ф. 2853. Оп. 1. Д. 36
10. ГАВт. – Ф. 2853. Оп. 1. Д. 45
11. ГАВт. – Ф. 2853. Оп. 1. Д. 49
12. Архив Витебского государственного медицинского университета (АВГМУ). – Ф. 1. Оп. 11. Д. 37
13. АВГМУ. – Ф. 1. Оп. 11. Д. 40
14. Государственный архивГродненской области (ГАГрО). – Ф. 2720. Оп. 1. Д. 1
15. ГАГрО. – Ф. 2720. Оп. 1. Д. 35
16. ГАГрО. – Ф. 828. Оп. 1. Д. 813
17. ГАГрО. – Ф. 828. Оп. 5. Д. 14
18. Государственный архивГомельской области (ГАГО). – Ф. 1223. Оп. 3. Д. 492
19. ГАГО. – Ф. 1223. Оп. 3. Д. 509
20. ГАГО. – Ф. 1223. Оп. 5. Д. 1
21. Архив Гомельского государственного медицинского университетаАГГМУ. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 01–07
22. АГГМУ. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 01–03
23. АГГМУ. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 05–06

Паўлава А. Я.

МАТЭРЫЯЛЫ АРХІВА ПІСЬМЕННІКА У. С. КАРАТКЕВІЧА ЯК ГІСТАРЫЧНЫЯ КРЫНІЦЫ: ПЕРСПЕКТЫВЫ ВЫВУЧЭННЯ ЗБОРУ Ў ЦНБ НАН БЕЛАРУСІ

Крыніцы асабістага паходжання ўяўляюць спецыфічную групу носьбітаў звестак аб мінулым. Каштоўнасць і ўнікальнасць асабістых фондаў заключаецца ў разнастайнасці матэрыялаў, якія ўваходзяць у іх склад. Гэтыя зборы з'яўляюцца ўнікальнымі комплекснымі крыніцамі. З аднаго боку, яны даюць уяўленне пра жыццёвы і творчы шлях дзеячоў культуры і навукі, прадстаўляюць ўнікальную магчымасць зазірнуць у творчую майстэрню пісьменніка, прасачыць стадыі стварэння твораў ад першапачатковай задумкі да канчатковага варыянта. З другога – матэрыялы архіўных збораў пісьменнікаў з'яўляюцца крыніцамі, якія адлюстроўваюць час як праз меркаванні аб з'явах і падзеях непасрэдна фондаўтваральнікаў, але і праз тыя сюжэты і вобразы, што літаратары выбіраюць для сваіх твораў.

Сярод калекцый рукапіснага фонда Цэнтральнай навуковай бібліятэкі імя Якуба Коласа Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (ЦНБНАН Беларусі) знаходзіцца і асабісты фонд выбітнага беларускага літаратара Уладзіміра Караткевіча, аднаго з найбольш яскравых фігур у беларускай літаратуры другой паловы ХХ ст. Негледзячы на прынцып недрабімасці архіўнай спадчыны, архіў выбітнага пісьменніка захоўваецца ў двух установах – БДАМЛМ (377 адзінак захавання) і (ЦНБ НАН, дзе знаходзіцца асноўны архіў, больш за 1600 адзінак захавання). У свой час сам пісьменнік так размеркаваў архіў паміж прыгаданымі ўстановамі. Яшчэ пры жыцці ён перадаў на захаванне ў ЦНБ НАНБ вялікую частку сваіх рукапісаў: аўтографы і машынапіс вершаў, першага паэтычнага зборніка "Матчына душа", карэктуры зборнікаў паэзіі "Вячэрнія ветразі" і "Мая Іліяда", машынапіс і карэктура раманаў "Каласы пад сярпом тваім", "Хрыстос прызямліўся ў Гародні", "Нельга забыць", "Чорны замак Альшанскі", іншых літаратурных твораў, а таксама аўтабіяграфій, нарысаў, артыкулаў і аўтограф лібрэта оперы "Сівая легенда". Сярод атрыманых матэрыялаў былі і малюнкі аўтарства пісьменніка, накіды партрэтаў У. Караткевіча, зробленыя рознымі асобамі.

Ужо пасля смерці пісьменніка яго архіўны збор папоўнілі асабістым ліставаннем даследчык жыцця і творчай дзейнасці У. Караткевіча А. Верабей, прафесар Кракаўскага ўніверсітэта З. Нядзеля. Ад сястры пісьменніка Н. С. Кучкоўскай ЦНБ НАН Беларусі атрымала астатнюю частку архіва [3].

Вывучэнне матэрыялаў архіўнага збору дазволіла заўважыць некаторыя асаблівасціпрацэсса творчасці. Так, ствараючы чарнавыя накіды вершаў, У. Караткевіч пакідаў паміж радкамі дастаткова месца, каб было магчыма ўнесці змены, у выпадку новай ідэі [4]. Увогуле, для запісу чарнавых накідаў і сваіх ідэй пісьменнік выкарытоўваў любыя паперкі, на якіх можна зафіксаваць свае думкі, радкі ці малюнкі. Пад адной вокладкай можна знайсці накіды твораў, малюнкі (сярод якіх партрэты А. С. Пушкіна, М. В. Гогаля і К. Каліноўскага), дэталёвыя тлумачэнні пра тыпы нямецкіх самалетаў перыяда Другой сусветнай вайны, спісы дзеючых асоб, назвы тракціраў і корчмаў (магчыма, для выкарыстння падчас напісання твораў) [21; 31].

Нельга не адзначыць наяўнасць у архіве вялікай колькасці запісных кніжак і блакнотаў з накідамі вершаў і апавяданняў, рабочымі дзённікавымі запісамі, заўвагамі пісьменніка. Значная колькасць гэтых кніжак былі зроблены са школьных сшыткаў. Аб важнасці гэтыхштодзённікаўсведчаць запісы на выпадак страты на унутраніх вокладках: " Хто знойдзе гэтую кніжку, хай дашле яе па адрасу… (за ўзнагароду)" [10]. Запісы ў гэтых кніжках таксама раскрываюць асаблівасці літаратурнай творчасці У. Караткевіча. Так, у адной з іх запісана : " …разработать те планы, что лежат. Распределить их на 3 месяца. Сделать для этого тетради…" [9, арк. 91]. У другой кніжцы можна знайсці пералікі твораў, прызначаных для публікацыі ў часопісах "Полымя" і "Маладосць", а таксама пэўныя заўвагі аб працы над творамі : " развитие образов, детали, язык, афористичность, остромие, блоки Эренбурга…". У той жа час з гэтых кніжак можна даведацца аб настаўніцкай дзейнасці У. Караткевіча, планах і схеме падрыхтоўкі да здачы кандыдацкіх мінімумаў [7].

Трэба адзначыць, што матэрыялы збору У. Караткевіча дазваляюць даведацца пра самыя розныя бакі паўсядзеннага жыцця пісьменніка. Цікавасць даследчыкаў жыцця і творчасці выбітнага літаратара можа выклікаць сабраная ім падборка перакладзеных на беларускую мову гістарычных анекдотаў, жартаў и афарызмаў "аб дасціпных адказах і тонкіх учынках усіх часоў і народаў на навучэнне ўсім беларускім чытачым часопісаў" для публікацыі ў часопісах "Маладосць" і "Беларусь" у 1973 г. [8]. Сярод крыніц аб адваротнай сувязі У. Караткевіча са сваімі чытачамівыдзяляюцца матэрыялы аб сустрэчах-канферэнцыях пісьменніка са сваімі чытачамі, перапіска з саветам літаратурна-краязнаўчага музея Гудзевіцкай сярэдняй школы, з вучнямі Слонімскай сярэдняй і Жураўскай васьмігадовай школ [32; 33; 37; 38; 39]. Пісьменнік актыўна супрацоўнічаў з музеямі краіны, аб чым сведчыць перапіска з літаратурнымі музеямі П. Броўкі, М. Багдановіча і Д. Сімановіча [34; 35; 36].

Для студэнтаў-філолагаў і літаратуразнаўцаў выклікаюць цікавасць матэрыялы заперыяд навучання У. С. Караткевіча ў Кіеўскім універсітэце і аспірантуры. Збор ў аддзеле рэдкіх рукапісаў і кніг ЦНБ НАН утрымлівае канспекты пісьменніка па антычнай літаратуры, стараславянскай мове, гісторыі рускай літаратуры і гісторыі філасофіі [22; 23; 24; 28]. Захаваліся тэкст дыпломнай работы па тэме "Казка. Легенда. Паданне" і матэрыялы па яе падрыхтоўцы [26; 27]. У папцы, на якой рукой пісьменніка пазначана "Архіў. (Яшчэ ўніверсітэцкі)", можна пазнаёміцца з тэкстам выступу будучага пісьменніка на студэнцкім сходзе і жартоўнымі вершамі-прысвячэннямі, убачыць замалёўкі да насценнай універсітэцкай газеты [25].

У. С. Караткевіч актыўна ўдзельнічаў і ў помнікаахоўнай дзейнасці. У складзе фонда адклаліся ягоныя выступы і афіцыйныя дакументы Рэспубліканскай рады грамадскага аб'яднання "Беларускае добраахвотнае таварыства аховы помнікаў гісторыі і культуры" [16; 17; 18; 19; 20].

Мы ўсе ведаем У. С. Караткевіча, як заснавальніка гістарычнага і гісторыка-прыгодніцкага жанру ў беларускай літаратуры. Пісьменнік на высокім мастацкім узроўні распавёў пра многія значныя падзеі айчыннай гісторыі, перадаў дух мінулых эпох, стварыў непаўторныя характары, раскрыў багаты духоўны мір сваіх герояў і звязаў іх асабісты лёс з лёсам народа і краіны [2]. Доктар філасофіі з Карлава ўніверсітэта (Прага, Чэхия), заснавальнік чэшскай беларусістыкі, Вацлаў Жыдліцкі, вызначаегэтую грань пісьменніцкага таленту У. Караткевіча, як яго гісторыясофскі падыход да творчасці "больш, чым уласна гісторыяй, займаецца яе сэнсам. Матэрыял чэрпае з легендаў, старых хронік, народных паданняў" [40, арк. 12–13]. З гэтай нагоды мае сэнс азнаёміцца з захаваўшымися ў архіўным зборы ўніверсітэцкімі канспектамі па філасофіі і разважаннямі літаратара над філасофскімі праблемамі.

Вывучэнне матэрыялаў фонду У. Караткевіча паказала, што самую вялікую цікавасць пісьменніка выклікалі падзеі другой паловы XIX стагоддзя, перыяд паўстання 1863–1864 г. і дзейнасць К. Каліноўскага. Запісы пра падзеі і разважанні пра азначаны перыяд, а таксама малюнкі юнакоў, нагадваючых К. Каліноўскага, можна знайсці ў вялікаў колькасці дакументаў архіўнага фонда.

Неабходна адзначыць, што пісьменнік вельмі адказна падыходзіў да напісання твораў. Таму зараз хочацца спыніцца на характарыстыцы некаторых матэрыялаў архіўнага збора пісьменніка, якія раскрываюць спецыфіку яго працы над творамі, прысвечанымі розным перыядам беларускай гісторыі.

Так, ва ўступе "Замест праспекту" да знакамітага публіцыстычнга нарыса "Зямля пад белымі крыламі" (Мая Беларусь), напісанага першапачаткова для ўкраінскай моладзі, Уладзімір Сямёнавіч пазначыў: "Чалавека нельга ўявіць па за гісторыяй. Раздзел, прысвечаны ёй пачнецца з археалагічнай часткі, з плямёнаў Паморскай, Зарубінецкай і іншых культур, з балотных і рачных гарадішчаў, з раскопак, якія выяўляюць дзівосныя рэчы, з берасцяных грамат і знаходак старажытных ідалаў" [5, арк. 4.]. У якасці крыніц да гэтай часткі свайго нарыса У. С. Караткевіч адзначыў, што "…калі справа ідзе пра гісторыю, карыстаўся сумленнымі, вартымі даверу, кніжкамі" [6, арк. 3.].

У інтэрв'ю пад назвай "Любую справу рабіць хвацка" пісьменнік так апісваў пачатак працы над тым ці іншым творам: "Калі я ведаю аб чым пісаць, я ведаю і як пісаць. Таму ў мяне практычна няма чарнавікоў. Ёсць толькі накіды сюжэта… Там усё: героі, абстаноўка, планы месца дзеяння, жыллё дзейных асоб…, падрабязныя біяграфіі герояў, манеры герояў, іхнія ўчынкі і іншыя дэталі. Абдумаю як след – сядаю за стол" [1, арк. 2–3]. Як сведкі гэтай працы ў БДАМЛМ і ў фондзе аддзела рэдкіх кнг і рукапісаў ЦНБ НАН зберагаюцца чарнавыя накіды і задумкі сюжэтаў [14, арк. 2–15; 30, арк. 55–67].

Захаваліся ў архіўным зборы і чарнавікі, фрагменты і накіды шэрагу не завершаных твораў, напрыклад, гістарычных раманаў "Фенікс" і "Аршанская рошчына", аповесці "Шантаж" [11; 12; 13]. Сярод падрыхтаваных матэрылаў да аповесці "Шантаж", працу над якой пісьменнік пачаў у 1978 г., акрамя традыцыйных пераліку і характарыстыкі герояў, захаваліся падрабязныя запісы У. Караткевіча пра сістэму нямецкай акупацыйнай ўлады, нацысцкую сімволіку, апісанне знешнасці В. Кубе, выпіскі з артыкулаў калабарацыянісцкай газеты "Новы шлях", заўвагі аб падзеях 1941–1942 гг.

Цікавасць уяўляюць і матэрыялы, сабраны пісьменнікам падчас працы над публіцыстычным нарысам "Мсціслаў". Па-першае, трэба адзначыць схему размяшчэння гэтых падрыхтоўчых запісаў на лістах. Пісьменнік дзяліў кожны ліст на дзве часткі. У левай частцы запісваўся асноўны тэкст, а справа – рабіліся дадатковыя заўвагі. У. Караткевіч склаў для сябе падрабязны храналагічны агляд падзей. Дэталёва распісаў падзеі у краі на працягу 1917–1918 гг. З падзей міжваеннага перыяду літаратар пазначыў толькі пабудову ЦЭС у 1924 г., ГЭС на Віхры – у 1926 г., а таксама заводы і арцелі, пабудаваныя ў гады першай пяцігодкі. У той жа час значная ўвага была нададзена аўтарам нарыса апісанню помнікаў гісторыі і архітэктуры, вывучэнню іменаў выбітных ураджэнцаў Мсціслаўшчыны і складанню спіса фотаілюстрацый [29, арк. 1–41]. Аналагічным чынам пісьменнік рыхтаваўся да напісання рамана "Аршанская рошчына" [12, арк. 1–15].

Зразумела, што як бы ні стараўся літаратар, спецыялісты-гісторыкі заўсёды змогуць знайсці пэўныя гістарычныя неадпаведнасці ў творах мастацкай літаратуры. З гэтай находы цікава

звярнуцца да разважання прызнанага майстра пяра, як прафесійным гісторыкам трэба ставіцца да літаратуры. У фондзе пісьменніка ў ЦНБ НАН захаваліся "Некаторыя тлумачэнні наконт рэцэнзіі В. І. Мялешкі на п'есу У. Караткевіча "Званы Віцебска". У сваім адказе В. І. Мялешку пісьменнік, можна сказаць, дае тлумачэнні усім гісторыкам ад усіх літаратараў пра мастацтва разумення задумак аўтараў. У. С. Караткевіч з павагай пазначае, што "ён падышоў да майго твора як дакладны, скурпулёзны, дабрасумленны гісторык. Так падыходзіць да мастацкага твора нельга. Таму што мастак падыходзіць да гісторыі як мастак, не як гісторык. І таму гісторыкам, не разумеючым літаратуру, кніг на рэцэнзіі даваць нельга… Гісторык, калі ён добрасумленны, стварае праўдзівы дакумент (менавіта так пазначана ў тэксце У. С. Караткевіча) аб тых ці іншых падзеях. Пісьменнік піша "творимую легенду" аб гэтых падзеях.

Нашаму чытачу (гледачу) глыбока напляваць на сацыяльны, нацыянальны і рэлігійны прыгнёт. Ён, асабліва малады, проста не ўяўляе, з якой кашаю тыя штукі ядуць. Але гэта не перашкаджае яму супакутваць людзям, якія такое перажылі… Вось аб чым п'еса, а не пра забойства чалавека. Таму аўтар і мае права на выдумку. Каб гэта было больш рэзка, ясна, красамоўна. Каб эта сціскала сэрца чытача і гледача мацней… А у межах выдумкі ён не мае права на "грушы на вярбе". Затое мае права на "залатыя яблыкі"… Ніхто не мае права падняць руку на пісьменніка за права на домысел. Праўдзівы домысел, заснаваны на сапраўдным разуменні падзей гісторыі і таму часам больш праўдзівы, чым сама праўда" [15, л. 1.].

Вывучэнне архіва У. Караткевіча дазваляе сцвярджаць, што гэтыя матэрылы ўяўляюць дастаткова цікавую крыніцу не толькі аб жыцці і творчасці выбітнага літаратара, а і высокамастацкі летапіс жыцця Беларусі, на старонках якога пісьменнік прадэманстраваў глыбокае разуменне гістарычных працэсаў, раскрыў любоў да роднай зямлі і беларусаў розных пакаленняў.

1. Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва (БДАМЛМ). – Ф. 56. Воп. 2. Спр. 22. Арк. 2–3.
2. Верабей, А. Л. Проблема историзма в прозе Владимира Короткевича / А. Л. Верабей // Роль просветителей в Беларуси и Турции : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 9 апр. 2011 г. – Минск : РИВШ, 2011. – С. 102–108.
3. Жук, Т. И. Рукописное наследие Владимира Короткевича в фондах отдела редких и книг и рукописей Центральной научной библиотеки имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси / Т. И. Жук // Берковские чтения. Книжная культура в контексте международных контактов : материалы Междунар. науч. конф., Минск, 26–27 мая 2015 г. / Междунар. ассоц. акад. наук, Совет по книгоизд. [и др.] ; редкол.: Л. А. Авгуль [и др.]. – Минск ; М., 2015. – С. 162–171.
4. Цэнтральная навуковая бібліятэка Нацыянальнай акадэміі навук (ЦНБ НАН) Беларусі, аддзел рэдкіх кніг і рукапісаў (АРКіР). – Ф. 11. Воп. 1. Адз. зах. 40
5. ЦНБ НАН Беларусі, АРКіР. – Ф. 11. Воп. 1. Адз. зах. 107
6. ЦНБ НАН Беларусі, АРКіР. – Ф. 11. Воп. 1. Адз. зах. 120
7. ЦНБ НАН Беларусі, АРКіР. – Ф. 11. Воп. 1. Адз. зах. 462
8. ЦНБ НАН Беларусі, АРКіР. – Ф. 11. Воп. 1. Адз. зах. 468
9. ЦНБ НАН Беларусі, АРКіР. – Ф. 11. Воп. 1. Адз. зах. 481
10. ЦНБ НАН Беларусі, АРКіР. – Ф. 11. Воп. 1. Адз. зах. 485
11. ЦНБ НАН Беларусі, АРКіР. – Ф. 11. Воп. 2. Адз. зах. 137
12. ЦНБ НАН Беларусі, АРКіР. – Ф. 11. Воп. 2. Адз. зах. 138
13. ЦНБ НАН Беларусі, АРКіР. – Ф. 11. Воп. 2. Адз. зах. 164
14. ЦНБ НАН Беларусі, АРКіР. – Ф. 11. Воп. 2. Адз. зах. 165
15. ЦНБ НАН Беларусі, АРКіР. – Ф. 11. Воп. 2. Адз. зах. 219
16. ЦНБ НАН Беларусі, АРКіР. – Ф. 11. Воп. 2. Адз. зах. 238
17. ЦНБ НАН Беларусі, АРКіР. – Ф. 11. Воп. 2. Адз. зах. 239
18. ЦНБ НАН Беларусі, АРКіР. – Ф. 11. Воп. 2. Адз. зах. 240
19. ЦНБ НАН Беларусі, АРКіР. – Ф. 11. Воп. 2. Адз. зах. 241
20. ЦНБ НАН Беларусі, АРКіР. – Ф. 11. Воп. 2. Адз. зах. 242
21. ЦНБ НАН Беларусі, АРКіР. – Ф. 11. Воп. 2. Адз. зах. 430
22. ЦНБ НАН Беларусі, АРКіР. – Ф. 11. Воп. 2. Адз. Зах. 431
23. ЦНБ НАН Беларусі, АРКіР. – Ф. 11. Воп. 2. Адз. Зах. 432
24. ЦНБ НАН Беларусі, АРКіР. – Ф. 11. Воп. 2. Адз. Зах. 433
25. ЦНБ НАН Беларусі, АРКіР. – Ф. 11. Воп. 2. Адз. Зах. 434
26. ЦНБ НАН Беларусі, АРКіР. – Ф. 11. Воп. 2. Адз. Зах. 436
27. ЦНБ НАН Беларусі, АРКіР. – Ф. 11. Воп. 2. Адз. Зах. 437
28. ЦНБ НАН Беларусі, АРКіР. – Ф. 11. Воп. 2. Адз. Зах. 439
29. ЦНБ НАН Беларусі, АРКіР. – Ф. 11. Воп. 2. Адз. зах. 476
30. ЦНБ НАН Беларусі, АРКіР. – Ф. 11. Воп. 2. Адз. зах. 480.
31. ЦНБ НАН Беларусі, АРКіР. – Ф. 11. Воп. 2. Адз. зах. 486
32. ЦНБ НАН Беларусі, АРКіР. – Ф. 11. Воп. 2. Адз. зах. 971
33. ЦНБ НАН Беларусі, АРКіР. – Ф. 11. Воп. 2. Адз. зах. 972
34. ЦНБ НАН Беларусі, АРКіР. – Ф. 11. Воп. 2. Адз. зах. 974
35. ЦНБ НАН Беларусі, АРКіР. – Ф. 11. Воп. 2. Адз. зах. 978
36. ЦНБ НАН Беларусі, АРКіР. – Ф. 11. Воп. 2. Адз. зах. 979
37. ЦНБ НАН Беларусі, АРКіР. – Ф. 11. Воп. 2. Адз. зах. 1018
38. ЦНБ НАН Беларусі, АРКіР. – Ф. 11. Воп. 2. Адз. зах. 1019
39. ЦНБ НАН Беларусі, АРКіР. – Ф. 11. Воп. 2. Адз. зах. 1020
40. ЦНБ НАН Беларусі, АРКіР. – Ф. 11. Воп. 2. Адз. зах. 1053

Бондарева Е. М.

ДОКУМЕНТЫ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ РЫВКИНА МИХАИЛА СТЕПАНОВИЧА КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ВИТЕБЩИНЫ

Одним из наиболее объемных, полных и тематически разносторонних личных документальных собраний, принятых учреждением «Государственный архив Витебской области» на хранение, является личный фонд № 2154 «Рывкин Михаил Степанович – кандидат педагогических наук, краевед». В фонде насчитывается 586 дел за 1775–2006, 2010 гг.

Рывкин Михаил Степанович родился 29 декабря 1931 г. в г. Витебске. В годы Великой Отечественной войны находился в эвакуации в Пермской и Тамбовской областях РСФСР. В 1949 г. окончил среднюю школу № 13 г. Витебска, в том же году поступил на исторический факультет Витебского государственного педагогического института им. С. М. Кирова.

После окончания института в 1953 г. М. С. Рывкин был направлен на работу в д. Старое Село Витебского района. В 1954 г. был переведен на должность учителя средней школы № 3 г. Витебска, где преподавал историю, Конституцию, логику. В период работы в школе организовал историко-краеведческий кружок – один из первых в республике. На протяжении ряда лет активно выступал на областных, республиканских и всесоюзных педагогических чтениях и конференциях.

В 1961 г. в издательстве Академии педагогических наук СССР вышла первая книга М. С. Рывкина «Из опыта внеклассной краеведческой работы по истории». В 1965 г. он подготовил книгу «Использование краеведческого материала на уроках истории СССР».

В октябре 1966 г. М. С. Рывкин был направлен в годичную аспирантуру Научно-исследовательского института Академии педагогических наук СССР. В 1968 г. подготовил и издал на белорусском языке пособие для учителей «Изучение истории БССР в 7–8 классах». В январе 1971 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Преподавание истории союзной республики в школьном курсе истории СССР (на материале 7–8 классов школ Белорусской ССР». В феврале 1971 г. М. С. Рывкин перешел на работу в Витебский государственный педагогический институт им. С. М. Кирова.

За активную научную и педагогическую деятельность М. С. Рывкин был награжден медалью «Ветеран труда СССР», значком «Отличник народного просвещения БССР», отмечен грамотами Министерства просвещения БССР, Витебского облисполкома и горисполкома, Витебского государственного университета им. П. М. Машерова.

Одновременно с научной работой М. С. Рывкин принимал активное участие в общественной жизни. В 1970-е гг. он избирался председателем городского общества охраны памятников истории и культуры, председателем научно-методического совета областного отделения общества, участвовал в разработке Устава республиканского общества охраны памятников. В 1990-х гг. он являлся сопредседателем общества попечения еврейских кладбищ «Бетолам», председателем совета Витебского центра документальных исследований «Лухот» («Скрижали»). В апреле 1995 г. М. С. Рывкиным был создан Витебский еврейский общественный университет истории и культуры, ректором которого он был на протяжении восьми лет его существования.

В августе 2003 г. М. С. Рывкин эмигрировал в Германию, где умер 12 марта 2010 г. [1, с. 5–6].

Документы М. С. Рывкина поступили в Государственный архив Витебской области согласно заявлениям от 05. 10. 2003 и 23. 06. 2004. В соответствии с договором дарения документов от 16. 05. 2006 все собранные им и переданные в дар архиву документы по желанию М. С. Рывкина были закрыты для использования по 2020 г. включительно. В 2011 г. оставшаяся часть личного архива краеведа была передана в дар Государственному архиву Витебской области его внучкой.

В настоящее время хранящиеся в Государственном архиве Витебской области документы М. С. Рывкина открыты для широкого круга исследователей.

Документальные материалы, собранные М. С. Рывкиным, содержат сведения по истории г. Витебска начиная с дореволюционного периода. Это ксерокопии статей и очерков Н. Я. Никифоровского, А. П. Сапунова, А. М. Сементовского и других авторов, посвященные проблемам истории, археологии, демографии, культовой и гражданской архитектуре г. Витебска. Весьма интересны копии архивных документов и фотографические источники по истории витебского трамвая [12].

Среди собранных М. С. Рывкиным документальных материалов по истории г. Витебска и области в период немецко-фашистской оккупации (1941–1944 гг.) имеются фрагменты исследований немецких историков, документы об истории установления оккупационного режима в г. Витебске и области, зверствах немецко-фашистских захватчиков, фактах геноцида в отношении еврейского населения в местечках Островно, Сенно, Сиротино, Яновичи. Особый интерес представляет опубликованная часть регистрационного журнала витебской тюрьмы СД,

а также собранные исследователем свидетельства и воспоминания очевидцев об оккупации г. Витебска и области, геноциде еврейского населения [13].

Среди наиболее интересных документов по истории г. Витебска и области в послевоенный период следует отметить отчет белорусского историка архитектуры Ю. А. Якимовича о командировке в г. Браслав с целью исторического описания архитектурных памятников [14].

Интересны также документы, собранные М. С. Рывкиным, по истории Витебской государственной академии ветеринарной медицины, витебской ратуши и проектах ее реконструкции и реставрации, развитии музейного дела на Витебщине, истории улиц г. Витебска, театральной, музыкальной и религиозной жизни города и другие документы [15].

Большой интерес представляет группа документов о писателях, поэтах, художниках, историках, со многими из которых исследователь был лично знаком. Среди них:

письма и фотографии с дарственными надписями П. У. Бровки, А. С. Велюгина, Э. Огнецвет, М. Т. Лынькова, С. П. Шушкевича, А. Звонака, И. П. Шамякина, А. И. Мовзона, Я. Скрыгана [16];

рукописи новелл писательницы Л. А. Обуховой, позднее вошедшие в сборник «Витьбичи». Органичной частью данных произведений являются примечания и комментарии к ним, составленные доктором исторических наук Л. В. Алексеевым и кандидатом педагогических наук М. С. Рывкиным [17];

мемуары музееведа В. К. Зейлерта «Витебские страницы воспоминаний». Рукопись охватывают период от 1908 г. до начала Великой Отечественной войны, в ней имеются интересные сведения о быте, культурной жизни населения города [18];

каталоги персональных и коллективных выставок художников Л. Антимонова, Т. Березовской, А. Мемуса, В. Ральцевича, А. Соловьева, И. Столярова, И. Шкуратова, Я. Фельдмана, Г. Шутова, скульптора И. Казака, архитектора и сценографа Д. Мохова, фотографа М. Шмерлинга [19].

Документы, собранные М. С. Рывкиным о композиторах и музыкантах, представлены партитурами песен и произведений известных советских композиторов, письмами и фотографиями Л. М. Бирнова, А. В. Богатырева, И. И. Дзержинского, В. С. Иванникова, рукописью воспоминаний Г. Я. Юдина «Музыкальная жизнь г. Витебска в начале XX века» [20].

Интерес представляют документы, собранные М. С. Рывкиным, об участниках гражданской воны, Великой Отечественной войны, воинах-интернационалистах, Героях Социалистического Труда и передовиках производства [21].

Среди многочисленных документов, собранных М. С. Рывкиным в период его научной деятельности, имеются картографические материалы конца XVIII – первой половины XX вв., а также фотографии различной тематики, в том числе по истории г. Витебска, начиная с дореволюционного периода. Среди фотографий имеются, например, фотоснимки открытия площади Победы в г. Витебске, музея-усадьбы И. Е. Репина «Здравнево» до пожара [22].

Большой комплекс документов представлен письмами. Это переписка с доктором исторических наук Л. В. Алексеевым, писательницей Л. А. Обуховой, с которыми М. С. Рывкина связывала длительная дружба. Тематика данных писем чрезвычайно разнообразна. Например, в письмах Л. В. Алексеева имеются сведения о его работе над составлением археологической карты Полоцкой земли, проведении раскопок в Мстиславле с описанием важнейших находок [2]. В переписке с Л. А. Обуховой имеются сведения об известном русском и советском дирижере Н. А. Малько, о подготовке сборника новелл «Витьбичи» [3, л. 24–24об.].

Среди документов, связанных с работой М. С. Рывкина в составе Витебского городского отделения Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры, имеются материалы об исключении из списка археологических и исторических памятников архитектуры Благовещенской церкви в 1961 г. [4, л. 1], описание памятников культуры и памятных мест г. Витебска, предложения М. С. Рывкина по наименованию улиц, проспектов, переулков, проездов и площадей города и другие документы [5, л. 7–16].

Документы о деятельности М. С. Рывкина как сопредседателя общества попечения еврейских кладбищ «Бетолам» содержат паспорта еврейских кладбищ Витебской области [6]. В них указаны местонахождение еврейских кладбищ в Богушевске, Глубоком, Лепеле, Лукомле, Сенно, Сиротино, Улле, Шумилино, Яновичах, примерное время их создания, время закрытия, примерные размеры, состояние, наличие ограждения.

Среди документов о деятельности М. С. Рывкина как председателя совета Витебского центра документальных исследований «Лухот» имеются сведения о местах массовых расстрелов еврейского населения в период 1941–1944 гг. на территории Витебской области [7], фотографии мемориальных знаков на местах гибели еврейского населения, письма Посольства Израиля в Республике Беларусь, Национального института Яд-Вашем о награждении лиц, оказывавших помощь евреям в годы оккупации [8].

Документы о деятельности М. С. Рывкина в составе Витебской городской редакционной коллегии книги «Память» представлены исторической справкой о Витебском пехотном полке [9, л. 1–2], списком воинских частей, расквартированных в г. Витебске на 15. 05. 1941 [10, л. 1–2], воспоминания бывших подпольщиц о работе в витебском подполье [11, л. 50–76].

Среди музейных предметов, поступивших в Государственный архив Витебской области в составе личного фонда М. С. Рывкина, имеются: значок «50 лет пребывания в КПСС», графическая реконструкция «Родительский дом Марка Шагала (нач. XX в.)», цветная репродукция картины М. Шагала «Влюбленные». Помимо этого, в библиотеку Государственного архива Витебской области С. М. Рывкиным передано более 190 книг и периодических изданий, среди которых имеются книги с дарственными надписями их авторов – З. И. Азгура, Л. В. Алексеева, О. Н. Левко, Г. В. Штыхова и др.

Таким образом, документы личного фонда М. С. Рывкина, хранящиеся в Государственном архиве Витебской области, представляют интерес для исследователей истории и культуры Витебщины.

1. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 2154. Оп. 1.
2. ГАВт. – Ф. 2154. Оп. 1. Д. 62.
3. ГАВт. – Ф. 2154. Оп. 1. Д. 64.
4. ГАВт. – Ф. 2154. Оп. 1. Д. 119.
5. ГАВт. – Ф. 2154. Оп. 1. Д. 120.
6. ГАВт. – Ф. 2154. Оп. 1. Д. 126.
7. ГАВт. – Ф. 2154. Оп. 1. Д. 129.
8. ГАВт. – Ф. 2154. Оп. 1. Д. 132.
9. ГАВт. – Ф. 2154. Оп. 1. Д. 135.
10. ГАВт. – Ф. 2154. Оп. 1. Д. 136.
11. ГАВт. – Ф. 2154. Оп. 1. Д. 137.
12. ГАВт. – Ф. 2154. Оп. 1. Д. 148–172, 180.
13. ГАВт. – Ф. 2154. Оп. 1. Д. 200–202, 204–214.
14. ГАВт. – Ф. 2154. Оп. 1. Д. 219.
15. ГАВт. – Ф. 2154. Оп. 1. Д. 220–223.
16. ГАВт. – Ф. 2154. Оп. 1. Д. 249–257.
17. ГАВт. – Ф. 2154. Оп. 1. Д. 264–271.
18. ГАВт. – Ф. 2154. Оп. 1. Д. 295.
19. ГАВт. – Ф. 2154. Оп. 1. Д. 299, 302–308, 310, 373–376.
20. ГАВт. – Ф. 2154. Оп. 1. Д. 391–395.
21. ГАВт. – Ф. 2154. Оп. 1. Д. 452–453.
22. ГАВт. – Ф. 2154. Оп. 1. Д. 473–563.

Колосовская Т. А.

ИЗ ИСТОРИИ АРХЕОГРАФИЧЕСКИХ ПРАКТИК НА РОССИЙСКОМ КАВКАЗЕ ПОЗДНЕГО ИМПЕРСКОГО ВРЕМЕНИ[1]

Опыт публикации исторических источников, накопленный в условиях Российской империи, представляет большой научный интерес. Его изучение позволяет взглянуть на развитие исторической науки сквозь призму формирования археографической базы – то есть совокупности изданных документов и подготовленного к ним публикаторами сопровождения. Российская археография имперского периода отличалась как многочисленными документальными публикациями, так и специализированными учреждениями, занимавшимися их подготовкой. При этом археографическая деятельность разворачивалась не только в Петербурге, но и на окраинах страны. Особый интерес в этом отношении представляют археографические практики на Кавказе, планомерное развитие которых стало возможным после завершения Кавказской войны и окончательного включения региона в состав империи.

В рамках настоящего исследования обратимся к проблеме институционализации археографической деятельности на Кавказе во второй половине XIX – начале XX в. и приведем обзор тех документальных публикаций, которые были подготовлены в этот период. Одновременно остановимся на анализе тематики и видов таких изданий, а также определим характерные для них археографические приемы.

Становление археографических практик на Кавказе в рассматриваемый период было непосредственно связано с конструированием памяти о том, благодаря кому и какой ценой регион стал неотъемлемой частью Российской империи. Именно поэтому приоритетным направлением подготовки и издания архивных документов стала тема установления российского доминирования в регионе, включая историю военного противостояния с Турцией, Ираном и горцами Северного Кавказа.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–09–00037 «Военные кавказоведы Российской империи: историческое портреты, исследовательские практики и научное наследие».

Выявление военно-исторических материалов, отражавших историю присоединения Кавказа к России, развернулось в середине XIX в. в ходе подготовки «Истории военных действий на Кавказе, в Азиатской Турции и против Персии». Составление этого труда было возложено на будущего военного министра Д. А. Милютина. Вместе со своим помощником Д. Х. Бушеном, они собрали объемную коллекцию архивных документов, однако наладить ее издание в Петербурге, тогда, так и не получилось [5, с. 26–27].

Начало активной публикаторской деятельности связано с созданием в г. Тифлисе в 1864 г. Кавказской археографической комиссии. Главными задачами ее работы стали разбор и опубликование дел архива Главного управления Кавказского наместника, «как учреждения старейшего за Кавказом и центрального по важности и обилию хранящихся в нем актов» [1, с. IV]. Под руководством первого председателя комиссии, известного кавказоведа А. П. Берже и его приемников в лице Д. А. Кобякова, Е. Г. Вейденбаума, Е. Д. Фелицына, к началу XX в. было выпущено в свет 12 томов «Актов Кавказской археографической комиссии», включавших более 16 тыс. документов по истории российско-кавказских отношений XIV – XVIII вв. и российского управления краем (1799 – 1862 гг.) [6, с. 55].

Это многотомное издание было направлено на решение актуальных идеологических и практических задач, стоящих в то время перед властью. Обнародованные исторические источники способствовали легитимизации российского присутствия на Кавказе. Кроме того, содержащиеся в них факты по истории, этнографии и статистике помогали выработке эффективной административной политики империи на ее новой окраине.

Публикация «Актов» остановилось на 13-м томе, посвященном периоду наместничества великого князя Михаила Николаевича (1863 – 1882 гг.). Подготовленный к изданию он так и не увидел свет [6, с. 54].

Вне поля деятельности Кавказской археографической комиссии остались многочисленные военные архивы. Разбросанные по различным населенным пунктам (Кизляр, Ставрополь, Моздок, Темир-Хан-Шура и др.) они хранили богатейшие документальные источники, к которым еще не прикасалась рука исследователя. Как справедливо подчеркивал современник и непосредственный участник описываемых событий В. А. Потто «если история возникновения и распространения русской власти на Кавказе представляет до сих пор много пробелов и спорных вопросов, то причина тому кроется именно в том, что огромный военно-исторический материал остается до сих пор под спудом» [7, л. 2об].

Для публикации источников военного прошлого в 1874 г. при штабе Кавказского военного округа было создано специальное периодическое издание, получившее название «Кавказский сборник». Его первоначальная программа предполагала обнародование, во-первых, записок, воспоминаний, писем и других источников личного происхождения непосредственных участников Кавказской войны, во-вторых, делопроизводственных документов, хранящиеся в местных военных архивах. Выполнение поставленных задач было возложено на специально созданный при штабе Военно-исторический отдел.

По масштабности своей археографической деятельности это учреждение стало достойным конкурентом Кавказской археографической комиссии. Под редакцией начальников отдела (И. С. Чернявского, В. А. Потто, В. И. Томкеева и С. С. Эсадзе) с 1876 по 1912 гг. было подготовлено к изданию и опубликовано 32 тома «Кавказских сборников», тематика которых была посвящена событиям русско-персидских и русско-турецких войн XVIII – XIX вв., а также истории вооруженного противостояния с горцами Северного Кавказа.

Программа издания сборника неоднократно корректировалась. Первоначально, под редакцией И. С. Чернявского, предпочтение отдавалось источникам личного происхождения: воспоминаниям, походным дневникам и запискам участников военных событий. Начиная с шестого тома ведущее место стали занимать обзоры военных действий на Кавказе, компилятивные по своему содержанию. Публикация источников отошла на второй план. Исключение составила лишь обширная подборка документов из архива академика П. Г. Буткова, подготовленная Е. Ф. Фелицыным [7].

Ситуация изменилась, когда в 1899 г. во главе Военно-исторического отдела встал военный историк генерал-майор В. А. Потто. С его назначением изменяется программа «Кавказского сборника», главной целью которого становится публикация архивных документов, извлекаемых из местных военных архивов. По мнению Потто, напечатанные в «Кавказском сборнике» и снабженные научно-справочным аппаратам, они могли дать драгоценные сведения и историку, и администратору [9, л. 3].

Последовательная публикация архивных материалов позволяла также решить проблему сохранения источников для потомков. «Закрепленные печатью, архивы сохранятся вечно, – подчеркивал Потто, – и не подвергнутся уже истреблению через потери дел, тление бумаг и выцветание чернил, что, как показывает опыт, неизбежно при самом тщательном и аккуратном хранении дел» [9, л. 3–3об]. В подтверждение этой мысли начальник Военно-исторического отдела приводил

пример из своей исследовательской практики, когда в 1899 г. при подготовке очерка по венной истории Кавказа до присоединения Грузии, он не мог уже пользоваться многими весьма интересными делами, которые так сильно истлели, что рассыпались под пальцами. Эти документы оказались навсегда потерянными для науки [9, л. 3об].

В 21-м томе «Кавказского сборника», вышедшем в свет в 1900 г. под редакцией В. А. Потто, было положено начало опубликования документов русско-персидской войны (1826–1828 гг.), хранившихся в архиве штаба Кавказского военного округа. В последующих томах их публикация была продолжена, а в 30-м и 31-м томах нашли свое отражение архивные источники русско-турецкой войны (1828–1829 гг.) Одновременно на страницах сборников продолжали публиковаться записки, воспоминания и материалы исследовательского характера [4, с. 670].

32-й том «Кавказского сборника», опубликованный в 1912 г. в 2-х частях, включал в себя исключительно архивный документальный материал, отражавший историю военного противостояния с горцами Северо-Восточного и Северо-Западного Кавказа в 1831 – 1842 гг. [2]. В ходе отбора документов предпочтение отдавалось рапортам, журналам военных действий, отчетам и другим видам делопроизводственной документации, ранее не публиковавшимся.

Продолжением 32-го тома должны были стать еще два выпуска, включавших архивные документы периода Кавказской войны вплоть до 1864 г. Однако намеченная цель так и осталась нереализованной [8, с. 39].

Наряду с многотомными тематическими публикациями документов на рубеже XIX – XX вв. стали выходить в свет отдельные подборки источников, по различным вопросам политической, экономической и культурной истории региона. Они готовились краеведами-энтузиастами и размещались на страницах местных периодических изданий: Кубанского сборника, Трудов Ставропольской ученой архивной комиссии, Кубанских областных ведомостей и др. [3, с. 58–59]. Однако по своей масштабности они существенно уступали охарактеризованным выше археографическим проектам.

В заключении обратим внимание на археографические приемы, практиковавшиеся местными археографами. В целом, они соответствовали уровню развития археографии того времени. Публикуемые документы сопровождались вступительными статьями, позволявшими понять историческую эпоху, и указаниями на нахождение оригиналов публикуемых источников. Для облегчения пользования документальными публикациями разрабатывались указатели: именные, географические и предметные. При этом текстуальные примечания и комментарии по содержанию, как правило, отсутствовали.

Таким образом, публикаторская деятельность Кавказских археографических центров свидетельствовала о своего рода прорыве в практической археографии на новой окраине Российской империи. Это были первые опыты массового издания разных видов исторических источников, отражавших сложный исторический процесс включения Кавказа в государственное пространство страны. На страницах «Актов Кавказской археографической комиссии» и «Кавказских сборников» публиковались документы преимущественно по новейшей истории, что существенно выделяло их среди других публикаций того времени.

К сожалению, столь удачно начатая публикаторская деятельность так и не была завершена. Но и то, что удалось сделать имело огромное значение. Ценой усилий историков-кавказоведов, многие из которых являлись людьми военными, было положено начало формированию той археографической базы, без обращения к которой сейчас не обходится ни одно научное исследование по истории российско-кавказских отношений XVIII – XIX вв.

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией : в 12 т. – Тифлис, 1866. – Т. 1. / под ред. А. П. Берже. – 816 с.
2. Кавказский сборник. – Тифлис, 1912. – Т. 32. – Ч. 1. / под ред. полковника Томкеева. – 505 с. ; Ч. 2. / под ред. подполковника Эсадзе. – 320 с.
3. Колесникова, М. Е. Ставропольская губернская ученая архивная комиссия: страницы истории архивного дела Северного Кавказа / М. Е. Колесникова, А. В. Логачева, Я. Н. Охонько ; науч. ред. М. П. Мохначева. – Ставрополь : Вестник Кавказа 2007. – 178 с.
4. Колосовская, Т. А. «Кавказские сборники»: история и судьба археографического проекта / Т. А. Колосовская // Вестник архивиста. – 2019. – № 3. – С. 663–674.
5. Колосовская, Т. А. К вопросу об археографии военной истории Кавказа. По материалам деятельности Д. Х. Бушена / Т. А. Колосовская // Вестник архивиста. – 2015. – № 4. – С. 19–30.
6. Максимчик, А. Н. «…Собрать из архивов главнейшие акты и сведения…» (Кавказская археографическая комиссия и архивное дело на Кавказе во второй половине XIX в.) / А. Н. Максимчик, С. Б. Манышев // Новое прошлое. – 2020. – № 2. – С. 44–61.
7. Материалы для истории Северного Кавказа 1787–1792 гг. / сост. Е. Д. Фелицын // Кавказский сборник. – Тифлис, 1896. – Т. 17 ; 1897. – Т. 18 ; 1898. – Т. 19 ; 1899. – Т. 20.
8. Парова, Л. М. Из истории археографической деятельности военно-исторического отдела штаба Кавказского военного округа / Л. М. Парова // Советские архивы. – 1985. – № 6. – С. 38–40.
9. Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 401. Оп. 5. Д. 147.

Поляков И. А.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПИСИ В РУССКОЙ РУКОПИСНОЙ КУЛЬТУРЕ КОНЦА XVI – XVII В.: ПРОБЛЕМА ВЫЯВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ[1]

Время появления и развитие первых русских автобиографических произведений относятся к одним из наиболее актуальных и дискуссионных проблем исторической науки. Эти вопросы рассматривались в научной литературе учеными разных специальностей на протяжении более чем 150 лет, однако их решение ещё до далеко до завершения, а обнаружение каждого нового памятника вносит коррективы в существующие концепции. Ввиду объёма формат тезисов не позволяет отразить историографическую традицию изучения данной темы, поэтому отметим лишь основные направления исследований, существующие в настоящее время.

По мнению автора статьи, в последние десятилетия наблюдается снижение градуса научной дискуссии по проблемам времени и причинам зарождения памятников автобиографического характера в русской культуре. Для ученых, исследующих автобиографические произведения, мемуары и дневники XVIII–XX вв., основополагающей является классическая позиция А. Г. Тартаковского и А. Е. Чекуновой о появлении первых законченных памятников этих жанров в конце XVII – первой четверти XVIII в. в связи с Петровскими преобразованиями [1; 2]. Специалисты по истории древнерусской литературы, напротив, сфокусированы на поиске автобиографических мотивов в житийной литературе XVI–XVII вв., в первую очередь, в «Житие» протопопа Аввакума [3; 4]. Наконец, ряд историков ещё со второй половины XX в. исследуют проблему появления частных и фамильных летописцев, преимущественно, светских лиц, содержащих рассказы об исторических событиях, свидетелями которых были авторы. Тем не менее, их большая часть выполнена в летописной традиции, не содержит автобиографических сведений или сохранилась только в поздних копиях, часто не позволяющих восстановить цель и обстоятельства создания памятника. Наиболее ценным произведением из выявленных являются фамильный летописец площадных подьячих Шантуровых, составленный несколькими членами семьи в конце XVII в. на чистых листах и полях принадлежащего им исторического сборника. Памятник был обнаружен и частично опубликован М. Н. Тихомировым [5], а затем детально исследован А. П. Богдановым, в 2020 г. подготовившем его научное издание с комментариями [6]. Отдельным направлением в историографии являются работы Б. Н. Морозова, обнаружившего и опубликовавшего уникальный автобиографический памятник – «Летописец» Ионы Соловецкого, странствующего монаха-книжника конца XVI – начала XVII в., представляющий собой законченную автобиографию, выполненную на первых листах его энциклопедического сборника [7]. Тем не менее, в последние десятилетия наблюдается снижение числа работ, посвященных введению в научный оборот и изучение новых автобиографических памятников конца XVI–XVII вв. Анализ существующей историографии также показывает, что ученые, работающие в рамках вышеназванных направлений, редко обращаются к исследованиям друг друга и не ищут объектов для сравнения среди источников других групп или периодов, хотя все они отражают один процесс развития индивидуального сознания человека Нового времени.

В 2016 г. к проблеме изучения ранних русских автобиографических записей обратился автор настоящей статьи. Ему удалось обнаружить ещё один неизвестный ранее источник – автобиографические и летописные записи князя С. В. Ромодановского, выполненные в протодневниковой форме за середину 1670-х – 1679 г. на чистых листах принадлежавшего ему сборника учебных материалов ОР РНБ. F. XIII. 5. Как и в случае с уникальной автобиографией Ионы Соловецкого, состав рукописи ОР РНБ. F. XIII. 5 и содержание самих записей позволили не только отметить факт находки ещё одного автобиографического произведения XVII в., но и исследовать различные стороны личности князя С. В. Ромодановского, определить его культурные и исторические интересы, читательские предпочтения, а также обнаружить и реконструировать родовую библиотеку князей Ромодановских XVII – начала XVIII в., содержавшую более 50 рукописных и 150 печатных книг [8].

Обнаружение записей князя С. В. Ромодановского и сравнение их с подобными источниками XVII в. : «Летописцем» Ионы Соловецкого и фамильной рукописью площадных подьячих Шантуровых показало, что все они представляют собой отдельный тип автобиографических памятников того периода. Их особенностью является отрывочный формат записей – краткие пометки, выполненные в летописной форме и посвященные истории собственной жизни, биографиям родных и близких, а также ярким историческим событиям, свидетелям которых были авторы. Они не составляют законченного произведения, часто расположены на чистых листах фамильных рукописей в произвольных местах и трудны для выявления – как и многие читательские пометы, они не фигурируют в описях собраний и могут быть обнаружены только при полистном просмотре книг. Наиболее важным отличием является тот факт, что подобные памятники создавались только для узкого круга читателей – самого автора, его родных и близких. Ещё одной особенности этих источ-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–39–70005.

ников является их связь с развивающейся в XVII в. культурой «записных книжек», недостаточно изученной в настоящее время. На чистых листах и полях рукописей владельцы оставляли не только автобиографические пометки, но и широкий спектр других записей: читательские маргиналии, исторические сведения о государственных событиях, погодных катаклизмах, хозяйственные материалы – долговые расписки, описи имущества, росписи расходов и прочее. Представляется, что подобные «записные книжки» следует изучать комплексно: анализировать все имеющиеся записи, детально восстанавливать биографии их создателей и искать другие документы, рукописи и печатные книги, которые могли входить в библиотеки и архивы владельцев.

На наш взгляд, наиболее перспективной возможностью выявления и исследования подобных памятников является полистный просмотр частных манускриптов и печатных изданий XVI–XVIII вв., находящихся в собраниях различных библиотек и архивохранилищ Российской Федерации и других государств, преимущественно, не имеющих детальных описей. Примером использования подобного подхода на материалах Отдела рукописей РНБ и методологии поиска посвящен доклад М. А. Смирновой на данной конференции, поэтому только отметим, что в ходе продолжающейся работы нами уже был выявлен ряд ценных автобиографических памятников первой половины XVIII–XIX вв.

В 2017–2020 г. автором настоящей статьи осуществлялся поиск следов книжного собрания и документов князей Ромодановских в архивохранилищах Москвы. Вспомогательным результатом этого исследования стало выявление нескольких новых «записных книжек» и автобиографических памятников, принадлежавших представителям правящей элиты второй половины XVII в. Наиболее ценными из них являются фамильные «Святцы» князей Кропоткиных (ОР РГ Б. Ф. 711. № 30), на чистых листах и полях которых содержатся автобиографические, исторические и литературные записи трех поколений князей Кропоткиных за 1640-е – 1680-е годы: князя В. П. Кропоткина, его сына князя Василия и внука князя Михаила Васильевича. Заслуга в «открытии» данного памятника принадлежит Ю. В. Анхимюку, описавшему рукописи из собрания А. П. Гранкова и отметившему данные владельческие и автобиографические пометы в описи фонда. Однако, в дальнейшем памятник не становился предметом исследования ученых, а упомянутые записи не изучались. Типологически «Святцы» князей Кропоткиных также являются «записной книжкой» и аналогичны по своей форме как рукописи князя С. В. Ромодановского, так и историческому сборнику Шантуровых. В формате: «дата – церковный праздник – краткое описание события» князья Кропоткины на протяжении более 40 лет отмечали семейные события (рождения, смерти, повышения по службе и т. д.) и важные исторические факты, свидетелями которых они стали. Особую роль в истории памятника сыграл князь В. В. Кропоткин, который на протяжении большей части жизни превращал рукопись в «фамильную летопись», а на л. 339 об. поместил «Роспись летам», в которой отметил сколько лет исполнится «мне, князь Василью» и членам рода князей Кропоткиных на момент 1646 /47 г. с указанием числа и месяца. Более того, князь В. В. Кропоткин достаточно хорошо разбирался в книжной культуре Московского государства – некоторые события владелец рукописи записал с помощью тайнописи, шифр к которой поместил на последних листах книги. По-видимому, интересы князя передались его сыну Михаилу, чьи автографы также читаются в «Святцах». В научной литературе князь М. В. Кропоткин отмечен как книжник и переводчик второй половины XVII в., однако современным исследователям известна только одна его рукопись – сборник переводов ОР РГ Б. Ф. 228. № 173 [9].

Не менее интересны и два других выявленных памятника, содержащих автобиографические записи. Первый из них был составлен в конце XVII в. и представляет собой биографию членов рода Бутурлиных (РГАД А. Ф. 1365. Оп. 2. № 1. Л. 1). По-видимому, памятник был подготовлен И. И. Бутурлиным, который дал краткую справку о жизненном пути своих родителей (даты рождения, служба, смерть) и включил туда сведения о себе и своей жене, использовав при этом личное местоимение «я». Несколько записей, которые можно трактовать как автобиографические, оставил князь Г. В. Кропоткин в своей «домовой книге» – записной книжке за 1650–1670-е годы, в которую он превратил печатный латинский трактат «De logistica medica» (Аугсбург, 1578) (ОР РГ Б. Ф. 299. № 232). Данный памятник был выявлен автором статьи в 2017 г. и уже стал предметом докладов на научных конференциях, а на сегодняшний момент готовится к публикации.

Таким образом, новейшие находки современных исследователей показывают, что проблема зарождения и развития светских автобиографических произведений в русской культуре ещё далека от завершения. Обращение ученых к рукописным памятникам XVI–XVIII вв. дает основание предполагать, что ещё большое число неизвестных материалов, не введенных в научный оборот и не отмеченных в описях, может находиться на полях и чистых листах рукописей того периода. Выявление и исследование упомянутых в данной статье памятников показывает, что «Летописец» Ионы Соловецкого является самым ранним, но не единственным подобным источником конца XVI–XVII в. Более того типологическое сходство рассмотренных автобиографических записей в составе владельческих рукописей, превращенных в «записные книжки», позволяет говорить о суще-

ствовании особой культуры автобиографических записей конца XVI–XVII в., появляющихся в процессе развития индивидуального сознания их авторов. Представляется, что дальнейшее изучение этой темы должно включить три основных направления: выявление и комплексное исследование подобных памятников в рукописях XVI–XVIII вв. ; сопоставление обнаруженных материалов с культурой русских автобиографических и мемуарных произведений XVIII–XX вв. ; поиск аналогов и образцов в рукописной традиции других стран.

1. Тартаковский, А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.: От рукописи к книге / А. Г. Тартаковский. – М. : Наука, 1991. – 286 с.
2. Чекунова, А. Е. Русское мемуарное наследие второй половины XVII–XVIII вв.: Опыт источниковедческого анализа / А. Е. Чекунова. – М. : Российское университетское издательство, 1995. – 134 с.
3. Демкова, Н. С. Сочинения Аввакума и публицистическая литература раннего старообрядчества / Н. С. Демкова. – СПб. : Издательство СПбГУ, 1998. – 329 с.
4. Ранчин, А. М. Автобиографические повествования в русской литературе второй половины XVI–XVII вв. (Повесть Мартирия Зеленецкого, «Записка» Елеазара Анзерского, жития Аввакума и Епифания) / А. М. Ранчин // Автопортрет славянина. – М. : Индрик, 1999. – С. 21–42.
5. Тихомиров, М. Н. Записки приказных людей конца XVII в. / М. Н. Тихомиров // Труды отдела древнерусской литературы. – Т. 12. – М. ; Л. : Издательство АН СССР, 1956. – С. 442–457.
6. Богданов, А. П. «… Пожалован на Ивановскую площадь»: Хронологические записи площадных подьячих Шантуровых XVII в. / А. П. Богданов // Отечественные архивы. – 2020. – № 6. – С. 68–78.
7. Морозов, Б. Н. Автобиография Ионы Соловецкого: 1561–1621 / Б. Н. Морозов // Археографический ежегодник за 2000 год. – М. : Наука, 2001. – С. 447–453.
8. Поляков, И. А. Род князей Ромодановских в XVII в. и их книжное собрание : дисс. … канд. ист. наук. / И. А. Поляков. – СПб., 2020. – 510 с.
9. Белоброва, О. А. Кропоткин Михаил / О. А. Белоброва // Словарь книжников и книжности Древней Руси – Вып. 5 : XVII в. – Ч. 2 : И–О. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. – С. 197–198.

Смирнова М. А.

КУЛЬТУРА АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ЗАПИСЕЙ И РАННЯЯ МЕМУАРНАЯ ЛИТЕРАТУРА В РУССКОЙ РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА[1]

Период второй половины XVII – XVIII в. стал переломным в сознании людей и подготовил основы для превращения традиционного Московского государства в «просвещенную» Российскую империю. Характерной чертой этого времени стало постепенное развитие светской культуры как в традиционных древнерусских формах, так и в рамках новых жанров и европейских веяний. В эпоху Раннего нового времени в России возникает и развивается жанр автобиографической литературы, к которому можно отнести и автобиографические записи.

Обращение к ранним русским автобиографическим текстам чрезвычайно важно для изучения развития индивидуального сознания человека, его самоидентификации в обществе и в мире, способов мышления, взглядов, целей, мотивов, страхов и переживаний. В историографии памятникам автобиографической литературы традиционно уделяется большое внимание. Особое значение мемуары и дневники приобрели в контексте проблемного поля исторических исследований последних десятилетий, связанных с изучением коллективного и индивидуального сознания, исторической и семейной памяти, системы духовных ценностей общества, социально-исторической психологии и других сюжетов. За небольшим исключением, материалами исследований как историков, так и литературоведов служат по большей части опубликованные произведения XVIII–XX вв., которые представляют собой примеры уже сформировавшихся разновидностей автобиографического жанра. Напротив, проблеме его становления и развития посвящено меньшее число работ. В целом, в современной историографической традиции при изучении вопроса о возникновения автобиографического жанра наблюдаются разные исследовательские подходы. В первом случае понятие «автобиографические тексты» трактуется максимально широко и часто применяется в значении «автобиографические сведения». Некоторые сторонники данного подхода видят зарождение автобиографического жанра уже в эпоху Древней Руси, к примеру, в «Поучении» Владимира Мономаха. В современных трудах, основанных на междисциплинарных методах и выполненных в категориях постмодернистской парадигмы, границы автобиографического жанра также признаются размытыми, а в понятия «автобиографические тексты» и «эго-документы» может быть включен практически любой нарративный источник. В рамках второго направления исследователи разных специальностей анализируют узкие группы источников XVI–XVIII в., прежде всего, памятники житийной литературы, на предмет поиска в них автобиографических мотивов. Наконец, третий подход в исследовании автобиографических и мемуарных произведений основан на тезисе об их более позднем по сравнению с Западной Европой времени появления в России и

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–39–70005.

о резком развитии индивидуального сознания русских людей в эпоху реформ императора Петра Великого во многом благодаря расширившимся контактам с Западом. Признавая появление зачатков будущего жанра ещё в XVII в., классики изучения отечественной мемуаристики определяют время возникновения автобиографического жанра однозначно как конец XVII – начало XVIII в.[1]. Таким образом, ранняя автобиографическая традиция, которая существовала в границах рукописной книжности, оказалась на стыке двух исследовательских традиций. Являясь жанром Нового времени, автобиографические тексты практически не включены в проблематику исследований древнерусской тематики, в то же время специалисты по литературе и мемуаристике эпохи классицизма за небольшим исключением работают с опубликованными материалами или же известными рукописными произведениями, созданными представителями правящей и интеллектуальной элиты.

В определенной степени незначительная изученность ранних автобиографических памятников вызвана проблемой их обнаружения и атрибуции, а также жанровой неустойчивостью. Так, изучаемые образцы не являются отдельными литературными произведениями, а зачастую представлены небольшими текстами или разрозненными заметками на полях столбцов, рукописных и печатных книг. Такие записи чрезвычайно сложны в поиске и изучении – информация о них не отражена в архивных описях и каталогах, приписки автобиографического характера не выделены в исследованиях и публикациях читательских маргиналий и помет. Имеющиеся в нашем распоряжении каталоги рукописных воспоминаний и дневников охватывают более поздний материал и учитывают цельные автобиографические памятники, выявленные по описям и картотекам. Исключением можно назвать лишь масштабное обследование собраний Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (ныне Российской государственной библиотеки), предпринятое коллективом под руководством С. В. Житомирской и отраженное в подготовленном каталоге и статье в «Археографическом ежегоднике» [1; 2]. С. В. Житомирская отметила жанровую неустойчивость и разнообразие рукописных автобиографических текстов, для работы с которыми мало применимы теоретические выводы исследователей, работающих с опубликованными мемуарами и дневниками.

В связи с этим представляется, что исследование ранней русской автобиографической традиции возможно только на основе анализа значительного по количеству и разнообразию корпуса памятников и записей. Единственным способом их выявления остается трудоемкий подокументый просмотр рукописных собраний библиотек и архивохранилищ. В рамках этого подхода в 2020–2021 гг. научным коллективом, состоящим из сотрудников Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербургского государственного университета и Российского государственного архива древних актов, под руководством автора доклада осуществляется проект, направленный на изучение ранних русских автобиографических текстов. На материале крупнейших архивохранилищ России была предпринята работа по сплошному просмотру de visu основных собраний русской рукописной книги. Результатом этого продолжающегося исследования является выявление, атрибуция и сравнительное изучение более ста ранее не известных автобиографических памятников и записей XVII – первой половины XIX вв. Этот период взят в качестве хронологических рамок исследования как время возникновения и формирования автобиографического жанра русской литературы. Соглашаясь с мнением А. Г. Тартаковского о складывания мемуарного жанра в дворянской среде к эпохе 1812 г., связанного с переходом от рукописного бытования произведений к ориентированию на их публикацию [4], заметим, что в культуре более низовых слоев русского общества период «кристаллизации» жанра растянулся на большую часть XIX столетия, а автобиографические сочинения и записи купечества, низшего духовенства, мещанства и крестьянства все это время существовали практически полностью в рукописной книжности.

А. Г. Тартаковский в ставшей классической монографии «Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. » довольно категорично выразился о перспективах обнаружения памятников ранней русской автобиографической литературы: «трудно предположить, чтобы при чрезвычайно пристальном интересе к ним на протяжении прошедших двух веков со стороны архивистов, историков, издателей исторических журналов и т. д., в архивах находились бы еще сколько-нибудь значительные массивы неизвестных доселе дневников и воспоминаний XVIII в. » [4, с. 24–25]. Противоположенное А. Г. Тартаковскому мнение высказал Ю. П. Зарецкий, отметив, что «сотрудники Российского государственного архива древних актов (РГАДА) и исследователи, хорошо знакомые с его фондами, не устают повторять, что через их руки проходят тысячи никому, кроме них, не известных личных свидетельств, созданных “маленькими людьми”» [3, с. 103]. Полученные в ходе нашего исследования результаты полностью подтверждают мнение Ю. П. Зарецкого. Несмотря на карантинные ограничения, введенные в 2020 г., участникам проекта удалось исследовать на предмет наличия автобиографических материа-

[1] Традиции и новые методологические подходы в исследовании раннего русского автобиографического жанра обобщены И. А. Поляковым и М. А. Смирновой в статье «К истории изучения русской мемуарной литературы XVII - XVIII веков: проблема систематизации», которая в 2021 г. будет опубликована в журнале «Studia Litterarum».

лов три собрания Отдела рукописей РНБ: собрания А. А. Титова (Ф. 775) – более 4, 5 тысяч единиц, П. Н. Тиханова (Ф. 777. Оп. 3) – более тысячи единиц, и библиотеки Новгородской духовной семинарии (Ф. 522) – более 250 единиц. В ходе этой работы были обнаружены и описаны несколько десятков неизвестных ранних русских автобиографических сочинений и записей XVII – начала XIX в. И если для XVII в. такие материалы единичны, то для второй половины XVIII в. и особенно для начала XIX в. их количество существенно возрастает. Они различны по объему, форме и содержанию и представляют собой приписки в святцах, синодиках, месяцесловах, владельческие записи с автобиографическими сведениями, фамильные летописцы, дневники, путевые записки, созданные как известными, так и малоизвестными авторами (начиная с неизвестного дневника императрицы Александры Федоровны и заканчивая анонимными заметками провинциальных купцов и мещан). Меньшая часть обнаруженных произведений является примерами классического автобиографического жанра, представляющих собой отдельные цельные памятники – воспоминания, дневники или путевые заметки.

Необходимость сплошного просмотра рукописных собраний позволяет не только ввести в научный оборот значительный массив не известных ранее произведений автобиографического характера, но и предоставляет хороший материал для исследования смежных научных проблем – к примеру, изучения книжной культуры представителей разных социальных групп XVII–XIX вв. Так, в результате данной работы появляется возможность реконструировать частные собрания и архивы родов и отдельных лиц внутри крупных фондов, отождествить анонимные автобиографические произведения по почерку и внешнему виду рукописи, найти сведения по истории создания и бытования памятников. В качестве примера подобного комплекса может служить архив ярославского мещанина Д. И. Серебренникова рубежа XVIII–XIX вв., рассеянный по обширному собранию ростовского коллекционера А. А. Титова. Среди собственных сочинений краеведа Д. И. Серебренникова и рукописных сборников из его библиотеки, насчитывающей около десяти рукописей, была обнаружена его записная книжка – «Памятник событий» конца XVIII – первой четверти XIX в. (ОР РН Б. Ф. 775. № 3258). Материалы Д. И. Серебрянникова использовались более ста лет назад А. А. Титовым в его работах, но не знакомы современным исследователям.

На взгляд автора доклада, выбранный для поиска и исследования ранних автобиографических памятников подход показал свою перспективность. Представляется, что в будущем его результаты дадут возможность определить динамику развития русских автобиографических и мемуарных произведений в XVII – первой половине XIX в. Сопоставление разных по времени и кругу авторов записей позволило сделать выводы о наличии нескольких типологических моделей фиксирования человеком Нового времени сведений о себе. Многообразие форм и способов автобиографического повествования демонстрирует сложный переходный процесс формирования самостоятельных жанровых форм для новой для русской культуры автобиографической традиции, растянувшийся для разных слоев общества на более чем полтора столетия.

1. Воспоминания и дневники XVIII–XX вв. : указатель рукописей / под ред. С. В. Житомирской. – М. : Книга, 1976. – 621 с.
2. Житомирская, С. В. Вопросы научного описания мемуарных источников / С. В. Житомирская // Археографический ежегодник за 1976 год. – М. : Наука, 1977. – С. 41–59.
3. Зарецкий, Ю. П. Рассказы о себе в России XVIII века как социальные практики (опыт построения классификации) / Ю. П. Зарецкий // Человек. – 2016. – № 6. – С. 103–115.
4. Тартаковский, А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.: От рукописи к книге / А. Г. Тартаковский. – М. : Наука, 1991. – 286 с.

Иващенко В. Ю.

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Начиная с 1990-х годов на постсоветском пространстве наблюдается археографический бум, который вполне закономерно сопровождается возрастанием интереса к теории и истории археографии [3]. В тоже время достаточно парадоксальным выглядит отсутствие практических рекомендаций к публикации разных типов и видов источников. Так, в археографической практике Украины используются советские правила издания исторических документов редакции 1990 г., а также немногочисленные отечественные методические разработки, которые регламентируют языковые аспекты издания [5; 7–8]. Из всего разнообразия исторических источников только эпистолярные и устные обратили на себя специальное внимание археографов [1; 4]. По мнению Г. В. Папакина, современная украинская археография «преимущественно является эклектичной, отображает собственные взгляды и предпочтения издателей», что свидетельствует о настоятельной необходимости «в разработке и утверждении современных украинских правил использования исторических источников в публикациях» [6].

В этих условиях весьма полезной может быть практика конкретных археографических публикаций. Признавая фактор субъективности, в целом присущий археографической работе на всех ее этапах, можно в то же время говорить о системе принципов и подходов, которые разрабатываются в ходе подготовки таких изданий и призваны максимально приблизить исторический документ к читателю. В данной статье предлагается анализ опыта подготовки и публикации серии «Харьковский университет в воспоминаниях его преподавателей и воспитанников», которая на данный момент включает три опубликованных тома [10–11], а также проект четвертого тома и материалы к нему.

Издание изначально задумывалось как серия, что повлияло и на процесс сбора воспоминаний, и на составление проекта публикации.

В центре внимания составителей находятся воспоминания о Харьковском университете, написанные / озвученные его преподавателями и студентами. Первые два тома посвящены дореволюционному периоду университета, второй – реорганизации университетской системы в 1920–1930-е гг., четвертый – университету в годы войны 1941–1945 гг. (публикация запланирована на 2022 г.). На данный момент также собраны материалы, освещающие историю Харьковского университета второй половины 1940–1980-х гг.

Сбор материалов проводился по нескольким направлениям: выявление опубликованных материалов; работа в архивах, библиотеках, музеях с целью выявления ранее неопубликованных воспоминаний; поиск автобиографических текстов в домашних архивах сотрудников и выпускников университета; сбор интервью по университетской истории.

Отметим, что за период 2004–2018 гг. в Харьковском университете было подготовлено несколько диссертаций по университетской истории и мемуаристике; некоторые из составителей сборника принимали участие в реализации международного исследовательского проекта «Трансфер и адаптация университетского образования в России второй половины XVIII – первой половины XIX ст. » (Фонд Герды Хенкель, 2008–2010 гг.), а также в подготовке презентационных изданий по истории Харьковского университета. В ходе этих исследований проводился сбор эго-документов, уточнялись биографические данные университетских деятелей, осмысливались дискуссионные вопросы университетской истории, что значительно облегчило работу по изданию мемуарной серии.

Кроме того, с 2006 г. на базе Музея истории Харьковского университета имени В. Н. Каразина ведется систематический сбор интервью в рамках устноисторических проектов «Образы университетской науки: Харьковский университет в 1940–1980-х гг. », «История студенческих строительных отрядов Харьковского университета» и др. На данный момент в фондах музея хранится более 350 интервью.

При составлении проекта издания воспоминаний большое внимание уделялось кадровому потенциалу (к работе по созданию научно-справочного аппарата привлекались специалисты в области университетской истории и мемуаристики), поиску финансирования (публикация первых двух томов была осуществлена издательством «Сага», издание третьего тома было поддержано Канадским институтом украинских студий Альбертского университета), определению типа издания, принципов отбора документов, особенностей воспроизведения текстов источников, системы научно-справочного аппарата.

Отдельно решался вопрос о языке издания. Корпус текстов представлен как русскоязычными, так и украиноязычными источниками, причем их соотношение в разные периоды истории университета варьируется: так, большинство текстов, освещающих дореволюционную историю университета, написаны на русском языке (59 из 63), тогда как университету 1920 – 1930-х гг. посвящены 38 воспоминаний, из которых 20 – украиноязычные. Решением этой проблемы стала двуязычная публикация: тексты воспоминаний публиковались на языке оригинала, научно-справочный аппарат – на украинском.

Особенности финансирования повлияли на такие аспекты публикации, как тип издания, внешнее оформление, тираж. Тираж, подготовленный издательством «Сага», составил 1000 экземпляров первого тома и 500 экземпляров второго. Рассчитанное на широкий круг читателей, издание дореволюционных мемуарных текстов было подготовлено как научно-популярное. Третий том, работа над которым осуществлялась в рамках научного проекта, представляет собой научное издание тиражом в 100 экземпляров. Впрочем, составители попытались избежать больших расхождений в принципах подготовки текстов и научно-справочного аппарата, о чем речь пойдет ниже. То же можно сказать о внешнем оформлении издания: в едином стиле выполнены обложки и форзацы, организована текстовая часть.

Важным аспектом археографической подготовки издания является отбор документов для публикации. Составители сборников нацеливались на максимальное выявление эго-документов. При этом для издания была отобрана только часть собранного массива: так, из более чем 90 воспоминаний

о дореволюционном Харьковском университете, в издание вошли 63. По отношению ко всем четырем томам авторы придерживались нескольких критериев: прежде всего, отбирались документы, созданные представителями университетской корпорации; далее оценивалось соответствие текстов тематике издания, а также полнота поданной в них информации. Таким образом, в издание не вошли мемуарные тексты о Харьковском университете, созданные местными жителями, путешественниками и т. д., а также те, в которых университет не упоминался или упоминался вскользь. Кроме того, было принято решение отказаться от больших по объему воспоминаний, которые были переизданы на рубеже XX–XXI вв. с обширными комментариями.

Не таким однозначным было решение, связанное с видовыми особенностями мемуарных текстов. Следует отметить, что университетская мемуаристика дореволюционного периода представлена преимущественно автобиографиями, мемуарами – «современными историями» [2, с. 466–485] и некрологами. В советский период часть мемуарных текстов тяготеет к «документализации», увеличивается количество текстов, имеющих публицистический или мемориальный характер. Все эти разновидности были включены в сборники под общим названием «воспоминания». По видовому признаку были исключены художественные произведения, что связано не только с наличием художественного вымысла, но и со значительными объемами текстов.

На данном этапе наибольшее видовое разнообразие присуще четвертому тому, посвященному периоду 1941–1945 гг. : кроме автобиографий, мемуаров, публицистики, интервью, были выявлены официальные автобиографии, стенограммы, а также письма и дневники, которые решено было включить в состав сборника, отказавшись в данном случае от принципа видовой чистоты. Понимая условность употребления термина «воспоминания» по отношению к некоторым текстам, составители в то же время хотят дать представление о различных вариантах осмысления личного опыта членами университетской корпорации.

Следствием такого неоднородного состава сборников стали отличия в подходах к систематизации мемуарных текстов: в первых трех томах автобиографические материалы размещены по хронологии, в четвертом планируется группировка источников по разновидностям.

Отметим, что и для научно-популярного, и для научного типа изданий применялись схожие критерии выбора текста и принципы их воспроизведения. К основным критериям выбора текста можно отнести критерий подлинности (при наличии публиковался автограф документа), соответствия авторскому замыслу (при отсутствии оригинала публикация осуществлялась или по последнему прижизненному изданию, или по изданию, которое максимально учитывало особенности работы автора над текстом) и полноты (при наличии нескольких редакций отбирался более полный вариант).

Ряд текстов был опубликован в полном объеме, некоторые – с сокращениями, которые специально обозначались. Сокращались фрагменты, не имеющие отношения к истории Харьковского университета, а также части, спорные в этическом отношении. Сокращения, связанные с этическими аспектами, были сделаны в одном случае, когда мемуарист при характеристике университетских деятелей допустил явное нарушение этических норм.

Составители допускали минимальное вмешательство в текст, что, с одной стороны, позволило сохранить авторскую индивидуальность, с другой – приблизить текст к современному читателю. Сохраняя стилистические особенности, присущие мемуаристам, авторские примечания и выделения отдельных фраз или слов, составители исправили ошибки / опечатки, которые не имели смыслового значения, раскрыли сокращения слов, приблизили тексты к современным нормам правописания.

На усиление коммуникативных свойств публикуемых документов направлен также научно-справочный аппарат издания, который включает в себя заголовки, предисловия, археографические примечания, исторические комментарии, именной указатель и список сокращений.

Что касается заголовков, то в большинстве случаев составители использовали авторский вариант (название мемуарного текста в целом или соответствующей части). При отсутствии самоназвания заголовок давался составителями в квадратных скобках.

Серия имеет несколько вариантов предисловий: первая часть открывается обращением ректора Харьковского университета В. С. Бакирова, далее читателям предлагается два предисловия – археографическое, в котором излагаются принципы публикации документов, а также историческое, характеризующее соответствующий мемуарный корпус. Последующие части предваряет единое предисловие, состоящее из исторической и археографической частей.

Текст сопровождается археографическими примечаниями, в которых отображается ход работы мемуариста над текстом (зачеркивания, позднейшие вставки и т. д.). Также в подстрочных примечаниях даются комментарии автора или публикатора, если источник публикуется по изданию.

В конце издания размещаются комментарии, именной указатель и список сокращений. Первая часть комментариев содержит легенду документа, в которой указан источник публикации

(архив или издание), характер рукописного документа (автограф, машинопись), особенности публикации (полный вариант или отрывок), дается биография мемуариста (если автор неизвестен, проводится процедура атрибуции), в случае необходимости дополнительно сообщается об истории написания и публикации источника, указываются все предыдущие публикации. Далее идут комментарии по содержанию публикуемых документов.

Во время подготовки сборников большое внимание уделялось подготовке именного указателя, который представляет собой краткие биографические справки персоналий, упомянутых в мемуарах. Завершается каждый сборник списком сокращений, как встречающихся в текстах источников, так и принятых составителями.

Отметим, что работа над публикацией не заканчивается моментом получения тиража из типографии. Составители уделяют большое внимание презентации сборника, выступая на разных площадках, делая рассылку в библиотеки, размещая информацию на профильных сайтах и в социальных сетях.

Таким образом, можно утверждать, что субъективность археографических трудов, связанная в первую очередь, с процессом издания, может быть минимизирована при условии четкого понимания принципов и правил издания, что возможно только при тщательном планировании документальной публикации. При этом стоит учитывать, что каждый вид источника требует особых подходов ко всем составляющим археографической работы, что обусловлено спецификой того или иного документального массива. Понимание этой специфики не только усиливает коммуникативные свойства публикуемых источников, но и упрощает исследовательские процедуры, связанные с источниковедческим анализом изучаемого памятника культуры, что делает археографическую работу одним из важных способов познания прошлого.

1. Гирич, Б. Видання україномовних епістолярних джерел кінця XIX – середини XX ст. : методичні рекомендації / Б. Гирич, В. П. Ляхоцький. – Київ, 2000. – 48 с.
2. Данилевский, И. Н. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории / И. Н. Данилевский [и др.]. – Москва : РГГУ, Ин-т «Открытое общество», 2004. – 701 с.
3. Козлов, В. П. Основы теоретической и прикладной археографии / В. П. Козлов. – Москва : РОССПЭН, 2008. – 224 с.
4. Методичні рекомендації до видання джерел усної історії [Електронний ресурс] // Усна історія Степової України. – Запоріжжя, 2008. – Том 1. – С. LV–LXIX. – Режим доступу: http://archeos.org.ua/?page_id=205. – Дата доступу: 03.03.2021.
5. Німчук, В. В. Правила видання пам'яток, писаних українською мовою та церковнослов'янською української редакції. Проект / В. В. Німчук. – Київ, 1995. – Ч. 1. – 54 с.
6. Папакін, Г. В. Правила публікації архівних документів / Г. В. Папакін [Електронний ресурс] // Енциклопедія історії України. – Режим доступу: http://resource.history.org.ua/cgi-bin/eiu/history.exe?C21COM=F&I21DBN=EIU&P21DBN=EIU. – Дата доступу: 03.03.2021.
7. Правила издания исторических документов в СССР / Главархив СССР [и др.]. – 2-е изд., перераб., доп. – Москва, 1990. – 187 с.
8. Себта, Т. М. Методичні рекомендації до видання іншомовних писемних джерел XIX – початку XXI ст. / Т. М. Себта. – Київ, 2008. – 76 с.
9. Харківський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців: у 2 т. / під ред. С. І. Посохова. – Харків : Сага, 2008–2010. – Т. 1–2.
10. Харківський університет (1917 – 1941 рр.) у спогадах його викладачів та вихованців / під ред. В. Ю. Іващенко. – Харків : ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2016. – 432 с.

Чикалова И. Р.

ПИСЬМА С ФРОНТА: ПУБЛИКАЦИИ ЭГО-ИСТОЧНИКОВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Письма с фронта являются ценнейшим источником для изучения войны в разных ее проявлениях. В них отражалась сама повседневность войны: бои в наступлении и при отходах, фронтовой быт и смена солдатских настроений. Ценность такого источника, как письма с фронта, была понятна уже современникам. Именно солдатские письма, правда, английских солдат, К. И. Чуковский положил в основу своей книги путевых очерков по Англии «Заговорили молчавшие! (Англичане и война)», написанных в ходе пятинедельной ознакомительной поездки в страну-союзницу в феврале – марте 1916 года в составе группы русских журналистов и писателей. Эти письма, – пишет Чуковский, «*разноголосы и пестры, ибо так различны писавшие их, но все они сливаются в одно, и если читать их подряд, сотнями и сотнями тысяч, то уже не замечаешь ни Джонсов, ни Джонсонов, а видишь одного только автора, и этот автор – народ*» [11, с. 6–7]. При этом цитаты из русских солдатских писем нередко встречались в английских публикациях, – пишет Чуковский: «*Я даже перевел два отрывка. Не дико ли, что русские письма приходится разыскивать в Лондоне и печатать их в переводе с английского, а в России так-таки не нашлось никого, кто бы их собрал и издал*» [11, с. 125].

Чуковский не вполне прав. Письма с фронта, фактически очерки и зарисовки, облеченные в определенную литературную форму, стали появляться с самого начала войны. Принадлежали они перу образованных участников боевых действий – офицерам действующей армии. Уже в 1914 г.

в Петрограде была выпущена книга «В огне. Боевые впечатления участников войны». Она не что иное, как сборник фронтовых писем без указания каких-либо сведений об авторах и месте описываемых событий. Собственно, в одном из посланий есть и объяснение этому: «*Не назову части, где служу, не назову даже места, где мы дрались... нам воспрещено об этом говорить... Но о том, что я пережил в бою, я могу вам рассказать*» [1, с. 6]. И автор, артиллерийский офицер, выполняет свое обещание: «*Вижу немцы пошли в атаку... Один полк неприятеля расстрелян, расстрелян второй, а я все навожу и стреляю... Нервная дрожь исчезает, я прихожу в ярость и без всякого сострадания палю в неприятеля... А он все подступает, и все ложится. Я не понимаю вражеского маневра. Но что мне он сейчас? Я занимаю удачную позицию и кошу его, точно крепкий батрак, с косою в руках забравшийся на густое клеверное поле*» [1, с. 6–7]. Таким же образом и другие тексты этого сборника позволяют лишь представить образ человека на войне, его отношение к врагам и долгу по защите собственной страны.

Вышли и другие подобные публикации. Во втором полугодии 1916 г. в журнале «Северные записки» стали печататься очерки «Из писем прапорщика-артиллериста», написанные в госпитале после ранения и адресованные матери, жене и однополчанам [3]. Обозначены они были псевдонимом «Н. Лугин», настоящее же имя автора – Федор Степун. Он учился в Гейдельбергском университете, защитил докторскую диссертацию по философии Владимира Соловьёва, в возрасте 30 лет попал на австрийский фронт, был ранен, лечился в госпитале. Впоследствии Степун стал известнейшим ученым. Целиком его письма впервые вышли в Праге в 1926 г. [7]. Первое письмо датировано 12 сентябрем 1914 г., последнее – 4 марта 1917 г. В письмах подробно запечатлены картины военного быта, потерь товарищей. 14 октября 1914 г. Степун пишет: «*Вот уже шестой час стоим мы у австрийской границы и не можем переправиться в виду заваленности дороги военным грузом. Следы войны здесь, как открытые раны. Сожженные постройки, опаленные кусты, разбитые бронзовые пушки австрийцев, поезда с ранеными, пленными, и на каждой станции страшные рассказы санитаров и врачей. Все эти впечатления я уже не воспринимаю, а умело топлю в своей душе, привязывая каждому к шее тяжелый груз моего упорного нежелания знать*» [7, с. 13]. «*Не приходило ли тебе в голову, читая и слыша, как много за последнее время умерло выдающихся людей, что умерли все не от болезней, а от того безумия и страдания, что война принесла в мир?*», – пишет Степун матери 28 октября 1915 года [7, с. 154].

Очень быстро возникло понимание того, что письма рядовых участников военных событий понадобятся будущим исследователям. Начались попытки их сбора и систематизации. Действительный член Императорского русского географического общества И. И. Ульянов со страниц брошюры «Клятвенные обещания в окопах» обратился с просьбой направлять солдатские письма и дневники в рукописное отделение Императорской Академии Наук в Петрограде [8, с. 16]. Е. В. Молоствова, блестяще образованная женщина, учившаяся во Франции и Италии, также действительный член Императорского русского географического общества, собрала на территории Казанской губернии, где проживала в родовом имении, коллекцию солдатских писем 1914–1916 гг., адресованных родителям, и опубликовала их отдельным сборником [4]. Она страстно призывала: «*Собирайте солдатские письма. В них – и мрак, и свет нынешней беспримерной войны. <...> Думаю, что помещаемые ниже выдержки из солдатских писем, несмотря на их отрывочность, не нуждаются в обобщении. Они цены, как отдельные мазки, дающие в своей сложности яркую картину – образ самого художника – русского народа*» [4, с. 9, 10]. Молоствова с горечью отмечала: «*Можно с уверенностью сказать, что через год после окончания войны, памятки, написанные о ней солдатами, совершенно исчезнут из наших глухих деревень, и утратятся драгоценные человеческие документы, подлинное слово народа о пережитой им великой военной страде*» [4, с. 5]. К счастью, эти опасения не оправдались. Многие солдатские письма разными путями попали в архивы. Сохранились они во многом благодаря институту военной цензуры, действовавшей во время войны, т. к. фрагменты или даже целые письма попадали в сводки цензоров, которые отложились в фондах архивохранилищ.

После Октябрьской революции и установления Советской власти ракурс интереса к солдатским письмам изменился. Письма стали рассматриваться как важный источник по изучению трансформации настроений на фронте, радикализации солдатских масс. К 10-летнему юбилею революции О. Н. Чаадаева подготовила и издала с предисловием М. Н. Покровского сборник «Солдатские письма 1917 года» [6]. В него вошли 129 писем, датированных мартом – ноябрем 1917 г. и адресованных частью в Петроградский Совет, частью во ВЦИК. Поскольку публикация писем приурочивалась к годовщине революции, целью сборника было показать, «как большевизировались массы в результате политики керенщины» [6, с. 1], на что прямо указывает издатель сборника Истпарт – Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП (б). Автор предисловия М. Н. Покровский отметил, что сводки цензоров о содержании писем показывают изменение настроений солдатских масс. При этом, обращает внимание Покровский, военное начальство, а цензура была ему подчинена, имело интерес «*представить настроение на фронте в благоприятном свете;*

стремление показать, что "все обстоит благополучно" весьма явственно сквозит во всех цензорских сводках. Но тем ценнее то, что даже в них прорывалось». Да и солдаты, прекрасно зная о цензуре, в письмах, как правило, не откровенничали, чего «*не могли не понимать и сами цензоры*»: "*Сравнительная бесцветность корреспонденции* – замечает одна из сводок – *отчасти объясняется наличием цензуры, и наиболее верно отражающая истинный характер настроения переписка происходит помимо цензуры"*» [6, с. 6–7]. «*Разумеется,* – пишет Покровский, – *цензура уверяла, что, в общем, "настроение бодрое " и "поднимается"*» [6, с. 8].

К 20-летнему юбилею начала войны О. А. Чаадаева на страницах журнала «Красный архив» разместила еще одну подборку солдатских писем с фронта – всего 172 документа [10], извлеченных из двух фондов – штабов главнокомандующих армиями Юго-Западного и Северного фронтов русской армии. В основном это выдержки из солдатских писем, попавшие в выборки военных цензоров. На этот раз временной охват писем был шире: 1915–1917 годы. Хотя в духе времени подборка писем должна была не столько восстановить картину положения и быта солдата царской армии, сколько «*проследить процесс нарастания революционного недовольства среди многомиллионной массы фронта*», представленная в них тематика отличалась разнообразием [10, с. 118]. Письма систематизированы по следующей схеме: довольствие фронта (пища, одежда, обувь); вооружение фронта, снаряды; армейский режим и взаимоотношения солдат и офицеров; болезни, содержание солдат в лазаретах; неудачи на фронте и влияние поражений на настроение солдат; недовольство войной и ожидание мира; сдача в плен, дезертирство; отказы от наступления и «забастовки» солдат; братание с противником; интерес к внутренним событиям и нарастание революционного недовольства на фронте. Чаадаева подчеркивает, что цензоры «*подбирали наиболее выигрышные с официальной точки зрения письма и потом уже давали выдержки, рисующие проявления недовольства солдатской массой*». Несмотря на то, что содержание выдержек и отдельные замечания самих цензоров говорили об усталости от войны, недовольстве начальством, желании мира и т. п., цензорские отчеты механически повторяли: «*Воля масс к победе остается непреклонной и неизменной*» [10, с. 122].

Идеологическая установка на показ революционизирования солдатских масс, отраженного в их личной переписке, отчетливо прослеживается в сборнике солдатских писем, изданном в 1932 г. [9] Отбор произведен таким образом, чтобы показать, по словам составителей (А. Максимов, Е. Медведев и Ш. Юсупов), что «*никакого врожденного, стихийного монархизма и патриотизма русского крестьянина-солдата... не было. В патриотических письмах первого периода войны надо видеть, скорее, просто воинственный задор солдата, желавшего показать удаль*» [9, с. 16].

Представление о подлинном отношении к затянувшейся войне и назревавшей революции дают письма, не отфильтрованные цензурой. Журнал «Красный Архив» опубликовал на своих страницах подборку, озаглавленную: «Из офицерских писем с фронта в 1917 г. ». Но это не «офицерские письма», т. е. письма нескольких человек, а письма одного офицера некоего гвардейского полка, действовавшего на Юго-Западном фронте. Ни в редакционном комментарии, ни в самих письмах не указаны ни номер или название полка, ни звание и фамилия самого офицера. Сами письма написаны между 1 марта и 3 июля 1917 г., а значит, охватывают события от Февральской революции до конца июньского наступления русских армий. Известие о революции, пишет автор, солдаты восприняли по-разному: «*сознательное меньшинство довольно, но хочет отомстить вождям павшего режима, большинство же относится ко всему произошедшему с полным безразличием и хочет только одного – мира*». Революция, отмечает автор в одном из писем, проложила пропасть между солдатами и офицерами: в глазах солдат «*произошла не политическая, а социальная революция, от которой мы, по их мнению, проиграли, а они выиграли*». Военный и нравственный уровень армии резко упал: «*армия погибает... Офицеров не слушаются, службу перестали нести исправно, очень возбуждены и очень недоверчивы. Собираются митинги и утром, и днем, и вечером – говорят, говорят и постепенно укрепляются в мысли, что никому нельзя верить.... Войну продолжать не хотят*» [2, с. 197, 198, 200, 206].

Названные публикации фронтовых писем, отразившие эволюцию солдатских настроений от первых дней войны до революции, на протяжении всего межвоенного времени и даже десятилетий после окончания Великой Отечественной войны оставались единственными опубликованными сборниками солдатского эпистолярного наследия. И только к столетию Первой мировой войны вышла подлинно народная летопись – фундаментальный труд «Письма с войны. 1914–1917 гг. », подготовленный А. Б. Асташовым и П. А. Симмонсом [5].

1. В огне. Боевые впечатления участников войны. – Пг. : Грамотность, 1914. – 79 с.
2. Из офицерских писем в 1917 г. // Красный Архив. Исторический журнал. – 1932. – Т. 50–51. – С. 194–210.
3. Лугин, Н. Из писем прапорщика-артиллериста / Н. Лугин // Северные записки. – 1916. – № 7–9.
4. Молоствова, Е. В. Солдатские письма / Е. В. Молоствова. – Казань, 1917. – 98 с.
5. Письма с войны, 1914–1917 / сост.: А. Б. Асташов, П. А. Симмонс. – М. : Новый хронограф, 2015. – 794 с.

6. Солдатские письма 1917 года / подг. О. Н. Чаадаевой ; с предисл. М. Н. Покровского / Истпарт, Отдел ЦК ВКП (б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП (б). – М. ; Л. : Гос. изд-во, 1927. – 165 с.
7. Степун, Ф. Из писем прапорщика артилериста / Ф. Степун. – Прага : Пламя, 1926. – 267 с.
8. Ульянов, И. И. Ульянов И. И. Клятвенные обещания в окопах (Из материалов лично собранных). – Пг. : Типография МВД, 1915. – 16 с.
9. Царская армия в период мировой войны и Февральской революции: (Материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны) / сост.: А. Максимов [и др.] ; под ред. А. Максимова. – Казань, 1932. – 239 с.
10. Чаадаева, О. А. Солдатские письма в годы мировой войны (1915–1917 гг.) / О. А. Чаадаева // Красный Архив. – 1934. – Т. 65–66. – С. 118–163.
11. Чуковский, К. И. Заговорили молчавшие! (Англичане и война) / К. И. Чуковский. – 3-е изд. – Пг., 1916. – 185 с.

Вовина-Лебедева В. Г.

ПОДГОТОВКА К ИЗДАНИЮ ПЕРЕПИСКИ УЧЕНЫХ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕПИСКИ А. А. ШАХМАТОВА)

Академик А. А. Шахматов был одной из наиболее ярких фигур гуманитарной науки Российской империи конца XIX – нач. XX в. До сих пор его труды, как по истории языка, диалектологии и сравнительному языкознанию, так и по истории русского летописания, – остаются предметами изучения и полемики, порой ожесточенной [7, с. 3–27]. Само по себе это делает архив А. А. Шахматова важным источником для ученых, работающих в этих областях науки. Но А. А. Шахматов играл также важную роль в Императорской Петербургской академии наук, долгое время председательствовал в Отделении русского языка и словесности, а также возглавлял Русское отделение Библиотеки академии наук. К нему сходились нити многих научных проектов [3, с. 112–120]. Поэтому в его фонде в С. -Петербургском филиале Архива РАН отложились важные материалы по истории науки, как академической, так и университетской. Отдельно отметим значение сохранившейся переписки А. А. Шахматова. Он вел ее практически со всеми крупными учеными своей области, как филологами, так и историками, жившими как в университетских центрах Российской империи, так и в провинции. Эту переписку необходимо ввести в научный оборот и для исследований умонастроений общества, в особенности его интеллектуальной элиты, а также повседневной жизни в период перед революциями 1917 г., в революционную эпоху [5, с. 435–441; 12, с. 16–35] и во время Гражданской войны [6, с. 93–103].

Важность переписки А. А. Шахматова уже давно осознана научным сообществом [13, с. 228–235]. Были опубликованы некоторые ее части, например, фрагмент переписки с И. В. Ягичем [1, с. 13–104], Ф. Ф. Фортунатовым [2, с. 60–75] и др. Особое значение имеет переписка А. А. Шахматова с его учителями, прежде всего, с Ф. Ф. Фортунатовым и Ф. Е. Коршем. Незадолго до Великой отечественной войны дочь А. А. Шахматова готовила издание этих писем, правда, в извлечениях, в «Трудах комиссии по истории Академии наук СССР», и машинописные варианты этих материалов сохранились в СПбФ АРАН. В связи со смертью во время блокады Ленинграда С. А. Шахматовой, которая была, очевидно, мотором этого проекта, или по другим причинам – но после войны сборник статей и материалов А. А. Шахматова под редакцией одного из его учеников С. П. Обнорского вышел без этой переписки. Ее было обещано опубликовать во втором томе [1, с. 9], который так и не вышел в свет.

Я обратилась к фонду А. А. Шахматова и его переписке, когда стала заниматься историографией древнерусского летописания [9, с. 251–266, 301–317, 390–426 и др.]. Материал оказался настолько обширным и разнообразным, что было решено подготовить к публикации наиболее значительные комплексы переписки. В 2018 г. из печати вышел первый том 3-х томной «Избранной переписки» академика А. А. Шахматова [14]. Книга включает переписку А. А. Шахматова с Ф. Ф. Фортунатовым (подг. к печати и комментарии В. Г. Вовиной-Лебедевой), В. Н. Перетцем (подг. к печати и комментарии Е. Н. Груздевой) и В. М. Истриным (подг. к печати и комментарии А. Е. Жукова). В настоящее время тот же коллектив подготовил к печати Т. 2, в котором будут изданы четыре комплекса переписки: с Ф. Е. Коршем (подг. к печати и комментарии Н. В. Крапошиной и Е. Н. Груздевой), с С. П. Розановым (подг. к печати и комментарии Е. Н. Груздевой), с А. Е. Пресняковым и с В. А. Пархоменко (подг. к печати и комментарии В. Г. Вовиной). Кроме того, в этот том войдут письма учеников и последователей А. А. Шахматова, ответы на которые самого А. А. Шахматова не сохранились (подг. к печати и комментарии В. Г. Вовиной-Лебедевой): М. Д. Приселкова, С. П. Обнорского, Н. Н. Дурново, Л. Л. Васильева, Н. Н. Виноградова, С. А. Еремина. Запланирован и третий том, в который войдет переписка с крупнейшими славистами, а также с общественными деятелями, сотрудниками и руководством Академии наук.

Для этого издания нами были разработаны принципы воспроизведения текста, учитывающие тот факт, что во многих письмах содержатся обширные цитаты и примеры лингвистического свойства. Вообще, при подготовке обоих томов у издателей возникали одни и те же проблемы, которые будут показаны на материале Т. 1.

Прежде всего, сложность заключалась в отборе комплексов писем. Для Т. 1 мы отбирали их, во-первых, по принципу полноты. Во всех трех случаях сохранились письма обоих корреспондентов. Они сводились вместе по датам написания писем или по нашей датировке издателей и содержанию. Важно было также количество писем (показывающее значимость переписки для корреспондентов) и то, на протяжении какого времени она велась. Личность корреспондентов и их вклад в науку также принимались во внимание, как и содержание переписки, а именно, насыщенность ее ученой полемикой, обсуждениями научных вопросов или же описанием важных исторических обстоятельств. Исходя из этих критериев, для тома 1 была отобрана переписка с Ф. Ф. Фортунатовым, учителем А. А. Шахматова и наиболее близким ему человеком на протяжении почти всей жизни [4, с. 183–196; 8, с. 11–13]. В этой переписке изложены научные взгляды корреспондентов, в основном, на вопросы сравнительной лингвистики, а также обсуждались события в Москве и Петербурге. Переписка с В. Н. Перетцем, который долгие годы преподавал в университете Св. Владимира и создал там знаменитый семинар, содержит важные материал о событиях в Киеве в 1900-е годы, увиденных глазами либерально настроенного профессора [10, с. 150–166]. Переписка же с В. М. Истриным [11, с. 130–149] интересна, прежде всего, той полемикой о методах исследования древнерусских памятников письменности, которая велась между корреспондентами [14, с. 21–24], а кроме того, рассказами о жизни после 1917 г. в условиях Гражданской войны.

Следующая проблема состояла в археографической подготовке текстов. Письма А. А. Шахматова и его корреспондентов обнаруживались в разных фондах, копии некоторых из них (мы их также учитывали) находятся как в СПбФ АРАН, так и в ОР Российской национальной библиотеки. Тем не менее, публикация готовилась только по оригиналам писем. С самого начала был принят принцип издания писем полностью, без купюр и изъятий. Относительно переписки с Ф. Ф. Фортунатовым главная сложность состояла в передаче лингвистических фрагментов, которыми изобиловали письма и одного и второго корреспондента. Что касается переписки с В. М. Истриным, проблемы возникали, во-первых, с пониманием его сложного почерка, во-вторых, с датировкой, поскольку не все письма были датированы авторами. Приходилось прибегать к различным способам определения даты, среди которых А. Е. Жуков даже применил сравнение цен на продукты (в письмах времен Гражданской войны) [11, с. 131].

Определенные вопросы возникли также при обсуждении типа комментариев. В письмах часто упоминались одни и те же лица, и комментировать их постоянно, или же все время давать отсылки к первому комментарию было невозможно. Выходом стал именной аннотированный указатель ко всему тому, помещенный в конце его [14, с. 876–938]. После этого оставалось пояснять лишь обстоятельства, упоминаемые в письмах. Поэтому комментарии оказались очень разными. Е. Н. Груздева, комментируя письма В. Н. Перетца, давала подробные пояснения относительно тех драматических событий, свидетелями которых он оказался. Комментарии к перепискам с Ф. Ф. Фортунатовым и В. М. Истриным оказались намного более лаконичными. В частности, было принято решение не давать пояснений к лингвистическим проблемам, которые обсуждались в переписке с Ф. Ф. Фортунатовым, что затем ставилось нам в укор некоторыми рецензентами. Поэтому, при подготовке к публикации Т. 2 было принято решение уделить такого рода примечаниям больше места.

Итак, изданные полностью комплексы переписки А. А. Шахматова с учеными его времени открывают перспективы в исследованиях по истории науки, истории общества на рубеже XIX–XX в. и, разумеется, дают новый материал для биографии самого А. А. Шахматова и его корреспондентов. Как к любому источнику, к ним нужен критический подход, требующий учитывать общественную позицию Шахматова и людей его круга относительно происходивших в Академии наук и в обществе в целом событий, а также его принадлежность к определенной научной школе, представители которой часто вступали в споры с учеными других научных направлений.

1. А. А. Шахматов. 1864–1920. Сборник статей и материалов / под ред. С. П. Обнорского. – М. ; Л., 1947.
2. [Бархударов, С. Г.] Из переписки А. А. Шахматова с Ф. Ф. Фортунатовым // Вопросы языкознания. – 1958. – № 3. – С. 60–75.
3. Вовина-Лебедева, В. Г. А. А. Шахматов и ученое сообщество России / В. Г. Вовина-Лебедева // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие (к 150-летию со дня рождения). – СПб. : Нестор-История, 2015. – С. 112–120.
4. Вовина-Лебедева, В. Г. А. А. Шахматов и Ф. Ф. Фортунатов / В. Г. Вовина-Лебедева // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие (к 150-летию со дня рождения). – СПб. : Нестор-История, 2015. – С. 183–196.
5. Вовина-Лебедева, В. Г. Отражение революции в переписке А. А. Шахматова / В. Г. Вовина-Лебедева // Великая Российская революция 1917: сто лет изучения : материалы международной научной конференции, Москва, 9–10 октября 2017 г. / редкол.: Ю. А. Петров (отв. ред.) [и др.]. – М., 2018. – С. 432–441.
6. Вовина-Лебедева, В. Г. Способы выживания академического сообщества в годы гражданской войны: По материалам переписки академика А. А. Шахматова / В. Г. Вовина-Лебедева // Гражданская война в России: жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний. 1917–1922 : сборник докладов международного коллоквиума, 10–13 июня 2019 г.. – СПб. : Нестор-История, 2020. – С. 93–103.
7. Вовина-Лебедева, В. Г. Угасший мир древнерусских летописей: взгляд сегодня / В. Г. Вовина-Лебедева // Российская история. – 2019. – № 4. – С. 3–27.

8. Вовина-Лебедева, В. Г. Ф. Ф. Фортунатов и А. А. Шахматов по материалам переписки / В. Г. Вовина-Лебедева // Фортунатовские чтения в Карелии : сб. докладов международной научной конференции, Петрозаводск, 10–12 сентября 2018 г. – Петрозаводск:, 2018. – Ч. 1. – С. 11–13.
9. Вовина-Лебедева, В. Г. Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. / В. Г. Вовина-Лебедева. – СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНАН, 2011. – 927 с.
10. Груздева, Е. Н. Владимир Николаевич Перетц в Киеве. 1903–1914 гг. (из переписки В. Н. Перетца с А. А. Шахматовым) / Е. Н. Груздева // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие (к 150-детию со дня рождения). – СПб. : Нестор-История, 2015. – С. 150–166.
11. Жуков, А. Н. А. А. Шахматов и В. М. Истрин / А. Е. Жуков // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие (к 150-детию со дня рождения). – СПб. : Нестор-История, 2015. – С. 130–149.
12. «Россия пропала – это ясно! Совершенно не вижу выхода и возможности спасения»: из переписки ученых с академиком А. А. Шахматовым. Март–декабрь 1917 г. / Е. Ю. Басаргина, Е. Н. Груздева, О. А. Кирикова // Исторический архив – 2017. – № 4. – С. 16–35.
13. Робинсон, М. А. Эпистолярное наследие академика А. А. Шахматова / М. А. Робинсон // Археографический ежегодник за 1973 год. – М. : Наука, 1974. – С. 228–235.
14. Шахматов, А. А. Избранная переписка : в 3 т. / А. А. Шахматов. – Т. 1. – СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2018. – 944 с.

Афиани В. Ю.

ИНТЕРНЕТ-ПУБЛИКАЦИИ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ УЧЕНЫХ: НОВЫЕ АСПЕКТЫ И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ

В круг источников привлекающих внимание исследователей все чаще входят интернет-публикации, интернет-ресурсы. Анализируются различные аспекты их изучения [1; 5; 9; 13; 14]. Интернет-публикации о научном наследии ученых прошлого могут служить еще одним источником для изучения их жизни и детельности, их творчества, и восприятия их трудов читателями в наше время, их влияния на формирование общественно-исторического сознания, историко-документальной памяти общества [4].

Близкими этому направлению исследований по своему содержанию и методам, но далеко не совпадающими с ним, являются исследования, которые проводятся в рамках различных наук – библиотековедения, науковедения, социологии. Для их обозначения используются различные названия: библиометрия, вебометрия, вебометрика, документометрия, информетрия, киберметрия, медиаметрия, наукометрия и др. [3; 10; 11] Наиболее известны работы в области анализа цитирования научных исследований, индексов и оценок веб-сайтов научно-образовательных организаций, измерения интернет-аудитории и т. д. Для изучения социологии и психологии чтения современниками и потомками сочинений писателей, читательской аудитории того или иного труда ученого прошлого, оценок и откликов читателей, лавным источником были списки подписчиков (опубликованные в издании или сохранившиеся в архиве), рецензии, эпистолярные источники [8; 12].

Современные информационные технологии позволяют использовать интернет-публикации как новые историографические источники, использовать количественные методы исследования. В Интернете легко доступны количественные данные упоминаний ученого, о размещенных цифровых копий его трудов, о репертуаре опубликованных трудов и др. Интернет-сообщения и интернет-публикации выступают для исследователя как источник информации.

Научное наследие ученых в Интернете представляется преимущественно электронными копиями типографских издания – размещаемых без распознавания текста или с его распознаванием. Оригинальные публикации специально подготовленные для размещения в Интернете до сих пор еще достаточно редки, в отличие от многочисленных интернет-публикаций архивных документов. Среди оригиналов типографских изданий, используемых для оцифровки, чаще выбираются современные переиздания трудов ученых. Но встречаются и электронные копии изданий трудов, вышедших в XVIII – первой половине XX вв.

Как и любой другой источник, интернет-сообщения и интернет-публикации, требуют критического подхода. На первом этапе изучения интернет-публикаций трудов ученых, при первичном поиске и выявлении информации о том или ином ученым в Интернете, мы обычно обращаемся к наиболее различным поисковым системам. Наиболее популярные поисковики в Рунете – «Yandex», «Google». При запросе легко получаем количественные данные о числе упоминаний ученого в Интернете. Например, при наборе в «Яндексе» «Карамзин Н. М. » – указываются 6 тыс. результатов, при наборе – «Карамзин Н. М. История государства Российского» – 21 млн. результатов (?!). «Гугл» соответственно дает примерно 970 тыс. результатов в первом и 418 тыс., во втором случае. Разумеется, все эти данные вызываю законные вопросы и требуют серьезной проверки. При новом поисковом запросе эти данные будут изменяться. При проверке мы обнаруживаем немало дублирующих сообщений, и просто ошибочных данных, чем дальше, тем больше. Например, в перечень сообщений об «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина войдут не только издания этого труда, но и статьи других авторов

об историке, и просто его однофамильцы. Известно, что часть представленных в Интернете гиперссылок на сайты и интернет-публикации не открывается.

Информация уточняется при обращении к конкретным записям, размещенным на сайтах электронных библиотек, книжных сайтов и порталов и др. При изучении интернет-публикаций трудов историка А. А. Зимина таким методом непосредственного просмотра всех интернет-сообщений, выявлено 286 публикаций 14 работ. И из общего числа интернет-публикаций трудов 28 случаев перепубликации одного и того же труда, выходившего первым или вторым изданием. Для сравнения, приведем данные о перепубликациях других известных советских историков конца XIX – XX вв. : «Курс русской истории» В. О. Ключевского насчитывает около 50 перепубликаций различных изданий, «Очерки по истории опричнины» С. Б. Веселовского, изданные после смерти автора в 1963 г., как и его «Ономастикон», вышедший в 1974 г., размещены в Интернете, соответственно, более 10 и 20 раз. Около 20 перепубликаций «Древнерусских городов» М. Н. Тихомирова (2-е изд. 1956 г.), около 15 – «Россия в XVI столетии» (1962). Книги Б. А. Рыбакова о язычестве славян и Древней Руси – около 60 перепубликаций, «Ремесло Древней Руси» – около 40 [2, с. 19].

На многих порталах и сайтах, где размещаются труды ученых, мы можем получить разнообразные сведения. На сайте старейшей электронной библиотеки в России – «Библиотеки Максима Мошкова», в разделе «Классика», размещены электронные копии сочинений Н. М. Карамзина, включая «Историю государства Российского». Приводится общая статистика обращений к этому разделу и общий рейтинг 4,81* (из пяти), рассчитанный на основе отзывов 1258 пользователей [6]. В подробной статистике сообщается, сколько было обращений к тому или иному тому «Истории» за всего, за 12 месяцев, помесячно, по неделям месяца. У первого тома «Истории» всего указано 72 451 посетителей [16]. Статистика рассчитывается один раз в сутки. На сайте не поясняется, это общее число реальных читателей или число посещений этих страниц сайта.

И на других сайтах размещаются сведения об общем количестве прочитавших то или иное издание, средняя оценка, которую дают читатели этому труду, рецензии и др. В популярной социальной сети любителей книг LiveLib. ru («Живая библиотека») возможно ведение личного читательского дневника, помещение собственных рецензий на книги, избранных цитат, добавить лайфхаков и др. [17] Здесь размещенная электронная копия «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина издательства «Олма Медиа Групп» (2015 г.) получила общую оценку читателей 4,1*. Сообщается, что книгу прочитали 347 пользователей, 671 – планируют прочитать, размещено 5 рецензий, 95 читателей разместили цитаты, 2 – определили для себя как «книжный вызов 2021». Пользователи определили для «Истории» 43 место в рейтинге «История» «Топ-100» и 16 место в рейтинге «История России» [15, 16]. Труду российского историографа пришлось «соревноваться» с исследованиями Льва Гумилева, Юрия Лотмана, книгами писателей Владимира Гиляровского, плодовитого Бориса Акунина и других авторов. На сайте выделена лучшая рецензия, написанная экспертом Лайвлиба под ником Merkurie 13 ноября 2015 г. Есть информация о том, что рецензию одобрили 3 пользователя. Рецензия написана не историком, и даже, по признанию автора рецензии, не очень любящим историю, но труд Н. М. Карамзина понравился читателю, поставившему сочинению Карамзина максимальную оценку 5*. «Конечно, это был большой подвиг – написать такое произведение, ничего не сочиняя, не прибавляя, а лишь используя "голые факты", безусловно – это талант. Поражает и эрудиция Карамзина, его познания в области истории, философии, литературы, какой же это был умнейший человек! Я не любитель истории, никогда не могла запомнить все эти даты, события. История для мня всегда сливалась в одну большую войну за власть, и в общем-то взялась читать потому, что ничего в общем-то и не знала толком. Нельзя сказать, что и теперь разобралась. И все же, очень довольна тем, что познакомилась с этим великим произведением. По крайней мере – эти книги правдивы, ведь Карамзин строго придерживался рассказов летописцев и постоянно на них ссылается, что нельзя сказать об историках современных, то и дело переписывающих ее в угоду той или иной власти» [6]. На персональной странице этого читателя указано, что автор женщина, по профессии физик, проживает в Алма-Ате, с высоким читательским рейтингом и индексом активности, соответственно, 20 тыс. баллов и 182 балла. Есть сведения о том, что она прочитала 970 книг, написала 678 рецензий, представлены даже графики ее активности. Есть информация и о других прочитанных ею книгах [18]. Рецензии других авторов, некоторые достаточно развернутые, также высоко оценивают труд российского историографа.

Для сравнения, приведем данные о другом популярном историке – Н. И. Костомарове. На том же сайте для читателей доступно несколько его трудов: «Русская история в живописаниях ее главнейших деятелей», «Домашняя жизнь и нравы великорусского народа», «Быт и нравы русского народа в XVI-XVII вв. », «Славянская мифология», «Мазепа», «Кудояр», в т. ч. книги изданные на украинском языке и привлекцие внимание украинских читателей, оставивших свои отзывы – «Переяславська ніч», «Дві руські народності» и др. «Русскую историю» в издании издательства «АСТ» (2016 г.) прочитали 67 пользователей, средняя оценка 4,3* [7]. На основании таких оценок можно

выделить наиболее популярные у современных пользователей данного сайта тех или иных трудов ученого, на основании рецензий и отзывов попытаться понять, чем они привлекают внимание и что дают читателям. Однако нужно отметить, что одни и те же сочинения Н. И. Костомарова представленные на сайте в разных изданиях имеют свой рейтинг у читателей. Эти рейтинги отличаются друг от друга. Разные издания «Русской истории» Н. И. Костомарова заслужили разные оценки: 3, 9, 4, 9*, в трех рецензиях оценены от 3* до 5*. Не всегда очевидны причины таких различий. Здесь и особенности индивидуального восприятия читателей, их разный культурный и образовательный уровень, разные интересы. У каждого известного сайта, где размещаются электронные копии трудов ученых формируется своя читательская аудитория. Иногда имеют значение и особенности самого издания. Электронные копии разных типографских изданий отражают особенности полиграфии, художественного оформления и т. п. Различия в оценках на одних и тех же сайтах, использование на разных сайтах различных систем и знаков оценки, одобрения и т. п., могут затруднять анализ и интерпретацию полученных данных.

В тоже время, получаемые данные много могут рассказать исследователю о современном восприятии читателем трудов ученого, востребованности его трудов, концепций и идей, причинах ее. Можно отметить, что особый интерес у читателей /пользователей вызывают труды ученых ставшим классическим наследием или дискуссионные, вызвающие споры. Интернет-публикации, независимо от конкретных мотивов при их размещении, в силу специфики информационного пространства в котором они размещаются, воспринимаются в контексте СМИ формирующих и, одновременно, отражающих актуальные общественные мнения и потребности, исторические представления распространяющиеся в общественном сознании.

1. Альмагамбетова, Д. Р. Некоторые аспекты источниковедческого анализа исторических ресурсов в Интернете / Д. Р. Альмагамбетова // Қарағанды университетінің хабаршысы. Тарих. Философия сериясы = Вестник Карагандинского университета. Серия История. Философия. – 2010. – № 1. – С. 116–121.
2. Афиани, В. Ю. Научное наследие А. А. Зимина в современном информационном пространстве / В. Ю. Афиани // Документальный источник в историческом исследовании и в исследовании по истории науки: опыт использования, современные проблемы и задачи. К 100-летию А. А. Зимина : материалы международной научной конференции «VII Зиминские чтения». – М. : Архив РАН. – 2020. – С. 15–46.
3. Гарскова, И. М. Библиометрический и сетевой анализ историографии / И. М. Гарскова // Информационный бюллетень Ассоциации "История и компьютер" // Труды международной конференции "Компьютерные технологии и математические методы в исторических исследованиях". – № 37. – Петрозаводск, 2011. – С. 39–48.
4. Документальная память России: проблемы сбережения и трансляции : материалы круглого стола, Москва, 27 окт. 2017 г. / редкол.: В. П. Козлов (отв. ред.) [и др.]. – М. : Архив РАН, 2017. – 192 с.
5. Злобин, Е. В. Машиночитаемые документы как исторический источник. / Е. В. Злобин. – М. : Военный университет. – 1999. – 167 с.
6. Карамзин, Н. М. История государства Российского [Электронный ресурс] / Н. М. Карамзин. – Режим доступа: https://www.livelib.ru/book/1001246250-istoriya-gosudarstva-rossijskogo-nikolaj-karamzin. – Дата доступа: 10.03.2021.
7. [Костомаров Н. И.] Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.livelib.ru/book/1001524901-russkaya-istoriya-v-zhizneopisaniyah-ee-glavnejshih-deyatelej-nikolaj-kostomarov. – Дата доступа: 13.03.2021.
8. Кочеткова, Н. Д. Читательские отклики на публикации Карамзина в России XVIII века / Н. Д. Кочеткова // A Century Mad and Wise : Russiain the Age of the Enlightenment : Papers from the IX Intern. Conf. of the Study Group on Eighteenth-Century Russia (Leuven, 2014) / ed.: E. Waegemans, H. van Koningsbrugge, M. Levitt, M. Ljustrov. – Groningen, 2015. – P. 11–20.
9. Лукашевич, А. А. Феномен цифрового наследия как предпосылка переосмысления понятия «исторический источник» / А. А. Лукашевич // Клио. – 2015. – № 10 (106). – С. 41–45.
10. Поляк, Ю. Е. Российский и международный опыт вебометрических исследований / Ю. Е. Поляк // Организация и использование информационных ресурсов России. – 2014. – № 6. – С. 2–9.
11. Редькина, Н. С. Формализованные методы анализа документальных информационных потоков / Н. С. Редькина // Библиосфера. – 2005. – № 2. – С. 51–59.
12. Самарин, А. Ю. Н. М. Карамзин и читательская аудитория: казус «Московского журнала» /А. Ю. Самарин // Библиотековедение. – 2017. – Т. 66. – № 3. – С. 323–333.
13. Скитецкая, Е. В. Значение документов открытого интернет-доступа как исторических источников / Е. В. Скитецкая // Вестник Таганрогского университета им. А. П. Чехова. – 2016. – № 1. – С. 297–301.
14. Юшин, И. Ф. Электронные документы как исторический источник [Электронный ресурс] / И. Ф. Юшин. – Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/Departments/Inf/Stud/Heuristics/Reader/YuschinIF.pdf. – Дата обращения 10.03.2021.
15. Lib.ru. «Классика»: Карамзин Николай Михайлович. Собрание сочинений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/k/karamzin_n_m/. – Дата доступа: 13.03.2021.
16. Lib.ru. «Классика»: Статистика: Карамзин Николай Михайлович. Собрание сочинений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/k/karamzin_n_m/stat.shtml. – Дата доступа: 13.03.2021.
17. LiveLib.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1270602. – Дата доступа: 13.03.2021.
18. Merkurie на livelib. ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.livelib.ru/reader/Merkurie. – Дата доступа: 15.03.2021.

Раздорский А. И.

ОБ ИЗУЧЕНИИ И ПУБЛИКАЦИИ НЕИЗДАННЫХ ИСТОРИКО-СТАТИСТИЧЕСКИХ ОПИСАНИЙ БЕЛОРУССКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ ЕПАРХИЙ XIX ВЕКА

Описания православных епархий, составленные в конце XVIII – начале XX в., являются ценными источниками разнообразной исторической информации о различных регионах Российской империи. Сведения, содержащиеся в подобных описаниях, имеют значение не только для церковной истории, но и представляют интерес для исторической регионалистики вообще.

Начальной точкой в истории епархиальных описаний следует считать 1795 г., когда на страницах «Любопытного месяцеслова» было опубликовано «Подробное историческое описание Архангельской епархии». Следующее по времени описание – Херсонской епархии – вышло в свет только в 1848 г., хотя ранее – в 1830–1840-е гг. – предпринимались не увенчавшиеся успехом попытки составления описаний Олонецкой, Курской, Оренбургской и Казанской епархий.

Новый этап в подготовке епархиальных описаний начался в 1850 г., когда по предложению Духовно-учебного управления Синода было принято определение, поручавшее епархиальным архиереям приступить к составлению подробных церковно-исторических и статистических описаний вверенных им епархий. Непосредственно этой работой за вознаграждение должны были заниматься преподаватели местных духовных академий и семинарий или другие лица духовного ведомства, имеющие интерес к историческим исследованиям. На основе подготовленных ими описаний планировалось создать общий курс истории Российской церкви.

Рапорты архиереев в Синод свидетельствуют, что после принятия указанного синодального определения работа над описаниями с различной степенью интенсивности была начата в большинстве епархий. При этом проводилось целенаправленное обследование церковных архивов (прежде всего духовных консисторий), в результате чего было выявлено немало ценных исторических документов. Однако сбор материалов и подготовка текстов описаний продвигались медленнее, чем ожидалось, и в 1868 г. начатый в 1850 г. проект был закрыт. После этого составление описаний стало целиком и полностью зависеть от местной инициативы. Тем не менее, их подготовка и публикация не прекратились, что свидетельствует о востребованности подобных изданий.

Всего с 1795 по 1917 г. издано 61 описание по 42 епархиям. Однако имеются епархиальные описания, оставшиеся неопубликованными. Среди них есть несколько описаний белорусских епархий.

Прежде всего, это описание Могилевской епархии, составленное в 1832 г. в ходе ревизии церквей Могилевской и Витебской губернии протоиереем калужского Троицкого кафедрального собора Семеном Зверевым. Оно включает сведения о 380 приходах. В описании каждого прихода содержится информация о церкви (наименование, теплая или холодная, материал постройки, физическое состояние фундамента, колокольни, иконостаса и икон, обеспеченность утварью, ризницей и богослужебными книгами), о приходе (количество дворов, число душ мужского пола, преобладающий сословный состав прихожан, их материальное положение, обеспеченность и вероисповедание местных помещиков и их участие в материальной поддержке прихода) и о причте (жилищные условия, штатный и наличный состав, денежный оклад). Указано также количество церковной земли по угодьям, ее качество, расстояние до земельного участка, наличная церковная кошельковая сумма. Каждое описание подписано всеми членами причта, включая церковного старосту (в тех случаях, когда он оказался неграмотным, за него расписался один из членов причта либо кто-либо из прихожан). Описания приходов структурированы в разделы по благочинническим округам. В конце каждого раздела приведены сводные сведения о местонахождении и количестве находящихся в благочинии каплиц, костелов, униатских церквей и кляшторов.

Подготовка данного описания преследовала не научные, а исключительно церковно-административные цели, поэтому оно изначально не предназначалось для публикации. Материалы произведенной Зверевым ревизии были использованы при проведении церковных преобразований в Западном крае, в том числе при воссоединении православной и униатской церквей. Собранные сведения учитывались при образовании в 1833 г. Полоцкой епархии, в состав которой были переданы церкви Витебской губернии.

Рукопись описания Могилевской епархии 1832 г. объемом 397 листов (в 2º) хранится Российском государственном историческом архиве (РГИА) [12]. Это исключительно ценный источник по церковной истории восточно-белорусских земель. О желательности его введения в научный оборот писал еще в начале XX в. белорусский церковный историк П. С. Горючко [5, с. 1028–1029]. В 2003 г. аннотированная роспись содержания рукописи опубликована в сводном каталоге историко-статистических описаний Русской православной церкви [6, с. 535–538]. В 2015 и 2017 гг. об описании напечатаны статьи источниковедческого характера [3; 4]. В настоящее время рукопись подготовлена к публикации сотрудниками Российской национальной библиотеки И. Н. Вибе и А. И. Раздорским.

В 1850-е гг. работа по составлению описаний на основании синодальной программы была начата во всех белорусских епархиях. Подготовка описания Литовской епархии была поручена ректору Литовской духовной семинарии архимандриту Филарету (Малышевскому), Минской – специально созданному комитету во главе с инспектором (позднее занял должность ректора) Минской духовной семинарии архимандритом Николаем (Трусковским), Могилевской – профессору Могилевской духовной семинарии С. И. Соколову, Полоцкой – ректору Полоцкой духовной семинарии архимандриту Павлу (Доброхотову) и профессорам той же семинарии К. М. Квятковскому и К. А. Говорскому (последний вскоре стал главным, а затем и единственным составителем описания).

Каких-либо сведений о ходе работы над описанием Литовской епархии в нашем распоряжении не имеется. В РГИА обнаружен только рапорт архиепископа Литовского и Виленского Иосифа (Семашко) в Синод от 26 ноября 1850 г., в котором сообщается о начальных организационных мероприятиях по разработке программы описания и сбору материалов для него [8, л. 2–3об.].

Работа над описанием Минской епархии, начатая в 1851 г., была завершена в 1862 г. Этот труд, составителем которого выступил архимандрит Николай (Трусковский), был издан в Петербурге в 1864 г.

Около трех лет заняла подготовка описания Полоцкой епархии. В конце 1853 г. его составитель К. А. Говорский представил архиепископу Полоцкому и Витебскому Василию (Лужинскому) первую часть своего труда – «Историю Полоцкой епархии» (1 января 1854 г. она была доставлена в Синод), а в марте 1854 г. в Петербург была выслана и вторая часть – описание монастырей Полоцкой епархии.

В РГИА хранятся две рукописи полоцкого описания (обе форматом в 2º) [10; 11]. Первая насчитывает 201 лист и представляет собой конволют, включающий два аллигата: первый – «История Полотской епархии» (118 листов), второй – «Исторические сведения о монастырях Полотской епархии» (83 листа). Вторая рукопись насчитывает 110 листов и включает только «Историю Полотской епархии». Текст «Истории» в обеих рукописях практически полностью идентичен.

«История Полотской епархии» состоит из двух отделений. Первое отделение – «От начала Полотской епархии до времени унии» (X–XIV вв.) – включает семь разделов, второе – «Времена унии» (XVII–XVIII вв.) – шесть. В первом отделении приведены краткие исторические сведения о древнейшем прошлом Полоцка, его владельческой принадлежности в X–XIV вв., рассмотрен вопрос о времени утверждения христианства в Полоцкой земле и годе основания полоцкой епископской кафедры, перечислены города, входившие в древнюю Полоцкую епархию, а также представлены биографические сведения о 31 полоцком архиерее XII–XVI вв. Во втором отделении идет речь о реакции православного населения Белоруссии на переход высшего полоцкого духовенства в униатство, характеризуется политика различных полоцких униатских архиереев по отношению к православным, рассмотрены взаимоотношения между католиками и униатами, указано количество церквей и приходов, обращенных в православие в Белоруссии в 1774 и 1779–1783 гг.

Центральное место во втором отделении «Истории Полотской епархии» занимает раздел «Историческое обозрение гонений, причиненных православным жителям Белоруссии по случаю введения унии в этом крае». В нем собраны и подробным образом описаны многочисленные притеснения, которым в XVII–XVIII вв. подвергались православные священноцерковнослужители и миряне со стороны униатов и католиков, а также отмечены примеры сопротивления православного населения Белоруссии насаждению иноверия в крае. Здесь приведены также жизнеописания девяти полоцких униатских архиереев XVII–XVIII вв. и трех православных епископов XVII в. (Мелетия Смотрицкого, Сильвестра Коссова и Каллиста Риторайского).

Во второй части описания епархии, посвященной монастырям, содержится десять разделов. В первом (общем) разделе указано, в частности, время возникновения первых полоцких монастырей, количество монастырей в Полоцке при занятии города Стефаном Баторием, сообщаются краткие сведения об упраздненных православных обителях, располагавшихся в Полоцке и его окрестностях, приведены списки монастырей, входивших в состав Полоцкой униатской епархии к 1839 г. и базилианских монастырей, упраздненных до 1839 г. Восемь следующих разделов – это описания восьми мужских и женских монастырей Полоцкой епархии, существовавших в начале 1850-х гг. : Витебского Маркова Свято-Троицкого, Полоцкого Братского Богоявленского, Тадулинского Успенского, Вербиловского Покровского, Полоцкого Спасо-Ефросиниевского, Полоцкого Борисо-Глебского, Невельского Преображенского, Витебского Свято-Духовского.

В каждом таком описании приведены исторические данные о монастыре, сведения о монастырских храмах и другие монастырских постройках, средствах содержания обители, находящихся в ней учебных заведениях, проводимых праздниках и крестных ходах, а также списки настоятелей и настоятельниц. Представлены также (полностью или частично) тексты некоторых рукописных документов из монастырских архивов.

Большая часть описания Полоцкой епархии по сию пору остается неопубликованной. Лишь несколько отрывков из него, а также тексты некоторых документов, включенных в его состав, были напечатаны в 1858–1859 гг. на страницах «Витебских губернских ведомостей». История создания описания подробным образом реконструирована по хранящимся в РГИА рапортам полоцкого архиерея в Синод [7].

В начале сентября 1852 г. епископом Могилевским и Мстиславским Анатолием (Мартыновским) в Синод была представлена рукопись под заглавием «История Могилевской православной епархии с биографиею всех бывших в ней архиереев от учреждения ее (1632 г.) до настоящего времени», составленная С. И. Соколовым (подробнее о нем см. : [1, с. 123–124]).

Эта рукопись также хранится ныне в РГИА [9]. Она насчитывает 154 листа форматом в 2º. Труд Соколова представляет собой монографическое сочинение, разбитое на 29 глав. В первой главе изложены «Краткие замечания о введении христианской веры и состоянии православной церкви в Могилевской губернии до времен унии». Следующие пять глав посвящены истории введения и распространения унии в Восточной Белоруссии и судьбе местных православных храмов, духовенства и паствы с конца XVI в. до начала 30-х годов XVII в. В отдельной главе описывается учреждение самостоятельной Могилевской епархии в 1632 г. Следующие главы представляют собой жизнеописания 22 могилевских православных архиереев с изложением важнейших событий, происходивших в период пребывания того или другого из них на кафедре. В конце рукописи приведены тексты семи документов конца XVI – начала XVII века из архива Могилево-Братского монастыря.

«История Могилевской православной епархии» написана с резко выраженных антиуниатских и антикатолических, а также антисемитских позиций. Об этом свидетельствуют сами заглавия рубрик, на которые подразделены отдельные главы: «Озлобления от латинистов», «Дерзость жидов в отношении к православным», «Козни папистов», «Неистовство в Могилеве и окрестностях плебана Зеновича», «Гнусные поступки ксендза Овлочинского» и др. Центральное место в ней занимает описание всевозможных притеснений, причиненных православным жителям Могилевщины униатами и католиками. Значительная часть этих сведений заимствована автором из книги книги Н. Н. Бантыш-Каменского «Историческое известие о возникшей в Польше унии…» [2].

Рукопись Соколова не является полным описанием епархии, а представляет собой лишь одну из его составных частей. Из рапорта могилевского епископа Анатолия известно, что ее автором помимо «Истории Могилевской православной епархии» были подготовлены также описания монастырей Могилево-Братского, Мстиславского Тупичевского, Буйницкого, Борколабовского и Оршанских Кутеинских «с историческим известием» о трех чудотворных иконах Божьей Матери – Могилево-Братской, Тупичевской и Борколабовской, а также историческое описание Могилевской Спасо-Преображенской церкви. Однако эти описания в Синод не были присланы.

Труд Соколова отдельным изданием не был опубликован. В настоящее время он представляет в основном историографический интерес, но, тем не менее, заслуживает публикации.

1. Алексеев, Л. В. Историография. Западные земли домонгольской Руси в историко-археологическом осмыслении : учебное пособие для академического бакалавриата / Л. В. Алексеев, В. П. Богданов. – 2-е изд., испр., доп. – М. : Юрайт, 2019. – 431 с.
2. Бантыш-Каменский, Н. Н. Историческое известие о возникшей в Польше унии… / Н. Н. Бантыш-Каменский. – М. : Синодальная тип., 1805. – [4], 420, [2], 421–454 с.
3. Вибе, И. Н. Описание церквей Могилевской епархии 1832 года: краеведческий источник в контексте конфессиональной политики в Западном крае / И. Н. Вибе // Библиография. Археография. Источниковедение : сборник статей и материалов. – Вып. 3. – СПб. ; М. : Старая Басманная, 2017. – С. 14–28.
4. Вибе, И. Н. «Сведения или Описания церквей Могилевской епархии» 1832 года (источниковедческая характеристика) / И. Н. Вибе, А. И. Раздорский // Беларускі археаграфічны штогоднік. – Вып. 16. – Мінск, 2015. – С. 213–224.
5. Прибавление к церковным ведомостям. – 1906. – № 17.
6. Раздорский, А. И. Историко-статистические описания епархий Русской православной церкви (1848–1916) : Сводный каталог и указатель содержания / А. И. Раздорский. – СПб. : Изд-во Российской национальной библиотеки, 2007. – 960 с.
7. Раздорский, А. И. Историко-статистическое описание Полоцкой епархии Ксенофонта Говорского и судьба древнего Полоцкого архива / А. И. Раздорский // Археографический ежегодник за 2002 год. – М. : Наука, 2004. – С. 117–126.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 802. Оп. 16. Д. 75.
9. РГИА. – Ф. 834. Оп. 2. Д. 1757.
10. РГИА. – Ф. 834. Оп. 2. Д. 1758.
11. РГИА. – Ф. 834. Оп. 2. Д. 1759.
12. РГИА. – Ф. 834. Оп. 2. Д. 1798.

Пестриков О. В.

О «НАЦИОНАЛИЗАЦИИ ПРОШЛОГО» В АРХЕОГРАФИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ (СИЛЕЗСКИЙ ПРИМЕР)

Одной из главных, но конечно же не единственной, особенностей любого национального исторического канона является убеждение о практически вечном существовании нации [2, с. 6]. Из это следует не только то, что в каждой эпохе можно будет встретить ее [нации] представителей или ее предков, но и то, что современные границы государства можно легко перенести в прошлое.

Очень часто ретроспективно в прошлое уходят не столько актуальные границы, но и границы «ментальные» или «воображенные». В современной Европе, наверное, самым ярким примером является Венгрия, которая и сейчас часто «воображается» в глубь веков, в неких вневременных дотрианонских границах.

В XIX веке не меньше пищи для размышлений давала польская историография. Некоторые современные польские исследователи оперируют очень интересным термином – «ментально будущее польское государство» [4, s. 14]. Вписывание в его состав тех или иных регионов происходило через вписывание их истории в общую канву польской истории. То есть, если историк предполагал, что в будущей Польше будет место Силезии либо Восточной Пруссии, история этих регионов находила свое место в общем повествовании, если нет, то, соответственно, исключалась.

Эти тенденции легко сочетались з позитивистским культом источника. История писалась исключительно на основании текстов, которые подвергались невероятно взыскательной критике, внешнему и внутреннему анализу, не только на уровне нарративных целостностей, но и отдельных фраз, предложений, слов. При этом сама национальная суть исторического источника под сомнение не ставилась. Если нация была категорией вневременной, а источники действительным, реальным реликтом прошлого, то логичным умозаключением ставало представление о национальном характере любого источника. Таким образом не приходится удивляться тому, что описанная выше «ретроспективная национализация» касалась не только территорий, героев и событий (наша /не-наша история), но и самих исторических источников. Говоря более отвлеченным языком – острая критика формы, не отменяла практически догматической веры в национальное содержание исторического источника. В таких обстоятельствах признание той или иной группы источников, происходящих с определенной территории источниками по «нашей истории», означало признание этой территории «нашей территорией» и наоборот – связь с «нашей территорией» указывала на родной характер «наших источников».

Хрестоматийным примером первого случая (источники → территория), наверное, является работа российских археографических комиссий (Комиссий по разбору древних актов) – Киевской, Виленской и Кавказской. Все три комиссии можно рассматривать как составляющие элементы политики «историографической экспансии», имеющей целью заменить один господствующий нарратив (польский, в первых двух случаях) на другой (имперский, во всех трех) [1]. Комиссии переиздавали и издавали летописи, хроники, документальные источники маркируя их как южнорусские и западнорусские. Парадоксально, но такая активная деятельность заложила основу будущих украинских и белорусских историографий. Хотя основной её целью, подчеркнем еще раз, была собственно «историографическая реполонизация» этих регионов. История этих регионов не должна была впредь восприниматься как польская, а источники территориально связанные с ними как источники к польской истории. Прошло менее, чем двадцать лет от начала деятельности археографических комиссий, и их плодами воспользовались новые поколения украинских и белорусских ученых. Пытаясь колонизировать окраины, имперская власть создала источниковый канон для новых национальных историографий.

Подобный процесс происходил и в среде польских историков. С той разницей, что он не инициировался государством и не имел соответственно мощной государственной поддержки, как следствие господствовал второй подход (территория → источники). Современный польский исследователь М. Цетвинский писал некогда о «историографической одержимости границами» характерной для польских ученых XIX века (местами сохраняющейся также в наше время). Самый яркий пример – история публикации В. Кентжинским Клодзского Синодика (Glatzer Totenbuch). Документ, найденный польским ученым в библиотеке кафедрального собора в Гнезно, был опубликован в немецком журнале (1887 г.) и не включен в польское, редактируемое самим Кентжинским, многотомное издание Monumenta Poloniae Historica [4, s. 142]. Для историка графство Клодзко ни в прошлом, ни в будущим не было частью польского государства, его история не являлась частью польской истории, а значит документам связным с ним не было места в польском национальном каноне.

С немецко-австрийской Силезией в XIX в. ситуация была полностью обратной. Она не была исключена полностью из польской истории, а значит главная задача польского историка – доказать и показать польский характер силезских источников.

Почти половину объема третьего тома *Monumenta Poloniae Historica*, изданного А. Беловским в 1878 г., занимали многочисленные силезские летописи и хроники. В оглавлении они хоть и были четко отделены от польских источников, однако каждый из авторов вступительных замечаний, неявно или наоборот совершенно открыто подчеркивал, что ему приходилось иметь дело с источниками по родной, польской истории.

Из семнадцати силезских летописей и хроник, находящихся в этом томе, только три были опубликованы впервые. Более того, почти все эти источники силезского происхождения были опубликованы двенадцатью годами ранее в девятнадцатом томе *Monumenta Germaniae Historica* под редакцией В. Арндта. В случае, например с *Chronica Polonorum* это было шестое издание подряд. Правда, новое польское издание имело заметные преимущества, с точки зрения проделанной работы и уровня источниковедческой критики. Кроме того, авторам удалось найти новые, часто неизвестные рукописи, которые дополнили редакции их предшественников. Так же в не последнею очередь следует напомнить, что силезские летописи и хроники стали теперь более доступными для польских ученых.

Однако, кроме исключительно научной ценности, новое издание выполняло функцию идеологического прописывания присутствия Силезии в пространстве польской истории. Л. Цвиклинский во вступительном слове к *Chronica Polonorum* прямо писал: «Мы готовим новое издание этой летописи по двум причинам, первая из которых состоит в том, что она должна найти место в полном собрании средневековых польских источников [...] и чтобы дополнить издания более ранние… [тут и далее перевод с польского мой – О. П.]» [5, s. 579].

Тот же Л. Цвиклинский открывает свою вступительную статью размышлениями о правильности перевода названия публикуемой им хроники. В сохранившихся рукописях название отсутствует, за исключением коротких подписей – chronica Lechtiarum и hic est kronika polonorum. Первый редактор Ф. Соммерсберг назвал её именно *Chronica Polonorum*. В *Monumena Germaniae Historica* В. Арндт назвал её уже *Chronicon Polono-Silesiacum*, то есть польско-силезской хроникой, в связи с тем, что большинство событий, описанных в хронике, происходило в Силезии. Л. Цвиклинский, соглашаясь В. Арндтом в том, что речь идет о региональной хронике, настаивал на старом названии, потому что «название Chronicon Polono-Silesiacum могло породить представление о том, что Силезия не была польским краем в описанные в хронике времена... » [5, s. 579].

Не менее странными, чем спор издателей о правильном имени, с современной перспективы представляются попытки З. Венцлевского, издателя *Chronica Principium Poloniae* и Л. Цвиклинского установить национальность авторов средневековых хроник, с одновременной попыткой реконструировать национальные отношения в Силезии XIV века на основании этих текстов. Венцлевский, например, писал, что хотя автором хроники, несомненно, был немец, этот „немец, был честен и справедлив, что не всегда ходит в паре" [5, s. 579].

Происхождение автора и его отношение к немецкому языку было проблемой, которая поднималась в каждом введении к каждому опубликованному источнику как особый элемент внутренней критики. Историкам-позитивистам, удавалось на основе скрупулезной критики источников воссоздавать социальную и правовою структуру старой Польши, а также мир культурных, религиозных и этнических отношений, однако в этой реконструкции нации априорно рассматривались как принципиально неизменный конструкт, а современные историкам конфликты как такие, что продолжались веками. Так один из издателей, М. Блажовский изобразил мир летописца XIV века как совершенно антагонистический, установив национальность автора Annales Silesiaci Compolati на основании (помимо строго лингвистических свидетельств) следующих рассуждений: «... единственный персонаж, который выглядит наиболее нелестным во всей хронике, – это один из силезских князей, который, по его словам, привел немцев в страну [...] Болеслав Лысый [...] мы думаем, что немец сказал бы более мягко о князе, отдавая предпочтение своему племени... » [5, s. 668].

Одним из источников, впервые появившихся в печати в третьем томе Monumena, стала Cronica Silesiae abbreviata, или краткая хроника Силезии, изданная А. Семковичем. Автор летописи был, как определил самим А. Семкович, был жителем Познани, а это значит, что хроника являлась силезским источником скорее по сюжету повествования, а не по своему происхождению. Однако она сознательно была размещена разделе «силезские источники» третьего тома Monumenta. Сейчас сложно сказать, в какой степени это редакционное решение было вызвано техническими причинами, а в какой было проявление особого историографическим видения авторов. Хроника не содержит оригинальных сведений (кроме познанских сюжетов) и являлась компиляцией более ранних хроник. В предисловии к ее изданию А. Семкович подчеркнул недвусмысленную скорбь автора по поводу присяги некоторых силезских князей представителям Люксембургской династии и прямо выраженную надежду на возвращение Силезии к Польше. Фактически, в тексте летописи эти слова относятся только к двум правителям – Генриху VI Вроцлавскому и Болько II Свидницкому, которые в действительности не слагали ни присяги, ни оммажа, а, будучи бездетным, просто

передали свои княжества в наследие чешским королям. Чуть дальше по тексту (который А. Семкович уже не цитирует) автор прямо говорит, что их прирожденные владельцы все еще остались (preservant) в Мазовии (sic!), в Цешине, Ополе, Легнице и Олеснице. То есть речь на самом деле шла не о всей Силезии и не только о Силезии, чего Семкович не мог не заметить [5, s. 727]. Выражение надежды на возвращение, столь настойчиво подчеркиваемое польским историком, дословно звучит весьма фаталистично – «sed non est nostrum scire tempora vel momenta, quae Deus posuit in sua potestate», то есть практически выражается словами из Деяния Апостолов (гл. 1. 7), которыми Христос отвечает на вопрос учеников – когда восстановит он царство Израильское – «не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти». Как следует понимать эти слова – вопрос спорный. Скорее всего автор Деяния Апостолов, средневековий хронист и польский ученный-позитивист могли понимать их по-разному, но наиболее достоверное толкование – «никогда». Эти слова могли указывать на смирение, тайну и неведение, возможно даже внезапность. Однако следует признать, что даже в устах, погруженного в эсхатологические ожидания средневекового автора, они вряд ли могли свидетельствовать о надежде на скорое свершение чего-либо. Семковичу же удалось увидеть в этом тексте надежду на скорое возвращение территорий под власть Кракова. В интерпретации редактора размышления познанского летописца конца XV – начала XVI века стали приобретать черты свидетельства существования отдельной польско-силезской историософской национальной мысли, составными частями которой было чувство единства и тесной связи двух регионов.

Важно заметить, что всех описанных случаях собственно уровень археографической работы не вызвал никаких нареканий и соответствовал высоким стандартам, своего времени. Происходи, однако, соответствующая маркировка источника как польского, а вариативность понимания текста сужалась. Процесс, который сейчас мы бы назвали «национализацией прошлого», имел далеко идущие последствия. Во-первых, среди польских историков начинает расти уровень заинтересованности в силезских сюжетах. Источники стают физически доступными и «ментально» своими. Во-вторых, трактовки, поданные редакторами, мгновенно стают классическими, такими, которые в неизменном виде время от времени можно встретить и у современных авторов.

1. Журба, О. И. «Историографическая экспансия» как инструмент формирования национальной историографии / О. И. Журба // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки» – 2015 – № 8 – С. 140–146.
2. Касьянов, Г. В. Національні історії та сучасна історіографія: виклики й небезпеки при написанні нової історії України / Г. В. Касьянов, О. П. Толочко // Український історичний журнал – 2012 – № 6 – С. 4–24
3. Cetwiński, Marek. Drogi i bezdroża dziejopisarstwa. Olsztyn: Studio AB, 2017. – 456 ss.
4. Malczewska-Pawelec, D. Dialog o Śląsku: o (nie)zmienności obrazu krainy i jej mieszkańców w polskich syntezach dziejów narodowych epoki zaborów: (studium historiograficzne). Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2012. –472 ss.
5. Monumenta Poloniae historica = Pomniki dziejowe Polski. – T. 3. – Lwów : nakł. Akademii Umiejętności 1878. –885 ss.

Рокина Г. В.

«МЕСТА ПАМЯТИ» РУССКО-СЛОВАЦКИХ СВЯЗЕЙ В АРХИВАХ И МУЗЕЯХ СЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ[1]

Со времен «мемориального бума» одной из актуальных тем в современном историческом сообществе является проблема соотношения истории и исторической памяти. Впервые она была сформулирована французским теоретиком памяти П. Нора в его концепции «мест памяти» в конце 1990-х годов [6]. С этого времени разделение истории как репрезентации прошлого и памяти как культурной практики, изменчивого и конъюнктурного воображения, было принято большей частью профессиональных историков. Важное место в этой системе занимают архивы и музеи, где сосредоточиваются вещественные источники, подлинные свидетельства прошлого: в архивах – это документы, главным образом письменные источники; в музеях преобладают «вещи», т. е. источники невербальные [8; 11]. Историческая память, и связанная с ней «политика памяти» является важным фактором, оказывающим влияние на формирование идентичности человека, прежде всего национальной.

Особое место «политика памяти» занимает в странах, которые пережили в конце 1980-х гг. переход от социалистической модели управления государством к капиталистической, что также сопровождалось трансформацией идеологической составляющей обществ. После вступления в Европейский союз постсоциалистические государства стали интенсивно разрабатывать собственные подходы политики памяти и расширять ее применение через возникшие Института памяти и формирование соответствующей законодательной базы, в том числе в сфере музейной и архивной политики [10].

[1]Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 20–09–00279).

К таким государствам относится Словацкая республика, возникшая результате «бархатного развода», произошедший между Чехией и Словакией в 1993 году. В процессе формирования национальной идентичности власти постсоциалистических государств Европы применяют различные методы политики памяти, классификация которых была предложена российским историков А. Миллером: 1) создание специальных институтов для насаждения определенной трактовки прошлого и финансирование идеологизированных исследовательских проектов; 2) манипуляция архивами, сохранение режима секретности; 3) разработка мер контроля за деятельностью историков; 4) вмешательство в содержание учебников и программ преподавания истории; 5) принятие мемориальных законов, закрепляющих единственную трактовку прошлого [5]. По мнению другого российского историка М. Ведерникова, власти Словакии на протяжении последних 30 лет не использовали полностью набор этих методов. Они ограничивали свой инструментарий конкретными мерами, которые служили подспорьем для реализации национальной и исторической политики [2, с. 97]. В формировании национальной идентичности и коллективной памяти самого молодого государства в Европейском союзе важное место занимает интерпретация истории взаимоотношений с теми государствами и народами, которые сыграли решающую роль в историческим прошлом Словакии. К ней относится и история русско-словацких взаимоотношений в XIX-XX веках. В формировании исторической памяти словаков немаловажную роль играет русский/советский фактор. В определенной степени это связано с тем, что именно в Словакии почти два столетия назад впервые в славянском мире была сформулирована теория славянской взаимности, которая, на наш взгляд, оказала значительное воздействие на процесс формирования словацкой нации [7].

В истории Словакии можно выделить несколько этапов развития русско-словацких связей:

- XIX век – оформление теории славянской взаимности, поддержка со стороны России будительской деятельности словацких патриотов, отцов-основателей словацкой нации: Ян Коллар (1793-1852), Людевит Штур (1815-1856), Светозар Гурбан-Ваянский (1847-1916) и возникновение понятия русского панславизма в центральноевропейском общественном мнении;
- 1900-1920-е годы – распространение словацкого толстовства накануне Первой мировой войны; деятельность словацко-русского общества памяти Л. Штура в Москве; участие словаков в чехословацком легионе;
- 1944-1945 – участие Красной армии в Словацком национальном восстании и освобождении Словацкой республики (1939-1945) от фашизма;
- Социалистический этап - после завершения Второй мировой войны до событий 1968 года, когда Словакия входила в составе ЧССР в «социалистический лагерь». «С Советским Союзом на вечные времена» - официальный лозунг социалистической Словакии, который сохранялся и после событий 1968 года.

На каждом из этих этапов, пользуясь терминологией П. Нора, власти Словакии (в том числе и в составе ЧССР) конструировали т.н. «места памяти», которые интерпретировали или использовали идею славянской взаимности в зависимости от приоритетов официальной идеологии. Под «местами памяти» русско-словацких связей в данном тексте подразумеваются материальные источники, артефакты и символы, которые отражают те периоды формирования словацкой нации, когда русско-словацкие контакты оказывали существенное влияние на формирование коллективной памяти словаков. В данном случае это не только памятники, материальные и литературные, торжества или дни скорби в честь исторических событий, но и артефакты, которые хранятся в архивах и музеях, ценность которых в меньшей степени подвержена политической конъюнктуре. Приведем несколько примеров таких «мест памяти», которые сохранились в архивах и музеях Словацкой республики.

Архивная Россика наиболее полно представлена в одном из центральных архивов Словакии – Литературном архиве Словацкой национальной библиотеки, который включает в себя и исторические фонды Матицы словацкой. Матица словацкая, Матица словацкая, созданная в период вхождения словацких земель в Венгерской королевство, создала целый комплекс коммеморативных практик, которые служили инструментом сохранения словацкой идентичности [4]. В этот, т. н. матичный период формирования словацкой идентичности русско-словацкие контакты нередко выступали важным аргументом в борьбе за национальную самостоятельность словаков. Особенно ярко это прозвучало в сочинении Л. Штура «Славянство и мир будущего». В архиве Матицы сохранились личные фонды непосредственных участников русско-словацких контактов. Это фонды автора теории славянской взаимности, известного словацкого ученого и поэта Я. Коллара, ученого и общественного деятеля Й. Шкультеты, классика словацкой литературы С. Г. Ваянского, кодификатора словацкого литературного языка Л. Штура; личного врача русского писателя Л. Н. Толстого Д. Маковицкого, словацких толстовцев А. Шкарвана и В. Кривоша. Так, Й. Шкультеты считал Россию опорой словаков, а функцию всеславянского языка, по его мнению, должен осуществлять русский язык. Эти взгляды были предметом обсуждения в его обширной переписке с корреспондентами из России. Среди эпистолярного наследия

Шкультеты в архиве хранятся письма русских ученых П. А. Кулаковского, А. С. Будиловича, А. И. Петрова, А. Сиротинина, В. И. Ламанского, Т. Д. Флоринского и других. В фонде Ваянского хранится его переписка с адресатами из России, путевые заметки о России, публицистика, а также переводы и литературная критика произведений русских писателей. В рукописном фонде Ваянского сохранились материалы о его поездках в Россию и отклики современников на публикацию путевых заметок. К редким артефактам архива относится яснополянский альбом Д. Маковицкого, где сохранились рисунки И. Репина, автографы членов семьи Л. Толстого.

Значительная часть матичного архива, сохранившего литературные контакты словацких и русских писателей, послужила основой для оформления музейной экспозиции для еще одного «места памяти» русско-словацких контактов, который нередко называли «русским островом» Словакии. Это музей имени А. С. Пушкина в местечке Бродзяны. Музей был открыт в 1979 году года по инициативе кафедры русского языка и литературы философского факультета Университета имени Я. А. Коменского в Братиславе и районного краеведческого музея в Топольчанах. По просьбе Министерства культуры Словацкой социалистической республики организационные работы взяла на себя Матица словацкая. Музей с первых дней установил контакты с музеями Пушкина в СССР. Создавался свой коллекционный фонд, приобретались редкие материалы и факсимиле из собраний Государственного музея А. С. Пушкина в Москве и Пушкинского дома в Ленинграде, проводилось много исследований по этому направлению [12]. К 190-й годовщине со дня рождения Пушкина и 10-летию музея в 1989 году была проведена реконструкция экспозиции, сохранившая первоначальную концепцию и включавшая четыре основных раздела: словацко-русские литературные связи, бродзянско-пушкинская традиция, жизнь и творчество А. С. Пушкина и связи Словакии с советской литературой в послеоктябрьский период. Все это соответствовало духу времени, но при этом сохраняло традиции культурных контактов России и Словакии. В настоящее время музей вошел в состав Национальной библиотеки СР и теперь называется Славянский музей имени А. С. Пушкина. Экспозиция литературных контактов демонтирована, основная экспозиция музея посвящена дворянскому быту XIX века. Судьба прежней экспозиции, представляющей русско-словацкие литературные контакты, а также историю переводов сочинений А. С. Пушкина на словацкий язык, в нынешней стратегии музея не упоминается. История «русского острова» характерна для судьбы «мест памяти», которые в основном имеют искусственное происхождение, они «изобретены или переназначены для того, чтобы служить национальному государству» [9, с. 62].

Среди многочисленных «мест памяти» социалистического этапа развития русско-словацких отношений особое место принадлежит мемориальному комплексу на востоке Словакии. Это Музей словацкого национального восстания в Банской Быстрице, основанный в 1955 году. Тема словацкого национального восстания и участия Словакии во Второй мировой войне в последние годы является одной из дискуссионных тем в словацкой историографии, в связи с чем возрастает значение документальных материалов музея [1; 3]. Обновленная в 2004 году музейная экспозиция представляют историю развития словацкого общества в период 1918-1948 с акцентом на антифашистское движение и судьбу словацких евреев. Особенно подробно музей документирует Словацкое национальное восстание, в нем хранится более 70 000 экспонатов и более 135 000 архивных предметов, а библиотека музея содержит более 20 000 документов. Музей Словацкого национального восстания - это не просто хранилище исторических артефактов и коллекций, это место, где ведется огромная научная работа по различным направлениям: систематизация фондов, электронная обработка экспонатов, построение современной экспозиции и интерпретация исторических фактов. В мемориальном комплексе расположен монумент советским воинам, на котором надпись - «Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость Советского Союза и за возрождение Чехословацкой Республики». В отличие от некоторых постсоциалистических стран Европейского союза, где памятники советским воинам нередко оскверняются вандалами, в банско-быстрицком мемориале бережно хранят память о совместной антифашистской борьбе русских и словаков и ежегодно организуют дни памяти восстания. Необходимо отметить, что до последнего времени подобное отношение к «местам памяти» русско-словацких связей является характерным для всей Словакии.

1. Быстрицки, Й. О вступлении Словацкой республики (1939–1945) в войну против СССР через три четверти столетия / Й. Быстрицки // Запад-Восток. – 2017. – № 10. – С. 191–213.
2. Ведерников, М. В. Формирование национальной идентичности в современной Словакии / М. В. Ведерников // Вестник МГИМО-Университета. – 2021. – № 14 (1). – С. 94–125.
3. Заборовский, В. И. Освободительная миссия Красной армии в Европе и особенности освобождения Словакии / В. И. Заборовский, С. И. Горбунова // Россия и Словакия на общих перекрестках истории. – Банска Быстрица, 2016. – С. 232–241.
4. Кодайова, Д. Матица словацкая в памяти словаков / Д. Кодайова // Запад-Восток. – 2020. – № 13. – С. 38–55.
5. Миллер, А. И. Введение. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века / А. И. Миллер, М. Липман // Историческая политика в XXI веке. – М. : Новое литературное обозрение, 2012. – С. 7–32.

6. Нора, П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти / П. Нора // Франция – память. – СПб. : Изд-во С. -Петерб. ун-та, 1999. – С. 17–65.
7. Рокина, Г. В. Теория и практика славянской взаимности в истории русско-словацких связей XIX века / Г. В. Рокина. – Казань, 2005. – 208 с.
8. Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки / сост. Е. А. Воронцова. – М. : Этерна, 2017. – 1000 с.
9. Сафронова, Ю. А. Историческая память. Введение / Ю. А. Сафронова. – СПб., 2019. – 220 с.
10. Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе. – Санкт-Петербург, 2021.
11. Трансформации музеев-библиотек-архивов и информационное обеспечение исторической науки в информационном обществе / сост. Е. А. Воронцова. – М. : ИНИОН РАН, 2017. – 318 с.
12. Sedlak, I. Literarne museum A. S. Puškina: Vztahy Slovenska k ruskej a sovietskej literature / I. Sedlak. – Martin : Matica slovenska, 1979. – 178 s.

Shmatko O. N.

THE HISTORY OF THE UNIVERSITY LIVES IN ITS MUSEUMS (FOR EXAMPLE, THE MUSEUM OF THE HISTORY OF STAVROPOL STATE AGRARIAN UNIVERSITY)

The History Museum of the Stavropol State Agrarian University is the guardian of the history and historical memory of the university. Here you can get acquainted with the cultural and historical heritage of the university applicants, students, and its guests. Employees come here to share interesting material or, on the contrary, to get the information they need. After all, the history of the agrarian university is not only the history of buildings, classrooms, academic buildings, it is, first of all, the history of the formation of the teaching staff, the development of scientific schools. That is why the museum of the history of the university is a unique place for storing the rich history of the university and its traditions, a place for introducing students to this priceless heritage.

The protection of historical and cultural values began more than 145 years ago, since 1875, when the Caucasian Diocesan Women's School was located in the current administrative building of the Stavropol State Agrarian University. The buildings themselves – the academic buildings-breathe history. Here, in a small space, all the stages of the university's formation are reflected-from the North Caucasus Zootechnical Institute of the early twentieth century to the present day.

The History Museum of the Stavropol State Agrarian University has more than 45 years of history. In 1975, the Museum of Military and Labor Glory was opened in the Stavropol Agricultural Institute. It was located in one room and had about 500 exhibits. Materials on the main stages of the university's development were presented here. Much attention was paid to military subjects, participants of the Great Patriotic War and the post-war restoration of the Institute. The first head of the museum was Colonel of the reserve V. N. Golovin, who tirelessly collected materials recreating the history of the university.

From the first days of its existence, the museum attracted the attention of students, teachers and guests of the institute, becoming a place of traditional meetings of graduates of different years, one of the centers for the education of student youth and retaining this status to the present day [1, p. 14–63].

In 1977, the museum was headed by a senior lecturer of the Department of History, a participant of the Great Patriotic War, lieutenant colonel of the reserve Yefim Severyanovich Shevchenko. He made a great contribution to the design of the museum and was a real enthusiast in the study of the history of our university. Yefim Severyanovich fought on the Leningrad front, was awarded two Orders of the Patriotic War, two Orders of the Red Star and 16 medals.

In 2002, at the initiative of the rector of SSAU, Professor V. I. Trukhachev, work began on the reorganization of the museum. An area of about 300 m^2 has been allocated for the exhibition hall and the storage facility. A new profile of the museum was also chosen – the history of the university.

A lot of time was now devoted to archival work to clarify the available materials and establish new facts, search expeditions were organized to the regions of the Stavropol Territory in order to meet with former employees of the university. The result of this work has significantly expanded the Museum's collection as the picking process involved all the teachers and staff SSAU, great assistance to veterans who contributed their personal belongings, photos, and documents from the family archive.

Veterans of the Great Patriotic War, home front workers, employees and students of the Agrarian University were invited to the opening of the new museum in 2004, dedicated to the Victory Day. The guests expressed their gratitude in the Book of Reviews to the rector V. I. Trukhachev for respect for the memory of past years and attention to the veterans of the Great Patriotic War and labor.

Currently, the museum hall has 30 display cases, where more than five thousand exhibits are presented. The main exposition of the University History Museum is built according to the chronological principle. It consists of three sections: «History of the University», «History of faculties» and «University today».

The museum exposition is based on the principles of comprehensibility and universality, i. e. it takes into account the peculiarities of perception and the interest of various groups of visitors, which determines its social value.

Today, the university museum plays a great role in educating students and introducing them to the traditions of the university. The appeal of students to museum relics allows them to look at the events of the past from a new perspective, previously known to them only from history textbooks. The Museum of the history of the university allows you to study the real life of students and teachers who studied and worked at the university during its formation, formation and development. In the Museum is «link of times», is a kind of dialogue of generations, when the young would like to try on events and things of the past in order to learn how to live today [2, p. 649–652].

The museum forms students 'civic position, a sense of patriotism and readiness to participate in the socio-political life of the country, contributes to the formation and development of students' historical consciousness. The museum accumulates the experience of civil and patriotic education.

Almost all the materials of the exposition of the historical hall of the museum, covering the history of the university since its foundation, arouse a sincere interest in the history of the university among students and employees. It presents the results of museum research on the history of the university's faculties, the university's activities during the Great Patriotic War, the lives of students and teachers who went to the front, the construction of new modern academic buildings and dormitories, and extracurricular work, which arouses sincere interest among students, teachers, staff and guests of the university.

The museum is the custodian of an invaluable fund of historical and cultural heritage. Of particular interest to employees and students are the personal funds of leading scientists and graduates of the university, which are actively in demand in the educational, scientific and educational work of the university. The almost complete set of the newspaper «For Agricultural Cadres» stored in the university museum provides inexhaustible material for many sections of the modern student press.

The exposition «Stavropol Agricultural Institute during the Great Patriotic War», dedicated to the 75th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War, designed and placed in the first section of the museum, forms respect for the historical past, the activities of previous generations [3, p. 104–106]. Every year, all first-year students visit the museum, and together with their curators come to the exhibitions. This not only introduces students to the history of the university, but also facilitates their adaptation to the learning process.

A special place in the museum's activities is occupied by exhibitions dedicated to anniversaries and memorable dates associated with the names of outstanding graduates, teachers and employees, whose biography in different years was closely associated with the Stavropol State Agrarian University [4, p. 3–29].

The subject of students' research interest is the modern history of the university and its symbols: the university anthem, coat of arms and flag, flags of faculties, badges of various university programs, as well as museum expositions dedicated to the sports traditions of the university. The historical exposition of the museum reflects the traditional Torch Relay, which forms the traditions of sports patriotism. The museum also keeps samples of high culture of amateur artistic creativity of students: videos and CDs with recordings of performances of university vocal and dance studios, the orchestra of folk instruments not only on the university stage, but also at various competitions and festivals of the city, regional, All-Russian and international level.

One of the specific tasks of the University History Museum is to educate students about museum culture. The museum strives to evoke respect for historical and cultural monuments, for the work of the person who created them, for the preservation of military and cultural traditions for future generations. The acquaintance of first-year students with the university begins with the museum, and on the first day, the «Day of Knowledge», on the excursion, students do not just study the history of the university, moving from section to section, they seem to leaf through the book of time and write themselves into new pages [5, p. 46].

Thus, the museum of the history of the university contributes to the formation of conditions for the spiritual, moral and patriotic education of students, intellectual, creative and physical development of students, the realization of their creative potential. Visits to the museum, museum tours and conversations contribute to the formation of students ' historical consciousness, introducing them to the spiritual values and cultural traditions of Russia, contribute to the awareness of a person as a social being connected with the moral and cultural tradition of the country.

1. Zolotarev, S. P. Features of professional self-determination of agricultural university students / S. P. Zolotarev, O. N. Shmatko // Bulletin of the Agroindustrial Complex of Stavropol. – 2016. – № 4 (24). – P. 131–134.
2. Tufanov, E. V. On some aspects of social life in the process of social urbanization / E. V. Tufanov, I. N. Kravchenko, O. N. Shmatko // Bulletin of the Kalmyk state University. – 2020. – № 3 (34). – P. 52–61.
3. Shmatko, O. N. Work motivation and professional self-determination of youth / O. N. Shmatko // Professional self-determination of youth innovation in the region: problems and prospects: proceedings of all-Russian scientific-practical conference , Krasnoyarsk, November 27–5, 2014. – Krasnoyarsk : Research and innovation center. – 2015. – P. 209–211.
4. Shmatko, O. N. Actual issues of patriotic education in the student environment / O. N. Shmatko, I. N. Kravchenko, E. V. Tufanov. – 2016. – № 3 (23). – P. 149–151.
5. Effective technologies of civil and patriotic education in the Stavropol State Agrarian University / I. V. Atanov [et al.]. – Stavropol : publishing SSAU AGRUS. – 2014. – 108 p.

Бабенко В. Д.

РЕСУРСЫ МУЗЕЙНОГО ПРЕДМЕТА КАК ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА (НА ПРИМЕРЕ КОЛЛЕКЦИИ СТАВРОПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА ИМ. Г. Н. ПРОЗРИТЕЛЕВА И Г. К. ПРАВЕ)

Ряд источниковедческих исследований, основывающихся на музейных коллекциях, базируется на основе письменных и изобразительных источников [6]. Эти источники обладают большим объемом информативности и способны дать прямые ответы на поставленные в исследовании вопросы.

Работа с предметными источниками сопровождается некоторыми затруднениями в интерпретации полученных данных. Предмет, как и текст, также является полноценным историческим источником. Согласно определению советских ученых А. П. Пронштейна и И. Н. Данилевского, источником является любой продукт деятельности человека, содержащий в себе информацию о жизни общества [5, с. 133]. Таким образом, в научный оборот может быть включен любой музейный предмет, способный «рассказать» о своей эпохе.

Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве обладает собранием более чем в 300 тысяч единиц хранения самых разнообразных коллекций, посвящённых истории Ставропольского края, Северного Кавказа и России. Он был основан в 1905 г. как Музей наглядных пособий (позже он объединился с Музеем Северного Кавказа), состоявший из нескольких разделов, посвященных разным сторонам жизни региона [2].

В рамках статьи будет рассмотрена техническая коллекция музея. Она начала формироваться в 1959 г. с появлением нескольких единиц аппаратуры: полевого телефонного аппарата ТАИ-43, военной радиостанции 13Р и телевизора «Знамя-58». К 2021 г. техническая коллекция уже насчитывала несколько сотен единиц техники (от бытовой до профессиональной, самого разного назначения). Коллекцию объединяет бытование практически всех предметов на территории Ставропольского края с 1920-х гг. до наших дней.

Среди предметов коллекции в качестве примера для источниковедческого анализа можно выбрать радиоприемник «Филипс», выпущенный в Нидерландах в 1940-х гг. [4]. Опираясь на подход И. Д. Ковальченко, когда источник является носителем двойной информации и отражает через сознание субъекта объект и способен характеризовать создателя источника, появляется возможность увидеть исторический контекст, в котором источник появился [3, с. 116].

В 1996 г. в музейное собрание поступила коллекция аппаратуры, среди которой был данный радиоприемник. При визуальном осмотре можно обратить внимание на электрическую вилку, сделанную в Советском Союзе. Эта модификация была проведена хозяином радиоприемника в 1940–60-х гг. Точной информации о его владельце не сохранилось, но подобные вилки изготавливались в данном временном промежутке. Следующая деталь, говорящая об историческом контексте, видна на стеклянной настроенной шкале. На ней нанесены названия городов, откуда можно было принять сигнал. Среди них нет ни одного советского города Данная деталь напоминает о политической обстановке в послевоенной Европе, когда отношения СССР с западными странами начинали стремительно портиться из-за начальной фазы «Холодной войны». В этот период экспорт западной продукции на советский рынок приостанавливается. Так как адаптации под советские стандарты на заводе в Нидерландах не проводилось, владельцем приёмника и была проведена подобная замена электрической вилки.

Особо ценными и интересными предметными источниками технической коллекции музея является техника времен Великой Отечественной войны. Среди них есть немецкий радиоприемник Torn. E. b, впервые выпущенный компанией Telefunken в 1937 г. Им снабжались танковые подразделения. Данный аппарат был найден жителями г. Таганрога в 1943 г. при стремительном отступлении немецких войск. Радиоприемником пользовались вплоть до 1970-х гг., пока из строя не вышла не имеющая аналогов батарея. В 1995 г. предмет вошел в собрание музея-заповедника, согласно информации Акта приема. Данный предмет ценен сразу по нескольким причинам:

1) его внешний вид (потертости краски, царапины, вмятины) может сказать о драматических событиях 1943 г. и это добавляет ценности предмету в качестве экспоната на выставках;

2) радиоприемник не подвергался реставрации и на нем сохранились карандашные пометки над немецкими заводскими надписями. Это перевод терминов на русский язык, он был сделан радиолюбителями;

3) сама конструкция радиоприёмника Torn. E. b будет интересна не только военным историкам, но и специалистам по радиолюбительству. Эти аппараты долгое время использовались для любительского выхода в эфир. Пользование немецкой радиотехникой после войны не было под запретом и, например, в социалистической Чехословакии были публикации о работе с Torn. E. b [7, с. 275–276].

В собрании музея есть телевизионные приемники 1950–90-х гг. Одним из первых телевизоров города Ставрополя стал аппарат «Знамя-58». Его специально приобрели в Ленинграде летом 1959 г. и установили в качестве действующего экспоната в одном из залов музея. На некоторое время он стал одним из самых популярным экспонатов, ведь в 1959 г. на Ставрополье началось регулярное телевещание из г. Пятигорска [1, с. 234].

Вопрос интерактивности музейной коллекции становится с каждым годом все актуальней. Функционирующий экспонат всегда привлекает к себе внимание посетителей и на это необходимо делать упор при создании экспозиций или музейных программ. Такие источники обладают большой аттрактивностью и интересны не только специалистам, но и людям далеким от этого. Один только вид работающего прибора, который давно вышел из бытовой среды может вдохновить человека на изучение истории техники или даже сподвигнуть на выбор профессии.

Техническая коллекция ставропольского государственного музея-заповедника является ценным собранием предметных исторических источников. При комплексном рассмотрении этой коллекции с применением методов источниковедения, можно восстановить не только некоторые страницы истории техники, но и реконструировать сведения в других сегментах исторической науки – истории повседневности, политической истории и т. д.

1. Бабенко, В. Д. К истории телевидения на Ставрополье (телевизионная аппаратура в фондах музея-заповедника) / В. Д. Бабенко // Прозрителевские чтения : материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Вып. 10. – Ставрополь, 2019. – С. 233–238.
2. История музея [Электронный ресурс] // Сайт Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве. – Режим доступа: http://stavmuseum.ru/o-muzee/istoriya-muzeya/.
3. Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. – М. : Наука, 1987. – 439 с.
4. Радиоприемник «Филипс» в эбонитовом корпусе темно коричневого цвета [Электронный ресурс] // Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации. – Режим доступа: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=3899467.
5. Русина, Ю. А. Методология источниковедения / Ю. А. Русина. – Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2015. – 203 с.
6. Рыгалова, М. В. Музейные коллекции как исторический источник (обзор отечественной историографии) / М. В. Рыгалова, Е. В. Рыгалов // Известия Алтайского государственного университета. – 2018. – № 5 (103). – С. 135–139.
7. Amaterske Radio. – 1957. – № 9. – С. 275–276.

Котович Т. В.

ПОЧУВСТВОВАТЬ ДУХ ПРОШЛОГО: О ВАЖНОСТИ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ С АРХИВНЫМИ И МУЗЕЙНЫМИ ИСТОЧНИКАМИ

Цель исследования – показать практическую значимость архивных и музейных источников для образовательных дисциплин по специальности «Музейное дело и охрана историко-культурного наследия (культурное наследие и туризм)» на историческом факультете ВГУ имени П.М. Машерова (2017–2020 гг.). Задачами при использовании материалов/источников были совместные акции, участие в лекциях (Музей истории ВНХУ, областная библиотека, научная библиотека ВГУ), подготовка монографии.

18 мая 2017 года в проекте «Ночь музеев» студенты истфака ВГУ приняли участие в акции ««Бухаринская, 10 – Правды, 5 а – Марка Шагала, 5 а» : Место встречи изменить нельзя». В выставке-акции участвовали 26 художников, чьё творчество так или иначе связано с ядром Витебской художественной школы – от супрематизма до акционизма. Мы начали формировать экспозицию в полдень. И её формирование также стало частью акции. И, на мой взгляд, чрезвычайно важной, равнозначной самой готовой экспозиции. Это сродни подготовке к празднику, когда всех участников этой подготовки пронизывает романтическое волнение, а в суете работы присутствует радостное предвкушение свершающегося счастья и полноты существования. Кроме самих художников в акции приняли самое деятельное участие волонтёры (мои студенты отделения охраны культурно-исторического наследия истфака, второкурсники и выпускники). Они помогали художникам, и они же стали глашатаями и стягоносцами.

Источником педагогического посыла в данном проекте выступали произведения художников-участников акции, а также сама форма сопричастности студентов к созданию окказиональной экспозиции и их роль перформеров в процессе всей выставки-акции.

В ноябре 2018 года в выставочном зале Музея истории ВНХУ состоялась лекция, посвященная 100-летней годовщине празднования Октябрьской революции в Витебске, посвященная документальной ленте о праздновании. А также другим праздникам в Витебске с колоннами, митингами, художественным украшением города, созданным знаковыми витебскими мастерами.

Фотодокументы и кинокадры из государственного архива Витебской области и архива кинодокументов (Дзержинск) стали основой лекционного рассмотрения плана празднования и его фиксации.

Письмо Витебского губернского военного комиссара С.Н. Крылова в кинематографический комитет при комиссариате народного просвещения об отпуске негативной пленки Минтусу

г. Витебск, 2 ноября 1918 г.

Губвоенком просит об отпуске по твердым ценам тов. Минтусу 500 метров негативной пленки, каковая действительно нужна для производства снимков парада красноармейских частей в дни годовщины Октябрьской революции в городе Витебске.

Губернский военный комиссар *Крылов*

[ГАВт. Ф. 1582. Оп. 1. Д. 47. Л. 1127. Заверенная копия. Машинопись.]

Парад принимала коллегия Витебского Губернского Комиссара по военным делам. После прохождения церемониальным маршем парад расходился по Грязной и Смоленской, 2-й Ветренной и Суворовской» [ГАВт. Ф. 1582. Оп. 1. Д. 47. Лл. 1154 – 1156]. Части, не расквартированные в городе, получали возможность расположиться в отведённых для них комнатах [ГАВт. Ф. 1582. Оп. 1. Д. 47. Л. 1163]. Утром 7 ноября рабочие и военнообучающиеся собирались на Конной площади, красноармейцы с Замковой, Гоголевской и Задуновской собирались на Соборной площади, а рабочие организации с Долгоруковской собирались на Орловской площади – к 10 часам на митинги до 11 часов. Шествие началось в полдень. Шли рабочие, военнообучающиеся и красноармейцы. Был разработан и порядок расстановки: от комитета партии до пожарного обоза.

Кроме подробного описания организации празднования Комиссия должна была создать фонд в пользу рабочих, пострадавших в борьбе за освобождение в Октябрьскую революцию. А также намечалось переименование улиц.

Приказ Губисполкома о переименовании улиц. Январь 1919 года. ГАВт. Ф. 1821. Оп. 1. Д. 314. Л. 64

9 ноября С. Крылов писал в кинематографический комитет при Наркомпросе.

Письмо Витебского губернского военного комиссара С.Н. Крылова в кинематографический комитет при комиссариате народного просвещения о проявке и печати кинематографической картины

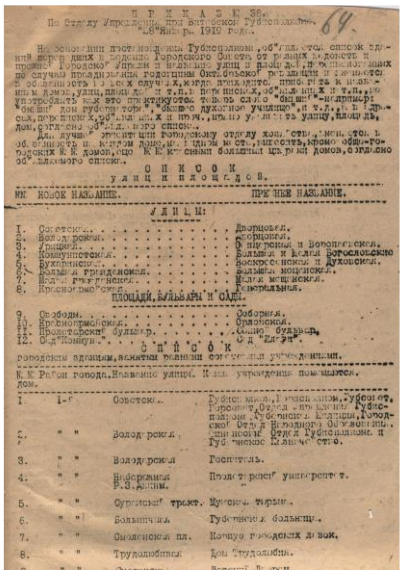
г. Витебск, 8 ноября 1918 г.

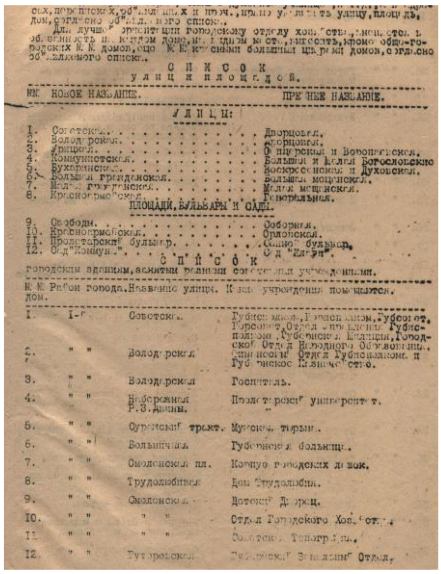
Губвоенком просит проявить и отпечатать кинематографическую картину из привезенного тов. Янсоном негатива Торжеств годовщины Октябрьской революции в гор. Витебске возможно быстрее, так как красноармейские части, участвовавшие в параде некоторые на днях отправляются на фронт. Губвоенком[ат]у весьма желательно показать картину уходящим частям, ввиду этого тов. Янсону поручено ждать в гор. Москве готового позитива, по отпечатанию которого просим выдать так негатив, который будет храниться в губвоенком[ат]е.

В случае [если] лаборатория кинематографического комитета весьма обременена работой, просим выдать нужное количество позитивной пленки и разрешить тов. Янсону отпечатать в частной лаборатории за счет губвоенкома[та].

Губернский военный комиссар *Крылов*

[ГАВт. Ф. 1582. Оп. 1. Д. 44. Л. 293. Копия. Машинопись.]





Фильм о праздновании демонстрировали в «Кино Арс», куда позвали местную власть и прессу. Как писали в «Витебском листке» 19 ноября 1918 года, «несмотря на то, что картина не обнимает полностью окт<ябрьские>торжества, она все же оставляет хорошее впечатление. Для витеблян эта картина представляет особый интерес, как сотни и тысячи людей получат возможность увидеть себя и своих знакомых на экране. Кроем того, на экране зритель может, так сказать, с высоты полета увидеть грандиозное зрелище октябрьских торжеств в Витебске. Картина, несомненно, будет иметь историческую ценность для Витебска» [Октябрьские торжества в Витебске на экране // Витебский листок. 1918. № 1041. 19 ноября. С. 4].

Во время лекции студенты истфака совместно с сотрудниками Музея истории ВНХУ создали инсталляцию, посвященную комиссару Семену Крылову на основе архивных материалов.

Источником педагогического посыла выступили: работа студентов в архиве, анализ документов, сотрудничество с музейными работниками, присутствие на лекции.

В феврале 2019 года студенты истфака ВГУ совместно с участниками студии хореографии «Параллели» Анастасии Маховой и сотрудниками Музея истории ВНХУ провели акцию в честь 140-летия Казимира Малевича.

Ядром мероприятия стало чтение стихов Казимира Малевича в его кабинете в Музее истории ВНХУ от имени витебских учеников Малевича, членов творческого объединения УНОВИС (1920–1922).

Источником явились материалы Казимира Малевича, а целью акции стало своеобразное совмещение во времени событий столетней давности и современного творчества молодежи.

В декабре 2019 года в библиотеке ВГУ состоялась акция «Супрематический Штрум», посвященная первому художественному проекту Казимира Малевича и Лазаря Лисицкого в Витебске, оформлению Комитета по борьбе с безработицей (декабрь 1919 года).

Студенческая акция была посвящена годовщине акции уновистов по оформлению Комитета по борьбе с безработицей. Роль супрематических знамен исполняли знамена Центра современного искусства, студенты читали стихи Казимира Малевича и у всех на рукавах был наклеен Черный квадрат в знак солидарности с уновистами, которые носили нашивки с черным квадратом на правом рукаве.

Источниками послужили архивные документы, материалы Музея истории ВНХУ.

Работа студентов с документами архива и музея позволила в ходе реализации данных проектов сосредоточить их внимание на некоторых важных деталях и провести параллели с современностью, создать новую реальность, которая не оторвана от них как музейная экспозиция или сам архивный документ, а максимально приближена к ним, и более того, они сами оказываются внутри этой реальности. Студенты, работая с документами, наиболее точно фиксируют их содержание, излагают факты, концентрируют большое количество информации в малом объеме, и в то же время активно вводят реальность документа или музейный артефакт в живую атмосферу художественной акции.

Мареш Тереза

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ МАСТЕРСКАЯ ИСТОРИКА НА УРОКАХ ИСТОРИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬСКОЙ ШКОЛЕ

История – это научная дисциплина. В польском языке функционируют два термина: «historia» (в звучании таком же, как и по-русски «история»), а также «dzieje» (что можно перевести: «происшествие», но не в русском значении: «случай; событие», но в более широком контексте: «длинный ход происшествий»; «dzieje» в транслитерации: «дзиее»). Итак «история» («historia») это прошлое, а «история» = «dzieje» (дзиее) это исторический процесс [1, с. 62]. История – это наука об дзиеях, о том, что произошло, о том, что уже было в прошлом.

Историю как науку следует рассматривать с двух точек зрения: как предмет исследования и как историческое исследование. Предмет исторического исследования – человек, виновник истории. Ольга Михайловна Медушевская написала: «История рассматривается как наука, чей предмет – феномен человеческого мышления, человеческого познания, реализовавшего себя в ходе целостного и единого исторического процесса» [2, с. 17]. Дальше мы прочитаем: «История человеческого мышления (когнитивная история) есть наука о человеке мыслящем и творческом, ежеминутно формирующем свою рукотворную, человеческую новую реальность» [2, с. 17–18].

Чтобы знать и понимать историю, необходимы вспомогательные науки. Название «вспомогательная историческая наука» было введено Теодором Сикелем, венским историком второй половины XIX века [21, 32]. Включил он в него исторические дисциплины: хронологию, дипломатику, генеалогию, геральдику, нумизматику, палеографию, сфрагистику. В Польше понятие и объем вспомогательных исторических наук определил Иоахим Лелевель [11, 20].

Вспомогательные науки истории (вспомогательные исторические дисциплины) поддерживающие работу историка [6, 7, 18, 20]. Они помогают историку в понимании источников. Историк в своей исследовательской работе тоже пользуется их результатами и методами. Они позволяют ему пра-

вильно оценить качество источника, осуществить его критику и сравнение с другими источниками. Вспомогательные науки (дисциплины) истории применяются в эвристике и критике источников, то есть на первом этапе работы историка. Их не следует отождествлять с «наукой, поддерживающей историю», предоставляющей неисточниковые знания, привлекая внимание к новым возможностям метода исследования. Эти вторые относятся к дальнейшим этапам работы историка, включая герменевтику и т.н. синтез (в основном объяснение причин и оценок).

Здесь мы подходим ко второму вопросу этой статьи – к знакомству с исследовательской мастерской студентов и даже школьников на уроках истории. Задача исторического образования, как и исторической науки, – познакомить учащихся с историей, т.е. с историческими фактами. Один из способов познания – обучение через открывание. Винсент Оконь, имея в виду Сократа, предлагает на первом этапе познания показать студентам, как мало они знают на данную тему [15, с. 75–79]. Заинтересовав их поиском знаний, он рекомендует перейти ко второму этапу – получению знаний под руководством учителя. Джон Дьюи предлагает соединить познание с действием [4, с. 57]. Обучение должно быть похоже на научный процесс – овладение знаниями может происходить через когнитивную самостоятельность учащихся, которые овладевают исследовательскими умениями. Для этого ученики должны быть активными. Самостоятельный поиск заставляет их задавать проблемные вопросы, формулировать гипотезы, а затем, в результате мыслительного процесса, развивать свои собственные взгляды. Инновационное образование должно формировать историческое воображение учащихся, а также показать им, что история должна быть не только скучной наукой, но и увлекательной.

Школьная система, функционирующая в Польше с 1999 г., способствовала серьёзным изменениям в историческом образовании молодого поколения. В современной дидактике изменился образец преподавания истории. Основное внимание в процессе обучения перенесено с работы учителя на деятельность учеников. Учителя перестали давать готовые знания, зато превратились в проводников, помогающих собирать и обрабатывать знания, приобретённые из разных источников информации и чаще всего из исторических источников. Хотя в польской школе с 1999 г. по 2017 г. два раза менялись программы обучения истории, но не меняются главные основания в сфере приобретения учениками умений. Существующие цели образования в пределах общих требований с 1999 г. были сохранены также в 2017 [16, с. 90–91] и 2018 гг. [17, с. 110] – как в начальной, так и в средней школе. Они включают в себя три навыка: 1. Историческая хронология. 2. Анализ и историческая интерпретация. 3. Создание исторического повествования. Таким образом, ученики в хронологической перспективе узнают историю своей семьи, города, региона, страны, Европы и мира. Анализируют различные источники информации, в том числе исторические источники.

Развитие ученика происходит через развитие способности самостоятельно искать и получать знания. Перечень ожидаемых компетенций включает, среди прочего, практическую способность анализировать различные источники и разнообразные интерпретации исторических событий. Учащийся, окончивший среднюю школу, помимо знаний о прошлом должен приобрести способность собирать, представлять и интерпретировать историческую информацию, должен критически анализировать различные интерпретации фактов и событий и уметь самостоятельно анализировать исторические источники [12, с. 7].

Студент (ученик) изучает не только историю своего города и страны (т.е. Польши), но и историю стран Европы и мира в рамках всеобщей истории. Современное преподавание истории в школе предполагает отход от запоминания информации к пониманию того, что происходило в прошлом, поиску причинно-следственных связей. Уроки истории формируют у ученика историческое мышление. Под руководством преподавателя ученик познает секреты работы историка-исследователя. Развивает исследовательские навыки. Осваивая вспомогательные исторические науки, ученик в рамках ознакомления с мастерской историка постепенно, сначала в начальной, а затем в средней школе, наконец, в университете, работая с историческими источниками, изучает принципы исследования, используемые в генеалогии, геральдике, исторической географии, соблюдает принципы хронологии, исторической демографии, источниковедения, в том числе анализа мемуаров, недавно названных эго-документами [18, с. 65–84].

Учеников и студентов обучают читать материал, неписаные исторические источники. Развиваются навыки создания генеалогических таблиц с основными символами, использования исторических карт и их чтения [5, с. 177–190]. Они узнают о типах гербов в Польше на протяжении всей истории [6, 9, 14, 22]. Они повышают эффективность чтения исторических источников, размещая исторические события во времени и в пространстве. Тем самым приобретают навыки самообразования в области истории и вспомогательных наук.

Историческое познание, согласно с Ежи Топольским, можно понимать как всякое познание прошлого через установление фактов и повествование, конструируемое историком [21, с. 292].

Это историческое познание может быть основано на собственной памяти и наблюдениях, но, прежде всего, оно основано на чужой памяти (участников событий в прошлом), на накопленных научных знаниях или исходных сообщениях (письменных и неписаных). Факты устанавливаются на основании источникового материала. Проведение междисциплинарных исследований дает историкам, а также студентам или ученикам в школе возможности завершения оценки источника, осуществления его критики, и сопоставления разных сообщений источников.

С самых начальных классов ученики знакомятся с мастерством работы историка. По понятным причинам (принимая во внимание перцепционные возможности учеников соответственно их возрасту) это происходит постепенно. Ученики, знакомясь с историей Польши, часто на уроках истории сталкиваются с генеалогией двух польских династий (Пястов и Ягеллонов). С генеалогией встречаются (хотя уже в меньшей степени) обсуждая историю Англии, Франции или России. Именно тогда имеют возможность ближе ознакомиться н.п. со степенью родства в царствующих династиях. Прежде чем это, однако, наступит – на уроках истории в основной школе в четвёртом классе сами создают генеалогическое дерево своей семьи.

Обращение к личным документам при передаче исторических знаний имеет определенную традицию в польских школах. В польской литературе существуют различные определения значения личного документа как источника в научных исследованиях. Они говорят о познавательной ценности в научных исследованиях, а также об их образовательной ценности и использовании в области дидактики. Значение мемуарной литературы в дидактике отмечали, в частности, Ежи Матерницки [13, с. 220] и Барбара Кубис [10, с. 97–122]. Признаком интереса к дневникам в преподавании истории является то, что школьные учебники содержат короткие отрывки из дневников Яна Хризостома Пасека, Енджея Китовича и других авторов. Это, в свою очередь, стимулирует интерес учеников (студентов) к обращению к дневникам современных политиков или творцов искусства. Следовательно, это шаг для обращения к дневникам членов собственной семьи.

Ознакомление с прошлым, согласно общему плану обучения, ученики начинают с заинтересованности прошлым и с чувства принадлежности к семейной группе, местному коллективу, этнической группе, народу, государству, европейскому и мировому обществу. Это должно быть странствие из родного дома и местности, через гмину, регион и Польшу в Европу и мир. Предусматривается, что ученики научатся искать нужную им информацию в разных источниках, а при этом будут уметь н.п. нарисовать генеалогические дерево своей семьи.

Ученики осознают, что каждая семья имеет свою историю, и она составляет маленькую часть истории Польши и мира. На первых уроках истории в польской основной школе реализуются темы: «Семья и её история», «Наши предки» или «Моя маленькая история». Последствием этих тем является возникновение генеалогического дерева семьи ученика. Чаще всего это деревья, вмещающие 2, 3, редко 4 поколения. При случае черчения генеалогических древ своих семей ученики создают схемы родства и свойства. Для этих древ ученики ищут семейные реликвии, а также как можно больше информации о жизни и деятельности н.п. дедушки или бабушки.

К проблеме генеалогии возвращаются ученики в общеобразовательном лицее (им тогда 15 лет). Здесь работа над созданием генеалогического древа собственной семьи продолжается. Иногда учителя связывают эту работу с изучением истории региона. Ученики первого класса лицея разрабатывают древо семьи состоящей из многих поколений. Знакомятся с принципами размещения в шаблоне древа супругов, узнают, что значит семья «по женской линии» или «по мужской линии» [3, с. 48–71]. Для такого древа своей семьи создают портфолио с первоисточниками, касающимися отдельных членов семьи. Такая работа имеет результатом заинтересованность судьбой собственной семьи, а также облегчит работу на уроках истории, когда ученикам придётся анализировать историю королевских родов. На дополнительных уроках вводятся элементы геральдики, которую ведь можно также связать с гербами родов (предков некоторых учеников) или также гербами правивших н.п. в Польше.

Подытоживая, подчеркнем, что не надо бояться вводить генеалогию, геральдику или анализ мемуаров и эго-документов с самых молодых лет на уроках истории. Необходимо, однако, вводить это постепенно и умело, а работа эта у старшеклассников в средней школе (т.е. в лицее или колледже) принесёт существенную пользу. Однако с другой стороны нужно помнить о соблюдении пропорциональности в реализации вышеуказанных вопросов по сравнению с остальными проблемами, затрагиваемыми на уроках истории. Нельзя также обращаться к генеалогии (именно в младших классах) слишком профессионально – это может принести другие последствия.

1. Мареш, Т. Историческое познание или историческое мышление? / Т. Мареш // Диалог со временемю Альманах интелектуальной историию – 2013. – Вып. 44. – С. 62–68.
2. Медушевская, О. М. Теория и методоллогия когнитивной истории / О. М. Медушевская. – Москва : Изд-во РГГУ, 2008. – 361 с.

3. Cetwiński, M. Kryterium chronologiczne i zagadnienia pokrewne w genealogii / M. Cetwiński // Genealogia – problemy metodyczne / red. J. Hertel. – Toruń : Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 1982. – S. 48–71.
4. Dewey. Jak myślimy / J. Dewey. – Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1988. – 275 с.
5. Dworzaczek, W. O badaniach genealogicznych nad dawną rodziną / W. Dworzaczek // Społeczeństwo staropolskie. Studia i szkice. – T. II / red. A. Wyczański. – Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1979. – 337 с.
6. Gajl, T. Nowy Herbarz Polski / T. Gajl. – Gdańsk : Gdański Kantor Wydawniczy ; Gdynia : Wydawnictwo Latarnia, 2016. – 647 с.
7. Gieysztor, A. Zarys nauk pomocniczych historii. – T. 1–2 / A. Gieysztor. – Warszawa : Akademicka Spółdzielnia Wydawnicza, 1948. – 344 с.
8. Ihnatowicz, I. Nauki pomocnicze historii XIX i XX wieku / I. Ihnatowicz. – Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1990. – 201 с.
9. Korczyński, G. Herbarz szlachty polskiej / G. Korczyński. – Bielsko-Biała : Wydawnictwo Dragon, 2013. – 159 с.
10. Kubis, B. Poznawcze i kształcące walory literatury dokumentu osobistego / B. Kubis. – Opole : Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2007. – 321 с.
11. Lelewel, J. Nauki dające poznawać źródła historyczne / J. Lelewel. – Wilno : Józef Zawadzki, 1822. – 26 с.
12. Maresz, T. Wpływ tekstów historycznych na rozwój myślenia historycznego uczniów / T. Maresz. – Bydgoszcz : Wydawnictwo Akademii Bydgoskiej, 2004. – 182 с.
13. Maternicki, J. Materiały autobiograficzne i ich funkcja poznawcza i dydaktyczna / J. Maternicki. // J. Maternicki. Historia i wychowanie. – Warszawa : Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 1990. – 277 с.
14. Niesobski, M. Popularny herbarz rodzin i rodów polskich / M. Niesobski. – Tychy : KADEMM, 1994. – 172 с.
15. Okoń, W. Podstawy kształcenia ogólnego / W Okoń. – Warszawa : Wydawnictwo Szkolne i Pedagogiczne, 1987. – 344 с.
16. Rozporządzenie Ministra Edukacji Narodowej z dnia 14 lutego 2017 r. w sprawie podstawy programowej wychowania przedszkolnego oraz podstawy programowej kształcenia ogólnego dla szkoły podstawowej, w tym dla uczniów z niepełnosprawnością intelektualną w stopniu umiarkowanym lub znacznym, kształcenia ogólnego dla branżowej szkoły I stopnia, kształcenia ogólnego dla szkoły specjalnej przysposabiającej do pracy oraz kształcenia ogólnego dla szkoły policealnej. Dz. U. 2017 poz. 356.
17. Rozporządzenie Ministra Edukacji Narodowej z dnia 30 stycznia 2018 r. w sprawie podstawy programowej kształcenia ogólnego dla liceum ogólnokształcącego, technikum oraz branżowej szkoły II stopnia. Dz. U. 2018 poz. 467.
18. Semkowicz, W. Encyklopedia nauk pomocniczych historii (wyd. 2) / W. Semkowicz. – Kraków : Universitas, 2011. – 269 с.
19. Szulakiewicz, W. Ego-dokumenty i ich znaczenie w badaniach naukowych / W. Szulakiewicz // Przegląd Badań Edukacyjnych 2013. – T. 1. – 65–84 с.
20. Szymański, J. Nauki pomocnicze historii / J. Szymański. – Wyd. 5. – Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 2005. – 762 с.
21. Topolski, J. Metodologia historii / J. Topolski. – Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1973. – 475 с.
22. Znamierowski, A. Herbarz rodowy : kompendium / A. Znamierowski. – Warszawa : Świat Książki, 2004. – 334 с.

Дружинина Ю. В., Бехтенова Е. Ф.

АГИТАЦИОННЫЙ ТЕКСТИЛЬ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК НА УРОКАХ ИСТОРИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ВОПРОСОВ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СССР В 1920–1930-Е ГОДЫ

В настоящее время у учителя имеются широкие возможности в выборе средств обучения, которые он может привлекать на уроках истории при организации познавательной деятельности школьников. Однако педагогу всегда необходимо помнить, что средство обучения должно отвечать, ряду требований. Во-первых, средство обучения должно соответствовать проблеме урока и способствовать раскрытию основных содержательных линий темы. Во-вторых, отвечать уровню развития исторических умений школьников, одним из которых является анализ исторических источников. В-третьих, исторический источник должен быть интересен современному школьнику, который воспринимает и извлекает информацию из визуальных материалов не менее продуктивно, чем из текстовых. В-четвертых, предложенный для анализа исторический источник должен способствовать формированию ценностного отношения современных учеников к прошлому, к наследию, оставшемуся нам от предков. И, наконец, исторический источник должен способствовать формированию эстетического вкуса у обучающихся. Всем этим требованиям, на наш взгляд, отвечает агитационный текстиль. Его можно использовать на школьных уроках как средство обучения и как исторический источник.

В связи со всем вышеперечисленным, цель данной статьи – охарактеризовать потенциал агитационного текстиля как исторического источника и предложить методику организации познавательной деятельности школьников с ним при изучении вопросов социально-экономической истории СССР 1920–1930-х гг.

Отметим, что в настоящее время агитационный текстиль уже неоднократно привлекался исследователями-историками в качестве источника при изучении истории советского государства 1920–1930-х гг. (Н. П. Бесчастнов, Д. Г. Ткач, М. А. Блюмин, Г. Карева, Н. Лебина, А. И. Миндорина, И. В. Хомякова, Л. В. Цаценко, Н. А. Цаценко и др.). При организации изучения школьниками советской истории 1920–1930-х гг. на основе такого исторического источника, как агитационный текстиль, педагогу важно учитывать замечания исследователей Н. П. Бесчастнова и Д. Г. Ткача о том, что «это явление не было рождено по заказу партийных лидеров, а явилось продуктом деятельности оптимистически

настроенной творческой молодежи, верившей в светлое будущее своей Родины» [1, с. 11]. Ученые отмечают, что агитационный текстиль стал продуктом деятельности советской власти по созданию принципиально иных, отличных от досоветской России, орнаментов, рисунков на ткани, из которой бы шили предметы одежды, элементы интерьера, граждане молодого советского государства. Таким образом, агитационный текстиль должен был способствовать формированию новой предметной среды, окружающей жителя страны: «Подъёмные краны, станки, паровозы, снопы и созидающие фигуры постоянно сопровождали формирующуюся советскую особь, вовлекая её во вращающийся механизм новой жизни» [4, с. 8].

Исследователем И. В. Хомяковой отмечено, что «в поисках решения проблемы развития текстиля Общество художников-текстильщиков при участии Главискусства и Всесоюзного текстильного синдиката в конце 1928 г. организовало выставку "Бытовой советский текстиль„» [6, с. 412]. Именно на этой выставке оформилось понимание того, что рисунки, выполненные художниками-авангардистами, перенесенные на ткань, могут стать мощным орудием пропаганды и агитации среди населения, способствовать формированию у граждан осознания необходимости преобразовательных процессов в стране [6, с. 413]. С этого времени началась триумфальная, хоть и короткая, история агитационного текстиля.

Отметим, что, как и любой исторический источник, агитационный текстиль на уроках истории важно рассматривать в комплексе с другими источниками информации: фотографиями людей изучаемого исторического периода, материалами из журналов и газет, фильмами, воспоминаниями и др.

Используемые в нашей работе иллюстрации агитационного текстиля были заимствованы из альбома ивановских музейных агитационных тканей, текстильных рисунков и эскизов к ним [3].

Обращение к агитационному текстилю как визуальному источнику важно ещё и потому, что подобного рода источники «являются ценными источниками по истории идей, общественных настроений, просвещения, повседневности, **своего времени**» [5, с. 17]. Таким образом, текстильный рисунок дает новые возможности диалога между людьми разных эпох: 1920-е гг. – 2020-е гг. Агитационный текстиль может быть удачно и логично привлечен на уроке истории как исторический источник при изучении вопросов социально-экономического развития советского государства в 1920–1930-е гг.

Ивановский агитационный текстиль содержит множество изображений, отражающий этот важный для развития страны процесс. Так, среди образцов агитационного текстиля и текстильных рисунков встречаются многочисленные изображения фабрик и фабричных корпусов, заводов, молотов и наковален, шестерёнок, вращающихся деталей, производственных мотивов и т. д., свидетельствующие о развитии промышленности в СССР в изучаемый период. Не менее популярными были сюжеты, посвященные развитию сельского хозяйства в этот период. На изображенных на тканях рисунках присутствуют трактора, серпы, механическая уборка хлопка, жнейки, новая деревня, рожь, цветы хлопка, амбары, пчеловодство и т. д. – элементы и символы таких масштабных процессов в стране как индустриализация и коллективизация.

Образ социальной жизни на тканях воплотился в изображениях демонстраций, праздников, спортивной жизни, трудовой деятельности мужчин и женщин. Нашло отражение в текстильных рисунках такое направление политики государства, как борьба с неграмотностью, всеобщее обучение.

Отметим, что мы уже обращались к вопросу об использовании агитационного текстиля как исторического источника на уроках истории. В ней был предложен универсальный алгоритм анализа агитационного текстиля на уроках истории, который также может быть использован при работе на уроке истории с агитационным текстилем при изучении социально-экономической истории СССР 1920–1930-х гг. [2, с. 58–63].

В данной работе предложен примерный алгоритм работы школьников с агитационным текстилем по изучению вопросов социально-экономического развития СССР в 1920–1930-е гг.

Учащимся предлагается подборка агитационного текстиля по теме.

1. *Охарактеризуйте агитационный текстиль, как исторический источник изучаемого исторического периода. Обратите внимание, что он сочетает в себе черты вещественного и визуального источника информации.*

2. *Расскажите, какие фигуры, символы изображены на текстиле. Легко ли их идентифицировать? Прочитайте текст учебника и ответьте, насколько образы, которые представлены на агитационном текстиле, отражают ситуацию развития промышленности и сельского хозяйства в стране в изучаемый период?*

При работе на уроке над вопросом о развитии промышленности в 1920–1930-х гг. школьникам можно предложить фрагмент ситцевой ткани «Фабрика» (художник С. П. Бурылин, 1930 г.) (рис. 1). При работе с этим историческим источником можно акцентировать внимание учеников

на то, что повторяющиеся рисунки создают впечатление о масштабных преобразованиях, происходящих в промышленности, подчеркивают многочисленность промышленных предприятия, а дымящиеся трубы свидетельствуют о бесперебойной работе производства. Подъемные краны на тканях могут символизировать непрекращающееся строительство новых фабрик и заводов, создание новой, обеспеченной благами жизни.

При характеристике развития сельского хозяйства в исследуемый период рекомендуем продемонстрировать школьниками изображение сатиновой ткани «Механическая уборка хлопка» (художник С. П. Бурылин, 1930 г.) (рис. 2). Иллюстрация, на наш взгляд, должна поспособствовать формированию понимания у школьников того, что автор текстиля хотел показать преобразовательные процессы, начавшиеся в деревни, которые можно было выразить посредством изображения на ткани механических способов осуществления сельскохозяйственной деятельности.

При изучении со школьниками вопроса об экономическом развитии советского государства, можно акцентировать внимание на то, что разработчики текстильных рисунков нередко стремились подчернить важность единения сельского хозяйства и промышленности для того, чтобы страна достигла максимального процветания. Данную идею можно наблюдать на рисунке ситца «Серп и молот» (художник С. П. Бурылин, 1924–1925 г.) (рис. 3).

Рисунок 1

Рисунок 2

Рисунок 3

Рисунок 4

3. Предположите, при каких обстоятельствах был создан предложенный вам для анализа фрагмент агитационного текстиля. Что вам известно об авторе этого исторического источника (если он указан)? Как вы считаете, оказывали ли возраст, гендерные характеристики, увлечения автора на выбор изображаемых им образов, символов и фигур на текстиле, посвященном развитию социальной жизни, промышленности и сельского хозяйства в советском государстве? Аргументируйте свой ответ.

4. Как бы вы назвали рисунок? Предположите, почему автор именно так назвал свое произведение? Совпало ли ваше видение с вариантом названия рисунка автором? Поясните свое суждение.

5. Как вы думаете, почему рисунок агитационной ткани, посвященный развитию социальной жизни, промышленности и сельского хозяйства в изучаемый период, был выполнен художником-авангардистом?

6. Предположите, кто являлся адресатом текстиля? Доступен ли был для понимания адресата изображаемый рисунок? Какие он мог сделать (и мог ли сделать?) выводы об уровне развития

промышленности и сельского хозяйства в советском государстве в 1920–1930-х гг. ? Аргументируйте свой ответ.

7. Из предложенных текстильных рисунков выберите те, которые, по вашему мнению, наиболее ярко характеризуют процессы, происходившие в общественной жизни, в промышленности и сельском хозяйстве в 1920–1930-х гг. Прокомментируйте свой выбор.

8. Как вы думаете, почему агитационный текстиль является историческим источником по изучению социальной жизни, промышленности и сельского хозяйства советского общества 1920–1930-х гг. ? Поясните.

9. Охарактеризуйте авторский корпус художников, создавших эскизы предложенных вам образцов агитационной ткани. Почему у некоторых образцов агитационного текстиля и эскизов к текстилю, не сохранилась информация об авторах? Поясните свой ответ.

10. Проанализируйте предложенные вами изображения агитационного текстиля. Какие аспекты общественной жизни нашли отражение в изображениях? Почему именно они нашли отражение на текстиле? Подберите исторические источники других видов (фрагменты газетного или журнального текста, воспоминаний, нарезок из фильмов, фотографий и т. д.) подтверждающие ваши выводы.

Для того, чтобы школьники смогли выполнить это задание, им можно предложить фрагменты сатина «Шагающие пионеры» (художник М. В. Хвостенко, конец 1920-х – начало 1930-х) (рис. 4), ситца «Международный женский день» (художник Д. Н. Преображенская, 1930 г.) (рис. 5), «Демонстрация» (неизвестный художник, 1929 г.) (рис. 6), фланели «Долой неграмотность» (художник А. С. Медведев, рисовальщик Р. Г. Матвеева. 1930 г.) (рис. 7).

Следует обратить внимание школьников, что в агитационном текстиле воплотились такие аспекты жизни советского государства изучаемого периода, как популяризация спорта и идей о необходимости сохранять безопасность страны. Эти идеи нашли воплощение на фланели «Красноармейцы на лыжах» (художник Д. С. Лехтман-Заславская, рисовальщик П. Н. Нечваленко, 1930) (рис. 8).

Рисунок 5

Рисунок 6

Рисунок 7

Рисунок 8

11. Сделайте собственную подборку агитационного текстиля. Проанализируйте изображение на нем. Назовите, какие аспекты жизни общества, отрасли промышленного и сельскохозяйственного производства нашли отражение в этих исторических источниках. Как вы думаете, почему эти сюжеты наиболее часто изображались на текстиле? О чем это свидетельствует?

12. Создайте свой эскиз текстильного рисунка, посвященного жизни общества, промышленности и сельскому хозяйству 1920–1930-х гг. Что бы вы предложили сшить из него? Поясните свой замысел.

13. Как вы думаете, какую идеологическую функцию выполнял текстильный рисунок?

14. Какие чувства, настроения, ассоциации вызвал у вас текстильный рисунок? Почему?

15. Разработайте / выскажите идеи текстильного рисунка, отображающего основные черты нашего времени. Можно ли утверждать, что сегодня текстиль отображает современность, веяния, изменения эпохи? Если да, приведите примеры.

Отметим, что нами предложен алгоритм максимально подробного анализа агитационного текстиля на уроках истории. В зависимости от замысла урока, от тех акцентов, которые расставляет учитель в изучаемой теме, задания могут быть предложены ученикам в иной последовательности, дополняться или исключаться.

Таким образом, работа школьников с агитационным текстилем на уроках истории, на наш взгляд, способствует расширению представлений школьников о социально-экономическом развитии Советского государства в 1920–1930-е годы. Организация работы школьников при изучении истории в школе с агитационным текстилем способствует развитию аналитических умений и умений совершать перекрестную проверку исторических источников разных видов. У школьников продолжает формироваться историческое и критическое мышление, повышается интерес к исторической науке и исследовательской деятельности. Кроме того, у учеников формируется ценностное отношение к прошлому своей семьи, страны, и, как следствие, идет формирование собственной идентичности.

1. Бесчастнов, Н. П. Российский агиттекстиль 1920–1930 гг. Формирование стиля и особенности проектирования / Н. П. Бесчастнов, Д. Ткач // Дизайн и технологии. – 2018. – № 64 (106). – С. 11–16.
2. Бехтенова, Е. Ф. «Серп и молот, звезды и шестерёнки, колосья и ракеты…»: агитационный текстиль 1920–1930-х годов на уроках истории / Е. Ф. Бехтенова, Ю. В. Дружинина // Преподавание истории в школе. – 2020. – № 8. – С. 58–63.
3. Ивановский агитационный текстиль: рождение и жизнь, дизайн и производство, утраты и музеефикация: Альбом ивановских музейных агитационных тканей, текстильных рисунков и эскизов к ним / [авт. ст. : К. Акинша и др.]. – Москва : [б. и.], 2010. – 303 с.
4. Кублановская, Н. Бенефис агитационного текстиля / Н. Кублановская // 100 % Иваново: агитационный текстиль 1920-х – 1930-х годов из собрания Ивановского государственного историко-краеведческого музея им. Д. Г. Бурылина / [авт. ст. : Константин Акинша и др.]. – Москва : Первая публикация, 2010. – 304 с.
5. Стрелова, О. Ю. Столетие российской революции 1917 года и актуальные проблемы исторического образования школьников (2-я часть) / О. Ю. Стрелова // Преподавание истории в школе. – 2018. – № 1. – С. 17.
6. Хомякова, И. В. «Культурная революция» в сюжетике орнамента советского текстиля 1920–1930-х гг. / И. В. Хомякова // XLVI Огарёвские чтения : материалы науч. конф., 6–13 декабря 2017 г. : в 3 ч. / Саранск. Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва ; П. В. Сенин. – 2017. – С. 412–418.

РАЗДЕЛ 2
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ

Воробьёв П. А.

ВИЗАНТИЙСКОЕ НАСЛЕДИЕ В ТРУДАХ АФАНАСИЯ ФИЛИППОВИЧА И СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО

К началу XVI в. появилась, а в XVII в. в Великом княжестве Литовском получила широкое распространение идея о происхождении шляхты от древнеримского патриция Палемона. В это же время в Московском царстве стала популярной легенда о происхождении династии Рюриковичей от римского императора Августа. Также приобрела официальный статус концепция «Москва – Третий Рим», призванная свидетельствовать о духовно-православной преемственности Русской церкви с раннехристианской апостольской церковью и политической преемственности Московского государства от Византийской империи. Это свидетельствует об актуальности проблематики наследования римской и византийской государственности в общественно-политической мысли восточных славян. И если этой проблематике в отношении Московского государства посвящена обширная историография, то вопросу о рецепции государственного наследия Рима и Византии на землях Великого княжества Литовского и Речи Посполитой (с 1569 г.) до сих пор уделялось недостаточно внимания.

Целью предлагаемой статьи является выявление и сравнение рецепции византийского наследия в произведениях мыслителей белорусского происхождения – Афанасия Филипповича (ок. 1597 – 1648 г.) и Симеона Полоцкого (1629–1680 гг.) – в контексте их биографий. Под «элементами византийского наследия» мы понимаем «греческую составляющую» в типе образованности мыслителей; их обращение к государственной и церковной византийской истории, церковному единству Руси с Константинопольскими патриархами; их внимание к преемственности власти отдельных правителей восточнославянских земель с византийскими императорами, к турецкой угрозе и судьбе Константинополя.

Афанасий и Симеон – представители «черного» православного духовенства Речи Посполитой; вероятно они некогда окончили Виленскую иезуитскую коллегию, владели греческим и латинским языками. В условиях доминирования на белорусских землях католицизма и униатства над православием они испытывали определенные симпатии к московским царям из династии Романовых. Жизнь Афанасия прошла под знаменем борьбы с униатством за восстановление положения православной Киевской митрополии. Открытый к науке и латиноязычной литературе Симеон навсегда переехал в Москву (1664), где стал придворным поэтом и педагогом.

Афанасий оставил потомкам свою автобиографическую полемическую повесть «Диариуш», в которой собрал свои произведения за 1638–1646 гг. и объединил их вставками [1, с. 596]. В своей работе мы воспользовались текстом «Диариуша» из публикации белорусского филолога А. Ф. Коршунова [3]. С творчеством Симеона, в котором отражена реакция поэта на важнейшие события из жизни московского правящего дома, мы познакомились благодаря изданию российского филолога И. П. Еремина [7].

Одним из элементов византийского наследия является «греческая составляющая» в типе образованности названных мыслителей. Симеон свободно переводил с греческого языка, в московский период своей жизни работал переводчиком при газском митрополите Паисии Лигариде. Он выступал за сохранение греческого языка в русской практике преподавания, однако предпочтение отдавал языку латинскому, тесно связанному с европейскими литературными и научными достижениями [7, с. 228]. О позиции Афанасия из-за нехватки биографических сведений говорить трудно. Из «Диариуша» известно, что согласно королевской грамоте Сигизмунда III (1592) связанное с судьбой Афанасия брестское братство наделялось правом иметь школу с изучением греческого, латинского, польского и русского языков [3, с. 114].

Афанасий до принятия монашества некоторое время служил у канцлера Великого княжества Литовского Льва Сапеги в качестве домашнего учителя Яна Фаустина Лубы, которого политические круги Речи Посполитой прочили в московские цари как «внука» Ивана IV Грозного. Афанасий некоторое время не знал о ложном статусе «наследника престола», поэтому серьезно относился к делу его воспитания [1, с. 589]. Позже, уже будучи иеромонахом, в 1638 г. Афанасий на короткое время оказался в Москве. Встретиться с царем Михаилом Федоровичем, которого желал убедить «в необходимости военного вмешательства в дела Речи Посполитой», Афанасию не удалось [4, с. 325]. Там же Афанасий собрал пожертвование и передал для царя сведения о Лубе.

В рамках рассматриваемой нами проблематики представляет интерес позиция Афанасия в полемике против унии. Он указывает на изначальное равенство духовной власти «связывать» и «разрешать» папы римского с восточными патриархами константинопольским, антиохийским,

александрийским и иерусалимским [3, с. 138]. В связи с отпадением папы римского от «истинной греческой» веры Афанасий ставит под сомнение легитимность процедуры посвящения новых пап, так как не могут нижестоящие кардиналы поставлять вышестоящего, равно как сыновья не могут «родить себе отца». Легитимной для Афанасия является практика поставления православных патриархов равными между собой [3, с. 146–147]. Место папы римского в ряду пяти патриархов, по мнению полемиста, занял патриарх московский [3, с. 167].

Крещение Руси, принятое от патриархата константинопольского («Нового Рима») при князе Владимире Святославиче, Афанасий изображает как начало Русской церкви и исторический выбор в пользу восточного христианства, подтверждаемый «греческим влиянием» в богослужении, славянской письменности, летописании и праве [3, с. 138, 157]. Афанасий также вспоминает о крещении киевской княгини Ольги (которую называет «московкой»), в чем прослеживается идея прямой политической преемственности царей московских от великих князей киевских. Также и в поэзии Симеона, но в условиях, когда Киев уже был частью Московского царства, присутствует идея этой преемственности московского царя Федора Алексеевича от киевского князя Владимира [3, с. 158; 7, с. 128].

Симеон использует положительный образ князя Владимира в паре с образом византийского императора Константина Великого, когда в поэтической форме призывает московского царя («царя восточного») Алексея Михайловича распространять православие (1660) [7, с. 97–98]. В обращении к царю Федору Алексеевичу Симеон как бы уточняет, и призывает государя для церкви быть «вторым Константином», а для царства «новым Владимиром», подражать и других великим мужьям [7, с. 111].

Афанасий использует образ Константина («первого христианского греческого царя») как положительный пример участия правителя в разрешении церковных вопросов на Первом вселенском соборе [3, с. 149]. В «Диариуше» Константин упоминается и в контексте истории обретения его матерью царицей Еленой Креста Господня [3, с. 163]. Предположим, что история обретения призвана была перед королем Речи Посполитой Владиславом IV засвидетельствовать особое божье благоволение к семье правоверного византийского императора, духовными наследниками которого были великие князья киевские после принятия ими христианства, а также московские цари. «Знамя креста» в поэзии Симеона выступает в том числе как духовное орудие победы Константина над Максенцием в 312 г. [7, с. 134–135].

Историей про византийскую императрицу Феодору, которая вымолила своего мужа, императора-иконоборца Феофила, Афанасий оперирует в контексте призыва к королю Владиславу ликвидировать Брестскую унию и попросить у православных патриархов молитв за упокой души Сигизмунда, который, по мнению полемиста, утвердив унию, тяжко согрешил [3, с. 164].

Афанасий не оставил без внимания и Флорентийский униатский собор, который мыслитель характеризует как «злой собор». По его мнению, собор усугубил разрыв между «греками» и «римлянами», православными и католиками, так как во время его проведения было убито много греков, несогласных с унией. Усугубление «разрыва» проявилось и в открытии латинянами иноверным туркам прохода «до Греции» [3, с. 150–151]. Брестский униатский собор Афанасий воспринимает уже как фактор разделения «Руси» и источник беспорядка в Речи Посполитой [3, с. 128, 140].

Участие в работе Флорентийского собора византийского императора Иоанна VIII, представителей Великого княжества Литовского и прочих государств Афанасий оценивает положительно, так как этот пример хорошо укладывался в его призывы в адрес короля вмешаться в дела церковные и ликвидировать унию. Согласно логике полемиста, уния – явление экстраординарное, в обычной же ситуации королю о вере подданных судить «не надлежит» [3, с. 140, 151].

В придворной поэзии Симеона явное разграничение порядка духовного и светского, присущее тексту «Диариуша», отсутствует. В большей степени в творчестве Симеона прослеживается другое – отождествление московского царя с государством, отраженное в рамках идеи о просвещенном правителе, который поэтом противопоставляется правителю-тирану [см. : 7, с. 16, 234]. Также у Симеона присутствует мысль, что сам Бог вместо себя Федора Алексеевича поставил на Российское царство [7, с. 156]. По логике поэта, это накладывает на царя обязанность «мудро править» и «православную веру расширять», наделяет царя правом распоряжаться жизнью непокорных подданных, «зло творящих» и «законов божьих не знающих» [7, с. 145].

«Знамя креста» Симеон использует не только в рамках истории победы Константина над Максенцием, но также как, по верному замечанию российского филолога Л. И. Сазоновой, как божественное орудие будущей победы царя Федора над турками [6, с. 27; см. : 7, с. 113, 134]. Османская империя действительно в 1670-х гг., в период активного творчества поэта, представляла большую угрозу для современных украинских земель, являвшихся зоной особых политических интересов Москвы [см., напр. : 8]. Турок Симеон именует «общим врагом рода христианского» [7, с. 126].

Афанасий власть турок-мусульман над христианами воспринимает также как «неволю», однако в контексте своего обращения к королю Владиславу мыслитель «турецкую неволю» изобра-

жает как несущую в себе для православных больше свободы, нежели политика руководства Речи Посполитой («панства христианского») в отношении собственного православного населения после введения унии 1596 г. [3, с. 130].

Далее Афанасий вспоминает, что в польском Кракове он подвергся оскорбительным выражениям «турко-гречин» и «схизматик» [3, с. 135]. Можно предположить, что подчинение турецкому султану константинопольского патриарха, под юрисдикцией которого тогда находилась Киевская митрополия, в глазах части католиков лишний раз подтверждало «раскольнический статус» православных, «утративших» благоволение от Бога и папы римского.

Симеон высказывает царю Федору пожелание, чтобы тот покорил некоего таинственного гордого греческого царя, поэтически изображенного под десятым знаком зодиака в виде горного козла. Он призывает Федора отвоевать у турок Константинополь, «престольный град греческий», и взять его в свои «христианские руки», о чем и «воссылает молитвы». Призыв к царю Федору подчинить также и «скифские страны» звучит как просьба реализовать замыслы своего предшественника, царя Алексея Михайловича. Поэт не только излагает идею духовного преемства Федора от императора Константина, но прямо заявляет о прямой политической преемственности: «буди [царь Федор – *П. В.]* стяжатель купно и державы [Константина – *П. В.]*» [7, с. 127–128].

Таким образом, Симеон высказывает идеи духовного и политического преемства московского царя Федора от византийских императоров, права царя на Константинополь, призвания крестить («просветить») турок [7, с. 132]. Наряду с «греческой составляющей» в типе образованности Афанасия Филипповича и Симеона Полоцкого, в их трудах византийское наследие проявило себя и в церковном, и в государственном аспектах. В произведениях присутствуют положительные образы византийского императора Константина Великого, его матери царицы Елены, императрицы Феодоры, отчасти и Иоанна VIII Палеолога. Факт крещения Руси используется для подтверждения особой духовной связи Русской церкви с патриархами «Нового Рима» в противовес притязаниям на русские земли со стороны папы «Рима Старого».

1. Афанасій Філіповіч // Гісторыя беларускай літаратуры XI–XIX стагоддзяў : у 2 т. – Т. 1 : Даўняя літаратура: XI – першая палова XVIII стагоддзя. – Мінск : Бел. навука, 2006. – С. 586–611.
2. Дзярнович, О. И. Сны о Византии? Место цивилизационного и культурного наследия Византии в регионе Пограничья Центрально-Восточной Европы / О. И. Дзярнович, В. Бырлэдяну, Л. Тимошенко. – Вильнюс : ЕГУ, 2014. – 330 с.
3. Коршунов, А. Ф. Афанасий Филиппович: жизнь и творчество / А. Ф. Коршунов. – Минск : Наука и техника, 1965. – 183 с.
4. Мысліцелі і асветнікі Беларусі : энцыкл. даведнік / рэдкал.: Б. І. Сачанка (гал. рэд.) [и инш.]. – Мінск : БелЭн, 1995. – 671 с.
5. Преподобномученик Афанасий, игумен Брестский // Мельников, А. А. Путь непечален: исторические свидетельства о святости Белой Руси. – Минск : Издание Белорусской Православной Церкви Московского Патриархата, 1992. – С. 205–216.
6. Сазонова, Л. И. К истории создания «Рифмологиона» Симеона Полоцкого / Л. И. Сазонова // Славяноведение. – М. : Наука. – 2011. – № 2. – С. 19–35.
7. Симеон Полоцкий. Избранные сочинения / подг. И. П. Еремина. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1953. – 281 с.
8. Флоря, Б. Н. Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672–1681 гг.) / Б. Н. Флоря // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. – Ч. 11. – М. : Памятники исторической мысли, 2001. – С. 108–148.

Маловичко С. И.

БОЛЬШАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ В СТРУКТУРЕ ФОРМ ИСТОРИЧЕСКИХ НАРРАЦИЙ XVIII В.[1]

В XVIII в. в исторической культуре Европы формируется современная структура исторического знания, которая будет трансформироваться в исторических культурах XIX и XX вв. Кроме научных статей она включала [историческое] описание (Description, Beschreibung), записки (Notes, Notizen), начертание (очерк) (Abriß), опыт (Essai, Essay, Versuch)и др.

Помимо указанных форм историописания, особую роль выполняла многотомная история – *большая история* («большой нарратив») о национальном прошлом. Такая история многими своими чертами отличалась от национально-государственных нарративов XIX в. – первыми опытами которых стали многотомные «История швейцарской конфедерации» И. Мюллера и «История государства российского» Н. М. Карамзина.

Современными историками признается отличие больших национальных историй XVIII в. от национально-государственных нарративов, но в историографии как большие национальные истории, таки национально-государственные нарративы традиционно называют «национальной ис-

[1]Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19–18–00186 «Культура духа» vs «Культура разума»: Интеллектуалы и Власть в Британии и России в эпоху Перемен (XVII-XVIII вв.).

торией» (иногда в структуре исследований «национальная история»XVIII в. отделяется от «национальной истории» XIX в. [см., напр. : 10, p. 28–79, 80–139]).

Не все историки согласны с расширительным толкованием понятия «национальная история», например, Л. П. Репина проекты о национальном прошлом XVIII в. назвала «государственно-историческими» [5, с. 77–78], а А. Лиакос дал им название «преднациональной истории» [14, p. 316]. Мне представляется вполне корректным называть последнюю «большой национальной историей», что позволяет не смешивать ее с национально-государственным нарративом XIX в. Иногда– для удобства – я буду использовать понятие «полная история»– именно так в начале XVIII в. ее назвал кн. Ф. А. Куракин, а затем В. Н. Татищев и уже во второй половине века в «Опыте исторического словаря русских писателей» Н. И. Новиков [1, кн. 1, с. 42; 7, кн. 1, с. 30; 3, с. 250].

Об отличительных чертах больших национальных историй и национально-государственных нарративов XIX в. мне уже приходилось писать [4, с. 169–170]. Задачей данного исследования является выявление признаков, позволяющих выделить эту форму историописания как вид историографических источников из других видов исторических произведений, присутствовавших в культуре XVIII в.

Исследование проведено в предметном поле источниковедения историографии, востребующее метод источниковедения для изучения истории исторического знания в междисциплинарном пространстве интеллектуальной истории.

Историографическими источниками для исследования выбраны большие национальные истории XVIIIв. российских авторов: В. Н. Татищева, Ф. А. Эмина и кн. М. М. Щербатова, британских: Д. Юма и У. Робертсона, немецких: Х. фон Бюнау, К. Ф. Паули и М. И. Шмидта, французского: П. Ф. Велли.

В XVIII в. в иерархии видов исторических повествований первой признавалась «всеобщая» или «универсальная» история («Histoire générale. Histoire universelle») после которой следовала история «частная» («Histoire particulière»), включавшая разные объекты исторической рефлексии, в том числе национальную историю [12, vol. 1, p. 878; 6, ч. 3, стб. 317–318].

Ответом авторов больших национальных историй стало использование риторических приемов, возвышающих статус «своей» истории перед читателем («всякому народу и области знание своей собственной истории и географии весьма нужнее, нежели посторонних» (В. Н. Татищев), «самым достойным для изучения вдумчивым человеком является история отечества» (П. Ф. Велли) [7, кн. 1, с. V; 20, vol. 1, p. IX]), актуализация авторами значимости отечественной истории «для пользы общественной» (Ф. А. Эмин) [9, т. 1, с. V, XXVII]или, например, сравнение истории Пруссии с самым «любимым человеком» (К. Ф. Паули) [16, bd. 1, s. 12 (ненумер.)]. Свои исторические наррации историописатели иногда называли: «histoire nationale» (П. Ф. Велли) [20, vol. 1, p. 2], «Geschichtedes Vaterlandes» (К. Ф. Паули) [16, bd. 1, s. 11 (ненумер.)], «отечественная история» (Ф. А. Эмин) [9, т. 1, с. VI] и т. д.

Авторы больших национальных историй осознавали отличие выбранной формы изложения истории от иных форм исторических наррраций. Например, они сообщали о внимании к уже изданным большим национальным историям Шотландии (М. И. Шмидт) [19, bd. 1, s. 17, 19] или Франции (Ф. А. Эмин) [9, т. 1, с. XXXII], о том, что знакомство с подобными зарубежными трудами позволяет «общую из оных составить систему» подготовки таких историй (Ф. А. Эмин) [9, т. 1, с. XXXII].

«Полные истории» о национальном прошлом и рефлексия их авторов о модели презентации материала демонстрируют, что обращение к национальному прошлому в немалой степени было вызвано интересом к общему (по крайней мере – европейскому), они старались рассмотреть то, как общие нормы и универсальные ценности претворяются в истории их народа или страны (Х. фон Бюнау, У. Робертсон, М. М. Щербатов и др.) [11, bd. 1, s. 10 (ненумер.); 17, vol. 1, p. 1; 8, т. 1, с. XV].

Историки рефлексировали о масштабе национальной истории, в которой следует обращать внимание на обычаи, культуру, науку, государственное и церковное управление (М. И. Шмидт) [19, bd. 1, s. 22], отмечали, что история должна приносить общественную пользу, поэтому нужно описывать не только «блеск военных подвигов», а историюправителей и государства, политику и религию, военное устройство, полезные изобретения и т. д. (П. Ф. Велли) [20, vol. 1, p. X].

Следующий признак, присущий «полным историям»XVIII в. – манифестировался самими ее авторами– поиск «начала» своего народа. Историки старались подчеркнуть важность и сложность такого поиска (Д. Юм) [13, vol. 1, p. 1], они замечали: «…судьба известных народов – не имеет никаких памятников, подтверждающих их происхождения» (П. Ф. Велли) [20, vol. 1, p. 1–2] или: «Естьли и во всякой истории, а паче о древних временах, обретаются многие трудности; то можно сказать, что Российская история толь ими преизнаполнена (М. М. Щербатов)» [8, т. 1, с. 18].

В связи с тем, что объектом внимания историков было прошлое страны или народа, об истории которых уже были написаны труды, многие авторы критиковали своих предшественников, например, манифестируя идеи «новой истории Франции» (П. Ф. Велли) [20, vol. 1, p. X-XI], первого опыта «подробной» или «исправной» истории страны («… никакая подробная история Прусской

империи еще не была представлена подданным и соседям» (К. Ф. Паули) [16, bd. 1, s. 6–7], «… многие государства <…>тщатся иметь исправную своего отечества историю<…>. Одни только мы поныне не следовали сему общему предприятию» (Ф. А. Эмин) [9, т. 1, с. VI]) и т. д.

Большие национальные истории XVIII в. позиционировали универсальность опыта прошлого и существует мнение, что такой способ историописания (в отличие от XIX в.) характеризовался «космополитическим подходом к вопросам национальной истории» [см. : 15, p. 12]. Однако нужно иметь в виду, что авторы XVIII в. никогда не теряли из вида свой народ. Практика самопрезентации истории «своего»– в немалой степени заключалась в позиционировании его особенностей, сконструированным таким образом, чтобы они выгодно отличали «своё» от «чужого» (напр. : «Россия не так, как другие страны…» (М. М. Щербатов) [8, т. 1, с. II]). В больших национальных историях присутствовала критика тех историописателей (чаще иностранных), кто «принижал» развитость или величие «своего» (Ф. А. Эмин, М. И. Шмидт и др.) [9, т. 1, с. XXI; 19, bd. 1, s. 17, 19], авторы «полных историй» при случае пытались усилить значимость «своего» (напр. : «именно в Англии появились превосходные гении…» или «… в большей степени, чем в других монархиях» и пр. (Д. Юм) [13, vol. 6, p. 454, 531, 541]).

Конечно, авторы больших национальных историй уделяли большое внимание вопросам периодизации «своей» истории, ее территориальным рамкам. Как и в иных видах исторических нарраций XVIII в. в «полной истории» доминировало представление о возможности получения из знания о прошлом поучительных примеров для настоящего.

Большая национальная история XVIII в., как и национально-государственный нарратив последующего времени имела целью формирование национальной идентичности [2, с. 390]. А. Л. Шлёцерэту цель (применительно к немецкой истории) выразил так: «общая немецкая история» должна «дать ответ на вопрос: как возникла Германия?» [18, bd. 1, s. 2]. Такая история, воспринимавшаяся авторами как особый вид исторической наррации, имеет важный дефинирующий признак – непрерывное линейное повествование о происхождении народа / страны в форме самопрезентациии как вид историографических источников относится в группе видов социально ориентированного историописания.

Приведенные признаки большой национальной истории XVIII в. позволяют выделить ее в пространстве форм историописания, в которых позиционировалась национальная история (опыт, записки) или ее отдельные вопросы / локальные объекты и т. д. (научные статьи, исторические описания). Близкой по признакам выступает группа видов историографических источников – учебная книга по национальной истории (учебник, учебное пособие, книга для чтения). По типу презентируемого в XVIII в. исторического знания учебная книга по национальной истории вместе с большой национальной историей и местной историей являются основными формами реализации социально ориентированного знания.

1. Архив кн. Ф. А. Куракина : в 10 кн. – СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1890.
2. Источниковедение : учеб. пособие / И. Н. Данилевский, Д. А. Добровольский [и др.] ; редкол.: М. Ф. Румянцева (отв. ред) [и др.]. – М. : Изд. дом ВШЭ, 2019. – 685 с.
3. Новиков, Н. [И.] Опыт исторического словаря о российских писателях, с разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий, и словесных преданий. – СПб. : Тип. Н. Новикова, 1772. – 276 с.
4. Прошлое для настоящего : История-память и нарративы национальной идентичности : колл. монография / А. Г. Васильев [и др.] ; под. ред. Л. П. Репиной. – М. : Аквилон, 2020. – 464 с.
5. Репина, Л. П. «Национальные истории» и концепции «истории как науки»: проблема совместимости / Л. П. Репина // Национальный / социальный характер: археология идей и современное наследство. – М. : ИВИ РАН, 2010. – С. 77–78.
6. Словарь Академии Российской : в 6 ч. – СПб. : При Имп. Акад. наук, 1789–1794.
7. Татищев, В. Н. История Российская с древнейших времен / собранная и описанная Василием Никитичем Татищевым : в 4 кн. – М. : При Имп. Моск. ун-те, 1768–1784.
8. Щербатов, М. [М.] История российская с древнейших времен : в VII т. [15 ч.]. / М. [М.] Щербатов. – СПб. : При Имп. Акад. наук, 1770–1791.
9. Эмин, Ф. [А.] Российская история жизни всех древних от самого начала России государей в 3 т. / Ф. [А.] Эмин. – СПб. : При Имп. Акад. наук, 1767–1769.
10. Berger, S., Conrad, C. The Past as History: National Identity and Historical Consciousness in Modern Europe / Stefan Berger with Christoph Conrad. – New York : Palgrave Macmillan, 2015. – 592 p.
11. Bünau, H., von. Genaue und umständliche Teutsche Kayser - und Reichshistorie aus den bewährtesten Geschichtsschreibern und Urkunden zusammengetragen : 4 bd / Heinrich Graf von Bünau. – Leipzig : J. F. Gleditschens, 1728–1743.
12. Dictionnaire de l'Académie Françoise : 2 vol. – 4ème éd. – Paris : Bernard Brunet, 1762.
13. Hume, D. The History of England, from the Invasion of Julius Caesar to the Revolution in 1688 : in 6 vol. / D. Hume. – London : A. Millar, 1754–1762.
14. Liakos, A. The Canon of European History and the Conceptual Framework of National Historiographies / A. Liakos // Transnational Challenges to National History Writing // ed.: M. Middell, L. Roura. – New York : Palgrave Macmillan, 2013. – P. 315–342.
15. O'Brien, K. Narratives of Enlightenment: Cosmopolitan History from Voltaire to Gibbon / K. O'Brien. Cambridge : Cambridge University Press, 1997. – 249 p.
16. Pauli, K. F. Allgemeine Preussische Staats-Geschichte, samt aller dazu gehörigen Königreichs, Churfürstenthums, Herzogthümer, Fürstenthümer, Graf-und Herrschaften, aus bewährten Schriftstellern und Urkunden bis auf gegenwärtige Regierung : in 8 bd / K. F. Pauli. – Bd. 1. – Halle : Druck Ch. P. Franckens, 1760. – 650 s.

17. Robertson, W. History of Scotland During the Reigns of Queen Mary and of King James VI / William Robertson // The Works of William Robertson : in 10 vol. – London : T. Tegg, 1826.
18. Schlözer, A. L. Vorstellung seiner Universal-Historie / August Ludwig Schlözers, prof. in Göttingen : in 2 bd. – Göttingen ; Gotha : Dieterich, 1772–1773.
19. Schmidt, M. I. Geschichte der Deutschen / Michael Ignaz Schmidts : in 5 bd. – Ulm ; Wien, 1778–1785.
20. Velly, P. F. Histoire de France depuis l'établissement de la Monarchie Jusqu' au regne de Louis XIV : 7 vol. / P. F Velly. – Paris : Chez Desaint & Saillant, 1755.

Посохов С. И.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Проблема историографических источников достаточно давно обсуждается исследователями. В настоящее время она вновь актуализирована в связи со становлением источниковедения историографии – предметного поля в междисциплинарном пространстве интеллектуальной истории. В частности, С. И. Маловичко и М. Ф. Румянцева, которые активно разрабатывают такого рода проблематику, отметили специфику формирования этого предметного поля в социокультурной ситуации постмодерна. Они утверждают, что происходит размежевание – вплоть до полного разрыва и параллельного сосуществования – научного исторического знания и социально ориентированного историописания [5, с. 6; 6, с. 203]. В этом контексте возникает необходимость более детального изучения конкретных видов историографических источников, в том числе тех, которые долгое время вообще не рассматривались в качестве таковых.

В частности, сконцентрируем внимание на таком источнике как путеводитель, который являет собой особый вид информационного издания. В данном случае, речь идет о путеводителях по стране и городу (то, что называется Guidebooks). Такие книги получили распространение еще в XIX в. в связи с появлением новых транспортных возможностей и развитием туризма [См. об этом: 11].

Путеводители как один из жанров популярной (нехудожественной) литературы уже не раз попадали в поле зрения исследователей. В последнее время было опубликовано немало новых интересных работ [2, 10, 15, 16 и др.]. Отметим также состоявшийся в Тарту международный научный семинар «Путеводитель как семиотический объект» [4].

В данном случае, обратим более пристальное внимание на статью А. И. Тарасенко [13], где путеводители характеризуются как исторический источник. Нельзя не согласиться с основными выводами, которые сформулированы автором. Вместе с тем, в упомянутом тексте можно обнаружить и определенные противоречия. В частности, отмечается, что путеводители появились тогда, когда был накоплен значительный комплекс информации, когда возникла необходимость сообщать ее достаточно широкому кругу читателей в более или менее сжатой форме [13, с. 260]. Однако далее можно прочитать о том, что «краеведы-профессионалы», которые создали эти книги, «старались придать своим работам расширительное толкование, …заменяя отчасти научные труды и затрагивая широкую проблематику, выходя за пределы информации о конкретном городе или историческом памятнике» [13, с. 261]. А. И. Тарасенко также пишет о том, что «при изучении текста вряд ли могут возникнуть сомнения в достоверности фактов, бывших известными достаточно широкому кругу людей, в фальсификации которых не было и не могло быть никакой необходимости». Вместе с тем, с другой стороны, она все же обращает внимание на то, что необходимо «…учитывать и общий уровень знаний о предмете, характерный для времени создания изучаемой литературы. Такой многоуровневый подход к проверке сведений позволяет нам отличить преднамеренную фальсификацию от случайной ошибки или распространенной в тот период точки зрения» [13, с. 263].

Отчасти эти противоречия связаны с пониманием автором роли путеводителей как таковых, попыткой охарактеризовать их именно в качестве исторических источников. Осуществляя классификацию путеводителей, автором в основу были положены «объем, полнота и достоверности той информации, которая характеризует развитие курортно-туристического дела (именно с ним напрямую связано издание подобного рода литературы, да и, по большому счету, сам факт ее появления)» [13, с. 264]. Отчасти на имеющиеся в статье утверждения повлиял сам объект изучения – а именно, путеводители по Крыму, который преимущественно является туристическим регионом.

Вместе с тем, на сегодняшний день замечено, что, хотя путеводители и были рассчитаны прежде всего на туристов, однако не следует отрицать также их определенное влияние на формирование идентичностей жителей того или иного города и региона, сделан важный вывод о том, что эти тексты включены как в рекламный, так и в политический, и идеологический дискурсы. Впрочем, последнее обстоятельство даже ставит под сомнение ценность этого вида источников, в частности советского времени. Вообще, нормой в последние пару десятилетий стало в каждом понятии и каждом эпитете, которые использовались в официальных текстах советского времени, видеть идеологему, т. е. идеологический продукт. По мнению М. В. Калашникова, «…отнесение понятия к разряду идеологем и, соот-

ветственно, анализ его как идеологемы, что делает ряд современных авторов, сужает анализ самого понятия до рамок идеологического дискурса» [3, с. 125]. Добавим – и ограничивает исследователя. К тому же, очевидно, следует избегать трактовок советского времени как некоего цельного этапа. Очевидно, с точки зрения дискурсивных характеристик, довоенный период существенно отличается от 1950–60-х годов, а эти годы, в свою очередь, от периода 1970-х, а также второй половины 1980-х годов. Впрочем, обвинения в предвзятости можно обнаружить и в тех характеристиках, которые касаются современных путеводителей. Но теперь такая предвзятость видится в национальных акцентах и упущениях. Так, например, такими, что «грешат ностальгией по прошлому» и отличаются «неконструктивным подходом» теперь видятся современные польские путеводители по Львову [8, с. 138].

Взглянуть несколько иначе на путеводители, на наш взгляд, позволяет отнесение их к разряду не исторических, а историографических источников. Такой подход связан уже с тем, что в этих текстах мы имеем не первичную информацию, а результат определенных обобщений и компиляций. Эти источники сложно даже отнести к «первичным нарративам». Не удивительно, что в указанной статье А. И. Тарасенко отметила, что «компилятивность как таковая присуща всем вообще путеводителям» [13, с. 265]. Более того, со временем прослеживается тенденция к тому, что путеводитель все чаще становится результатом коллективных усилий, когда среди авторов представлены различные специалисты: историки, архитекторы, культурологи, журналисты… Автор (авторы) путеводителей должны учитывать не только мнение местных властей, но и местных жителей, и при этом их интеллектуальный продукт должен заинтересовать приезжих, в целом соответствовать духу эпохи. Как известно, такие тексты издаются значительными тиражами и предполагают коммерческий успех. Важно отметить, что на этом рынке уже давно наблюдается значительная конкуренция. Так, например, по сведениям упомянутой А. И. Тарасенко, только за период второй половины XIX – начала XX вв. было издано около 320 путеводителей по Крыму [13, с. 265]. Насчитывается около 100 путеводителей по Львову межвоенного периода (т. е. 1919 – 1939 гг.) [7, с. 165], с конца 1990-х и до 2010-х годов было издано более 120 таких книг о Львове [8, с. 132]. Как заметила И. И. Руцинская, в тексте путеводителей наблюдается редуцирование смыслов и значений объекта, достаточно распространенным явлением являются ссылки на абстрактное авторитетное мнение профессионалов [12, с. 54, 58]. Более того, по ее мнению, путеводитель исторически был одним из первых инструментов, которые начали выполнять такую функцию, как «регулирование процесса потребления культурных ценностей в эпоху масскульта» [12, с. 63].

Перечисленные выше признаки являются определяющими при отнесении этих историографических источников к социально ориентированному историописанию. То есть, изучая эти источники, мы прежде всего углубляем наше понимание специфики исторического сознания того или иного периода, идейных и ценностных ориентиров, которые и задают рамку для характеристики достопримечательностей, поиска выдающихся земляков, выделения «важнейших» периодов и событий. По большому счету, речь идет о выявлении устоявшихся историографических стереотипов и историографических клише. Безусловно, в ряде случаев в этих текстах мы имеем прямые декларации, которые позволяют определить указанные выше моменты. Так, например, в ранних советских путеводителях (1920-х – 1930-х годов) уже на первых страницах четко фиксируется оппозитивное строение дискурса (когда повествование осуществляется на противопоставлении советского и досоветского). Так, в путеводителе по Харькову 1932 г. буквально в первой строке сказано следующее: «Историю г. Харькова надо резко разграничить на два периода – до Октябрьской революции и после Октября» [14, с. 3]. Соответственно, все последующее изложение строится на этом принципе. Однако часто мы не имеем прямых указаний на позицию авторов, которые внешне претендуют на объективность. К тому же, в ряде случаев, хотя авторы и были вынуждены констатировать некие идеологические постулаты, но далеко не всегда их выдерживали (например, в период так называемой «перестройки»). Как отметила Ю. Н. Розанова, в путеводителях обычно декларируется объективность и исчерпывающий характер преподносимой информации, но обращение к истории местности позволяет автору отбирать факты, компоновать их, конструировать маршрут движения так, чтобы обозначить свою позицию и одновременно ответить на ожидания читателя [11, с. 281].

Соответственно, на наш взгляд, вместо того, чтобы искать подобные декларации, следует идти иным путем, а именно выявлять «поворотные события истории», «выдающихся земляков» и смыслообразующие метафоры. В данном случае можем предложить свой вариант обработки биографической информации на страницах путеводителей по Харькову [9]. Методика исследования базируется на принципе контент-анализа: когда степень важности определенной сущности коррелирует с количеством ее упоминаний в дискурсе. В частности, имена, которые встречаются на страницах путеводителей, заносились в базу данных. Еще в начале исследования были определены принципы построения базы данных. Она содержит два поля – «лица» и «упоминания». В первом поле фиксировались имена, которые встречаются на страницах путеводителей, во втором –

оценки, которые сопровождают определенное имя. В поле, где фиксировалось имя, также отмечалось определенная социальная или профессиональная характеристика личности (ученый, военный, архитектор, государственный деятель и т. д.). В поле «упоминания», в зависимости от характера упоминания того или иного лица, отмечался определенный коэффициент: если имя упоминалось без оценок – это коэффициент 1 (1 балл), сочетание с такими эпитетами как «известный», «выдающийся» и подобные – коэффициент 2 (2 балла), более или менее подробная характеристика, прежде с точки зрения влияния на развитие города – коэффициент 3 (3 балла). В итоге это позволило создать определенную иерархическую систему имен и выделить «ТОП – группы» для различных исторических периодов, позволило увидеть указанную систему имен в динамике. Таким образом можно зафиксировать и сдвиги в плане увеличения или уменьшения внимания авторов путеводителей к определенной категории лиц (имеется в виду социальная и профессиональная характеристики). Нечто подобное можно осуществлять и с упомянутыми на страницах путеводителей событиями. Но еще большее значение имеют историографические метафоры. Такие метафоры, согласно Войцеху Вжосеку, являют собой языковые формы, содержащие в себе гипотезу или познавательную модель [1, с. 34]. В ходе «языковой игры», связанной с поиском ключевой метафоры, происходит не только формирование образов, но и придание смыслов тем или иным явлениям. В. Вжосек предлагает различать «живые» метафоры, способные являться основой коммуникации, и «мертвые» метафоры, которые, по его словам, являются «кладбищем смыслов». Изменчивость или устойчивость метафор могут свидетельствовать о господствующих настроениях, о стабильности восприятия прошлого, о новых ценностных ориентирах.

Таким образом, трактовка путеводителей как историографических источников позволяет акцентировать внимание их исследователей на поиск историографических стереотипов, которые могут стать реперными точками при характеристике коллективного исторического сознания определенной эпохи.

1. Вжосек, В. Культура и историческая истина / В. Вжосек ; пер. с польск. К. Ю. Ерусалимский. – М. : Круг, 2012. – 336 с.
2. Диса, К. Образ модерного міста у путівниках по Києву межі XIX–XX ст. / К. Диса // Живучи в модерному місті: Київ кінця XIX – середини XX ст. – Київ : Дух і літера, 2016. – С. 82–96.
3. Калашников, М. В. Идеологема. Концепт? Понятие! (К вопросу о минимально значимой единице исследования в рамках историко-семантического анализа) / М. В. Калашников // «Стены и мосты» – III: история возникновения и развития идеи междисциплинарности : материалы Междунар. науч. конф., Москва, РГГУ, 25–26 апреля 2014 г. – М. : Академический проект ; Гаудеамус, 2015. – С. 124–133.
4. Киселева, Л. Некоторые итоги «Путеводительного проекта» / Л. Киселева, Л. Пильд, Т. Степанищева // Travel guide as a semiotic object. – Tartu : University Press, 2008. – С. 7–14.
5. Маловичко, С. И. История как строгая наука vs социально ориентированное историописание / С. И. Маловичко, М. Ф. Румянцева. – Орехово-Зуево : Изд-во МГОГИ, 2013. – 252 с.
6. Маловичко, С. И. Источниковедение историографии / С. И. Маловичко, М. Ф. Румянцева // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / редкол.: А. О. Чубарьян (отв. ред.) [и др.]. – М. : Аквилон, 2014. – С. 203–204.
7. Мовна, М. Путівники Львова міжвоєнного періоду (1919 – 1939): сучасна історична візія / М. Мовна // Народознавчі зошити. – 2011. – № 1. – С. 155–167.
8. Мовна, М. Сучасні путівники Львовом: типологія і зміст / М. Мовна // Народознавчі зошити. – 2013. – № 1. – С. 132–141.
9. Посохов, С. І. ТОП-особи харківського локусу, або про роль імен у конструюванні образів міста / С. І. Посохов // Українська біографістика = Biographistica Ukrainica : зб. наук. пр. Ін-ту біогр. дослідж. – Київ, 2020. – Вип. 20. – С. 193–212.
10. Путеводитель по городу. История и современность : материалы науч. конф. – СПб., 2011;
11. Розанова, Ю. Н. Путеводитель как жанр туристического дискурса: диахронический аспект / Ю. Н. Розанова // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – № 5 (27). – С. 281–285.
12. Руцинская, И. И. Путеводитель как инструмент конструирования региональных достопримечательностей (вторая половина XIX – начало XX в.) / И. И. Руцинская // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2011. – № 2. – С. 53–64.
13. Тарасенко, А. И. Источниковедческое изучение и классификация путеводителей / А. И. Тарасенко // Архівознавство, археографія, джерелознавство. – Київ, 2002. – Вип. 5. – С. 260–271.
14. Харьков: краткий путеводитель по столице Украины. – Х., 1932. – 56 с.
15. Ziarkowski, D. Guidebooks in the context of development of knowledge about art in the Polish lands of the 19-th century / D. Ziarkowski // Tourism. – 2019. – № 29 /1. – P. 83–96.
16. Parsons, N. T. Worth the Detour. A History of the Guidebook / N. T. Parsons. – Thrupp : Sutton Publishing, 2007. – 378 p.

Майорова А. С.

ПЕРВЫЙ ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РАЗВИТИЯ РЕМЕСЛА В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ

Одной из первых попыток осветить социально-политические, социально-экономические и этнокультурные особенности Золотой Орды был «Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства» Г. С. Саблукова, опубликованный в 1844 г. в «Саратовских губернских ведомостях» [5]. О том, насколько актуальным был этот труд, написанный преподавателем саратовской семинарии, можно судить на основании сведений о событиях, которые произошли в академических кругах в предшествовавшие десятилетия.

Вопрос о необходимости изучения истории Золотой Орды, как заметил выдающийся русский ориенталист XIX в. В. Г. Тизенгаузен, был поставлен в 1805 г. А. Л. Шлёцером. Несколько позже эта идея нашла сторонников в Санкт-Петербургской Академии Наук. В 1826 г. в числе задач, предложенных Академией по случаю ее столетнего юбилея, была включена задача по изучению последствий монгольского владычества на Руси. В результате Академия получила «рассуждение на немецком языке», которое не было признано достойным не только награды, но даже положительного отзыва. Конкурс был возобновлен в1832 г., причем, была составлена программа с изложением требований к конкурсным работам. Через три года в Академию поступило рукописное сочинение на немецком языке. Отзывы академиков на этот труд содержали серьезные критические замечания. Одним из существенных недостатков представленного сочинения было названо «весьма несовершенное» исполнение требования об использовании в нем русских источников «во всем их объеме» [7, с. V–VII]. В 1840 г. автор этого труда ориенталист Иосиф фон Хаммер-Пургшталь опубликовал его на немецком языке с некоторыми исправлениями. Тизенгаузен констатирует: «Академическая задача не удалась» и добавляет при этом, что выполнение всех поставленных в программе требований было не под силу одному человеку [7, с. VIII].

Программа задачи, предложенной Академией в 1832 г., опубликована Тизенгаузеном. Этот документ интересен, в частности, тем, что в нем названы источники для изучения истории Золотой Орды, которыми располагала на тот момент наука. Среди названных групп источников, разделенных по принципу их происхождения, преобладают письменные. При этом авторы программы рекомендовали исследователям «даже произведения древней российской поэзии». Среди предложенных источников присутствуют и монеты [7, с. 559–562]. Нумизматический материал относится к вещественным памятникам, его значение для изучения истории Золотой Орды очень велико. О других вещественных источниках, которые могли быть использованы исследователями, в тексте академической программы не упоминается.

Значительное расширение состава подобных источников мы видим в «Очерке внутреннего состояния Кипчакского царства» Саблукова (в конце XIX в. он был опубликован в Казани отдельным изданием [6]). Автор не претендовал на освещение всех вопросов программы Академии наук, он не сделал попытки создать историю Золотой Орды. Однако некоторые положения программы нашли отражение в сочинении Саблукова. Программа предполагала «…ясное описание отличительного характера сего некогда столь достопримечательного народа, его постановлений и образа жизни, первобытных религиозных понятий и влияния, какое принятые им впоследствии верования, а именно ислам и буддизм имели на его образование…» [7, с. 557].

Содержание очерка Саблукова свидетельствует о том, что автор понимал свою задачу несколько шире, чем сказано в названных положениях программы. Он рассматривает особенности политического устройства государства Джучидов и его территориальной структуры; анализирует сведения о сословном делении общества, правопорядке, военных силах, системе взимания дани, об уровне развития торговли, ремесла и городской жизни, знакомит читателя с «обрядами двора» золотоордынских ханов и бытом кочевого населения, религиями, которые были распространены в этом государстве. Саблуков включил в этот свой очерк раздел под названием: «Физические и нравственные качества татар».

Для написания такого новаторского для своего времени труда Саблуков использовал разнообразные источники. К письменным источникам относятся публикации ханских ярлыков, «История монголов и татар» и «Родословная история о татарах» Абулгази, , сочинение Михалона Литвина «О нравах татар, литовцев и москвитян», «Книга большому чертежу», материал русских летописей (как опосредованно – путем привлечения фрагментов «Истории государства Российского» Н. М. Карамзин, так и непосредственно), записки путешественников XIX в., описание развалин Булгара и надгробного памятника в Чуфут-кале и даже произведение китайской драматургии. Рассмотрены и графические материалы – публикации чертежей развалин Булгара.

Значительную группу вещественных памятников, которые использовал Саблуков, составляют материалы нумизматики. Новация, внесенная Саблуковым, которая расширила круг источников и создала перспективу для развития данного направления исследований – это привлечение вещественных

памятников, найденных при раскопках археологического объекта – Царевского городища, которое находилось на территории Саратовской губернии (ныне в Волгоградской области), и некоторых находок с Увека (остатки данного памятника сейчас входят в черту Саратова). Изучение Царевского городища начались в 30-е гг. XIX в. Самые ранние сведения об этом относятся к 1837 г. [2, л. 44–49.]. В 1843–51 гг. раскопки на объекте производились под руководством А. В. Терещенко [4, с. 31] и Саблуков принимал в них участие [1, с. 16].

В плане использования археологических находок особенно интересны два раздела из очерка Саблукова: раздел IX «Состояние городов в Кипчаке», и X «Художества, ремесла». Автор анализирует результаты раскопок на Царевском городище, которое он идентифицировал как Сарай-ал-Джедид т. е. Новый Сарай письменных источников [6, с. 28]

На основании наличия на городище «множества водопроводных труб» автор делает вывод о существовании в городе фонтанов. Отмечая «обширность развалин», Саблуков пишет, что их вид «заставляет верить, что Сарай превосходил прочие города Кипчака многочисленностью зданий», среди которых были и очень крупные постройки. При этом он проводит аналогию остатков золотоордынского города и известных ему городов Востока и предполагает, что в столице ханства не было многоэтажных сооружений, а застройка была беспорядочной. «Жилища частных лиц были домами посредственными, остатки их, разрытые в настоящее время, представили собой небольшие землянки. » Среди них «отличались великолепием жилища ханов, его двора и высших сановников царства… В развалинах Сарая видим карнизы, колонны, изсеченные из алебастра, из серого и белого мрамора, изразцы с цветами, искусно выведенными, мозаику, выработанную с затейливостью, частую позолоту…, все это вместе составляло и пышную постройку домов и роскошную отделку во внутренности их» [6, с. 31–32].

Особенно интересны выводы Саблукова о существовании ремесленного производства в золотоордынском городе. «Остатки столицы кипчакской могут нам сообщить несколько сведений о состоянии художеств в этом царстве», – пишет Саблуков. При этом он особо отмечает, что «памятники художества» были произведениями «не столько монголов, сколько из народов, покоренных ими» [6, с. 32–33]. Далее, описывая эти памятники, он старается выделить те, которые могли принадлежать собственно монголам.

Правда, Саблуков не всегда говорит о своих предположениях на этот счет. Не понятным остается определение им происхождения остатков лепных украшений внутренних стен домов – известковых плит с мозаичными изображениями из кусочков глины, окрашенных в яркие цвета. Саблуков высказал свои соображения о технологии изготовления украшенных мозаикой плит и дал оценки этим произведениям декоративного искусства: «Эта работа, бросающаяся в глаза более своею разноцветностью, яркостью красок, нежели нежностью вкуса и легкостью в составлении рисунка…» Обломки карнизов с украшениями из белого и серого мрамора, по его мнению, «показывают небольшое знание в торевтике и кажутся не хитрым камнесечением». [6, с. 33–34].

«Более умения можно видеть у татар в ковальном искусстве, от которого изделий требовало и вооружение военное и убранство в домашней жизни». Автор называет перстни золотые, серебряные, медные. Очевидно, такие предметы он мог держать в руках. Саблуков критически оценивает уровень мастерства ремесленников, – перстни « при обыкновенных формах для сих вещей… имеют не очень хитрую отделку». Он высказывает интересное предположение о «знаках», которые встречались на медных перстнях и которые он считал тамгами [6, с. 33–34].

«Приготовление военного оружия – кольчуг, шлемов, копий, требовавших прочности в составе и по духу азиатских народов роскоши в уборах, требовало от художника большой тщательности, но сохранилась ли она в каком-либо памятнике такого рода, сказать не могу». Саблуков упоминает «рассказы здешних жителей о найденном некогда богатом всадническом оружии, отягощенном украшениями из серебра и золота» и добавляет, что это только рассказы [6, с. 34–35].

Автор очерка приводит сведения также о ювелирных изделиях, которые «шли в Кипчак от соседних народов», и которые были найдены на Увеке, о фарфоровой посуде и о парчовой ткани, – по его мнению, импортного происхождения. Очевидно, фрагменты такой посуды и ткани были найдены во время раскопок на Царевском городище. Что касается кипчакских ремесленников, то, как пишет Саблуков, они изготовляли разнообразные по форме и по качеству сосуды из глины, которые описаны достаточно подробно. Можно думать, что обломки гончарных изделий были многочисленными находками при раскопках [6, с. 35–36].

Появление в печати очерка Саблукова способствовало привлечению внимания историков к вещественным памятникам, найденным археологами в Нижнем Поволжье. Тизенгаузен в своем труде, опубликованном в последней четверти XIX в., называет в числе источников, которые «доставили много новых данных по истории и географии улуса Джучиева», материалы археологических раскопок, произведенных Терещенко на развалинах Сарая. Он упоминает также «собрания различных древностей, найденных в Болгарах, на Увеке и других местах Ордынского царства» [7, с. X].

Имя Саблукова отмечено в историографии Золотой Орды. Тизенгаузен называет его в ряду авторов, труды которых продвинули вперед изучение «монголо-татарского периода». [7. с. IX] В середине XX в. в монографии Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского упомянут очерк Саблукова. Авторы пишут, что для своего времени эта работа «была интересна, главным образом, своим ответом на вопросы внутренней истории Золотой Орды». Однако они считают невозможным принимать его во внимание в качестве исследования по вопросам социальной истории этого государства. [3, с. 103–104]. Вероятно, авторы имели в виду то, что за сто лет после публикации работы Саблукова был накоплен очень большой объем археологического материала и появились в печати новые письменные источники.

Очерк Саблукова получил оценку как заметное явление в историографии Золотой Орды. Тем не менее, одно из основных достижений автора осталось вне поля зрения специалистов. Историки–регионоведы Саратовского Поволжья также не обратили внимания на то, что Саблуков значительно расширил объем источников для изучения истории Улуса Джучи. Он ввел в научный оборот вещественные памятники, количество которых постоянно возрастает в ходе проведения археологических раскопок. На основании этих источников в настоящее время ведется изучение экономики, социального строя и этнической истории Золотой Орды.

1. Валеев, Р. М. Востоковед Г. С. Саблуков и проблемы исламоведения (40-е–80-е гг. XIX в.) : автореф. дисс. … канд. ист. наук / Р. М. Валеев. – Казань, 1986. – 24 с.
2. Государственный архив Саратовской области (ГАСО) – Ф. 12. Оп. 1. Д. 506а.
3. Греков, Б. Д. Золотая Орда и ее падение / Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. – М. ; Л. : Изд-во АНСССР, 1950. – 478 с
4. Недашковский, Л. Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа / Л. Ф. Недашковский. – М. : Вост. лит., 2010. – 351 с.
5. Саблуков, Г. С. Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства / Г. С. Саблуков // Саратовские губернские ведомости. –1844. – № 26–36.
6. Саблуков, Г. С. Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства / Г. С. Саблуков. – Казань, 1895. – 60 с.
7. [Тизенгаузен В. Г.]. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. В. Тизенгаузена / Тизенгаузен В. Г. – СПб, 1884. – Т. 1. – 564 с. +11 с.

Мининков Н. А., Мининкова Л. В.

«ИСТОРИЯ ИСТОРИКА» КАК НАПРАВЛЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ XIX – НАЧАЛА XX В. И ЕГО ИСТОЧНИКИ

«История историка», – так назвал свои воспоминания выдающийся медиевист А. Я. Гуревич [1], понимая под этим описание своего жизненного пути, прежде всего пути в науке. Однако такое название может относиться не только к воспоминаниям историка, но и к исследовательской литературе разных форматов и направленности на тему, относящуюся к историку. Подобная литература возникает на той стадии развития исторической науки, когда она достигает значимых результатов, и когда исторические знания становятся востребованными не только сообществом историков, но и более широким кругом читателей. Тогда возникает интерес к личности историка и создаются условия для появления такой особой литературы, как «История историка».

Подобная исследовательская тематика соответствует такому доминирующему признаку современного исторического исследования, как культурно-антропологическая направленность, связанная с особым интересом к человеку в истории. Это отвечает пониманию истории как науки о человеке в обществе, в свете которого произошел в ней антропологический поворот. Данный поворот относится также к человеку в истории самой исторической науки. Такое внимание человеку в исторической науке не случайно. Оно является результатом понимания того, что история идей в исторической науке зависит в определяющей мере от личности историка, без учета характерных черт и особенностей которой невозможно в полной мере понять их происхождение и культурно-историческое значение.

История исторической науки относится к историческим дисциплинам, объектом которой является одна из наиболее значимых сторон интеллектуальной и культурной жизни общества – историческая мысль и историческая наука. Поскольку в этой связи в центре внимания исследователя оказываются идеи, мысли и положения, которые выдвигаются этой наукой, то актуальный вопрос для подобных исследований ставил А. В. Лубский в одной из своих рецензий. Он напоминал афоризм А. Эйнштейна, что «история науки – это не драма людей, а драма идей», переход к которой необходим от «драмы людей» [6, с. 174]. В самом деле, в этой сфере интеллектуальной деятельности имеет место развитие идей, в рамках схемы движения научной мысли, описанной Т. Куном. Оно представляет собой процесс смены состояния «нормальной науки» в результате ее кризиса научной революцией, после которой устанавливаются новые положения и выводы, и они постепенно становятся «нормальной наукой» [5, с. 26]. Только в таком случае может быть понятен ход развития исторической мысли на ее донаучной и научной стадии в общекультурном контексте. Такой вопрос стоял

еще в историографических исследованиях дореволюционного времени. Как указывал М. О. Коялович, в рамках комплексного историографического исследования безусловна первоочередная необходимость «указаний на связь и преемственность явлений в истории науки русской истории» [4, с. 51], или история формирования и развития научных исторических идей. По существу на значимость развития того же самого направления в исследованиях по истории исторической науки в России обращал внимание П. Н. Милюков. Он отмечал, что в этих исследованиях вызывает прежде всего интерес, как «зарождались те идеи и настроения, которым суждено было играть в этой сфере руководящую роль» [7, с. 8]. Таким образом, историографическое исследование должно развиваться прежде всего в контексте анализа идей исторической науки. Впрочем, Коялович и Милюков, указывая на значимость «истории идей» в историографическом исследовании, не отрывали ее от «истории людей», самих историков.

В таком случае историк, его идеи, личность и деятельность, становится особым объектом в научном историографическом исследовании. Это хорошо осознавали российские историки, посвящавшие свои труды историкам предшествовавших поколений. Возникает, однако, вопрос, что такое исследование об историке, и кого вообще можно считать историком. Что касается второго вопроса, то при ответе на него представляется необходимым учитывать особенности времени, когда личность в соответствии с потребностями современной ей культуры проявляла интерес к истории. Это не случайно, поскольку критерии выделения историка в рамках мира культуры его эпохи могут быть разные. Но главным признаком должно быть наличие исторических трудов, соответствовавших культуре своего времени и сообщества, к которому их автор принадлежал, благодаря которым он рассматривается как историк.

Возникновение историка как особого культурно-исторического феномена было также результатом культурного развития и запросов на знание прошлого в определенной социальной среде. Это могла быть среда, помимо дворянства, выделявшаяся своей образованностью и осознающая свою культурную идентичность. Такой средой было купечество и городское сообщество Архангельска второй половины XVIII в., из которой вышел историк русского Севера В. В. Крестинин [8, с. 8]. Подобной же средой было казачество. Осознание своей идентичности и роли в истории войн России привело к появлению среди донских казаков в первой половине XIX в. двух историков из его среды, Василия Сухорукова и Евлампия Кательникова. И если первый из них был историком с университетским образованием, полученным в Харьковском университете, то второй являлся типичным самоучкой, исключительно любознательным и многое повидавшим человеком, написавшим историю своей родной станицы. Но по существу путем самообразования проходил, по словам В. О. Ключевского, «ход ученой подготовки Болтина как русского историка» [3, с. 172], который изучил множество сочинений по всеобщей истории и документов русской истории. Не получил специального исторического образования известный историк первой половины XIX в. Н. А. Полевой, но он слушал лекции в Московском университете. Его несколько более старшие современники М. Т. Каченовский, И. Г. Эверс, М. П. Погодин, Н. Г. Устрялов такое образование получили. С середины XIX в. историком признавался тот, кто не только имел исторические труды, но и получил специальное образование. С первой половины XIX в. историческое образование выходит на уровень определяющих характеристик историка. Все остальные стороны, в том числе преподавание исторических дисциплин, не является обязательным признаком. В этой роли не было некоторых классиков отечественной исторической мысли. Но автор исторических трудов не обязательно получает историческое образование и становится историком по профессии.

Что же касается первого вопроса, или исследование об историке, то в отечественной историографии XIX в. сложились в этом отношении несколько традиций, закрепленных в науке. Одна из них представляет собой комплексное монументальное исследование жизни историк в контексте явлений и процессов в культуре своего времени, или своего рода развернутая биографическая хроника. Типичным примером в этом отношении являются труды Н. П. Барсукова об историке и археографе П. М. Строеве и особенно, в 22 томах, об историке М. П. Погодине. К таким же трудам может быть отнесен труд самого М. П. Погодина о Н. М. Карамзине в двух частях. Близко к ним была книга об издателе и фактическом редакторе журнала «Русская старина» М. И. Семевском, написанная сотрудницей редакции В. В. Тимощук под наблюдением редактора журнала известного историка Н. К. Шильдера. В таких крупных исследованиях авторы стремились давать всестороннее освещение не только деятельности своего героя-историка в исторической науке. Они стремились представить место его в общей истории культуры своего времени. Более значительное внимание научной деятельности уделено Барсуковым в книге о Строеве. В книге о Семевском не случайно особое внимание уделено деятельности его по руководству изданием «Русской старины». Это определялось тем, что данная книга была подготовлена сотрудниками его по редакции журнала. В целом подобная форма исследования об историке монографического характера в отечественной дореволюционной историографии не получила широкого распространения.

Значительно более распространенной была форма историко-биографического очерка. Ряд таких очерков был создан К. Н. Бестужевым-Рюминым. В центре внимания его были основоположники российской научной историографии В. Н. Татищев и А. Л. Шлецер. В этих очерках прежде всего подчеркнуто значение научного наследия этих историков. В данном случае проявился особый интерес Бестужева-Рюмина к исследованию истории русского летописания, а исследование летописей тесно связано с Татищевым и Шлецером. Несколько меньшие по формату очерки Бестужева-Рюмина были посвящены другим историкам – Н. М. Карамзину, М. П. Погодину, С. М. Соловьеву, С. Ф. Ешевскому, А. Ф. Гильфердингу. По существу, с трудов Бестужева-Рюмина в отечественной исторической науке зародилась традиция создания обстоятельных биографических очерков об историках. Эту традицию в начале XX в. продолжил исследователь отечественной историографии В. С. Иконников, посвятивший свой очерк А. Л. Шлецеру. В его труде, как подчеркивал Иконников, особенно ценным было то, что закладывались основы исторической критики с разделением ее на низшую и высшую. Особое положение занимает очерк А. А. Кизеветтера о своем современнике П. Н. Милюкове. Характерная черта этого очерка в том, что в нем освещена почти исключительно активная политическая деятельность выдающегося историка. Такая особенность может объясняться выходом очерка в свет в революционном 1917 г., когда политические вопросы стали вызывать особый общественный интерес.

Еще одной формой работ об историках стали произведения малого формата, к которым относились статьи, речи по случаю юбилеев, с существенными элементами личных воспоминаний. В этом отношении исключительной глубиной отличалась речь С. М. Соловьева памяти Н. М. Карамзина в 1876 г., когда отмечался столетний юбилей историографа. В статье были прослежены культурно-исторические предпосылки появления «Истории государства Российского», которые формировались на протяжении всего развития русской культуры XVIII в. Аналогичной была статья В. О. Ключевского к столетию со дня смерти И. Н. Болтина. Он особо выделил в ней значение «исторической критики» Болтина, которая у него лишалась полемической горячки и, как писал Ключевский, «превращалась в спокойное сравнительное изучение русской истории» [2, с. 156].

Важнейшим источником в исследованиях об историках в XIX – начале XX вв. были труды, созданные ими. Этот источник в конечном счете позволяет делать вывод о вкладе историка в науку, о месте его в науке своего времени. Едва ли менее значимым источником являются другие произведения, созданные историками, которые не относятся к историческим трудам. Это прежде всего их литературные и публицистические произведения, в частности, таких историков, о которых писали позднейшие авторы, как Н. М. Карамзин и М. П. Погодин. К наиболее важным источникам относятся также материалы личностного происхождения. Это были письма и «автобиографические заметки». Последние принадлежали М. И. Семевскому и использовались В. В. Тимощук. Это могли быть также письма других лиц, материалы печати, посвященные историкам.

Труды о русских историках, созданные в XIX – начале XX вв., закладывали основу отечественных исследований, посвященных личностям исторической науки, которые получили свое развитие в более поздний период.

1. Гуревич, А. Я. История историка / А. Я. Гуревич. – М. : РОССПЭН, 2004. – 288 с.
2. И. Н. Болтин // Сочинения : в 8 т. / В. О. Ключевский В. О. – М. : Соцэкгиз, 1959. – Т. 8. – С. 133–163.
3. Памяти И. Н. Болтина // Сочинения : в 8 т. / В. О. Ключевский В. О. – М. : Соцэкгиз, 1959. – Т. 8. – С. 164–176.
4. Коялович, М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям / М. О. Коялович. – М. : Институт русской цивилизации, 2011. – 688 с.
5. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М. : Прогресс, 1967. – 300 с.
6. Лубский, А. В. [Рецензия] / А. В. Лубский. – Рец. на кн. : Пронштейн А. П. Источниковедение в России. Эпоха феодализма / А. П. Пронштейн. – Ростов-на-Дону : Изд-во РГУ, 1989 // Вопросы истории. – 1990. – С. 172–174.
7. Милюков, П. Н. Главные течения русской исторической мысли / П. Н. Милюков. – М. : ГПИБ, 2006. – 400 с.
8. Черняховский, Ф. И. В. В. Крестинин / Ф. И. Черняховский. – Архангельск : Архангельское кн. изд-во, 1955. – 40 с.

Алеврас Н. Н., Гришина Н. В.

ДИССЕРТАЦИИ РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИОГРАФА: ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ[1]

Диссертация в современном историко-научном знании позиционируется как один из видов историографических источников [2, с. 533–534].

На наш взгляд, видовые особенности диссертации аккумулируются под воздействием ряда мотиваций их авторов. Первая целеполагающая линия определяется устойчивым убеждением современников в значимости научного знания в области изучения истории. Достижение ученых степеней, карьерный рост имели не меньшее значение для университетских людей в ситуации фор-

[1] Исследование подготовлено при финансовой поддержке Фонда перспективных научных исследований ЧелГУ (Приказ № 72–1 от 02.02.2021 г.).

мирования научного сообщества с его иерархичной структурой. Современники-диссертанты изучаемого времени не выражали явной рефлексии относительно жанровой принадлежности своих квалификационных сочинений. В первой половине XIX в. накапливался опыт создания диссертаций-«рассуждений» и диссертаций-исследований, а к рубежу XIX-XX вв. возникает тип диссертаций-монографий и усиливается карьерная подоплека их защит.

Авторы в данном случае актуализируют проблему изучения диссертаций в рамках указанного периода с учетом опыта создания базы данных о диссертациях и обращения к довольно представительной их совокупности – 409 работ. Общее их количество задает тему выработки оптимальных подходов к их изучению. Во-первых, использовался информационный ресурс базы данных о диссертациях и диссертантах, позволивший дать общую картину приоритетов диссертантов в выборе проблематики и актуальных для них хронологических ретроспекций. Во-вторых, востребованным стал метод выборки тематически связанных диссертаций с последующим анализом их текстов. В-третьих, была предпринята попытка обобщения вводных сюжетов к текстам диссертаций с целью уловить и понять как мотивацию выбора проблематики, так и научный инструментарий диссертанта, используемый для решения поставленных научных задач.

I. Вся совокупность диссертаций при изучении их проблематики распределяется на три хронологических периода (Табл. 1), исходя из установившихся к середине XIX в., в том числе в российском историко-научном сообществе, представлений о периодизации истории [4, с. 196–227].

Таблица 1. Распределение тематики диссертаций по хронологическому принципу

Уровень диссертации	Древняя истории	Средние века	Новое время	Итого
Магистерские диссертации	84	108	72	264
Докторские диссертации	39	61	45	145

Как видим, наибольшее внимание соискатели уделяли средневековой истории (108 магистерских и 61 докторская диссертации). На втором месте у магистров оказывалась древняя история – 84 диссертаций, а у докторов новое время – 45 диссертаций.

Неравномерно выглядит распределение диссертаций по научной проблематике. Все анализируемые диссертации дифференцированы по 5-ти основным категориям, в 4-е из которых вошли конкретно-исторические работы, посвященные проблемам политической, социальной, экономической истории и истории культуры. Отдельно была выделена совокупная категория «вспомогательные исторические дисциплины», что было обусловлено существующими в современной историографии подходами к дисциплинаризации научного знания [3, с. 96]. В эту группу вошли диссертации, посвященные изучению исторических источников, течений исторической мысли, археологии, исторической географии, а также специальным отраслям исторической знания – эпиграфике, геральдике, хронологии и т. п. (Табл. 2).

Таблица 2. Распределение тематики диссертаций по проблематике

Уровень диссертации	Политическая история	Экономическая история	Социальная история	История культуры	ВИД	Итого
Магистерские диссертации	107	28	23	41	65	264
Докторские диссертации	65	11	17	22	30	145

Самой многочисленной категорией стали диссертации, посвященные проблемам политической истории. В основном в нее вошли работы о политических институтах и личностях политиков. Внутри данной группы выделяются диссертации по более узкой проблематике, которые в своей совокупности позволяют сделать вывод о наличии определенных традиций в выборе научных тем. Так, явно просматриваются блоки диссертаций по истории отдельных земель, княжеств, городов, а также по истории колонизации.

Работы по экономической истории чаще всего были посвящены торговым отношениям и финансовой политике. Диссертации, посвященные социальной проблематике, касались социальной структуры и положению отдельных социальных групп. Диссертации по истории культуры чаще всего были обращены к вопросам религиозности и формирования общественного сознания посредством влияния различных направлений философской мысли. Вместе с тем можно отметить работы по истории образования, а также исследования, непосредственно посвященные вопросам развития искусства.

Достаточно представительным проблемно-тематическим блоком стали работы, посвященные отдельным историческим субдисциплинам (ВИД). В этой группе исследований особенно выделяются

диссертации, основанные на анализе конкретного исторического источника, название которого зачастую было вынесено в наименование труда, или видовой группы источников. Диссертанты демонстрировали подходы и методы их изучения. Кроме того, выделяются подгруппы историографических работ и исследований в области эпиграфики, хронологии и исторической географии.

II. Используемый метод выборки совокупности работ по близкой проблематике был применен относительно диссертаций первой половины XIX в., в период становления университетской системы и первых опытов защит диссертаций. Из 85 диссертаций этого периода заметную группу составили 14 работ, ориентированных на постановку проблем методологии и философии истории, а также – разработку истории исторического знания. Всех авторов этих работ можно рассматривать как первопроходцев в области философии, методологии истории и историографии.

Лидером в создании «методологических» диссертаций историков оказался Харьковский университет [1, с. 219–241], где было защищено 9 работ данного типа. В период становления университетской и диссертационной систем особо выделяются 1820–1830-е гг. Тогда во всех университетах было защищено всего 23 диссертации. Но именно в этот период на долю «методологических» диссертаций пришлась половина (10) работ. В последующие десятилетия интерес к методологической проблематике у диссертантов снизился: в 40-е – 50-е гг. XIX в. из 58 защищенных диссертаций только четыре были квалифицированы нами как «методологические».

Несмотря на небольшое количество выявленных работ данного типа, подчеркнем значимость осуществленной выборки – как для понимания тенденций в эпистемологической области исторического знания в период его профессионального становления, так и для выявления особенностей восприятия учеными-современниками статуса и функциональных задач диссертации в качестве особой разновидности научных трудов ученых. Выбор обозначенной тематики именно для диссертационных сочинений актуализировался соискателями ученых степеней спецификой их презентации. Публично защищаемая диссертация, открытая для обсуждения и экспертизы, как инновационный для того времени научный жанр, рассматривалась в качестве оптимального носителя /транслятора философско-методологических размышлений соискателей в культурную среду относительно того, как изучать, преподавать и писать историю.

Многие авторы диссертаций этой группы оказались полузабытыми именами в историографии (Н. Корсун, А. И. Ставровский, И. А. Сливицкий), неизвестными как создатели диссертаций (И. Н. Средний-Камашев, Н. И. Павловский), требующими более углубленного изучения (А. З. Зиновьев, А. Ф. Федотов, Н. Г. Устрялов, А. П. Рославский-Петровский). Авторы посчитали, что к выявленной группе диссертаций целесообразно применить подход, нацеленный на изучение содержания каждой из них. Предметом исследования стали интерпретация концептуальных версий диссертантов, философских и методологических принципов, идеологических стереотипов, положенных в основу квалификационных «рассуждений». Данный подход востребует также погружение в биографический материал, в историю создания диссертаций и хода их защит.

III. Наконец, обращение к текстам диссертаций оказывается продуктивным и для понимания конвенций, сложившихся в научном сообществе анализируемого времени, в частности, применительно ко второй половине XIX-начала XX в. Особое значение в этой связи приобретают вводные разделы диссертационных исследований, которые являются квинтэссенцией принятых договоренностей. Введения /предисловия, выполняя функцию постановочной части, обладали специфической информационной насыщенностью. Основной задачей предисловий становится репрезентация критериев научности, демонстрация базовых исследовательских навыков и оформление академических конвенций [5].

При анализе вводных разделов группы диссертаций, авторами которых являлись историки-русисты Московского и Петербургского университетов, удалось установить, что определенную структуру предисловия начали приобретать в 1860–1880-е гг. В диссертациях, защищенных в более ранний период, зачастую вводная часть отсутствовала (например, в магистерской диссертации С. М. Соловьева). Содержание вводного раздела диссертации трансформировалось на протяжении всего анализируемого времени, в том числе под воздействием меняющихся академических конвенций.

Общим местом в предисловиях становится обоснование выбора темы, что происходило чаще всего через подчеркивание своевременности обращения к ней, а также определение круга задач, на решение которых была направлена диссертация. В текстах предисловий в ряде случаев встречаются весьма зрелые примеры анализа видовых групп источников (М. М. Богословский) и историографии темы (А. А. Кизеветтер, Ю. В. Готье, В. И. Пичета). Складывается традиция выражения слов признательности лицам, оказавшим помощь и поддержку при подготовке диссертации. В культуре благодарностей явно выражается процесс складывания научных школ. Если представители Петербургской исторической школы (С. В. Рождественский, М. А. Полиевктов, П. Г. Васенко, А. Е. Пресняков и др.) обращались к научному авторитету профессоров-руководителей, благодари-

ли своих учителей (К. Н. Бестужев-Рюмин, Е. Е. Замысловский, С. Ф. Платонов), то для москвичей культ учителя был не так выражен. Конечно, в ряде диссертаций фиксируется влияние, например, В. О. Ключевского, но в целом авторы подчеркивают значение интеллектуального общения, сложившегося среди историков-русистов Московского университета в 1890–1910-х гг. Вместе с тем встречаются случаи, когда авторы подчеркивают различные – межшкольные – источники идейного влияния на их диссертации (П. Н. Милюков, Г. В. Вернадский).

1. Киселева, Ю. А. Дисциплинизация историографии как эпифеномен профессионализации исторического знания (на материале Императорского Харьковского университета) // Люди и тексты. Исторический альманах. – М. : Изд-во ИВИ РАН, 2014. – № 6. – С. 219–241.
2. Маловичко, С. И. Классификация историографических источников / С. И. Маловичко // Источниковедение : учеб. пособие / редкол.: М. Ф. Румянцева (отв. ред) [и др.]. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015.
3. Румянцева, М. Ф. Дисциплина исторической науки / М. Ф. Румянцева // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / редкол.: А. О. Чубарьян (отв. ред.) [и др.]. – М., 2014.
4. Савельева, И. М. История и время. В поисках утраченого / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 800 с.
5. Fairclough, N. Critical discourse analysis: papers in the critical study of language / N. Fairclough. – New York, 1995. – 265 p.

Кашинская О. А.

ВЫБОР ФОРМЫ ПРЕЗЕНТАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ М. В. КЛОЧКОВЫМ (К ВОПРОСУ О МОНОГРАФИИ И ИСТОРИЧЕСКОМ ОЧЕРКЕ КАК ВИДАХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ)

Проблема презентации исторического материала в таких видах историографических источников, как исторический очерк и монография ранее уже рассматривалась С. И. Маловичко и М. Ф. Румянцева, которые сделали вывод, что оба вида историописания в рамках классической исторической культуры оказались наиболее тесным образом связаны [7. с. 337–354].

В данном исследовании автор ставит задачу проанализировать исторические исследования М. В. Клочкова «Очерки правительственной деятельности времен Павла I» и «Население России при Петре Великом по переписям того времени. Переписи дворов и населения : Т. 1 : (1678–1721)», сопоставив их с очерковыми по форме историческими произведениями Д. Ф. Кобеко и Н. К. Шильдера.

Несмотря на цензурные сложности обращения к истории жизни и политической деятельности дома Романовых, историки второй половины XIX века стали все чаще обращаться к личности Павла I.

Во второй половине XIX – нач. XX века появляется широкий спектр видов историографических источников, в которых в той или иной степени описывалась история второй половины XVIII века и жизнь цесаревича, а затем императора Павла I.

В результате анализа историографических источников последней четверти XIX – начала XX века, удалось выявить, что биография и история правления Павла I, в первую очередь, позиционировалась в очерковой форме историописания [1, с. 73–75; 2, с. 56–58].

По мнению С. И. Маловичко, такой вид историографических источников – как *исторический очерк* – характеризуется более свободным, чем в научном исследовании (монографии или научной статье), стилем изложения, отсутствием репрезентативной источниковой базы, популярностью текста, доступного для простого читателя, законченностью исторического рассказа. Исторические очерки могут представлять собой исторические повествования, основанные на чужих или своих (более ранних) исторических трудах. [1, с. 539].

Структура произведения Д. Ф. Кобеко производит впечатление одного большого очерка, разделенного на логические блоки, пронумерованные латинскими цифрами. Так, сюжет под номером «II» начинается словами: Двор цесаревича Павла Петровича состоял, в начале царствования Екатерины, из следующих лиц <…> [3, с. 14]. Это наводит на мысль, что выделяемые структурные блоки текста представляют собой законченные рассказы, но это не совсем так. Блок текста под цифрой «VI» начинается словами: «Порошин, прекратив свой дневник, вместе с тем лишился и должности <…>» [3, с. 46], что свидетельствует о разорванности текста и, вместе с тем, отсутствии, выполняемых отдельными наррациями исследовательских задач [1, с. 73–75].

Рефлексируя особенности своего исторического нарратива «Император Павел Первый: историко-биографический очерк», Н. К. Шильдер, писал: «В настоящем труде я не задавался целью изложить историю царствования императора Павла Первого. В виду наступающего столетия кончины этого государя я желал лишь набросать краткий очерк его жизни, отличающейся такими трагическими и, можно сказать гамлетовскими чертами, подобным которые не встречается в жизни ни одного из венценосцев, не только в русской, но и во всемирной истории» [11, с. 8. ; 2, с. 56–58].

Анализ историографического источника «Цесаревич Павел Петрович» позволяет уточнить, что в нем присутствуют видовые признаки, относящиеся к такому виду историографических источников

как исторический очерк. Он принадлежит и к научному, и к социально ориентированному типу исторического знания, а в культуре XIX в. наделялся такими признаками, как авторское испытание, недостаточность научности и популярность изложения материала [7, с. 343, 347]. Исторический очерк … Кобеко имеет четкую историко-биографическую направленность. Само его произведение (выдержавшее несколько изданий) было адресовано не столько современной ему исторической науке, сколько предназначалось (несмотря на наличие сносок) широкому кругу читателей.

Н. К. Шильдер следовал утвердившейся в культуре традиции, поэтому и не старался превращать историческую биографию в строгую научную форму. Историк, по вполне понятным для себя и для культуры его времени причинам, определил вид своего историописания – «очерк». Этот вид историописания в отличие от монографии и научного исследования отличался не репрезентативностью источниковой базы, рассмотренной историографии, популярностью стиля и т. д.

Но совсем по-другому в этой связи смотрятся работы М. В. Клочкова: «Очерки правительственной деятельности времен Павла I» и «Население России при Петре Великом по переписям того времени. Переписи дворов и населения: Т. 1 : (1678–1721).

М. В. Клочков посвятил большую часть своей исследовательской жизни изучению эпохи Павла I. В то время он работал в должности архивариуса во многих архивах таких, как Сенатский, что позволило ему собрать большой массив материала, который лег в основу его многих статей об эпохе Павла I, что потом использовалось им в его исследовании «Очерки правительственной деятельности времен Павла I».

Автор называет свои работы – очерками, но автору этих строк представляется, что это в обоих случаях – монография так, как в этих произведениях отсутствуют признаки, характерные для такого вида историографического источника, как очерк.

Научные произведения М. В. Клочкова были посвящены одному из вопросов русской истории: 1) правительственной деятельности времен Павла I; 2) населению России первой четверти XVIII века [4, 435 с. ; 5, С. 631.].

Анализ историографических источников позволил выявить полноту исследуемой автором темы. В обоих случаях он сделал детальный источниковедческий и историографический обзоры, в которых, в том числе проанализировал работы Н. К. Шильдера и К. Ф. Валишевского» [5, с. 1], а также А. С. Лаппо-Данилевского и П. Н. Милюкова» [4, с. 1]. Анализ предшествующей научной литературы по изучаемым вопросам сопровождается обширными сносками. [5, с. 31.]. М. В. Клочков постарался дать характеристику источникам личного происхождения, например, запискам А. М. Тургенева [9, с. 3; 8, с. 365–390], частной переписке кн. П. И. Хованского и т. д. [4, с. 2; 10, с. 107]. Автор старался объяснить, почему привлекал тот или иной источник.

Исследования М. В. Клочкова, содержат глубокий научный анализ, его объяснения и выводы построены на доказательной базе, включающей опору на именные указы, материалы переписи населения [4, с. 11], мемуары кн. Адама Чарторыйского, рассказы генерала Н. О. Котлубицкого, записки Курляндского дворянина и т. д. [5, с. 31, 34; 8, с. 509–538].

В исследованиях М. В. Клочкова присутствуют и другие признаки, которые противоречат вынесенному автором в самоназваниях работ указание на «очерк». Микроструктура его работ представлена главами, а не очерками, автор делит их на главы, [5, с. 1] (правда, в подзаголовке одной главы поставлено еще слово «очерк» [4, с. 1]).

Анализ историографических источников «Очерки правительственной деятельности времени Павла I» и «Население России при Петре Великом по переписям того времени» позволяет сделать вывод, что они соответствуют такой форме научных произведений, как монография. Это – «научное сочинение по одному вопросу или разделу науки, в котором в наибольшей полнотой исследуется выбранная тема, проводится детальный и глубокий научный анализ интересующей историка проблемы; она характеризуется анализом предшествующей научной литературы по данному вопросу, новизной теоретического подхода, постановкой новой проблемы и ее решением в результате проведенного исследования <…>, целостностью содержания, строгим соблюдением структуры научного текста» [6, с. 530].

Причины выбора М. В. Клочковым в самоназваниях своих научных произведений «очерка», как вида изложения исторического материала, при явном несоответствии реализованной им форме историописания, требует своего дальнейшего исследования.

1. Кашинская, О. А. Практика исследования произведения Д. Ф. Кобеко «Цесаревич Павел Петрович (1754–1796)» в предметном поле источниковедения историографии / О. А. Кашинская // Актуальные вопросы изучения преподавания истории, социально-гуманитарных дисциплин и права : материалы международной научно-практической конференции к 100-летию исторического факультета ВГУ имени П. М. Машерова, Витебск, 26–28 апреля 2018 г.. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. – С. 73–75.
2. Кашинская, О. А. Практика использования историко-библиографических произведений Н. К. Шильдера как историографических источников в учебных книгах по историографии / О. А. Кашинская // Актуальные проблемы ис-

точниковедения : материалы международной научно-практической конференции к 110-летию Витебской учебной архивной комиссии, Витебск, 25–27 апреля 2019. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2019. – С. 56–58.
3. Кобеко, Д. Ф. Цесаревич Павел Петрович (1754–1796): историческое исследование / Д. Кобеко. – 3-е изд. – СПб. : Типогр. М. М. Стасюлевича, 1887. – 474 с.
4. Клочков, М. В. Население России при Петре Великом по переписям того времени. Переписи дворов и населения / М. В. Клочков. – Т. 1 : (1678–1721) : [Дис.] / М. Клочков. – Санкт-Петербург : Сенат. тип., 1911. – 435 с.
5. Клочков, М. В. Очерки правительственной деятельности времени Павла I / М. В. Клочков. – Пг. : Сенат. тип., 1916. – 631 с.
6. Маловичко, С. И. Источниковедение историографии / С. И. Маловичко // Источниковедение : учебное пособие / И. Н. Данилевский [и др.] ; редкол.: М. Ф. Румянцева (отв. ред.) [и др.] ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 685 с.
7. Маловичко, С. И. Монография и очерк: опыт сравнительного источниковедческого анализа историографических источников / С. И. Маловичко, М. Ф. Румянцева // Профессия – историк / редкол.: О. В. Воробьева (отв. ред.) [и др.]. – М. : Аквилон, 2017. – С. 337–354.
8. Рассказы генерала Н. О. Котлубицкого о временах Павла I / публ. А. И. Ханенко // Русский архив. 1912. – Кн. 2. – Вып. 8. – С. 509–538.
9. Записки Александра Михайловича Тургенева. 1772–1863 / публ. А. С. Сомова // Русская старина, 1885. – Т. 47. – № 9. – С. 365–390.
10. Частная переписка князя Петра Ивановича Хованского, его семьи и родственников. – Москва : Синод. тип., 1905 (обл. 1906). – 184 с.
11. Шильдер, Н. К. Император Павел I : Историко-биографический очерк: С портр., видами, планами и автографами / Н. К. Шильдер. – 1901. – 606 с.

Синюрка С. А.

НЕИЗВЕСТНОЕ ОБ ИЗВЕСТНОМ: ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПУБЛИКАЦИИ М. В. КЛОЧКОВА ОБ А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОМ

Лицо исторической науки определяется не только ведущими, знакомыми широкой общественности, деятелями. Без ученых «второго плана» невозможно представить пространство интеллектуальной жизни той или иной эпохи. Обращение к творческому наследию таких историков (к которым можно отнести Михаила Васильевича Клочкова [6]) в контексте их характеристики выдающихся историков (среди последних видное место занимает Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский) может стать одним из возможных способов получения как определенного (например, «клочковского») образа известного ученого, так и, собственно, дать представление о самом авторе характеристики. Более того, это может открыть возможность к воспроизведению общего исторического контекста, в котором оба ученые жили и трудились, что, в свою очередь, может быть перспективным направлением для историографических исследований.

Имя и научное наследие А. С. Лаппо-Данилевского достаточно отражены в историографии. Личность М. В. Клочкова также в последние годы попала в поле зрения исследователей. Но проблема характеристики их взаимоотношений не была предметом специальных научных изысканий. Однако, М. В. Клочков и А. С. Лаппо-Данилевский в течении долгих лет имели связи – личное знакомство, совместная деятельность, принадлежность к одной исторической школе, профессиональной корпорации.

Известно, что А. С. Лаппо-Данилевский стал организатором целого ряда мероприятий Академии Наук, в которых привлекал ведущие исследовательские силы российской науки [5, с. 85]. Одно из первых мест в начале XX в. среди направлений научной деятельности академика заняла публикация исторических источников. А. С. Лаппо-Данилевский приглашал и руководил работой большого количества специалистов, среди которых был и М. В. Клочков. Работа проводилась по двум основным направлениям издания источников – «Памятники старинного русского законодательства» и «Материалы по истории русского законодательства» [5, с. 86]. Она стартовала в 1902 г. Руководствуясь ходом работ по различным изданиям, в 1906 г. была определена последовательность публикаций выпусков серии. Начиная с 1907 г., под руководством А. С. Лаппо-Данилевского, и при участии барона А. Э. Нольде, М. В. Клочков работал над третьим выпуском серии, который назывался «Учреждение о губерниях 1775 г. » [5, с. 163]. В 1910 г. М. В. Клочков фактически получил от А. С. Лаппо-Данилевского общее руководство изданием данного выпуска, однако, по неизвестным причинам, он так и не увидел свет [5, с. 166]. Неизвестно, как отразился этот факт на отношениях ученых. Но уже в следующем году, после неудачного археографического проекта, в зарубежном издании появляется статья М. В. Клочкова, которая была посвящена характеристике научной и литературной деятельности А. С. Лаппо-Данилевского [7]. Видимо, Клочков считал необходимым для себя обратиться к творчеству признанного корифея русской исторической науки.

Его публикация была размещена в разделе научной хроники только что основанного журнала «Zeitschrift für osteuropäische Geschichte». Как показывает само название, задачу издания составляло изучение восточно-европейской истории, преимущественно России и Польши, и их от-

ношений с Германией и Австрией [4, с. 299]. В число сотрудников журнала вошел, в том числе, и А. С. Лаппо-Данилевский.

Клочков предпринял попытку проанализировать основные труды академика. Автор публикации отметил, что А. С. Лаппо-Данилевский не только историк, но и археолог, экономист и философ, поскольку его работы охватывают также проблемы, находящиеся вне истории России. Проанализировав тематику, проблематику, хронологические рамки основных исследований ученого, Клочков отдельно остановился на его работе по изданию источников. Подводя итог, Михаил Васильевич пришел к следующему выводу: «Исследования ученого сочетают разносторонность и основательность, которые ясно выхватывает глаз уже при этом кратком обзоре, к тому же – его широкая эрудиция, использование опубликованных и архивных документов, его удивительная начитанность в литературе, усердие в методах при обработке материалов и осторожность в выводах, к которым он приходит, дают понимание того, что труды А. С. Лаппо-Данилевского занимают очень почетное место в русской исторической литературе» [7, с. 471].

В данной публикации М. В. Клочков сосредоточился на главных идеях, содержании и значении работ академика Лаппо-Данилевского в отечественной науке, а также на конкретной его деятельности с тем, чтобы определиться в целом с ролью ученого в научной и культурной традиции того времени. Возможно, статья Клочкова, учитывая ее тон и содержание, была попыткой выявления заинтересованности, необходимости отзыва на труды своего признанного коллеги, дружеского отношения и уважения к нему.

Таким образом, публикация М. В. Клочкова не только характеризует академика А. С. Лаппо-Данилевского, но и его самого, а также проливает свет на взаимоотношения двух историков. Клочков еще раз заявил о себе как об одном из представителей весомого научного сообщества дореволюционной России – школы русских историков Санкт-Петербургского университета, к которой принадлежал и А. С. Лаппо-Данилевский, и продемонстрировал родство научных интересов с ним, которые находились в плоскости истории русского права и социальных вопросов. И, наконец, отметил особенное отношение к источнику и факту А. С. Лаппо-Данилевского, что обнаруживало и его самого как источниковеда и профессионального историка.

1. Брачев, С. В. «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба / С. В. Брачев. – Санкт-Петербург : Стомма, 2001. – 246 с.
2. Брачев, С. В. Травля русских историков / С. В. Брачев. – Москва : Алгоритм, 2006. – 320 с.
3. Письма акад. А. С. Лаппо-Данилевского проф. Д. И. Багалею // Записки Императорского Харьковского университета. – 1914. – Кн. 1, ч. офиц. – С. 74–75.
4. [Рецензия] // Исторический вестник. – 1911. – Т. 125 – № 7. – С. 299–300. – Подпись : М. К-в. – Рец. на кн. Zeitschrift fur osteuropaische Geschichte. – Berlin, 1910.
5. Ростовцев, Е. А. А. С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа / Е. А. Ростовцев. – Рязань, 2004. – 352 с.
6. Чухлій, С. О. Історик Михайло Васильович Клочков (1877–1952): життєвий шлях та творча спадщина: монографія / С. О. Чухлій. – Харків : ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2014. – 188 с.
7. Klochkov, M. V. S. Lappo-Danilevskij / M. V. Klochkov // Zeitschrift für osteuropäische Geschichte. – 1911. – Bd 1. – S. 464–471.

Космач В. А.

СОЗДАНИЕ И НАЧАЛО РАБОТЫ РУССКОГО НАУЧНОГО ИНСТИТУТА В БЕРЛИНЕ (1923 Г.)

Русский научный институт в Берлине был открыт в 17 февраля 1923 г. Он разместился в здании «старой строительной академии на улице Шинкельплатц и был обязан своим возникновением инициативе и поддержке различным немецким деятелям и институтам» [5, 89]. По своему статусу русский научный институт (РНИ) «располагался между школой и университетом» [5, 89]. Особую роль в основании русского научного института в Берлине сыграли «германское общество по изучению Восточной Европы» во главе с профессором Отто Хётчем – самым известным историком по проблематике восточноевропейских исследований в годы Веймарской республики, а также Моритц Шлезингер – представитель «народного союза по делам русских беженцев» и одновременно Германского министерства иностранных дел и Прусского министерства науки, искусств и народного образования [5, 90].

Министерство иностранных дел Германии не планировало иметь официальные контакты с Русским научным институтом в Германии, поскольку это могло негативно сказаться на контактах Германии и Советской России (СССР), которые с апреля 1922 г. возобновляли и стремительно разворачивали сотрудничество во всех областях, в том числе военной [1;2;4;7]. Кроме того, в РНИ преподавание вели русские эмигранты, в их числе известная русская профессура, которые относились к лицам, «непризнанным, нежелательным в Советской России» [5, 89]. Поэтому в Берлине основание РНИ рассматривали как инициативу и мероприятие исключительно «Германского общества по изучению Восточной Европы». Условием косвенной, опосредованной поддержки русского

института со стороны официальных кругов должен был стать и тот обязательный факт, что РНИ должен был быть полностью в своей деятельности вне политики [5, 89–90]. Об этом в «Германское общество по изучению Восточной Европы» писал лично прусский министр культуры, искусств и народного образования [6, 7–12].

Но в реальной жизни нередко было другое. Так в предисловии к изданным в 1977 г. «Воспоминаниям» М. Шлезингера говорится что лично М. Шлезингер содействовал выезду из Советской России примерно в 80 профессоров, которые были высланы большевиками в Сибирь. Он же «создал материальные предпосылки для основания Русского научного института» [5, 89–90]. За подобными инициативами обычно стояли негласно или Вильгельмштрассе (германское МИД – В. К.), или Прусское министерство науки, искусств и народного образования. Что касается Советской стороны, то её официальная позиция по отношению начала работы РНИ в Берлине была выражена словами атташе по культуре при советском посольстве в Берлине Гринбергом, который заявлял, что его правительство «весьма понимало бы, если бы удалось здесь (в Берлине – В. К.) русским профессорам найти работу» и что в подобных мероприятиях желательно исключать недоверие и всякую политику. Т. е. позиция Советской России была в принципе выдержана в духе политики Рапалло, тем более, что русских профессоров-эмигрантов обратно вернуть было нереально, а в самой Советской России (СССР) наступила либерализация (НЭП), а в отношениях с Германией – период активных научно-технических и культурных обменов, в которых были заинтересованы обе стороны [3].

26 февраля 1923 г. в Берлине состоялись официальные мероприятия по случаю образования Русского научного института. На заседании, которое проходило в торжественной обстановке было отмечено, что цели и задачи РНИ сводятся к «изучению русской духовной и материальной культуры и распространению знаний об этом среди русских и иностранцев, а также к гарантии помощи русской молодёжи на получение права посещать высшие школы Германии [5, 91]. Руководитель Русского научного института, инженер по профессии, профессор Ясинский в своём выступлении отметил, что 500 русских студентов, которые тогда обучались в берлинских университетах сближают культурно себя с Советским Союзом, и что ещё 1500 русских студентов ищут возможность проводить своё обучение в Германии [5, 91]. РНИ хотел бы оказывать содействие этим обеим группам русских студентов, как и помогать им в научно-исследовательской работе. Кроме организации специальных курсов для студентов РНИ на организацию целой серии докладов и спецкурсов для широкой общественности. Германские официальные лица смотрели на всё это положительно и рассматривали поддержку русских студентов в Германии как «инвестиции будущего» в том плане, что получившие в Германии образование русские студенты в перспективе найдут признание в Советской России и будут выступать там как «будущие руководящие личности в общественной и политической жизни России» [5, 91; 8, 130].

Возможность к «обучению» в РНИ имели следующие лица: студенты, которые до 1918 г. учились в русских высших учебных заведениях а также которые обучались или обучаются на момент основания института в зарубежных университетах; лица, которые закончили в России или заграницей средние школы. Все они должны были быть не моложе 16 лет как мужского, так и женского полов. Стоимость обучения в РНИ за семестр составляла 5000 марок. Лица, которые посещали отдельные доклады и семинары и не заканчивали семестр полностью должны были уплатить 1000 марок [5, 91].

Русский научный институт в Берлине «посвящал себя» различным областям наук [5, 92]: философии, правовым наукам, экономике, что видно из первого расписания лекций для летнего семестра 1923 года. Известные русские ученые читали в РНИ учебные курсы по данным дисциплинам. Так, например, Н Бердяев преподавал историю «духовных течений в России», а также основы социальной философии; С. Франк – «Введение в философию»; А. Кизеветтер – «Русскую историю в XVIII-XIX вв. »; П. Струве – «Экономическую историю России»; А. Каминка – «Русское торговое право» и «Теорию правового сознания» М. Таубе – «Международное положение России». В данном случае речь идет только о тех ученых, которые изначально преподавали в РНИ. Многие из них имели постоянное место жительства за границей. А. Кизеветтер, П. Струве и другие жили, например, в Праге и имели по этой причине трудности с оформлением выездных виз, так что ректор РНИ должен был апеллировать к германскому МИДу. На Вильгельмштрассе обычно шли навстречу и поддерживали просьбу ректора института, оговаривая, что тот или иной приезд учёного в РНИ желательно должен соответствовать интересам немецкой стороны и что РНИ в Берлине не повторяет, не представляет аналог, подобие Русского университета в Праге [5, 92].

Деятельность РНИ способствовала также обогащению самой немецкой науки, которая фактически находилась в то время в международной изоляции [3, 54–56]. Работа русских профессоров Берлине, многие из которых были специалистами мирового уровня и известности, содействовала активным контактам с германскими научными кругами и научной общественностью и далеко выходила за рамки чисто научных связей. Предоставление въездных виз русским научным учёным

рассматривалась на Вильгельмштрассе, как «безупречное», беспрепятственное дело, так, как русская профессура «принадлежала к уважаемым представителям русской науки» [5, 93].

Для русских эмигрантов обучение в Русском научном институте в Берлине представляло возможность въезда и пребывания в Германии. После договорённости Ясинского с департаментом иммиграции при полицей-президиуме Берлина желающие учиться в РНИ русские получали в основной своей массе разрешение на въезд и пребывание в Германии, а также визу без отметки пошлины и поручительства. Германское МИД стремилось к тому, чтобы русских студентов в Германию приезжало больше. Тем самым создавалась конкуренция с русскими эмигрантскими центрами в Париже и Праге, в чём на Вильгельмштрассе были заинтересованы. Примеры Франции Бельгии Чехословакии в работе с русской эмиграцией заставляли официальный Берлин быть в готовности лучше и активнее помогать русским эмигрантам с той целью, чтобы «мосты между Германией и Россией разбить было невозможно» [5, 94]. Не только в Германии в те годы витала надежда на то, что в Советской России большевики будут отстранены от власти, иммигранты вернуться назад в Россию, вспомнят «оказанные им льготы» и учтут это обстоятельство «политически» [5, 94]. Политика «новой России» будет, считали в Германии, во многом определяться страной русской эмиграции («их страной, которая приняла русских эмигрантов, как гостей»). Таков был ещё один весьма важный для Германии момент в деятельности Русского научного института в Берлине.

1. Ахтамзян, А. А. Рапалльская политика. Советско-германские дипломатические отношения в 1922–1932 годах / А. А. Ахтамзян. – М., 1974.
2. Космач, В. А. До и после Рапалло: Советская Россия и СССР во внешней культурной политике Германии (1917–1932 гг.) / В. А. Космач. – Витебск, 2003.
3. Космач, В. А. Внешняя культурная политика Веймарской Германии в политической жизни страны и на международной арене (1919–1932 гг.) / В. А. Космач. – Витебск, 2006.
4. Anderle, A. Die deutsche Rapallo – Politik / A. Anderle. – Berlin, 1962.
5. Dodenhoeft, B. «Last mich nach Rusland». Rissische Emigration in Deutschland von 1916 bis 1945 / B. Dodenhoeft. – Fr. /a. Main : Peter Lang, 1993.
6. Politisches Archiv des Auswartigen Amtes, Bonn (PAAA). – VI B. Kunst und Wissenschaft Rusland. – № 282 (Das Russische Wissenschaftliche Institut in Berlin und andere deutsch-russische Institute. 1922–1926).
7. Rossenfeld, G. Sowjetunion und Deutschland, 1922–1932 / G. Rossenfeld. – Berlin, 1984.
8. Volkmann, H. E. Die russiche Emigration in Deutschland. 1919–1929 / H. E. Volkmann. – Wurzburg, 1966.

Каплин А. Д., Гончаров Г. В.

СОЗДАНИЕ СЦЕНАРИЯ К КИНОФИЛЬМУ «АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ» И М. Н. ТИХОМИРОВ В КОНТЕКСТЕ СОБЫТИЙ 1930-Х ГГ.

В 2021 году отмечается 800-летие со дня рождения святого благоверного великого князя Александра Невского. О нём написано немало и историками. В частности, по такой интересной теме как: роль историков-источниковедов в создании сценария к знаменитому фильму С. М. Эйзенштейна [см. напр. 4, 9]. Однако значение М. Н. Тихомирова, оказавшего наибольшее влияние на изменения сценария, выяснена всё же недостаточно. Об этом и пойдёт речь в нижеследующем тексте.

«Александр Невский» – первый звуковой фильм С. М. Эйзенштейна – стал его единственным законченным фильмом в 1930-е годы. На экраны он вышел 1 декабря 1938 г. и только за этот месяц в советской печати об «Александре Невском» появилось около 130 статей. Интерес и успех – невиданные.

Но и критика фильма последует почти сразу и будет нарастать, причем С. М. Эйзенштейн судить себя начал едва ли не раньше других. В его архиве сохранилась черновая запись, датированная 24 декабря 1938 г. и названная им «Загадка Невского». Вот фрагменты этой записи: ««Невский» действует нагло наперекор себе. Все видят дефекты: бутафорию avant tout, длинноты, ритмические срывы и разрывы. Все видят – не только специалисты. Упорство, с которым идут по два-три раза даже те, кто с первого раза недоволен (за [ка]ким бы, казалось, дьяволом вообще идти еще раз, если не понравилось!). <…> Дело, думаю, в «шаманстве»: в том, что, подобно бубну шамана, бьет одна и одна только мысль … Ни слова, ни реплики, ни эпизода, ни сцены – где не было бы только речи и дела о враге и необходимости его бить» [12, т. VI, с. 547].

Но кто он – этот враг? Как его бить? Авторам фильма «Александр Невский» и его зрителям предстояло дать свой ответ на эти вопросы в критическую пору своего бытия.

Такими разными людьми, как, например, Л. Д. Троцкий, историк, публицист, эмигрант Г. П. Федотов и др. (почти синхронно событиям и впоследствии) неоднократно высказывалась мысль о том, что в 1934-1936 гг. в СССР произошли огромные («коренные», «революционные», «контр-революционные»…) перемены. 5 марта 1934 года на заседании Политбюро ЦК партии И. В. Сталин заметил (в пересказе А. И. Стецкого): «Странная у нас получается вещь. Одно время у нас совершенно не было русской истории, а русская история подменялась историей революционного движения» [Цит. по: 1, с. 183].

При немалом сопротивлении возобновлялось преподавание истории в средней школе, открывались исторические факультеты, в печати стали появляться фрагменты и сюжеты, связанные с героями русского прошлого. Газета «Правда» от 27 января 1936 года была заполнена материалами об изучении и преподавании истории, в том числе с замечаниями И. В. Сталина, А. А. Жданова и С. М. Кирова.

Важнейшее идеологическое обоснование «возвращению» Александра Невского дала публикация в журнале «Большевик» (декабрь 1936 г.) первой части «Хронологических выписок» К. Маркса – нескольких рукописных тетрадей, представлявших собой конспект труда Ф. Х. Шлоссера «Всемирная история для немецкого народа». В этом конспекте К. Марксом кратко упомянуты победы князя Александра Невского на Неве и Чудском озере, а немецким рыцарям даны крайне жесткие характеристики («крестоносная сволочь», «прохвосты» и, наконец, «псы-рыцари»).

Эти определения стали использоваться в контексте поворота в идеологии и не могли не отразиться в исторической литературе. Не удивительно поэтому, что в 3–4-м номере «Исторического журнала» за 1937 год (еще несколько месяцев назад называвшегося «Борьба классов») появляется первая за годы советской власти специальная статья об Александре Невском [2]. Её автором был А. И. Козаченко, который опубликует в 1937 году статью об Александре Невском и в «Правде», а в следующем году – брошюру) [3].

Весной 1935 г. С. М. Эйзенштейн начал работать над сценарием «Бежин луг», о сюжете, близком к истории с Павликом Морозовым. Первый вариант фильма был подвергнут резкой критике. С. М. Эйзенштейн переписал сценарий и снял второй вариант фильма. Но черновой монтаж был приостановлен и в марте 1937 г. фильм «Бежин луг» был запрещен окончательно.

Как пишут авторы комментариев в собрании сочинений режиссера: «Тема Александра Невского впервые заинтересовала Эйзенштейна в мае 1937 г. » [12, т. VI. с. 545.]. В письме от 18 мая 1937 г. заместитель директора киностудии «Мосфильм» С. И. Соколовская предложила ему для работы над будущим фильмом несколько исторических тем. С. М. Эйзенштейн выбрал «Александра Невского». Несколько позднее С. И. Соколовская сообщила, что над сценарием фильма уже работает П. А. Павленко. Первый вариант его сценария имел название «Русь» (правда, первоначально автор хотел дать ему название «Господин Великий Новгород») и насчитывал всего 23 страницы машинописного текста [7].

Совместная работа С. М. Эйзенштейна и П. А. Павленко над текстом началась в конце лета 1937 г., а 12 сентября 1937 года режиссер дал официальное согласие на съемки фильма (изменив название сценария на «Ледовое побоище). Появились и другие правки, текст увеличился до 63-х страниц.

15 ноября 1937 года измененный текст сценария был передан в сценарный отдел Главного управления кинофотопромышленности (ГУКФа), в котором 21 ноября состоялось его чтение. Именно этот вариант был передан в журнал «Знамя» (орган Союза писателей СССР) и был опубликован сразу в 12-м номере [8]. Кроме этого отрывки из сценария «Русь» были опубликованы и в органе ГУКФа – газете «Кино» (22 декабря 1937 г.)

В самом конце декабря авторам стали известны замечания ГУКФа, а среди них и такое: более четко проработать всю линию Александра Невского, его ведущую роль полководца.

Обсуждение сценария продолжалось и позднее. Особое значение имело организованное 9 февраля 1938 года информационно-методическим отделом «Мосфильма» заседание, в котором участвовали историки А. В. Арциховский, Ю. В. Готье, Н. П. Грацианский и др. После завершения этого мероприятия, некоторые из присутствовавших на нем ученых предоставили письменные отзывы. Наибольшую заинтересованность при этом высказал А. В. Арциховский. Именно он и стал впоследствии научным консультантом картины,

Мнения историков, обсуждавших сценарий будущего фильма для современников практически остались неизвестными, за исключением одного, не присутствовавшего на обсуждении, но составившего специальный текст, сыгравший важнейшую роль в дальнейшем изменении сценария.

В мартовском номере 1938 года журнала «Историк-марксист», под нелицеприятным названием «Издевка над историей» [10] была опубликована рецензия источниковеда досоветской выучки, одного из лучших специалистов по истории Руси (особенно Северо-Западной) и «Русской Правды», беспартийного, доцента исторического факультета Московского университета и старшего научного сотрудника Института истории АН СССР М. Н. Тихомирова (1893–1965).

Его дипломная работа на историческом отделении Московского университета (1917) «Псковский мятеж XVII в. Из истории борьбы общественных классов в России» была издана еще в 1919 году. К 1938 г. среди его многочисленных работ особенно можно выделить большое исследование «Псковское восстание 1650 г. » (М. -Л., 1935).

Интересен сам факт публикации «Издевки над историей» в журнале, который еще в 1936 году являлся печатным изданием Общества историков-марксистов при Коммунистической академии и её Института истории. Но к 1938 году это было уже издание Института истории АН СССР.

М. Н. Тихомирова не остановило то, что в 1930 году он проходил по сфальсифицированному «академическому делу» русских историков, находился в Бутырской тюрьме, но был освобожден из-под ареста. А в октябре 1937 года по сфальсифицированному обвинению был расстрелян его родной младший брат – Б. Н. Тихомиров (1898 г. р.)

Рецензия М. Н. Тихомирова заслуживает того, чтобы на ней остановиться подробнее, ибо это – самая развернутая публичная оценка сценария будущего фильма «Александр Невский». Автор приветствует предстоящую постановку картины, где главной темой сценария является Ледовое побоище 1242 г., которое «явилось поворотным моментом в борьбе Руси с немецкой агрессией». Но, «к сожалению, разрешение этой темы в рассматриваемом сценарии приветствовать никак нельзя. Авторы сценария … сделали множество фактических ошибок, непростительных для людей, хотя бы сколько-нибудь знакомых с русской историей, и дали совершенно искаженное представление о Руси XIII в. » [10, с. 92–93].

По мнению историка: «Уже это краткое предисловие (полторы страницы) полно множества ошибок» [См. дальше: 10, с. 92–93]. И в нем «как бы нарочно спутаны все исторические факты». Более того: «К сожалению, из всех этих персонажей только один Александр Невский может считаться действительно историческим лицом, остальные, как мы увидим, наделены авторами сценария такими чертами, которые уводят нас далеко от описываемых в сценарии исторических событий».

Говоря о главе 3, где изображается новгородский торг, М. Н. Тихомиров констатирует «полное невежество авторов сценария». Разобрав первые 4 главы (эпизода) сценария рецензент заключает: «Свое путешествие по историческим дебрям авторы продолжают и далее во всех 18 эпизодах, или главах, сценария. Скучно следить за всеми несообразностями сценария» [10, с. 94].

Особенное недоумение вызвало у М. Н. Тихомирова описание Ледового побоища. Перечислив «только небольшую часть ошибок и искажений, допущенных авторами сценария... », рецензент останавливается на языке сценария: «Убогая, лапотная Русь глядит отовсюду у авторов сценария. Все народы сильнее ее, все культурней, и только «чудо» спасает ее от немецкого порабощения. Как все это далеко от исторической действительности» » [10, с. 96].

А завершил М. Н. Тихомиров свою рецензию следующим выводом: «Если бы авторы сценария серьезно поработали над историческими источниками, они сумели бы понять красоту и величие нашего прошлого и могли бы создать сценарий, достойный имени «Русь» и великого исторического прошлого русского народа» [10, с. 96].

Можно согласиться с комментаторами М. Н. Тихомирова, что его замечания и тон были продиктованы «не стремлением во что бы то ни стало разругать сценарий, а заботой о создании полноценного, верного исторической правде кинофильма, который был бы гимном мужеству и подвигам предков в их борьбе за независимость Родины…» [11, с. 380].

Но нельзя не обратить внимание на то, что в книге: Тихомиров М. Н. Древняя Русь (М., 1975) под редакцией А. В. Арциховского и М. Т. Белявского комментаторы решили отцензурировать М. Н. Тихомирова и изъяли (без всяких примечаний, добавив лишь троеточие) из его текста 1938 года ключевые полторы строки: «Список извращений общеизвестных исторических фактов можно было бы увеличить в 5–10 раз» [10, с. 95]. Так, в спокойный 1975 год коллеги-историки сделали то, что не позволила себе редакция «Историка-марксиста» в 1938 году.

Таким образом, если бы М. Н. Тихомировым были полностью перечислены ошибки и искажения авторов сценария, то они равнялись бы по объёму самому сценарию!

О чем заботится М. Н. Тихомиров в 1938-м? О верности исторической правде? Да, безусловно. Но – не только. Характеризуя творчество ученого, В. И. Шунков писал: «Народ – главный герой исследований М. Н. Тихомирова... Не только исследует он судьбы народа, но и живет и борется вместе с народом» [6, с. 9].

С. М. Эйзенштейн, высоко оценил (по воспоминаниям А. В. Арциховского) рецензию М. Н. Тихомирова, и принял большинство замечаний. Пришлось отказаться как от заявленного названия сценария, так и от прежних вариантов. 26 марта 1938 г. С. М. Эйзенштейн зачеркнул на одном из вариантов режиссерского сценария название «Русь» и надписал сверху новое – «Александр Невский».

Таким образом, именно весной 1938 г. в сценарий были внесены наиболее существенные изменения. О характере этих изменений С. М. Эйзенштейн и П. А. Павленко сообщили в заметке, опубликованной в «Литературной газете»: «В результате большой работы, проделанной нами в содружестве с историками, сценарий «Русь» закончил свое существование на страницах журнала [«Знамя»]. Преемником его является сценарий «Александр Невский», в котором, как нам кажется, мы сумели избежать исторических вольностей» [5].

Сценарий заканчивался 85 страницей, т. е. по сравнению с первоначальным, увеличился почти в 4 раза. Съемки фильма «Александр Невский» были начаты 5 июня 1938 г. и закончены в небывало короткий срок – к 7 ноября.

М. Н. Тихомиров в 1939 году станет доктором исторических наук (за «Исследование о «Русской Правде»»), в 1940-м – выпустит курс лекций по источниковедению, который будет первым в советское время опытом создания учебного пособия на эту тему, а уже академиком, в 1958 году, совершит поездку на Чудское озеро, задумав большое стихотворение (*или поэму*) «Александр Невский».

1. Дубровский, А. М. Историк и власть / А. М. Дубровский. – Брянск : Изд-во БГУ, 2005. – 800 с.
2. Козаченко, А. И. Замечательный исторический урок. Ледовое побоище и Невская битва / А. И. Козаченко // Исторический журнал. – 1937. – № 3–4. – С. 156–164.
3. Козаченко, А. Ледовое побоище / А. Козаченко. – М. : ОГИЗ: Госполитиздат, 1938. – 56 с.
4. Кривошеев Ю. В. «Александр Невский»: создание киношедевра. Исторические очерки / Ю. В. Кривошеев, Р. А. Соколов. – СПб. : Лики России, 2012. – 400 с.
5. Литературная газета. – 1938. – 26 апреля.
6. Михаил Николаевич Тихомиров. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 72 с.
7. Новые произведения П. Павленко. Из беседы с писателем // Литературная газета. – 1937. – 11 октября – № 55.
8. Павленко, П. Русь. Литературный сценарий (Сделан совместно с режиссером С. М. Эйзенштейном) / П. Павленко // Знамя. – 1937. – № 12. – С. 102–136.
9. Соколов, Р. А. Первоначальный сценарий П. А. Павленко к кинофильму «Александр Невский» / Р. А. Соклов // Изв. Сам. науч. центра РАН. – 2015. – Т. 17. – № 3 /2. – С. 503–506.
10. Тихомиров, М. Н. Издевка над историей (о сценарии «Русь») / М. Н. Тихомиров // Историк-марксист. – 1938. – № 3. – С. 92–96.
11. Тихомиров, М. Н. Издевка над историей (о сценарии «Русь») / М. Н. Тихомиров // Древняя Русь. – М. : Наука, 1975. – С. 375–380.
12. Эйзенштейн, С. М. Избранные произведения : 6-ти т. / С. М. Эйзенштейн. – М. : Искусство, 1964–1971.

Монзуль В. Ю.

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ РЕЦЕНЗИЙ В КАЧЕСТВЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА (НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО РИМА)

Рецензии, публикуемые в научных журналах, являются ценными историографическими источниками и, по мнению некоторых теоретиков источниковедения, самостоятельными историографическими фактами [1]. Вместе с тем, исследователи довольно редко используют этот вид источников при изучении историографии. Важнейшими причинами недооценки значения рецензий являются, во-первых, традиция изучения историографии непосредственно по работам исследуемых авторов, во-вторых, существование объективных трудностей при выявлении рецензий на изучаемые работы, в-третьих, малоинформативность некоторых откликов: например, хвалебные отзывы, написанные коллегами и друзьями авторов, составляют немалую долю опубликованных рецензий, но редко выполняют конструктивно-критическую функцию. Представляется, что последние две причины в значительной степени зависят от научных традиций в исследуемой области, а привлечение рецензий не отменяет, а лишь дополняет изучение оригинальных работ.

Рассмотрим перспективы применения рецензий в качестве источника в историографическом исследовании на примере изучения опубликованных откликов на монографии трёх крупных антиковедов XX в., заложивших фундамент просопографического направления в изучении истории Древнего Рима: Маттиаса Гельцера (1886–1974), Фридриха Мюнцера (1868–1942) и Рональда Сайма (1903–1989) [4; 9; 13]. С XIX в. древнеримской историей интересуются во множестве университетов по всему миру, что всегда подталкивало исследователей к активному написанию рецензий, а научные журналы – к их публикации. Благодаря этому сложился большой массив рецензий, что позволяет применять самые разные методы работы с этим видом источников. Современные исследователи поставлены в удобные условия для анализа, поскольку номера большинства антиковедческих научных журналов оцифрованы.

В качестве успешного примера применения рецензий в исследованиях по историографии античности можно назвать опубликованную в 1986 г. статью Р. Ридли «Генезис поворотного момента: «Нобилитет» Гельцера» [12]. На богатом материале Р. Ридли исследовал непростую судьбу рецепции идей М. Гельцера, изложенных в фундаментальной монографии 1912 г. «Нобилитет Римской республики» [4]. Изучив рецензии на эту монографию, исследователь пришёл к выводу, что среди них было немало негативных отзывов, а нейтральные отзывы нередко были довольно поверхностными и сосредотачивались на второстепенных аспектах работы [12, p. 497–502]. Австралийский исследователь подтвердил и обосновал устоявшийся тезис об ограниченном влиянии идей швейцарско-немецкого историка в первые годы после публикации его *opus magnum* (отметим, впрочем, что Первая мировая война прервала научную дискуссию, что могло негативно повлиять на квалифицированную оценку монографии). Далеко не все современники увидели в монографии серьёзные теоретические наработки, открывшие новые пути изучения древнеримского общества: австралийский историк выявил всего трёх рецензентов, которые, по его мнению, в пол-

ной мере оценили работу М. Гельцера. Выводы Р. Ридли содержат ряд интересных наблюдений как о конкретных проблемах рецепции идей М. Гельцера, так и о некоторых чертах антиковедения и научной коммуникации в начале XX в., тем самым подтверждая важность и перспективность применения рецензий в историографических исследованиях.

Непростая судьба постигла и монографию Ф. Мюнцера, одного из наставников М. Гельцера и, одновременно, его первого последователя. Долгое время его знали как составителя статей в фундаментальной энциклопедии антиковедения «*Pauly-Wissowa*», а его монография 1920 г. «Римские аристократические партии и семьи» [9], серьёзно развивавшая некоторые положения М. Гельцера, была маловостребованной в первые годы после публикации. Систематическое изучение рецензий на эту монографию позволяет не только подтвердить известный в историографии факт медленного признания и принятия идей Ф. Мюнцера, но и добавить несколько штрихов к рецепции монографии. Так, одним из первых, в 1921 г., положительный отзыв написал М. Гельцер [3]. В 1925 г. произошёл редкий в истории науки случай: Ф. Мюнцер написал рецензию на свою монографию для «Ежеквартальника социальной и экономической истории» [10]. Поскольку у историка не было острой потребности в написании авторецензии (например, бурной полемики, которая могла бы вынудить его прояснить свою позицию), то уместно предположить, что автор надеялся таким образом популяризовать свои идеи.

Систематическое изучение рецензий подтверждает известные тезисы о небольшой востребованности теоретических построений М. Гельцера и Ф. Мюнцера и малой популярности просопографических исследований за пределами немецкоязычной историографии в 1920–1930-е гг. Выводы немецких историков переосмыслил и развил британский историк новозеландского происхождения Р. Сайм, монография которого «Римская революция» была опубликована в 1939 г. [13]. Первые отзывы на эту монографию были весьма разнонаправленными. Ряд рецензентов высоко оценил работу, верно поняв её теоретическую подоплёку, и весьма благосклонно были приняты выводы Р. Сайма о принципате Августа [5; 11; 14]. Бельгийский учёный П. Лампрехтс, критикуя Р. Сайма за огрехи в структуре сочинения, не соглашаясь с ним по частным вопросам и указывая на недочёты в реконструкции биографий отдельных сенаторов, всё же признаёт его сочинение «очень оригинальным и очень важным» [6].

На «Римскую революцию» писались и остро критические рецензии, вскрывавшие недостатки монографии. Так, Д. Макфейден, отстаивая решающее значение в качестве факторов римской политики фундаментальных процессов, а не семейных интриг, выступил категорически против редуцирования истории Римской республики до клановой вражды. В частности, американский историк назвал доведением до абсурда низведение крупнейшего римского реформатора Тиберия Гракха до уровня пешки в противостоянии знатных семей [7, p. 38–39]. А. Уинспир критиковал «Римскую революцию» с марксистских позиций и возмущался безапелляционными формулировками автора [15]. Наиболее фундаментальными представляются возражения А. Момильяно, который усомнился в необходимости широкого внедрения просопографического подхода в изучение римской истории и, особенно, для описания столь сложного процесса, как революция. Он отметил полное игнорирование Р. Саймом позиции народных масс в римской истории и указал на недостаточное освещение материальных и духовных интересов римских нобилей. А. Момильяно обратил внимание на необходимость более глубокого раскрытия исторического контекста, экономических аспектов системы патроната-клиентелы и объяснения некоторых важных противоречий. Например, рецензент обратил внимание, что в изображении Р. Сайма институт патроната и клиентелы поначалу был фундаментом могущества сенатской аристократии, а затем стал её могильщиком [8, p. 76–78]. Необходимо подчеркнуть, что некоторые замечания А. Момильяно предвосхитили позднейшую развёрнутую критику основных постулатов просопографического направления. Это позволяет утверждать, что системные недостатки новой парадигмы были заметны с самого её становления, а накопление противоречивых выводов лишь подтолкнуло поиски новой парадигмы исследований древнеримской политики. В 1947 г. советский историк Н. А. Машкин опубликовал обстоятельную рецензию на «Римскую революцию» в «Вестнике древней истории». Советский историк ссылался и на некоторые из упомянутых выше рецензий, что существенно обогатило его публикацию. Вывод исследователя был закономерен для советской историографии: несмотря на все достоинства монографии, Р. Сайм не смог увидеть социально-экономическую основу исторического процесса, из-за чего книга «оказывается в конечном счёте несостоятельной в объяснении падения республики и установления принципата» [2].

Таким образом, рецензии могут быть использованы для повышения научного уровня историографических исследований. Анализ использования рецензий в качестве источников позволяет выделить два условия, соблюдение которых необходимо для их применения в исследованиях. Во-первых, анализируемые работы должны быть содержательными, т. е. не ограничиваться пере-

сказом содержания или похвалой автору за проделанный труд. Мнение рецензента по конкретным вопросам, изученным в рассмотренной работе, само по себе может являться значимым для историографии вопроса. В этом отношении критические, полемические публикации оппонентов Р. Сайма существенно более ценны, нежели одобрительные отзывы. Во-вторых, исследователю необходимо иметь представление о сущности историографической полемики на момент публикации рецензируемой работы, чтобы понимать контекст критических замечаний. Рецензенты, обладая сложившимися взглядами по некоторому вопросу, оценивают новые исследования (особенно прорывные) на предмет их новизны. Консерватизм заставлял некоторых историков занимать настороженную позицию по отношению к новым идеям и кропотливо искать недостатки в новых концепциях. Рецепция идей М. Гельцера и Ф. Мюнцера демонстрирует, что лишь немногие исследователи приняли взгляды авторов новых монографий в первые годы после их публикации, более того – первые рецензенты не всегда верно понимали сущность их идей. Представляется, что широкое использование рецензий на монографии при соблюдении названных условий позволяет повысить информативность историографических исследований, проследить рецепцию научных трудов и изучить особенности научной коммуникации среди историков.

1. Ипполитов, Г. М. Историографический факт и историографический источник как категории исторической науки: непростая диалектика / Г. М. Ипполитов // Известия Самарского научного центра РАН. – 2013. – Т. 15. – № 1. – С. 184–195.
2. Машкин, Н. А. Рецензия: Ronald Syme. The Roman Revolution / Н. А. Машкин // Вестник древней истории. – 1947. – № 1. – С. 116–123.
3. Gelzer, M. Die Entstehung der römischen Nobilität: Römische Adelsparteien und Adelsfamilien (F. Münzer) / M. Gelzer // Historische Zeitschrift. – 1921. – Bd. 123. – S. 1–13.
4. Gelzer, M. Die Nobilität der römischen Republik / M. Gelzer. – Leipzig; Berlin : Teubner, 1912. – 120 s.
5. Giles, A. F. Dux and Princeps (Review: The Roman Revolution by R. Syme) / A. F. Giles // The Classical Review. – 1940. – Vol. 54, No. 1. – P. 38–41.
6. Lambrechts, P. Revue: The Roman Revolution (R. Syme) / P. Lamprechts // L'Antiquité Classique. – 1942. – T. 11, Fasc. 1. – P. 147–151.
7. McFayden, D. Review: The Roman Revolution by R. Syme / D. McFayden // The Classical Journal. – 1942. – Vol. 38, No. 1. – P. 38–40.
8. Momigliano, A. Review: The Roman Revolution by R. Syme / A. Momigliano // The Journal of Roman Studies. – 1940. – Vol. 30, Part 1. – P. 75–80.
9. Münzer, F. Römische Adelsparteien und Adelsfamilien / F. Münzer. – Stuttgart : Metzler, 1920. – 437 s.
10. Münzer, F. Römische Adelsparteien und Adelsfamilien (Friedrich Münzer) / F. Münzer // Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. – 1925. – 18. Bd., H. 3 /4 – S. 397–399.
11. [R. L. R.] Review: The Roman Revolution by R. Syme // Greece & Rome. – 1940. – Vol. 9, No. 26. – P. 123–126.
12. Ridley, R. T. The Genesis of a Turning-Point: Gelzer's "Nobilität" / R. T. Ridley // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. – 1986. – Bd. 35, H. 4. – P. 474–502.
13. Syme, R. The Roman Revolution / R. Syme. – Oxford : Clarendon Press, 1939. – 568 p.
14. Wannemacher, W. L. Review: The Roman Revolution by R. Syme / W. L. Wannemacher // The Classical Weekly. – 1940. – Vol. 34, No. 2. – P. 18–19.
15. Winspear, A. D. Review: The Roman Revolution by R. Syme / A. D. Winspear // American Sociological Review. – 1941. – Vol. 6, No. 1. – P. 123–125.

Норкин В. С.

СОЧИНЕНИЕ Г. Ф. ЛОГИНОВА «ИСТОРИЯ СТАРООБРЯДЦЕВ ПОМОРЦЕВ БРАЧНОГО СОГЛАСИЯ ГОРОДА КУРГАНА» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Актуальность исследования истории становления и развития старообрядчества на Южном Урале и Зауралье обусловлена тем, что история развития одного из самых древних пластов русской культуры – старообрядчества всегда шла бок о бок с историей развития крестьянской письменности и традиционной книжной культуры. Традиционная книжная культура и крестьянская письменность Южного Урала и Зауралья представляет особый интерес для современного исследователя. Ведь книжная культура и памятники крестьянской письменности представляют особые символические знаки, шифры с помощью которых общество может приобщаться культурным ценностям и категориям. Изучение книжных памятников конкретного региона позволяет понять и проанализировать сложные социальные, культурные и религиозные процессы, которые формировали культуру данного региона и которые стали культурными кодами для грядуших поколений жителей региона. Территориальные коллекции книжных памятников традиционной культуры и крестьянской письменности были скурпулёзно собраны в результате полевых исследований сотрудниками ЛАИ УрГУ. На основе этой масштабной работы был создан фонд рукописных и старопечатных книг ЛАИ. Среди ряда коллекций необходимо выделить две основные, касающиеся темы данной работы, это Челябинская и Курганская коллекция рукописных и старопечатных книг. Курганская коллекция рукописных и старопечатных книг была описана и проанализирована группой

исследователей, а вот XVIII-е Челябинское собрание ЛАИ УрФУ, частью которого и являются сочинения видного старообрядческого писателя XX-го века Г. Ф. Логинова, так и не была описана и проанализирована. Отсюда вытекает актуальность темы, в необходимости проведения описи и анализа части Челябинской коллекции ЛАИ УрФУ – сочинений Г. Ф. Логинова. Одним из самых важных сочинений Г. Ф. Логинова является «История старообрядцев поморцев брачного согласия города Кургана» [1, л. 1–30].

Одним из последних и самых полных исследований по истории развития старообрядчества на Южном Урале и Зауралье является коллективная монография «Традиционная книжная культура русского населения Южного Урала и Зауралья в XVII-XX вв. », выпущенная в Уральском Федеральном Университете в 2019-м г. [2, 508 с.]. Следует подчеркнуть, что XX-й век в данной монографии рассмотрен только лишь частично. История доведена до Курганского собора 1924 года.

П. И. Мангилев [3, с. 186–191] приводит перечень поморских соборов поморского согласия, которые созывались по вопросу полемики относительно «бессвященнословных» браков [3, с. 191]. Поскольку часть старообрядцев считали эти браки законными, часть же нет. Озерский собор 29 июня 1875 года разделил поморское согласие на две основных ветви: сторонников перекрещивания федосеевцев и филипповцев, а также сторонников принятия федосеевцев и филлиповцев через покаяние в Великий Пост. Данный конфликт попытался урегулировать Курганский собор 1924 года. После Курганского собора 1924 года община поморцев г. Кургана жила в относительно мире. Отсылки к истории и постановлениям поморских соборов Южного Урала и Зауралья в сочинении Г. Ф. Логинова встречаются очень часто.

В работе У. А. Пеньковской [4, с. 114–130] уделяется внимание истории поморских общин Зауралья в XX-м, а именно поморской общины с. Гагарье Курганской области и ее наставнику Ивану Архиповичу Благинину. В ответ на письмо И. А. Благинина Логинов Г. Ф. написал целое сочинение, которое называется «Ответ на письмо Ивану Архиповичу Благинину от 21 августа 1974 года» [5, л. 1–24].

Исходя из этого необходимо сформулировать цель нашей работы. Цель заключается в описание и анализе рукописных сочинений видного старообрядческого писателя Южного Урала и Зауралья XX-го века – Григория Филатовича Логинова. В связи с указанной целью необходимо выделить следующие задачи: во-первых, провести археографический анализ указанного сочинения Г. Ф. Логинова; во-вторых, дать краткую структуру сочинения; в-третьих, провести содержательный анализ сочинения; в-четвертых, выявить значение указанного сочинения среди других сочинений Г. Ф. Логинова.

В работы были использованы эмпирические методы исследования (фотокопирование рукописей Г. Ф. Логинова в ЛАИ УрФУ, историографический анализ проблемы, археографический анализ источника), а также использовались теоретические методы исследований, как например, принцип объективизма, историзма, а также общенаучные методы (анализ, синтез и др.).

Археографический обзор текста. Данная рукопись находится в XVIII-м Челябинском собрании Древлехранилища Уральского Федерального Университета. Она представляет из себя тетрадь в 30 листов. На обложке тетради стоит надпись «Проверена моя». Текст написан полууставом. Название рукописи: «История старообрядцев поморцев брачного согласия города Кургана». Сочинение не закончено, текст прерывается на 30 листе. Текст написан на русском языке с большими вкраплениями просторечной речи. Автором неоднократно используются цитаты из церковных текстов на церковно-славянском языке для пояснения своей мысли. Авторская орфография отличается тем, что слова, оканчивающиеся на согласную букву, завершаются «ъ» – твердым знаком», ряд слов автор пишет под «титлом». При цитировании автора мы будем опускать эти две особенности, при этом оставляя все остальные особенности орфографии и пунктуации.

Автором сочинения является видный южноуральский старообрядческий писатель поморского согласия – Григорий Филатович Логинов, который являлся членом Курганской общины поморцев брачного согласия.

В сочинении дается изложение внутренней истории старообрядцев-поморцев брачного согласия города Кургана. Особое внимание автор уделяет проблеме внутренних конфликтов, которые возникли в общине в 50-е гг. Terminus ante quem для данного документа – март 1973 года. Это можно установить по тому, что последняя дата упоминаемая Г. Ф. Логиновым на последних страницах текста – 26 февраля 1973 года. Terminus post quem для данного текста, вероятнее всего, середина или конец 70-х гг. Автор текста достаточно эмоционально отзывается о проблемах, которые возникли в Курганской общине в 70-е годы, что позволяет утверждать, что эмоции и переживания еще живы.

Местом создания документа является, вероятнее всего, город Курган. Автор рисует свой собственный образ как непосредственного участника событий, который находится в городе Кургане и участвует во всех внутренних нестроениях общины, пытаясь их разрешить и исправить.

Адресатами сочинения являются старообрядцы-поморцы брачного согласия города Кургана.

Цель написания данной работы формулирует сам Г. Ф. Логинов: «Цель описания заключается в том, показать, каким путем с 1955 года Курганские пастыри ведут стадо овец, доверчиво идущих за ними» [1, л. 2].

Структура данного сочинения выглядит следующим образом:

Предисловие Л. 1–4.

Рассматривается слово Иоанна Златоуста, в котором он касается вопроса истинной церкви. Логинов утверждает тезис, что неистинных церквей множество, а истинная церковь одна. Отсюда он переходит к проблемам в Курганской общине. Половников В. А., по мысли Логинова, завел Курганскую общину в неистинную церковь, поэтому члены Курганской общины просят разобраться в этом вопросе. Ибо «которой дорогой нас ведут наши пастыри – спасительной, апостольской или кривыми невешоными дорогами ведущими в погибель вечную». Половников «не допущает» членов общины ко спасению [1, л. 4].

Раздел I. О учреждении священства новоблагодатной Церкви Иисус Христом чрез апостолов. Л. 5–12.

В данном разделе Логинов Г. Ф. отталкиваясь от текстов Священного Писания и Священного Предания формирует тезис об истинной Церкви, приводит ее свойства, указывает устройство истинной церкви в начальном периоде ее формирования. Далее он переходит к историю поморской общины г. Кургана.

Раздел II. О приходе к духовной власти Ерофея Гавриловича и о соборном решении 23 ноября 1955 года. Л. 13–42.

В данном разделе Логинов Г. Ф. рассматривает историю внутренних конфликтов в Курганской общине в 50-е гг. Автор анализирует причины возникших внутренних нестроений, а также показывает их дальнейшие последствия. Позиция автора выражает сторонника линии «защиты», одной из фракций, выделившийся внутри поморской общины города Кургана. После Курганского собора 1924 года старообрядцы-поморцы брачного согласия разделились на три группы:

- «Крестителей». *Позиция*: крещение может быть совершено много раз, необходимо перекрещивать бракоборов (федосеевцев и филлиповцев).
- «Защитников». *Позиция*: крещение совершается единожды, бракоборов принимать через покаяние.
- Бракоборы – отвергали «бессвященнословные» браки.

К началу 50-х гг. данная проблема никуда не исчезла, а продолжала тлеть внутри Курганской общины поморцев. Хотя духовные отцы общины (Викула Иванович и Афанасий Фролович) придерживались решений Курганского собора 1924 года, но в 1955 году духовные отцы Курганской общины умерли. С 1955 года власть в общине переходит в руки Ерофея Гавриловича Богатырева, который является сторонником «крестителей». Постепенно на ключевые посты он ставит своих людей путем поставлений в духовные отцы. Так, например, в духовные помощники Е. Ф. Богатырева будет поставлен будущий наставник Курганской общины Половников В. А. Внутри общины начинает назревать конфликт между сторонниками «крестителей» и сторонниками «защиты», формируется также небольшая группа «бракоборов». Конфликт приведет к распаду Курганской общины в 1960-м году на три группы: «крестители», «защита» или «защитники», бракоборы. Все три группы будут собираться на молитву в разных местах. Параллельно группа «крестителей» будет пытаться зарегистрировать общину в органах власти. Но в 60-е гг. все попытки регистрации будут неудачными. Г. Ф. Логинов как сторонник линии «зашиты» в своем сочинении будут отстаивать именно эту линию.

Раздел III. Дела после соединения 28-го июля 1970 года. Л. 42 – 58.

Г. Ф. Логинов приводит текст мирного соглашения между двумя группам старообрядцев-поморцев г. Кургана. Часть «крестителей» воссоединились с «защитниками», а часть остались обособленно. Внутренние конфликты в общине не были разрешены до конца. Остались несогласия по ряду вопросов, которые на момент написания рукописи, продолжали тревожить общину. К 1974 году Логинов Г. Ф. перестает считать себя членом Курганской общины поморцев брачного согласия, также отстраняется и от Челябинской общины поморцев. В связи с этим он получает письмо от И. А. Благинина (наставника поморской общины с. Гагарье), который недоумевает о ригористическом отношении Г. Ф. Логинова относительно конфликтов внутри Курганской общины. Так рождается второе сочинение – ответ на письмо И. А. Благинина, в котором Григорий Филатович Логинов дополняет свою историю Курганской общины, приводя ряд ранее неизвестных фактов, выдержек из писем и т. д.

Таким образом, на основании рассмотренного материала следует подвести вывод, что сочинение Г. Ф. Логинова «История старообрядцев поморцев брачного согласия города Кургана» представляет из себя достаточно интересный и самобытный источник по истории Курганской общины старообрядцев-поморцев брачного согласия в период между 50-ми и 70-ми гг. XX-го в. В данном сочинении

отражены не только историческая канва жизни Курганской общины, но также причины и последствия внутренних нестроений общины. Данное сочинение представляет также своеобразный памятник истории народной религиозности. История Курганской общины в этот период проходит в непростую эпоху Хрущевской оттепели, но несмотря на совершенно атеистическое окружение внутренняя религиозная напряженность и пассионарность членов Курганской общины остается достаточно высокой, что позволяет сделать вывод об их устойчивости и последовательности в своей вере и идеях. Внутренние конфликты при таком раскладе являются следствием ревности о соблюдении правил. Тем интереснее изучать и анализировать аргументы и психологическую подоплеку данных нестроений то, что они вырастают именно из религиозного миросозерцания участников. К сожалению, данное сочинение не завершено автором, но представляет значительный интерес для читателя, как материал по истории Курганской общины старообрядцев-поморцев брачного согласия.

1. Логинов, Г. Ф. История старообрядцев поморцев брачного согласия города Кургана. Рукопись. сер. 70-х гг. XX-го в.. Древлехранилище ЛАИ УрФУ Челябинское собр. XVIII. 169р / 5038. – 30 л.
2. Традиционная книжная культура русского населения Южного Урала и Зауралья в XVII–XX вв. / под ред. И. В. Починской ; сост.: П. И. Мангилев [и др.]. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. – 508 с.
3. Мангилев, П. И. Соборы старообрядцев поморского согласия Южного Урала и Зауралья второй половины XIX – первой четверти XX в. / П. И. Мангилев // Традиции русской духовной культуры в памятниках письменности XVI–XX вв. / под ред. А. Х. Элерт. – Новосибирск, 2018. – С. 186–191.
4. Пеньковская, У. А. Стиль писем Ивана Архиповича Благинина / У. А. Пеньковская // Уральский сборник. История. Культура. Религия. – 2001. – № 4. – С. 114–130.
5. Логинов, Г. Ф. Материалы о расколе в Курганской общине поморцев. Рукопись. 70-е гг. XX в. Древлехранилище ЛАИ УрФУ Челябинское собр. XVIII. 167р / 5036. – 24 л.

Довгялло М. С.

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ЗА ГРАНИЦЕЙ (НА ПРИМЕРЕ ЮГОСЛАВИИ): ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

Историография Русской православной церкви за границей (РПЦЗ), правильнее сказать историография российской церковной диаспоры, несмотря на значительное количество публикаций, еще слабо изучена. Вместе с тем, она представляет большой научный и практический интерес. Без изучения истории русского православия в широком смысле и осмысления его итогов вряд ли можно понять историю российской эмиграции в целом. Российские эмигранты на чужой территории смогли сохранить свою национальную идентичность, русскую культуру, язык, традиции во многом благодаря православию и православной церкви. РПЦЗ – явление в истории уникальное.

При использовании термина «Историография Русской православной церкви за границей (за рубежом)» следует отметить, что российское православие вне России значительно более многообразно и многолико. Достаточно назвать Американскую, Румынскую, Польскую православную церковь и др. Однако, в исследовании особое внимание уделим историографии РПЦЗ, созданной на территории Королевства сербов, хорватов и словенцев (КСХС) (с 1929 г. – Королевство Югославия). Эмигранты из России построили в стране шесть церквей и часовен, создали несколько десятков общин и монастырей.

Появление в КСХС данной структуры было напрямую связано с Октябрьской революцией и Гражданской войной и последовавшей за ними эмиграции многих православных епископов, священников, монахов, остатков белогвардейской армии и мирных граждан, искавших убежище от преследования советской власти в других странах мира. В ноябре 1921 г. в городке Сремские Карловцы на территории КСХС состоялся съезд эмигрантского духовенства и мирян, вошедший в историю под названием «Карловацкий собор» и ознаменовавший завершение законодательного и организационного оформления РПЦЗ. Он образовал на чужой территории свою каноническою организацию, именуемую ею как РПЦЗ, не признанной Русской православной церковью Московского Патриархата (РПЦ МП) [12, с. 142]. Синод епископов РПЦЗ стал действовать как независимое верховное церковное управление, несмотря на то, что влияние карловчан ограничивалось Югославией, Балканами.

Особый резонанс вызвали принятые на Соборе «Послание чадам Русской Православной Церкви, в рассеянии и изгнании сущим» и «Послание к Всемирной Конференции» [4, с. 31]. Разногласия возникли при обсуждении возможности восстановления на всероссийском престоле законного православного царя из дома Романовых. Решения Собора, в особенности обращение к Генуэзской конференции с призывом к крестовому походу против большевиков, вызвали негативную реакцию у патриарха РПЦ Тихона и советского правительства. С этого времени в среде российских эмигрантов наблюдается открытое размежевание между сторонниками политического нейтралитета и теми, кто не признал легитимность советской власти. Отношения руководителей Зарубежья и РПЦ в СССР долгие годы были напряженными и носили конфронтационный характер.

Поэтому любые контакты с представителями зарубежной церкви воспринимались в СССР как признак политической неблагонадежности.

Условно историографию РПЦЗ можно разделить на российскую и зарубежную. Работы, посвященные истории данной темы, написанные и изданные за рубежом, не будут предметом нашего обзора. Сама тема эмиграции была полузапретной, и писать о ней можно было только с определенным идеологическим уклоном. Серьезное изучение истории РПЦЗ стало осуществляться только во второй половине XX в., когда тема эмиграции стала возможной для общественного публичного обсуждения и исследователи получили доступ к ранее засекреченным материалам. Первые работы советских авторов, посвященные изучению феномена РПЦЗ, носили преимущественно идеологизированный, политический или полемический характер [2] и в задачи авторов не входил научный анализ деятельности РПЦЗ и практически они не имели научного значения и являлись обычными образцами советской пропаганды.

Положение изменилось с конца 1980-х гг., когда ослабел идеологический диктат на исследователей. Ослабление выразилось в возвращении в СССР путем публикации многих важных историографических источников по истории зарубежной церкви. Среди них были не только мемуары зарубежных церковных деятелей, но и труды по истории РПЦ в целом и в изгнании. После ликвидации цензуры, открытия архивов и зарубежных газетных фондов стали появляться работы, построенные на документальной основе. Отдельные аспекты деятельности РПЦЗ затрагивались в монографиях, посвященных истории православной церкви, в которых содержался обширный фактический материал о гонениях верующих в Советском Союзе, мероприятиях РПЦЗ в защиту их прав, анализ причин, приведших к отделению их от церковного руководства в России (СССР) [5]. В «перестройку» и последующие годы возобладало мнение, что осмысление большого творческого наследия эмигрантов будет иметь исключительное значение для духовного, культурного и социально-экономического возрождения страны.

Важными историографическими источниками стали многочисленные произведения и воспоминания зарубежных иерархов православной церкви: Митрополитов Евлогия и Вениамина. В работе канадского ученого, профессора Д. В. Поспеловского содержится богатый неизвестный и малоизвестный фактический материал из российских и зарубежных архивов, рассказывающий о событиях истории Русской церкви после 1917 г., о судьбах ее иерархов и положении РПЦЗ [11].

В России начало серьезным исследованиям было положено лишь в 1990-х гг. XX в., когда тема РПЦЗ стала возможной для общественного обсуждения, и российские ученые получили доступ к ранее засекреченным материалам. Тема русской православной диаспоры стала активно исследоваться как светскими, так и церковными историками [9].

Важной вехой в изучении зарубежного православия является монография профессора Санкт-Петербургского института богословия и философии, священника Г. Митрофанова [6]. В ней предпринята попытка рассмотрения и характеристики ряда важнейших постановлений и посланий высших властей РПЦ к РПЦЗ. Для более полного представления о характере взаимоотношений двух церквей в работе помимо документов Московского патриархата рассмотрены и некоторые важные документы, исходившие от РПЦЗ, в которых позиция этой церковной группы по отношению к РПЦ МП оказалась изложенной наиболее четко и определенно. Рассматриваемые указы, постановления и послания руководства, как РПЦ, так и РПЦЗ публикуются без всяких сокращений в качестве приложения.

Отдельные аспекты из истории РПЦЗ на территории КСХС (Югославии) в Сремских Карловцах рассматриваются в сборниках и монографиях, посвященных жизни русской эмиграции [13].

Например, в монографической работе В. И. Косика, посвященной истории Русской церкви в Югославии, освещаются создание органов церковного управления, организация приходов, церковная жизнь эмиграции в контексте сложной политической обстановки и борьбы различных группировок в Королевстве. Автором был использован неизвестный архивный материал, в приложениях к монографии публикуются отрывки из воспоминаний участников событий протоирея В. Мошина, Владыки В. Родзянко. Большую помощь исследователям РПЦЗ окажут «Краткие биографические сведения о некоторых лицах упоминаемых в книге». Тщательно исследовав историю и деятельность РПЦЗ, В. И. Косик пришел к выводу: «Вся церковно-общественная жизнь русской эмиграции в Югославии в предвоенный период может быть охарактеризована преобладанием в ней политического начала над духовным» [3, с. 137].

Для изучения истории РПЦЗ крайне важным нам представляется и значительное количество документальных публикаций: это сборники документов, в которых собраны правовые акты РПЦЗ, изданные для решения разных вопросов – административных, канонических, богослужебных и др. Среди опубликованных документов: послания, воззвания Архиерейского Собора РПЦЗ, указы архиерейского Синода и другие документы [1].

Большое значение для исследования истории РПЦЗ имеет и монография А. А. Пронина и библиографический указатель А. В. Попова [10]. Монография является первым обобщающим исследованием российской православной диаспоры на всем протяжении ее истории, где комплексно рассматривается деятельность православных миссий РПЦ за рубежом. Автор использовал документы Архиерейского Синода РПЦЗ. А историк А. А. Пронин обращает внимание на то, что российская эмиграция после 1917 г. не была вызвана только религиозными причинами, хотя гонения на церковь и невозможность отправлять свои религиозные потребности повлияли на церковных служителей и мирян покинуть Россию.

Важный вклад в историографию внесли А. Нивьер и А. А. Корнилов [8], чьи справочные материалы являются незаменимыми в любом исследовании, посвященном русской церковной эмиграции.

В заключении следует отметить, что интерес к теме РПЦЗ – это показатель интеллектуального роста, подтверждение того, что нас объединяет потребность найти ответы на многие вопросы современности у них – российских эмигрантов. Так, в мае 2007 г. произошло знаменательное событие в истории России, когда был подписан «Акт о каноническом общении» – объединение РПЦ МП с РПЦЗ [7, с. 169]. Это событие подготавливалось почти два десятилетия, на протяжении которых представители обеих Церквей пытались понять и простить друг друга. Начался новый этап в истории РПЦ, истории русского народа и государства, и, конечно, российской православной диаспоры за рубежом. Это событие подтверждает то, что история русских церковных разделений в XX в. как объект исследования сохраняет свою актуальность, а историография РПЦЗ находится в стадии своего становления и степень ее разработанности недостаточна в настоящее время.

1. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. : в 2 ч. / М. Е. Губонин. – М. : ПСТБИ, 1994. – 1063 с. ; Законодательство Русской православной Церкви Заграницей: (1921–2007) / Д. П. Анашкин. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2014. – 620 с. ; Петров, С. Г. Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП (б) как источник по истории русской церкви (1921–1925 гг.) / С. Г. Петров. – М. : Росспэн, 2004. – 406 с. и др.
2. Белов, А. В. Карловацкий раскол – прошлое и настоящее / А. В. Белов. – М. : Знание, 1975. – 64 с. ; Гордиенко, Н. С. Обреченные: о русской эмигрантской псевдоцеркви / Н. С. Гордиенко. – Л. : Лениздат, 1988. – 207 с. ; Комин, В. В. Крах российской контрреволюции за рубежом / В. В. Комин. – Калинин : КГУ, 1977. – 49 с. ; Корзун, М. С. Русская православная церковь, 1917–1945 годы: Изменение социал. -полит. ориентации и науч. несостоятельность вероучения / М. С. Корзун. – Минск : Беларусь, 1987. – 111 с. ; Русское православие: вехи истории / Я. Н. Щапов, А. М. Сахаров, А. А. Зимин [и др.]. – М. : Политиздат, 1989. – 719 с. и др.
3. Косик, В. И. Русская Церковь в Югославии (20–40-е гг. XX в.) / В. И. Косик – М. : Православный Свято-Тихоновский Богословский ин-т (ПСТГУ), 2000. – 287 с. ; Косик, В. И. Русское церковное зарубежье: XX век в биографиях духовенства от Америки до Японии: материалы к словарю-справочнику / В. И. Косик. – М. : ПСТГУ, 2008. – 400 с.
4. Маковецкий, А. В. Белая Церковь / А. В. Маковецкий. – СПб. : Питер, Лидер, 2009. – 315 с.
5. Масальская, А. С. Русская Православная церковь и коммунистическое государство, 1917–1941 : док-ты и фотоматериалы / А. С. Масальская. – М. : Ин-т РАН, 1996. – 328 с. ; Мосс, В. Православная Церковь на перепутье (1917–1999) / В. Мосс. – СПб. : Алетейя, 2001. – 405 с. ; Мазырин, А. В. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской православной церкви в 1920-х – 1930-х годах / А. В. Мазырин. – М. : ПСТГУ, 2006. – 441 с. ; Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991) : материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / Г. Штриккер. – М. : Пропилеи, 1995. – 400 с. ; Степанов, В. Свидетельство обвинения : в 3 т. / В. Степанов (Русак). – М. : Рус. книгоизд. Тов-во, 1993. и др.
6. Митрофанов, Г. Русская Православная Церковь в России и в эмиграции в 1920-е годы: К вопросу о взаимоотношениях Московской Патриархии и русской церковной эмиграции в период 1920–1927 гг. / Г. Митрофанов. – СПб : Ноах, 1995. – 144 с.
7. Митрофанов, Г. Русская православная церковь на историческом перепутье XX в. / Г. Митрофанов. – М. : Арефа: Лепта Книга, 2011. – 271 с.
8. Нивьер, А. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. 1920–1995 : биограф. справочник / А. Ньвьер. – М. : Русский путь, Париж, 2007. – 573 с. ; Корнилов, А. А. Духовенство перемещенных лиц : биограф. словарь / А. А. Корнилов. – Нижний Новгород : Русское зарубежье, 2002. – 447 с.
9. Одинцов, М. И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма, 1917–1953 гг. / М. И. Одинцов. – М. : РОССПЭН, 2014. – 421 с. ; Цыпин, В. История русской церкви, 1917–1997 : в 9 кн. / В. Цыпин. – М. : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. – Кн. 9. – 830 с. ; Регельсон, Л. Л. Трагедия русской церкви, 1917–1945 / Л. Л. Регельсон. – М. : Крутиц. патриаршее подворье, 1996. – 631 с. ; Он же. Трагедия русской церкви, 1917–1953: история крушения христианства в годы советской власти / Л. Л. Регельсон. – М. : Центрполиграф, 2017. – 413 с.
10. Пронин, А. А. Историография российской эмиграции / А. А. Пронин. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 188 с. ; Российское православие за рубежом: библиограф. указатель литературы и источников: 1918–2006 гг. / А. В. Попов. – М. : ИПВА, 2007. – 630 с.
11. Путь моей жизни: Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. – М. : Моск. рабочий, 1994. – 621 с. ; Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох: Воспоминания / Митрополит Вениамин (Федченко). – М. : Отчий дом и др., 1994. – 448 с. ; Поспеловский, Д. В. Русская православная церковь в XX веке / Д. В. Поспеловский. – М. : Республика, 1995. – 511 с. и др.
12. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году : материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви / сост. М. А. Бабкин. –2-е изд., испр., доп. – М. : Индрик, 2008. – 627 с. ; Русская эмиграция в Югославии : сб. ст. – М. : Индрик, 1996. – 350 с. ; Доренченков, А. И. Эмиграция «первой волны» о национальных проблемах и судьбе России / А. И. Доренченков. – СПб : Д. Буланин, 2001. – 214 с.
13. Шкаровский, М. В. Русская и Сербская Православные Церкви в XX веке (история взаимоотношений) / М. В. Шкаровский ; Санкт-Петербургская духовная академия – СПб. : СПбПДА, 2016. – 224 с. ; Арсеньев, А. Б. Русская эмиграция в Сремских Карловцах / А. Б. Арсеньев. – 3-е изд. – Нови Сад, 2013. – 125 с. ; Йованович, М. Русская эмиграция на Балканах 1920–1940 [перевод с сербского] / М. Йованович. – М. : Русский путь, 2005. – 487 с. ; Цыпин, В. А. Русская православная церковь, 1925–1938 / В. А. Цыпин. – М: Сретен. монастыр, 1999. – 429 с.

Холмов Д. В.

К ВОПРОСУ О ПОДХОДАХ К ТРАКТОВКЕ ПОНЯТИЯ «КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ» В ИСТОРИОГРАФИИ

Понятие коллаборационизм устойчиво вошло в употребление не только историков, о нем говорят политики, телеведущие, граждане. Для обывателя он ассоциируется с Великой Отечественной войной, периодом оккупации. С юридической точки зрения коллаборационизм трактуется как осознанное, добровольное и умышленное сотрудничество с врагом, в его интересах и в ущерб своему государству [11]. Вместе с тем единого подхода к трактовке, а тем более использованию термина нет, а исследователи порой диаметрально противоположно подходят к его определению, зачастую с идеологической подоплёкой.

Историографию белорусского коллаборационизма условно можно выделить два подхода: отечественный и зарубежный. Первоначально термин появился и использоваться на Западе и лишь затем перекочевал в советскую, постсоветскую историческую науку. Там его трактуют как сотрудничество населения во всех сферах деятельности с оккупационными властями в период войны. Преломляя к территории Советского Союза (Беларуси), понятие коллаборационизм употребляют и через призму изучения Холокоста [3; 22; 25]. Соответственно его определение носит негативную окраску, как преступное сотрудничеством с нацистами, соучастие в преступлениях против человечности» [5, с. 10].

В западной исторической науке существует подход, который рассматривает коллаборационизм как локальное явление – добровольное участие граждан советского союза в терроре, пособничестве нацизму [20; 21; 27]. Дж. Боффа считает, что неправильно видеть в коллаборационистах «антисоветскую и антисталинскую оппозицию, на самом деле это сотрудничество посредством вербовки незначительного числа местных жителей политическими средствами и шантажом голодом» [2, с. 108]. М. Эделе на первое место здесь ставит такие формы его проявления как «служба в армии, полиции или администрации» [23]. В. Ринг классифицирует коллаборационизм в зависимости «от реакции населения на национал-социалистов, применительно для белорусского коллаборационизма в том числе. Он выделяет: 1) нейтральный (жить и работать так же, как и до оккупации); 2) безусловный (безоговорочная поддержка национал-социализма); 3) условный (поддержка последнего ради своих целей) [26].

Похожие тенденции мы наблюдаем в советской историографии. Это был период, когда сам факт сотрудничества советских граждан с врагом в годы войны широко не обсуждался, считался весьма нелицеприятной темой. Соответственно «западный» термин коллаборационизм подменялся словами «пособничество», «предательств» и имел негативную окраску. Это подтверждается в том числе работами, среди авторов которых были Л. Цанава, В. Романовский [15; 18]. Советская историография в целом затрагивала только факты сотрудничества с врагом на оккупированной территории, как правило лишь в политической и военной сфере (как наиболее задокументированные).

Изменения наступили в период перестройки. Тогда все чаще относительно людей, сотрудничавших в той или иной форме в годы Великой Отечественной войны с немецко-фашистскими захватчиками, стал употребляться термин коллаборационизм. О. В. Романько определил тогда его как добровольное сотрудничество с нацистским военно-политическим руководством на территории оккупированных Германией стран с целью установления или укрепления нового административно-политического режима. Он выделил его проявления (по сферам деятельности), а также факторы, повлиявшие на возникновение данного явления на территории Беларуси (национализм и антикоммунизм), «национальная подоплёка коллаборационизма проявилась здесь полностью», – пишет автор [16, с. 5]. Исследователь сводит его к военному сотрудничеству белорусского национального движения с военно-политическим руководством нацистской Германии [16, с. 6]. Б. Н. Ковалев, дополняя существующие подходы, выделил 9 форм коллаборационизма, охарактеризовав последний «высокой степенью переговоров, интерактивности и взаимозависимости» [10].

В целом для постсоветского периода характерно наличие подходов, которые трактуют сотрудничество с врагом на оккупированной территории Беларуси с разных позиций, используя для этого понятие коллаборационизм.

Для первого подхода характерны тенденции отказа от негативной окраски феномена и факта сотрудничества населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны с врагом. Представители данного подхода изучают мотивы сотрудничества с врагом, его формы и варианты проявления [9].

В рамках второго подхода это явление рассматривается схоже с советским периодом, где коллаборационисты – пособники оккупантов [14, с. 51]. Так, М. Семиряга пишет, что «в условиях оккупации деятельность коллаборационистов представляет собой измену Родине и, в соответствии с международным правом, они совершают военные преступления» [17, с. 815]. В тот же момент он пытается раз-

граничить понятия коллаборационизм как «осознанное предательство и измена» и «сотрудничество» как «вынужденные и неизбежные в условиях оккупации контакты и связи между местным населением и оккупантами» [17, с. 5]. Похожая точка зрения у Жукова [5, с. 10].

Белорусский исследователь В. В. Миронович, говорит о коллаборационизме в Западной Беларуси как участии населения «в борьбе с партизанами в составе регулярных войск СС и карательных отрядов СД». Он отмечает, что «многие коллаборанты воевали и сражались не столько за Гитлера, сколько против большевизма» [13]. Такое мнение мы видим не у него одного [8, с. 27]. Коллаборационизм при данном подходе освещается, определяя сущность через предвоенную политику советского руководства, выделяя в первую очередь идейное, осознанное и принудительное сотрудничество с врагом [6, с. 24].

В рамках третьего подхода, наиболее распиаренного с подачи Запада, коллаборационизм рассматривается как явления практически равносильное движению за независимость белорусского народа. В рамках данного подхода исследуются ранее неизученные проявления коллаборационизма (культурный, половой и многие другие). Его трактовка происходит через исследования сотрудничества с врагом «белорусских националистов», имевших антибольшевистскую и антирусскую направленность. Последние, «коллаборанты-националисты», выступают как «антиподы партизан, боровшихся против врага» [12], а сотрудничество с немецко-фашистским режимом как «беларускі антысавецкі супрацій» [4]. Термин коллаборационизм употребляется здесь как позитивное явление [24]. А. С. Клюдченя говорит о коллаборационизме как о деятельности «националистических и антисоветских политических и военных организаций», которые «оказывали помощь оккупационным властям в сохранении порядка и пропаганде немецких интересов, проводили политику национального возрождения с целью получения разрешения у немецких властей на самоуправление в составе «Новой Европы»» [9]. Сотрудничество с оккупантами у них это временная мера, при помощи которой последние хотели построить «независимое белорусское государство» [1].

Есть и те, кто заявляет, что «Ад тэрміна «беларуская калабарацыя» варта наогул адмовіцца, бо насамрэч мы маем справу з наступнай з'явай: беларускі нацыянальны рух падчас Другой сусветнай вайны. Улічваючы, што на той час Беларусь не мела сваёй дзяржаўнасці, мы альбо ўсіх, хто супрацоўнічаў з чужынцамі – з палякамі, з саветамі, з немцамі – называем калабарантамі, альбо – нікога [4].

Таким образом, мы видим, что коллаборационизм трактуется как в отечественной, так и в зарубежной историографии с различных сторон. Данное явление преподносится в различных тональностях, негативных и позитивных проявлениях, создает предпосылки для спекуляций и фальсификаций. Кроме того, отмечаются тенденции навязывания коллаборационизма в «белом» цвете относительно явлений и процессов, которые на том же Западе до сих пор окрашены в красный (черный, коричневый). Особо опасно это становится, когда происходит политическая и юридическая реабилитация коллаборационистов, а сотрудничество с нацистскими властями получает позитивную оценку и рассматривается как средство борьбы с большевистской оккупацией за национальную независимость.

1. Акула, К. Змагарныя дарогі: Раман / К. Акула ; прадм. У. Арлова. – Мінск : Маст. літ., 1994. – 572 с.
2. Боффа, Дж. История Советского Союза : в 2 т. – Т. 2 : От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев. 1941 – 1964 гг. – 2-е изд. – М. : Междунар. отношения, 1994. – 632 с.
3. Доктор Таня Пентер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ushmm.org/research/about–the–mandel–center/all–fellows–and–scholars/tanja–penter–2004. – Дата доступа: 13.03.2021.
4. Ёрш, С. Саюз Вызваленьня Беларусі. 1946–1947 гг. [Электронный ресурс] / С. Ёрш. – Режим доступа: http://pdf.kamunikat.org/6323–1.pdf. – Дата доступа: 10.03.2021.
5. Жуков, Д. Полицаи: история, судьбы и преступления / Д. Жуков, И. Ковтун. – 3-е изд., испр., доп. – М. : Пятый Рим (ООО «Бестселлер»), 2016. – 320 с.
6. Здановіч, У. В. Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны (1941–1944 гг.) у адлюстраванні айчынная гістарыяграфіі [Электронный ресурс] / У. В. Здановіч // Высшая аттестационная комиссия Республики Беларусь. – Режим доступа: https://vak.gov.by/sites/default/files/2016–09/d_Zdanovich_0.pdf. – Дата доступа: 10.03.2021.
7. Кіркевіч, А. Анёлы і дэманы Другой сусветнай у Беларусі [Электронный ресурс] / А. Кіркевіч // Новы Час. – Режим доступа: https://novychas.by/poviaz/anjoly–i–demany–druhoj–susvetnaj–u–belarusi. – Дата доступа: 10.03.2021
8. Уничтожить как можно больше: Латвийские коллаборационистские формирования на территории Белоруссии, 1941–1944 гг. : Сборник документов / Фонд «Историческая память» ; сост.: А. Р. Дюков [и др.] ; сопр. ст. А. М. Литвина. – М., 2009. – 360 с.
9. Клютчэня, А. С. Грамадска-палітычная і культурна-асветніцкія арганізацыі калабарацыяністаў на акупіраванай тэрыторыі Беларусі (1941–1944 гг.) [Электронный ресурс] / А. С. Клютчэня // Электронная библиотека БГУ. – Режим доступа: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/176971/1/Kliut%C4%8Denia_diplom.pdf. – Дата доступа: 10.03.2021
10. Ковалев, Б. Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы / Б. Н. Ковалев. – Великий Новгород : НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2009. – 372 с.
11. Коллаборационизм [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/51804. – Дата доступа: 16.03.2021.

12. Луцкевич, О. Была ли Великая Отечественная война для белоруссов «гражданской войной» [Электронный ресурс] / О. Луцкевич // Беларуская Думка. – Режим доступа: https://beldumka.belta.by/isfiles/000167_47779.pdf. – Дата доступа: 10. 03. 2021
13. Миронович, В. В. Белорусская коллаборация и проблемы военизированных формирований на территории Беларуси [Электронный ресурс] / В. В. Миронович // Электронная библиотека ГГТУ им. П. О. Сухого. – Режим доступа: https://www.templerodefshalom.org/wp–content/uploads/2015/06/Rein–L.–Local–Collaboration–in–Belarus.pdf. – Дата доступа: 10.03.2021.
14. НКВД–МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956) : сборник документов / сост.: Н. И. Владимирцев, А. И. Кокурин. – М. : Объединенная редакция МВД России, 2008. – 640 с.
15. Раманоўскі, В. Саўдзельнікі ў злачынствах / В. Раманоўскі. – Мінск : Беларусь, 1964. – 288 с.
16. Романько, О. В. Белорусские коллаборационисты : сотрудничество с оккупантами на территории Белоруссии, 1941–1945 / О. Романько. – Москва : Центрполиграф, 2013. – 478 с.
17. Семиряга, М. Коллаборационизм. Природа, типология и проявление в годы Второй мировой войны / М. Семиряга. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2000. – 862 с.
18. Цанава, Л. Ф. Всенародная партизанская война в Белоруссии против фашистских захватчиков : в 2 ч. / Л. Ф. Цанава. – Минск : Гос. изд–во БССР, Ред. полит. лит., 1949–1951. – Ч. 2 : Мощный рост партизанского движения, 1951. – 1035 с.
19. A world at total war: global conflict and the politics of destruction, 1937–1945 / ed.: R. Chickering, S. Forster, B. Greiner. – Cambridge [etc.] : Cambridge University Press, 2010. – 392 c.
20. Alexander, M. Nazi Collaborators, American Intelligence, and the Cold War: The Case of the Byelorussian Central Council [Electronic resource] / M. Alexander // Templerodefshalom. – Mode of access: https://www.templerodefshalom.org/wp–content/uploads/2015/06/Rein–L.–Local–Collaboration–in–Belarus.pdf. – Date of access: 10.03.2021.
21. Auxiliary Police Units in the Occupied Soviet Union [Electronic resource]. – Mode of access: https://fliphtml5.com/bhqa/hqul/basic/. – Date of access: 12.03.2021.
22. COLLABORATION [Electronic resource]. – Mode of access: https://encyclopedia.ushmm.org/content/en/article/collaboration. – Date of access: 10.03.2021.
23. Edele, M. Stalin'sDefectors. How Red Army Soldiers became Hitler's Collaborators, 1941– 1945 / M. Edele. – Oxford : Oxford University Press, 2017. – 240 p.
24. Maksymiuk, J. World War II – 60 Years After: Collaborators And Partisans In Belarus [Electronic resource] / J. Maksymiuk // Radio Liberty. – Date of access: https://www.rferl.org/a/1058755.html. – Date of access: 10.03.2021.
25. Rein, L. Local Collaboration in the Execution of the «Final Solution» in Nazi–Occupied Belorussia [Electronic resource] / L. Rein // Templerodefshalom. – Mode of access: https://www.templerodefshalom.org/wp–content/uploads/2015/06/Rein–L.–Local–Collaboration–in–Belarus.pdf. – Date of access: 10.03.2021.
26. Rings, W. Life with the enemy : Collaboration a. Resistance in Hitler's Europe, 1939–1945 / W. Rings ; transl. by J. Maxwell Brownjohn. – Garden City (N. Y.) : Doubleday, 1982. – VIII, – 351 p.
27. Cia nazi collaboration [Electronic resource]. – Date of access: https://cryptome.org/2016/01/cia–nazi–collaboration.pdf. – Date of access: 12.03.2021.

Ковяко И. И.

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ИСТОЧНИКОВ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ГЕРМАНСКОЙ ПРОБЛЕМЫ (1945–1990 ГГ.)

Понятие «историографический источник» было впервые введено в научный оборот советским историком С. О. Шмидтом в 1965 г. Англо-саксонская интеллектуальная традиция избегает определения понятия «историографический источник». Общепринятым в рамках исторической науки является разделение всех источников на две основные группы: первичные и вторичные. В то же время в русскоязычной историографии последних десятилетий на фоне актуализации интеллектуальной истории анализ историографических источников стал важной научной задачей [1; 4; 5; 6].

Ввиду сохраняющегося разнообразия подходов к определению понятия «историографический источник», остановимся на позиции С. О. Шмидта. Согласно определению, предложенному исследователем, историографическим источником является любой источник познания историографических явлений. На сегодняшний день не вызывает возражений включение в разряд историографических источников и классических исторических источников, особенно в том случае, если речь идет о проблемно-тематической историографии [2, с. 189]. Однако сама тема классификации историографических источников остается дискуссионной. Отчасти это сопряжено с отсутствием четких критериев классификации, постоянным развитием историографической науки и обогащением ее источниковой базы, а также разнообразием используемых подходов [3]. Предлагаемая систематизация основных видов источников учитывает основные принципы источниковедческого и библиографического подходов, а также результаты практического исследования проблемы автором.

Первую группу источников составляют работы британских и американских авторов по историографии истории. Они позволяют получить представление об основных направлениях и этапах развития исторической науки в отдельных странах, влиянии социально-политических процессов на формирование оценочной системы исследователей. В рамках заявленной проблемы наиболее востребованными представляются работы, изданные в конце XX – начале XXI вв. Особое внимание обращают на себя публикации американского историка Г. Иггерса, которые неоднократно переиздавались на терри-

тории США и за рубежом [13; 14]. Среди изданий последнего десятилетия следует отметить работы Дж. Доуэрти, У. Кокрофта, З. Лауэри, К. Морана, С. Попп, Д. Рейнолдса [9; 10; 15; 16; 17; 18].

Ко второй группе источников относятся документы и материалы научно-исследовательских институтов и центров, которые занимаются изучением заявленной проблемы. В рамках рассматриваемой темы следует отметить два крупнейших центра изучения актуальных проблем германистики в Великобритании и США – Германский исторический институт в Лондоне и Германский исторический институт в Вашингтоне, округ Колумбия. Институты располагают внутренними архивными материалами о их создании и комплектовании, структуре, кадровом составе, реализуемых инициативах. Дважды в год Институты осуществляют выпуск собственных периодических изданий: «Вестник Германского исторического института в Лондоне» (Великобритания) и «Вестник Германского исторического института» (США), который с 2004 г. ежегодно дополняется специальным «Приложением к Вестнику». Издания информируют читателей о программах международного сотрудничества и академического обмена, проведении научных конференций и иных мероприятий, направленных на развитие и актуализацию германских исторических исследований в Великобритании и США, а также публикуют статьи сотрудников и материалы лекций известных историков [11; 12].

Третью группу источников формируют тематические работы профессиональных историков: монографии, диссертации, научные статьи, доклады, рецензии и т. д. Традиционно это наиболее многочисленная группа историографических источников. Отдельное место среди работ подобного рода занимают сборники документов, посвященные определенной теме, которые сопровождаются предисловием и комментариями составителей. В целом, данная группа источников ввиду многочисленности и разнообразия может быть подвергнута дополнительной внутренней систематизации, результаты которой найдут отражение в новых публикациях.

Четвертая группа источников представлена аналитическими материалами. В отличие от предыдущей группы, проблемное поле данного вида публикаций было ориентировано на настоящее и /или будущее германского вопроса. Аналитические материалы, как правило, были подготовлены специалистами с университетской степенью в области исторических, политических, юридических или экономических наук. Многие из них имели опыт службы в дипломатических, военных, финансовых структурах. Проблемную аналитику широко публиковали высокорейтинговые журналы Великобритании и США, такие как «Форин аферс», «Интернэшнл аферс», «Уорлд тудэй», а также многочисленные периодические издания фабрик мысли. Перед организациями подобного рода, которые весьма востребованы в Великобритании и США, стояли определенные задачи: анализ событий настоящего с учетом исторического прошлого и разработка практических рекомендаций на будущее. Прогностическая функция подобных исследований позволяет определить ведущие тенденции в политическом и социокультурном анализе проблемы на определенном временном отрезке.

Источники личного характера, или эго-документы формируют пятую группу. Она представлена работами мемуарного и автобиографического характера. Для англо-американской историографии послевоенного периода характерен довольно широкий круг источников данного вида. Ввиду практической ориентации и прагматизма, которые присущи англо-саксонской научной традиции, значительное количество государственных и политических деятелей, военных, дипломатов обладало университетской степенью. После выхода в отставку многие из них получали должность профессора университета, занимались научной и преподавательской работой. При подготовке публикаций авторы использовали доступный им по роду службы широкий круг первоисточников и разнообразные методы исследования. В то же время они сопровождали материал обширными комментариями и вставками из личных воспоминаний очевидцев, что позволяет отнести подобные работы к мемуарной литературе. Одной из особенностей англо-американской историографии германского вопроса стало наличие исследований, которые фактически оказались на порубежье мемуарной литературы и научного исторического исследования. Это позволяет рассматривать их одновременно как исторический и историографический источник.

В заключительную группу источников могут быть включены учебные материалы, в частности специализированные издания для студентов высших ученых заведений, в которых нашла отражение германская проблема послевоенного периода. Учебные издания позволяют определить наиболее актуальные и важные вопросы в рамках темы, а также изучить основные подходы к их трактовке со стороны академического сообщества. Ввиду наличия множества учебных программ и вариантов пособий, данная группа источников является достаточно разнообразной.

Таким образом, определение сущности понятия историографический источник, а также систематизация подобного рода источников в проблемно-тематическом поле представляется важной и актуальной задачей современной исторической науки. К основным видам источников англо-американской историографии германского вопроса (1945–1990 гг.) следует отнести работы по историографии Великобритании и США, материалы научно-исследовательских центров германских

исследований, тематические публикации историков, аналитику фабрик мысли, личные документы, а также учебную литературу. Дальнейшая практическая деятельность по изучению проблемы может содействовать уточнению и обогащению предложенной автором систематизации источников.

1. Вовк, О. Б. Терминологические проблемы историографии: историографический факт и историографический источник / О. Б. Вовк // Категоріальний апарат історичної науки. Харківський історіографічний збірник. Вип. 4. – Харків : НМЦ СД, 2000. – С. 48–55.
2. Ипполитов, Г. М. Историографический факт и историографический источник как категории исторической науки: непростая диалектика / Г. М. Ипполитов // Известия Самарского научного центра Российской Академии наук. – 2013. – Т. 15. – № 1. – С. 184–195
3. Казаков, Р. Б. Классификация историографических источников: опыт соотнесения библиографического и источниковедческого подходов / Р. Б. Казаков, С. И. Маловичко, М. Ф. Румянцева // 150 лет на службе науки и просвещения : сборник материалов Юбилейной международной научной конференции, Москва, 5–6 декабря 2013 г. / ГПИБ России. – М. : 2014. – С. 421–430
4. Исаев, Д. П. «Историографический источник»: проблемы истории и интерпретации понятия / Д. П. Исаев // Новое прошлое. – 2019. – № 2. – С. 98–114
5. Острянко, А. Н. Источниковедение историографии в свете междисциплинарных исследований / А. Н. Острянко // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Вып. 6 / рэдкал. : С. М. Ходзін (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2011. – С. 35–40.
6. Маловичко, С. И. Проблема классификации источников в предметном поле источниковедения историографии / С. И. Маловичко // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2015. – № 2. – С. 36–44.
7. Маловичко, С. И. Источниковедение историографии как предметное поле интеллектуальной истории / С. И. Маловичко, М. Ф. Румянцева // Мир историка : историографический сборник. Вып. 11. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2017. – С. 77–99.
8. Соломаха, Е. Н. Понятие историографического источника и историографического факта в советской историографии / Е. Н. Соломаха // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2016. – № 10–3. – С. 23–24.
9. Cocroft, W. Protect and Survive. Preserving and Presenting the Built Cold War Heritage // Cold War. Historiography, Memory, Presentation / ed.: K. Jarausch, C. Ostermann, A. Etges. – Berlin ; Boston : Walter de Gruyter, 2017. – P. 215–238
10. Commercialised History: Popular History Magazines in Europe. Approaches to a Historico-Cultural Phenomenon as a Basis for History Teaching / ed.: S. Popp, J. Schumann, M. Hannig. – Frankfurt-am-Mein ; New York ; Oxford : Peter Lang, 2015. – 377 p.
11. German Historical Institute, Washington DC. Official website [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.ghi-dc.org/. – Date of access: 12.03.2021.
12. German Historical Institute, London. Official website [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.ghil.ac.uk/. – Date of access: 12.03.2021.
13. Iggers, G. Historiography in the twentieth century: from scientific objectivity to the postmodern challenge / G. Iggers. – Hanover, NH : Wesleyan University Press, University Press of New England, 1997. – 182 p.
14. Iggers, G. A global history of modern historiography / G. Iggers, Q. E. Wang, S. Mukherjee. – Harlow ; New York : Pearson Longman, 2017. – 376 p.
15. Lowery, Z. Historiography / Z. Lowery. – New York : Rosen Education Service, 2016. – 128 p.
16. Moran, C. Company Confessions: The CIA, Whistleblowers and Cold War Revisionism // Cold War. Historiography, Memory, Presentation / ed.: K. Jarausch, C. Ostermann, A. Etges. – Berlin ; Boston : Walter de Gruyter, 2017. – P. 94–111.
17. Reynolds, D. Probing the Cold War Narrative since 1945: The Case of Western Europe // Cold War. Historiography, Memory, Presentation / ed.: K. Jarausch, C. Ostermann, A. Etges. – Berlin ; Boston : Walter de Gruyter, 2017. – P. 67–82.
18. Writing History in the Digital Age / ed.: J. Dougherty, K. Nawrotzki. – Ann Arbor : University of Michigan Press, 2013. – 283 p.

Зайцева Н. О.

ИСТОРИЯ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ НА СТРАНИЦАХ РОССИЙСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Среди исследователей традиционно высокий интерес к новым или ранее недостаточно изученным источникам. Сегодня целый ряд историков обращается к российской периодической печати второй половины XIX – начала XX вв., как отдельному историческому источнику, обладающему своей исследовательской спецификой и научным потенциалом. Данная статья посвящена изучению работ, авторы которых занимались и занимаются систематизацией, обобщением и научным анализом материалов по истории белорусских земель в российской периодической печати второй половины XIX – начала XX вв. Вместе с тем особое внимание хотелось бы уделить тем работам, для которых основной источниковой базой стала периодическая печать белорусских губерний Российской империи. В изучении этого вопроса можно выделить следующие этапы: дореволюционный (оканчивающийся октябрьской революцией 1917 г.), советский, и постсоветский (начавшийся с 1991 г.). В настоящей статье рассмотрены основные публикации по данной тематике, появившиеся на современном этапе изучения проблемы.

С начала 90-х гг. XX в. на повестке дня для историков стал ряд ранее мало исследованных проблем, касающихся становления белорусского национального движения в конце XIX – начале XX вв., и развития предпосылок к формированию белорусской государственности. Здесь нужно указать публикацию А. Ф. Смоленчука «Беларускае пытанне ў польскім клерыкальным друку ў Вільні» [8]. Он прослеживает близость газет «Kurjer Litewski» и «Dziennik Wilenski» с русскими право-монархическими изданиями по белорусскому вопросу [8, с. 50].

Проблема организации белорусскоязычных периодических изданий во второй половине XIX в. раскрывается в статье И. Запрудского «Беларускі друк у сярэдзіне XIX ст. I дзяржаўная палітыка» [3]. На основании анализа архивного материала и современных исследований автор рассматривает попытки Виленской губернской администрации организовать легальный белорусскоязычный журнал в 60-е гг. XIX в. Он описывает процесс издания отдельных произведений на белорусском языке в указанный период [3, с. 96–99].

С. М. Сороко в монографии «Витебские губернские ведомости (официальная часть и неофициальная часть)» [9], провела подробный анализ «Витебских губернских ведомостей», отметив отношение местного населения к переходу территории Витебщины из Речи Посполитой в Российскую империю [9, с. 5–7]. Автор обозначает идеологическую подоплеку в появлении материалов об истории Витебского края периода 1858–1864 гг., в котором исторические материалы Витебских губернских ведомостей почти полностью представляли статьи К. А. Говорского. Основная тема К. А. Говорского – историческая судьба православия в Беларуси, влияние католицизма и различных его течений на судьбу белорусского народа. Оценивается важное историческое и идеологическое значение его статей в формировании общественного мнения Витебской губернии и в Западном крае в русле идеологии западнорусизма [9, с. 39–41, 60–82].

Период конца XIX – начала XX вв. для «Витебских губернских ведомостей» также связан с публикацией многочисленных статей и очерков по истории белорусских земель. В это время тематика материалов соответствовала такому направлению, как белорусоведение. Здесь С. М. Сороко отмечает особую заслугу редактора Витебских губернских ведомостей – И. И. Пилина в организации публикации таких материалов. Благодаря ему с 1895 г. неофициальная часть приобрела качественно новый уровень. Там стали регулярно появляться исторические статьи и заметки М. В. Довнар-Запольского, В. К. Стукалича, Д. И. Довгялло, Ф. И. Леонтоновича, Н. Я. Никифоровского, И. Я. Спрогиса, И. И. Долгова и других [9, с. 158–162]. В монографии «Архітэктоніка інфармацыйнай прасторы беларускай культуры XIX – пачатку XX стагоддзя» С. М. Сороко обозначила их определяющее влияние на формирование белорусской идеи в информационном пространстве Северо-Западного края. В этом же контексте упоминается редакционная деятельность Е. Р. Романова и его исследования по белорусской истории и этнографии. Труды, которые выходили отдельной рубрикой «Материалы для истории» в неофициальной части Могилевских губернских ведомостей. Наряду с регулярной публикацией первоисточников, авторские статьи по истории белорусских земель, размещенные в ключевых губернских периодических изданиях, оказали, по мнению С. М. Сороко, значительное влияние на постепенную трансформацию информационного пространства Северо-Западного края [7, с. 182, 199, 211].

Анализу «Минских губернских ведомостей» периода восстания 1863-1864 гг., посвящена статья Е. Г. Луферчика [4]. Автор изучил 102 из 104 номеров Минских губернских ведомостей за 1863–1864 гг., хранящихся в библиотечном зале Национального исторического архива Беларуси Он указывает на главенствующую роль издания в формировании общественного мнения в губернии о восстании 1863–1864 гг. Газета, по его мнению, выполняла функцию сдерживания антирусских настроений в регионе. Оперативно информировала местное население о принимаемых официальными властями постановлениях. Е. Г. Луферчик отмечает, что частота публикаций, посвященных восстанию, напрямую зависела от активности повстанческих отрядов в Минской губернии [4, с. 354, 358].

М. В. Громыко в статье «Консервативная пресса на территории белорусских губерний в 1905–1907 годы» выделяет позиции консервативных изданий по важнейшим вопросам государственного устройства [2]. Автор подвергает анализу такие издания как: «Белая Русь», «Морская волна», «Минская речь», «Минское слово», «Витебский голос», «Могилевский вестник», «Крестьянин». Рассматривает участие печати в деятельности партий, союзов и обществ правого толка, их агитационно-пропагандистскую работу. М. В. Громыко указывает на важную роль консервативной прессы в подавлении революции. Воздействуя таким образом на общественное мнение, правый блок одержал победу на выборах в III Государственную думу. По мнению автора, абсолютное большинство правой печати на территории белорусских губерний носило русский национальный характер, выступало за уменьшение влияния в крае национальных меньшинств, и резко отрицательно относилось к идее автономии окраин [2, с. 57].

В кандидатской диссертации Е. П. Цумаревой «Российская правительственная политика на территории Беларуси в 1905–1914 гг. (по материалам консервативной и либеральной печати)» проведен анализ оценок национального и конфессионального развития, проблем народного образования, введения органов земского самоуправления, решения крестьянского и рабочего вопросов. Автор указала на первостепенную роль при освещении реформ и политических дискуссий в начале XX в., которую играли газеты и журналы, бывшие тогда единственным средством массовой информации. [10, с. 3].

На современном этапе изучения периодических изданий Российской империи, особый интерес у белорусских исследователей вызывает конфессиональная печать XIX – начала XX вв. Обобщающим трудом по данной тематике является работа С. В. Говина «Канфесійны друк у Беларусі» [1]. Автор рассматривает становление, развитие и современное состояние конфессиональных средств массовой информации в Беларуси, их роль во взаимоотношении конфессий, союзов, групп, сект и их средств массовой информации с властями и между собой. Впрочем, истории религиозной печати белорусских губерний Российской империи посвящена лишь малая часть данного произведения. При кратком обзоре епархиальных ведомостей уделяется внимание истории самого издания, его периодичности, структуре, редакторам практически оставляя за пределами исследования тематическое содержание опубликованных в ведомостях статей [1].

В монографии В. И. Шимолина «У истоков белорусской печати: епархиальные ведомости второй половины XIX – начала XX в.», напротив, весьма подробно анализируется жанрово-тематическое разнообразие этого источника. Работа посвящена непосредственно анализу епархиальных ведомостей, на предмет изучения духовной культуры белорусского народа. Автор исследует жанры и идейно-тематическое содержание материалов изданий, рассматривает аксиологические основы их деятельности [11, с. 95–125]. В. И. Шимолин определяет историческую тематику в епархиальных ведомостях одной из важнейших форм воздействия на общественное мнение читателя. В ведомостях пропагандировались идеи официальной народности, осуждалось польское культурное и идеологическое влияние в белорусских губерниях [11, с. 96–97].

Информационные возможности епархиальных ведомостей по изучению истории униатства на белорусских землях раскрываются в кандидатской диссертации О. Г. Римко «Епархиальные ведомости на территории Беларуси как источник по истории греко-католической церкви» [6]. Автор изучила большой массив публикаций по истории Брестской церковной унии. Осуществила анализ статей, посвященных истории Замойского и Полоцкого церковных соборов, возникновению и деятельности ордена базилиан, положению белого униатского духовенства, судьбе православных монастырей и храмов, переведенных в разное время в унию, актуализации униатского вопроса в начале XX в. [6, с. 43–93].

Подводя итоги, следует отметить ряд особенностей в изучении периодической печати белорусских губерний второй половины XIX – начала XX вв. Появление независимого белорусского государства открыло перед исследователями широкие возможности для творчества. К изучению процесса формирования белорусской нации, форм государственности на белорусских землях стали активно привлекаться и материалы периодической печати. Исследователи обратили внимание на информационные возможности региональной губернской периодики. Новый этап открывается в изучении епархильной прессы белорусских губерний второй половины XIX – начала XX вв. Журналисты и историки обратили внимание на жанрово-тематическое содержание источника. Публикации по конфессиональной истории белорусских земель в епархиальных ведомостях стали отдельным предметом исследования для современных ученых.

В целом следует отметить широкий научный потенциал периодической печати как исторического источника. Оценка и анализ публикаций историчесого содержания в периодической печати белорусских губерний второй половины XIX – начала XX вв. требует своего дальнейшего исследования.

1. Говін, С. В. Канфесійны друк у Беларусі / С. В. Говін. – Мінск : БДУ, 2008. – 288 с.
2. Громыко, М. В. Консервативная пресса на территории белорусских губерний в 1905–1907 годы / М. В. Громыко // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия «А». Гуманитарные науки. – 2011. – № 1. – С. 57–61.
3. Запрудскі, І. Беларускі друк у сярэдзіне XIX ст. І дзяржаўная палітыка / І. Запрудскі // Роднае Слова. – 2004. – № 9. – С. 96–99.
4. Луферчик, Е. Г. «Минские губернские ведомости» в период восстания 1863–1864 гг. / Е. Г. Луферчик // Сборник работ 70-ой научной конференции студентов и аспирантов Белорусского государственного университета, Минск, 15–18 мая 2013 г. : в 3 ч. / Белорус. гос. ун т. – Минск, 2013. – Ч. 2. – С. 354–359.
5. Пінчукоў, В. П. Цэнзура перыядычных выданняў у Беларусі напярэдадні рэвалюцыі 1905 1907 гг. / В. П. Пінчукоў // Весці Акадэміі Навук Беларускай ССР. – 1985. – № 5. – С. 76–82.
6. Римко, О. Г. Епархиальные ведомости на территории Беларуси как источник по истории греко-католической церкви: дис. канд. ист. навук : 07.00.09 / О. Г. Римко ; БГУ. – Минск, 2016. – 261 л.
7. Сарока, С. М. Архітэктоніка інфармацыйнай прасторы беларускай культуры XIX – пачатку XX стагоддзя / С. М. Сарока. – Наваполацк : Полац. дзярж. ун-т, 2016. – 292 с.
8. Смалянчук, А. Ф. Беларускае пытанне ў польскім клерыкальным друку ў Вільні / А. Ф. Смалянчук // Весці Акадэміі Навук Беларусі. – 1994. – № 4. – С. 44–50.
9. Сороко, С. М. «Витебские губернские ведомости» (официальная часть и неофициальная часть) / С. М. Сороко. – Москва ; Новополоцк, 2004. – 220 с.
10. Цумарева, Е. П. Российская правительственная политика на территории Беларуси в 1905–1914 гг. (по материалам консервативной и либеральной печати) : автореф. дис. … канд. ист. наук : 00.07.02 / Е. П. Цумарева ; МГУ имени А. А. Кулешова – Минск, 2015. – 26 с.
11. Шимолин, В. И. У истоков белорусской печати : епархиальные ведомости второй половины XIX – начала XX в. / В. И. Шимолин. – Минск : БГУ, 2010. – 199 с.

Минц С. С., Яхутль Ю. А.

ОСОБЕННОСТИ ПОНИМАНИЯ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА В СОВРЕМЕННЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ НЭПА В КОНТЕКСТЕ ФОРМ МОДЕРНИЗАЦИИ

Принцип системного исследования довольно давно известен в социогуманитаристике как инструмент, пригодный для изучения сложных общественных систем типа стран, народов, их хозяйственного развития или культуры. Уже натурфилософия XVI в. рассматривает природу и историю как целостные системы. С эпохи Возрождения ученые, практикующие работу с историческими ситуациями, сталкиваются с плохо осознаваемым логическим противоречием – разрывом между разными формами исторического времени. Он выражается в явном несовпадении материалов источников, повествующих о конкретных исторических ситуациях, и реальными последствиями описанных там событий. Практика показывает, что время реальной жизни и время в источниках явно не совпадают. «Время историческое» раз от раза оказывается сложным понятием. Хронологические маркеры в нем теряют свою привычную точность, становятся второстепенными, а то и меняют свое значение, превращаются в социокультурные метафоры. Постепенно длительность исторического времени приобретает для исследователей гносеологический смысл. Достаточно быстро (с исторической точки зрения) ученые убеждаются, что на больших хронологических отрезках легче проследить общие тенденции развития, на небольших удобнее изучать конкретные состояния. Более того, небольшие хронологические отрезки вводят в исторические исследования исторические персонажи разного плана. Конкретные события приобретают свой облик через участие людей, но большая историческая перспектива сглаживает, упрощает, а то и вовсе поглощает их облик. С последней трети XVIII в. ученые предпринимают настойчивые попытки превратить исследовательский принцип системного анализа в практику конкретного исторического исследования. До настоящего времени длится поиск способов совмещения разных форм выражения и восприятия исторического времени. Процесс длительный, разделенный на отрезки разной результативности. Эпистемологический опыт накапливается медленно, рэперных точек в этом процессе не так уж много. Сначала формируется опыт построения целостной устойчивой системы. У истоков осознания познавательной природы таких объектов стоит И. Кант. Историография XX в. воспринимает его идеи через концепцию соотношения Большого и Малого исторического времени, сформулированную Ф. Броделем. Параллельно все чаще ученые обращают внимание на роль неустойчивости общественных систем, опорой которых всегда являются люди. Опять-таки осмысливается эта неустойчивость издавна, а формулируется и принимается полем ученого дискурса, начиная с XVIII в. До сего дня идеи просветителей (Г. Гроция, Ш. Монтескье, Вольтера, Д. Юма, Ж.-Ж. Руссо и др.) о естественном праве и общественном договоре вдохновляют многих социогуманитаристов как новооткрытые. Сама гносеологическая парадигма, однако, существенно изменяется. На первый план выходит неустойчивость общественных систем, их способность к изменениям, трансформациям. Соответственно меняются и эпистемологические принципы, подчиненные им стратегии и практики понимания и описания системных характеристик исторических объектов.

Происходящие изменения хорошо видны при сопоставлении знания двух историко-культурных эпох – Модерна и Постмодерна. Марксизм как системная теория занимает особое место в дискурсивном поле исторического знания обеих.

Теория марксизма родилась в системе классического знания, ориентированного на поиск устойчивых характеристик общественных систем. В классическом историческом дискурсе она оказалась удобной для описания макропроцессов, протекавших на уровне объективных тенденций Большого исторического времени. С ее помощью удалось создать достаточно четкую недвусмысленную картину развития общества от древности до настоящего времени, пролонгированного в будущее. В ней нашлось место и для конкретных людей. Природу их субъективности предложенная система сумела объяснить объективной природой типов общественно-экономического развития, культур. В отличие от Канта и Гегеля, марксизм представил общественное развитие не закрытой системой, завершающейся настоящим, а открытой, объясняющей возможность дальнейшей трансформации людей, общества и человечества в целом. В теории общественно-экономических формаций появилось место и для различных форм пространствовремени, но этот потенциал оказался доступным историкам далеко не сразу. В течении XX в. он стал полем соединения представлений о социальных системах, созданных общей теорией систем (эпоха Модерна) и теорией динамических систем (эпоха Постмодерна). Упрощенность теории формаций позволила достаточно большому количеству практикующих историков включить системный анализ в конкретно-исторические исследования. Освоение открытий психологической науки на уровнях изучения личности и социальных групп, происходившее в основном вне рамок марксистской теории, проявил и познавательный потенциал марксизма. 1970–90-е гг. – время попыток отказаться от марксизма как от идеологии и постоянное возвращение к нему то как к гносеологической теории, то как к новому прочтению системного анализа (И. Д. Ковальченко, Л. В. Милов [1; 2] и многие другие), то как к некой совокупной социальной истории, то как к мирсистемному анализу (И. Вал-

лерстайн [3; 4, с. 153–166] и его последователи в России и вне неё). В последней трети XIX – начале XXI в. самая простая из системных макротеорий исторического развития попадает в условия становления исторического знания эпохи Постмодерна и постепенно находит в нем свое место. Рэперные точки такого поворота в понимании социогуманитаристики пока определяются.

Особняком в процессе формирования представлений о системном анализе, ориентированном на представлении о временной устойчивости социокультурных систем, стоит философия истории Л. П. Карсавина. В начале 1920-х гениальный русский историк создал труд, фактически открывший миру особенности применения теории динамических систем в истории. Лейтмотив его философии истории – объяснение различий между терминами «изменение» и «развитие» [5]. Оценка значения этого труда впереди. Его идеи все еще не очень освоены даже коллегами Л. П. Карсавина медиевистами. Сложности связаны со спецификой понятийно-терминологического ряда, использованного автором для описания научной парадигмы нового типа. Ученому удалось его создать, но он не смог сделать новую терминологию общезначимой. Текст «Философии истории» трудно читать даже русскоязычным, еще труднее перевести этот труд на европейские языки. Проще рассматривать новое в системном моделировании исторического знания эпохи Постмодерна на конкретных примерах. Возьмем для этого обеспеченную столетней историографией проблему нэпа, в понимании которой обнаруживаются все новые модификации.

В изучении нэпа как исторического феномена свою роль сыграли увлечение марксизмом, практически одномоментный отказ от него и постепенное возвращение к пониманию системной природы событий, описываемых как нэп, не через отказ от марксизма, а с учетом его открытий.

Для современного кризиса исторических знаний характерен методологический плюрализм, понимаемый как противопоставление монистическому пониманию истории. На деле практически весь период рождения культуры эпохи Постмодерна активно ведется поиск альтернативных теорий, способных создавать столь же простые и логически емкие системные гносеологические модели, как это мог делать марксизм в системе классического дискурса. История цивилизаций, «повороты» в понимании механизмов исторических событий, формирования культуры и изменений в ней нацелены именно на такой методологический поиск. По сути, упомянутые выше социальная история, целый куст модернизационных теорий, мирсистемный анализ – постепенное возвращение к конкретным системным моделям общественно-экономических и социокультурных тенденций.

Нэп как конкретно-историческое явление, достаточно четко очерчен документально и сравнительно невелик: с 1921 г. по 1929 г., однако исторических дискуссий и литературы о нем великое множество [6; 7; 8; 9]. В своем историческом осмыслении нэп прошел следующие периоды:

1. 1920-е гг. В этот период о нэпе писали разработчики новой экономической концепции, непосредственные участники событий, а также представители русской эмиграции. Для большинства авторов характерно отсутствие понимания целостной природы отечественной истории, сформировавшей концепции нэпа.

2. 1930-е – первая половина 1950-х гг. – ослабление интереса исследователей к проблеме нэпа, поскольку она уходит на периферию развития экономики СССР того времени и стран формирующегося социалистического лагеря.

3. Вторая половина 1950-х – первая половина 1980-х гг. – время, когда политики, экономисты и историки пытаются переосмыслить нэп с учетом возросшего интереса к различным формам перехода от капитализма к социализму. В связи с ослаблением режима секретности, наступившей оттепели, в научный оборот поступает многочисленный архивный материал, в том числе и по событиям периода нэпа. Меняется само представление о возможностях изучения социально-экономических процессов в связи с развитием представлений о кибернетических системах и освоением историками новых форм обобщения статистических данных по методике анализа больших цифровых баз данных. Подход к изучению систем в истории становится более конкретным, что приводит и к обнаружению массы оттенков в событиях экономической, политической и культурной истории 1920-х гг. Вырисовывается круг исторических проблем, связанных с изучением нэпа. Границы нэпа как явления экономической истории размываются и теряют свою хронологическую точность. Вместе с ней исчезает и односторонность в понимании ее политических и социокультурных характеристик.

4. Очередное переосмысление проблемы нэпа как части переходного периода ранней истории СССР (середина 1980-х гг. – настоящее время) – это повседневность современного исторического дискурса, время принципиальной переоценки научных представлений о нэпе, в том числе и в контексте усложняющихся концепций модернизационных процессов. Нэп перестает восприниматься исследователями односторонне, как политическое или социально-экономической явление только 1920-х гг. На первый план в его описаниях и интерпретациях выходят взаимоотношения власти и общества. Политические и идеологические интерпретации истории нэпа становятся объектом историографического анализа и постепенно выводятся из сферы гносеологии в область эпистемологии. Они тоже становятся одним из компонентов построения набора моделей, описывающих нэп как одну из попыток многоканального перехода от капиталистических отношений к некапиталистическим.

Этапы изучения нэпа выглядят как закономерная последовательность развития исторических знаний. Мы видим, как на протяжении смены подходов, восприятий и интерпретаций проявляют себя законы изучения историографии. Первый этап – преобладание эмоций, публицистичности, откровенной пропаганды, но сквозь них постепенно пробивается осознание проблемы. Второй – отличается доминированием идеологических установок и доктрин; аксиология как часть научного дискурса, формируется по принципу полярности точек зрения или позиций в дискуссиях. На третьем этапе идет накопление конкретного материала и его осмысление по маятниковому принципу: от целого к региональной специфике и обратно. Амплитуда научного поиска то сужается, то расширяется, усложняется его векторность, фиксируется многомерность отмечаемых пересечений. На четвертом этапе осознается ограниченность восприятия проблемы как борьбы двух альтернативных вариантов по принципу исключения (или-или). Начинается целенаправленный поиск выхода из сферы публицистики и политических пристрастий в область научного осмысления проблемы через создание целостной модели объекта исследования. В ней намечаются ядро и периферия, создается перспектива сущностных обобщений нового уровня. Применительно к нэпу современная отечественная историография демонстрирует интерес к теоретическим проблемам перехода от одной модели социокультурного развития к другой, изменению методологических подходов к изучению событий 1920-х гг. как подсистемы более сложных социокультурных образований от локальных до геополитических, переоценке их роли и функций на каждом из уровней логического обобщения. На повестке дня стоит вопрос о разработке теории среднего уровня и соотношении результатов научных исследований с уже разработанными теориями.

Если рассматривать проблему нэпа, как это часто бывает, в сравнении с последующей коллективизацией, то ядром истории нэпа становится проблема кооперации. Кооперация выходит на первый план как системообразующий компонент и в том случае, если мы рассматриваем нэп как недолгое продолжение развития капиталистических тенденций в российской деревне, которая лишь в 1860-х гг. начала целенаправленно избавляться от пережитков феодальных отношений. Думаем, что современное состояние частной собственности на земли сельхозназначения, неотъемлемо пока связанное с состоянием продовольственной безопасности страны, может опять сделать проблему кооперации актуальной. С точки зрения изменений форм кооперации в сельском хозяйстве нэп – не феномен и не самоцель, а один из механизмов регуляции целого комплекса взаимоотношений власти и общества.

Давайте взглянем на проблему кооперации в отечественном сельском хозяйстве через понятия разных моделей и форм модернизации: органической и неорганической, ускоренной, догоняющей или запоздалой (запаздывающей) и т. д.

Социал-демократия в России рассматривала разные модели модернизации. На рубеже XIX–XX вв. они подводились под понятие вестернизации, вербализированном в российском контексте Г. В. Плехановым. Вестернизация для него – необходимость создавать в России условия для ускоренного развития капиталистических отношений и формирования промышленного пролетариата как силы для успешной социалистической революции. Для современников Г. В. Плеханова, его последователей и оппонентов кооперация и нэп – прежде всего механизмы вестернизации.

Еще до всех и всяческих революций в России В. И. Ленин писал об американском и прусском пути развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве. Его мысли стали приобретать очертания конкретной социальной практики при подготовке Октябрьских событий и создания республики Советов. Не у него одного были представления о состоянии и судьбе буржуазных отношений в дореволюционной российской деревне. Не он один думал, как лучше опереться на крестьянство в условиях явной недостаточности сил российского пролетариата для достижения политических целей социал-демократии и коммунистов. Петросовет имел свои мысли о некапиталистической модели модернизации. В Декрете о земле преобладали идей аграрной программы партии социалистов-революционеров. В литературе обычно присутствуют две модели модернизации, приписываемые тому времени: направленная на изоляцию и перевоспитание крестьянства (Л. Д. Троцкий), на привлечение и воспитание политической сознательности крестьян (В. И. Ленин и И. В. Сталин времен «Головокружения от успехов»). Имел место и еще один проект построения нового общества через госкапитализм в промышленности и капиталистическую модернизацию как инструмент ускоренного дозревания крестьянской массы до принятия социалистических идей (левые эсеры, А. И. Рыков и др.). Основой этой модели модернизации в деревне должно было стать индивидуальное крестьянское хозяйство, получившее возможность стать середняцким. А дальше ожидалось естественное разложение крестьянской собственности. Не только авторы эсеровской аграрной программы, но и принявшие ее как временную меру большевики, надеялись, что образованные сознательные крестьяне сами выберут социализм. И ведь выбирали, но не всегда. В массе своей выбрали и не совсем через аграрное развитие (времени не хватило), а через промышленный переворот и культурную революцию. Образование открыло новые социальные лифты и помогло избытку сельского населения перебраться в город или перейти в другие социальные группы (рабочие; управленцы и идеологи; люди свободных профессий). России – СССР пришлось столкнуться

в первой трети XX в. со спрессованными темпы развития социально-экономического фактора из-за внешнего давления. Из-за него же выбор более архаизированных темпов развития капитализма (еще до большевиков в стране началась ранняя монополизация промышленности, которая помогала конкурировать на международном рынке; в 1990-е годы те же функции выполняли ранние формы кооперации и позже колхозное строительство как начальные формы коллективного выхода на внутренний и международный рынки разрозненных сельских производителей). Ускоренная коллективизация стала только одной из запущенных моделей модернизации. А их в стране было несколько. И толчки к их развитию были даны гораздо раньше и не только большевиками.

Как инструмент советской ускоренной модернизации, нэп дал стране не только возможность экономической передышки после завершения гражданской войны. Компромисс во взаимоотношениях общества и власти подарил стране несколько лет стабильности. Появились, благодаря нэпу и другие преимущества. Проведение новой экономической политики, несмотря на краткость (всего-то несколько лет!), сделало многомиллионную массу российского крестьянства более восприимчивой к мероприятиям культурной революции. Они помогали большинству крестьянства обрести чувство собственного достоинства и для многих из них изменили механизмы социального лифта. Не это ли помогло советской государственности выстоять в борьбе не только с капиталистической системой, но и с ее коллективной агрессией!

Осознать многофакторность и топологическую природу процессов, включающих в себя и недолгий нэп, и более длительное преобладание колхозного строительства, да и возвращение к запоздалому развитию капитализма в стране ученым помогает теория модернизации. Родившись в рамках послевоенной интерпретации классического марксизма, она хорошо вписывается в формирующееся знание эпохи Постмодерна, поскольку помогает осознавать многовекторность, многоуровневость и многофакторность исторического развития. На методологическом уровне этапы формирования и изменения восприятия теории модернизации отрефлексированы отечественными учеными настолько хорошо, что могут быть описаны и осмыслены в монографиях, сформулированы в учебной и справочной литературе [10; 11; 12, с. 298–308, 4, с. 133–152].

Современной эволюции теории модернизации помогает разработка проблематики взаимосвязи и взаимозависимости моделей исторического пространства и времени. Именно они требуют многогуровневости в понимании и описании различных форм модернизации. В зависимости от того, в какую пространственно-временную модель включается нэп, ее функциональное предназначение меняется. Нэп выступает то как экономическая политика, то как модель переходного периода, то как методика перехода, то как механизм регуляции темпов экономического развития. Вся дискуссионность изучения нэпа на настоящий момент вытекает из доминирования в ее оценках экономического аспекта. Разноуровневая интерпретация нэпа показывает потребность в ее 3D моделировании. Многочисленные интерпретации нэпа в науке Постмодерна становятся не поводом для идейных разногласий, а иерархией шагов к пониманию многоуровневости и соотношения устойчивости /неустойчивости в общественных и социокультурных системах.

Впереди переосмысление фрагментарных устойчивых моделей модернизации развивающихся стран, дальнейшее осознание роли теоретических моделей среднего уровня, способных связать процессы, протекавшие на местах и отразившиеся в исторических источниках, с геополитическими тенденциями развития человеческой цивилизации, открытой в себя будущую. И конечно, практическое освоение применения таких методологических навыков к изучению многоуровневых событий, разворачивающихся в топологической многомерности исторического пространство времени.

1. Ковальченко, И. Д. Всероссийский аграрный рынок XVIII – начало XX в. / И. Д. Ковальченко, Л. В. Милов. – Москва : Наука, 1974. – 415 с.
2. Милов, Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса / Л. В. Милов. – Москва : РОССПЭН, 1998. – 573 с.
3. Валлерстайн, И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация / И. Валлерстайн ; предисловие, послесловие, редакция перевода А. И. Фурсова. – URSS, 2018. – 304 с.
4. Теория и методология истории : уч. для вузов / редкол.: В. В. Алексеев (отв. ред.)[и др.]. – Волгоград : Учитель, 2014. – 504 с.
5. Карсавин, Л. П. Философия истории / Л. П. Карсавин. – Санкт-Петербург : Комплект, 1993. – 350 с.
6. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке / под ред. В. В. Бабашкина. – М. : Политическая энциклопедия, 2015. – 743 с.
7. НЭП в контексте исторического развития России XX века / редкол.: А. К. Соколов (отв. ред.) [и др.]. – М. : Ин-т рос. истории, 2001. – 317 с.
8. НЭП: экономические, по – литические и социокультурные аспекты / редкол.: А. С. Сенявский (отв. ред.) [и др.]. – М. : РОССПЭН, 2006. – 544 с.
9. Альтернативы большевистской модернизации в годы новой экономической политики / редкол.: С. В. Виноградов (отв. ред.) [и др.]. – М. : НИИ ИЭП, 2014. – 140 с.
10. Побережников, И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации / редкол.: В. В. Алексеев (отв. ред) [и др.]. – Москва : РОССПЭН, 2006. – 240 с.
11. Алексеев, В. В., Побережников И. В. Опыт российской модернизации XVIII–XX вв. : взаимодействие макро- и микропроцессов / редкол.: В. В. Алексеев (отв. ред) [и др.]. – Екатеринбург : БКИ, 2011. – 404 с.
12. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / редкол.: А. О. Чубарьян (отв. ред.) [и др.]. – М. : Аквилон, 2014. – 576 с.

РАЗДЕЛ 3
ИСТОЧНИКИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Аверьянов К. А.

КЕМ ЯВЛЯЛИСЬ ЛЕТОПИСНЫЕ ПОЛОЧАНЕ?

В недатированной части «Повести временных лет» три раза упоминаются полочане. Летописец, рассказывая о расселении славян, сообщает: «…инии седоша на Двине и нарекошася полочане, речьки ради, яже втечеть въ Двину, имянемъ Полота, от сея прозвашася полочане» [9, т. I, с. 5–6]. Далее он пишет: «И по сихъ братьи [после смерти Кия, Щека и Хорива. – *Авт.*] держати почаша родъ ихъ княженье в поляхъ, а в деревляхъ свое, а дреговичи свое, а словени свое в Новегороде, а другое на Полоте, иже полочане. От них же кривичи, же седять на верхъ Волгы, и на верхъ Двины, и на верхъ Днепра, ихъ же градъ есть Смоленскъ, туда бо седять кривичи; таже северъ от нихъ… Се бе токмо словенескъ языкъ в Руси: поляне, деревляне, ноугородьци, полочане, дреговичи…» [9, т. I, с. 9–10].

Эти известия дают основание полагать полочан отдельным восточнославянским племенем, если бы не одно «но». Та же «Повесть временных лет» под 862 г. в легенде о призвании варягов сообщает, что «перьвии насельници… въ Полотьске кривичи». Поскольку кривичи участвовали в призвании Рюрика, то он посадил в городе одного из своих мужей [9, т. I, с. 20]. Под 1127 г. летописец, сообщая о походе киевского князя Мстислава Владимировича на Полоцкую землю, сообщает: «посла князь Мстиславъ съ братьею своею многы [на] кривичи четырьми путьми» [9, т. I, с. 297].

Ипатьевская летопись под 1140 и 1162 гг. [9, т. II, с. 304, 521], Воскресенская летопись под 1129 и 1162 гг. [9, т. VII, с. 28–29, 76] именуют полоцких князей кривичскими.

Это противоречие в показаниях летописца породило давний спор между исследователями о соотношении летописных полочан и кривичей – являлись ли первые частью кривичей или же представляли собой отдельное этническое образование? По этому поводу высказывались различные мнения. Н. П. Барсов, М. В. Довнар-Запольский полагали полочан западной ветвью кривичей, получившей название от Полоцка. При этом П. В. Голубовский считал полочан главной частью племени кривичей [4, с. 85; 7, с. 24; 5, с. 46–50].

За это говорили несомненные факты. В перечне племен, участвовавших в походе 907 г. на Византию полочан нет (при этом кривичи названы), хотя жители Полоцка все же были среди дружинников этого похода, поскольку в тексте договора с греками в числе городов, получателей византийской дани назван Полоцк [9, т. I, с. 13].

В советской историографии возобладало мнение о существовании отдельных племен полочан и кривичей (П. Н. Третьяков, А. Г. Кузьмин, В. В. Седов) [13, с. 222–223; 8, с. 125–127; 11, с. 270]. Л. В. Алексеев попытался соединить эти две точки зрения. Считая полочан западной ветвью кривичей, историю Полоцкой и Смоленской земель он, тем не менее, рассматривал отдельно [2, с. 53–61; 3, с. 43, 101–106, 194–195].

Следующим шагом в развитии дискуссии стало рассмотрение вопроса – являлись ли полочане и кривичи племенами? Данный вопрос возник не случайно. Картографируя размещение славян, исследователи обратили внимание на огромную разницу: если среди полабских славян, живших на территории площадью около 100 тыс. км^2, известно до 40 отдельных племен, то в Восточной Европе площадью примерно в 700 тыс. км^2 зафиксировано всего 13 восточнославянских этнонимов. Относительно западных славян нет сомнений, что они являлись племенными союзами, поскольку каждый из них включал в себя 6–8 и более мелких племен, названия которых, наряду с именем племенного союза, известны по письменным источникам. Отсюда возникло предположение, что в «Повесть временных лет» попали только имена крупных племенных союзов, в свою очередь состоявших из нескольких племен. Летописец начала XII в. не знал названий мелких племен, существовавших за три столетия до его эпохи.

Первыми поиски в этом направлении начали археологи. Г. Ф. Соловьевой на основе анализа различий в погребальной обрядности была предпринята попытка выделить отдельные локальные группы внутри племенных союзов вятичей (6 групп), радимичей (8 групп), дреговичей (2 группы). Ею был сделан вывод, что перечисленные летописцем радимичи и вятичи представляли собой не что иное, как племенные союзы, куда могло входить до десятка племен [12, с. 138–170].

Это наблюдение подтверждают письменные источники. Под 984 г. «Повесть временных лет» рассказывает о походе князя Владимира Святославича на радимичей. «Иде Володимеръ на радимичи. Бе у него воевода Волъчий Хвостъ, и посла и Володимеръ передъ собою, Волъчья Хвоста; сърете радимичи на реце Пищане, и победи радимиче Волъчий Хвостъ. Темь и русь корятся радимичемъ, глаголюще: "Пищаньци волъчья хвоста бегають"» [9, т. I, с. 36]. Возникшая в результате этого поговорка позволяет выделить внутри радимичей более мелкое племя *пищанцев*, получивших свое имя от реки Пищани, небольшого (15 км длины) притока Сожа интересно, что оно совпадает с территорией одной из локальных групп радимичей, выделенных Г. Ф. Соловьевой.

Еще одно упоминание мелкого племени – *семичи* – в составе племенного союза северян встречаем в «Поучении Владимира Мономаха, где князь вспоминает о разгроме (около 1080 г.) половцевхана Белкатгина: «И на заутрее за Новым Городом разгнахомъ силны вои Белкатгина, а семичи и полонъ весь отяхом». Левым притоком Десны является Сейм в долине которого известно Посеймье, а следовательно семичи – жители Посеймья. Владимир Мономах, говоря о последующих боях, сообщает, что двигаясь к Прилукам, он внезапно встретил до 8 тыс. половецких воинов. Русской рати удалось спешно укрыться за городскими стенами почти без потерь, «толко семцю яша одиного живого, ти смердъ неколико» [9, т. I, с. 103]. Как указывал Б. А. Рыбаков, «семичи» – типичное по своей форме племенное имя [10, с. 264]. Это, очевидно, одно из подразделений племенного союза северян, получившее имя по реке Сейм, что подтверждается свидетельством недатированной части «Повести временных лет» о том, что северяне делились, как минимум, на три более мелкие группы: «А друзии седоша по Десне, и по Семи, по Суле, и нарекошася север» [9, т. I, с. 3].

Такой же частью племенного союза кривичей являлись полочане. Заслугой Л. В. Алексеева стало то, что на основании археологических данных он определил, что кривичи являлись племенным союзом, а не отдельным племенем. В пределах Полоцкой земли XI–XII вв. им было выявлено 8 скоплений кривичских поселений, в Смоленской – 2. Здесь в IX–X вв. существовал союз племенных княжеств, включавший 10 племенных княжеств, соответствующих 10 скоплениям кривичских поселений – полоцко-ушачскому, гайно-березинскому, друцкому, лукомльскому, оршанскому, усвятскому, витебскому, изяславльскому, верхнеднепровскому и верхнедвинскому (торопецкому) [1, с. 23–25, 28].

Уже в постсоветское время А. А. Горский согласился с этим выводом. По его мнению, на территориях будущих Полоцкой и Смоленской земель в IX–X вв. существовал союз 10 племенных княжеств, соответствовавший 10 скоплениям кривичских поселений. В IX в. главенствующим было полоцко-ушачское княжество и по нему «территориальным» названием кривичского союза стало имя «полочане», а его центром Полоцк. Смоленск, располагавшийся на месте Гнездова, был центром верхнеднепровского княжества, входившего в кривичский союз. Эта ситуация отразилась в первоначальном тексте «Повести временных лет», где названы только полочане – главное племенное княжество союза. С конца IX в. после объединения Новгорода и Киева и расцветом пути «из варяг в греки» возрастает роль Смоленска, куда начинает стекаться дань, собираемая со всей Кривичской земли, а сам он становится ее центром. При этом, по мысли А. А. Горского, здесь было ликвидировано местное княжество и был посажен великокняжеский наместник. Таким образом, в истории кривичей этого периода существовал только один племенной союз, который помимо старого этнонима («кривичи») назывался также «полочанами» имени сильнейшего из входивших в его состав племенных княжеств [6, с. 50–60].

Однако исследователь не учел того, что территория кривичского союза отнюдь не ограничивалась Полоцкой и Смоленской землями. Недатированная часть «Повести временных лет» прямо говорит, что кривичи обитали «…на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днепра, их же градъ есть Смоленскъ» [9, т. I, с. 5]. Кривичам принадлежала и будущая Псковская земля. В позднем Архангелогородском летописце сохранилось прямое указание об Изборске как кривичском городе [9, т. XXXVII, с. 56]. Об этом же свидетельствует и то, что латыши, ближайшие соседи псковичей, до сих пор называют всех русских термином krievi, а Россию – Krievija, производным от названия кривичей. Очевидно, латышские племена первыми столкнулись с кривичами и затем распространили их имя на все русское население.

Археологические данные дают возможность обрисовать территорию кривичей. На юге они вплотную соприкасались с дреговичами примерно по линии Заславль – Борисов – Шклов – устье Остера (левый приток Сожа). По Днепру кривичская территория языком опускалась до Рогачева. С радимичами четкого рубежа не существовало, а на востоке приблизительно по верховьям р. Москвы кривичи соседствовали с вятичами. При этом, из-за очень слабой заселенности этого края колонизация кривичей шла еще дальше на восток, проникая в X–XI вв. в районы позднейшего Тверского Поволжья и Волго-Клязьминского междуречья, где она сталкивалась с аналогичными колонизационными потоками со стороны новгородских словен и вятичей.

Кривичской была и территория верховьев Волги приблизительно до современного Зубцова. От верхневолжских озер граница шла к верховьям р. Ловати, а затем р. Великой. Кривичам принадлежали верховья Западной Двины. На западе владения кривичей вплотную соприкасались с землями латгалов, а к югу граничили с литвой. Район, располагавшийся еще южнее в бассейне верховьев Немана и составивший позднее так называемую Черную Русь с центром в Гродно, был объектом освоения кривичского населения, шедшего из района Полоцка. Любопытно, что в западных источниках вплоть до XIV в. Черная Русь иногда называлась «кривичской землей».

Очевидно, следует искать иное объяснение того, почему в «Повести временных лет» первоначальный термин «полочане» заменяется именем «кривичей». Это было связано с прокладкой торговых путей между Западной Европой и странами Востока. Экспансия Арабского халифата в VIII в. перерезала кратчайший путь по Средиземноморью между Западной Европой и Константинополем, являвшимся крупнейшим торговым центром. В поисках новых дорог взоры купцов обратились на восток Европы. Во второй половине VIII в. был открыт Волжский торговый путь. Но у этого маршрута, кроме чрезвычайной длины, имелся существенный недостаток: южную его часть контролировал Хазарский каганат, претендовавший на свою часть торговых пошлин.

На рубеже VIII–IX вв. был найден более короткий маршрут. Им стал путь «из варяг в греки». Помимо сокращения для купцов дороги в столицу Византии, он исключал из торговли посредническую роль хазар. Именно его с середины IX в. начинают контролировать варяги во главе с Рюриком.

Однако, позднее была обнаружена другая, более короткая дорога из северной Европы в Византию – из Рижского залива по Западной Двине, а затем волоком в Днепр в районе современного Смоленска. Судя по всему, это открытие пришлось на третью четверть IX в. Подтверждение этому находим в Никоновской летописи XVI в., сообщающей под 864 г. о попытке варягов Аскольда и Дира, захвативших Киев, поставить данный путь под свой контроль: «Того же лета воеваша Асколдъ и Диръ полочанъ и много зла сътвориша» [9, т. IX, с. 9]. Переход основного торгового потока с Волхова на Западную Двину грозил подорвать монополию Ладоги, контролировавшей как путь «из варяг в греки», так и Волжский путь.

Именно поэтому в 882 г. преемник Рюрика Олег предпринял все усилия, чтобы самому контролировать поток товаров через Восточную Европу. Поскольку без содействия княжеской власти транзитная торговля в тогдашних условиях была немыслима, торговому значению Полоцка был нанесен серьезный удар. Как следствие этого, термин «полочане» начинает заменяться в Начальной летописи термином «кривичи».

1. Алексеев, Л. В. Некоторые вопросы заселенности и развития западнорусских земель IX–XIII вв. / Л. В. Алексеев // Древняя Русь и славяне. – М., 1978.
2. Алексеев, Л. В. Полоцкая земля в IX–XIII вв. / Л. В. Алексеев. – М., 1966.
3. Алексеев, Л. В. Смоленская земля в IX–XIII вв. / Л. В. Алексеев. – М., 1980.
4. Барсов, Н. П. Очерки русской исторической географии / Н. П. Барсов. – Варшава, 1885.
5. Голубовский, П. В. История Смоленской земли до начала XV столетия / П. В. Голубовский. – Киев, 1895.
6. Горский, А. А. Кривичи и полочане в IX–X вв. (вопросы политической истории) / А. А. Горский // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992–1993 годы. – М., 1995. – С. 50–63.
7. Довнар-Запольский, М. В. Очерки истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столетия / М. В. Довнар-Запольский. – Киев, 1891.
8. Кузьмин, А. Г. К вопросу о «полочанах» Начальной летописи / А. Г. Кузьмин // Древние славяне и их соседи. – М., 1970. – С. 125–127.
9. Полное собрание русских летописей.
10. Рыбаков, Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. / Б. А. Рыбаков. – М., 1982.
11. Седов, В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. / В. В. Седов. – М., 1982.
12. Соловьева, Г. Ф. Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII–XIV вв. н. э. (вятичи, радимичи, северяне) / Г. Ф. Соловьева // Советская археология. – 1956. – Вып. XXV. – С. 138–170.
13. Третьяков, П. Н. Восточнославянские племена / П. Н. Третьяова. – М., 1953.

Нагирный В. Н.

ОБ ОКРУЖЕНИИ КИЕВСКОГО КНЯЗЯ СВЯТОСЛАВА ВСЕВОЛОДОВИЧА: МИЛОСТНИК КОЧКАРЬ

В 1176 г. на киевском троне утвердился представитель черниговской ветви Рюриковичей – Святослав Всеволодович. Его правление в номинальной столице Руси продолжалось до 1194 г. и отметилось как активностью в отношениях с другими русскими княжествами, так и значительными успехами во внешней политике, в первую очередь, в борьбе с половцами. Но несмотря на достаточно долгое княжение Святослава, источники почти не сохранили данных о его ближайшем окружении. В целом на страницах летописей можно встретить упоминания только о двух таких лицах – воеводе Романе Нездиловиче [см. о нем: 21] и милостнике Кочкаре. Настоящяя работа посвящена второму из них.

Приближенный киевского князя упомянут на страницах «Киевской летописи» только по имени, которое указано в дательном падеже: «Кочкаремь» [6, стб. 614]. В именительном падеже оно, вне вся-

кого сомнения, должно было звучать как «Кочкарь» или «Кочкаръ». Попытка объяснить его этимологию сталкивается со значительными трудностями, вызванными тем, что указанный антропоним является единственным примером его использования на Руси. Неизвестен он был и в других славянских странах в этот период [2, с. 113–114; 4, с. 273; 22, s. 133; 24, s. 78]. Личностное обозначение «qoçqar» («baran») встречалось только у кочевников Северного Причерноморья [23, s. 42; 9, с. 82; 19, с. 294], а позже у крымских татар [7, с. 369]. Исходя из этого, корни анализируемого антропонима можно искать в тюркских языках, а также высказать осторожное предположение о тюркском (половецком?) происхождении Кочкаря. Учитывая активные контакты Руси с миром кочевников, такая возможность представляется вполне реалистичной. Тем более, что исследователям известны и другие примеры службы номадов русским князям. Среди наиболее известных из них: Торчин, повар Глеба Владимировича [6, стб. 123; см. также: 11, с. 472]; Торчин, конюх Святополка Изяславовича [6, стб. 234, 235]; Торчин, приближенный Олега и Давида Святославовичей [6, стб. 249]; черниговский воевода Ольстин Олексичь [6, стб. 635–636, 638–640; см. также: 18, с. 291–292]; половец Актай, служащий у Даниила Романовича [20, s. 257] и др. С другой стороны, нельзя исключить возможности того, что личностное обозначение «Кочкарь» было прозвищем, происходящим от русских слов «кочь» (епанча) [12, стб. 1305], «кочка», «кочкарник» [3, с. 788]. В таком случае оно могло бы указывать на происхождение Кочкаря из среды ремесленников или на его определенные физические черты. Такая возможность, однако, представляется менее вероятной.

Отсутствие информации о патрониме Кочкаря не дает возможности проследить его родовод.

Кочкарь упомянут в «Киевской летописи» при описании достаточно нетипичной ситуации. В 1180 г. произошло очередное обострение отношений киевского князя со смоленскими Ростиславовичами. В самый разгар конфликта пути Святослава Всеволодовича и вышгородского князя Давида Ростиславовича случайно пересеклись во время охоты на берегах Днепра. Святослав решил воспользоваться моментом и схватить Давида. Согласно летописи, к такому шагу князя подтолкнули его жена и милостник Кочкарь: «сдоумавъ с кнѧгинею своєю. и с Кочкаремь. милостьникомъ своимъ. и не поведѣ сого моужемь своимъ лѣпшимъ доумъı своєæ» [6, стб. 614–615]. Из дальнейшего описания следует, что поставленной цели достичь не удалось. В то время, когда воины Святослава были заняты пленением дружины вышгородского князя и разграблением его обоза, Давид вместе с женой «вбѣже в лодью» [6, стб. 615] и «прибѣже Бѣлоугородоу к братоу» [6, стб. 616]. В результате Святославу не только не удалось реализовать свой план, но и пришлось на какое-то время оставить Киев и искать помощи у своих черниговских родственников [6, стб. 615].

В упомянутом выше летописном сообщении привлекают внимание два важных момента, которые позволяют прояснить функции и положение Кочкаря при дворе киевского князя.

Во-первых, Кочкарь назван «милостьникомъ» Святослава. Присутствие милостников на службе в Рюриковичей ранее зафиксировано летописями под 6644 (1136 /1137) и 6682 (1174 /1175) гг. В первом случае речь шла о окружении новгородского князя Святослава Ольговича [10, с. 24, 209], во втором – о милостниках владимиро-суздальского князя Андрея Юрьевича [10, с. 34]. Как отметил Измаил Срезневский, в дословном понимании «милостник» означал княжеского любимца [13, с. 138], но Михаил Тихомиров справедливо отметил, что под этим термином может скрыватся более глубокий смысл. По его мниению, летописный «милостьник» – это человек, принадлежащий к категории слуг, используемых для обеспечения жизнедеятельности княжеского двора. Исследователь видел в них подобие западноевропейских министериалов, которые за свою службу получали не только кормление, но и земельные пожалования [15, с. 100–104; 14, с. 150–151].

Во-вторых, привлекает внимание тот факт, что Кочкарь был одним из главных советников киевского князя. Летописец прямо подчеркнул, что Святослав Всеволодович доверял ему больше, чем «моужемь своимъ лѣпшимъ» [6, стб. 614] и что именно его совет склонил князя к попытке хитростью захватить Давида Ростиславовича. Такое доверие к Кочкарю может свидетельствовать о том, что последний уже долгое время находился в услужении Святослава, возможно еще со времен черниговского правления Всеволодовича, и имел значительное влияние на своего сюзерена.

Сопоставление перечисленных выше фактов позволяет считать, что Кочкарь принадлежал к категории княжеских слуг, но в то же время пользовался значительным доверием Святослава Всеволодовича. Его противопоставление старшей дружине Святослава киевским летописцем, а также отсутствие отчества, дают основания считать, что Кочкарь не происходил из боярского сословия. В связи с этим, бытующее в историографии предположение [16, с. 203; 5, с. XX; 8, с. 493] о принадлежности советника Святослава к черниговскому боярству представляется лишенным основания. Более вероятной можно считать возможность его происхождения из одного из тюркских племен, населяющих граничащие с Русью степи.

К сожалению, скудность источников не позволяет пролить свет на материальное положение Кочкаря или на его возможных потомков. Не представляется также возможным определить время его рождения и смерти.

С личностью «милостника» Святослава Всеволодовича в исторической науке связана интересная гипотеза о возможном участии Кочкаря в создании «Слова о полку Игореве» [1, с. 55, 65; 13, с. 155–175]. Но стоит подчеркнуть, что она лишена каких-либо серьезных аргументов, свидетельствующих в ее пользу.

1. Барон, Х. Вокруг „Слова о полку Игореве": из переписки Р. О. Якобсона и А. В. Соловьева / Х. Барон, Е. В. Душечкина // Славяноведение. – 2000. – № 4. – С. 50–78.
2. Гркович, М. Речник личних имена код Срба / М. Гркович. – Београд : Вук Караџич, 1977. – 328 с.
3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – Ч. 2 : И–О. – Москва : Издательство общества любителей Российской словесности, 1865. – с. 629–1351.
4. Илчев, С. Речник на личните и фамилии имена у българите / С. Илчев. – София : Издателство на Българската Академия на науките, 1969. – 628 с.
5. Именной и географический указатель к Ипатьевской летописи / подг. Л. Л. Муравьева, Л. Ф. Кузьмина // Полное Собрание Русских Летописей. – Т. 2. – Москва : Языки русской культуры, 1998. – С. I–XXXIII.
6. Ипатьевская летопись // Полное Собрание Русских Летописей. – Т. 2. – Санкт-Петербург : Типографія М. А. Александрова, 1908. – 938 с.
7. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное Собрание Русских Летописей. – Т. 13: вторая половина. – Санкт-Петербург : Типографія М. А. Александрова, 1906. – 240 с.
8. Літопис руський / за ред. Л. Махновця. – Київ : Дніпро, 1989. – 590 с.
9. Марков, В. И. Тюркский след в истории Украины X–XVII вв. / В. И. Марков. – Санкт-Петербург : Евразия, 2016. – 382 с.
10. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под. ред. А. Н. Насонова. – Москва ; Ленинград : Издательство Академии Наук СССР, 1950. – 659 с.
11. Повесть временных лет / подг. Д. С. Лихачев. – Санкт-Петербург : Наука, 1996. – 670 с.
12. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древне-русскаго языка по письменным пам'ятникам / И. И. Срезневский. – Т. 1 : А–К. – Санкт-Петербург : Издание Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук, 1893. – 1420 с.
13. Срезневский, И. И., Материалы для словаря древне-русскаго языка по письменным памятникам / И. И. Срезневский. – Т. 2 : Л–П. – Санкт-Петербург : Издание Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук, 1902. – 1802 с.
14. Тарасов, С. Возможный автор "Слова о полку Игореве" / С. Тарасов // Новый журнал. – Вып. 39. – 1954. – С. 155–175.
15. Тихомиров, М. Н. Древнерусские города / М. Н. Тихомиров. – Москва : Государственное издательство политической литературы, 1956. – 475 с.
16. Тихомиров, М. Н., Условное феодальное держание на Руси XII в. / М. Н. Тихомиров // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия / редкол.: В. П. Волгин [и др.]. – Москва : Издательство Академии наук СССР, 1952. – С. 100–140.
17. Тупиков, Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен / Н. М. Тупиков. – Санкт-Петербург : Типография И. Н. Скороходова, 1903. – 863 с.
18. Франчук, В. Ю. Иноплеменники в структуре государственной власти Руси XII в. / В. Ю. Франчук // Восточная Европа в древности и средневековье. Государственная территория как фактор политогенеза : материалы конференции XXVII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто, 15–17 апреля 2015 г. / редкол.: Е. А. Мельникова (отв. ред.) [и др.]. – Москва : Институт всеобщей истории РАН, 2015. – С. 288–293.
19. Халимоненко, Г. І. Давньотюркські антропоніми в українських літописах X–XIII ст. / Г. І. Халимоненко // Матеріали міжнародної наукової конференції "Спадщина Омеляна Пріцака і сучасні гуманітарні науки" , 28–30 травня 2008 р. – Київ : Аратта, 2009. – С. 282–295.
20. Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów) / wyd., wstępem i przyp. opatrz. D. Dąbrowski, A. Jusupović przy współpracy I. Juriewej, A. Majorowa i T. Wiłkuł. – Kraków ; Warszawa : Wydawnictwo Polskiej Akademii Umiejętności, 2017 (Seria: Monumenta Poloniae Historica. Series nova, t. 16).
21. Nagirnyy, V. Urzędnicy ziemi kijowskiej (druga połowa XI – pierwsza połowa XIII w.). Studium prozopograficzne / V. Nagirnyy. – Kraków : Historia Jagiellonica, 2021.
22. Pleskalová, J., Tvoření nejstarších českých osobních jmen / J. Pleskalová. – Brno : Masarykova univerzita, 1998. – 158 s.
23. Skulina, T. Staroruskie imiennictwo osobowe / T. Skulina. – Cz. 2. – Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk : Zakłąd Narodowy imienia Ossolińskich ; Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1974. – 239 s.
24. Taszycki, W. Najdawniejsze polskie imiona osobowe / W. Taszycki. – Kraków : Polska Akademia Umiejętności, 1925. – 124 s.

Долгов В. В.

СЕМИОТИКА ЧУДЕСНОГО В ДРЕВНЕРУССКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ

Древнерусские тексты, посвященные описанию разных аспектов исторического процесса, весьма разнообразны. Это и летописи, описывающие события, произошедшие на Руси, и хронографы, в которых нашли отражение события мировой истории, и жития – истории жизни святых, и сами библейские тексты, в которых читатель находил описание событий истории священной. Академик Д. С. Лихачев считал историю как тему одной из отличительных признаков древнерусской литературы в целом [1, с. 11]. Этим качеством обусловлен целый ряд её специфических черт: отсутствие сознательного вымысла, неразвитость культа авторства, а также неустойчивость отдельных текстов при устойчивости литературно-исторической традиции.

При всем разнообразии исторических жанров, тексты могу рассматриваться как единое культурное явление: общего в них больше, чем различного. Летописный текст обнаруживает несомненное идейное и художественное родство с текстом агиографическим, тот, в свою очередь,

с библейским и т. д. Древнерусская литература знает немало примеров не просто переклички летописных и агиографических текстов, но прямого их взаимопроникновения. Традиция эта была заложена автором /авторами Повести временных лет, включивших в повествование множество фрагментов, имеющих параллели в Киево-Печерском Патерике.

На протяжении всего периода существования русской летописной традиции агиографические вставки в исторический текст были обычным явлением. Из множества черт, объединяющих древнерусские исторические тексты в метатекст, в настоящей работе будет рассмотрена лишь одна. Практически весь древнерусский исторический нарратив имеет в качестве одной из мировоззренческих основ апелляцию к чудесному. В каких-то случаях мотив обращения к чудесному встречается чаще, в каких-то реже, но примеров исторического повествования, в котором автор вовсе пренебрег обращением к явлениям сверхрационального, потустороннего мира, практическинет.

Самое простое объяснение, которое первым приходит в голову при столкновении с этим явлением, строится на идее существования особой средневековой ментальности, для которой была свойственна особенная склонность к мистическим формам сознания. Такое объяснение столь же бесспорно, сколь и поверхностно. При всей мистичности общественного сознания древнерусского социума, человек не мыслил иррационально всегда и везде. Такой способ восприятия реальности сильно затруднил бы жизнь в реальном мире. Известны целые классы текстов, в которых тема сверхъестественного либо занимает минимальное место, либо отсутствует вообще. Таковы, например, законодательные акты, весьма приземленные и прагматичные по своей идейному содержанию. Несодержат следов мистического мировосприятия берестяные грамоты. И даже епитимийники, хотя и предназначены для работы с разного рода языческими пережитками, обнаруживаютисключительную, практически «бухгалтерскую» рациональность.

Таким образом, человек раннего русского средневековья вовсе не был подвержен перманентному метафизическому трансу. Следовательно, апелляция к чудесному в древнерусских текстах не являются нейтральным фоном, а имеют некоторое значение. К пассажам, завязанным на «чудесном», прибегали в определенных случаях, рассматривая которые вполне можно реконструировать общую парадигматику.

Интересные наблюдения можно сделать при сопоставлении текста Повести временных лет (ПВЛ) и Новгородской первой летописи (НПЛ). Самый беглый взгляд на НПЛ позволяет понять, что северный новгородский летописец в гораздо меньшей степени уделяет внимание чудесному даже в тех пассажах, в которых сам ход повествования вроде бы располагает к рассуждениям такого рода. Весьма примечателен рассказ о моровом поветрии, постигшем Полоцк в 1092 году.

НПЛ	ПВЛ по Лаврентьевскому списку
Въ лѣто 6600 [1092]. В лѣто 6600 [1092]. Наидѣ рана на Полочаны, яко нѣкако бяше ходити по улицамъ, яко мнѣти вои множество, а конемъ копыта Б видѣти; да аще кто изъ избѣ вылазяше, напрасно убиенъ бываше невидѣмо [4, с. 202].	В лѣто 6600 [1092] Предивно бысь [чюдо] Полотьскѣ въ мечтѣ ны бываше в нощи тутънъ станѧше по улици. яко человеци рищюще бѣси, аще кто вылѣзаше ис хоромины хотя видѣти абьє оуязвенъ будяше невидимо от бѣсовъ язвою и с того умираху, и не смяху излазити ис хоромъ. Посемь же начаша в дне являтися на конихъ и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти копыта, и тако уязвляху люди Плотьскые и его область. Тѣмь и человеци глаголаху, яко наевѣ бьють Полочаны. Се же знаменье поча быти отъ Дрьютьска. В си же времена бысь знаменье въ ннебесияко кругъ бысь посредѣ неба превеликъ. В се лѣто ведро бяше яко изга [ра]ше земля, и мнози борове възгарахусясами, и болота и многа знаменье бываху по мѣстомь, и рать велика бяше от Половець и отвсюду, взяша три грады: Пѣсоченъ, Переволоку, [Прилукъ] и многа села воеваша. по обѣма странома [3, с. 214–215].

Как видим, оба фрагмента построены, по сути, одинаково. В них, очевидно, сообразно воззрениям эпохи, обрушившееся на Полоцк моровое поветриетрактуется как проявление атаки неких невидимых всадников, причинявших «раны» тем, кто неосторожно оказался в опасный момент на улице.

Фрагменты отражают последовательные фазы развития текста. Вариант НПЛ, как считается, содержит текст, близкий Начальному своду. Попав в среду новгородского летописания, он «законсервировался» и поэтому дошел до нас в том элементарном виде, в котором был создан. Фрагмент Лаврентьевскойлетописи иной: онявляется частьюПовести временных лет, в которой текст Начального свода подвергся глубокой переработке и дополнению.

Разная судьба фрагмента, развивавшегося в рамках двух разных летописных школ, объясняется разным строем литературной культуры. Северные летописцы были весьма сдержаны в повествовании, стремились придерживаться минималистического стиля и строгой фактологии. Южные работали по-другому: всегда были не прочь развить имеющийся материал, дополнив его подробностями, нравоучительными рассуждениями и философскими обобщениями.

Сопоставление фрагментов может приоткрыть перед нами «писательскую лабораторию» летописца. В каком направлении был изменен текст? Какие новые идеи в нем появились?

Во-первых, текст рассказа о полоцком моровом поветрии стал, несомненно, более увлекательным и драматичным. Было бы, пожалуй, некоторым преувеличением сказать, что летописцы сознательно заботились о придании повествованию сюжетной увлекательности. Летописный жанр не предполагал наличия широких читательских масс, развлекать было некого. Но все-таки некоторые элементы риторического вкуса не были летописцам чужды. Образцом для создания русского летописного нарратива служили византийские хроники. Авторы этих хроник при всей их христианской вовлеченности оставались наследниками греческой исторической традиции, для которой увлекательностьбыла одним из организующих принципов построения текста. Поэтому, риторические приемы на уровне некоторых элементов византийской исторической традициив ПВЛ присутствуют. В данном случае, мы видим один из них.

Во-вторых, в описании ПВЛ полоцкое событие из примечательного казуса превратилось в проявление метафизической связи между земными событиями и миром потустороннего. Такая связь мыслилась важнейшим принципомхода земной жизни. Интеллектуальный навык, позволявший видеть в профанном мире проявление сил мира горнего был одним из важнейших для древнерусских книжников. Он развивался в процессе обучения и считался проявлением профессиональной зрелости и мудрости. В этом контексте полоцкий мор оказался помещен в целую серию подобных событий. Серия обозначила тенденцию, показывающую, что «нашествие навьев» было неслучайным событием, а проявлением божественного наказания. Таким образом летописец достигал весьма важной цели: придавал историческому повествованию *смысл.*

Таким образом, мы можем выделить, как минимум, два новых оттенка значения рассматриваемого фрагмента, появившихся в результате усиления мотива «чудес». История про полоцкий мор получила качественное риторическое оформление и обрела дополнительный смысл, превратившись из описания частного случая в проявление осмысленной связи земного и небесного.

Формирование летописцем перечисленных значений может считаться результатом вполне добросовестного подхода. Они объективно увеличивают смысловую нагрузку исторического текста (не в фактологическом, конечно, а в идейном отношении). Поэтому, конечно, неверно считать описание чудес в древнерусских текстах информационным сбоем или помехой, мешающей историку подойти ближе к «объективной реальности». Летописец не уменьшал, а увеличивал информационную насыщенность текста. Наша задача состоит лишь в том, чтобы правильно прочитать «зашифрованное» таким образом послание.

Впрочем, как было сказано, человек древней Руси совсем не был стихийным мистиком. Интеллектуальный навык видеть чудесное в обыденном сознательно воспитывался в процессе обучения. Наряду с возвышенным восприятием реальности всегда существовало и вполне обыденное, профанное мировосприятие, гораздо более практичное и приземленное.

В литературе такой образ мысли нашел отражение, как ни странно, в Киево-Печерском патерике. Среди прочих персонажей этого произведения есть малопримечательный боярин Василий, подручный гораздо более знатного вельможи – Георгия Шимоновича. Георгий в детстве страдал от болезни глаз [2, с. 334]. Излечение Георгий получил от Феодосия. Памятуя об этом чудесном излечении, Георгий решил пожертвовать крупную сумму на украшение гробницы почившего к тому времени святого. С поручением отвезти в Печерский монастырь пятьсот гривен серебра и пятьдесят гривен золота он отправил того самого Василия. Казалось бы, с религиозной точки зрения, дело понятное и благое. Однако резоны Георгия оказались совершенно непонятны Василию. Он, разумеется, подчиняется указанию начальства и отправляется в путь, но вся его натура бунтует против столь бесхозяйственного расходования ресурсов. Он размышляет о том, что толку в этой поездке нет никакого. В монастыре такой значительный взнос никто не сможет оценить по достоинству. По его мнению, мертвому нет никакой разниц, окована его гробница или нет. Христианский порыв своего господина он считает проявлением глупой и безответственной расточительности, а свою поездку делом бессмысленным и потому весьма удручающим. Его размышления показаны автором Патерика проявлением самого трезвого рационализма и едкого скепсиса: «Приим же убо сие Василие и неволею емлется пути, проклинаа живот свой и день рожденіа своего, и глаголаше въ умѣ си: «Что се смыслилъ князь нашь толико богатество погубити? И каа мзда сего ради будет ему, еже мертваго гробъ оковати? Но яко туне добыто и туне же и повержено! Лютѣ же мнѣ единому, не смѣвшу преслушати господина своего! Что ради дом мой оставих и кого ради путь сий горкий шествую? И от кого ли честь прииму: къ князю есмь не посланъ, ни ко иному вельможи. Что реку или что възглаголю къ оной корстѣ каменной, и кто ми дасть отвѣт? Кто ли не посмеется моему безумному приходу?» Сиа глаголаше к сущим с ним, и инаа множашаа сихъ» [2, с. 332].

Понятно, что историчность древнерусского скептика Василия под вопросом. Однако в данном случае, совершенно неважно, существовал ли в действительности названный Василий.

Не важно и то, пускался ли он на самом деле в подобного рода рассуждения. Бесспорно одно: сам автор текста Патерика вполне понимал логику рационально-скептического взгляда на устройство мира, раз мог её так подробно, убедительно и эмоционально передать. Сам он её, как явствует из дальнейшего повествования, не разделял. Собственно, весь смысл этого фрагмента именно в том, чтобы показать ошибочность рассуждения в скептическом духе. Тем не менее, глубокое понимание логики оппонента всегда предполагает способность до некоторой степени встать на его позицию. Следовательно, логика Василия – это отчасти и логика автора Патерика. Логика, с которой он борется. Причем, возможно, борется не только в душах других людей, но ив своей собственной.

Другими словами, древнерусский человек мог временами становиться скептиком. Поэтому роль введения «чудесных мотивов» в древнерусские тексты не всегда была обусловлена религиозными и философскими потребностями. Иногда герменевтический круг вполне позволяет увидеть прагматику иного рода. Прагматику в духе боярина Василия.

Сопоставим еще два летописных фрагмента. Это фрагменты, повествующие о пожаре, которые произошел в г. Владимире 23 мая 1491 года.

Версия № 1. Сообщение Никоновской летописи выглядит так: «згорел градъ Володимирь весь и съ посады; и церковь Пречистыя Рождество в монастыре внутри града выгоре, и тело князя великого Александра Невского згоре» [6, стб. 229].

Однако в парадном Лицевом своде, Степенной книге [7, стб. 569], а так же в Синодальном списке Воскресенской летописи содержится иная история, назовем её версией № 2, озаглавленная: «Чюдо. О явлении на воздусе святаго и великого князя Александра Невскаго, и о пожаре Володимерскомъ». Согласно этому варианту, пожар во Владимире действительно произошел. Однако ему предшествовало чудесное явление: «отъ самого верха церкви тоя видеша необычно видение, яко облакъ легкий протязашеся, или яко дымъ тонокъ извивася, белостию же яко иней чистъ, светлостию же яко солнцу попдобообразно блещася, идеже тогда въ тонкости и светлости облака того видеша подобие образа блаженнаго великаго князя Александра на кони быстр яко къ небеси изимаяся яздеща» [7, стб. 229–230; 5, стб. 221–222]. Затем произошел пожар. Церковь внутри вся выгорела вместе с людьми. Однако пелена, который был покрыт гроб, оказалась нетронута огнем. Мощи уцелели и продолжили чудотворить. Рассказ наполнен весьма конкретными подробностями и вообще выгляд весьма убедительно. Он является, несомненно, поздней вставкой, сделанной, надо полагать, книжником из кружка митрополита Макария. Вероятно, автором этого пассажа является митрополит Афанасий – автор Степенной книги (по стилистике отрывок выбивается из летописного текста, но вполне органично смотрится в составе Степенной книги).

Этот «чудесный пассаж», как и предыдущий, тоже, несомненно, делает рассказ и более увлекательным, и более «учительным». Однако есть в нем и важное отличие от пассажа с полоцким мором: по сравнению с первоначальным вариантом он меняет суть рассказа на прямо противоположное. Причем, известно, что в реальности мощи князя Александра не сохранились. Так каков же был смысл рассказа, написанного, предположительно, митрополитом Афанасием? Очевидно он был написан для того, чтобы сокрыть правду. Резоны автора, безусловно, понятны. Однако в данном случае есть повод серьезно усомниться в хрестоматийном выводе акад. Д. С. Лихачева об отсутствии в древнерусской литературе сознательного вымысла. Есть все основания считать, что это именно он – вымысел, который в историческом контексте является ничем иным как сознательной ложью.

1. Лихачев, Д. С. Великий путь: становление русской литературы XI – XVII веков / Д. С. Лихачев. – Москва : Современник, 1987. – 301 с.
2. Об оковании раце преподобнаго отца нашего Феодосия Печерскаго. Слово 10. Киево-Печерский патерик // Библиотека литературы Древней Руси. – Т. 4 : XII век. – Санкт-Петербург : Наука, 1997. – С. 330–336.
3. ПСРЛ. – Т. I : Лаврентьевская летопись. – Москва : Языки русской культуры, 1997. – 496 с.
4. ПСРЛ. – Т. III : Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М. : Языки русской культуры. – 2000.
5. ПСРЛ. – Т. VIII : Продолжение летописи по Воскресенскому списку. – Санкт-Петербург, 1859. – 302 с., 720 с.
6. ПСРЛ. – Т. XII : Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. – Санкт-Петербург, 1901. – 272 с.
7. ПСРЛ. – Т. XXI : Половина 2-ая. Книга Степенная царского родословия (11–17 степени грани). – Санкт-Петербург, 1913. – 370 с.

Крылов К. Е.

МОЖЕТ ЛИ БЫТЬ КОРОЛЕВСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ ЭГО-ДОКУМЕНТОМ? (НА ПРИМЕРЕ ПОСЛЕДНЕЙ ВОЛИ ИЗАБЕЛЛЫ КАСТИЛЬСКОЙ)

Использование термина «эго-документы» уходит корнями в XIX век. Широкое применение он получил благодаря нидерландскому историку Ж. Прессеру, который использовал его для обозначения документов личного происхождения: автобиографий, дневников, личных писем [5, p. 7].

Новая волна популярности исследований в этой области начинается в конце XX века. К середине 90-х годов интерес к изучению эго-документов дошел и до историков-испанистов. Так профессором Дж. Амеланг в 1996 году была опубликована работа «Испанская автобиография в Раннее Новое время» [2].

Однако параллельно с развитием методологии изучения эго-документов также набирал силу спор о том, какие именно тексты мы можем отнести к данной категории источников. Так, Б. фон Крузенштерн [10, S. 470] настаивает на том, что к эго-документам относятся только самостоятельно сочиненные по собственному почину тексты, такие как письма и мемуары. Р. Деккер [4, p. 256] и П. Бёрк [3, pp. 21–24] дают более широкое толкование этого термина, включая в них также путевые заметки, примечания к генеалогическому древу.

Винфрид Шульце [13, pp. 28] настаивает на том, что эго-документами следует признать широкий спектр нехудожественных источников, в том числе отзывы на авторские работы, акты уголовного судопроизводства, если в этих документах отражено самовосприятие человеком своего места в обществе, государстве, семье. Аналогичной позиции придерживается российский ученый И. В. Нарский [1, с. 378].

Однако можно ли к расширяющейся категории эго-документов присовокупить такие тексты как завещания? Как представляется, в определенных случаях использование методологии, выработанной для таких источников, при анализе завещаний оправдано. Как минимум в тех случаях, когда мы видим, что автор завещания отступал от принятых юридических шаблонов и формул, а также когда тексты несут яркую эмоциональную окраску.

Любые отступления от установленного традицией порядка характеризуют завещателя, его личность, представления о важном и неважном. То есть позволяют нам соотнести привычные устоявшиеся структуры и субъективность конкретного исторического персонажа, что и составляет, по мнению М. Фулбрук и У. Рублак, суть исследований эго-документов [8, p. 263].

Как представляется автору настоящего доклада, примером завещания, которое вполне соответствует критериям, предъявляемым к эго-документам, является последняя воля королевы Изабеллы Кастильской.

Это завещание существенно отличается от аналогичных завещаний предшествующих кастильских монархов. К сожалению, мы не можем сравнить текст Изабеллы с последней волей ее старшего брата Энрике IV. Сам факт, что его завещание когда-либо существовало, является дискуссионным [11, p. 35]. В этой связи главным источником для сравнения является последняя воля отца Изабеллы Хуана II [14].

В тексте своего завещания Изабелла уделяет вопросам благочестия значительно больше внимания, нежели многие ее современники, упоминая помимо Святой Троицы также архангелов Михаила и Гавриила, Иоанна Крестителя, святых Петра, Павла, Иеронима, Франциска, Доминика и Марию Магдалину.

Начало завещания Хуана II, менее пространно, в нем король в основном останавливается на самом Боге и Пречистой Деве Марии, не упоминая архангелов, апостолов и святых. Таким образом, Изабелла серьезно отступила от текста, своего отца, что уже говорит об индивидуальности ее завещания.

При этом, нельзя говорить о какой-то новой тенденции, характерной для начала XVI века, так как ее современники также строили начала своих завещаний отличным от Изабеллы образом (так, в завещаниях мужа Изабеллы Фердинанда Католика [15] и Генриха VII Тюдора [9] используются лишь формальные формулы с упоминаем Троицы).

Дальнейший текст Изабеллы также содержит множество отличий от последней воли ее отца, однако формат небольшого сообщения не позволяет упомянуть их все. Предполагается целесообразным ограничится только несколькими примерами.

Так, Изабелла неоднократно, три раза, использует формулу «естественная госпожа» («señora natural»). При этом она сама о себе говорит как о «естественной госпоже» и также требует от сословий признать свою дочь и наследницу, Хуану, в качестве таковой [16, pp. 338–340]. В целом, Хуан использовал сходные формулировки, оставляя своим приемником сына Энрике. Однако он подчеркивает именно легитимность своего наследника, в то время как Изабелла подчеркивает еще и первородство своей дочери Хуаны. Кроме того, королева, очевидно, хорошо помня кровавые смуты прошлого правления, считает необходимым усилить свое требование о признании Хуаны, чего не делает в свое время Хуан.

Следующее отличие: последняя воля Хуана устанавливает порядок наследования королевской власти только между его детьми, на тот случай, если у его старшего сына Энрике не будет детей. Изабелла на этом не останавливается. Она рассматривает более десятка различных династических раскладов, упоминая, как кажется, всех возможных претендентов на корону.

Таким образом, Изабелла придает этой части своего завещания фактический смысл закона о престолонаследии, Королева лишает своих наследников, как и себя саму, свободы при передаче власти – возможность передать титул в обход этих требований, согласно тексту завещания, не предусматривается. Даже сам монарх не мог обойти естественный порядок вещей, который дает тому, а не другому представителю правящей династии право на верховную власть.

Также в отличие от Хуана II Изабелла отделяет вопрос наследования власти от вопроса наследования имущества. Корона уже мыслится не собственностью, по крайней мере не обычной собственностью правящего дома. Как уже было показано выше, Хуан провозглашает правопреемство своего сына Энрике как в отношении своих титулов, так, через запятую, в недвижимом и движимом имуществе. Изабелла же вопросы своего личного движимого и недвижимого рассматривает отдельно в других пунктах своего завещания.

Таким образом, мы видим, что текст завещания Изабеллы существенно отличается от того, что принадлежит ее отцу. Однако, насколько мы можем говорить о том, что в последней воле Изабеллы видна сама личность королевы? Большая часть ученых, писавших об этом тексте, сходятся во мнении, что текст является очень личным и эмоциональным.

Разные историки из разных стран и эпох от У.Прескотта [12] в середине XIX века до Эдвардса [6] и Фернандеса Альвареса [7] в начале XXI века также оценивали этот документ не только и не столько как юридический памятник, сколько как источник, позволяющий ближе познакомиться с духовным миром правительницы и ее воззрениям на собственное правление и будущее королевства.

Таким образом, последняя воля Изабеллы является ярким примером того, что завещания могут и должны, если это необходимо, рассматриваться сквозь призму методологии изучения эго-документов. Более того, применительно к средневековым текстам, пропитанным духом религиозности, эти тексты, могут быть признаны одними из самых личных и эмоциональных документов, которые позволяют глубже заглянуть во внутренний мир человека прошлого.

1. Нарский, И. В. Фотокарточка на память: семейные истории, фотографические послания и советское детство : (автобио-историо-графический роман) / И. В. Нарский ; Юж.-Урал. гос. ун-т, Фак. права и финансов, Центр культур.-ист. исслед. – Челябинск : Энциклопедия, 2008.
2. Amelang, J. S. Spanish Autobiography in the Early Modern Era / J. S Amelang // Ego-Dokumente. Annäherung an den Menschen in der Geschichte. – Berlin : Akademie Verlag, 1996.
3. Burke, P. Representations of the Self from Petrach to Descartes // Rewriting the Self. Histories from the Middle Ages to the Present / P. Burke. – London : Routledge, 1997.
4. Dekker, R. Egodocuments in the Netherlands from the Sixteenth to the Nineteenth Century / R. Dekker // Dutch Crossing: Journal of Low Countries Studies. – Vol. 23. – No. 2. – London : Maney Publishing, 1999.
5. Dekker, R. Egodocuments in History: Autobiographical Writing in its Social Context since the Middle Ages / R. Dekker. – Hilversum : Verloren, 2002.
6. Edwards, J. The Spain of the Catholic monarchs, 1474-1520 / J. Edwards. – Malden (MA) : Blackwell, 2002.
7. Fernández, Á. M. Isabel la Católica / Manuel Fernández Álvarez. – [2-da ed.]. – Madrid : Espasa Calpe, 2003.
8. Fulbrook, M. Rublack U. In Relation: The 'Social Self' and Ego-Documents / M. Fulbrook // German History. – Vol. 28. – No. 3.
9. Henry VII. The will of king – London : T. Payne at the Mews-Gate ; B. White at Horace's Head, Fleet-Street, 1775.
10. Krusenstern, von B. Was sind Selbstzeugnisse? Begriffskritische und quellenkundliche Überlegungen anhand von Beispielen aus dem 17. Jahrhundert // Historische Anthropologie. Kultur. Gesellschaft. Alltag, 2., 1994.
11. Marañón, G. Ensayo biológico sobre Enrique IV de Castilla / G. Marañón // Edición digital a partir de Boletín de la Real Academia de la Historia. – Tomo 96. – 1930.
12. Prescott, W. H. History of the reign of Ferdinand and Isabella the Catholic, of Spain / W. H Prescott. – London : Routledge, 1841.
13. Schulze, W. Ego-Dokumente: Annäherung an den Menschen in der Geschichte / W. Schulze. – Berlin : Akad.-Verl., 1996.
14. Testamento del Rey de Castilla don Juan II // Memorias de don Enrique IV de Castilla. – T. II. – Madrid : Establecimiento tipografico de fortanet. 1835–1913. – P. 111–124
15. Testamento del señor rei Don Fernando el Catholico, hecho en el Lugar de Medrigalejo a viente y dos de enero del año M.D.XVI.
16. Testamento de la Reyna Catolica Doña Isabel, hecho en la Villa de Medina del campo a doze de octubre del Año M.D.IIII.// Discursos varios de Historia : con muchas escrituras reales antiguas y notas a algunas dellas / D. J. Dormer. – Zaragoza, 1683.

Сліж Н. У.

КРЫНІЦЫ ПА ГІСТОРЫІ АСТРАЛОГІІ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА (XV–XVII СТСТ.)[1]

Гісторыя астралогіі Вялікага Княства Літоўскага з'яўляецца даволі спецыфічнай тэмай для даследавання і мае своеасаблівыя крыніцы. У дадзеным артыкуле мы прадставім асноўныя групы крыніц, якія неабходны для вывучэння дадзенай тэмы. Асноўная мэта – гэта вылучыць віды крыніц. Пералічыць і прааналізаваць усе вядомыя крыніцы па астралогіі ВКЛ не ўяўляецца тэхнічна магчымым.

[1] Даследаванне выканана дзякуючы навуковым стажыроўкам пры Нямецкім гістарычным інстытуце ў Варшаве і пры Універсітэце ў Беластоку па праграме "Салідарны з Беларуссю".

Рэлігійныя творы праваслаўнага паходжання ўтрымліваюць звесткі па астралогіі. У такіх тэкстаў сустракаюцца толькі базавыя паняцці пра неба, стыхіі, планеты, знакі задыяку. Разам з хрысціянствам у Кіеў прыходзіць не толькі рэлігійная літаратура, але і астралагічная. Таму ў манастырскіх бібліятэках сустракаліся твору рознага плану. Самы ранні рукапіс Ізборнік Святаслава 1073 г. утрымліваў урывак з працы Іаана Дамаскіна з апісаннем сямі паясоў, на якія знаходзяцца Сатурн, Юпіцер, Марс, Сонца, Венера, Меркурый, Месяц, стыхій і знакаў задыяку. На палях былі змешчаны выявы апошніх [9, с. 168]. Сам Ізборнік 1073 г. набыў сваё распаўсюджанне далей, неаднаразова капіяваўся ў розныя перыяду часу [7, с. 335–341; 11, с. 254–268]. У бібліятэцы Супрасльскага манастыра захоўваліся творы Казьмы Індзікаплава "Хрысціянскага тапаграфія, багаслова Іаана Дамаскіна "Дакладным выкладанні праваслаўнай веры", Талковая Палея [7, с. 101–106, 144–145, 150, 383, 385, 444; 6, с. 97, 100–101; 11, с. 347–353; 13], Ізмарагд, Шасцідзён. Варта згадаць Супрасльскі біблейскі зборнік 1507 г., які быў створаны Мацвеем Дзясятым. У ім асобна змешчаны каляндарныя тэксты з табліцамі календару Месяца і медычны астралагічны каляндар. У апошнім якой суадносяцца знакі задыяку і часткі цела [10, с. 208–212].

Важнай групай крыніц з'яўляецца *астралагічная літаратура*. У яе ўваходзяць ананімныя астралагічны творы, працы астролагаў, эфемерыды. Яны з'яўляліся важнымі для навучання астралогіі. На той час былі вядомы, а таксама перакладаліся працы грэчаскіх, арабскіх, візантыйскіх, еўрапейскіх астролагаў – Пталімея, Абу Машара, Гвіда Банаці і іншых. У ВКЛ яны былі ў бібліятэках розных асобаў. Для даследавання астралагічную літаратуру неабходна ведаць, каб разумець узровень тагачасных ведаў і іх рэалізацыю на практыцы. Сістэмна можна было вывучаць астралогію ў Кракаўскім, Падуанскім і іншых універсітэтах. Як правіла яна патрабавалася яшчэ ў медыцынскіх спецыяльнасцях.

У гэтым рэчышчы варта згадаць рукапіс, які належаў Супрасльскаму манастыру, называўся віленскім спісам ці зборнікам. У яго склад уваходзяць тэксты, якія былі перакладзены у другой палове XV ст. : "Арыстоцелевы варота", тэкст па фізіягноміцы і іншыя. Асобнае месца займаюць 18 астралагічных тэкстаў розных па аб'ёму і па зместу. Разам яны складаюць базавы падручнік па астралогіі. Цяжка адназначна сказаць ці былі яны скапіраваны з адной крыніцы, але падабраны адмыслова. Даецца асноўная інфармацыя пра планеты і знакі задыяку. Яна неабходна для пачынаючага астролага.

Падручнік складаецца з наступных тэкстаў: 1 "Предислове о поесех небесных", 2 "О семи звяздях великих", 3 "Тых же звездъ моць сицова", 4 "О лоунном ходоу", 5 "О 12 зодеях", 6 "Мудрость великая бяди без тряда тобе ведомо", 7 "Сказанїе о седми звездахъ великих", 8 "Сказание о седмих планетах сиречь великих моцьных звездах", 9 "Осени 12 звезды", 10 "Початок часом" з табліцай, 11 "А коли хочеш ведат каждого человека звездя его", 12 "Неделя", 13 "Седмь сят планеты" ("Седм соут планеты"), 14 "Помышляющю о какои любо ввещи обрести" (Луннік), 15 "Две на десять суть зодеи", 16 "Солнце обходить тоу 12 на десять зодеи", 17 "Поут солнечныи", 18 "Лоуна же прояви Богъ изральтяном во поустыни пророком Моисеом соблюдая их от всякого зла" (Луннік) [4, арк. 60 адв. –79 адв., 83 адв. –89 адв.]. Усяго 18 тэкстаў. Усе яны ідуць па парадку, акрамя апошняга. Ён змешчаны пасля двух тэкстаў: "Поучение луннику" і "Книга от Петра Египтенина".

З іх выразна вылучаюцца тры планетнікі (№ 2, 7, 8). У іх падаецца апісанне планет, за які дзень тыдня адказваюць, над якой тэрыторыяй пануюць, якімі знакамі задыяку кіруюць і іншае. Утрымліваецца два лунніка: адзін апісвае характарыстыку 30 дзён Месяца (№ 18), а другі – праход Месяца па знаках задыяку (№ 4). Невялікія тэксты прысвечаны асобным тэмам: гадзінам планет, шляху сонца па знаках задыяку, злым і добрым планетам і іншае. Падручнік унікальны тым, што гэта адзіны выяўлены на сённяшні дзень і самы старажытны.

Прагностыкі і календары адносіліся да папулярнай астралагічнай літаратуры. Пачалі друкавацца з XV ст. Большая колькасць друкавалася ў Кракаве. Але ў іх змяшчаліся прагнозы для ВКЛ. Акрамя таго некаторыя выданні фінансаваліся нашай шляхтай. Сярод мецэнатаў былі Крыштаф Нарушэвіч, Аляксандр Хадкевіч, Мікалай Радзівіл і іншыя [17].

У дачыненні да папярэдніх груп крыніц важнае значэнне маюць *рэестры бібліятэк* прыватных асоб і рэлігійных устаноў (кляштары і манастыры). Яны сведчаць пра зацікаўленасць у розных сферах, у тым ліку і ў астралогіі. Напрыклад, у бібліятэцы канцлера ВКЛ Альбрэхта Гаштольда (?–1539) былі наступныя выданні: прагностык на 1511 г. [15], кнігі Альберта Вялікага (1200–1280) па фізіягноміцы і іншыя [18, p. 14, 21]. Дамініканскі манах Альберт Вялікі быў вядомы таксама сваімі працамі па астралогіі і алхіміі. У спісе названы проста іншыя кнігі, але не выключаем і выданні па астралогіі. Астралагічны творы сустракаліся ў бібліятэках Жыгімонта Аўгуст, Радзівілаў і іншых.

Важнай крыніцай з'яўляюцца *гараскопы*. У асноўным яны складаліся для вялікіх князёў літоўскіх, шляхты, духавенства. Звычайны чалавек не мог сабе дазволіць. Да таго ж не ўсе ведалі

даты і гадзіны свайго нараджэння. Вядомы былі гараскопы на нараджэнне, на падзею, прагнозы на год для асобы. У асноўным гараскопы захаваліся ў рукапісах у Кракаве. Яны складаліся для Ягайлы і яго дзяцей, Казіміра Ягелончыка, Аляксандра Ягелончыка, Жыгімонта Старога. Гараскопы Боны Сфорцы і Жыгімонта Аўгуста былі надрукаваны. Таксама сустракаюцца і гараскопы падзей. Яны часта складаліся на каранацыю [21].

Яшчэ адзін від крыніц варты ўвагі – гэта *летапісы і хронікі*. Напрыклад, у Марціна Бельскага сустракаюцца цікавыя згадкі пра астролагаў. Адна з іх прысвечана каранацыі Казіміра Ягелончыка, якая адбылася 25 чэрвеня 1447 г. у Кракаве. Матэматыкі і астролагі папярэдзілі, што гэта дрэнная дата [16, s. 385]. Падчас каранацыі адбылася непрыемная сітуацыя. Уварваўся на замак натоўп незадаволеных жанчын і мужчыны з вёскі абата Тынецкага. У іх забралі жывёлу на пастой для новага караля. Загадалі аддаць іх жывёлу. Працягнулі каранацыю. У той жа дзень кляштар у Магіле згарэў. Астролагі аказаліся правы. Гэты дзень быў неспрыяльны з пункту гледжання астралогіі.

Прыватныя крыніцы як дзённікі, мемуары, перапіска істотна дапаўняюць звесткі пра астралогію ў ВКЛ. Часамі сустракаюцца кароткія згадкі пра наведванне астролагаў. Карыснымі для сябе знайшоў парады астролага і віленскага каноніка Войцеха Грабоўскага Фёдар Еўлашоўскі [20]. Істотнай інфармацыяй з'яўляюцца згадкі пра нараджэнне дзяцей з адзначэннем знака задыяку, узыходзячага знаку і іншых астралагічных асаблівасцей. Напрыклад, астралагічныя звесткі прыводзяцца пры нараджэнні дзяцей у хроніцы Кішкаў. Дачка Крыштафа Кішкі – Кацярына нарадзілася 9 сакавіка 1621 г., калі пасля поўні ў знаку Шалі знаходзіўся Месяц [5, арк. 48 адв. –49].

У *літаратуры* таксама на астралогію звярталася ўвага. Перакладны раман IV ст. "Александрыя" быў прысвечаны Аляксандру Македонскаму. Але ў ім сустракаецца астралагічная інфармацыя. Апісвалася, што філосаф Анектанаў дастаў дзіўную табліцу перад Алімпіядай. На ёй месцілася кола з 12 знакамі задыяку, кола з Сонцам і Месяцам. А таксама ў яго быў ланцуг з 7 планетамі, якім можна было вызначыць гадзіны і нараджэнне людзей [2, с. 35, 39].

У вершах Сімяона Полацкага прыводзяцца астралагічныя звесткі, якія паказваюць веданне тэмы аўтарам. Гэта сустракаецца ў творах "Miesięci 12 następują", "Месяцаслове", "Вянец веры", "Беседа со планиты", "4 żywioły y skutki onych і іншыя [1, с / 248; 3, с. 231–233; 8, с. 86, 112, 127–128].

Візуальныя крыніцы таксама ўяўляюць цікавасць. Астралагічны сімвалізм знайшоў сваё адлюстраванне ў розных галінах мастацтва. У храмах, палацах, ілюстрацыях да кніг можна сустрэць выявы знакаў задыяку, планет, гараскопаў. На Вавельскім замку ў Кракаве былі намаляваны астралагічныя знакі і былі напісаны пры іх знакі Гермеса (Signa Hermetis). Аб гэтым сведчыў галандскі матэматык Сымон Стэвін, калі знаходзіўся ў Кракаве ў 1570-1575 гг. З'явіліся яны ў перыяд панавання Жыгімонта Старога. Ён як і яго жонка Бона Сфоца прыхільна ставіліся да астралогіі. Пасля гэта перадалося іх сыну Жыгімонту Аўгусту [20, s. 94–95]. У рукапісу Супрасльскага манастыра сустракаюцца на палях графічныя выявы планет і знакаў задыяку. У цыкле гравюр Лявонція Тарасевіча змешчаны на кожны месяц знакі задыяку.

Такім чынам асноўнымі крыніцамі па гісторыі астралогіі ў Вялікім Княстве Літоўскім рэлігійная літаратура, астралагічная літаратура, прагностыкі і календары, рэестры бібліятэк, гараскопы, хронікі, прыватныя крыніцы, літаратура, візуальныя крыніцы. Разам яны даюць уяўленне пра тэарэтычныя веды, а таксама іх практычнае выкарыстанне.

1. Былинин, В. Poesia docta Симеона Полоцкога / В. Былинин // Естественнонаучные представления Древней Руси: счисление лет, символика чисел, "отреченные книги", астрология, минералогия. – М. : Наука, 1988. – С. 246–259.
2. Беларускія Александрыя, Троя, Трышчан…: перакладная белетрыстыка Беларусі XV–XVII стст. / Уклад. прадм., камент. А. Бразгунова. – Мінск : Беларуская навука, 2009. – 736 с.
3. Звонарева, Л. Нарутфилософские предствления Симиона Полоцкога / Л. Звонарева // Естественнонаучные представления Древней Руси: счисление лет, символика чисел, "отреченные книги", астрология, минералогия. – М. : Наука, 1988. – С. 228–245.
4. Навукова-даследчы аддзел кнігазнаўства Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі, НББ № 091 /276К.
5. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. – Ф. 694. Воп. 1. Спр. 19.
6. Нікалаеў, М. Палата кнігапісная: рукапісная кніга на Беларусі ў X–XVIII стагоддзях / М. Нікалаеў. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1993. – 239 с.
7. Описание рукописей Виленской публичной библиотеки, церковно-славянских и русских / сост. Ф. Добрянский. – Вильна, 1882. – 533 с.
8. Полоцкий, Симеон. Вирши / сост.: К. Былинин, Л. У. Звонарёва. – Минск : Маст. літаратура, 1990. – 447 с.
9. Пуцко, В. Знаки Зодіаку на полях Ізборника Святослава 1073 року / В. Пуцко, // Українське небо 2: Студії над історією астрономії в Україні. – Львів, 2014. – С. 164–175.
10. Романова, А. Комплекс календарно-астрологических таблиц в Супрасльском сборнике / А. Романова // Славянская Библия в эпоху раннего книгопечатания: К 510-летию создания Библейского сборника Матфея Десятого / редкол.: А. Алексеев (отв. ред.). – Санкт-Петербург, 2017. – С. 205–212.
11. Святский, Д. О. Астрономия Древней Руси / Д. О. Святский. – М. : Русская панорама, 2007. – 664 с.
12. Скварчэўскі, Д. Астранамічная і астралагічная спадчына Сімяона Полацкага / Д. Скварчэўскі // Віцебскія старажытнасці : матэрыялы навуковай канферэнцыі, прысвечанай 150-годдзю з дня нараджэння У. Г. Краснянскага, Віцебск, 17–18 кастрычніка 2013 г. – Віцебск, 2017. – С. 136–139.

13. Скварчэўскі, Д. Развіццё астраноміі і хрысціянскай касмалогіі ў Вялікім княстве Літоўскім у XIV–XVII стст. / Д. Скварчэўскі // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. – 2015. – № 2. – С. 2–4.
14. Темчин, С. Новый восточнославянский список Изборника болгарского царя Симеона из Великого Княжества Литовского / С. Темчин // Knygotyra. – 2015. – № 65. – P. 254–268.
15. [Almanach ad annum 1511 super meridianum Cracoviensem, Inc. :]. – Cracovia, 1510.
16. Bielski, M. Kronika polska / M. Bielski. – Kraków, 1597. – 506 s.
17. Herlicius, David Prognosticon astrologicum albo praktyka na rok 1621 opisana. – [Lubcza], 1620.
18. Gudmantas, K. Alberto Goštauto biblioteka ir Lietuvos metraščiai / K. Gudmantas // Knygotyra. – 2003. – T. 41. – P. 9–24.
19. Mossakowski, S. La non più esistente decorazione astrologica del castello reale di Cracovia / S. Mossakowski // Magia, Astrologia e Religione nel Rinascimento : convegno Polacco-Italiano, Varsavia, 25–27 Settembre 1972. – Roma, 1974. – S. 90–98.
20. Pawlikowska, W. Wojciech Grabowski z Sierpca. Zapoznana postacie renesansowego Krakowa i Wilna / W. Pawlikowska // Notatki Płockie. – 2004. – № 4 /201. – S. 3–7.
21. Śnieżyńska-Stolot, E. "Zamek piękny na wzgórzu". Horoskopy – zapomniane źródło historyczne / E. Śnieżyńska-Stolot. – Kraków : Księgarnia Akademicka, 2015. – 159 s.

Таценко Т. Н.

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ НАЧАЛА НОВОГО ВРЕМЕНИ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПЕЧАТНЫХ ИМПЕРАТОРСКИХ УКАЗОВ В ГЕРМАНИИ XVI В.

В Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук хранятся около трех десятков подлинных печатных актов императоров Священной Римской империи XVI в. из династии Габсбургов. Они были приобретены известным историком и собирателем Николаем Петровичем Лихачевым (1862–1936) в конце XIX – начале XX в. в различных австрийских и немецких антиквариатах. Печатные акты были инструментом императорской власти и содержат указы (Mandate, Erlasse, Edikte, Ausschreiben) административно-хозяйственного и политического характера. С последними к подданным обращались обычно в острые моменты конфессиональных и военных конфликтов для разъяснения позиции верховной власти и с тем, чтобы подвигнуть подданных действовать в соответствии с ней.

В последние десятилетия оживился интерес исследователей к печатным актам начала Нового времени [2, s. 1–533]. Их стали рассматривать как важнейшие средства массовой информации эпохи. Размноженные с помощью печатного станка и адресованные почти безграничному кругу подданных, императорские указы и послания доставлялись во все уголки империи, развешивались на порталах церквей и стенах общественных зданий, зачитывались на городских площадях и с церковных кафедр. Благодаря тому, что воля монарха доходила таким образом до громадного числа подданных, его власть приобретала большую интенсивность. Начиная с Максимилиана I (1486–1519), императоры активно использовали возможности печати для усиления действенности своей политики. Тиражи их печатных распоряжений порой измерялись тысячами [3, s. 314].

Анализируя печатные акты как средства массовой информации, современные исследователи считают необходимым уделять особое внимание пристальному рассмотрению исторического контекста источника, его автора, круга адресатов, уяснять планируемое воздействие мандата на круг адресатов и способы достижения желаемого результата. При этом важным является выявление стратегий в достижении убедительности текста, в том числе посредством изображения рисков в случае возможного отказа потенциальных адресатов следовать требованиям или призывам печатного документа. Большое значение в анализе имеет стилистическая окраска языка источника, его эмоциональный настрой, образный ряд, метафоры [4, s. 146–147].

В качестве примера обратимся к мандату императора Карла V (1500–1558) от 28 ноября 1546 г. из собрания архива СПбИИ РАН [1, л. 1]. Мандат относится к наиболее распространенному типу однолистных печатных актов (Einblattdruck). Он исполнен на большом листе плотной и грубоватой бумаги размером 43, 5 X 32 см. Печать покрывает только одну сторону листа. Расположенные по ширине и убористо заполняющие лист 40 строк напечатаны единым блоком, использован готический шрифт фрактура. Единственным украшением является богато декорированный инициал W, открывающий текст. На пространном нижнем поле размещаются подписи императора, канцлера и секретаря.

Мандат относится к событиям Шмалькальденской войны (1546–1547 гг.) и политике императора в самом значительном военно-конфессиональном конфликте эпохи Реформации. Целью императора было разгромить протестантов и вернуть их земли в лоно католической церкви. В ноябре 1546 г. театр военных действий перемещался во Франконию. Уходящие на север войска протестантов угрожали разграбить франконские земли и воспользоваться их материальными ресурсами. Преследуя противника, Карл V издает мандат с важной целью, как можно убедительнее предуведомить население Франконии, где наряду с подданными католических епископств проживало немало протестантов, в гибельности грозящей им опасности и крайней необходимости мобилизовать все ресурсы в помощь

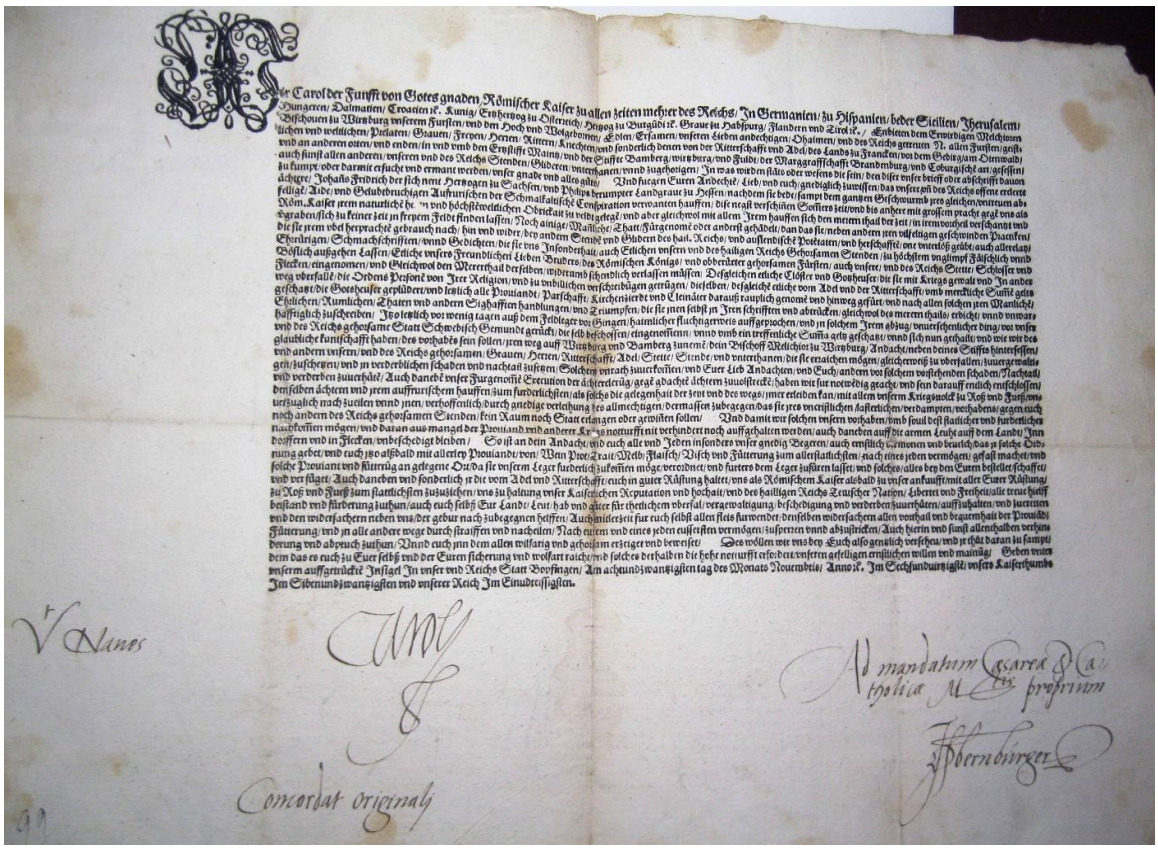
войску императора как единственному защитнику перед страшной угрозой. «Серьезное предостережение и строгий приказ (*ernstlich vermonen vnd beuelch*)» – так сформулирована в самом мандате суть документа, который, будучи размножен печатным станком, должен был дойти до сведения как можно большего числа адресатов. Их почти необъятный круг обозначен в тексте мандата, чтобы каждый читавший или слушавший текст знал, что мандат адресован и ему. В качестве адресатов перечислены все сословия Франконии, начиная от ее духовного государя – епископа Вюрцбургского, и вплоть до последних слуг. Более того – мандат адресован «также и всем прочим нашим и империи сословиям, подданным, какого бы они звания и положения ни были».

Важной стратегией убедительности было как можно ярче и резче представить шмалькальденское войско и его вождей. Прежде всего последним в мандате даются уничтожающие характеристики: «публично объявленные нами в имперскую опалу Иоганн Фридрих, называющий себя герцогом Саксонским, и Филипп, выставляющий себя как ландграф Гессенский … выступили против нас как римского императора, их природного господина и высшей светской власти (*vnsere vn [d] des Reichs offene erclerte aechtere / Johan [n]s Fridrich der sich nent Herzogen zu Sachsen / vnd Philips berumpter Landgraue zu Hessen … gege [n] vns als Roem. Kaiser jrem natürliche [n] herrn vnd hoechste [n]weltlichen Obrickait zu veldt gelege [n]*)». Для имперских князей, ленников императора, дававшим ему клятву верности, не было большего греха, чем преступить эту клятву, выступив против своего суверена с оружием в руках. Поэтому оба руководителя Шмалькальденского союза подверглись опале и были лишены всех прав. В мандате к ним, а также к другим имперским чинам из числа шмалькальденцев применяется следующая характеристика: «оба они и вся свора им подобных, неверных, мятежных, клятвопреступных подстрекательских членов Шмалькальденского заговора (*sie bede / sampt dem ganzen Geschwurmb jres gleichen / vntreuen abfellige [n] Aide / vnd Gelubtbruchigen Aufrurischen der Schmalkaltische [n] Conspiration verwanten hauffen*)». На франконских духовных и светских князей, а также немалое число имперских дворян и рыцарей это могло производить сильное негативное впечатление.

В мандате также красноречиво описаны «разнообразные ужасные и коварные действия (*die vilfeltigen geschwinden Practiken*) восставших протестантов». Особенное внимание в документе уделяется насилиям в отношении церковных учреждений. Во Франконии, которая была областью преобладания духовных княжеств и большого числа монастырей, на читателей или слушателей мандата могли произвести ужасающее впечатление следующие строки: «в некоторых монастырях и аббатствах, которые были захвачены силой или другими способами, они принуждали монахов к отказу от их религии и исполнению неправедных предписаний … облагали поборами на крупные суммы, грабили монастыри и в конце концов воровски изымали и увозили весь провиант, наличные деньги, церковные украшения и драгоценные богослужебные предметы (*etliche Cloester vnd Gotsheuser / die sie mit Kriegs gewalt vnd Jn ander weg vberfalle [n] / die Ordens Persone [n] von Jrer Religion / vnd zu vnbillichen verschreibu [n]gen getru [n]gen … dieselben vmb merckliche Sum [m]e [n] gelts geschazt / die Gotsheuser geplu [n]dert / vnd letzlich alle Prouiandt / Parschafft / Kirchenzierdt vnd Cleinaeter darauß rauplich genome [n] vnd hinweg gefuert*). Речь идет не просто о банальных грабежах и реквизициях проходящих войск, здесь можно также усмотреть приметы реформационной политики протестантских князей: запреты на католическое богослужение и принуждение монахов к обязательству покинуть закрываемый монастырь. В мандате также приводятся примеры разбоев в отношении и светских владетелей – дворянства и рыцарства (*etliche vom Adel vnd der Ritterschafft*), а также городов. Последним по сведениям императора пострадал город в Швабии: шмалькальденцы «подошли к нашему и империи верному городу Швебиш Гмюнд, обстреляли, захватили и изъяли контрибуцию на крупную сумму денег, которую разделили между собой (*vor vnser vnd des Reichs gehorsame Statt Schwebisch Gemundt gerueckt / die selb beschossen / eingenom [m]enn / vnnd vmb ein treffenliche Sum [m]a gelts geschatzt vnnd sich nun gethailt*)». Города были желанной добычей любых вооруженных соединений, перемещавшихся в период военных действий. Сначала для наведения страха наступавшие обстреливали город, а потом принуждали его совет к выплате поборов, обещая за это отказаться от разрушений.

Автор мандата не жалеет сильных эпитетов и ярких метафор для создания образа наводящего ужас шмалькальденского войска, которое он, например, называет «сворой (*Geschwurmb*)». Для усиления негативного эмоционального фона в повествовании о действиях протестантов используется и ирония с издевательской интонацией: «и после всех их таких «мужественных», «благородных» «славных» деяний и других «победоносных достижений» и «триумфов», которые они в своих писаниях и печатных листках в большом числе ложно и надуманно сами себе приписывают, они вдруг неожиданно и скрытно бежали из полевого лагеря под Гингеном (*vnd nach allen solchen jren Manliche [n] / Ehrlichen / Rumlichen / Thaten vnd andern Sighafften handlingen / vnd Triumpfen / die sie jnen selbst jn Jren schrfifften vnd abtruecken / gleichwol des merern thails / erdicht / vnnd vnwarhafftiglich zuschreiben / Jtzo letzlich vor wenig tagen auß dem Feldleger vor Gingen / haimlicher fluchtigerweis*

auffgeprochen)». Из этой цитаты становится ясным, что протестанты также использовали печатные листовки как средства массовой информации и пропаганды для формирования общественного мнения в свою пользу. Чтобы дезавуировать подобную информацию в мандате отмечается: «они [протестанты] клеветнически и злобно выпускали всякого рода оскорбительные, бесстыдные сочинения и стихи, чтобы нанести сильное поношение, прежде всего, нам, а также и верным сословиям Священной империи (*allerlay / Ehrruerigen / Schmachschrifften / vnnd Gedichten / die sie vns Jnsonderheit / auch Etlichen vnsern vnd des Hailigen Reichs Ghorsamen Stenden / zu hoechstem vnglimpft Faelschlich vnnd Boeslich außgehen lassen*)».



Мандат императора Священной Римской империи Карла V к сословиям и подданным Франконии и всей империи от 28 ноября 1546 г., Бопфинген. НИА СПбИИ РАН. ЗЕС. Картон 603. № 3. Л. 1.

Исследователи отмечают, что Шмалькальденская война была одним из первых конфликтов Нового времени, в которых как оружие использовались и тогда еще сравнительно новые средства массовой информации, распространявшиеся с помощью печатного станка [5, s. 346]. К образцовым примерам такого рода относился и рассмотренный мандат Карла V, в котором мастерски использованы методы пропагандистского воздействия на широкий круг предполагаемых адресатов мандата.

Следует отметить, что серьезного вторжения шмалькальденских войск во Франконию, чего так опасался Карл V, не произошло. Император смог перерезать путь соединениям шмалькальденцев и оттеснить их на север. Отрядам протестантов не удалось восстановить свои силы, и в апреле 1547 г. они были разбиты при Мюльберге в Саксонии. Шмалькальденская война закончилась победой императора.

1. Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук. Западноевропейская секция. – Картон 603. № 3. Л. 1.
2. Einblattdrucke des 15. und frühen 16. Jahrhunderts: Probleme, Perspektiven, Fallstudien / ed.: V. Honemann, S. Griese, F. Eisermann. – Tübingen, 2000. – 533 s.
3. Noflatscher, H. Räte und Herrscher. Politische Eliten an den Habsburgerhöfen der österreichischen Länder 1480–1530 / H. Noflatscher. – Mainz : 1999. – 496 s. – (Veröffentlichungen des Instituts für Europäische Geschichte; Bd. 161).
4. Haug-Moritz, G. «Geschwinde Welt». Krieg und öffentliche Kommunikation zur Erfahrung beschleunigten historischen Wandels im Heiligen Römischen Reich deutscher Nation in der ersten Hälfte des 16. Jahrhunderts (1542–1554) / G. Haug-Moritz // Militär und Gesellschaft in der Frühen Neuzeit. – 2002. – Bulletin 6. – S. 139–148.
5. Haug-Moritz, G. Zur Konstruktion von Kriegsniederlagen in den frühneuzeitlichen Massenmedien – das Beispiel des Schmalkaldischen Krieges (1547–1552) / G. Haug-Moritz // Horst Carl / Hans-Henning Kortüm / Dieter Langewiesche u. a. (Hg.): Kriegsniederlagen. Erfahrungen und Erinnerungen / ed.: H. Carl [et al.]. – Berlin, 2004. – S. 345–374.

Субоцін А. А.

КЛІМАТ БЕЛАРУСІ КАНЦА XVI – ПАЧАТКУ XVII СТ. У АДЛЮСТРАВАННІ БАРКУЛАБАЎСКАГА ЛЕТАПІСУ

У пачатку XXI ст. вывучэнне кліматычных умоў усё больш і больш прыцягвае ўвагу даследчыкаў розных краін свету. Асабліва востра на сённяшні час стаяць пытанні глабальнага пацяплення і змен клімату на планеце. У сувязі з чым праводзяцца разнастайныя канферэнцыі, дзе разглядаюцца прычыны такіх зменаў, сродкі прадухілення далейшага павышэння тэмпературы і праблемы антрапагеннага ўздзеяння на навакольнае асяроддзе. У гэтым плане клімат стаў прадметам даследавання і для гісторыкаў, што знайшло сваё адлюстраванне ў фарміраванні такой навукі, як гістарычная кліматалогія. Прадстаўнікі гістарычнай кліматалогіі імкнуцца прааналізаваць на аснове разнастайных крыніц прыродныя ўмовы існавання чалавека розных эпох і параўнаць гэтыя прыродныя ўмовы з кліматычнымі зменамі сучаснасці. Асаблівую цікавасць для вывучэння гісторыі клімату маюць перыяды Сярэднявечча і Ранняга Новага часу, калі назіраліся кардынальныя змены ў прыродна-кліматычных умовах: перыяды пацяплення змяняліся перыядамі пахаладання і часта мелі месца анамальныя кліматычныя з'явы.

Што датычыцца вывучэння гісторыі клімату Беларусі, то асобныя яго асаблівасці X – пачатку XX стст. былі разгледжаны ў фундаментальных даследаваннях савецкага перыяду, у працах Я. П. Барысенкава і В. М. Пасецкага, дзе ў цэлым была дадзена ацэнка прыродна-кліматычных умоў Усходняй Еўропы праз аналіз пісьмовых крыніц [2, 3]. Айчыннымі ж даследчыкамі, калі не лічыць адзінкавых артыкулаў [1, 4, 6], гістарычныя аспекты кліматычных умоў Беларусі амаль не закраналіся і патрабуюць на сённяшні час цэласнага аналізу іх рэгіянальнай спецыфікі.

Вялікую дапамогу ў асвятленні асаблівасцяў клімату Беларусі можа даць Баркулабаўскі летапіс – помнік беларускага летапісання пачатку XVII ст. Па меркаваннях гісторыкаў, летапіс быў складзены ў мястэчку Баркулабава (сучасны Быхаўскі раён) мясцовым праваслаўным святаром Ф. Філіповічам. У летапісе акрамя звестак пра палітычныя падзеі, гісторыю беларускай культуры і царкоўнага жыцця XVI – пачатку XVII стст. змяшчаецца падрабязнае апісанне з'яў прыроды і фіксіруюцца ўласныя назіранні аўтара пра змены ў надвор'і, якія адзначаліся пераважна на землях Падняпроўя. Пільную ўвагу летапісца да феналагічных апісанняў можна патлумачыць вялікай колькасцю анамальных і незвычайных прыродных з'яў у адзначаны перыяд часу, якія ў цэлым аказвалі негатыўны ўплыў на эканамічны стан Рэчы Паспалітай і паглыбілі яе сацыяльны крызіс. Пры апісанні кліматычных умоў таго ці іншага года аўтар падрабязна разглядае кошты на хлеб і іншыя прадукты земляробства, таксама адзначае час пачатку і заканчэння земляробчых прац. Дадзеныя факты падцвярджаюць думку гісторыкаў пра тое, што аўтар летапісу быў блізкі да народа, яго хваляваў эканамічны стан і паўсядзённае жыццё сялянства.

Першыя згадкі пра клімат у Баркулабаўскім летапісе адносяцца да 1585 г., калі ўстанавілася лютая і марозная зіма. Таксама гэты год быў адзначаны незвычайным летам: на працягу ўсёй пары года назіраліся як спякотнае і сухое надвор'е з вялікай колькасцю маланак і грымот, так і анамальныя маразы, ад чаго загінуў ураджай зерневых, асабліва каля Мінска і Вільні. У тое ж лета, у дзень святых Пятра і Паўла (29 чэрвеня па старым стылі) летапісец адзначаў, што каля Галоўчына быў моцны і вялікі гром, які забіў 12 чалавек, а 3 чалавекі ў выніку прапалі без звестак. Пералічаныя кліматычныя ўмовы прывялі да голаду і мору, а таксама выклікалі міграцыю мясцовых жыхароў ва Украіну [5, с. 177].

Тэндэнцыя кліматычных умоў, якія былі звязаныя з пахаладаннем надвор'я, назіралася і ў наступныя гады. Так, запіс летапісу пад 1586 г. адзначае, што ў дзень святога Юрыя (23 красавіка па старым стылі) выпаў снег па калена, што затрымала ўсе земляробчыя працы. Напрыклад, ячмень і авёс пачалі сеяць толькі ў канцы чэрвеня [5, с. 177]. Вельмі марозная і снежная была зіма 1587 г., за якой паследавала няўстойлівая па надвор'і вясна, калі рэдкі дзень быў без снегу, які ляжаў аж да пачатку мая. У маі таксама ўсталявалася халоднае надвор'е, а адзін з дзён гэтага месяца быў адзначаны вялікімі дажджамі і шквалістым ветрам. Аўтар Баркулабаўскага летапісу апісвае, што тады градам пабіла шмат пасеваў і нават статкі ў асобных пастухоў. Няўстойлівае надвор'е прывяло да позняга збору ўраджаю: жыта жалі ў пачатку кастрычніка, пасля свята Пакрова Багародзіцы, а авёс з ячменем – праз тры тыдні пасля свята. У цэлым, летапісец характарызуе 1587 г. як вельмі неўраджайны і галодны [5, с. 177].

Такім жа аказаўся і 1588 г., які, акрамя таго, быў адзначаны ўсплёскам эпідэміі, асабліва ў самой сталіцы Вялікага княства Літоўскага – Вільне. У летапісе пра той жа год сцвярджаецца, што 18 студзеня (па старым стылі), на дзень святога Афанасія, "дожди великия были, аж снег согнало, праве было яко не весне: пастухи на бор с статками погналися на паству, а потом за недель три знову зима лютая" [5, с. 178]. Лета 1588 г. было сухім і амаль без ападкаў, а восень наадварот суправаджалася моцнымі дажджамі і вятрамі. У выніку восенню з-за вялікай колькасці дажджоў

адбыліся павадкі, якія залівалі лугі, а Днепр выйшаў з сваіх берагоў. Такое дажджлівае надвор'е працягвалася да Калядаў [5, с. 178].

Пад 1590 г. аўтар Баркулабаўскага летапісу адзначае зіму з моцнымі маразамі і вельмі сухое лета [5, с. 178].

Канец XVI ст. у Беларусі суправаджаўся серыяй анамальных кліматычных з'яў. Так, 11 чэрвеня 1592 г. па ўсходзе Беларусі, у раёне Гомеля, Рэчыцы, Рагачова і Крычава, прайшоў ураган, які суправаджаўся вельмі моцным градам і прычыніў значны ўрон лесу, паламаўшы шмат бортных дрэваў. У той жа год летапісец адзначаў, што яшчэ ў лістападзе дрэвы стаялі з зялёнымі лістамі, як вясной, і засталіся такімі на зіму [5, с. 182]. 1594 г. аказаўся халодным і дажджлівым, а зіму 1595 г. падчас паўстання С. Налівайкі летапісец ахарактарызаваў наступным чынам: "ни зима, ни лето, ни осень, ни весна аж до месяца мая, до святого Афанасия, снегу не было" [5, с. 182–1183]. Зіма 1597 г. была лютая і марозная, а снег ляжаў да канца красавіка. Вясна гэтага ж года суправаджалася вялікімі павадкамі, якія затрымалі пачатак земляробчых прац да сярэдзіны мая. Зіма 1598 г. наадварот была маласнежная і нядоўгая па працягласці [5, с. 184].

Лютай і марознай характарызуецца зіма 1600 г., а восенню таго ж года, 17 верасня, летапіс зафіксаваў моцны гром з вялікай колькасцю маланак і далейшым усталяваннем марознага надвор'я з моцнымі вятрамі. У цэлым, Баркулабаўскі летапіс апісвае 1600 г. як галодны і неўраджайны. Так, на старонках адзначанага твора мы можам чытаць наступнае: "около тысещ 4 з голоду мужей и жон, детей пошло так, иж страшно было видети, иж на улицах, по дорогах, по гумнах, у ровех псы мёртвых многих тела ели" [5, с. 187].

Падрабязна па прыродна-кліматычных характарыстыках у Баркулабаўскім летапісе апісваецца 1601 г. Год характарызаваўся вельмі няўстолівым і халодным надвор'ем летам і познім выспяваннем зерневых культур. Больш таго, восень суправаджалася разнастайнымі кліматычнымі катаклізмамі. Так, напрыклад, летапісец адзначае, што ў канцы верасня частымі былі дажджы з громам, а 4 кастрычніка выпаў вялікі снег, які засыпаў усе пасевы і прычыніў вялікую шкоду збожжу. З 10 кастрычніка цэлы тыдзень ішоў снег з моцным ветрам. Узровень снежнага покрыву летапісец адзначаў "до полголени". Ад вялікіх маразоў замерз Днепр і па ім ездзілі на санях, як зімой. Такія ўмовы не дазволілі своечасова скончыць земляробчыя працы, і сялянам прыходзілася літаральна з-пад снегу збіраць збожжа [5, с. 187–188]. Зіма 1601 /1602 гг. апісвалася наступным чынам: "того ж року была зима злая, снеги великие и сильные были морозы. Многим людям поморозило кому ногу, кому пальцы, другому вид: уши, нос; а другие з морозу померли" [5, с. 188]. Неспрыяльныя кліматычныя ўмовы і позні збор ураджаю, які аказаўся вельмі нізкім, прывялі да дарагавізны хлеба. Напрыклад, кошты на жыта ў параўнанні з 1599 г. выраслі амаль у 3 разы. Безумоўна, усё гэта прывяло да страшнага голаду па ўсёй Беларусі, пра што Баркулабаўскі летапіс зазначае: "тот наход людей множество почали мерти; по пятеру, по тридцати у яму [хоронили]. Хворых, голодных, пухлых множество, – страх видети гневу божого" [5, с. 188].

Пра наступны 1602 г. летапісец апавядае, што вясна пачалася рана, аднак яна суправаджалася няўстолівым надвор'ем: 13 красавіка на Страсным тыдні назіраўся гром з дажджом і бурай, які змяніўся ў Вялікі чацвер 14 красавіка моцным марозам. Мароз пашкодзіў усе раннія пасевы агародніны, зерневыя культуры і кветкі. Адзначаны год, як і папярэдні, быў небагаты на ўраджай, а цэны на хлеб заставаліся па-ранейшаму вельмі высокімі [5, с. 188].

Аўтар Баркулабаўскага летапісу робіць выснову, што 1600, 1601 і 1602 гг. былі адны з самых неўрадлівых і галодных [5, с. 189], што ў цэлым можна лічыць наступствам кліматычных катаклізмаў, якія назіраліся па ўсёй Усходняй Еўропе таго часу. Так, падобную ж тэндэнцыю мы можам бачыць у суседніх з Беларуссю землях Маскоўскага царства, дзе летам 1602 г. ударыў моцны мароз і загубіў усе пасевы, што прывяло ў 1603 г. да росту цэн на хлеб у 18 разоў у параўнанні з 1601 г. Як свярджалі сучаснікі, ад голаду толькі ў адной Маскве загінула 120 тысяч чалавек [3, с. 190].

1603 г. у Беларусі характарызаваўся добрым ураджаем, хаця і вясна тут была вельмі халоднай, а лета было спякотным і сухім, і дождж, згодна з Баркулабаўскім летапісам, назіраўся за ўсё лета толькі тры разы: на дзень Святога Духа, на дясяты тыдзень ад Вялікадня і на дзень святога Іллі. Снег у 1603 г. выпаў 5 лістапада, а зіма 1603 /1604 гг. апісваецца летапісцам як няўстолівая: снежнае і марознае надвор'е часта змянялася галалёдзіцай і дажджамі з поўным раставаннем снежнага покрыва, што прывяло да разліцця Дняпра і выхаду яго з берагоў [5, с. 189]. Частай зменай надвор'я характарызуецца і вясна 1604 г., калі назіраліся моцныя маразы і вялікая колькасць дажджоў, якія далей працягваліся ўвесь летні перыяд. Дажджлівае надвор'е прывяло да таго, што былі затоплены агароды ў нізінах і на берагах рэк, дзе вада застаялася да канца ліпеня. Гэта ўсё сказалася на нізкім ураджаі зерневых культур, садавіны і агародніны [5, с. 190].

У наступных сваіх апісаннях летапісец вызначае чаргаванне сухіх і вільготных гадоў. Так, зіма 1604 /1605 гг. апісваецца як сухая, марозная і маласнежная, як і ў цэлым вясна і лета 1605 г., калі дажджоў амаль не назіралася. У той жа час 1606 г. характарызуецца надвор'ем з вялікай

колькасцю ападкаў, калі рэкі летам выходзілі з берагоў, як па вясне, што ў выніку не дазволіла нарыхтаваць сялянам сена ў дастатковай колькасці [5, с. 190]. Наступны 1607 г. аказаўся адносна стабільным па сваім надвор'і з сярэднім ураджаем зерневых [5, с. 191]. Апошняе феналагічнае апісанне ў Баркулабаўскім летапісе было зроблена пад 1608 г., калі на працягу ўсяго лета ўсталявалася дажджлівае надвор'е і былі вялікія павадкі [5, с. 192].

Такім чынам, Баркулабаўскі летапіс вельмі падрабязна апісвае прыродна-кліматычныя ўмовы на тэрыторыі Беларусі і з'яўляецца фундаментальнай крыніцай для правядзення даследаванняў па гістарычнай кліматалогіі. Калі апірацца на апісанні летапісу, то можна зрабіць выснову, што надвор'е на беларускіх землях канца XVI – пачатку XVII стст. характарызавалася наступленнем чарговага пахаладання, што супадала з усталяваннем у Еўропе стадыі Малога ледавіковага перыяду. У абазначаны намі час у Беларусі для большасці гадоў усталявалася халоднае і вільготнае надвор'е з вялікай колькасцю ападкаў, зацяжнымі зімамі і моцнымі вятрамі. З другога боку, гады з вільготным і халодным надвор'ем часта чаргавалася з гадамі, калі назіралася засушлівае лета і маласнежная марозная зіма. Такое няўстойлівае надвор'е прыводзіла да нізкіх ураджаяў, і канец XVI – пачатак XVII стст. часта суправаджаліся голадам, эпідэміямі і морам мясцовага насельніцтва. У цэлым, апісанне Баркулабаўскага летапісу дазваляе нам асэнсаваць сучасныя змены ў клімаце і выявіць іх прычыны, якія могуць быць звязаны не толькі з дзейнасцю чалавека.

1. Аўчыннікава, Р. І. Аналіз кліматычных асаблівасцей на беларускіх землях у перыяд з 1810 па 1813 г. / Р. І. Аўчыннікава // Архіварыус : зб. навук. паведамл. і арт. / Нац. гіст. архіў Беларусі. – Мінск, 2012. – Вып. 10. – С. 115–132.
2. Борисенков, Е. П. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы / Е. П. Борисенков, В. М. Пасецкий. – М. : Мысль, 1988. – 522 с.
3. Борисенков, Е. П. Экстремальные природные явления в русских летописях XI–XVII веков / Е. П. Борисенков, В. М. Пасецкий. – Л. : Гидрометеоиздат, 1983. – 240 с.
4. Дзярновіч, А. І. Клімат і экстрэмальныя з'явы ва Усходняй Еўропе і рэгіёне Паўднёва-Заходняй Беларусі ў II тыс. н. э. (паводле кліматалагічных і пісьмовых крыніц) / А. І. Дзярновіч // Беловежская пуща: история, природа, туризм : материалы междунар. науч. -практ. конф., Каменюки, 18–19 сент. 2009 г. / Нац. парк "Беловежская пуща" ; под науч. ред. А. А. Ковалени, М. Е. Никифорова. – Брест, 2010. – С. 53–58.
5. Полное собрание русских летописей / Институт истории СССР. – М. : Наука, 1975. – Т. 32 : Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного. – 233 с.
6. Токць, С. Кліматычныя катаклізмы, голад і эпідэміі ў Беларусі ў 1840–1850-я гг. / С. Токць // Бел. гіст. часопіс. – 2021. – № 1. – С. 3–12.

Булаты П. Ю.

САСЛОЎНЫЯ ТЫТУЛЫ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА ПРАЗ ПРЫЗМУ ЎСПАМІНАЎ ФЁДАРА ЕЎЛАШОЎСКАГА

У XV ст. у Вялікім Княстве Літоўскім з нетытулаванага баярства сфарміравалася новая феадальная эліта, якая вылучалася сваёй палітычнай і вайсковай дзейнасцю, актыўным ўдзелам у развіцці культуры і гаспадаркі, валодала буйной маёмасцю [2, с. 59]. У пачатку XVI ст. некаторыя прадстаўнікі пануючай эліты займелі новыя тытулы – князь і граф Святой Рымскай імперыі. Так, акрамя старадаўніх уласных княжацкіх тытулаў у дзяржаве з'явіліся тытулы замежныя.

З'яўленню імперскіх тытулаў у ВКЛ спрыялі міжнародная абстаноўка і знешнепалітычныя стасункі дзяржавы са Святой Рымскай імперыяй. У першай палове XVI ст. іх носьбітамі сталі пяць родаў: Радзівілы, Гаштольды, Іллінічы, Хадкевічы, Тышкевічы. Наданне тытула – высокая ўзнагарода і прызнанне заслуг роду і асобы, тытул надаваўся за вайсковыя, дзяржаўныя, гаспадарчыя справы.

З'яўленне замежных тытулаў адразу выклікала супярэчанні ў грамадстве ВКЛ, што абмяркоўвалася на Берасцейскім сойме 1518 г. Прыняцце замежнага тытула ўводзіла новы звычай, які парушаў існуючы лад і роўнасць шляхецкага саслоўя [6, с. 20]. Дазвол на атрыманне тытула павінен быў даць вялікі князь [3, с. 212], што і адбывалася ў выпадку з прадстаўнікамі тытулаваных родаў. Працэс развіцця арыстакратычнай тытулатуры і далейшае яе распаўсюджанне на іншыя заможныя роды быў спынены пасля 1569 г. Адпаведна з прынцыпам шляхецкай роўнасці наяўнасць канкрэтнага тытула не надавала пэўнага прывілеяванага становішча ў грамадстве. Адной з характэрных рыс саслоўнай кансалідацыі і шляхецкай роўнасці з'явілася скасаванне арыстакратычных і спадчынных тытулаў. Выключэннем сталі тыя тытулы, што былі прынятыя раней і дапускаліся Люблінскім соймам [1, с. 45].

З кропкі погляду бюракратычнай сістэмы ВКЛ – замежныя тытулы сталі фармальнасцю, яны не надавалі іх носьбітам сацыяльных пераваг. Іншы бок сітуацыі: як саслоўныя тытулы ўспрымаліся грамадствам і як яны адлюстроўваліся ў свядомасці сучаснікаў, якім чынам яны трансліраваліся і ўжываліся? Дадзены момант можна прасачыць праз мемуарную літаратуру.

Так, выдатным адлюстраваннем эпохі з'яўлення першых замежных тытулаў з'яўляюцца мемуары Фёдара Еўлашоўскага (1546–1616).

У айчыннай пісьмовай культуры «Гістарычныя запіскі» Еўлашоўскага займаюць выключнае месца як адзін з першых значных помнікаў мемуарнага жанру літаратуры эпохі Рэнесансу. Успаміны Еўлашоўскага – лаканічна акрэслены індывідуальны лёс прадстаўніка сярэднезаможнай шляхты ВКЛ сярэдзіны XVI ст., які самім ходам абставін быў уключаны ў дзяржаўныя падзеі і працэсы [7, с. 19], таму твор выдатна адлюстроўвае светапогляд аўтара. Адметнасць мемуараў – багатая персаналія, якая ўключае некалькі соцень імёнаў, сярод якіх, канешне, сустракаюцца прадстаўнікі тытулаванай знаці.

У сваіх запісках Еўлашоўскі не дае прамой ацэнкі тытулам, не распавядае аб іх значэнні, з'яўленні замежнай тытулатуры, не акрэслівае асаблівасцей тытулярнай традыцыі ВКЛ. Але ўскосныя сведчанні аб тытулах з успамінаў падкрэсліць можна.

Аналіз тэксту ўспамінаў (паводле навуковай публікацыі крыніцы, якую падрыхтаваў У. Свяжынскі [5]) паказаў, што аўтар актыўна ўжывае ў формуле ветлівасці (тытулаванні) разнастайныя варыяцыі тытулаў. Вылучаюцца наступныя групы тытулаў з розных іерархічных прыступак:

1) Манаршыя тытулы. Апісваючы розныя падзеі, звязаныя з палітычнай сітуацыя ў ВКЛ, Ф. Еўлашоўскі неаднаразова згадвае манархаў, адпаведна, прыводзячы іх тытул. Пры гэтым поўнае тытулаванне не прыводзіцца, адзначаецца іх кароткая форма. Так, мемуарыстам фіксуецца тытул *цэсар* у дачыненні імператара Святой Рымскай імперыі і тытул *кароль* адносна манарха ВКЛ (што прыкметна, тытул *вялікі князь* не ужываецца да гаспадара) [5].

2) Княжацкі саслоўны тытул. На старонках успамінаў Ф. Еўлашоўскага княжацкі тытул з'яўляецца шматзначным і яго ўжыванне мае дачыненне да розных сацыяльных станаў. Так, у свядомасці мемуарыста вызначаецца пяць іпастасей:

– *«князь»* як кіраўнік Маскоўскай дзяржавы, пры гэтым часта ў адносінах да яго ўжываецца дадатак «*вялікі*» [5];

– *«князь»* як прадстаўнік старадаўняй княжацкай дынастыі (згадвае князёў Алелькавічаў, Саламярэцкіх, Масальскіх і інш. [5]);

– *«князь»* як духоўная асоба ў Каталіцкай Царкве ў сане біскупа: «*князь каноник*», «*князь Барановский, бискуп (плоцкі)*» [5];

– *«князь»* як носьбіт тытула Святой Рымскай імперыі: «*княжати на Ольце и Несвижу*» [5];

– *«князь»* у значэнні эквівалентнага замежнага тытула аднаго іерархічнага ўзроўню. Так, «*князем*» Ф. Еўлашоўскі тытулуе герцага прускага і герцага мантуанскага [5].

3) Паны. Гэты тытул выкарыстоўваецца Ф. Еўлашоўскім найбольш шырока. Па-першае, «*панамі*» на старонках мемуараў тытулуюцца прадстаўнікі шляхецкага саслоўя («*пана Лва Сапеги*» «*пан Макарович*», «*Бородич пан Иван*», «*пан Валентый Чарковский*» і шматлікія іншыя [5]). Па-другое, тытул «*пан*» Еўлашоўскі дапасоўвае да канкрэтных адміністрацыйных пасад – «*пан канцлер*», «*пан виленский*», «*пан воевода*» і інш. [5]. Паны як стан – гэта група землеўласнікаў, нашчадкаў знатных і заможных баяр, якія мелі буйныя маёнткі. Але ў XVI ст. з гэтага стану пачала вылучацца магнацкая праслойка (буйныя землеўладальнікі, якія займалі ключавыя дзяржаўныя пасады).

4) Рыцарства. Гэты стан (ідэнтычны стану шляхты) згадваецца Еўлашоўскім аднойчы: у 1575 г. «*зъехавшисе панове и рыцерство*» [5]. У гэтым назіраецца падзел аўтарам станаў паноў і рыцараў на агульным з'ездзе знаці ў Стэнжыцы, але далей ён рыцарства не вылучае, тытулуе прадстаўнікоў стану панамі, а пры іншых згадках агульных сходаў знаці наогул усіх называе «*панове*» (напрыклад, так мемуарыст называе шляхту, якая сабралася ў Капылі ў 1596 г. падчас паўстання казакаў С. Налівайкі [5]). Гэта з'яўляецца адлюстраваннем працэсу «зліцця» паноў (акрамя вылучаных з іх магнатаў) з асноўнай масай шляхецкага саслоўя, які адбываўся пры жыцці аўтара ў другой палове XVI ст.

5) Жаночыя тытулы. Натуральна, што ў мемуарах Еўлашоўскага сустракаліся і прадстаўніцы знаці, у тым ліку тытулаванай. Але тытулаў- фемінітываў у мемуарыста сустракаецца толькі дзве формы: «княжна» («*малжонка Александра, княжна Крошинская*» [5]) і «пані» («*пани виленская*», «*сестру мою панну Зофею*» [5]).

6) Тытулы замежнай знаці. Сустракаецца некалькі згадак асоб, якія мелі замежнае паходжанне і з'яўляліся носьбітамі замежных саслоўных тытулаў: «*маркграф*» («*маркграбя брандэмбурский*» [5]) і «*граф*» («*кграбя с Тэнчина*» [5]).

Разгледзеўшы згаданыя Ф. Еўлашоўскім тытулы, звернем увагу на істотную акалічнасць: мемуарыст не згадвае тытул «*граф*», які з'явіўся ў сацыяльнай прасторы ВКЛ у XVI ст. са Святой Рымскай імперыі. Пры гэтым носьбіты гэтага тытула Еўлашоўскім неаднаразова згадваюцца. Гаворка ідзе найперш аб патроне мемуарыста Яне Гераніме Хадкевічы (к. 1537–1579) і яго сынах – Яне Карале (1571–1621) і Аляксандры (†1626). Еўлашоўскі знаходзіўся на службе ў Хадкевічаў,

часта згадвае вяльможаў, але іх графскі тытул, які род атрымаў у 1555 г. [4, с. 196–197], аўтарам успамінаў не згадваецца. Так, Я. Г. Хадкевіча мемуарыст называе «*пан виленски*», «*пан Ходкевич, пан виленски*», «*великий пан, а монархам справами своими ровный*» [5]; Я. К. Хадкевіча – «*пан Ян Кароль*» [5]; А. Хадкевіча – «*вельможного пана Александра*» [5].

Такім жа чынам мемуарыст не згадвае фемінітыў ад тытула «*граф*» – тытул «*графіня*» (альбо якая іншая форма з асновай тытулу «*граф*»), хоць жонцы графа Яна Гераніма Хадкевіча – Крысціне са Збароўскіх – некалькі радкоў успамінаў прысвечана. Мемуарыст тытулуе яе «*пани виленская*» паводле пасады, якую займаў муж Крысціны.

Узнікае заканамернае пытанне: чаму Ф. Еўлашоўскі не тытулуе вяльможных асоб тытулам «*граф*»? Мяркуем, на тое ёсць дзве прычыны.

Па-першае, гэта звязана з дамінаваннем у грамадстве г. зв. прынцыпу «старыны не рушыць, навіны не ўводзіць». Так, «*графскі*» тытул з'яўляўся новым, прыўнесеным з-за меж краіны, ён уваходзіў ужо ў сфармаванае грамадства, дзе трывала ўласная тытулярная традыцыя: у ёй дамінаваў тытул «*князь*».

Па-другое, тытул «*граф*» – па сваёй моўнай і семантычнай сутнасці «чужы», прыўнесены з іншай, еўрапейскай традыцыі. Хоць ВКЛ яшчэ з XV ст. стала на рэйкі вестэрнізацыі (пераймання сацыяльнай мадэлі на ўзор еўрапейскай), у XVI ст. яшчэ моцна трымалася русінская традыцыя, для якой замежны тытул быў чужым, але ўласны тытул – княжацкі – цалкам свой і звыклы, прымальны, і Еўлашоўскі з'яўляўся носьбітам яшчэ моцнай русінскай завядзёнкі. Пацвярджае гэта і факт ужывання тытула «*князь*» у значэнні эквівалентнага замежнага тытула аднаго іерархічнага ўзроўню.

Таксама, звернем увагу на лінгвістычныя канструкцыі ўжывання саслоўных замежных тытулаў ВКЛ Ф. Еўлашоўскім у спалучэнні з адміністрацыйнымі пасадамі. Адзначым, што мы маем фактычны матэрыял адносна тытула «*князь*», які меў Мікалай Крыштаф Радзівіл (1549–1616). Так, Еўлашоўскі піша: «*року 1572 былэм забавеный потребами его милости* <u>*пана*</u> [падкрэслена намі] *Миколая Криштофа Радивила, маршалка дворного,* <u>*княжати на Ольице и Несвижу*</u> [падкрэслена намі]» [5]. Гэта адзіны выпадак у мемуарах, калі аўтар ужывае поўны замежны тытул з азначэннем геаграфічнай яго прывязкі. З яго бачна, што першасным у тытулаванні была пасада, якую займаў М. К. Радзівіл, а не яго саслоўны замежны тытул. Таксама Еўлашоўскі згадваў М. К. Радзівіла без яго саслоўнага тытула, адзначаючы толькі пасаду: «*от его милости пана Миколая Криштофа Радивила, воеводы троцкого*» [5]. Пры гэтым княжацкі саслоўны тытул мясцовага паходжання Еўлашоўскі ўжываў заўжды першасным, не апускаў яго ў тытулаванні. Напрыклад, тытул «князь» дынастыі Алелькавічаў мемуарыстам пазначаўся заўжды: «*княже его милость Юрей Слуцкий*» [5], «*княжэ Ян Сымэон Слуцкий*» [5], і інш. Таксама не апускаўся княжацкі тытул, калі згадвалася пасада: «*где княжа Контантин* [Астрожскі – аўт.], *воевода киевский*» [5]. Падобная сітуацыя дае падставы сцвярджаць: для Еўлашоўскага саслоўныя замежныя тытулы мелі намінальны характар, першасным у вызначэнні сацыяльнай значнасці асобы была пасаду, якую займаў вяльможа.

Такім чынам, разгляд тытулярная традыцыі ВКЛ праз прызму мемуараў Ф. Еўлашоўскага паказаў, што аўтар не толькі згадвае тытулы, але і ўжывае іх з пэўнымі тэндэнцыямі і сістэмнасцю, а менавіта:

1) як носьбіт русінскай культуры, Еўлашоўскі трансліруе ў мемуарах яе мадэль тытулярнай традыцыі, у якой дамініруе саслоўны тытул князь. Гэтую ж мадэль ён пераносіць на тытулаванне замежных вяльможаў, замяняючы традыцыйныя замежныя тытулы на больш звыклыя мясцовыя;

2) Еўлашоўскі цалкам ігнаруе замежны тытул «граф», які займелі прадстаўнікі знаці ВКЛ у XVI ст., што звязана з праяўленнем моцных кансерватыўных грамадскіх устояў, якія цяжка прымалі ўвядзенне новых элементаў у сацыяльную структуру;

3) праз прызму мемуараў бачна, што саслоўныя тытулы ў ВКЛ мелі намінальны характар, ганаровы, але ўсё ж намінальны: сацыяльную іерархію фарміравалі пасады, якія вызначалі месца вяльможы ў грамадстве.

1. Булаты, П. Ю. Ляхавіцкае графства ў сістэме магнацкіх уладанняў (XVI–XVIII ст.). / П. Ю. Булаты. – Мінск : БДУФК, 2020. – 217 с.
2. Кіркене, Г. Новы погляд на род Хадкевічаў – графаў на Шклове і Мышы / Г. Кіркене // ARCHE Пачатак. – 2014. – № 6. – С. 59–71.
3. Любавский, М. К. Литовско-русский Сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства / М. К. Любавский. – М. : 1900. – 1160 с.
4. Максимейко, Н. А. Сеймы Литовско-русского государства до Люблинской унии 1569 г. / Н. А. Максимейко. – Харьков : Тип. А. Дарре, 1902. – 205 с.
5. Свяжынскі, У. М. «Гістарычныя запіскі» Фёдара Еўлашоўскага / У. М. Свяжынскі – Мінск : Навука і тэхніка, 1990. – 121 с.
6. Скеп'ян, Н. Закладанне родавых традыцый на прыкладзе Мікалая Мікалаевіча Радзівіла / Н. Скеп'ян // ARCHE Пачатак. – 2015. – № 6. – С. 10–24.
7. Таранеўскі, В. У. Гісторыка-мемуарная літаратура Беларусі XVI–XVII ст. : метад. рэк. / В. У. Таранеўскі. – Віцебск : ВДУ ім. П. М. Машэрава, 2016. – 55 с.

Вардомацкий Л. М.

ТЕКСТЫ ПОЛОЦКИХ, ВИТЕБСКИХ И ОРШАНСКИХ ДОКУМЕНТОВ РУБЕЖА XVI–XVII ВВ. КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ЯЗЫКА

Обращая внимание на важность лингвистических исследований в общей системе исследований истории Беларуси, академик Е. Ф. Карский писал: «Надобность в научном словаре живого белорусского наречия и в особом словаре старого западнорусского языка очевидна для каждого занимающегося историей русского языка, юго-западной литературой, западнорусской историей и этнографией» [4, с. III]. Однако до настоящего времени мы все еще не имеем относительно полного, каталогизированного списка памятников письменности, которые с очевидностью отражают особенности устной речи жителей территории нынешней Беларуси и которые, вследствие этого, могут использоваться исследователями при изучении истории белорусского языка.

С сожалением следует признать, что оригиналы старобелорусских документов в большинстве своем сегодня малодоступны даже для специалистов, поскольку либо находятся за пределами страны в различных зарубежных архивных и библиотечных фондах, либо утеряны, либо безвозвратно утрачены. Собираемые по крупицам из разных документов, разбросанных в различных источниках, единичные сведения все же дают возможность постепенно складывать отдельные детали в общую картину системных особенностей языка, социальной и культурной жизни белорусов ушедших эпох.

И в этом смысле несомненный, особый интерес имеют сохранившиеся в том или ином виде документы, выполненные в Полоцке, Витебске, Орше в конце 1500-х – начале 1600-х годов. Это время, когда, с одной стороны, в результате активно развивающегося делового и бытового письма, наблюдается ослабление церковнославянских письменных традиций, под влиянием которых находились авторы и печатники начала XVI века. С другой стороны, все еще отсутствуют какие-либо нормирующие письмо лингвистические документы (Букварь М. Смотрицкого появится в 1618 году, его же «Грамматика» – в 1619-м, а букварь С. Соболя – лишь в 1632 году). Все это способствует активной демократизации письма, когда традиционный принцип орфографии постепенно дополняется принципом фонетическим, который в отдельных документах становится доминирующим и все шире отражает живую разговорную речь. Тексты, созданные в это время в различных регионах территории ВКЛ, несут в себе существенные отличия, отражающие особенности родной речи их создателей. Эти различия явились поводом для неразрешенных и до настоящего времени дискуссий о «прародине» старобелорусского языка.

Документы, созданные на территории Беларуси в XVI-XVII веках, известны сегодня благодаря публикациям в ряде изданий XIX века. Это, прежде всего, «Акты Виленской археографической комиссии» (с 1865 по 1915 годы издано 38 томов различных документов), «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией» (с 1863 – 1892 издано 15 томов), это авторские собрания и издания А. П. Сапунова, Д. И. Довгялло, Е. Ф. Карского и др. Однако следует обратить особое внимание на важную с лингвистической точки зрения деталь: далеко не все из этих публикаций имеют одинаковую ценность для исследователей истории языка. Дело в том, что основной целью таких изданий было сохранение исторических сведений о фактах, событиях, людях. Задача точной передачи и сохранения языковых особенностей старобелорусских текстов, как правило, первоначально не входила в сферу интересов собирателей и издателей.

Так, издание А. П. Сапунова «Витебская старина», неоценимое для историков и краеведов собрание документов по истории Витебска и Витебщины, историками-языковедами должно рассматриваться с осторожностью. Увлеченный историческими событиями, А. П. Сапунов в отдельных случаях не считал необходимым соблюдать аутентичность в передаче языковых особенностей оригиналов древних текстов. Особенно это касается документов, первоначальный текст которых был написан латиницей.

Пожалуй, первым издателем старобелорусских текстов, обратившим особое внимание на необходимость сохранения при изданиях особенностей языка памятников письменности, следует считать Д. И. Довгялло, который готовил к изданию последние три тома (30-й, 31-й, 32-й) «Историко-юридических материалов, извлечённых из актовых книг губерний Витебской и Могилёвской» (1903–1906 гг). В предисловии к 30-му тому Д. И. Довгялло специально отмечает: «*Этими документами съ 21 марта по 5 октября 1577 г., мы начинаемъ рядъ точнаго копированія дрѣвнейшихъ актовъ, какъ самого драгоцѣннаго матеріала для изученія древняго бѣлорусскаго языка*» [3, с. XI].

Особый интерес, на наш взгляд, представляют (на фоне текстов, представляющих западные и южные регионы ВКЛ) документы, созданные в это время на северо-востоке нынешней Беларуси – в Полоцке, Витебске, Могилеве, Орше. В официально-традиционную языковую ткань этих документов, записанных «*кгородскими писцами*» и передающих «*от слова до слова*» содержание различных судебных споров, претензий, заявлений, протестаций, все более активно проникают и закрепляются особенности устной речи представителей местного населения. Наблюдения показывают,

что языковые особенности текстов, созданных на этой территории, существенно отличается от языка текстов, созданных западнее, либо восточнее этой территории.

Рассмотрим некоторые из этих особенностей на примере текста документа, который можно назвать по первой, заглавной строке текста: «*Выписъ съ книгъ справъ кгородскихъ замку господарьского староства Оршаньского*» от 14 октября 1599 года». Далее для удобства будем называть его сокращенно – «Выписка 1599 года». Документ был опубликован Н. Костомаровым во втором томе «Актов, относящихся к истории южной и западной России…» под № 2 за 1599 год [1, с. 3 (27)].

Этот текст – одно из свидетельств особой остроты межконфессиональных противоречий, имевших место на восточных территориях Беларуси (ВКЛ) в эпоху распространения униатства. Грамотой от 2 октября 1599 года король Сигизмунд III передал недавно назначенному Киевскому униатскому митрополиту Ипатию Потею во владение ряд сел и земель «*въ оршанскомъ повете лежачых*». Однако посланные 12 октября 1599 года с королевской грамотой «*до тыхъ селъ рускихъ в повете оршаньском лежачыхъ*» для передачи их новому владельцу, Федор Пучковский, действовавший от имени митрополита Потея, «*оршанский возный енерал*» Оникей Зенькович и дворянин пан Ян Кощиц «*со своими людьми*», были встречены монахами, казаками и «*иншыми посторонними людьми… зъ рознымъ оружьемъ войне належачымъ,* и не допущены в эти села и монастыри. Послы были обстреляны из «*пулгаков*», в результате чего под «*паномъ Лукашомъ Тросниничемъ коня шерстью гнедого пострелили и насъ всих мало не позабивали…*».

В содержательном плане текст анализируемого документа представляет собой жалобу пана Федора Пучковского с описанием произошедших событий, а также свидетельские показания оршанского «*енерала*» (должность, в определенной степени соответствующая современному судебному исполнителю) Оникея Зеньковича. Жалоба и показания «*на враде господарьскомъ кгородскомъ Оршаньскомъ*» в присутствии подстаросты оршанского Петра Григорьевича Кублицкого «*до книгъ справъ кгородскихъ*» записаны писарем оршанским Богданом Бурым.

Фактологическую суть этого события оставим специалистам- историкам. Для нас особый интерес представляет язык документа, те его особенности, которые отражают специфику живой речи жителей Орши и прилегающих территорий на рубеже XVI-XVII веков.

Как известно, наиболее характерными, определяющими признаками белорусского языка в области фонетики являются твердость всех шипящих и [ч], и отсутствие парности по твердости-мягкости для звука [р]. Твердость шипящих [ж] и [ш] в памятниках белорусской письменности отмечается уже с XIII-XIV веков [6, с. 114]. Но в старорусских памятниках письменности эта особенность отмечается непоследовательно, и традиционно после шипящих продолжает использоваться буква ***и***. В «Выписке 1599 года» как раз наблюдаем абсолютно последовательное графическое отражение отвердения шипящих [*ж*] и [*ш*]. Причем такое отвердение наблюдается как в корнях слов, так и в суффиксах, и в окончаниях: бо*жо*го, постановив*шы*се меную*чы*се приспособив*шы*, инш*ы*хъ набрав*шы*се, стар*шо*го, в*жо*, Ко*щы*цъ, затворив*шы*, учстив*шы*, *шы*рей, став*шы*.

Последовательно представлено в «Выписке 1599 года» и отвердение звука [ч]: буду*чы*мъ, належа*чы*мъ, въhждчаю*чы*, лежа*чы*хъ, прислухаю*чы*хъ, реч*о*ному, при*чы*нъ, маю*чы*, дбаю*чы*, ни*чо*го, лежа*чо*го, хоте*чы*, належа*чы*ми, мове*чы*, дбаю*чы*. В старорусском языке этот звук продолжает оставаться мягким.

Такое же последовательное отражение твердости [*ж*], [*ш*] и [ч] наблюдаем и в тексте «Актовой книги Витебского земского суда за 1601 год»: *постановишысе, набравшысе, пропомневшы, нашого, держыт, лежачый, хотечы, идучом, богушэвичового, чоботора*. Причем, отвердение [ч] обозначено не только в единичных, отметим – не характерных (!) для этих текстов полонизмах (*очывисто*), но и абсолютно во всех словоупотреблениях.

Казалось бы, эта тенденция должна получить дальнейшее развитие и распространение. Но в «Протестации Яна Лисовского» (текст исполнен в Полоцке в 1633 году) результаты отвердения звуков [*ж*], [*ш*] и [ч] отражены значительно менее последовательно. Так, наряду с такими новыми записями, как *нашого, вжо* (‘*уже*’), *наймнейшого, чого*, наблюдаем традиционные написания: *будучимъ, иншихъ, Янъ Клишицъ, низшемъ, живцомъ, нежичливость*.

Отдельные написания в «Выписке 1599 года» представляются несколько странными. Например, *приспособивши, затворившы* и подобные, где отвердевшие шипящие соседствуют с [р’], что с точки зрения исторической фонетики маловероятно. Такие написания породили предположение о сохранении исконно мягкого [р’] в устной речи на северо-восточных белорусских землях ВКЛ. Действительно, и сегодня в говорах Витебщины можно встретить [*б’ир’оза*], [*вир’оўка*], на Гомельщине – [*р’аку пер’аплыў*]. Однако для данного документа такое предположение, вероятнее всего, не соответствует действительности. В «Актовой книге Витебского земского суда за 1601 год» наблюдаем свидетельства последовательного отвердения [р] на данной территории, что отразилось в написаниях типа *рымском, прыпалых, грыгорем, прышодшы, писаром*. Вероятнее всего, по отношению к «Выписке 1599 г. » мы можем говорить о непроизвольном, традиционном написании ***и*** после ***р.***

Подтверждением этого могут служить очевидно противоречащие друг другу написания: *манастыру*, но *зъ монастыремъ*, *печерскимъ,* но *впродъ*, *дворенина*, но *дворанинъ*, *речоному*, но *Трыстинича*, *затворившы*, но *боярына*.

В «Протестации Яна Лисовского», написанной в Полоцке всего лишь 34 года спустя, заметно (во всяком случае на письме) последовательное обозначение мягкости [р']: *теперешнемъ, третемъ, дерева, опримовали, непріятельскій, перед* и т. п., что противоречит логике развития этого звука на северо-восточных землях ВКЛ и может быть объяснено только возросшим к этому времени на этой территории влиянием «московской» письменной традиции.

Интересно, что в приставках и предлогах написание ***и*** после ***р*** наблюдается практически последовательно во всех текстах, написанных в это время на этой территории: *при*слухаючого, *при* собh, *при*чын.

В «Выписке 1599 г. », как и в других оршанско-полоцких текстах этого времени, наблюдаем последовательное различение [*г*] взрывного, обозначаемого сочетанием -*кг*-, и [*г*] фрикативного, обозначаемого одиночным -*г*-: *кгродскихъ (и все другие однокоренные формы этого слова), кгды, кгдысмы, срокгости,* но *госпдарьского, Григорьевичомъ, галицького, до книгъ, Богданъ, корыгованъ.* В отличие от отмеченных выше, эта особенность последовательно прослеживается и в других анализируемых источниках – в «Актовой книге Витебского земского суда за 1601 год» и в «Протестации Яна Лисовского 1633 г. ».

Распространено мнение, предложенное еще Ю. Крижаничем и Е. Ф. Карским, что развитие [*г*] взрывного в белорусской речи, где исконным являлся [*г*] фрикативный, проходило под влиянием польского языка [5, с. 469–471]. На наш взгляд, такое объяснение не столь очевидно, о чем можно судить хотя бы по приведенной словарной выборке, где слова с -*кг*- являются восточнославянскими, а в полонизме *корыгованъ* как раз обозначен [*г*] фрикативный.

А вот отражение на письме возможного наличия аффрикат -*дж*-, -*дз*- в устной речи жителей Орши на рубеже XVI-XVII веков, что действительно могло бы свидетельствовать о польском языковом влиянии, в «Выписке 1599 г. » наблюдается лишь в единичных для каждой аффрикаты случаях: *во владзу*, но *въhждчаючы.*

В целом анализ отмеченных и многих других отраженных в текстах языковых особенностей показывает, что к концу XVI – нач. XVII вв. на территории вокруг Полоцка, Витебска, Орши, Могилева сложился язык с выраженными фонетическими особенностями и устойчивой грамматикой. Типичной иллюстрацией этого положения среди прочих может являться и «*Выписъ съ книгъ справъ кгородскихъ замку господарьского староства Оршаньского*» от 14 октября 1599 года» или записи в «Актовой книге Витебского земского суда за 1601 год». И именно этот язык следует считать базовым в определении более широкого понятия «старобелорусский язык». Однако уже к тридцатым годам XVII века языковая структура памятников письменности заметно меняется как западнее Витебска (примером здесь может служить полоцкий текст «Протестации Яна Лисовского 1633 года»), так и восточнее, что можно наблюдать, например, в тексте «Оршанской грамоты 1629 года» [2, с. 35–40].

1. Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи, собранные и изданные археографическою коммиссіею. Томъ вторый. 1599–1637. – Санкт-Петербургъ, 1865. – 314 с.
2. Вардомацкий, Л. М. «Оршанская грамота 1629 года» как источник для лингвистических и лингвокультурологических исследований / Л. М. Врдомацкий // Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова» : сборник научных трудов. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. – Т. 27. – 200 с.
3. Довгялло, Дм. Ив. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской. Выпуск тридцатый [Электронный ресурс] / Дм. Ив. Довгялло. – Витебск, 1903 г. – Режим доступа: http://ru.calameo.com/read/0020559688929361 83cdd. – Дата доступа: 10.12.2020.
4. Карскій, Е. Ф. Белоруссы. – Т. 1 : Введениіе въ изученіе языка и народной словесности / Е. Ф. Карскій. – Варшава, 1903. – 478 с.
5. Карскій, Е. Ф. Белоруссы. Томъ 2. Языкъ белорусскаго племени / Е. Ф. Карскій. – Варшава, 1908. – 610 с.
6. Янкоўскі, Ф. М. Гістарычная граматыка беларускай мовы / Ф. М. Янкоўскі. – Мінск, 1983. – 271 с.

Павлов А. П.

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ КРУГА БЛИЖНИХ ПРИДВОРНЫХ ЦАРЯ МИХАИЛА РОМАНОВА

История правящей элиты Московского государства XVI–XVII вв. является одним из важнейших направлений историографии. При изучении данной темы историки традиционно опираются на данные официальных списков Государева двора (боярских списков и боярских книг) и росписей служебных назначений представителей элиты (разрядных книг), которые позволяют судить главным образом лишь о формальном чиновно-служебном положении бояр и придворных, которое определялось их происхождением и местнической традицией. Выявление круга лиц, обладавших реальной властью и влиянием при дворе нуждается в привлечении новых источников.

Ценнейшим источником, дающим сведения о наиболее активных участниках придворной жизни, о лицах, пользовавшихся расположением и доверием при дворе, являются материалы книг и столбцов дворцовых приказов, отложившихся в фонде Оружейного приказа (ф. 396) Российского государственного Архива древних актов (РГАДА). Эти материалы давно известны историкам. Они были изучены И. Е. Забелиным при создании им фундаментального труда о домашнем быте русских царей и царской семьи в XVI и XVII вв. [2; 3]. Однако И. Е. Забелина интересовала прежде всего бытовая сторона жизни царского двора. Содержащиеся же в столбцах и книгах ценные и уникальные сведения о лицах, составлявших ближайшее царское окружение (ближних, «комнатных» людях) остались за рамками его исследования. Материалы дворцовых ведомств из архива Оружейной палаты были опубликованы И. Е. Забелиным [1], однако эта публикация представляет собой лишь выборку наиболее интересных с точки зрения ее составителя документов (преимущественно документов, характеризующих взаимоотношение внутри царской семьи и содержащих описание предметов царского быта). Основной же комплекс документов дворцовых ведомств остается неопубликованным. Очевидно, неслучайно при изучении истории боярской и придворной элиты материалам дворцовых ведомств традиционно уделяется недостаточное внимание в историографии. Лишь в последнее время наблюдается возрастание интереса к этим материалам при изучении придворной жизни и политической борьбы в правящих верхах (следует назвать прежде всего исследование П. В. Седова о царском дворе конца XVII в. [10]).

Описание записных книг дворцовых приказов (Казенного приказа, Царской и Царицыной мастерских палат, Оружейной палаты, Серебряной и Золотой палаты) было осуществлено А. Е. Викторовым [4; 5]. Наиболее полную информацию об участниках придворной жизни содержат материалы хорошо сохранившегося комплекса расходных книг товарам и вещам Казенного приказа за 1613 /14–1645 гг., всего 53 книги [9]; из них опубликованы только материалы книги за 1613 /14 г. [8].

Расходные книги Казенного приказа наряду с другими материалами (книгами и столбцами) дворцовых ведомств являются источником первостепенной важности для изучения состава ближних «комнатных» людей и, прежде всего, состава царских комнатных стольниках (спальниках), а также комнатных стольниках цариц и царевичей. Официальные списки государева двора (боярские списки) начинают фиксировать состав комнатных стольников (спальников) как особую чиновную группу лишь со второй половины 60-х гг. XVII в. До этого комнатные стольники не выделялись из общего числа царских стольников («обышных» стольников). Лишь единичные сведения о комнатных людях мы получаем в разрядных книгах до второй половины 1660-х годов. Материалы же дворцовых ведомств (и, прежде всего, расходных книг Казенного приказа) дают регулярные, систематические сведения о составе и службах комнатных людей в Царском дворце. В отличие от остальных служилых людей, получавших жалование из Казны «по государеву указу» за определенные конкретные службы (воеводства, взятие языка, «полонное терпение» и т. д.), «комнатные», ближние люди получали жалование, как правило, по царскому «именному приказу» без указания на службы, т. е. как личный подарок от государя. Эти пожалования комнатным людям регулярно фиксировались в книгах (а также частично столбцах, сохранившихся не полностью) Казенного приказа. Именные пожалования производились как от имени царя Михаила, так и от имени его матери, государыни старицы Марфы Ивановны и царицы Евдокии Лукьяновны. Весьма щедрые подарки (деньгами и вещами) ближние комнатные люди получали также по случаю свадеб, новоселий и т. д.

Имевшие право вхождения в государевы покои спальники вносили «в верх» на царский обиход (и на обиход членов царской семьи) различные вещи и драгоценности. Через своих ближних людей – комнатных стольников – царь передавал подданным свои распоряжения. Находясь в тесном, непосредственном контакте с государем, комнатные стольники имели возможность влиять на ход придворной борьбы, «шептать» царю на своих недругов и ходатайствовать за своих родственников и приятелей. Сведения о службах комнатных стольников в царском Дворце мы получаем преимущественно лишь из материалов (столбцов и книг) дворцовых приказов.

Всего мы имеем сведения о 35 спальниках за время царствования Михаила Романова [7, с. 81]. Анализ состава комнатных стольников (спальников) показывает, что он пополнялся различными путями. В комнатных стольниках служили лица различного возраста, жизненного опыта и происхождения. Эта группа пополнялась представителями как знатных княжеско-боярских (князья Воротынские, Черкасские, Голицыны, Троекуровы, Сицкие, а также Морозовы, Шереметевы и др.), так и новых «дворянских» (Стрешневы, Хитрово, Толочановы, Милюковы, Собакины) фамилий. Главным принципом ее комплектования были родственные связи с романовской семьей и степень близости к придворным сферам, а не само по себе происхождение рода.

Документы дворцовых ведомств содержат уникальные сведения не только о царских комнатных стольниках (спальниках), но и комнатных стольниках матери царя Михаила старицы Марфы Ивановны, царицы Евдокии Лукьяновны и царевича Алексея Михайловича. Анализ дворцовой

документации приводит к выводу о том, что в состав стольников царицы Евдокии Лукьяновны и царевича Алексея Михайловича зачислялись отнюдь не случайные люди, а представители фамилий, связанных с царской семьей и различными придворными кругами.

Материалы дворцовых приказов содержат ценные, уникальные сведения о женской половине Дворца (царицыных боярынях, воспитательницах («мамах») царевичей и царевен и т. д.). Влиятельные при царицыном дворе боярыни нередко способствовали карьере при дворе своих сыновей. Так, во многом благодаря протекции своей матери Екатерины Ивановны Бутурлиной, жены Василия Матвеевича Бутурлина, бывшей верховой боярыней царицы Евдокии Лукьяновны, в комнатные стольники был зачислен Василий Васильевич Бутурлин, ставший впоследствии боярином и известным дипломатом.

Материалы расходных книг Казенного приказа позволяют проследить частоту упоминания придворных во Дворце (круг лиц, наиболее часто получавших именные пожалования от царя Михаила, его матери и царицы Евдокии, приказывавших государевым или «государыниным» словом пожалования во Дворце, вносивших «в верх» в государевы покои и «сносивших с верху» различные вещи и подарки). Эти данные дают возможность более полно представить расстановку сил в придворной среде на разных этапах царствования Михаила Федоровича. Так, среди придворных по частоте упоминаний в царском дворце в 1634–1645 гг. первенство принадлежало боярину Борису Ивановичу Морозову, воспитателю наследника престола царевича Алексея Михайловича. Данное обстоятельство свидетельствует об усилении позиций Морозова при дворе уже конце царствования Михаила Федоровича, что способствовало в дальнейшем его приходу к власти [6, с. 648–650].

Книги дворцовых приказов дают возможность определить, кто из бояр реально обладал властью и влиянием при дворе. Большой интерес представляют содержащиеся в расходных книгах Казенного двора сведения о боярах и придворных, удостоенных особой чести «лехчить (стричь) волоски» у царя на Пасху и Рождество. Эти сведения позволяют выявить круг наиболее доверенных при дворе лиц. Подобного рода почетную обязанность выполняли первые лица в правительстве – в начале царствования Михаила Федоровича честь «снимать (постригать) волоски» у государя во время великих праздников Рождества и Пасхи принадлежала влиятельнейшему в то время при дворе боярину Б. М. Салтыкову, близкому родственнику и фавориту матери царя старицы Марфы Ивановны; в дальнейшем, с 1621 г., почетную обязанность постригать «волоски» у царя на Рождество и на Пасху (а также перед царскими свадьбами) ежегодно и практически бессменно, вплоть до своей кончины в 1642 г. исполнял ближний боярин, царский родственник и фактический глава правительства князь И. Б. Черкасский; дважды за период с 1621 по 1641 гг. чести стричь «волоски» у царя удостаивались другие лица: на Рождество 1627 г. – влиятельный при дворе глава приказа Большого двора князь А. М. Львов, а на Рождество 1639 г. – комнатный стольник князь Б. А. Репнин, стремительно возвысившийся при дворе в конце 30-х – начале 40-х гг. [6, с. 266–267]

В целом использование материалов дворцовых приказов из фонда Оружейного приказа позволяет составить достаточно полное представление об участниках жизни в царском Дворце и существенно расширить наши представления о составе придворных группировок и придворной борьбе в годы царствования первого Романова.

1. Дополнение к Дворцовым разрядам. – Ч. 1. – Москва : Университетская типография, 1882. – 476 с.
2. Забелин, И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. / И. Е. Забелин. – Т. I : Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – Ч. 1 – 480 с. ; Ч. 2. – 520 с.
3. Забелин, И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. / И. Е. Забелин. – Т. II : Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. – Москва : Языки русской культуры, 2001. – 792 с.
4. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. 1584–1725 гг. Вып. 1 / сост. А. Е. Викторов. – Москва : Типография С. П. Архипова, 1877. – 387 с.
5. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. 1613–1725 гг. Вып. 2 / сост. А. Е. Викторов. – Москва : Типография М. П. Щепкина, 1883. – 290 с.
6. Павлов, А. П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование : в 2 т. / А. П. Павлов. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2018 – Т. 1. – 784 с.
7. Павлов, А. П. Комнатные стольники царя Михаила Романова / А. П. Павлов // Времена и судьбы : сборник статей в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха. – Санкт-Петербург : Европейский Дом, 2006. – С. 73–96.
8. Приходо-расходные книги Казенного приказа // Русская историческая библиотека. – Санкт-Петербург : Типография Министерства Внутренних дел, 1884. – Т. IX. – С. 149–381.
9. Российский государственный Архив Древних актов. – Ф. 396. Оп. 2. Кн. № 199–229 и 277–300.
10. Седов, П. В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века / П. В. Седов. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2006. – 604 с.

Ерохин В. Н.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОГО ПОСТРЕФОРМАЦИОННОГО КАТОЛИЦИЗМА

Примечательной особенностью Реформации в Англии является сохранение в стране в постреформационный период значительных религиозных меньшинств, к которым, наряду с пуританскими нонконформистами, относились также католики, которые так и не были полностью лишены властями и официальной Церковью Англии возможности деятельности после законодательного утверждения Реформации. Сохранение католического сообщества в постреформационый период придало религиозной ситуации в Англии её специфическую идентичность. Затем в середине XIX века произошла полномасштабная легализация католицизма в виде восстановления в 1850 году католической иерархии во главе с кардиналом – архиепископом Вестминстерским (названия титулов католических прелатов не должны были совпадать с традиционно используемыми англиканской церковью в стране) и 12 викарными епископами. В XIX – XX вв. на этой основе католицизм смог опять расширить своё влияние в Великобритании, а к настоящему времени католическая церковь заметно восстанавливает свое влияние в Великобритании [1].

В британской политической культуре под влиянием исторического опыта смогла сформироваться способность к нахождению компромисса и к тому, чтобы расслышать и осознать аргументы противостоящей стороны, даже оставаясь при своем мнении. Важнейшим фактором в формировании терпимости к нонконформизму в британской культуре, к утверждению в общественной жизни возможности существования мнений, отличных от общепринятых, было как раз влияние Реформации.

Современная британская историография разрабатывает, преемственно опираясь на сформированную предшествующими поколениями исследователей источниковую базу и выводы, несколько групп проблем в реконструкции жизни католического меньшинства в Англии XVI – VII вв. : 1) изучение событийной стороны в жизни английского католического сообщества этого времени; 2) распространение католицизма по территории страны и выявление районов его наибольшего укоренения; 3) деятельность английских католиков-эмигрантов, появление английских католиков-иезуитов и создание католической миссии, находившейся в стране; 4) изучение католического меньшинства как фактора внутриполитической жизни в Англии, причины относительной терпимости властей по отношению к английским католикам; 5) страх по отношению к католицизму в народе в предреволюционные десятилетия начала XVII века и его влияние на религиозно-политическую ситуацию в стране.

Удельный вес работ по истории Реформации в Англии в XVI – XVII вв. в современной британской историографии, специально посвящённых истории английского католицизма, является заметно меньшим, чем количество работ по истории англиканской церкви, английского пуританизма и других нонконформистских течений в истории английской Реформации. Но история английского католицизма всё же является предметом устойчивого исследовательского интереса среди современных британских историков.

В распоряжении британских историков находится значительная источниковая база для изучения истории английского католицизма. В 1904 году было основано Католическое архивное общество (Catholic Record Society), которое опубликовало к настоящему времени 78 томов и подготовило к печати ещё 2 тома источников по истории английского католицизма. Ежегодно в последних числах июля Католическое архивное общество проводит свои конференции. Католическое архивное общество с 1968 года стало издавать свою серию монографий по истории английского католицизма, но многочисленной она не стала, и сейчас вышло лишь 5 монографий (последняя в 1999 году), а большинство работ по истории английского католицизма публиковались в других издательствах. Самый известный журнал по истории английского католицизма «Recusant History», издающийся с 1951 года, публикует содержательные, но очень узкие, фрагментарные по тематике исследования. С 1959 года публикуется также «Вестник для изучающих историю рекузантов» (the Newsletter for Students of Recusant History). Стали появляться и региональные научно-исторические журналы по истории английского католицизма – сейчас существует 11 таких журналов. Католическое архивное общество выставило информацию о своей деятельности и об архивных ресурсах в изучении английского католицизма в Интернете на https: //www. crs. org. uk /

Материалы по истории английских католиков, относящиеся ко времени XVI – XVII вв., содержатся также в сериях государственных документов, относящихся к внутренней и внешней политике (Calendar of State Papers Domestic Elizabeth I, James I, Charles I (1558–1642); Calendar of State Papers Venetian, 1603–1607; Exchequer Rolls, Pipe Rolls, Recusant Rolls and Lord Treasurer's Remembrance Rolls; Westminster Archive Manuscripts).

Опубликованы были и документы о споре по поводу назначения Верховного священника – главы английских католиков, который происходил на рубеже XVI – XVII вв. [2; 3]. Сохранился также значительный массив материалов по истории английских католиков в местных архивах в неопубликованном виде. Появляются обобщающие публикации, характеризующие источники для изучения истории английских католиков [4; 5].

Проделана работа по составлению биографических статей об английских католиках [6] и по выявлению изданной в XVI-XVII вв. в Англии и на континенте английской католической литературы [7]. Значительную работу по изучению священников-миссионеров провёл английский католический священник Г. Анструтер накануне 400-й годовщины открытия семинарии в Дуэ в 1968 году и в последующие годы [8; 9].

Источниками также служат материалы визитаций епископов и заседаний ежеквартальных сессий мировых судей [10]. В Государственном архиве Великобритании (Public Record Office – PRO) хранятся материалы переписей рекузантов (католиков, которые отказывались посещать службы в официальной церкви) за 1592 – 1691 годы (PRO Classes E. 376, E. 377) по графствам, где содержатся также сведения о налагавшихся штрафах и наложении ареста на имущество за исповедание католицизма. В переписях содержатся имена тех рекузантов, на которых налагали штрафы и подвергали конфискации имущества. В то же время в этих переписях, как выявлено исследователями, перепутаны имена католиков и пуританских нонконформистов, которых также наказывали штрафами и конфискациями за непосещение церкви. Как отмечают британские историки, количество рекузантов и частота их упоминаний в материалах ежеквартальных сессий мировых судей может не отражать действительную распространенность католицизма в регионе из-за непоследовательности, кампанейщины, характерной для преследований нонконформистов, или из-за присутствия в графстве какого-нибудь ярого противника католицизма, особенно из числа пуритан. По материалам ежеквартальных сессий порой видно, что в них не упоминаются известные католики-рекузанты, жившие в данном графстве и известные из других источников, но по какой-то причине не попадавшие в эти переписи [11, p. 172]. Материалы некоторых переписей рекузантов опубликованы [12].

Переписи рекузантов составляли также епископы, и они сохранялись в епархиальных архивах. Исследователи находят также в архивах семей английских католиков квитанции и расписки о том, что они уплатили властям штрафы как рекузанты. Данные о католиках-рекузантах также содержатся в материалах комитета по замене судебного преследования денежными выплатами (Committee for Compounding with Delinquents), хранящихся в Государственном архиве Великобритании (PRO). Венецианская серия государственных документов (the State Papers, Venetian) из PRO тоже содержит информацию о положении католиков в разных районах Англии в XVI – XVII вв. Находящиеся на хранении в PRO документы Тайного совета (PRO Class P. C. 1 P. C. 2) содержат информацию о рекузантах, в том числе о том, кто из рекузантов соглашался принести присягу верности монархам. Материалы об истории английских католиков также находятся на хранении в архиве палаты лордов. Существует исследовательский центр в изучении истории английских католиков, находящийся в Лондоне (Catholic Record Society 114, Mount Street, London) [11, p. 193].

После воссоздания в 1850 году в Англии 13 католических епархий во главе с архиепископом Вестминстерским в ведении этого иерарха сейчас находятся переписка, воспоминания католиков о жизни в Англии и Уэльсе в период 1600 – 1688 годов [11, p. 195].

Архивы английской провинции Общества иезуитов находятся главным образом в Стоунихерст-Колледже в Ланкашире и в Лондоне на Фарм Стрит в церкви Непорочности (Immaculate). В Стоунихерст-Колледже хранится большая часть материалов от периода с 1580 до конца XVII века и некоторые более поздние материалы. Архивы от времени после 1700 года хранятся в Лондоне. Часть источников по истории английской провинции Общества Иисуса опубликована [13].

Сохранились также архивы английских монашеских орденов бенедиктинцев, доминиканцев и францисканцев. С 1623 года территория Англии и Уэльса была поделена иезуитами на «коллегии», которые делились на «дистрикты-резиденции», и архив английских иезуитов на хранении упорядочен в соответствии с этими региональными подразделениями. По составу документов архив иезуитов состоит из финансовых отчетов, а также докладов и писем отдельных лиц. Существует также немало местных католических исторических обществ, некоторые из которых выпускают печатные издания [11, p. 196].

Подготовлены значительные публикации источников, сопровождающиеся исследовательскими статьями об английском католическом сообществе [14; 15; 16; 17], монографии с публикациями источников о деятельности наиболее известных английских иезуитов конца XVI – начала XVII веков Роберта Парсонса [18], Эдмунда Кэмпиона [19; 20], Генри Гарнета [21], Уильяма Уэстона [22], Роберта Саутвелла [23] и Джона Джерарда [24]. Есть основания предполагать, что исследовательское внимание к изучению истории английского католического сообщества по мере роста влияния католицизма в современной Великобритании будет продолжать активизироваться.

1. Приймак, А. Британия: побег из англиканства [Электронный ресурс] / А. Приймак. – Режим доступа: https://www.pravda.ru/faith/1088187-Anglicans/. – Дата доступа: 07.03.2021.
2. The Archpriest Controversy. Documents Relating to the Dissensions of the Roman Catholic Clergy 1597–1602. Camden Society 56 / ed. T. G. Law. – Camden Society, 1896. – Vol. I. – XXVIII, 248 p.
3. The Archpriest Controversy. Documents Relating to the Dissensions of the Roman Catholic Clergy 1597–1602. Camden Society 58 / ed. T. G. Law. – New York : Longmans, Green & Co., 1898. – Vol. II. – XXXI, 262 p.
4. Williams, J. A. Sources for Recusant History (1559–1791) in English Official Archives / J. A. Williams // Recusant History. – 1983. – Vol. XVI. – № 4. – P. 331–451.
5. Shorney, D. Protestant Nonconformity and Roman Catholicism: A Guide to Sources in the Public Record Office. PRO Readers Guide 13 / D. Shorney. – London : PRO Publications, 1996. – X, 126 p.
6. Gillow, J. A Literary and Biographical Dictionary of English Catholics : in 5 vol. / J. A. Gillow. – London : Burns & Oates, 1885. – Vol. I. – 646 p. ; Vol. II. – 584 p. ; Vol. III. – 728 p. ; Vol. IV. – 606 p. ; Vol. V. – 628 p.
7. Allison, A. F. A Catalogue of Catholic Books in England Printed Abroad or Secretly in England 1558–1640 : in 2 vol. / A. F. Alison, D. M. Rogers. – Bognor : Arundel Press, 1956. – XIII, 187 p.
8. Anstruther, G. The Seminary Priests: Elizabeth I 1558–1603 / G. Anstruther. – St Edmunds College ; Ware ; Urshaw College ; Durham, 1968. – Vol. I. – 468 p.
9. Anstruther, G. The Seminary Priests. Early Stuarts 1603–1659 / G. Anstruther. – Mayhew-McCrimmon, 1975. – Vol. II. – XXIII, 423 p.
10. Davidson, A. Sources for Recusant History. 4 Recusant History. A Bibliographical Article / A. Donaldson // Local Historian. – 1971. – Vol. IX. – P. 283–286.
11. Stephens, W. B. Sources for English Local History / W. B. Stephens. – Chichester (Sussex) : Phillimore & Co Ltd, 1994. – X, 260 p.
12. Recusant Records / ed. C. Talbot // Catholic Record Society CRS. – 1961. – Vol. LIII. – XII, 448 p.
13. Records of the English Province of the Society of Jesus. 7 vols. in 8 books / ed. H. Foley. – London : Burns & Oates, 1877–1883. – Vol. I. – 768 p. ; Vol. II. – 708 p. ; Vol. III. – 898 p. ; Vol. IV. – 800 p. ; Vol. V. – 710 p. ; Vol. VI. – 860 p. ; Vol. VII. – 1070 p.
14. Challoner, R. Memoirs of Missionary Priests 1577–1584 / ed. J. H. Pollen. – New York : P. J. Kennedy, 1924. – 682 p.
15. Morris, J. The Troubles of our Catholic Forefathers : in 3 vol. / J. Morris. – London, 1872–1877. – Vol. I. – 458 p. ; Vol. II. – 536 p. ; Vol. III. – 498 p.
16. Crosby Records / ed. T. F. Gibson. – Chetham Society, 1887. – 108 p.
17. Caraman, P. The Other Face: Catholic Life under Elizabeth I / P. Caraman. – London, 1960. – 360 p.
18. Letters and Memorials of Robert Persons to 1588 / ed. L. Hicks. – Catholic Record Society. – 1942. – Vol. 39. – 475 p.
19. Simpson, R. Edmund Campion / R. Simpson. – London : J. Hodges, 1896. – 559 p.
20. Waugh, E. Edmund Campion / E. Waugh. – London : Longmans, Green and Co., 1935. – 238 p.
21. Caraman, P. Henry Garnet 1556–1606 and the Gunpowder Plot / P. Caraman. – London : Longmans, 1964. – XV, 466 p.
22. Caraman, P. William Weston. The Autobiography of an Elizabethan / P. Caraman. – London : Longmans and Green, 1955. – 259 p.
23. Devlin, Ch. The Life of Robert Southwell / Ch. Devlin. – London : London, Sidgwick & Jackson, 1956. – 392 p.
24. Caraman, P. John Gerard. The Autobiography of an Elizabethan / P. Caraman. – London : Longmans, Green and Co., 1956. – 287 p.

Абеленцева О. А.

ПРИХОДНЫЕ И РАСХОДНЫЕ ДЕНЕЖНЫЕ КНИГИ УСПЕНСКОГО ТИХВИНСКОГО МОНАСТЫРЯ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРАКТИК ОБИТЕЛИ И ЕЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ЛОКАЛЬНЫМ СООБЩЕСТВОМ В 1623–1633 ГГ.[1]

Одной из составляющих источниковой базы для изучения локальных сообществ для XVII в. являются монастырские архивы. Под локальным сообществом, центром которого был монастырь, нами понимается совокупность групп лиц, между которыми возникали связи и обязательства в процессе хозяйственной и социокультурной деятельности: монашествующие, духовенство, монастырские слуги, посадские люди и крестьяне монастырских вотчин. Успенский Тихвинский монастырь был не только духовным центром, но и осуществлял административные, фискальные и судебные функции в отношении принадлежавшего ему торгово-ремесленного посада и вотчин, во многом выступал посредником между жителями и властными структурами, например, добивался для них льготного налогообложения. Миряне не только платили оброк и исполняли трудовые повинности в пользу монастыря, но и работали в его хозяйстве на основе долгосрочного и краткосрочного найма, являлись вкладчиками и постриженицами монастыря. По словам игумена Сергия, члены монастырской братии 1641 г. до пострига были «пашенными мелкими людьми» [3, л. 1] Таким образом монастырь, его посад и вотчины представляли собой единый развивающийся социальный организм. В ходе повседневных отношений групп, составляющих сообщество, и его отдельных членов могли возникать конфликты интересов, но именно «локальная социальная структура задавала пределы реальному поведению индивидов и их межличностным отношениям и выступала как своеобразный фильтр, опосредующий связи между индивидами в более широком социальном пространстве» [6, с. 174].

Корпоративный характер собственности обители, предполагал учет материальных ценностей, в том числе денежных средств, и контроль за их движением со стороны общины, духовных и светских

[1] Исследование подготовлено при поддержке гранта РФФИ № 19–09–00106 /20.

властей. Архив Успенского Тихвинского монастыря за первую половину XVII в. понес значительные потери в связи с большим пожаром, случившимся в июне 1623 г. За последующие годы актовый материал также утрачен в значительной степени по сравнению с тем, в каком количестве он сохранился за вторую половину XVII в. В такой ситуации основным источником по истории локального сообщества за исследуемый период являются монастырские приходные и расходные денежные книги. Ранее они не привлекались как источник для системного изучения внутренней организации монастырского локального сообщества в посткризисный период. Эти документы имеются в виде черновиков и / или беловиков за 1623–1633 гг. Сравнительный анализ данных черновых и беловых книг показал, что они не имеют расхождений в части фиксации прихода и расхода денежных средств, за исключением случаев нескольких описок и пропусков при фиксации незначительных сумм.

Степень детализации записей в приходных и расходных денежных книгах казначеев разных монастырей зависела от размеров хозяйств обителей и организации системы учета. Если монастырское хозяйство располагало значительным числом служб, находившихся на удалении от монастыря, то их отчетные документы могли не копироваться целиком в казначейские книги. Например, в Кирилло-Белозерском монастыре в таких случаях в них фиксировалась только общая сумма [5, с. 221, 223–224, 226–227]. Успенский Тихвинский монастырь в изучаемый период из удаленных служб располагал двором посельского старца в соседнем Егорьевском Кожельском погосте и двумя рыбными ловлями на реках Волхове и Свири. Отчетные документы находившихся там старцев, а также документы о расходах в поездках в Москву и Великий Новгород копировались в расходные книги в полном объеме. Сравнение сохранившихся в виде актов подлинных расходных росписей и их текстов, скопированных в расходные денежные книги, позволяет сделать вывод о том, что копии адекватно отражают содержание подлинников в расходной части [2, с. 8–22].

Отличительной чертой организации жизни братии в Успенском Тихвинском монастыре еще с XVI в. являлась выплата всем ее членам «служеного» за исполнение разных послушаний. Оплату также получали наемные члены церковного причта, монастырские слуги, сельскохозяйственные работники («дружинники») и ловцы на рыбных ловлях. Записи об этих регулярных выплатах, а также о расходах на краткосрочный найм вносились в расходные денежные книги.

Их данные позволяют установить черты своеобразия хозяйственных и административных практик монастыря, численность сообщества и динамику ее изменения, провести подсчеты денежного дохода и расхода, изменение этих показателей по годам в целом и по основным статьям, механизмы и скорость восстановления хозяйства после окончания Смутного времени. По данным дозорной книги 1619 /20 г. Нагорной половины Обонежской пятины Новгородского уезда писца Мины Дмитриевича Лыкова и подьячего Якова Гневашева, Тихвинский посад еще только начинал восстанавливаться после военных действий, и численность его населения была невелика [4, с. 130–133].

Для изучения хозяйственных практик нами был проведен полный обсчет данных приходных и расходных денежных книг. Полученные результаты позволили в значительной степени охарактеризовать хозяйственные процессы, которые потребовали наибольших финансовых затрат и включенности в них членов локального сообщества.

Прежде всего следует сказать о восстановлении монастыря после пожара 1623 г., который уничтожил почти все его строения, в том числе, оборонительные сооружения («город») вокруг обители. Расходные денежные книги позволили определить основные особенности этого строительного периода в монастыре – подсчитать суммы, потраченные на приобретение и изготовление строительных материалов, оплату работ по краткосрочному и долгосрочному найму и способы его фиксации в книгах, число вновь возведенных сооружений, степень участия в работах разных групп монастырского локального сообщества – старцев, слуг и посадских людей, а также членов артелей, приходивших в монастырь на заработки из других погостов Новгородского уезда [1, с. 7–26].

Изучение записей о расходах на проведение сельскохозяйственных работ и данных приходных хлебных книг свидетельствует о том, что определяющим в этой важнейшей сфере монастырского хозяйства был также наемный труд. Исполнение натуральных повинностей посадскими людьми, крестьянами и бобылями монастырских вотчин из-за их традиционно небольшого объема не могло обеспечить потребности обители в производстве зерновых культур.

Еще одной важнейшей сферой хозяйственной деятельности монастыря являлись рыбные ловли на реках Волхове и Свири. Основными промысловыми видами рыб были сиг и лосось. Работы на ловлях велись полностью на основе долгосрочного и краткосрочного найма. Содержание ловель требовало значительных затрат на оплату труда, закупку соли и перевозки готовой продукции, осуществлявшиеся монастырскими слугами и жителями Тихвинского посада. Ловли полностью окупали себя за счет продажи рыбы, но доходы были не намного больше расходов на их содержание. Основная выгода от рыбного промысла состояла в том, что монастырь обеспечивал себя рыбой – важнейшим продуктом монастырской трапезы.

Ранее не применявшийся для исследования полный обсчет данных монастырских приходных и расходных денежных книг на материалах Успенского Тихвинского монастыря показал, что хозяйственные практики обители в посткризисный восстановительный период базировались на широком применении наемного труда жителей Тихвинского посада, населения вотчин и окрестных погостов.

1. Абеленцева, О. А. Восстановительные строительные работы в Успенском Тихвинском монастыре в 1623–1633 гг. (по данным монастырских расходных книг) / О. А. Абеленцева // Петербургский исторический журнал. – 2019. – № 2. – С. 7–26.
2. Абеленцева, О. А. Включенные документы в составе расходных денежных книг Успенского Тихвинского монастыря 1623–1633 гг. / О. А. Абеленцева // Петербургский исторический журнал. – 2020. – № 2. – С. 8–22.
3. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. – Ф. 132. Оп. 1. Карт. 2. № 136.
4. Материалы по истории Успенского Тихвинского монастыря. - Вып. 1 : Акты и материалы писцового дела. – Часть 1 : 1560–1644 гг./ сост. О. А. Абеленцева. – М. ; СПб. : Альянс-Археo, 2015. – 336 с.
5. Приходные и расходные денежные книги Кирилло-Белозерского монастыря. 1601–1637 гг. / сост. З. В. Дмитриева. – М. ; СПб. : Альянс-Археo, 2010. – 760 с.
6. Репина, Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика / Л. П. Репина. – М. : Кругъ, 2011. – 560 с.

Седов П. В.

ОПЫТ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРИХОДО-РАСХОДНЫХ КНИГ РУССКИХ МОНАСТЫРЕЙ XVII В.

Хлебные цены XVII в. — один из ключевых вопросов при изучении проблемы становления всероссийского рынка. Сначала исследователи находили сложившийся всероссийский рынок в XVII в. [17, с. 180]. Начиная с 1970-х годов возобладало представление о том, что в XVII столетии имело место лишь начало этого процесса, а завершение следует искать в конце XVIII в. или даже XIX в. [12, с. 381; 14, с. 21, 245].

Решающее значение в изучении данной проблемы имеют методы работы с источниками: таможенными и приходо-расходными книгами. В данном случае остановимся только на источниковедческом анализе монастырских приходо-расходных книг.

Исследователи ошибочно полагают, что сделанные в них записи о купле-продаже товаров отражают их реальную цену. Так, классический труд А.Г. Манькова о хлебных ценах в России XVI в. целиком основан на сведениях, извлеченных из монастырских приходо-расходных книг [13]. В рецензии на эту монографию В.М. Панеях отметил, что данные таможенных книг о цене того или иного товара могут существенно отличаться от реальных, но монастырские приходо-расходные книги, по его мнению, сообщают достоверную информацию на этот счет [15, с. 143–144].

Однако, с нашей точки зрения это не совсем так. Цены на товары (в данном случае будем говорить только о хлебных ценах) не существуют сами по себе, они ситуационны и познаваемы только в том историческом контексте, частью которого они являются.

Что это значит? Например, в приходо-расходной книге XVII в. находим запись о покупке четверика ржи такого-то числа и года. Возникает иллюзия, что это цена товара, но в действительности это не так. В источнике отражена не цена товара, а цена покупки, что далеко не одно и то же. В данном случае указаны только обобщенное наименование и потраченная сумма, но не учтены особенности товара. Во-первых, остается неясным, какой именно четверик использовался — для составителя приходо-расходной книги это было само самой разумевшимся и потому сведения об этом опускались. Во-вторых, не зафиксировано качество хлеба: рожь, пшеница, ячмень и другие зерновые оценивались по трем степеням качества: «добрая», «середняя» и «плохая». Не отмечен также факт уплаты или неуплаты таможенной пошлины, которая составляла 5% от стоимости товара и, разумеется, учитывалась при назначении итоговой цены.

Проанализировать указанные и другие детали купли-продажи позволяют монастырские документы XVII в. Рассмотрим обстоятельства торговли хлебом в Новгородской земле во второй половине XVII в. по документам Валдайского Иверского (ф. 181) и Успенского Тихвинского (ф. 132) монастырей из Архива Санкт-Петербургского института истории РАН. В этих фондах сохранились как приходо-расходные книги, так и внутримонастырская переписка XVII в. По сути, это развернутые описания компетентных и заинтересованных участников средневековой торговли. Из этих документов мы узнаем такие подробности торговли XVII в., о которых ничего не известно из других источников. Сведения о хлебных ценах в этой переписке упомянуты не сами по себе, а в определенном контексте.

Отписки монастырских стряпчих позволяют установить, что на протяжении всего XVII столетия в России наряду с общегосударственными мерами (их именовали «московскими») сохраня-

лись и местные. Так, в Великом Новгороде использовали местный четверик, который был в 1,6 раза больше московского (последний составлял пуд веса). Четверик на Тихвинском посаде был больше московского даже в пять раз. Без учета этих фактов изучение хлебных цен становится бессмысленным. Переход на московский четверик на новгородском торге произошел в самом начале 1680-х годов, а на Тихвинском посаде местный четверик использовался до самого конца столетия и даже в начале XVIII в. В приходо-расходных книгах эти изменения обычно не фиксировались, поскольку были очевидны для составителей и современников.

В отличие от приходо-расходных книг монастырские отписки часто сообщали две цены хлеба: «середнего» и «лутчего», которые обычно отличались процентов на двадцать.

Отписки из Новгорода в голодный 1670 г. сообщают уникальные сведения о хлебных ценах: продавцы ржи предлагали ее по спекулятивной цене 30 коп. за новгородский четверик [18, с. 107], митрополит распродавал рожь из своей житницы по специально заниженной цене 20 коп., но только по одному четверику в руки [18, с. 107; 3, сст. 2], а купцы, привозившие хлеб и-за рубежа подпольно продали представителю Иверского монастыря четверик по 25 копеек и без уплаты таможенной пошлины [11, сст. 14].

В фонде Успенского Тихвинского монастыря сохранился особый тип учетной документации: книги хлебной покупки. В архиве обители сохранилось семь таких книг: одна 1667 г. — в столбцовой форме [1, сст. 1–9] и еще шесть в тетрадной — 1668 г. [5, сст. 1–5], 1668–1669 г., [6, сст. 1–18] 1690 г., [7, сст. 1–4] 1691 г. [8, сст. 1–3] и две 1701 г. [9, сст. 1–14 об.; 9, сст. 1–14 об.]; сверх того обнаружена еще одна аналогичная по составу краткая роспись хлебной покупки 1698 г. на одном листе с оборотом, внесенная затем в расходную книгу [4, сст. 1–1 об.]. В отличие от денежных приходо-расходных книг, в них основное внимание обращалось на запись не собственно расхода денег на покупку хлеба, а на характеристику покупаемого продукта: у кого куплено, какой объем и в каких мерах. В этих книгах находим сведения об обстоятельстве, неизвестном в исследовательской литературе. Это «досталь» — довесок, который оставался после покупки. Крестьяне привозили из окрестных сел на Тихвинский посад зерно, судя по проданному весу, в основном на одном-двух возах. После измерения проданного хлеба у них оставался небольшой остаток, это и есть «досталь», которую хлебенный старец покупал у них по той же цене. В итоговых данных закупки хлеба в монастырь «досталь» вообще не суммировалась и не учитывалась. Ее, надо полагать, оставляли в запас, как тогда говорили, на «мышеед». Поэтому в приходо-расходных книгах монастыря было бы неправильно вычислять точную цену купленного хлеба, просто, поделив общий объем покупки на потраченные деньги.

Еще более важный вывод можно сделать, обратив внимание на даты закупок в книгах хлебной покупки. Во время тихвинской ярмарки хлебенный старец не покупал рожь и овес у местных крестьян, покупки совершались только до начала торга или после него. Без учета этого обстоятельства можно было бы сделать неверный вывод, что цены на Тихвинском посаде были такие, как это зафиксировано в этих книгах. В действительности, в ярмарочную неделю (с конца XVII в. – ярмарка формально действовала месяц) хлебные цены торгов существенно увеличивались. Для нас это может показаться странным, поскольку мы привыкли, что в наше время ярмарочные цены должны быть ниже обычных. Отличие здесь состоит в том, что в новейшее время большинство покупателей получает зарплату и располагает денежной наличностью. В Средневековье же было наоборот. Основная масса населения – крестьяне, посадские люди, – прежде чем что-нибудь купить, должны были продать результаты своего труда. Поэтому в ярмарочные дни на Тихвинском посаде возникало повышенное предложение хлеба, и цена его существенно возрастала – на 20 % и больше.

При изучении цен исследователи часто не учитывают изменение веса копеек: во второй половине XVII в. серебряное содержание русской копейки было дважды понижено — в марте 1681 г. и в 1696 г., иными словами копейка 1680 г. была в два раза тяжелее копейки 1697 г. Этот факт хорошо известен нумизматам, но часто не учитывается при изучении динамики цен. Однако есть еще один важный фактор, который упускают и нумизматы, изучающие денежные номиналы, и исследователя торговли — это бытование денег, в частности увеличение или уменьшение денежной массы. Для XVII в. подобные статистические данные совершенно отсутствуют. Но из внутримонастырской переписки становится известно, что экстраординарные налоги военных лет быстро выкачивали у населения наличность, и на хлебные цены влияли два разнонаправленных фактора: цены росли из-за понижения серебряного содержания копейки, но понижались в связи с нехваткой монеты — «денежной скудости», как об этом писали в монастырских отписках.

Развернутое описание такой «денежной скудости» находим в отписке каргопольского таможенного головы В. Лобанова и целовальника Л. Попова «с товарищи» 3 марта 1680 г. По их словам, в том году «ни с какими товары торговых людей приезду и торгу против прошлых годов и вполы нет», а если и продают, то «против прошлых годов дешевле вполы». В прошлых годах четверть ржи (в четверти было 8 четвериков) продавали по 90–100 коп., а в 1679/1680 г. по 40-45 коп.; «и иные всякие товары

потому ж дешевле вполы, да и того торгу нет». Причину упадка торговли челобитчики видели в том, «что в мире, государь, стала денежная скудость и нужда великая» [16, сст. 1–4].

Таким образом, следует с осторожностью использовать сведения приходо-расходных книг о ценах на товары. Механический сбор таких данных, сведение их в таблицы оставляет вне поля зрения многочисленные обстоятельства, которые влияли на формирование цены.

Практика хлебной торговли XVII в. позволяет сделать общий вывод о том, что без единой метрической системы и при одновременном бытовании разновесной монеты, хронической нехватке денежной наличности не представляется возможным считать всероссийский рынок XVII в. сложившимся явлением. Речь может идти только о начале процесса. Введение новой денежной системы при Петре I, унификация используемой по всей стране метрической системы, сеть речных каналов XVIII в., связавшая бассейны разных рек в одну водную транспортную систему, отмена внутренних таможен в 1756 г. и другие факторы позволяют отнести формирование всероссийского рынка к явлениям XVIII столетия.

1. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. – Ф. 132. Оп. 1. Картон 9. Д. 136.
2. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. – Ф. 132. Оп. 1. Картон 11. Д. 28.
3. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. – Ф. 132. Оп. 1. Картон 13. Д. 269.
4. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. – Ф. 132. Оп. 1. Картон 60. Д. 15.
5. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. – Ф. 132. Оп. 2. Д. 241.
6. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. – Ф. 132. Оп. 2. Д. 249.
7. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. – Ф. 132. Оп. 2. Д. 630.
8. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. – Ф. 132. Оп. 2. Д. 653.
9. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. – Ф. 132. Оп. 2. Д. 847.
10. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. – Ф. 132. Оп. 2. Д. 880.
11. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. – Ф. 181. Оп. 1. Д. 1782.
12. Ковальченко, И. Д. Всероссийский аграрный рынок XVIII – начала XX века: опыт количественного анализа / И. Д. Ковальченко, Л. В. Милов. – М. : Наука, 1974. – 399 с.
13. Маньков, А. Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI века / А. Г. Маньков. –М. ; Л. : Издательство АН СССР. 1951. – 274 с.
14. Миронов, Б. Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. / Б. Н. Миронов. – Л. : Наука. 1981. – 259 с.
15. Панеях, В. М. А. Г. Маньков. Цены и их движение в Русском государстве XVI в. / В. М. Панеях // Вопросы истории. – 1952. – № 12. – С. 141–146.
16. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 141. Д. 94.
17. Сербина, К. Н. Очерки из социально-экономической истории русского города: Тихвинский посад в XVI–XVIII вв. / К. Н. Сербина. – М. ; Л. : Издательство АН СССР, 1951. – 485 с.
18. Тихомиров, Л. В. Новгородский хронограф XVII века / Л. В. Тихомиров // Тихомиров Л. В. Русское летописание. – М. : Наука, 1979. – 387 с.

Сукина Л. Б.

ИЗОБРАЖЕНИЯ ДИНАСТИЧЕСКИХ ДРЕВ РУССКИХ КНЯЗЕЙ И ЦАРЕЙ КАК ВИЗУАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ[1]

Еще задолго до «визуального поворота» в исторической науке М. Блок отмечал: «Было бы большим заблуждением считать, что каждой исторической проблеме соответствует один-единственный тип источников, применимый именно в этом случае. Напротив, чем больше исследование устремляется к явлениям глубинным, тем скорее можно ждать света от сходящихся в одном фокусе лучей – от свидетельств самого различного рода» [1, с. 40]. При этом он имел в виду, что в поисках исторической истины исследователь должен оперировать данными анализа не только письменных, но и материальных и визуальных источников (если прибегнуть к современной классификации).

С таким «глубинным», по выражению М. Блока, явлением мы имеем дело при реконструкции «династической концепции» [5, с. 345–357] власти в русском государстве XVI–XVII вв. При первых Романовых эта концепция пережила определенные трансформации, понять и оценить которые в полной мере невозможно, опираясь только на письменные источники. Ценный материал для исследователя дают изображения династических древ русских князей и царей, традиция создания которых появилась во второй половине XVII в., при государе Алексее Михайловиче. При различии материалов и техник этих изображений (икона, фреска, книжная миниатюра, книжная гравюра) их объединяет одно важное свойство – все они воспроизводят не реальное, а спиритуальное родословие династии Романовых, воплотившей в себе формировавшийся на протяжении нескольких веков идеал самодержавной царской власти. Изображения княжеских и царских древ предоставляют исследователю возможность

[1] Публикация подготовлена благодаря стипендиальной поддержке Германского исторического института в Москве

воочию увидеть, как современники представляли себе генезис Московского государства в виде определенных символических образов. Но при этом он сталкивается с необходимостью решать нетривиальную задачу дешифровки сложных иконографических композиций, без чего содержание и смысл изображенного остаются непонятными и могут быть ложно интерпретированы.

Вероятно, именно эта сложность и стала основным препятствием использования изображений древ в качестве исторических источников. Из всего известного исследователям набора внимание привлекала только икона Симона Ушакова «Похвала иконе Богоматерь Владимирская» («Древо государства Московского». 1663 г. Государственная Третьяковская галерея. Инв. 28598). М. Е. Бычкова в свое время высказала мнение, что эта икона была первой попыткой создать родословное древо царской семьи по законам западной генеалогии [2, с. 30–31]. Однако чуть раньше В. Г. Чубинская в специальном исследовании, посвященном идейной программе произведения Симона Ушакова, показала, что прообразами его композиции могли быть изображения «вертоградов» в православной белорусской и украинской книжной гравюре второй половины XVII в. [8, с. 290–308]. Исследовательница предлагала рассматривать икону как «полемический трактат», служивший «церковно-религиозным обоснованием политики царского правительства в период становления российского абсолютизма» [8, с. 308]. Разноголосица суждений демонстрировала, что иконография Симона Ушакова не так проста, как кажется на первый взгляд, и ее истолкование вызывает многочисленные вопросы.

Ответы на них требуют, в том числе, и восстановления интеллектуального контекста, внутри которого происходило конструирование древа Московского государства, а также выявления круга близких к иконе Симона Ушакова визуальных источников. Все известные на сегодняшний день изображения родословных древ русских царей были учтены в коллективном исследовании, опубликованном в 2018 г. под эгидой Германского исторического института в Москве [4]. В подготовке этого издания непосредственное участие принимал и автор настоящей статьи.

Варианты спиритуального родословия династий Рюриковичей и Романовых во второй половине XVII – начале XVIII в. кроме иконы Симона Ушакова были представлены также: на графической прориси «Похвала иконе Богоматерь Владимирская» 1680-х гг. (Собрание М. С. Бывшева, Москва), на миниатюрах Синодиков Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле 1656 г. (Ярославский музей-заповедник № 15585. Л. 104 об.) и Воскресенского Новоиерусалимского монастыря 1680-х гг. (Государственный исторический музей. Отдел рукописей. Собрание Воскресенского монастыря 66. Л. 76), списка Степенной книги 1670 г. (Российская государственная библиотека. Ф. 178 (Музейное собрание) 4288. Л. 61 об.), на фресках папертей Спасо-Преображенского собора Новоспасского монастыря в Москве 1680-х гг. и церкви Ильи Пророка в Ярославле 1716 (?) г., на титульных гравюрах книг «Меч духовный» Лазаря Барановича 1666 г. и «Алфавит собранный, рифмами сложенный…» Иоанна Максимовича 1705 г.

Необходимо подчеркнуть, что все перечисленные изображения, за исключением фрески в Новоспасском монастыре, выполненной по распоряжению царской семьи, о чем сообщается в надписи в нижней части стенописи основного объема Спасо-Преображенского собора, были неофициальными. Они появились по воле и на средства частных заказчиков, из которых только вкладчица Синодика Воскресенского Новоиерусалимского монастыря, царевна Татьяна Михайловна принадлежала к царствующему дому. Икона Симона Ушакова была написана для московской церкви Троицы в Никитниках – ктиторского храма гостей Никитниковых-Булгаковых. Прорись с нее, предположительно, принадлежала ярославским иконописцам Репьевым. Миниатюра Синодика из Ярославля создавалась в окружении игумена Спасского монастыря этого города. Степенная книга и ее иллюстрации заказывались подьячим Разрядного приказа Ф. Ф. Постниковым-Парфеньевым для вклада в Успенский собор г. Владимира. Иконографические программы гравюр «Меча духовного» и «Алфавита» были разработаны Лазарем Барановичем и Иоанном Максимовичем, а сами книги их авторы и издатели планировали поднести в дар государям Алексею Михайловичу и Петру I, соответственно. Появление фрески в церкви Ильи Пророка, как мы предполагаем, было связано с деятельностью Ярославского и Ростовского архиепископа Досифея, поддерживавшим тесные отношения с опальной царицей Евдокией Лопухиной и царевичем Алексеем Петровичем [7, с. 24–25]. Поэтому большинство рассматриваемых нами изображений древ фиксировали скорее не государственную династическую концепцию, а представления о ней, существовавшие в различных социальных группах русской элиты того времени (служилых людей, высшего купечества, церковных иерархов).

Династические древа создавались в разное время художниками с отличающимся уровнем мастерства и профессиональной подготовки, и по художественным качествам, в том числе и по степени соответствия изображенного первоначальному идейному замыслу, они не равноценны. Примечательно, что все эти изображения невозможно привести к одному иконографическому знаменателю – настолько различны их композиции. Можно выделить лишь три пары изображений, в которых первое, с большой долей вероятности послужило образцом для второго: икона

Симона Ушакова – прорись «Похвала иконе Богоматерь Владимирская», миниатюра Степенной книги – миниатюра Синодика Воскресенского Новоиерусалимского монастыря, гравюра «Меча духовного» – фреска ярославской церкви Ильи Пророка «Род правых благословится». При этом образец и производное от него изображение при общем сходстве композиций существенно отличаются друг от друга в элементах и деталях [См., например: 6, с. 115–131]. Для миниатюры Синодика ярославского Спасо-Преображенского монастыря, фрески паперти Спасо-Преображенского собора московского Новоспасского монастыря и гравюры «Алфавита» Иоанна Максимовича в настоящее время не выявлены ни вероятные образцы, ни воспроизведения. Несомненно, таковые были, но до нас они не дошли (например, по описи, составленной в 1672 г. Симоном Ушаковым, известно, что изображения князей, включенных в Степенную книгу, находились на сводах и в оконных проемах Золотой палаты Московского Кремля, расписанной в конце XVI в.). Поэтому каждое изображение необходимо рассматривать, в первую очередь, как особый оригинальный визуальный источник, созданный в определенное время и при определенных обстоятельствах, но при этом иметь в виду и присущие всей группе изображений династических древ видовые черты, главной из которых является их спиритуальный характер.

Все рассматриваемые нами изображения отличаются сложной композицией, включающей значительное количество аллегорий, символов, надписей, визуальных и вербальных цитат. Говоря о специфике их исследования, уместно вспомнить рассуждения Л. Н. Мазур о методе анализа визуальных источников [3, с. 105]. Изучая их содержание, важно не упустить важных информационных элементов, которые часто выглядят как отдельные микросюжеты, декоративные детали фона или обрамления основного изображения. Но многие из этих элементов зачастую существенно изменяют смысл изображенного. Например, замена на прориси «Похвала иконе Богоматерь Владимирская» Успенского собора Московского Кремля (именно он представлен на иконе Симона Ушакова) на Архангельский собор меняет апологетическую тональность всей композиции на коммеморативную.

Для того чтобы в полной мере оценить информационной потенциал изображений династических древ великих князей и царей необходимо провести тщательное исследование каждого из них и дать видовую характеристику всей этой группе визуальных источников. Но уже на данном этапе исследования можно сделать некоторые предварительные выводы. Очевидно, что все рассматриваемые нами древа не являются визуализацией реального родословия династий Рюриковичей и Романовых. Они предлагают различные интерпретации династической концепции царской власти в Русском государстве XVII в. Все известные нам изображения древ возникли в контексте не светской, а религиозной культуры. Образцами для них послужили не столько визуальные древа европейской (в первую очередь, польской) генеалогии, сколько иконописное родословие Иисуса Христа («Древо Иессеево») и Богородицы, лозы происхождения прославленных православных монастырей (например, Киево-Печерской обители) и родов православных правителей и иерархов («Лоза Неманичей»). Абсолютное большинство княжеских и царских династических древ, созданных в России XVII – начала XVIII в. – неофициальные изображения спиритуальной генеалогии правящей династии, поэтому должны рассматриваться как феномены, зафиксировавшие представления о высшей государственной власти довольно широкого круга светской и религиозной элиты того времени.

1. Блок, М. Апология истории / М. Блок. – М. : Наука, 1986. – 256 с.
2. Бычкова, М. Е. Икона Симона Ушакова идея происхождения государства Российского / М. Е. Бычкова // Церковная археология : материалы первой всероссийской конференции. – СПб. ; Псков, 1995. – Ч. 2. – С. 30–31.
3. Мазур, Л. Н. «Визуальный поворот» в исторической науке на рубеже XX–XXI вв.: в поисках новых методов исследования / Л. Н. Мазур // Диалог со временем. – М., 2014. – Вып. 46. – С. 15–108.
4. Родословные древа русских царей XVII–XVIII веков / сост. А. В. Сиренов. – М. : Юбилейная книга, 2018. – 168 с.
5. Сиренов, А. В. Концепция династической монархии в России XVII – первой половины XVIII в. / А. В. Сиренов // Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства. – М. : Политическая энциклопедия, 2017. – С. 345–357.
6. Сукина, Л. Б. «Род царствия благословится»: два случая интерпретации богоизбранности правящего дома Романовых в русской художественной культуре второй половины XVII – начала XVIII в. / Л. Б. Сукина // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». – 2020. – № 3. – С. 115–131.
7. Сукина, Л. Б. Фреска «Род царствия благословится» в церкви Ильи Пророка (книжные истоки иконографии) / Л. Б. Сукина // Книжная культура Ярославского края – 2019 : сборник статей и материалов. – Ярославль, 2020. – С. 16–26.
8. Чубинская, В. Г. Икона Симона Ушакова «Богоматерь Владимирская», «древо Московского государства», «Похвала богоматери Владимирской» (Опыт историко-культурной интерпретации) / В. Г. Чубинская // Труды отдела древнерусской литературы. – Л. : Наука, 1985. – Т. 38. – С. 290–308.

Русина О. В.

“ABRYSSY ROZNE”: ПРОБЛЕМИ ІНТЕРПРЕТАЦІЇ ТА АТРИБУЦІЇ

Радзивіллівська проблематика набуває дедалі більшої популярності у сучасних історичних дослідженнях. Серед іконографічних джерел, дотичних до цієї теми, слід виокремити збірку ескізів і креслень із фондів Національного історичного архіву Білорусі [4, арк. 1–41, 43–47], введену до наукового обігу у 1970-х рр. Минулого року вона побачила світ у книзі «„Абрысы розныя”: малюнкі і чарцяжы гетмана Януша Радзівіла» [1]. Її упорядник Миколай Волков включив атрибуцію мінської збірки до назви видання – хоча одночасно у передмові ним було зроблене доволі дивне застереження щодо художньої спадщини князя: «Немає певності щодо авторства низки зображень, наприклад, краєвидів міст і чистових креслень окремих будинків. Їх могли виконати інші люди, однак це робилося на замовлення гетьмана, а малюнки були включені до його особистої колекції» [1, с. 6].

До неї ж було віднесено й низку накидів з іншого архіву. У тій-таки передмові М. Волков відзначив: «Вельми подібні до мінської збірки за характером виконання і почерком чорнові малюнки зберігаються у Російській національній бібліотеці у Санкт-Петербурзі» [1, с. 6]. Ця теза сформульована ним як авторська і цілком самостійна. Відтак, мінський колега привласнив наше спостереження, уперше оприлюднене у статті 2015 р., яка фігурує у списку використаної ним літератури [6, с. 122–123]. Цілком зрозуміло, що «недомовка» науковця аж ніяк не була випадковою: адже на підставі цієї ідеї М. Волков включив до складу упорядкованої ним книги зроблені у 1651 р. замальовки трофейних прапорів із РНБ.

Репродуковані в книзі малюнки характеризуються автором як «візуальне дослідження об’єктів, увага до яких цілком зрозуміла з точки зору особи творця, його біографії та історичного контексту епохи» [1, с. 96]. Насправді ж немає нічого зрозумілого у прагненні Радзивілла замалювати, скажімо, склепіння церкви у заштатному Макарові або зробити докладне креслення печі з пекарні у Борисові. Легко віриться, що гетьман, як нотують джерела, робив начерк військового табору під Лоєвом (1649 р.), – і дуже складно уявити, як він заміряв кахляну піч у Варшаві чи у серпні 1651 р. особисто складав списки реквізованих київських дзвонів. Годі й казати, що про це не збереглося ніяких історичних свідчень. Відомо, наприклад, що у тому-таки 1649 р. у таборі під Річицею князь, як і замолоду, охоче займався тодішнім «спортом» – бігав і кидав у кільце списа [9, s. 193]. І жодна документальна пам’ятка не фіксує, що він витрачав свій вільний час на малювання, вимірювання й креслення.

Утім, М. Волков й сам плутається у власних побудовах. Так, на с. 24–25 ним подано малюнок із підписом «Панорама Макарова. Я. Радзивілл. 1651 р. ». А вже на с. 27 він висуває гіпотезу, що автором малюнка був придворний художник князя Абрахам ван Вестерфельд; при цьому голландець і Радзивілл «фактично могли стояти поруч: перший робив накид панорами, а другий – перелік будинків, які домінували у силуеті міста» (цей перелік польською мовою міститься у лівому куті малюнка).

Працею Вестерфельда називається й інший, не підписаний, малюнок із мінської колекції, ідентифікований Волковим як панорама київського Подолу [1, с. 27, 52–54]. Водночас М. Волков не виключає, що автором накиду «був не голландець, а його патрон», не сумніваючись хіба в тому, що «Абрагам ван Вестерфельд і Януш Радзивілл співпрацювали при створенні малюнків» [1, с. 54]. До появи ідеї цього творчого тандему спричинилися два моменти: (1) «спокуслива», за М. Волковим, і нічим не доведена думка О. Баженової, що мінська збірка – це нібито «альбом малюнків» Вестерфельда [2, с. 171], і (2) необхідність пояснити те, що їх підписано польською мовою, якою, звісно, не володів голландець. Однак «власноручний підпис» князя під панорамою Макарова зроблено, як і більшість підписів у збірці, так званим «почерком А» – а він, як це видно неозброєним оком, не збігається з почерком Януша Радзивілла з репродукованого у книзі княжого автографа 1629 р. (і в цьому зв’язку симптоматично, що замість «проведення поглибленого графологічного аналізу» М. Волков обмежився «досить поверховими спостереженнями» [1, с. 28], а про залучення професійного графолога взагалі не йшлося).

Зрештою, і прикінцевий висновок стосовно їх атрибуції лунає доволі невтішно: до згадки про філіграні (які самі по собі практично нічого не варті) додається аналіз біографії гетьмана, який «доводить, що він безпосередньо бачив ті об’єкти, що зображені на малюнках» [1, с. 95]. Втім, усупереч твердженню М. Волкова, що тим самим «гіпотеза про авторство дістає всебічне обґрунтування», цей факт аж ніяк не впливає на доказовість його побудов. Бачити будь-який об’єкт, маючи хист до малювання, й намалювати його (і / чи зробити точне креслення) – далеко не одне й те саме. Тим більше, що і в малюнках, і в кресленнях відчувається рука професіонала – яким Радзивілл, звісно, не був. Тож самі по собі ці малюнки і креслення не лише не підтверджують атрибуцію, яку обстоює М. Волков, а, навпаки, їй суперечать.

Серед іншого, звертають на себе увагу арк. 18 адв. і арк. 45 з мінської збірки, на яких двічі наведено латиномовний напис на вилитій у 1647 р. гарматі: «Капітан Криштоф з Ейгірдів намалював [тобто спроектував. – *О. Р.*], Іоанн Бройтельт зробив мене року 1647». У першому випадку це чернетка, а другий варіант є чистовим і, вочевидь, проектним. Цілком зрозуміло, що, якби цей напис зацікавив Януша Радзивілла, він не мав би потреби робити другу, каліграфічну, версію малюнка. Натомість все стає на свої місця, коли пригадати, що капітан артилерії й військовий інженер Криштоф Ейгірд висувався нами як вірогідна кандидатура на роль автора мінських і петербурзьких замальовок [5, с. 119–120]. Припущення ґрунтувалося, передовсім, на інформації щодо створення ним двох картосхем 1649 р. (табору під Річицею й Лоївської битви); цю ідентифікацію до певної міри підтверджували й київські накиди з мінської збірки, які свідчили про інтерес малювальника до реквізованих дзвонів (сировини для виробництва гармат) і міської гармати.

М. Волков позбавляється цього доволі незручного «конкурента» одним розчерком пера: оголосивши Ейгірда німцем, який, відтак, не міг підписувати свої малюнки по-польськи [1, с. 27]. При цьому натрапивши у мінських матеріалах на фразу німецькою, він, не вагаючись, приписує її Вестерфельду як «носію цієї мови» [1, с. 30, 68]; це повертає нас до ідеї його «творчого союзу» з князем Радзивіллом, вимушеним бути писарчуком у метра.

Проте у цьому випадку брак логіки – не найбільша проблема. Гірше, що білоруський дослідник вдається до перекручення фактів або ж не знається на них. Утім, щоб переконатись у приналежності Ейгірдів до литовської шляхти, не треба навіть заглиблюватись у книжки – вистачить і Інтернету. Натомість з літератури можна дізнатись, що Ейгірди служили ще батькові Януша Радзивілла, а Криштоф Ейгірд зустрів смерть у січні 1657 р. там само, де раніше його патрон – у Тикоцині [7, s. 364; 8, s. 134], і це, звісно, пояснює подальшу долю його праць.

На перекручення фактів хибує й «київська» частина роботи М. Волкова, в якій дослідник вирішує дати бій «пропагандистському міфові» про «грабування Києва військом ВКЛ» улітку 1651 р. [1, с. 57–58, 96]. Йдеться, передовсім, про цікавий реєстр, що його науковець раніше визначав як список військового спорядження, а тепер, у своїй традиційній манері не посилаючись на нашу інтерпретацію [6, с. 124], аксіоматично трактує як перелік київських дзвонів. Поява такого незвичного документа тлумачиться ним двояко. З одного боку, це нібито свідчення «великого інтересу автора [тут: Януша Радзивілла. – *О. Р.*] до православної культури східних земель Речі Посполитої» [1, с. 96]. З другого боку, дослідник наполягає, що «ми маємо справу із списками дзвонів, забраних зі спалених храмів» [1, с. 57] – тобто тих, які постраждали від серпневої пожежі 1651 р., яка заледве не знищила Поділ. Отже, литовці копирсалися на згарищах, а князь Радзивілл не плюндрував київські храми як шляхетна людина й великий шанувальник православної культури (хоча й міг змінити політику, «підозрюючи міщан у неприхильному до себе ставленні й навмисному підпалі міста» [1, с. 58]).

Обстоюючи свою думку, М. Волков не раз пересмикує свідчення джерел. Власне, він робить акцент лише на одному документі – листі до воєводи Репніна киянина Федора Баришпольця / Баришпольченка, написаному у вересні 1651 р., по свіжих слідах сумнозвісної пожежі [3, с. 130–131]. У зв'язку з цим зауважимо, що, по-перше, у повідомленні Федора немає і натяку на каузальний зв'язок між пожежею й зникненням київських дзвонів. По-друге, ні в листі Федора, ні у жодному з джерел жертвами пожежі не було названо храми св. Софії й св. Михаїла, Микільсько-Притиську, Спаську й Воскресенську церкви, дзвони яких занесено до реєстру з мінської збірки. По-третє, цитуючи лист Баришпольченка за трьохтомником «Воссоединение Украины с Россией», білоруський дослідник не зауважує поруч ще один документ, дотичний до фактів, викладених киянином. Той писав, що 6 стругів із київськими трофеями Радзивілла відбили козаки. У листі генерального писаря Івана Виговського йдеться якраз про ці відбиті струги, на які були навантажено «образы и *колокола* [курсив наш. – *О. Р.*], и иной церковной наряд» [3, с. 139–140], а аж ніяк не «металобрухт», чи, тодішньою мовою, «ламану спиж». Так само цілі, а не побиті / оплавлені дзвони бачимо ми й на двох малюнках з мінської колекції; у реєстрі ж указано їх діаметри – і такі виміри навряд чи були можливі та напевно не мали б жодного сенсу, якби йшлося про брухт.

Відтак, навіть поверховий факт-чек не спростовує «міф» про грабування київських церков, а додає знань про практичний бік справи й демонструє добру організацію процесу. Не дивно, що до утилізації дзвонів був причетний Криштоф Ейгірд, який робив їх реєстр, ретельно виміряючи діаметр, а подеколи й замальовував. Так само ним була замальована стара, 1563 р., гармата, яку мали перелити на нову [4, арк. 17–17 адв.).

Намагання ж М. Волкова обілити гетьмана цілком зрозуміле: адже одним із спонсорів видання є фундація Мацея Радзивілла. Утім, незалежно від мотивацій упорядника, поява «Абрисів» – явище позитивне, бо дає змогу ознайомитись з мінською збіркою фахівцям з-поза меж Білорусі, а, відтак, залучити їх до розв'язання окреслених ідентифікаційних проблем.

1. «Абрысы розныя»: малюнкі і чарцяжы гетмана Януша Радзівіла / уклад. М. А. Волкаў. – Мінск : Беларусь, 2020. – 159 с.
2. Баженова, О. Д. Первое европейское признание белорусской культуры эпохи барокко / О. Д. Баженова // Белорусы Москвы. XVII век / сост.: О. Д. Баженова, Т. В. Белова. – Минск : Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2013. – С. 150–199.
3. Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы : в 3 т. – Т. 3. – М. : Изд-во АН СССР, 1953. – 646 с.
4. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. – Ф. 694. Воп. 1. Спр. 287.
5. Русина, О. Нове джерело до історії київської кампанії Януша Радзивілла / О. Русина // Acta Anniversaria : зборнік навуковых прац. – Т. 4. – Нясвіж, 2018. – С. 116–129.
6. Русина, О. Радзивілли та Україна: культурні конотації / О. Русина // Український історичний журнал. – 2015. – № 2. – С. 113–130.
7. Augustyniak, U. W służbie hetmana i Rzeczpospolitej. Klientela wojskowa Krzysztofa Radziwiłła (1585–1640) / U. Augustyniak. – Warszawa : Semper, 2004. – 398 s.
8. Płosiński, J. Potop szwedzki na Podlasiu 1655–1657 / J. Płosiński. – Zabrze : INFORTeditions, 2006. – 200 s.
9. Wisner, H. Lata szkolne Janusza Radziwiłła / H. Wisner // Odrodzenie i Reformacja w Polsce. – T. 14. – Warszawa, 1969. – S. 183–194.

Гладкова Г. А.

ІНТЭРПРЭТАЦЫЯ ВОБРАЗА А. ЛІСОЎСКАГА І ДЗЕЙНАСЦІ ЛІСОЎЧЫКАЎ У ЗАМЕЖНЫХ І БЕЛАРУСКІХ ГІСТАРЫЧНЫХ І ЛІТАРАТУРНЫХ КРЫНІЦАХ

Мастацкі тэкст з'яўляецца адной з крыніц, якая ўплывае на фарміраванне пэўных адносін у чытача да той ці іншай гістарычнай асобы, яе ўчынкаў, падзей, адлюстраваных у творы. Пачатак XVII стагоддзя, які атрымаў у гісторыяграфіі назву *Смутны час*, багаты на яркіх асоб, сярод якіх немагчыма абмінуць Аляксандра Юзафа Лісоўскага гербу Еж.

Як вядома, асоба віленскага шляхціча А. Лісоўскага атрымала розныя, часам супрацьлеглыя ацэнкі ў гісторыкаў і пісьменнікаў. Так, расійскі даследчык А. Зорын, абапіраючыся на дакументы, не толькі выкладае біяграфію ваяра, апісвае ваенныя паходы палкоўніка лёгкай кавалерыі, але таксама спрабуе даць уласную ацэнку дзейнасці кіраўніка. Даследчык заўважае, што ў рускамоўных гістарычных і літаратурных крыніцах асоба А. Лісоўскага атрымлівала часцей рэзка негатыўную абмалёўку, аднак пісьменнікі-рамантыкі XIX стагоддзя па-іншаму ўспрынялі вобраз кіраўніка атрадаў з маланкавай стратэгіяй нападаў. Паступова ў рускай літаратуры вобраз Лісоўскага надзяляецца і прывабнымі рысамі: ён не толькі жорсткі і люты вораг, аднак і смелы ваяр, моцны, разумны і справядлівы [1; 3].

Польская гісторыяграфія надала належную ўвагу асобе А. Лісоўскага. Так, М. Дзедушыцкі з ухваленнем прыгадваў дзейнасць лісоўчыкаў у Еўропе, дэталёва апісаў іх знешні выгляд і зброю, нават назваў падначаленых палкоўніка "грамадзянамі свету" [6].

На старонках часопіса "Homan" узгадваў пра лісоўчыкаў невядомы аўтар, пазначаны літарамі W. L. [9]. Ён назваў Лісоўскага шляхцічам Мазырскага павету Мінскай губерніі (у іншых крыніцах пазначана Віленшчына ці Берасцейшчына), сцісла распавёў пра асноўныя падзеі, звязаныя з лісоўчыкамі і іх паўсюднай славай.

У рускай літаратуры асэнсаванне дзейнасці А. Лісоўскага сустракаецца ў раманах М. Загоскіна і А. Бястужава-Марлінскага [3; 1]. Пры гэтым, як адзначае А. Зорын, пазіцыя рускіх пісьменнікаў паступова набліжаецца да стаўлення польскіх сучаснікаў да асобы Лісоўскага: "жестокий, но храбрый солдат, удалец, достойный противник русских патриотов" [4. с. 124]. У рамане М. Загоскіна пра Лісоўскага сказана: "… пан Лисовский, так нечего сказать – удалая голова! [...] где он пройдёт со своими сорванцами, там хоть шаром покати! – всё чисто: ни кола ни двора. Но зато на схватке всегда первый и готов за последнего из своих налётов сам лечь головою – лихой наездник!" [3, с. 44]. У рамане дзекабрыста А. Бястужава-Марлінскага змешчана апісанне лісоўчыкаў, якія ўяўлялі сабой сумесь розных нацый: польская шляхта, казакі, літвіны, рускія. Мэты ў гэтых людзей былі рознымі, але шлях іх супадаў: адных вяла звычка да вольніцы, другія імкнуліся вярнуць крадзяжом страчанае, трэція шукалі прыгод. Аўтар рамана падае трапную характарыстыку героя: "Крепкий склад и суровое загорелое лицо показывали в Лисовском обстрелянного воина, а быстрые глаза и думные на челе морщины – опытного вождя" [1, с. 109]. Кіраўнік атрада паказаны чалавекам, здольным да спачування: слухаючы аповед рускага здрадніка Сітцкага, Лісоўскі не застаецца абыякавым ("соучастие отозвалось в жестоком его сердце") [1, с. 110]. Такім чынам, можна сцвярджаць, што рускія пісьменнікі XIX стагоддзя, якія звярнуліся ў сваёй творчасці да асэнсавання асобы А. Лісоўскага і дзейнасці яго атрада, пазбягалі адназначнай адмоўнай трактоўкі героя, што магло дыктавацца агульным стэрэатыпам успрымання палякаў, прызнавалі станоўчымі якасці ваяра – мужнасць, справядлівасць, талент стратэга.

У польскамоўнай літаратуры ёсць гістарычны раман Ф. А. Асяндоўскага "Lisowczycy" (1928) [8], які скіраваны на адлюстраванне асобы А. Лісоўскага і яго ваенных манеўраў ў тагачаснай

экспансіі на Маскоўскую дзяржаву. Пісьменнік на аснове фактаў жыцця і дзейнасці палкоўніка стварае з доляй рамантызацыі вобраз непераможнага рыцара, чалавека з абвостраным пачуццём годнасці і справядлівасці, які стаў гонарам суайчыннікаў. Партрэтная характарыстыка героя ўтрымлівае элементы падабенства на дзікага звера: Лісоўскі параўнаны з драпежным арлом, сталёвыя вочы нагадваюць ваўчыныя. Аўтарская думка відавочная: толькі жорсткі, прадбачлівы, разумны і таленавіты ваяр быў здольны ўзначаліць атрады неўтаймаваных, на пачатку слаба арганізаваных шукальнікаў прыгод і здабычы. Як адзначае аўтар, атрады лісоўчыкаў наводзілі жах на мясцовае насельніцтва ад Волгі да Урала, ад Белага мора да астраханскіх стэпаў. Значная частка рамана прысвечана аповеду пра далейшы лёс лісоўчыкаў пасля раптоўнай смерці свайго лідара. Пра атрад Лісоўскага казалі, што яго ўдзельнікі дасягнулі Сібіры і Ледавітага акіяна, авалодвалі рускімі крэпасцямі і вызвалялі палонных, правялі некалькі зімовак на Поўначы ў сутычках з мясцовымі плямёнамі (самаедамі, вагуламі, калмыкамі). Заўважым, што Ф. А. Асяндоўскі паказаў ролю лісоўчыкаў у асваенні прыродных рэсурсаў сібірскага краю, падаў каштоўную прыродаапісальную і этнаграфічную інфармацыю, што дазваляе ўспрымаць раман як карысную крыніцу, якая захоўвае звесткі прыродазнаўчага характару.

У польскай літаратуры да асобы славутага ваяра А. Лісоўскага звярнуўся Казімеж Карказовіч, які надрукаваў трохтомны гістарычны раман “Jeźdźcy Apokalipsy” (1990). На грунтоўным гістарычным матэрыяле пісьменнік будуе ўласную канцэпцыю тагачасных падзей, дае ацэнку дзейнасці кіраўніка лісоўчыкаў і яго падначаленых. Невыпадкова ў назву рамана выведзены метафарычны выраз, які выдатна характарызуе стаўленне на землях Маскоўскай дзяржавы да польскіх ваяроў – “вершнікі Апакаліпсісу”. Па версіі польскага пісьменніка, XVII стагоддзе, багатае на лёсавызначальныя для дзяржаў падзеі, патрабавала такога героя як А. Лісоўскі. Віхура набегаў лісоўчыкаў ахоплівала правінцыі Масковіі далёка на поўнач, усход, поўдзень. Раман “Jeźdźcy Apokalipsy” стаў панарамным аглядам гісторыі Смутнага часу, якая пададзена праз лёс асобных герояў. Так, аўтар спыніўся на службе Лісоўскага гетману Хадкевічу падчас ваенных падзей у Інфлянтах, распавёў пра прычыны падтрымкі лісоўчыкамі Ілжэдзмітрыя II, падрабязна пералічыў захопленыя рускія гарады, апісаў штурм Смаленска, прасачыў лёс героя да моманту яго заўчаснай смерці, падаў магчымую версію, якая тлумачыць такую раптоўную трагічную падзею, коратка абазначыў далейшы лёс лісоўчыкаў.

У 2010 годзе быў апублікаваны гістарычны раман беларускага пісьменніка Л. Дайнекі “Пра лісоўчыка, злога хлопчыка”, які ў чарговы раз паказаў асаблівасць аўтарскага разумення шчыльнай злучанасці лёсу чалавека і краіны, гістарычнага мінулага, сучаснасці і будучыні. Сярод айчынных даследчыкаў на раман звярнула ўвагу Т. А. Лаўрык, якая прааналізавала твор з пазіцыі яго гістарычнай і факталагічнай асновы, вылучыла спецыфіку мастацкага адлюстравання эпохі праўлення Жыгімонта III ў рамане [2]. Чакаецца далейшае комплекснае асэнсаванне згаданага мастацкага твора ў кантэксце як творчасці аўтара, так і сучаснай беларускай літаратуры.

Л. Дайнека пачаў мастацкі аповед з абмалёўкі сучаснасці, калі сусветны фінансавы крызіс “ударыў па ўсіх кантынентах”: героі пісьменніка – пакаленне, народжанае ў 1970-я гады, жыхары Мінска, якія на парозе саракагоддзя сутыкаюцца з вечнымі праблемамі – “прэсным нецікавым жыццём”, адзюльтэрам і крызісам сямейных адносін, адчуваюць сябе няўтульна ў соцыўме (Вітаўт Гарткевіч), прайшлі праз складаныя жыццёвыя выпрабаванні і апынуліся амаль на сацыяльным дне, аднак не страцілі аптымізму (Ваня Мастоўскі “Мастадонт”). Ёсць сярод герояў твора прадстаўнікі творчай інтэлігенцыі (паэты Даніловіч-Гоцкі і Лявон Кукарэка), “суперсучасная вумэн” Эльвіра Скаблінская, патомны граф Аляксандр Лісоўскі – нашчадак віленскага шляхціча, легендарнага кіраўніка ваяўнічых атрадаў лісоўчыкаў. Яднае гэтых розных герояў незвычайнае духоўнае паразуменне і шчырая любоў да нацыянальнай гісторыі: “Падсвядома яны адчувалі невыпадковасць, наканаванасць сваёй сустрэчы. Іхнія лёсы, іхнія жыццёвыя дарогі павінны былі зліцца ў адно цэлае. Але дзеля чаго?” [1, с. 45].

Заўважым, што інтэрпрэтацыя дзейнасці лісоўчыкаў набывае для герояў новы сэнс, быць лісоўчыкам – гэта значыць самаўдасканальвацца: “Уставай, лісоўчык. […] Цябе чакае слаўная дарога, на якой ты пераможаш слабасць і страх”. У рамане Л. Дайнекі гісторыя лісоўчыкаў ажывае як духоўнае брацтва аднадумцаў, своеасаблівае сучаснае рыцарства, мушкецёрства (невыпадкова А. Даніловіч-Гоцкі піша раман “Тры лісоўчыкі” па аналогіі са знакамітым рамана А. Дзюма).

Кампазіцыйнай асаблівасцю рамана становіцца камбінаванне частак з сучасным сюжэтам з эпізодамі, якія адкрываюць чытачу падзеі мінулага, пры гэтым гістарычны экскурс становіцца ядром рамана, які пачынаюць і заканчваюць падзеі сучаснасці і недалёкай будучыні. Як вынікае з сюжэтнай калізіі, сучасныя героі – гэта своеасаблівае вяртанне на Зямлю герояў мінулых часоў, паўтарэнне пераплеценых лёсаў на новым вітку гісторыі. Відавочна, у гэтым заключана аўтарская

філасофская канцэпцыя быцця чалавека, у якой бачыцца алюзія да Эклезіяста: нічога новага пад Сонцам няма, што было, тое і будзе, толькі вяртанне адбудзецца ў новых абставінах.

Рамантызацыя гісторыі – гэта падмурак творчага метаду Л. Дайнекі, які праз узнаўленне мінулага разважае над сучасным станам айчыны. Лісоўчыкі, на думку аўтара, – баявое рамантычнае брацтва, падобна рыцарам-тампліерам, лісоўчыкі не пакідалі параненых на полі бою, імчаліся на адным кані, былі няўлоўнымі, пастаянна мянялі тактыку і мелі дэвізам словы "Вера і адвага".

Праведзены літаратуразнаўчы аналіз мастацкіх твораў замежных і айчынных пісьменнікаў, якія звярнуліся да асэнсавання ролі і месца асобы літвінскага шляхціча А. Лісоўскага і дзейнасці яго атрадаў, дазваляе выказаць меркаванне пра індывідуальна-аўтарскі падыход кожнага літаратара да гісторыі Смутнага часу і ўдзелу лісоўчыкаў у рэйдах на землі Маскоўскай дзяржавы. Так, у раманах рускіх пісьменнікаў XIX стагоддзя вобраз палкоўніка Лісоўскага не стаў цэнтральным, ацэнка героя стрыманая, аднак не пазбаўленая прызнання ваеннага таленту, смеласці, мужнасці, розуму. У польскамоўных мастацкіх крыніцах асоба А. Лісоўскага становіцца аб'ектам для больш дэталёвага асэнсавання: пісьменнікі трактуюць героя рыцарам, здольным стратэгам і тактыкам, моцным лідарам і улюбёнцам лёсу. Вобраз А. Лісоўскага ў рамане Л. Дайнекі мае падмуркам рамантызацыю гісторыі ўвогуле і асобы героя ў прыватнасці. Для пісьменніка важна паказаць неперарыўнасць спрадвечных традыцый і духоўнай повязі сучаснікаў і продкаў.

1. Бестужев-Марлинский, А. А. Ревельский турнир : ист. повести / А. А. Бестужев-Марлинский ; сост. В. И. Сахаров. – М. : Сов. Россия, 1984. – 317 с.
2. Дайнека, Л. Пра лісоўчыка, злога хлопчыка / Л. Дайнека // Дзеяслоў. – 2010. – № 1 (44). – С. 15–75 ; Дайнека, Л. Пра лісоўчыка, злога хлопчыка / Л. Дайнека // Дзеяслоў. – 2010. – № 2. – С. 13–76 ; Дайнека, Л. Пра лісоўчыка, злога хлопчыка / Л. Дайнека // Дзеяслоў. – 2010. – № 3. – С. 13–66.
3. Загоскин, М. Н. Юрий Милославский, или Русские в 1612 году : ист. роман / М. Н. Загоскин. – М. : Правда, 1989. – 320 с.
4. Зорин, А. В. "Аспиды Лисовского" (1616–1618) / А. В. Зорин // Сіверщина в історії України : зб. наук. пр. – К. : Глухів, 2010. – Вип. 3. – С. 124–133.
5. Лаўрык, Т. Адлюстраванне эпохі праўлення Жыгімонта II Вазы ў рамане Л. Дайнекі "Пра лісоўчыка, злога хлопчыка" / Т. Лаўрык // Беларуска-польскія моўныя, літаратурныя, гістарычныя і культурныя сувязі. Да 220-годдзя з дня нараджэння Адама Міцкевіча : зб. арт. па матэрыялах міжнар. навук. канф. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал. : І. Э. Багдановіч (гал. рэд.) [і інш.] ; пад рэд. І. Э. Багдановіч, М. І. Свістуновай. – Мінск : БДУ, 2018. – С. 364–373.
6. Dzieduszycki, M. Krótki rys dzijów i spraw Lisowczycow / M. Dzieduszycki. – T. I. – Lwów, 1843.
7. Korkozowicz, K. Jeźdźcy Apokalipsy / K. Korkozowicz. – Warszawa : Wydawn. Ministerstwa Obrony Narodowej, 1990. – 722 s.
8. Ossendowski, F. A. Lisowczycy. Powieść historyczna / F. A. Ossendowski. – Poznań : Wydawnictwo Polskie R. Wegnera, 1929. – 277 c.
9. W. L. Lisouszczyki // Homan. – 1916. – № 18.

Солодкин Я. Г.

НАСКОЛЬКО ДОСТОВЕРНЫ ИЗВЕСТИЯ КУНГУРСКОГО ЛЕТОПИСЦА О ПОХОДЕ ЕРМАКОВЦЕВ В ОБЬ-ИРТЫШЬЕ?

Как выяснил уже Г. Ф. Миллер, в составе ремезовской «Истории Сибирской» имеется повествующий о «Ермаковой эпопее» Кунгурский летописец (далее – КЛ). (Отождествлять эти произведения [7, с. 10] или считать, будто второе из них обнаружил А. А. Дмитриев [18, с. 18, и др.], не приходится). КЛ почти единодушно, например, С. В. Бахрушиным, Д. С. Лихачевым, Е. И. Дергачевой-Скоп, В. Н. Алексеевым, Р. Г. Скрынниковым, Е. К. Ромодановской, М. А. Деминым, В. В. Блажесом, признается казачьим, «устным», близким к фольклору казаков или отражающим их эпос, видимо, камской вольницы.

Согласно КЛ (причислять его, как поступила Е. К. Ромодановская, к кругу сибирских летописей не стоит), 5 марта 1582 г. Ермак из занятого им Искера или Кашлыка, накануне служившего столицей Кучума, послал вниз по Иртышу в демьянские и назымские городки и волости пятидесятника Богдана Брязгу с полусотней казаков «пленить и привести к вере, и собрать ясак вдоволь розкладом поголовно». (Насколько известно, волости существовали в «улусах» Сибирского ханства, населенных татарами; исключение составляла хантыйская Тарханская или Тарханная волость, смежная с ареалом проживания татар [6, с. 773, 776; 7, с. 202, 204; 18, с. 72, 90, 304, и др.]). Далее на «вставных листах» из «Тобольского летописца» (если следовать определению Г. Ф. Миллера) рассказывается о том, что на конях русский отряд вышел к устью Демьянки (ранее в соответствии с другими источниками речь идет о стругах, на которых атаманы и казаки попали в Сибирь), три дня безуспешно «приступал» к «великому и крепкому городу» князя Демаяна, где собрались «с две тысячи татар, остяков и вогулов» (эта цифра, вопреки представлению ряда исследователей [18, с. 138, и др.], скорее всего сильно завышена). Но когда многие из них разбежались (почему, не говорится), Брязга и его «товарыщи» собрали ясак и на легких стругах «поплыша вниз», 20 мая «доплыша до Самара», в «сборе» с которым (подобно Демаяну) находились еще восемь князцов. (Они составляли в оценке

С. В. Бахрушина и Е. П. Мартыновой племенное объединение или военно-политический союз на время боевых действий, а на взгляд А. Т. Шашкова, – белогорскую конфедерацию). В воскресный день, оказывается, русские «приплыша протокою под самый Самар городок», где застали немало остяков «на карауле спящих», т. е. врасплох (что кажется маловероятным), и застрелили «из ружья Самару и с родом его». Известно, однако, что остался в живых сын белогорского правителя Таир, наследовавший отцовские владения, в документах упоминается и внук Самара Байболак [см., напр.: 2, с. 55, 140; 4, с. 387 – 388, 404, 421, 422, 426, 427; 15, с. 155 – 161, 166, и др.]. Учтем и то, что Иртыш и «великая» Обь освобождаются ото льда «на лето» [11, с. 133, ср. с. 136], иначе говоря, с наступлением лета [9, с. 92; 10, с. 119, и др.] или в конце весны, так что едва ли «ермаковы казаки» могли выступить от устья Демьянки к Самарову городку раньше. Уцелевшие остяки, если верить КЛ, опять разбежались, часть из них «принесоша ясак с поклоном и шертовали». Брязга, назначив «большим князем» властителя Коды Алача, двинулся на Обь и остановился на Белогорье, где располагалось остяцкое «молбище» «богыне древней». Не застав местных жителей, казаки, «пождав на месте три дни» (это традиционное эпическое определение часто встречается в Ремезовской летописи), отправились в обратный путь «по погромленным городком» «в цветном платье (которое, получается, взяли с собой в поход. – Я. С.), чтуще честь, царскаго величества славу», иначе говоря, представляя перед «иноземцами» российского государя (в чем некоторые современные исследователи не сомневаются [5, с. 356 – 357]), и 29 мая «в радости», «с есаком» вернулись к своему предводителю в «град Сибирь» [13, с. 335 – 336, 426]. Однако тогда казаки вряд ли выполняли волю московского самодержца, ведь экспедицию за Урал они предприняли по решению войскового круга; и во время этой экспедиции сохранялась «обязательность коллективного решения» «товарства» [1, с. 76 – 77; 18, с. 256, ср. с. 130]. «Цветное платье» же по торжественным случаям надевали служилые люди, начиная с воевод и голов [16, с. 101, 105, и др.]. Известие одной сравнительно поздней челобитной (о которой речь пойдет следом), что на Белогорье ермаковцы привели «иноземцев» «под государеву руку» [12, с. 380; 14, с. 67], думается, отражает практику, сложившуюся не ранее осени 1585 г., когда казаки и стрельцы под началом воеводы И. А. Мансурова приступили к объясачиванию «остяцкой страны». (Утверждение, будто на Оби сподвижники «ратоборного» атамана приняли присягу князьков «быть в подданстве московских царей» [3, с. 114; ср. 5, с. 174, 240], думается, нельзя рассматривать всерьез).

Еще Н. М. Карамзин считал, что согласно «достоверным летописям» (в первую очередь имелась в виду Строгановская), у северных рубежей Сибирского ханства действовал не Богдан Брязга, а «наставник» «единомысленной» «дружины», обратившей в бегство Кучума. Она, как позволяют считать синодик «ермаковым казакам» (далее – С) и Погодинский летописец, лишилась Брязги (Брюзги) еще в сражении у Чувашева мыса или, что вероятнее, близ Абалака, т. е. в октябре либо начале декабря 1582 г. [11, с. 132, 380, ср. с. 78; 14, с. 70, 226] – на несколько месяцев раньше, чем «православные вои» двинулись в низовья Оби.

Заметим, что вопреки С в редакции, найденной Е. К. Ромодановской, где перечислены шестнадцать участников этого похода, причем «с дружиною» [11, с. 380, ср. с. 78], то, как утверждается в КЛ, там никого не убили, хотя ранены, и многократно, оказывается, были все.

На основании С можно заключить, что в «хождении» в низовья Иртыша и Оби «руский полк» достиг Назимского или Назымского городка. О его захвате казаками, подчас со всем богатством и князем (князцами), сказано и в многочисленных редакциях Есиповской и Строгановской летописей, а также «Истории Сибирской». При этом как о Самаровском городке, так и о Белогорье тобольские и сольвычегодские книжники умалчивают.

Приведенный рассказ КЛ, возникшего скорее всего в последних десятилетиях XVII в., ранее мы склонны были признать недостоверным, запечатлевшим вымышленные события или обстоятельства «пошествия» ермаковцев в Югорскую землю [16, с. 88 – 90, 92, 96, 110; 17, с. 6, 81 – 83, ср. с. 79]. Но он отчасти подтверждается единственным очутившимся в распоряжении историков документом, сообщающим о белогорской экспедиции, – челобитной тобольского служилого человека Степана Карпова (1668 г.), где говорится об участии в этой экспедиции его деда Сергея Зиновьева, затем убитого при пленении царевича Маметкула [12, с. 380; 14, с. 67, и др.]. Видимо, ермаковцы «повоевали» «низовых» остяков вслед за «взятием» султана, считающегося лучшим ханским полководцем [см., напр. : 7, с. 129; 11, с. 58 – 60, 94, 133, 134; 13, с. 27 – 29, 72 – 74]. Но Карпову гибель деда при захвате в плен сибирского царевича могла казаться важнее участия Зиновьева в «хождении» на Белогорье. (В С имя этого казака среди павших в Обь-Иртышье не встречается). Возможно, Зиновьев вначале вместе с другими «резвыми воями» пленил Маметкула, а затем отправился в поход к «городкам и улусам», – в поход, ставший для Сергея роковым. Не исключено, что за 85 лет, разделяющих его гибель и составление челобитной Карпова, кто-то из потомков ермаковца перепутал последовательность указанных событий «Сибирского взятия».

Судя по этой челобитной, возможно, у Зиновьева за несколько лет до казачьей экспедиции в Сибирь родилась дочь, которая, очутившись в «далечайшей вотчине» московских государей, стала женой служилого человека. От него либо, что менее вероятно, кого-то из соратников деда, если не прадеда (напомним, что У. Кузьмин – внук «Ермакова товарища» С. Шемелина – бил челом молодому царю в конце 1646 или начале следующего года [8, с. 24 – 26]), тоболяк, обратившийся с просьбой к Алексею Михайловичу, и узнал о белогорском походе соратников прославленного атамана и пленении ими ханского племянника.

Челобитная С. Карпова содержит известие о пленении Маметкула «под Сырьянском» (едва ли на Исети, где позднее располагалась Сынрянская волость [см., напр. : 18, с. 316, 318 – 320]), а не у Вагая или в Куларово (Куларах), о чем говорится в других источниках [11, с. 58, 74, 133; 13, с. 27, 72, 309, 338, 429, 543, и др.]. Это обстоятельство склоняет к мысли о том, что при составлении «прошения» «тишайшему царю» потомок Зиновьева мог следовать и послужному списку отца.

Если интересующее нас известие челобитной Карпова хотя бы наполовину достоверно, то сохраненный КЛ рассказ о казачьей экспедиции, завершившейся у святилища «шайтана» возле слияния Иртыша и Оби, не приходится, как и отмечалось А. В. Матвеевым, считать целиком вымышленным [15, с. 120]. Но хотя в этом рассказе могли найти отражение свидетельства ранних источников, они скорее всего тоже бытовали в устной форме, если вспомнить о челобитной С. Карпова (прежде не обращавшей на себя должного внимания историков). Кроме того, о чем в 1675 г. сообщал Н. М. Спафарий, Самаровский ям «потому словет, что был остяцкий князь в том месте имянем Самары, так же и городок выкопан на высоких горах»; в 1740 г. об этом писал и Г. Ф. Миллер [18, с. 190].

1. Александров, В. А. Власть и общество. Сибирь в XVII в. / В. А. Александров, Н. Н. Покровский. – Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1991. – 401 с.
2. Бахрушин, С. В. Научные труды / С. В. Бахрушин. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1955. – Т. III. – Ч. 2. – 299 с.
3. Буцинский, П. Н. Соч. : в 2-х т. / П. Н. Буцинский. – Тюмень, 1999. – Т. 2. – 328 с.
4. Вершинин, Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI – XVII вв. / Е. В. Вершинин. – Екатеринбург : Изд-во Демидовского института, 2018. – 504 с.
5. Зуев, А. С. Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в состав Российского государства в конце XVI – начале XVIII в. / А. С. Зуев, П. С. Игнаткин, В. А. Слугина. – Новосибирск : ИПЦ Новосиб. гос. ун-та, 2017. – 444 с.
6. История татар с древнейших времен: в семи томах. – Казань : Изд-во Ин-та истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. – Т. IV : Татарские государства XV–XVIII вв. – 1080 с.
7. История татар с древнейших времен: в семи томах. – Казань : Изд-во Ин-та истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. – Т. V : Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI–XVIII вв.). – 1031 с.
8. Оглоблин, Н. К вопросу о христианском имени Ермака / Н. Оглоблин // Библиограф. – 1894. – Вып. 1. – С. 23–26.
9. Очерки истории Коды. – Екатеринбург : НПМП «Волот», 1995. – 189 с.
10. Очерки истории Югры. – Екатеринбург : НПМП «Волот», 2000. – 407 с.
11. Полное собрание русских летописей. – М. : Наука, 1987. – Т. 36. – 382 с.
12. Преображенский, А. А. У истоков народной историографической традиции в освещении проблемы присоединения Сибири к России / А. А. Преображенский // Проблемы истории общественной мысли и историографии. К 75-летию академика М. В. Нечкиной. – М. : Наука, 1976. – С. 376 – 384.
13. Сибирские летописи: Краткая сибирская летопись (Кунгурская). – Рязань : Александрия, 2008. – 10 + 1 + XXXI + 1 + 645 с.
14. Скрынников, Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака / Р. Г. Скрынников. – 2-е изд., испр., доп. – Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 318 с.
15. Со времен князя Самара. В поисках исторических корней Ханты-Мансийска. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2007. – 182 с.
16. Солодкин, Я. Г. «Ермаково взятие» Сибири. Дискуссионные проблемы истории и источниковедения / Я. Г. Солодкин. – Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2015. – 234 с.
17. Солодкин, Я. Г. «Ермаково взятие» Сибири: загадки и решения / Я. Г. Солодкин. – Нижневарт. гос. гуманитар. ун-та, 2010. – 170 с.
18. Тюменское и Сибирское ханства / под ред. Д. Н. Маслюженко, А. Г. Ситдикова, Р. Р. Хайрутдинова. – Казань : Изд-во Казан. ун-та. – 560 с.

Башнин Н. В.

ФОРМУЛЯР ОПИСАНИЯ КАБАЛ В ОПИСЯХ КАЗНЫ ВОЛОГОДСКОГО АРХИЕРЕЙСКОГО ДОМА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В.[1]

В данной статье внимание будет сосредоточено на кабалах, сведения о которых были зафиксированы в описи казны Вологодского архиерейского дома Св. Софии 1676 г. [2, с. 135–155]. Описание имущества было проведено игуменом Ефремом «с товарыщи» 10 ноября 1676 г. по указу архиепископа Вологодского и Белозерского Симона после отставки казначея старца Иосифа Васильева. В ведение нового казначея – старца Никона из Подольного монастыря и дьяка сына боярского Ивана Аленева были переданы различные ценности и документы, среди которых было более 260 кабал. При передаче долговые документы (некоторые из них названы заемными памятями)

[1] Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 20–78–10060.

были разделены переписчиками на 5 разделов, внутри которых кабалы располагались по хронологическому принципу. В *первом* разделе, была зафиксирована 41 заемная денежная кабала, которую выдал казначей старец Иосиф Васильев в 1670 /71–1676 гг. («Да налицо же отвел своей дачи в казенных денгах заемных денежных кабал» [2, с. 135–139]). Во *втором* разделе находим сведения о 19 заемных денежных кабалах 1663 /64–1669 /70 гг., которые были выданы казначеем старцем Исайей, занимавшим эту должность до старца Иосифа Васильева («Да он же, казначей Иосиф Василев, отвел налицо заемных же денежных кабал в казенных денгах бывшого казначея старца Исайи дачи» [2, с. 139–140]). *Третий* раздел посвящен описанию 13 кабал, которые перешли в ведение казначея старца Иосифа Васильева после их выдачи в Москве архиепископом Вологодским и Белозерским Симоном и дьяком Кириллом Борисовым в 1673 /74–1674 /75 и 1675 /76 гг. («Да налицо в домовой казне отвел заемных кабал, что он принял по книгам архиепископли московской езды 182-го и 183-го годов московской дачи»; «Кабалы по книгам архиепископли московской же езды 184-го году дачи архиепископля диака Кирила Борисова» [2, с. 141]). В *четвертом* разделе названы 30 кабал, которые фиксировали аренду архиерейскими крестьянами рабочих лошадей в 1670 /71–1675 /76 гг. («Да он же отвел налицо в домовой казне кабал же, по которым даваны при ево казначействе домовым крестьяном по оценке из сел казенные лошади в цену» [2, с. 142]). В последнем, *пятом*, разделе находим перечень 150-ти «старых» заемных кабал, датируемых 1626 /27–1674 /75 гг. («Да им же отведено налицо заемных старых кабал дачи прежних казначеев» [2, с. 144]). Таким образом разделение кабал при описании было произведено по хронологическому, личностному и хозяйственному принципу.

Формуляр описания заемной денежной кабалы или заемной памяти во всех пяти разделах идентичен. Разберем его на следующем наиболее полном и хронологически широком примере: «141-го году. Кабала на Федулку Ильина Засодемской волости на крестьянина в полтине, донять по ней девять алтын две денги. 186-го генваря в 21 день Федулков сын Куска по сей кабале денги доплатил, и в книге розных зборов в приходе сего же числа записаны, и кабала выдана» [2, с. 144–145]. Как видим, это начало перечисления документов за один год, поэтом указана дата, в дальнейшем при описании других документов этого же года ее нет. Фиксация документа в описи начинается с указания типа – кабала, в нескольких случаях это – заемная память. Далее следует имя заемщика (часто с указанием чина – сын боярский, священник, крестьянин) и географическая привязка (город, село, волость, деревня). Затем отмечен полный объем занятых денежных средств (в редких случаях зерна или муки), после чего указано сколько уже выплачено к моменту составления описи. Наконец, последней частью формуляра является приписка о частичном или полном гашении задолженности (в случае возвращения долга, кабала выдавалась из казны заемщику и документ уничтожался). Эта запись появлялась в период после составления описи казны и до возникновения следующего инвентаря ценностей, подведомственных новому казначею. Приведенный выше пример примечателен тем, что долг 1632 /33 г. перешел от отца к сыну и был все же полностью выплачен в 1678 г. Это указывает на то, что долговые кабалы бережно хранились в архиерейской казне в течение длительного времени.

Приведем еще один пример долговых отношений Вологодского архиерейского дома и крестьян из его вотчины, а также их фиксации в описи 1676 г. : «Кабала на Неупокойка Иванова Лежского Волоку деревни Вохтоги да на Никулку Тимофеева деревни Векшина в трех рублех, донять по ней два рубли. 186-го декабря в 19 день по архиепископлю указу выдана ся кабала Неупокойкову пасынку Артюшке Полуянову безденежно для того, что заимщики оба померли в бегах тому-де лет с тритцать, а он-де, Артюшка, жил не вместе с вотчимом, и ничево-де ему после себя вотчим не оставил, и преосвещенный архиепископ тех денег на нем править не велел. Выдана безденежно» [2, с. 145]. Эта запись показывает, что решение о прощении долга мог принять архиепископ с учетом конкретных жизненных обстоятельств. В данном случае нет прямого нисходящего родства и отсутствуют отношения перехода имущества между наследником и наследодателем. Следующий случай прощения долга и выдачи кабалы целиком объясняется милостью архиепископа Симона: «Кабала Засодемской волости на крестьян на Богдашка да на Любимка с товарыщы деревни Фалелеева во шти рублях, 174-го году, донять по ней дватцать три алтына две денги. 185-го генваря в 17 день преосвященый архиепископ Богдашкову жену Трефилова з детми для вдовства и бедности пожаловал, денег на ней имать не велел и кабалу указал выдать безденежно, и та кабала вдове Аннице Афанасьеве по архиепископлю указу выдана безденежно. Выдана» [2, с. 139].

Здесь уместно сказать, что архиепископ Симон несколько раз прощал долги и приказывал «безденежно» выдавать кабалы [1, с. 16–41]. Иногда, по словам Н. И. Суворова, архипастырь творил добро «в больших размерах». Так, в 1667 г. по указу архиепископа Симона были отобраны и записаны в отдельную книгу 78 денежных и хлебных кабал прошлых лет, долги по которым заимщики или их наследники не могли выплатить. После чего подлинные кабалы принесли к архиепископу,

который «изволил» их «подрать». Таким образом было уничтожено денежных кабал на сумму 438 рублей 29 копеек и 50 хлебных кабал. В вышеупомянутой книге отмечено, что уничтожение долговых документов произошло не случайно, а «все сие сотворил сам он, преосвященный Симон архиепископ». Далее следует собственноручная подпись Симона: «Аз, грубый Симон, благодати ради Божия архиепископ Вологодский, сие повелех и десницею своею уверения ради приписал. Архиепископ Симон» [4, с. 965].

В описи 1663 г. находим помету времен архиерейства Симона, согласно которой он простил крестьянам Лежского Волока более 60 рублей: «А в приходных казенных книгах апреля в 22-м числе написано. Взято Лежского Волоку у окружного старосты у Никифорка Сергеева и у всех окружных крестьян по прежним росписям прежних казначеев, старца Серапиона, и старца Ионы, и старца Пахомия, каковы росписи в архиепископле казне за их руками и за приписью дьяка Ивана Бебехова, что дано за них, окружных крестьян, архиепископлих казенных денег в прошлом во 140-м году в даточные люди в уплату во сто в тритцать рублев в дватцать восмь алтын в три денги. Взято семдесят рублев, а донять на них, крестьянех, в те даточные люди в доплату шестьдесят рублев дватцать восмь алтын три денги. 176-го апреля в 12 день преосвященный Симон архиепископ Вологоцкий и Белозерский, слушав сей статьи, крестьян своих пожаловал, ныне и впредь на них тех денег для их бедности имать не велел» [3, л. 18–18об.].

Очевидно, что по итогам описи 1676 г. архиепископ Симон принял решение о прощении долга по кабалам или о приостановке взимания долгов. В конце документа находим автограф иерарха скорописью и полууставом между строк: «Сих переписных книг по кабалам на вотчинных крестьян о взятии и по выписке из них тех же кабал писаных ниже сего на сте десяти листах, а подписана на нижнем сто десятом листе моею рукою казначею и дьяку и прочим учинить по нашему указу, тако же и подмосковной вотчине по кабалам на тетрати моей же руки подписаной за свидетельствую на том сия подписах. + Архиепископ Симон» [2, с. 175]. «Указа» или сведений о нем пока не выявлено.

Подобные действия имели место в 1679 г. В особую книгу было записано денежных и хлебных кабал на сумму более 1600 рублей. В конце этой книги Симон опять собственноручно подписал о том, что долг с крестьян «выбирать с милостью, с пожданием», а если этого сделать невозможно, то следовало указание о том, что «долги их всем оставляю и кабалы их в небытие сотворити повелеваю». В завершение подписи следовал призыв: «А по смерти моей наипаче сего никому ни на ком, заклинаю Богом, ничего не истязовати» [4, с. 965–967]. Этот источник был известен Н. И. Суворову, но пока не выявлен.

В описи 1676 г. всего в 16 случаях упоминаются займы, выданные хлебом или мукой. Приведем пример: «Кабала на Егорка Софонова деревни Коншина в полуторе четверти во ржи, и за тот хлеб работал он на архиепископле дворе две недели, зачтено ему в уплату четыре алтына» [2, с. 147]. Здесь примечателен тот факт, что долг крестьянин выплачивал своим трудом, выполняя какие-то ремесленные или хозяйственные работы. Однако полностью погасить хлебный займ, очевидно, ему не удалось, поскольку пометы о выдаче кабалы нет. Этот, как и другие приведенные выше примеры, показывают гибкость финансовых взаимоотношений архиерейского дома и крестьян. Очевидно, что с одной стороны долги стремились собрать и добивались этого в том числе с применением грубой физической силы («ставили на правеж»), а с другой учитывали многочисленные житейские ситуации и предоставляли возможности выхода из долговой зависимости. Принципиальным является то, что займы были беспроцентными, и не смотря на тянущуюся в течении десятилетий задолженность «рост» не брали, во всяком случае сведений о «росте» в изученных документах нет.

1. Башнин, Н. В. Архиепископ Вологодский и Белозерский Симон / Н. В. Башнин // Вопросы истории. – 2016. – № 5. – С. 16–41.
2. Описи Вологодского архиерейского дома Св. Софии второй половины XVII – начала XVIII в. / сост. Н. В. Башнин. – М. ; СПб., 2020.
3. Сектор письменных источников Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. – Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 15. Л. 18–18об.
4. Суворов, Н. И. Приложения к четвертому отделу статьи: Исторические сведения об иерархах Древне-Пермской и Вологодской епархиий. (К биографии архиепископа Симона) / Н. И. Суворов // Вологодские епархиальные ведомости. – 1865. – № 24. – С. 965–967.

Колпаков М. Ю., Колпакова Ю. В., Михеев Д. В.

СТЕРЕОТИПНЫЕ ОБРАЗЫ ЖИТЕЛЕЙ РУССКО-БЕЛОРУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ В СОЧИНЕНИЯХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XVII ВЕКА[1]

В XVII в. изучаемое пограничье служило транзитным регионом для частных лиц, торговых миссий и дипломатических делегаций, совершавших поездки из Польши (или через Польшу) в Московское царство. Длительные путешествия подразумевали активные социальные контакты путешественников с местным населением – проводниками, извозчиками, персоналом постоялых дворов, жителями придорожных населенных пунктов, чиновниками. Для обеспечения комфортного и безопасного взаимодействия чужакам важно было иметь представления об этническом составе, конфессиональной принадлежности, характере и нравах местных жителей. Сведения о культурном ландшафте трансрегиональной дорожной сети русско-белорусского пограничья обязательно включались в дневниковые записи, донесения и отчеты иностранцами и теми подданными польско-литовского государства, которые постоянно не проживали в указанном регионе.

Простолюдины в пограничье иногда бывали любопытны: они могли собираться поглазеть на дипломатический кортеж, наряды и вещи иностранцев [6, с. 47; 8, с. 338; с. 31]. Путешественники отмечали и факты радушного приема в резиденциях знати, городских и крестьянских домах. Но именно замкнутость и угрюмость отмечалась иностранцами в качестве типичной черты характера жителя пограничья. Причины подобной необщительности могли быть связаны с экономическими трудностями. Патрик Гордон, посетивший Псков в 1661 г., засвидетельствовал следующее: ««Здесь я убедился в низкой цене медных денег и, видя всеобщую дороговизну и необычайную угрюмость людей, почти обезумел от досады» [3, с. 102]. Препятствовали свободному общению иностранцев с местным населением и языковой барьер, и действия сопровождавших чиновников, которые стремились ограничить свободу передвижения чужаков в пределах городских поселений.

Кроме того, регулярные военные конфликты заставляли жителей приграничных районов опасаться неизвестных иностранных путешественников, передвигавшихся в большом числе, так как они могли оказаться военным отрядом, не щадившим ни путников, ни местных жителей. Гвидо Миеж, сопровождавший миссию Чарльза Говарда первого графа Карлайла в Москву в 1663–1664 гг., отметил в своем дневнике: «наш вид и привычки казались настолько необычными для крестьян, что они только увидели двух или трёх господ слуг на лошадях, бежали в спешке по домам захлопывая двери, как если бы мы были зловещими птицами или духами, пришедшими с целью испугать их, в результате, если бы нам что-то было необходимо, не было никакой надежды получить помощь от них» [1, p. 311–312].

Европейский мир путешественниками характеризовался как приветливый край, «где города многолюдны, опрятны и чисты, а народ по преимуществу благовоспитан, учтив и любезен» [3, с. 101]. Образ жителей русско-белорусского пограничья разительно отличался от привычного облика европейского простолюдина: «Что особенно поразило нас в настоящем путешествии, так это необычайная бедность, унылый вид, невежество и крайняя леность народа» [11, с. 190]. Бедность – типичная черта образа местных сельских жителей: «люди в этой стране живут плохо» [7, с. 287]; их материальные условия их жизни бедны, а жизненное состояние – убого [7, с. 292–293; 8, с. 340–341].

По свидетельствам иностранных источников моральный облик типичного простолюдина, с которым мог столкнуться путешественник, весьма нелицеприятен. Безусловно, для тогдашней европейской ментальности было характерно чувство культурного превосходства над невежественными инокультурными народами. Сильное влияние на восприятие иных порядков оказывали политические убеждения, конфессиональная принадлежность и дипломатические интересы.

Для передвигавших по дорогах пограничья чужаков самыми опасными пороками местных жителей называли пристрастие к алкоголю и грубость. Пребывание в гостинице (корчме) часто сопровождалось ссорами с невоспитанной публикой и драками с пьяными. Георг Тектандер, например, весьма низко оценил культуру поведения за столом простолюдинов: «Что же касается далее их нравов и обычаев, то в еде и питье они подобны скотам, грубы и неприличны. Едят обыкновенно без тарелок и ножей, хватают кушанья прямо руками. Для питья они употребляют большею частью мед и водку» [5, с. 22]. Даже представители социальной элиты, по свидетельству Бернгарда Таннера, опьянев, выделывали «разные шутки и гадости» [16, с. 112]. Опасности подвергался путешественник-иностранец, оказавшийся в городе или сельской корчме во время праздника. Николаас Витсен сообщал о рекомендации, выданной членам дипломатической миссии во время празднования дня св. Николая 6 (16) декабря 1664 г. в Пскове: «Воевода просил передать

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20–59–00015 «Антропология дороги: коммуникации русско-белорусского пограничья в XIV–XVIII вв.»

нам не выходить сегодня, ибо мы могли пострадать от пьяных. Я все же вышел на улицу из любопытства и видел, что весь город пьян, и мужчины и женщины» [2, с. 61–62].

Менее опасными, но весьма неприятными чертами местных жителей, по оценке иностранных путешественников, были их жадность и хитрость: «крайне коварны и корыстолюбивы, хотя, не взирая на то, считают себя самыми настоящими христианами» [5, с. 22]. Наиболее типичными способами поживиться за счет путника, плохо знакомого с местными традициями и не осведомленного в особенностях местной торговли, были – сбыт некачественного товара и серьезное завышение его цены, произведение неравноценный обмен. Почти в каждом сочинении мы встречаем сведения о неудовлетворительном качестве услуг, которые предоставлялись путешественникам.

Иоганн Георг Корб сообщал даже о местных жителях, которые притворялись стражниками и пытались вымогать у чужестранцев деньги и ценное имущество. ««Какой-то крестьянин потребовал от камердинера, шедшего впереди с евреями-извозчиками, плату за мостовщину, хотя это было совершенно не его дело; он даже был до такой степени дерзок, что хотел увести лошадь и с явным нахальством вынимал из седла пистолеты, но, увидев, что подходит посол с прочими лицами своей свиты, пустился бежать, но за ним погнался кузнец и сбросил его копьем с лошади; однако же крестьянин убежал, оставив свою лошадь, которую кузнец повел с собой в город в доказательство преступления крестьянина» [6, с. 164].

Для европейского путешественника социальное взаимодействие с простолюдинами, знатью и представителями власти на дорогах русско-белорусского пограничья превращалось в настоящее испытание. Августин Мейерберг так описал свои впечатления от поездки в октябре 1662 г. из Минска в Вильно: «везли нас 70 верст трудной дорогой, на которой беспокоило нас множество неудобств: ночевали часто в лесах и пустынях, сделанных Московскими опустошениями, под открытым небом, подвергаясь обидам разбойников, везде нас ненавидели, гнушались нами» [10, с. 176].

Особой социальной группой среди жителей изучаемого приграничья, в восприятии иностранных путешественников, были евреи, которые оказывали услуги извоза [6, с. 164], содержали питейные заведения [6, с. 41], постоялые дворы [6, с. 46]. В отдельных городах Великого княжества Литовского еврейского население владело лучшими для постоя помещениями [6, с. 47; 14, с. 10–21; 16, с. 20, 24, 120–121]. Иностранец должен был учитывать, что местом его ночевки может стать не вполне чистая или даже откровенно грязная «жидовская корчма» [6, с. 45, 48; 16, с. 24]. В некоторых пограничных населенных пунктах, например Кадине, торговля товарами для путешественников монополизирована спекулянтами-«жидами» [16, с. 28]. Доброму христианину-чужестранцу в исследованных источниках советовали помнить об исключительной моральной и, даже, бытовой, нечистоплотности этой категории населения приграничья. Типичной чертой собирательного образа еврея называли «плутовство». Религиозные, этнические и культурные предрассудки затрудняли социальное взаимодействие путешественников с представителями этой маргинальной группы населения. Например, Бернгарда Таннер сообщал, что «мы заезжали обедать к жиду; был постный день, и князь–поляк отказался от предложенного жидом хлеба с маслом и яйцами и отдал съесть его мне, как чужеземцу» [16, с. 25].

Местные жители в своем фольклоре и сами часто дают утрированные портреты самых маргинальных персонажей. В заговорах и народных XVII века в ряду персонифицированных образов зла и среди вредоносных героев, источников «лиха» и «порчи», они называют «лиха …человека» «черемнаго, и …руса, и …бела, и …шумоволоса, и …калики, и …всяких людей лихих», «мятущих и простовласых», «лихог (о) человека, ведуна и ведун (ь)ю и всякое зло мыслящаго на меня, раба Б (о)жия имярек, чародея и шумоволоса, и простоволоса» [15, с. 99–100, 113, 122–123], «девицу простовласицу» [15, с. 369], «девку-черноголовку и бабу-черноглазку и всякого злого человека» [17, с. 381]. Заговоры, зафиксированные в рукописном варианте на русском Севере, имеют в этой части текстологические параллели среди заговоров Новгородчины и русско-белорусского пограничья, зафиксированных исследователями лишь в позднейшее время в устной форме, но, несомненно, имеющих архаичные корни [4, с. 61, 101; 12, с. 548–554; 9, с. 23]. Как отмечают исследователи, центрально- и северорусская традиции в этих перечнях-описаниях более многословны и красноречивы, в то время как белорусские, полесские заговоры обычно ограничиваются перечнем прилагательных, характеризующих источник нанесенной порчи-«уроков»: уроки бабские, мужицкие и т. д.

Обращает на себя внимание образ простоволосой девки, как маргинального персонажа, что перекликается со свидетельствами Николаса Витсена [2, с. 56], Ганса-Морица Айрманна [7, с. 293] и Адольфа Лизека [8, с. 382–383].

Социальное взаимодействие местных жителей и иностранцев на приграничных территориях осложняли не только негативное восприятия белорусского и русского населения европейцами. Русские авторы в характеристиках иностранцев также не остаются в долгу. Псковские повести XVII в. изобилуют экспрессивно окрашенными выражениями, которые книжники прямо заим-

ствуют из своего круга чтения, либо компонуют заново. В тех случаях, когда речь идет о соседстве, торговле, профессиональных качествах, тон рассказчика сменяется на нейтральный, но в описаниях военных эпизодов псковские авторы используют весь спектр этнических стереотипов своего времени.

Незваные гости на русской земле обладают в описании местных авторов множеством пороков (например, «яко скоти ядяху и пияху и веселяхуся») и совращают в неправедное житие и местных жителей, «не хотящих жити в законе божии и во блазеи вере и в тишине, но в буистве и во объядении и во упивании и в разбоиничестве живуще, желающе чюжаго имения и приступльшыи к литовским и неметцким людемъ», «своего християнского царя возненавидеша, а от поганых и иноверных возлюбиша» [13, с. 127. л. 722; с. 123. л. 711–711об. ; С. 126. Л. 718 об.].

Справедливости ради, следует отметить, что автор Повести «О смятении и междоусобии и отступлении псковичь от Московскаго государьства» перечисляет и множество порочных свойств, характерных для местных смутьянов без современного иностранного влияния [13, с. 133, 136. л. 741–741об., 749–749об].

1. A relation of three embassies from His Sacred Majestie Charles II to the great Duke of Muscovie, the King of Sweden, and the King of Denmark performed by the Right Hoble. the Earle of Carlisle in the years 1663 & 1664. – London : Printed for John Starkey, 1669. – 461 p.
2. Витсен, Н. Путешествие в Московию, 1664–1665 : Дневник / Н. Висен. – СПб. : Simposium, 1996. – 272 с.
3. Гордон, П. Дневник, 1659–1667 / П. Гордон. – М. : Наука, 2003. – 315 с.
4. Замовы / склад. Г. А. Барташэвіч ; рэдкал.: А. С. Фядоеік (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларуская навука, 2000. – 597 с.
5. Какаш и Тектандер. Путешествие в Персию через Московию 1602–1603 гг. – М. : Императорское общество истории и древностей Российских, 1896. – 62 с.
6. Корб, И. Г. Дневник Иоганна Георга Корба во время посольства Леопольда I в Московское государство // Рождение империи. – М. : Фонд Сергея Дубова, 1997. – С. 21–258.
7. Левинсон, Н. Р. Записки Айрманна о Прибалтике и Московии 1666–1670 гг. // Исторические записки. – 1945. – Вып. 17. – С. 265–307.
8. Лизек, А. Сказание Адольфа Лизека о посольстве императора римского Леопольда к великому царю Московскому Алексею Михайловичу в 1675 году // Журнал министерства народного просвещения. – 1837. – Ч. 16. – С. 327–394.
9. Магия слова. Заговор: по материалам фольклорного архива Новгородского государственного университета. – Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2006. – 99 с.
10. Мейерберг, А. Путешествие в Московию барона Августина Майерберга, члена Придворного совета и Горация Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена Правительственного совета нижней Австрии, послов августейшего римского императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу в 1661 году, описанное самим бароном Майербергом // Утверждение династии. – М. : Фонд Сергея Дубова. Рита-Принт, 1997. – С. 43–184.
11. Отчет о поездке Ганзейского посольства из Любека в Москву и Новгород в 1603 году // Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII вв. глазами дипломатов) / редкол.: Н. М. Рогожин (отв. ред.) [и др.]. – М. : Международные отношения, 1991. – С. 185–207.
12. Полесские заговоры (в записях 1970–1990-х гг.) / сост.: Т. А. Агапкиной [и др.]. – М. : Индрик, 2003. –752 с.
13. Псковские летописи // Полное собрание русских летописей. – Т. V. – Вып. I. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 256 с.
14. Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе: 1697–1699 / подгот. к печ.: Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников ; редкол.: А. М. Панченко (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1992. – 382 с.
15. Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. / А. Л. Топорков. – М. : Индрик, 2010. – 832 с.
16. Таннер, Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году / Б. Таннер. – М. : Университетская типография, 1891. – XII, 203 с.
17. Традиционный фольклор Новгородской области. Серия «Памятники русского фольклора». Сказки. Легенды. Предания. Былинки. Заговоры. По записям 1963–1999 гг. – СПб. : Алетейя, 2001. – 534 с.

Базарова Т. А.

СТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ПОСЛОВ ПРИ ВЫСОКОЙ ПОРТЕ П. П. ШАФИРОВА И М. Б. ШЕРЕМЕТЕВА 1713 Г.: ОПЫТ КОДИКОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Статейные списки, которые наряду с расходными ведомостями (или книгами), являлись основными отчетными документами русских послов, после завершения дипломатической миссии передавались в Посольский приказ. В наказах, которые получали дипломаты при отправлении к иностранным дворам, обязательно содержалось требование подать по возвращении на родину расходные ведомости и статейные списки. В Петровскую эпоху в посольском делопроизводстве произошли существенные изменения. Пребывавшие по несколько лет при европейских дворах дипломаты вели активную переписку с Посольским приказом и со своими коллегами, однако статейные списки составлять практически перестали. В 1712 г. руководство Посольского приказа потребовало у находившихся при европейских дворах Б. И. Куракина, А. А. Матвеева, Г. Ф. и В. Л. Долгоруких отправить в Москву отчеты по их предыдущим посольствам [1, с. 28; 3, с. 33–34; 4, с. 164; 9, p. 217].

В 1719 г. Коллегия иностранных дел разослала новые письма петровским дипломатам с требованием немедленно представить статейные списки, приходо-расходные книги, а также сведения

о кормовых деньгах и подарках [8]. По мнению Яна Хеннингса, распоряжение Коллегии иностранных дел было вызвано необходимостью разработки дипломатического церемониала [9, p. 217].

Русские полномочные министры (с 1712 г. – послы) П. П. Шафиров и М. Б. Шереметев не вели статейный список в Османской империи из-за сложной политической ситуации и угрозы ареста. В феврале 1721 г. вице-канцлер тоже получил письмо с требованием предоставить Коллегии иностранных дел все затребованные отчеты. Статейные списки и приходо-расходные книги пребывания П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева при Высокой Порте начали составлять в Санкт-Петербурге не ранее осени 1721 г. П. П. Шафиров попросил прислать ему из Москвы реляции и записки, когда-то отправленные им в Посольский приказ из Османской империи, а также предоставить канцеляристов и копиистов. Для подготовки отчетных документов в Санкт-Петербург прибыли бывшие участники посольств в Стамбуле Федор Сенюков, Илья Никифоров и Иван Небогатый. В течении нескольких лет на основе сохранившихся документов были подготовлены черновики статейных списков 1711, 1712, 1713 и 1714 гг. В них нашла отражение деятельность П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева при Высокой Порте, начиная с 8 июля 1711 г. (начало переговоров на р. Прут) и до 16 октября 1714 г. (прибытие дипломатов в Глухов). Ни один из статейных списков не был переписан набело и заверен подписью П. П. Шафирова. Завершить работу не удалось из-за следствия и суда над вице-канцлером (1723) [2, с. 125, 129–131].

В настоящее время статейные списки петровских дипломатов вместе с другими материалами Посольского приказа хранятся в РГАДА. В фонде 89 «Сношение России с Турцией» находятся статейные списки П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева 1711 и 1712 гг., которые были опубликованы в 2016 г. [2] В Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории РАН среди бумаг канцелярии П. П. Шафирова (Ф. 83) отложились статейные списки за март – июнь и август – декабрь 1713 г., а также за январь – июнь и июль – октябрь 1714 г. [5, л. 1–168; 6, л. 443–626; 6, л. 171–442; 7, л. 45–162].

В отличие от статейных списков 1711 и 1712 г., фолианты из Архива СПбИИ РАН сохранили переплеты середины – второй половины XVIII в. Крышки переплетов выполнены из картона, оклеенного светло-коричневой бумагой, корешки и углы обтянуты темно-коричневой кожей. Корешки глухие, с тремя бинтами. Между бинтами помещены бумажные наклейки с названием («Черные журналы, реляции и письма, касающиеся как до военных действ, так и до министерских негоциаций. 1713 год») и частью архивного шифра рукописи. Такое же оформление переплетов имеет та часть рукописей, которая в начале 1930-х годов поступила в собрание ЛОИИ АН СССР (ныне СПбИИ РАН) из БАН СССР (ныне Библиотека РАН). На форзацах томов со статейными списками сохранился выполненный синим карандашом старый библиотечный шифр: 31.5.19.

Статейный список 1713 г. написан несколькими почерками, как малоразборчивыми черновыми, так четкими писарскими, и содержит следы правки (зачеркивания, вставки, исправление неверно написанных цифр, букв, слов и т. д.). Основной текст принадлежит служителям канцелярии; вице-канцлер участвовал только в редактировании. Трудившиеся над отчетом бывшие посольские подьячие переписывали документы в тетради. На первой странице, как правило, происходила смена почерков. Если последняя страница тетради не была заполнена текстом, то на ней писали «лист порозжей» или «страница порозжая». В тексте сохранились указания составителям статейного списка вписать то или иное письмо.

Помимо архивной фолиации все статейные списки имеют две современные тексту нумерации: полистную в правом верхнем углу и потетрадную (через 5–20 листов) на нижнем поле. Несмотря на то, что вторая часть (за август – декабрь) статейного списка 1713 г. переплетена в один том с фрагментом статейного списка 1714 г., а также черновыми материалами походных канцелярий П. П. Шафирова и Б. П. Шереметева, оригинальная нумерация дала возможность восстановить порядок листов. Таким образом, удалось установить, что статейный список П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева 1713 г., который охватывает события с 22 марта (день освобождения послов из заключения в Едикуле) и до 27 декабря сохранился практически целиком.

Статейный список русских послов 1713 г. не имеет заголовка. Он начинается с описания дороги П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева из Стамбула в Адрианополь. Лишь на через несколько страниц встречается краткое изложение содержания статейного списка, которое также выполняет роль заглавия: «А как они, послы, приезжали к Андрианополю, и как были приняты, и кто для того их приему был от турков выслан, и по въезде их в Андрианополь, где поставлены и что после того чинилось в пересылках и в трактовании, и сколко имели конференций с турскими комисары, и кто оные были, и какие от тех министров и что они, послы, оным комисаром турским ответствовали, и в которых числех те конференцыи имели, и междо тем какие мемориалы от них, послов, салтану, везиру и муфтию подаваны были, и какие от них, послов, доношения о поведениях к царскому величеству и его министром были, и в которых числех, и чрез которые пути явно и тайны были

посыланы. Також, что для осторожностей и уведомления к господам фелтмаршалом и х киевскому губернатору от них писано, и как по предшествующим конференцыям и опасностям, и страхом мирной трактат постановлен на мере. И по тому, как они, послы, позваны были в великий царственной Диван и как потом розменились с крайнем везирем Али-пашею мирными трактаты и с кем оные к его царскому величеству посланы, и после того какие доношения чинены и с кем курьером. Також был въезд посла Бестужева-Рюмина и какою встречею, и как они, послы, у салтана и у везиря были для подания царскому величеству грамот и подтверженной и для принятия его салтанской ратификацыи на трактат и грамот к царскому величеству. И после того как поехали паки в Царьград и что тамо чинилось по отъезду их ис Царяграда в Россию, то все писано в сем статейном списке имянно ниже сего» [5, л. 4–4 об.]. Таким образом становится очевидно, что в отчетном документе предполагалось последовательное описание деятельности русских послов при Высокой Порте в 1713 и 1714 г. В том числе перечислены основные события 1713 г. : дорога послов в Адрианополь, переговоры с османскими министрами по поводу заключения мирного договора, прибытие посла Д. А. Бестужева-Рюмина с царской ратификационной грамотой, вручение грамоты Петра I, а затем аудиенция у султана Ахмеда III и возвращение в Стамбул. Упомянутые в последней фразе «заголовка» события вошли в статейный список 1714 г.

Статейные списки петровских дипломатов при Высокой Порте являются важнейшими источниками для изучения истории русско-турецких отношений и востребованы историками. Современный анализ статейных списков невозможен без изучения изменения формуляра, обстоятельств и приемов их составления.

1. Арунова, М. Р. Османская империя в начале XVIII в. и ее описание П. А. Толстым / М. Р. Арунова, С. Ф. Орешкова // Русский посол в Стамбуле: Петр Андреевич Толстой и его описание Османской империи начала XVIII в. / сост.: М. Р. Арунова, С. Ф. Орешкова. – М. : Наука, 1985. – 161 с.
2. Базарова, Т. А. Русские дипломаты при османском дворе: Статейные списки П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева 1711 и 1712 гг. : (Исследование и тексты) / Т. А. Базарова. – Санкт-Петербург : Историческая иллюстрация, 2016. – 864 с.
3. Базарова, Т. А. Статейные списки российского посла в Стамбуле П. А. Толстого: история создания и архивная судьба / Т. А. Базарова // Новое прошлое. – 2020. – № 2. – С. 28–43.
4. Крылова, Т. К. Статейные списки петровских дипломатов (1700–1714 гг.) / Т. К. Крылова // Проблемы источниковедения. – Москва : Изд-во АН СССР, 1961. – Сб. 9. – С. 163–181.
5. Научно-исторический архив СПбИИ РАН (Архив СПбИИ РАН). – Ф. 83. Оп. 3. Кн. 1.
6. Архив СПбИИ РАН. – Ф. 83. Оп. 3. Кн. 8.
7. Архив СПбИИ РАН. – Ф. 83. Оп. 3. Кн. 11.
8. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 158. Оп. 2. Д. 117.
9. Hennings, J. Russia and Courtly Europe: Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725 / J. Hennings. – Cambridge : Cambridge University Press, 2016. – 297 p.

Редин Д. А.

ЧАСТНАЯ И ЛИЧНАЯ ПЕРЕПИСКА В ИССЛЕДОВАНИЯХ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ИСТОРИИ ПЕТРОВСКОГО ЦАРСТВОВАНИЯ[1]

Любое историческое исследование ставит перед специалистом вопрос формирования источниковой базы, в том числе – её расширения. В этом смысле не является исключением и история государственного управления в России эпохи петровских реформ. Можно возразить, что этот период развития России оставил после себя такой источниковый массив, что впору сетовать не на недостаток источников, а на их избыток. Но это на первый взгляд. Ведь вопрос заключается в том, что именно понимать под историей государственного управления? Её институциональную составляющую: учреждения, штаты, сферу компетенции государственных органов, источники их финансирования, организацию документационного обеспечения управления, его (управления) эффективность и прочие, несомненно важные вещи, или что-то еще?

Мне не раз доводилось писать, что на современном этапе изучения административной истории России это «что-то еще» оказывается не менее значимым, чем институциональная ипостась управления. Речь идет о её «антропологической» составляющей, реконструкция и понимание которой помогает нам лучше понять смысл и характер институциональной стороны процесса, претендовать на максимальную полноту картины изучаемого феномена.

История людей власти, история их идей и действий по реализации властных полномочий, их политической воли, мотивации принятия решений, презентации и репрезентации себя в качестве носителей власти, влияние черт характера и человеческих слабостей на способы и стиль руковод-

[1] Доклад подготовлен в рамках реализации государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ № FEUZ-2020–0056 «Региональная идентичность России: компаративные историко-филологические исследования».

ства и т. п. помогают получить новое знание, расширить наши представления об особенностях организации и функционирования властных институтов.

Всё это становится особенно ясным, если говорить о госуправлении в России раннего Нового времени, когда неформальные начала, значение неформальных сетей доверия и, в частности, патрон-клиентских отношений, оставались, зачастую, более весомыми в «механике» власти, нежели нормативно-законодательное регулирование со всем свои массивом указов, регламентов и инструкций.

Для того же, чтобы раскрыть эту, отнюдь не афишировавшую себя сторону управленческого процесса, необходимы соответствующие источники. Немалый информационный потенциал такого рода, конечно, содержится и в официальной делопроизводственной документации эпохи [10], но в наиболее концентрированном виде он присутствует в источниках, которые можно отнести к категориально слабо еще проясненной группе эго-документов.

Дискуссия о том, что является эго-документами (или эго-источниками), насколько это понятие соотносится с традиционным для отечественного источниковедения понятием «источники личного происхождения», правомерно ли вообще оперировать термином «эго-документы», особенно применительно к источникам Нового времени, не закончена у нас и поныне. Солидаризируясь с М. Ф. Румянцевой, заметившей, что понятие эго-источников «пока не вошло в систему видовой классификации», я хотел бы акцентировать внимание на другой мысли того же автора: эго-источниками (или, по её представлению, источниками по эго-истории) могут считаться те, «в которых акцент делается на выстраивании идентичности через отрефлексированное… соотнесение себя /своей жизни с историей, пусть и не с глобальной историей, но хотя бы с историей локального социума…» [12, с. 34, 37]. Этот взгляд не противоречит определению, данному эго-источнику (эго-документу) Ю. Л. Троицким: «Под эго-документом понимается такой тип текста, в котором доминирует авторская (субъектная) составляющая линия. Телеология эго-документов может быть описана эгоцентрической формулой: “я-в-мире”» [13, с. 14].

Наиболее массовым источником, отвечающим вышеприведенным определениям, оказывается в нашем случае частная переписка, особенно, начиная с XVII в. Подробный анализ источниковедческих характеристик русской частной переписки этого времени дан в новейшем обстоятельном труде О. В. Новохатко [4], хотя те или иные особенности частного письма в России как исторического и лингвистического источника, исследовались и раньше как историками, так и филологами [например: 1, 2, 3, 5]. Петровская эпоха не менее богата на источники этого рода. Можно даже сказать, что она дала новый импульс частной переписке, что было обусловлено как общей интенсификацией информационного обмена посредством письма, расширением сферы непубличной коммуникации, особенно в элитных группах населения, так и той более эмансипированной, по сравнению с XVII в., стилистике общения, сформировавшейся в окружении царя и концентрически распространившейся на клиентские сообщества, возникшие вокруг его конфидентов.

В специальной литературе частную переписку как правило отождествляют с личной, фактически ставя между ними знак равенства [1, с. 258–272; 2, с. 107–116; 4, с. 5, 7–9]. В позапрошлом году я высказал сомнение в справедливости такой трактовки, предложив рассматривать первую родственной, но не тождественной второй [10, с. 120–124]. Роднит их (и отличает от официальной переписки) тот факт, что частное и личное письмо идут от индивида к индивиду, минуя государственные, официальные структуры. Тонкой гранью, разделяющей частную и личную переписку, можно, на мой взгляд, считать, прежде всего, критерии *функционального назначения (по содержанию текстов) и статусных характеристик контрагентов письма*[1]. Эти критерии учитывают обстоятельства происхождения, формы, способа кодировки информации и социальной функции источника как интеллектуального продукта. В частном письме основной текст или его значительная часть посвящены вопросам служебного характера, а контрагенты такой переписки – лица, занимающие официальные позиции. В личном письме основной текст или его значительная часть посвящены семейным, дружеским, бытовым сюжетам, а формально-статусные характеристики контрагентов вторичны, хотя полностью не редуцированы. В личных письмах социальная иерархия (если таковая присутствует) принимает свой «первичный» вид: старшие – младшие в иерархии родства, патроны – клиенты в рамках неформальных сообществ и т. п. Иногда в подобного рода переписке формально более высокий контрагент позиционирует себя ровней с формально нижестоящим, чего, разумеется, никоим образом невозможно наблюдать ни в частной, ни тем более в официальной переписке. Вот любопытный пример такого рода, иллюстрирующий разницу в статусном позиционировании адресанта и адресата в зависимости от характера вопросов, решаемых в личной и частной переписке. Оба письма с разницей в 1 день (8 и 9 января) написаны в 1713 г. санкт-петербургским вице-губернатором Я. Н. Римским-Корсаковым копорскому коменданту Д. Т. Оничкову.

[1] В силу ограниченного объема оставляю в стороне критерии, связанные с формуляром письма.

(*Личное*) Государь мой Дмитрей Тимофеевич! В Копорском уезде у тамошних жителей покупал на меня сено Мирон Шахин да новгородец Никита Ратчинской, о котором уведомились мы подлинно, что ты оное покупное сено велел старосты возить в Гостилицкую мызу неведомо по какому указу. Того ради Вашу милость прошу онаго сена у них отъимать, и отвозить во оную мызу не вели, понеже оное сено собственное мое. <…> [7, л. 254]	(*Частное*) Господин камендант Копорской! Сего числа писал нам господин генерал-лейтенант и обор-камендант Брюс, в котором написано. Поставлены де на квартирах в Скворецкой ево мызе афицерских и драгунских 134 лошади <…> И такое великое число лошадей той мызе мужичонкам… содержать невозможно. Опасен он, чтоб от недостатку фуражу многие лошади з голоду не померли, дабы несколко числом оных… (Л. 256 об.) // лошадей из оной Скворецкой мызы вывесть и роставить по мызам, на которой ни адной… лошади не поставлено [далее – перечень таких мыз и распоряжение удовлетворить просьбу Р. В. Брюса]. [7, л. 256]

Ценность личной переписки заключается прежде всего в том, что она позволяет максимально глубоко проникнуть в характер взаимоотношений контрагентов за рамками служебной иерархии. Возможно ли предположить на основании официальной информации, что, например, свойственник царя, человек ближайшего петровского круга, обладатель второго по пышности титула после Меншикова – адмирал Ф. М. Апраксин, мог обращаться к уже упоминавшемуся Римскому-Корсакову, несомненно стоявшему ниже него по всем позициям, так, как это видно из нижеследующего личного письма:

Государь мой Яков Никитичь, многии лета здравствуй! Пожалуй, мой государь, прикажи ко мне писать о своем здоровье, а я слышати со усердием желаю. О себе, милости твоей, известие чиню: живу при Санк-Питербурхе Божиею милостию в добром здоровье, в надеянии Вашего к себе благодеяния <…> Так же и о пожалованных мне порховских селах и Михайловском погосте Вашей милости прошу, прикажи их охранить, дондеже с тобою увижусь <…> [6, л. 41 об.]

Частное письмо тоже может дать представление о характере и степени неформальных отношений контрагентов, но в нем содержится больше информации о нюансах организации административной системы, таких механизмах её функционирования, которые не всегда заметны в официальной переписке. Вот, например, частное письмо А. Д. Меншикову от углицкого ландрата А. И. Нарышкина от 20 мая 1717 г., из которого можно почерпнуть много конкретных сведений об обстоятельствах его служебных затруднений и о работе ландратской канцелярии вообще:

Милостивый государь, светлейший князь Александр Данилович! Сего апреля в 1 день получил я указ за подписанием собственной Вашей светлости руки, в котором мне повелено быть с переписными книгами в Санкт-Питербурхе в марте месяце. Доношу Вашей светлости: как скоро возможно книги переписныя готовлю, и как изготовлю, в немедленном времени поеду в Санкт-Питербурх. А умедлил оное… для того, что я был болен чрез всю зиму, и за малолюдством подьячих. Зверева подьячева, которой явился здесь апреля в 1 день, спрашивает господин моеор Ушаков к ответствию в рекрут //ных наборех, и по отсылке ево, Зверева, что Ваша светлость укажет? Прошу Вашу светлость: милостивой государь, пожалуй, прикажи мне еще быть для самых моих нужд в Москве сентября до первого числа сего лета. Истинно, милостивой государь, не могу осмотреца своим нуждам! <…> [9, л. 5–5 об.].

Разумеется, нередко, а, может быть даже зачастую, элементы личного и частно письма присутствуют в одном тексте, хотя можно приводить многочисленные примеры исключительно личных писем, вроде нижеследующего, написанного А. Д. Меншиковым П. И. Ягужинскому 13 апреля 1716 г. :

Мой господин и друг! Вашей милости приятнейшее писание из Данциха от 30 марта я получил, за которое Вашей милости, яко моему особливому другу, а особливо за тамошнее уведомление, любително благодарствую и впредь о продолжении онаго прошу, за что всегда Вам отслужить готов. В протчем домашние Ваши за помощию Вышняго в добром здравии, а и я по возможности служить буду и остаюсь. <…> [8, л. 19 об.].

Тем не менее, даже в случае смешения элементов личного и частного, представляется возможным определять разновидность письма по доминирующей теме, основному побудительному мотиву его написания, т. е. на основании критерия функционального назначения, выявляемому в процессе анализа содержания текста. Преимущественно деловые, посвященные поиску неформального решения различных вопросов службы, письма контрагентов, обладавших официальным статусом в государственных и негосударственных административных учреждениях, следует считать частными в самом точном значении этого слова. Именно этот корпус источников совокупно обладает высоким и до сих пор не вполне оцененным потенциалом в исследованиях административной истории, сопоставимым с потенциалом официальной делопроизводственной корреспонденции.

1. Гайнуллина, Н. И. Эволюционные процессы в структуре частного письма в конце XVII – начале XVIII в. / Н. И. Гайнуллина // Acta Linguistica Petropolitana. Тр. Ин-та лингвистических исследований. – 2013. – Т. 9. – № 2. – С. 258–271.

2. Котков, С. И. Русская частная переписка XVII–XVIII вв. как лингвистический источник / С. И. Котков // Вопросы языкознания. – 1963. – № 6. – С. 107–116.
3. Новохатко, О. В. Частная переписка XVII века (к постановке вопроса) / О. В. Новохатко // PALEOBUREAUCRATICA: сб. статей к 90-летию Н. Ф. Демидовой. – М. : Древлехранилище. – 2012. – С. 246–263.
4. Новохатко, О. В. Россия. Частная переписка XVII века / О. В. Новохатко. – М. : Памятники исторической мысли, 2018. – 663 с.
5. Панкратова, Н. И. Из истории частной переписки на Руси / Н. И. Панкратова // Изучение русского языкового источниковедения. – М. : Наука. – 1969. – С. 127–155.
6. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 198. Оп. 1. Д. 5.
7. РГАДА. – Ф. 198. Оп. 1. Д. 9.
8. РГАДА. – Ф. 198. Оп. 1. Д. 54.
9. РГАДА. – Ф. 198. Оп. 1. Д. 789.
10. Редин, Д. А. «Человеческое» измерение власти, или антропологически ориентированная административная история России раннего Нового времени / Д. А. Редин // Когнитивная история. Концепции – методы – исследовательские практики. – М. : Изд-во РГГУ. – 2011. – С. 261–278.
11. Редин, Д. А. Русская административная история Нового времени и неофициальная переписка: источниковедческие размышления / Д. А. Редин // Новое прошлое. – 2019. – № 3. – С. 116–127.
12. Румянцева, М. Ф. Эго-история и эго-источники: соотношение понятий / М. Ф. Румянцева // История в эго-документах: Исследования и источники. – Екатеринбург : Изд-во АсПУр, 2014. – С. 32–40.
13. Троицкий, Ю. Л. Аналитика эго-документов: инструментальный ресурс историка / Ю. Л. Троицкий // История в эго-документах: Исследования и источники. – Екатеринбург : Изд-во АсПУр, 2014. – С. 14–31.

Беспятых Ю. Н.

ДНЕВНИКИ, ЗАПИСКИ, ПИСЬМА, МЕМУАРЫ ШВЕДСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В РОССИИ ПРИ ПЕТРЕ I (ОБЩИЙ ОБЗОР)[1]

На протяжении Северной (в западноевропейской историографической традиции: Великой Северной) войны (1700–1721) на территории России до заключения Ништадтского мирного договора с Швецией отбывали плен многие тысячи офицеров и солдат (надежной статистики нет) армии Карла XII. После неудачной попытки бегства, предпринятой поселёнными в г. Свияжске (ныне российская Республика Татарстан) военнопленными (1711), власти рассредоточили, рассеяли всех сравнительно небольшими группами по городам Сибири, Урала и европейской части государства.

Местные администрации не принуждали к работам офицеров, и они располагали относительной свободой, в том числе свободой передвижения в определенных им пределах. Долгое пребывание в России породило много содержательных документов – дневников, записок, писем, мемуаров, вышедших из-под пера офицеров и плененных же гражданских служащих шведов (и подданных шведской короны немцев) от самых высоких чинов и должностей королевства до низших (прапорщиков в пехоте и корнетов в кавалерии), а затем также обширную научную литературу о судьбах каролинов – воинов Карла XII, главным образом на шведском и немецком языках. Мои усилия учесть всю совокупность изданных (а также подобных обнаруженных, но остающихся в рукописях источников)[2] и посвященных им трудах исследователей[3] едва ли способны когда-либо увенчаться осязаемым успехом.

Пленные оставили неисчислимую массу ценных, во многом уникальных сведений о нашей стране в пору ее становления как великой державы. Их опубликованные в разное время на языках оригиналов тексты, как правило, не сопровождены комментариями, поскольку мало кто из занимающихся этой темой зарубежных исследователей владеет русским и ориентируется в российских реалиях Петровской эпохи.

Неудивительно поэтому, что истинным событием для заинтересованной научной общественности стали две небольшие монографии Г. В. Шебалдиной[4], основанные на всего нескольких

---

[1] Доклад подготовлен при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20–09–42038.

[2] Ссылка невозможна из-за ограниченного объема доклада: она содержит 10 тыс. знаков. В моей копилке число сочинений пребывавших в России пленных офицеров насчитывает много больше полусотни; здесь же вынужденно ограничиваюсь упоминанием о самом крупном издании: Karolinska krigares dagböcker jämte andra samtida skrifter (Дневники и другие современные [эпохе] сочинения каролинских воинов (*шведск.)* / Utg. af A. Quennerstedt. Lund, 1901–1918. Del. 1–12. – Электронное издание: http: //runeberg. org /karolikrig /.

[3] Ссылка невозможна из-за ограниченного объема доклада: она содержит (неполный) перечень трудов – еще 10 тыс. знаков.

[4] *Шебалдина Г. В.* 1) Шведские военнопленные в Сибири: Первая четверть XVIII века. М., 2005. 210 с. ; 2) Заложники Петра I и Карла XII: Повседневный быт пленных во время Северной войны. М., 2014. 115 с. ; см. ее же: 3) Сибирские мемуары каролинов: О своих и чужих // Полтава: Судьбы пленных и взаимодействие культур. М., 2009. С. 47–68; 4) Шведские военнопленные в Сибири // Историческая энциклопедия Сибири. 2009 (URL. http://irkipedia.ru/content/shvedskie_voennoplennye_v_sibiri_istoricheskaya_enciklopediya_sibiri_2009. Пагинации нет. Последнее обращение 16. 09. 2019).

шведскоязычных источниках; мимо этих книг не проходят специалисты, изучающие как историю Северной войны, так и иные проблемы истории эпохи Петра I. Причина такой востребованности очевидна: оба труда изобилуют сведениями, почерпнутыми из источников и литературы на шведском, большинству наших историков недоступных из-за высокого языкового барьера, и остаются на довольно-таки далекой периферии исследовательского кругозора.

За рубежом опубликованы не все офицерские рукописи, разысканные и заслуживающие пристального изучения. В тесных рамках доклада упомяну лишь об одном авторе и его труде: финляндский швед, аудитор (военный юрист) Л. Ю Мальм (с возведением в дворянское достоинство (1716) – Эренмальм), плененный после захвата русскими Выборга (1710), он за годы жизни в Петербурге, Москве и снова Петербурге (1710–1713) составил обширное и чрезвычайно содержательное «Описание России» (1714), по сю пору не увидевшее света на языке оригинала[1].

Назову еще взятого в плен со всей шведской армией у местечка Переволочная на Днепре через три дня после Полтавы выдающегося исследователя Ф. И. Страленберга (до возведения в дворянство (1707) Табберт), затем отправленного в Вятку (ныне Киров), затем в Алапаевск (ныне в Свердловской обл.), а оттуда в Тобольск, тогда главный город Сибири, и с дозволения местных властей два-три года участвовавшего в экспедициях по ней с немецким ученым Д. Г. Мессершмидтом, который был приглашен царем на службу. Впоследствии Ф. И. Страленберг создал фундаментальный труд о Сибири[2]. Он и другие пленные офицеры положили начало изучению истории, этнографии, языков сибирских народов. Шведы также организовали в Тобольске школу для детей и взрослых, которая после их отъезда на родину продолжала и по-прежнему продолжает успешно действовать[3].

Между тем наши отечественные специалисты располагают и существенным преимуществом перед иноземными благодаря возможности деятельно работать с фондами отечественных центральных, областных и даже районных архивохранилищ городов, где пленные шведские подданные пребывали в изучаемое время, в которых о них отложились комплексы русских официальных документов. Такие есть в Научно-историческом архиве моего института, в котором имею счастье работать. Упомяну здесь только одно хранящееся в нем дело под названием «О пленных шведских подданных. Ноября 23. 1713 года» (79 л. с об.).

О мемуарах К. фон Руланда

Карл фон Руланд (Carl von Roland, 1684–1761) родился в Стокгольме, поступил на военную службу драгуном в конце 1704 г., участвовал в нескольких сражениях Северной войны (1700–1721) и 27 июня 1709 г. – в Полтавской баталии, с которой и начинает свое повествование о приключениях в России. Этот лейтенант разделил судьбу всей армии короля Карла XII, спустя три дня после генерального сражения оказавшись в русском плену.

---

[1] *Ehrenmalm L. J.* Beskrifning om Ryssland. – Подлинник в Государственном архиве Швеции (Sveriges Riksarkiv; Stockholm), список XVIII в. : (и еще один неполный) – в Отделе рукописей Библиотеки Упсальского университета (*Ehrenmalm L. J.* Några anmärkningar angående det Ryska Rijketz nuvarande macht och styrkio… – Некоторые заметки о нынешних могуществе и силе Русского государства (Uppsala universitetsbibliotek. Handskriftsavdelning. H-195); также список середины XIX в. хранится в Научно-историческом архиве СПбИИ РАН. Наиболее подробно об авторе и содержании его труда см. : *Беспятых Ю. Н.* Иностранные источники по истории России первой четверти XVIII в. : (Ч. Уитворт, Г. Грунд, Л. Ю. Эренмальм). СПб., 1998. С. 224–443. – О труде Л. Ю. Эренмальма опубликованы несколько моих статей.

[2] *Strahlenberg Ph. J. von.* Das nord und ostliche Theil von Europa und Asia: In so weit solches das gantze Russische Reich mit Siberien und der grossen Tatarey in sich begreiffet, in einer historisch-geographischen Beschreibung der alten und neuren Zeiten... nebst einer noch niemahls ans Licht gegebene Tabula polyglotta von zwey und dreyssigerley Arten tartarischer Völcker Sprachen und einem kalmuckischen Vocabulario, sonderlich aber einer grossen richtigen LandCharte von den benannten Ländern… (Северная и восточная часть Европы и Азии, поскольку таковая охватывает все Российское государство с Сибирью и Великой Татарией, в историко-географическом описании старого и нового времени… а также с одной никогда не видевшей света Tabula polyglotta двадцати-тридцати народных татарских наречий и калмыцкий вокабуляр; особенно же большая достоверная географическая карта названных земель… (*нем.)* Stockholm, 1730. – Академическая публикация 4–6 глав труда по хранящемуся в БАН переводному списку 1730 г. как протографу с подведенными разночтениями в списках (показываю нынешние названия учреждений) – СПбИИ РАН, БАН (Санкт-Петербург, другой список), РГБ (Москва): *Страленберг Ф. И.* Записки капитана Филиппа-Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого: Северная и восточная часть Европы и Азии / Перевод В. Н. Татищева либо по его поручению / Составители Е. А. Савельева, Ю. Н. Беспятых, В. Е. Возгрин. М. ; Л., 1985. Вып. 1; 1986. Вып. 2. 446 с. – Об авторе и его труде см. прежде всего: *Новлянская М. Г.* Филипп Иоганн Страленберг: Его работы по исследованию Сибири. М., 1966. – Шведский перевод: *Novljanskaja M. G.* Philipp Johan von Strahlenbergs forskningsarbeten om Sibirien / Svensk översättning: A. Apazidis. Karlstad, 1968.

[3] Случайная знакомая, недавно приехавшая из Тобольска в Петербург поступать в институт, с нескрываемой гордостью рассказала, что в эту школу стремятся попасть очень многие дети и их родители, однако она весьма престижна и (по конкурсу) учиться в ее стенах выпадает далеко не всем. Кстати сказать, ей, знакомой, это не удалось.

От Переволочной на Днепре, где капитулировало бежавшее из-под стен Полтавы шведское войско, К. Руланд с группой других офицеров был поначалу отправлен в Чернигов, потом в Москву, где царь, собрав всю плененную армию, провел ее через Первопрестольную, празднуя великий Полтавский триумф. Затем шведские офицеры были расселены по разным городам европейской и азиатской России. Сотню человек, среди которых был и К. Руланд, поселили в городе Галиче (ныне Костромская область). Спустя несколько лет (в начале 1714 г.) лейтенант выхлопотал у тамошнего воеводы двухмесячный отпуск и через Вологду прибыл в Москву, чтобы получить ждавшие его там деньги из Швеции. Брат первой жены царя Петра I и его стольник (с 1692 г.) А. Ф. Лопухин предложил шведу служить у него и написал галичскому воеводе соответствующее письмо; благодаря этому К. Руланд, ненадолго вернувшись в Галич, смог навсегда покинуть провинциальный город и опять отправиться в Москву, однако там к А. Ф. Лопухину не пошел, а бежал из Москвы и затем из России через Архангельск. Путь на родину стал для него долгим и трудным: корабль, капитан которого тайно вывез лейтенанта из беломорского порта, шел в итальянский город Ливорно, откуда через Геную, Марсель, Гамбург швед в начале 1715 г. добрался до Штральзунда, там предстал перед вернувшимся из турецких владений Карлом XII и вскоре был им зачислен капитаном в Бендерский драгунский полк. Оправившись от полученного в том же году тяжелого ранения, он через Любек, Гамбург, Амстердам почти уже добрался до Гётеборга, как опять угодил в плен – корабль, на котором плыл К. Руланд, был захвачен датским фрегатом. Шведа привезли в Норвегию, потом в Копенгаген, а оттуда он вновь бежал – в Любек, затем в Данциг и наконец в ноябре 1716 г. достиг Стокгольма. На этом и завершаются воспоминания, на страницах которых автор подает себя как бесстрашного, находчивого и изобретательного человека. В 1720 г. К. Руланд был возведен королем Фредриком I в дворянское достоинство (как заметил издавший его воспоминания на языке оригинала (шведском) С. Э. Бринг, у которого мы заимствовали биографические сведения об офицере, «для многих воинов Карла дворянский герб стал единственным вознаграждением за вынесенные страдания на войне или в плену…»). В следующем, 1721-м, году К. фон Руланд принял новое назначение – комендантом укрепления Шенес (приход Эстра Хюсбю) на восточном побережье Швеции и получил майорский чин. В этой должности он пробыл до самой кончины.

«Воспоминания…» составлены спустя много лет после описываемых событий (по предположению публикатора, в начале 1740-х годов). Шведский офицер, взявшийся за перо в весьма зрелом возрасте, отнюдь не скромничает при описании своих приключений. Вместе с тем его мемуары содержат уникальные подробности о тогдашней русской московской и провинциальной жизни, какие невозможно выдумать и какие мы напрасно искали бы в других дошедших до нас от той эпохи источниках, будь то отечественных или иностранных. Как весьма важное и редкое обстоятельство надо отметить факт, что К. Руланд без затруднений общался на русском языке; он свободно владел также немецким – настолько, что мог при надобности выдавать себя за немца.

С. Э. Бринг в 1914 г. издал полный оригинальный текст воспоминаний, отложившийся в стокгольмской Королевской библиотеке (Kungliga Biblioteket), однако не автограф, а список; судьба подлинника неизвестна. Мемуары публикатор сопроводил биографическим очерком об их авторе, кратким, однако повсеместно верным комментарием и указателем имен[1].

Филимонова М. А.

ПРЕССА МАССАЧУСЕТСА XVIII В. КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

В период 1763–1775 гг., во время «прелюдии» Американской революции, пресса играла самую активную роль. Число газет в североамериканских колониях Великобритании за эти 12 лет удвоилось. Наиболее влиятельными были газеты Массачусетса, поскольку в Бостоне существовало развитое протестное движение, задававшее тон антибританскому сопротивлению остальных колоний.

Типичное колониальное периодическое издание представляло собой четыре страницы ин-фолио. Обычная периодичность выхода составляла один раз в неделю. Их тираж в 1760-х гг. составлял от 600 до 800 экземпляров. Иллюстративный материал представляли грубые стандартные ксилографии, маркировавшие тематику объявлений: кораблик для новости о прибытии того или иного судна, лошадь для объявления о скачках и т. п. Тематических рубрик не существовало, как и заголовков. Как правило, одна из страниц целиком отводилась под рекламный блок, но вообще рекламные объявления могли размещаться где угодно, в зависимости от удобства верстки. Это создавало ту особую мешанину разнородной информации, которую исследователь Уильям Уорнер назвал «какофонией разных голосов» [4, p. 344]. В выборе тем колониальная пресса была

[1] *Roland Carl von.* Minnen från fångenskapen i Ryssland och Karl XII:s krig / Utgifna af S. E. Bring. – Воспоминания о плене в России и войнах Карла XII / Изданы С. Э. Брингом. Stockholm, 1914. VIII, 134 s.

относительно свободна: в Великобритании не существовало цензуры. С 1695 г. там было отменено лицензирование газет и таким образом установилась свобода прессы. В колониях после дела Зенгера 1734 г. [1, с. 21–28] власти предпочитали смириться с существованием свободных газет, чем вызвать скандал попытками их закрыть.

Типографскую краску, печатные станки, шрифт приходилось импортировать из Европы. Бумагу можно было произвести на месте, хотя бумага местного производства была далеко не идеального качества. Зато в годы перед Американской революцией Бенджамин Франклин в качестве генерального почтмейстера наладил доставку почты в северных и среднеатлантических колониях. Газеты имели особые преференции: они доставлялись без почтового сбора. Распространение газет было упрощено, и многие издания могли претендовать на охват нескольких колоний сразу. О доставке собственной пропагандистской продукции заботились «Сыны свободы» – антианглийская организация американских патриотов. Для этого в разных колониях и прежде всего в Массачусетсе создавались «комитеты связи». Они поддерживали переписку с единомышленниками, рассылали актуальную информацию и наиболее удачные образцы пропаганды. Соответственно, газетные публикации Массачусетса читались и перепечатывались далеко за его пределами.

Следует отметить такие издания, как «Boston Gazette» Бенджамина Идеса и Джона Джилла, «Massachusetts Spy» Исайи Томаса. «Boston Gazette» издавалась с 1719 г. Девиз ее гласил: «Содержит самые свежие известия, зарубежные и местные». С ней сотрудничали самые известные патриоты Массачусетса, включая Сэмюэля Адамса, Джозефа Уоррена, Джозайю Куинси, Джеймса Отиса. В сотрудничестве с «Boston Gazette» Поль Ривер создал гравюру «бостонской бойни», ставшую символом противостояния Великобритании и ее колоний. Э. Оливер, один из виднейших тори Массачусетса, так характеризовал ее роль: «О настроении народа можно с уверенностью судить по этому проклятому листку. Если настроение толпы в момент публикации и не совпадает с духом писателя, все же на него смотрят, как на оракул, и вскоре сообразуются с его советами» [3, p. 21]. «Massachusetts Spy» отличалась более простым языком, рассчитанным на самые широкие слои бостонцев. Поэтому ее называют «первой рабочей газетой» Америки.

Информация о повседневной жизни могла содержаться в разных рубриках газет. Прежде всего, конечно, соответствующие сведения можно почерпнуть из рекламных блоков. Они представляли собой обычно список предлагаемых товаров, снабженный «шапкой», призванной привлечь внимание читателя. Она могла выглядеть, например, вот так: «Свежий и обширный ассортимент товаров, только что импортированных» из Лондона [2, 31.12.1770]. Как уже говорилось, для успешного маркетинга могли использоваться и ксилографии.

Кроме этого, информацию о повседневности предреволюционной Америки содержали и другие материалы прессы. Например, первые попытки революционеров взять пространство повседневной жизни под контроль отражались в решениях митингов или городских собраний, которые были частью политической жизни Массачусетса. Здесь отражается политизация повседневности, характерная для Американской революции.

Можно рассмотреть несколько характерных сюжетов, отражающих изменения повседневной жизни в изучаемый период: политика бойкотов и импортозамещение, проникновение в быт технических новинок эпохи Просвещения. Во всех этих случаях пресса дает бесценную информацию.

В частности, она отражает огромный объем импорта в колониальной Америке. Происхождение товаров, продававшихся в Бостоне, легко отследить, поскольку название страны происхождения играло роль современных брендов. Рекламные объявления 1765 г. отражают ситуацию, когда импортировалось буквально всё. В числе товаров, привезенных в Бостон из метрополии летом 1765 г., рекламировались даже такие простые предметы, как оловянные блюда, гвозди, булавки, швейные и штопальные иглы [2, 12.08.1765]. Бойкот импорта стал одним из первых антианглийских мероприятий, принятых колонистами в ответ на Гербовый сбор 1765 г. Например, 70 купцов в Нью-Йорке отказались импортировать английские товары до отмены Гербового сбора; они также обязались отозвать все уже посланные в Англию заказы на весенние товары и не продавать то, что уже было привезено в колонию [2, 11.11.1765]. Колониальная пресса охотно публиковала новости об успехе бойкотов. Так, в декабре 1765 г. из Нью-Йорка сообщалось, что ни один из кораблей, прибывших из Лондона или Бристоля, не был загружен больше, чем наполовину [2, 2.12.1765]. Также из Нью-Йорка сообщали, что на специально устроенной ярмарке раскупили всю местную продукцию, «поскольку все слои народа испытывают похвальную гордость, если носят то, что было сделано в их собственном краю» [2, 18.11.1765]. В резолюциях митинга фригольдеров Бостона, состоявшегося в Фанейл-холле 28 октября 1767 г., говорилось о вреде «иностранных излишеств». Именно «излишествам» приписывалось печальное состояние города. К классической республиканской теме пагубной роскоши прибавлялась меркантилистская максима о том, что чрезмерный импорт высасывает из региона деньги. Для исправления зла предлагалось развивать мануфактуры Массачусетса и уменьшить импорт иностранных товаров. Далее приводился длинный список того, от чего следовало отказаться, начиная с сахарных

голов и заканчивая гвоздями. Впрочем, большая часть списка относилась к предметам роскоши, как ее понимали суровые новоанглийцы: кареты, золотое и серебряное кружево, корсеты, ювелирные изделия, нюхательный табак, фарфор, шелка, бархат, газ. Предлагалось также на похоронах не использовать перчатки, кроме сшитых в колониях, и не шить новых траурных платьев, если это не является абсолютно необходимым. Напоследок митингующим представили образцы местной продукции: крахмал, пудру для волос и нюхательный табак [2, 2.11.1767].

Рекламные блоки действительно отражают происходившие изменения. В конце 1765 г. в объявлениях стали мелькать пенсильванское железо и мука, «отборная коннектикутская свинина и говядина», «добрый новоанглийский ром», «наррагансеттский сыр из лучших сыроварен» [2, 23.12.1765]. Хотя, конечно же, вытеснить импортные товары американская продукция так сразу не могла. Почти во всех объявлениях по-прежнему фигурировали английские, европейские, индийские товары. Здесь информация, почерпнутая из рекламы, корректирует формируемое пропагандистскими материалами той же газеты представление о полной остановке импорта.

Информация о чайных бойкотах также выявляет некоторый «зазор» между пропагандой и рекламой. Патриотические бойкоты предполагали отказ от чая, облагаемого английскими налогами. Истинные патриоты, как предполагалось, переходили на травяные настои, такие как гиперион, или лабрадорский чай. Видимо, имелся в виду рододендрон гренландский (Rhododendron groenlandicum), из которого ирокезы делали душистый травяной настой, известный у колонистов как «индейский травяной чай». «Boston Gazette» в 1768 г. описывала чаепитие, состоявшееся в Ньюпорте. Хозяйка дома была одета в ткань собственной выделки, а когда она предложила гостьям на выбор чай сорта «bohea» и лабрадорский чай (гиперион), патриотки дружно отвергли «ядовитый bohea» и предпочли «бальзамический гиперион». Но в том же номере три рекламных объявления предлагали потребителям черный и зеленый чай сортов «bohea» и «hyson» [2, 4.01.1768].

Однако по мере развития протестного движения в колониях политика бойкотов стала более успешной. Здесь газеты служили своеобразным средством морального давления на «импортеров». В январе 1770 г. «Boston Gazette» обличала торговцев, которые «предпочитают свою мелкую личную выгоду благу Америки» и продолжают импортировать товары из Лондона [2, 1. 01. 1770]. Торговцы меняли рекламную тактику в соответствии с духом времени. Джон Гор, торговавший «напротив древа свободы» и предлагавший бостонцам шелк, бархат и кружева, счел необходимым в своей рекламе указать, что все его товары импортированы до соглашения о приостановке импорта, а «прекрасный ассортимент» мужской зимней одежды в его лавке – североамериканского производства. Слова «североамериканского производства» были выделены в объявлении крупным шрифтом, каким обычно печатали слова «только что из Лондона» или подобные рекламные сообщения [2, 1.01.1770]. Уильям Скотт, также торговавший тканями, рекламировал «разнообразные английские товары», но благоразумно информировал об этом покупателей мелким шрифтом в конце объявления [2, 1.01.1770].

Еще один сюжет, при изучении которого пресса незаменима, – это влияние Просвещения на повседневную жизнь. Культ науки и прогресса, характерный для этой эпохи, отражался не только в философских трактатах, но и в информационных сообщениях, в том числе сенсационного характера. Например, газеты охотно писали о последствиях удара молнии. Традиционные способы отвести угрозу, такие как колокольный звон и молитвы, не отвергались напрямую, но все же ситуации трактовались с просвещенческой рационалистической точки зрения. Летом 1767 г. молния ударила в шпиль Северного молельного дома в Бостоне, убив молодую женщину и ранив еще двоих человек. В молельном доме в это время находилось большое число людей. Священник заставил их петь псалом, что успокоило верующих, предотвратило панику и давку. Газета, весьма рационалистически, не писала ни о каких последствиях псалма, кроме психологических [2, 22.06.1767]. Кроме того, сенсации такого рода использовались как повод лишний раз рассказать о последней технической новинке – громоотводе, изобретенном Бенджамином Франклином в 1752 г. Не отставала и реклама. «Электрические стержни» (громоотводы) всех сортов можно было купить на Саммер-стрит в Бостоне [2, 8.08.1768].

В двух рассмотренных сюжетах привлекает внимание сложное взаимодействие разных газетных жанров. В случае с политикой бойкотов пропагандистские и рекламные материалы несколько противоречат друг другу. Реклама подсказывает, что антианглийское сопротивление не было таким сплоченным и успешным, как хотелось бы патриотам. В случае с громоотводами заметки информационного характера и реклама друг друга дополняют, отражая проникновение ментальности Просвещения в повседневную жизнь.

1. Лучинский, Ю. В. Масс-медиа США и Канады: динамика глобализации / Ю. В. Лучинский. – Краснодар : TRIVIUM, 2011. – 260 с.
2. Boston Gazette. – 1765–1770.
3. Hutchinson, Th. The Letters of Governor Hutchinson, and Lieutenant Governor Oliver, &c. / Th. Hutchinson, A. Oliver. – Dublin : W. Gilbert, 1774. – 97 p.
4. Warner, W. B. Communicating Liberty: The Newspapers of the British Empire as a Matrix for the American Revolution / W. B. Warner // ELH. – Vol. 72. – No. 2 : Essays in Honor of Ronald Paulson. – 2005. – Summer. – P. 339–361.

РАЗДЕЛ 4
ИСТОЧНИКИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Середа Н. В.

ДОКУМЕНТЫ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ТВЕРСКИХ КУПЦОВ: К ВОПРОСУ О ФУНКЦИЯХ И ЖАНРОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Самоназвания сохранившихся текстов личного происхождения тверского купечества дореформенного периода – разнообразны, они зафиксированы на обложках дел и в справочниках по архиву [1]. Исследователи воспроизводят их, не предлагая новых, более точно отражающих жанровую принадлежность текстов. Сохранившиеся тексты в значительной мере написаны синхронно происходившим событиям и могут расцениваться как дневники. При этом элементы повествования о прошлом, содержащиеся во всех этих документах, приближают их мемуарам.

Используя термин « мемуары» автор доклада исходит из понимания этого термина А. Г. Тартаковским, который определял мемуары как « повествования о прошлом», ретроспективно отражающие действительность [7, с. 11].

Исследованные тексты отчасти отвечают и определению мемуаров, данному М. Ф. Румянцевой [3, с. 472], . В них достаточно отчетливо видна индивидуальность авторов записей; подчас они фиксируют общественно значимые события [4] (войны, которые вела Россия, восстание под руководством Е. Пугачева и др.), по ним даже возможно проследить эволюцию общественно значимых для городов края событий и совершенно точно можно проследить эволюцию некоторых представлений горожан [5].

При определении жанровой прннадлежности изучаемых текстов следует иметь в виду, что они являются плодом труда не отдельных людей, а семейных и даже родовых кланов. Общим для всех этих текстов является наличие у основного автора каких-либо предварительных заметок предков или его собственных ранних записей, перенесенных в дошедший до нас памятник. В Памятной книги семейства Томиловых этот факт специально подчеркнут. Влас Григорьевич Томилов, приступая в 1822 г. к ведению своей Памятной тетради, сначала переписал в нее заметки, которые вел ранее, с 1776 г. по 1797 г., его отец Григорий Григорьевич, а также он сам, начиная с 1797 г. Обо всем этом он сообщает в заголовке к своему творению: «Памятная книга к [упца] В [ласа] Г [ригорьевича] Томилова, писанная тверским купцом Григорьем Григорьевичем Томиловым с 1776 года по 1797-й год, а с того времени продолжается Власом Григорьевичем Томиловым» [2, с. 318].

Записи в «Летописи Михаила ТЮльпина», относящиеся к XVIII в. носят мемуарный характер. Так под 1777 годом описаны события 1809, 1812, 1818 и даже 1822 г. Начало Летописи Михаила Тюльпина явно составлено на основе воспоминаний автора о пожаре в Твери 1763 г., об облике города до пожара и о процессе восстановления города и его переплапланировке. В 1763 г. Михаилу было 8 лет, вероятно многое он не столько сам помнил. сколько знал по рассказам окружавших его людей, а возможно, и по записям, сделанным родственниками или знакомыми. Установлено, что восстановить и описать застройку Твери до пожара 1763 г. Михаил смог с помощью бывшего соседа Семена Васильевича Янковского. Рукопись Янковского с описанием каменных построек города была обнаружена в фондах Тверского Государственного объединенного музея. Она была составлена по просьбе Михаила Тюльпина и выглядит, как письмо, адресованное Михаилу. Текст, содержащийся в этом письме несколько отличается от текста самого М. Тюльпина, вошедшего в памятник.

Скорее всего в основе записей «Летописи Михаила ТЮльпина», относящихся к периоду до 1775 г., лежат записи представителей старшего поколения, а основе последующих – записи самого Михаила. Эти свои записи, заметки своих предков, а также другие используемые источники Михаил литературно обработал в 1817 г., когда собственно и начал вести сохранившийся до наших дней памятник. Переписав содержание различных источников о событиях минувших, он стал фиксировать вновь происходящие события сразу по мере того как они происходили. Об этом позволяет говорить появившаяся небрежность почерка. Михаил не называет автора тех предварительных записей, которые составили основу его дневника, но скорее всего им был отец Михаила – священнослужитель.

Элементы повествования о прошлом есть в каждом из анализируемых памятников. Основаны они как на собственной памяти авторов, так и на письменных источниках, послуживших основой для сохранившихся текстов. Тверские купцы не только фиксировали значимые для них события, но также заботились о сохранении этих записей и о передаче их потомству. Для этого они периодически переписывали информацию на новый материальный носитель. В процессе переписывания более ранний текст как правило пополнялся новыми сведениями. В этом случае ранее

известные сведения входили в состав создаваемого текста органично, вписывались тем же почерком, тем же пером и одними и теми же чернилами, что и другие, близкие по расположению записи. Так в памятной книге купцов Томилов под 1777-м годом сообщается о событиях, отделенных друг от друга несколькими десятилетиями: « 1777-й год. июня 28-го заложен монумент [Екатерине II, – Н. С.] …Которой сломан в 1811-м году при принце, с тем, дабы построить великолепнее и огромнее. Но за смертью его остался не зделанным. [2. с. 318]Имеется в виду принц Георгий Ольденбургский, бывший в 1809–1812 г. генерал-губернатором тверским, новгородским и ярославским. Его резиденция располагалась в Твери. Принц скончался в конце 1812г.) И в других случаях Влас не просто переписывал предварительные записи, но дополнял их новыми фактами, которые позволяют читателю увидеть развитие судьбы того или иного человека, явления и т. д. Под 1791 г. имеется запись следующего содержания: *«маия 22-го родилась у Матрены дочь Феодосья Никифоровна, что ныне за Якимом Матвеичем Барылиным»* [2? с. 320]. Наличие аналогичных, сложносоставных записей – это один из признаков, которые придают исследуемым источникам характер мемуаров.

Еще один прием, который использовали авторы, является внесение приписок к ранее созданному тексту. Этот прием наиболее часто использовали члены семьи Блиновых. Приписки вносились автором записей, но другими чернилами и другим пером. Эти дополнения достаточно легко вычленяются в основном тексте рукописей и придают источникам характер произведений мемуарного жанра. В дневнике Блиновых1772-м годом датирована запись о том, что у Покрава церковь каменная сделана и отбелена совсем месяца сентября». А далее следует приписка, сделанная другими чернилами: « 1774 году октября 1-го дня освещена». [2, с. 226] В Летописи М. Тюльпина арабскими цифрами, проставленными на полях, пронумерованы все записи о смене епископов в Твери. Одна из записей 1763 г. выглядит следующим образом. «2. Декабря 6-го дня определен сюда преосвященный Гавриил, но встречу его за малолетством не упомню. Но только часто ходил я смотреть его в служении и слушать его проповеди, которые говорил он очень хорошо. В 1770-м г. переведен в Санкт-Петербург. Второй на памяти» [2, с. 270]. Наличие таких приписок позволяет думать, что авторы периодически перечитывали свои, ранее сделанные записи. т. е. написанные ими тексты выполняли автокоммуникативные функции. что придает им свойства эго-документа. Перечитывание текста позволяло авторам «обозревать путь», пройденный ими [7, с. 12; 8]

Однако, как свидетельствуют тверские купеческие памятники личного происхождения, обозревать прожитое время можно было и иным способом, таким, который часто использовал Карпович Блинов.

Он являлся основным автором «дневника»Блиновых. Многие из его записей являют собой образец хронологической системы ex post, в которой производится отсчет от настоящего в прошлое [4, с. 180 –181] Их анализ позволяет реконструировать «событие самого рассказывания» и мы можем предполагать, что поводом для обращения Иова к семейной хронике обычно служило какое-либо событие, максимально приближенное по времени к очередному этапу работы над дневником. Однако, взяв дневник в руки, Иов как бы имплацировал себя в некую иную реальность – уже свершившегося – и в этой реальности память вела его все дальше вглубь времени от события, ставшего толчком для того, чтобы обратиться к дневнику и зафиксировать это событие в нем. В итоге автором, во-первых, оказывались осмысленными и заново пережитыми события прошлого и, во-вторых, эти события оказывались описанными, а значит включенными в историческую память семьи.

Поводом обращение Иова к дневнику в январе 1774 года, стало рождение сына 27 декабря прошедшего года. Прежде чем сделать запись об этом событии, Иов фиксирует факт своей женитьбы в ноябре 1772 г., тем самым устанавливая причинно-следственную связь событий и располагая их в порядке хронологии на оси времени. В итоге весь этот комплекс событий описан им в январе 1774 г., но под 1772 г. “В 1772 году ноября 11 дня Иев Блинов женился. А женился 20 лет. Сын родился Иван 1773 году месяца генваря декабря 27 дня”. Зачеркнутое слово “генваря” и позволяет предположить, что эта комплексная запись, датированная 1772 годом, была сделана в январе 1774 года. Однако, поток сознания вел Иова дальше вглубь времен, к воспоминаниям о рождении брата Никифора в 1764 году. Иову было 14 лет, когда родился брат, и событие это по всей вероятности произвело на него большое впечатление, стало неким перерывом в череде однообразных будней. Рождение собственного сына стало толчком к осмыслению этого события с позиций взрослого человека и он счел необходимым внести это событие десятилетней давности в свой дневник после сведений о своей женитьбы и рождении своего сына.

В результате в дневнике, в составе записи, сделанной в январе 1774 г., описаны события, произошедшие в 1772 и даже в 1764 г. Вся эта серия событий зафиксирована одномоментно, одним почерком и одними чернилами. Начерк букв, толщина линий, ритм расположения письменных знаков в строке и расстояние между строк абсолютно выдержаны на протяжении всей записи, включающей в свой состав сообщение о трех событиях: женитьба, рождение своего сына и рожде-

ние брата почти 10 годами ранее. Подобные записи придают источнику характер мемуаристики и, позволяет размышлять над изменениями душевного состояния и переживаниями автора. Они открывают возможности для интерпретации анализируемых текстов как эго-документов, подтверждают, что произведения мемуарного жанра с конца XVIII в. создавались не только в среде представителей высших сословий [9. с. 132].

1. Голубев, И. Ф. Коллекция рукописей. Краткий обзор. / И. Ф. Голубев. – Калинин, 1960.
2. Купеческие дневники и мемуары конца XVIII–XIX века. – М. : РОСПЭН, 2007. – 470 с.
3. Румянцева, М. Ф. Мемуары – «современные истории» // Источниковедение : учебное пособие. – М. : РГГУ. – 1998.
4. Савельева, И. М. История и время. В поисках утраченного / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – М., 1997.
5. Середа, Н. В. Дневниковая традиция купеческих семей Тверского края / Н. В. Середа // Традиции династий Верхневолжья : материалы региональной научно-практической конференции, Тверь–Калязин, 8–10 сентября 2003 г. – Тверь, 2007. – С. 204–215.
6. Середа, Н. В. Гендерные отношения в среде тверского купечества / Н. В. Середа //Тверь и города-побратимы: прошлое, настоящее, будущее : материалы Международной научно-практической конференции, Тверь, 25 мая 2007 г. – Тверь, 2007. – С. 120–132.
7. Тартаковский, А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.: от рукописи к книге / А. Г. Тартаковский. – М. : Наука, 1991. – 288 с.
8. Троицкий, Ю. А. Аналитика эго-документа: инструментальный ресурс историка / Ю. А. Троицкий // История в эго-документах: исследования и источники. – Екатеринбург, 2014. – С. 14–31.
9. Чекунова, А. Е. Русское мемуарное наследие второй половины XVII –XVIII вв.: Опыт источниковедческого анализа / А. Е. Чекунова. – М. 1995. – 136 с.

Ермакова О. К.

ИНОСТРАННАЯ ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭЛИТА УРАЛА XVIII – СЕРЕДИНЫ XIX В.: РЕКОНСТРУКЦИЯ СТАТУСА ПО АКТОВЫМ ИСТОЧНИКАМ*

А. Я. Купфер, описывая совершенное им в 1828 г. путешествие по Уралу, с приятным удивлением подчеркивал, что даже в местах, существенно отдаленных от центров цивилизации (таких, например, как Миасский завод на Южном Урале), он и его команда имели удовольствие наслаждаться всеми благами европейской жизни, а в Златоусте у ученого сложилось впечатление, будто он находится в немецком «заводском городе» [24, с. 114–115, 129–132]. Недаром редактор «Отечественных записок» П. И. Свиньин назвал тот же Златоуст «уголком Германии, перенесенным в Уральские горы» [8, с. 142]. Ярко выраженная «европейскость» была характерна и для Екатеринбурга, изначально создававшегося как город нового типа [19, с. 1697]. «Западные» компоненты повседневной жизни горнозаводского Урала, его культуры и идентичности обеспечивались устойчивым присутствием в регионе иностранцев. Зарубежные специалисты входили в элиту местного социума, «техническую» в смысле профессиональной принадлежности, являвшейся в силу хозяйственно-экономической специфики территории одним из ключевых факторов социального престижа.

Массовый приезд в Россию специалистов из Западной Европы в эпоху Петра I способствовал появлению большого количества актового материала, в котором фиксировались условия «сделки» между государством и иностранцами. Иноземцы попадали на службу через заключение контракта. Практика найма иностранцев по договорам, не являясь новшеством XVIII столетия, в эпоху Петра I приобрела массовый и систематический характер. При этом, складывается впечатление, что по сравнению с контрактами предшествующего периода, договоры первой четверти XVIII в. демонстрируют в некотором смысле «откат» назад в плане проработанности текста, его структуризации и полноты содержания. Думается, что основная причина этого состояла в том, что подписание контрактов с иноземцами в XVII в. еще не было поставлено на поток, а потому каждый документ тщательно составлялся [См., например: 6, с. 211–216].

С началом массовых миграций иностранных специалистов при Петре I разрастается категория иноземцев с особым статусом, который определял контракт (или его прототипы), заключенный на определенное время, не требовавший от контрактеров перемены веры или подданства, не запрещавший (а наоборот, подразумевавший) возможность возвращения на родину. В то же время, в связи с возросшим числом иностранцев и ускорением процедуры их въезда в Россию, документирование вербовки порой оказывалось скомканным. В оборот вошли упрощенные договорные формы (договорные письма, капитуляции). В контрактах в большей степени нуждались сами иностранцы, отказывавшиеся выезжать без договоров [20, с. 90].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 19–78–10095 «Индустриальная идентичность территорий России: уральские региональные сообщества и дискурс об Урале в культуре XVIII–XX вв. »

Иноземцам справедливо приписать авторство (по крайней мере, частичное) исследуемых источников. Поскольку речь идет о государственном контракте, в котором одним из контрагентов выступал сильный актор – государство, то резонно было бы предположить, что мы имеем дело с тем, что в современной юриспруденции называется «договором присоединения»[1]. Однако, разработка соглашений строилась на основе тесного взаимодействия с иностранными специалистами, исходя из вопроса: «на каких условиях иноземец готов выехать?» [10]. Другое дело – насколько впоследствии соблюдались принятые в ходе переговоров «кондиции». Если в Петровскую эпоху контракт воспринимался российской стороной как формальность, то уже в начале XIX в. юридическая сила договора не подлежала сомнению [Подробнее см. : 7, с. 131–136].

Контракт являлся ключевым документом, определявшим социально-правовой статус иностранцев. Причем, положение нанятых по договорам мастеров и инженеров оказывалось более стабильным и защищенным, по сравнению с другими категориями иностранных подданных, что особенно ярко проявлялось в периоды напряженной международной обстановки и войн[2]. Сосредоточим внимание на том, какие структурные элементы контракта включали указания на критерии престижа и статуса иноземцев. Прежде всего, идентификация (или самоидентификация) иностранцев содержится в начальном протоколе контрактов, где характеризуется состав контрагентов. В силу особенностей формуляра, в такого рода актах не всегда очевидно разграничение элемента intitulatio (лица, от которого исходит документ) и адресата (inscriptio)[3], но можно предположить, что в процессе целенаправленных вербовок иностранец чаще всего выступал адресатом[4]. Итак, из вводных статей договора проясняется первичная информация о контрактере. Например, в контракте с Д. Петерсоном, принятым на Ижевский завод в 1820 г., указано имя и факт иностранного подданства специалиста: «заключен сей контракт с иностранным мастером Давыдом Петерсоном» [21, л. 108]. В других случаях прописывалась профессия или специализация иностранца: «заключен сей договор <…> с иностранцем машинным мастером Ульрихом Ротом» [22, л. 4]. Контракт с британским инженером Е. Вигзелем демонстрирует более полный набор сведений, включавший указание на подданство и «место выхода» контрагента: «Евстафий Вигзель, Инженер-Механик, Великобританский подданный, из Гринвича, что в графстве Кент, изъявил добровольное согласие, принять на себя обязанность механика…» [4, л. 2].

В статьях, составляющих диспозитивную часть контрактов, излагались собственно условия найма на службу, что позволяет реконструировать новый статус иностранцев, возникший с момента их поступления на службу. Первым маркером служит должность или чин: «Обещается Его императорскому величеству помянутой господин Гейденрейх бергмейстером служить» [3, л. 94]. Нередко можно наблюдать, что с переездом на Урал и превращением в «уникальных специалистов» (даже из простых рабочих) социальный статус иностранцев повышался. На «носителей передового технологического опыта» возлагались большие надежды, но квалификации вызванных специалистов в ряде случаев не хватало, чтобы оправдать ожидания русской горной администрации[5]. Интеграция иностранца в местную иерархию отражалась в контрактах посредством разъяснения структуры должностных отношений: кому непосредственно подчинялся иноземец, а какие работники и структуры находились в его распоряжении [4, л. 2–3].

Неотъемлемой частью контракта и ключевыми маркерами социального статуса иностранцев являлись «кондиции» о материальном обеспечении специалистов (включая денежное содержание и иные пособия и «вспоможения»). Проработка этих важнейших условий совершенствовалась с развитием договора как такового. В эпоху Петра I допускалась ситуация, когда иноземец принимал на себя обязательство вступить в российскую службу на основании устных обещаний царских агентов. Правда, в отличие от наемных военных, которым зачастую, не конкретизируя,

---

[1] Речь идет о готовом (возможно, универсальном) тексте контракта, который вторая сторона – частное лицо – вольна заключить или нет, но изменить его условия не представляется возможным.

[2] Показательна ситуация конца XVIII – начала XIX в., когда на законодательном уровне усиливался надзор за иностранцами, от них требовались дополнительные присяги, а некоторых высылали за пределы Российской империи. Тем не менее, служивших на Урале по контрактам (в том числе, на частных заводах) иностранных инженеров и техников данная мера не коснулась [См., например: 9].

[3] Данное утверждение относится, прежде всего, к актам, в текстах которых присутствует прямое указание на контрактную форму отношений, синаллагматическую связь, подразумевающую взаимные обязательства. Такие же разновидности актов, как капитуляции, договорные письма и договорные статьи по формуляру представляли собой односторонние обязательства того или другого контрагента [12, л. 2–5; 14, л. 3–3об. ; 15, л. 1–3об. ; 16, л. 1–1об.]

[4] За исключением, пожалуй, «капитуляций» – разновидности промежуточной стадии развития контракта (и вообще, акта), текст которых выстраивался от лица иноземца, «учинившего капитуляцию».

[5] См., например, о британских «формовщиках» У. Тиндле и С. Броуне [18, л. 13–18, 24, 173–174об.].

устанавливали жалование «против иных иностранных» того же чина [13, л. 18об.], технические специалисты заранее знали размер будущих выплат. Кроме того, предписывалось обеспечивать их «даровой квартирой и дровами» [1, л. 213об. ; 3, л. 94об.]. Данный смысловой блок контрактов постепенно становился более развернутым. Набор привилегий и пособий зависел от должности иностранца. Так, английский инженер-судостроитель Джеймс Карр, нанятый с командой помощников для работы на Урале в 1846 г., получал «приличный дом, достаточ [ный] для помещения Джеймса Йозуа Карра, его семейства с принадлежащим к нему сараем, конюшней и другими удобствами», «дрова, свечи, прислугу, все нужное для обзаведения дома и мебель» [23, л. 10об. –11].

Показателем устойчивости социально-правового статуса иностранцев являлась степень юридической защищенности, дарованная контрактом. Для ситуации первой четверти XVIII в. было характерно преимущество воли монарха (и его представителей) над условиями договоров. В этом отношении Петр I не следовал принципу различения прав чужестранцев и собственных подданных, как это декларировалось в классических европейских теориях договорного права, например, в учении Г. Гроция [5, с. 285]. При этом, наряду с упрощенными вариациями «договорных писем» и «капитуляций», в Петровскую эпоху практиковалось заключение контрактов (называемых также «трактатами» и собственно «договорами») за рубежом в нотариально установленном порядке, с нанесением соответствующих удостоверительных знаков. Вероятно, такая процедура служила в сознании западноевропейцев гарантией соблюдения их прав [11, л. 1–1об. ; 17, л. 1–2об.]. В реальности же имели место различные нарушения договоров с российской стороны, намеренное удержание иноземцев сверх срока контракта или, напротив, досрочное расторжение соглашений. Постепенно «уважение» к контракту возрастает. В конце 1740-х гг. даже «излишние» иностранные мастера имели право оставаться на уральских заводах вплоть до окончания договоров [2, л. 24–28]. В первой половине XIX столетия формуляр контрактов уже явно свидетельствовал об устойчивой синаллагматической связи договорных отношений, что подтверждалось обязательным соблюдением условий со стороны государства не только на бумаге, но и на практике.

1. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). – Ф. 24. Оп. 1. Д. 10.
2. ГАСО. – Ф. 24. Оп. 1. Д. 1253.
3. ГАСО. – Ф. 24. Оп. 12. Д. 33.
4. ГАСО. – Ф. 24. Оп. 32. Д. 782.
5. Гроций, Г. О праве войны и мира. Гл. XIV. § 8 [Электронный ресурс] / Г. Гроций. Режим доступа: http://www.civisbook.ru/files/File/Groziy.Kn2.pdf. – Дата доступа: 18.03.2021.
6. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. – Т. 5. – СПб. : Типография Эдуарда Праца, 1853. – 535 с.
7. Ермакова, О. К. Индустриальная идентичность Урала и правовая культура: на стыке западноевропейских и российских традиций (XVIII – середина XIX в.) / О. К. Ермакова // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 454. – С. 131–136.
8. Ляпин, В. А. Немецкие оружейники на Урале / В. А. Ляпин // Немцы на Урале и в Сибири (XVI–XX вв.) : мат-лы науч. конф. «Германия – Россия: исторический опыт межрегионального взаимодействия XVI–XX вв. » / редкол.: Н. Н. Баранов (отв. ред) [и др.]. – Екатеринбург : Волот, 2001. – С. 138–142.
9. Неклюдов, Е. Г. Иностранцы на частных заводах Урала в начале XIX в. / Е. Г. Неклюдов // Четвертые Татищевские чтения. Екатеринбург, 2002. – С. 281–287.
10. Полное собрание законов Российское империи. – Т. 3. – № 1512.
11. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 150. Оп. 1. 1702 г. Д. 30.
12. РГАД А. – Ф. 150. Оп. 1. 1703 г. Д. 12.
13. РГАД А. – Ф. 150. Оп. 1. 1704 г. Д. 13.
14. РГАД А. – Ф. 150. Оп. 1. 1707 г. Д. 1.
15. РГАД А. – Ф. 150. Оп. 1. 1708 г. Д. 6.
16. РГАД А. – Ф. 150. Оп. 1. 1710 г. Д. 7.
17. РГАД А. – Ф. 150. Оп. 1. 1712 г. Д. 1.
18. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 37. Оп. 10. Д. 35.
19. Редин, Д. Иностранные выходцы в Екатеринбурге: у начала социальной организации города / Д. Редин // Quaestio Rossica. – Т. 8. – 2020. – № 5. – С. 1695–1717.
20. Ржеуцкий, В. Вербовка иностранных специалистов – выходцев из Франции и франкоязычной Швейцарии в эпоху Петра I / В. Ржеуцкий, Д. Гузевич // Quaestio Rossica. – Т. 6. – 2018. – № 1. – С. 79–98.
21. Центральный государственный архив Удмуртской республики (ЦГА УР). – Ф. 4. Оп. 1. Д. 75.
22. ЦГА УР. – Ф. 212. Оп. 1. Д. 742.
23. ЦГА УР. – Ф. 212. Оп. 1. Д. 5592.
24. Kupffer, A. T. Voyage dans l'Oural entrepris en 1828 / A. T. Kupffer. – Paris : Typographie de Firmin Didot frères, 1833. – IX, 428 p.

Марьенко Н. Ю.

О ДУЭЛИ И ПРЕДСМЕРТНОЙ ЗАПИСКЕ Д. В. АРСЕНЬЕВА

В декабре 1807 г. в Петербурге состоялась одна из наиболее трагичных в истории Российской империи дуэлей, на которой полковник Д. Арсеньев (1777–1807) был убит графом И. Хрептовичем (1775–1850). Этот поединок обращает на себя внимание в связи с обстоятельной предсмертной запиской Д. Арсеньева, которую, судя по всему, можно считать единственным эго-документом такого рода на восточноевропейском пространстве.

Последние три года жизни полковник Д. Арсеньев провёл в военных походах. В частности, в 1804 г. он участвовал в Адриатической экспедиции, в 1806 г. – в битве при Голымине, а начале 1807 г. – в сражении при Гофе, где попал в плен [3; с. 170]. Вернувшись в Петербург, Д. Арсеньев сделал предложение фрейлине великой княгини Анны Фёдоровны М. Рённе, и получил согласие. По словам С. Волконского, «эта помолвка получила полную гласность» [6; с. 63]. Примечательно, что о предстоящем событии было известно и Александру I, обещавшему помощь бедному дворянину: «… Государь Император, отлично к нему расположенный, как к человеку, вполне это заслуживающему, благоволил при объявлении Арсеньевым о предстоящем ему счастии, как человеку, весьма ограниченному в средствах жизни, дать ему аренду, или денежные средства» [6; с. 63]. На расположенность государя к Д. Арсеньеву свидетельствует и полученный им в подарок в 1803 г. перстень [1; с. 50], который наряду с табакеркой был второй по значимости, после медальона с изображением правителя, личной наградой от императора. Однако спустя несколько дней после помолвки предложение невесте Д. Арсеньева сделал граф И. Хрептович. Мать М. Рённе, «прельщенная богатством графа Хребтовича» [6; с. 63], убедила свою дочь отказать Д. Арсеньеву и остановить свой выбор на более состоятельном женихе, после чего «Арсеньев, обманутый в своих ожиданиях, не вынес этой обиды, и вызвал на поединок Хребтовича» (6; с. 63). Попытки секунданта (им был князь М. Воронцов) и других лиц успокоить Д. Арсеньева не увенчались успехом. Накануне поединка полковник находился в состоянии крайнего нервного возбуждения («… любовь и оскорблённое честолюбие предпочтением другого по одному богатству была причиною Арсеньева исступления» – [12; с. 76]) и «непременно хотел убить или быть убиту» [12; с. 76].

Результатом поединка стала смерть полковника. Гибель Д. Арсеньева всколыхнула петербургскую общественность. События об этом происшествии были отражены в мемуарах декабриста С. Волконского [6; с. 62–64], в переписке между А. Тургеневым и братьями Булгаковыми [12; 76], между Я. Булгаковым и его младшим сыном Константином [7; с. 220]. Находясь в Киеве, интересовался обстоятельствами поединка М. Кутузов («Чем кончился дуель Хрептовича?» [2; с. 57]). Стихотворение Д. Арсеньеву посвятил его друг С. Марин [11; с. 123–124]. Александр I изъявил желание заплатить все долги погибшего полковника, также по его распоряжению были устроены торжественные похороны со всеми почестями [12; с. 76]. «Весь Петербург, за исключением весьма малого числа лиц, вполне оправдывал Арсеньева и принимал в постигшей его смерти радушное участие. Его похороны почтила молодежь петербургская своим присутствием, полным участия…» [6; с. 63–64]. Есть определённое сходство обозначенной дуэли с не менее резонансным поединком 1825 г. между К. Черновым и В. Новосильцевым. Похороны К. Чернова, по мнению Ю. Лотмана, стали причиной первой в России уличной манифестации [10; с. 502]. Однако именно поединок между Д. Арсеньевым и И. Хрептовичем был первой в России дуэлью, причиной которой следует считать имущественное неравенство.

Надо сказать, что на годы правления Александра I пришёлся пик распространения дуэльной традиции в России. В это время состоялось не менее 70 поединков, которые для 28 дуэлянтов закончились гибелью. Распространению конфликтов чести способствовали такие факторы как «расширение пространства свободы» дворян после смерти Павла I, участие русской армии в начале XIX в. в войнах в Европе [14; с. 73–75]. В частности, в Париже в 1815 г., как сообщали полицейские бюллетени, часто происходили ссоры между военными, заканчивавшиеся поединками [16; с. 170–171]. Сюда же следует добавить и рост дворянского самосознания, одной из характерных особенностей которого было «утверждение чести как основного законодателя поведения» [9; с. 164]. Именно в эти годы в России утвердился «европейский стиль дуэлей» [19; с. 139].

В таких исторических условиях Д. Арсеньевым и была создана преддуэльная записка, в которой содержались следующие слова: «Я должен портному Голендеру по счету около 200 рублей, Турчанинову по счету около 400 рублей, Воронцову 180 червонцев и 150 рублей, брату 1000 рублей, и потом какие-нибудь мелкие долги, каких я не упомню. Мне должны: Дука 150 червонцев, принц Мекленбургский 50 червонцев и впрочем кто сам вспомнит малые долги, тот их отдаст. Из 2000 с чем-то рублей моих денег заплатите по возможности вышеописанные долги, большие же адресовать на батюшку. Дать на мой батальон 500 рублей, Николаше 100 рублей; волю как ему, так Ипату. Все вещи мои раздать друзьям, которые пожелают иметь какие-нибудь от меня памят-

ники. Донести графу и графине Ливен и князю Петру Волконскому, что, признавая всю цену милостивого их ко мне расположения, я умру с истинной к ним признательностью и совершенно отличаю их от тех скаредов, которые довели меня до сего положения. Свет будет судить и тех и других и воздаст каждому должное. Свечина и сестру С. П. уверяю в истинной моей дружбе и признательности, равно как и друзей моих, которые наиболее имели право на мою привязанность. Поручаю обо всем друга моего князя Черкасского, который возьмет на себя труд обо всем известить родителей, братьев и сестер моих. Братьев поручаю покровительству моих друзей. Всякого прошу вникнуть в мои обстоятельства, посудить меня и пожалеть, буде найдет виновным. Любил друзей, родных, был предан государю Александру и чести, которая была для меня во всю мою жизнь единственным для меня законом. Имел почти все пороки, вредные ни для кого, как для самого себя. Прощайте. Арсеньев. Я ношу два кольца и один перстень. Секунданты мои возьмут их себе в знак моей дружбы и благодарности» [15; с. 224–225].

Этот документ уникален сразу по нескольким причинам. Во-первых, в нём фиксируется личная рефлексия дуэлянта накануне поединка. Многочисленные упоминания о дуэли в источниках личного происхождения обычно отражали мнения участников или современников описываемых событий уже post factum и редко содержали сколько-нибудь значимые сведения об эмоциональном состоянии дуэлянта в преддверии поединка. В этом есть определённый парадокс, ведь дуэль как форма поведения, несомненно, связана со сферой чувств, но при этом в источниках психология участников поединков отражена крайне скупо. Эту функцию реконструкции эмоционального состояния дуэлянтов выполняла художественная литература. В частности, в ночь перед поединком Ленский читал Шиллера и «темно и вяло» писал стихи [13; с. 127–128], Печорин думал о бесцельности своего существования [8; с. 437–440], Базаров собирался написать письмо отцу, после чего видел «беспорядочные сны» [17; с. 142–143], а Лаевский сумел написать только слово «Матушка!» [18; с. 436–438], а затем, как Печорин, предался тяжёлым мыслям о пустоте жизни. Преддуэльная записка Д. Арсеньева, затрагивающая проблемы жизни и смерти, стоит как бы в одном ряду с литературными воплощениями размышлений дуэлянта накануне дуэли. Её содержание также свидетельствует о стремлении автора жить по законам чести и противостоять окружающей его несправедливости даже ценой собственной жизни. Эти идеалы имели глубокие литературные корни. Вот почему Ю. Лотман слова «Сама смерть в своем дымящемся пурпурном облачении была тогда так привлекательна, так величественна, так великолепна» из «Исповеди сына века» А. де Мюссе считал вполне применимыми для поколения русских людей начала XIX в [9; с. 23]. Таким образом, вторая особенность предсмертной записки Д. Арсеньева – следование её автором литературным идеалам своего времени. Обращает на себя внимание и стоическое отношение автора к смерти, выраженное им в экстремальных условиях. В-третьих, в рассматриваемом документе содержится важная информация об отношении к родственникам и друзьям. Очевидно, такие размышления были типичными для дуэлянтов накануне поединка. Так, А. Пушкин, узнав от доктора Шольца о том, что его рана смертельна, сказал: «Нужно устроить свои домашние дела» [4; с. 401]. Важной составляющей предсмертных указаний были распоряжения об уплате долгов и завещание личных вещей близким людям. Вторая особенность, в частности, фиксируется и в другой истории, произошедшей в 1851 г. Тогда барон Э. Розен был оскорблён братьями Гендриковыми, приказавшими своим слугам тащить его насильно в лагерь. С Э. Розеном произошла настоящая истерика, во время которой он, в частности, произносил такие слова: «Господа, если меня убьют, исполните мою просьбу – напишите моему отцу, что я с честью носил имя Розена, и своей кровью смыл с него пятно; матери отдайте мой перстень, часы и ея письма, которые у меня хранятся. Парадера продайте и деньги разделите солдатам 3-го эскадрона. Подъездка, на которой поехал Муравьев, ему и отдайте. Официальные вещи Бальмену, Снигинскому письменный стол, Кривскому книги, Амбразанцову халат, и еще некоторые другие вещи он просил отослать в разные полки своим старым школьным товарищам» [5; л. 20]. Однако этим распоряжениям не дано было исполниться, так как в результате дуэли против графа А. Гендрикова погиб именно обидчик, а не Э. Розен.

Таким образом, в предсмертной записке Д. Арсеньева, уникальном эго-документе, зафиксирована психология дуэлянта накануне поединка, отражающая ритуальные особенности подготовки к смерти, а также идеалы поколения людей конца XVIII – XIX вв.

1. Архив князя Воронцова. – М., 1890. – Т. 36. – 524 с.
2. Архив кн. М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского: письма его к жене. 1800–1808 гг. // Русская старина. – 1871. – Т. 3. – С. 49–61.
3. Бенкендорф, А. Х. Воспоминания : в 2 т. / А. Х. Бенкендорф. – Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2020. – Т. 1. – 500 с.
4. Вересаев, В. Пушкин в жизни : в 2 т. / В. Вересаев. – М. : Советский писатель, 1936. – Т. 2. – 568 с.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 678. Оп. 1. Д. 1115.
6. Записки Сергия Григорьевича Волконского (декабриста). – СПб, 1901. – 547 с.
7. Из писем Я. И. Булгакова к младшему его сыну Константину Яковлевичу // Русский архив. – 1898. – № 2. – С. 220.

8. Лермонтов, М. Ю. Герой нашего времени / М. Ю. Лермонтов // Полное собрание сочинений : в 4 т. – М. ; Л. : Издательство Академии Наук СССР, 1959. – Т. 4. – С. 275–475.
9. Лотман, Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / Ю. М. Лотман. – СПб : Искусство-СПБ, 2011. – 413 с.
10. Лотман, Ю. М. Кто был автором стихотворения «На смерть К. П. Чернова»? / Ю. М. Лотман // О поэтах и поэзии. – СПб : Искусство-СПБ, 1996. – С. 494–505.
11. Марин, С. Н. Полное собрание сочинений / С. Н. Марин. – М. : Государственный литературный музей, 1948. – 573 с.
12. Письма Александра Тургенева Булгаковым. – М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1939. – 376 с.
13. Пушкин, А. С. Евгений Онегин / А. С. Пушкин // Полное собрание сочинений : в 10 т. – М. ; Л. : Издательство Академии Наук СССР, 1950. – Т. 5. – С. 9–217.
14. Рейфман, И. Ритуализованная агрессия: Дуэль в русской культуре и литературе / И. Рейфман. – М. : Новое литературное обозрение, 2002. – 336 с.
15. Род дворян Арсеньевых. 1389–1901 / сост. В. С. Арсеньев. – Тула, 1903. – 243 с.
16. Рэй, М.-П. 1814. Царь в Париже / М.-П. Рэй. – М. : Политическая энциклопедия, 2017. – 247 с.
17. Тургенев, И. С. Отцы и дети / И. С. Тургенев // Полное собрание сочинений : в 12 т. – М. : Наука, 1981. – Т. 7. – С. 5–191.
18. Чехов, А. П. Дуэль / А. П. Чехов // Полное собрание сочинений : в 18 т. – М. : Наука, 1985. – Т. 7. – С. 353–456.
19. Kollmann, N. S. The Russian Empire. 1450–1801 / N. S. Kollmann. – Oxford, 2017. – 512 p.

Белявский А. М., Захаркевич С. А., Снапковский Ю. Н.

ТАЙНА СЕМЬИ ШНЕЕРСОН: ДОКУМЕНТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА БЕЛАРУСИ ОБ ОСНОВАНИИ ДИНАСТИИ ЛЮБАВИЧСКИХ ЦАДИКОВ

Название статьи, звучащее в стиле детективного романа, не является преувеличением – история, лежащая в ее основе, представляет собой туго завязанный клубок сюжетных линий, распутывание которого еще далеко от финала, и архивные документы, о которых пойдет речь, лишь относительно недавно были вовлечены в «расследование». Коллизии основания династии любавичских цадиков Шнеерсонов интересны нам не из досужего любопытства к «скелетам» в фамильном шкафу знаменитой семьи, но постольку, поскольку они позволяют лучше понять процессы, происходившие в исключительно закрытой для посторонних глаз, и в то же время исключительно влиятельной в экономической (и иногда политической) жизни белорусских губерний XIX века еврейской общине – процессы, во многом определившие направления ее развития в первой четверти этого столетия на последующие десятилетия.

Отдельные организационные, экономические и религиозные аспекты деятельности старшего сына основателя династии, Шнеура Залмана (Залмана Боруховича) из Ляд, Дов Бера Шнеури (Берки Шнеера / Шнеерсона), возглавившего хасидскую общину, названную впоследствии Хабад Любавич, уже неоднократно прямо и косвенно попадали в фокус внимания белорусских и зарубежных (израильских, российских) исследователей. Функционирование устной памяти о любавичских цадиках исследовала С. Амосова [1]. И. Лурье посвятил любавичским хасидам Хабад серию статей [10; 11]. Особенности религиозного учения Хабад разобрала М. К. Кондратьева [9]. Отдельного внимания заслуживает аналитическая работа Д. Асафа и Г. Сагива о хасидах в Российской империи [2]. Однако сами обстоятельства выдвижения нового цадика, восстановившего двор своего отца, разоренный войной 1812 года, и осуществившего коренные преобразования в жизни своей хасидской общины, приведшие к значительному росту ее влияния, до сих пор остаются во мраке зыбких догадок и туманных гипотез. Есть основания полагать, что документы Национального исторического архива Беларуси, как уже введенные в научный оборот, так и неизвестные или малоизвестные, способны, по крайней мере, пролить немного больше света на эту малопонятную историю. Характеристике некоторых из таких документов и посвящена данная статья.

Документы, о которых пойдет речь, можно объединить в два небольших комплекса, по два дела в каждом, касающиеся двух весьма резонансных в восточноевропейской еврейской общине событий, связанных с личностью Дов Бера Шнеури. Несмотря на то, что происходили они в 1820-е гг., на пике могущества этого цадика, за ними также маячат тени истории более давней, связывающей их вместе. Хронологически первый комплекс – это документы фонда Могилевской римско-католической консистории о конверсии в католицизм младшего брата Дов Бера, улльского раввина Моше Шнеури (Моисея Шнеерсона) за 1820–1821 гг., [6; 7], второй – документы фонда Канцелярии генерал-губернатора витебского, могилевского и смоленского о суде над самим Дов Бером, по доносу о незаконном сборе денег с хасидов, за 1825–1834 гг. [5; 8]. Дела, связанные с крещением Моше Шнеури тематически и хронологически дублируют друг друга, но одно из них сформировано в делопроизводстве консистории исключительно по этому вопросу [7], а второе представляет собой фактически несколько дел о крещении евреев, сшитых в одной обложке [6]. Состав документов дел: переписка консистории с различными учреждениями, включающая рапорты, обращения

должностных и частных лиц (родственников Моше) и т.п. Язык документов – русский (включая переводы с «еврейского»), польский, латинский. Из двух дел о суде над Дов Бером одно по сути обобщает второе. Первое – собственно дело о расследовании деятельности раввина Шнеера, произведенном полковником И. И. Логиновым и надворным советником И. В. Марковым по указанию генерал-губернатора, князя Н. Н. Хованского [5]. Среди документов дела, помимо донесений и рапортов, можно выделить доносы на Дов Бера и переводы изъятых у него во следствия личных писем и акта раздела собранных для него хасидской общиной денег (о чем будет ниже). Второе дело было заведено после решения суда, оправдавшего Шнеера, и состоит, в основном, из рапортов Могилевского главного суда Н. Н. Хованскому и его самого – в Сенат с изложением истории разбирательства и сути претензий генерал-губернатора к решению суда [8].

На некоторые из этих документов периодически встречаются ссылки в работах белорусских и российских авторов. Например, Е. Н. Филатова в своей монографии «Конфессиональная политика царского правительства в Беларуси. 1772–1860 гг.» упоминает добровольное крещение раввина местечка Улла Моисея Шнеерсона в июле 1820 г. [13, с. 110], но не более того. Для зарубежной историографии (в смысле, дальнезарубежной) эти источники открыл в 2005 г. израильский ученый Саул Штампфер – и там они имели эффект разорвавшейся бомбы. В первую очередь, это касается именно истории конверсии Моше Шнеури. Данный эпизод долгое время обсуждался в полемике между хасидим и маскилим. В хасидской традиции история младшего брата Дов Бера передается в версии, описанной в мемуарах шестым любавичским цадиком Йосефом Ицхаком Шнеерсоном. Она рассказывает о том, что Моше был исключительно одаренным учеником своего отца, обладал феноменальной памятью, знал иностранные языки и однажды, во время встречи Дов Бера с императором Александром I (состоявшейся осенью 1817 г. во время остановки самодержца в Бабиновичах по пути в Киев), выступил в роли переводчика для своего брата. Далее последовало общение Моше с несколькими высокопоставленными чиновниками, приведшее в итоге к религиозному диспуту с кем-то из церковных иерархов, который он блестяще выиграл. Однако, спасаясь от гнева проигравших, попытавшихся насильно его крестить, Моше пришлось отправиться в изгнание, скрывая свою личность, а его семье эмигрировать в Святую Землю [18, p. 27–28]. Различные писатели-публицисты из числа маскилим, в свою очередь, транслировали несколько иной сюжет [15, p. 48–64]. Младший (или старший, как его зачастую определяли эти писатели) брат Дов Бера, лучше образованный, но эмоционально неуравновешенный, после смерти отца вступил в борьбу за право наследия титула цадика, но проиграл ее – и в отместку предал религию своих предков, перейдя в христианство. Вскоре после того он сошел с ума и умер в приюте для душевнобольных. Кстати, объяснение конверсии евреев в христианство психической болезнью было делом среди родственников довольно распространенным [4, с. 216].

С учетом значимости фигур как Дов Бера, так и Моше – все-таки речь идет о выдающемся цадике и раввине, его брате – тема является крайне «чувствительной» для хасидской общины. Долгое время ни одна из сторон не могла предъявить ничего более убедительного, чем устная традиция и частная переписка, передававшая слухи из вторых рук. Поэтому, когда еще один израильский историк, Давид Асаф, опубликовал (сначала на иврите, потом на английском) исследование, посвященное наиболее спорным личностям и эпизодам истории хасидизма, включавшее в том числе и проблему конверсии Моше Шнеури, со ссылками на архивные документы, обнаруженные Штампфером [15], критики хасидим серьезно оживились. Еще бы – ведь из документов, которыми Асаф по традиции оперировал как финальным аргументом, достаточно недвусмысленно следует, что Моисей Шнеерсон принял католицизм добровольно, при этом еще и спасаясь от преследований своих родственников. В тех же документах есть и неоднократные упоминания многочисленных освидетельствований душевного здоровья раввина Моисея с подтверждением его болезни, и даже указания на то, что он страдал помешательством еще за 18 лет до описываемых событий. Однако эти данные, казалось бы, дающие в руки хасидам по крайней мере довод о том, что крещение было совершено в состоянии умственного помутнения, одновременно позволили их врагам с новым жаром начать рассуждать о психическом состоянии остальных членов семьи Шнеерсон, включая цадиков Цемах Цедека (зятя и наследника Дов Бера), Шалома Дов Бера (наследника Цемах Цедека) и упомянутого Йосефа Ицхака Шнеерсона [14; 16; 17].

Второй комплекс документов касается одного из важнейших преданий хасидим – об аресте и счастливом освобождении цадика Дов Бера в 1826 г. Эта история достаточно известная, она упоминается в основных научных работах по теме. Тем не менее, как и в случае с историей крещения Моше, основными письменными источниками здесь долгое время были лишь воспоминания Йосефа Ицхака Шнеерсона (отделенного от событий сотней с лишним лет) и частная переписка хасидим. Сюжет предания вкратце таков: Дов Бер был арестован по ложному доносу, составленному негодяем-шантажистом на основе подделки документа о разделе денег, собранных белорусски-

ми хасидами для «материальной помощи» Дов Беру, вернувшемуся на родину по их просьбе в 1813 году (семейное имущество было полностью уничтожено французами). Обвинения повторяли некогда предъявленные его отцу Шнеуру Залману: сбор денег для подкупа турецкого султана (100 000 руб.), организации восстания и намерения объявить себя царем Израиля. Арестованный цадик был доставлен из Любавичей в Витебск для очной ставки с обвинителем в присутствии генерал-губернатора, убедительно доказал свою невиновность и был с почетом освобожден, а клеветник с позором изгнан. День освобождения, символически совпавший с днем освобождения Шнеура Залмана, стал отмечаться хасидами как особый праздник. Из архивных документов вырисовывается несколько иная в деталях, но схожая по сути картина: обвинение было в незаконном сборе денег с хасидов и притеснении «старозаконных» евреев, очной ставки у генерал-губернатора не было, а было, напротив, очень сильное желание этой сиятельной особы (князя Н. Н. Хованского) решить дело в пользу обвинения, подтверждаемое неоднократными письмами в Сенат. Однако, как ни удивительно, несмотря на все старания Хованского, любавичский цадик действительно был оправдан[1].

Между двумя комплексами дел существуют неброские, но достаточно основательные перекрестные связи. Например, в предании об аресте Дов Бера фигурирует как один из его заступников знаменитый витебский врач Карл Иванович Гибенталь (Карл-Филипп Врангель фон Гюбенталь). В документах дела о суде над Беркой Шнеером он нигде не упоминается, но зато в первом же документе в деле о крещении Моисея Шнеерсона в числе докторов, по просьбе родных освидетельствовавших раввина, упоминается «инспектор Гибенталь» [7, л. 1об], что может косвенно свидетельствовать о доверительных отношениях семейства Шнеерсон с этим врачом (действительно работавшим в то время инспектором Витебской врачебной управы). С другой стороны, в деле о суде есть несколько документов с крайне загадочными аллюзиями на сложные взаимоотношения братьев, на что обратил внимание и Асаф. Один из этих документов – собственно письмо Дов Бера о разделе собранных для него хасидами денег (35 000 руб.) в переводе на русский. В преамбуле письма Дов Бер ссылается на необходимость загладить некую учиненную им покойному отцу «досаду», а затем сопровождает запись о передаче 3000 руб. младшему брату Моисею и его семье (для сравнения, средний брат Хаим Авраам получил 5000 руб.) формулировкой «учинить настоящий подарок не по обязанности, а по милости, единственно к удовлетворению онаго отца нашего в гробе, из оных 1000 руб. давно уже он получил, а 2000 руб. отосланы ему будут из сей генеральной суммы чрез жены его Шифры непременно» [5, л. 22].

Еще более темные намеки на соперничество кого-то из близких мы встречаем в одном из писем Дов Бера «любезным приятелям», изъятых следователями и в переводе приобщенных к делу. Например: «он имеет о том печаль и досаду, что вместо отца моего не имеет раввина, а когда напьется еще пуншу, то объявляет он понемногу по унижению моему» [5, л. 36об], выражение «брат мой» в сочетании с метафорой (?) Змей по отношению к этому таинственному сопернику в тексте тоже присутствует. Претензия на раввина «вместо отца» могла бы быть отнесена к единственному признаваемому (Асафом) реальным оппоненту Дов Бера в борьбе за лидерство – главному ученику Шнеура Залмана Ахарону ха-Леви из Староселья. Однако, в деле о крещении Моисея мы находим версию этого события в изложении все того же Дов Бера, сводящуюся к тому, что некий подполковник Пузанов пригласил его брата к себе в гости «на чай», но вместо чая угостил крепкими напитками и некошерной пищей, обрил ему бороду и пейсы, и уговорил пойти креститься [7, л. 1]. О весьма почтенном раввине Ахароне из Староселья никаких свидетельств об употреблении спиртного неизвестно.

Однако не только, а может даже и не столько, такие частные детали семейной истории придают особую ценность этим архивным документам. Использование их в качестве решающего аргумента в разрешении спорных вопросов биографии выдающихся личностей из хасидской общины, как это сделал Асаф, нам тоже видится некоторой натяжкой, восходящей к уже довольно устаревшим методам исторического исследования, придающим официальным документам статус едва ли не сакральный. В конечном счете, любой из документов в делах также представляет собой рассказ, а еще чаще – пересказ какой-либо субъективной истории. Причем до однозначной версии событий им в сумме очень далеко: одни из них противоречат друг другу, другие вообще не являются оригиналами. В этой связи интересно отметить, что, например, Асаф почему-то не обратил внимание на то обстоятельство, что документы о крещении Моисея, как следует из итогового рапорта трех каноников из консистории, изучавших этот вопрос, митрополиту Богушу-Сестренцевичу (включая метрическую запись), были оформлены «пост-фактум» (через несколько месяцев!), а самое важное свидетельство добровольного крещения раввина – его письменная просьба – представлено в деле только копией.

[1] См. более подробно [3].

Важность этих документов нам видится в другом. Все эти различные рассказы, уверенные и сбивчивые, подтверждающие и опровергающие друг друга, позволяют нам получить представление о том, как формировался официальный властный дискурс по отношению к евреям, совсем недавно попавшим под российскую имперскую юрисдикцию. Более косвенно по ним можно судить о том, как выстраивались взаимоотношения евреев с новой властью – и это, похоже, не были простые линейные отношения повелевания и подчинения. Во всяком случае, это видно по судебному разбирательству доноса на Дов Бера. С учетом того, что автор доноса, Симха Кисин, был не просто бедным родственником-шантажистом, а представителем самой богатой еврейской семьи Витебска, уважаемым горожанином, даже награжденным медалью за помощь российской армии во время войны 1812 года [12], можно предположить попытку использовать власти для разрешения какой-то внутренней борьбы влиятельных еврейских семей. А если еще принять во внимание неудачные попытки генерал-губернатара князя Н. Н. Хованского призвать Дов Бера к ответу, то становится очевидным, что и центральная исполнительная власть не полностью контролировала ситуацию.

1. Амосова, С. «Еврейские» Любавичи в рассказах местных жителей / С. Амосова // Норма и аномалия в славянской и еврейской культурной традиции / редкол.: О. В. Белова (отв. ред) [и др.]. – М., 2016. – С. 231–242.
2. Асаф, Д. Хасидизм в царской России: исторический и социальный аспекты / Д. Асаф, Г. Сагив // История еврейского народа в России. От разделов Польши до падения Российской империи / под ред. И. Лурье. – Т. 2. – М. : Мосты культуры/Гешарим, 2012. – С. 101–146.
3. Белявский, А. М. Хасиды Беларуси глазами МВД Российской империи в первой трети XIX в.: дело Берки Шнейера / А. М. Белявский, С. А. Захаркевич, Ю. Н. Снапковский // Пичетовские чтения – 2020: Войны в истории человечества. К 75-летию Победы над фашизмом : материалы международной научно-практической конференции, Минск, 21 октября 2020 г. / под общ. ред. А. Г. Кохановского ; под науч. ред. М. Ф. Шумейко, О. А. Яновского. – Минск : БГУ, 2020. – С. 54–62.
4. Вибе, И. Н. Норма и практика в крещении евреев / И. Н. Вибе // Исторические записки. – 2007. – № 10 (128). – С. 202–226.
5. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 1297. Оп. 1. Д. 611.
6. НИАБ. – Ф. 1781. Оп. 3. Д. 51. Л. 75–127об.
7. НИАБ. – Ф. 1781. Оп. 2. Д. 271.
8. НИАБ. – Ф. 1297. Оп. 1. Д. 25207.
9. Кондратьева, М. К. Специфика любавичского хасидизма на северо-западе России / М. К. Кондратьева // Научное мнение. – 2006. – № 6–7. – С. 86–90.
10. Лурье, И. Пастырь и паства: отношения между хасидским двором и общинами любавичских хасидов в 19 столетии / И. Лурье // Вестник Еврейского университета. – 2004. – № 9. – С. 51–68.
11. Лурье, И. Хасидский двор в Любавичах и движение Хабад / И. Лурье // Евреи пограничья: Смоленщина / редкол.: С. Амосова (отв. ред.) [и др.]. – М., 2018. – С. 31–54.
12. Подлипский, А. К вопросу о награждении витебских евреев государственными наградами СССР [Электронный ресурс] / А. К. Подлипский // Авторский сайт Якова Басина. – Режим доступа: http://jewishfreedom.org/page651.html. – Дата доступа: 16.03.2021.
13. Филатова, Е. Н. Конфессиональная политика царского правительства в Беларуси. 1772–1860 гг. / Е. Н. Филатова. – Минск : Беларуская навука, 2006. – 192 с.
14. Alter Rebbe's Son Christian Convert [Electronic resource] // FailedMessiah.com. – Mode of access: https://failedmessiah.typepad.com/failed_messiahcom/2005/07/proof_positive_.html. – Date of access: 10.03.2021.
15. Assaf, D. Untold Tales of the Hasidim. Crisis & Discontent in the History of Hasidim / D. Assaf. – Hanover ; London : University Press of New England, 2010. – 323 p.
16. Hitron, H. It's official: Son of Chabad movement's founder converted to Catholicism [Electronic resource] / H. Hitron // Haaretz.com. – Mode of access: https://web.archive.org/web/20050725000733/http://www.haaretz.com/hasen/ spages/603281.html. – Date of access: 10.03.2021.
17. Nadler, A. New Book Reveals Darker Chapters in Hasidic History [Electronic resource] / A. Nadler // Forward. – Mode of access: https://forward.com/culture/1094/new-book-reveals-darker-chapters-in-hasidic-histor/. – Date of access: 10.03.2021.
18. Schneersohn, Y. Y. The Second Generation: R. Dovber of Lubavitch: Historical Sketches: From the Diary of Rabbi Yosef Yitzchak of Lubavitch / Y. Y. Schneersohn. – New York : Kehot, 2018. – 112 p.

Воднева Е. В.

ТЕНДЕНЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В. НА СТРАНИЦАХ «СЕВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ» (ПО МАТЕРИАЛАМ Ф. В. БУЛГАРИНА)

Фаддей Венедиктович Булгарин (1789–1859) – выходец из семьи белорусского шляхтича – стал известным российским журналистом, писателем, издателем. Его богатое литературное наследие включает романы, военные рассказы, фантастические очерки, публицистические заметки и фельетоны. Именно Ф. В. Булгарин вместе со своим соратником по перу Н. И. Гречем стали у истоков первой в России частной газеты «Северная пчела».

Газета начала издаваться в 1825 г. и стала популярной уже в первый год своего издания, выходя три раза в неделю. С 1831 г. она стала выходить ежедневно, кроме выходных и праздников.

Тираж газеты в разные годы составлял от 1,5 до 9 тыс. экз., что превышало тираж любой другой одновременно выходившей газеты и говорило о небывалом успехе среди читателей [15, с. 111].

Номер «Северной пчелы» состоял из четырех страниц-полос, каждая из которых делилась горизонтальной линией на две части. В верхней части находились три постоянные отдела: «Внутренние известия», «Новости заграничные», «Стихотворения. Нравы. Словесность»; в нижней части – четыре отдела: «Новые книги», «Смесь», «Литературные новости», «Наряды».

Газета освещала разные стороны жизни российского общества – от политических новостей до советов по ведению домашнего хозяйства и рекламы обувных мастерских. Новости (в том числе иностранные), литературный язык и живое содержание газеты выгодно выделяли ее на фоне официальных изданий. «В “Северной пчеле” стали впервые появляться плоды мысли неказенной <…> Это была новость, и она не могла не сделать на публику приятного впечатления» [14, с. 217] – писал в воспоминаниях другой наш земляк, издатель и редактор О. Пржецлавский.

Фаддей Булгарин активно публиковал на страницах газеты собственные фельетоны, статьи на различную тематику, путевые заметки, рецензии на книги, спектакли, концерты, выставки. С 1830-х гг. среди его публикаций в газете экономическая тематика представлена наиболее интенсивно.

Большое количество публикаций были посвящены проблемам равноценного развития сельского хозяйства и промышленности. Булгарин обращал особое внимание на необходимость развития секторов обрабатывающей промышленности, основанных на местном сырье [4, с. 3]. Ориентированность российской экономики на вывоз сырья, по мнению журналиста, ставило ее в зависимость от поставок сырья и товаров из других стран. Переориентация экономики на обработку местного сырья позволило бы создать мощный обрабатывающий сектор, поддержать сельское хозяйство, усилить капиталооборот и создать фундамент для экономической независимости страны [11, с. 3–4].

Важным явлением в российской экономике изучаемого периода стали выставки промышленных изделий, организованные Министерством финансов. Первая общероссийская выставка прошла в Петербурге в 1829 г. [13, с. 252]. После очередной выставки 1833 г. редактор «Северной пчелы» отметил рост общественного внимания к развитию промышленности. Однако Булгарин обратил внимание на то, что на выставке в первую очередь были представлены так называемые «образчики». Последние были специально изготовлены для выставки и не отражали реальный уровень развития производства [9, с. 3–4].

По мнению редактора «Северной пчелы», выставки промышленных изделий должны были выполнять следующие задачи:

1) показать текущий уровень промышленного производство и тенденции развития по отраслям [10, с. 3];

2) продемонстрировать не только товары и образцы сырья, но и предложить новые идеи в виде усовершенствований в области производства и качества товаров [10, с. 4];

3) воспитывать чувство вкуса у потребителя. Выставка «приучает глаз к хорошему, и научает отличать хорошее от дурнаго» – отмечал Булгарин [10, с. 4].

Анализируя содержание выставок, журналист пришел к выводу, что у России есть все возможности (в первую очередь, речь шла о сырьевых ресурсах) добиться экономической независимости [10, с. 4]. «Выставка не есть базар, и не поприще соревнования, но только мерило промышленной силы России» – заключал Булгарин [2, с. 3].

Проблема качества российской продукции также активно обсуждалась на страницах популярной газеты. Сам Фаддей Венедиктович считал, что проблема качества зависела от личных установок производителя, его стремления к обогащению. При организации производства делалась ставка на количество товара в ущерб качеству для получения прибыли за короткое время. Журналист даже выделил товары, которые различались по категориям: столичный, магазинный, гостиннодворский, рыночный, ярмарочный, товар для восточной торговли, для развоза по деревням. Он допускал, что товар разной ценовой категории мог отличаться по внешнему виду, но не по качеству. Он призывал производителей к тому, чтобы «не выделывалось ничего *как-нибудь* и *авось* (выделено Ф. В. Булгариным – *Е. В.)*» [5, с. 4].

Для Фаддея Булгарина качество российской продукции было важным инструментом по налаживанию экономических и хозяйственных связей между центральными губерниями и регионами. В 1828 г. он стал владельцем имения Карлово не далеко от Дерпта (нын. Тарту), поэтому был хорошо знаком с ситуацией в регионе. В частности, он писал о низком качестве российских товаров, представленных на региональной ярмарке в Дерпте. По его мнению, здесь было особенно важно представить качество продукции, чтобы завоевать авторитет среди местных жителей [9, с 3]. Также журналист предупреждал о том, что, если некачественные товары будут поступать на внешние рынки, Россия скоро уступит в конкуренции европейским странам [1, с. 4]. «Соединение

небрежности, торопливости в отделке и подражания на скорую руку» – характеристика российских товаров, которые шли как в регионы, так и на внешние рынки [6, с. 4].

Вопрос развития транспорта также был одним из ключевых в экономике Российской империи. Основными видами транспорта в данный период оставались водный и гужевой. Правительство уделяло большое внимание развитию водных путей, играющих важнейшую роль в доставке грузов и развитии внутреннего рынка. Проводились мероприятия по расширению системы водных каналов, строительству соответствующей инфраструктуры, расчистке рек [13, с. 150–151]. Редактор «Северной пчелы» активно привлекал внимание читателей к мероприятиям, которые проводило правительство в этой области. Он поддерживал увеличение числа судоходного транспорта, при этом подчеркивал необходимость сокращения числа малогабаритного транспорта – «непрочных барок и кулей, или рогож, истребляющих леса» [7, с. 3–4].

Сам Фаддей Булгарин много путешествовал по западным губерниям империи, поэтому был прекрасно знаком с реалиями российских дорог и посвятил им не одну заметку на страницах собственной газеты. Например, в 1834 г. он писал: «между Нарвой и Ригой путешественник должен плыть по грязи весною и осенью, а летом тонуть в сыпучих песках» [7, с. 4]. Не лучшим образом складывалась ситуация с дорогами зимой, когда образовывался санный путь. «Если эти выбои и сугробы сравнить с бурным морем, сравнение будет не новое и слишком слабое. Хуже всего то, что нельзя было ехать на санях, потому что на дороге множество безснежных промежутков» – сообщал журналист о дороге между Петербургом и Нарвой [12, с. 3].

В 1830-х гг. в российском обществе заговорили о строительстве железной дороги и ее потенциале для экономического развития страны. Ф. В. Булгарин отводил вопросу железнодорожного строительства много внимания на страницах «Северной пчелы» – от общих рассуждений о значимости развития данного вида транспорта до конкретных проектов и расчетов для своих читателей. Паровой двигатель журналист назвал самым полезным изобретением человечества, а железную дорогу считал наиболее удобным способом перемещения пассажиров и товаров. «Железные дороги сожмут Россию в одну компактную массу; <…> сольют вместе все ее богатства» – писал Булгарин [2, с. 4].

Строительство железной дороги в России, начатое в 1830–х гг., было горячо поддержано редактором «Северной пчелы». Он опровергал доводы противников железнодорожного транспорта о неподходящем российском климате и возможном разорении извозчиков, перечислял финансовые выгоды для акционеров, торговцев и простых граждан, подчеркивал значение железнодорожного строительства для экономического развития страны в целом и улучшения благосостояния жителей в частности [8, с. 3–4]. Своими активными публикациями Булгарин обращал внимание властей на необходимость для экономики страны полноценной железной дороги. По сути, она должна была стать своеобразной «волшебной палочкой» для экономики России – «в 50 лет двинется вперед на 200 лет» [8, с. 4].

Газета «Северная пчела» в свое время стала главным изданием, которое распространяло передовые экономические идеи среди читателей, призывала к самообразованию, подчеркивала важность профессионального образования для специалистов и повышения их квалификации. Для этого на страницах «Северной пчелы» интенсивно публиковались рецензии на книжные новинки по экономическим проблемам, статьи о технологиях и производстве, изобретениях [2; 9; 10].

Таким образом, публикации Фаддея Булгарина в газете «Северная пчела» отражают его размышления о тенденциях в российской экономике во второй четверти XIX в. Значительную роль в развитии экономики, по его мнению, должно было сыграть равноценное развитие как сельского хозяйства, так и промышленности, особое внимание он уделял обрабатывающему сектору. Ф. В. Булгарин подчеркивал важную роль выставок в развитии промышленности. Проведение выставок способствовало улучшению качества выпускаемых товаров, установлению деловых контактов, росту престижа российского производства. Создание более развитой транспортной сети, особенно сети железных дорог, могло стать основой для более качественного развития промышленности и торговли и, как следствие, – залогом улучшения благосостояния граждан страны. Публикации Фаддея Булгарина по вопросам экономического развития популяризовали среди читателей знания и самосознание, что все зависит от каждого.

1. Булгарин, Ф. В. Дерптская ярмарка (1836 года) / Ф. В. Булгарин // Северная пчела. – 1836. – 2 марта.
2. Булгарин, Ф. В. Мысли на выставке / Ф. В. Булгарин // Северная пчела. – 1839. – 8 июня.
3. Булгарин, Ф. В. Несколько мыслей о деле общем / Ф. В. Булгарин // Северная пчела. – 1833. – 23 нояб.
4. Булгарин, Ф. В. Несколько мыслей о деле общем / Ф. В. Булгарин // Северная пчела. – 1833. – 24 нояб.
5. Булгарин, Ф. В. Нынешний момент / Ф. В. Булгарин // Северная пчела. – 1835. – 21 янв.
6. Булгарин, Ф. В. О переменах в русском тарифе / Ф. В. Булгарин // Северная пчела. – 1837. – 10 февр.
7. Булгарин, Ф. В. Паровые кареты и возы, и чугунные дороги в России / Ф. В. Булгарин // Северная пчела. – 1834. – 14 дек.
8. Булгарин, Ф. В. Патриотический вопрос: могут ли существовать в России чугунные дороги и будут ли они полезны? / Ф. В. Булгарин // Северная пчела. – 1836. – 12 окт.
9. Булгарин, Ф. В. Письма Ливонского пустынника о мануфактурной промышленности, художествах, словесности, статистике, истории и проч. / Ф. В. Булгарин // Северная пчела. – 1834. – 24 авг.

10. Булгарин, Ф. В. С какой точки зрения должно смотреть на выставку изделий мануфактурной и фабричной русской промышленности / Ф. В. Булгарин // Северная пчела. – 1839. – 5 июня.
11. Булгарин, Ф. В. Союз сельского хозяйства с фабричною промышленностью / Ф. В. Булгарин // Северная пчела. – 1834. – 2 нояб.
12. Булгарин, Ф. В. Tutti frutti / Ф. В. Булгарин // Северная пчела. – 1843. – 1 июня.
13. Киняпина, Н. С. Политика русского самодержавия в области промышленности / Н. С. Киняпина. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1968. – 453 с.
14. Пшацлаўскі, В. Фаддей Бенедиктович Булгарин / В. Пшацлаўскі // Калейдаскоп успамінаў : у 2 т. // В. Пшацлаўскі ; уклад., прадм., камент. і імен. паказ. А. Фядуты ; навук. рэд. камент. А. Рэйтблат. – Мінск : Лімарыус, 2012. – Т. 2. – С. 212–229.
15. Рейтблат, А. И. Фаддей Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции: статьи и материалы / А. И. Рейтблат. – М. : НЛО, 2016. – 632 с.

Исаев С. А.

КАК СПЕЦИФИКА ИСТОЧНИКА ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ СПЕЦИФИКОЙ СОБЫТИЯ?: ТЕКСТОЛОГИЯ ДЕБАТОВ ЛИНКОЛЬНА–ДУГЛАСА (1858 Г.)

Дебаты между сенатором от Иллинойса, демократом Стивеном Дугласом и претендентом на его должность республиканцем Авраамом Линкольном в 1858 г. – одна из самых известных публичных политических полемик в истории США. Основным предметом полемики был вопрос о рабстве, а точнее – о праве рабства на существование в пределах федеральных территорий США, то есть за пределами существующих южных штатов. Стивен Дуглас отстаивал доктрину, известную как «суверенитет поселенцев»: смысл её сводился к тому, что сразу после начала заселения новых федеральных территорий поселенцы были вправе решить, допустимо ли существование рабства на соответствующей территории. Линкольн резко критиковал доктрину «суверенитета поселенцев», указывая, что её применение на практике фактически привело к гражданской войне в пределах федеральной территории Канзас. Линкольн заявлял, что Конституция США позволяет Конгрессу запретить рабство на всех федеральных территориях, и предупреждал своих слушателей, что Республиканская партия, получив большинство в палатах Конгресса, проведёт такое решение, а это в дальней перспективе приведёт к мирной и постепенной отмене рабства в США в целом.

На простой вопрос: кто победил в дебатах? – однозначного ответа нет. Сенатором от Иллинойса на очередной срок был избран Стивен Дуглас, Линкольн же так никогда и не стал сенатором. Однако в начале дебатов Линкольн был малоизвестным политиком, тогда как Дуглас уже был знаменит не только в США, но и в Европе; именно в процессе дебатов Линкольн обрёл общеамериканскую известность. В 1860 г. и Линкольн, и Дуглас были кандидатами в президенты США, соответственно, от Республиканской и от северного крыла Демократической партии. За избранием Линкольна последовали драматические события: отделение от США ряда южных штатов и Гражданская война. Дуглас в 1861 г. безоговорочно осудил мятеж южан и поддержал действия Линкольна, направленные на его подавление.

О том, кто в дебатах выглядел убедительнее, выразительно свидетельствует следующее обстоятельство. Республиканцы немедленно по окончании дебатов Линкольна – Дугласа опубликовали их аутентичный текст и в ближайшие годы осуществили ещё несколько переизданий. Демократы иногда оспаривали аутентичность текстов речей Дугласа в передаче республиканских публицистов, но сами так ни разу и не попытались издать «демоверсию» знаменитых дебатов.

Ораторское противоборство 1858 года Авраам Линкольн открыл 16 июня, выступив в Чикаго со знаменитой речью «Дом разделённый». В этой речи Линкольн предсказывал, что США не смогут долго оставаться страной, где сосуществуют зона рабовладения и штаты и территории, где рабство было запрещено. США в ближайшие год-два станут страной либо полностью рабовладельческой, либо полностью свободной от рабовладения; при этом в более дальней перспективе Линкольн считал падение рабства неизбежным. Стивен Дуглас дал ответ на эту речь Линкольна, выступив в Чикаго 9 июля; заметив Линкольна среди публики, Дуглас пригласил его занять удобное и почётное место. На следующий день, 10 июля, Линкольн выступил в Чикаго с возражениями Дугласу; Дуглас слушать эту речь не пришёл. А 17 июля в Спрингфилде сначала выступил Дуглас, несколькими же часами позже Линкольн ответил ему.

Ещё через неделю Линкольн направил Дугласу такое письмо:

«Чикаго, Иллинойс, 24 июля 1858 г. Достопочтенному С. А. Дугласу. Мой дорогой сэр! Не согласитесь ли Вы заключить со мною договорённость, с тем чтобы мы, в ходе нынешней кампании, поделили время, обращаясь к одной и той же аудитории? Мистер Джадд, который вручит Вам это письмо, уполномочен и получить Ваш ответ; а если предложение для Вас приемлемо, то и обсудить условия такой договорённости. Ваш покорный слуга А. Линкольн» [2, p. 522].

Дуглас ответил тотчас. Он откровенно сообщил оппоненту свой напряжённый рабочий график на ближайшие дни. Однако в более поздние сроки Дуглас совместно дискутировать согласился и предложил провести дебаты в центрах семи из девяти округов, на какие была разделена территория Иллинойса для выборов в Конгресс (имея в виду, что в двух центрах – в Чикаго и Спрингфилде – дискуссия фактически уже состоялась) [2, p. 528–529].

Линкольн встретился с Джаддом и получил ответ Дугласа только 29 июля. Он немедленно согласился на предложенные места дискуссий и попросил Дугласа назначить дни и предложить формат.

В письме от 30 июля Дуглас предложил график и следующий формат: основная речь – час, ответная речь – полтора часа, заключительная речь первого оратора – полчаса. Первые дебаты открывал он, вторые – Линкольн, и так далее по очереди. График этот был соблюдён в точности. Поэтому, воспроизводя его, я сразу заодно укажу и тот номер совместных дебатов, что закреплён в историографии за каждой из этих ораторских дуэлей:

Первые дебаты: 21 августа – Оттава (Ottawa)

Вторые дебаты:27 августа – Фрипорт (Freeport)

Третьи дебаты:15 сентября – Джонсборо (Jonesboro)

Четвёртые дебаты:18 сентября – Чарлстон (Charleston)

Пятые дебаты:7 октября – Гейлсберг (Galesburg)

Шестые дебаты:13 октября – Куинси (Quincy)

Седьмые дебаты:15 октября – Олтон (Alton) [2, p. 531–532].

Все эти населённые пункты можно найти и на современных картах Иллинойса, но Джонсборо – только на крупных картах: западнее города Анна.

31 июля Линкольн написал Дугласу:

«Хотя в соответствии с условиями, которые Вы предлагаете, у Вас будет четыре вступительных плюс заключительных слов, а у меня три, я согласен, и будем считать дело решённым» [2, p. 531].

Выбранный и согласованный Линкольном и Дугласом формат совместных дебатов предполагал, что вступительную свою речь участник дебатов вполне мог заранее подготовить и даже при желании полностью написать её текст. Однако ответную речь другой участник должен был импровизировать, равно как и первый участник – речь заключительную. Исключениями из этого правила могут считаться: ответная речь Линкольна в ходе 3-х дебатов, в Джонсборо, в которую была вставлена тщательно и явно загодя выполненная подборка свидетельств об антирабовладельческих настроениях в среде демократов в 1850–1854 гг., и ответная речь Линкольна же в ходе 7-х дебатов, в Олтоне, в которой содержится обширная подборка цитат из речей его собственных и Дугласа, никак не могшая возникнуть спонтанно. Поэтому есть разница между газетными отчётами о речах, произнесённых в ходе дебатов, и авторскими рукописями текстов вступительных речей. **Газетные отчёты** могут рассматриваться как первоисточники применительно ***ко всем вообще речам***, содержащие информацию о том, *как эти речи прозвучали,* ***были восприняты*** *и услышаны.* **Авторские рукописи**, включая исправления печатных текстов от руки, должны и могут рассматриваться как основное свидетельство о том, что́ авторы ***хотели*** *сказать*.

Таким образом, применительно к данному историческому событию историк может применить не один, а два разных критерия аутентичности: 1) намерение автора текста; 2) то, что́ в действительности прозвучало и было услышано. Обычно эти критерии совместимы, но иногда, как в данном случае, между ними существует некоторый зазор.

Важный источник текстов совместных дебатов Линкольна – Дугласа – принадлежавший Линкольну альбом для наклеивания газетных вырезок. Линкольн из нескольких газетных публикаций своих речей обычно выбирал публикацию в республиканской газете Chicago Daily Tribune, снабжал каждую речь кратким предисловием и вносил небольшую правку [2, p. 461]. Этот текст и лежал в основе всех последующих публикаций до 1993 г., включая и собрание сочинений Линкольна, вышедшее в 1953–1955 г. ; оно содержит и тексты речей Стивена Дугласа, произнесённых в ходе совместных дебатов. Почти сто лет альбом этот хранился в Чикаго в частной коллекции Оливера Баррета (Oliver R. Barrett Collection). После смерти владельца в 1952 г. коллекция была распродана. Сменив нескольких обладателей, альбом был приобретён Библиотекой Конгресса и ныне хранится там в рукописном отделе [1].

В 1993 г. историк Гарольд Хольцер осуществил новую публикацию дебатов, которая была – с оттенком сенсационности – преподнесена, в рекламной надписи на обложке, как «первый подлинный, не «подчищенный» текст дебатов» [3]. На самом деле смысловая разница между этим текстом и каноническим общеизвестным совершенно незначительна. Хольцер лишь добавил сведения о разного рода инцидентах, приключившихся во время дебатов и несколько «возмущавших» ход дискуссии.

Примером такого инцидента может послужить то, что произошло в ходе первых дебатов (21 августа) в Оттаве, когда Дуглас произносил заключительную речь. Дуглас вспомнил старую обиду:

как 4 октября 1854 г. говорил в легислатуре Иллинойса, Линкольн дал ему знать, что на следующий день ответит, и Дуглас 5 октября пришёл послушать его ответ, хотя был болен. «Но в тот день именно тот самый конвент, о котором он говорит, должен был собраться в помещении сената, в то время как он выступал в палате представителей. Когда он кончил свою речь, я ясно помню, что м-р [Икабод] Коддинг вошёл в тот самый момент, когда я начал отвечать, сообщил, что республиканский конвент немедленно собирается в помещении сената, и позвал республиканцев идти на этот самый конвент, вместо того чтобы слушать меня…» (*Троекратное «ура» Дугласу*).

Упомянутый Дугласом И. Коддинг (Codding, Ichabod 1810–1866) – известный аболиционист, унитарианский пастор, служивший главным образом в штате Висконсин.

Как видим, речь Дугласа прервали его сторонники. Однако, когда крик утих, нормально продолжить её Дугласу помешал Линкольн. В отчёте газет разных направлений этот неприглядный эпизод выглядит несколько по-разному. Хотя первая и вторая реплики по смыслу совпадают, третья (линкольновская) передана различно. Линкольн: «Судья, прибавьте, что и я ушёл с ними!» – Дуглас: «Джентльмены, м-р Линкольн говорит мне, чтобы я прибавил, будто и он прошёл с ними в комнату сената. Я этого не прибавлю, потому что я не знаю, прошёл он туда или нет». – Далее Линкольн, согласно отчёту Chicago Times, выкрикнул: «А я знаю, что он туда не проходил», тогда как согласно репортажу Press and Tribune – «Зато я знаю!» – После этого, согласно репортажу Chicago Times, «два члена здешнего республиканского комитета схватили Линкольна и внезапным резким толчком заставили его исчезнуть с переднего края сцены. Один из них сказал так, что было явственно слышно: «Из-за чего Вы поднимаете шум!? Дуглас не перебивал Вас, и неужели Вы не видите, что публике не нравится это»».

«Я еще добьюсь, что он признает мою правоту в этом пункте!» (“I will yet bring him to his milk on this point!”) – таким оптимистичным заявлением возобновил Дуглас свою речь после этого инцидента [3, p. 78–80].

Хотя не исключено, что Линкольн изъял этот эпизод из издания 1860 г. из-за того, что он его в какой-то мере компрометировал, гораздо вероятнее, что он хотел просто очистить текст от всего, что́ отвлекало внимание читателя от существа обсуждаемых политических проблем.

1. Illinois political campaign of 1858: Lincoln – Douglas Debates [Electronic resource] / ed.: A. Lincoln. // Library of Congress. – Mode of access: http://www.loc.gov/item/2004573227/. – Date of access 06.04.2021.
2. Lincoln, A. The Collected Works of Abraham Lincoln. – Vol. I–VIII. / ed.: Roy P. Basler. – New Brunswick ; New Jersey : Rutgers University Press, 1953–1955. ; Vol. II [3.IX.1848 – 21.VIII.1858]. / ed.: Roy P. Basler [et al.]. – New Brunswick ; N. J., 1953. – 553 p.
3. The Lincoln – Douglas Debates. The First Complete, Unexpurgated text. / ed.: H. Holzer. – New York : Harper Collins, 1993. – XVIII, 394 p.

Моторова Н. С.

ОСВЕЩЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ 1860-Х ГГ. В ВОСПОМИНАНИЯХ Д. А. МИЛЮТИНА

Д. А. Милютин являлся одной из знаковых фигур, с которой связано воплощение в жизнь «Великих реформ» Александра II. На протяжении 1861–1881 гг. он являлся военным министром Российской империи. Д. А. Милютин взаимодействовал с представителями высшей имперской бюрократии того времени, участвовал в обсуждении важнейших законопроектов пореформенного периода как член Государственного совета. На страницах его воспоминаний нашли отражение отдельные социальные проблемы, актуальные для Российской империи на протяжении 1860-х гг.

В мемуарах Д. А. Милютина особое внимание уделялось такому социальному бедствию, как пожары. Он отмечал, что особый размах оно приобрело в 1864 г. В наибольшей степени пожарами были охвачены поволжские губернии – Саратовская и Самарская. В Минской губернии почти полностью был уничтожен Мозырь. Крупные пожары произошли в Оренбурге и Симбирске. В последнем случае стихийное бедствие спровоцировало волнения среди населения. По словам Д. А. Милютина, «ожесточение пострадавших от пожара искало виновников бедствия» и сопровождалось самосудом [2, с. 480–481].

Военный министр связывал возникновение пожаров с так называемой «польской интригой», обвиняя в поджогах участников восстания 1863–1864 гг. высланных из Царства Польского и Западного края во внутренние губернии Российской империи, преимущественно, в восточные регионы. Также Д. А. Милютин отмечал, что поджоги могли быть связаны и с деятельностью русских революционеров [2, с. 485].

В следующем 1865 г. Российская империя вновь была охвачена пожарами. Это бедствие в равной степени проявлялось как в западных регионах, так и во внутренних губерниях. В своих воспоминаниях Д. А. Милютин вновь связал возникновение пожаров с умышленными поджогами

и предположил, что поджигателями были сосланные поляки [3, с. 97]. Это относилось и к пожарам в Царстве Польском и западных губерниях. По словам Д. А. Милютина, удалось даже задержать несколько поджигателей, среди которых были как участники восстания 1863–1864 гг., так и женщины и дети, бедняки. Некоторые из них признавались, что действовали «по распоряжению таинственной власти» [3, с. 99–100].

Подводя итог событиям 1864–1865 гг., Д. А. Милютин отметил, что нельзя связывать все пожары исключительно с деятельностью сосланных поляков. Часть из них была результатом умышленных пожогов, обусловленных корыстными мотивами. Дома поджигались специально, чтобы получить страховые премии, значительно превышавшие стоимость уничтоженного движимого и недвижимого имущества. Например, такие случаи были подтверждены в Царстве Польском, где действовала организованная группа поджигателей-евреев. Однако в целом Д. А. Милютин склонялся к тому, что большая часть пожаров все же была результатом действий польских революционеров [3, с. 100].

В воспоминаниях Д. А. Милютина уделялось внимание и еще одной важной социальной проблеме, с которой периодически сталкивалась Российская империя, – эпидемии холеры. Соответствующие заметки относятся к 1866 г. При этом он отмечал, что уровень заболеваемости и смертности от этого заболевания был гораздо ниже по сравнению с 1830 и 1848 г., сама болезнь была достаточно изучена, а административные власти были готовы к ее появлению. В Санкт-Петербурге, например, был создан Особый комитет для борьбы с холерой под председательством князя А. А. Суворова [3, с. 256].

Конечно, Д. А. Милютин в своих воспоминаниях преувеличил степень готовности властей к борьбе с холерой. В Российской империи эпидемия продолжалась 9 лет – с 1865 по 1873 гг. За это время заразилось 895 006 человек, из них умерло 331 501 [подсчитано по: 8, с. 2]. На тот момент отсутствовали ясные представления об этиологии холеры и механизмах ее распространения. Естественно, это негативно влияло на эффективность противоэпидемических мероприятий. Возбудитель холеры был открыт лишь в 1883 г. Робертом Кохом. Именно он указал на опасность, которую представлял заболевший холерой для окружающих, и необходимость проведения масштабных санитарных мероприятий, использования кипяченой воды, контроля за качеством пищевых продуктов [7, с. 271].

В 1868 г. Российская империя столкнулась с еще одной крупной социальной проблемой – неурожаем, который привел к голоду в отдельных регионах государства. Естественно, эти события нашли отражение на страницах воспоминаний Д. А. Милютина. В наибольшей степени голод охватил северные и восточные губернии. Для оказания помощи пострадавшим правительство активно использовало потенциал частной благотворительности. Для сбора пожертвований и их распределения между пострадавшими был создан Особый комитет под председательством наследника престола цесаревича Александра Александровича. Соответствующий рескрипт был подписан в январе 1868 г. Деятельность Особой комиссии продолжалась до октября 1868 г. Материалы ее заседаний регулярно публиковались на страницах периодических изданий [4, с. 34].

Описывая эти события, Д. А. Милютин вскользь упоминает о том, что основные обвинения в возникновении этого социального бедствия легли на министра внутренних дел П. А. Валуева, который предпочел в сложившейся ситуации подать в отставку [4, с. 35]. Официальным предлогом стало указание на пошатнувшееся здоровье. Однако в реальности эти события стали отражением острых конфликтов в правительственных кругах, о которых Д. А. Милютин не мог не знать, однако воздержался от подробных комментариев по этому вопросу в своих воспоминаниях. Скорее всего, это было связано с его неприязненным отношением к П. А. Валуеву. Характеризуя этого политического деятеля в своих мемуарах, военный отмечал: «В сущности это был человек с разносторонним образованием и европейскою культурой (чем отличался от большей части наших государственных людей), но с односторонним кругозором. Его воззрения, политические и государственные, всего ближе можно назвать аристократическим доктринерством» [1, с. 92]. Также Д. А. Милютин упрекал П. А. Валуева в космополитизме и симпатиях к немцам и полякам [1, с. 92].

Более подробно данный сюжет был освещен в воспоминаниях современника Д. А. Милютина – министра народного просвещения А. В. Головнина. Он прямо указал на конфликт, который возник между наследником престола и министром внутренних дел и на то, что фактически Особый комитет взял на себя функции ревизии действий МВД по оказанию помощи пострадавшим от неурожая, «громко порицал министра за неприятие своевременных мер к пособию голодающим, за большие упущения по народному продовольствию и за умышленное уменьшение в своих докладах и отчетах существующего бедствия» [5, с. 442]. Со своей стороны А. В. Головнин, признавал, что большая часть этих обвинений была вполне обоснованна. Однако он отмечал негативное влияние конфликта между наследником престола и министром внутренних дел П. А. Валуевым, выражав-

шееся в нарушении субординации во всей системе государственного управления, так как Особая комиссия требовал отчета со стороны органов местного управления и самоуправления, которые напрямую подчинялись МВД. Тем самым наносился вред всей системе государственного управления [5, с. 442].

Что касается П. А. Валуева, то в его дневниковых записях эти события также были освещены. В записи за 20 февраля 1868 г. он отметил, что выступил с докладом об организации продовольственного дела на заседании Комитета министров. При этом никаких критических замечаний со стороны присутствовавших не поступило [6, с. 247–248]. Затем 28 февраля 1868 г. П. А. Валуев указал, что Особая комиссия закупала хлеб для пострадавших, однако даже не сообщала, куда он направляется и как распределяется [6, с. 249]. В более поздних комментариях, сделанных к дневниковым записям уже после отставки, он прямо написал, что его уход был вызван внутренними конфликтами в правительственной среде, а также отсутствием поддержки со стороны императора Александра II. Непосредственным поводом послужили обвинения в ответственности МВД и лично П. А. Валуева в тяжелых последствиях неурожая, однако это не широко не афишировалось [6, с. 435–436].

Таким образом, в воспоминаниях Д. А. Милютина получили освещение такие социальные проблемы, как пожары, неурожай и голод, эпидемия холеры. Автор констатировал их наличие и влияние на внутреннее развитие государства в 1860-х гг. При этом правительственные меры, направленные на устранение негативных последствий указанных социальных проблем, были охарактеризованы в воспоминаниях Д. А. Милютина в общих чертах.

1. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1860–1862 / под ред. Л. Г. Захаровой. – М. : Рос. фонд культуры [и др.], 1999. – 558, [1] с.
2. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1863–1864 / под ред. Л. Г. Захаровой. – М. : РОССПЭН, 2003. – 688 с.
3. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1865–1867 / под ред. Л. Г. Захаровой. – М. : РОССПЭН, 2005. – 694, [1] с.
4. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1868 – начало 1873 / под ред. Л. Г. Захаровой. – М. : РОССПЭН, 2006. – 736 с.
5. Головнин, А. В. Записки для немногих / А. В. Головнин ; отв. сост. и науч. ред. Б. Д. Гальперин. – СПб. : Нестор-История, 2004. – 576 с. – (Библиотека журнала «Нестор» ; т. 10).
6. Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел : в 2 т. / под ред. П. А. Зайончковского. – М. : Изд-во Акад. наук, 1961. – Т. 2 : 1865–1876 гг. – 588 с.
7. Каневский, Л. О. Основные черты развития медицины в России в период капитализма / Л. О. Каневский, Е. И. Лотова, Х. И. Идельчик. – М. : Медгиз, 1956. – 194 с.
8. Оницканский, М. С. О распространении холеры в России / М. С. Оницканский. – СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1911. – 116 с. ; 6 карт.

Алентьева Т. В.

ФОТОГРАФИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В США КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

По мнению зарубежных ученых, в конце прошлого века на смену лингвистическому повороту в истории пришел визуальный поворот, связанный с необходимостью интеграции гуманитарных наук, развитием междисциплинарности в исторических исследованиях, с появлением новых представлений о визуальности, ее значения и роли в современном обществе [4]. Развитие публичной истории, направленной на сближение профессиональной историографии с историей для широкой аудитории, отражает потребность общества в «живой истории», в реконструкции событий, в эмоционально насыщенной картине прошлого. Это постепенно меняет отношение профессиональных историков к комплексу источников визуального характера, ранее использовавшихся, как правило, в качестве иллюстративного вспомогательного материала. Приходит понимание, что они обладают самоценностью, помогают углублению представлений о прошлом, позволяют более зримо представить его облик. Значение визуальных источников возрастает в связи с информационной революцией, с появлением новых технологий, постепенно меняющих лабораторию историка и его информационно-коммуникативную среду. Однако, как отмечает в своей статье Л. Н. Мазур, в исторической науке визуальный поворот совершается медленнее, чем в социологии или культурологии, и имеет свои особенности, поскольку визуальные источники традиционно рассматривались в контексте исключительно историко-культурной проблематики. Это во многом связано с определенной консервативностью историков, с предпочтением использования традиционных комплексов источников. Тем не менее, интерес к визуальным источникам, несомненно, возрастает, все чаще фотографии, кинодокументы, теле-, видеозаписи включаются в исторические исследования, становятся самостоятельным полем исследования.

Наиболее достоверными из визуальных источников, на первый взгляд, представляются фотографии, механически фиксирующие картину прошлого. На самом деле, это представление довольно далеко от реальности. Немецкий философ, теоретик культуры Вальтер Беньямин стал основоположником современной теории фотографии. В своей самой известной работе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» он утверждал, что фотография вытеснила искусство живописи, лишив изображение его особой ауры, что «…природа, обращенная к камере, – это не та природа, что обращена к глазу; различие, прежде всего, в том, что место пространства, освоенного человеческим сознанием, занимает пространство, освоенное бессознательным» [2, с. 71]. Фотокамера превращается в инструмент актора, она создает определенную дистанцию, которая, с одной стороны, приближает индивида к миру вещей, а с другой – отдаляет от нее. Иными словами, фотография это лишь образ, но не сама реальность. Французский философ Жан Бодрийяр констатировал противоречивые отношения фотографического изображения и действительности. Несмотря на то, что фотография использует действительность как прототип, обратный обмен между фотографией и действительностью невозможен. Другой французский мыслитель Ролан Барт, изучая природу фотографии, вводит в своей знаменитой работе «Camera Lucida» понятия Punctum и Stadium. Studium, как считает Барт, это культурная, языковая и политическая интерпретация фотографии, все, что в ней составляет ее смысловое значение, что подлежит дешифровке, посредством чего «осуществляется вещная реконструкция, воспроизводится семантика жеста, позы, детали, отражающей мир повседневной культуры. Все это предвосхищает то, что будет педантично реконструировано историками, философами повседневности» [1, с. 43]. Что касается второго термина, то он гораздо сложнее. Punctum призван отразить то впечатление, эмоциональное воздействие, которое производит фотография на зрителя, чем она бередит, будоражит, «цепляет» сознание. Сам Барт определяет ее влияние как «укол», «рану», «чувствительную точку», «перфорацию». «Вдруг в этой мрачной пустыне какая-то фотография задевает меня: она оживляет меня, я оживляю ее» [1, с. 35–36].

Благодаря работам ряда философов появилось теория фотографии, как аналитическое направление исследований, изучающее фотографии как изобразительную форму с ее особыми художественными концептами. Теория фотографии как система сосредоточена на исследовании нескольких основных направлений. Среди них наиболее заметными являются проблема тиражирования, вопрос соотношения фотографии и языковой структуры, возможность идентификации фотографии как мифологического пространства.

И все же главная сложность изучения фотографии как исторического источника, а не как явления культуры в том, что она убеждает зрителя в своей абсолютной достоверности. Марианна Хирш в работе «Семейные рамки: фотография, повествование и пост-память» пишет: «Чем больше я напоминаю себе о том, что фотографии конструируются в той же мере, как и все иные формы репрезентации, что любая часть образа может быть подвергнута манипуляции и даже полностью сфабрикована, особенно теперь, когда цифровые технологии становятся все более изощренными, тем вернее я возвращаюсь к базовому утверждению Барта (“это было”) и неопровержимой уверенности в правдивости изображения» [5, с. 117].

Задача историка состоит в тщательном анализе фотографий, по возможности, в выяснении авторства, а также места и времени, где и когда они создавались. Существенные различия были между студийной фотографией, сделанной в специально подобранном интерьере и произведенной на реальной местности. Если автор идентифицирован, хотя это не всегда возможно, следующим шагом должен стать сбор и анализ информации о нем, его жизненной позиции и взглядах. Затем следует выяснить обстоятельства создания фото, цель, время, условия, восприятие современниками. Важным этапом деле является реконструкция исторической реальности на основе оценки образа, заложенного в источник. Собственно, необходим «двойной анализ» фотографии (ее контекстной и контентной стороны). Исследователю необходимо выявить цель и смысл снимка, дешифровать его. Как правило, существует две стратегии: сопоставление, т. е. сравнение с другими изображениями; приведение в соответствие с другими источниками, напр., письмами, дневниками, актами и т. д. Наиболее сложной источниковедческой проблемой при работе с фотографиями является выяснение подлинности того, что на ней изображено. Уже в самом начале существовало немало способов манипулирования с фотоизображениями, включая такие приемы, как постановка или инсценировка, фотомонтаж, ретуширование [3, с. 271–273].

Современная фотография прошла в своем становлении ряд этапов: гелиография (1826–1833); дагерротипия (1837–1857); калотипия (1840–1857); моментальная (с 1860-х гг.) и цифровая (с 1980-х гг.) [6, с. 352–356].

Гражданская война в США связана с периодом появления так называемой моментальной фотографией, хотя сам процесс фотографирования и затем изготовления фотокопий со стеклян-

ного негатива был довольно сложным и чрезвычайно затратным делом, требовал немалого профессионального мастерства. Фотокамера была громоздкой и тяжелой, время экспозиции занимало до 30 секунд (в дагеротипии до 15 минут). Разумеется, делать фотографии в специально оборудованных студиях было предпочтительней. Но начавшаяся в апреле 1861 г. гражданская война потребовала от фотографов коренного изменения условий работы. Теперь их студию заменил внушительный, запряженный лошадьми, фургон, в который грузилось оборудование, а также размещалась «темная комната» для работы с негативами. Поскольку техника была несовершенной, фотографы не могли делать снимки движущихся объектов, было сложно запечатлеть батальные сцены, динамику боя, наступлений и отступлений, атак и контратак. На фотографиях Гражданской войны чаще всего можно видеть лица военных: рядовых бойцов и офицеров, снятых в импровизированных фотостудиях, в фургончиках или палатках. Военные фотографии того времени запечатлели картины военных укреплений, лагерей, госпиталей, полей сражений и т. д.

В Национальном архиве США, библиотеке Конгресса [15], в других архивохранилищах сохранились десятки тысяч фотографий, сделанных «полевыми фотографами». Можно считать, что это были практически первые в истории фоторепортажи. Наиболее знаменитыми фотографами в этот период были северяне Мэтью Брэди, Александр Гарднер, Тимоти О'Салливэн, Джордж Барнард; южане Джекоб Кунли, Джордж Кук, Джеймс Эдвардс, Ричард Уирн.

Инициатором и энтузиастом фотографирования в военных условиях стал известный американский фотограф Мэтью Брэди, обучавшийся вначале искусству дагеротипии у С. Морзе, а затем освоивший более передовые технологии своего времени [14; 17]. Еще до гражданской войны он прославился созданием фотопортретов своих знаменитых современников. Его фотопортреты Авраама Линкольна, как считают американские историки, помогли республиканцам выиграть президентские выборы 1860 г. «Моя величайшая цель состояла в том, чтобы продвинуть искусство фотографии и сделать его тем, о чем я думаю, великим и правдивым посланцем истории» [16, p. 38].

Получив от президента Линкольна, при посредничестве А. Пинкертона, разрешение на фотосъемки в расположении военных частей, Брэди создал целую команду фотографов из 20 человек, направленных на разные направления, чтобы охватить более широкую картину событий. Он закупал дорогостоящее оборудование, направлял и руководил своими сотрудниками, сохранял негативы и фотографии, которые затем публиковались с его личной подписью: «с фотографии М. Брэди, Нью-Йорк», хотя на самом деле это были работы его сотрудников. Большинство членов его команды это устраивало, только Александр Гарднер разорвал сотрудничество, занявшись фотолетописью войны самостоятельно. Он создал такие шедевры, как «Последний сон стрелка» и «Последний приют мятежника-снайпера» после сражения при Геттисберге [10, pl. 37–38, 40–41]. Однако, эти фотографии не являются аутентичными, поскольку фотограф менял позы погибших и место их расположения, желая создать более впечатляющий образ [9, p. 222–229].

Брэди затратил огромную по тем временем сумму в 100 тысяч долларов (эквивалентно 1 670 000 долларов в 2019 г.), рассчитывая, что после войны правительство купит его фотоархив. Но этой надежде не суждено было сбыться, скончается «отец американской фотожурналистики» в нищете в 1896 году.

В начале войны Брэди выехал в расположение военных частей и сделал множество снимков во время сражений при Булл-Ране, Петерсбурге, Фредериксбурге, где рисковал своей жизнью. Известно, что зрение его ухудшалось, и это обстоятельство заставляло его оставаться в Вашингтоне, и оттуда руководить работой своих сотрудников.

Команда Брэди снимала главных героев войны – главнокомандующих, генералов, офицеров и рядовых. Они также фотографировали поля сражений с убитыми и ранеными. Однако, главным образом, фотографы снимали повседневность военного быта: жизнь в лагере, кухни, госпитали, склады, кузницы и причалы. Они фиксировали инженерные сооружения, мосты, железные дороги, понтоны, телеграфные линии, фотографировали укрепления, блокгаузы, брустверы. Их фотоснимки запечатлели военную технику того времени: различные виды артиллерии, типы морских судов, аэростаты. Они снимали развалины побежденного Юга: разрушенный форт Самтер, руины Атланты, Чарльстона, Ричмонда. На их фотографиях были запечатлены афроамериканцы, бежавшие на Север и считавшиеся контрабандой, и те, кто из них отважно сражался в армии Союза. Пожалуй, самым пронзительным и бередящим душу снимком с полей сражений, стала фотография Т. О'Салливэна «Урожай смерти» [8]. Впервые на фотографии предстал ужасный облик гражданской войны, весь ее трагизм.

В 1862 г. Брэди организовал в Вашингтоне выставку фотографий с поля сражения при Энтитьеме, наиболее кровавого в истории американской Гражданской войны, когда за один день погибло 17 тысяч человек. Иллюстрированный еженедельник «Harper's Weekly», имевший солидный тираж в 200 тыс. экз., опубликовал 8 гравюр с фотографий этой выставки. Эти изображения сразу стали широко известными. Корреспондент «New York Times», посетивший выставку, писал: «Мистер Брэди близко

познакомил нас с ужасающей реальностью и серьезностью войны. Нет, он не принес тела и не положил их к нашему порогу или вдоль улицы, но сделал нечто подобное. На двери его галереи висит небольшая афиша «Мертвые Энтьетама». Толпы людей постоянно приходят в галерею. Может показаться, что столь ужасные образы оттолкнут публику. Но напротив, они обладают зловещей притягательностью. Вы можете видеть группы посетителей, в благоговейной тишине склоняющихся к этим роковым свидетельствам человеческой жестокости, чтобы поближе рассмотреть бледные лица мертвых. Они заворожены гипнотическими взглядами мертвецов» [13; 7].

Фотографии показали гражданскому населению реальное лицо войны, грязь, кровь, страдания. И все же достоверность снимков иногда была сомнительной, поскольку уже в то время существовала техника фотомонтажа. Здесь стоит упомянуть знаменитую конную фотографию генерала Гранта, созданную из трех различных фотографий. Голова взята с его портрета 1864 г., где Грант запечатлен, стоящим рядом с деревом в Колд-Харборе (Вирджиния). Лошадь и тело всадника были позаимствованы с фотографии генерал-майора Александра Мак Кука, сделанной в июле 1864 г. А обстановку палаточного лагеря (частично) можно найти на фотографии 1864 года, на сняты пленные конфедерации, захваченные в битве при Фишерс-Хилл (Вирджиния), и помещенные под охрану янки. В настоящее время фотография хранится в коллекции библиотеки Конгресса [11].

Также в этом плане любопытна фотография группы генералов-северян, сделанная в Вашингтоне в 1865 г. Поскольку во время съемки отсутствовал довольно известный генерал Ф. Блэр, его сфотографировали позже и затем изображение добавили в общий снимок [12].

Фотографии Гражданской войны в США представляют собой ценнейший источник, позволяющий зримо представить реалии этого военного конфликта, по существу, в полном объеме создать ее фотолетопись.

1. Барт, Р. Camera lucida / Р. Барт. – М. : Ad Marginem, 1997. – 223 с.
2. Беньямин, В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости / В. Беньямин. – М. : Искусство, 1996. – 239 с.
3. Григорьева, И. В. Источниковедение новой и новейшей истории стран Европы и Америки : учебное пособие / И. В. Григорьева. – М. : ИНФРА-М, 2012. – 287 с.
4. Мазур, Л. Н. «Визуальный поворот» в исторической науке на рубеже XX–XXI вв. : в поисках новых методов исследования / Л. Н. Мазур // Диалог со временем. –2014. – Вып. 46. – С. 95–108.
5. Нуркова, В. В. Психология фотографии. Культурно-исторический анализ / В. В. Нуркова. – М. : Юрайт, 2019. – 473 с.
6. Сиренов, А. В. Источниковедение : учебное пособие / А. В. Сиренов, Е. Д. Твердюкова, А. И. Филюшкин. – М. : Юрайт, 2015 – 396 с.
7. Толкачева, И. Фоторепортаж XIX века: две войны [Electronic resource] / И. Толкачева. – Режим доступа: https://www.photographer.ru/cult/history/750.htm. – Дата доступа: 1.03.2021.
8. A harvest of death, Gettysburg, Pennsylvania / negative by T. H. O'Sullivan ; positive by A Gardner [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.loc.gov/resource/cph.3c37392. – Date of access: 20.02.2021.
9. Frassanito, W. Gettysburg: A Journey in Time / W. Frassanito. – N. Y. : Charles Scribner's Sons, 1975. – 250 p.
10. Gardner, A. Gardner's Photographic Sketch Book of the War : in 2 vol. / A. Gardner. – Washington : Philp & Solomons, 1865–1866.
11. General Grant at City Point [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.loc.gov/pictures/item/2007681056. – Date of access: 21.02.2021.
12. General-Sherman-is-seen-posing-with-his-Generals. -General-Francis-P. -Blair-far-right-was-added-to-the-original-photograph-c. 1865 [Электронный ресурс]. – Mode of access: http://www.nuncalosabre.com/fotomanipulacion-1865–1976. – Date of access: 25.02.2021.
13. New York Times. – 20 Oct. – 1862.
14. Panzer, M. Mathew Brady and the Image of History / M. Panzer. – Washington : Smithsonian Books, 1997. – 232 p.
15. Prints & Photographs Online Catalog [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.loc.gov/pictures/ collection/civwar. – Date of access: 18.02.2021.
16. Sullivan, G. In the Wake of Battle: The Civil War Images of Mathew Brady / G. Sullivan. – N. Y. : Prestel Pub, 2004. – 448 p.
17. Wilson, R. Mathew Brady: Portraits of a Nation / R. Wilson. – L. : Bloomsbury, 2013. – 288 p.

Рыжко Т. И.

МАТЕРИАЛЫ НИАБ КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О ПРИХОДСКОМ ПРАВОСЛАВНОМ ДУХОВЕНСТВЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Изучение жизни приходского православного духовенства второй половины XIX века требует обращения к разнообразным источникам информации: исследованиям, периодической печати, мемуарной литературе и т. д. Важнейшими среди них являются исторические источники. Архивные документы содержат богатый материал, освещающий разные стороны жизни приходского духовенства на белорусских землях. Для исследования был выбран 136 фонд Национального исторического архива Беларуси, содержащий документы по деятельности Минской духовной право-

славной консистории Синода, как наиболее информативный в этом вопросе[1] [35, с. 86]. Духовные консистории являлись органом епархиального управления в Русской православной церкви синодального периода (1700–1917) и находились под началом епархиального архиерея. Занимались вопросами охранения веры и распространения православия, контролировали деятельность духовенства, состояние приходов, строительство, хозяйство и финансы церквей и монастырей. Осуществляли епархиальный суд как над духовенством, так и над светскими лицами [34, с. 392–394].

Полученный в ходе исследования документальный материал можно разделить на несколько тематических групп. Отдельно обращают на себя внимание довольно многочисленные дела о дьячках. Из рассмотренных 165 дел 45 содержат разбирательства жалоб в их отношении. Дьячками или причетниками (от слова *причт*) в XIX веке называли церковнослужителей, не имеющих степени священства, не являющихся священнослужителями, но помогающих в совершении богослужения в качестве псаломщиков и пономарей, которые иногда занимались обучением детей грамоте и молитвам. В синодальную эпоху дьячки причислялись к духовенству [34, с. 374]. Фактически все рассмотренные документы характеризуют приходских дьячков с отрицательной стороны. Так из общего количества рассмотренных дел 19 (более 40%) свидетельствуют о пьянстве и нерадении по службе. «Дело об исключении дьячка Копаткевичской Покровской церкви Минского у. Ф. Конопасевича из духовного звания за пьянство и нерадение по службе» [2]. Еще 7 дел (около 15%) рассматривает нанесение побоев дьячками. Например: «Дело по жалобе священника Очижской Ризоположенской церкви Игуменского у. И. Малевича на нанесение ему побоев дьячком этой церкви С. Свирским» [3]. Следующим по количеству найденных дел является упоминание об аморальном образ жизни: 3 дела. Например: «Дело об исключении из духовного звания дьячка Вызненской церкви Слуцкого у. В. Крониковского и дочери священника О. Еремич за ведение аморального образа жизни» [4]. Дел, рассматривающих нанесение оскорблений со стороны дьячков, найдено 3. Например: "Дело по жалобе священника Янушковичской Рождество-Богородицкой церква Борисовского у. И. Прокоповича на нанесение ему оскорблений дьячком этой церкви К. Радзивиновичем" [5]. Три дела, свидетельствующие о напряженных отношениях с крестьянами. Например: «Дело по жалобам крестьян д. Белое Пинского у. на захват дьячком Бельской Михайловской церкви В. Тарановичем их участков земли, принуждение работать на себя за обучение их детей, вымогательство денег и др. » [6]. Все остальные упоминания, характеризующие личные и служебные качества дьячков, имеют единичный характер. Например, дела об отказе от обучения детей по разным причинам: «Дело по обвинению дьячка Лунинецкой церкви Пинского у. Т. Сулковского в уклонении от обучения детей прихожан повседневным молитвам, вымогательстве» [7]. Или дело об отказе дьячка обучать крестьянских детей грамоте в связи с малограмотностью [8].

Следующая группа – это дела о приходских священнослужителях: священниках и дьяконах. В отличии от дьячка дьяконы являются священнослужителями, они участвуют в совершении богослужения, но таинства не совершают. Большинство дел о священнослужителях так же характеризует их личные качества не с лучшей стороны. Из рассмотренных 120 дел 15 дел (около 14%) свидетельствуют о нерадении священнослужителей по службе. Например: «Дело по жалобе помещика И. Солтана на нерадение по службе священника Горковской Никольской церкви Бобруйского у. К. Василевского, жестокое обращение с крестьянами, вымогательство денег» [9]. Следующими по количеству (11 дел около 10 %) идут дела о нанесении побоев: «Дело по жалобе жены рекрута Е. Бояриновой на нанесение ей побоев священником Язвинской Преображенской церкви Пинского у. Б. Дешковским» [10]. Эти две характеристики: нерадение по службе и нанесение побоев, – наиболее часто встречаются среди дел, характеризующих как дьячков, так и священников и дьяконов.

Далее можно выделить дела о пьянстве (12 дел 10%) и аморальном образе жизни и «неподобающих поступках» (10 дел около 9%). Например: «Дело о пьянстве священника Гливинской церкви Борисовского у. И. Любинского» [11] и «Дело о ведении аморального образа жизни священником Белоручской церкви Минского у. А. Сомковичем» [12]. Два дела об обременении крестьян работами [13, 14] и дело по жалобе «прихожан Пышачской церкви Борисовского у. на захват крестьянского сенокоса, неуплату крестьянам за службу, нанесение им побоев и отказ от исполнения треб священником С. Крониковским» [15]. Стоит отметить, что иногда причиной отказа выполнения треб было неготовность со стороны крестьян. Об этом свидетельствует дело о неисполнении треб из-за пьянства крестьян [16].

Далее следуют дела, рассматривающие денежные вопросы. Дело о вымогательстве денег: «Дело по жалобе крестьян Несвижской Преображенской церкви Слуцкого у. на вымогательство денег священником И. Москалевичем» [17]. Дело о присвоении церковных денег: «Дело по обвине-

[1] 136 фонд НИАБ, содержащий документы по деятельности Минской духовной консистории, включает в себя 45539 дел и охватывает период с 1724 по 1920 гг. Для раскрытия указанной темы исследования информативными являются тома 9–13 описи 1 фонда 136. В данной работе рассмотрены дела из тома 9 описи 1фонда 136.

нию священника Несвижской Преображенской соборной церкви Слуцкого у. И. Москалевича в злоупотреблении по службе и присвоении церковных денег» [18]. Ряд дел (13 около 11% от общего количества) рассматривающих денежные претензии со стороны мирян к священникам и дьяконам и между священнослужителями [Например:19, 20, 21, 22, 23, 24].

Материальное положение сельского духовенства было тяжелым. Городские приходы традиционно жили более обеспеченно. С 1861 года материальное обеспечение священства ухудшилось. В связи с проводимыми реформами Святейший Синод передал все денежные накопления в Государственное казначейство и лишился средств на обеспечение пенсий и пособий духовенсвту. Кроме того, приходы наделялись пахотной и усадебной землею. Однако эти наделы могли быть разными даже внутри одной губернии. Доходов от земли на содержание духовенства, как правило, не хватало, это признавалось и самим правительством. В своих доходах священство зависело от прихожан, которые не всегда могли и не всегда хотели обеспечивать священство. Это приводило к озлобленности священников на прихожан [см. 1]. Далее можно выделить ряд дел, прямо или косвенно свидетельствующих о материальных трудностях, испытываемых священнослужителями. Например: «Дело по рапорту Велемичского благочинного Мозырского у. С. Корженевского об отказе прихожан некоторых церквей благочиния удовлетворять священнослужителей и церковнослужителей положенным по проекту содержанием и нежелании их платить за исполнение треб» [25]. Или дело «по обвинению священника Тумиловичской церкви Борисовского у. А. Высоцкого в порубке леса помещицы К. Пржесмицкой» [26]. Вероятно, в эту группу можно отнести 6 дел по обвинению священнослужителей в увеличении платы за требы: «Дело по обвинению священника Беседской церкви Речицкого у. В. Шахновича в увеличении платы за исполнение треб» [27] или «Дело по обвинению священника Белосельской Михайловской церкви Пинского уезда П. Шелютина в увеличении платы за исполнение треб» [28].

Кроме документов, характеризующих моральные качества священнослужителей, изредка встречаются дела, свидетельствующие об их общественной активности. Среди рассмотренных дел к таким можно отнести всего 5: «Дело по обвинению протоиерея Новогрудского собора И. Есьмановича в высказывании критических замечаний в адрес Минского приказа общественного призрения» [29] или «Дело по обвинению священника Рудзицкой церкви Минского у. М. Волочковича в подстрекательстве крестьян им. Микулич к неповиновению администрации имения» [30]. Интересно появление дел в связи с событиями восстания 1863 года. Например: «Дело по обвинению протоиерея Гребенской церкви Игуменского уезда Н. Лойко в чтении прихожанам манифеста участников восстания 1863 г., оказание им помощи продуктами и т. д. » [31]. Такого рода дела требуют отдельного рассмотрения и оценки.

Некоторое количество дел (11) среди рассмотренного материала содержит документы о наградах и благодарностях священно и церковнослужителям. Например: «Отношение архиепископа Михаила от 9 февраля 1860 г. об объявлении благодарности дьякону Завшичской церкви Слуцкого у. за обучение детей грамоте» [32]. Сведения о награждениях и поощрениях священнослужителей в бóльшем объеме представлены на страницах других исторических документов. Например, в епархиальных ведомостях, активно издававшихся на территории белорусских губерний с 60-х гг. XIX в.

В результате проведенного небольшого исследования в самых общих чертах сложился коллективный портрет приходского православного духовенства на белорусских землях во второй половине XIX века. И портрет этот не слишком привлекателен и несколько односторонен: приходские священно и церковнослужители небрежно относились к своим священническим обязанностям, позволяли себе рукоприкладство, вымогали деньги за исполнение треб, злоупотребляли спиртным, потребительски относились к приходским крестьянам, были плохо материально обеспечены. Возможно причиной такого большого количества дел, отрицательно характеризующих приходское духовенство, явилось то, что Минская духовная консистория занималась решением спорных, проблемных, острых ситуаций, возникающих в среде духовного сословия, а не отсутствие достойных священно и церковнослужителей. Кроме того, фигурантам нескольких дел иногда становился один и тот же человек [17; 18]. Для составления более точного портрета приходского православного духовенства сведения, полученные из архивных документов, необходимо дополнить сведениями из других исторических источников. Например, из епархиальных ведомостей, из биографий и воспоминаний священнослужителей XIX века или их мирских современников. Каждый из этих источников поодиночке не может объективно и в полноте отразить историческую реальность. В своем диссертационном исследовании при помощи просопографического метода исследования мы планируем выяснить, насколько широко были распространены указанные черты и качества приходского православного священства на белорусских землях во второй половине XIX века.

1. Белякова, Н. А. Материальное положение приходского духовенства во второй половине XIX века / Н. А. Белякова // Приход. Православный экономический вестник. М. : Синергия-пресс. – 2004. – № 2. – С. 44–47.
2. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 28757. Л. 6.

3. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 28761. Л. 6.
4. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 28769. Л. 7.
5. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 29250. Л. 43.
6. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 29374. Л. 53.
7. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 29185. Л. 39.
8. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 29117. Л. 34.
9. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 29340. Л. 50.
10. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 28779. Л. 8.
11. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 29239. Л. 43.
12. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 29311а. Л. 48.
13. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 28768. Л. 7.
14. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 28791. Л. 9.
15. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 28790. Л. 9.
16. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 28907. Л. 18.
17. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 29223. Л. 41.
18. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 29420. Л. 56.
19. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 28950. Л. 21.
20. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 28988. Л. 24.
21. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 28989. Л. 24.
22. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 29116. Л. 34.
23. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 29226. Л. 42.
24. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 29484. Л. 61.
25. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 29019. Л. 27.
26. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 29011. Л. 26.
27. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 28782. Л. 8.
28. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 29335. Л. 50.
29. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 29353. Л. 51.
30. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 29437. Л. 58.
31. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 30762. Л. 178.
32. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 28770. Л. 7.
33. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 9. Т. 1. Д. 28992. Л. 25.
34. Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. – М. : Церковно-научный центр Русской Православной Церкви «Православная энциклопедия», 2007. – Т. XVI. – 752 с.
35. Фонды Национального исторического архива Беларуси : справочник / сост.: Г. Е. Акулович [и др.] – Минск : БелНИИДАД, 2006. – 86 с.

Семенчук К. А.

МЕМУАРЫ КАК ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ МИССИОНЕРСКОГО ИСТОРИОПИСАНИЯ)

Исследование мемуарной литературы в значительной степени актуализирует проблему опыта субъекта исторического познания («опыта истории» и «опыта историка»). Хотя данная проблема поднималась еще в ходе дискуссий начала 1990-х гг., спровоцированных «лингвистическим поворотом в истории», и уже в середине 2000-х гг. некоторые исследователи могли констатировать, что феномен опыта истории: «достаточно исследован как на субстратном, так и на концептуальном уровнях в разных философско-исторических традициях» однако «весь спектр его значений не выявлен до конца» [3, с. 116], в целом таковой ситуация продолжает оставаться и на сегодняшний день. Для данного исследования важен вопрос о том, в какой степени мемуары отражают непосредственный опыт прошлого, возможно ли получить адекватные суждения о нем на их основании? Будет ли это исследованием чего-то иного, нежели «исторической памяти» сообщества или характера бытования исторических нарративов? Данные вопросы мы рассмотрим на примере миссионерского исторического нарратива, сформированного в рамках дальневосточной епархиальной печати рубежа XIX–XX вв. и являвшегося важной частью региональной и корпоративной идентичности дальневосточного духовенства.

Исследование основывается на воспоминаниях, исторических статьях и заметках, опубликованных на страницах Камчатских и Благовещенских епархиальных ведомостей в 1894–1901 гг. Эти разрозненные публикации охватывают период с XVII в., тем не менее, могут быть рассмотрены как единое повествование, поскольку несмотря на принадлежность авторов к разным возрастным поколениям, несходство их профессиональных и жизненных опытов, отличия в уровне образованности – все они являлись проводниками власти России на азиатской окраине и действовали в рамках единого культурного поля, которое в значительной степени и предопределило единообразие их взглядов.

Формирование местного «ведомственного» исторического нарратива началось на этапе перехода от культурного закрепления региона к его имперскому поглощению. В таких обстоятельствах осмысление событий недавнего прошлого значительно актуализировалось. Свой вариант

репрезентации данных процессов предложили корреспонденты Камчатских епархиальных ведомостей (издавались с 1894 г.).

Уже в первом номере газеты были изданы воспоминания священника Свято-Никольской церкви в Благовещенске Александра Поликарповича Сизого, активного участника освоения Приамурья в середине XIX в. [5, с. 285–287]. Именно эта публикация, став своего рода интертекстом, определила стиль и содержание сочинений других авторов, в которых сам Сизой становился действующим лицом исторических нарративов и наделялся исключительно положительными характеристиками [1, с. 488].

В этом ряду выделяется цикл публикаций Александра Васильевича Кириллова, вышедших в период с 1894 по 1897 гг. и посвященных различным сюжетам из исторического прошлого епархии. Стоит отметить, что этот автор был образован гораздо лучше, чем все остальные: он закончил Московскую духовную академию и имел степень кандидата богословия [4, с. 180–181]. Кроме того, к моменту прибытия в Благовещенск, Кириллов был уже состоявшимся исследователем-краеведом [8, с. 6–8]. Во время своего пребывания в Приамурье А. В. Кириллов активно совмещал научную и преподавательскую деятельность с участием в общественной и политической жизни региона: занимал ряд административных должностей, в том числе и пост градоначальника Благовещенска (с 1898 по 1905 г.) [8, с. 4]. В его исторических работах, кроме воспоминаний А. П. Сизого, присутствуют ссылки на материалы Благовещенской духовной консистории, эпистолярное наследие архиепископа Иннокентия (Вениаминова) и иные источники [2, с. 23–36].

Отметился своими историко-краеведческими работами и священник-миссионер Афанасий Александрович Протодиаконов, сочетавший публицистическую деятельность с административной работой (с 1893 по 1899 гг. являлся начальником Камчатской духовной миссии). Его отцом был А. М. Протодиаконов – сподвижник архиепископа Иннокентия (Вениаминова) [7, с. 67], потому мы можем предположить, что свои знания о прошлом региона он мог черпать и из воспоминаний своего родителя.

Помимо трудов упомянутых авторов, регулярно выходили в свет путевые записки священника Симеона Тихвинского – заметного деятеля в сфере устроения церковных образовательных институтов на Амуре [6, с. 6–7]. В этих записках он ситуативно касается некоторых исторических сюжетов, иногда ссылаясь на свидетельства старожилов из числа переселенцев и маньчжур [9, с. 440].

Несмотря на то, что общий нарратив выстраивался постепенно, работы всех перечисленных авторов имеют концептуальное сходство, наличие которого позволяет предположить, что рассматриваемые нами тексты объединены общей исторической памятью, которая кристаллизуется в нескольких важных для русского населения региона сюжетах. В интересах исследования каждый из них был озаглавлен нами цитатой из источника, наиболее емко отражающей пафос его содержания и идеологическую нагрузку.

1. «Достославные годы на Амуре» (1651–1689 гг.). Этот сюжет повествует о первом проникновении русских на Амур, осаде и разрушении крепости Албазин и подписании Нерчинского договора. В нем обосновывается историческая справедливость и предопределенность присоединения Приамурья к России в середине XIX в., а также формируется образ утраченной русской христианской православной территории, которая была силой отобрана Китайской империей.

2. «Возвращение Приамурского края в достояние России» (приблизительно 1855–1868 гг.). Этот сюжет логически продолжает первый. В совокупности в них конструируется объяснительная система, в рамках которой российское государство и русская православная церковь реализуют свое историческое право на возвращение утраченных христианских территорий. Данный процесс в историческом повествовании на страницах епархиальных ведомостей предстает как реализация некоего божественного замысла и является неотвратимым.

Обе части практически во всех анализируемых публикациях присутствуют совместно, что дает основание говорить об их смысловом и даже функциональном единстве. Наличие же концептуального и структурного сходства позволяет нам в каждом из проанализированных текстов выделить несколько характерных элементов-индикаторов:

a) построение описания природного и культурного ландшафта на противопоставлении дикости и цивилизации, природы и культуры;

b) использование приема антитезы не только при описании исторических деятелей как героев или антигероев, но и абстрактных действующих субъектов («наши православные соотечественники» и противостоящие им «китайцы», «голод», «холод», «болезни» и т. д.);

c) описание травмирующего опыта или жертвы, которая иногда наделяется сакральным значением и появляется в тексте для акцентирования стремления положительных героев к самопожертвованию (жертвенности);

d) имплицитное присутствие трансцендентной силы, определяющей исторический процесс («Промысел Божий»), что является знаковой чертой всей краеведческой публицистики религиозного характера.

Вышеперечисленные элементы-индикаторы мы можем встретить как в воспоминаниях А. П. Сизого, непосредственного участника происходивших событий, так и в исторических статьях и заметках авторов, знавших о происходившем лишь опосредованно и из весьма различных источников.

Это позволяет утверждать, что историческая память, будучи преобразована в нарратив, обретает свою собственную форму и логику исходя из интеллектуальной среды авторов и социально-политического контекста эпохи, органично встраиваясь в исторический дискурс локального сообщества и становясь одним из инструментов формирования региональной идентичности. Воспоминания местных деятелей здесь служат фундаментом, на котором выстраивается официальная модель прошлого региона, а поэтому в первую очередь становится важным не содержание, а авторитет автора-мемуариста, используемый последующими поколениями историков-краеведов для поддержания этой модели.

1. Кириллов, А. В. Материалы для истории христианской миссии на Амуре, со времени присоединения его к России до 1865 года / А. В. Кириллов // Камчатские епархиальные ведомости. – 1896. – № 24. – С. 481–495.
2. Кириллов, А. Материалы для истории Камчатской епархии / А. Кириллов // Камчатские епархиальные ведомости. – 1894. – № 2. – С. 23–36.
3. Кукарцева, М. А. Эпистемологические проблемы лингвистического поворота в историографии / М. А. Кукарцева // Эпистемология & Философия науки. – 2006. – Т. 7. – № 1. – С. 116.
4. Николаев, С. И. Кириллов Александр Васильевич / С. И. Николаев // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков. – Благовещенск. – 2013. – С. 180–181.
5. [П. В.] Кафедральный Протоиерей А. П. Сизой // Камчатские епархиальные ведомости. – 1897. – № 14. – С. 285–289.
6. Прогулка третья, Албазинская и Тихвинская // Благовещенские епархиальные ведомости. – 2013. – № 7. – С. 6–7.
7. Рубан, Н. А. Потомственный миссионер Афанасий Протодиаконов / Н. А. Рубан // Культура и наука Дальнего Востока. – 2018. – № 2. – С. 67.
8. «Не требуя награды за подвиг благородный…»: беседа к 165-летию со дня рождения А. В. Кириллова / Центральная городская библиотека им. Н. К. Крупской ; сост. Л. Л. Сандырева. – Свободный. – 2016. – 11 с.
9. Тихвинский, С. Путевые заметки и впечатления сопровождавшего Его Преосвященство Преосвященнейшего Макария в поездку по за-Зейскому краю / С. Тихвинский // Камчатские епархиальные ведомости. – 1894. – № 20. – С. 438–443.

Назарова И. М.

ОТЧЕТЫ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ СТАВРОПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА КАК ИСТОЧНИК ПО ЭТНОГРАФИИ ПИТАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ XIX – НАЧАЛА XX В.

Ставропольский государственный музей-заповедник (СГМЗ) – старейшее музейное учреждение края; основа его коллекций была заложена ещё в 1905 г. [4]. Фонды музея регулярно пополняются за счет поступлений разного рода, в частности, в ходе историко-этнографических экспедиций. Кроме многочисленных вещественных памятников, в фондах музея хранятся Отчеты экспедиций, которые поистине являются кладезем информации о различных сторонах жизни населения края.

Население Ставрополья, в основном, сложилось в XVIII-XIX вв. в ходе хозяйственного освоения земель крестьянами-переселенцами из различных губерний Российской империи. Первыми приехали крестьяне из Курской и Орловской губерний, за ними последовали выходцы из Воронежской, Харьковской, Тамбовской, Полтавской и Черниговской губерний. Несколько позже стали осваивать земли переселенцы из Рязанской, Тульской, Калужской, Казанской, Саратовской, Владимирской, Вологодской и Могилевской губерний [1, с. 88; 3, с. 12]. Соответственно, все аспекты материальной и духовной культуры Ставрополья сложились на базе смешения славянской традиции (русской, украинской и белорусской).

В рамках данной статьи мы постараемся реконструировать традиционную систему питания славян-переселенцев, опираясь на данные Отчётов историко-этнографических экспедиций музея-заповедника.

Основным занятием ставропольских крестьян было земледелие и скотоводство. Подсобную роль в хозяйстве играли: огородничество, садоводство и пчеловодство. Соответственно, система питания складывалась на основе имеющихся продуктов.

Во многих славянских языках слова «голова» и «главный» имеют один корень. Именно поэтому пословицу «Хлеб – всему голова» можно трактовать, как «хлеб – главный продукт питания». Основным продуктом в ежедневном рационе ставропольских крестьян был пшеничных хлеб, который выпекали из кислого теста [3, с. 100]. Причем, по данным из станиц Темнолесской, Старопавловской и Боргустанской, в большинстве случаев, закваску для теста хозяйки делали из хмеля. В станице Старопавловской, основанной в 1777 г., сохранили старинный рецепт выпечки хлеба

на хмелю, такой хлеб и сейчас готовят в местной мини-пекарне и реализуют населению станицы и города Новопавловска [2, с. 1; 5, с. 58; 7, с. 120].

В будни в небогатых семьях ели тюрю (хлеб, накрошенный в молоко). В семьях среднего достатка ели суп с клецками. В районах, где преимущественно расселились украинцы часто готовили затируху – бульон или молоко, заправленное мелко скатанными кусочками пресного теста [3, с. 100].

Базовым блюдом славян были щи, а также разнообразные каши: гречневая, пшенная, ячневая, пшеничная. Не зря у славян сложилась поговорка: «Щи да каша – пища наша». Интересной особенностью приготовления щей было то, что белокочанную капусту нарезали квадратиками, а не шинковали тонкими ломтиками, как это было принято для борща, причем измельчали капусту с помощью специального приспособления под названием «сечка».

Под влиянием народов Кавказа, славяне-переселенцы обязательно добавляли в борщ чеснок и душистые травы: укроп и петрушку. По украинской традиции в борщ добавляли фасоль, сало и чеснок (русские готовили без этого) [7, с. 126]. К борщу подавали чесночные пампушки или сухарики.

Рацион питания немного менялся в зависимости от сезона года. Летом готовили окрошку из кваса и ботвинью из рыбы. Жарили баклажаны и кабачки, а также готовили овощную солянку с грибами. Зимой готовили рассольник с перловой крупой и солеными огурчиками.

По нашим наблюдениям, в казачьей среде весной и летом готовили зелёные щи со щавелём и крапивой. Подавали их, заправив сметаной и рубленными куриными яйцами, заранее отваренными и охлажденными. Но, судя по данным информаторов, существовал и другой рецепт приготовления зелёных щей, когда в конце процесса варки, в горячий бульон медленно заливали взбитые яйца, которые превращались в своеобразные хлопья [2, с. 10].

Жители Ставрополья любили разнообразные мучные блюда: вареники, пельмени, блины, оладьи, булочки, пироги и пирожки. Начинка в пирогах была различной: мясо, рыба, капуста, толченый горох, фасоль, ягоды, грибы, яблоки, тыква. Блины пекли не только из пшеничной, но и из гречневой муки, подавали их с медом, со сметаной; начиняли рубленым мясом, рыбной икрой или творогом с изюмом.

Вареники начиняли соленым или сладким творогом, картофельным пюре с зажаренным луком, а выходцы из украинских губерний любили также вареники с вишней [5, с. 63]. Контактируя с жителями Дагестана, русские переселенцы позаимствовали у них новую начинку для вареников: подсоленная рубленная крапива с укропом, чесноком и грецким орехом [6, с. 157].

Из творога с добавлением значительного количества тертой моркови, яиц и манки готовили казачью запеканку [2, с. 4]. Варили узвáр (компот из сухофруктов). Причем, использовали не только напиток, но и вываренные фрукты: их нарезали мелкими кусочками, сдабривали медом и использовали как начинку для сладких пирогов [2, с. 7].

В станице Старопавловской казачки хранят старинный рецепт приготовления картофеля. Здесь готовят его по-особому: слегка обжаренный на подсолнечном масле картофель и лук складывают в большой чугунный или керамический горшок; слегка подсаливают, заливают сливками и отправляют запекаться в печь [2, с. 8]. Вообще из картофеля готовили много различных блюд: картофель отварной «в мундире», жареный, запеченный, картофельное пюре, картофель тушеный с грибами, мясом; картофельные оладьи с грибами, картофельные котлеты с луком.

На свадьбу и поминки жители Ставропольской губернии обязательно готовили куриную лапшу. Кроме того, готовили молочную лапшу. По воспоминаниям старожилов, традиционно ставропольским было блюдо: борщ из петуха. Любили уху, которую готовили из голов и плавников рыбы, а тушку рыбы поджаривали на подсолнечном масле.

К праздничному столу подавали чихирь (молодое виноградное вино), студень (холодец) и винегрет. Причем, на Ставрополье готовили винегрет не с огурцами, а с солеными грибами. Также готовили свекольную закуску с черносливом и грецкими орехами; редьку с яблоками.

К свадьбе и ко дню проводов казака в армию пекли булочки, по форме напоминающие сосновые шишки и пироги с капустой. Причем, летом пироги начиняли свежей капустой, а зимой – квашеной [2, с. 6].

К праздничному столу подавали не только соленые огурцы, но и моченый терн, яблоки, квашеную капусту и соленые арбузы (арбузы засаливали, обычно, самые мелкие). Из арбузного сока путем длительного уваривания готовили арбузный «мед».

Население Ставрополья было очень набожным. И казаки, и крестьяне во время поста отказывались от употребления мясной и молочной пищи. В это время варили различные каши, заправляя их постным маслом и луком, ели блюда из репы, гороха и тыквы. В частности, очень популярным на Ставрополье блюдом была тыквенная каша с пшеном. В пост не было принято жарить картофель, считалось более подходящим к случаю готовить его в отварном виде и подавать с огурцами или капустой [2, с. 5; 3, с. 102].

Верующие с радостью встречали основные христианские праздники: Пасху и Рождество. По случаю Пасхальных торжеств, все хозяйки обязательно выпекали куличи с изюмом и готовили творожную пасху с добавлением мака и тертого грецкого ореха. Особым весенним блюдом были выпеченные «птички» (мелкие дрожжевые булочки, по форме напоминающие птичек).

На Рождество готовили холодец, колбасы, запекали молочного поросенка с гречневой кашей или картофелем, а также запекали свиной окорок в тесте. Мясо предварительно натирали чесноком с солью, перцем и корицей, шпиговали кусочками моркови и чеснока, а пресное тесто замешивали из муки и воды [5, с. 62–63].

Каждая крестьянская семья обязательно делала заготовки продуктов на зиму. В больших кадушках солили огурцы и помидоры, квасили капусту, мочили яблоки и терн. Обязательно сушили яблоки и груши, липовый цвет и листья малины для приготовления душистых витаминных напитков. В зажиточных семьях варили варенье из яблок с рябиной и из малины. В казачьих станицах заготавливали впрок свиное сало, причем не только холодным, но и горячим способом, отваривая сало в подсоленной воде с луковой шелухой. Украинцы подавали сало к столу как самостоятельное блюдо. А также, в казачьих семьях использовали сало для зажарки в борщ или в пшенную кашу (это блюдо называли кулéш).

Итак, изучив данные Отчетов историко-этнографических экспедиций, мы убедились, что собранная информация дает нам возможность достаточно подробно восстановить традиционный рацион питания славян-переселенцев, живших на Ставрополье в XIX – начале XX вв. Отчеты экспедиций – это важный исторический источник, который сохраняет в зафиксированном виде традиции и пищевые предпочтения жителей ставропольских сел и станиц.

Каждая пищевая традиция имеет свои особенности, свои базовые блюда, которые являются основой питания того или иного народа. С давних времен такими базовыми для славян были хлеб и щи. Процесс переселения не повлиял на это. Но, со временем, даже в системе питания, которая считается наиболее консервативным аспектом материальной культуры, стали происходить некоторые изменения.

В конце XVIII в., с широким распространением в России картофеля, щи трансформировались в борщ (в этом блюде картофель вытеснил репу, свекла вытеснила брюкву, кроме того, добавилась томатная заправка).

Под влиянием народов Кавказа, славяне-переселенцы стали добавлять в борщ чеснок, укроп и петрушку. А в русских селах, под влиянием украинской традиции в борщ стали добавлять фасоль и сало.

В целом, система питания славян, переселившихся на Ставрополье, стала своеобразным смешением традиций всех восточнославянских кухонь, а также она впитала в себя и некоторые пищевые традиции северокавказского населения.

1. Край наш Ставрополье: очерки истории / под ред. Д. В. Кочуры, В. П. Невской. – Ставрополь : Шат-гора, 1999. – 528 с.
2. Назарова, И. М. Дневник историко-этнографической экспедиции СГМЗ в станицу Старопавловскую Кировского района Ставропольского края (рукопись) / И. М. Назарова, А. Б. Гордиенко. – Ставрополь, 2013. – 18 с.
3. Невская Т. А. Ставропольские крестьяне: очерки хозяйства, культуры и быта / Т. А. Невская, С. А. Чекменев. – Пятигорск : ТОО «КИНТ», 1994. – 164 с.
4. Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве (СГМЗ).
5. Оф. 33645. Отчет о работе историко-этнографической экспедиции Ставропольского государственного краеведческого музея имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве в станице Темнолесской Шпаковского района Ставропольского края / Сачук С. С. // СГМЗ. – Ставрополь, 2003. – 140 с.
6. Оф. 35201. Отчет о работе комплексной естественно-научной и историко-этнографической экспедиции Ставропольского государственного краеведческого музея имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве в селе Гофицком Петровского района Ставропольского края / Сачук С. С. // СГМЗ. – Ставрополь, 2005. – 230 с.
7. Оф. 37342. Отчет о работе историко-этнографической экспедиции Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве в станице Боргустанской Предгорного района Ставропольского края / Лабур В. Н., Савенко С. Н. // СГМЗ. – Ставрополь, 2008. – 198 с.

Никитин Д. С.

АНГЛО-ИНДИЙСКИЕ МЕМУАРЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ИНДИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОНГРЕССА (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.)

Вторая половина XIX в. в Британской Индии стала временем бурного роста патриотических общественно-политических ассоциаций. Возникший в 1885 г. Индийский национальный конгресс (ИНК), объединив в своих рядах лидеров ассоциаций со всех концов страны, стал крупнейшей организацией, которая выражала требования формирующейся национальной буржуазии и интеллигенции. В Индии, с ее этническим и конфессиональным разнообразием, одной из ключевых задач Конгресса стало привлечение к своей работе представителей разных народов, религиозных

общин и социальных слоев. Конец 1880-х гг. ознаменовался активной борьбой за участие в деятельности ИНК крупнейшего религиозного меньшинства страны – индийских мусульман, однако не менее важным было и установление прочных связей с англо-индийским сообществом – относительно малочисленным, но игравшем в жизни страны особую роль.

До переписи населения 1911 г. термин «англо-индийцы» применялся в отношении всех англичан, рожденных в Индии или живших там постоянно. Таким образом, в эту категорию входили как многочисленные чиновники колониального управленческого аппарата, так и английские плантаторы, торговцы, преподаватели университетов и колледжей, представители англиканской и других христианских церквей. В сравнении с индийцами, эта часть населения занимала более привилегированное положение, поэтому, хотя англо-индийцы и внесли большой вклад в становление и развитие ИНК в первые годы его деятельности, в массе своей англо-индийское сообщество было консервативным и настороженно относилось к формирующемуся национальному движению в стране.

Формирование корпуса английских мемуаров о жизни в Индии началось одновременно с покорением субконтинента Британской Ост-Индской компанией. В своем исследовании литературы Британской Индии Я. Буда отмечал, что «в эпоху, когда писать мемуары после выхода на пенсию было почти обязательным, государственные служащие, судьи и генералы британского Раджа оставили после себя наследие остроумия и эрудиции» [1]. Главной темой середины XIX в. был «Великий Мятеж» 1857 г., но бурные события общественной жизни 1880-х гг., не исключая и деятельности ИНК, также нашли отражение в англо-индийских мемуарах.

Так, дискуссия вокруг законопроекта Илберта 1883 г., который предполагал наделить индийских судей правом судить европейцев и потому вызвал ожесточенные споры как в Индии, так и в Англии, подробно описана в воспоминаниях Э. Ч. Кокса – служащего полиции из Бомбея. Этот законопроект, ставший стимулом к объединению патриотических сил в Индии, по мнению Кокса, «причинил бесконечный вред» [2, p. 89], тогда как официальное признание «самопровозглашенного» ИНК стало «другой серьезной ошибкой» [2, p. 89]. В отношении Конгресса Кокс занимал широко распространенную в англо-индийских кругах позицию – он считал, что ИНК не может выражать мнение всего индийского народа, поскольку представляет только «образованные классы индусов», тогда как «мусульмане отказываются иметь какое-либо отношение к Конгрессу» [2, p. 90]. Этот взгляд на ИНК начал формироваться едва ли не сразу после возникновения Конгресса, его разделяла мусульманская оппозиция ИНК во главе с Саидом Ахмад-ханом, поддерживаемая вице-губернатором Северо-Западных провинций и Ауда О. Колвином. Кокс также отмечал, что не все сторонники ИНК были «экстремистами» [2, p. 65], но полагал, что правительству следовало игнорировать существование Конгресса «как представительного органа», поскольку оно могло пригласить любого подданного, чтобы узнать его мнение по какому-либо вопросу [2, p. 90].

В мемуарах А. Т. Кроуфорда, муниципального комиссара и коллектора Бомбея, напротив, проводится мысль о том, что колониальной администрации не следует игнорировать Конгресс, но она не должна поощрять его. «Конгресс возник из бурлящей грязи недовольства и нелояльности» [3, p. 90], и произошло это с позволения «единственного слабого вице-короля, который когда-либо был в Индии [3, p. 79]. Таким образом, Кроуфорд, как и Кокс, полагал, что развитие ИНК было бы невозможным в случае противодействия властей. Кроуфорд видел в ИНК прямую угрозу порядку, установившемуся в индийских владениях Британской империи: «Простой „райат“ [крестьянин] сильно отстал от времени, но никто не знает, сколь разумным он сможет стать под руководством знаменитого „Национального конгресса“» [4, p. 206], поскольку тот распространял «анархические доктрины» [4, p. 274]. Негативное влияние Конгресса на ситуацию в Индии, по мнению Кроуфорда, проявилось в возникновении множества печатных изданий, оппозиционных правительству [3, p. 78–79], а также в распространении конгрессистской агитации в Великобритании, которая привела к появлению «марионеточных членов парламента» [4, p. 254] – сторонников ИНК.

Критика требований Конгресса встречается и в мемуарах высших должностных лиц британской администрации в Индии. Эндрю Фрэзер, вице-губернатор Бенгалии в 1903–1908 гг., выражал сожаление по поводу того, что «взгляды определенной части сравнительно образованных классов воспринимаются так, как если бы они представляли собой… „голос нации“» [5, p. 83]. Фрэзер считал, что единой индийской нации не существует, различные народы, населяющие страны, враждуют друг с другом, а потому британское правление необходимо для поддержания мира и прогресса. Требование ИНК о разделении судебных и исполнительных функций чиновников казалось Фрэзеру невыполнимым, так как в этом случае окружной магистрат мог потерять контроль над уголовным судопроизводством [5, p. 56].

Конгресс в воспоминаниях англо-индийских воспоминаниях часто предстает «обезличенным», однако в некоторых произведениях упоминаются те или иные деятели ИНК.

В частности, А. Кроуфорд пишет об английских лидерах Конгресса – генеральном секретаре А. О. Юме, председателе Британского комитета ИНК У. Уэддерберне и будущем лидере Индийского парламентского комитета Г. Коттоне («Дураки г-н А. О. Х., сэр У. У., г-н К.» [3, p. 90]), а Э. Кокс посвящает несколько страниц своей книги описанию судебных процессов против Б. Г. Тилака за его статьи в газете «Махратта» [2, p. 70–74].

Мемуары британских миссионеров описывают ИНК с иной, не характерной для воспоминаний колониальных чиновников, точки зрения. В миссионерской среде в большей степени было распространено положительное отношение к Конгрессу. В частности, методист Г. Ланн познакомился в Мадрасском президентстве со многими сторонниками ИНК и посетил сессию 1887 г., произведшую на него сильное впечатление [7, p. 23]. В работе Конгресса Ланн видел как положительные стороны (развитие национального самосознания, распространение в Индии западных идей), так и слабости, важнейшей среди которых была неспособность ИНК решать социальные проблемы Индии и отсутствие общих интересов в рядах организации [6, p. 15]. Ланн приводит и примеры того, как деятельность Конгресса препятствовала миссионерской работе, но воспринимает их как благоприятный «рост духа независимости со стороны туземцев» [6, p. 107].

Отношение ИНК к социальным вопросам рассматривал и другой английский миссионер, Дж. М. Митчелл. Он отмечал, что деятели Конгресса «яростно призывают к политическим переменам, но при этом не прошептали ни слова против огромного морального и социального зла» [8, p. 400]. Действительно, основатели ИНК не затрагивали социальные проблемы, поскольку, как справедливо замечал Г. Ланн, «по всем подобным вопросам Конгресс глубоко и резко разобщен» [6, p. 15]. Представители разных конфессий видели разные пути их решения, тогда как лидеры ИНК считали необходимым обсуждать вопросы, по которым мнение делегатов сессий было единым.

В целом, англо-индийские мемуары конца XIX – начала XX в. отражают противоречивое отношение этой части индийского общества к ИНК. Значительная часть англо-индийского сообщества (главным образом, чиновники Индийской гражданской службы) видела в деятельности Конгресса угрозу своему привилегированному положению, но были и те, кто воспринимал появление ИНК как результат прогресса, который принесло в Индию британское правление, и приобщения индийцев к европейской политической мысли.

1. Buda, J. K. The Literature of British India [Electronic resource] / J. K. Buda // Otsuma Women's University Faculty of Literature Annual Report. – 1985. – Vol. 17. – Mode of access: http://www.f.waseda.jp/buda/texts/litindia.html. – Date of access: 12.03.2021.
2. Cox, E. C. My thirty years in India / E. C. Cox. – London : Mills & Boon, 1909. – 306 p.
3. Crawford, A. T. Our troubles in Poona and the Deccan / A. T. Crawford. – Westminster : Archibald Constable & Co., 1897. – XX, 253 p.
4. Crawford, A. T. Reminiscences of an Indian police official / A. T. Crawford. – Westminster : Roxburghe Press, 1897. – XVIII, 285 p.
5. Fraser, A. Among Indian rajahs and ryots / A. Fraser. – London : Seeley & Co., 1911. – XV, 368 p.
6. Lunn, H. S. A Friend of Missions in India / H. S. Lunn. – London : James Clarke & Co., 1890. – XII, 140 p.
7. Lunn, H. S. Nearing harbour / H. S. Lunn. – London : Ivor Nickolson & Watson, 1934. – 328 p.
8. Mitchell, J. M. In Western India / J. M. Mitchell. – Edinburgh : David Douglas, 1899. – XII, 405 p.

Мауль В. Я.

«МЫ ВМЕСТЕ ШЛИ С ЧИГИРИНЦАМИ…» («ЧИГИРИНСКИЙ ЗАГОВОР» В ВОСПОМИНАНИЯХ О. В. АПТЕКМАНА)

Важными источниками для изучения «Чигиринского заговора» 1876–1877 гг. и, особенно, его последствий могут стать воспоминания революционеров-народников, которые какое-то время провели бок о бок с крестьянскими вожаками нашумевшей истории в тюрьмах и на длинном этапном маршруте от Киева и Мценска до Иркутска и Якутии. Между тем, с этой целью историкам еще только предстоит ввести в научный оборот данный массив информации о событии, получившем большой общественный резонанс. В предлагаемой статье предпринимается первый исследовательский опыт подобного рода.

Среди авторов мемуарных произведений сплошь колоритные личности: Н. А. Виташевский, С. Ф. Ковалик, М. М. Чернавский, отчасти В. Г. Короленко, М. Ф. Фроленко и др. Каждый из них играл заметную роль в революционном движении, за что сполна заплатил долгими годами тюремного заточения, каторжных работ и последующей ссылки. На несколько месяцев их жизненные траектории пересеклись с нелегкими судьбами украинских крестьян Е. А. Олейника, И. И. Пискового, К. И. Прудкого и Л. А. Тененика, незадолго до того вовлеченных в монархическую мистификацию членами народнического кружка «южных бунтарей» Я. В. Стефановичем, Л. Г. Дейчем

и И. В. Бохановским.* В роли «царских комиссаров» с помощью подложных грамот от имени государя им удалось создать в среде бывших казенных землепашцев Чигиринского уезда Киевской губернии подпольную организацию «Тайная дружина». Раскрытая властями самозванческая авантюра заключалась в подготовке народного восстания. В результате четверо уже немолодых украинцев, как самые яркие деятели противозаконного сообщества, поплатились ссылкой в холодную Сибирь [8; 9; 10; 11; 12].

Из всего перечня народнических сочинений привлекают внимание воспоминания видного «землевольца» и «чернопередельца» Осипа Васильевича Аптекмана (1849–1926), содержащие интересные авторские оценки «Чигиринского заговора» и дополняющие нюансами его малоизученную историю [13].

Сын купца по происхождению, Аптекман родился в Павлограде Екатеринославской губернии, в 6 лет был отдан для обучения в хедер (начальную еврейскую школу). Повзрослев, перешел в Екатеринославскую гимназию, далее последовали медицинский факультет Харьковского университета, переезд в Петербург, Медико-Хирургическая академия, знакомство с радикально настроенной молодежью со всеми вытекающими отсюда последствиями. В 1874–1876 гг. он с головой окунулся в активную пропагандистскую работу среди крестьян. Затем был деятельным членом революционного общества «Земля и Воля», а после ее раскола стал одним из организаторов «Черного передела». Арестованный в 1880 г., был «выслан в административном порядке в Якутскую область на пять лет под надзор полиции» [6, ст. 46–47]. По пути в ссылку ему довелось встретиться и общаться с чигиринцами, этапируемыми к месту назначенного им наказания.

Текст мемуаров создавался якутским узником по горячим следам тех бурных событий в 1882–1883 гг. «Я остался совершенно один, – пишет Аптекман, – <…> На меня нахлынули недавние переживания, и я торопливо, без системы и плана, набросил на бумагу все, что просилось наружу. Так появилась первая версия моих воспоминаний», которые «отнюдь не предназначались для печати, а написаны исключительно только pro domo sua: для товарищей». Впервые, спустя четверть века, они «были напечатаны в журнале ”Современная Жизнь” (октябрь, ноябрь и декабрь 1906 г. и январь 1907 г.)» [2, с. 432, 8]. Тогда же изданы в Ростове-на-Дону отдельной книгой [1]. Используемые в нашей статье воспоминания, по словам Аптекмана, «представляются совершенно переработанными и значительно дополненными», причем многое «мною написано совершенно *заново:* как по личным моим воспоминаниям, так и на основании кое-каких литературных материалов» [2, с. 8].

Труд Аптекмана не является развернутым жизнеописанием героя, ибо автобиография, как таковая, в нем отсутствует. Подобно большинству соратников по борьбе его заботило не увековечивание личной жизни, а осознание необходимости сохранить для потомков события героического периода революционного народничества. Об этом сказано в самом начале: «Я буду говорить не только о том, что я видел, слышал, что переживал, в чем, я, как скромный работник, принимал участие, но я намерен еще хоть в общих чертах коснуться тех общих социальных явлений нашей русской действительности, современником которых я был» [2, с. 11].

В достаточно объемных мемуарах «Чигиринскому заговору» посвящены несколько страниц, полностью совпадающих во всех имеющихся изданиях. По-особому весомо звучит авторитетное свидетельство о той буре эмоций, которую заговор вызвал в народническом лагере, о чем Аптекман знал не понаслышке: «Опыт народно-революционной организации Стефановича, – признавался он, – произвел громадное впечатление в революционной среде. Землевольцев “Чигиринское дело” совершенно ослепило» [2, с. 281].

Судя по контексту, весь соответствующий фрагмент написан много позже основного блока воспоминаний, предположительно, между 1903 и 1906 гг.; в трактовке событий прослеживается знакомство с уже появившимися в прессе публикациями. Поэтому в целом чигиринский нарратив мемуаров носит черты вторичности, в силу чего в нем встречается ряд неточностей и фактических ошибок. Описание крестьянских волнений на Правобережной Украине наглядно доказывает, как легко, не будучи очевидцем, ошибиться, некритически доверившись полученной извне информации. Например, Аптекман с подачи информаторов утверждал, что крестьяне «стояли за введение великорусского общинного землевладения и, следовательно, за передел земли по душам» [2, с. 279]. Но между одним и другим посылом нет никакой внутренней связи, чего явно не понимал Аптекман, в чем, видимо, не разобрался Стефанович, но вполне уяснили, хотя не приняли в расчет, губернские чиновники. Приводятся автором и другие сведения, поверхностный характер которых вызван вполне извинительным обстоятельством – проигнорировать вдохновившее народников происшествие он не мог, хотя писать о нем пришлось, в основном, с чужих слов.

---

*Разнообразное письменное наследие Стефановича и Дейча (протоколы допросов, письма, статьи, воспоминания) отчасти уже привлекалось историками народничества и «Чигиринского заговора». Заслуживая специального анализа, оно в данном случае не входит в сферу наших интересов.

При этом Аптекману, как и многим народникам-пропагандистам, свойственен взгляд свысока на имманентные крестьянам традиционные ценности. «Пред Стефановичем, – пишет он, – стояла масса, насквозь пропитанная всякого рода историческими иллюзиями и недоразумениями», и «в эту-то темную среду, с ее тупым протестом, и задал себе целью Стефанович внести сознательный, целесообразный протест революционной тактики». Однако, отметил Аптекман, ради конечной цели пришлось пойти на поводу крестьянских заблуждений: «Стефанович, наконец, явился к ним с хорошей вестью: он-де прямо пришел от царя, он – царский комиссар». После чего шестеренки «Чигиринского заговора» эффектно закрутились с повышенным усердием, но ненадолго. Как опытный подпольщик, Аптекман сумел грамотно диагностировать закономерную природу неудачи, постигшей многообещавший «заговор от имени царя». По его мнению, «никто в этом неповинен, никто из деятелей. Трудно удержать а 1a longue донельзя напряженную массу в конспиративной организации: всегда можно ожидать какого-нибудь непредвиденного ложного шага, болтливости, распущенности, а равно и прямого предательства» [2, с. 279–281].

В то время как в общих характеристиках «Чигиринского заговора» видна несамостоятельность озвученных подробностей, бóльшую научную ценность имеет рассказ о личной встрече с чигиринцами, где уже он сам оказывается источником эксклюзивной информации: «Я здесь кстати хочу привести мнение о Стефановиче трех крестьян-чигиринцев, которых я застал в 1881 году в Тюмени, в центральной пересыльной тюрьме. Я, к сожалению, сейчас не могу припомнить их фамилий» [2, с. 282].

Лапидарная и, вроде бы, прозрачная цитата порождает много вопросов, пока не имеющих ответа. Допустим, не ясно, почему Аптекман упоминает о встрече с чигиринцами только в Тюмени, если они вместе числились в составе первой партии политссыльных, отправленных по этапу в навигацию 1881 г., что подтверждается списком политических арестантов, составленным Главным тюремным управлением [3, л. 9–11]. С фигурантами «Чигиринского заговора» Аптекман должен был находиться весь 10-дневный срок от Нижнего Новгорода до Тюмени, а не встретиться с ними внезапно уже там, как явствует из воспоминаний. Причем, не заметить их в пути, судя по отзывам других очевидцев, у него не было ни единого шанса. Спаянная общей бедой компания заключенных всю дорогу провела в тесном общении, а личности главных крестьянских агентов заговора неизбежно должны были быть в центре внимания тех, кто именно в массовом народном бунте видел возможность избавления России от тьмы царского самовластия.

По словам Аптекмана, из Тюмени «мы вместе шли с чигиринцами до Томска в одной “партии”» [2, с. 282], однако в списке «Государственным преступникам проследовавшим чрез Томск в 1881 году» чигиринцы названы, а его имя – нет [4, л. 65–66]. В официальный документ не могла вкрасться ошибка, начальник конвоя принимал каждого арестанта под расчет, Да и ссыльный народник М. М. Чернавский, следовавший тем же этапом, подтвердил, что Аптекман «догнал нас и присоединился к нашей партии в Красноярске в конце июня 1881 г. и прошел с нею весь путь до Иркутска» [14, с. 39]. Получается, Аптекман, добравшись со всеми до Томска, затем на какое-то время выпал из поля зрения товарищей, воссоединившись с ними только в Красноярске. Причины, задержавшие его в Томске на две недели до отправления второй партии политзаключенных, с которой, видимо, ему пришлось идти, остаются не понятными, хотя по косвенным данным он мог быть болен [5, л. 26].

Дальнейшее продвижение арестантов с 29 июля по 27 сентября, вплоть до прибытия в Иркутск, неплохо отражено архивными документами и опубликованными мемуарами. Этот путь занял около двух месяцев, но о чигиринцах Аптекман больше не вспоминает. Заочно полемизируя с профессором А. Туном, он утверждал, что те «охотно вступали с нами в разговор», и ему «приходилось неоднократно говорить с ними» [2, с. 282]. Но все это было на отрезке Тюмень-Томск, теперь же, вероятно, интерес ссыльных народников к теме заговора остыл. Они успели насытить любопытство, составив собственное мнение об уникальном чигиринском эксперименте, так сильно взволновавшем революционные круги. Не исключено, что между противниками самодержавной власти и ревностными монархистами, невольно оказавшимися в «одной лодке», возникли какие-то трения на почве разговоров о царе. Таковую возможность, в частности, подсказывает сам мемуарист, вспоминая свой опыт «хождения в народ»: «Я замечал, что резкие выходки против царя или религии <…> действовали крайне неприятно на крестьян» [2, с. 170]. До выяснения существа вопроса все версии будут носить гипотетический характер, но известно, что в Иркутской тюрьме «природные украинские крестьяне» находились в угнетенном настроении. В. Г. Короленко, видевший их тогда, вспоминал: они «до конца пребывания в Сибири не могли примириться с ней. Все здесь, по их мнению, было не по-людски, то есть не по-украински: даже сало не имело “никоторого скусу”» [7, с. 240].

В связи с указанием Аптекмана на трех чигиринцев, с коими он вел разговоры, приходится сетовать на годы, стирающие из памяти мемуаристов конкретные детали былых времен. Впрочем, неизвестно как, но если, вдруг, он попал в Тюмень позже основной партии, то, в принципе, действительно

мог застать там трех крестьян: Олейника, Пискового и Прудкого, тогда как четвертый – Тененик – уже был на пути в Березов Тобольской губернии [10, с. 11–13]. В любом случае, из Тюмени в Томск и дальше отправились не трое, а только первые двое крестьян, прошедшие полностью весь маршрут до поселения в различных улусах Якутской области [8, с. 82], вдали от тех мест, где отбывал ссылку Аптекман.

Пожалуй, самые драгоценные, единственные в своем роде сведения приводятся в пересказе бесед Аптекмана с крестьянами: «Мне приходилось неоднократно говорить с ними о Стефановиче, – вспоминал он. – В отзывах чигиринцев о Стефановиче мне ни разу не удалось уловить какое-либо осуждение, неодобрение последнему или просто досаду на него. С совершенно эпическим спокойствием чигиринцы формулировали свой взгляд на действия Стефановича следующими (почти буквально) словами: "Мы Стефановича не виним: он нам добра желал! А что касается его присяги, то Бог ему судья!"» [2, с. 282]. Если принять это невероятное сообщение за факт, оно переворачивает имеющиеся данные об отношении участников заговора к разоблаченным «царским комиссарам», авантюра которых сломала жизни сотням чигиринских семей. И тогда указывает на мировоззренческий кульбит, совершенный носителями традиционного сознания под влиянием общения с революционным окружением. Но не будем торопиться с окончательными выводами.

Обобщая материал, необходимо заметить, что анализ воспоминаний показал присутствие в них всех типовых черт мемуарной литературы: от крайней субъективности в оценках до неумолимого влияния времени на память автора. В то же время, они содержат ряд сведений, отсутствующих в других источниках и позволяющих по-иному взглянуть на отдельные стороны изучаемой проблемы. Несомненно, что воспоминания Аптекмана эвристически обогащают историю «Чигиринского заговора» содержательными нюансами, ограненными оттенками новых эмоциональных впечатлений.

1. Аптекман, О. В. Из истории революционного народничества. «Земля и Воля» 70-х годов. (По личным воспоминаниям) / О. В. Аптекман. – Ростов-на-Дону : Изд. А. Сурат, Типография «Донская Речь», 1907. – 241 с.
2. Аптекман, О. В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. по личным воспоминаниям / О. В. Аптекман. – Петроград : Колос, 1924. – 460 с.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 102. – Оп. 77. – Д. 82.
4. ГАТО. – Ф. 3. – Оп. 4. – Д. 964.
5. ГАТО. – Ф. 104. – Оп. 1. – Д. 1240.
6. Деятели революционного движения в России : Био-библиографический словарь. – Т. 2 : Семидесятые годы. – Вып. I. – М. : Изд-во Всес. общ-ва полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1929. – 406 ст.
7. Короленко, В. Г. Собр. соч. : в 5 т. – Т. 5 : История моего современника / В. Г. Короленко. – Л. : Худ. лит-ра, 1991. – 592 с.
8. Мауль, В. Я. Как поссорились Иван Иванович с Егором Гавриловичем (из истории якутской политической ссылки) / В. Я. Мауль // Вестник Томского государственного университета. История. – 2017. – № 48. – С. 80–87.
9. Мауль, В. Я. Кузьма Прудкий и «Чигиринский заговор» (эпизод из истории освободительного движения в России) / В. Я. Мауль // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2019. – № 3 (60). – С. 26–32.
10. Мауль, В. Я. Лазарь Тененик на воле и в неволе (судьба крестьянского вожака «Чигиринского заговора») / В. Я. Мауль // Вестник Рязанского государственного университета. – 2017. – № 1 (54). – С. 7–17.
11. Мауль, В. Я. «Чигиринский заговор» и крестьянская психология / В. Я. Мауль // Quaestio Rossica. – Т. 5. – 2017. – № 1. – С. 221–240.
12. Милевский, О. А. На пути к «Чигиринскому заговору»: ранняя революционная деятельность Я. В. Стефановича / О. А. Милевский, С. А. Терехова // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2020. – № 3 (66). – С. 72–90.
13. Терехова, С. А. «Чигиринский заговор» в современной российской историографии / С. А. Терехова // Народники в истории России. – Вып. 3. – Воронеж : Истоки, 2019. – С. 7–16.
14. Чернавский, М. М. Ипполит Никитич Мышкин (По воспоминаниям каторжанина 70–80 гг.). Мценская пересыльная политическая тюрьма / М. М. Чернавский // Каторга и ссылка. – 1924. – № 5 (12). – С. 30–44.

Михайлова Е. А.

«МОЯ АВТОБИОГРАФИЯ» И. Ф. ТЮМЕНЕВА: КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПАМЯТНИКА

Илья Федорович Тюменев (1855–1927) – человек крайне неординарный. Его можно отнести к ярким представителям интеллектуальной и художественной элиты второй половины XIX – начала XX в. Рожденный в семье купца и получивший базовое образование в гимназии Видемана и за границей, Тюменев с детства проявлял немалые художественные способности: страсть к рисованию, увлечение музыкой и театром, литературный талант. Кроме того, он был путешественником, переводчиком, публицистом. Но не менее важен еще один талант, которым обладал Тюменев: он был настоящим «архивистом». Причем хранил документы и творческие работы не только свои и своей семьи, но и друзей – в основном, художников. На основании своих дневников, писем и других материалов, отложившихся за долгие годы в семейном архиве, Тюменев создал огромный труд, над которым он работал в конце XIX – начале XX века, и назвал его «Моя автобиография».

Работа включает в себя 10 больших рукописных томов [5], охватывающих период с 1855 до 1904 года – 10 неопубликованных томов, являющихся чрезвычайно важным историческим источником по истории культуры второй половины XIX и начала XX века.

Разнообразные таланты И. Ф. Тюменева сказались и на форме, и на содержании этого памятника. Литературный дар отразился на слоге, которым написан текст автобиографии. Это не только исторический источник, но и прекрасное литературное произведение, читать которое легко и увлекательно.

Форма же этого памятника заслуживает отдельного внимания. Поскольку, очевидно, целью Ильи Федоровича было не только рассказать о событиях, свидетелем которых он оказался, но и донести максимально достоверную и подробную информацию о них, «Моя автобиография» помимо литературного текста включает в себя множество документов, приклеенных к его страницам: это многочисленные письма, записки, визитные карточки, открытки, афиши и программы концертов и спектаклей, фотографии, планы домов и квартир, рукописные журналы и брошюры, газетные вырезки, наконец, засушенные растения – и огромное количество рисунков, выполненных самим Тюменевым и его друзьями (в основном, художниками А. П. Рябушкиным, В. П. Павловым, В. В. Беляевым, П. А. Черкасовым и др.). Это особый тип документа, который встречается, в основном, начиная со второй половины XIX века и связан с дневниковым типом мемуарного памятника, расписанного поденно. Условно этот тип памятника можно назвать «дневник-архив». «Моя автобиография» И. Ф. Тюменева – яркий пример такого типа памятника.

Значение содержания «Моей автобиографии» трудно переоценить. Начать нужно непосредственно с той цели, для которой этот труд создавался – с биографии самого И. Ф. Тюменева. Поскольку до сих пор нет его хоть какой-нибудь более-менее полной биографии (не говоря уже о научной), работа является незаменимым источником сведений о жизни самого автора.

Тюменев с детства был очень увлечен рисованием. И одна из сквозных линий «Автобиографии» – мир русских художников. Автор труда учился в Академии художеств в 1880-х гг., у него появилось много друзей из этой среды. Он следил за выставками, встречался с известными живописцами, и в автобиографии мы находим не только информацию о значимых событиях художественной жизни нашей страны, но и сведения о ее представителях (причем порой уникальные сведения), а также вклеенные рисунки художников или же копии картин, сделанные рукой И. Ф. Тюменева.

«Автобиография» Тюменева, вкупе с другими документам, хранящимися как самостоятельные архивные единицы, порой является единственным источником информации о тех или иных художниках. Так, лишь в 2014 году вышла монография с подробным описанием жизни и творчества А. П. Рябушкина [1]. Выявление множества подробностей, связанных как с биографией, так и с творческой «лабораторией», а также с наследием выдающегося художника, стало возможным лишь путем изучения архива Тюменева и его «Автобиографии». Так же обстоят дела с изучением творчества В. П. Павлова: сведения о нем практически полностью отсутствуют в доступных источниках, в то время как художнику посвящено достаточно много страниц памятника.

Другая область, ставшая важнейшей составляющей жизни и, соответственно, «Автобиографии» Тюменева, – музыка. Илья Федорович был первым частным учеником Н. А. Римского-Корсакова, затем неоднократно встречался с выдающимся композитором и вел с ним долгие и интересные беседы. Он стал автором либретто двух опер Римского-Корсакова («Пан Воевода» и «Царская невеста»), предлагал ему многочисленные темы для будущих произведений этого жанра [3]. На основе своих дневников в 1920-х гг. Тюменев написал «Воспоминания о Н. А. Римском-Корсакове», опубликованные в советское время со значительными купюрами [7]. Кроме того, Тюменев и сам был композитором-любителем, его романсы и другие сочинения исполнялись в домашних концертах и на вечерах музыкальных кружков. Разумеется, он посещал множество концертов и музыкальных спектаклей, и «Моя автобиография» является важнейшим источником концертной и музыкально-театральной жизни Петербурга и других городов, в которых бывал И. Ф. Тюменев.

Его интересовал не только музыкальный театр, но и драматический: он был заядлым театралом. В «Автобиографии» присутствуют описания репертуара театров, в которых оказывался Тюменев, спектаклей, которые он видел, уникальными документами эпохи являются рисунки мизансцен и актеров в ролях – особенно учитывая отсутствие в то время фотографий, сделанных во время спектакля. При пытливости и интересе Тюменева ко всем главным музыкально-театральным событиям, в «Автобиографии» нашли отражение премьеры концертов и спектаклей, гастроли выдающихся актеров и исполнителей. Так, Тюменев был на первом представлении оперы М. Мусоргского «Хованщина», осуществленного в 1886 году силами музыкально-драматического кружка, первом показе тетралогии Р. Вагнера «Кольцо Нибелунга», которую в 1889 году привезла в Петербург немецкая труппа Неймана, на гастрольных спектаклях великого Т. Сальвини в 1882 и 1900 гг. [4], искусство которого вдохновило К. Станиславского, и мн. др.

Невероятно познавательны и интересны описания путешествий, совершенных Ильей Федоровичем. Тут и поездки по России: Новгородская область, волжские города, Тихвин, Нилово-Сорская пустынь, Вышний Волочек, Карелия – о них известно из многочисленных публикаций Тюменева в журналах «Исторический вестник», «Всемирная иллюстрация», «Живописное обозрение», «Нива» и др. Ездил он в Выборг и др. российские города, в Крым, а также за границу: в Финляндию, страны Европы, совершил большое «Восточное» путешествие [2]. Каждое такое описание – самостоятельное прекрасное художественное произведение, насыщенное историческими подробностями и нередко уникальными сведениями о быте и культуре тех мест, в которых оказывался Тюменев.

Автор «Моей автобиографии» прекрасно понимал значение происходящих вокруг событий, и описывал все значимые ситуации, связанные с крупными личностями. Так, относительно недавно введен в научный оборот фрагмент «Автобиографии» с описанием похорон Ф. М. Достоевского [8], а также опубликован в полном тексте и – впервые – с иллюстративным материалом фрагмент, описывающий похороны М. П. Мусоргского [6].

Всё вышесказанное – лишь немногое, что содержит в себе этот удивительный документ. Введение его в научный оборот в полном объеме поможет раскрыть множество «белых пятен» культурного пространства России второй половины XIX в. и рубежа веков.

1. Власова, Р. И. Андрей Петрович Рябушкин. Жизнь и творчество 1861–1904 / Р. И. Власова, Б. А. Соловьева. – М. : Аватар, 2014. – 224 с.
2. Михайлова, Е. А. «Восточное путешествие» И. Ф. Тюменева (1874): фрагмент неопубликованной автобиографии / Е. А. Михайлова // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании : материалы XXXIII Международной научной конференции. / Российский государственный гуманитарный университет, Историко-архивный институт ; Высшая школа источниковедения, специальных и вспомогательных исторических дисциплин. – М. : Институт всеобщей истории РАН, 2020. – С. 282–284.
3. Михайлова, Е. А. Неосуществленные оперные замыслы Н. А. Римского-Корсакова (по материалам Отдела рукописей Российской национальной библиотеки) / Е. А. Михайлова // История отечественной культуры в архивных документах : сборник статей. – СПб. : РНБ, 2020. – Вып. 1. – С. 67–77.
4. Михайлова, Е. А. Томмазо Сальвини в Петербурге (1900 г.): фрагмент автобиографии И. Ф. Тюменева / Е. А. Михайлова // Русская литература в российско-итальянском диалоге XXI в.: критика текста, поэтика, переводы / редкол.: М. И. Щербакова (отв. ред.) [и др.]. – М. : ИМЛИ РАН, 2020. – С. 288–312.
5. Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. – Ф. 796. Оп. 1. Ед. хр. 7, 8, 12, 15–21.
6. Рахманова, М. П. Два эпизода: Морской корпус и Александро-Невская Лавра / М. П. Рахманова // Искусство музыки: теория и история. – 2015. – № 13. – С. 74–95.
7. Тюменев, И. Ф. Воспоминания о Н. А. Римском-Корсакове / публ. М. О. Янковского // Музыкальное наследство. Римский-Корсаков : исследования, материалы, письма : в 2 т. – М. : Изд-во АН СССР, 1954. – Т. 2. – С. 177–247.
8. Тюменев, И. Ф. Из дневника / публ. Н. Н. Фоняковой // Ф. М. Достоевский: новые материалы и исследования / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького ; Ред. И. С. Зильберштейн и Л. М. Розенблюм. – М. : Наука, 1973. – С. 337–346.

Богдашина Е. Н.

ИСПИТАЯ ДО ДНА ЧАША СТРАДАНИЙ: ЛЕСЯ УКРАИНКА В СЕМЕЙНОЙ ПЕРЕПИСКЕ КОСАЧЕЙ–ДРАГОМАНОВЫХ

Семейная переписка двух знаменитых породнившихся семей Косачей и Драгомановых, в первую очередь письма Леси Украинки (псевдоним Ларисы Петровны Косач-Квитки) с родителями и другими членами своей семьи, является важным видом ego-источников для изучения ее биографии, в том числе углубленного изучения влияния туберкулеза костей и суставов и других болезней поэтессы на формирование и дальнейшую эволюцию ее жизненного сценария. Именно в переписке с родственниками Леся Украинка более откровенно обсуждает перепитии своей жизни, в т. ч. проблемы со здоровьем. Одному из своих друзей О. С. Маковею нежелание делиться подробностями своей личной жизни она объясняет в письме из Колодяжного от 14 сентября 1893 г. так: «Всякий человек имеет право защищать свою душу и сердце, чтобы не врывались туда силой чужие люди, словно в свой дом, по крайней мере пока живет хозяин того дома» [1, с. 223].

В работах Е. Богдашиной и А. Осипова, И. Денисюка и Т. Скрипки, Л. Минковой, В. Онипко, В. Святовца [5–6, 8, 11–13, 15] анализируется переписка членов двух семей. В статьях С. Геника [7], А. Кицеры [9], В. Пустовит [14] цитируемые фрагменты писем поэтессы и ее родственников больше посвящены болезням Леси Украинки. К сожалению не все аспекты указанной темы (к примеру, влияние болезней на отношения с родственниками, виды занятий, места проживания) освещены достаточно основательно.

Характеристика медицинской составляющей в семейной переписке Косачей, в т. ч. оценка влияния болезней поэтессы на коррекцию ее жизненного сценария, и является целью нашей статьи.

Большую часть опубликованого эпистолярия Леси Украинки, Елены Пчёлки (на украинском языке Олени Пчілки), других членов семей Косачей и Драгомановых составляют письма друг другу.

Нами использованы прежде всего письма Леси Украинки, напечатанные в 11–14 томах полного академического собрания сочинений [1–4], обнародованного месяц назад в конце февраля 2021 г. Большая часть из них была напечатана ранее в двух предыдущих собраниях произведений Леси Украинки: в 5-м (1956 г.), 9-м и 10-м томах (1965 г.); в 10-м, 11-м и 12-м томах (1978–1979 гг.). Также в статье учтены, частично использованы и другие ego-источники: письма других представителей семей Косачей и Драгомановых, а также воспоминания О. П. Косач-Кривинюк, в которых она цитирует и комментирует переписку своих родственников.

Леся Украинка с раннего детства тяжело болела, перенесла несколько операций, долгое время вынуждена была соблюдать постельный режим. Петр Антонович и Ольга Петровна Косачи были рядом в ее юности и в послеоперационные периоды. Став взрослой, Леся Украинка месяцами проживала на юге Российской империи (главным образом в Крыму, а последние годы в Грузии), а также в странах, больше подходивших ей по климату: Италия, Болгария, Египет.

Неслучайно здоровье Леси Украинки постоянно обсуждается в письмах дочери с мамой, отцом и другими родственниками.

Отец очень переживал за больную дочь. В письме от 25 февраля 1886 г. П. А. Косач пишет Драгомановым: «Леся несчастная девочка. Сегодня… ей 15 лет. Она уже с мамой, только совсем тоненькая да хиленькая... Киевские аж три хирургические знаменитости решительно требуют привезти больную в Киев, чтобы там ее оперировать, иначе пропадет нога да и сама Леся заболеет чахоткой. Да у нее и теперь что-то не в порядке. Леся сама и шагу не может ступить, боль в суставе невероятная, а тут еще такая тяжелая и опасная операция грозит» [10, с. 61]. Приговором будущему своей старшей дочери явились следующие слова П. А. Косача в этом же письме: «Обидно даже думать при таком состоянии о Лесиных способностях и талантах. Может и пригодятся ей, искалеченной. Потому что не может она быть другой, какие искусные не были бы киевские хирурги» [10, с. 64]. В другом письме Драгомановым от 18 июня 1887 г. отец отмечает негативное влияние прогрессирующей болезни на поведение дочери: Леся «может ходить только с костылями. Это доводит ее до отчаяния. Очень она нервная, делает все с задором, или читает, или шьет, или играет на фортепиано. О себе совсем мало заботится» [цит. по: 7, с. 199].

Мама также постоянно переживала за здоровье дочери. Ольга Петровна описывает в письме к сыну Михаилу какие душевные муки она испытывает от страданий дочери: «Я боюсь, что все же Лесе придется вернуться к костылям... Целый вечер я вчера плакала и не знаю, что делать» [цит. по: 8]. В другом месте Елена Пчёлка прямо высказывается относительно безнадежности лечения туберкулеза костей дочери: «Леся терпит, т. е. молчит, и думает, что я не вижу ее мучений всякого рода, что я даже не слышу, как она порой ночью плачет. Я все слышу и все вижу, а ее состояние физическое лучше вижу, чем она сама. Она, может, еще немного надеется на илечение, а я не надеюсь ни крошки – все эти паллиативы – это одно наваждение и скорбная процедура, долгая, муторная, тянущая жилы и с больной, и с целой семьи» [цит. по: 8]. А в письме к И. Я. Франко, у которого на то время сильно болел сын, мама поэтессы откровенно пишет осенью 1891 г. : «По-моему, небольшую услугу делают слишком непутевым детям, когда …силой задерживают их при жизни; по крайней мере я, глядя на Лесю, не раз и не два винила себя, что спасла ее, когда она сильно болела на первом году жизни. О, моральные слабости. Или же смерть не была бы лучшей судьбой, чем теперешняя жизнь, которая у нее, и у всех самых благосклонных людей будит только тяжкое сожаление. Ну, и что о этом говорить! Как я, так Вы не сможем поступать по холодному уму спартанцев – сознательно укоротить жизнь непутевому ребенку. Дай бог, однако, чтобы вы со своими дополнительными мерами у бедного Петруся были счастливее, чем я у Леси!» [цит. по: 8].

Леся Украинка чувствовала вину перед мамой и другими членами большой семьи, что доставляет своей болезнью столько хлопот родным. Об этом она пишет в извинительном тоне в письме матери от 7 января 1908 г. из Ялты: «Меня не пугает ни та операция, ни другие огорчения, мне только жаль, что все это причиняет грусть и заботы близким людям, – пора бы уже почить от моей „богини"» [4, с. 79].

Свои постоянные поездки по Российской империи и Западной Европе для консультаций с именитыми врачами, операций, проведения лечебных процедур Леся Украинка принимала как необходимость. В письме из Луцка от 18 декабря 1890 г. племянница сообщает М. П. Драгоманову о своих планах ехать в Вену на консультацию: «Обидно мне очень, что придется изнывать по тем клиникам, – это стоит ада! – но уже нечего делать» [1, с. 113].

Родители тратили большие средства на ее лечение, особенно за рубежом. Осознавая, что новая дорогостоящая операция в Берлине, серьезно ухудшит состояние семейного бюджета, Леся Украинка пишет матери 22 марта 1898 г. из Ялты: «... Я никогда не ставила себя ни центром мира, ни центром нашей семьи, а потому прошу обсуждать программу моего счета, принимая во внима-

ние общий бюджет и общие потребности и порядок жизни нашей семьи. Не принося сама жертв, я не хочу принимать их от других» [2, с. 123].

Письма Леси Украинки к родителям свидетельствует о постепенной эволюции отношений: открытые высказывания поэтессы становятся сдержанными. Она замыкается в себе. Эти изменения, на наш взгляд, были обусловлены неодобрением родителями, особенно мамой, поведения дочки, в частности ее влюблённости в С. К. Мержинского (1870–1901), а позже ее отношений с К. В. Квиткой (1880–1953). Вопреки воле родителей Леся Украинка, которой недавно самой удалили часть тазобедренного сустава, три месяца (7 января – 3 марта 1901 г.) ухаживала за умирающим от туберкулеза в Минске С. К. Мержинским [6, с. 152]. В годовщину его смерти в письме из Сан-Ремо к общей знакомой В. Д. Александровой Леся Украинка объясняет 16 марта 1902 г. причины неприятия родственниками ее отношений с С. К. Мержинским: «Я, кажется, тогда неточно написала о «враждебности» моих близких. Я не думаю, что они сознательно враждебны к его памяти вообще, а только специально к моей памяти о нем, и в этом, м [ожет] б [ыть], невольно виновата отчасти и я сама, т [ак] к [ак] первое время не всегда успевала скрыть резкие проявления моей печали, пугала этим и заставляла жалеть их, зачем допустили меня до этой «жертвы», как они это называют. Но, конечно, тут не было жертвы, – я же просто сама не могла бы иначе поступить, чем поступила. Некоторые, правда, не только не видят никакой жертвы, но, напротив, видят эгоизм в том, что я, забывши о других своих обязанностях, о людях, которые меня любят, поставила на карту свое здоровье «ради личного дела», – может быть, эти больше правы, но я хотела бы знать, сказали ли бы они то же самое, если бы это был не друг мой, а муж, брат или отец? Пожалуй, нет, – а если так, то они не правы, т [ак] к [ак] требуют от меня чего-то сверхчеловеческого» [3, с. 78].

Ухаживая за умирающим С. К. Мержинским Леся Украинка еще не предполагала, что ее уже знакомый К. В. Квитка, которого она называла «Цветочек» и «Клёня», станет её будущим мужем.

Оба избранника были больны чахоткой в тяжелой форме. Письмо от 6–7 мая 1902 г. свидетельствует о непонимании Лесею Украинкой переживаний матери по поводу возможного заражения легких туберкулезной бациллой от обоих мужчин. Поэтесса резко заявила своей матери: «Это очень хорошо, когда тебе „зараза" менее страшна, чем „предрасположение", и я совсем ничего не имею против того, что ты искренне мне говоришь о том, как ты смотришь на мое состояние, – я вообще не „мнительна" и никаких страшных слов (и вещей) не боюсь. Мне только тяжко, что ты все кого-то обвиняешь. Или от того легче? Нет, мамочка, никто не мог ничего от меня отвернуть. Я не так бесхарактерна, как порой кажусь и как привыкли меня считать, и в решительные минуты только я сама могу себе помочь или пожалеть, а больше никто; это я говорю на основе определенного опыта. Кто мог бы меня отвратить, чтобы я не была с Дорой при ее дифтерите? Кто был виноват, если бы я тогда заболела? Я думаю, никто. Так и теперь. Если уж кто виноват, то только я сама, так что меня можно винить, но ведь тогда ты возьмешь обратно то страшное слово „проклинаю"? Правда ведь, правда? Я совершенно искренне признаю, что я таки очень была виновата, нанеся тогда всем столько заботы …за меня, но только я уже и так достаточно „проклята" этой Мойрой или как там она называется, тая „Лесина богиня"... Ну, да хватит уже о сю обидную тему, то все вещи прошедшие» [3, с. 105–106].

Когда родители узнали об интимных отношениях между дочерью и К. В. Квиткой, Косачи устроили паре бойкот. Леся Украинка писала к сестре Ольге в письме от 5 марта 1902 г. : «Наши было устроили мне „бенефис", взяли да на целых три недели и замолчали, никто ни слова! …Я уже было просто „до чертиков" дошла и такие письма писала, что аж самой тошно, и наконец они опомнились и отозвались» [3, с. 64]. И далее поэтесса описывает свои чувства к новому избраннику (больше похожие на материнские, чем любящей женщины к мужчине): «Цветочек следует бы „взять в руки", страх оно бедное теперь. И еще, как на зло, и материальные дела черт знает как стоят. И еще врачи наговорили ему всяких глухостей – может, даже несерьезно, – и то еще хуже смущают его» [3, с. 66]. Леся Украинка начала идеализировать нового избранника, характеризуя К. В. Квитку в письме из Сан-Ремо к сестре О. П. Косач-Кривинюк 14 января 1902 г. следующим образом: «Он такая чудесно-чистая натура» [3, с. 34].

Елена Пчёлка враждебно отнеслась к выбору дочкой спутника жизни. Из письма Леси Украинки к сестре Ольге от 29 декабря 1902 г. мы узнаем детали: «У мамы пробилось какое-то несправедливо-предвзятое отношение к Клёне... У мамы был неприятно-холодное выражение в его присутствии, отворачивание глаз, ответы сквозь зубы, закрывание себя газетой или книгой и т. п. „симптомы"» [3, с. 160–161]. В этой битве сильных характеров Леся Украинка не согласна с маминым отношением к К. В. Квитке: «Это, я уже вижу, начинается „ревность материнская", но все равно, может, у той ревности будет дальше еще больше поживы, а своего отношения к Клёне я не изменю, разве что в направлении еще большей привязанности, во всяком случае, не мамины холодные мины могут нас поссорить. Только все-таки это обидно, и тяжело, и фатально, что ни одна моя дружба или симпатия не могла до сих пор обойтись без этой ядовитой ревности... со стороны

мамы... Клёня как есть ничем не провинился против мамы, наоборот, сначала он даже очень ее идеализировал, да и потом, когда уже факты значительно разбили ту идеализацию, то он всегда относился с уважением и без малейшей огорчения» [3, с. 161].

Сначала не воспринимал такой союз и П. А. Косач. В одном из писем к отцу Леся Украинка 14 июля 1901 г. писала о своих отношениях с К. В. Квиткой: «Было бы очень странно, если бы я при таких обстоятельствах ни с того, ни с сего сказала бы ему: я не хочу, чтобы вы были там, где я. Это даже имело бы какой-то странный смысл. Мне неприятно, что и ты ему об этом говорил, так словно он сумасшедший илии заразный, что уж с ним в одном городе жить нельзя. Впрочем, это твое дело. Только я никого „не удерживаю", но и не прогоняю никого без причины, говорю это просто и прошу не злиться за это, – я держусь в этом деле нейтрально, потому что иначе не умею. Не знаю тоже, почему выражение симпатии ко мне чи забота о моем здоровье должна называться „вмешательством в наши семейные дела", – когда так, то и совет твой „ехать в Швейцарию" тоже есть „вмешательство"? Мне чего-то неприятно то, что ты задаешь вопрос, быть ди Квитке там, где я, или нет, – это меня ставит в фальшивое положение. Я ему ничего говорить не буду, пусть себе как хочет, делает, а тебе говорю совершенно искренне, что он мне ничем не мешает такой, какой он теперь. Кажется, он имеет ту же идею о моей слабости, что вы (только не говорит ничего), и потому „щадит" меня до смешного…Мне вообще смешна моя роль – я себя считаю здоровой, а меня все считают серьезно больной» [2, с. 377].

Родители не воспринимали первоначальное сожительство с будущими мужьями и двух других дочерей: Ольги и Оксаны. Для понимания ситуации внутри семьи Косачей очень важны рефлексии Леси Украинки, изложенные в письмах к матери, сестре Ольге и её будущему мужу. 28 января 1902 г. из Сан-Ремо поэтесса пишет сестре Ольге: «Господи, что за фатум недразумения и неискренности висит над нашей семьей! И откуда эта несчастная традиция? Кто ей дал начало?.. Ну, да что думать о том, может, хоть теперь каким героическим усилием можно будет поправить дело, внести нормальную ноту в этот ненормальный, натянутый стан вещей. Я тебе подам факты, может, тебе неизвестные. Ты думаешь, что с тобой молчат из-за того, „что неинтересно спрашивать". Между тем я знаю, что им очень интересно, а почему не спрашивают, на то разные причины. Еще летом, когда только что после простых и откровенных разговоров установилась эта ваша „тактика молчания", мама писала мне: „Разговоры о браке затихли, Лиля ни словом не вспоминает, когда и как то должно быть, ну, а уж мы» [3, с. 41–42]. И далее в этом же письме о переживаниях родителей по поводу незамужнего статуса беременной дочери: «Мама несколько дней плакала и рыдала по углам, пока осмелилась произнести тебе свое желание о формальном венчании... опять же и папа обижается на г [осподина] Крив [инюка], что он до сих пор сам ни слова не говорил о ваших планах, а сам папа опять таки не решается говорить, потому что это получится, „что он свою дочь навязывает или выпихивает"» [3, с. 42]. И далее в письме изложена собственная позиция Леси Украинки по поводу гражданских браков: «Мне на такие ситуации даже в театре тяжело смотреть, а то ведь терпеть их молча в своей семье! Ты, может, скажешь, что я и сама целыми годами молчу. Но то другое. В моих историях личных мне никто не мог ни помочь, ни повредить, они с меня начинались и на мне заканчивались и никого, кроме меня, не мучили, собственно, пока я о них молчала. Я и <u>не начинала</u> о них говорить, а когда приходило время, просто и на деле, хоть не на словах, обнаруживала, как я должен поступать. И это была крайность, и это в искренней нормальной семье не должно быть (при нормальных отношениях, напр [имер], с тобой я таки и не так себя веду), но то, как говорю, только <u>меня</u> угнетало. У тебя по-другому, потому что тут задет и второй, дорогой тебе человек, да и все мучаются этой „тактикой". Так зачем же, зачем же, кому она нужна? Бросьте ее! Ты моложе, здоровее духом, отважнее, меньше искалечена жизнью, может, тебе легче будет взять на себя инициативу» [3, с. 43].

В письме к М. В. Кривинюку из Тбилиси 16 января 1905 г. Леся Украинка сообщала будущему зятю о семейной обстановке: «Разговоры с родственниками прошли тихо, мирно и с их стороны была полная толерантность. Когда так было до конца, то я очень рада, – значит, все мамины стрелы (папа стрел никогда не употребляет) обломались <u>об меня</u> и для Лили их уже не осталось; это не раз так бывало, и нет ничего удивительного, если и на сей раз так вышло. Дело в том, что с осени у меня с мамой (когда мы оставались вдвоем) немало было принципиальных и непринципиальных разговоров на тему о браке, венчании и т. п., тогда было с ее стороны масса слез, рыданий, досадных и уязвимых вещей, порой целые ночи проходили так, что хотя бы не вспоминать... те ночи надломили мне душу, и поэтому я, может, когда-то должен буду сделать даже такое, от которого вы с Лилей счастливо спаслись. Но если услышите обо мне что-то подобное, то не бросайте камнем, знайте, что тяжкие раны, а не собственная воля заставят меня сложить оружие. Во всяком случае, мне будет потехой то, что когда не себе, то своей самой дорогой сестре я помогла пробить дорогу к свободной и честной жизни; может, без моей борьбы ее борьба была бы трудней. Может...

а может, и нет, потому что мама всегда больше „боялась" Лили, чем меня, и никогда не отваживалась говорить ей такого, как мне. Почему это так, не знаю, скорее всего, что я сама … виновата, то есть виноват мой нрав, а насколько человек виноват по своему нраву, это уж взвесьте сами. Так или иначе, все же могу сказать, что я первая заставила маму логикой отступиться от крайностей ее взгляда на невенчанный брак, и она сказала, что не считает себя в праве принимать некоего принуждения над Лилей в том направлении и искренне отступается от своих слов, будто она не хотела бы у себя принимать невенчанной дочери с ребенком» [3, с. 370–371].

Союз Ларисы Косач с Климентом Квиткой, мелким чиновником, к тому же бывшим существенно моложе, имел шесть лет (до 25 июля 1907 г.) характер гражданского, а не церковного («законного») брака. Гражданский брак в те времена осуждался, но поэтесса приняла решение «жить во грехе». О всё большей привязанности к уже официальному мужу свидетельствуют и следующие слова, высказанные в письме к знакомой М. М. Комаровой-Сидоренко 3 ноября 1907 г. : «Что касается меня, то я ни на один день не решилась бы покинуть К [лёню]; я не люблю даже, как он идет куда хоть на час без меня, потому что все мне кажется, что ему еще беда может случиться» [4, с. 72]. Вряд ли такую фразу Леся Украинка написала бы в письме к родителям.

Поэтесса согласилась на неузаконенный брак возможно еще и потому, что недооценивала себя как женщину [6, с. 153]. Низкая самооценка Леси Украинки была обусловлена ее болезнями, периодическими передвиженмями на костылях, частыми пребываниями в больницах, плохо скрываемой жалостью со стороны некоторых окружающих. В письме из Сан-Ремо к сестре Ольге 28 января 1902 г. она хочет «сжечь себя, сжечь с энтузиазмом, с бессонными ночами, с порывами творчества» [3, с. 45]. И далее в этом же письме: «Но я понимаю, что я не имею права на это. Я, инвалид, недобиток, не имею права добить себя» [3, с. 45].

Низкая самооценка Леси Украинки была сформирована еще в детстве отношением Елены Пчёлки к дочери. Средняя сестра поэтессы О. П. Косач-Кривинюк подчеркивала, что мама неоднократно наносила душевные травмы своей старшей дочери [10, с. 36]. Мемуаристка вспоминала, что Ольга Петровна очень любила своего первенца – «яркого, показного» Мишу, а своего второго ребенка – Лесю – в ее же присутствии называла «некрасивой, неумной» [10, с. 31], «недотепой, неинтересной, неразвитой» [10, с. 40]. Ребенка даже не приучали к будущей роли жены и матери. Маленькая Леся «никогда не имела кукол, никогда не играла ими и не любила их» [10, с. 32]. Хотя сама Елена Пчёлка в письме к Драгомановым 1885 г. достаточно высоко оценивает поэтические способности своей 14-летней дочери: «Леся прекрасный ребенок, такой без конца добрый, снисходительный для всех. Очень способная как к науке, так и к искусству. Она вполне очень хорошо и не по-панянском играет на фортепиано, особенно украинское. Играет и другие вещи. И это же только одну зиму брала уроки музыки. Леся пишет стихи и вполне сносно владеет стихом. Может, когда-то станет настоящей поэтессой» [цит. по: 8].

Не способствовали налаживанию отношений между дочерью и мамой властность и нервозность последней [6, с. 153]. Характерна ремарка Леси Украинки в письме к О. П. Косач-Кривинюк от 28 ноября 1899 г. : «У мамы нервы часто играют» [2, с. 256]. Понимала ли дочь, что часто мамина нервозность была вызвана дочкиными проблемами? Только отчасти. В письме к брату Михаилу из Киева 12 декабря 1893 г. Леся Украинка дает тиранической любви матери беспощадную характеристику: «Мама теперь сама очень уязвима... она беспощадна к тому, кого любит... пилила не раз и меня, и не то что пилила, а в самое сердце поражала, только… она уже совсем не подозревала, что мне больно от её слов.... Вообще же она к нам была очень добра теперь и все говорила, что ей чего-то очень жаль нас, что мы е [й] (а особенно я) несчастными кажемся. Я думаю, это от того, что она скучает за нами» [1, с. 244].

Леся Украинка тяжело переживала свою физическую слабость, которая мешала ей учиться и работать. Осознавая свои физические недостатки, она показывает незаурядную волю к жизни. Об этом Леся Украинка пишет сестре Ольге в письме от 24 ноября 1897 г. : «Нельзя, грех быть инвалидом, когда так много работы и так мало людей, надо перестать им быть, когда не можешь сейчас, то через год, через два, через три, а все-таки надо выйти в люди! И я выйду или под ножом пропаду, а так не останусь» [2, с. 82]. Она в другом письме к ней 25 января 1904 г. просит не жалеть ее: «Пусть там говорят, что хотят, а я постараюсь доказать, что я таки не до конца инвалид, и докажу это – без слов» [2, с. 337].

Сила воли поэтессы отчетливо видна в письме к М. П. Драгоманову от 28 июля 1891 г. из Евпатории: «О, если бы мне не та нога, чего бы я в мире натворила!»! [1, с. 154].

Такие же бодрые слова Леся Украинка использует в письмах к матери и отцу. В письме к Елене Пчёлке от 12 марта 1898 г. из Ялты тяжело болеющая дочь оценивает свою жизнь как борьбу: «Мне кажется, что я имею перед собой какую-то великую битву, из которой выйду победителем или вовсе не выйду. Когда у меня действительно есть талант, то он не погибнет, – то не судьба, что погибает от туберкулеза или истерии! Пусть и мешают мне эти бедствия, но зато, кто знает,

не куют ли они мне такого оружия, какого нет у других здоровых людей» [2, с. 122]. В письме к П. А. Косачу от 10 мая 1903 г. она философски резюмирует: «да конечно, надежды надеждами, а жизнь жизнью, только все же лучше хоть надеяться» [2, с. 270].

В конце жизни поэтессы письма о перспективах лечения и самой жизни становятся менее оптимистическими. Леся Украинка оценивала борьбу с туберкулезом костей как «настоящую „30 летнюю" войну» [4, с. 323]. Это высказывание в письме из Кутаисиси к сестре О. П. Косач от 8 августа 1912 г. характеризует состояние поэтессы очень красноречиво. И далее в этом письме без оптимизма: «Время когда-то и устать. Не вижу я никакой надежды… может, в лучшем климате меньше будет моментов обострения, но это уже не так важно – нужно быть богатой англичанкой, чтобы целый век гонять по курортам с какой-то медленной хронической болезнью» [4, с. 323]. Она обращает внимание на большие расстояния «и связанную с тем усталость», «курортную скуку», «дороговизну», несоразмерную с результатами [4, с. 323].

В то же время в переписке Леси Украинки с мамой, дядей и другими родственниками поднималось большое количество разнообразных вопросов общественной жизни, образования, науки, искусства, языка и литературы. Поэтесса часто делилась в этих письмах замыслами новых литературных произведений, обстоятельствами своего труда, успехами и неудачами. Например, Леся Украинка в письме от 6 февраля 1907 г. сообщает маме: «Не писала тебе, потому что стыдно было мне посылать письма без давно обещанного перевода, а между тем всякий хлопоты не давал мне восстановить или попросту насвежо написать эти вещи. Теперь этот перевод получился у меня ближе к тексту, чем тот русский, что вошел когда-то в статью, да и чем тот украинский, что потерялся. Я теперь лучше знаю метрику итальянскую, чем тогда, и оттого смогла передать далеко точнее размер этого стихотворения, могу даже сказать, что передала его совершенно точно» [4, с. 23].

Елена Пчёлка издала за свой счет первый сборник стихов Леси Украинки, устраивала ее произведения в разные журналы. Но дочь всегда мечтала о материальной независимости от семьи. Леся Украинка в письме к матери из Тбилиси от 8 декабря 1904 г. признается в мечте «хоть какое время пожить совсем самостоятельно, при внятной и ответственной работе, работе активной, какой-нибудь организаторской» [3, с. 366].

В письме к сестре Ольге от 26–27 апреля 1900 г. Леся Украинка признается, что ей комфортно в одиночестве: «Хочется уехать еще и из-за того, чтобы пожить в одиночестве. Не в моей натуре жить …в такой хате, куда по сто раз в день кто-то может врываться» [2, с. 287]. И далее: «Вот только наши начнут говорить: «Да как же ты сама будешь, и с твоими припадками» и т. п., а тем временем мне именно лучше быть уж одной, чем в обществе, чем даже в семье. Скитания по курортам приучило меня к периодическому уединению, и принудительное случилось потом привычным» [2, с. 288].

Одиночество создавало лучшие условия для творчества, ставшего одним из средств временного забвения от болезни. Об этом она пишет в письме к О. П. Косач-Кривинюк от 28 ноября 1899 г. : «Мне работа, как и музыка служит порой вместо горчишника (морального, конечно)» [2, с. 255]. И далее в письме поэтесса сравнивает свое творчество с распространенным в те времена обезболивающим наркотиком, который вынуждена была принимать: «Я знаю, что очень невозвышенно употреблять литературу вместо морфия, но все же это лучше, чем морфий употреблять вместо литературы» [2, с. 255].

Тяжелое состояние здоровья не помешало поэтессе постоянно заниматься самообразованием. Леся Украинка изучала языки. В письме из Колодяжного к супругам Драгомановых от 30 августа 1892 г. она пишет о своем желании «знать все главные европейские языки» [1, с. 194]. В другом (от 24 ноября 1893 г.) письме к М. П. Драгоманову, Леся Украинка из Киева сообщает дяде о своих успехах в изучении английского языка, ставя цель читать «Шекспира в оригинале» [1, с. 242].

Помимо литературных произведений, она читала научные и публицистические труды, занималась переводами. В письме от 29 сентября 1894 г. из Софии племянница благодарит М. П. Драгоманова за критику ее переводов, так как «до сих пор никто со мной не говорил так, как Вы, критика моих знакомых и родных оборачивалась больше на язык, стиль и т. п. » [1, с. 330–331].

Другим спасением для больной становились многочисленные путешествия. Писательница во время путешествий в Италию, Египет, Болгарию, Швейцарию, Германию подробно описывала увиденное в письмах к родным. Путешествия облегчали ее моральное и физическое состояние. В письме из Колодяжного к М. П. Драгоманову от 15 марта 1892 г. поэтесса признает, что «блуждание» «вошло уже мне в кровь, как наступает весна: меня в водоворот тянет» [1, с. 184]. Она из Колодяжного в письме к Драгомановым от 30 августа 1892 г. сравнивает себя с известными путешественниками: «Если бы я была здорова, то, может быть, вышел из меня Вамбери или второй Прежевальский, потому что имею очень бродячую натуру» [1, с. 193] и мечтает о путешествии «вокруг света» [1, с. 193].

Надежды на то, что болезнь отступит, усиливались весной. Весной 1893 г. из Колодяжного она писала в письме к семье Драгомановых: «Я теперь в весеннем настроении и мыслями уже не дома, а по мирам летаю. Простор для мыслей велик и планов тьма, мне даже это по нраву, что я не знаю еще ничего определенного, где буду летом. Я бы хотела быть летом когда уже не в Болгарии, то где-то на Днепре и на порогах. Во всяком случае думаю, что это лето будет для меня лучше и приятнее, чем прошлогоднее было. А осенью уже черкну через море!» [1, с. 206].

Письма (преимущественно к родственникам) последних двух лет заполнены перечислением результатов анализов, в основном мокроты и мочи [4]. Кроме туберкулеза костей, осложненного распространенною в те времена чахоткою (тубекулезом легких), с 1907 г. нефрита и цистита, поэтесса часто болела ангиной, ларингитом, бронхитом и инфлюэнцией (гриппом) [14, с. 76–78, 82], что конечно же серьезно снижало ее работоспособность. Пришлось Лесе Украинке переболеть еще малярией и трахомой [14, с. 76].

Изложенный материал позволяет сделать некоторые выводы. Проанализированная семейная переписка Косачей и Драгомановых позволяет утверждать близость и духовное родство представителей рода. Анализ переписки Леси Украинки показал большое влияние главной болезни Леси Украинки на ее жизнь и творчество. Поэтесса всю жизнь тяжело болела, перенесла несколько операций, долгое время была вынуждена соблюдать постельный режим. Поэтому течение болезни Леси Украинки постоянно обсуждалось в письмах.

Переписка поэтессы с семьей свидетельствует о некоторой эволюции отношений Леси с мамой и отцом: открытость в высказываниях молодой поэтессы меняется сдержанностью, даже замкнутостью и закрытостью. Эти изменения, по нашему убеждению, были обусловлены неодобрением родителями ее страстной любви к С. К. Мержинскому, а впоследствии и (сначала внебрачных) отношений с К. В. Квиткой. Особенно отношения между матерью и дочерью были довольно сложными.

В то же время в семейной переписке поднято большое количество различных вопросов общественной жизни, образования, науки, искусства, языка и литературы.

Дальнейшее изучение писем Леси Украинки и других представителей славного рода Косачей-Драгомановых будет способствовать лучшему исследованию и популяризации жизни и творчества выдающихся представителей этого рода.

1. Українка, Л. [Косач-Квітка, Л. П.]. Повне академічне зібрання творів / Л. Українка. – Том 11 : Листи (1876–1896). – Луцьк : Волинський національний університет імені Лесі Українки, 2021. – 600 с.
2. Українка, Л. [Косач-Квітка, Л. П.]. Повне академічне зібрання творів / Л. Українка. – Том 12 : Листи (1897–1901). – Луцьк : Волинський національний університет імені Лесі Українки, 2021. – 608 с.
3. Українка, Л. [Косач-Квітка, Л. П.]. Повне академічне зібрання творів / Л. Українка. – Том 13 : Листи (1902–1906). – Луцьк : Волинський національний університет імені Лесі Українки, 2021. – 616 с.
4. Українка, Л. [Косач-Квітка, Л. П.]. Повне академічне зібрання творів / Л. Українка. – Том 14 : Листи (1907–1913). – Луцьк : Волинський національний університет імені Лесі Українки, 2021. – 616 с.
5. Богдашина, О. Відносини Лесі Українки та Олени Пчілки у родинному листуванні / О. Богдашина // Ідеологиня національної аристократії (на пошану 150-річчя від дня народження Лесі Українки) : зб. наук. пр. за мат. всеукр. наук. - практ. конференції з між нар. участю, 25–26 лютого 2021 р. / наук. ред. Т. Єщенко. – Львів, 2021. – С. 277–283.
6. Богдашина, О. Життєва драма Лесі Українки в родинному листуванні Косачів-Драгоманових / О. Богдашина, О. Осіпов // Збірник наукових праць. Сер. Історія та географія / Харк. нац. пед. ун-т імені Г. С. Сковороди. – Харків, 2018. – Вип. 55. – С. 151–157.
7. Геник, С. М. "Тілесна драма" Лесі Українки (хвороби і смерть Лесі Українки) / С. М. Геник // Прикарпатський вісник НТШ. Пульс. – 2013. – № 4 (24). – С. 195–217.
8. Денисюк, І. Турбота про Лесю [Електронний ресурс] / І. Денисюк, Т. Скрипка. – Режим доступу: https://www.t-skrypka.name/LUkrainka/Gnizdo/Figures/OPchilka/Care.html. – Дата доступу: 7.08.2021.
9. Кіцера, О. Вони лікували українського Шекспіра (Леся Українка і лікарі) / О. Кіцера // Ідеологиня національної аристократії (на пошану 150-річчя від дня народження Лесі Українки) : зб. наук. пр. за мат. всеукр. наук.-практ. конференції з між нар. участю, 25–26 лютого 2021 р. / наук. ред. Т. Єщенко. – Львів, 2021. – С. 451–526.
10. Косач-Кривинюк, О. П. Леся Українка: Хронологія життя й творчості / О. П. Косач-Кривинюк. – Нью-Йорк, 1970. – 926 с.
11. Лихтенштейн, И. Е. Преодоление. Леся Украинка / И. Е. Лихтенштейн // Новости медицины и фармации в мире. – 2014. – № 9–10. – С. 24–27.
12. Минкова, Л. Леся Українка в листуванні родини Драгоманових : (за матеріалами софійського архіву І. Шишманова) / Л. Минкова // Радянське літературознавство. – 1971. – № 2. – С. 61–64.
13. Оніпко, В. Життєпис Лесі Українки в родинному листуванні Олени Пчілки / В. Оніпко // Волинь філологічна: текст і контекст : зб. наук. пр. / Східноєвроп. нац. ун-т ім. Лесі Українки. – Луцьк, 2016. – Вип. 22 : Універсум Лесі Українки. – С. 336–345.
14. Пустовіт, В. Соціокомунікативний аспект медичної теми в епістолярії Лесі Українки // Образ. – 2016. – Вип. 3. – С. 74–83.
15. Святовець, В. Ф. Епістолярна спадщина Лесі Українки: листи в контексті художньої творчості / В. Ф. Святовець. – К. : Вища шк., 1981. – 183 с.

Шимукович С. Ф.

«РУССКАЯ СТАРИНА» ОБ УЧРЕЖДЕНИЯХ ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В XIX–XX ВЕКАХ

Исторический журнал «Русская старина» был основан в 1870 г. братьями М. И. и В. И. Семевскими. Это издание в ряду с такими, как: «Вестник всемирной истории», «Русский архив», «Исторический вестник» и разнообразные региональные «старины» специализировалось на публикации первоисточников, среди которых можно отметить самые разные категории официальных документов, но более всего интерес издателей представляли источники личного происхождения, такие как письма, записки, воспоминания, дневники, автобиографии и т. д. «Русская старина» специализировалась на разработке вопросов русской истории и литературы имперского периода XVIII – XX вв. (журнал выходил до 1918 г.).

Братья М. И. и В. И. Семевские имели непосредственное отношение к белорусским землям, их родовое имение находилось в Великолуцком уезде, соседствовавшим с Витебской губернией, при этом Михаил Иванович получил образование в Полоцком кадетском корпусе, а местом рождения Василия Ивановича и вовсе указан Полоцк [4]. В этой связи можно отметить хорошее знакомство издателей с белорусскими землями, особенностями их исторического развития, сложностями унификации региона в имперском пространстве России. В журнале за почти пятьдесят лет его издания были опубликованы весьма интересные материалы, как касавшиеся истории белорусских земель, так и интересных уроженцев Западного края. Особенно много материалов касается обоих польских восстаний в XIX в. Нас интересовали материалы, которые от первого лица раскрывают специфику процесса воспроизводства элит в регионе, источники, которые иллюстрируют деятельность учреждений образования в регионе в период XIX – начала XX в., а также материалы личного происхождения уроженцев края, обучавшихся в данный период в разных образовательных учреждениях империи.

Кроме этого, в журнале помещались биографические сведения и воспоминания об уроженцах белорусских земель, сделавших карьеру за пределами родного региона (О. И. Сенковский, С. В. Ковалевская (Корвин-Круковская), К. А. Коссович, В. Д. Спасович, Е. Е. Замысловский, Ф. В. Булгарин, В. И. Семевский и др.), интересная информация об уроженцах белорусских земель содержится в дневниках и письмах некоторых известных российских деятелей науки, в частности А. В. Никитенко, Н. Ф. Здекауэра, Н. К. Шильдера, В. М. Флоринского и др. Интересные наблюдения ряда профессоров и чиновников министерства народного просвещения об участии уроженцев Западного края в студенческих волнениях в российских императорских университетах в 1860-х и 1880-х гг. находятся в сообщениях П. Д. Шестакова, Н. А. Фирсова, С. В. Ешевского, Н. К. Ранненкампфа, И. Цветкова.

Что касается деятельности учреждений образования на белорусских землях, то напрямую либо косвенно в публикациях «Русской старины» можно почерпнуть сведения о Полоцком и Брестском кадетских корпусах, Горы-Горецком земледельческом институте и эпизодически – о Виленском университете.

Появление в журнале материалов по истории Полоцкого кадетского корпуса было обусловлено двумя важными факторами. Во-первых, издатель журнала М. И. Семевский был его воспитанником и это объясняет личную заинтересованность в появлении соответствующих материалов. Во-вторых, к М. И. Семевскому, как воспитаннику корпуса, в 1883 г., в преддверии пятидесятилетнего юбилея военно-учебного заведения, обратился директор А. Тыртов с просьбой содействовать в написании истории корпуса, а также составит «…исторический обзор Белоруссии и города Полоцка в особенности…», поскольку он имел когда-то важное «…не менее Киева и Великого Новгорода, историческое значение, и судьбы которого для всего западно-русского края имели первенствующее значение». Также директор был заинтересован в составлении возможно полного исторического очерка иезуитской академии «…так как кадетский корпус занимает здания знаменитой некогда полоцкой иезуитской коллегии, основанной Стефаном Баторием…». А. Тыртов просит М. И. Семевского, называя его «полочанином», поделиться любыми историческими сведениями [2].

В 1885 г. в декабрьском выпуске журнала вышли неподписанные автором краткие, на 8 страницах, воспоминания о Полоцком кадетском корпусе [3]. Судя по годам обучения автора (с 1847 по 1852), им является сам М. И. Семевский. Воспоминания носят достаточно нейтральный, а местами и комплементарный характер, что объясняется их появлением по случаю полувекового юбилея учреждения. В начале очерка автор дал краткую характеристику «темных сторон» первых десятилетий существования корпуса, отметив, что эти общие недостатки были свойственны всем провинциальным корпусам николаевской эпохи. Положительной стороной корпуса, по мнению автора, было то, что в нем получали образование дети местного многочисленного мелкого и среднего небогатого дворянства, «…приучаясь к самой строгой, точной исполнительности, к самому строгому исполнению своего долга», но это давало возможность молодым людям «…не завязнуть в тине крепостного быта» [3, с. 698, 702].

Отзывы автора очерка о преподавательском составе и администрации корпуса носят достаточно комплементарный, хотя и объективный характер. Положительно автор характеризует профессиональных преподавателей, отрицательные характеристики получали люди случайные, которых было много в небольшом уездном городе. Автор отмечает, что с 1849 г., когда во главе военно-учебных заведений был поставлен цесаревич великий князь Александр Николаевич, «…науки получили все большее и большее значение…» и кадетские корпуса «…стали выпускать из своих стен <…> образованных граждан земли русской». Но главное, что делал с белорусскими молодыми шляхтичами преподавательский состав корпуса – «…внушал любовь к отечеству и, действительно, настолько сильно, что в воображении подраставшего в его стенах поколения выше, сильнее, могущественнее России ничего не существовало» [3, с. 703].

Через десять лет, в 1895 г. в «Русской старине» были опубликованы более пространные, объемом 45 страниц, воспоминания уроженца Минской губернии Осипа Еленского о Брестском кадетском корпусе [1]. Он называет это военное учебное заведение «забытым», поскольку о корпусе к концу XIX в. не было написано почти ничего, в то же время среди выпускников корпуса было «…много генералов, командующих полками, есть профессора, ученые и литераторы» [1, т. LXXXIII, вып. 4, с. 143, 168].

Причиной данного забвения Еленский считает испорченную репутацию корпуса, и винит в этом выпускника корпуса Ягмина, который опубликовал в 1892 году в «Историческом вестнике» свои записки, посвященные участию в восстании 1863 года. По мнению Еленского, в этих записках «…Брестский корпус изобличается в безнаказанном будто бы воспитывании целых поколений юношей в ненависти к престолу и к России…» а ксендз Козьмян обвиняется в «…стремлении развивать, среди бывших кадет Брестского корпуса, злобу ко всему русскому, к православной вере и этим толкнувшего многих кадет, в том числе и его, г. Ягмина, в 1863 г. в восстание» [1, т. LXXXIII, вып. 4, с. 143, 153]. В воспоминаниях Еленский еще упоминает и Я. Домбровского, выпускника корпуса и одного из руководителей восстания, но при этом достаточно наивно отмечает, что «…никому не придет в голову винить за Домбровского Брестский корпус» [1, т. LXXXIII, вып. 4, с. 169]. Тем не менее, репутация «мятежного корпуса» оказалась устойчивой и была закреплена в названии современного исследования белорусских историков П. И. Бригадина и А. М. Лукашевича.

Осип Еленский провел в корпусе долгие десять лет – с 1850 по 1859 гг., за это время он был свидетелем многих исторических событий и имел возможность видеть знаковых людей эпохи (с учетом специфики подросткового восприятия). В его воспоминаниях история корпуса делится на два больших этапа, при этом чертой является перевод заведения в Москву. В первую очередь это серьезным образом сказалось на качественном улучшении учебного дела. В Бресте сложно было найти хороших преподавателей, почти все предметы вели армейские офицеры, никакого образовательного ценза для них не требовалось, так что только один преподаватель был с университетским образованием. Как отмечает Еленский, «…это были все добрейшие люди, но к науке совсем не причастные» [1, т. LXXXIII, вып. 4, с. 150]. Также он отмечал засилье немцев, так «…из 30 офицеров, составляющих наше военное начальство, едва-ли можно насчитать 5–6 человек русских…» [1, т. LXXXIII, вып. 4, с. 157]. Кардинальным образом ситуация изменилась с переводом заведения в Москву и Еленский на нескольких страницах дает лестные характеристики как новым преподавателям, так и руководству корпуса в лице Ф. Ф. Редигера [1, т. LXXXIV, вып. 10, с. 188–191, 202].

Интерес представляют факты, которые свидетельствуют о выстраивании взаимоотношений между кадетами и все, что касается проявлений «польского» патриотизма. Так, Еленский отмечает, что большинство кадет – это уроженцы Царства Польского и «литовских» губерний, поскольку корпус содержался на деньги местных помещиков, но около трети воспитанников были из российских губерний. «…Не припомню ни одного, даже самого малейшего, случая национального антагонизма между кадетами польского и русского происхождения. Мы жили – будто дети одной семьи» – отмечал Еленский [1, т. LXXXIII, вып. 4, с. 147].

Тем не менее, споры между «поляками» и «русскими» возникали на почве изучения русского языка, в ходе которого учитель Тюрин кадетам высших классов читал повести о борьбе поляков с казаками времен Хмельницкого, где поляки представлялись изуверами. «…Это только развивало в нас чувство раздражения и задор и зачастую способствовало к нежелательным спорам с русскими товарищами, которые, к счастью, всегда оканчивались миролюбиво» [1, т. LXXXIII, вып. 4, с. 150].

Языком общения в корпусе был исключительно русский и начальство строго следило за исполнением этого требования (между тем большинство поступающих в корпус совершенно не знали русский язык, однако благодаря преподавателям Лекторскому, Тюрину воспитанники из польских и литовских уроженцев «…при выходе из корпуса, не только литературно и правильно говорили по-русски, но по выговору их трудно было отличить от кадет чисто русского происхождения» [1, т. LXXXIII, вып. 4, с. 147].

Перевод корпуса в Москву был вызван Крымской войной, которая, в свою очередь, привела к изменениям в руководстве империи, что отразилось на настроениях кадет. Так, Еленский отмечает, что перемены на престоле дали надежду на воссоединение польских семей с десятками тысяч политических ссыльных и эмигрантов, что и произошло, осчастливив многочисленные семьи, через полгода после воцарения Александра II [1, т. LXXXIV, вып. 10, с. 192].

Нахождение Брестского кадетского корпуса в Москве интересно тем, как выстраивались линии взаимоотношений между кадетами и местным обществом. Еленский пишет, что большинство кадет «…совершенно не имели в Москве не только родственников, но даже знакомых…» что создавало проблему с проведением времени в отпусках. Однако «…почти все мы имели в Московском университете кто брата, кто родственников. В то время Московский университет был излюбленным университетом польской молодежи. Землячество среди студентов было тогда в полном ходу. <…> Мы часто бывали у них». Автор тут же отрицает любую политическую подоплеку данных контактов: «…в тех кружках, которые мы посещаем, студенты вели себя нравственно и серьезно занимались наукой <…> нескромных разговоров никогда мы не слышали. Политический быт не только России, но и других государств подвергался осторожной критике <…> Вообще, такие кружки студентов не могли не иметь хорошего влияния на наше развитие» – делает вывод автор воспоминаний [1, т. LXXXIV, вып. 10, с. 196, 198].

Здесь Еленский противоречит сам себе, поскольку ранее в своих записках он отметил один неприятный для всех кадет случай. Из корпуса были исключены и отосланы в юнкера очень способные и успевающие кадеты Б., Ж. и С. – у них были найдены запрещенные стихи Герцена, Огарева «…а главное, нашли берлинское издание комедии «Трумпер, принц немецкий», – дедушки Крылова» – все это было получено от студентов университета [1, т. LXXXIV, вып. 10, с. 190].

Таким образом, воспоминания О. Еленского представляют собой попытку комплементарно представить историю Брестского кадетского корпуса в период 1850-х гг. и реабилитировать его репутацию. Автор старается развенчать обвинения, обозначенные в сочинении своего чуть более старшего сотоварища Ягмина, создать впечатление лояльного военного учреждения образования, в котором обучались дети «польских» семейств из «нелояльного» региона империи (отметим – что это автору не всегда удавалось). Тем не менее, воспоминания бывших воспитанников о Полоцком и Брестском кадетских корпусах подтверждают один важный тезис – эти заведения в большей либо меньшей степени являлись эффективными инструментами имперской унификации белорусского региона, поскольку большая часть выпускников кадетских корпусов были интегрированы в имперские институты, где они демонстрировали высокий уровень лояльности центральной власти.

1. Еленский, О. Мои воспоминания о забытом корпусе (Посвящается товарищам Брестского кадетского корпуса) / Осип Еленский // Русская старина. – 1895. – Т. LXXXIII. – Вып. 4. – С. 143–169 ; Т. LXXXIV. – Вып. 10. – С. 185–203.
2. Полоцкий кадетский корпус (1835–1885 гг.). Письмо директора корпуса к М. И. Семевскому, 6 декабря 1883 г. // Русская старина. – 1883. – Т. XL. – Вып. 12. – С. 716.
3. Полоцкий кадетский корпус (1835–1885) // Русская старина. – 1885. – Т. XLVIII. – Вып. 12. – С. 697–704.
4. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. – СПб., 1890–1907. – Т. XXIX : Сахар – Семь мудрецов, 1900. – С. 426–428.

Олейник В. В.

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ОРГАНОВ ВОЕННОЙ ЮСТИЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

История органов военной юстиции и их деятельность на территории Беларуси в дореволюционный период относятся к числу тем, которые пока недостаточно разработаны отечественной исторической наукой. Вместе с тем в той или иной мере некоторые стороны деятельности военно-судебных учреждений Русской императорской армии по решению возложенных на них задач по борьбе с правонарушениями и преступлениями военнослужащих в последней трети XIX – начале XX веков были предметом изучения белорусских и зарубежных ученых.

Так, из дореволюционной литературы особое внимание обращают на себя исследование русского юриста XIX века В. А. Соболевского [1] и труды генерал-майора А. В. Жиркевича [2], имеющие, в том числе, мемуарный характер. В них проводится анализ сформированной после военно-судебной реформы 1867 года в Российской империи системы органов военной юстиции (действующих, что для нас важно, и на белорусских землях), излагаются ее особенности, а также имеющиеся, по мнению авторов, недостатки в функционировании данной системы. Вместе с тем, точка зрения авторов носит достаточно субъективный характер, основана на их личном опыте и не касается работы военно-судебных учреждений на заключительном этапе существования последних.

Характер научного исследования имеют работы, выполненные проходившими в указанный период службу офицерами Русской императорской армии: краткий исторический очерк профессо-

ра и военного следователя подполковника В. Д. Кузьмина-Караваева о Военно-юридической академии [3], и имеющие прикладное значение труды военного следователя полковника П. А. Швейковского [4], который, будучи в звании генерал-майора, продолжил свою деятельность по повышению правовой подготовки органов дознания [5]. Данные работы дают нам преставление о получении офицерами армии и флота высшего военно-юридического образования и возможность понять специфику деятельности органов военной юстиции описываемого периода и их отличие от функционирования судебных органов гражданского ведомства.

Также, к мемуарной литературе периода после 1917 года можно отнести работы бывших военных следователей М. С. Королькова [6] и Р. Р. фон Раупаха [7], во многом дополняющие и уточняющие официальные документы. Их воспоминания охватывают период с конца XIX века до начала Гражданской войны в России и затрагивают такие сферы как обучение, служба и быт офицеров и солдат царской армии, совершение военнослужащими различных преступлений и назначение наказания за них. Авторы мемуаров также описывают состояние вооруженных сил и государства в целом. Их участие в Первой мировой войне и событиях обеих русских революций начала прошлого века делает данные работы безусловно важными для современного исследователя.

Достойны внимания мемуары таких дореволюционных юристов, как Н. П. Карабчевский, рассказывающий о различных преступлениях военнослужащих [8], и С. Анисимов, повествующий об уголовных делах в отношении участников революционных событий 1905 года, осужденных военными судами [9]. В свою очередь, описание военно-судебной системы начала XX века глазами иностранца можно увидеть в путевых впечатлениях Г. фон Базедова [10], написанных незадолго до начала Первой мировой войны. Указанные авторы представляю свой оригинальный взгляд на отечественную военно-судебную систему имперского периода, который ценен для нас именно своим противопоставлением, в отличие от предыдущих источников, российскому армейскому правосудию.

Кроме того, к источникам по истории органов военной юстиции относятся официальные периодические издания того времени, например, журнал «Военный сборник», издававшийся с 1858 по 1917 гг., и негосударственные, к примеру, легальный журнал, посвященный истории освободительного движения «Былое», за 1906–1907 годы. К числу самых информативных справочных изданий можно отнести Всеподданнейшие отчеты о действиях Военного Министерства, а также такие документально-статистические исследования, как Военно-статистические ежегодники армии 1910 [11], 1911 [12] и 1912 годов [13] и фундаментальный Военно-статистический сборник 1871 года [14].

В связи со столетием Военного министерства с 1902 года по 1914 год в России издавалась многотомная история этого ведомства, касавшаяся различных сторон его деятельности, состояния и устройства вооруженных сил. Для нас наибольший интерес представляет часть вторая тома двенадцатого, раскрывающая историю Главного военно-судного управления [15].

В советский период изучение вопросов истории органов военной юстиции на территории Беларуси до революции практически не проводилось, за исключением единичных исследований, например, работы А. В. Марыскина [16], которая некоторым образом охватывает отдельные аспекты изучаемого нами предмета. Это связано, в первую очередь, с непопулярностью (в основном, по идеологическим причинам) изучения данной эпохи среди ученых того времени, а также с невозможностью, по мнению большинства из них, творческого использования «наследия царского режима» для успешной работы социалистических органов военного правосудия.

Среди современных исследователей, освещающих указанную тему, в первую очередь, необходимо отметить белорусского ученого О. И. Адамюка [17], а также его российских коллег С. Н. Артамонову [18], О. В. Григорьева [19] и Н. А. Петухова [20]. Несмотря на то, что их труды в той или иной мере раскрывают вопросы военно-уголовной юстиции в рассматриваемый нами период, данные аспекты на территории Беларуси не являются непосредственным объектом их изысканий.

Кроме того, к современным работам, посвященным изучению военно-судебной системы в целом, а также истории полковых судов в Русской императорской армии и функционирования органов юстиции в военное время мы можем отнести исследования таких представителей российской науки, как В. А. Шагаев [21], Д. В. Первухин [22] и А. Г. Коротков [23].

Безусловно, ценнейшим источником для исследований по истории органов военной юстиции второй половины XIX – начала XX веков на белорусских землях являются фонды отечественных исторических архивов, содержащие документы военных судов, рассматривавших уголовные дела в отношении военнослужащих Русской императорской армии: Национального исторического архива Беларуси (г. Минск) [24] и Национального исторического архива Беларуси в г. Гродно [25].

Наше исследование было бы неполным и в случае отсутствия в нем биографических данных о представителях военно-судебного ведомства, проходивших службу непосредственно на территории Виленского военного округа [26], в том числе содержащихся в Сводах штатов военно-сухопутного ведомства, списках военнослужащих по старшинству и Памятных книжках белорусско-литовских губерний Российской империи за исследуемый период.

Данное краткое описание основных источников по обозначенной проблеме позволяет с достаточной полнотой осветить затрагиваемые в нашем исследовании аспекты деятельности органов военной юстиции Виленского военного округа и дать представление о специфике их функционирования, правового и кадрового обеспечения в последней трети XIX – начале XX веков.

1. Соболевский, В. А. Правосудие и правовой порядок в войсках: юридическое исследование / В. А. Соболевский. – СПб. : Типография Товарищества «Общественная Польза», 1882. – 627 с.
2. Жиркевич, А. В. Пасынки военной службы (материалы к истории мест заключения военного ведомства в России) / А. В. Жиркевич. – Вильна : Типография «Русский почин», 1912. – 503 с.
3. Военно-юридическая академия, 1866–1891 гг. : краткий исторический очерк / сост. В. Кузьмин-Караваев. – СПб. : Типография В. С. Балашева, 1891. – [4], 93, 193 с. : табл.
4. Военно-судная часть в войсках. Действующие законоположения со всеми разъяснениями по 15 апреля 1899 года. С приложением образцов и форм / сост. П. А. Швейковский. – СПб., 1899. – 84 с.
5. Права и обязанности военных начальников по военно-судным делам. Практическое руководство для военных начальников, председателей и делопроизводителей полковых судов и чинов воен. судеб. вед. Одобрено Главным военно-судным управлением / сост. П. А. Швейковский. – 4-е изд., испр., доп. – СПб., 1906. – 378 с.
6. Корольков, М. С. Гримасы жизни: из воспоминаний военного юриста / М. С. Корольков. – Н. Сад : Русская типография С. Ф. Филонова, 1929. – 168 с.
7. Раупах, Р. Р. фон. Facies Hippocratica (Лик умирающего): Воспоминания члена Чрезвычайной Следственной Комиссии 1917 года / под ред. С. А. Манькова. – СПб. : Международная Ассоциация «Русская культура» ; Алетейя, 2007. – 416 с., [16] с. ил.
8. Карабчевский, Н. П. Около правосудия: Статьи, сообщения и судебные очерки / Н. П. Карабчевский. – СПб. : тип. СПб. т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1902. – LXXX, 458, [2] с.
9. Анисимов, С. Как это было. Записки политического защитника о судах Столыпина / С. Анисимов. – Москва : Изд-во Всесоюз. общ-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1931. – 158 с.
10. Базедов, Г. фон. Путевые впечатления о военной России : пер. с нем. / [соч.] Гейно фон Базедова. – СПб. : Тип. гл. упр. уделов, 1911. – 30 с. – Отд. оттиск из № 10 «Воен. сб. » – Бесплат. прил. к № 255 «Рус. инвалида».
11. Военно-статистический ежегодник Армии за 1910 г. – СПб. : Военная Типография (в здании Главного Штаба), 1911. – 483 с.
12. Военно-статистический ежегодник Армии за 1911 г. Издание Главного Штаба. – СПб. : Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1913. – 578 с.
13. Военно-статистический ежегодник Армии за 1912 г. Издание Главного Штаба. – СПб. : Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1914. – 516 с.
14. Военно-статистический сборник. – Выпуск IV. Россия. Отдел II / сост. В. Ф. Де-Ливрон [и др.] ; под ред. Н. Н. Обручева. – СПб. : Военная Типография (в здании Главного Штаба), 1871. – 922 с.
15. Столетие военного министерства (1802–1902). Главное военно-судное управление. Исторический очерк. – Том XII. – Часть II. – Книга I. / сост. В. А. Апушкин. – СПб. : Тип. поставщиков Двора Его Императ. Величества товарищества М. О. Вольф, 1914. – 494 с.
16. Марыскин, А. В. Судебная реформа 1864 года и особенности ее проведения на территории Белоруссии : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / А. В. Марыскин. – Москва, 1985.
17. Адамюк, О. И. Военно-уголовная юстиция : монография / О. И. Адамюк. – Минск : Бестпринт, 2006. – 480 с.
18. Артамонова, С. Н. Система и структура органов военной юстиции во второй половине XIX века / С. Н. Артамонова. – М. : Воен. ун-т, 2016. – 200 с.
19. Григорьев, О. В. Развитие военно-судебной системы России (середина XVI – начало XXI века) / О. В. Григорьев. – М. : Граница, 2012. – 256 с.
20. Петухов, Н. А. История военных судов России : монография / Н. А. Петухов ; под ред. В. М. Лебедева. – М. : Норма, 2003. – 352 с.
21. Шагаев, В. А. Военно-судебная система России во второй половине XIX века: историко-правовое исследование : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / В. А. Шагаев ;Владимир. юрид. ин-т ФСИН. – Владимир, 2007.
22. Первухин, Д. В. Организация и деятельность полковых судов в Вооруженных Силах России с 1867 по 1921 год : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Д. В. Первухин ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2000.
23. Коротков, А. Г. Организационно-правовой аспект деятельности прокуратуры окружного суда в чрезвычайных условиях, 1904–1917 гг. : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / А. Г. Коротков ; Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. – Казань, 2007.
24. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 739. Оп. 1. Д. 1.
25. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно. – Ф. 1379. Оп. 1. Д. 1, 2.
26. Биографический словарь. Высшие чины Российской империи (22.10.1721 – 2.03.1917) : в 3 т. / сост. Е. Л. Потемкин. – М. : [б. и.], 2017.

Лякишева С. И.

АГРАРНАЯ ЖИЗНЬ ГРИНЁВО, ИЛИ КОММЕНТАРИИ К СВЕДЕНИЯМ О ХОЗЯЙСТВЕ

В «Кратких справочных сведениях о некоторых русских хозяйствах» [1] упоминается имение при сельце Гринёво (Перекоп), находящееся в 12 верстах от Черни, Московско-Курской железной дороги. С 1892 года оно принадлежало второму сыну Л.Н. Толстого, графу Илье Львовичу Толстому (1866–1933), который в 1888 году женился на Софье Николаевне Философовой, дочери художника Н. А. Философова, и с ней переехал в Гринёво. Это было одно из тех хозяйств, которые не курировались помещиком дистанционно, а велось лично владельцем при помощи управляющего. Тем интереснее проанализировать имеющиеся в справочнике краткие сведения, поскольку они помогут прояснить деятельность сына Толстого в области агрономии.

Согласно сведениям, всей земли в имении Гринёво и также принадлежавших ему близлежащих хуторах Новый и Александровский 788 десятин[1]. Это 858,9 га, то есть примерно вдвое больше, чем в Ясной Поляне, где родился и вырос Илья Львович Толстой. Из них пахотной земли – 570 десятин (621,3 га), сенокосной – 30 десятин (32,7 га), под лесом – 180 десятин (196,2 га), усадебной 18 десятин (19,6 га).

Как видим, значительную часть сельскохозяйственных угодий усадьбы занимали пахотные земли, предназначенные для выращивания различных культур. К их числу относятся не только пашни, но и огороды, и площади для чистых паров.

Приводимые сведения показывают, что хозяин Гринёво большое внимание уделял физическому состоянию поля. Чтобы почва не истощалась при длительном выращивании культуры на одном месте, и в ней не накапливались возбудители бактериальных грибных болезней, И.Л. Толстой чередовал посадку культур, относящихся к разным семействам. В усадьбе Гринёво и в хуторах Новый и Александровский[2], находящихся в границах указанной площади, практиковались разные севообороты.

В Гринёво был введён *трёхпольный севооборот* (по 50 десятин в клину). Пахотная земля делилась на 3 части (клина). Одна из них отводилась под отдых и очистку земли (пар), а на двух оставшихся сеяли озимые хлебные культуры и яровые крупяные.

В хуторе Александровском регенерацию почвы И.Л. Толстой модернизировал травосеянием, установив *семипольный севооборот* (по 30 десятин в поле): 1) пар удобренный, 2) озимая рожь, 3) овес с подсевом клевера, 4) клевер, 5) пар, 6) озимая рожь, 7) овес.

В хуторе Новом он установил *девятипольный севооборот*: 1) пар, 2) озимая рожь, 3) картофель, 4) овес, 5) пар, 6) озимая рожь с подсевом клевера, 7-8) клевер, 9) овес.

Сорта полевых растений возделывались следующие:

Озимая рожь – ивановская, шланштедтская и местная. *Ивановская* рожь отличается выносливостью к суровому климату, хорошо кустится при достаточном наличии влаги, образуя много корневых листьев, редко полегает и мало осыпается. Высеянная в смеси с викою или с овсом, образует зелёный корм, который повышает молочность коров. Сорт известен во Франции, Англии, Финландии, Италии, в России. Название указывает на день посева (Иванов день в июне). *Шланштедтская*[3], выведенная немецким агрономом Римпау, отличалась длинными колосьями с многочисленными крупными и тяжелыми зернами и толстой высокой соломой, а также высокой устойчивостью к полеганию. Вес этой ржи достигал свыше 10 пудов в четверти, в то время как, согласно старым русским мерам, в экономических расчётах норматив 1 четверти ржи составлял 6,5 пудов. Российские покупатели выписывали её напрямую из Германии у Вильгельма Римпау или приобретали у отечественных торговцев семенами - дороже. Наконец, *местная* рожь. Она наиболее адаптирована к погодным условиям и почве, к тому же вполне рентабельна ввиду наличия собственного посадочного материала.

Из озимых пшениц И. Л. Толстой отдал предпочтение сорту польской пшеницы *сандомирка*[4] с красным безостным колосом и белым зерном (перерод)[5].

Овёс выращивал сорта: *«Австралийский»* (белый, ранний, очень урожайный) и *местный*. Сорта проса и гречихи выбирал также *местные*. Гречиху использовал в трехпольном севообороте ради улучшения плодородия полей, поскольку густая листва ветвистой гречи подавляет сорняки. Горох предпочитал *крупный белый*, который тоже хорошо восстанавливал почву.

И. Л. Толстой разводил породистых тонкорунных овец, о чем будет подробнее рассказано ниже, поэтому он заботился об обеспечении их лучшим кормом. *Горох, мелкая чечевица, вика чёрная, многолетние кормовые травы: красный клевер и тимофеевка* – растения, также

---

[1] О площади одного Гринёво в источнике: Бурлакова Т. На земле чернской // Яснополянский вестник. – 1990. - № 2 (август), с. 3, где приведены следующие сведения: «Гринёвку в 1889 г. у жены врача Н.А. Павпертовой приобрела С.А. Толстая. В 1891 г. имение, оценённое в 9800 руб., было заложено ею в Государственный дворянский земельный банк на срок в 34 года 6 месяцев за ссуду в 5800 руб. Так как по разделу 1892 г. не все дети получали равные части, С.А. Толстая «свое благоприобретенное имение с 142 дес. 400 саж. земли, со всеми лесами, садами, водами и всякого рода угодьями…» передала Илье Львовичу.

[2] Хутор Александровский, относящийся к усадьбе Никольское-Вяземское, достался Л.Н. Толстому после смерти брата Николая (источник: Бурлакова Т. На земле чернской // Яснополянский вестник. – 1990. - № 2 (август), с. 3. Именно там после женитьбы с апреля 1888 г. обосновался сын Толстого Илья Львович. В дальнейшем он переселился в Протасово – второй хутор Никольского-Вяземского, а деревянный дом из Александровского перевезли в усадьбу (Никольское-Вяземское). С 1892 г. И.Л. Толстой стал владельцем Гринёво.

[3] В. Римпау занимался селекцией озимой ржи в Шланштедте (Германия), в 1857 г. вывел сорт ржи под названием Schlanstedter Roggen (шланштедтская рожь), который высоко оценил И. Мечников в «Этюдах оптимизма».

[4] По названию города Сандомира в Польше, входящего в Свентокшиское воеводство.

[5] Перерод - зерно, утратившее чистоту своего сорта.

упомянутые в «Сведениях о хозяйстве…». Овсяная, чечевичная и гороховая солома, вика, клевер и тимофеевка, а также берёзовые, дубовые и осиновые листья составляли вполне сбалансированный рацион гринёвских овец.

Ежегодно из Гринёво поступали в продажу *семена красного клевера* - от 200 до 600 пудов[1] (от 3276 кг до 9828 кг), *семена черной вики* – до 1000 пудов (16380 кг) и *семена гороха* от 100 до 200 пудов (от 1638 кг до 3276 кг). Семеноводство было процветающей отраслью усадьбы - на реализацию отправляли свыше 34 тонн семян.

К важным культурным посадкам в усадьбе относились также лён сорта *псковский долгунец*, основное назначение которого - получение волокна, в 3 раза крепче шерстяного и в 2 раза крепче хлопкового и *горчица белая* - важнейшее медоносное растение и хороший корм для скота.

Направлений скотоводства в Гринёво было несколько.

В «Кратких справочных сведениях…» отмечается наличие стада молочного скота *швицкой породы* (чистокровной и полукровной). Эта порода, дающая при хорошем уходе и правильном рационе до 4500–5000 кг молока при жирности в 4–4,1%, названа по кантону Швиц (Швейцария), где она была селекционирована ещё в XIV веке. К содержанию и питанию швейцарского поголовья с целью лучших показателей предъявлялись высокие требования. Масло сбывалось в Москву и Тулу, в Ясную Поляну. Бычков в возрасте до 8 месяцев из Гринёво продавали на племя по 40 руб. каждый. Откормленный скот отправляли на убой в г. Мценск.

Стадо овец в Гринёво формировалось из *цигайской породы*, относящейся к элитным видам. Их красивая плотная шерсть с ажурной структурой шла на производство качественных овчин, используемых в изготовлении шуб и меховых шапок (от цигайской породы происходит слово «цигейка»).

Из многообразия пород свиней И.Л. Толстой отдал предпочтение чистокровным *беркширам*, относящимся к мясо-сальным породам. Их окрас исключительно чёрный со светлыми участками (звёздочками или полосками) на лбу или носу, а также «чулочками» на конечностях и отметинами на хвосте.

Лошадей в Гринёво разводили *рысистых кровных и полукровных*, способных к бегу чёткой, устойчивой рысью. Эти породы использовали для испытаний рысистого хода лошадей на ипподромах.

В «Кратких справочных сведениях…» приводятся также данные о пчеловодстве. В Гринёво, согласно данным, 12 ульев, но обратим внимание: 4 из них – системы Рута. Это вертикальные ульи конструкции американского пчеловода Амоса Ивеса Рута, в которых корпуса с укороченными рамками устанавливали несколькими ярусами, или этажами. Поддоны делали съёмные, крыша плоская. Особенность улья Рута «заставляло» пчёл производить в два раза больше мёда – между корпусами вставляли пустой ярус так, чтобы матка была в нижнем корпусе, затем шел неосвоенный, а в конце заполненный корпус. Пчелы, обманутые в пространстве, вынуждены были заполнять пустую середину мёдом. Соответственно, такая конструкция считалась значительно эффективнее других типов пчелиных домов для большей производительности мёда.

Отдельные сведения мы получаем из справочного пособия относительно плодоводства и лесоводства. Фруктовый сад в Гринёво занимает площадь в 8 десятин. Насаждения – преимущественно яблони. Имеется собственный питомник с саженцами, а это означает, что И.Л. Толстой интересовался помологией.

Он также преуспел в области лесоводства. Оборот рубки – 50-летний; в густых насаждениях производится выборочная рубка; лесовозобновление – естественное. По склонам и местам, неудобным для полевой культуры, практикуется искусственное лесоразведение. В Гринёво в большом количестве сажают березу, саженцы-самосейки берут с опушек и полей.

В разделе «Технические производства» в «Кратких справочных сведениях о некоторых русских хозяйствах» указано, что в хозяйстве устроен маслобойный завод, который перерабатывает до 6000 пудов покупного конопляного семени, имеется небольшая мастерская для ремонта земледельческих машин и изготовления некоторых сельскохозяйственных орудий. Дочь хозяина Гринёво Анна Ильинична Толстая вспоминала: «После поездки за границу отец вернулся счастливый, радостный, полный новых впечатлений. Вскоре в гринёвском хозяйстве появились черные свиньи – беркширы, плуги, сеялки, жнейки, конные грабли, зерносушилка, для которой был выстроен отдельный высокий сарай. … Весь сельскохозяйственный инвентарь был большим нововведением. Соседи приезжали смотреть на его новинки. Приезжал тогда к нам и Павел Иванович Левицкий, известный в то время своими передовыми методами сельский хозяин.

[1] Пуд – 16,38 кг

Мой отец всегда советовался с ним и постоянно навещал почтенного старичка. Работы П.И. Левицкого и моего отца отмечались в журнале «Сельский хозяин» [2, с. 29].

Несмотря на то, что хозяйство стало процветающим, его коснулась общая беда голода в конце XIX века. Лев Николаевич Толстой несколько раз приезжал в гости к сыну в Гринёво, но наиболее продолжительное пребывание его относится к 1898 году. Весной того года Л.Н. Толстой жил в Москве, где узнал о народном бедствии – голоде в Чернском, Ефремовском, Мценском уездах. 25 апреля писатель выехал в Чернский уезд и поселился в усадьбе сына, где занялся организацией столовых для голодающих. Л.Н. Толстой объехал десятки деревень Чернского, Мценского и Ефремовского уездов и в итоге написал статью «Голод или не голод?».

Гринёво - деятельный период жизни сына Л.Н. Толстого Ильи Львовича как владельца усадьбы. Он изучал и использовал опыт американских, немецких, польских фермеров. Очевидна его избирательность в выборе сортов посадочного материала, а также пород скота. Он использовал новаторские технологии в ведении помещичьего хозяйства, поставлял партии зерна, мяса, молока, льна, кожи и других сельскохозяйственных товаров на рынки Москвы и Тулы.

Изучение сведений, приведённых в указанном в начале статьи справочнике показывает, что существующее мнение об Илье Львовиче Толстом как о неумелом и безвольном хозяине беспочвенно. До Гринёво у него был только косвенный опыт ведения хозяйства в Ясной Поляне. Накопление личного опыта и его первые шаги хозяйственной деятельности – вовсе не робкие попытки погружения молодого помещика в усадебные проблемы, а вполне последовательная, планируемая работа, в ходе которой усадьба Гринёво развивалась и приносила доход.

Местная чернская газета информирует, что в настоящее время в Гринёво сохранены старые липовые аллеи толстовского парка, яблоневый сад и пруд. Возможно, эти объекты, исследовательский материал статьи и дальнейшая работа в архиве с документами по усадьбе Гринёво послужат основанием для разработки нового музейного маршрута в изумительную по красоте чернскую деревню, связанную с именами известнейшего писателя Л.Н. Толстого и его сына Ильи Львовича Толстого.

1. Краткие справочные сведения о некоторых русских хозяйствах. – 2-е изд. – Вып. 1. – СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1900. – VIII, 476 с.
2. Толстой, И. В. Пути и судьбы. Из семейной хроники / И. В. Толстой, С. В. Светана-Толстая. – М. : ИКАР, 1998. – 200 с.

Бахтурина А. Ю.

ДВИЖЕНИЕ ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ ПОЛЬСКУЮ ШКОЛУ И ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА 1905–1907 ГГ. В ВОСПОМИНАНИЯХ ГРАФА И. И. ТОЛСТОГО[1]

История борьбы за польскую школу в годы первой русской революции не являлась объектом детального изучения в отечественной и зарубежной историографии, но события «школьной забастовки», заставившей царское правительство изменить отношение к образовательной политике в Царстве Польском упоминает большинство исследователей данной проблематики [9; 14; 15; 16].

Воспоминания министра народного просвещения И. И. Толстого, занимавшего этот пост с 18 октября 1905 г. по 24 апреля 1906 г., в разгар борьбы за национальную польскую школу, привлекают исследователей как текст, отражающий политическую позицию одного из деятельных членов кабинета С. Ю. Витте [1, с. 62; 6; 7; 11; 12]. Они были написаны им в 1906 г., когда события были свежи в памяти и не угасли политические страсти, и охватывают краткий период пребывания на посту министра. Осенью 1906 г. после завершения работы над текстом, Толстой передал воспоминания на хранение в Отдел рукописей Императорской публичной библиотеки в Санкт-Петербурге [6, с. 118].

Шестая глава воспоминаний «Национальный вопрос в школе (инородческая школа)» содержит развернутые размышления не только о школе, но и о национальном вопросе в Российской империи в целом. Значительная часть главы посвящена движению за национальную школу в Царстве Польском и роли Толстого в решении проблемы [8, с. 145–175]. Особый интерес представляет изложение фактической стороны событий, требующей сравнительного анализа с официальными документами, что позволит говорить о проблемах взаимодействия министерства и варшавской администрации, а также о соответствии взглядов Толстого общеимперским задачам в национальном вопросе.

В феврале 1905 г. в Царстве Польском «школьная забастовка» – движение учащихся средних учебных заведений за введение преподавания на польском языке и демократизацию школы [5].

[1]Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–09–00426 А) / The reported study was funded by RFBR, project number № 20–09–00426 A)

Варшавский генерал-губернатор Г. А. Скалон, стремясь стабилизировать ситуацию в Царстве Польском, обратился к предшественнику И. И. Толстого на посту министра народного просвещения – В. Г. Глазову. В письме от 31 августа 1905 г., ссылаясь на мнение императора, Скалон предложил предоставить частным учебным заведениям право преподавания на польском языке всех предметов, кроме русского языка, истории и географии, а в правительственной школе разрешить в младших классах преподавание всех предметов на польском, кроме русского языка и географии, в средних классах, на русском языке преподавать половину предметов, в старших – все. Предложения Скалона в министерстве народного просвещения поддержаны не были [9, с. 30]. Но в итоге 1 октября 1905 г. в был дан высочайший указ Сенату о разрешении преподавания ряда предметов на польском и литовском языках в частных учебных заведениях губерний Царства Польского [4, с. 710].

Таким образом, к моменту вступления Толстого на пост министра народного просвещения вопрос о польской школе решался во многом благодаря инициативам Варшавского генерал-губернатора. В воспоминаниях Толстой пишет об это как о «крупном шаге вперед» [8, с. 162], но при этом обходит вопрос о том, кем были инициированы эти изменения, используя безличные конструкции: «Только в этом году было признано возможным… сделать несколько шагов в сторону удовлетворения … школьных потребностей края», «было разрешено» и др. [8; с. 161–162].

Частичную отмену ограничений в преподавании на польском языке Толстой оценил как запоздавшую, а «нервозность эпохи сделала то, что они не только не принесли никакой пользы, но стали источником новых бед» [8, с. 162]. Толстой подчеркивал, что администрация в Царстве Польском считала себя вправе «ограничить данные права», а поляки, наоборот, стремились их расширить [8, с. 162].

После публикация манифеста 17 октября 1905 г. в городах Польши началось движение за переход к обучению на польском языке. В Варшавской губернии в первой половине ноября были прекращены занятия в 66 школах [9, с. 10–11]. 14 ноября в Варшаве съезд польских учителей и учительниц народных школ, собравший 200 преподавателй из разных губерний, принял резолюции о том, что обучение в начальных училищах должно производиться только на польском языке, а русский полностью исключается из преподавания [10, с. 11].

В воспоминаниях Толстой указывает, что в этот период он принимал депутации «многочисленных поляков», требовавших «решительной и коренной реформы всего учебного дела в крае» [8, с. 163]. 24 декабря 1905 г. он обратился к Витте с предложениями о необходимых, по его мнению, изменениях в преподавании в учебных заведениях Царства Польского. Он отмечал, что «здешняя школа, начиная с 60-х годов, преследует побочные цели – политические, выражающиеся в стремлении обрусить польское юношество. Не достигнув и этой цели, она лишь озлобила польское население, которое в 1905 г. в порыве сильного негодования перестало посылать своих детей в школу» [3, с. 371]. Толстой предлагал ввести в высших учебных заведениях параллельное преподавание на русском и польском (по выбору студентов), преобразовать достаточное количество средних учебных заведений, сохранив их как правительственные, но ввести преподавание на польском или литовском (кроме русского языка и словесности, географии и истории России), оставить средние учебные заведения с русским языком преподавания в достаточном количестве, но преподавать в них польский язык и католический закон Божий по-польски, а также ввести польский язык в большинстве низших учебных заведений, сохранив русский или введя литовский и зависимости от состава населения конкретных местностей. Толстой считал, что такая реформа образования удовлетворила бы умеренно настроенные политические партии. В основе проекта Толстого лежала записка о реформе польской школы, составленная профессором Петербургского университета Л. И. Петражицким. Записка Петражицкого была по распоряжению Толстого переписана целиком, подписана и представлена в Совет министров.

В воспоминаниях, говоря о своих инициативах в вопросе о польской школе, Толстой приводит текст, который называет «препроводительной» бумагой к записке Петражицкого и за его подписью, отмечая, что у него «не сохранилось копии с моей (т. е. И. И. Толстого – А. Б.) записки, явившейся почти точным повторением записки Петражицкого» [8, с. 168]

По свидетельству Толстого, Витте одобрил проект, но считал что немедленно начать реформу нельзя, а также требуется заключение Варшавского генерал-губернатора [8, с. 165].

Витте направил записку Толстого Г. А. Скалону. Скалон ответил, прежде чем широко вводить польский язык в преподавание, необходимо на правительственном уровне решить вопрос о статусе Польши. Если предполагается предоставление Польше автономии, то введение польской школы будет соответствовать государственным задачам, если нет, то нельзя действовать так поспешно, как предлагает Толстой.

Скалон считал принцип полной национализации школы неприемлемым. Обучение на родном языке, по его мнению, возможно только в начальной школе, но и там должен преподаваться и русский

язык. В средней школе преподавание должно идти в направлении постепенного увеличения числа предметов, преподаваемых на русском языке, чтобы к двум последним классам все преподавание, кроме католического закона Божьего и польской словесности шло на русском языке [3, с. 369].

Возражения Скалона в «Воспоминаниях» Толстой комментировал крайне скупо, указав, что, по мнению Скалона, реформирование школы было невозможно «ввиду политического состояния края». Весьма интересно заключение Толстого о том, что «были в ответе генерал-губернатора и возражения по существу, но я считаю ненужным останавливаться на них, так как в них повторялись всем известные мотивы» [5, с. 166].

21 мая 1907 г. в Государственной Думе выступал товарищ министра народного просвещения О. Г. Герасимов, обративший внимание депутатов на то, что на рубеже 1905–1906 г. польская общественность настаивала на особой реформе образования в крае: «От нас (т. е. министерства – А. Б.) требовали решения польского школьного проса… в таком порядке, при котором нам указывалось, что мы не должны сравнивать поляков с другими народностями… вот на чем мы стояли тогда, вот на чем поляки получили отказ» [2, с. 912]. Данное обстоятельство – конфликт польской общественности и министерства народного просвещения – Толстой в воспоминаниях обходит, хотя по мнению современников, возвращавшихся к этой ситуации в 1907 г., он был крайне важен для понимания позиций сторон в вопросе о национальной школе. В своем тексте Толстой предстает сторонником польской общественности и реформы польской школы, но другие документы показывают, что это не отражало позиции министерства народного просвещения в целом. Часть чинов подчиненного ему министерства и не только, считала, что реформу образования в Польше нельзя проводить в отрыве от преобразований для других народов империи.

Все это позволяет говорить о том, что фактическую сторону вопроса о польской школе Толстой рассматривал весьма фрагментарно, игнорируя действия своих предшественников и современников в этом направлении. Данное обстоятельство можно объяснить во многом традиционным противостоянием министерской бюрократии и генерал-губернаторов, которые в силу своего статуса могли влиять на министерские инициативы и блокировать их, а также неприятием деятельности Скалона в Царстве Польском бюрократическими кругами. Но при этом несомненную ценность представляют взгляды Толстого на национальный вопрос в целом, его общие оценки состояния образования в Царстве Польском.

1. Ананьич, Б. В. И. И. Толстой и С. Ю. Витте в Совете министров (ноябрь 1905 – апрель 1906) / Б. В. Ананьич // Труды Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. 2006. – СПб. : Наука, 2007. – С. 58–68.
2. Государственная Дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. – СПб., 1907. – Т. II. – 1476 с.
3. Дякин, В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (материалы к исследованию) / В. С. Дякин. – СПб. : ЛИСС, 1998. – 1000 с.
4. О разрешении в частных учебных заведениях Царства Польского преподавания некоторых предметов на польском и литовском языке // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. III. – Т. 25. – Отд. 1. – № 26756. – с. 710.
5. Очерки революционных связей народов России и Польши 1815–1917 гг. – М., 1976. – С. 376.
6. Толствая, Л. И. С. Ю. Витте на страницах дневника И. И. Толстого (1906–1915 гг.) / Л. И. Толстая, Б. В. Ананьич //Отечественная история. – *1992. – № 3.* – С. 118–131.
7. Толстая, Л. И. Воспоминания И. И. Толстого как исторический источник // Вспомогательные исторические дисциплины. – Л. : Наука, 1987. – Т. XIX. – С. 201–216.
8. Толстой, И. И. Мемуары графа И. И. Толстого: Воспоминания министра народного просвещения графа И. И. Толстого, 31 октября 1905 г. – 24 апреля 1906 г. / подгот. Л. И. Толстой. – М. : Индрик, 2002. – 464 с.
9. Тымовский, М. История Польши / М. Тымовский, Я. Кеневич, Е. Хольцер. – М. : Весь мир, 2004. – 544 с.
10. Факты, характеризующие политическое движение в Царстве Польском после 17-го октября 1905 г. – Варшава, 1905. – 30 с.
11. Шевырин, В. М. Живое прошлое (По страницам дневника и мемуаров графа И. И. Толстого) / В. М. Шевырин // Отечественная история. – 2000. – № 4. – С. 139–148.
12. Шевырин, В. М. По страницам «Воспоминаний» и «Дневника» графа И. И. Толстого / В. М. Шевырин // Вопросы истории естествознания и техники. – 2000. – № 2. – С. 149–168.
13. Zarnowska, A. Rewolucja 1905–1907 a aspiracje oświatowe robotników Warsawy / A. Zarnowska // Francja Polska XVIII–XIX. – Warszawa : Panstwowe wydawnictwo naykowe, 1983. – S. 232–238.
14. Skowronska, B. Strajk szkolny w roku 1905 / B. Skowronska. – Warszawa, 1972. – 75 s.
15. Przenioslo, M. Rewolucja 1905–1907 w Krolestwie Polskim I w Rosji / M. Przenioslo, C. Wiech. – Kielce : Wyd-wo Akademii Swietokrzyskiej, 2005. – 250 s.

Короневский В. И.

ПЕРЕНОС МОЩЕЙ СВ. ЕВФРОСИНИИ ПОЛОЦКОЙ ИЗ КИЕВА В ПОЛОЦК В 1910 Г. И ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ БЕЛОРУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРЕССЫ И ИСТОЧНИКОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ)[1]

Со второй половины XIX в. большое влияние на настроения населения Северо-Западного края и Российской империи в целом начинает играть периодическая печать. На страницах газет и журналов публиковались не только последние новости и публицистические статьи, но и множество других текстов, способных стать для современного исследователя ценным историческим источником. Говоря о столь громком событии в жизни Северо-Западного края, как перенос мощей Евфросинии Полоцкой, нельзя не отметить многогранность сформировавшейся источниковой базы, сконцентрированной на страницах периодических изданий. Масштаб мероприятия и возросший уровень развития печати привел к появлению на страницах местных газет разнообразной публицистики, краеведческих статей, писем в редакцию, дневниковых записей и путевых заметок. Основная масса текстов представлена в «Губернских ведомостях» (преимущественно Витебских) и «Епархиальных ведомостях» (преимущественно Полоцких), а также в других газетах региона – «Вестнике Виленского православного Свято-Духовского братства» и «Минском слове». Причем если первые три представляли собой стандартные официозные издания с региональной спецификой, то «Минское слово» являлось русской националистической газетой, призванной отстаивать интересы Российской империи на территории Белоруссии, впрочем, особо не противореча правительственному курсу. Особую ценность представляют проповеди и торжественные речи местного православного духовенства и должностных лиц, а также ряд писем, содержащих сведения о ситуации в крае и об эмоциях очевидцев торжества, и дневников, авторы которых (М. Анцев, М. Митроцкий и др.) подробно описывали движение процессии и, что самое ценное, реакцию населения на перенесение реликвии.

Этноконфессиональная обстановка в Северо-Западном крае на начало XX в. была сложной. После так называемого «воссоединения» униатов с православием в 1839 г. значительная часть католиков была обращена в православную веру уже в 1860-ые гг. [5, с. 225–270]. Проводилась политика бесхитростного «возвращения» местного населения к православию, вероятно, исходившая из близкого примордиализму представления об «исконной» принадлежности местного населения к православию, в то время как уния и католицизм воспринимались исключительно как что-то навязанное, от чего людей надо «освободить» [16, с. 245–249]. Однако на деле действия российских властей не решили проблему, а видоизменили ее: вместо открытых униатов и католиков империя получила людей, симпатизирующих католицизму тайно. Традиционализм местного населения, для которого католицизм была частью естественного миропорядка, не позволял многим из местных жителей воспринимать «возвращение» к православной вере как что-то желательное, о чем свидетельствует переход 55. 786 формальных православных в католицизм на протяжении первых пяти лет после разрешения менять православие на другую конфессию в 1905 г. [2, с. 276]. В целом, после 1905 г. позиции православия в Северо-Западном крае ослабли. Более острые формы стало принимать противостояние с католиками, прозелитизм которых порой перерастал в пропаганду польского сепаратизма и мог принимать агрессивные формы [7, с. 6]. Так как религиозная самоидентификация тесно переплеталась с национальной, а польский национализм, многие сторонники которого воспринимали в качестве своей территории в том числе и Северо-Западный край Российской империи, опирался на католицизм, проблема идентичности местного белорусского населения заставляла российские власти искать пути ее решения.

Важную роль в укреплении лояльности местных жителей по отношению к Российской империи предстояло сыграть торжественному переносу мощей св. Евфросинии Полоцкой из Киева в Полоцк. Власти приложили все усилия, чтобы создать подходящие условия для посещения мероприятия как можно большим количеством населения: готовилось жилье и дешевый провиант для прибывающих богомольцев [8, с. 3], распланировались многочисленные крестные ходы из всех сел, лежащих по пути следования мощей [9, с. 3], на торжество свозились учащиеся местных учебных заведений [1, с. 2]. Населением мероприятие тоже не было оставлено без внимания: паломники были невероятно многочисленны, во время транспортировки мощей по Днепру некоторые жители окрестных деревень еще долго бежали за пароходом [13, с. 650].

В целом, в символике торжества и сопряженной с ним пропаганде можно выделить четыре основных «смысловых слоя». Во-первых, перенос мощей призван был утвердить исконность православия на белорусских землях. Католическое влияние выставлялось чем-то чуждым и привне-

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21–48–04402): "RSF-DFG: Святые и герои: От христианизации к национализму. Символ, Образ, Память (Северо-Западная Россия, страны Балтии и Северной Европы)".

сенным извне, в то время как православие оценивалось как органичная часть жизни местного населения [6, с. 312]. Утверждалось, что предков белорусов заставили забыть свою исконную православную веру, но они продолжали хранить ее в душе, и даже в самые тяжелые годы польской власти память о святой Евфросинии помогала им сохранять преданность православию [6, с. 309]. Особенно подчеркивается тот факт, что православие, связанное с Евфросинией, появилось в Полоцке намного раньше, чем католичество и уния, ассоциируемые с очень популярными на тот момент среди полочан мощами католического святого Андрея Боболи [10, с. 259]. Во-вторых, в связи с переносом реликвии стали фигурировать отсылки к древнерусскому периоду [15, с. 730]. Мощи жившей в XII в. княжны становились подобием «мест памяти» П. Нора, отсылавшим ко вполне конкретной эпохе – эпохе Древней Руси, когда все русские земли, в том числе и Полоцкое княжество, были, согласно официальной точке зрения, в составе одного государства и составляли единое целое. При помощи апелляций к соответствующему историческому периоду до белорусов доносилась идея об их исконной принадлежности к общему русскому государству, прямым продолжением которого была Российская империя. В-третьих, официальная пропаганда апеллировала к династической связи между Евфросинией и Романовыми, позиционирующими себя потоками Рюриковичей, а также Николаем II в частности. Император назывался родственником святой княжны, так как оба они, как предполагалось, вели свой род от святого Владимира [14, с. 651] – еще одной важной фигуры, легитимирующей правящую династию и отсылающей и к исконности православия, и к идее древнерусского единства. В 1910 г. российская монархия уже имела ряд существенных проблем, так что столь мощная апелляция к династической традиции теоретически могла укрепить авторитет императора. Наконец, в-четвертых, имело место подчеркивание белорусской идентичности местных жителей в противовес польской. Белорусская идентичность воспринималась не как нечто несовместимое с русской, а как часть единой этноконфессиональной общности «русский народ», куда входили и великороссы, и малороссы, и белорусы. Цели превратить белорусов в великороссов не было – главным был акцент на «непольскости» белорусского населения. Вероятно, имперские власти исходили из все того же примордиалистского принципа о «природной» принадлежности местного населения к русской народности и православной вере, а также представлений о пассивности местного населения, которое без проблем примет свою «русскость» [3, с. 604]. В среде российской бюрократии прямо высказывались мысли о необходимости развития у белорусов национального самосознания, использованию в церквях белорусского языка и назначения на церковные должности белорусских священников – в противовес «полонизму» [3, с. 602]. Соответственно, в проповедях и речах к жителям встречались призывы вспомнить о том, что они белорусы, а не поляки и приглашение приложиться к мощам не только для православного населения, но и для белорусов-католиков [4, с. 3]. Российская империя сама вносила вклад в укрепление белорусской идентичности. Вероятно, дело здесь в том, что, как отметил А. И. Миллер, империи не обязательно проводить полную унификацию местного населения – достаточно воспитать ту идентичность, которая обеспечивает лояльность по отношению к центральной власти [11, с. 80]. Белорусское самосознание казалось подходящим для этой цели, а неизменно сопряженное с сепаратистскими устремлениями польское – нет.

Указанные «смысловые слои» были восприняты обществом с энтузиазмом, хоть и с неодинаковым. О преданности династии говорилось, в первую очередь, в официальных речах высших иерархов, в то время как среди проповедей местных священников и статей местных публицистов намного большее место занимали именно белорусские мотивы, пусть порой и в связке с упоминанием единого русского народа. То же касается и многочисленных статей, посвященных истории белорусских земель, и сочиненных в честь Евфросинии стихотворений, где она фигурирует как «оплот белорусского страдальца-народа» [12, с. 172].

Итак, Российская империя, преследуя цель усилить лояльность к центральной власти, такими мерами, как способствование переносу мощей почитаемой в регионе святой, в реальности внесла вклад в укрепление белорусской идентичности: произошел рост внимания к истории и культуре страны, Полоцк получил ценную реликвию, претендующую на значимость для всех белорусов без исключения, был нанесен удар по католической пропаганде и по польскому самосознанию, пусть даже в официальной пропаганде белорусские национальные мотивы были не столько целью, сколько средством. В изменившихся политических условиях белорусское национальное самосознание успешно продолжит свое существование уже не как часть общерусской идентичности, а самостоятельно.

1. Анцев, М. Перенесение св. мощей преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой. Путевые впечатления / М. Анцев // Витебские губернские ведомости. – Витебск, 1910. – № 139.
2. Бендин, А. Ю. Проблема веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.) / А. Ю. Бендин. – Минск : БГУ, 2010. – 439 с.

3. Викс, Т. «Мы» или «они»? Белорусы и официальная Россия, 1863–1914 / Т. Викс // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. – М. : Новое издательство, 2005. – 696 с.
4. Довгялло, Д. И. Преподобная Евфросиния, моли Бога о нас! / Д. И. Довгялло // Витебские губернские ведомости. – Витебск, 1910. – № 102.
5. Долбилов, М. Д. «Царская вера»: массовые обращения католиков в православие в Северо-Западном крае Российской империи (1860-ые гг.) / М. Д. Долбилов // Ab Imperio – 2006. – № 4. – С. 225–270.
6. Житие Преподобной Евфросинии, Княжны Полоцкой, Игумении Обители свят. Спаса в Полоцке // Полоцкие епархиальные ведомости. – Витебск, 1910. – № 12.
7. Издевательства и наглость католиков (письмо в редакцию) // Минское слово. – Минск, 1910. – № 1001.
8. К перенесению мощей // Витебские губернские ведомости. – Витебск, 1910. – № 71.
9. Крестные ходы // Витебские губернские ведомости. – Витебск, 1910. – № 105.
10. Матюшенский, А. Попытки к перенесению мощей преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой // Полоцкие епархиальные ведомости. – Витебск, 1909. – № 16.
11. Миллер, А. И. Империя Романовых и национализм / А. И. Миллер. – М. : Новое литературное обозрение, 2006 – 248 с.
12. Миллер, Е. Н. Пред игуменьей теткой с жаркой мольбой… / Е. Н. Миллер // Вестник Виленского православного Свято-Духовского братства. – Вильно, 1910. – № 9.
13. Митроцкий, М. Шествие св. мощей преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой, из Киева в Полоцк, по Днепру / М. Митроцкий // Киевские епархиальные ведомости. – Киев, 1910.
14. Овсянников, Е. Слово в день Священного Коронования Их Императорских Величеств / Е. Овсянников // Полоцкие епархиальные ведомости. – Витебск, 1910. – № 28.
15. Шавельский, Г. На торжестве перенесения мощей преп. Евфросинии в гор. Полоцк / Г. Шавельский // Полоцкие епархиальные ведомости. – Витебск, 1910. – № 33.
16. І. К. Страдальцы и мученики за веру православную и народность русскую в Западной Руси, в частности в Гродненской губернии // Гродненские епархиальные ведомости. – Гродно, 1909. –№ 24/25.

Гуларян А. Б.

ДНЕВНИК ГЕНЕРАЛА А. М. СИВЕРСА КАК ВАЖНЫЙ ИСТОЧНИК ИСТОРИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИЙ

В 2019 году московское издательство «Кучково поле» подготовило и опубликовало хранившиеся в ГА РФ личные дневники генерал-лейтенанта Александра Михайловича Сиверса (1868 г. – после 1931 г.), участника Первой Мировой войны, современника Февральской и Октябрьской революций в России. Издание было осуществлено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18–19–00279). В книгу вошли дневниковые записи генерала А. М. Сиверса с 19 октября 1916 г. по 31 декабря 1919 г., что сразу делает их важным источником по истории России и Беларуси, на территории которой в 1916–1917 гг. шли ожесточенные военные действия. Представляется, что генерал А. М. Сиверс вел дневник, как минимум, с начала войны, но более ранние тетради дневника, к сожалению, утрачены. Дневник снабжен необходимым научным аппаратом: комментариями, приложениями, именным указателем.

А. М. Сиверс родился 28 декабря 1868 г. в семье генерала от артиллерии Михаила Александровича Сиверса и его жены, Надежды Григорьевны, урожденной Бланк. После окончания Пажеского корпуса Александр Сиверс вышел подпоручиком в 3-ю гвардейскую и гренадерскую артиллерийскую бригаду с прикомандированием к Лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригаде. За тридцать лет службы он прошел все ступени военных чинов: подпоручик гвардии (старшинство с 09.08.1888), поручик (ст. 09.08.1892), штабс-капитан (ст. 02.04.1895), капитан (ст. 05.04.1898), полковник (ст. 28.03.1904), генерал-майор (производство 1911; старшинство с 07.10.1911; за отличие), генерал-лейтенант (производство 23.12.1915; старшинство с 07.10.1915) [4]. Карьере способствовало окончание с хорошей аттестацией Офицерской артиллерийской школы в 1905 г. В служебном отношении карьера А. М. Сиверса связана с двумя подразделениями: Лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригадой и 14-й артиллерийской бригадой. Но сам, в своих дневниках А. М. Сиверс связывает себя именно с «Лейб-гвардии Второй», где он был последовательно командиром батареи, командиром дивизиона, и, наконец, командиром самой бригады. В 14-й бригаде он два года проходил необходимый «ценз» командования.

Военная звезда А. М. Сиверса взошла осенью 1914 г. в боях под Ивангородом, за которые он был награжден орденом Св. Георгия IV степени и представлен к званию генерал-лейтенанта. Как сказано в представлении к награде*: «За то, что с отличным мужеством руководил под сильным огнём блестящими действиями бригады в боях под Ивангородом с 9 по 14 окт. 1914 года, когда, распределив батареи, вместе со своей дивизией выдержал всю тяжесть натиска австрийцев на линию Новая Весь, Старая Завада, Коциолки и чрезвычайно метким огнём отразил повторные атаки неприятельской пехоты, принудил к молчанию ряд неприятельских батарей и тем сильно способствовал переходу в наступление и общему успеху боя»* (Высочайший приказ по военному ведомству от 31. 01. 15.) [2]. В апреле 1915 г. А. М. Сиверс назначается исполняющим должность инспектора артиллерии 20-го армейского корпуса, а еще через год, в апреле 1916 г. он стал инспектором

артиллерии 10-й армии [3, с. 794, 812], и в этой должности вышел в отставку. По времени эта отставка совпала с октябрьским переворотом в Петрограде, и за заключением Брестского мира генерал следил уже как сторонний наблюдатель.

Официальная биография А. М. Сиверса сообщает, что после Октябрьской революции 1917 г. он служил в РККА, а потом стал преподавателем одного из московских вузов. В 1931 г. был арестован и приговорен к ссылке по печально знаменитому делу «Весна», которую отбывал в городе Данилове. 17 сентября 1931 г. ему было разрешено переехать к родным в Ярославль, после чего его следы теряются. Неизвестна и точная дата смерти генерала [1, с. 440].

Опубликованный дневник позволяет уточнить многие детали биографии его автора. Именно из дневника мы узнаем, что А. М. Сиверс работал в 1910–1911 гг. в комиссии П. П. Потоцкого по пересмотру военных уставов. Из дневника также явствует, что после отставки А. М. Сиверс переезжает из Петрограда в Москву, где поступает на службу Советской власти, сначала – председателем Центральной демобилизационной комиссии при ЦУС, потом – членом Комиссии по пересмотру уставов, заместителем начальника, затем - начальником Тяжелой артиллерии особого назначения РККА и, наконец, начальником Высшей артиллерийской школы.

В 1925 г. А. М. Сиверс переслал шесть тетрадей своих дневников в Прагу профессору С. В. Завадскому через полномочного представителя Чехословацкой республики в Москве Иосифа Иосифовича Гирса. В сопроводительном письме на имя С. В. Завадского генерал Сиверс просил последнего сохранить эти дневники у себя или передать их в надежное хранилище «до падения Советской власти». Он также оставлял за собой право вытребовать свои дневники через И. И. Гирса или лицо по его указанию. Если же до 1950 г. его дневники не будут востребованы, то тогда их можно будет напечатать. В настоящее время, с промедлением в шестьдесят семь лет, это желание генерал-лейтенанта А. М. Сиверса выполнено.

Дневник, хранившийся первоначально в Праге, у профессора С. В. Завадского, а после поступивший в ГА РФ (Ф. 5881. Оп. 2. Д. 795–800), представляет собой шесть тетрадей, исписанных убористым почерком простым грифельным карандашом. Кроме текста на страницах помещаются рисунки, сделанные самим А. М. Сиверсом а также вклеены вырезки из газет с сообщениями, которые генерал посчитал важными. Кроме того, дневник имеет отдельное приложение, состоящее из газетных вырезок и фотографий, вклеенных в конце тетрадей. Человек пунктуальный, А. М. Сиверс заносил записи в дневник практически ежедневно, что повышает его ценность для историков.

Генерал оказался современником событий, перевернувших жизнь нашей страны и ставших водоразделом между ее новой и новейшей историей. Он был свидетелем последних неудачных попыток Русской императорской армии организовать наступление на Западном фронте, на территории современной Беларуси; участвовал в подготовке последнего, неудачного Июльского наступления, предпринятого Временным правительством; стал свидетелем развала старой армии. Февральская революция, корниловский мятеж и октябрьский переворот прошли мимо А. М. Сиверса «по касательной». Но для историков могут быть интересны восприятие и оценка этих событий, зафиксированные в дневнике.

Зафиксировано оказалось многое – прежде всего, характеристики людей, с которыми встречался Александр Михайлович. И в этом отношении дневник А. М. Сиверса уникален, ибо содержит личные впечатления от общения со знаковыми фигурами Белого движения и Красной Армии. Из будущих «белых» генералов судьба сводила Сиверса с А. И. Деникиным, А. С. Лукомким, И. П. Романовским, С. Л. Марковым, В. Н. Шокоровым, В. Г. Болдыревым, С. Н. Войцеховским. Среди строителей РККА ему были известны генералы А. А. Балтийский, П. П. Лебедев, Н. Н. Стогов, А. Е. Гутор, А. А. Самойло, братья Смысловские. Кроме этих людей, разведенных революцией по разные стороны баррикад, в дневнике Сиверса описаны такие нетривиальные фигуры, как великий князь Сергей Михайлович, полевой генерал-инспектор артиллерии при Верховном главнокомандующим; генерал И. Р. Довбор-Мусницкий, генерал-лейтенант русской службы и генерал брони Войска Польского; генерал-майор Али-Ага Шихлинский, инспектор артиллерии Западного фронта; генерал-лейтенант Р. А. Дурляхов, выдающийся военный инженер и конструктор лафетных установок, и целый ряд других выдающихся современников.

Не менее интересны факты, касающиеся ведения войны, армейского управления и строительства, изложенные в дневнике. Развала еще нет, но деятельность штабов по своим последствиям очень близка к развалу: Главнокомандующий армиями Западного фронта, генерал А. Е. Эверт раз за разом отменяет наступления, подготовленные его подчиненными. Это вызывает раздражение и непонимание не только у солдат, но даже у старших офицеров и у генералов. Как очень тревожный симптом А. М. Сиверс отмечает, что война превратилось в рутинное дело, в повседневность, с помощью которой можно решать свои дела: строить карьеру, подсиживать конкурентов

и наживать состояние. С возмущкнием он говорит о поведении предпринимателей и спекулянтов в тылу. Вместе со всеми радуется концу «распутинщины».

Занимаясь подготовкой вверенной ему артиллерии для намечавшегося весеннего наступления, А. М. Сиверс пропустил начало Февральской революции в Петрограде. Ее события он описывает со слов гродненского вице-губернатора, при этом пересказ не носит ярко выраженной эмоциональной окраски. Генерал переписывает в свой дневник отречение царя, отречение его брата и приказ о вступление в должность Верховного Главнокомандующего Великого князя Николая Николаевича Младшего. И это заставляет задуматься над позицией «младших» Великих князей и членов Государственной Думы, придавших своими действиями видимость легитимности государственному перевороту.

Эмоциональная окраска появляется позднее, когда А. М. Сиверс описывает разложение старой царской армии весной и летом 1917 г. : отмена наказаний, митинговая демократия, шельмование (в том числе в газетах!) офицеров и генералов. Но и здесь дневник Сиверса добавляет несколько любопытных штрихов. Столичный лозунг «Мир без аннексий и контрибуций» солдаты восприняли как разрешение не наступать, и «главноуговаривающему» А. Ф. Керенскому и его приближенным пришлось потратить немало времени и сил, чтобы организовать Июльское наступление. Тем более что одетые в солдатские шинели крестьяне думали не о победе, а о начавшемся в тылу стихийном переделе земли. Дневник Сиверса зафиксировал это в виде ответа одного из солдат в разговоре с командующим 10-й армией: *«Мы все понимаем, что надо наступать, да боимся сказать это слово; сейчас свобода, там дома дают землю, а мы здесь в это время будем подставлять под пули свой лоб»* [5, с. 182–183].

Именно в это время судьба свела А. М. Сиверса с одним из будущих руководителей Белого движения, генералом А. И. Деникиным, который был назначен Главнокомандующим армиями Западного фронта для организации и проведения Июльского наступления. Отношение к новому начальнику сложилось у А. М. Сиверса прохладное: с его точки зрения генерал Деникин не справился с задачей подготовки фронта к наступлению. Вместо того чтобы заняться своими прямыми обязанностями – обеспечением фронта всем необходимым для наступления, включая литерные орудия большой мощности, литерные снаряды к ним, авиационный бензин и паровозы с вагонетками, в которых так нуждался инспектор артиллерии А. М. Сиверс, Деникин непрерывно требовал отчеты и совершал многочисленные поездки в корпуса, которые не успокаивали, а наоборот, будоражили солдат. Именно во время одной из таких поездок и произошел резонансный случай с избиением солдатами особого уполномоченного Исполкома Петросовета Н. Д. Соколова. Что в свою очередь привело к замене за шесть (sic!) дней до начала наступления командующего 10-й армией генерала Киселевского генералом П. Н. Ломновским. В результате Июльское наступление провалилось.

Именно поэтому после Октябрьской революции А. М. Сиверс пошел на службу к большевикам, которых откровенно не любил, а не присоединился к Белому движению. Он не верил, что такие люди как Л. Г. Корнилов А. М. Каледин, А. И. Деникин могут довести войну с большевиками до победного конца: *«Никакой Каледин, никакой Корнилов не в состоянии сейчас что-нибудь сделать. Их гражданская война какая-то мертвая. По-моему, у них нет большой силы, мне кажется, что для того, чтобы серьезно что-нибудь изменить, надо подготовить все основательно, а затем быстро и решительно приводить в исполнение. Успех окрыляет и производит впечатление, тут возможно ожидать, что шествие будет победоносное. Тихая же война с переменным счастьем скучна и может скоро надоесть, а тогда уже и успеха ждать трудно. Все будут тяготиться и понемногу откалываться, и опять Каледин и Корнилов останутся у разбитого корыта, как это уже было с Корниовым»* [5, с. 337]. Эту запись в дневнике А. М. Сиверс сделал 20 декабря 1917 г., еще до начала военных действий Добровольческой армии.

Но и с большевиками у старого генерала не получилось ни любви, ни дружбы, несмотря на занимаемые им высокие должности. Внимательный читатель может заметить, что, после установления Советской власти, дневник А. М. Сиверса становится все суше и суше, в конце вообще превращаясь в короткие, в одно предложение, календарные записи. При этом автор уходит в приватную жизнь, описывает треволнения, связанные с дороговизной товаров, недоступностью продуктов, бытовыми лишениями, и даже скандалами с соседями, тщательно при этом обходя политику стороной. При этом А. М. Сиверс в описываемое время занимал ряд ответственных постов при Всероглавштабе, входил в Уставную комиссию и, по ее поручению, составлял новые артиллерийские уставы. То есть занимал положение, позволявшее быть в курсе всего происходящего в стране. Но вот как раз «всего происходящего» в дневнике нет. Короткий сухой отчет: где был, с кем встречался, кто ушел из Всероглавштаба, кто занял его место.

Подобная позиция автора имеет объяснение: Сиверс подчеркивает свою аполитичность именно потому, что осознает, что его тетради в любой момент могут попасть в чужие руки. При этом изменение авторской позиции произошло не вдруг, а постепенно. В декабре 1917 г.,

да и в марте 1918 г. А. М. Сиверс продолжает критиковать уже новую Советскую власть за развал старой армии, возмущается подписанием Брестского мира, следит за дискуссией вокруг планов создания новой армии, оставаясь при этом пессимистом. Но… Убит главковерх Духонин… Начинаются аресты и убийства высших офицеров старой армии. Возникает институт заложничества. Появляются концлагеря. Арестован зять Сиверса, М. И. Дунин-Борковский, осужден и посажен в концлагерь до «конца гражданской войны». На наше счастье, в подобной ситуации А. М. Сиверс не уничтожил свои дневники, но он изъял из приложения к дневнику многие «исторические документы», как он их называл: вырезки статей из газет, телеграммы, приказы, а сам дневник до предела «засушил». Так, исчезли газетные статьи о семье последнего русского царя, приказы А. Е. Эверта и Л. Г. Корнилова. Исчезло все, что могло спровоцировать лишние вопросы к автору дневника, если бы автор был вдруг арестован. А сам автор натянул на лицо маску «незаинтересованного обывателя».

Тем не менее, дневники генерал-лейтенанта А. М. Сиверса являются важным источником по истории Первой Мировой войны и революции. Благодаря публикации издательства «Кучково поле» они стали доступны широкому кругу исследователей.

1. Волков, С. В. Офицеры российской гвардии / С. В. Волков. – М., 2002. – 571 с.
2. Высочайшие приказы по военному ведомству // Разведчик. – 10.03.1915. – № 1270.
3. Залесский, К. А. Кто был кто в Первой мировой войне / К. А. Залесский. - М., 2003. – 894 с.
4. Сайт «Русская армия в Великой войне» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.grwar.ru/persons/person/984.
5. Сиверс, А. М. Дневник. 1916–1919 / А. М. Сиверс / сост. А. Б. Гуларян. – М. : Кучково поле, 2019. – 800 с.

Бароўка В. Ю.

АКСІЯСФЕРА САЛДАТА ПЕРШАЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ Ў ТВОРАХ “НА ІМПЕРЫЯЛІСТЫЧНАЙ ВАЙНЕ” М. ГАРЭЦКАГА І “НА ЗАХОДНІМ ФРОНЦЕ БЕЗ ЗМЕН” Э. М. РЭМАРКА

Мастацкія творы – адмысловая гістарыяграфічная крыніца. У знакамітай працы “Аб мастацтве паэзіі” Арыстоцель зазначаў адрозненні паміж літаратурай і гісторыяй, падкрэсліваў, што “задача паэта гаварыць не пра тое, што сапраўды адбылося, а пра тое, што магло адбыцца, значыць, пра магчымае па верагоднасці ці па неабходнасці. Менавіта гісторык і паэт адрозніваюцца [адзін ад аднаго] не тым, што адзін карыстаецца памерамі, а другі не: можна было б перакласці вершам працы Герадота, і тым не менш яны былі б гісторыяй, як з метрам, так і без метра; але яны адрозніваюцца тым, што першы гаворыць пра тое, што сапраўды адбывалася, а другі – пра тое, што магло б адбыцца. Таму паэзія філасафічней і сур’ёзней гісторыі: паэзія больш гаворыць пра агульнае, гісторыя – пра адзінкавае” [1, с. 67–68]. Сапраўды, літаратурны твор утрымлівае мастацкія абагульненні, што дазваляе перадаць агульнае праз прыватнае.

“На імперыялістычнай вайне” (1926) беларускага пісьменніка Максіма Гарэцкага і “На Заходнім фронце без змен” (“Im Westen nichts Neues”) (1929) нямецкага пісьменніка Эрыха Марыі Рэмарка – эстэтычнае ўвасабленне ваенных падзей, псіхалогіі, каштоўнасных уяўленняў чалавека на вайне. Гэтыя творы былі напісаны людзьмі, што непасрэдна ўдзельнічалі у так званай Вялікай вайне. Галоўны герой у “На імперыялістычнай вайне” Лявон Задума падобны да галоўнага героя “На Заходнім фронце без змен” Пауля Боймера. Абодва яны маладыя, гэта людзі з абвостраным успрыманнем свету, з творчымі схільнасцямі, з аналітычным складам мыслення. Лявон Задума – інтэлігент у першым пакаленні, які цікавіцца літаратурай, Пауль Боймер – таксама інтэлігент у першым пакаленні, што любіць літаратуру, спрабуе свае сілы ў паэзіі і драматургіі. Лявон яшчэ ў мірны час апынуўся ў арміі, ён хацеў скараціць час знаходжання на тэрміновай службе, таму пайшоў служыць дабраахвотна. Пауль Боймер разам са сваімі школьнымі сябрамі дабраахвотна пайшоў на фронт, калі пачалася вайна, каб служыць радзіме, абараняць, як яго ўпэўнівалі і ў што на самым пачатку верыў сам, яе інтарэсы. Абодва героі ваююць на Заходніх франтах: Лявон Задума – супраць немцаў на тэрыторыі Літвы і Прусіі, Пауль Боймер – супраць найперш французаў. Супастаўленне аксіясфер салдат рускай і нямецкай армій падчас Першай сусветнай вайны, увасобленых у мастацкіх творах, дае магчымасць прасачыць асаблівасці ўспрымання свету людзьмі, што вымушаны былі прызвычайвацца да новых абставінаў свайго існавання.

Твор “На імперыялістычнай вайне” з падзагалоўкам “Запіскі салдата 2-й батарэі N-скай артылерыйскай брыгады Лявона Задумы” літаратуразнаўцы звычайна адносяць да жанру аповесці, вядомы даследчык творчасці М. Гарэцкага М. І. Мушынскі называў “На імперыялістычнай вайне” мастацка-дакументальнай кнігай, артыкулюючы менавіта дакументальны пачатак у творы. Лявон Задума – гэта чалавек мірны і міралюбівы. Галоўнай каштоўнасцю чалавека, што апынуўся на вайне, Лявон, як і яго баявыя таварышы, лічыць чалавечае жыццё. Значнасць жыцця

акцэнтуецца пісьменнікам праз адлюстраванне шматлікіх ахвяр вайны. Маладому салдату маральна цяжка бачыць забітых: "Самыя розныя, страшней адна за адну позы мёртвых: скручаныя, ніц, наўзнак з выстаўленымі ўгару, сціснутымі кулакамі" [2, с. 30]. Першыя забітыя, хоць гэта былі і ворагі, выклікалі адчуванне трывогі, жаху, непапраўнасці той сітуацыі, у якую трапіў свет. Параненыя салдаты нагадвалі таварышам пра цану баявых аперацый. Вайна прывучала людзей да разумення, што рызыка павінна быць разумнай, што чалавек павінен паводзіць сябе абачліва, каб не стаць чарговай ахвярай вайны.

Мірнае існаванне ўспрымаецца салдатамі як найвялікшая каштоўнасць чалавечага жыцця. Лявон Задума не ідэалізаваў бытавы ўклад аднавяскоўцаў, іх стаўленне да жыцця, да будучыні, хлопца не задавальняў быт бацькоўскай сям'і, але ўдалечыні ад дому, на фронце, бацькоўскі дом здаваўся райскім кутком. Гукі "венскага" гармоніка аднойчы нагадалі Лявону пра родны кут: "Думкі мае ляцелі ў ціхамірнае даўнейшае жыццё ў мілай, роднай Магілёўшчыне. Святочны дзень, скачуць, гуляюць… А я тут бачу жудаснае поле смерці пад сінім, цёплым, безмяцежным небам" [2, с. 41]. Вайна ўспрымаецца салдатам як з'ява, што ператварае чалавека ў звера. З горыччу Лявон адзначае, што вайсковыя будні, магчыма, дзеля самазахавання асобы, прытупляюць розум, этычныя імператывы чалавека, і з горыччу канстатуе: "А ўсе – скаты двухногія. Хай жыве вайна – знішчэнне скатоў скатамі. Мы не людзі, мы – быдла…" [2, с. 57]. Геройства на вайне ўваходзіць у афіцыйную шкалу каштоўнасцей, але не ўваходзіць у асабісты складнік аксіясферы Лявона Задумы, у адрозненне, напрыклад, ад маладога прапаршчыка Сізова, у якога з-за адсутнасці вайсковага вопыту не знікла яшчэ кніжнае разуменне вайны і подзвігу. У Лявона жорсткі погляд на геройства і герояў: "На сучаснай вайне – усе героі ці, лепей кажучы, няма герояў, а ёсць толькі болей ці меней дысцыплінаванае быдла" [2, с. 72]. Калі Задума пачуў, што яго з таварышамі ўзнагародзяць Георгіеўскім крыжам за наладжванне сувязі ў час бою, то стаў сумнявацца ў сваім геройстве і геройстве таварышаў: "Якія ж мы героі… Георгіеўскія кавалеры? Каб не баяліся кары, каб не вайсковая дысцыпліна, ніводзін бы з нас, ні я, ні Пашын, ні Беленькі, пэўна, з месца не зрушыліся б" [2, с. 55]. Вайна для салдата – нудная і небяспечная праца. Вайна прымушае чалавека перагледзець агульнапрынятыя маральныя нормы, запаведзь "не скрадзі" там часта парушаецца, бо салдаты вымушаны займацца марадзёрствам, каб выжыць падчас адступлення.

Каштоўнасць для салдата ўяўляюць элементарныя бытавыя зручнасці: магчымасць па-чалавечы паспаць, памыцца, у час паесці. Сувязіста Задуму на фронце лёс не песціў: "Сон на мокрай зямлі пад дзіравым брызентам, па якім б'юць дажджавыя каплі, як у бубен" [2, с. 60]. Сон – падарунак для чалавека на вайне. Выпрабаванне сном было пакутлівым. Лявон заўважаў: "Да абеда ехалі. Страшэнная санлівасць апанавала мяне, бо за гэтыя тры дні паходу дужа змарыўся фізічна" [2, с. 42]. Сон, адпачынак на фронце становяцца нязбыўнай марай. Лявона абурае немагчымасць прывесці сябе ў парадак: "Жывеш тут нямыцькай, ваюючы з вашмі і хцівым сабакам кідаючыся на вядро з казённаю бурдою" [2, с. 73].

Герою М. Гарэцкага ўласціва пачуццё чалавечага гонару; зняважлівае стаўленне многіх афіцэраў і некаторых салдат да людзей выклікае ў яго абурэнне і ўнутраны пратэст. Лявон, у адрозненне ад юнкера Шалапутава, перакананы, што салдат і інтэлігент – гэта не антытэзы, што салдацкае не павінна пярэчыць інтэлігецкаму і інтэлігентнаму. Аксіясфера Лявона Задумы ўключае павагу да людзей справы, а не слова. У прыватнасці, казакі, што спадзяваліся вокаімгненна "перавярнуць дагары нагамі ўсю Германію" [2, с. 10], і камандзір батарэі, што абяцаў, Нямеччыне "разбіць морду ў квас" [2, с. 13], выклікаюць насмешку ў Лявона.

Раман "На Заходнім фронце без змен" ("Im Westen nichts Neues") стаў своеасаблівым мастацкім дзённікам прадстаўніка "страчанага пакалення". Гэты твор, як і "На імперыялістычнай вайне", заснаваны на асабіста перажытым. Пауль Боймер пачынае самастойнае жыццё ў ваенных умовах, у 19 год ён трапляе на фронт. Рамантычныя ўяўленні Пауля пра вайну, пра абаронцаў радзімы, пра абавязак нямецкага юнака разбураюцца суровымі вайсковымі абставінамі. Пауль востра адчувае сваю неўкаранёнасць у жыцці, разумее адсутнасць перспектыў для сябе і для пакалення тых, чыё юнацтва супала з вайной. Найвышэйшая каштоўнасць і для Пауля Боймера ёсць жыццё. Адразу пасля прыбыцця на фронт хлопец адкрыў для сябе, што вайна ўладарна забірае чалавечыя жыцці. Паказальны ў рамане эпізод, калі Боймер успамінае пра тое, як іх адправілі на перадавую, каб змяніць часць, што там знаходзілася. Пра цяжкасці баёў на Заходнім фронце сведчыць той факт, што са 150 чалавек з роты, дзе служыў Пауль, вярнуліся жывымі толькі 80 чалавек.

Сон і ежа займаюць істотнае месца ў аксіясферы маладога нямецкага салдата Пауля Боймера. Ён заўважае: "Для солдата желудок и пищеварение составляют особую сферу, которая ему ближе, чем всем остальным людям" [3, с. 10]. Вайна развівае горшыя рысы чалавечая характару. У аднаго з сяброў Боймера, Кемерыха, у лазарэце ўкралі гадзіннік, учынак невядомага спісваецца на ваенныя абставіны, на дэфармацыю імі чалавечых характараў. Пауль і яго сябры-равеснікі на вайне адкрывалі сапраўдную

сутнасць чалавечых узаемаадносін, пазбаўляліся рамантычнага флёру, адмяжоўваліся ад высноў, якія ім сцвярджалі настаўнікі-выхавацелі і камандзіры. Каштоўнасцю для Пауля і сяброў была франтавая дружба. Боймера і яго сяброў аб'ядноўвала нянавісць да педантызму, да прыніжэння чалавечай асобы, з якой яны сустракаліся ў арміі і ў час адпачынку.

Для Пауля Боймера каштоўнасць мае кожнае імгненне жыцця: "Фронт – это клетка, и тому, кто в нее попал, приходится напрягать нервы, ждать, что с ним будет дальше. Мы сидим за решеткй, прутья которой – траектории снарядов; мы живем в напряженном ожиданиии неведомого. Мы отданы во власть случая. Когда на меня летит снаряд, я могу пригнуться, – и все; я не могу знать, куда он ударит, и никак не могу воздействовать на него" [3, с. 61]. Прыстасавальніцтва да абставін – важная ўмова выжывання чалавека на вайне ў паказе Рэмарка. Пауль заўважаў: "Мы словно альпинисты на снежных вершинах, – все функции организма должны служить только сохранению жизни" [3, с. 155]. Прага жыцця можа істотна мяняць чалавека: "Мы хотим жить, жить во что бы то ни стало; не можем же мы обременять себя чувствами, которые, возможно, украшали человека в мирное время, но совершенно неуместны и фальшивы здесь" [3, с. 83]. Адносіны да палонных рускіх салдат з боку нямецкіх салдат пазбаўлены нянавісці, прысутнічае разуменне, што гэта збег неспрыяльных абставінаў: "Чей-то приказ превратил эти безмолвные фигуры в наших врагов; другой приказ мог бы превратить их в наших друзей. Какие-то люди, которых никто из нас не знает, сели где-то за стол и подписали документ, и вот в течение нескольких лет мы видим нашу высшую цель в том, что род человеческий обычно клеймит презрением и за что он карает самой высшей карой. Кто же из нас сумел бы теперь увидеть врагов в этих смирных людях с их детскими лицами и с бородами апостолов? Каждый унтер по отношению к своим подчиненным, каждый классный наставник по отношению к своим ученикам является гораздо более худщим врагом, чем они по отношению к нам. И все же, если бы они были сейчас на свободе, мы снова бы стали стрелять в них, а они – в нас" [3, с. 113]. Салдат Кроп задае пытанне, для чаго нямецкія салдаты знаходзяцца на фронце: "Чтобы защищать свое отечество? Но ведь французы находятся здесь, чтобы защищать свое отечество. Кто же прав?" [3, с. 118].

Марай салдат становіцца цішыня. Пасля шматлікіх баёў вайскоўцам здаецца, што яны ўжо даўно памерлі: "Мы беспомощны, как покинутые дети, и многоопытны, как старики, мы стали чёрствыми, и жалкими, и поверхностными, – мне кажется, что нам уже не возродиться" [3, с. 74]. Сапраўдныя каштоўнасці для нямецкіх салдат ва ўмовах фронту – ежа і адпачынак ды захаванне жыцця. Салдаты не саромеюцца марадзёрства, іх забеспячэнне слабае ў параўнанні з французскімі салдатамі: "Поесть досыта – это так же ценно, как иметь надежный блиндаж; вот почему мы с такой жадностью охотимся за едой, – ведь она может спасти нам жизнь" [3, с. 72]. Існаванне чалавека на вайне ў адлюстраванні Рэмарка – спалучэнне надзвычайнага з будзённым, банальным. Так, перад чарговай атакай салдат Цьядзен вырашыў добра паесці, каб не памерці галодным, а Кат вырашыў пайсці ў бой галодным, каб не пакутаваць пасля магчымага ранення ў жывот.

Аксіясфера салдата Першай сусветнай вайны ў творах М. Гарэцкага і Э. М. Рэмарка ўключала пэўныя агульныя моманты: цэнтральны элемент аксіясферы ў абодвух аўтараў – жыццё, а таксама павага да асобы, сон, адпачынак. Паказальным элементам аксіясферы салдата ў Рэмарка было франтавое сяброўства. Перыферыйным элементам аксіясферы салдата ў Гарэцкага стаў гераізм, у Рэмарка ж ён адсутнічаў, бо гераізм і забойства былі несумяшчальнымі для яго герояў.

1. Аристотель. Об искусстве поэзии / Аристотель. – М. : Гослитиздат, 1957. – 158 с.
2. Гарэцкі, М. Збор твораў : у 4 т. / М. Гарэцкі. – Мінск : Маст. літ., 1984–1986. – Т. 3 : На імперыялістычнай вайне; Віленскія камунары. – 1985. – 399 с.
3. Ремарк, Э. М. На Западном фронте без перемен. Возвращение : романы / Э. М. Ремарк. – Минск : Выш. школа, 1982. – 380 с.

Марданов А. В.

ИДЕИ О СОЗДАНИИ РАКЕТНОЙ ТЕХНИКИ: ОТ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ ДО К. ЦИОЛКОВСКОГО И Г. ОБЕРТА

Вызывают интерес не только документальные и исторические источники по нашей теме, но и научно-фантастические произведения известных писателей. Ведь многие прогнозы относительно развития науки и техники в той или иной мере оправдались.

Так 1865 году французский писатель Жюль Верн (1828–1905) опубликовал научно-фантастический роман «Из пушки на Луну». Книга получила огромную популярность. В произведении Жюля Верна стволом пушки служила шахта глубиной 274 м с чугунными стенками, калибром 18,3 м. Вторую космическую скорость (11,5 км /с) снаряду должен был придать заряд пироксилина весом 180 т [1].

В свою очередь английский писатель Герберт Джордж Уэллс (1866–1946) в своем произведении «Первые люди на Луне» (1898) развил тему космических полетов. Он избавился от перегрузок и необходимости достижения скоростей 11,5 м /с очень просто – использовав для космического корабля вымышленный металл – «кейворит», обладающий антигравитационными свойствами. Однако его «невесомый» корабль должен был бы преодолевать большие силы сопротивления воздуха как при старте, так и при спуске космического корабля на Землю [2]. В произведении французский путешественник Мишель Ардан предложил в качестве космического корабля изготовить цилиндрический заостренный спереди вагон-снаряд, внутри которого располагались бы три космонавта. Однако для достижения скорости, равной 11,5 км /сна длине 274 м, ускорение движения снаряда в канале ствола пушки должно быть равно $4{,}3x10^5$ м /$с^2$ и, соответственно, перегрузка – $4{,}4x10^4$. При таких перегрузках снаряд смяло бы в диск, а от космонавтов ничего бы не осталось.

В отличие от писателей-фантастов Константин Эдуардович Циолковский (1857–1935) в 1903 году опубликовал в журнале «Научное обозрение» статью «Исследование мировых пространств реактивными приборами», в которой изложил основы теории реактивного движения и впервые доказал, что аппаратом, способным совершить космический полет, является ракета.

В 1911 году К. Э. Циолковский опубликовал вторую часть труда «Исследование мировых пространств реактивными приборами», где он вычислил работу по преодолению силы земного тяготения, определил скорость для выхода аппарата в Солнечную систему («вторую космическую скорость») и время полета на Луну.

Циолковский также выдвинул идею использования для космических полетов многоступенчатых ракет («ракетных поездов») на жидком топливе.

Он излагал основы динамики полета реактивных аппаратов с перегрузками, не превышающими 12g, рассматривал медико-биологические проблемы, связанные с продолжительностью межпланетных полетов, указывал на необходимость создания искусственных спутников Земли и орбитальных станций.

Ещё ничего не зная о К. Циолковском и его работах, в 1923 году немецкий ученый Герман Оберт (1894–1989) за свой счет издает книгу «Ракета для межпланетного пространства», которая неоднократно переиздавалась. При этом каждое издание обобщало новый опыт и потому являлось, по существу, новой книгой [3].

Ещё в четырнадцатилетнем возрасте Оберт задумывался о том, как человек сможет есть пищу в невесомости. Этот вопрос он решил экспериментально. Отработав стойку на голове, он ел яблоко и тем самым опроверг опасение, что в таком положении пища не будет задерживаться в желудке. Подобные опыты Оберт проделывал с 1908 по 1916 год.

Г. Оберт и К. Циолковский обозначили практически исчерпывающий круг вопросов, которые пришлось позже решать создателям современной ракетной техники.

О работах К. Циолковского Г. Оберт узнал лишь в 1924 году, а чуть ранее – в 1922 году – Г. Оберт вступил в переписку с американским ученым Робертом Годдардом (1882–1945), который прислал ему в подарок свою книгу «Метод достижения экстремальных высот».

16 марта 1926 года в штате Массачусетс (США) впервые в мире стартовала его ракета на жидком топливе.

Именно в тот период человечество заложило фундамент в создании ракетной техники.

Интересные данные по истории создания ракетной техники приводит в своих трудах известный ученый доктор технических наук В. А. Балакин [4].

Несмотря на то, что многие идеи изложенные авторами, приведенных нами в литературных произведениях и исторических трудах не прошли проверку временем, тем не менееони вызывают глубокий интерес наших современников.

1. Верн, Ж. Г. Из пушки на Луну / Ж. Г. Верн. – Москва : Изд. Детиздат, 1936. – 75с.
2. Герберт, Д. У. Первые люди на Луне / Д. У. Герберт. – Москва : Изд. Детиздат, 1901. – 342 с.
3. Герман, О. Ракета для межпланетного пространства / О. Герман. – Москва : Изд. Детиздат, 1923. – 429 с.
4. Балакин, В. А. Об истории создания ракетной техники : учеб. Пособие / М-во трансп. и коммуникаций Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т трансп. ; В. А. Балакин, А. В. Марданов. – Гомель : БелГУТ, 2018. – 90 с.

РАЗДЕЛ 5
ИСТОЧНИКИ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Каиль М. В.

ПРОБЛЕМЫ ЦЕРКОВНОГО УСТРОЕНИЯ В СОЧИНЕНИЯХ И ДНЕВНИКАХ ЦЕРКОВНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.[1]

Радикальные социальные трансформации с очевидностью меняют сознание современников революционных событий. Не исключение и церковное общество, менявшееся под влиянием событий отечественной истории XX в. Оно оказалось революционизировано, уже с начала XX в. жило в ожидании перемен, и мыслящие его представители стремились осознать и описать образ будущего, представить свое понимание путей исправления многочисленных «нестроений» в церковной жизни, также осознанных с приходом эпохи модерна. Вместе с тем, радикальное переустройство жизни сформировало и группу последовательных традиционалистов – людей «старого мира» и порядка, сохранявших свою приверженность уходящей в прошлое эпохе и ее ценностям.

Современные исследования убедительно дезавуировали миф о «золотом веке» православия якобы длившемся вплоть до революционных событий 1917 г. и показали объем и радикальный характер накопившихся проблем, как в церковном управлении, так и в нравах, практиках построения приходской жизни, коммуникации церкви (клира) и мира [7; 10].

Революционные события нашли отражение не только в мемуаристике, но и в публицистике – проблемных текстах церковных авторов, пытавшихся осмыслить церковную современность и, что особенно ценно, предложить пути и способы исправления ситуации. Подобных рефлективного уровня текстов немного. Единицы из них можно встретить в фондах органов церковного управления (консистории) в региональных архивах; большинство же – в фондах структур Св. Синода (РГИА, ф. 796, 797). Особый интерес в этой связи представляют материалы, отложившиеся в фонде «Рукописи Синода» (ф. 834 РГИА), отдельные из них представляют собой сочинения, обстоятельные богословские работы, представленные на суд и усмотрение церковной администрации в лице Синода.

Уже в начале XX в. интеллектуальное крыло православия было охвачено влиянием модернизма, поставившего вопрос о дальнейших судьбах веры. И ключевым в свете трансформационных влияний эпохи стал вопрос чистоты веры и искренности исповедания – осмысленности православия и практикуемых в церкви таинств, ставших для большинства современников рутинизированными обрядами, сформировав «обрядоверие» – заметное явление – характеристику российского православия той эпохи, означающее приверженность к воспроизведению устоявшихся церковных практик без рефлективного осмысления и переживания их сути, без понимания церковно-канонического значения и звучания в устроении христианской жизни.

В своих письмах и богословских трактатах, адресованных священноначалию Русской церкви православные авторы стремились изложить свое видение оживления о очищения нравов и практик Церкви. К сожалению, церковь переживала, как и все общество эпохи, системный кризис, значимой чертой которого было отрицание официально-управленческими структурами назревших проблем. Это обстоятельство и не позволило отдельным голосам быть услышанными и инициировать столь необходимые изменения. Советская же эпоха, поставившая церковное общество на грань физического выживания, не способствовала рефлексии о духовных проблемах и созданию обстоятельных текстов – данная проблематика переместилась на страницы частных дневников, каждый из которых обладая уникальностью и искренностью закрытого от потенциального читателя текста составляет значительную познавательную ценность.

В начале XX в. церковная интеллигенция продуцировала немало интереснейших идей. В 1910 г. епископ Могилевский и Мстиславский Стефан (Архангельский) писал Синоду «с обсуждением вопроса об основных началах уклада русской церкви» [6]. В то же время анонимный автор направил Синоду обстоятельную (рукопись в 60 листах) записку «О состоянии Православной церкви в России», в которой обозревал многие болезненные и значимые вопросы церковной жизни [5]. Неравнодушный автор, подобно пророкам древности после событий февраля 1917 г. возопил: «Свершилось. Грех, гордости, любоначалия и жестокаго эгоизма погубил старую власть земли Русской…» [5, л. 2]. Много писал об облике духовенства, зовя собратьев к изменению и обновлению: «Кто был горд, честолюбив – покайся, дай место кротости и смирению. Кто стремится обогатиться, пораздумай, переоцени свои богатства и окажи своевременную помощь нуждающимся». Он в

[1] Подготовлено при поддержке Российского Научного Фонда, проект № 19–78–00120

сравнительном контексте имперских административных расходов, обращался к вопросу жалования духовенству – в нем он видел важное условие для отказа от вынужденной и мучительной зависимости священников от доходов за совершение треб. В то время, когда некоторые святители призывали открыть двери храмов и колокольным звоном встречать первомай (!) [1, л. 1] этот вдумчивый церковный автор четко разделял захватывающий все общество политический контекст и пастырское служение: «Вон политику из храмов. Пусть это остается ведать мирянам, пусть они устанавливают сами свои человеческие законы, устройство и управление. Сохраним святое место алтаря Божия, чистоту пастырской проповеди с апостольских амвонов».

Но общество уже было поляризовано и кто-то из среды духовенства напротив призывал к социальному активизму и жаждал его, недальновидно полагая, что нахождение в авангарде преобразующих тенденций будет способствовать повышению значимости и влияния духовенства в обществе. Свидетельств такой революционизации и определенной эмансипации сознания церковных деятелей немало и революционные волны подогревали подобные настроения [8, с. 87, 90–91, 109–110, 131–132].

Последовавшее «погружение в бездну» надолго сделало любые теоретизации и обсуждения обновления в церкви неактуальными. Исключением в этом плане было зарождение политизированного обновленчества в 1922 г. и реакция церковного сообщества на «декларацию» заместителя патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) 1927 г. В 1922 г. общественная полемика была еще возможна если и не на страницах печати, то с церковных амвонов, в проповедях епископата и священства – она звучала. На фоне церковного сопротивления изъятию церковных ценностей и обновленчества (кампании развивались синхронно) началась волна арестов и следственных действий в отношении духовенства и активных верующих: в 1922 г. прошли масштабные и болезненные для церкви Московский и Петроградский процесс над духовенством, а также ряд показательных судов в регионах, где сопротивление государственным антицерковным действиям было самым значительным В результате ряд антропологически емких источников отложился в следственных делах. Иные из показаний и свидетельств православных имели исповедальный характер и содержали развернутые суждения и отношения православных к текущим социально-политическим событиям.

Потенциал событий 1927 г. был для православного сознания еще более детонирующим: впервые церковное общество оказалось на пороге реального раскола по принципу признания / непризнания конформистской позиции митрополита Сергия. Цена относительной легализации деятельности была велика: заявление митрополита содержало тяжелые для восприятия православными уже прошедшими ссылки и лагеря, суждения: «показать, что мы, церковные деятели, не с врагами нашего Советского государства и не с безумными орудиями их интриг, а с нашим народом и с нашим правительством» и «нужно не на словах, а на деле показать, что верными гражданами Советского Союза, лояльными к Советской власти, могут быть не только равнодушные к Православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его, для которых оно дорого, как истина и жизнь, со всеми его догматами и преданиями, со всем его каноническим и богослужебным укладом. Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской Родиной, радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи» [4, с. 2]

Это заявление породило болезненные церковные разделения: движение иосифлян и непоминающих и побудило появление нескольких значимых полемических документов, отражающих состояние сознания значимой части православных эпохи. В частности, «Послание соловецких епископов», самим своим положением в заключении свидетельствующее о неблагоприятности отношений государства и церкви. В частности, архипастыри отмечали «о подчинении Церкви гражданским установлениям выражена в такой категорической и безоговорочной форме, которая легко может быть понята в смысле полного сплетенния Церкви и Государства. Церковь не может взять на себя перед государством, какова бы ни была в нем форма правления, обязательства считать "все радости и успехи государства своими успехами, а все его неудачи своими неудачами", т. к. всякое правительство может принять решения безрассудные, несправедливые или жестокие, которым Церковь бывает вынуждена подчиниться, но не может им радоваться и одобрять их» [9, с. 232–234].

Соловецкие узники хорошо понимали мотивы заявления митрополита Сергия и свидетельствовали о пользе самого политического заявления, но положения непримиримые с совестью и уже отозвавшиеся сомнением в сердцах верующих порицали и развенчивали. В скором же времени, с изменением вектора государственной внутренней политики и «годом великого перелома» поднимется новая волна репрессий рубежа 1920-х – 1930-х гг., отраженная уже исключительно в материалах архивно-следственных дел православных [3]. Характер следственных действий в эту пору способствовал фиксации порою достаточно пространных и обстоятельных суждений подследственных. Особенно информативны и психологичны материалы приобщенные к т. н. «делу истинно-

православной церкви» 1930–1931 гг. : они не только раскрывают особенности построения и управления децентрализованной к тому времени церковной организации (отражают религиозную повседневность служителей церкви и модели формирования общин), но и передают личностное восприятие взаимоотношений с властями православных, их ожидания (в том числе распространенные – эсхатологические) [2, с. 382–392].

В 1940-е гг. церковь вошла в особом положении, буквально в осколках своей институциональной структуры и почти без пастырей. Встретив потепление в отношениях с государством в 1943 г. она начала институциональное возрождение, сопровождавшееся сменой поколений и приходом в церковь советизированных пастырей и паствы. Тем интереснее взгляд на эти реалии последних из поколения дореволюционной церкви. Большинство живших в эту эпоху православных избрали для себя путь социального изоляционизма – ушли в содержательное исповедание, внутреннюю духовную жизнь с сопутствующим избеганием всего мирского, тем более политического. Таковы например записки и письма к духовным чадам игумена Никона (Воробьева) (1894–1963), которым чужды социальные реалии. Лишь редчайшие из дневников эпохи содержат социальный план. К числу таких относится и дневник рославльского священника Всеволода Корицкого, ушедшего из жизни 90-летним старцем в начале 1954 г. Этот дневник представляет собой записи последних двух лет жизни, когда пастыря одолевают болезни, он завершает свое настоятельство и активное служение, последние события которого отличаются и новыми трудностями во взаимоотношениях со светскими властями и определенным непониманием с духовными (к старцу не прислушиваются в определении преемника на приходе, а пенсию приходится испрашивать в долгой переписке с епископом и даже патриархией, тем временем группа прихожан храма, где много лет настоятельствовал о. Всеволод жалуется на него, когда по немощи он не может совершать все службы Великого поста и Пасхи 1953 г.). Конечно, такие дневниковые записи казуальны, но в значительной степени и непосредственно они отражают настроения времени, приоритеты прихожан новой эпохи и стиль руководства священноначалия.

Личные источники с непосредственностью и ясностью, вне привычных трактовок и схем, отражают изменения в церковной среде, а потому задача их поиска и публикации – ключевая в реализации социально-исторического подхода к изучению новейшей истории православия.

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 550. Оп. 1. Д. 108.
2. Каиль, М. В. «Великий перелом» в судьбах православных российской провинции 1929–1931 гг. : судебные процессы и новая репрессивная практика / М. В. Каиль // 1929: «Великий перелом» и его последствия : материалы XII Международной научной конференции, Екатеринбург, 26–28 сентября 2019 г. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2020. – 504 с.
3. Каиль, М. В. Дела по обвинению провинциального епископата, духовенства и верующих 1918–1920-х гг. / М. В. Каиль // Отечественные архивы. – 2012. – № 4. – С. 59–67.
4. Послание заместителя патриаршего местоблюстителя, митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского) и временного при нем Патриаршего Священного Синода // Известия ВЦИК. – 1927. – 18 августа.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 834. Оп. 4. Д. 636.
6. РГИА. – Ф. 834. Оп. 4. Д. 637.
7. Рогозный, П. Г. Православная Церковь и Русская революция. Очерки истории. 1917–1920 / П. Г. Рогозный. – М. : Весь мир, 2018. – 304 с.
8. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. (Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви) / сост. М. А. Бабкин. – М. : Индрик, 2006. – 504 с.
9. Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. – М., 1996. – 328 с.
10. Фриз, Г. «Губительное благочестие»: Российская церковь и падение империи : сборник статей / под ред. П. Рогозного. – СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2019. – 352 с.

Мясоедова С. Н.

«ДЕЛО ПО ОБВИНЕНИЮ НИКИФОРА ЯКОВЛЕВА В ОГРАБЛЕНИИ ГРАЖДАНИНА ИОСИФА РИММЕРА» В КОНТЕКСТЕ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ ВИТЕБСКОГО ПОГРОМА 29 АПРЕЛЯ 1918 ГОДА

Одним из знаковых событий апреля 1918 г. в РСФСР стало повсеместное разоружение различных групп, именующих себя анархистами под предлогом того, что в стране произошел ряд вооруженных выступлений, сопровождавшихся насилием и грабежами. В операциях принимали участие отряды ВЧК, милиция, красноармейские части.

Самым цитируемым источником по истории выступления анархистов в Витебске является статья губернского военного комиссара Семена Николаевича Крылова «Военная работа», опубликованная в сборнике статей, воспоминаний и материалов «Красная быль. Большевики в Витебске» в 1923 г. В задачи С. Н. Крылова входило руководство операцией по ликвидации как выступления,

так и отряда витебских «анархистов», поэтому участников событий он делил на своих (военные части, выступившие против погрома) и чужих (погромщики, «уголовный элемент») [4].

Кроме того, о погроме 29 апреля 1918 г. в Витебске и его последствиях писали многие периодические издания того времени.

В Витебской ежедневной социалистической газете «Наша жизнь» (№№ 39, 40 от 1, 3 мая 1918 г.), почти полный комплект которой был выявлен В. А. Шишановым в Президентской библиотеке Республики Беларусь, Российской национальной библиотеке и Национальном архиве Республики Беларусь, авторы представляли сведения, полученные из официальных и частных источников в виде новостей, а также передавали атмосферу города тех дней [6; 7; 9].

Доступны для исследования сегодня и статьи, опубликованные в петроградском журнале «Еврейская неделя» [6].

В Государственном архиве Витебской области в фонде Витебского губернского революционного трибунала хранится «Дело по обвинению Никифора Яковлева в ограблении гражданина Иосифа Риммера», где мы можем обнаружить новые, ранее неизвестные подробности витебского погрома 29 апреля 1918 г. [3].

Объединив полученные из этих источников сведения, можно не только представить картину, сложившуюся в Витебске в марте – мае 1918 г., но и хотя бы немного осветить вопросы деятельности отряда «анархистов» изнутри.

В начале марта 1918 г. в Витебске появилась своеобразная воинская часть, около ста человек преимущественно уголовников и матросов. Казарму и штаб они разместили в двухэтажном, частично трехэтажном здании гостиницы «Палас-Отель» [3, л. 57; 4] на Долгоруковской улице напротив вокзала. Гостиница состояла из 12 номеров, каждый номер которой – комната с кроватью и кушеткой [1]. «Анархисты» выставили в окнах и на крыше пулеметы, на балконе повесили черный флаг и заявили, что никакой власти в городе не признают. Вооруженные с ног до головы, обмотанные крест-накрест пулеметными лентами, с засунутыми за пояс финскими ножами, обвешанные гранатами и маузерами, они большими группами ходили по улицам, пугая жителей города [4]. Говорили, что военный отдел Витебского губиспокома выделил отряду 4 лошади, 2 повозки, 3 пулемета [3, л. 57].

В отряде состояло много случайных людей, среди них – шестнадцатилетний неграмотный бывший извозчик Никифор Яковлев. У молодого человека заболела лошадь, и он не мог больше работать. В Витебске как раз началось формирование отрядов Красной гвардии, однако на военною службу Н. Яковлева не взяли, т. к., с его слов, он не умел обращаться с винтовкой. 28 марта 1918 г. юноша получил временное свидетельство для свободного проживания во всех городах РСФСР сроком на 6 месяцев и записался в «анархисты», куда «приняли без знания военной дисциплины». Он не интересовался целями организации, вплоть до 29 апреля 1918 г. возил продукты из военного отдела Витебского губисполкома (согласно официальным данным на довольствие отряд не зачисляли), в свободное время немного обучался обращению с винтовкой. Юноша отмечал, что «в анархисты приходило записываться много евреев, но их не принимали» [3, л. 51, 57, 58].

В конце апреля в Витебске стали говорить о предстоящем погроме, власти ждали его к 1 мая [6; 7]. «Анархисты» же планировали выступить совместно с некоторыми частями витебского гарнизона, «уравнять буржуев» в воскресенье 28 апреля 1918 г. [3, л. 58].

Накануне военное руководство Витебской губернии устроило в частях митинги в попытке отговорить военных от выступления, что получилось, гарнизон на улицы не вышел [5].

В понедельник голоса членов организации разделились. Одни настаивали на немедленном начале погрома, другие говорили, что его вновь необходимо отложить, дождаться выступления военных и присоединиться к ним.

29 апреля 1918 г. до 5 часов вечера Никифор Яковлев был у девушки, потом пошел в «Палас-Отель» и заступил на пост часовым вместе с П. Шариковым. В это время «анархисты» как раз обсуждали, следует ли начинать выступление, ходили мимо часовых то на улицу, то в здание [3, л. 57 – 57об].

Интересно, что в казарме «анархистов», как в гостинице, находились постояльцы. Восемнадцатилетняя барышня Казимира Бутунович, дворянка, неграмотная, приехала из Орши в Витебск, пришла в Палас-Отель, видела вооруженных людей на посту у двери, но в номер заселилась[3, л. 55об – 56].

Погром начался в 9.30 вечера. На улицах Вокзальной, Замковой, Смоленской и прилегающих к ним появились неизвестные. Они нагайками и штыками разгоняли прохожих, сбрасывали их с Двинского моста, отбирали бумажники, грабили магазины, театры, кинотеатры. «Ожидались исключительно еврейские погромы, но тот озверелый, антисемитский и черносотенный дух, который выявился в выступлении 29 апреля, превосходил всякие ожидания. Лозунг[и] «бей жидов» и «грабь евреев» был[и] единственной «идейной» подкладкой «анархического» выступления 29 апреля» [6; 7].

Около 10 часов вечера Залман Сутянов, Неух Швайнштейн и Иосиф Риммер вышли из здания вокзала, чтобы купить продукты. К ним подошли двое неизвестных, спросили документы, И. Риммера ударили нагайкой, забрали у него бумажник под угрозой расстрела, З. Сутянова обыскали, но ничего не нашли, Н. Швайнштейн убежал. В одном из грабителей З. Сутянов узнал своего соседа Никифора Яковлева [3, л. 60].

В это же время на место погрома начали прибывать войска. «При виде войск грабители бросились врассыпную». Среди арестованных в этот вечер оказались Екимов Павел Веремеевич, Рабчевский Иван Францевич, Боренко Бронислав Константинович, Савельев Лаврентий Григорьевич [2].

Около 40 человек укрылись в гостинице, но к утру 30 апреля они сдались под угрозой обстрела гостиницы из орудий [8]. Н. Яковлева, по его словам, в 7 утра разбудили милиционеры в «Палас-Отеле», проверили документы, потребовали сдать оружие и отпустили домой. Там его и арестовали 30 апреля 1918 г., нашли пустые бланки с печатью «анархистов» [3, л. 57об – 60об].

30 апреля по всему городу шли обыски, облавы. Были арестованы, в том числе, Калеев Евгений Григорьевич, Симанкин Леонард Иванович, Бобров Никифор Титович, Рудзевич Станислав Казимирович, Коваленко Иван Васильевич, Бернадиг Марьян Антонович, Добженецкий Михаил Леонтьевич, Канцев Александр Адамович, Габрусев Степан Сергеевич, Гришко Казимир Фомич, Краучунос Иосиф Викентьевич, Фирсов Никанор Леонович [2], Балакирев и Поляков. У одного из грабителей в кармане нашли 19 пар часов [6; 7].

Разбирательство по «Делу по обвинению Никифора Яковлева в ограблении гражданина Иосифа Риммера» длилось до 1919 г. 10 августа 1918 г. следственный юридический отдел при Витебском губернском революционном трибунале кроме принадлежности к группе «анархистов» не нашел в деле состава преступления (свидетели не явились в суд). Н. Яковлеву изменили меру пресечения на освобождение под подписку с обязательством явиться в трибунал по первому требованию. Однако 16 января 1919 г. в суд «обвиняемый Яковлев не явился и повестка ему не вручена за нерозысканием на указанном месте жительства». Оказалось, что на свободе бывший «анархист» попал в какую-то темную историю, подробности которой неизвестны и был расстрелян по постановлению коллегии Витебской губЧК [3, л. 39, 47об, 57об].

Таким образом, документы из «Дела по обвинению Никифора Яковлева в ограблении гражданина Иосифа Риммера» можно рассматривать, с одной стороны, как частный случай, с другой стороны они добавляют множество мелких деталей в общую картину определенного исторического события.

1. Государственный архив Витебской области (ГАВт). Ф. 64. Оп. 1. Д. 49. Л. 47 об.
2. ГАВт. Ф. 103. Оп. 1. Д. 85а.
3. ГАВт. Ф. 200. Оп. 1. Д. 26.
4. ГАВт. Ф. 9742-п. Оп. 1. Д. 155. Л. 211 – 212.
5. Из жизни агитационно-вербовочного отдела Витебского губернского военного комиссариата // К оружию. – 1918. – 2 декабря. – С. 2.
6. Книга погромов. Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны. 1918–1922 гг.: отв. сост.: И.Э. Еленская [и др.]. М.: РОССПЭН, 2007. С. 539– 541.
7. Наша жизнь. – 1918. – 1 мая.
8. Наша жизнь. – 1918. – 3 мая.
9. Почанин С.З. Историей обреченные / С. З. Почанин. — Минск: Беларусь, 1977. — 286 с. С. 214 – 216.
10. Шишанов, В. Несколько строк из жизни Марка Шагала [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.m-chagall.ru/library/neskolko-strok-iz-zhizni-marka-shagala.html. – Дата доступа: 01.03.2021.

Каплиев А. А.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ БЕЛОРУССКОГО КРАСНОГО КРЕСТА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЕГО СТАНОВЛЕНИЯ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В. (К 100-ЛЕТИЮ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА КРАСНОГО КРЕСТА)[1]

В сентябре 1921 г. было образовано Белорусское общество Красного Креста – одна из старейших и наиболее значимых благотворительных организаций в истории социальной работы и общественного участия на территории Беларуси. Однако круг основных источников – архивных материалов, по истории становления Красного Креста, особенно за период 1920-х гг., крайне ограничен, ввиду чего особенную ценность приобретают различные дополнительные виды источников, в том числе материалы периодической печати, издававшейся и распространявшейся Красным Крестом.

[1] Работа выполнена при поддержке БРФФИ (проект № Г20М-007 «Белорусское общество Красного Креста: становление и развитие»).

Развитие медицинской периодической печати, к которой традиционно относятся и издания Красного Креста, в Беларуси началось в первой четверти XX в. с периодического органа Общества минских врачей – журнала «Минские врачебные известия». В начале Первой мировой войны издание этого журнала прекратилось, однако существование организаций медико-санитарной помощи армии (Красный Крест, Всероссийский земский союз, Всероссийский союз городов) предопределило начало выхода их собственных печатных органов. Во время войны на территории Беларуси наиболее значительной благотворительной организацией стало Российское общество Красного Креста, целью которого была помощь раненым военнослужащим и гражданскому населению [3, с. 68–69].

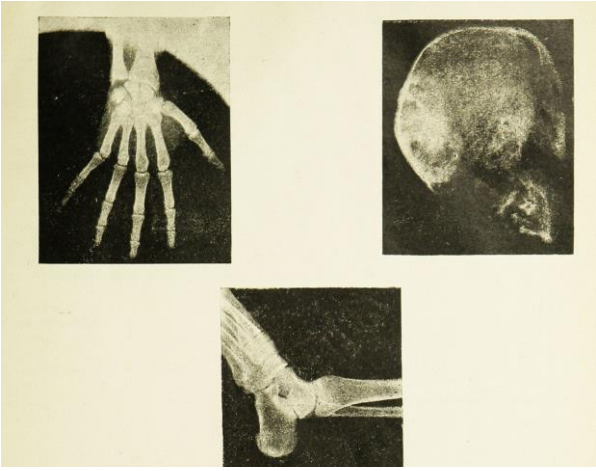


Рис. 1. Рентгеновские снимки, напечатанные в «Медицинском вестнике главноуполномоченного Красного Креста Западного фронта» в 1916 г.

В 1916 г. в Минске началось издание журнала Красного Креста Западного Фронта – «Медицинского вестника Главноуполномоченного Красного Креста Западного Фронта». Условия военного времени отразились на содержании издания – основную часть статей составляли сообщения врачей и хирургов, которые касались наиболее актуальных вопросов военно-полевой хирургии, распространения тифа и других инфекционных болезней, противоэпидемических мероприятий в условиях боевых действий. Следует отметить, что некоторые статьи сопровождались рисунками и фотоснимками (например, при отображении травматических поражений солдат), что стало значительным шагом вперёд в развитии белорусской медицинской периодики (рис. 1) [3, с. 69–70].

Важную часть «Медицинского вестника» составляла хроника, а также публикация главных предписаний в области армейской медико-санитарной службы, образцы оформления документации. В целом журнал имел методический характер и был полезным для практикующих военных хирургов, эпидемических врачей. Помещённая хроникальная информация представляет собой полезный для историков фактический материал о лечебно-санитарной работе и буднях медицинского персонала во время боевых действий Первой мировой войны. Особенно трогательными являются некрологи сестёр милосердия, которые погибли во время боевых действий.

После Октябрьской революции 1917 г. большинство благотворительных организаций, в том числе Красный Крест, не поддержали большевистский переворот, что предопределило немедленную реакцию новой государственной власти. Уже 6 января 1918 г. постановлением Совета народных комиссаров РСФСР Российское общество Красного Креста было ликвидировано. Позже Российское общество Красного Креста было восстановлено на советской основе, но его деятельность на территории Беларуси носила крайне ограниченный характер.

С окончанием боевых действий Первой мировой и польско-советской войн Социалистическая Советская Республика Беларуси получила все государственные атрибуты, в том числе было создано собственное национальное общество Красного Креста, начавшее работу в сентябре 1921 г. [2, л. 130 об.]. Однако Международный комитет Красного Креста не признавал национальные общества Красного Креста союзных республик, за исключением РСФСР. Лишь образование в 1923 г. Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР, признанного международным сообществом, с Белорусским обществом Красного Креста в качеств одного из основателей, открыло для последнего возможность широкой международной деятельности [6, л. 16]. Белорусский Красный Крест вступил в активную борьбу за своё международное признание: Центральный комитет Белорусского общества Красного Креста получил приглашение принять участие в международной конференции Красного Креста в Берне 16 ноября 1926 г., также общество добилось в 1926 г. открытия своих представительств в Женеве и Париже. В 1926 г. Белорусский Красный Крест вступил в основанный в Лондоне в 1920 г. Международный союз помощи детям [9, с. 5–10].

Для поднятия престижа общества на международной арене и внутри страны в сентябре 1926 г. Белорусский Красный Крест начал издавать собственный журнал «Бюлетэнь Цэнтральнага Камітэту Беларускага таварыства Чырвонага Крыжу». Следует отметить, что издание выходило исключительно на белорусском языке, что отвечало, как задачам по выражению мыслей и идей национального общества Красного Креста, так и курсу на белоруссизацию в БССР. Подчёркивая международный статус издания, на обложке кроме белорусскоязычного названия также приводился и его перевод на французский язык.

Рис. 2. Обложка журнала «Бюлетэнь Цэнтральнага камітэту Беларускага таварыства Чырвонага Крыжу» к 10-летию БССР. Из фондов Национальной библиотеки Беларуси

В программной статье редакции журнала, помещённой в самом первом номере, отмечалось стремление сделать его *«…як мага менш органам акадэмічным, разважаючым на агульныя тэмы»* [8, с. 3]. Главной целью издания провозглашалась коммуникация между местными отделениями Красного Креста и Центральным комитетом, публикация отчётов об их деятельности. Второй по значимости задачей объявлялось донесение с, одной стороны, информации о деятельности Белорусского Красного Креста в СССР, что достигалось рассылкой журнала в союзные республики, чаще в обмен на получение таких же журналов других советских обществ Красного Креста, а с другой – информирование служащих Красного Креста БССР о деятельности обществ Красного Креста в союзных республиках и за рубежом [8, с. 5].

Следует отметить, что, как и большинство медицинских периодических изданий Беларуси первой трети XX в., «Бюлетэнь» Красного Креста не отличался упорядоченностью издания. Например, второй выпуск журнала имел сразу два формата: № 2 (октябрь – ноябрь 1926 г.) и № 2–3 (октябрь – декабрь 1926 г.) Формально орган Красного Креста начинал своё существование как ежемесячный, однако фактически он стоял ближе к квартальным изданиям, чаще всего под одной обложкой объединялись материалы за 2–4 месяца [5, л. 102]. За всю историю издания (всего вышло 10 номеров) за месяц вышли лишь два выпуска: № 1 за сентябрь 1926 г. и № 8 за декабрь 1928 г., который был посвящён 10-летию БССР (рис. 2) [1, с. 3].

Рассылка журнала по низовым организациям первоначально осуществлялась бесплатно, тираж в 1500 экземпляров позволял наладить довольно широкий охват издания [5, л. 35]. В отчёте Белорусского общества Красного Креста за 1921–1927 гг. отмечалось *«…выдающееся место в деле руководства и связи с Окружными Комитетами и низовыми организациями»*, которое занял «Бюлетэнь» за 1927 г. [7, с. 23–24]

Рис. 3. Иллюстрация из «Бюлетэня Цэнтральнага Камітэту Беларускага таварыства Чырвонага Крыжу», 1928 г.

Основным содержанием журнала были программные статьи руководителей Красного Креста, резолюции и постановления пленумов и собраний, хроника, а также сведения о работе региональных ячеек Красного Креста. Особенностью подобных материалов стала широкое использование фотографий, иллюстрирующих личный состав и непосредственную деятельность общества, что особенно ценно для историков (рис. 3). Также в журнале публиковались рисунки, карты и даже реклама, касающаяся в основном популяризации деятельности самого Красного Креста.

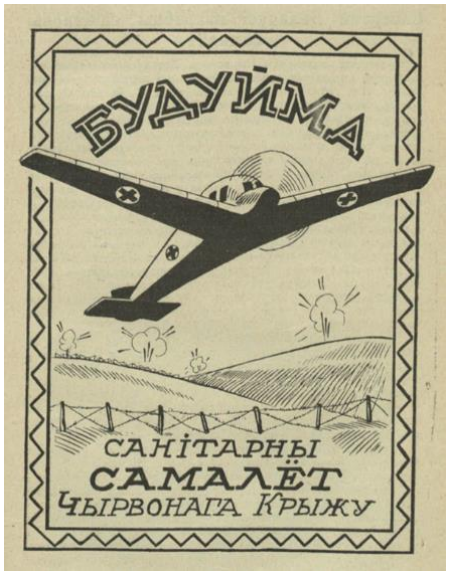


Рис. 4. Реклама строительства санитарного самолёта Красного Креста, 1928 г.

Содержание типового номера «Бюлетэня» имело 4–6 разделов и включало в себя 2–4 редакторских или «программных» статьи, за которыми подавался блок новостей (отчётов) местных отделов Красного Креста, а завершался номер официальной хроникой (постановлениями Центрального комитета Красного Креста) и международными новостями, которые обычно включали в себя 2–3 заметки с кратким описанием деятельности обществ Красного Креста других стран. Печатались полезные для изучения истории становления Красного Креста на территории Беларуси материалы пропагандистского характера, например статья главы общества М. Барсукова о перспективах и целях развития санитарной авиации на территории Беларуси (рис. 4).

Несмотря на устойчивое финансовое положение Красного Креста, в конце 1920-х гг. в БССР был взят курс на сокращение ведомственных изданий в наркоматах и организациях [4, с. 91]. В 1929 г. «Бюлетэнь Цэнтральнага камітэту Беларускага таварыства Чырвонага Крыжу» закончил своё издание, как и второй важнейший медицинский журнал БССР – печатный орган Народного комиссариата здравоохранения «Беларуская мэдычная думка». О принципиальности принятых решений свидетельствует отклонённые партийным руководством ходатайства главы Белорусского Красного Креста и по совместительству комиссара здравоохранения БССР М. Барсукова о продолжении изданий [5, л. 102–104].

Подводя итоги вышеизложенного, следует отметить, что несмотря на краткость издания периодических органов Красного Креста, они являются уникальным источником по истории становления общества. Сегодня журнал «Бюлетэнь Цэнтральнага камітэту Беларускага таварыства Чырвонага Крыжу» является библиографической редкостью: первый и второй номера за 1926 гг. были выявлены в собрании Центральной научной библиотеки НАН Беларуси, остальные – в Национальной библиотеке Беларуси.

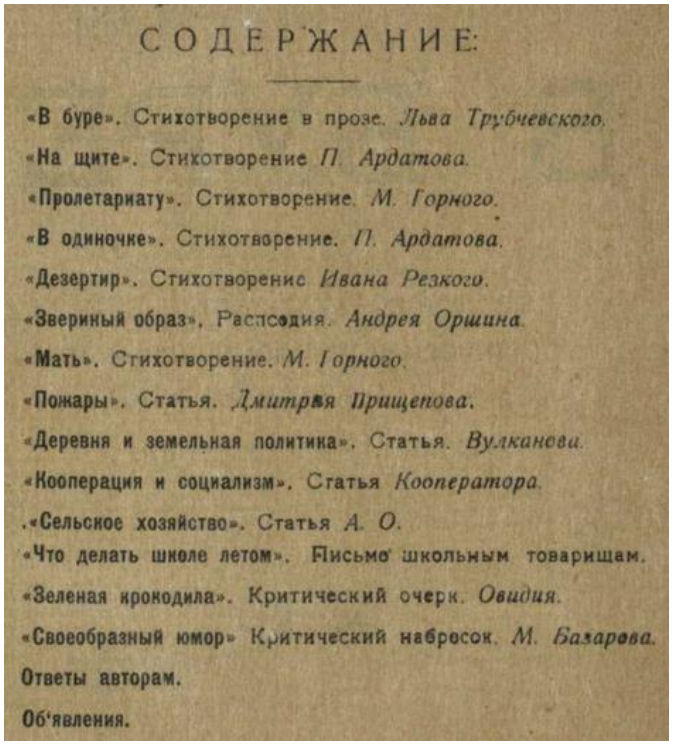
1. Вялікае сьвята // Бюлетэнь Цэнтральнага Камітэту Беларускага Таварыства Чырвонага Крыжу. – 1928. – № 8. – С. 3.
2. Государственный архив Минской области. – Ф. Р9. Оп. 1. Д. 9.
3. Капліеў, А. Медыцынскі перыядычны друк на тэрыторыі Беларусі ў канцы XVIII – першай трэці XX стагоддзя / А. Капліеў // Беларуская думка. – 2020. – № 9. – С. 66–74.
4. Матэрыялы да справаздачы Цэнтральнага камітэту на XI з'ездзе КП (б)Б. – Менск : выданьне ЦК КП (б)Б, 1927. – 161 с.
5. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 4606.
6. НАРБ. – Ф. 7. Оп. 1. Д. 398.
7. Отчет о деятельности Белорусского общества Красного Креста 1921–1927 г. г. – Минск : Издание ЦК О-ва Красного Креста, 1928. – 29 с.
8. Цьвікевіч, А. Аб патрэбе выданьня "Бюлетэня" / А. Цьвікевіч // Бюлетэнь Цэнтральнага Камітэту Беларускага Таварыства Чырвонага Крыжу. – 1926. – № 1. – С. 3–6.
9. Цьвікевіч, А. Праца Цэнтральнага Камітэту / А. Цьвікевіч // Бюлетэнь Цэнтральнага Камітэту Беларускага Таварыства Чырвонага Крыжу. – 1926. – № 2–3. – С. 5–10.

Бараноўскі А. В.

«В БУРЕ»: ЧАСОПІС СЕННЕНСКАГА ПАВЯТОВАГА ВЫКАНКАМА

У 1918–1919 гадах старшынёй Сенненскага павятовага выканкама быў Дзмітрый Прышчэпаў, у будучым наркам земляробства БССР. Падчас працы на Сенненшчыне ён праявіў сябе выдатным арганізатарам. Па яго ініцыятыве была адкрыта Беліцкая сельскагаспадарчая школа, а ў Сянно арганізаваны дзіцячы кінатэатр, духавы аркестр, тэатр імя Карла Маркса, з'явілася павятовая газета «Факел» [1]. Разам з мясцовымі пісьменнікамі А. Оршыным і М. Горным (сапр. М. Іваньковіч) Д. Прышчэпаў выдаваў часопіс «В буре».

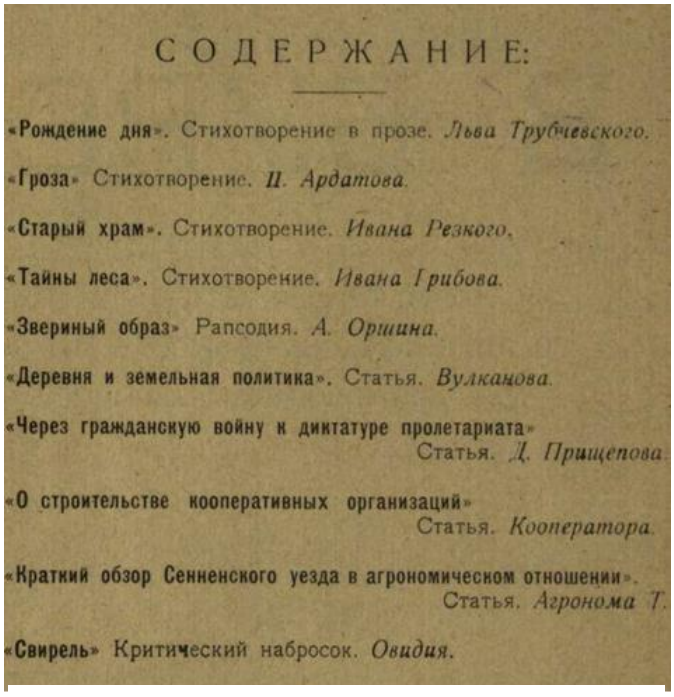
Доўгія гады часопіс быў недаступны для беларускіх даследчыкаў, а айчынная гістарыяграфія мела толькі сціслыя звесткамі аб ім. Так, у 1994 годзе ў другім томе шасцітомнай энцыклапедыі гісторыі Беларусі быў змешчаны невялічкі артыкул пра часопіс аўтарства кандыдата філалагічных навук, даследчыка мясцовага друку Беларусі, ураджэнца Сенненскага раёна П. Дарашчонка [5].



СОДЕРЖАНИЕ:

«В буре». Стихотворение в прозе. *Льва Трубчевского.*
«На щите». Стихотворение *П. Ардатова.*
«Пролетариату». Стихотворение. *М. Горного.*
«В одиночке». Стихотворение. *П. Ардатова.*
«Дезертир». Стихотворение *Ивана Резкого.*
«Звериный образ». Рапсодия. *Андрея Оршина.*
«Мать». Стихотворение. *М. Горного.*
«Пожары». Статья. *Дмитрия Прищепова.*
«Деревня и земельная политика». Статья. *Вулканова.*
«Кооперация и социализм». Статья *Кооператора.*
«Сельское хозяйство». Статья *А. О.*
«Что делать школе летом». Письмо школьным товарищам.
«Зеленая крокодила». Критический очерк. *Овидия.*
«Своеобразный юмор» Критический набросок. *М. Базарова.*
Ответы авторам.
Об'явления.

Змест № 1



СОДЕРЖАНИЕ:

«Рождение дня». Стихотворение в прозе. *Льва Трубчевского.*
«Гроза» Стихотворение. *П. Ардатова.*
«Старый храм». Стихотворение. *Ивана Резкого.*
«Тайны леса». Стихотворение. *Ивана Грибова.*
«Звериный образ» Рапсодия. *А. Оршина.*
«Деревня и земельная политика». Статья. *Вулканова.*
«Через гражданскую войну к диктатуре пролетариата» Статья. *Д. Прищепова.*
«О строительстве кооперативных организаций» Статья. *Кооператора.*
«Краткий обзор Сенненского уезда в агрономическом отношении». Статья. *Агронома Т.*
«Свирель» Критический набросок. *Овидия.*

Змест № 2

На працягу некалькіх год намі праводзіліся пошукі выдання ў кнігасховішчах Беларусі, але безвынікова, і гэта пры тым, што ён у свой час карыстаўся вялікай папулярнасцю сярод краязнаўцаў. Напрыклад, падпісчыкам часопіса быў віцебскі гісторык А. Сапуноў [8]. Знайсці арыгіналы часопіса ў Расіі, як аказалася, не склала вялікіх высілкаў, больш за тое, у 2019 годзе ён быў алічбаваны і размешчаны на афіцыйнай старонцы электроннай бібліятэкі Расійскай нацыянальнай бібліятэкі (Санкт-Пецярбург) [2]. Любы наведвальнік можа яго спампаваць бясплатна і без папярэдняй рэгістрацыі на сайце, што намі і было зроблена. Нумары выдання з фондаў РНБ захаваліся ў адносна добрым стане: у першым нумары адсутнічаюць фрагменты тэксту на 4 лістах; другі нумар прадстаўлены толькі яго першай часткай. Аднак нягледзячы на гэта, наяўныя нумары даюць поўнае ўяўленне аб часопісе.

Заснавальнікамі часопіса «В буре» з'яўляліся Сенненскі павятовы выканкам, а таксама палітычныя і грамадскія арганізацыі павета. Выданне выходзіла на рускай мове пад рэдакцыяй Дзмітрыя Прышчэпава, Андрэя Оршына, Міхаіла Горнага і было разлічана на шырокае кола чытачоў. Рэдакцыя прымала да друку вершы, артыкулы літаратурна-мастацкага зместу, а таксама артыкулы па пытаннях сельскай гаспадаркі, кааперацыі, адукацыі, аховы здароўя, рабочага і прафесійнага жыцця. Пры гэтым вершы і артыкулы павінны былі адпавядаць фармальным патрабаванням: быць разборліва напісанымі (пажадана на пішучай машынцы) на адным баку аркуша, з пакіданнем палёў для заўваг. За апублікаванне сваіх твораў на старонках часопіса аўтары атрымлівалі ганарар (за радок): верш на злобу дня – 1 руб., мастацкі верш – 1 руб. 25 кап., белетрыстыка – 75 кап., публіцыстыка – 50 кап. Пры гэтым асобны нумар часопіса каштаваў 3 руб., падпіска на месяц – 5 руб., на год – 60 руб.

Першы нумар часопіса быў надрукаваны 22 чэрвеня 1919 года ў друкарні Сенненскага саўнаргаса, другі, ён жа апошні – 25 ліпеня 1919 года. Выданне мела наступныя раздзелы: вершы, палітычны аддзел, аддзел кааперацыі, народная адукацыя, агляд друку, адказы аўтарам, аб'явы. Часопіс для сенненцаў быў своеасаблівым «рупарам». Праз яго маладыя аўтары знаёмілі грамадскасць са сваімі паэтычнымі і мастацкімі творамі, а кіраўніцтва павета прапагандавала ў масах бальшавіцкія ідэі.

Тэматыка публікацый цалкам адпавядала свайму часу, аўтары закраналі паслярэвалюцыйныя змены, падзеі грамадзянскай вайны і пасляваеннага аднаўлення. Пры гэтым мясцовая,

краязнаўчая тэматыка амаль адсутнічала. Пэўнае выключэнне ў гэтым плане складаў артыкул «Краткий обзор Сенненского уезда в агрономическом отношении» аўтарства Агранома Т., што быў надрукаваны ў другім нумары часопіса. На жаль, дадзены артыкул быў змешчаны ў другой часцы выдання, той самай, што адсутнічае ў РНБ, і таму мы не маем уяўлення пра яго змест.

Характэрнай асаблівасцю часопіса з'яўлялася тое, што аўтары падпісвалі свае паэтычныя творы і артыкулы псеўданімамі і крыптонімамі. Так, напрыклад рэдактар сенненскай павятовай газеты «Факел» Міхаіл Іваньковіч выкарыстоўваў псеўданім М. Горны.

На старонках часопіса «В буре» былі апублікаваныя: вершы П. Ардатава, Міхаіла Горнага, Івана Грыбава, Івана Рэзкага; верш у прозе Льва Трубчэўскага; рапсодыя Андрэя Оршына; артыкулы Агранома Т. , Вулканава, Кааператара, Дзмітрыя Прышчэпава; крытычны накід М. Базарава [3–4].

Матэрыялы, што змяшчаюцца ў двух нумарах выдання, маюць унікальны характар, паколькі нідзе не публікаваліся, як да гэтуль, так і пасля. Намі нават некалькі вершаў і артыкулаў былі загружаныя ў сістэму «Антыплагіят» (прызначана для праверкі тэкставых дакументаў на наяўнасць запазычанняў з адкрытых крыніц у сетцы Інтэрнэт і іншых крыніц) і мы атрымалі адмоўны вынік. Вывучэннем літаратурна-мастацкіх твораў, што былі надрукаванны ў часопісе, абавязкова павінны заняцца спецыялісты ў гэтай галіне.

Часопісу «В буре» было наканавана хутка ўзнікнуць і гэтак жа хутка знікнуць. Усяго пабачыла свет толькі два нумары выдання. У сувязі з гэтым П. Дарашчонак у сваім артыкуле адзначаў: «На жаль, многія перыферыйныя часопісы, якія масава ўзнікалі ў рэвалюцыйны час, з-за матэрыяльных і арганізацыйных цяжкасцей спынялі сваю працу пасля выхаду аднаго ці двух нумароў» [6]. Спыненне выхаду часопіса не было связана з яго выданнем ці распаўсюджваннем, справа была ў рэдкалегіі, дакладней у Дзмітрыі Прышчэпаве. У жніўні 1919 года Народны камісарыят дзяржаўнага кантролю РСФСР абвінаваціў Д. Прышчэпава ў перавышэнні паўнамоцтваў, дапушчаных ім падчас перадачы Сенненскага павета з Магілёўскай губерні ў Віцебскую губерню, і адхіліў яго ад абавязкаў старыні Сенненскага павятовага выканкама. Напрыканцы жніўня Дзмітрый Прышчэпаў наогул быў прызваны ў Чырвоную Армію [1].

Вышэй мы ўжо згадвалі пра адсутнасць часопіса «В буре» ў кнігасховішчах Беларусі, на нашу думку, на гэта таксама паўплывала асоба Д. Прышчэпава. Згодна з загадам № 33 Галоўнага ўпраўлення па справах літаратуры і выдавецтваў пры Народным камісарыяце асветы БССР ад 3 чэрвеня 1937 года ўсе публікацыі Дзмітрыя Прышчэпава падлягалі канфіскацыі з бібліятэк грамадскага карыстання, навучальных установаў і кнігагандлю [7]. На момант прыняцця дадзенага загаду Д. Прышчэпаў адбываў пакаранне па сфабрыкаванай справе «Саюза вызвалення Беларусі».

Такім чынам, увядзенне ў навуковы ўжытак двух нумароў часопіса «В буре» з'яўляецца падзеяй не толькі рэгіянальнага, але і агульнадзяржаўнага маштабу, паколькі адным з яго рэдактараў быў Д. Прышчэпаў, чалавек які ў 1920-я гады прымаў актыўны ўдзел у дзяржаўным будаўніцтве Савецкай Беларусі і яе сацыяльна-эканамічным развіцці. І ўвогуле яшчэ не ўсе аўтары выдання ідэнтыфікаваныя, а таму можа яшчэ хто-небудзь з вядомых асоб хаваецца за псеўданімам ці крыптонімам. Несумненна, матэрыялы часопіса «В буре» з'яўляюцца каштоўнай крыніцай для вывучэння мовы рэвалюцыйнай пары, яе бытавання ў глубінцы. Выданне часопіса сведчыць і пра тое, что ў Сянно ў 1919 годзе існаваў асяродак дзеячаў культуры, навукі і мастацтва, які здолеў наладзіць выданне часопіса. Сам факт выхаду павятовага часопіса з'яўляецца ўнікальным не толькі для Віцебшчыны, але і для Беларусі ў цэлым. Сёння раёная газета «Голас Сеннешчыны» выдаецца ў Віцебску, а сто год таму свой часопіс, як і павятовую газету «Факел», выдавалі ў Сянно.

1. Бараноўскі, А. Дзмітрый Прышчэпаў: невядомыя старонкі біяграфіі / А. Бараноўскі // Беларуская думка. – 2020. – № 6. – С. 24–32.
2. В буре [Электронны рэсурс] // Электронная бібліятэка Расійскай нацыянальнай бібліятэкі. – Рэжым доступу: https://primo.nlr.ru/primo-explore/search?vid=07NLR_VU1&tab=default_tab&facet=tlevel,include,online_resources&query=any,contains,%22%D0%92%20%D0%B1%D1%83%D1%80%D0%B5%22. – Дата доступу: 03.03.2021.
3. В буре : лит.-худ., полит., экон. и культ.-просв. двухнед. журнал. – 1919. – № 1 (июнь). – 18 с.
4. В буре : лит.-худ., полит., экон. и культ.-просв. двухнед. журнал. – 1919. – № 2 (июль). – 7 с.
5. Дарашчонак, П. Л. В буре / П. Л. Дарашчонак // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. – Т. 2 : Беліцк – Гімн // Беларус. Энцыкл. ; рэдкал.: Б. І. Сачанка (гал. рэд.) і інш. – Мінск : БелЭн, 1994. – С. 178.
6. Дарашчонак, П. Дызайн беларускіх часопісаў 20-х – пачатку 30-х гг. XX ст. / П. Дарашчонак // Визуально-семантические средства современной медиаиндустрии : материалы Респ. науч.-практ. конф., 20–21 марта 2015 г., Минск / редкол.: С. В. Дубовик (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2015. – С. 57.
7. Лукашук, А. 421°паводле Галоўліту / А. Лукашук // Спадчына. – 1996. – № 3. – С. 88.
8. Хмяльніцкая, Л. Бібліятэка А. П. Сапунова / Л. Хмяльніцкая // Гісторык з Віцебска: Жыццяпіс Аляксея Сапунова. – Минск : Энцыклапедыкс, 2001. – С. 229–251.

Силина А. В.

ЖУРНАЛ “AL ETERNA LUMO” КАК ИСТОЧНИК ОБ ЭСПЕРАНТО-ДВИЖЕНИИ

В Австрийской национальной библиотеке хранится уникальный документ, содержащий информацию о деятельности юных эсперантистов РСФСР, – третий-четвертый номер журнала «Al eterna lumo» за 1921 г.

Язык эсперанто был придуман в XIX в. врачом Лазарем Заменгофом. После издания книги «Международный язык. Предисловие и полный учебник», число поклонников языка неуклонно росло. Попытки создания организованных групп эсперантистов в Витебске относятся к 1910 г., когда было открыто отделение Всероссийской лиги эсперантистов («Ruslanda Ligo Esperantista»), однако вскоре центральная организация и её филиалы были закрыты [1, с. 92]. Бывшие участники отделения создали общество эсперантистов, в котором ключевое положение занимали врачи В. Тутурин и К. Урбанович [2]. В июле 1916 г. к витебскому обществу присоединился В. Григорович. Деятельность объединения активизировалась в 1920–1921 гг., к этому периоду относится попытка издания рукописного журнала «Среда» [7, с. 278].

Значительные перемены произошли в декабре 1919 г., когда появился Витебский союз юных эсперантистов, возглавляемый амбициозным шестнадцатилетним юношей Борисом Шабером. Участники группы считали важнейшей задачей создание Всероссийского объединения юных эсперантистов, для этого 18 апреля 1920 г. они выделили из своего состава Бюро по организации и объединению в России союзов юных эсперантистов (Бюро ПОРСЮЭ) [4, л. 558].

Понимая, что вести успешную пропаганду без периодического органа невозможно, юные эсперантисты приступили к созданию журнала. Несмотря на экономическую ситуацию, не позволявшую рассчитывать на появление каких-либо изданий, но благодаря открытию Всероссийского фонда бумаги, удалось издать журнал «Al eterna lumo» («К вечному свету»), который позиционировался как официальный орган Всероссийского объединения юных эсперантистов [4, л. 558об]. Первый номер вышел в конце декабря 1920 г. – начале января 1921 г.

Выявить первый выпуск не удалось. На основании библиографического списка эсперантской печати 1917–1928 гг. можно сделать вывод, что первый номер был соединен со вторым и состоял из 16 страниц. Представить его содержание мы можем только благодаря рецензии из «Al eterna lumo» № 3–4. Вице-председатель Уржумского общества эсперантистов Николай Иванов-Кальянов отмечал, что в журнале отсутствовала официальная часть, касающаяся методов и системы работы. Автор замечал: «Большое место уделяется литературе и статьям, тогда как наиболее назревающие и несомненно всех интересующие вопросы организационного характера освещаются слабо. Если Центральный комитет Бюро ПОРСЮЭ находит средства и возможность издавать журнал, то пусть он явится официальным органом, концентрирующим итоги и перспективы деятельности объединения.

Конечно, литературная часть необходима, она вызывается острым современным кризисом в изданиях чисто эсперантских произведений, но в то же время как официальный орган “К вечному свету” должен шире развить на своих страницах вопросы организационные, т. к. только они одни обеспечат на будущее прочность созданного центра».

Подробнее обратимся к «Al eterna lumo» № 3–4 (февраль – март 1921 г.), который состоял из 30 страниц. Выпуск открывается обращением Бюро ПОРСЮЭ, в котором анонсировалось проведение летом 1921 г. I Всероссийского съезда юных эсперантистов. В докладе Шабера в президиум Витебского губернского исполнительного комитета от 31 августа 1921 г. содержится упоминание о подготовке данного съезда. Информация о мероприятии не была обнаружена. Известно, что в том же году в ноябре состоялась конференция эсперантистов Западной области [3].

Заметим, что журнал разделён на несколько разделов. Первые три статьи не были выделены в какой-либо блок. За ним следуют разделы: поэзия, проза, хроника, официальный, почтовый ящик, корреспонденция и объявления. Большинство материалов на русском языке, только литературные произведения на эсперанто.

Преобладающее число статей принадлежат Борису Шаберу, который являлся редактором издания. Для его работ характерна экспрессивность, часто необоснованность оценок, эмоциональные обращения к оппонентам. Приветственное слово редактора пропитано оптимизмом, уверенность в скором установлении отношений с эсперантистами Китая, Японии, Эстонии, Польши, Финляндии, Франции и других стран. Завершается обращение словами: «Приближается время, когда оттуда хлынут к нам эсперантские учебники и другие издания. Это будет счастливейший миг для русского эсперанто».

Далее следует статья «Из слов станет дело» Шабера, которая начинается с критики III Всероссийского конгресса эсперантистов в Нижнем Новгороде, при этом автор не подкрепляет свою позицию фактами. Шабер противопоставляет конгресс и планируемый съезд, отмечая, что его призыв к участию в мероприятии адресован представителям всех ветвей эсперанто.

Часть статьи Николая Иванова-Кальянова «Вперед!», касающаяся описания первого номера журнала, уже приведена выше, поэтому остановимся на других аспектах работы, которая начинается с характеристики эсперанто-движения и сравнения с дореволюционным периодом. Автор отмечает, что организационный вопрос стоит наиболее остро. Замечая активную деятельность Бюро ПОРСЮЭ, Иванов-Кальянов поддерживает деятельность организации и предлагает сделать Витебск центром работы. По его мнению, центральная организация должна вести пропаганду идей эсперанто среди юношеских организаций и школ II ступени, производить учет юных эсперантистов с последующим их дифференцированием на категории, созывать конференции, поддерживать контакты с другими организациями.

Сотрудники редакции, отвечая Иванову-Кальянову, обозначили, что начиная с данного номера «официальный отдел» будет освещать организационную работу Бюро. Со следующего номера планировалось ввести новый отдел: «отчеты организаций юных эсперантистов». Мечтам о превращении журнала в «официальный орган, концентрирующий итоги и перспективы деятельности объединения» не суждено было сбыться. О последнем, пятом номере, (14 апреля 1921 г.) известно, что он был экстренным и состоял всего лишь из 4 страниц.

Материал Шабера «О наших разногласиях» содержит экспрессивное обращение к представителям эсперанто-организаций. По мнению редактора, существовало три «более или менее центральные» группы: Центральный комитет Всероссийской федерации эсперантистов, Организационный комитет Эсперантского коммунистического интернационала (Оргэски), Бюро ПОРСЮЭ. Он пишет: «Москва и временно Витебск пусть будут двумя полушариями головного мозга, откуда будут исходить строго согласованные координированные приказания двум половинам юношеской и взрослой одного целого тела – организма – русского эсперантистаро». Как и в предыдущих статьях, в работе упоминается необходимость проведения съезда, на котором планировалось выработать программу совместных действий.

Далее следует раздел «Поэзия», где представлены стихотворения «Al…» Н. Некрасова, «Suferanta anim'» А. Дроздова, «Alvoko» и «Blanka ŝipo» Б. Шабера. Ценность данных произведений сопряжена с биографиями их авторов. Например, Николай Некрасов был активным членом эсперанто-групп, редактором газет и журналов, переводчиком и автором произведений на русском языке и эсперанто. В 1918 – 1919 гг. возглавлял Всероссийскую лигу молодых эсперантистов и редактировал газету «Juna mondo» («Молодой мир»). В 1921 г. являлся членом Центрального комитета Союза эсперантистов советских стран и оказал значительное влияние на развитие движения. Его переводы Пушкина, Блока, Бальмонта, Маяковского были признаны одними из лучших [5, с. 153 – 154]. В 1938 г. Николай Некрасов был арестован и расстрелян по обвинению в участии в террористической организации, действовавшей среди членов Международной ассоциации эсперантистов [8].

Сегодня Борис Шабер в истории эсперанто-движения, как правило, не упоминается. Его поэтическое наследие долгое время оставалось неизвестным. Данные стихотворения относятся к витебскому периоду творчества. В 1923 г. Шабер покинул Витебск, с его отъездом движение юных эсперантистов пошло на спад. Дальнейшая судьба поэта была связана с Крымской АССР.

Практически ничего неизвестно о третьем поэте, его имя не удалось установить. Благодаря упоминаниям в разделах хроника, становится известно, что под руководством А. П. Дроздова начал работу Череповецкий губернский комитет Бюро ПОРСЮЭ. В качестве адреса для корреспонденции он указал г. Череповец, ул. Покровская, 16.

Отдельно обратим внимание на опубликованный «Volapkü-himno» Фр. Зореля. Комментарий к произведению дал Эрнест Дрезен, который отметил: «нас эсперантистов, по-моему, должен интересовать гимн наших предшественников, стремившихся 40 лет назад к тому же, к чему и мы теперь». В последующем Дрезен частично обращался к данному тексту в своей книге «Заменгоф» 1929 г. Эрнест Дрезен был одной из центральных фигур эсперанто-движении, являлся генеральным секретарем Союза эсперантистов советских стран, написал несколько книг на эсперанто и одну из первых биографий Заменгофа [5, с. 138 – 139]. В 1937 г. жизнь Дрезена трагически оборвалась [6].

Раздел «Проза» содержит только одно произведение: «Kor' respondos» Софьи Шабер-Макуни», которая была матерю редактора. В конце работы присутствует подпись «Esperantigis Ĥ. FAJNBERG». Шабер-Макуня не знала эсперанто, поэтому текст перевела Хая Файнберг.

Для историков наибольший интерес представляет раздел «Хроника», в котором отражена информация о деятельности эсперантистов в Москве, Петрограде, Череповце, Уржуме, Казани, Харькове, Херсоне, Ташкенте, Омске, Томске, Чите, Владивостоке, Витебской, Гомельской, Саратовской, Орловской и др. губерниях.

Если сообщения из небольших городов, как правило, не содержат развернутой информации, то более подробно описаны перипетии взаимоотношений с эсперантистами Москвы и Петрограда.

Заметим, что частично информация совпадает с разделом «Хроника» «Esperantista movado» № 3 за 1921 г. В «Al eterna lumo» упоминаются уполномоченные Бюро. Так, становится известно, что в Порхове (Псковская губ.) работал И. Кусаников, в Кологриве (Костромская губ.) – Белоусов, в Николаевске [Царицынская губ.] – А. П. Величко, в Егорьевске (Рязанская губ.) – Г. Колобанов, в Болхове (Орловская губ.) – С. С. Преображенский, в Малоархангельске (Орловская губ.) – М. П. Боканов, в Речице (Гомельская губ.) – Глеб Мнухин, в Ташкенте – М. Тимофеева и А. Поцелуевский.

В «Официальном отделе» напечатаны: «Циркуляр № 3 эсперантской России», «Инструкция союзам юных эсперантистов», «инструкция № 1 Комитетам, Бюро по организации и объединению в России союзов юных эсперантистов», «Устав курсов языка эсперанто для малолетних (I и II группа)», «Инструкция № 4 организационного комитета Эски (перевод)».

В отдел «Почтовый ящик» помещены ответы на вопросы и обращения витебских эсперантистов к сподвижникам. Становится известно, что участники группы планировали провести выставку, поэтому обратились к эсперантистам с просьбой выслать все имеющие к эсперанто материалы (книги, открытки, оттиски, печати, штампы, статьи, фотографии, карточки эсперантистов, воспоминания и др.). Наиболее ценные экземпляры Бюро обязывалось возвратить по окончанию выставки. Поскольку материалы просили к 1 апрелю, можно предположить, что открытие выставки планировалось 14 апреля в годовщину смерти Заменгофа.

В отделе «Корреспонденция» были указаны данные желающих переписываться на эсперанто, всего 25 адресов: 7 из Витебска, 4 из Речицы, 2 из Великих Лук, остальные из Воронежа, Череповца, Ртищево (Саратовская губ.), Саратова, Малоархангельска, Кронштадта, Читы, Порхова, Нижнего Новгорода, Петрограда, Ташкента и Змиева (Украина).

Далее следует отдел «Объявления», их всего 4. Например, витебские эсперантисты писали, что нуждаются в опытном преподавателе. Борис Шабер обратился к единомышленникам с просьбой написать ему о судьбе Галины Кершинской.

Таким образом, «Al eterna lumo» № 3–4 на сегодняшний момент является единственным выявленным изданием Витебского союза юных эсперантистов. В 1921 г. выпуск журнала был прекращен. Известно, что Борис Шабер планировал возобновить работу уже на базе типолитографии Витебского сельскохозяйственного техникума, но его попытки были безуспешны [1, с. 97]. Сохранившийся номер – это уникальный источник информации, отражающий деятельность и планы эсперантистов не только Витебска, но и других городов.

1. Мясоедова, С. "Al Eterna lumo!" (к 100-летию организации Витебского Союза юных эсперантистов) / С. Мясоедова // Архівы і справаводства: навукова-практычны ілюстраваны часопіс. – 2019. – № 2. – С. 92–98.
2. D-ro Tuturin, Vitebsk // La onde de Esperanto. – 1911. – № 11. – p. 158.
3. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 41. Оп. 1. Д. 463. Л. 514.
4. ГАВт. – Ф. 56. Оп. 6. Д. 57.
5. Гудсков, Н. Л. Страна Эсперантия. Карманная энциклопедия / Н. Л. Гудсков. – Москва : АСТ Восток-Запад, 2006. – 191 с.
6. Дрезен Эрнест-Вильгельм Карлович [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://clck.ru/Tqtwu. – Дата доступа: 19.03.2021.
7. Лисов, А. Г. Организации эсперантистов в Витебске в 1910–1920-х гг. / А. Г. Лисов // Віцебскі край : матэрыялы IV Міжнар. навук. -практ. канф., 22 лістап. 2018 г. – Мінск, 2019. – Т. 4. – С. 276–279.
8. Некрасов Николай Владимирович [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://clck.ru/SNhZE. – Дата доступа: 19.03.2021.

Дианова Е. В.

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ РАБОТА ВИТЕБСКОГО ГУБЕРНСКОГО СОЮЗА ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ОБЩЕСТВ

В первые десятилетия XX века с ростом кооперативного движения происходило расширение функций кооперативных организаций. От удовлетворения материальных нужд кооператоры переходили к утолению духовных потребностей и начинали активно заниматься культурно-просветительной деятельностью. По мере укрепления материального положения кооперативов, позволявшего выделять средства на культуру и просвещение, их непрофильные действия приобретали всё новые формы и направления. Неслучайно в кооперативной печати того времени довольно много внимания уделялось неторговой работе кооперации. В журнальных публикациях выяснялись теоретические основы и значение культурно-просветительной деятельности, приводились факты из культурной жизни кооперативов и описывались мероприятия просветительского характера, что являлось положительным примером для других обществ и товариществ.

К региональным периодическим изданиям относился «Вестник кооперации», двухнедельный журнал, издававшийся Витебским губернским союзом (губсоюзом) потребительских обществ в 1922–1923 гг. В нашем распоряжении оказалось несколько номеров журнала «Вестник кооперации»

Витебского губсоюза за 1923 год. Знакомство с их содержанием дало возможность найти интересную информацию о культурных начинаниях кооперативов в Витебской губернии.

Первые годы после введения новой экономической политики оказались весьма трудными для потребительской кооперации. Нехватка собственных средств, принудительное членство негативно сказывались на положении низовой сети. Руководители кооперативных союзов стремились, прежде всего, выполнять снабженческо-сбытовые функции, «закупать и продавать товары и продукты первой необходимости для кооперированного населения». Вполне закономерно, что подводя итоги работы за 1922 г. в сфере культурно-просветительной деятельности, правление Витебского губсоюза, констатировало: «В этой области сделано очень мало, и что в отчетах инструкторов за истекший период времени число отмеченных работ культурно-просветительного характера весьма ничтожно. Правда, инструкторы в массе своей за последние годы отвыкли от этой работы, которая в свое время не поощрялась ни уставами, ни декретами. С другой стороны, за последний период перед инструкторами всегда стояли "боевые" задания, острые, неотложные задачи настоящего дня, и всё это оттесняло и отодвигало культурную работу на задний план» [1, № 10–11, с. 7].

Между тем в «Вестнике кооперации» сообщалось о некоторых важных событиях в неторговой работе Витебского губернского союза потребительских обществ. К «существенным моментам» культурной деятельности относилось издание своего журнала. До октября 1922 г. Витебский губсоюз издавал «Бюллетень», а с октября 1922 г. перешел на выпуск журнала «Вестник кооперации». Постоянного редактора в журнале не было, поэтому эту должность по совместительству занимал инструктор-культурник, приглашенный на работу в правление Витебского губсоюза в ноябре 1922 г. Правление поручило инструктору редактирование журнала «Вестник кооперации». С декабря 1922 г. журнал стал выходить регулярно. Журнал распространялся среди единых потребительских обществ (ЕПО), входивших в систему Витебского губсоюза, выписка журнала для них была обязательна, также удалось завербовать 18 подписчиков [1, № 10–11, с. 8].

Редакторская работа отнимала 95% рабочего времени инструктора-культурника, и для выполнения прямых обязанностей у него почти не оставалось времени. В результате Витебский губсоюз имел хорошего редактора журнала, но по-прежнему оставался без полноценного инструктора по культработе. Приглашение на службу губернского инструктора-культурника способствовало некоторому оживлению культработы самого губсоюза, но «не увеличило инструктирование периферии по культурно-просветительной деятельности» [1, № 10–11, с. 9].

Также к культурным мероприятиям относилась организация книжной торговли. На складе Витебского губсоюза имелся в наличии «порядочный ассортимент книг», «лишь отсутствие подходящего помещения тормозило осуществление давнишнего намерения – открыть книжный магазин в Витебске, который стал бы базой для книготорговли в уездах». Отмечалась попытка «продвинуть книги в деревню» в Оршанском и Себежском уездах. В Полоцком уезде благодаря уездному инструктору-культурнику организовано снабжение газетами добровольных потребительских обществ (ДПО), планировалось открытие кооперативного книжного магазина в Полоцке [1, № 10–11, с. 10].

Начиная с декабря 1922 г. в «Вестнике кооперации» помещались статьи и заметки о культурно-просветительной деятельности кооперативов на местах. Так, из публикаций стало известно, что инструктор-культурник работал лишь в одном Полоцком уезде, «в других уездах таких инструкторов не было», поэтому «культурно-просветительная работа в низах велась только в Полоцком уезде». Работа проводилась в разных формах: беседы, лекции с волшебным фонарем, организация культурно-просветительных кружков на базе первичных кооперативов, привлечение ЕПО и ДПО к работе в Народных домах и избах-читальнях, которые иногда передавались в распоряжение сельских потребительских обществ [1, № 10–11, с. 11].

В Полоцком уезде самоотверженный труд инструктора вдохновил руководителей кооперативов на поиск совместных форм работы в области культуры и просвещения. В марте 1923 г. они решили объединить все кооперативные организации для «планомерной и серьезной культурно-просветительной деятельности». В апреле 1923 г. уже почти полностью оформилась единая организация – Полоцкое кооперативное культурно-просветительное объединение (ПККПО). В объединение вошли Полоцкое единое потребительское общество, Полоцкое кредитное товарищество, Витебский губернский союз потребительских обществ, Витебский губернский союз сельскохозяйственной кооперации, Полоцкий уездный политпросвет [1, № 10–11, с. 10].

Возглавлял объединение совет ПККПО, избранный в мае 1923 г. Совет сразу составил план работы: 1) немедленно открыть книжный магазин в центре города, шефство над которым взяло Полоцкое ЕПО. 2) организовать кооперативный клуб. Шефство над клубом взяло на себя Полоцкое отделение губсоюза, оно обязалось предоставить помещение с мебелью [1, № 9, с. 13].

В «Вестнике кооперации» сообщалось, что Полоцкое кооперативное культурно-просветительное объединение инициировало ведение переговоров с Полоцким музыкально-драматическим

коллективом, бывшим музыкально-драматическим кружком, с 1918 г. работавшем при Полоцком союзе кооперативов, а после ликвидации в 1920 г. союза действовавшем самостоятельно. В 1923 г. музыкально-драматический коллектив почти полностью состоял из сотрудников просветительного отдела бывшего Полоцкого союза кооперативов.

В результате переговоров с Полоцким музыкально-драматическим коллективом совет Полоцкого кооперативного культурно-просветительного объединения достиг соглашения о совместной работе в кооперативном клубе, созданном ПККПО. Договор разграничивал полномочия совета ПККПО и коллектива. ПККПО «предоставляет коллективу помещение для хоровых спевок, репетиций, постановок, право пользования библиотекой и читальней. Коллектив же, оставаясь совершенно свободным в своих действиях, оказывает поддержку при проведении культурно-просветительной работы и не менее одного раза в месяц принимает непосредственное участие в организуемых мероприятиях. Объединение привлекает в коллектив испытанных культурников, спаянных между собой многолетней работой» [1, № 12, с. 18].

Музыкально-драматическому коллективу поручалась организация при кооперативном клубе хорового, музыкального и драматического кружков. Вместе с тем совет ПККПО выступил с заявлением, что «открытие кооперативного клуба будет сделано лишь после организации всех кружков и после того, как кружки покажут свою жизненность. После этого кружки будут объединены в кооперативный клуб». Совет ПККПО оставлял за собой право наблюдения, контроля и направления деятельности кооперативного клуба. Сотрудничество ПККПО с музыкально-драматическим коллективом дало возможность проводить совместные культурно-просветительные мероприятия в сельской местности Полоцкого уезда [1, № 10–11, с. 34].

В начале 1920-х гг. многие жители Полоцка увлекались шахматами, в городе работало несколько кружков шахматистов. Любители шахмат были и среди членов кооперации, поэтому ПККПО решило открыть свой шахматный кружок. Объединение изготовило для кружка несколько шахматных столиков и приобрело наборы шахмат. В распоряжении кружка имелась необходимая литература, для кружковцев выписывали журнал «Шахматы». Руководителем кружка был приглашен Н. Шалаев. Он по праву считался одним из лучших шахматистов Полоцка. В 1923 г. Н. Шалаев участвовал в конкурсе шахматных этюдов журнала «L'Italia Scacchistica» («Шахматная Италия»). Советский журнал «Шахматы» называл Н. Шалаева среди участников конкурса, приславших правильные решения [2, с. 153].

Культурно-просветительные мероприятия проводились в некоторых селах Витебского уезда. На заседании 11 мая 1923 г. члены правления Богушевского ЕПО решили обратиться в организационный отдел Витебского губсоюза. Они просили присылать к ним инструктора-культурника для того, чтобы «устраивать в Народном доме села Богушевского по воскресеньям чтения по кооперации с волшебным фонарем». Для проведения спектаклей члены правления Богушевского ЕПО обратились к местному драмкружку [1, № 12, с. 18].

Одной из форм культурно-просветительной работы являлось создание кооперативных кружков для проведения кооперативной пропаганды с целью привлечения новых членов и подготовки работников кооперативов. Так, с марта 1923 г. кооперативный кружок существовал при правлении Витебского губернского союза потребительских обществ. При кооперативном кружке под руководством инструктора-культурника велась подготовка лекторов из числа служащих Витебского губсоюза. 5 мая 1923 г. в кооперативном кружке лектор С. Чижевский прочитал доклад на тему «Кооперация от Роберта Оуэна до рочдельцев». Данное занятие кружка проходило под лозунгом: «Каждый работник кооператива должен знать теорию и историю кооперации» [1, № 9, с. 13]. Отмечалось, что в кооперативном кружке Витебского губсоюза «занятия ведутся серьезно, в работу вовлечены служащие губсоюза, все районные инструкторы, служащие Витебского ЕПО», даже возникло желание втянуть в кружок служащих Сельскосоюза. На занятиях в кружке осуществлялось углубление кооперативных знаний служащих, что давало «кадр подготовленных кооперативных работников». На осень 1923 г. при правлении Витебского губсоюза планировалось проведение кооперативных курсов [1, № 10–11, с. 10].

По предложению Совета Полоцкого кооперативного культурно-просветительного объединения удалось организовать кооперативный кружок при Полоцком отделении губсоюза. На первом собрании 23 мая 1923 г. члены кружка сначала обсудили некоторые организационные вопросы, затем состоялась беседа на тему о задачах кредитной кооперации в сельской местности. В план работы кружка на 1923 г. были включены доклады членов кружка по истории и теории кооперации [1, № 10–11, с. 35].

Важным направлений культурно-просветительной деятельности кооперации являлось создание библиотек для городских и сельских жителей. Кооперативные библиотеки, различаясь по месту нахождения и специфике читательской аудитории, преследуя цели распространения кооперативных знаний, занимались руководством домашним чтением, устройством громких читок, популяризацией

кооперативной и художественной литературы. Журнал «Вестник кооперации», агитируя за создание библиотек-читален, непрерывно напоминал о пользе чтения книг: «Где нет или мало книг – школьная грамота исчезает бесследно», «Повышение культурного уровня страны невозможно без книги»; поэтому «книга – не роскошь, а насущная необходимость» [1, № 10–11, с. 35, 37, 43]. На страницах «Вестника кооперации» можно встретить призывы к чтению кооперативной периодики и книг по кооперации: «Каждый сознательный член кооператива должен быть читателем кооперативной газеты. Каждый кооператор должен следить за кооперативной литературой» [1, № 14, с. 11].

Собственная библиотека с читальней находилась в ведении Полоцкого кооперативного культурно-просветительного объединения. В 1923 г. ПККПО собиралось передать книжный фонд в распоряжение кооперативного клуба. В его помещениях, предоставленных Полоцким отделением Витебского губсоюза, предполагалось разместить книжные полки, открыть клубную библиотеку и читальню. В Витебском уезде Богушевское ЕПО приобретало книги и брошюры по кооперации, а в селе Богушевском имелась изба-читальня. Правление Богушевского ЕПО решило передать всю имеющуюся литературу в библиотеку-читальню, членам же правления поручалось делать доклады на кооперативные темы и выступать с ними в избе-читальне перед селянами. Успех первых публичных выступлений позволил членам Богушевского ЕПО принять решение устраивать лекции по кооперации еженедельно [1, № 12, с. 18]. В других селах потребительские общества брали шефство над библиотеками Народных домов и сельскими избами-читальнями, на свои средства снабжали их газетами и книгами.

Таким образом, на основании материалов «Вестника кооперации» Витебского губсоюза можно сделать вывод о наличии неторговой деятельности кооперативных организаций Витебской губернии в начале нэпа. Даже разрозненные номера журнала предоставляют важную информацию о формах и видах культработы потребительских обществ на местах, о стремлении работников Витебского губернского союза нести свет культуры и просвещения в низовую сеть и первичные кооперативы.

1. Вестник кооперации. – Витебск : Губсоюз, 1923.
2. Залкинд, Л. По поводу конкурса этюдов «L'Italia Scacchistica» / Л. Залкинд // Шахматы. – 1923. – № 11–12. – С. 152–153.

Буевич Т. В.

ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ЛАТЫШЕЙ ВИТЕБЩИНЫ (1920-Е ГГ.)

При создании в 1802 году Витебской губернии в ее состав включили территорию Латгалии (бывшие Инфлянты Польские), которая к этому моменту была разделена на три уезда: Динабургский (с 1893 г. – Двинский), Люцинский и Режицкий (далее – «латышские» уезды). Помимо латгальцев Витебской губернии («коренные» латгальцы) в состав Российской империи с XVIII в. были включены этнические территории латышей («коренные» латыши), которые были разделены между Лифляндской и Курляндской губерниями. Некоторая часть «коренных» латышей проживала в Ковенской губернии. В Российской империи латгальцев и латышей рассматривали как единый этнос, и в официальных изданиях этноним «*латгалец /латгальцы*» не встречается: к латышам относили и «коренных» латышей, и «коренных» латгальцев.

Во 2-й половине XIX в. начинается активное переселенческое движение латышских /латгальских крестьян, в том числе из Прибалтийских и Ковенской губерний и из *«латышских»* уездов Витебской губернии, в те регионы империи, в которых до XIX они не проживали. Часть крестьян-переселенцев мигрировала в пределах Витебской губернии, за границы «латышских» уездов. По данным Первой переписи 1897 г. вне «латышских» уездов на территории губернии проживало свыше 10 тыс. латышей (см. таблицу 1).

Говоря о латышах Витебщины, проживавших на ее территории в XX века, следует помнить, что Оршанский и Сенненский уезды, которые в 1919 – 1920 гг. стали частью Витебской губернии, в XIX веке входили в состав Могилевской губернии. По данным Первой переписи 1897 г. латышей в Оршанском уезде насчитывалось 3652 человека, в Сенненском – 365 [2, с. 96–97].

Иными словами, в конце XIX в. на территории, которую будет занимать Витебская губерния к середине 1920-х гг., проживало более 14 тыс. латышей.

Переселенческое движение латышей происходило вплоть до первой мировой войны [3, с. 87]. Совпадение в наименованиях латышских колоний, созданных в последней трети XIX в., с названиями, которые зафиксированы в архивных документах 1920-х гг., говорит о том, что часть латышей после миграции смогла создать на белорусских землях национальные экономически устойчивые поселения, которые существовали на протяжении более полувека.

Таблица 1

Количество латышей, проживавших вне «латышских» уездов Витебской губернии в 1897 г.

название уезда	мужчин	женщин	всего
Витебский уезд	2129	1833	3962
из них г. Витебск	573	198	771
из них г. Сураж	5	1	6 /8*
Городокский уезд	484 /284**	294	778 /578
из них г. Городок	13	6	19
Дриссенский уезд	203	206	409
из них г. Дрисса	3	-	3 /4*
Лепельский уезд	399	386	785
из них г. Лепель	3	1	4
Полоцкий уезд	894	827	1721
из них г. Полоцк	47	38	85
Велижский уезд	1301	1236	2537
из них г. Велиж	27	22	49
Невельский уезд	43	34	77
из них г. Невель	1	1	2
Себежский уезд	105	96	201
из них г. Себеж	6	10 /0**	16 /6
Итого по не «латышским» уездам	5558	4912	10 470 /10 270

* дополнительно после знака « /» указаны обобщенные данные, опубликованные в тетради 3 тома 5 издания «Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Витебская губерния» (далее – тетрадь 3), в таблице «Состав наличного населения обоего пола» (в графе – по языку). Данные в таблице издания даны без разбивки по гендерной принадлежности, поэтому в настоящей таблице они представлены только в графе 4.

** данные взяты из таблицы «Распределение населения по родному языку», опубликованные в тетради 3. Данные даны с разбивкой по гендерной принадлежности. При суммировании данных в разрезе гендерной принадлежности итог совпадает с цифрой, опубликованной в тетради 3 в таблице «Состав наличного населения обоего пола» (в графе – по языку).

Источник: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. [и с предисл.] Н. А. Тройницкого. – [Санкт-Петербург] : издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1899–1905. – Том 5: Витебская губерния. тетр. 2. – 1901. С. 54–110. – [3]. – С. 64–69; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. [и с предисл.] Н. А. Тройницкого. – [Санкт-Петербург] : издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1899–1905. – Том 5: Витебская губерния. Тетрадь 3 (последняя). – 1903. – [4], XIV, 283 с. – С. 2–3, 76–77.

В результате революционных событий (1917 г.) произошел распад Российской империи, а на ее бывшей территории возник ряд самостоятельных национальных государств. 11 августа 1920 г. в г. Риге был подписан мирный договор между Российской Советской Социалистической Республикой (РСФСР) и Латвией (далее – Договор 11 августа 1920 г.), по которому Латвия была признана РСФСР де-юре как субъекта международного права. В 1921 г. Латвия получила международное признание. Договор 11 августа 1920 г., определивший восточные границы Латвии, привел к тому, что латыши, оставшиеся проживать в Витебской губернии, оказались отрезанными от своей этнической территории и стали гражданами РСФСР.

Таким образом, 1920 г. можно считать отправной точкой в возникновении латышской диаспоры на Витебщине, которая, в соответствии с советской идеологией, именовалась в 1920-е – 1930-гг. национальным меньшинством (нацменьшинством).

Латышская диаспора была рассредоточена по всей Витебской губернии. Всего 1920 году насчитывалось 12 175 ее членов (менее 1% от общего числа жителей губернии) при этом 77% были сельским жителями (проживали в «колониях»). Из 2796 городских жителей-латышей 1957 человек, или 70%, проживало в г. Витебске [4, л. 10]. Витебск на всем протяжении 1920-х гг. оставался центром сосредоточения латышей-горожан. По общему количеству своих членов в 1920 г. латыши Витебщины занимали третье место после евреев 7, 96% (108 920 человек) и поляков 1, 05% (14 390 человек) [4, л. 10].

В 1926 г., по итогам Всесоюзной переписи населения, латыши по-прежнему составляли менее 1 процента (0, 7%) от количества жителей Витебского, Оршанского и Полоцкого округов, охватывавших территорию бывшей Витебской губернии: всего имелось 9236 человек, из них 9 211 латышей и 15 латгальцев [1, с. 25, 40, 42]. Это несколько меньше, чем в 1920 г., однако не следует забывать, что в 1924 г. БССР была передана только часть территории губернии, а три ее уезда остались в РСФСР. В них согласно данным переписи 1920 г. проживало 2 155 латышей: в Велижском – 1621 латышей, в Невельском – 212 латышей, в Себежском – 322 латышей [4, л. 4, 5]. В БССР в целом соотношение латышей к общему числу жителей республики было 0, 3% (14 061 латыша и 19 латгальцев к 4 982 623 населения) [1, с. 9–10, 24, 25, 13–49]. Иными словами, латышская диаспора Витебщины в 1920-е гг. была самой многочисленной в республике.

Для координации деятельности латышей в 1920-е гг. в советском государстве действовали различные официальные национальные структуры: национальные секции, отделы, бюро и т. п. при местных органах власти и комитетах ВКП (б)) – КП (б)Б; сельские Советы. Основной задачей вышеперечисленных структур была защита прав латышей; организация взаимодействия их членов внутри национальной группы, а также – нацменьшинства в целом с государственными структурами и с другими группами населения. Кроме того, создавались национальные предприятия (артели, колхозы, кооперативы); суды; выпускались национальные СМИ, печаталась литература на национальных языках. Есть сведения, что в Полоцком округе в 1925 г. организован национальный совет в Вацлавова [18, л. 79]. В Витебском округе 25.02.1926 был избран Латышский национальный Совет с центром в д. Уно Лиозненского района, объединивший латколонии дд. Уно, Грищенко и Михалиново [11, л. 89; 12, л. 77; 10, л. 311; 16, л. 144].

Центром национальной работы в г. Витебске был латышский клуб (латклуб). Действовал исключительно на членские взносы [8, л. 54 об.]. Латклуб проводил мероприятия не только для города, но и для сельской местности Витебского округа, и он контролировал в середине 1920-х гг. работу 20 сельских латышских культурно-просветительных кружков [15, л. 143 об.]. В августе 1924 г. в его драмкружке было 42 члена. Хоровой кружок посещало 48 человек [5, л. 56]. Также действовали кружок природоведения, литературный, спортивный, живописи и музыкальный. Литературный кружок выпускал стенную газету. В мае 1925 г. в связи с политикой белоруссизации организовывали кружок по изучению белорусского языка [6, л. 203]. В 1926 – 1927 гг. в округе существовали латышские национальные школы-передвижки в трех районах: Высочанском, Лиозненском и Суражском (в дд. Лашнево-Выдрея, Уно и Пудоть) [14, л. 452]. К октябрю 1926 г. в среднем по округе на каждые три латышских хозяйства выписывалась одна газета. Активно читали «Латвену Земнес», «Кревияс Циня»; а также и журналы – «Цимняс Бедрис» («Боевой товарищ) и молодежный журнал «Яуне Цели» («Новая борьба») [12, л. 80; 14, л. 454; 16, л. 120]. Действовали латышские избы-читальни, библиотеки. В 1926–1927 гг. в розничной торговле через Белгосиздат была организована продажа литературы на латышском языке: в двух книжных магазинах г. Витебска (через систему Витпотребсоюза и «Книгоснаба») и в г. п. Лиозно в магазинах сельскохозяйственной и кредитной кооперации [11, л. 89; 12, л. 80; 13, л. 111; 14, л. 453].

С 1924 года при отделе народного образования исполнительного комитета Витебского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов действовала латсекция [9, л. 256]. Всего же в латышской системе образования Витебского округа в этот период обучалось 400 воспитанников [8, л. 30]. В июне 1924 г. было учтено семь школ 1-й ступени и одна – 2-й ступени [9, л. 73]. В округе было 2 средние латышские школы. В г. Москве действовал латышский университет.

Что касается сельскохозяйственных организаций, то во второй половине 1925 г. в округе имелось 2 национальные латышские сельскохозяйственные трудовые артели [7, л. 78]. В составе их правлений было 84 латыша из 1242 человек [7, л. 78; 6, л. 207]. Латыши охотно кооперировались в кустарные и промышленные артели, в особенности масло-сыродельные.

Действовал латышский участок народного суда (на латышском языке). По одним данным он организован с 1 ноября 1925 г. [19, л. 314; 13, л. 117], по другим – в 1926 г. [14, л. 455]. Обслуживал территорию Витебского, Оршанского и Полоцкого округов. В 1926 г. состоялось 3 выездные сессии, в 1927 – 5, в 1928 – 3. С момента создания до мая 1926 г. суду для рассмотрения было передано 15 дел, из них 12 гражданских и 3 уголовные. В более поздних отчетах, например, за 1928 г. есть данные, что поступило 44 дела, из них 24 гражданские и 20 уголовных [17, л. 188].

С 1924 г. вся работа среди латышей координировалась Латышскими секциями (Латсекциями) окружных комитетов Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии (КП (б)Б). В районных комитетах действовали их уполномоченные.

Наличие данных национальных организаций и объединений обусловило появление комплекса документов – исторических источников, зафиксировавших историю латышской диаспоры Витебщины.

Наиболее полный комплекс сохранился в составе партийного комплекса (парткомплекса) фондов, переданных учреждению «Государственный архив Витебской области» в 1991 году. Основная масса документов отложилась в ф. 10051-п «Витебский окружной комитет Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии (Витебский окружком КП (б)Б)». Имеются они также в ф. 10061-п (фонд «Полоцкий окружной комитет Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии (Полоцкий окружком КП (б)Б)») и в ф. 10062-п (фонд «Оршанский окружной комитет Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии. В фондах хранятся протоколы заседаний Латсекций, планы и отчеты (статистические и текстовые) о работе, как самих Латсекций, так и районных уполномоченных; документы проверок состояния образования среди латышей, культурно-массовой работы и деятельности латклуба в г. Витебске; сведения о деятельности сельскохозяйственной и иной латышской кооперации, работе пионерских отрядов; информации о латышском участке

народного суда, национальных Советах, о взаимоотношениях членов латышской диаспоры с жителями других национальностей; об отношении латышей к советской власти; так же зафиксированы данные о количестве латышей в целом и в рамках партийных и комсомольских организаций и т. п. Парткомплекс представляет безусловный интерес для исследователей истории латышей Витебщины. Однако, как показал сравнительный анализ, использовать статистические данные, например, о численности латышской диаспоры на Витебщине за 1924–1926 гг. следует с осторожностью, т. к. они противоречат не только информации из разных партдокументов за один и тот же период, но, к примеру, данным переписей 1920 и 1926 годов.

Таблица 2

Сведения о количестве латышей,
проживавших на территории бывшей Витебской губернии в 1920 г.,
марте 1924 г. – феврале 1925 г., 1926 г.
(для сравнительного анализа из разных источников)

<table>
<tr><td colspan="4">Сентябрь – октябрь 1920 г. *</td></tr>
<tr><td rowspan="2">Вся территория Витебской губернии (без учета Велижского, Себежского и Невельского уездов)</td><td colspan="3">По территориям, которые войдут 17. 07. 1924 в состав округов</td></tr>
<tr><td>Витебского</td><td>Оршанского</td><td>Полоцкого</td></tr>
<tr><td>10 020</td><td>8484</td><td>266</td><td>1270</td></tr>
<tr><td colspan="4">1924–1925 гг. **</td></tr>
<tr><td rowspan="2">Март 1924</td><td colspan="3">конец 1924 г. – начало 1925 г.</td></tr>
<tr><td colspan="3">По округам, созданным 17. 07. 1924 на территории бывшей Витебской губернии</td></tr>
<tr><td>Вся территория Витебской губернии</td><td>Витебский</td><td>Оршанский</td><td>Полоцкий</td></tr>
<tr><td rowspan="2">11 534</td><td>9211* /
≈ 8090* /
от ≈ 7 800 до 9 200*
/</td><td>886</td><td>≈ 3000</td></tr>
<tr><td colspan="3">13 097 / ≈11 976 / ≈ от 11 686 до 13 086*</td></tr>
<tr><td colspan="4">1926 г. ***</td></tr>
<tr><td rowspan="2">Вся территория бывшей Витебской губернии (без учета Велижского, Себежского и Невельского уездов)</td><td colspan="3">По округам, созданным 17. 07. 1924 на территории бывшей Витебской губернии</td></tr>
<tr><td>Витебский</td><td>Оршанский</td><td>Полоцкий</td></tr>
<tr><td>9 211 (латышей)
15 (латгальцев)</td><td>6798 (латышей)
7 (латгальцев), в том числе в г. Витебске 1193 (латыша) и 2 (латгальца)</td><td>412 (латышей)
1 (латгалецев)</td><td>2001 (латышей)
7 (латгальцев)</td></tr>
</table>

* – данные переписи 1920 г.

** данные разных партийных документов за один и тот же период

*** – данные переписи 1926 г.

Источник: Учреждение «Государственный архив Витебской области» (далее – УГАВО). – Ф. 10051-п. Оп. 1. Д. 2. Л. 269; Д. 11. Л. 327, 333; Д. 205. Л. 38, 50; Д. 242. Л. 25;

УГАВО. – Ф. 476. Оп. 1. Д. 28. Л. 4, 5, 10;

Всесоюзная перепись населения 1926 года. – Издание ЦСУ Союза ССР. – М, 1927–1929. – Том 10 : Белорусская Советская Социалистическая Республика. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. – 1928 г. – 289 с. : 1 л. карт. – С. 24, 25, 39, 42.

Тем не менее, только партийные документы содержат информацию о повседневной жизни латышей, об их социальном расслоении; участии в социально-политической жизни общества, взаимоотношениях с другими нацменьшинствами и представителями коренных национальностей.

Немало документов об обучении латышских детей отложилось в фондах ф. 246 «Отдел народного образования исполнительного комитета Витебского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Витгубоно)», ф. 170 «Витебский окружной инспекториат народного образования»: сведения о сети латышских школ, количестве детей, их посещающих, данные о педагогическом персонале.

В ф. 56 «Витебский губернский Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его исполнительный комитет (Витгубисполком) и его структурные подразделения» имеются материалы отдела по делам национальностей (1918 – 1923 гг.), занимавшегося в том числе и вопросами латышской диаспоры. Также в фонде имеются документы об отделении «латышских» уездов от Витебской губернии; оптации латышских граждан и переезде их в Латвию, о латышских беженца и т.

п. Дополнительно сведения о беженцах имеются в ф. 1734 «Витебский базисный пункт Центрального управления по эвакуации населения».

Помимо вышеуказанных, в составе архива сформировались фонды организаций, в которых не имелось специальных латышских структур, но, тем не менее, деятельность латышей нашла широкое отражение. Например, ф. 118 «Витебский окружной Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его исполнительный комитет (Витебский окрисполком) и его структурные подразделения» отложилась информация о приеме и выходе латышей из гражданства БССР, переписка о выдаче подданным Латвии видов на жительство, восстановлении в праве гражданства, о латышских беженцах, и т. п.

В ф. 1319 «Витебский губернский политико-просветительный комитет (Витгубполитпросвет) при отделе народного образования исполнительного комитета Витебского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его подведомственные учреждения» имеются документы о деятельности латышских культурно-просветительных учреждений, красных уголков, изб-читален, библиотек.

В ф. 1582 «Витебский губернский военный комиссариат (Витгубвоенкомат) окружного военкомата Западного военного округа» есть данные по истории Латышского советского кавалерийского полка имени Витебского совдепа (1918 г.).

Фонды № 172 «Витебский губернский союз кооперативов (Витебский губсоюз)» и № 122 «Витебский окружной союз сельскохозяйственных и кустарных кооперативов (Витокрсельсоюз) Белорусского центрального союза сельскохозяйственных и кредитных кооперативов (Белсельсоюза)», № 2209 «Отдел кустарной промышленности Витебского губернского совета народного хозяйства (Витебский губкустпром)» содержат дела об организации артелей и товариществ, в том числе и латышских. Также документы о состоянии хозяйств латышей хранятся в составе ф. 14 «Земельное управление исполнительного комитета Витебского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Витгубзу) и его комитеты», где отложились комплексы документов по рассмотрению жалоб крестьян, наделении крестьянских хозяйств землей, создании сельскохозяйственных артелей.

Статистические данные о количестве латышей по итогам переписи 1920 г. отложились в составе ф. 476 «Витебское губернское статистическое бюро (Витебское губстатбюро) Центрального статистического управления РСФСР и его уездные статистические отделения». В фонде есть подробные таблице о количестве латышей, данные о гендерном их разделении, о количестве латышских хозяйств.

К сожалению, довоенные принципы комплектования государственных архивов не позволили принять на хранение документы организаций за 1930-е гг. В связи с Великой Отечественной войной они все погибли на стадии временно хранения в ведомствах.

Таким образом, тот факт, что латыши являлись значительной по количеству членов диаспорой и наличие латышских национальных структур в составе различных учреждений Витебской губернии и округа в 1920-е гг. обусловило появление комплекса документов, зафиксировавших достаточно полно историю латышской диаспоры Витебщины. С учетом того, что латышская диаспора Витебщины в середине 1920-х гг. была самой многочисленной (9236 человек из 14 061 латышей республики), документы учреждения «Государственный архив Витебской области» являются важным источником по изучению истории латышей Беларуси в 1920-е гг.

1. Всесоюзная перепись населения 1926 года. – Издание ЦСУ Союза ССР. – М, 1927–1929. – Том 10 : Белорусская Советская Социалистическая Республика. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. – 1928 г. – 289 с. : 1 л. карт.
2. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. – [Санкт-Петербург] : издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1899–1905. – Том 23 : Могилевская губерния. – 1903. – [4], XVI, 276 с.
3. Тугай, У. В. Латышскі этнас у сацыяльна-эканамічным і культурным жыцці Беларусі / У. В. Тугай. – Мінск : Вучэбна-выдавецкі цэнтр БДПУ, 2002. – 318 с.
4. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 476. Оп. 1. Д. 28.
5. ГАВт. – Ф. 10051-п. Оп. 1. Д. 2.
6. ГАВт. – Ф. 10051-п. Оп. 1. Д. 11.
7. ГАВт. – Ф. 10051-п. Оп. 1. Д. 64.
8. ГАВт. – Ф. 10051-п. Оп. 1. Д. 242.
9. ГАВт. – Ф. 10051-п. Оп. 1. Д. 245.
10. ГАВт. – Ф. 10051-п. Оп. 1. Д. 264.
11. ГАВт. – Ф. 10051-п. Оп. 1. Д. 381.
12. ГАВт. – Ф. 10051-п. Оп. 1. Д. 433.
13. ГАВт. – Ф. 10051-п. Оп. 1. Д. 434.
14. ГАВт. – Ф. 10051-п. Оп. 1. Д. 554.
15. ГАВт. – Ф. 10051-п. Оп. 1. Д. 677.
16. ГАВт. – Ф. 10054-п. Оп. 1. Д. 485.
17. ГАВт. – Ф. 10061-п. Оп. 1. Д. 1095.
18. ГАВт. – Ф. 10062-п. Оп. 1. Д. 144.

Приборович А. А.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПЕРЕПИСИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БССР 1923 Г.

Научное исследование социально-экономического и демографического развития Беларуси, как в масштабе республики в целом, так и в отдельных её населённых пунктах, всегда занимало важное место в истории. Последние три переписи населения Республики Беларуси (1999, 2009, 2019) показали переход естественного прироста населения, начавшегося после Великой Отечественной войны, к естественной убыли населения. Убыль населения является закономерным явлением развития любого общества, причинами этого могут быть: переориентация миграционных потоков, снижение рождаемости, увеличение смертности из-за войн или пандемии, изменение соотношения жителей городов и сёл, экономические кризисы, социальные инверсии, природные катаклизмы.

Актуальность данной темы исследования в значительной степени обусловлена появившейся с 1990-х гг. возможностью для исследователей истории Беларуси открытой работы со статистическими источниками, в которых запечатлены разные аспекты жизни и экономики советских граждан. В этой связи особенно важным, наряду с другими источниками, становится анализ материалов переписей населения БССР на предмет выяснения, что же могло служить ресурсом роста населения в нашей стране, пережившей в XX веке три войны, техногенную катастрофу, политические бифуркации.

Актуальность темы статьи также вызвана тем, что в 2023 г. исполнится 100-лет с момента, когда в БССР была осуществлена демографическая городская перепись, которая одновременно производилась на всей территории Советского Союза. Всеобщая перепись населения народов Советской России 1920 г. не охватила целиком территорию белорусских губерний из-за продолжающейся войны с Польшей. Отрывистостью статистических сведений о Беларуси характеризуются результаты Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. и связанная с нею городская перепись, которая из-за Февральской революции и событий Первой мировой войны, осталась лишь в планах отечественных статистиков. Последующие, до переписи 1923 г., мероприятия по учёту городского населения не были до конца доведены [1]. Отсюда материалы указанной переписи представляются важным дополнением корпуса источников об характеристиках городского населения советской Беларуси в 1920-е гг.

Цель статьи – выявление архивных материалов городской переписи населения БССР 1923 г. Источниковую базу исследования составили статистические формы переписи, отложившиеся в фонде № 30 Национального архива Республики Беларусь (НАРБ) [5].

Комплектование материалов фонда № 30 (номер фонда был окончательно утверждён после ВОВ) было положено в начале 1920-х гг. С 1922 г. по 1927 г. документы ЦСБ (ЦСУ) БССР находились в Минском отделении Центрархива БССР, остальные документы были разбросаны в местных архивных учреждениях страны или находились в самой организации. В 1927 г. в соответствии с «Положением о государственном архивном фонде БССР» был создан Центральный архив Октябрьской революции (ЦАОР) БССР. С этого момента документы центральных органов статистики находились в этом архиве. До 1938 г. в фондах республиканского органа статистики размещались документы местных органов статистики. Позже они были переданы в областные архивы. До 1941 г. документальные материалы фонда «ЦСУ БССР» хранились в ЦГАОР (до 1938 г. ЦАОР) БССР в г. Могилёве. Во время оккупации БССР немецко-фашистскими войсками документальные материалы фонда были вывезены в г. Ригу, откуда они были возвращены в июле 1945 г. В годы войны значительная часть документальных материалов и весь научно-справочный аппарат архива центральных органов статистики были уничтожены оккупационными войсками. После Великой Отечественной войны ЦГАОР переехал в г. Минск, что и предопределило концентрацию архивных материалов переписи на 2021 г. в фонде № 30 НАРБ (опись 1).

Городская перепись 1923 г. проводилась в городах и поселениях городского типа с 15 марта по 22 марта. Переписью населения было охвачено 50 городских поселений 6 уездов советской Беларуси (без учёта сводки 1924 г.): 6 городов (Минск, Борисов, Бобруйск, Игумен (Червень), Мозырь, Слуцк), 42 местечка (Березино, Вызна, Глуск, Городок, Грозово, Дукора, Житковичи, Заславль, Зембин, Копаткевичи, Койданово, Копыль, Каролин (Ельск), Лапичи, Лельчицы, Ленино, Любань, Логойск, Могильно, Острошицкий городок, Осиповичи, Озаричи, Паричи, Петриков, Плещеницы, Пуховичи, Свислочь, Самохваловичи, Смиловичи, Старые дороги, Смолевичи, Скрыгалово, Старобин, Тимковичи, Туров, Уречье, Узляны, Узда, Холопеничи, Холуй, Шацк, Щедрин), 2 посёлка (Ново-Борисово, Ясень).

Что же из себя представляют материалы переписи? Принято считать, что статистические материалы переписи представлены тремя видами документов: первичные формы, разработочные формы, публикации итогов переписи. Основными материалами любой переписи являются первичные формы учёта населения, которые, как правило, заполняет переписчики (счётчики).

Статистические формы непосредственного сбора сведений о населении представляли собой систему показателей, характеризовавшие основные социально-экономические стороны жизни обследуемого населения и, в том числе, его демографические характеристики [6]. Во время переписи обследовались практически все единицы объекта статистического наблюдения, каждая из них подлежала непосредственному изучению на заданном участке территории.

Преимущество переписи 1923 г. заключалось в проведении её в строго определённое время на всей территории городских поселений советской Беларуси. Результаты переписи позволяли получить больше сведений об городах и местечках республики. Однако организационная форма проведения переписи, была громоздкой, особенно в части касающейся прохождения переписных документов. Документы во время переписи проходили долгий путь по всей многозвенной, хотя и слабо организованной, сети статистических органов советской Беларуси, что, в свою очередь, растягивало на несколько месяцев окончательное подведение итогов. Для решения этой проблемы статистики проводили разработку или сводку первичных материалов (личный листок, семейная и квартирная карты) в разработочные таблицы как по отдельным категориям объекта исследования, так и по территориальным единицам (городской населённый пункт, уезд, округ, республика).

Отметим, что в первых советских демографических переписях первичные материалы представляли интерес лишь при перепроверке и сводке материалов. Дальнейшая судьба первичных форм переписи зависела от обстоятельств их оперативного использования на местах статистиками, которые, не смотря на отсутствие должных условий хранения архивных документов, не спешили расставаться с ними.

Сохранённые первичные материалы переписи 1923 г. использовались статистиками вплоть до 1926 г. при новой сводке статистических сведений о населении городов и местечек, вызванной изменением границ БССР (1924 г., 1926 г.) и проведением административно-территориальной реформы 1924 г. События ВОВ привели к практически полному уничтожению первичных материалов демографической переписи 1923 г. В НАРБ сохранилась всего два десятка семейных карт (форма № 2), несколько переписных списков военнослужащих Западного военного округа [2] и часть отчётных листов счётчиков и регистраторов переписных отделов [3].

На 2021 г. сохранившиеся архивные материалы переписи 1923 г. представляют собой корпус документов, созданный как в ЦСБ БССР, так и его подразделениями в уездах (округах), а также переписными органами на местах. При этом в НАРБ материалы переписи 1923 г. представлены отдельно как по БССР на 1923 г., так и с учётом укрупнений 1924 г. и 1926 г.

Как было указано выше, в основном сохранились разработочные (сводные) таблицы первичных форм. Разработка сведений личных листков осуществлялась в следующих таблицах: таблица № 1 – население по полу и источникам средств существования, с выделением одиночек; таблица № 2 – самодеятельное население по главным занятиям и социальному положению (по классификации); таблица № 3 – самодеятельное население по главным занятиям и по главным производствам и отраслям труда; таблица № 4 – самодеятельное население по главным занятиям и возрасту; таблица № 5 – самодеятельное население по социальному положению, возрасту и семейному состоянию; таблица № 6 – самодеятельное население по социальному положению и побочным занятиям; таблица № 7 – самодеятельное население по социальному положению и связей с деревней; таблица № 8 – безработные по профессиям и продолжительности безработицы; таблица № 9 – несамодеятельные по возрасту и семейному положению и № 9а – несамодеятельные моложе 20 лет по однолетним возрастным группам; таблица № 10 – несамодеятельное по полу и главным занятиям их кормильцев, таблица № 11 – население по национальному составу, самодеятельности и полу.

Разработка сведений семейных карт проводилась в следующих трёх формах: таблица № 1 – семьи по главному занятию и по полу главы семьи, с распределением по численному составу семей, с подсчётом числа семей, главы которых отсутствуют, наличного и отсутствующего населения по полу и числу полных брачных пар; таблица № 2 – семьи по полу и главному занятию главы семьи, и по численности их составу, с подсчётом наличного населения по возрастам; таблица № 3 – семьи по полу и главному занятию главы семьи и по численному их составу, с подсчётом самодеятельных, безработных и прислуги.

В заключении статьи отметим, что архивные материалы переписей позволяют восстановить демографическую картину, а также определить степень влияния внутренней политики белорусского советского государства в 1920-е гг. на население страны в целом и её отдельные городские населённые пункты. Собственно, материалы переписи городского населения 1923 г. по БССР аккумулированы в фонде № 30 НАРБ, преимущественно в виде разработочных таблиц личных листков, семейных и квартирных карт. Сохранился также комплекс разработочных материалов переписи по ряду уездов Витебской и Гомельской губернии, которые были возращены в состав БССР в результате двух укрупнений. Общее количество дел демографической переписи 1923 г. в НАРБ составляет около 400 дел [4].

Было выяснено, что в отечественной историографии демографические процессы и социально-экономическое положение населения страны в довоенный период БССР до сих пор остаётся мало изученной проблемой. Причинами этому следует считать недоступность в течение длительного периода материалов переписей населения, уничтожение оккупантами в годы Великой Отечественной войны значительного количества первичных форм и разработочных таблиц переписей (1923 г., 1926 г., 1939 г.) и утеря статистических материалов переписи населения 1937 г. из-за политических предрассудков. Поэтому существенно повысить научный уровень разработки проблем демографической истории регионов (населённых пунктов) страны в 1920–1930-е гг. представляется актуальной задачей будущих исследований по истории Беларуси.

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 30. Оп. 3. Д. 4325. Л. 2–4.
2. НАРБ. – Ф. 30. Оп. 1. Д. 4045а.
3. НАРБ. – Ф. 30. Оп. 1 Д. 4308.
4. Приборович, А. А. Материалы центральных органов статистики БССР 1919–1939 гг. как исторический источник : дис. ... канд. ист. наук : 07. 00. 09 / А. А. Приборович. – Минск, 2021. – 170 л.
5. Приборович, А. А. Архивные материалы государственных органов статистики БССР за 1919–1939 гг. / А. А. Приборович // Вестник ПолесГУ. Серия общественных и гуманитарных наук. – 2016. – № 2. – С. 42–51.
6. Сергиенко, Л. М. Всесоюзные переписи населения 1937 и 1939 гг. в Ставропольском крае: проблема степени достоверности результатов / Л. М. Сергиенко // Научная мысль Кавказа. – 2015. – № 2. – С. 73–79.

Мазур Л. Н.

КАК ЖИЛИ УЧЕНЫЕ В СССР В 1920-Е ГГ.?: ИЗ ИСТОРИИ БЮДЖЕТНЫХ ОБСЛЕДОВАНИЙ[1]

Октябрьский переворот 1917 г. положил начало реализации советского проекта, составной частью которого было формирование новой социалистической науки. Отношение большевиков к науке и пути ее трансформации в производительную силу социалистического общества можно проследить по протоколам VIII съезда РКП (б) 1919 г., на котором была принята новая редакция Программы Коммунистической партии. Науке посвящен единственный пункт программы, размещенный в разделе «Экономика». Он гласил:

«Советская власть уже приняла целый ряд мер, направленных к развитию науки и ее сближению с производством: создание целой сети новых научно-прикладных институтов, лабораторий, испытательных станций, опытных производств по проверке новых технических методов, усовершенствований и изобретений, учет и организация всех научных сил и средств и т. д. РКП, поддерживая все эти меры, стремится к дальнейшему их развитию и созданию наиболее благоприятных условий научной работы в ее связи с поднятием производительных сил страны» [1, с. 405].

В материалах съезда нашел отражение алгоритм перестройки российской науки, который включал:

– использование достижений буржуазной науки и техники для целей победы социалистической революции и строительства коммунизма;

– привлечение буржуазных специалистов, за науку которых необходимо «хорошо заплатить»;

– создание условий для получения рабочими необходимых научных знаний в «специальных учреждениях по развитию науки и техники»;

– первоочередное освоение военной науки и достижений науки и техники милитаризма «в самых худших формах», без которых невозможно овладеть современной техникой и современным способом ведения войны. Милиция и армия должна быть обученной, вооруженной и организованной по последнему слову военной техники;

– и наконец, создание системы контроля, «чтобы враждебные силы не проводили под видом литературы, науки и искусства общественно вредных контрреволюционных идей…». Кроме того отмечалось, что все «формы науки и искусства должны быть связаны с великими идеями коммунизма и бесконечно разнообразной работой по созиданию коммунистического хозяйства» [1, с. 18, 60, 331, 384, 434].

Всего в материалах VIII съезда слово наука встречается 19 раз, явно не находясь в числе приоритетных задач РКП (б), и упоминается в контексте исполнения трех основных функций – вооружения армии, производительной силы народного хозяйства и пропаганды идей коммунизма. Будучи составной часть экономики, наука воспринималась властью как производственный процесс, контролируемый и регулируемый государством. Основным инструментом регулирования первоначально было проектное управление, а в дальнейшем – планирование.

[1] Тема поддержана грантом РНФ 20–78–10095 «Советская наука как индустрия: кадры, инфраструктура, организационно-управленческие практики (1920–1970-е гг.)».

В качестве производительной силы общества наука попала в поле зрения статистики. 14 декабря 1917 г. по декрету ВЦИК был образован ВСНХ, в структуре которого создан отдел статистики и переписи. В июне 1918 г. прошел первый Всероссийский съезд статистиков, обсудивший проект Положения о государственной статистике. 25 июля 1918 года Декретом СНК «О государственной статистике (Положение)» было оформлено создание единого общегосударственного органа – Центрального статистического управления и определены основные направления его работы: ведение демографической, промышленной, сельскохозяйственной статистики, статистики труда, потребления и организация прочих видов статистических обследований, к числу которых относились бюджетные обследования [4].

Бюджетные обследования, нацеленные на изучение доходов и потребления населения, получили развитие в земской статистике, где были разработаны основные принципы их проведения – посемейное выборочное единовременное исследование в форме опроса. Первоначально бюджетные обследования ограничивались изучением крестьянских хозяйств. После революции 1905–1907 гг. стали проводить обследования рабочих, а с 1918 г. бюджетные обследования приобрели систематический характер, охватывая самые разные категории населения – рабочих, служащих, ответственных работников и пр. В число обследуемых в 1925 г. попали и научные работники.

Эта дата не случайна. В 1925 г. Академия наук получила официальное признание власти – было принято постановление ЦИК СССР и СНК СССР «О признании Российской академии наук высшим ученым учреждением Союза СССР» в составе 8 институтов и передаче ее в введение СНК СССР [5]. Всего в СССР в 1925 г. насчитывалось 88 научно-исследовательских институтов, основная масса которых имела ведомственную подчиненность и занимались преимущественно естественно-научными и прикладными проблемами [2]. Именно они составили ядро советской науки, дополненное академическими институтами и вузовской наукой. В 1933 г. к Академии наук относилось 56 научных учреждений с числом работников 1802 чел. [7, с. 419]. Ведомственных научных учреждениях на 1. 01. 1933 г. насчитывалось 972 (94, 6%) из 1028 НИИ и филиалов СССР с численностью научных работников 75260 (97, 7%) из 77062. Больше всего НИИ находилось в структуре НаркомЗдрава – 271 институт и 15 филиалов; НаркомТяжпрома – 178 институтов и филиалов; НаркомЗема – 149 НИИ и филиалов, а также 295 зональных и отраслевых станций; НаркомПроса – 123 института и филиала и 18 зональных и отраслевых станций [7, с. 420].

Бюджетное обследование научных работников было проведено в мае 1925 г. Центральным бюро секции научных работников ЦСУ, совместно с ВЦСПС и НКТруда по типовой программе обследований рабочих и служащих. Всего были собраны сведения о 268 домохозяйствах из 15 городов – Ленинграда и Москвы (по 50 семей), Харькова, Киева, Минска, Одессы, Ташкента, Казани, Перми, Воронежа, Новочеркасска, Ростова, Томска, Симферополя, Краснодара. В выборку вошли семьи научных работников, по основному месту работы занятых в вузах и научных учреждениях. Оценивая репрезентативность выборки, А. А. Канчеев отметил нарушение принципа типичности по некоторым городам, что повлияло на завышение средних показателей дохода [3, с. 139].

Исследование проводилось методом опроса регистраторами, которые заполняли опросный бланк «Обследование бюджетов», фиксируя в соответствии с программой опроса сведения о семье, доходах и расходах, потреблении, жилищных условиях. Помимо основного бланка на семью заполнялась сводная форма 1 «Состав денежных и натуральных поступлений и расходов бюджетного месяца», Листок питания, а также сельскохозяйственный бланк, если имелся земельный надел под огород или по левое хозяйство.

Программа обследования включала 4 блока вопросов, представленных в соответствующих разделах опросного бланка.

В первом разделе «Общие сведения о семье» фиксировалась информация о главе и членах семьи научного работника. В характеристике главы семьи были указаны его пол, возраст, место работы, стаж, профессия, национальность, семейное положение. Кроме того, в отдельной таблице представлены сведения по всем членам семьи, включая прислугу (пол, возраст, отношение к главе семьи, семейное положение, грамотность, какое учебное заведение окончил, источники существования, сведения о безработных). В первом разделе выделен также блок вопросов о наличии огородного или полевого хозяйства с указание количества десятин, голов рабочего и продуктивного скота и птицы. В комплексе эта информация позволяет изучить семейную структуру и семейно-брачные стратегии ученых.

Второй раздел отведен под характеристику доходов: денежных (часть А), натуральных (часть Б). При описании денежных доходов уточнялись профессия работника, название предприятия /учреждения, размер ставки, количество отработанных дней; вычеты и удержания; а также размеры прочих заработков и доходов помимо основного места работы. Подраздел «Б» был отведен под сведения о натуральных поступлениях (в копейках по рыночным ценам), полученных

в качестве заработной платы, пособия по безработице или инвалидности, в долг или от сдачи комнат в аренду, от общественных организаций или родственников. Это могли быть талоны на бесплатное водоснабжение, электричество, топливо, питание, спиртные напитки, табак, одежда, обувь, предметы туалета, мыло, хозяйственные товары, бесплатные трамвайные билеты и т. д.

Третий раздел опросного бланка «Расход семьи» имеет сложную структуру и включает подразделы: А «Помещение, топливо, освещение»; Б «Пища, напитки и наркотики» (поступление и расход муки, хлеба, крупы, картофеля и т. д., всего 71 наименование); В «Промышленные товары» (ткани, одежда, обувь, мебель, расходы на гигиену, религиозные обряды и т. д., всего 56 позиций); Г «Прочие расходы» (мебель, спальные принадлежности, посуда и проч.). Наиболее интересен подраздел «А», где приведены сведения о характере домовладения (собственный / дом-коммуна / товарищество); род помещения (квартира / комната / часть комнаты / койка в общежитии); этаж, наличие кухни. Если семье принадлежит квартира, то указывается число и площадь комнат, общая жилая п лощадь, число жильцов, род отопления, наличие водопровода, канализации, ванной, освещения. Отмечены расходы на содержание жилья (ежемесячные и разовые), расходы на топливо и освещение, налоги.

Четвертый раздел бланка «Баланс денежных приходов и расходов» содержит итоговые сведения о месячных поступлениях и расходах, а также остаток денежных средств в месяц в рублях.

В целом, информация опросного бланка позволяет реконструировать условия и уровень жизни семьи научного работника и проанализировать факторы, влияющие на размеры доходов и потребления.

Информационный потенциал материалов бюджетного обследования условий жизни ученых, который в достаточно полном виде сохранился в архиве [6], пока использован не в полной мере. В 1925 г. по итогам обследования в журнале «Научный работник» вышла статья А. А. Канчеева, в которой автор на основании анализа трудозатрат преподавателей высшей школы и научных учреждений и полученных ими доходов сделал вывод «о значительной перегруженности научных работников, вынужденных для получения культурного минимума заработной платы работать с повышением нормальной нагрузки до 400%» [3, с. 121]. В то время как для «нормальных условий научной и исследовательской работы научного работника невозможно требовать, чтобы он без ущерба для дела читал и проводил занятия с учащимися более шести часов в неделю» [3, с. 121]. Средний доход на одного взрослого едока семьи научного работника в СССР в 1925 г. составил 40, 04 рубля (в Минске – 42, 51 руб.), из которых 10, 3% шли на оплату жилья; 36, 9% – на питание; на одежду и туалет – 16, 8%, на культурно-просветительские цели – 7, 6%. По величине расходов на 1 члена семьи ученые были разделены на 6 групп со средним доходом на семью от 57, 58 руб. до 204, 04 руб. [3].

Проведенный А. А. Канчеевым анализ был основан на изучении нескольких базовых показателей, между тем потенциал первичных бланков существенно шире и может быть реализован при условии использования технологии баз данных. Особый интерес представляют процессы дифференциации научного сообщества с учетом не только социально-демографических и сферы занятости (прикладные, гуманитарные, точные науки, медицина и проч.), но и пространственных характеристик (столицы vs провинция).

1. Восьмой съезд РКП (б). 1919. Протоколы. – Москва: Государственное издательство политической литературы, 1959. – 602 с.
2. Долгова, Е. А. Изучение социальной проблематики в лаборатории коллективной рефлексологии Института мозга и психической деятельности В. М. Бехтерева / Е. А. Долгова // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2016. – Т. XIX. – № 3 (86). – С. 25–31.
3. Канчеев, А. А. Бюджетное обследование научных работников / А. А. Канчеев // Научный работник. – 1925. – № 3. – С. 121–140.
4. О государственной статистике (Положение) : Декрет СНК, 25.07.1928 // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. – Москва: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. –С. 733–736.
5. О признании Российской академии наук высшим ученым учреждением Союза ССР : Постановление ЦИК и СНК СССР, 27.7.1925 // Законы об Академии наук. 1925–1934 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://museumreforms.ru/load-document/nojs/13957. – Дата доступа: 21.03.2021.
6. Российский государственный архив экономики. – Ф. Р-5462. Оп. 7. Д. 400–412.
7. Социалистическое строительство СССР : Статистический ежегодник. – Москва: ЦУНХУ ГОСПЛАНА СССР – В /О СОЮЗОРГУЧЕТ. 1934. – 699 с.

Яковлева Г. Н.

АНОНИМНАЯ КУЛЬТУРНО-БЫТОВАЯ АНКЕТА ЦБ ПРОЛЕТСТУДА ЦСПСБ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ БЕЛОРУСИЗАЦИИ КОНЦА 1920-Х ГГ.

В августе 1923 г. при ВЦСПС была создана особая общественная организация пролетарского студенчества – Пролетстуд во главе с ее Центральным Бюро (ЦБ Пролетстуда). Постепенно возникла выстроенная по вертикали централизованная структура: Пролетстуд со своим ЦБ – его республиканские и краевые организации – областные и городские отделения – низовые вузовские профсоюзные секции. С включением Витебской губернии в состав БССР в 1924 г. профсоюзные организации учебных заведений региона стали подчиняться Витебскому городскому бюро пролетарского студенчества, руководимому ЦБ Пролетстуда при ЦСПСБ в Минске. В начале 1929 г. проводилось всебелорусское обследование студенчества учебных заведений БССР. В его рамках студентам вузов, техникумов и рабфаков была предложена анонимная культурно-бытовая анкета ЦБ Пролетстуда ЦСПСБ. В Витебске на анкету отвечали студенты ветеринарного института, витебского рабфака и пяти техникумов: художественного, белорусского педагогического, еврейского педагогического, кооперативного и политехнического. Предварительные итоги анкетирования обсуждались на III Пленуме ЦБ Пролетстуда ЦСПСБ в июне 1929 г. Позже результаты анкетирования обсуждались на студенческих профсоюзных собраниях и вырабатывались меры для преодоления выявленных недостатков.

А весной 1929 г. по мере обработки анкет их обобщенные данные Комиссия по проведению обследования прислала в Витокружком КП(б)Б. Эти материалы отложились в Государственном архиве Витебской области и стали основой для анализа и ряда выводов о витебском студенчестве конца 1920-х гг. Анкета называлась культурно-бытовой, но значительная часть предложенных студентам вопросов носила политико-идеологический характер. Именно по этим вопросам была прислана подборка выдержек из анкет, которые содержали *в основном критические замечания* студентов о работе студенческих общественных организаций, о недостатках в работе преподавателей, оценивался уровень демократии и реализации самокритики в их учебных заведениях. Одним из вопросов был такой: «Твое отношение к национальной политике и в частности к белорусизации». Цитаты приводились на белорусском и на русском языках. Мнение студентов по этому вопросу и будет проанализировано в данной статье с учетом специфики источника.

Несомненно, значительная часть студенчества Витебска положительно воспринимала политику по национальному вопросу, проводимую в БССР. «По вопросу об отношении к национальной политике все, за исключением 2-3 анкет, приведенных выше, высказывают согласие и необходимость проводимой политики», – писал о студентах витебского рабфака председатель комиссии по проведению всебелорусского обследования студенчества учебных заведений Гурвич [1, л. 411]. Отрицательные мнения, в данном случае, объяснялись исключительно личными затруднениями в изучении языка: «Трудно учить два языка, надо бы учить либо русский, либо белорусский», – писал еврей-рабфаковец. «Мне кажется, совсем не нужно было вводить бел. язык, потому что условия белорусизации действуют на мою психологическую жизнь. В таких летах возможность изучения бел. языка очень затруднена, если бы была возможность другой раз народиться» [1, л. 410, 410об.]. О поддержке национальной политики свидетельствуют следующие высказывания студентов разных учебных заведений: «Очень хорошие. Читаю белорусскую культуру с большим интересом». «Мы должны серьезно относиться к белорусизации, поскольку мы живем в БССР, где для большинства населения это родной язык». «До того времени, пока не прочитал тов. Кнорина «О решающих мелочах», думал, что над городским населением делается насилие, однако сейчас знаю, что почему-то необходима обязательная белорусизация, даже теперь лучше белорусизируюсь», – отмечали студенты еврейского педтехникума [1, л. 412об.]. «За белорусизацию – душой и телом», – высказался студент кооперативного техникума [1, л. 407об.]. Поддерживали белорусизацию и студенты художественного техникума. «Отношение к нацполитике хорошее. А в отношении к белорусизации раньше было не очень хорошее, а потом улучшилось» [1, л. 286.] «Белорусизацию считаю необходимой, но и сам как-то начинаю русифицироваться, из-за того, что почти все преподаватели русские и много студентов». «Не удовлетворяет то, что в белорусских городах газеты печатаются на русском языке» [1, л. 286].

Некоторые студенты, в целом принимая белорусизацию, считали, что в ее проведении наблюдались элементы принуждения. «Белорусизация должна проходить добровольно, а не под принуждением» [1, л. 407об.]. «Каждая нация должна иметь свободу во всех отношениях, но у нас плохи дела с белорусизацией. Белорусский язык навязывается населению», – считал белорус из служащих. «Безусловно, нации все равны, однако государство не должно принуждать учиться на родном языке, несмотря на то, что он государственный», – таково мнение студента-поляка. «Всякое принуждение считаю ненормальным явлением, в частности, белорусизацию». «Очень недолюбливаю

белорусизацию, правда, она необходима, но обелорусифицировать нельзя, это должно постепенно укореняться, чего не видим по факту», – писал студент-белорус [1, л. 286]. «Сам белорус и считаю очень приемлемой нац. политику партии, но считаю иногда чрезмерным увлечение вопросами «борьбы с антисемитизмом», переходящим границы и принимающим окраску «еврейского шовинизма» [1, л. 407об.]

Однако было много и отрицательных ответов. Часто респонденты обосновывали отрицательное отношение к белорусизации негативной характеристикой языка. Комсомолец-еврей из кооперативного техникума писал: «Проведение белорусизации я не считаю шагом вперед к национальной политике. Надо сближать национальности вокруг одного настоящего языка, а мы взяли давно умерший язык и теперь оживляем. Я вижу в этом трату лишних средств на издание белорусской литературы. ЦИК, Академия Наук, наркоматы – уничтожители общественных денег. Детям все равно, как их учат, по-русски или по-белорусски. Белорусский язык живет только у 10-30 старичков деревни, а не 7 миллионов населения. Другое дело в Узбекистане, Туркестане, на Кавказе, где русский язык не жил даже в высших классах. У нас русский язык живет более чем у 95 % населения Беларуси (Минской, Витебской, Могилевской губерний). Даже еврейский язык, ничего общего не имеющий с русским, умер на 50%, а молодежь уж лучше говорит на русском, чем на жаргоне. Ошибки на белорусском, но агитаторы за белмову пишут хуже меня». [1, л. 407об.].

По официальным данным на ноябрь 1929 г. белорусизация охватила 95 % студентов белорусского педтехникума, где учились в основном белорусы – выходцы из деревни [2, л. 91]. Однако здесь оказалось много критических высказываний о языке, хотя и написанных по-белорусски. «Я лично против белорусизации, т.к. этот язык почти что погиб. Теперь говорят на нем близ Минска, а большинство его не знает и ученикам приходится использовать искусственно, считаю совсем это лишним», – сетовал студент из крестьян [1, л. 415об.]. «Считаю, что бесполезное дело, т.к. невозможно современному культурному человеку выражать свои мысли на этом языке времен Литовско-Белорусского княжества», – писала белоруска из служащих [1, л. 415]. «Национальную политику считаю необходимой, однако все же к белорусскому языку отношусь враждебно, объясняется это грубостью языка», – таково мнение студента, указавшего, что он белорус из крестьян. Ему вторит его коллега: «Дело в том, что белорусский язык очень неприемны для выразу как ученому человеку». «Выступаю против белорусизации, т.к. это есть искажение языка здорового и чистого. Белорусизация – это язва в Советской стране», – категорична комсомолка-белоруска из крестьян [1, л. 415об.]. «Поскольку белорусский язык в деревне не такой, на каком мы говорим, и от него отказывается все население, в частности крестьянство, то его не надо», – считал студент-крестьянин. «Национальной розни быть не должно, но белорусский язык не хлеб, можно без него», – написала студентка-белоруска. «Не совсем понимаю, зачем мне изучать белорусский язык, если я знаю русский», – таково мнение опять-таки студентки из крестьян [1, л. 415об.].

Сложным было отношение к белорусизации в политехникуме. Это чувствовалось и по достаточно большому количеству ответов в анкете. Многие отмечали, что обучение на белорусском языке нерационально, т.к. на нем нет учебников и технической литературы. «Нацполитика – это правильная политика, она необходима. Но проводить белорусизацию в наших условиях, в нашем техникуме, когда нет ни одной технической книжки на белорусском языке и очень мало даже на русском. Это вещь очень нецелесообразная и работа непродуктивная». «Плохие, потому что белорусский язык каждый год изменяется, поправляется, и в математике и технических учебниках неприменим». «Национальная политика советской власти правильная. Белорусизация в специальных и высших учебных заведениях не нужна, она мешает занятиям». «Поддерживаю нац. политику советской власти, но против обязательности для всех белорусизации. Более целесообразно было бы во всех учебных заведениях (особенно технических) обратить большее внимание на язык культурных стран (нем. анг.), у которых можно было бы этим путем отобрать культуру и догнать технику». «Зачем тратить силы на возрождение того, что давно уже похоронено. Лучше было бы и легче принять хотя бы русский язык. Меньше было бы недовольства со стороны крестьянства», – писал белорус из крестьян. [1, л. 402]. Другой аргументировал так: «Белорусский язык знать надо, преподавать как предмет, но учиться надо на русском, который гораздо лучше понимают 99% студентов и учебники на русском языке [1, л. 404об.]. « Я считаю необходимым обратить внимание на развитие каждой национальности, но не вижу смысла в том, что принуждают учить бел. язык всех, он всем не нужен. Особенно нам, работникам фабрик и заводов. На производстве Беларуси мало белорусов и те языка не понимают. Рабочие бел. язык не любят и их не надо принуждать». Студент-еврей, кандидат в члены партии свою точку зрения обосновал политически, увидев следы белорусского национализма. По его мнению, белорусизация необходима. Однако в языке искусственно выдумываются слова, особенно научные, которые белорусский народ не понимает и складывалось впечатление, что они вводятся, чтобы отделить белорусский язык от других языков, предлагал «дать отбой тем,

кто хочет руками и ногами откреститься от русского языка и литературы и придать всему «беларускі нацыянальны твар». «Нам на тот язык, на каком родился Октябрь, на каком говорит лучшая часть рабочего класса и партии нельзя «махнуть» руками» [1, л. 402]. Он же увидел под лозунгом коренизации антисемитские нотки («мало белорусов, много евреев»). В другой анкете косвенно прозвучала критика практики зачисления еврейских детей в школы на идише, хотя родители хотели отдать детей в русскоязычные учебные заведения. «Нужно свободное развитие культуры и языка каждой национальности, но отнюдь не насильно заставлять человека учиться на том или ином языке при поступлении в школу» [Там же]. Один из авторов анкеты предлагал «создать еврейскую социалистическую советскую республику на Юге России, такую же какую имеют белорусы, украинцы, грузины. Лучше всего было бы создать республику на Одесчине с политическим центром в Одессе. Биробиджан хорошо, но не очень» [1, л. 402]. Евреи-студенты из других техникумов указывали, что ощущают элементы антисемитизма как со стороны студентов, так и преподавателей. Характерно, что как недостаток определялось то, что с антисемитизмом слабо боролись, что надо активнее вести разъяснительную работу о сути проводимой национальной политики [1, л. 417]. Наказывая за антисемитизм, сначала исключать из комсомола, и только как крайнюю меру – из учебного заведения.

Ощущались проблемы в межнациональных отношениях и со стороны белорусов. «Национальной розни и враждебности не имею, белорусизации очень сочувствую. А что сказать насчет евреев, то они очень свободно себя чувствуют, за их заносчивость белорусы их презирают. Чуть что – зовут антисемитами» [1, л. 415об.] «Относительно евреев имею некоторое недовольство, ибо примечаю за ними недобрые отношения к белорусам». «Не могу терпеть жидов, а почему – это длинный разговор», – написала студентка из рабочих. «По-моему, нац. политика – буза, зачем антисемитизм, он же настоящий жид» [1, л. 415]. «Белорусизация – дело необходимое, однако почему-то крестьянство очень обижается на 90 с гаком процентов. Мне кажется, что плохо то, что теперь обострилось дело по борьбе с антисемитизмом. Население очень недовольно», – считал студент-крестьянин [1, л. 415об.]. «Никогда не была антисемиткой, но после случая в техникуме, когда исключили ребят, что они по дурости и некультурности своей сказали «жидовская морда», дравшись за койки в общежитии и вообще ругаясь, так это было вспомнено в докладе об антисемитизме. И 2 парня вылетело из техникума, так что появляется нетоварищеское чувство, что если ты поругаешься немного с евреем, то он может заявить, что его назвали жидом, чего и не было, и ему дают веру, а тебе крышка», – комментировала белоруска из художественного техникума [1, л. 286]. «Жиды не дают слово сказать, чтобы не придраться к антисемитизму; говорят из принципа друг с другом по-жидовски, всячески осмеивая русских» [1, л. 295].

Много проблем с языком было и среди преподавателей. Некоторые из них высказывались против перевода преподавания на белорусский язык еще раньше. В русском великодержавном шовинизме был обвинен известный ученый А.Н. Макаревский, профессор ветеринарного института, созданного в 1924 г. В конце февраля-начале марта 1927 г. состоялся III съезд научных работников республики. На нем в своем выступлении профессор Макаревский в частности сказал: «Доклад Криницкого не произвел на меня глубокого впечатления ... Я не дал бы свой учебник печатать на белорусском языке. Докладчик загнал нас в узкое русло, куда не повернешься, попадёшь во враждебное положение. Не надевайте узкой Узды на нас. Я довольно стар и никогда меня не принудите по-белорусски читать. Чемоданы могут быть укладываемые, просто надо что-нибудь делать, когда ничего не выходит». За «русификаторский уклон» в ряде выступлений на съезде он был заклеймлен как великодержавный шовинист. Затем руководимая им профсоюзная организация преподавателей института заняла позицию, отличную от мнения администрации института (по отношению к ВАРНИТСО[1], избранию новых академиков-коммунистов в Академию Наук). Сам профессор выступал против поддержки требования высшей меры наказания по Шахтинскому делу как формы давления на суд, не поддержал идею 100% участия сотрудников института в перечислении целого месячного заработка в фонд индустриализации. В феврале 1929 г. витебская газета «Заря Запада» в статье «Загніушія корані старой інтэлігэнцыі» определила его как реакционера, враждебно настроенного против советской власти [3, л. 25об.]. Появился даже термин «Макаревщина» как символ тенденций великорусского шовинизма и всего реакционного и антипролетарского в среде старой интеллигенции. А.Н. Макаревскому пришлось уйти из института. Отсюда такое повышенное внимание к институту, взглядам и мнениям его студентов. Хотя о принуждении к изучению отмечали почти во всех учебных заведениях и многие характеризовали белорусский язык как умерший, ответы студентов по белорусизации именно ветинститута были учтены и даже цитировались в партийных документах («заставляют белорусов белорусизироваться», «белорусский язык мертв») [2, л. 92]. За недостатки в проведении политики белорусизации Бюро ЦК КПБ объявило выговор партийной ячейке

[1] Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР (ВАРНИТСО) – организация, созданная в октябре 1927 года.

института осенью 1929 г. [2, л. 146]. А в июне 1930 г. ход белорусизации был проверен в ветинституте снова. Был сделан вывод, что по сравнению с прошлым есть перелом в этом направлении, на что повлияло разоблачение и удаление из института «Макаревщины», хотя отрыжки ее еще остались. Констатировалось, что 70 % студентов белорусский язык знают, но в учебном процессе используют недостаточно, а в частных разговорах не используют вообще. Профессорско-преподавательский состав язык не знает или знает слабо и почти не использует. Со стороны студентов и преподавателей нет решительности в быстром переходе на белорусский язык [2, л. 63]. Приводились примеры «разного рода шовинизма и национал-демократизма», с которыми надо было бороться и заниматься воспитательной работой с национальными меньшинствами, составлявшими 26% студентов. «Член партии студентка Давидовская не позволяла студентам-полякам разговаривать на родном языке и говорила, что на польском можно разговаривать в коридоре». Бывшие студенты Лившиц и Рабкин часто «обзывали белорусов мужиками». Комиссии по расследованию их поведения один из них сказал, что белорусов он себе представляет только как мужиков. Нашелся уже и сторонник «нацдемовщины»: «Преподаватель белорусоведения Богданович во время преподавания говорил о Евфросинье Полоцкой и т.д. и имеет ориентацию на запад. В его преподавании нет настоящего пролетарского содержания, не отражено социалистическое строительство и руководящая роль пролетариата» [2, л. 63об.]. Предполагалось перевести на 100% преподавание на белорусском языке к началу учебного года, и особенно следить за использованием языка не только в документации или преподавании, но и повседневной жизни.

Великорусский шовинист нашелся и в политехническом техникуме. В нескольких анкетах студенты определяли преподавателя Павлова как контрреволюционера, на лекциях проповедующего свои реакционные взгляды. Он не только выступал против пролетаризации образования, говоря, что надо принимать учиться не только детей рабочих и крестьян, но и детей торговцев, дворян, интеллигенции, но высказывался и по поводу белорусизации. Так, он утверждал, что «белорусы и украинцы – выдуманные нации» [1, л. 403]. «По идеологии это «бывший человек». Надеется на занятие Польшей Белоруссии, против классовой линии советской власти и пытается нас на лекции пропагандировать в этом духе». «Инженер Павлов выступает против белорусизации, говоря, что это только для политики, чтобы показать Польше и т.д.» [1, л. 403]. Газета «Заря Запада» в той же статье «Загніушія корані старой інтэлігэнцыі» писала о Павлове как о настоящем великорусском шовинисте, пытавшемся влиять на студентов. Он говорил, что белорусский язык ввели для того, чтобы эту часть Беларуси пришлось отдать Польше [4, л. 25об.].

Ответы студентов анонимной анкеты на вопрос о белорусизации были проанализированы на окружном и центральном уровне. И хотя уровень белорусизации ветинститута и политехнического техникума бы одинаков – 30%, и был признан слабым, выговор по партийной линии получила только партячейка института. Объяснялось это, вероятно, и разницей ситуации в этих учебных заведениях, и тем, как воспринимали и характеризовали в анкетах сами студенты своих преподавателей. Белорусизация остальных техникумов была признана недостаточной. По учебным заведениям проводились собрания студентов, митинги, диспуты, заседания профактива, на которых обсуждались итоги анкетирования и вырабатывались меры по преодолению выявленных недостатков.

Таким образом, анонимные культурно-бытовые анкеты ЦБ Пролетстута при ЦСПСБ позволяют увидеть срез общественного мнения студенческой молодежи Витебска по вопросам национальной политики и их аргументацию положительного, отрицательного или неоднозначного отношения к белорусизации образования, еще продолжавшегося в 1929/ 1930 г.

1. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 10051-п. Оп. 1. Д. 736.
2. ГАВт. – Ф. 118. Оп. 1. Д. 524.
3. ГАВт. – Ф. 2289. Оп. 2. Д. 95.

Акимченков В. В.

ЭГО-ДОКУМЕНТЫ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ЛАНДШАФТА КРЫМСКОЙ АССР

Одной из наиболее перспективных задач в деле изучения общественно-культурной жизни Крыма в 20–30-е гг. XX в. является концептуализация интеллектуального ландшафта и социальной структуры крымского научного сообщества. В современной российский историографии предпринимаются серьезные попытки восстановления объективной картины развития научной мысли на полуострове в первые десятилетия советский власти. Наиболее удачными в этом направлении следует считать наработки представителей научной школы истории крымоведения. В частности, биоисториографические исследования докторов исторических наук У. К. Мусаевой [5–6] и

А. А. Непомнящего [8–11], базирующиеся на ранее неопубликованной группе эго-источников, которая хранится в фондах столичных (Государственный архив Российской Федерации, Отдел письменных источников Государственного исторического музея, Российский государственный архив литературы и искусства и др.) и провинциальных (Государственный архив Республики Крым, Архив города Севастополя и др.) архивов.

В 20-е гг. XX в. в Крыму существовали различные общественные научные организации и объединения (Таврическое общество истории, археологии и этнографии, Российское общество по изучению Крыма и др.), которые концентрировали в своих рядах ярких представителей науки, общественных деятелей, партийных функционеров и др. Однако на рубеже нового десятилетия ситуация кардинальным образом изменилась. Большая часть из этих организаций прекратила свое существование, остались лишь те объединения, которые находились в фарватере влияния ВКП (б). Это создало объективные сложности в деле изучения коммуникативных связей крымского научного сообщества и динамики его сетевых структур.

В 30-е гг. XX в. интеллектуальные силы полуострова концентрировались вокруг организаций массового типа, которые были пополнены выходцами из крестьянской и пролетарской среды. К числу таковых следует отнести Крымское отделение ВАРНИТСО, в состав которого входили как представители старой научной и инженерно-технической интеллигенции, так и ее «новая генерация», представленная преимущественно партийным и комсомольским активом. Как показал предпринятый нами первый опыт изучения персонального состава и биографий членов отделения, «новая генерация» советской интеллигенции к концу 30-х гг. XX в. заняла ключевые позиции в организациях науки, культуры, высшей школе и системе управления Крымской АССР. В фондах Российского государственного архива экономики нам удалось выявить целый пласт ранее неопубликованных эго-источников, состоящий из подробных жизнеописаний (curriculum vitae) и переписки членов Крымского отделения ВАРНИТСО. Источники позволяют детализировать, а в отдельных случаях полностью восстановить более сотни биографий представителей крымской научной и инженерно-технической интеллигенции 30-х гг. XX.

В частности, на основе синтеза выявленных источников и в симбиозе с материалами из фондов Российского государственного архива литературы и искусства (г. Москва) и Государственного архива Республики Крым (г. Симферополь) удалось восстановить основные этапы деятельности советских педагогов и общественных деятелей 20–30-х гг. XX в. Григория Петровича Вейсберга (1884–1942) и Николая Ксаверьевича Баумана (1884–?), которые в первой половине 20-х гг. совместно трудились в Сибирском Отделе народного образования, а в конце десятилетия поочередно возглавляли Крымский государственный педагогический институт имени М. В. Фрунзе, стояли у истоков создания отделения ВАРНИТСО на полуострове.

Н. К. Бауман родился в феврале 1884 г. в Самаре в семье служащего Министерства императорского двора и уделов. В 1894 г. окончил начальную сельскую школу, а в 1902 г. самарскую гимназию [4, с. 68]. С 1902 по 1907 гг. обучался на кораблестроительном отделении Петербургского политехнического института, однако выбыл с последнего курса. В 1907–1911 гг. обучался на историко-филологическом факультете Казанского университета.

Трудовую деятельность начал в 1912 г. преподавателем русского языка, литературы и математики в Томском среднем политехникуме, который покинул в 1917 г. В это же время Николай Ксаверьевич работал преподавателем на томских общественных курсах для рабочих и служащих. С 1917 по 1919 гг. заведовал смешанной гимназией повышенного типа г. Колывани Томской губернии. После установления советской власти в Сибири в 1920 г. являлся старшим инструктором губернского Отдела народного образования. В 1921 г. был назначен ректором Омского института народного образования. В 1922 г. заведовал педагогическим отделом Сибирского комитета профессионально-технического образования Отдела народного образования.

С 1922 по 1924 гг. Н. К. Бауман являлся заведующим культотделом Сибирского бюро центрального комитета Союза горнорабочих. В 1924 г. вновь перешел на работу в Сибирский Отдел народного образования на должность заведующего Комитетом профессионально-технического образования. Одновременно являлся научным секретарем Краевого методического совета. Осенью 1925 г. переехал на Северный Кавказ, где работал в должности ученого секретаря Краевого методического совета, затем Терского окружного методического совета, а впоследствии стал заведующим учебной частью Новочеркасского педагогического техникума.

В январе 1928 г. был избран по конкурсу на должность профессора Крымского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе. К исполнению обязанностей приступил 10 февраля того же года. С 1928 по 1933 гг. являлся заведующим кафедрой педагогики. Возглавлял кабинет педагогики, созданный при кафедре для самостоятельных занятий студентов. В 1930 г. Н. К. Бауман был назначен директором пединститута. В 1933 г. премирован за долголетнюю педагогическую деятельность в Крымском пединституте и активную работу в Народном комиссариате

просвещения Крымской АССР по учебно-методическому сектору. Н. К. Бауман вел активную общественную деятельность. С 1920 г. являлся членом Союза работников просвещения, а с мая 1933 г. – Крымской секции научных работников. Принимал активное участие в работе Крымского отделения ВАРНИТСО, вступив в его ряды в 1928 г. [13, л. 11–12об.]. Входил в комиссию по химизации и президиум Ассоциации. В 1933 г. был исключен из организации [3, л. 6].

В контексте восстановления и изучения системы научных связей крымских ученых, большой интерес представляет биография Г. П. Вейсберга, который поддерживал дружескую, деловую и научную связь с Н. К. Бауманом с 20-х гг. XX в. [1–2]. Григорий Петрович родился в 1884 г. Высшее образование получил в Московском университете. В 1919 г. вступил в ВКП (б). Совместно с А. Г. Габричевским, О. Ю. и В. Ф. Шмидтами, Н. Е. Успенским, Ю. В. Каннибахом и др. был инициатором создания в 1922 г. Русского психоаналитического общества, которое просуществовало до 1930 г. Занимался переводом работ З. Фрейда на русский язык. В 1921–1924 гг. являлся заместителем заведующего Главного управления социального воспитания и политехнического образования детей (Главсоцвос) Наркомпроса РСФСР. С 1 сентября 1924 г. по 1 октября 1925 г. работал в Новониколаевске, сначала заместителем заведующего Сибирского Отдела народного образования, затем в должности заведующего краевого Соцвоса. В 1922–1925 гг. – член Государственного ученого совета Наркомпроса РСФСР [15, л. 1–2].

С конца 20-х гг. XX в. читал курс лекций по социологии и педагогики в Крымском государственном педагогическом институте им. М. В. Фрунзе. С 1927 по 1930 гг. являлся директором Крымского пединститута. В Крыму был активно вовлечен в работу по созданию местного отделения ВАРНИТСО [14, л. 23–24]. С 1927 г. являлся членом симферопольской инициативной группы, начавшей этот процесс, в дальнейшем занимал должность заместителя председателя Крымского отделения ВАРНИТСО. Являлся делегатом от Крыма на Первой Всесоюзной конференции ВАРНИТСО (Москва, 23–26 апреля 1928 г.). Был причастен к работе местных общественных объединений: являлся заместителем председателя Общества по изучению Крыма, состоял членом Всекрымского бюро секции научных работников и т. д. [12, л. 1–9]. В 1930–1936 гг. Г. П. Вейсберг являлся заместителем председателя Российской Ассоциации научных институтов марксисткой педагогики. С 1939 по 1941 гг. – ответственный редактор журнала «Советская педагогика». Умер 1 июня 1942 г. [7, с. 5].

Таким образом, вовлечение нового пласта эго-источников в процесс изучения интеллектуального ландшафта Крымской АССР с применением историко-биографического метода, позволяет не просто взглянуть на жизнь индивида в целом, но и учесть взаимосвязь индивидуальной истории жизни с историей общественно-культурных и политических процессов в изучаемый период времени. Это, в свою очередь, приводит к осмыслению интерпретационной активности акторов повседневности и от «реконструкции» отдельной биографии мы приходим к пониманию исторических процессов, которые протекали в рамках всей страны.

1. Бауман, Н. К. Наш край : Книга для работы в III и IV группах сибирской массовой школы / Н. К. Бауман, Г. П. Вейсберг. – Новониколаевск : Сибкрайиздат, 1925. – 288 с.
2. Вейсберг, Г. П. Иоганн Фридрих Гербарт: жизнь и деятельность. Мировоззрение. Педагогическая система / Г. П. Вейсберг, Н. К. Бауман // Гербарт И. Ф. Избранные педагогические сочинения : в 2 т. / под ред. Г. П. Вейсберга. – М. : Учпедгиз, 1940. – Т. 1. – С. 5–46. – (Серия «Библиотека учителя»).
3. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). – Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 113.
4. Грушецкая, В. А. Бауман Николай Ксаверьевич / В. А. Грушецкая // Профессора Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского : в 3 т. / Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского ; сост.: А. А. Непомнящий [и др.]. – Белгород : КОНСТАНТА, 2018. – Т. 1. – С. 68.
5. Мусаева, У. К. Народный учитель: Документальный очерк деятельности выдающегося крымскотатарского просветителя Усеина Боданинского / У. К. Мусаева ; редкол.: А. А. Непомнящий (отв. ред) [и др.]. – Симферополь : СГТ, 2007. – 240 с. – (Серия «Биобиблиография крымоведения» ; вып. 9).
6. Мусаева, У. К. Подвижники крымской этнографии, 1921–1941: Историографические очерки / У. К. Мусаева ; под ред. А. А. Непомнящего ; Таврический национальный ун-т им. В. И. Вернадского. – Симферополь, 2004. – 214 с. – (Серия «Биобиблиография крымоведения» ; вып. 2).
7. Научные работники Крыма : справочник / Крымская секция научных работников ; [сост. А. А. Танатар]. – Симферополь, 1927. – С. 5.
8. Непомнящий, А. А. Академик С. Ф. Платонов и крымоведение / А. А. Непомнящий. – Белгород : Константа, 2018. – 216 с. – (Серия «Биобиблиография крымоведения» ; вып. 27).
9. Непомнящий, А. А. Арсений Маркевич: Страницы истории крымского краеведения / А. А. Непомнящий. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2005. – 432 с. – (Серия «Биобиблиография крымоведения» ; вып. 3).
10. Непомнящий, А. А. Подвижники крымоведения / А. А. Непомнящий. – Симферополь : СГТ, 2008. – Т. 2 : TAURICA ORIENTALIA. – 600 с. – (Серия «Биобиблиография крымоведения» ; вып. 12).
11. Непомнящий, А. А. Профессор Николай Эрнст: Страницы истории крымского краеведения / А. А. Непомнящий. – Киев : Стилос, 2012. – 464 с. – (Серия «Биобиблиография крымоведения» ; вып. 15).
12. Российский государственный архив литературы и искусства. – Ф. 3216. Оп. 1. Д. 506.
13. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 4394. Оп. 1. Д. 312.
14. РГАЭ. – Ф. 4394. Оп. 2. Д. 3.
15. РГАЭ. – Ф. 8328. Оп. 2. Д. 404.

Жилинская И. В.

КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ СССР МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА: ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДОКУМЕНТОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Сегодня все большую актуальность приобретает исследование вопросов, связанных с формированием внешнего имиджа государств, роли в нем культурного фактора, а также возможности использования этого фактора (как мягкой силы) во внешнеполитической деятельности.

Еще в 1920-е – 1930-е гг. Советский Союз начал выстраивать систему, позволяющую использовать международные культурные связи для создания определенного внешнего имиджа и решения политических и дипломатических вопросов. Поэтому данная проблематика на протяжении XX и, особенно, в XXI веке является актуальной и притягивает внимание все большего количества исследователей.

Институциональная структура советской культурной дипломатии межвоенного периода была представлена такими организациями и учреждениями как Особый комитет по организации заграничных артистических турне и художественных выставок и Объединенное бюро информации при Комиссии заграничной помощи (КЗП) при Президиуме ЦИК СССР, Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС), ВАО «Интурист» и другие, а также рядом государственных (Народный комиссариат иностранных дел, Народный комиссариат Просвещения, Главное управление по делам литературы и издательств (ГЛАВЛИТ), Наркомата просвещения РСФСР и другие) и партийных (ЦК ВКП (б), Организационное бюро ВКП (б) и др.) органов, работавших в сфере международных культурных связей СССР.

Документальные источники, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), содержит достаточно обширный материал, характеризующий деятельность указанных органов и организаций[1]. Это в первую очередь фонды: Р-2306 (Министерство Просвещения РСФСР), Р-7816 (Комитет по делам кинематографии при СНК СССР), Р-9425 (Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР)[2], Р-3383 (Комиссия зарубежной помощи при ЦИК СССР опись 2), Р-5283 Всесоюзное общество культурной связи с заграницей, Р-9612 (Учреждения по руководству иностранным туризмом).

Весь массив указанного архивного материала можно условно разделить на несколько основных групп: это 1) распорядительные документы; 2) уставные документы, положения об отдельных структурных подразделениях организаций; 3) протоколы и стенограммы заседаний различных государственных и партийных органов, общественных организаций и их структурных подразделений, на которых рассматривались вопросы культурного сотрудничества; 4) отчетные материалы, докладные и объяснительные записки, планы работ, дневники (например, референтов Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС) и др.); 5) переписка различного уровня по рассматриваемым вопросам; 6) финансовые и иные документы.

Распорядительные документы были выявлены практически во всех фондах рассматриваемых органов и организаций. Они позволяют более четко воссоздать политику, проводимую в отношении культурного и научного сотрудничества СССР. Так, в фонде Р-9425 хранятся приказы, циркуляры и циркулярные указания Уполномоченного СНК по охране военных тайн в печати и начальника Главлита, которые позволяют осуществить анализ политики советского руководства в сфере цензуры, (особенно, это касается литературы и других информационных материалов, попадающих в СССР из-за границы). В фонде Р-5283 (ВОКС) хранятся циркуляры Главлита о соблюдении правил цензуры и печати, а также инструкции Главлита по хранению и использованию периодической и непериодической литературы на иностранных языках. Например, единица хранения Оп. 1а № 96 содержит подобную инструкцию от 10 января 1927 г.

В отношении Всесоюзного общества культурной связи с заграницей, можно отметить, что опись 1 фонда ВОКС содержит приказы ВОКС по отдельным годам, распоряжения по аппарату ВОКС и др.

Значительным информационным потенциалом обладают уставные документы и положения об отдельных структурных подразделениях организаций. В ГАРФ выявлены такие уставные документы как Устав Всесоюзного общества культурной связи с заграницей [1], Положение об аппарате ВОКС [2], Положение о референтуре ВОКС [3], а также положения об структурных подразделениях

---

[1] Исключением в данном случае являются документы ВКП (б), которые хранятся в Российском государственном архиве социально-политической истории, и Народного комиссариата иностранных дел – хранятся в Архиве внешней политики Российской Федерации. Однако, достаточно большое количество единиц хранения ГАРФ содержит переписку отдельных организаций с ВКП (б) и НКИД по вопросам установления и развития культурных связей СССР с зарубежными странами, которая, в свою очередь, характеризует позицию указанных органов по тем или иным вопросам, содержит их директивные указания и др.

[2] Фонд Р-9425 содержит материалы начиная только с 1938 г.

и отделениях ВОКС: Положение о бюро международного книгообмена [4], Положение об отделе по приему иностранцев [5], Положение о Северо-Кавказской краевом отделении [6] и др. ; уставные документы зарубежных обществ культурного сближения с СССР, например, Устав Общества культурных отношений между народами Британского Содружества и СССР [7]. Кроме того, фонд Р-9612 содержит Устав ВАО «Интурист» [8].

Данные документы позволяют осуществить анализ институциональной структуры международного культурного сотрудничества СССР, выявить цели, задачи, целевые аудитории этих организаций. Сформировать представления об основных векторах внешней культурной политики СССР.

Достаточно информативными являются протоколы и стенограммы различного рода заседаний как государственных органов, так и общественных объединений, и их структурных подразделений, а также стенограммы протоколов заседаний ряда зарубежных обществ культурного сближения с СССР. Среди них – протоколы заседаний СНК СССР (Ф. Р-5446), ЦИК СССР (решения в отношении Комиссии заграничной помощи при президиуме ЦИК СССР – Ф. Р-3385) и др.

Важнейшими источниками являются протоколы заседаний и совещаний Правления отдельных организаций, занимающихся культурным обменом, и их структурных подразделений. Так, например, фонд Р-5283 (ВОКС) опись 1 содержит довольно большое количество протоколов и стенограмм заседаний Правления ВОКС (ед. хр. 5, 76, 193, 204, 210 и др.), Секретариата ВОКС (ед. хр. 62), межведомственных совещаний по вопросам культурного сотрудничества с зарубежными странами (ед. хр. 8, 110, 111 и др.), отделов и бюро ВОКС (ед. хр. 73, 113, 123 и др.). Кроме того, описи 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11 и 12 содержат протоколы заседаний соответствующих секций и отделов ВОКС.

Довольно много подобных источников содержит и фонд Р-9612, отражающий деятельность ВАО «Интурист». Важно отметить, что протоколы, хранящиеся в описи 2 являются более информативными, т. к. здесь представлены протоколы в полном объеме, а не отдельные выписки, как в единицах хранения описи 1.

В целом данные источники позволяют выявить цели, задачи, наиболее острые проблемы, существующие в конкретный период, варианты их решений, видение этими организациями процесса дальнейшего развития международного сотрудничества, а также позволяют проследить процесс выработки технологии организации сотрудничества с иностранными государствами.

Наибольший информационный потенциал имеют отчетные документы. Они содержат большой фактический материал, оценки эффективности проводимых мероприятий, командировок и прочее, предложения по повышению эффективности данной работы. В фонде Всесоюзного общества культурной связи с заграницей хранится большое количество отчетов отдельных структурных подразделений организации начиная с 1928 г. Так, наиболее информативны полугодовые и месячные отчеты территориальных отделов ВОКС, которые содержат информацию о проводимых за рубежом культурных мероприятиях, посвященных СССР, с их оценкой. Отчетные материалы функциональных секций дают достаточно много статистики по различным направлениям культурного и научного сотрудничества, например, по книгообмену, выставочной деятельности за рубежом и др. Причем статистика функциональных секций более точная, в то время как в отчетах территориальных отделов достаточно много ошибок и повторений. Этот материал требует дополнительной проверки.

Кроме конкретных мероприятий и статистики, отчеты отделов ВОКС содержат довольно много текстового материала, описывающего зарубежную референтуру общества, а также проблемы, возникающие в ходе работы, подкрепляя их изложением конкретных ситуаций.

Важной группой документов являются отдельные отчеты о вечерах и приемах ВОКС, содержащие описание того, как проходил прием, кто присутствовал и о чем беседовали. Большое значение в ВОКС придавалась отчетам, которые составлялись гидами-переводчиками, а также лицами, сопровождавшими иностранных гостей. Они составлялись в течение суток и хранились в ВОКС под грифом «секретно». Среди материалов фонда Р-5283 данные отчеты встречаются часто: как в описи 8 (Отдел по приему иностранцев), так и в описях, хранящих документы территориальных отделов. Они достаточно информативны. Здесь в краткой форме излагается материал о том, что посещал иностранец, что говорил об увиденном, о чем говорил с сопровождающими и с теми, с кем встречался.

Довольно много отчетных и статистических материалов по въездному и выездному туризму содержит фонд Р-9612 (Учреждения по руководству иностранным туризмом в СССР). Данные документы представлены годовыми отчетами по основной деятельности ГАО (ВАО) «Интурист», отчетами его отделений, а также отчетами о работе его представительств за рубежом. При этом большая часть таких отчетов сопровождается объяснительными записками (особенно ценными являются подобные записки, содержащиеся в описи 2).

Хранящиеся в ГАРФ докладные записки позволяют более детально разобраться в процессах организации культурного сотрудничества СССР с зарубежными странами, так как они чаще всего прилагались к отчетам, более детально раскрывая их содержание, устанавливая причинно-

следственные связи. Многие выявленные докладные записки являются более информативными источниками, чем сами отчеты.

Дневники выявлены в ГАРФ фонде Р-5283 (ВОКС). Это, в первую очередь, дневники референтов по зарубежным странам, а также дневники по приему иностранцев. Они содержат большое количество фактического материала, выстроенного в хронологическом порядке. Позволяют осуществить дополнительную проверку отчетов, и если в отчетах чаще всего содержится статистическая информация, то здесь – фактологическая.

Так, например, информацию по приездам иностранных гостей в СССР и программы их обслуживания содержат дневники отдела по приему иностранцев (ОПИ) и территориальных отделов ВОКС. Здесь в хронологическом порядке излагается программа работы с иностранным гостем, причем без какой-либо аналитики [9]. К дневникам примыкают и материалы со статистическими данными по приездам по странам (Оп. 8., ед. хр. 278, 329 и др.). Следует отметить, что нередко статистические данные территориальных отделов не совпадают с таковыми по отделу приема иностранцев.

В отношении формирования программы пребывания иностранного гостя большое значение имел отбор объектов показа. В этом отношении достаточно много материала содержится в делах описи 8 (ОПИ). Здесь имеются не только сами списки объектов, но и сведения об обследовании отдельных учреждений и предприятий, для внесения их в данный список, а также анкеты объектов показа по СССР (Оп. 8, ед. хр. 83, 106, 115, 118, 258, 307 и др.). Это позволяет выделить основные критерии, по которым тот или иной объект мог быть отнесен к объектам показа иностранцам.

Обширный материал содержится в переписке различного уровня. Это переписка государственных, партийных органов, общественных организаций и отдельных юридических и физических лиц (представителей научной и культурной интеллигенции как в СССР, так и в зарубежных странах).

Такие документы можно разделить на несколько групп:

1. Переписка отдельных государственных органов и организаций с ВКП (б) и государственными органами. В частности, ряд аспектов выработки политики по ограничению проникновения в СССР информации из-за рубежа отражены в переписка Главлита с ЦК ВКП (б) по вопросам цензуры (Ф. Р-5283, Оп. 1, ед. хр. 6, 7, 12, 18; Оп. 2, ед. хр. 19, 20, 26).

2. Переписка организаций, осуществляющих международную культурную деятельность с партийными и государственными органами.

Данная группа документов часто содержит директивные указания, пояснения, инструкции, решения и т. д. и позволяет судить о партийной и государственной политике в данной сфере. Это особенно актуально для периода 20-х – начала 30-х гг., когда, например, в отношении ВОКС большинство указаний содержалось не в официальных распорядительных документах, а в соответствующей переписке. Более того, данная переписка содержит довольно много информации о деятельности данных организаций, так как в ней встречается много отчетных материалов с пояснениями. Например, Ф. Р-9612, Оп. 1, Д. 19, 24 содержат письма в Президиум ЦИК о деятельности ВАО «Интурист».

3. Переписка с отдельными структурными подразделениями внутри организаций. Так, в фонде Р-5283 (ВОКС) хранится достаточно объемная переписка, которую, в свою очередь, можно разделить на несколько групп:

• переписка с уполномоченными ВОКС за рубежом. Она содержит достаточно подробные сообщения о положении дел в соответствующей стране, о деятельности там общества культурного сближения с СССР, описываются проводимые культурные мероприятия, пересылаются отзывы о них, (нередко к письмам прилагаются вырезки из печатных СМИ). Ряд посланий уполномоченных, как например, письмо Уполномоченного ВОКС в Великобритании содержит извлечения из годового отчета работы Английского общества культурной связи с заграницей за 1931–1932 гг. [10].

• переписка с отдельными лицами как в СССР, так и за рубежом по всему спектру вопросов, связанных с культурным сотрудничеством. Данные источники позволяют восстановить технологии организации культурного сотрудничества СССР, выявить сложности данного процесса.

Документы данной группы содержат достаточно обширный материал как фактологического, так оценочного и распорядительного характера.

Особо следует остановиться на документах фондов Р-9499 (Всемирная выставка в Париже 1937 г.) и Р-5673 (Всемирная выставка в Нью-Йорке в 1939–1940 гг.). Данные выставки являлись крупнейшими в межвоенный период, в которых СССР принимал самое активное участие. Названные фонды содержат документы, отражающие процесс подготовки и участия СССР во Всемирных выставках, отражают позицию советского руководства в отношении целей, задач, методов пропаганды советских достижений средствами культуры.

Таким образом, в Государственном архиве Российской Федерации хранится достаточно обширная коллекция документальных источников, отражающих международные культурные связи

СССР, его внешнюю культурную политику в 1920–1930-е гг. Почти все документы сосредоточены в нескольких фондах, достаточно хорошо систематизированы, что облегчает работу с ними.

Информация, содержащаяся в данных источниках, позволяет характеризовать внешнюю культурную и информационную политику СССР и ее реализацию рядом советских организаций. Вместе с тем, культурные контакты на уровне творческих союзов, гастрольная деятельность, контакты в области музыкального искусства, а также связи в сфере «революционного искусства» представлены в данных документах гораздо скромнее.

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. Р-5283. Оп. 1. Д. 1, 148.
2. ГАРФ. – Ф. Р-5283. Оп. 1. Д. 2.
3. ГАРФ. – Ф. Р-5283. Оп. 1. Д. 123.
4. ГАРФ. – Ф. Р-5283. Оп. 1. Д. 19.
5. ГАРФ. – Ф. Р-5283. Оп. 1. Д 109.
6. ГАРФ. – Ф. Р-5283. Оп. 1. Д. 241.
7. ГАРФ. – Ф. Р-5283. Оп. 3. Д. 16. Л. 63–67.
8. ГАРФ. – Ф. Р-9612. Оп. 1. Д. 2.
9. ГАРФ. – Ф. Р-5283. Оп. 8. Д. 174.
10. ГАРФ. – Ф. Р-5283. Оп. 3. Д. 577. Л. 9–16.

Илизаров Б. С.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ (НА ПРИМЕРЕ АВТОБИОГРАФИИ СТАЛИНА)

Портрет есть изображение того
в человеке, что не имеет образа.
Б. П. Вышеславцев

Может ли быть у человека биография, а личности нет? Странный вопрос, но художественная литература полна примерами биографий, при отсутствии реального предмета описания. Например: у «Тени» Амадея Гофмана история есть, а предмет отсутствует, у «Носа» Николая Гоголя нет и намека на личность и, у «подпоручика Киже», которого из случайного эхо сотворил Юрий Тынянов есть только имя, да и то беспредметное. Казалось бы, это все литература и художественные фантазии, а историк не смеет описывать то, чего не было в действительности, да еще апеллируя к источникам и фактам. Речь не идет о злонамеренной фальсификации или о подтасовке фактов биографии личности, которой историк восхищается или терпеть не может. Историк обычный человек, который бывает в меру глупым, бесталанным или безмерно продажным и восторженным. Нет, речь идет об ином: работаешь, работаешь, собираешь материал, раскрываешь потайные шкафчики и чуланы чужой души, пишешь книгу за книгой, читаешь биографии, панегирики и агиографии, а личности нет, как нет. Больше двадцати лет имея дело с архивом И. В. Сталина, написав о нем монографии и уйму другого, а теперь взявшись за его биографию, как итоговую работу, понял, что не вижу личности в том, кто знаменит на весь мир, кто правил железной рукой огромной страной [1]. Он тридцать лет возглавлял СССР, выиграл тяжелейшую войну, уничтожил миллионы своих людей в мирное время и в многочисленных войнах, провел радикальнейшие преобразования, которые, как их не оценивай, полностью изменили облик страны и окружающего ее мира. Кто все это сделал? Сталин? Джугашвили?

Уже с имени начинается расщепление. Дело, конечно, не в псевдониме. Псевдонимы были у Ленина, Троцкого, Каменева и у многих других. Но утверждать, что у Ленина или Троцкого не было ничего личностного, особенного, чего-то эдакого, сердцевидного, кроме фамилии, псевдонима и хроники жизни невозможно. Они были и добрыми и злыми, и вздорными, и глупыми, и прозорливцами и близорукими; в них было все как у большинства людей, будь то всемирно исторического или местечкового масштаба.

Джугашвили-Сталин: рожден в предпоследнее десятилетие Х1Х века, дважды женат, трое детей, годы нелегальной деятельности, ссылки, революция 1917 г., глава советского государства с 1923 г. и величайшей империи... Умер в марте 1953 г. Все это хорошо известно, обставлено множеством деталей, которых с годами становится все больше и больше, множа «штрихи к портрету». И я писал статьи с такими подзаголовками, пытаясь воссоздать интеллектуальный и душевный облик героя. Обычно историческая биография государственного деятеля сводится к описанию его жизненного пути, оценкам его дел, поступков, взаимодействия с другими людьми. Но редко в исторической литературе можно встретить работу, вскрывающую интеллектуальную и творческую мощь или, тем более, ничтожность «героя». И почти никогда не открывается душевный, и еще более

важный духовный ландшафт, конечно, если они есть в наличии. Наверное, не надо объяснять специалистам, что людьми во все эпохи и времена управляли такие же люди очень разнообразных достоинств: были гении, но были и гении злодейства, были терпимые, коварные и просто дураки или душевнобольные правители. Умники нередко быстро теряли власть и жизнь, а мало таланные или душевнобольные императоры, короли, халифы чаще умирали в своих постелях. Так в зависимости от индивидуальных качеств и в столкновении с действительностью у всех людей вырабатывается индивидуальный стиль жизни. Жизненный стиль любого человека не повторим, как отпечаток пальца или радужной оболочке глаза. Задача научной биографии заключена в том, чтобы за мешаниной фактов выявить индивидуальный жизненный стиль своего героя; то главное, что отличает его жизнь от других.

Известный советский филолог Г. Винокур, еще в двадцатых годах прошлого века рассуждая о сути исторической биографии, писал: «Стилизирующий свое поведение персонаж так сливается с тем образом и идеалом, который постоянно находится перед его внутренним взором, что перестает сознавать границы действительного и идеального, подлинного и фиктивного…. Так возникают фиктивные биографии, в создании которых главная доля участия принадлежит непременно самому герою» [2. с. 57–58]. Надо уточнить: так создается фиктивная **автобиография**, которая может стать, а может, и нет, основой такой же фиктивной **биографии**. Как это ни удивительно, но у Сталина при жизни не было ни автобиографий, ни биографий. А были многочисленные прижизненные жизнеописания, которые он почти всегда сам инспирировал, принимал участие в их составлении и редактировании. Все биографии были одновременно и автобиографиями, поскольку писались и издавались в СССР под его пристальным присмотром и должны были получить его личное одобрение. По моим наблюдениям, эта характеристика полностью относится ко всем автобиографиям и прижизненным биографиям Сталина, который, как инфантильный юноша выстраивал свою жизнь, ориентируясь на исторические и художественные образцы. Обычно, человек сложившийся в личность строит жизнь (биографию, судьбу), как хороший, плохой ли, но архитектор самого себя. Александр Македонский никогда не ориентировался ни на один исторический образец эллинистического или варварского мира, Цезарь и Наполеон лепили свою судьбу, не подражая и не оглядываясь на своих и чужих завоевателей или государственных деятелей. В крайнем случае, они украшались идеологическими декорациями: один – фасциями республиканского Рима, другой – мантией императора Карла Великого, объединителя Европы.

Тот стиль жизни, о котором говорил Винокур, характерен для краткого периода подросткового возраста или для взрослого человека по каким-то причинам до конца дней не сумевшего оформиться в подлинную, зрелую личность. Работая над раскрытием отдельных черт интеллектуального и духовного развития Сталина, довольно быстро обнаружил, что он постоянно апеллировал к многочисленным образам людей и героев и манипулировал ими, не только для того, чтобы обрести в них внутреннюю опору и оправдание для своих, часто очень неординарных и преступных решений. Не менее важно, что он жил этими образами, но не как актер, отыгравший роль и сразу вернувшийся к себе, а как человек одержимый наваждениями. Даже беспримерная жестокость, даже свойственная ему игровая манера поведения, говорят о не зрелости его души, о пустоте, которую всю жизнь ему надо было чем-то наполнять. Подчеркну, сталинские образы это не факты его биографии, а факты его переживаний, которые гораздо глубже объясняют его натуру, чем десятки биографических трудов. Вот малый перечень тех образов, которые инициировал и примерял на себя «великий вождь и учитель народов». Последняя часть фразы не слоган и не метафора, а одна из многочисленных личин, которые наряду с образами оформляли внешний каркас его биографии.

В промежутке между концом 20-х и концом 30-х гг., т. е. в период борьбы с оппозицией и волнами Большого террора, Сталин чувствовал себя особенно неуверенно, что вынудило его наполнять себя и окружающий мир (СССР) гротескными образами, как реальных людей, так и вымышленных. В их пестроте и несоразмерностях, трудно сразу заметить логику, хотя их направленность легко прочитывается. Сталин одновременно выстраивал свои дореволюционные и постреволюционные авто-биографии, которые были строго выверены хронологически и сфальсифицированы фактически. В создании образов: ведущего революционера Кавказа, первого, но рядом с Лениным руководителя партии, организатора революции 1917 г. и победы в гражданской войне, инициатора и организатора индустриализации, коллективизации и культурной революции в СССР, принимала масса людей, и использовались все средства государственной пропаганды. Для литературного оформления партийных автобиографий вождя было привлечено несколько десятков ближайших партийных и государственных деятелей, от И. Товстухи и Л. Берия и до К. Ворошилова и К. Радека. К началу 30-х гг. Сталин считал себя избранником судьбы, а может быть назначенцем самого Бога.

Для внушения этой мысли разно племенному населению выбрал несколько выдающихся литераторов с мировым именем и кого элементарным подкупом, кого личным обаянием, а кого и запугав, домогался книг о себе. И началось. Их писали и в стиле строгой, якобы документированной биографии, или в стиле воспоминаний партийных и боевых соратников, а были и такие, которые писали их на манер агиографии. Это еще одна разновидность его жизнеописания, составленная в духе Евангелия, где партийного вождя во френче мышиного цвета величали «Спасителем!». Здесь особенно отличился А. Барбюс, автор книг о первой мировой войне и светской биографии Иисуса Христа. Каждый выбор автора, конечно, был не случаен. Из знаменитостей надо назвать Л. Фейхтвангера, Ж-Р. Блока и др.

Наиболее важным было обращение к идейному и литературному наследию В. Ленина, Л. Троцкого, А. Гитлера, на кого он в разные годы равнялся, на кого открыто или скрыто ссылался, с кем боролся и с кем находился в напряженном внутреннем диалоге. Он был причастен к смерти каждого из них, и они после смерти были с ним дольше всех. Если первых двух Сталин знал лично и поэтому мог выстраивать их образы и внутренние диалоги самостоятельно, то последним он интересовался накануне войны, во время войны и, особенно, после неё. Это те исторические фигуры, которые тенями влачились за ним до самой смерти. По краям этого совместимого только в его душе круга современников, находились исторические герои древности: Петр 1, Александр Невский, Кромвель, Чингисхан, Батый, Тамерлан, Цезарь и, конечно же, Иван Грозный. В свой стан он призывал их по мере пропагандистской необходимости или для своей внутренней устойчивости. Над этой группой образов трудились наряду с писателями, кинодеятелями, драматургами, крупные историки: Р. Виппер, Е. Тарле, И. Смирнов и др. А еще он периодически представлял себя великим ученым всех наук (присвоили звание почетного академика, человеку не окончившему школу!), но особенно считал себя сведущим в области истории, марксистской философии, языкознания, политэкономии, в биологии, генетике, агрономии, в военной стратегии и боевой тактике… Завершил войну в мундире «Генералиссимуса», хотя был только политическим руководителем, чуть не поставившим страну на колени. До конца дней он дополнял свою биографию эпохальными достижениями, но после войны равных себе в истории уже не находил. Умер, конечно, не Джугашвили, но и не Сталин. С его смертью враз окостенела вся груда собранных им образов. Когда мы ее, наконец, разберем, то неизвестно что увидим, да и увидим ли что?

Его научная биография, укладывается в краткую справку-объективку: родился, пять раз был в ссылках, проспал Октябрьский переворот на квартире Аллилуевых, как будто случайно и без больших усилий получил неограниченную власть над многомиллионными народными массами, уничтожил всех своих соперников, бывших друзей, соратников, почти всех родственников. Переселял людей целыми народами. Уничтожил трудовое крестьянство, добил боевое казачество, старую и постреволюционную интеллигенцию, уничтожил кадровый состав дореволюционной и революционной армии, уничтожил, уничтожил…. Да, кто он? Ответ в новой книге.

1. Илизаров, Б. Тайная жизнь И. В. Сталина. По материалам его библиотеки и архива / Б. Илизаров. – 7-е. изд. – М. : Вече, 2019 ; Илизаров, Б. Почетный академик И. В. Сталин и академик Н. Я. Марр. О языковедческой дискуссии 1953 г. и проблемах с нею связанных / Б. Илизаров. – М. : Вече, 2016; Илизаров, Б. Сталин, Иван Грозный и другие / Б. Илизаров. – М. : Вече, 2019.
2. Винокур, Г. Биография и культура. Русское сценическое произношение / Г. Винокур. – М. : Русские словари, 1997.

Бараненко В. В.

АГЕНТУРНЫЕ ДОНЕСЕНИЯ ОСВЕДОМИТЕЛЕЙ НКВД КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ 1930-Х ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ ЗОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА В Г. ПОЛОЦКЕ)

Одной из наиболее важных групп документальных источников органов государственной безопасности, имеющих определенную специфику, для исследователя религии являются оперативные материалы. Органы ВЧК – ГПУ – НКВД БССР имели право собирать информацию с помощью «оперативных возможностей». Под этим термином понимались сведения, получаемые от осведомителей, агентов, секретных сотрудников, путем негласного наблюдения за людьми и выявления интересующих органы данных.

Органы государственной безопасности сочетали информационно-аналитическое обслуживание партийного руководства страны с выполнением карательных функций. Понятие «безопасность

государства» отождествлялось с безопасностью режима правящей партии. Поэтому главные усилия органов государственной безопасности направлялись против политических противников, в том числе и духовенства различных конфессий.

Агентурные донесения, как отдельная группа источников имеет свою специфику. Степень достоверности сведений, содержащихся в них, установить довольно сложно. Информация, представленная в агентурных донесениях, во многом зависела от субъективного восприятия окружающей действительности информатором.

Оценивая объективность отражения действительности в источниках, необходимо учитывать тот факт, что перед органами безопасности стояли задачи сбора сведений о негативных проявлениях, преступных и антисоветских настроениях граждан. Вместе с тем, информация, приобретенная специфическими методами, дает возможность исследователю узнать о скрытых поступках, намерениях людей. Стремление сотрудников органов безопасности зафиксировать все факты проявления недовольства существующим строем позволяет выяснить масштабы и формы протеста со стороны разных слоев советского общества, в том числе и в религиозной сфере.

Рассмотрение агентурных донесений осведомителей НКВД, как отдельного комплекса исторических источников не получило широкого освещения на страницах научных изданий и носит обобщающий характер. Среди изданий, посвящённых изучению документации органов государственной безопасности советского периода, следует отметить совместный труд украинских исследователей Р. Ю. Подкура и В. В. Ченцова [14]. В книге проводится источниковедческий анализ документов органов государственной безопасности Украины 1920–1930-х годов. Особое внимание уделяется изучению организационно-распорядительных документов и архивно-следственных дел в том числе и оперативным материалам.

Анализу документов органов государственной безопасности, содержащих информацию о церковно-религиозной жизни в первые десятилетии советской власти посвящены статьи Л. Л. Бабенко [1] и Д. В. Веденеева [2]. Механизм агентурно-оперативной деятельности органов безопасности рассматривается в монографии А. Г. Теплякова [15].

Преобладание украинских исследователей в области исследования документации органов государственной безопасности советского периода обусловлено принятием в 2015 году парламентом Украины закона, который предусматривает открытие архивов репрессивных органов коммунистического режима.

В Беларуси, в большинстве своем, документы следственно-оперативной деятельности органов государственной безопасности находятся на хранении в ведомственных архивах КГБ и на данный момент не переданы в государственные архивы. В связи с этим доступ исследователей к ним затруднён.

Предметом данной статьи послужили агентурные донесения осведомителей НКВД, выявленные в Зональном государственном архиве г. Полоцка в фондах № 25 «Ветринское районное отделение Народного Комиссариата Внутренних дел БССР» и № 28 «Освейское районное отделение Управления Народного Комиссариата внутренних дел БССР по Витебской области». Хронологические рамки указанных документов – 1933–1940 гг. Следует отметить, что указанный период характеризуется плохой сохранностью документов церковного делопроизводства, а также фрагментальностью сведений в документах светского характера, в связи с чем агентурные донесения являются важным источником информации по религиозной жизни передвоенного периода.

Отложившийся комплекс агентурных донесений, по содержащейся в них информации можно условно разделить на следующие группы:

- о деятельности духовенства;

- о проявлениях религиозной жизни верующего населения.

Деятельность духовенства в агентурных донесения представлена в виде сведений о принадлежности к духовному сословию, о местах жительства, работы наблюдаемого, его образе жизни, имущественном положении, возрасте, составе семьи [7, л. 9, 14].

Определенное количество сведений в агентурных донесения, касающиеся религиозной жизни, относятся к указанию принадлежности указанных лиц к церковной службе, которые имеют отрывистый характер и, зачастую, ограничиваются указанием принадлежности человека к служителю религиозного культа, как правило, без указания конфессиональной принадлежности: *«священником в Сибири»* [7, л. 9], *«поп»* [9, л. 68], *«ксендз»* [13, л. 167], *«бывший дъяк»* [7, л. 92], *«баптистский пресвитер»* [8, л. 211] и пр.

Вторая группа сведений представлена ***информацией о различных проявлениях религиозности среди местного населения***. В указанной группе агентурных донесений также имеются указания о принадлежности человека к тому либо другому религиозному культу: «*костельница»* [13, л. 243], *«баптист»* [6, л. 2], *«белорус-католик»* [11, л. 113], *«евангелист»* [9, л. 45] либо

к непосредственному отношению к религиозной организации: *«церковный староста»* [4, л. 7], *«псаломщик»* [12, л. 24], *«член церковного совета»* [5, л. 2], *«певчая»* [9, л. 184] и пр. При этом основанием для составления агентурного донесения было достаточно только указания принадлежности человека к той либо иной конфессии [6, л. 54].

Особое внимание в агентурных донесениях уделялось нетрадиционным религиозным верованиям, которые начали активно распространяться в среде местного населения в 1930-е гг., что было связано с государственной политикой по ослаблению и децентрализации традиционных религиозных организаций: православной и католической церквей. Наибольшая информация в отношении нетрадиционных религиозных культов в агентурных донесениях отложилась по отношению к баптизму [9, л. 67, 73; 11, л. 32, 131]. Имеются сведения и о наличии общин евангелистов [11, л. 61, 111]. При этом осведомители не всегда могли точно отнести человека к тому или иному культу, в связи с чем указывалось общее (церковник, сектант, религиозный) [9, л. 63, 74; 10, л. 229] либо двойное название (евангелистка-баптистка) [11, л. 100].

Нехватка официальной информации о происходившем нередко способствовала активизации слухов среди населения, в том числе и религиозной направленности. Указанные в агентурных донесениях слухи, как правило, были обусловлены политическими, экономическими и социальными преобразованиями, происходившими в советском обществе: коллективизация [12, л. 198, 203], Всесоюзная перепись населения 1937 г. [12, л. 240; 13, л. 171], Выборы в Верховный Совет СССР [12, л. 28] и др.

В некоторых случаях верующие подкрепляли свои высказывания ссылкой на авторитет Библии: *«эта власть временная, должна быть перемена, как сказано в священных книгах, что должно быть такое время, где мы должны потерпеть»* [13, л. 62], *«перемена будет, но не всем, так как написано в евангелии, а именно придет христос на землю снова и разделит людей на 2 части правильных, т. е. колхозников поставить в одну сторону, а неверных колхозников в другую и неверные останутся проклятыми и пойдут на муку»* [11, л. 130].

В агентурных донесениях находит место информация о воспроизведение среди местного населения основных мотивов библейской апокалиптики, при объяснении происходящих в стране событий: *«коммунизма не будет, а будут попы, ксендзы, как было и раньше. Соввласть долго существовать не будет, ибо в библии сказано, что Соввласть просуществует только 42 м-ца*[1]*, а после чего жить будут по новому»* [3, л. 2], *«по библии выходит цвести второй цвет, тогда и будет перемена власти»* [12, л. 30].

Наиболее широко в донесениях представлены слухи о проведении коллективизации, выступавшие одним из проявлений реакции населения Советского государства на широкую организацию колхозов. При этом, согласно агентурным донесениям, среди местного населения имело место соотношения текущих явлений либо событий с религиозными представлениями. По такому принципу член колхоза сопоставлялся с *«дьяволом»* [11, л. 173] либо *«антихристом»* [10, л. 137], а колхозы с *«нечистым духом»* [11, л. 113], *«чертом»* [12, л. 240] и др.

Согласно имеющимся сообщениям, можно судить о том, что среди верующего населения острым вопросом являлось наличие функционирующих храмов [7, л. 14; 9, л. 184]. В агентурных донесениях зафиксирована информация о праздновании религиозных праздников [3, л. 45; 12, л. 3], коллективном исполнении религиозных обрядов [11, л. 62, 63, 114, 128, 131, 141, 173; 13, л. 243], сборе денежных средств на содержание храмов [12, л. 198], оказании помощи в церковном обиходе [12, л. 22; 13, л. 222].

Анализируя агентурные материалы, можно проследить отношение верующей части населения к тем членам общества, которые, под воздействием антирелигиозной политики, не выполняли традиционные религиозные обряды [12, л. 29, 256].

Таким образом, в результате отсутствия сохранности широкого комплекса документов религиозных организаций периода Большого террора, агентурные донесения «регионального» происхождения являются ценными источниками и могут составить базу для изучения, по крайней мере, двух фундаментальных проблем: во-первых, сведений о принадлежности к духовному сословию, и, во-вторых, динамики изменения религиозного сознания верующих в первые десятилетия советской власти.

Несмотря на ограниченность представленной информации в отношении священно- и церковнослужителей в агентурных материалах, имеющиеся немногочисленные сведения могут быть использованы при написании просопографических исследований и составлении библиографических справочников и баз данных.

В агентурных донесения зафиксированы представления о трансформации религиозной действительности, которые формировались в результате антирелигиозной политики советского

[1] Указанный срок является отсылкой к «Откровению Иоанна Богослова» главе 13, согласно которой сорок два месяца будет длиться царство антихриста на Земле.

государства. При этом официальная власть посредством агентурных донесений сама фиксировала те смыслы и значения, которыми верующие наделяли современные события, которые оказывались недоступными непредвзятому научному анализу.

Несмотря на наличие уникальной информации, материалы агентурных донесений требует особо тщательного критического подхода и обязательного сравнение с другими историческими источниками, поскольку мотивы деятельности агентов, уровень их осведомленности, интеллектуальный и моральный уровень накладывают отпечаток на достоверность материала.

1. Бабенко, Л. Документи органів державної безпеки УСРР–УРСР про діяльність релігійних конфесій у 1920–1950-х рр. / Л. Бабенко // Історія України: маловідомі імена, події, факти : зб. ст. / Нац. акад. наук України, Ін-т історії України. – Київ, 2008. – Вип. 35. – С. 298–310.
2. Вєдєнєєв, Д. В. Документи органів державної безпеки як джерело дослідження соціокультурних особливостей «катакомбної» течії в Православ'ї в Українській РСР у 1920-ті – 1950-ті рр. / Д. В. Вєдєнєєв // Бібліотекознавство. Документознавство. Інформологія. – 2017. – № 1. – С. 26–36.
3. Зональный государственный архив в г. Полоцке (ЗГАПол). – Ф. 25. Оп. 1. Д. 9.
4. ЗГАПол. – Ф. 28. Оп. 1. Д. 20.
5. ЗГАПол. – Ф. 28. Оп. 1. Д. 36.
6. ЗГАПол. – Ф. 28. Оп. 1. Д. 159.
7. ЗГАПол. – Ф. 28. Оп. 1. Д. 163.
8. ЗГАПол. – Ф. 28. Оп. 1. Д. 166.
9. ЗГАПол. – Ф. 28. Оп. 1. Д. 171.
10. ЗГАПол. – Ф. 28. Оп. 1. Д. 172.
11. ЗГАПол. – Ф. 28. Оп. 1. Д. 173.
12. ЗГАПол. – Ф. 28. Оп. 1. Д. 174.
13. ЗГАПол. – Ф. 28. Оп. 1. Д. 194.
14. Подкур, Р. Документы органов государственно безопасности УССР 1920–1930-х годов: источниковедческий анализ / Р. Подкур, В. Ченцов. – Тернополь : Збруч, 2010. – 372 с.
15. Тепляков, А. Г. Деятельность органов ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД (1917–1941 гг.): историографические и источниковедческие аспекты : монография / А. Г. Тепляков. – Новосибирск : НГУЭУ, 2018. – 434 с.

Булатая В. Ю.

ПРАБЛЕМА ТЫПАЛАГІЗАЦЫІ ЗАХОДНЕБЕЛАРУСКАЙ ПРЭСЫ МІЖВАЕННАГА ЧАСУ (ПРАВАСЛАЎНЫЯ, КАТАЛІЦКІЯ, УНІЯЦКІЯ ВЫДАННІ)

У міжваенны час на тэрыторыі Заходняй Беларусі прадстаўнікі разнастайных палітычных і царкоўных рухаў выдавалі беларускамоўную прэсу, якая адлюстроўвала іх погляды на палітычнае і нацыянальнае жыццё. Актуальнай праблемай крыніцазнаўства з'яўляецца тыпалагізацыя друкаваных выданняў міжваеннага часу. Абумоўлена гэта тым, што тыпалагізацыя дазваляе класіфікаваць міжваенныя друкаваныя выданні, вызначыўшы па пэўных прыкметах іх падабенства і адрозненні [1, с. 7]. Класіфікацыя прэсы, у сваю чаргу, дапамагае пры даследаванні як саміх выданняў, так і тэндэнцый, якія адлюстроўваліся ў матэрыялах. Адзначым, што пад тыпалагізацыяй мы разумеем метад навуковага пазнання, навуковай сістэматызацыі, класіфікацыі беларускамоўных міжваенных газет і часопісаў на аснове агульных для іх прыкмет і ўласцівасцей [10, с. 64].

У айчыннай гістарыяграфіі склалася традыцыя лічыць беларускамоўную прэсу, якую выдавалі праваслаўныя, каталіцкія і грэка-каталіцкія дзеячы, канфесійнай. Дадзены тэзіс быў сфармуляваны даследчыкам С. В. Говіным [3]. Аднак у сваёй працы "Канфесійны друк Беларусі" ён не акрэсліў метадалагічны падыход, паводле якога вызначыў, што дадзеныя выданні міжваеннага з'яўляюцца канфесійнымі па сваім тыпе [3]. На нашу думку, даследчык сыходзіў з таго, што выдаўцы вызначалі сваю прыналежнасць да пэўнай канфесіі і пазіцыянавалі сябе актывістамі царкоўнага і касцельнага руху. Аднак дадзены падыход не з'яўляецца цалкам аб'ектыўным, бо працэс тыпалагізацыі прэсы – досыць шматгранны: існуе шэраг іншых крытэрыяў, па якіх вызначаецца тып перыядычных выданняў.

Даследчык А. Акопаў, які прымяняў тэарэтыка-тыпалагічны метад даследавання прэсы, лічыў найбольш важнымі яго прыкметамі тэматычны кірунак і мэтавае прызначэнне, а ў якасці асноўных тыпафарміравальных фактараў ён вылучыў першасныя (тыпаўтваральныя: выдавецкі орган, унутраная структура, чытацкая аўдыторыя), другасныя (аўтарскі склад, унутраная структура, афармленне, жанры) і фармальныя прыкметы выдання (перыядычнасць, аб'ём, тыраж) [1].

Даследчык прэсы С. Карканосенка прапанаваў наступны тыпалагічны падзел перыёдыкі: па рэгіёне распаўсюджання, заснавальніку, аўдыторнай характарыстыцы, выдавецкіх характарыстыках, легітымнасці, змястоўным напаўненні [6, с. 76–82]. Аднак мы не можам цалкам прымяняць сучасны метадалагічны падыход да вызначэння тыпаў выданняў міжваеннага перыяду, бо рэаліі таго часу не ўваходзяць у сучасныя навукова-тэарэтычныя мадэлі.

Прааналізаваўшы розныя погляды даследчыкаў на праблемы тыпалогіі друкаваных выданняў, мяркуем, што ў якасці асноўных крытэрыяў тыпалагізацыі беларускамоўнай праваслаўнай, каталіцкай і грэка-каталіцкай прэсы міжваеннага перыяду варта лічыць наступныя: выдавецкі орган (выдавец), чытацкая аўдыторыя, мэтавая арыентацыя (праблемна-тэматычная арыентаванасць выдання) [10].

Дзеля вызначэння тыпу міжваенных выданняў разгледзім іх паводле абраных крытэрыяў. Адзначым, што намі разглядаўся беларускамоўны друк, да выдання якога прычыніліся праваслаўныя, каталіцкія і ўніяцкія дзеячы. Прытым выданні-аднадзёнкі намі не разглядаліся, бо яны знаходзяцца па-за межамі перыядычнага друку.

Часопіс "Праваслаўны беларус" (1925).

Выдавецкі орган: Варшаўская мітраполія.

Чытацкая аўдыторыя: праваслаўныя беларусы.

Мэтавая арыентацыя: пазіцыянаваў сябе як царкоўна-грамадскі, навукова-папулярны і літаратурны часопіс [8]. Тэмы артыкулаў – папулярызацыя беларускай мовы сярод вернікаў, адукацыя ў беларускіх школах, навіны з прыходаў і жыцця рэгіёнаў, гісторыя; друкаваліся афіцыйныя пастановы мітраполіі.

Часопіс "Праваслаўная Беларусь" (1927–1928).

Выдавецкі орган: Праваслаўнае Беларускае дэмакратычнае аб'яднанне.

Чытацкая аўдыторыя: праваслаўныя беларусы, "якія не адсталі ад сваёй веры і нацыянальнасці" [7, с. 2].

Мэтавая арыентацыя: пазіцыянаваў сябе грамадска-царкоўным і палітычным двухтыднёвікам. Мэта – асвятленне палітычных, сацыяльных, нацыянальных і культурных пытанняў "з пункту гледжаньня хрысціянска-праваслаўнага" [7]. Значную ўвагу рэдакцыя надавала тэме выбараў у Сойм 1928 г., а таксама беларусізацыі Царквы.

Часопіс "Беларуская зарніца" (1928–1929).

Выдавец: святар А. Коўш.

Чытацкая аўдыторыя: праваслаўныя беларусы.

Мэтавая арыентацыя: пазіцыянаваў сябе як царкоўна-народны двухтыднёвік. Яго пазіцыя: "Гэта ні ад каго незалежны орган, які ўсебакова будзе высьвятляць царкоўнае, нацыянальнае, культурнае, гаспадарчае і палітычнае жыцьцё Беларускага народу з пункту гледжаньня рэлігіі" [2]. У часопісе друкаваліся матэрыялы, прысвечаныя беларусізацыі і саборнасці Царквы, гістарычныя нарысы, казанні і духоўныя развагі.

Часопіс "Голас праваслаўнага беларуса" (1931–1932).

Выдавец: М. Маркевіч.

Чытацкая аўдыторыя: праваслаўныя беларусы.

Мэтавая арыентацыя: пазіцыянавала сябе як орган незалежнай царкоўна-грамадскай думкі і выходзіла ў адказ на крытыку Віленскай кансісторыі ў прэсе з боку ЦБПК і беларускай праваслаўнай моладзі [4]. У першым нумары вызначана мэта – абарона праваслаўя ад ЦБПК і ад некаторых друкаваных выданняў. Сярод тэм – незадаволенасць беларусізацыяй царквы, гісторыя ўніяцтва і разважанні аб адраджэнні ўніі, крытыка некаторых нацыянальных і праваслаўных рухаў, іх дзеячаў.

Часопіс "Сьветач Беларусі" (1930–1933, 1936).

Выдавецкі орган: Цэнтральны беларускі праваслаўны камітэт.

Чытацкая аўдыторыя: праваслаўныя беларусы.

Мэтавая арыентацыя: пазіцыянаваў сябе царкоўна-нацыянальным двухтыднёвікам. Мэта часопіса – абарона Царквы, пашырэнне і паглыбленне праваслаўя праз збліжэнне духавенства з народам. Тэма матэрыялаў – адлюстраванне палітычнага жыцця: публікацыя праграм і справаздач са сходаў ЦБПК, разваг пра стаўленне польскіх улад да Царквы. Сярод іншых тэм – царкоўны сабор, крытыка мітраполіі і Віленскай кансісторыі, навіны цэркваў, нарысы на хрысціянскія тэмы, беларусізацыя Царквы [9].

Часопіс "Царква і народ" (1932–1933).

Выдавец: Я. Красоўскі (БХД).

Чытацкая аўдыторыя: праваслаўныя беларусы.

Мэтавая арыентацыя: пазіцыянаваў сябе як беларускі праваслаўны часопіс, які "выступіў у абарону Праваслаўя" [11]. У ім асвятляліся праблемы ўзаемаадносін Царквы і дзяржавы, беларусізацыі Царквы, друкаваліся навіны з прыходаў і жыцця Віленскай кансісторыі, гістарычныя нарысы, вершы. У некаторых артыкулах аўтары закраналі тэмы пераходаў вернікаў у "сэктанцтва" і звязвалі гэта з забаронай малітваў па-беларуску ў іх Царкве.

Часопіс "Да Злучэньня!" (1932–1937).

Выдавецкі орган: Выдавецтва Таварыства Ісусавага (выдавецтва пры беларускіх айцах-езуітах з Усходняй місіі).

Чытацкая аўдыторыя: вернікі-ўніяты.

Мэтавая арыентацыя: паводле аўтараў, гэта "часопісь рэлігійная і мэтай ёсьць справа рэлігійнага злучэньня Беларускага народу" [5]. Мэту яны рэалізоўвалі з дапамогай тэматычнага напаўнення: друкаваліся дагматычныя, палемічныя і гістарычныя артыкулы, накіраваныя на папулярызацыю царкоўнай ўніі сярод беларусаў.

Газета "Krynica" ("Białoruskaja Krynica"; 1917–1940)

Выдавецкі орган: Беларуская хрысціянская дэмакратыя.

Аўдыторыя: беларусы розных канфесій.

Мэтавая арыентацыя: у 1921 г. газета пазіцыянавала сябе як хрысціянска-дэмакратычная, з 1921 па 1927 гг. – сялянская газета, 1927–1939 гг. – палітычная, грамадская і літаратурная газета. "Krynica" мела выразную грамадска-палітычную скіраванасць. Так, тэматычны спектр матэрыялаў – гэта палітыка, нацыянальнае пытанне, сельская гаспадарка, эканоміка, культуры, кнігавыдавецтва. Сярод іншых тэм – праграмы БХД, гістарычныя нарысы, станаўленне Касцёла і ўніі. Тэма рэлігіі на працягу ўсіх гадоў не з'яўлялася асноўнай тэмай выдання, а фігуравала ў асобных інфармацыйных і аналітычных матэрыялах газеты [12].

Часопіс "Chryscijanskaja dumka" (1928–1939).

Выдавец: А. Станкевіч.

Чытацкая аўдыторыя: каталікі-беларусы [13, с. 1].

Мэтавая арыентацыя: паводле выдання – абуджэнне сярод беларускіх каталіцкіх мас каталіцкай і народнай беларускай свядомасці, стварэнне адпаведнай беларускай культурнай арганізацыі. Тэматычны змест часопіса – артыкулы на дагматычныя тэмы, штодзённасць Каталіцкага Касцёла ў Беларусі; публікацыі казанняў, гістарычных нарысаў, эсэ і вершаў на рэлігійную тэматыку [13].

На падставе апісанняў міжваенных беларускамоўных выданняў можна вылучыць іх наступныя тыпы:

1. *Канфесійны тып*. Выдаўцамі прэсы гэтага тыпу з'яўляюцца духоўныя асобы ці афіцыйныя царкоўныя або касцельныя структуры. Аўдыторыя – вернікі пэўнай канфесіі. Мэтавая арыентацыя – распавядаць пра царкоўнае ці касцельнае жыццё. Асаблівасць, якая сустракалася толькі ў канфесійных выданнях, – гэта пазнака, што яны выходзілі з дазволу духоўных улад. Таксама, іх адметнасць – пазнака пад загалоўкам, што выданне канфесійнае. Да гэтага тыпу мы аднеслі часопісы "Праваслаўны Беларус", "Да Злучэньня!" і "Хрысціянская думка". Акрамя таго, што дадзеныя часопісы адпавядаюць вылучаным крытэрыям, напрыканцы кожнага нумара "Да Злучэньня!" публікавалася, што выданне выходзіла "з дазволу духоўных уладаў" [5]. Часопіс "Хрысціянская Думка" выходзіў з дазволу віленскага каталіцкага арцыбіскупа-мітрапаліта. "Хрысціянская Думка" пазначала, што гэта "беларуская каталіцкая часопісь". "Да Злучэньня!" – "беларуская рэлігійная часопісь".

2. *Царкоўна-грамадскі тып*. Выдаўцамі такога тыпу часопісаў з'яўляліся царкоўныя і адначасова нацыянальныя рухі, лідары якіх былі пэўным чынам у апазіцыі да афіцыйных царкоўных улад. Такія выданні падымалі вострыя нацыянальныя і палітычныя пытанні, аднак асвятляліся яны праз дагматычную прызму пэўнай канфесіі. Да такога кшталту выданняў можна аднесці часопісы "Праваслаўная Беларусь", "Сьветач Беларусі", "Голас праваслаўнага беларуса".

3. *Царкоўна-культурны тып*. Выдаўцамі такога тыпу часопісаў з'яўляліся духоўныя асобы. Мэта іх выдання – не засяроджваць увагу на матэрыялах з палітычным кантэкстам, а, хутчэй, публікаваць асветніцкія і адукацыйныя матэрыялы для беларускага насельніцтва, не забываючы пры гэтым пра рэлігійную тэматыку публікацый. Да такога тыпу можна аднесці часопіс "Беларуская зарніца".

4. *Грамадска-палітычны тып*. Выдаўцамі такога тыпу выданняў з'яўляліся палітычныя партыі ці рухі. Чытацкая аўдыторыя не залежала ад веравызнання мэтавай аўдыторыі. Такое выданне адрознівалася перыядычнасцю і частатой выхаду. Яно падымала злабадзённыя тэмы, якія тычыліся грамадскага і палітычнага жыцця. Да такога тыпу выданняў можам аднесці газету "Крыніца" ("Беларуская Крыніца").

Калі абагульніць усё вышэйсказанае, можна зрабіць наступныя высновы:

1. Былі вызначаны аптымальныя крытэрыі тыпалагізацыі міжваеннай прэсы: выдавецкі орган або выдавец, чытацкая аўдыторыя і мэтавая арыентацыя, якая ўключае праблемна-тэматычную арыентаванасць выдання. У некаторых выпадках пры вызначэнні тыпу выдання ўвага звярталася на тое, як яно само сябе пазіцыянавала. Аднак не заўсёды самавызначэнне сапраўды адпавядала тыпу, хутчэй за ўсё, на той момант вызначэнне тыпу газет ці часопісаў было абумоўлена іх зместам, тэматычнай разнастайнасцю.

2. Выданні, названыя С. Говіным канфесійнымі, на падставе вылучаных намі крытэрыяў былі пераразмеркаваны на 4 тыпы: канфесійныя, царкоўна-грамадскія, царкоўна-культурныя і грамадска-палітычныя.

1. Акопов, А. И. Методика типологического исследования периодических изданий (на примере специальных журналов). / А. И. Акопов. – Иркутск : Изд. Ирскутского университета, 1985. – 96 с.
2. Беларуская зарніца. – 1928. – № 1.
3. Говін, С. В. Канфесійны друк у Беларусі / С. В. Говін. – Мінск : Беларускі дзяржаўны універсітэт, 2008. – 287 с.
4. Голас праваслаўнага беларуса. – 1931. – № 1.
5. Да Злучэньня! – 1932. – № 1.
6. Корконосенко, С. Г. Основы журналистики : Учебник для вузов. / С. Г. Корконосенко. – М. : Аспект Пресс, 2001. – 287 с.
7. Праваслаўная Беларусь. – 1927. – № 1.
8. Праваслаўны Беларус. – 1925. – № 12.
9. Сьветач Беларусі. – 1930. – № 1.
10. Тумилович, Н. В. Основные типологические хараектристики современной региональной прессы Беларуси / Н. В. Тумилович // Веснік БДУ. – 2013. – № 1. – С. 63–68.
11. Царква і народ. – 1932. – № 1.
12. Białoruskaja Krynica. – 1927. – № 40.
13. Chryscijanskaja dumka. – 1932. – № 1.

Сальков А. П.

СЛУЖЕБНЫЕ ДНЕВНИКИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В ЕВРОПЕ КОНЦА 1930-Х – КОНЦА 1940-Х ГГ.

Дневник специфический исторический источник, предназначенный для накопления и сохранения информации через регулярные повседневные записи с целью ее обработки и анализа в будущем. Для заявленной проблемы подобный источник оказался весьма востребованным и содержательным. Своя богатая биография присуща не только их авторам, но и сами дневники имеет собственную историю составления, публикации и общественной оценки.

Дневник Георгия Димитрова – один из важнейших документов для понимания событий середины XX в. Беспристрастный, почти без оценочных суждений, документ позволяет взглянуть изнутри не только на международное коммунистическое движение. Он является неоценимым источником по истории конфликтов и идеи создания Балканской федерации, предполагавшей широкие этнотерриториальные трансформации. В силу значимости источника остановимся на нем подробней. Георги Михайлов Димитров (1882–1949) – видный революционер, руководитель Сентябрьского (1923) восстания в Болгарии, герой Лейпцигского 1933 г., генсек Исполкома Коминтерна (1935–1943), глава правительства Болгарии (1946–1949) и генсек ЦК Болгарской КП (1948–1949). Димитров начал записи сразу после ареста в Берлине в марте 1933 г. и вел их до своей смерти. Они делались на трех языках, в соответствие с периодами его жизни – немецком, русском и болгарском. Дневник (18 тетрадок, 1673 листа) находился в секретном партийном спецхране.

Впервые и в полном объеме Дневник был опубликован в Болгарии в 1997 г. трудами коллектива во главе с Димитром Сирковым. Издание стало выдающимся источниковедческим событием, однако отличалось скудными биографическими примечаниями [1]. Французское полное издание (2005) коллектива под руководством Гаэля Муллека, восполнило этот пробел, впервые подробно идентифицировав более трехсот персонажей [2]. Особо отметим полное трехтомное турецкое издание (2004), подготовленное Рустемом Азизом [3], в русскоязычном источниковедения незнаемое и даже не аннотированное. Все три полных издания Дневника, отражающих его целостность и динамизм, были сделаны на болгарском, французском и турецком языках, без учета трёхъязычия оригинального документа.

Известны публикации крупных хронологических фрагментов Дневника. Капитальное двухтомное немецкое издание (2000) под редакцией Бернхарда Байерляйна и Владислава Хеделера, касалось событий 1933–1943 гг., то есть, от Лейпцига до роспуска Коминтерна. Второй том составили великолепные комментарии и материалы к Дневнику, превосходящие его по объему [4]. Итальянское издание под редакцией Сильвио Понса (2002) посвящено периоду 1934–1945 гг., когда Г. Димитров пребывал в Советском Союзе [5]. В данном ряду стоит и необъяснимо запоздалое недавнее российское издание (2020), подготовленное редколлегией во главе с Т. Г. Зазерской, в которую входил и Г. Муллек [6]. Документ отложился в фонде Исполкома Коминтерна (ф. 495) РГАСПИ в личном деле Димитрова. Были использованы 1040 листов из VII, VIII и IX папок, которые представляют собой машинописную копию на русском языке, сделанную в 1960 г. Публикация охватывает период Великой Отечественной войны. Биографические справки на более чем 1600 персонажей из 35 стран для удобства приводятся в подстраничных ссылках.

Еще один принцип издания Дневника Димитрова – тематическая подборка. Так, американское (2003) издание под редакцией Иво Банача охватывают весь хронологический спектр, но включают лишь записи, соответствующие представлениям издателей об основных событиях истории СССР и Коминтерна, а также о своих национальных интересах [7].

Ввиду большого объема источника появился такой жанр его публикации, как избранное. Греческое издание «Страницы из секретного дневника» под редакцией Спироса Кузинопулоса (1999) отдает предпочтение балканским, а также целиком, без изъятий – греческим сюжетам [8]. Болгарское избранное (2003) является сокращенным вариантом полного издания 1997 г. [9].

Другим примером грандиозного источника является Дневник советского полпреда в Лондоне на протяжении более 10 лет И. М. Майского (1884–1975), который позже был заместителем наркома иностранных дел, участником Ялтинской и Потсдамской конференций, репрессированным, видным историком, академиком. Дневник охватывает период 1934–1943 гг. [10], был засекречен и находился на хранении в Политархиве /АВП РФ. Рассыпавшиеся от времени машинописные листы огромного по объему текста были спасены оцифровкой и изданием в фундаментальной научной серии РАН «Научное наследство». Являясь буквально энциклопедией международных отношений указанного периода (объем публикации 125 п. л.), Дневник служит важным источником, раскрывающим, помимо прочего, причины и механизм изменения границ в Европе в указанный период, мотивацию акторов.

Дневник видного советского ученого, этнолога и религиоведа профессора С. А. Токарева (1899–1985), участника в 1946 и 1947 гг. двух экспедиций экспертов по этнографическому и социально-антропологическому изучению границ Югославии с Италией, имел иную судьбу [11]. Более 70 лет источник находились в его семейном архиве в виде нерасшифрованных карандашных записей в записных книжках. Экспедиции предпринимались по решению Парижской мирной конференции для окончательного начертания линии границы, которая жестко оспаривалась в ходе выработки, принятия и попыток ревизии мирного договора с Италией всеми участниками урегулирования. Об этих экспедициях почти не имеется сведений ни в доступных архивных фондах, ни в литературе. Поэтому скрупулезный дневник ученого, являющий собой симбиоз ценного исторического источника и проникновенного диариуша, открывает новый детализированный взгляд на югославско-итальянский конфликт в спорном районе Юлийской Крайне и вокруг Триеста.

Дневники персонажей другого мира – видных деятелей стран фашистской «оси» – представляют при их критическом прочтении не меньший содержательный интерес. Кабинетный дневник Галеаццо Чиано (1903–1944), который он вел в 1937–1943 гг. в качестве министра иностранных дел Италии, давно приобрел славу легендарного источника. Чиано был среди18 членов Большого фашистского совета, отправивших простым голосованием в июле 1943 г. Б. Муссолини в отставку. Вскоре Чиано был выдан германскими властями марионеточной Республике Сало во главе с дуче и в январе 1944 г. расстрелян. Накануне казни его жена Эдда (дочь Муссолини), осуществив побег в Швейцарию, вывезла рукопись под крестьянской одеждой, сказавшись беременной. Дневник был опубликован в США – в сокращении в 1946, полностью только в 2002 г. [12]. В конце 1940-х гг. с засекреченного в СССР английского издания (1947) [13] был сделан перевод для высшего советского руководства. Он был обнаружен в фондах ГАРФ и издан в России в 2010 г. [14]. Дневник Чиано (был арбитром Первого и Второго Венских арбитражей, участником других важнейших событий) содержит уникальные по объему и значимости факты политической истории Центральной Европы и Балкан, острые оценки событий и около 520 персонажей всех калибров. Дневник фигурировал в качестве доказательства на Нюрнбергском процессе.

Противоречивая фигура Эдмунда Глез фон Хорстенау (1882–1946) всегда привлекала внимание исследователей. Он был членом австро-венгерской делегации при подписании Брестского мира с Советской Россией в 1918 г., видным военным историком, директором (1925–1938) Австрийского военного архива, активным организатором аншлюса, в 1940 г. работал почетным профессором военной истории Венского университета. С апреля 1941 по сентябрь 1944 г. Хорстенау – генеральный представитель Германии в Хорватии, где конфликтовал с усташским поглавником А. Павеличем и пытался смягчить геноцид сербов. Выступал свидетелем на Нюрнбергском процессе. Опасаясь наказания за роль в аншлюсе, а более того – возможной выдачи Югославии, покончил с собой в нюрнбергской тюрьме Лангвассер.

Хорстенау автор многих мемуарных записок о крахе Австро-Венгрии и межвоенной истории Австрии, отложившихся в архивах. Видный австрийский историк и военный источниковед Петер Броучек собрал и опубликовал их под общим названием «Генерал в сумерках» в 1980-х гг. в трех томах. Особенность тома 3 «Генеральный полномочный представитель Германии в Хорватии и свидетель падения “Тысячелетнего рейха”» состояла в том, что он носил характер дневника, так как записи делались по горячим следам или, максимум, месяц спустя. В 2005 г. трехтомник

переиздается в Вене [15]. В 2013 г. в Сербии был переведен и издан под редакцией Зорана Живковича третий том с собственным названием «Между Гитлером и Павеличем: воспоминания противоречивого генерала» [16]. В этих записях подробно отражались все территориальные трансформации, давались острые оценки их участникам. Так, говоря о Римских договорах 18 мая 1941 г., по которым Италия получила большую часть хорватской Далмации, генерал отмечал, что Павелич подписал их «с легким спазмом на лице», проявив готовность «отречься от всего, кроме власти, которую получил неожиданно и незаслуженно», еще и разыгрывая из себя «жертву германо-итальянской дружбы» [16, s. 523].

Видный болгарский археолог, антиковед профессор Богдан Филов (1883–1945) занимал в период записи своего Дневника (с августа 1939 по сентябрь 1944 г.) ключевые посты в государстве – глава правительства, министр иностранных дел, министр просвещения, регент, президент Болгарской Академии наук [17]. По приговору чрезвычайного трибунала Филов в числе 104 представителей высшей военно-политической элиты страны («Дело № 1») был в 1945 г. расстрелян (реабилитирован в 1996 г., дата расстрела – 1 февраля официально отмечается с 2011 г. как День памяти жертв коммунистического режима в Болгарии). Дневник хранился в ЦГИА Болгарии и был доступен для исследователей. Однако в 1980-х гг. развернулась острая борьба за его публикацию, в которую было вовлечено высшее руководство БКП. После пятилетних коллизий Дневник в 1985 г. был напечатан, но сразу переведен в категорию «ДСП». Лишь после устранения Тодора Живкова от власти в ноябре 1989 г. книга была пущена в продажу (полное издание – в 1990 г.). Вызвав такие общественные страсти, она, на удивление, больше не переиздавалась. Дневник, который ежедневно лично велся Филовым от руки в обычных тетрадях, поражает объемом (40 п. л.). Он отражает аспекты рокового периода болгарской истории, в том числе, захват в апреле 1941 г. Вардарской и Эгейской Македонии, Западных покраин, троекратное установление увеличивавшейся болгарской оккупационной зоны в Югославии.

Приведенные дневники (по жанру – служебные) являются своеобразными памятниками своей эпохи, записаны видными представителями враждующих блоков и различных сфер профессиональной деятельности.

1. Димитров, Георги. Дневник: (9 март 1933 – 6 февр. 1949) / Димитър Сирков (съст., ред., бележки) [и др.]. – София : Унив. изд. «Св. Климент Охридски», 1997. – 794 с.
2. Dimitrov, Georgi. Journal 1933–1949 / Gaël Moullec (ed.). – Paria : Belin, 2005. – 1505 p.
3. Dimitrov, Georgi. Günlük: 3 cilt takim / Rüstem Aziz (çeviren). – İstanbul : TÜSTAV, 2004. – Cilt 1 : 9 Mart 1933 – 31 Ağustos 1939. – 258 s. ; Cilt 2 : 1 Eylül 1939 – 5 Mayıs 1945. – 448 s. ; Cilt 3 : 6 Mayıs 1945 – 6 Şubat 1949. – 423 s.
4. Dimitroff, Georgi. Tagebücher 1933–1943: band 1–2. – Berlin : Aufbau Verlag, 2000. – Band 1 : Tagebücher / herausgegeben von Bernhard Bayerlein. – 712 s. ; Band 2 : Kommentare und Materialien zu den Tagebuechern / herausgegeben von Bernhard Bayerlein und Wladislaw Hedeler. – 773 s.
5. Dimitrov, Georgi. Diario. Gli anni di Moska (1934–1945) / a cura di Silvio Pons. – Torino : Giulio Einaudi editore, 2002. – 1042 p.
6. Дневник Георгия Димитрова (1941–1945) / редкол.: Т. Г. Зазерская (гл. ред.) [и др.]. – М. : Кучково поле, 2020. – 640 с.
7. The Diary of Georgi Dimitrov 1933–1949 / Ivo Banac (ed.). – New Haven : Yale University Press, 2003. – 495 p.
8. Δημητρόφ, Γκεόργκι. Σελίδες από το απόρρητο ημερολόγιο / Σπύρος Κουζινόπουλος (επιμελητής). – Αθήνα : Καστανιώτης, 1999. – 316 σ.
9. Димитров, Георги. Дневник, март 1933 – февруари 1949. Избрано) / Димитър Сирков (съст., ред., бележки) [и др.]. – София : Изток-Запад, 2003. – 509 с.
10. Майский Иван Михайлович. Дневник дипломата. Лондон, 1934–1943: в 2 кн. / редкол.: А. О. Чубарьян (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 2006–2009. – Кн. 1: 1934 – 3 сентября 1939. – 2006. – 531 с. ; Кн. 2, ч. 1 : 4 сентября 1939 – 21 июня 1941 г. – 2009. – 492 с. ; Кн. 2, ч. 2 : 22 июня 1941 – 1943 год. – 2009. – 398 с. («Научное наследство». Т. 33: в 2 кн.).
11. Токарев, С. А. Проблемы Триеста и Юлийской Крайны в послевоенном урегулировании в Европе (дневники члена четырехсторонней Комиссии экспертов по проведению итало-югославской границы) / сост. Е. С. Токарева. – М. : Индрик, 2020. – 553 с.
12. Ciano, Galeazzo. Diary, 1937–1943 / Robert Miller and Stanislao Pugliese (ed.). – New York : Enigma Books, 2002. – 625 p.
13. Ciano's Diary, 1939–1943 / Malcolm Muggeridge (ed.). – London and Toronto : William Heinemann Ltd., 1947. – 575 p.
14. Чиано, Галеаццо. Дневник фашиста, 1939–1943 / А. В. Ефимов, А. Ю. Сагань (подгот. текста). – М. : Плацъ, 2010. – 672 с.
15. Broucek, Peter. Ein General im Zwielicht. Die Erinnerungen Edmund Glaises von Horstenau: band 1–3. – Wien : Bohlau Verlag, 2005. – Band 3: Deutscher Bevollmächtigter General in Kroatien und Zeuge des Untergangs des «Tausendjährigen Reiches». – 600 p.
16. Horstenau, Glez fon. Između Hitrera i Pavelića. (Memoari kontroverznog generala) / glavni i odgovorni urednik Zoran Živković. – Novi Sad : Pravoslavna reč ; Beograd : More, 2013. – 770 s.
17. Филов, Борис. Дневник / Илчо Димитров, Надежда Пръвчева (съст., ред, бележки). – София : изд. на Отечествения фронт, 1990. – 813 с.

Вознесенский В. К.

ВЫСШИЙ И СТАРШИЙ КОМАНДНЫЙ СОСТАВ РККА В НЕМЕЦКИХ ВОЕННЫХ ДОКУМЕНТАХ

В первых боях Великой Отечественной войны Красная Армия потерпела ряд поражений, утратила огромную территорию и понесла тяжелые потери в людях и технике. Одним из них стало окружение главных сил Западного фронта между Белостоком и Минском в конце июня – начале июля 1941 г. Показателем масштаба этого окружения служит число потерь среди высшего и старшего командного состава.

Целью исследования стало раскрытие информационного потенциала немецких военных документов в освещении темы начального периода войны. Для этого предпринято описание видов немецких военных документов, связанных с командирами РККА в звании от капитана до маршала.

Следует сразу заметить, что о большинстве генералов РККА в немецких документах имеются лишь краткие упоминания. Еще больше обойден вниманием оказывался старший комсостав. Довольно много информации, часть которой безусловно не может быть достоверной, удалось найти о **маршале Г. И. Кулике**, появление которого 12 июля среди ищущих пути на восток окруженцев в тылу 2-й армии вызвало некоторое оживление в немецких штабах [13, f. 1004, 1087; 16, f. 605–606, 643, 644; 20, f. 1025].

Также имеется некоторое количество документов, фиксирующих гибель советских командиров. Из составленной 29-й пд (мот.) «личной карточки» установлено место гибели начальника артиллерии 6-го мк **генерал-майора А. С. Митрофанова** [4]. Однако, к подобным данным стоит относиться скептически, так как немцы в первые дни войны имели склонность доверять любым показаниям пленных. На их основании погибшими 29 июня они посчитали командира 6-й кд **генерал-майора М. П. Константинова** и командира 222-го сп 49-й сд **полковника И. М. Яшина** [4; 12, f. 1136; 17, f. 17–18; 18, f. 517].

Большинство выявленных в ходе данного исследования документов посвящено представителям комсостава попавшим в плен. Среди них можно выделить 3 категории:

- протоколы допросов с передачей переведенных на немецкий язык высказываний пленных, зачастую от первого лица;
- отчеты о допросах, вмещающие главные выводы об итогах общения с пленным;
- упоминания о результатах допроса или выдержки из показаний в различных отчетах и донесениях.

Допрос предполагал главным образом изложение пленным своих личных данных, обстоятельств пленения, предвоенных оборонительных или наступательных намерений РККА, начала войны (для всех допрошенных командиров оно стало неожиданностью), а также включал частные вопросы, такие как состояние танковых войск, перевооружение армии, линии укреплений и т. д. Очень часто дело доходило до политических вопросов. К большинству документов имеются дополнения, содержащие общие замечания касательно поведения пленного. На данный момент могут быть выделены материалы, связанные с рядом нижеследующих личностей.

Генерал-майор Е. А. Егоров, командир 4-го ск. Попал в плен 29 июня у д. Деречин в полосе наступления 29-й пд (мот.) [1, с. 43–45]. По ошибке был передан войсками не Ic, а непосредственно в штаб 12-го ак, а оттуда в отд. Ic 2-й танковой группы, где и был допрошен 1 июля неким зондерфюрером [2, л. 86]. На данный момент обнаружено 2 копии отчета об этом:

1. Подлинник в материалах 2-й танковой группы с приложенной схемой развертывания войск корпуса 22. 06. 1941 г., очевидно составленной самим генералом [8, f. 7320668–7320672].
2. Копия, созданная 19. 03. 1942 г. офицером связи ОКХ при командовании 4-й армии подполковником Нагелем для филиала Архива сухопутных войск «Данциг-Олива» [2, л. 83–86].

Повторный допрос был проведен 4 июля в штаб-квартире группы армий «Центр». Его протокол сохранился в виде копии, пересланной группой армий в отд. Ic 2-й армии [7, f. 862].

Полковник В. В. Иванов, начальник отдела боевой подготовки штаб 3-й армии [5, л. 122]. Захвачен у д. Дятлово передовым отрядом 35-й пд, либо 14-м пп 5-й пд 29 июня [1, с. 37–39; 7, f. 855]. Допрос его шел, как видно, для немцев тяжело. Долгое время они даже не могли выяснить должность высокопоставленного пленного. В дополнении к разведсводке 9-й армии от 30 июня сказано: «У Дятлово пленен заместитель командира (зам. начальника штаба?) 3-й русской армии» [9, f. 7488122]. Уже утром 1 июля 9-я армия повысила статус пленного: «У Дятлово пленен начальник штаба 3-й русской армии. Результаты допроса следуют» [7, f. 1107].

Первый допрос, согласно отчету от 3 июля проводили Ic и абвер-офицер 9-й армии [7, f. 855]. Результаты второго допроса полковника, проведенного 1-м ответственным абвер-офицером

Лайкфельдом, были подведены в отдельном отчете Ic 9-й армии 2 июля [7, f. 855–860]. 3 июля новый допрос был проведен в отд. Ic группы армий «Центр»; по результатам напечатан протокол с ответами полковника [7, f. 867–869]. Все 3 документа хранятся среди материалов Ic 2-й армии.

Полковник Е. И. Цвик, начальник артиллерии 4-й тд. Сдался 25-му мсп 12-й тд 29 июня. Донесение о его допросе сохранилось как среди приложений к отчету о деятельности Ic 12-й тд, так и в материалах Ic 3-й танковой группы [9, f. 7488607].

Капитан И. Н. Сушкевич, начальник артиллерии 13-го сп 2-й сд. Попал в плен 29 июня под Волковыском, в полосе 137-й пд. Выдержки из протокола его допроса содержатся в донесении Ic дивизии от 30 июня [7, f. 910–911].

Полковник Г. И. Антонов, начальник отдела автобронетанковых войск 10-й армии [5, л. 111]. Попал в плен 30 июня на реке Зельвянка, при прорыве из окружения. Несмотря на упоминания в документах Ic 12-го ак и 34-й пд [11, f. 776; 15, f. 251, 302], наиболее полный материал его допроса может быть найден в отчете 29-й пд (мот.) от 2 июля [14, f. 49].

Генерал-майор Х. Н. Алавердов, командир 113-й сд. Первые сведения о нем получил обер-лейтенант др. Шониг. В своем отчете он упоминает, что при допросе захваченных у д. Попелево пленных в первой половине дня 29 июня ему удалось узнать, что в непосредственной близости от деревни остановился на отдых некий русский генерал, собравший вокруг себя около 50 вооруженных бойцов и командиров. Один из пленных, якобы, предложил немцам отвести их к генералу для его последующего захвата. Экспедиция не состоялась по причине начавшейся контратаки отряда 49-й сд [18, f. 439]. В донесении Ia 78-й пд от 14:00 ч. 29 июня касательно окруженной в Беловежской пуще группировки РККА отмечается следующее: «Говорят, что это отдельные части трех русских дивизий под командованием генерала, включая т. н. батальон смерти» [17, f. 739]. Генерал снова появился в донесении дивизии о пленных 1 июля [18, f. 519]. Можно предположить, что 78-я пд все же выслала разведгруппу для преследования генерала. Во второй половине дня он был ранен, увяз в болоте, после чего сдался в плен разведгруппе 339-го пп 167-й пд у д. Трухоновичи Пружанского р-на [21, f. 530].

В журнале боевых действий Ic 53-го ак имеется запись от 02:00 ч. 2 июля: «167-я пд доставила [командира] русской дивизии (генерал Алавердов). Допрос [ведет] обер-лейтенант Пак» [13, f. 546]. Лишь в 07:00 ч. изможденный генерал был передан командованию 4-й армии.

Показания Х. Н. Алавердова изложенные в виде прямой речи содержатся в документе команды допроса пленных «Мангальдт» при штабе 53-го ак, датированном 2 июля [7, f. 927–928]. Есть основания полагать, что изложенное там – не полный материал, полученный в результате допроса, так как в отчете 53-го ак датированном 4 июля приводятся несколько иные полученные от генерала данные [7, f. 872–873]. Оба документа сохранились в виде пересланных в отд. Ic 2-й армии копий.

Капитан П. К. Иванкович, командир 120-го одПТО 27-й сд. Сдался в первой половине дня 3 июля юго-западнее Минска, после чего в 16:00 ч. Ic 29-й пд (мот.) записал его высказывания в отдельном отчете, который впоследствии использовался как приложение к отчету о деятельности Ic дивизии [14, f. 50].

Полковник А. К. Ежев, командир 239-го сп 27-й сд. После разгрома его полка в Белостокском котле пробрался в Минск и сдался 6 июля. Выдержки из его допроса содержатся в отчете Ic 2-й армии [2, л. 75–76].

Майор Т. Я. Яковлев, командир 213-го сп 56-й сд. 6 июля после короткого боя с 430-м пп в составе группы из 5 командиров он был захвачен в плен у д. Каменчаны под Лидой. Уже 7 июля был подготовлен отчет о допросе майора в отд. Ic 129-й пд, который сохранился как приложение к отчету о деятельности Ic дивизии [19, f. 30–31].

Полковник А. М. Гогоберидзе, заместитель командира 27-й стрелковой дивизии. В начале июля 1941 г. с целью сдаться он явился в немецкую комендатуру г. Столбцы, откуда без конвоя был направлен в Минск, где был пленен 8 июля. Выдержки из его допроса содержатся в отчете Ic 2-й армии [2, л. 73–74].

Капитан Д. Т. Костромин, начальник отдела связи 6-го кк. Попал в плен 17 июля под Минском [4]. Допрашивался зондерфюрером, в присутствии некого немецкого генерала. Выдержки из его допроса содержатся в отчете Ic 2-й армии [2, л. 74–75].

Генерал-лейтенант Д. М. Карбышев, преподаватель Академии Генерального штаба РККА, и **полковник П. Ф. Сухаревич**, начальник отдела инженерных войск 10-й армии. После выхода из окружения 18 июля были арестованы под Новым Быховом в полосе 31-й пд, направлены в штаб 12-го ак, где допрошены. Материалы допроса сохранились в качестве приложения к отчету о деятельности Ic корпуса [11, ftp: //jccalvin. ddns. net /MyRolls /Korps /T-314 R-501 XII. AK /0773. jpg f. 776–777].

Капитан П. В. Любезников, начальник военно-технического снабжения 246-го гап 24-й сд. Пленен 18 июля под Могилевом при попытке прорыва в восточном направлении и доставлен на КП 7-го ак. Отчет о его допросе датируется 19 июля и хранится в качестве приложения к отчету о деятельности Ic корпуса [10, f. 875–876].

Полковник Н. А. Куксин, командир 287-го лап 143-й сд. После произошедшего 11 августа распада отряда 121-й стрелковой дивизии, в составе он которого долгое время скрывался в немецком тылу, полковник полностью обессилел и сдался, преданный артиллеристами. Отчет о его допросе в двух экземплярах представлен среди прочих отчетов 252-й пд [22, f. 246–247, 262–263].

Генерал-майор А. Г. Потатурчев, командир 4-й тд. После прорыва из окружения не смог выйти из немецкого тыла. В ночь на 29 августа был арестован со своим окружением в Бобруйске, где скрывался под фамилией Рожин [6, f. 2722157]. Допрос генерала 30 августа провел отд. Ia 221-й охранной дивизии. Отчет об этом допросе с приложенными к нему схемами, собственноручно нарисованными генералом, сохранился в копии, переданной 7-му ак – соединению, с которым сражалась дивизия Потатурчева в последние дни своего существования [10, f. 1042–1056].

Полковник П. И. Чижик, начальник штаба 4-го ск. Во многом повторил судьбу генерала Потатурчева, однако попал в плен лишь в октябре 1941 г. в районе проведения антипартизанской акции – последним из командиров Минского котла. Отчет о его допросе, проведенном абвергруппой I при командовании 9-й армии, датируется 13 октября. [3, л. 127].

Из материалов допросов, которые временно не могут быть отнесены к какой-либо конкретной личности стоит отметить:

• содержащиеся в донесение Ic 12-й тд от 1 июля показания захваченного 30 июня «политкомиссара в звании полковника», который был допрошен перед расстрелом [9, f. 7488601];

• показания неких майора из штаба 7-й тд и капитана из 77-го ап 29-й мд, данные ими 1 июля, скорее всего, в штабе 9-го ак и сохранившиеся в виде переданной в отд. Ic 2-й армии копии [7, f. 913–914].

Большая часть подлинников упомянутых документов ныне хранится в Бундесархиве во Фрайбурге, а их электронные копии доступны в коллекции немецких военных документов Национального архива США; меньшая – в архивах России, в частности в коллекции трофейных донесений о военнопленных РГВА.

Таким образом, мы имеем уникальную возможность прочесть о событиях первых дней войны с точки зрения командиров разбитых, не оставивших практически никаких донесений частей. Зачастую пленные скрывали важные для немцев сведения, переиначивали детали, или просто не могли ответить из-за секретности тех или иных данных. Тем не менее, к материалам допросов следует относиться как к важному документальному источнику и в полной мере использовать его в исследованиях разного уровня.

1. Нуждин, О. И. Генералы и полковники РККА в плену в годы Великой Отечественной войны / О. И. Нуждин. – СПб. : Алетейа; Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. – 543 с.
2. Российский государственный военный архив (РГВА). – Ф. 1387. Оп. 1. Д. 102.
3. РГВА. – Ф. 1387. Оп. 1. Д. 104.
4. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Картотека военнопленных офицеров.
5. ЦАМО РФ. – Ф. 33. Оп. 11458. Д. 86.
6. National Archives and Records Administration (NARA). – T-175. Roll 233.
7. NARA. – T-312. Roll 1139.
8. NARA. – T-313. Roll 81.
9. NARA. – T-313. Roll 224.
10. NARA. – T-314. Roll 348.
11. NARA. – T-314. Roll 501.
12. NARA. – T-314. Roll 513.
13. NARA. – T-314. Roll 1315.
14. NARA. – T-315. Roll 845.
15. NARA. – T-315. Roll 876.
16. NARA. – T-315. Roll 956.
17. NARA. – T-315. Roll 1096.
18. NARA. – T-315. Roll 1097.
19. NARA. – T-315. Roll 1375.
20. NARA. – T-315. Roll 1380.
21. NARA. – T-315. Roll 1477.
22. NARA. – T-315. Roll 1748.

Новікаў С. Я.

ПЕРШЫЯ ТРЫ ДНІ ВАЙНЫ Ў БЕЛАРУСІ ПАВОДЛЕ САВЕЦКАГА АФІЦЫЙНАГА НАРАТЫВУ І НЯМЕЦКІХ ДАКУМЕНТАЎ

З чым прыйшлі айчынныя даследчыкі да 80-х ўгодкаў з пачатку Вялікай Айчыннай вайны? На гэта прынцыпова важнае пытанне беларускім гісторыкам сёння неабходна даць адэкватны адказ, інакш шырокая чытацкая аўдыторыя будзе як і раней вывучаць сутнасць гістарычных падзей на беларускай зямлі ў чэрвеньскія дні 1941 г. выключна на традыцыйным савецкім наратыве, аснову якога складаюць галоўным чынам мемуары былых военачальнікаў. Ці змянілася сітуацыя ў сучасных навуковых даследаваннях, у якой ступені новыя веды картэлююць з крыніцамі, у тым ліку нямецкага паходжання. У такім ключы аўтар спрабуе знайсці адказ на пастаўленае вышэй пытанне і паказаць выключную важнасць звароту да новых дакументальных крыніц з выкарыстаннем адпаведных навуковых падыходаў.

З кароткага агляду навейшых прац на тэму абарончых баёў Чырвонай арміі на тэрыторыі Беларусі ў першыя тры дні вайны становіцца відавочным, у беларускіх і расійскіх выданнях галоўнай асновай паказу гістарычных падзей па-ранейшаму застаюцца ўспаміны савецкіх военачальнікаў, без іх не выходзяць грунтоўныя навуковыя выданні ні ў Беларусі, ні ў Расіі [2; 5; 6]. Заўважым пры гэтым, што асабліва часта гісторыкі вайны звяртаюцца да ўспамінаў начальніка штаба 4-й арміі Заходняй асобай ваеннай акругі (ЗАВА) палкоўніка Л. М. Сандалава. З прадмовы яго кнігі «На московском направлении» вынікае, што дадзенае аўтарам *«описание оборонительного сражения советских войск на Западном стратегическом направлении – единственное в отечественной литературе по своей полноте и знанию дела»* [5, с. 3]. Між тым наколькі гэты і іншыя тэзісы мемуараў савецкага военачальніка, якія для айчыннага чытача падаюцца як строга навуковыя нарысы аб гісторыі 4-й арміі, адпавядаюць не толькі рэдакцыйным ацэнкам, колькі дакументальным крыніцам? Звернем у гэтай сувязі ўвагу чытача на выказванне аўтара ўнікальных мемуараў, які піша пра тое, што рэальную абстаноўку, якая склалася ў паласе арміі ў першыя дні вайны яму ўдалося устанавіць толькі пасля вайны шляхам вывучэння захаванай часткі савецкіх вайсковых і армейскіх дакументаў, успамінаў удзельнікаў падзей і трафейных дакументаў [5, с. 448].

Паводле звестак, адлюстраваных у мемуарах Л. М. Сандалава, карціна баявых дзеянняў, якія ў першыя дні вайны адбываліся ў Беларусі, была такой: *да зыходу 22. 06. 41 г. войскі 4-й арміі пад ударамі праціўніка адышлі ад дзяржаўнай граніцы на 25–30 км. Перадавыя часці 18-й нямецкай танкавай дывізіі прарваліся ўглыб нашай тэрыторыі на пружанскім напрамку амаль на 40 км. 3-я танкавая дывізія вяла бой у раёне Пілішчы, Падлессе і часткай сіл на поўнач ад Ратайчыц з 18-й і 17-й танкавымі дывізіямі 47-га нямецкага матарызаванага корпуса…75-я стралковая дывізія вяла бой на рубяжы Пажэжын, Маларыта, Хаціслаў з немецкімі 4-й танкавай, 1-й кавалерыйскай і 255-й пяхотнай дывізіямі* [5, с. 448–449].

Параўнаем гэту карціну з фактамі, зафіксаванымі ў дзённіку баявых дзеянняў 2-й нямецкай танкавай групы (2-я ТГр) [7], якая адпаведна плана "Барбароса" ў першы дзень наступлення павінна была прарваць пагранічныя ўмацаванні і фарсіраваць р. Заходні Буг па абодва бакі Брэст-Літоўска (Брэста), а потым забяспечыць наступленне танкавых часцей у раён Смаленска паўздоўж дзвюх танкавых трас (№ 1 і 2) на Слуцк і Мінск. Першаснай для групы з'яўлялася задача шляхам нанясенне імклівага ўдару на Мінск знішчыць пры ўзаемадзеянні з сіламі 3-й ТГр савецкія сілы ў раёне Беластока і Ваўкавыска, паля чаго без перапынку заняць раён Смаленска [8, Bl. 14]. З нямецкага боку перад непасрэднымі выканаўцамі ставіліся наступныя задачы:

24-у танкаваму корпусу (ТК) сіламі 255-й пяхотнай (ПД)[1] і 1-й кавалерыйскай (КД) і дзвюх танкавых дывізій (ТД) заняць плацдарм паабапал танкавай трасы № 1 паміж Кобрынам і р. Мухавец, потым узяць Кобрын і нанесці ўдар ў раён Слуцка;

12-у армейскаму корпусу (АК) узяць Брэст-Літоўск і зрабіць свабоднай для прасоўвання танкавых часцей трасу № 1 да моста на поўнач ад Булкава; пры гэтым корпус вядзе наступленне паміж дзвюма танкавымі трасамі;

47-у ТК нанесці ўдар сіламі дзвюх танкавых дывізій і дасягнуць трасу № 2. Асабліва важным бачыцца ўтрыманне непашкоджаным моста цераз р. Лясная.

Далей корпус наносіць удар ў напрамку Пружан, захоплівае пераправу цераз р. Ясельда і Шчара, захоплівае вузлавы пункт Баранавічы і прарываецца ў напрамку Мінска. Пры гэтым 167-я ПД разглядаецца як ударная сіла для наступлення цераз Буг, пасля чаго пераходзіць у падпарадкаванне 53-га АК.

[1] Параўнай: Гудериан Г. Воспоминания солдата / Г. Гудериан. – М. : Вече, 2012. – С. 169.

У якасці рэзерваў разглядаецца 46-ы ТК з улікам таго, што дывізія СС "Рэйх" можа прасоўвацца наперад за 24-м ТК на трасу № 1, а 10-я ТД і пяхотны полк "Вялікай Германія" у напрамку трасы № 2 непасрэдна за 47-м ТК [8, Bl. 15].

Паводле дзённых данясенняў, на 22 гадзіны 22. 06. 1941 г. складавалася наступная абстаноўка на лініі нанясення ўдараў кожнай з вышэйзгаданых нямецкіх часцей, то бок:

24-ы ТК: 255-я ПД дасягнула перадавым атрадам Ольтуз (за 13 км на захад ад Маларыты); 1-я КД веласіпедным падраздзяленнем знаходзіцца ў Збуражы (7 км на захад ад Маларыты), тады як сама дывізія падышла да Хвозніцы; 4-я ТД перадавым матацыклетным падраздзяленнем дасягнула перакрыжаванне за 12 км ад Маларыты, дывізія пачынае рух ад Арлянкі на ўсход; 3-я ТД прайшла пункт Гузні (3 км на ўсход ад Брэст-Літоўска) і знаходзіцца на маршы да трасы № 1 [9, Bl. 26];

12-ы АК дасягнуў Жабінкі перадавым разведвальным падраздзяленнем. 34-я ПД знаходзіцца лініі Булкава (15 ум на ўсход ад Брэст-Літоўска) – Навасады – Пжэснае; 31-я ПД дывізія за 9 км ад Булкава; 45-я ПД – пад Цытадэллю.

47-ы ТК: 18-я ТД сіламі танкавай брыгады пад Паддубна (20 км на паўднёвы захад ад Пружан); 17-я ТД каля моста на р. Лясная ў раёне Рудаўца (22 км на поўнач ад Брэста); 29-я ПД (матарызаваная) знаходзіцца на маршы.

Намер 2 ТГр – у ноч з 22 на 23 чэрвеня заняць участак на р. Ясельда (90 км на паўночны ўсход аб Брэст-Літоўска), а 23 чэрвеня заняць участак на р. Шчара [9, Bl. 27].

Такім чынам, зварот да дакументальных крыніц нямецкага паходжання дазваляе даследчыку наблізіцца да канкрэтных фактаў, паказаць іх прывязцы да дакладных назваў беларускіх населеных пунктаў, убачыць хоць частку гістарычнай карціны баявых падзей, якія адбываліся ў першы дзень вайны на Берасцейшчыне. Але ў прапанаваным матэрыяле ход рэальных падзей разглядаецца на аснове выкарыстання дакументальных крыніц процілеглага боку, у нашым выпадку нямецкіх.

Журнал баявых дзеянняў камандуючага 2-й ТГр генерал–палкоўніка Г. Гудэрыяна дазваляе ў храналагічнай паслядоўнасці ўбачыць не толькі ход баявых дзеянняў, але і пазнаёміцца з вынікамі іх вядзення нямецкімі часцямі. Заўважым, што ў дачыненні да кожнай падзеі прыведзены зыходныя дакументальныя матэрыялы (загады, данясенні, паведамленні, радыёграмы і інш.), г. зн. першасныя крыніцы, на падставе якіх пісалася карціна баявой паўсядзённасці на тэрыторыі Берасцейшчыны ў чэрвені 1941 г. Нагадаем, што ў канцы другога дня вайны назіральны пункт камандуючага быў размешчаны ў палацавым парку Пружан, дзе знаходзіўся да 5 гадзіна раніцы 26 чэрвеня і дзе на аснове дакументальнага адлюстравання складвалася агульная мазаіка баявых падзей паміж часцямі германскага вермахта і Чырвонай арміі. У журнале адзначаецца, што ў тыя дні стаяла сухое летняе надвор'е.

Звернемся да наступнага франтавога дня баёў, якія знайшлі адлюстраванне ў мемуарах Л. М. Сандалава: *У 6 гадзін раніцы 23. 06. 41 г. часці 14-га механізаванага корпуса, 28-га стралковага корпуса і 75-й стралковай дывізіі пачалі контратакі супраць часцей 47-га і 24-га матарызаваных і 12-га армейскага нямецкіх карпусоў. Аднак на іншых участках праціўнік, падтрыманы сканцэнтраваным артылерыйскім агнём і авіяцыяй, перайшоў у наступленне і сваімі танкавымі дывізіямі пачаў хутка прасоўвацца ў напрамку Кобрына і Пружан. Пад ударамі 3-й і 4-й танкавай, 31-й і 34-й пяхотных нямецкіх дывізій, якія наступалі паўздоўж Варшаўскай шашы, у раён Кобрына пачала адыходзіць групоўка савецкіх войск. Пасля 16-й гадзіны 3-я танкавая дывізія захапіла ў Кобрыне мост цераз р. Мухавец* [*5, с. 456, 460, 461].*

Параўнаем гэтыя падзеі з дакументальнымі звесткамі, якія вынікаюць з дзённіка баявых дзеянняў 2-й ТГр у дачыненні да другога дня вайны. Паводле ранішніх паведамленняў, першыя ўдары нямецкай авіяцыі на Маларыту, дзе былі сканцэнтраваны значныя сілы Чырвонай арміі, былі нанесены ў 5. 30. З 5. 45 да 6. 10 праходзіў нямецкі артылерыйскі абстрэл Пружан, у раёне якіх знаходзілася часці 18-й нямецкай ТД [10, Bl. 30]. А 8-й гадзіне перадавое падраздзяленне гэтай дывізіі пранікае ў лясны масіў Ружанскай пушчы на глыбіню да 3 км (за 25 км на паўночны ўсход ад Пружан). Паводле данясення, да 11-й гадзіны часці гэтай дывізіі захапілі Пружаны, пасля чаго быў камандуючым быў аддадзены загад аб перамяшчэнні палявога штаба танкавай групы ў Пружаны. Яшчэ раней паступіла данясенне 24-га ТД аб тым, што а 8-й гадзіне раніцы быў захоплены Кобрын.

У другой палове дня паступаюць данясенні, паводле якіх 1-я КД і 255-я ПД вялі наступленне на ворага ў раёне Збуража – Маларыты. 3-я ТД пачала марш ад Горска (33 км на паўночны ўсход ад Кобрына) у напрамку на Бярозу Картузскую. 12-ы АК вядзе баі ў раёне Жабінкі, 47-ы ТК – у раёне Більдзекі (за 22 км на паўночны ўсход ад Брэст-Літоўска). 18-я ТД рухаецца на Ружаны, 17-я прасоўваецца на поўнач ад трасы № 2 па дарозе Пружаны – Лыскаў.

Канчатковую карціну баявых падзей на другі дзень вызначаюць вячэрнія данясенні ў штаб 2-й ТГр, паводле якіх; 24-ы ТК знаходзіўся на баявых пазіцыях у раёне Бярозы Картузскай; 255-я ПД наступала ў напрамку на участак ручая за 6 км на паўднёвы захад ад Маларыты; у раёне Збуража – Маларыты сілам 1-й КД і 255-й ПД аказвалі ўпартае супраціўленне савецкія часці сіламі каля дывізіі;

4-я танкавая дывізія знаходзілася каля Кобрына і на ўсход ад Меднае (за 24 км на поўдзень ад Брэст-Літоўска). 3-я ТД захапіла Бярозу Картузскую ў 16. 30 з лёгка пашкоджаным мостам і наносіць далейшы ўдар у напрамку на р. Шчара.

Па выніках двухдзённых баяў 2-й ТГр на Берасцейшчыне паведамлялася, што за гэты час былі знішчаны 220 савецкіх танкаў, прычым 110 з іх толькі адным узмоцненым танкавым палком 18-й ТД [10, Bl. 34].

Трэці дзень вайны знаходзіць наступнае адлюстраванне ў мемуарах Л. М. Сандалава. *Раніцай 24. 06. 41 г. пасля авіяцыйнай і артылерыйскай падрыхтоўкі часці 3-й і 4-й танкавых дывізій 24-га нямецкага матарызаванага корпуса прарвалі слабую абарону нашых войск на рубяжы р. Ясельда. На баранавіцкім напрамку ў раёне Слоніма праціўнік упершыню сустрэў арганізаванае супрацьдзеянне савецкіх войск, і гэты дзень не прынёс чакаемага поспеху 47-му нямецкаму матарызаванаму корпусу* [*5, с. 470, 476].*

А вось як гэты дзень адлюстраваны ў данясеннях вермахта. З ранішніх данясенняў (па стану на 5. 30) 3-я ТД 24-га ТК здолела на працягу ночы без баёў стварыць плацдарм за р. Шчара, адкуль дывізія а 4-й гадзіне раніцы пачала рух на Слуцк. Пры гэтым 4-я ТД збіраецца ў раёне Кобры для таго, каб рушыць далей за 3-й дывізіяй. 12-ы АК дасягнуў папярэднім вечарам Бярозу Картузскую, пры гэтым 34 і 31-я ПД выйшлі на лінію Кобрын – Легаці (5 км на паўночны захад ад Кобрына) – Ластаўкі (11 км на паўночны захад ад Кобрына). 17 і 18-я ТД 47-га ТК з 4. 30 гадзін вядуць баі за плацдарм у раёне Слоніма. У 7. 23 і 7. 35 па радыё паступаюць загады: 24-ы танкавы корпус рухаецца далей на Слуцк; кавалерыйская дывізія пакідае Маларыту і падцягваецца; сам корпус авалодвае раёнам р. Шчара. 47-ы ТК бярэ Слонім, наносіць удар на Барановічы. 5-ы кулямётны батальён вядзе флангавую абарону Зельвянкі, галоўная кропка Зэльва. 29-я ПД (матарызаваная) як мага хутчэй авалодвае Пружанамі, Ружанамі [11, Bl. 37].

Каля 10-й гадзіны 1-я КД пасля паветранага ўдару авіяцыі займае Маларыту, дасягае Дзівін і на працягу сярэдзіны дня наступае далей. Паводле радыёданясення ад 47-га ТК, танкавы ўдар 17-й дывізіі адбіты. У 7. 20 заняты плацдарм на поўначы Слоніма. З 10. 00 18-я танкавая дывізія вядзе атаку на паўднёвую частку горада. Праз гадзіну пакідае горад і выступае ў напрамку Баранавіч. У другой палове дня (16. 23) камандуючы 2-й ТГр аддае загад 17-й ТД аб ліквідацыі небяспекі, якая ўзнікла з боку праціўніка на трасе на поўнач ад Слоніма ачыстцы, тады як 18-я ТД працягвае весці наступленне на Баранавічы. Пры гэтым камандуючы даводзіць да ведама, што значныя сілы праціўніка адыходзяць ад Ваўкавыска [11, Bl. 38].

У 17. 05 па радыё паступае загад ад камандзіра 47-га ТК камандаванню аб тым, што праціўнік акружае Слонім з захаду і поўдня танкавымі сіламі, таму 18-й МД неабходна неадкладна правесці адцягваючую атаку. Па стане на 18. 00 з данясенняў бачна агульнае становішча 2-й ТГр.

24-ы ТК: 1-я КД знаходзіцца на маршы з Дзівіна на Кобрын: 4-я ТД пачала далейшы рух ад Кобрына; 3-я ТД дасягнула па трасе № 1 населены пункт Марынава (за 22 км на поўдзень ад Баранавіч).

12-ы АК паведамляе аб цяжкім маршы наперад пры слабым процідзеянні праціўніка; 34 і 31-я ПД дасягнулі да 12. 00 лініі Лушчыкі (12 км на паўночны ўсход) – Харкі (21 км на поўнач ад Кобрына).

47-ы ТК: 18-я ТД вядзе баі на танкавай трасе № 2 за 15 км на ўсход ад Слоніма; 17-я ТД і 5-ы кулямётны батальён стварылі лінію абароны на ўчастку Слонім – Зельвянка – участак на поўнач і захад; 29-я ПД (матарызаваная) а 16-й гадзіне пачынае перамяшчэнне на трасу № 2 з раёна Пружан.

У дзённіку запісана, што ўзмацнілася дзейнасць савецкай авіяцыі, процістаяць якой не стае сіл па прычыне недахопу паліва. Камандаванне 2-й ТГр мае намер працягнуць наступленне на Слуцк і Мінск [11, Bl. 39].

А 21-й гадзіне прыходзіць загад камандуючага 2-й ТГр у дачыненні да наступных сутак 24 /25. 06. 1941 г. У загадзе адзначаецца, што значныя сілы праціўніка адыходзяць з Ваўкавыска на Слонім. З улікам сітуацыі галоўныя сілы 47-га ТК будуць задзейнічаны пад Слонімам. 24-ы ТК заняў раён на паўднёвы ўсход ад Баранавіч. Ставяцца наступныя баявыя задачы:

24-ы ТК трымае сіламі 3 і 4-й ТД раён на поўдзень ад Баранавіч з улікам таго, каб пры першай жа магчымасці можна было выступіць у напрамку Слуцка або Баранавіч. Правесці баявую разведку ў напрамку Слуцка;

47-ы ТК адкідвае назад з раёна Ружаны – Слонім – Зэльва на захад рускія сілы, якія адышлі сюды з-пад Ваўкавыска, далей блакуе невялікімі сіламі ўчастак Зяльвянка – Ражанка і выступае асноўнымі сіламі ў напрамку Нясвіжа;

46-ы ТК рушыць па абедзвюм трасам з дывізіяй СС “Рэйх” за 24-м танкавым корпусам, а 10-й ТД за 47-ым ТК. Падраздзяленне знішчальнікаў танкаў 10-й ТД адпраўляецца неадкладна ў распараджэнне групы;

12-ы АК наступае далей цераз участак р. Ясельды на ўчастак р. Шчара і праводзіць зачыстку паміж дзвюма танкавымі трасамі.

У якасці галоўных напрамкаў баявой дзейнасці нямецкае камандаванне вызначае: 1) баі ў раёне р. Прыпяць; 2) пачатак пераследу праціўніка ў напрамку р. Беразіна; 3) разгортванне бітвы пад Беластокам і Слонімам [11, Bl. 39–40].

Такім чынам, праведзенае даследаванне двухбаковых баявых дзеянняў у першыя тры дні вайны на тэрыторыі Беларусі сведчаць аб важнасці выкарыстання новых навуковых падыходаў для аб'ектыўнага асвятлення пачатку Вялікай Айчыннай вайны. Матэрыял паказвае. што нельга нічым замяніць дакументальныя звесткі, незалежна ад таго, у якіх гістарычных крыніцах яны адлюстраваны. Разгляд канкрэтных гістарычных фактаў, замацаваных у дзённіку баявых дзеянняў 2-й нямецкай ТГр, і тых гістарычных звестак, якія згаданы ва ўспамінах начальніка штаба 4-й арміі палкоўніка Л. М. Сандалава, пераконвае чытача ў тым, што больш дакладная карціна баявых падзей, што разгортваліся ў першыя тры дні вайны, пачала складацца нямецкімі храністамі, якія ў канкрэтнай прывязцы да мясцовасці і дакладнага часу паказвалі, з аднаго боку, ход наступлення часцей германскага вермахта, а з другога – вызначалі дакладныя рубяжы абароны Чырвонай арміі ў прывязцы да беларускіх населеных пунктаў і геаграфічных назваў. Як бачна, выкарыстанне нават гэтых даных павялічвае магчымасці для як пашырэння канкрэтных гістарычных фактаў, ўдакладнення геаграфічных рубяжоў адступлення савецкіх часцей, так і самае істотнае – паглыбленне ведаў аб асобных баявых падзеях у першыя тры дні вайны на тэрыторыі Беларусі.

У той жа час узнікаюць новыя пытанні даследчыцкага кшталту, напрыклад: на што ў далейшым неабходна абапіраліся гісторыкам пры навуковай верыфікацыі гістарычных падзей; ці можна шырока выкарыстоўваць звесткі, калі яны не прайшлі адпаведны навуковы аналіз ў працах прафесійных даследчыкаў, але зноў і зноў паўтараюцца ў публікацыях рознага кшталту? Аб важнасці навуковай верыфікацыі фактаў на прыкладзе мемуарнай літаратуры ў сучаснай беларускай гістарыяграфіі ўжо распачаты неабходны навуковы дыскурс [1; 3; 4], працяг якога дасць магчымасць не толькі адказаць на пастаўленае вышэй прынцыпова важнае пытанне, але і на навуковых падыходах стварыць каркас праверанага гістарычнага наратыву з апорай на аб'ектыўныя веды аб гісторыі Вялікай Айчыннай вайны.

1. Брест. Лето 1941 г. Документы. Материалы. Фотографии / сост.: К. Ганцер [и др.]. – 2-е изд., испр. – Смоленск : Инбелкульт, 2017. – 728 с.
2. Великая Отечественная война 1941–1945 годов : в 12 т. – Т. 2 : Происхождение и начало войны. – М. : Кучково поле, 2012. – 1008 с.
3. Новікаў, С. Я. Летнія баі 1941 г. на Беларусі ў мемуарах Г. Гудэрыяна і дзённіку баявых дзеянняў 2-й танкавай групы: спроба кампаратыўнага аналізу // С. Я. Новікаў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2014. – № 5. – С. 33–41.
4. Новікаў, С. Я. Беларусь улетку 1941 года: новыя падыходы ў даследаванні баявых дзеянняў. – 2-е выданне, выпраўленае, дапоўненае / С. Я. Новікаў. – Смаленск : Інбелкульт, 2015. – 436 с.
5. Сандалов, Л. М. На московском направлении / Л. М. Сандалов. – М. : Вече, 2010. – 576 с.
6. 1941 год: Страна в огне : в 2 кн. – Кн. 1 : Очерки. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2011. – 720 с.
7. Федэральны ваенны архіў Германіі (далей – BA-MA). Ostfeldzug: KTB der 2. Pz. Armee v. 22. 6. –20.8.1941. – RH 21–2 /927. – Bl. 1–280.
8. BA-MA. Darstellung der Ereignisse am 21.06.1941. – RH 21–2 /927. – Bl. 11–17.
9. BA-MA. Darstellung der Ereignisse am 22.06.1941. – RH 21–2 /927. – Bl. 20–27.
10. BA-MA. Darstellung der Ereignisse am 23.06.1941. – RH 21–2 /927. – Bl. 30–35.
11. BA-MA. Darstellung der Ereignisse am 24.06.1941. – RH 21–2 /927. – Bl. 37–41.

Крыварот А. А.

АРХІЎНЫЯ ДАКУМЕНТЫ ЯК ВАЖНАЯ КРЫНІЦА ДАСЛЕДАВАННЯ БАЯВОЙ САДРУЖНАСЦІ САВЕЦКІХ ПАРТЫЗАН НА ВІЦЕБШЧЫНЕ (1941–1942 ГГ.)

Тэрыторыя Віцебшчыны ў гады вайны стала месцам сумеснага змагання партызан Беларусі, Расіі, Латвіі, Літвы супраць германскіх акупантаў. Інфармацыя аб формах узаемадзеяння партызан суседніх рэспублік утрымліваецца ў дакументах фондаў Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь (далей НАРБ), у тым ліку 4п, 1336, 1391, 1450: данясеннях, рапартах, журналах баявых дзеянняў, баявых распараджэннях, справаздачах, даведках, лістах-допытах і. г.д. Пад тэрмінам «Віцебшчына» неабходна разумець сучасную тэрыторыю Віцебскай вобласці.

У фондах НАРБ аб узаемадзеянні савецкіх партызан на тэрыторыі Віцебшчыны ў першы год вайны захоўваюцца нешматлікія архіўныя звесткі, і датычацца яны ўсходніх раёнаў. Інфармацыя адносіцца да сумеснай дзейнасці са спецпадраздзяленнямі, якія былі закінуты на ўсход рэгіёна з савецкага тылу летам – восенню 1941 г. Самы ранні такі факт змешчаны ў фондзе 1391 (воп. 1, спр. 136), дзе захоўваецца пасляваенны ліст камандзіра разведгрупы М. І. Кавалёва. Дакумент

пацвярджае, што з гэтым падраздзяленнем дэсантнікаў, сфарміраваным з камсамольцаў-дабраахвотнікаў Масквы, устанавіла сувязь патрыятычная група колькасцю шэсць чалавек з вёскі Сімакі Машканскага сельсавета (кіраўнік групы А. А. Няхаеў). Разведгрупа прыбыла 21–22 жніўня 1941 г. у Багушэўскі раён. Партызаны дапамаглі парашутыстам сабрацца пасля няўдалага прызямлення, разам выконвалі баявыя заданні на шашэйных дарогах раёна, забяспечвалі дэсантнікаў разведдадзенымі, прадуктамі. У кастрычніку 1941 г. у сувязі з карнай аперацыяй разведгрупа выйшла за лінію фронта [11, л. 6, 9–12].

У гэтым самым раёне 4–5 верасня 1941 г. тры атрады правялі напад на Багушэўск, аб чым згадана ў фондзе 4п (воп. 33а, спр. 74 «Докладная записка секретарей Богушевского райкома КП(б)Б и дневник работы секретаря райкома по кадрам Прохоренко…18 сент. 1941–11 март. 1942»). Сярод гэтых падраздзяленняў былі Багушэўскі атрад, сфарміраваны з актыву раёна (камандзір сакратар райкама КП(б)Б А. К. Стэльмах), атрад акружэнцаў і мясцовых жыхароў на чале з капітанам П. С. Гапонцавым і атрад Заходняга фронту пад камандаваннем малодшага лейтэнанта І. Ф. Бяляева. У выніку налёту на райцэнтр былі ліквідаваны чатыры нямецкія салдаты і афіцэр, а таксама дзве машыны з акупантамі, якія былі выпраўлены на падмогу гарнізону [1, л. 3, 7].

Інфармацыя аб дзейнасці армейскага атрада Разведупраўлення Чырвонай Арміі на чале з Р. М. Ліньковым восенню–зімой 1941 г. на тэрыторыі Віцебшчыны ўтрымліваецца ў фондзе 4п (воп. 33а, спр. 175) і фондзе 1450 (воп. 4, спр. 68, 365). Асноўная частка падраздзялення складалася з рабочых і служачых Масквы. У справаздачы аб рабоце камісара атрада Кеймаха змешчаны дадзеныя аб узаемадзеянні з мясцовымі партызанскімі групамі на тэрыторыі Бешанковіцкага, Сененскага, Чашніцкага раёнаў. Згадана, што да канца кастрычніка 1941 г. атрад шляхам уключэння ў свой скалад груп з мясцовых актывістаў і акружэнцаў вырас да 110 чалавек. У вёсках былі створаны групы народнага апалчэння, якія разбуралі драўляныя масты і лініі сувязі. У пачатку лістапада 1941 г. атрад у сувязі з пераследам карнікаў, цяжкасцямі забеспячэння прадуктамі, а таксама для лепшай манеўранасці падзяліўся на тры групы, якія пэўны час дзейнічалі аўтаномна. Справаздача Д. І. Кеймаха была зроблена ў лютым 1942 г. пасля таго, як ён выйшаў у савецкі тыл для ўстанаўлення сувязі з Цэтрам (радыёстанцыя атрада была пашкоджана пры дэсантаванні). Гэта найбольш змястоўны архіўны дакумент аб узаемадзеянні атрада Р. М. Лінькова і мясцовых партызан у 1941 г. [3, л. 221–222].

У лісце-гутарцы з І. С. Саламонавым (афармлены ў савецкім тыле ў канцы 1942 г.) згадана аб яго сустрэчы з Р. М. Ліньковым 18 верасня 1941 г. на другі дзень высадкі дэсанта. Мясцовы актывіст прывёў факты арганізацыйнага ўзаемадзеяння падраздзялення Р. М. Лінькова і мясцовых партызанскіх атрадаў і груп. У дакуменце ўтрымліваюцца звесткі аб тым, што ў атрад Лінькова пэўны час уваходзіла група В. В. Шчарбіны, якая ў снежні 1941 г. пачала перамяшчэнне ў бок лініі фронту [19, л 12].

Некаторыя звесткі аб атрадзе Р. М. Лінькова сустракаюцца ў лісце-гутарцы, праведзенай 6 ліпеня 1943 г. у БШПР з камандзірам 1-й брыгады асобага прызначэння А. П. Брынскім. Так, у дакуменце згадана, што група ваенных і мясцовых жыхароў на чале з акружэнцам маёрам А. П. Брынскім дзейнічала восенню–зімой 1941 г. у складзе атрада Р. М. Лінькова і падарвала пяць мастоў [22, л. 211].

Каштоўнасць дакументаў аб узаемадзеянні партызанскіх атрадаў і груп з падраздзяленнямі, закінутымі з савецкага тылу ў жніўні–верасні 1941 г., заключаецца ў тым, што яны былі складзены «па гарачых слядах» (за выключэннем аднаго) на працягу 1942–1943 г. на аснове сведчанняў актыўных удзельнікаў барацьбы супраць германскіх акупантаў у першы год вайны. Архіўная інфармацыя дае магчымасць пашырыць досвед аб разгортванні партызанскага руху на ўсходзе Віцебшчыны ў 1941 г.

На пашырэнне ўзброенай барацьбы супраць акупантаў у 1942 г. істотна паўплывалі наступныя фактары. Па-першае, пасля контрнаступлення войск Краснай Арміі зімой 1941/1942 г. яе перадавыя часці падышлі да межаў Віцебскай вобласці і разам з партызанамі Віцебскай і Смаленскай абласцей утварылі «Віцебскія вароты» (40-кіламетровы пралом у лініі фронта). З савецкай тэрыторыі праз «вароты» у 1942 г. на Віцебшчыну праніклі дзясяткі падраздзяленняў, сфарміраваных партыйнымі і камсамольскімі органамі розных рэгіёнаў РСФСР. Па-другое, масавы характар набыла адпраўка армейскіх і чэкісцкіх груп, якія раней абаранялі Маскву. Па-трэцяе, пасля няўдалых спроб перакінуць літоўскія і латышскія групы на акупаваную тэрыторыю балтыйскіх рэспублік паветраным шляхам Цэнтр вырашыў выкарыстаць для гэтых мэтаў тэрыторыю Віцебшчыны.

Большасць падраздзяленняў, перакінутых з Вялікай зямлі ў 1942 г., падчас знаходжання на беларускай зямлі ў розных формах ўзаемадзейнічала з мясцовымі партызанамі, што знайшло сваё адлюстраванне ў сотнях дакументаў фонду 4п, 63, 1336, 1391, 1450.

У палітданясеннях, справаздачах, даведках, успамінах удзельнікаў партызанскага руху ўтрымліваюцца звесткі аб тым, што з сярэдзіны сакавіка 1942 г. ва ўсходнія раёны вобласці для разгорвання партызанскага руху і дыверсійнай дзейнасці на камунікацыях рашэннем Ваеннага савета

4-й ударнай арміі былі накіраваны падраздзяленні Смаленскай вобласці. Сярод першых прасачыліся на беларускую тэрыторыю атрады «Радзіма» (камандзір А. Ф. Данукалаў) і «Смерць ворагам» (камандзір Я. М. Антоненка), якія на тэрыторыі Лёзненскага раёна аб'ядноўвалі мясцовыя партызанскія групы і падраздзяленні воінаў-акружэнцаў [11, л. 19, 21, 31, 41; 8 л. 16].

Маюцца дакументальныя сведчанні, што на працягу вясны–лета 1942 г. актыўна займалася пашырэннем партызанскага руху на тэрыторыі Віцебшчыны 2-я Смаленская брыгада (камандзір В. В. Стралкоў), якая падпарадкоўвала сваю дзейнасць Ваеннаму савету 4-й ударнай арміі. Ад брыгады на тэрыторыю Багушэўскіх лясоў і ў раён Оршы былі закінуты пяць груп агульнай колькасцю 63 чалавекі, а ў Лёзненскі раён атрад на чале з пракурорам Панізаўскага раёна Смаленскай вобласці І. Р. Чарнышовым. Разам з арганізацыйнай работай падраздзяленні смаленскіх партызан сумесна з мясцовымі групамі праводзілі баявыя аперацыі [2, л. 129, 140; 3, л. 130; 15, л. 123].

Асноўным месцам баявога ўзаемадзеяння беларускіх і смаленскіх партызан у 1942 г. быў трохкутнік Віцебск–Орша–Смаленск, дзе праходзілі важнейшыя стратэгічныя камунікацыі германскіх войск. У архіўных дакументах знайшлі адлюстраванне сумесныя аперацыі на чыгуначных і шашэйных дарогах, напады на акупацыйныя гарнізоны. Летам 1942 г. у трохкутніку дзейнічала пяць беларускіх партызанскіх фарміраванняў, у тым ліку брыгады К. С. Заслонава, А. Ф. Данукалава, пяць атрадаў Смаленскай вобласці, сярод якіх былі падраздзяленні М. В. Антоненкава, А. Г. Саўчанкі, а таксама чэкісцкая і армейская групы [8, л. 45; 9, л. 316–318; 14, л. 4; 16, л. 51–53].

У баявых данясеннях смаленскага атрада «Перамога» (камандзіры Рыбакоў, К. І. Новікаў), а таксама ў гісторыі гэтага падраздзялення ўтрымліваюцца звесткі аб падрыве за лістапад–снежань 1942 г. трох эшалонаў на лініі Крынкі–Заольша, разбурэнні маста на шашы Віцебск – Смаленск у раёне Заольша, нападах у жніўні 1942 г. на апорныя пункты акупантаў у Фокіне, Уне, Пагосцішчах, Красынях на тэрыторыі Лёзненскага раёна. У гэтым і іншых аперацыях атрада ўдзельнічалі партызаны з брыгады А. Ф. Данукалава [5, л. 365–366; 15, л. 49, 51, 52, 61, 89, 91,92].

Архіўныя звесткі ўказваюць на тое, што першыя кантакты беларускіх і калінінскіх партызан адбыліся ў пачатку 1942 г. Група В. В. Шчарбіны падчас перамяшчэння з Лепельскага раёна ў бок лініі фронту на тэрыторыі Тарапецкага раёна 10 студзеня 1942 г. часова ўвайшла ў склад мясцовага атрада [2, л. 3]. Такія кантакты ў пачатку 1942 г. мелі месца і на поўначы Віцебшчыны. Па архіўных дадзеных атрад Ідрыцкага раёна на чале з С. Б. Майсеенкам быў арганізаваны 8 студзеня 1942 г. На тэрыторыі Асвейскага і Расонскага раёнаў атрад папаўняў свае шэрагі групамі мясцовых патрыётаў. Вясной 1942 г. па ініцыятыве С. Б. Майсеенкі быў створаны атрад у Расонскім раёне, у складзе якога былі П. М. Машэраў і С. Б. Пятроўскі. У маі 1942 г. два атрады аб'ядналіся ў раёне вёскі Малінкі ў атрад «Сяргееўскі» [4, л. 10–11, 16–23, 56; 12, л. 14; 20, л. 4, 9, 13].

У архіўных дакументах утрымліваюцца звесткі аб баявым узаемадзеянні беларускіх і калінінскіх партызан на поўначы і паўночным усходзе Віцебшчыны ў 1942 г. Так, 25 сакавіка атрад на чале з М. І. Дзячковым і група партызан Невельскага раёна правялі паспяховы налёт на гарнізон у пасёлку Лехава на граніцы Віцебскай і Калінінскай абласцей і нанеслі немцам значны ўрон [2, л. 18, 136; 16, л. 1]. У чэрвені 1942 г. беларускімі і калінінскімі атрадамі ўзгоднена было праведзена 10 падрываў рэек на чыгуначнай лініі Полацк–Невель, у выніку чаго прапускная здольнасць участка істотна знізілася. Беларуская дыверсійная брыгада ў ліпені 1942 г. рыхтавала падрыўнікоў для калінінскіх атрадаў. З другой паловы 1942 г. калінінскія брыгады сталі рэгулярна атрымліваць грузы з Вялікай зямлі праз аэрадром Сяляўшчына ў Расонскім раёне [8, л. 19–20].

З данясення атрада імя Фрунзе Асвейскага раёна вынікае, што латышскія партызаны сталі ўдзельнічаць у барацьбе супраць германскіх акупантаў на тэрыторыі Віцебшчыны з вясны 1942 г. У беларускім падраздзяленні была група з 32 латышоў на чале з А. М. Громам, якая перайшла з Латвіі і знаходзілася ў атрадзе як аўтаномная баявая адзінка. Латышская група сумесна з беларускімі атрадамі імя М. В. Фрунзе і імя М. А. Шчорса, падраздзяленнем калінінскіх партызан удзельнічала 12 чэрвеня 1942 г. у нападзе на паліцэйскую ўправу ў латвійскім мястэчку Палашчына, 14 чэрвеня вяла бой супраць карнага атрада каля вёскі Лісна Асвейскага раёна, праводзіла дыверсіі на шашэйных дарогах і рабіла налёты на апорныя пункты ворага [12, л. 4; 13, л. 16].

У архіўных справах па Вілейскай вобласці ўтрымліваюцца звесткі, што асноўным месцам узаемадзеяння беларускіх і літоўскіх партызан у 1942 г. быў Браслаўскі раён. У казянскіх лясах у верасні–лістападзе 1942 г. сумесна дзейнічалі атрад «Спартак», падраздзяленне літоўскіх партызан на чале з Й. Арлаўскасам і група латышскіх партызан І. Бараноўскага. У дакументах адзначана, што за гэты час імі былі праведзены дыверсіі на камунікацыях Вільнюс–Даўгаўпілс, Полацк–Вільнюс, 15 аперацый супраць апорных пунктаў акупантаў, у тым ліку ў Казянах, Йодах, Воспе, разгромлены зводны атрад паліцыі каля вёскі Возерава. У дакументах галоўнай прычынай, па якой партызанскім падраздзяленням не ўдалося замацавацца ў рэгіёне і давялося перамясціцца на ўсход Віцебшчыны,

называецца буйная карная экспедыцыя, якую акупанты правялі ў трэцяй дэкадзе лістапада 1942 г. [19, л. 144, 159, 172аб; 21, л. 12, 12аб, 18аб, 20, 289, 311, 313аб, 314 аб].

Закінутыя на працягу 1942 г. атрады і групы з Вялікай зямлі у раёнах сваёй дыслакацыі дапамагалі мясцовым групам і атрадам зброяй і боепрыпасамі, у падрыхтоўцы падрыўнікоў, наладжванні сувязі з Цэнтрам, умацоўванні партызанскіх фарміраванняў, выступалі ініцыятарамі правядзення сумесных баявых аперацый. Найбольшая колькасць інфармацыі ў архіўных матэрыялах (фонды 4п і 1450) захоўваецца аб дзейнасці атрада на чале з А. І. Петраковым, накіраванага Ваенным саветам 29-й арміі Калінінскага фронта, і аб падраздзяленні НКУС СССР (камандзір М. С. Прудзікаў). Гэтыя атрады былі сфарміраваны ў асноўным з жыхароў Масквы [6, л. 108; 7, л. 12–13, 32, 35–36; 8, л. 39, 47–48; 12, л. 1–3; 13, л. 153–154; 15, л. 29; 18, л. 1–3; 20, л. 32].

Заўважны след на Віцебшчыне ў жніўні–верасні 1942 г. пакінуў маскоўскі рэйдавы атрад «Баявы» (камандзір А. К. Флегантаў), што знайшло сваё адлюстраванне ў дакументах. Падчас перамяшчэння на тэрыторыю Міншчыны атрад правёў выніковыя дыверсіі на камунікацыях у Віцебскай вобласці сумесна з партызанамі брыгад С. М. Кароткіна і Ф. Ф. Дуброўскага [3, л. 157; 23, л. 48, 50, 54]. Першымі сярод сібірскіх партызанскіх падраздзяленняў прыбылі на тэрыторыю Беларусі камсамольскія атрады – Новасібірскі імя С. Г. Лазо (камандзір І. А. Куксёнак) і Омскі «Сібірак» (камандзір М. Я. Паддубны). Адразу па прыбыцці на тэрыторыю Віцебшчыны ў кастрычніку–лістападзе 1942 г. расійскія атрады сумесна з беларускімі партызанамі сталі праводзіць баявыя аперацыі, што засведчана архіўнымі дакументамі [5, л. 274.10, л. 82; 17, л. 2–8, 247].

На аснове разглежданых дакументальных сведчанняў можна сцвярджаць, што Віцебшчына ў 1941–1942 г. была важным плацдармам прасоўвання партызанскага руху на тэрыторыі Беларусі і суседніх савецкіх рэспублік, адыграла значную ролю ў заснаванні восенню 1942 г. Брацкага партызанскага краю.

1. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ) – Ф. 4п. Воп. 33а. Спр. 4
2. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 33а. Спр. 158
3. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 33а. Спр. 175
4. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 33а. Спр. 176
5. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 33а. Спр. 177
6. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 33а. Спр. 179
7. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 33а. Спр. 523
8. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 33а. Спр. 660
9. НАРБ – Ф. 63. Воп. 9. Спр. 2
10. НАРБ. – Ф. 1391. Воп. 1. Спр. 136
11. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 2. Спр. 1249
12. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 2. Спр. 1251
13. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 3. Спр. 136
14. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 3. Спр. 179
15. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 15
16. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 20
17. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 27
18. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 68
19. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 72
20. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 76
21. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 365
22. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 373.

Корсак А. И.

ОПЕРАТИВНЫЕ СВОДКИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ГРУППЫ ЦК КП(Б)Б И СНК БССР КАК ИСТОЧНИК ПО УЧЕТУ ПОТЕРЬ ПАРТИЗАН И МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ[1]

Проблема подсчета потерь до сих является актуальной, не смотря на значительный спектр публикаций в данном направлении. Спор вызывают как потери на фронтах, так и потери на оккупированной нацистами территории Советского Союза в целом, и Беларуси в частности.

Особую проблему, на наш взгляд, вызывают потери партизан и мирного населения, произвести подсчет которых более сложно, чем воинов Красной армии. В первую очередь это связано с разбросом данных в разных источниках.

Потери среди гражданского мирного населения, как правило, анализировались по Актам Чрезвычайной государственной комиссии. По крайней мере, в советской историографии и

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ и РФФИ в рамках проекта № Г20Р-287 «Народ и власть: оккупанты, коллаборационисты и партизаны на пограничной территории Беларуси и северо-запада России в 1941–1944 гг. ».

в 1990-ые гг. данные материалы являлись основным источником в исследовании вопросов уничтожения мирного населения нацистскими оккупационными властями на территории Беларуси.

В данной статье сделана попытка при помощи компаративистики архивных документов Национального архива Республики Беларусь (далее НАРБ) провести параллель между зафиксированными фактами потерь среди партизан и мирного населения в сводках Северо-Западной группы ЦК КП(б)Б с другими документами по фиксации злодеяний, совершенных немецко-фашистскими захватчиками и списками потерь БШПД среди советских партизан.

Впервые обратим внимание на другой источник, ранее не использовавшийся в историографии в рамках изучения политики памяти. Подходя критически к нему, принимаем, что данный вид источника не основной, но, тем не менее, относительно являющийся первичным (создан по горячим следам) по отношению к тем же актам ЧГК. Разговор ведется про оперативные сводки Северо-Западной группы ЦК КП(б)Белоруссии по поступившим документам и материалам в период с июня по сентябрь 1942 г. Всего нами проанализировано общим количеством пятнадцать сводок (№№ 1–12, 14–16) [1]. Следует отметить, что Северо-Западная группа ЦК КП(б)Б действовала до момента создания 5 сентября 1942 г. Белорусского штаба партизанского движения (далее БШПД). Кстати, и последняя сводка датируется 4 сентября 1942 г. [1, л. 77–80].

Обратимся к характеристике источника. Сводки составлены на основе сообщений и донесений командиров и комиссаров партизанских отрядов, бригад, а также диверсионных и разведгрупп с указанием соответствующих фамилий или командования в целом.

Сводки с № 1 по № 9 подписаны ответственным организатором Северо-Западной группы ЦК КП(б)Б по информационно-разведывательной работе тов. Коссым [1, л. 1–33], а №№ 10–12, 14–16 – заведующим сектором ЦК КП(б)Б тов. Шмаковым [1, л. 34–75].

Хронологический порядок составления отчетных документов не имеет одинаковых интервалов времени. Снова же зафиксированные даты в названии сводок не имеют отношения непосредственно к моменту создания документа, а касаются периода отчетности о проделанной работе (боевой и диверсионной деятельности) партизанских формирований. К примеру, за июнь 1942 г. имеется только одна сводка, в июле этого же года зафиксировано семь, в августе – шесть, а в сентябре только одна с отчетностью за 4 сентября [1]. Можно предположить, что документы составлялись или в тот же день, или на следующий, об этом нам говорят проставленные даты в конце текста сводок №№ 3, 6, 7, 9, 10, 14 [1, л. 11–14, 18–39, 66–70]. Нужно учитывать и военные условия, когда оперативная информация актуальна здесь и сейчас, особенно в части разведывательных данных.

Структурно каждый документ состоит из двух частей: первая – боевые действия белорусских партизанских отрядов, вторая – разведывательные данные. Исключение составляет сводка № 1, которая представляет собой отчетность Первой Белорусской партизанской бригады за период с 12–18 июня 1942 г. (стоит заметить, что сама сводка датируется периодом с 1 по 7 июня 1942 г. – авт.) [1, л. 1–6]. Второй составляющей является характеристика партизанского движения в Россонском районе Витебской области [1, л. 4–6]. Можно предположить, данная ситуация возникла по причине того, что Первая партизанская бригада и была первым бригадным соединением партизан на данной территории в апреле 1942 г. Кроме того, Россонский район изначально отличался своей активностью не в обиду будет сказано по отношению у другим районам Витебщины, где партизанское движение формировалось приблизительно в одни и те же сроки. Возможно, это и стало причиной такого пристального внимания в сводке № 1.

Следует отметить ещё одну особенность данных сводок – помимо боевой деятельности партизанских формирований на подконтрольной территории Северо-Западной группы ЦК КП(б)Б (Витебская, северная часть Минской и Могилевская область – авт.) имеются данные, к примеру, по Полесской области, сообщенные одной из гражданок «из тыла противника» [1, л. 71–76].

Далее перейдем непосредственно к предмету исследования – потерям среди партизан и мирного населения на территории, находящейся под контролем Северо-Западной группы ЦК КП(б)Б вплоть до создания БШПД.

Как уже говорилось выше, сводки представляют собой обобщающие сведения, поступающие различными партизанскими формированиями в период с июня по сентябрь 1942 г. в информационно-разведывательный сектор. Общее число партизанских формирований от отрядов до сформированных в дальнейшем на их основе бригад вычисляется примерно в тридцать наименований. Почему примерно, потому что некоторые из них в июльских сводках фиксировались как отряды, а уже в августовских числились как бригады, что в принципе абсолютно закономерно. Примером может служить партизанские отряды Я. Сташкевича и М. Прудникова, которые постепенно переросли в партизанские бригады соответственно в 4-ую Белорусскую и «Неуловимые».

Данные по потерям в целом, включая и сторону противника, отражённых в сводках, можно представить схематично для большей наглядности (Диаграмма 1.).

Диаграмма 1. Количество потерь по данным сводок Северо-Западной группы ЦК КП(б)Б за период июня–сентября 1942 г.

[выборка осуществлена автором на основе источника: 1]

Так, абсолютно большим числом в 8 013 немцев (как указано в документах) и 765 полицейских представлена сторона противника. К этим данным можно относиться по-разному, в том числе и критически. Но это не входит в предмет нашего исследования.

Обратимся к цифрам потерь партизан. В сравнении с цифрами убитых ими противников процент погибших среди партизанского состава незначителен – от общей суммы 1%. В принципе это объяснимо, т.к. 1942 г. – это время консолидации партизанского движения, когда партизанские отряды особо не вступали в открытые бои с противником. Особенно те, которые формировались из числа местного населения, не имевшего навыков ведения боевых действий. Соответственно, значительных потерь не имели.

В НАРБ в фонде БШПД имеются списки погибших партизан. При сверке данных между количеством указанных потерь в сводках и именных списков исследуемого нами периода по 1-й Белорусской партизанской бригаде погрешность оказалась незначительной – соответственно 31 и 29 человек[1] [2; 3; 4]. Это говорит об ответственности ведения документации по учету потерь. В то же самое время первичное место захоронения, к сожалению, указано лишь в двенадцати случаях.

Проверить факт увековечения памяти погибших партизан из числа известных фамилий по именным спискам потерь БШПД сложно, т.к. открытый доступ к автоматизированному банку данных «Книга памяти» Республики Беларусь [5] не позволяет в полной мере это произвести по причине её несовершенства и порой ошибочности в выдаче результата. В случае 1-й Белорусской партизанской бригады ни одна фамилия не была подтверждена. Ответа два: или причина в базе данных, или они не учтены ни в одном из воинских захоронений. Последнее вероятнее всего.

Приведем еще один пример. С 1 по 15 августа 1942 г. партизанской бригадой «Алексея» (им. А. Ф. Данукалова) были проведены активные боевые действия, в ходе которых уничтожено 835 немецких солдат и офицеров, 16 полицейских, при этом были значительные потери и со стороны партизан – 11 человек [1, л. 71], из которых согласно спискам БШПД только двух мы можем условно отнести к потерям этого периода, т.к. указано «май–октябрь 1942 г.» [2; 3; 4]..

Партизанская бригада Н. П. Гудкова в докладных записках за август 1942 г. отчиталась о наличии потерь в три человека за период начиная с октября 1941 г. [1, л. 40–41]. В именных списках БШПД по документам бригады все потери имеют отношение к концу ноября 1942 г. – 1943 г. [2; 3; 4].

Выше приведенные примеры указывают на то, что поименно они не были учтены, в любом случае в именных списках их нет.

[1] Выборка произведена автором.

Обратим внимание, что в одной из сводок за № 4 согласно «показаниям делегатов партизанского отряда (партизанская бригада «Смерть фашизму» тов. Мельникова – авт.) тт. Коньева Б. А., Литвиненко И. Ф. и Краснова П. В.» от 3 августа 1942 г. в ходе столкновения с карательным отрядом около д. Глыбочка (Ушачский р-н Витебская обл. – авт.) во время перестрелки был убит партизан Львов и ранен Зуйков, т.е. указаны конкретные фамилии, что не характерно для документов такого типа. В списках БШПД был найден боец 1927 г., уроженец д. Туровля (Полоцкий р-он Витебская обл. – авт.), беспартийный, учащийся, вступивший в отряд 20 мая 1942 г. Львов Стефан Семенович [3]. При сопоставлении данных имеем разницу в три дня в фиксации даты гибели – в сводке указано 10 июня 1942 г. [1, л. 15], а в именном списке – 13 июня 1942 г. [3]. Факт совпадения есть. Но факт учета партизана С. С. Львова, к сожалению, не подтверждается.

Таким образом, при сопоставлении данных документов разного происхождения по потерям партизанских формирований мы имеем разницу в общих данных. Кроме того, увековечить

В заявленной теме исследования помимо партизанских потерь фигурируют и жертвы среди мирного населения. Из всех сводок Северо-Западной группы ЦК КП(б)Б только в одной из них имеются данные, предоставленные 1-й Белорусской партизанской бригадой за период с 12 по 18 июня 1942 г. В распоряжении исследователя две цифры – одна имеет отношение к восьми сельским советам Суражского р-на общим количеством в 165 человек (из них **156 расстреляно**, 8 сожжено, 1 повешен), а другая указывает на конкретные данные в **70 человек** убитыми по Николаевскому с/с Витебского р-на [1, л. 2]. Обратим внимание, что в докладной записке секретаря Суражского подпольного райкома КП(б)Б И. Ф. Бардиана секретарю Витебского подпольного обкома КП(б)Б Я.А. Жилянину о преступлениях, совершенных немецкими оккупантами в Суражском районе от 28 июня 1942 г. указаны по тем же восьми сельским советам немного другая цифра, в частности, **по расстрелянным – 124 человека**, в остальном данные сходятся [6, с. 32]. По Николаевскому с/с Витебского района количество жертв среди населения имеет расхождение в 56 человек. В сообщении начальника НКВД Витебского р-на А. П. Максименко о преступлениях, совершенных в районе немецкими оккупантами, от 7 июля 1942 г. по данному сельскому совету указана обобщенная цифра в **126 человек**[1] [6, с. 38–39].

Можно предположить почему внимание жертвам карательной политики нацистов уделено в одной из сводок. Вероятно, что это связано с функционированием «Витебских» или «Суражских ворот». 1-я Белорусская партизанская бригада в том числе дислоцировалась непосредственно на данной территории и производила их «охрану». Нацисты предпринимали ряд попыток по зачистке данной территории. Только в летний период времени 1942 г. было проведено около шести карательных операций [7, с. 25–27] против партизанского движения, в ходе которых уничтожалось мирное население, представлявшееся карателями в качестве пособников партизан.

Установить и прийти к конечному результату в процессе увековечения памяти по жертвам среди мирного населения практически невозможно. Основная причина всему – разброс цифр в диапазоне от нескольких десятков до сотен. Из приведенных выше документов очевидным является, что в рамках донесений одного года имеется разница в количестве жертв среди мирного населения. Что говорить о фактах, которые фиксировались ЧГК, и тем более в 1960-ые при сборе информации с целью увековечения всех сожженных деревень Беларуси в мемориальном комплексе «Хатынь».

Таким образом, при сопоставлении архивных документов различного происхождения очевидным является факт разброса цифр как по потерям партизан, так и по жертвам среди мирного населения, которые требуют острожного подхода, главным образом, в решении вопросов увековечения их памяти в воинских захоронениях и местах массового уничтожения мирного населения.

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 1450. Оп. 3. Д. 20.
2. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 6. Д. 293.
3. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 6. Д. 295.
4. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 6. Д. 296.
5. Автоматизированный банк данных «Книга памяти» Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mil.by/base/. – Дата доступа: 15.12.2020.
6. Сожженные деревни Белоруссии, 1941–1944: Документы и материалы / сост.: Н. В. Кириллова [и др.]. – М. : Фонд «Историческая память», 2017. – 512 с.
7. Памяць Беларусі: Рэспубліканская кніга / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭН, 2005. – 592 с.

[1] Выборка и подсчет произведены автором.

Твердюкова Е. Д.

СОЦИАЛЬНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ РУКОВОДИТЕЛЕЙ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА (ПО ИХ АВТОБИОГРАФИЯМ И АНКЕТАМ)

Каждый советский человек в течение своей жизни неоднократно (при переходе на новую работу или должность, вступлении в комсомол или в партию) заполнял множество документов: личных листков по учету кадров, анкетных листов, автобиографий. Вместе с производственными характеристиками, партийными рекомендациями, выписками из приказов начальства и решений уполномоченных органов, справками кадровых служб они составляли его личное дело. Эти материалы, традиционно включаемые в комплекс документов по личному составу, служат незаменимыми источниками при воссоздании персональной истории – одного из современных направлений социогуманитаристики, но их источниковедческому анализу в отечественной науке пока еще уделяется недостаточно внимания.

Цель доклада – анализ социальной самоидентификации руководителей среднего и высшего звена блокадного Ленинграда по их автобиографиям и анкетным листам (датированным, по большей части, концом 1930-х – серединой 1940-х гг.). На сегодняшний день изучены личные дела 611 управленцев, которые позволяют судить о том, каким образом они определяли свою классовую идентичность, являвшуюся, по словам советолога Ш. Фицпатрик, главным компонентом автобиографической картины советского человека [4, с. 111].

Первоначально мы исходили из двух посылок: 1) поскольку автобиографии и анкеты адресовались в кадровые службы, гражданин должен был «презентовать» себя и свое происхождение в самом выгодном свете, 2) в стране победившего пролетариата самой беспроигрышной, не вызывавшей вопросов и не препятствовавшей карьерному росту, считалась принадлежность к рабочему классу. Однако, как выяснилось в ходе статистической обработки сведений из личных дел, около половины ленинградских управленцев указали в своих документах, что они являлись выходцами из крестьянского сословия: 271 чел. (44, 4 %). Количество рабочих, против наших ожиданий, оказалось не столь велико: 137 чел. (22, 4 %). Примечательно, что порой о принадлежности к рабочим не говорилось даже в том случае, если занятие родителей позволяло об этом говорить. Так, А. Г. Цветков, возглавлявший в годы блокады Топливно-энергетическое управление Ленгорисполкома, написал в автобиографии, что отец его служил кондуктором на железной дороге в г. Пензе, а мать трудилась на Сергеевской бумажной фабрике. Уточнив, что отец являлся выходцем из крестьян, он указал в анкете свое происхождение как «крестьянское».

Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что наличие крестьянских корней в подавляющем большинстве случаев не получало отражения в послужных списках: лишь в одном личном деле – заместителя председателя Фрунзенского райисполкома Ф. И. Омельченко – содержится прямое указание на то, что трудовой путь он начал как крестьянин. Еще в 11 случаях в сведениях о занимаемых должностях присутствует информация о работе батраком, в 8 случаях – пастухом, в 1 случае – конюхом. Большинство блокадных руководителей, независимо от места их рождения, первым своим занятием указывали неквалифицированный рабочий труд (поденный или подсобный рабочий, подручный, мальчик-ученик) или службу на низших канцелярских должностях в сельских выборных, а также государственных органах (писарь, секретарь, делопроизводитель). Информацию о том, что в подростковом возрасте человек помогал отцу-крестьянину в хозяйстве, в редких случаях можно почерпнуть из автобиографий. Таким образом, ленинградские управленцы чаще всего с самого начала связывали свою трудовую деятельность с городом, а не с деревней, но происхождение указывали «по отцу».

Полученные данные позволяют сделать вывод, что крестьянская родословная в конце 1930-х гг. стала считаться вариантом социально одобряемой нормы. Вероятно, озвученная И. В. Сталиным схема деления советского общества на два лишенных антагонистических противоречий класса (трудовое крестьянство и рабочие) с прослойкой в виде дружественной им интеллигенции имела практическим следствием то, что сельские труженики перестали считаться олицетворением мелкобуржуазной стихии, и пролетарское звание не становилось безусловно необходимым для занятия руководящей должности.

Но если принадлежность к рабочим и крестьянам в равной степени воспринималась как свидетельство безусловной лояльности Советскому строю, служила определенным «пропуском» для продвижения по карьерной лестнице, как идентифицировали свое социальное происхождение представители иных общественных слоев?

Из 611 ленинградских управленцев 144 чел. (23, 6 %) указали в своих анкетных листах и личных листках по учету кадров, что являлись выходцами из мещан, 50 чел. (8, 2 %) – из служащих. Тех, чьи родители являлись дворянами, священнослужителями или почетными гражданами,

насчитывались единицы. Однако совершенно очевидно, что эти данные неполны. Так, заместитель начальника Статистического управления И. Г. Кальмансон, написавшая в анкете, что происходит из мещан, уточнила в автобиографии, что отец ее до 1926 г. был резник (служитель культа, производивший убой скота и птицы в еврейской общине в соответствии с требованиями кашрута). Точно так же поступили директор завода «Центролит» С. И. Фрагин и начальник Управления финансирования коммунально-жилищного хозяйства Городского финансового отдела Б. И. Срогович.

В анкетном листе заведующей сектором Городского отдела по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих В. Г. Сытиной указано происхождение «из служащих». В автобиографии говорится о том, что ее отец Г. Ф. Варрон («военнослужащий-офицер») был убит на войне 23 октября 1914 г., а мать, являвшаяся домашней хозяйкой, после смерти супруга поступила на службу бухгалтером. Сытина скромно умолчала о том, что ее отец, выпускник Петровского Полтавского кадетского корпуса, дослужился в Вильманстрандском полку до капитана, а мать принадлежала старинному купеческому роду Киселевых. Заместитель главы Ленгорздравотдела по оборонным вопросам В. П. Троицкий, написавший в анкетном листе, что происходит из семьи врача, в автобиографии уточнил, что родился в Варшаве в семье доктора медицины, профессора П. А. Троицкого. Отец В. Ф. Трибуца служил околоточным надзирателем в Санкт-Петербурге. За сокрытие этого факта в 1933 г. будущему командующему Краснознаменным Балтийским флотом был объявлен выговор в ходе кампании по проверке партийных документов, но в 1940 г. в анкетном листе он все же отметил сословие родителей: «из крестьян». За мещанским происхождением Я. И. Эстеркина, исполнявшего с 1941 г. обязанности директора Шинного завода, скрывалось то, что его родители – кустари – до 1928 г. применяли наемную рабочую силу (в их мастерской трудились 3 чел.), были лишены избирательных прав, а в ходе паспортизации населения в начале 1930-х гг. были высланы из Ленинграда и смогли вернуться в город лишь в 1935 г.

Подобных примеров можно привести множество. В связи с этим можно сделать несколько заключений. Во-первых, практика «затушевывания» неудобных с классовой точки зрения фактов была весьма распространена в советской действительности 1930-х – 1940-х гг. Во-вторых, подобное «затушевывание становилось опасным. Ведь наряду с автобиографией (излагавшейся в свободном стиле, с возможностью замалчивания некоторых биографических сюжетов) советский человек был вынужден заполнять анкетные листы, содержавшие конкретные вопросы относительно прошлого (в частности, о сословии /звании и основном занятии родителей – как до революции, так и после нее). Врач-психиатр С. А. Сокольская, дочь священника, описывая переживания при прохождении бюрократических процедур при трудоустройстве, так объясняла свое нежелание скрывать правду: «Заполняя после революции массу анкет, я ни разу не усомнилась написать свое “социальное происхождение” как-нибудь иначе. Это до известной степени давало успокоение, уж будь что будет, что полагается. Как-то даже чудилась ловушка. Заполнение анкет проводилось канцелярской барышней. Она задавала вопросы через барьер на значительном расстоянии, так что приходилось говорить громко. Дойдя до этого вопроса, она сама громко ответила: “Служащий!”. Я же громко поправила ее: “Лена! Пишите “служитель культа полностью!”» [3, л. 41]. Несмотря на чувство «уязвимости» по сравнению с теми, чья биография была классово-безупречной, С. А. Сокольская не только не подвергалась каким-либо дискриминациям в своей трудовой деятельности, но и была избрана депутатом райсовета.

Таким образом, можно заключить, что в 1930-е гг. социально-чуждое происхождение перестало считаться «криминальным». Причиной тому, вероятно, служил острый дефицит квалифицированных работников. Выступая 16 февраля 1941 г. на 18-й партийной конференции, начальник Управления кадров ЦК ВКП (б) Г. М. Маленков призвал покончить с «биологическим» подходом при подборе специалистов, оценивая кандидатов по их работе, а не руководствуясь анкетными данными: «… во многих партийных и хозяйственных органах при назначении работника больше занимаются выяснением его родословной, выяснением того, кем были его дедушка и бабушка, а не изучением его личных деловых и политических качеств, его способностей» [2, с. 4].

Мы полагаем, что значимость социальной принадлежности (и самоидентификации) в СССР 1930-х – 1940-х гг. не стоит преувеличивать. В отличие от первых лет Советской власти, она перестала выполнять роль фильтра для отбора кандидатов на руководящие должности и могла при случае стать поводом для обвинений в чужеродности, но не их причиной. Показательными в этой связи могут являться материалы личного дела заместителя главы Плановой комиссии Ленгорисполкома (Ленплана) А. А. Ярошевича. В феврале 1943 г. он указал в своей автобиографии: «Родители – землеробы, занимались обработкой исполу 3–4 десятин земли. С 1898 г. родители переехали в Великолуцкий уезд, Псковской губернии, где до 1909 г. существовали на средства от той же обработки исполу нескольких десятин земли у разных владельцев. В 1909 г. отец поступил работать к помещику Клокачеву Великолуцкого уезда, в качестве рабочего-садовника, после революции, с 1917

по 1921 гг., отец в качестве рабочего продолжал работать в совхозе, организованном в бывшем имении того же помещика; в 1921 г. был признан инвалидом» [1, л. 7]. Однако в разгар Ленинградского дела, А. А. Ярошевич был исключен из партии. Первым пунктом обвинения значилось сокрытие от партийных организаций социального прошлого своего отца. Как отмечалось в решении бюро Ленинградского обкома ВКП (б), он утаил тот факт, что его отец был старостой местечка Ушачи (Витебской губернии), арендовал фольварк «Черевичье» в 80 десятин земли, имел более десятка голов крупного рогатого скота и применял наемную рабочую силу [1, л. 2]. Важно отметить, что этот вопрос поднимался в 1936 г. в партгруппе президиума Ленгорсовета, и тогда Ярошевич не отрицал, что отец являлся приказчиком у помещика. Но тогда это не сказалось на его карьере: с 1931 по 1938 гг. Ярошевич являлся членом президиума Ленплана и заведующим финансовой секцией, в 1938 г. был переведен на должность начальника сектора сводного планирования, а с 1940 по 1948 гг. выполнял обязанности заместителя председателя Плановой комиссии Ленгорисполкома. И лишь в 1950 г., этот факт был использован как повод для исключения его из партии и снятия с руководящей должности.

Источниковедческий анализ документов из личных дел блокадных управленцев позволяет говорить о высоком информационном потенциале этих материалов, но воссоздание персональной истории требует использования их всех в совокупности.

1. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). – Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 760909.
2. Маленков, Г. М. О задачах партийных организаций в области промышленности и транспорта / Г. М. Маленков // Правда. – 1941. – 16 февраля.
3. Сокольская, С. А. Воспоминания / С. А. Сокольская // Военно-медицинский музей Министерства обороны Российской Федерации (ВММ МО РФ). – ОФ-76940. Папка 3.
4. Фицпатрик, Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века / Ш. Фицпатрик. – М. : РОССПЭН, 2011. – 375 с.

Чистиков А. Н.

ВОСПОМИНАНИЯ Е. С. ЛАГУТКИНА О РАБОТЕ МПВО В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ: МОТИВАЦИИ АВТОРА И ПУБЛИКАТОРА

При написании мемуаров, в том числе и советского времени, существенное значение имеет мотивация автора: зачем он обращается к воспоминаниям, что и кому хочет сказать, что для него важно, а что нет, что он должен опустить под влиянием самоцензуры. Во многом подобные вопросы встают и перед публикатором или составителем, особенно в том случае, если мемуары издаются не полностью. О разных вариантах мотиваций автора и публикатора пойдёт речь в данном докладе, посвящённом анализу воспоминаний начальника штаба МПВО НКВД по Ленинграду и Ленинградской области в годы войны генерала Е. С. Лагуткина.

В первой половине 1960-х гг. сотрудники Ленинградского отделения Института истории АН СССР (ЛОИИ АН СССР) приступили к созданию сборника воспоминаний и дневников участников обороны Ленинграда в 1941–1944 гг. С просьбой подготовить небольшие мемуары они обратились к нескольким авторам, в том числе и к Е. С. Лагуткину. 10 марта 1964 г. Лагуткин завершил воспоминания (37 рукописных или 62 машинописных страницы формата А4), которые отложились в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга [1]. Сравнение рукописного и машинописного текста показывает, что они практически идентичны.

Большой объём не позволял опубликовать воспоминания полностью, поэтому для сборника «Оборона Ленинграда» тоже в марте 1964 г. был подготовлен сокращённый вариант [2]. Оригинал его, к сожалению, не сохранился, но на то, что это новый текст и он был написан Лагуткиным, а не членами редколлегии, указывает следующая деталь: в неопубликованном и опубликованном текстах частично упоминаются разные фамилии командиров формирований МПВО [1, л. 78; 2, с. 397], и это выбор автора, а не попытка сокращения текста.

Сразу стоит отметить, что сданный в набор в августе 1965 г. сборник был подписан к печати только в июне 1968 г., когда исчезли уже последние следы оттепели, что, на наш взгляд, сказалось на содержании книги, в том числе и на мемуарах Лагуткина.

Поскольку тема воспоминаний – деятельность МПВО Ленинграда и руководство ею Лагуткиным – была задана составителями сборника, то содержание и структура опубликованного и неопубликованного текстов почти совпадает. Автор рассказывает о событиях первых дней войны, о встречах с партийными, советскими и военными руководителями, о работе МПВО по ликвидации последствий бомбардировок и артиллерийских обстрелов, о деятельности формирований по захоронению жертв блокады и т. д.

Изложение идёт по хронологии, но начинает автор с упоминания о своём участии в войне в Испании, чтобы подчеркнуть опасность воздушных налётов и важность защиты города средствами МПВО. В неопубликованном варианте несколько абзацев посвящено работе МПВО Ленинграда в годы советско-финляндской войны. Лагуткин сетует, что ни в этой войне, ни в Великой Отечественной войне (до 1943 г.) он не получал важных данных о противнике от начальника Главного управления МПВО НКВД СССР генерал-лейтенанта В. В. Осокина. К критике Осокина он обращается трижды [1, л. 51, 54–56], это для него имеет существенное значение, но в сборнике Осокин не упоминается вообще. Безусловно, это был выбор составителей, возможно по этическим причинам (Осокин скончался в 1960 г.), хотя не исключено, что могли сыграть роль и цензурные соображения.

Нет в сборнике и эпизода разговора Лагуткина со вторым секретарём Ленинградского горкома партии А. А. Кузнецовым вечером 21 июня 1941 г., в ходе которого партийный работник не только поинтересовался состоянием МПВО, но и уточнил место пребывания Лагуткина в выходной день, т. е. 22 июня [1, л. 52]. Важность этого свидетельства очевидна, оно показывало, что руководящие работники Ленинграда обладали информацией о возможном нападении немцев именно 22 июня. Почему этот рассказ не вошёл в книгу? Кузнецов к этому времени был реабилитирован, его имя встречается во многих воспоминаниях (в том числе и у Лагуткина), помещённых в сборнике, поэтому списать на требование цензуры нельзя. Опускать этот научно значимый эпизод ради сокращения текста было бы неверно. Возможно, составители засомневались в существовании самого разговора. А их коллеги из Института истории партии Ленинградского обкома КПСС включили этот эпизод в форме короткого диалога в коллективный труд «На защите Невской твердыни», вышедший в 1965 г. [3, с. 9]. Поскольку Лагуткин был одним из консультантов этого труда, информация о встрече с Кузнецовым шла явно от него. Можно предположить и иной вариант: то, что было позволено в 1965 г., стало невозможным три года спустя. И дело здесь не просто в гражданской цензуре, а в рецензировании уже готового сборника в Главном политическом управлении [4, с. 325].

Этот разговор с Кузнецовым Лагуткин вновь вспомнил спустя 12 лет в интервью, которое брали у него А. Адамович и Д. Гранин для «Блокадной книги» [5, л. 2]. Интересно, что, не сговариваясь с ним, о подобной беседе, но уже с председателем Ленгорисполкома П. С. Попковым тогда же рассказал создателям «Блокадной книги» и заведующий отделом торговли Ленгорисполкома И. А. Андреенко [6, л. 4]. Таким образом, можно с большой долей уверенности предположить, что подобные разговоры имели место.

4 сентября 1941 г. Ленинград впервые подвергся обстрелу из артиллерийских орудий. В неопубликованном варианте Лагуткин, упомянув об этом, далее пишет: «Появилась опасность, которую мы не ожидали». Эта фраза, равно как и последовавший за ней рассказ Лагуткина об обсуждении методов борьбы с артиллерией противника на встрече с К. Е. Ворошиловым и рядом членов Военного совета Ленинградского фронта [1, л. 66–67], также не вошли в опубликованный вариант. Можно допустить, что данная фраза была исключена публикаторами по требованию цензуры, ибо она акцентировала внимание читателей на просчётах руководства, как центрального, так и местного. На это могло повлиять и изменение политического климата в стране, ибо тремя годами раньше историки открыто писали, что артиллерийские обстрелы «оказались для горожан и МПВО совершенной неожиданностью» [3, с. 166]. Рассказ о встрече с Ворошиловым и другими членами Военного совета составители могли счесть малозначительным, так как из описания можно было только выделить поставленную перед МПВО задачу свести потери от артобстрелов до минимума. Не уделили внимания этому эпизоду и авторы коллективного труда. Хотя Лагуткин скорей всего поделился с ними воспоминаниями об этом совещании, они ограничились упоминанием о поставленной горкомом партии и Военным советом фронта задаче выработки срочных мер для защиты населения [3, с. 166]. Для Лагуткина же этот эпизод остался важным и памятным, и в 1976 г. в беседе с А. Адамовичем и Д. Граниным он вновь подробно рассказал о нём [5, л. 14–15]. Сравнение в этих двух источниках прямой речи Ворошилова, обращённой к Лагуткину, показывает, что содержание её идентично, но текстуально они различаются. Следовательно, этот эпизод отложился в памяти респондента своей сутью, а не мельчайшими подробностями.

Одним из важных вопросов, вскоре приобретшим не только научное, но и политическое звучание, был вопрос о количестве жертв среди мирного населения Ленинграда. В неопубликованных воспоминаниях Лагуткин возвращается к этой теме дважды. Рассказывая о работе МПВО по захоронению трупов, он писал, что «частями МПВО было захоронено свыше 600000 человек. В эту скорбную цифру включены многие солдаты и офицеры местной ПВО, погибшие от голода и при выполнении боевых заданий» [1, л. 84]. Впоследствии, в беседе с А Адамовичем и Д. Граниным, повторив эти же данные, Лагуткин уточнил, что они основаны на учётных документах, отложившихся в штабе МПВО, и относятся к периоду октября 1941 – марта 1942 г. [5, л. 12] Заканчивая свои неопубликованные мемуары, Лагуткин приводит итоговые цифры потерь, основываясь на данных, оглашённых на Нюрнбергском процессе: авиабомбами и снарядам было убито 16747 человек, ранено 33782

человека, умерло от голода более 632 000 человек [5, л. 102]. Казалось бы, эти сведения примерно совпадают, однако кроме МПВО захоронениями занимались и другие организации, что признаёт и сам Лагуткин [5, л. 13], и подтверждается другими документами [7, с. 339]. Налицо противоречие, которое автор не снял, поскольку оказался в плену официальной статистики.

В опубликованном варианте воспоминаний нет упоминания о 600 000 горожанах, захороненных командами МПВО, и о 632 000 умерших от голода. Последняя цифра заменена фразой: «умерло от голода сотни тысяч человек» [2, с. 408]. Однако причина, на наш взгляд, не в снятии составителями выявленного противоречия. При подготовке пятого тома «Очерков истории Ленинграда», посвящённого периоду Великой Отечественной войны, сотрудники ЛОИИ АН СССР В. М. Ковальчук и Г. Л. Соболев специально исследовали вопрос о потерях ленинградцев от голодной смерти. Результаты они опубликовали в статье «Ленинградский реквием» в 1965 г., придя к выводу, что погибло не менее 800 000 человек [8, с. 191–194]. Эти же данные, со ссылкой на упомянутую статью, в предисловии к сборнику привёл маршал Советского Союза М. В. Захаров [2, с. 12]. Логично было бы увидеть в воспоминаниях Лагуткина тоже эти новые сведения. Вероятно, он всё же не согласился с позицией В. М. Ковальчука и Г. Л. Соболева, которые принимали самое активное участие в составлении сборника «Оборона Ленинграда». Был найден компромиссный вариант, который устроил и составителей, и автора. Таким образом, здесь удалось разрешить противоречие выбора.

Мотивация автора и мотивация составителя /публикатора советских мемуаров в советское время зависели от разных причин и должны учитываться при анализе содержания воспоминаний.

1. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. – Ф. Р-4000. Оп. 12. Д. 67.
2. Лагуткин, Е. С. [Воспоминания] / Е. С. Лагуткин // Оборона Ленинграда 1941–1944. Воспоминания и дневники участников. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1968. – С. 384–408.
3. Князев, С. П. На защите Невской твердыни. Ленинградская партийная организация в годы Великой Отечественной войны / С. П. Князев [и др.]. – Лениздат, 1965. – 644 с.
4. Ковальчук, В. М. Как создавался сборник «Оборона Ленинграда» / В. М. Ковальчук // Политика. Общество. Человек. К 85-летию доктора исторических наук профессора А. З. Ваксера. – СПб. : Европейский Дом, 2008. – С. 321–327.
5. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. – Ф. Р-107. Оп. 4. Д. 410.
6. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. – Ф. Р-107. Оп. 4. Д. 404.
7. Из отчёта городского управления предприятиями коммунального обслуживания о работе за год войны с июня 1941 по июнь 1942 г. Раздел «Похоронное дело». 5 апреля 1943 г. // Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941–1944. – СПб. : Лики России, 1995. – С. 319–343.
8. Ковальчук, В. М. Ленинградский «реквием» (о жертвах населения в Ленинграде в годы войны и блокады / В. М. Ковальчук, Г. Л. Соболев // Вопросы истории. – 1965. – № 12. – С. 191–194.

Пищулина С. Ю.

КАДРОВЫЙ СОСТАВ НАРОДНЫХ СУДОВ СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1941–1943 ГГ. (ПО ДАННЫМ АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ)

В настоящее время пристальное внимание историков сосредоточено на изучении отдельных вопросов периода Второй мировой и Великой Отечественной войн. Это внимание вызвано не только сложившейся политической ситуацией, но и процессами цифровизации архивных фондов, большей доступностью архивных источников для широкого круга исследователей. Президент В. В. Путин в послании Федеральному собранию РФ в 2020 г. задекларировал, что Россия «создаст самый полный комплекс архивных материалов о Второй мировой войне, который будет доступен гражданам РФ и иностранцам» [8]. Это заявление ускорило рассекречивание и публикацию архивных документов. Тем не менее, основной публичный интерес сосредоточен на внешнеполитических актах и свидетельствах, раскрывающих деятельность органов власти и управления СССР периода войны. Часть фондов еще находится в обработке, часть мало востребована учеными, особенно из региональных архивов.

В фонде 6332 Управления министерства юстиции по Сталинградской области Государственного архива Волгоградской области (далее ГАВО) хранятся документы о народных судах периода Великой Отечественной войны. За 1939 – 1941 гг. материалы практические не сохранились, отдельные фрагменты позволяют проанализировать деятельность только Астраханского окружного суда в 1939 – 1941 гг. Астрахань до декабря 1943 г. входила в состав Сталинградской области. В 1956 г. Управление министерства юстиции по Сталинградской области было ликвидировано, и документы спецчасти были переданы в областной суд Сталинградской области. В ГАВО это фонд 3183 Волгоградского областного суда (облсуда) Верховного суда по РФ.

Всего в указанных фондах архива содержится сто двадцать одно дело 1942 – 1945 гг., из которых шестьдесят семь – уголовные дела. В 80 % из них рассматривались обвинения по Постановлению ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» («закон о

трех колосках»), а также по статьям 109 (злоупотребление властью / служебным положением), 116 (присвоение / растрата), 162 (клевета / распространение заведомо ложных измышлений), 167 (разбой) и 58–14 (религиозные предрассудки) Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. [1]. Уголовных дел по иным составам в описях не обнаружено, хотя в данных статистических отчетов они упоминаются в значительных количествах. Следовательно, можно констатировать, что суды общей юрисдикции функционировали в условиях военного времени довольно успешно, наравне с чрезвычайной юрисдикцией в виде военных трибуналов.

Перестройка работы народных судов в условиях боевых действий, ведущихся на территории Советского Союза, была проведена в короткие сроки, однако в тыловых регионах, к которым до лета 1942 г. относилась и Сталинградская область, этот процесс затянулся. Остро стоял вопрос о кадрах судей, многие из которых ушли в действующую армию. Уже 23 июня 1941 г. заместитель наркома юстиции РСФСР К. Горшенин выслал на места специальную директиву № М16 /с о введение регулярной отчетности по количеству призванных в Красную Армию судей и мерах принимаемых к их замещению. С 25 июня отменялись все отпуска в системе наркоматов юстиции СССР и РСФСР [3, л. 134–135]. Процесс замены судей был разъяснен в приказе НКЮ СССР № 5 /С от 7 июля 1941 г. «О неотложных мероприятиях органов НКЮ в военное время» [3, л. 142–146].

До начала войны судьи народных судов назначались исполкомами Советов народных депутатов по территориальному принципу. Теперь разрешалась, после личной проверки кандидатуры начальником УНКЮ и с согласия президиума облисполкома, замена мобилизованных судей опытными народными заседателями. Следует отметить, что правило об утверждении судей районными Советами народных депутатов практически не использовалось. Судьи могли назначаться как на основании распоряжений секретарей райкомов ВКП (б) [2, л. 33], так и Управлением НКЮ по Сталинградской области.

В Сталинграде не существовало юридического института. Подготовкой юридических кадров занималась с 1939 г. Сталинградская правовая школа НКЮ РСФСР, затем название ее изменилось – Сталинградская юридическая школа НКЮ РСФСР. С 7 июля 1941 г. ее возглавлял директор Лев Абрамович Мазор. Обучение шло беспрерывно, тем не менее, квалифицированных юридических кадров не хватало, школа работала с увеличенным почти в полтора раза от запланированных показателей контингентом студентов. Так, весной 1942 г. при наборе в 90 в ней проходило обучение 130 человек [4, л. 56]. Действовали юридические курсы, консультационные пункты. Это не покрывало потребности сталинградской системы юстиции. Анализируя архивные источники, можно сказать, что значительное место в подготовке судейских кадров отводилось обмену опытом на кустовых совещаниях, зачастую стаж работы в системе засчитывался как полученное специальное образование. Отсутствие профессиональных знаний и умений у людей, занимавших место народного судьи, нередко приводило к негативным последствиям при рассмотрении дел.

Осенью 1941 –летом 1942 гг. состав судей в Сталинграде кардинально изменился. Пришли малоопытные работники. Судьями назначались секретари судов (старший секретарь суда 3-го участка Кировского района З. И. Кумова [2, л. 40]), народные заседатели (2-й участок Кировского нарсуда – т. Горошкин, 3-й участок СТЗ – т. Медов, 1-й участок Ворошиловского нарсуда – т. Фролов), адвокаты (2-й участок Тракторозаводского суда – т. Елагина), из числа эвакуированных (1–2 участки Краснооктябрьского нарсуда – т. Алексеенко, 5-й участок нарсуда Ворошиловского района – т. Акулова). По подсчетам автора, в мае – июне 1942 г. состав сталинградских судей на двадцати двух судебных участках города был обновлен таким образом на 14 человек. Проверки ревизоров УНКЮ по Сталинградской области выявили серьезные нарушения в деятельности судов (отсутствие в деле исковых заявление, не всегда в протоколах отмечались процессуальные нормы и т. п.), особенно при ведении секретной части – нет регистрации корреспонденции, папки содержались без описи, дела хранились в незапертом столе судьи [2, л. 35–38].

Ухудшилась ситуация в августе – сентябре 1942 г., когда продвижение немецко-фашистских войск к городу и массированная бомбардировка 23 – 25 августа привели к уничтожению зданий Управления НКЮ, областного суда, районных участков [5, л. 8]. Работники юстиции были отозваны или вступили в ряды Красной Армии, народного ополчения. Прошла вторая волна назначений: 11 человек стали исполнять работу народного судьи. Началась эвакуация судов. Были потеряны следы юридической школы, неизвестно местонахождение большинства судей, кроме 7 человек.

Только к декабрю 1942 г. ситуация стала налаживаться [4, л. 146]. Большее внимание уделялось подготовке из эвакуированных судей, однако такие люди не бронировались за УНКЮ и их могли призвать в ряды Красной Армии. В декабре 1942 г. работал один судебный участок в Кировском районе Сталинграда. В районах области из 112 функционировало 77 участков.

После окончания Сталинградской битвы и проведения основных мероприятий по расчистке городских территорий УНКЮ первоочередной задачей наметило обучение судейских кадров. К июлю 1943 г. в области уже функционировало 93 участка народных судов, из них в Сталинграде

7 – по одному в каждом районе [5, л. 9]. Судьи назначались из числа из местных работников, 29 человек прислал НКЮ РСФСР (из них 6 адвокатов, 1 из УНКЮ, 2 нотариуса). Образовательный ценз судей был довольно низким, только 7 человек имели высшее специальное образование, 2 – высшее образование, 36 – среднее, 56 – начальное. Таким образом, высшее образование имело 8, 9% судей, а начальную школу окончило 55, 5% судейского состава, получая в дальнейшем квалификацию на партийной или иной работе. Основной упор при выдвижении делался исходя из трудового опыта – стаж 79 % общей численности судей равнялся от 5 до свыше 10 лет.

В условиях войны, повседневно возникавших трудностей вершения правосудия, в том числе нередко неграмотном толковании норм законов, требовались срочные меры по повышению квалификации судейских работников. Поэтому было принято решение о целевом направлении 8 человек в Саратовский юридический институт, 61 человека на обучение в юридические школы и на юридические курсы. Это было довольно сложно, так как город был разрушен в ходе боевых действий, и Сталинградская юридическая школа НКЮ РСФСР была ликвидирована постановлением облисполкома № 35 /25 от 3 июля 1943 г. [2, л. 17]. Для переподготовки судей и других кадров юстиции планировалось в августе 1943 г. открыть на 100 человек двухгодичную Астраханскую юридическую школу и один консультационный пункт по заочному обучению. Основным оставался метод наглядного обучения на местах и пропаганды опыта лучших судей, среди которых в Сталинграде можно назвать судей Семенову, Алексеенко, Майорского [5, л. 16–20].

По данным архивных источников, к 1 октября 1943 г. квалификационная ситуация в сталинградской юстиции постепенно менялась в лучшую сторону: на одного человека увеличилось число судей с высшим юридическим образование, обучение одно- или двухгодичное в юридических школах прошли 24 человека, юридические курсы (одно-, трех-, шестимесячные) закончили 30 человек, еще 2 человека обучались заочно. Количество человек со средним образованием повысилось до 60, с начальным уменьшилось до 26. Средний стаж работы в органах юстиции: до 5 лет – 29 человек, до 10 лет – 17 человек, свыше 10 лет – 23 человека. В областном суде 1 человек имел высшее юридическое образование, 10 – юридическую школу и курсы; стаж работы: до 3 лет – 2 человека, от 6 до 10 лет – 5 человек, свыше 10 лет – 4 человека. Судьями работало 50 мужчин, 43 женщины, 85 человек из них состояли в партии /комсомоле [7, л. 2 – 37 об.].

Несмотря на нехватку кадров, неквалифицированные специалисты увольнялись с пометкой «как не обеспечившие судебную работу». В октябре 1943 г. с этой формулировкой было снято 3 человека [6, л. 79–80]. В отчете УНКЮ за IV квартал т. г. указывалось на «необходимость замены в связи с недостаточностью общеобразовательного уровня 2 членов облсуда и 6 нарсудей» [7, л. 2 – 37 об.]. УНКЮ активно контролировал процесс выдвижения, подготовки и переподготовки судебных кадров. Составлялись списки резерва. На местах шло выдвижение людей в нарсудьи. С 8 октября 1943 г. в Астрахани начала работу юридическая школа, в ней обучалось 96 человек, работал заочный консультационный пункт, рассчитанный на 48 человек. В IV квартале произведен очередной набор в заочную юршколу ЦЮЗШ 78 человек [7, л. 9 об.]. Пропагандировался на кустовых совещаниях опыт лучших судей – Русаковой из Средней Ахтубы, Переходновой из Кагановического района, Беловой из Еланского района, Алексеенко из Краснооктябрьского района Сталинграда [7, л. 7].

После отделения Астраханской области в Сталинградском регионе осталось 80 – 82 судебных участка, совсем не было юридических школ. На учебу отправляли либо в Астрахань, либо в Саратов.

Подводя итоги, следует отметить, что архивные источники периода Великой Отечественной войны позволяют наглядно представить картину развития событий того далекого времени. В условиях кризиса система юстиции смогла найти эффективные методики подбора кадров, их обучения и повышения квалификации. Приход новых сотрудников, организационные трудности, а некоторых случаях и отсутствие надлежащего опыта и знаний, на первых этапах их деятельности не могли не влиять на качество и сроки рассмотрения дел. Постепенно ситуация стабилизировалась, а некоторые судьи становились примером подражания и наставниками для молодых (например судья Краснооктябрьского суда Сталинграда Алексеенко, назначенная летом 1942 г. из эвакуированных кадров, признана Управлением НКЮ лучшей в 1943 г.).

1. Государственный архив Волгоградской области (ГАВт). – Ф. 3183. Оп. 2. Уголовные дела. 1938–1950.
2. ГАВО. – Ф. 6332. Оп. 1. Д. 1.
3. ГАВО. – Ф. 6332. Оп. 1. Д. 2.
4. ГАВО. – Ф. 6332. Оп. 1. Д. 4.
5. ГАВО. – Ф. 6332. Оп. 1. Д. 6.
6. ГАВО. – Ф. 6332. Оп. 1. Д. 7.
7. ГАВО. – Ф. 6332. Оп. 1. Д. 8.
8. Путин заявил о создании полного архива документов о Второй мировой войне [Электронный ресурс] // Российская газета. – 15. 01. 2020. – Режим доступа: https://rg.ru/2020/01/15/putin-v-rossii-poiavitsia-polnyj-arhiv-dokumentov-o-vtoroj-mirovoj-vojne.html. – Дата доступа: 20.03.2021.

Кантор Ю. З.

«ВЫКАЧАТЬ ИЗ ПОДЧИНЕННЫХ ОБЛАСТЕЙ ВСЕ, ЧТО НЕОБХОДИМО ДЛЯ ГЕРМАНСКОГО ГОСУДАРСТВА…». «РИЖСКИЙ ПРОЦЕСС» КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ НАЦИСТСКОГО ОККУПАЦИОННОГО РЕЖИМА В ПРИБАЛТИКЕ

Семьдесят пять лет назад состоялся один из крупнейших, проходивших на территории СССР, судебных процессов против военнослужащих Третьего рейха и его союзников, обвиняемых в совершении военных преступлений в период Второй мировой войны, – Рижский. Проходил он с 26 января по 2 февраля 1946 г. Перед судом предстали шесть генералов вермахта, обергруппенфюрер СС и штандартенфюрер СА. Их судили за преступления, совершенные в 1941–1944 гг. на территории Прибалтики: организации массовых убийств, уничтожении городов, угоне населения Прибалтики в Германию. Материалы «Рижского процесса», хранящиеся в ЦА ФСБ России являются специфическим, но чрезвычайно информативным источником, позволяющим рассмотреть картину происходившего в этом регионе в 1941–1944 гг. В частности, – методологию и практику нацистской оккупационной политики в «Остланде».

Гитлер планировал присоединить территории Латвии, Литвы и Эстонии к рейху на правах рейхсгау – области рейха. Имперское министерство восточных территорий должно было взять на себя внутреннее управление, а общее генеральное – комиссар по делам востока, подчинявшийся непосредственно фюреру. Имперские комиссариаты предполагалось создать по принципу провинциальных министерств рейха. Генеральные комиссариаты имели расширенные полномочия, соответствующие полномочиям глав самоуправлений в самой Германии, а областные комиссариаты планировалось построить по принципу ландратов – земельных советов.

«Выкачать из подчиненных областей все, что необходимо для германского государства и его вооруженных сил. Выполняя эти указания, нам нечего было считаться с потребностями местного населения. Волей Адольфа Гитлера является превратить в будущем территорию восточных областей в составную часть Германии и заселить ее немцами. Мы должны были руководиться этими указаниями и постепенно их осуществлять» [3, л. 274] – таковы были задачи генеральных и областных комиссариатов, показывал на «Рижском процессе» штандартенфюрер СА, гебитскомиссар Эстонии А. Беккинг.

Для декорации были созданы и национальные «местные самоуправления». Эти «самоуправления» формировались немцами из максимально лояльных представителей коренного населения. Начальник СС и полиции в рейхскомиссариате «Остланд» обергруппенфюрер Ф. Еккельн по этому поводу вспоминал:«Мне приходилось нередко сталкиваться с руководителями латвийского, литовского, эстонского «самоуправления»... Должен сказать, что все они были большими друзьями немцев. Эти люди имели только наши немецкие интересы и нисколько не думали о судьбе своих народов. Это были всего-навсего немецкие марионетки... Они считали, что если даже Германия и проиграет войну, то все равно будет очень хорошо, если они и немцы ликвидируют советских патриотов и особенно коммунистов, так как без коммунистов им будет легче продать свои народы другим сильным державам мира» [4, л. 54].

По приказу рейхсфюрера СС Г. Гиммлера и рейхсминистра по делам восточных территорий А. Розенберга (уроженца Риги) для осуществления политики германизации Остланда в конце 1942 г. начали функционировать учреждения Имперского комиссариата по укреплению немецкого народного духа и Центр по делам фольксдойче. Тогда же в Латвии, Эстонии и Литве были открыты переселенческие сельскохозяйственные школы – предполагалось, что после окончания войны представители титульных национальностей Прибалтики в качестве бесплатной рабочей силы будут обрабатывать плодородные поля Третьего рейха – в Баварии, Пруссии, Саксонии и т. д. Еще в 1939 г. начался отбор колонистов из немцев для переселения в Остланд и его «естественной германизации».

Местное население, как не поддающееся ассимиляции, должно быть эвакуировано, то есть выселено, и использовано на работах. «В связи с тем, что Прибалтика должна была быть заселена немцами, то ясно, что ими должны были руководить люди, преданные существующему строю. Гитлером было предусмотрено, что для заселения Восточных областей должны были привлекаться самые лучшие люди… Гаулейтер, показывая на карте будущие границы Германии на Востоке, ясно сказал, что в наши задачи будет входить превращение этих областей в немецкую землю, в составную часть Германии» [3, л. 273–274].

Гиммлер в журнале «Дойче Арбайт» по поводу заселения восточных территорий сделал недвусмысленное заявление:

«Нашей задачей является германизировать Восток на в старом смысле этого слова, т. е… заботиться о том, чтобы на Востоке жили бы люди только настоящие немцы, немецкой крови.

Не считайте обеспеченным государство, если оно не может каждому предоставить землю и почву. Не забывайте, что священнейшее право на этом свете есть право на землю, которую хотят сами обустроить, и священнейшая жертва есть кровь, которую проливают за эту землю. Таким образом победа на Востоке – предпосылка для обеспечения нашего будущего, когда жертвами приобретенная земля, станет немецкой, немецкой через людей, которые ее заселяют и застраивают, немецкой через большую работу немецкого плуга» [9, л. 241].

Балтийские народы в расовой иерархии нацистов значились в разряде «неперспективных». Осенью 1942 г. в Прибалтике начались антропологические исследования литовцев, латышей и эстонцев с целью выяснения как процента «годных с точки зрения расы» для германизации, так и подлежащих переселению на восток и уничтожению. Основываясь на этих «научных» исследованиях, специально созданная министерством восточных территорий комиссия подсчитала, что в Эстонии непригодными являются «всего» 25 процентов коренного населения, в Латвии – около 50 процентов (за исключением минимально пригодной «с точки зрения расы» Латгалии, где «непригодных» было более 65 процентов), в Литве непригодных для германизации по фашистским меркам насчитали 70 процентов [10, p. 450].

По мнению руководства отдела расовой политики министерства Восточных территорий, главным препятствием германизации народов Балтии могла стать интеллигенция [10, p. 451]. По этой причине уже в первые дни после оккупации Прибалтики немцы арестовали представителей интеллигенции, а также тех, кто, по их мнению, лояльно относился к советской власти. В Латвии, как свидетельствуют документы, было арестовано 20 тыс. человек (преимущественно латыши), в Литве – столько же (большинство литовцы), в Эстонии – 10 тыс. человек (большинство эстонцы) [5, л. 163]. Секретным циркуляром «директора просвещения» от 9 декабря 1941 г. приказано было изъять из библиотек все советские произведения за время с 1917 по 1941 гг., национальную литературу за 1940 и 1941 гг., т. е. литературу «советского периода». На площадях городов запылали костры, превращая в пепел сокровища национального творчества и европейской литературы. Писателям и поэтам не разрешали печатать свои произведения, многих из них фашисты заключили в концлагеря. «Неперспективным» народам надлежало «минимально уметь читать, писать и считать» – более высокая культура была, по мнению нацистов, не для них.

Перебравшийся в Германию в 1919 г. уроженец Таллина, выпускник Рижского политехнического института А. Розенберг, рейхсминистр восточных территорий, был сторонником «предельно прагматичного» подхода к использованию «Остланда». Штаб Розенберга приступил к планомерному разграблению культурных и исторических ценностей Латвии, Литвы и Эстонии и вывозу их в Германию. Из одного только Рижского порта в 1943 году ушло не менее 30 судов [6, л. 174–175].

В Эстонии почти не осталось картин и скульптур национальных художников и скульпторов. Нацисты вывезли в Германию более 10 тыс. произведений искусства. Национальный музей Эстонии, находившийся в имении Ради около Тарту, был сожжен. В театре «Эстония» разрешалось ставить оперы и оперетты лишь на немецком языке. По приказу министра по делам восточных территорий были ликвидированы Рижская и Юрьевская (Тартуская) государственные библиотеки – в Германию вывезено несколько тысяч томов, точное количество утраченного не установлено до сих пор.

В Литве ситуация была не менее трагической. Из сообщения Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников:

«17 марта 1943 года гестаповцы оцепили здание старейшего Вильнюсского университета, разбили в нем статуи и орнаменты, изорвали картины, разграбили экспонаты, ценные учебные пособия, научную литературу, эпидиаскопы, электромоторы, станки и другое научно-вспомогательное оборудование; увезли в Германию 1743 грамма платины. В разгроме университета принимали активное участие немецкие «ученые» доктора Мюллер и Вульп. Такая же учесть постигла и химический институт, и Высшую сельскохозяйственную академию. Оккупанты разрушили в Вильнюсе и Каунасе 14 гимназий и 46 начальных школ, а также учебные заведения в других крупных городах.

Из Вильнюсского государственного художественного музея в рейх вывезли ценные коллекции мебели, старинный фарфор, ковры, картины, гравюры и другое музейное имущество. Из этого же музея немцы похитили 40 ценных картин XIX и XX веков, 130 матриц очень редких гравюр на меди (XVII, XVIII, XIX веков), конкурсную модель проекта памятника Петру Великому скульптора Т. Крюгера. Генерал Рунау вывез ценные картины «Святое семейство» (мастерской Рубенса) и «Пейзаж» (Тенирса). Из библиотеки Академии искусств были похищены немцами 743 книги наиболее старинных и редких изданий, коллекции исторических золотых и серебряных медалей. Полному разгрому подверглись широко известные еврейские культурные учреждения: 1) Библиотека им. М. Страшуна; 2) Еврейский научный институт Академии наук Литовской ССР; 3) Историко-этнографический музей. 10 тыс. экземпляров старинных изданий XV, XVI, XVII веков были направлены в Берлин» [9, л. 176–177].

Изначально гитлеровское руководство было категорически против призыва в армию представителей балтийских национальностей. «Неперспективные народы» не имели права носить форму вермахта, их услуги принимались только при выполнении самой грязной работы – проведении акций уничтожения или в полицейских батальонах, охранявших тюрьмы, гетто и концлагеря. С 1942 г. фашисты начали насильно угонять на работу в Германию. Этим занимался так называемый отдел III рейхскомиссариата «Остланд», в помощь которому были приданы руководители местных самоуправлений Литвы, Латвии и Эстонии. Рекрутированием занимались и подразделения группы армий «Север». В Латвию, Эстонию и Литву из Берлина спускались планы по насильственной мобилизации рабочей силы. Эти планы через рейхскомиссариат поступали гебитскомиссарам (комиссарам областей), а также через местные «самоуправления» начальникам уездов. Последние при помощи своих аппаратов рассылали повестки каждому человеку, в которых предлагали в обязательном порядке являться в определенное время и в определенный пункт для последующей отправки на работу в Германию. Нарушение каралось либо денежным штрафом, либо арестом. Спущенный из Берлина план мобилизации рабочей силы на первую половину 1943 г. оказался настолько высоким, что гитлеровское руководство Остланда не смогло его выполнить: положение дел немецкой армии на Восточном фронте становилось плачевным, в результате чего поток желающих трудиться для нужд рейха иссякал.

В качестве «особой чести» у представителей местного населения, включая детей, брали кровь для раненых солдат вермахта. Нормы по крови также спускались немецким руководством. Из свидетельских показаний на «Рижском процессе»:

«Примерно в конце ноября 1942 года эта «санитарная команда» СД вновь прибыла, и уже ранее зарегистрировавшихся вызывали и брали кровь от 600 до 1000 куб. см. Перед тем как брать кровь, СД и комендант лагеря Краузе обещали усилить питание и освободить «доноров» от работы, но ничего подобного не было, и люди, «отдавшие» кровь, совершенно были бессильными. Лично у меня было в этот раз взято 800 куб. см крови. Такие эксперименты «санитарной командой» в моем присутствии проводились более пяти раз, с охватом около 3000 – 3500 тыс. человек» [9, л. 134].

После поражения в Сталинградской битве гитлеровцы начали формировать национальные батальоны ваффен-СС. Но даже при проведении агитационной кампании во время набора в эсэсовские формирования местным «самоуправлениям» было запрещено использовать клише «борьба за независимость» или «борьба за свободу». За мобилизацию отвечал Р. Бангерскис, за «особые заслуги», несмотря на «неарийское происхождение» дослужившийся до чина группенфюрера СС. (полковник русской императорской армии, военный министр независимой Латвии, Бангерскис бежавший вместе с отступающими войсками вермахта умер в Германии, несколько лет назад его останки перевезены в Ригу и почестями перезахоронены на военном кладбище Латвии) [2, с. 192].

В Эстонии и Латвии, судя по немецким документам, мобилизация шла весьма неплохо, а Литва призыв в легион саботировала (в других военизированных и парамилитарных формированиях, созданных оккупантами, литовцы служили).

«За бойкот легиона СС в Литве выполнены следующие наказания литовцам: закрыты все высшие учебные заведения Литвы, три литовских советника гражданской администрации и 29 интеллигентов из разных слоев сопротивления арестованы и заключены в концлагерь Штуттгоф» [1].

В 1943 году 15 тыс. латышей и 30 тыс. эстонцев было мобилизовано в ваффен-СС, под командование гитлеровских офицеров. Перед батальоном были поставлены следующие задачи:

а) Уничтожение еврейского населения в Прибалтике и других оккупированных немцами Советских районах;

б) Массовое истребление мирного Советского населения, оставшегося на территории оккупированных Советских районах немцами;

в) Уничтожение русских военнопленных путем создания для них невыносимых условий в концентрационных лагерях;

г) Массовое насильственное использование пригнанного мирного населения из оккупированных немцами зон Советского Союза, для создания укрепительно-оборонительных линий и сооружений;

д) Уничтожение мирных сел и деревень на территории оккупированных немцами Советских районов;

е) Умерщвление психиатрических больных, находящихся на излечении в больницах-клиниках;

ж) Вывоз в Германию промышленных предприятий, грабеж гражданского населения, как в городе, а также и деревне» [7, л. 200].

Мобилизация в армию никак не сказалась на планах по поставке рабочей силы в Германию. «Добровольцев» в Латвии и Эстонии в сентябре-октябре 1944 г. нашлось примерно по 20 тыс. – они, как и мобилизованные литовские охранные батальоны, прикрывали отступление немецких войск. Но это уже ничего не меняло – гитлеровский Остланд перестал существовать менее месяца спустя.

24 ноября 1944 г. завершилась продолжавшаяся 71 день Прибалтийская наступательная операция советских войск, имевшая целью освобождение Литвы, Латвии и Эстонии от фашистов. В военных действиях участвовало около миллиона солдат и офицеров Ленинградского, 1-го, 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов и Балтийского флота, сражавшихся против подразделений группы армий «Север» численностью более 700 тыс. человек.

Согласно акту судебно-медицинской экспертизы от 20 января 1946 г., проведенной советскими правоохранительными органами, на территории Прибалтики нацистами были убиты: в Латвии – 313 798 человек, в Литве – 666 273 человека, в Эстонии – 61 тыс. человек [8, л. 119, 251].

1. Архив Литовской Эмиграции. – Ф. 8. Оп. 10. Д. 272.
2. Кантор, Ю. Прибалтика. 1939–1945. Война и память. – М. : РОССПЭН, 2020. – 360 с.
3. Центральный архив ФСБ России (ЦА ФСБ России). – АСД № Н-18313. Т. 1.
4. ЦА ФСБ России. – АСД № Н-18313. Т. 1.
5. ЦА ФСБ России. – АСД № Н-18313. Т. 1.
6. ЦА ФСБ России. – АСД № Н-18313. Т. 1.
7. ЦА ФСБ России. – АСД № Н-18313. Т. 2.
8. ЦА ФСБ России. – АСД № Н-18313. Т. 18.
9. ЦА ФСБ России. – АСД № Н-18313. Т. 18.
10. Bubnys, A. Vokiečių okupuota Lietuva (1941–1944) / A. Bubnys. – Vilnius : Lietuvos gyventojų genocido ir rezistencijos tyrimo centras, 1998. – 606 p.

Красноженова Е. Е.

НАЦИСТСКИЙ ОККУПАЦИОННЫЙ РЕЖИМ В ДОКУМЕНТАХ АРХИВОВ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ[1]

В статье показан нацистский оккупационный режим на территории Северо-Запада России на основе документов архивов рассматриваемого региона. Многочисленные документальные свидетельства раскрывают систему гитлеровских оккупационных органов, а также злодеяния, совершенные захватчиками.

В период великой Отечественной войны на территории Северо-Запада России был установлен жесточайший оккупационный режим, направленный на уничтожение местного населения, разграбление национального богатства и ресурсов. Преступная оккупационная политика была разработана в директивных документах и программных выступлениях нацистских лидеров. Ее идеологической основой были человеконенавистнические теории нацизма о «расовом превосходстве», о расширении «жизненного пространства» немцев и их праве на мировое господство.

Архивы областей Северо-Запада России содержат свидетельства преступной политики нацистов на оккупированной ими территории. Так, в Центральном государственном архиве историко-политических документов г Санкт-Петербурга находятся документы Ленинградского штаба партизанского движения. Они показывают не только размах антифашистской борьбы на Северо-Западе РСФСР в 1941–1944 гг. Фонд содержит отчеты, докладные записки, сводки, донесения и другие документы командования партизанских подразделений и отдельных партизан о положении в оккупированных противником районах. В их числе такие документы, как информационные сводки «О деятельности партизанских отрядов и о положении в тылу немецко-фашистских захватчиков» [10, л. 12–16], докладная записка «О действиях немецких карательных отрядов» [11, л. 1–4].

Документы об оккупационном режиме на территории Северо-Запада России, трофейные материалы, характеризующие нацистский оккупационный режим, подшивки коллаборационистских газет находятся и в Государственном архиве Псковской области. Документы показывают бесчеловечные методы захватчиков в процессе эксплуатации рабочей силы на оккупированных территориях СССР.

В Государственном архиве новейшей истории Новгородской области содержатся документы об оккупационном режиме на территории ряда районов этого региона: о карательных операциях оккупантов, направленных на централизованное уничтожение мирного населения, о преступлениях против отдельных категорий населения, например, против детства, об угоне граждан на принудительные работы в Германию и многие другие. Так, в Информации комиссара 2-го партизанского полка 2-й Ленинградской партизанской бригады М. Ф. Назарова о зверствах немецко-фашистских захватчиков в Белебёлковском районе от 29 июня 1942 г. сообщается, что с 25 по 30 июня 1942 года каратели, действуя против Партизанского края, сожгли в селе Великое Село Белебёлковского района 40 домов мирных жителей, также были сожжены деревни Малое Пухово, Большое Пухово,

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20–59–00004 «Народ и власть: оккупанты, коллаборационисты и партизаны на пограничной территории Беларуси и северо-запада России в 1941–1944 гг. ».

Большая Коровинка, Малая Коровинка, Шкворово и другие. В деревне Малое Пухово каратели расстреляли 3 мужчин [1, л. 65–66].

Многочисленную группу документов составили Акты комиссий по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. Акты данной категории составлялись на основе заявлений граждан, данных опроса потерпевших, свидетельских показаний, врачебной экспертизы, а также осмотра места злодеяний. Инструкция ЧГК предписывала указывать в актах выявленных виновников преступлений, подразделяя их по всем видам соучастия: на организаторов, подстрекателей, исполнителей, их пособников [6].

Акты способствовали установлению и расследованию злодеяний в виде убийств, пыток, издевательств, истязаний и насилия над советскими гражданами и военнопленными, а также угона в германское рабство. Подобные документы содержали описание военных преступлений – их время, место и способы совершения. К ним прилагались все относящиеся к делу документы: заявления граждан, протоколы опросов, заключения экспертиз, фотоснимки, письма из германской неволи, трофейные документы.

Жестокие преступления были совершены оккупантами против партизан и гражданского населения. Захватчики проводили карательные экспедиции, в ходе которых целые районы превратились в пустынные зоны. Так, в декабре 1941 г. оккупантами было полностью сожжено 20 деревень Ленинградской области (Мухарево, Папоротно, Перстово, Вороново, Татинец, Залужье, Кр. Борон, Ухошино, Серболово и др.). Частично сожжено 19 деревень. Кроме поджогов, карательные отряды учиняли жестокую расправу над местным населением [8].

Акт о зверствах немецко-фашистских оккупантов в момент оккупации Поддорского района Ленинградской области содержит сведения о сожжении деревни Михалкино Нивского сельсовета и убийствах мирных граждан [2, л. 13]. В Акте о карательной операции в деревне Сторонье Уторгошского района 7 ноября 1943 г. приведены сведения о нападении карательного отряда численностью около 300 человек на деревню Сторонье Уторгошского района 7 ноября 1943 года. В результате карательной операции было расстреляно и сожжено 16 жителей деревни [3, л. 157].

В Акте Псковской областной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко- фашистских захватчиков и их сообщников 1 о количестве уничтоженного и угнанного населения по районам Псковской области указывается, что по Дновскому району – расстреляно 407 мирных советских граждан и умерло после истязаний и пыток 98; по Карамышевскому району – установлены расстрелы 224 человек; по Плюсскому району – расстреляно 216 человек, замучено и умерло после истязаний и пыток 142 человека, а всего погибло 358 мирных советских граждан.

В Актах содержится и статистика по угону советских граждан в Германию. Так, в Новосельском районе 1900 мирных советских граждан- колхозников и колхозниц района подверглось угону на каторжные работы в Германию, в Палкинском – 314 человек. В Плюсском – 896 [5, л. 1–7].

Акты комиссий основывались на многочисленных показаниях очевидцев. Так, о злодеяниях немецко- фашистских захватчиков, разрушениях и ущербе, причиненных ими и их сообщниками народному хозяйству, культурным учреждениям и населению Великолукской области сообщалось о показаниях Савченковой Марии Степановны, 1916 г. рождения о злодеяниях в деревни Андрюково: «В октябре месяце 1942 года в деревню Андрюково прибыл немецкий карательный отряд 16 и предложил всем жителям переселиться в тыл немецких войск. Жители деревни Андрюково выполнить приказ карательного отряда отказались. Тогда их всех поставили в строй и стали допрашивать, где партизаны. Не добившись положительного ответа, загнали население в дома и деревню вместе с людьми сожгли. Всего в этой деревне немецко- фашистские бандиты истребили 360 человек».

Определенная часть фактов о нацистской оккупации Северо-Запада России содержится в периодической печати. Большой интерес представляют подборки советских листовок и газет, выходивших на оккупированной врагом территории, отчеты партизанских командиров о проделанной работе.

Привлекают внимание и немецкие документы, находящиеся в архивах областей Северо-Запада России. Они содержат информацию о структуре административных и экономических учреждений, о состоянии сельского хозяйства и промышленности, о налогах и сборах. В архивных документах содержатся сведения о деятельности немецких войск, принимавшихся оккупационными властями мерах, социально-экономической обстановке, настроении и действиях населения.

Основным средством реализации генерального плана Ост стала политика геноцида, т. е. систематическое уничтожение целых групп населения по тем или иным причинам: из-за принадлежности к советским активистам, коммунистам, евреям и т. д. Для реализации этого плана нацисты использовали захват заложников, рейды, погромы, карательные операции, лагеря смерти и другие.

Еще одной стороной оккупационного режима стало тотальное ограбление занятых территорий. Для снабжения нацистской Германии и ее армий использовались экономические ресурсы захваченных областей путем вывоза сырья, продовольствия, оборудования и других материальных

ценностей. На протяжении всей оккупации нацисты безжалостно грабили крестьянство. Сельские рабочие, как и горожане, платили многочисленные налоги. Все население в возрасте от 14 до 65 лет принудительно привлекалось к принудительным работам на строительстве оборонных сооружений, мостов, дорог и т. д. Стремясь духовно поработить народ, нацисты разграбили школы, клубы. Детские сады, больницы, научно-исследовательские институты, учреждения культуры и памятники архитектуры. Поэтому важнейшая задачей архивных документов является учет нанесенного гитлеровцами материального ущерба.

В Сообщении Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков «О разрушениях и злодеяниях, произведенных немецко-фашистскими захватчиками в городе Новгороде и в Новгородском районе Ленинградской области» собраны факты разрушений населенных пунктов, объектов промышленного, социального и культурного значения. Так, немецко-фашистские захватчики сожгли и разрушили древний русский город Новгород. Из 2 346 жилых домов в городе сохранилось только 40. Фашисты разрушили в Новгороде мясокомбинат, хлебокомбинат, обувную и мебельную фабрики, литейный, механический, судоремонтный, лесопильный, два кирпичных и черепичный заводы, судоверфь, фабрику школьных принадлежностей, железнодорожное депо, ремонтные мастерские НКПС; вывели из строя водопровод, водонапорную и водонасосную станции; разрушили всё электрохозяйство, городскую телефонную станцию, почту, телеграф, радиоузел [4, л. 16].

При отступлении из Новгорода фашисты расхитили ценнейшие коллекции по археологии, истории и искусству, разрушили музеи и художественные галереи, разграбили научные библиотеки, редчайшую фототеку и библиографическую картотеку филиала Института истории Академии наук СССР, разрушили и сожгли учительский институт, техникумы, педагогическое училище, медицинские школы, 5 клубов, 2 кинотеатра, дом Красной Армии, городской театр на 1 040 мест, 3 больницы, 5 амбулаторий, родильный дом, детскую поликлинику, 5 детских яслей, главный корпус городской психиатрической больницы. Немецко-фашистские вандалы разрушили и уничтожили в Новгороде величайшие памятники древнего русского искусства –Георгиевский собор Юрьева монастыря, церковь Благовещения на Аркаже, церковь Успенья на Волотовом поле и другие памятники древней архитектуры [9, л. 4–5].

Не меньший ущерб был нанесен оккупантами в других районах ленинградской области. Из Петродворца они разграбили и вывезли в Германию около 34 000 предметов музейных экспонатов и среди них 4 950 предметов уникальной мебели – английской, итальянской, французской и русской работы Екатерининского, Александровского и Николаевского времени; много редких сервизов фарфора иностранных и русских заводов XVIII и XIX веков. Немецкие варвары содрали шелк, гобелены и другие декоративные материалы, украшавшие стены дворцовых зал [7]. За годы оккупации в Германию было экспортировано машинно-технического оборудование, автомобили, тракторы, комбайны.

Таким образом, на захваченной территории Северо-Запада России был установлен жесточайший оккупационный режим, о котором свидетельствуют акты Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, акты местных (районных, городских и областных) комиссий, свидетельства очевидцев, донесения, рапорты и спецсообщения разведчиков и партизан, доклады, информационные записки, стенограммы и протоколы заседаний партийных и советских органов и многие другие документы, хранящиеся а архивах областей рассматриваемого региона. Все эти документы показывают чудовищную картину уничтожения мирного населения оккупированных территорий, ограбления имеющихся материальных ценностей. Промышленности и сельского хозяйства. Оккупационный режим явился заранее продуманной преступной политикой вермахта, характеризовался произволом и полной безнаказанностью немецких войск и оккупационной администрации по отношению к жителям захваченных районов.

1. Государственный архив новейшей истории Новгородской области (ГАНИНО). – Ф. 260. Оп. 1. Д. 193. Л. 65–66.
2. ГАНИНО. – Ф. 260. Оп. 3. Д. 295. Л. 13.
3. ГАНИНО. – Ф. 163. Оп. 3. Д. 10. Л. 157.
4. ГАНИНО. – Ф. 22. Оп. 3. Д. 81. Л. 16.
5. Государственный архив Псковской области (ГАПО). – Ф. Р-903. Оп. 3. Д. 111. Л. 1–7.
6. Епифанов, А. Е. Организационные и правовые основы деятельности комиссий по установлению и расследованию гитлеровских злодеяний / А. Е. Епифанов // Правовая парадигма. – 2017. – Т. 16. – № 4. – С. 54–61.
7. Красная звезда. – 1944. – 3 сентября.
8. Красноженова, Е. Е. Хозяйственно-экономические особенности нацистской оккупационной политики 1941–1944 гг. (на материалах Северо-Запада России) / Е. Е. Красноженова // Вопросы истории. – 2020. – № 11 (1). – С. 56–63.
9. Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков «О разрушениях и злодеяниях, произведенных немецко-фашистскими захватчиками в городе Новгороде и в Новгородском районе Ленинградской области». – М. : Госполитиздат, 1944. – С. 4–5.
10. Центральный государственный архив историко-политических документов г. Санкт-Петербурга (ЦГА ИПД СПб). – Ф. Р-116 Л. Оп. 8. Д. 36. Л. 12–16.
11. ЦГАИПД СПб. – Ф. Р-116 Л. Оп. 2. Д. 5. Л. 1–4.

Гребень Е. А.

ДОКУМЕНТЫ ПОЛИЦИИ ВЕТРИНСКОГО РАЙОНА КАК ИСТОЧНИК ПО ПОВСЕДНЕВНОСТИ ПЕРИОДА ГЕРМАНСКОЙ ОККУПАЦИИ 1941–1944 ГГ.[1]

Полиция являлась важной составляющей местной вспомогательной администрацией в годы германской оккупации Беларуси 1941–1944 гг. Помимо оказания помощи германским спецслужбам в выявлении и нейтрализации лиц, связанных с движением Сопротивления, а также евреев, оперативно-служебная деятельность полиции была направлена на расследования правонарушений, совершаемых гражданами.

В Государственном архиве Витебской области хранятся документы местной полиции восьми районов, степень информативности и сохранности которых неоднородна. Так, в фонде поставской районной управы 20 из 21-ой единицы хранения составляют документы полиции, представленные, в основном, протоколами допросов граждан, обвиненных осенью 1941–1942 гг. в симпатиях к советской власти и различных правонарушениях [1]. Значительная часть документов сенненской полиции касается мониторинга действий партизан в районе [2]. Информация об организационной структуре и личном составе содержится в фонде богушевского районного и чашникского районно-городского управления (доверенности и расписки на получение денег для заработной платы отрядам по борьбе с партизанами, личные карточки, автобиографии и анкеты полицейских, списки личного состава) [3; 4]. Аналогичные сведения плюс документы, иллюстрирующие оперативно-служебную деятельность полиции по раскрытию правонарушений содержатся в документах полиции Ветринского, Толочинского, и Оршанского районов [5; 6; 7]. Изучение документов полиции Городокского района (приказы, акты обысков, протоколы допросов, заявления граждан) затруднено в силу исключительно плохой сохранности («угасающий текст») [8].

В статье будет рассмотрена оперативно-служебная деятельность ветринской полиции, многие документы которой датированы 1943–1944 гг. и иллюстрируют заключительный период оккупации. Корпус документов представлен протоколами допросов граждан и полицейских следователем полиции, заключениями следователя по итогам следственных мероприятий, приказами начальника полиции по личному составу, а также его рапортами немецкому коменданту и рапортами и прошениями полицейских.

Первый блок документов касается организации службы. Из документов 1943 г. явствует, что полиция ветринского района была организована в виде батальона. В 1944 г. упоминается полицейский полка. Так, приказом начальника полиции от 19 апреля 1944 г. из полицейских опорных пунктов Гамовщина, Красюки, Плиски, Горяны и Петуховщина формировалась 3-ая рота 2-го батальона, а также 4-ая рота (опорные пункты Воробьи, Антоновичи, Бодиново и Шайторы) [9, л. 2]. В документе от 30 мая 1944 г. упоминается 6-ая рота 3-го батальона [9, л. 38]. Очевидно, в это время полицейский батальон был развернут до полка трехбатальонного состава, возможно, благодаря пополнению полицейскими из других районов [9, л. 70].

Приказы начальника полиции дают представление о дисциплине полицейских. Например, согласно приказу от 27 января 1944 г. от стражников требовалось прекратить порчу зимнего обмундирования (полицейские обрезали полы у тулупов и постовых шинелей и изготавливали из обрезков зимние головные уборы). Командиры подразделений обязывались провести беседы на сей счет и донести угрозу наказания до тех, кто утеряет или сдаст зимнее обмундирование испорченным [9, л. 8]. Приказом от 19 апреля 1944 г. один из стражников за грубое нарушение дисциплины арестовывался на 21 день и лишался маркитантских товаров на месяц, другой стражник наказывался 7-дневным арестов за игнорирование приказа командира [9, л. 2]. В приказе начальника районной стражи о 4 мая 1944 г. от командиров рот требовалось проверить актуальность информации о личном оружии и обмундировании в книжках стражников, регулярно проводить занятие с личным составом согласно расписанию. Полицейским предписывалось обращаться для решения различных вопросов к непосредственным командирам, а не к начальнику районной стражи. Командир одного из взводов за нарушения в процессе выдачи продовольствия карался лишением выдачи маркитантских товаров на один месяц [9, л. 1].

Вооруженные полицейские ощущали безнаказанность в отношении общепринятых правил и норм поведения. Например, следователь полиции 15 марта 1944 г. допросил стражника, 1923 г.р. Полицейский показал, что, по прибытии его отряда в д. Горяне, он сговорился с сослуживцем украсть сало из амбара гражданина. Взломав дверь, обнаружил в амбаре лишь две скатерти и одеяло, которые взял с собой. Во время взлома был замечен начальником караула и выбросил присвоенное [9, л. 70]. 24 апреля 1944 г. следователем была допрошена жительница д. Могилки. Накануне переезда в другую деревню

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ и РФФИ в рамках проекта № Г20Р-287 «Народ и власть: оккупанты, коллаборационисты и партизаны на пограничной территории Беларуси и северо-запада России в 1941–1944 гг.».

осенью 1943 г, гражданка зарыла на опушке леса в яме различные предметы мужского и женского гардероба, ткань, наволочку, подушку, скатерть, одеяло, ножницы, эмалированный таз. В апреле 1944 г. вернулась в деревню проверить вещи, увидела выезжающих из лесу полицейских, обнаружила разломанный сундук, в котором хранилось закопанное. Часть вещей женщина увидела у полицейских. Ходатайство перед начальником отряда полиции о возвращении успеха не имела, он предложил гражданке подать заявление в жандармерию [л. 142, 142 об.].

Очевидно, подобные систематические действия полицейских привлекли внимание командования, поскольку следователь еще минимум трижды допрашивал стражников одного из взводов. Первый протокол допроса датирован 2 мая 1944 г. Полицейский 1924 г.р. показал, что по прибытии его взвода в покинутую населением д. Хоттевичи стражники стали искать ямы с закопанными вещами. Одна из них была найдена за хозяйственной постройкой, откуда он и трое его сослуживцев изъяли 40 единиц предметов мужского и женского гардероба, мануфактуры, постельного белья. На долю допрашиваемого пришлись мужской костюм, полушубок, два одеяла и плащ-палатка. Плащ-палатку он презентовал командиру отделения, а костюм продал гражданскому лицу за литр водки. Во время выезда отряда из деревни командир взвода сбросил с повозок часть награбленных вещей [9, л. 235]. 20 мая был допрошен полицейский того же взвода, 1916 г.р., который показал следующее. 11 мая было приказано прочесать лес. В ходе движения цепь разорвалась, группа полицейских из 10 человек обнаружила «партизанский» лагерь (очевидно, лагерь мирных жителей), обитатели которого при их приближении стали разбегаться. Полицейские открыли огонь, ранили мужчину, застрелили девушку и захватили 8 женщин, мужчину и несколько детей. Захваченных граждан отконвоировали в д. Хоттевичи, прочесывание леса было продолжено. В землянках, в которых скрывались гражданские, были обнаружены вещи и продукты питания. На долю допрашиваемого пришлось: две пары туфель, отрез ткани, женские шерстяной жакет, рубашка, две кофты, два женских головных убора и детская рубашка. Ранее в ходе аналогичных операций командир взвода присваивал почти все обнаруженные предметы, что полицейский рассматривал ка несправедливость, поэтому полученное в ходе описываемой акции он не отдал. Полицейский также показал, что девушка была застрелена его коллегой в его присутствии [9, л. 231]. Аналогичный протокол был составлен 24 мая 1944 г. Стражник 2-го взвода 2-го батальона показал, что их отряд был в д. Хоттевичи (на момент прихода полиции оставленной жителями). Вместе с коллегами он занимался вскрытие ям, в которых местные жители закапывали имущество. Извлеченные вещи были расценены как партизанское имущество и поделены полицейскими. Во время транспортировки захваченных вещей к жене в свою деревню подвода была остановлена и вещи, список которых указывался в протоколе, переданы на хранение в районную стражу [9, л. 237].

В рапорте следователя начальнику райстражи от 9 мая 1944 г. сообщалось, что, после прибытия в пос. Шайторы взвода полиции, у гражданского населения участились случаи кражи продуктов, птицы, яиц и др. Приводился пример, когда у гражданки с чердака ночью было украдено 18 колец колбасы и мешок овса, у другой гражданки – две утки. Потерпевшие подозревали в краже конкретных полицейских, однако допрос и очная ставка их вину не подтвердила. Следователь признавал отсутствие контроля командира взвода над подчиненными, поэтому кражу могли совершить и другие полицейские, а обвиняемых предложил освободить из-под стражи [9, л. 181]. Фактически была проявлена корпоративная солидарность в отношении сослуживцев, а жалобы потерпевших остались без последствий.

В письме командира батальона командиру 4-ой роты от 11 мая 1944 г. констатировалось, что присутствие в роте командира не является сдерживающим фактором для полицейских, которые проявляют грубость и грабят население. Требовалось немедленно вернуть изъятое имущество, под угрозой «самой суровой ответственности» прекратить насилия над мирными жителями. Командирам подразделений, чьи подчиненные вели себя подобным образом, было «поставлено на вид» или объявлен строгий выговор, а также для разбирательств инцидентов был направлен начальник следственного отдела [9, л. 33]. Вряд ли столь мягкое наказание могло возыметь действие, да и сама дата письма показывает, что насилие полиции по отношению к мирным жителям сохранялось до конца оккупации.

Еще один блок документов иллюстрирует расследование правонарушений, совершаемых местными жителями. Так, в приказе начальника полиции от 7 декабря 1943 г. начальникам отрядов ставилась задача довести до сведения местного населения и сотрудников полиции запрет немецкого коменданта на производство самогона, которое имело место, «несмотря на предыдущие запреты». Нарушителям грозило заключение в трудовом лагере на срок от одного до полутора лет или расстрел [9, л. 9]. Самогоноварение фигурирует в протоколе допроса гражданина от 2 февраля 1944 г. Следователь допросил жителя д. Дубровка 1927 г.р., уроженца Руднянского района РСФСР, задержанного с водкой. С его слов, торговлей алкоголем стал заниматься не так давно, когда, поселившись в деревне, понял, что на него можно достать все, а главное соль. За две недели до допроса он привел литр водки и зашел в магазин Центрального торгового общества «Восток» и далее в

находившую в том же здании столярную мастерскую. На предложение столярам купить водку получил положительный ответ, после чего вернулся с одним из них в магазин, где продавщица отвесила ему 4 кг соли. На вопрос нужно ли еще столяры ответили, что сколько привезешь, столько и возьмем. По возвращении в деревню гражданин смолол на мельнице 7 пудов ржи, половину муки использовал для производства самогона, одолжив для этого аппарат у другого гражданина, который, в свою очередь, позаимствовал его у кого-то. Из полпуда ржи получилось пять литров самогона, и еще 9,5 л взял в долг у разных граждан из расчета по 5 фунтов соли за литр. Алкоголь повез в Ветрино в надежде достать соль и хлеб и вновь пошел в мастерскую при магазине ЦТО. Один из столяров позвал желающих купить алкоголь (за него в магазине отвесили 16 кг соли), но, продегустировав продукт, покупатели от сделки отказались. Позднее гражданин был задержан полицией, очевидно, по наводке [9, л. 67, 67 об.]. 9 февраля 1944 г. следователь полиции дал заключение по обвинению жителя пос. Шайторы, обвиненного в самогоноварении. Факт самогоноварения признавался гражданином, заявившим, однако, что, хоть он и имел самогонный аппарат, но систематически самогоноварением не занимался, а произвел разово к празднику Рождества и сразу сдал аппарат. Следователь отметил, что обвиняемый работал машинистом на электростанции и не имел возможности систематически производить самогон «в соответствии с экономическими условиями», поэтому заслуживает штрафа в 600 руб., однако дело следует передать ветринскому коменданту для наложения взыскания [9, л. 101].

Полиция активно вела поиск среди местного населения граждан, связанных с партизанами. Например, 20 декабря 1943 г. была допрошена жительница пос. Гатовщина (Гамовщина?) 1896 г.р., которая признала, что в партизанах находятся ее брат со всей семьей, но связь с ним она не поддерживает и за его поступки ответственности не несет [9, л. 150]. Допрошенный в тот же день житель д. Катушенки 1903 г.р. показал, что до июня 1943 г. проживал с семьей в деревне, был мобилизован партизанами, но сбежал от них, не пробыв и одного дня. Чтобы избежать повторной мобилизации, с разрешения коменданта опорного пункта переехал в д. Загатье, и в настоящее время связь с партизанами не поддерживает, родственников в рядах партизан не имеет [9, л. 151]. Допрошенный 2 февраля 1944 г. житель д. Орлы, 1893 г.р. показал, что из родственников в партизанах находится его родной и двоюродный братья. Поскольку он пострадал от советской власти, то партизан ненавидит, и связи с ними не имеет. В январе месяце в дом к нему пришли четверо партизан, которые предложили присоединиться к ним. Гражданин попросил отсрочку на 2 – 3 дня, чтобы подготовиться к переходу. Партизаны попросили у него соли (пришлось отдать часть), расспрашивали о полиции (сколько человек в отряде, где находятся посты), и ему пришлось «говорить наобум». После их ухода гражданин известил начальника отряда полиции об их визите [9, л. 74]. 5 февраля 1944 г. следователем было дано заключение по обвинению в политической неблагонадежности. В документе сообщалось, что визит к нему осуществили полицейские под видом партизан. Поскольку он был раскулачен советской властью и сразу же сообщил о факте визита «партизан» в полицию, предлагалось освободить его из-под стражи [9, л. 185, 185 об.]. 14 февраля следователь рассмотрел дело по обвинению двух гражданок, жительницы д. Сельцо 1873 г.р. и д. Горяне 1923 г.р., задержанные как «сомнительные личности». Было установлено, что обе они никакого отношения к партизанам не имеют. Первая гражданка пошла навестить сестру в соседнюю деревню, вторя обвиняемая помогла ей переправиться через речку. Обе были задержаны полицией: первая как лицо, не имеющее пропуска и находящееся вне своего постоянного места жительства, вторая – как оказавшая ей помощь. Следователь постановил, что обе гражданки пострадали от советской власти, а приход пожилой женщины к сестре не имеет отношения к деятельности партизан, поэтому их следует освободить из-под стражи [9, л. 69, 69 об.]. 19 февраля 1944 г. следователь допросил задержанного жителя д. Пчельник, 1917 г.р., который показал, что из его семьи в партизанах никого нет. Накануне в деревню пришли пятеро партизан и гражданское лицо в качестве провожатого. Партизаны забрали лошадь гражданина и поехали в д. Игнополь, сказав ему, что лошадь берут насовсем (его супруге сказали, что берут временно). Через некоторое время проводник вернулся и сообщил, что забранных лошадей планируют оставить в деревнях Обухове или Блошниках, куда он и направился завтра. По дороге был остановлен группой вооруженных людей, которые представились партизанами, но оказались полицейскими. Мнимые, по его мнению, партизаны пытались склонить его к сотрудничеству, что допрашиваемый и пообещал, если ему вернут лошадь. Далее ему было предложено подобрать 3 – 4 человека себе в помощь, и он назвал подходящие кандидатуры. Гражданин также признал, что ему действительно приходилось несколько раз быть проводником партизан в разные деревни; партизаны просили назвать хозяев, у которых есть свиньи, коровы и другой скот. Также у гражданина был найден обрывок советской газеты «За родину» [9, л. 63, 63 об.]. Из протокола допроса сложно понять действительно ли гражданин имел дело с переодетыми полицейскими, которые таким образом пытались его разговорить и выяснить связи местного населения с партизанами, или же это были настоящие партизаны, и он пытался себя реабилитировать перед оккупационными властями.

Ряд документов характеризует стремление полицейских иметь исключительный, на фоне остальных граждан, статус. Например, начальник полиции 27 декабря 1943 г. обратился к районному коменданту с рапортом, в котором сообщал о мобилизации на работу (сначала в лагерь в г. Витебске потом в г. Алитус в Литву) детей ряда граждан, проживавших в д. Троицкое (эвакуированы сюда из пос. Труды Полоцкого района). Сообщалось, что молодые люди 1925 – 1926 гг. р. (возраста, тотально мобилизуемые на работу с 1943 г.) являются детьми полицейских, за чью благонадежность ручаются командир отряда и стражники, и высказывалась просьба возбудить ходатайство перед полоцкой фельдкомендатурой об их возвращении [9, л. 13]. В письме начальника полиции старшему агроному Ветринского района от 19 января 1944 г. сообщалось, что проживающему в д. Косари стражнику был начислен налог в 30 кг мяса, но, поскольку он постоянно служит в полиции вместе с сыном, имеющееся у него хозяйство следует считать подсобным, которое не должно облагаться налогом [9, л. 299].

Подобные стремления коллаборационистов побудили полоцкую фельдкомендатуру 12 июня 1944 г. издать распоряжение относительно использования на работах родственников полицейских. Очевидно, этот вопросы налогообложения, мобилизации на работы на оккупированной территории и в Германии волновали сотрудников коллаборационных структур весь период оккупации. В документе отмечалось, что этот вопрос до настоящего времени не урегулирован (очевидно, на сей счет не было издано четких распоряжений командований тылом группы армий «Центр»), а сами сотрудники полиции придерживаются мнения, что их родственники не должны привлекаться к обязательной трудовой повинности, а только работать в личном хозяйстве. Позиция немцев состояла в том, что все члены семей полицейских, бургомистров и прочих «заслуженных граждан» были обязаны вносить вклад в дело борьбы против большевизма, и это содействие не должно было ограничиваться возделыванием собственного поля или огорода. Членов семей коллаборационистов призывали быть примером для остальных граждан. Немцы делали комплимент коллаборационистам: «Учитывая поведение, боевой дух, смелость и упорство в работе большинства стражников, жены и дети стражников, начальников районов и т.д. как исключение не охватываются в гражданские трудовые отряды…». Очевидно, не желая раздражать немногочисленную лояльную им часть местного населения, немцы при этом не могли себе позволить полностью освободить семьи коллаборационистов от работы, тем более что описываемые события происходили накануне освобождения Беларуси, когда немцы вели масштабные работы по строительству оборонительных укреплений, одновременно отправляя все новые контингенты остарбайтеров в Германию. Поэтому членам семей коллаборационистов предлагалось довольствоваться тем, что их не будут отправлять на работу вне места жительства, но им придется мириться с привлечением к оборонительным работам, работам на производстве по направлению комендатуры или биржи труда. Также отмечалось поступление многочисленных жалоб полицейских, не желавших предоставлять своих лошадей (полученных благодаря комендатуре) на сельскохозяйственные и другие важные для немцев работы. Полицейских ставили перед фактом, что лошади из их личных хозяйств обязаны работать на перевозке грузов, строительстве мостов, предоставляться безлошадных односельчанам для обработки земли. В плане выполнения различных повинностей семья полицейского ничем не отличалась от семей рядовых односельчан [9, л. 75]. Далее рекомендовалось пополнять ряды ОД за счет сыновей (начиная с 1927 г.р.), братьев, зятьев полицейских, бургомистров и других коллаборационистов, эксплуатируя наличие в таких семьях антибольшевистских настроений. В случае нежелания вступать в полицию, их следовало направлять на работу в составе трудовых отрядов [9, л. 76].

Таким образом, документы полиции Ветринского района являются информативным источником, характеризующим повседневность периода германской оккупации Беларуси 1941 – 1944 гг. Они иллюстрируют перманентное насилие полицейских над мирным населением, мониторинг лиц, связанных с партизанами, провокационные мероприятия, когда полицейские маскировались под партизан с целью определить симпатизирующих партизанам граждан, низкую дисциплину полицейских и, при этом, относительно мягкие наказания в виде лишения выдачи товаров или кратковременных арестов. Последнее свидетельствовало о понимании руководством местной полиции того факта, что других исполнителей приказов германских оккупантов им не найти.

1. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 2843. Оп. 1. ДД. 1–8, 10–21.
2. ГАВт. – Ф. 2150. Оп. 1. Д. 1, 2, 6.
3. ГАВт. – Ф. 1851. Оп. 1. Д. 1.
4. ГАВт. – Ф. 2111. Оп. 1. Д. 1; Оп. 2. Д. 1–12.
5. ГАВт. – Ф. 2078. Оп. 1. Д. 1–22.
6. ГАВт. – Ф. 2830. Оп. 1. Д. 1–4.
7. ГАВт. – Ф. 2092. Оп. 1. Д. 1–145.
8. ГАВт. – Ф. 2084. Оп. 1. Д. 1–5.
9. ГАВт. – Ф. 2830. Оп. 1. Д. 1.

Кулинок С. В.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО НАЦИСТСКОЙ КАРАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ «ВЕСЕННИЙ ПРАЗДНИК» (АПРЕЛЬ – МАЙ 1944 Г.)[1]

Карательные операции нацистов на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны за весь послевоенный период изучены недостаточно. Подготовлено несколько общих работ [5], архивистами опубликовано несколько сборников по крупным анциям: «Зимнее волшебство», «Коттбус», «Корморан» [2–4]. Для советской исторической науки характерны следующие особенности исследования темы:

• Идеологический контроль над «неудобными» аспектами темы (потери партизан; успешные действия оккупантов в период акций; просчеты командования «лесных солдат» и руководства Белорусского штаба партизанского движения и др.);

• Опора при изучении темы практически только на «партизанские» документы и практически полное игнорирование материалов противоборствующей стороны;

• Игнорирование целого ряда важнейших аспектов, связанных с этой темой.

Во-первых, причин проведения карательных операций. В каждом отдельном случае они могли быть разные: оттеснение «народных мстителей» от коммуникаций противника (в период интенсивных боев на фронтах); «срезание» партизанских зон и краев; очистка оперативных тылов воинских формирований. Например, операция «Коттбус» напрямую взаимосвязана с такими крупными операциями немцев на оккупированной территории РСФСР как «Цыганский барон», «Вольный стрелок», «Помощь соседу», а также с операцией «Висла» на Украине. Эти операции имели две цели одновременно – очистить от партизан районы, где они базировались, и отодвинуть их от железнодорожных путей в период подготовки и проведения операции «Цитадель» на Курской дуге и обеспечить необходимые условия для доставки войск, боеприпасов и продовольствия непосредственно в прифронтовой район.

Во-вторых, шаблонный показ механизма деятельности оккупантов и игнорирование развития и разнообразия тактических приемов немцев и их пособников. Например, в период проведения операции «Весенний праздник» тактика действий карателей несколько раз менялась. Первоначально использовался метод «кувалда», когда партизанскую оборону просто прорывали с помощью лобовых атак. Скорее всего, первоначальный оперативный рисунок операции заключался в том, чтобы прорвать партизанскую оборону в нескольких местах и «вбить» в партизанскую оборону несколько мощных клиньев (метод «Vortreiben starker Stosskeile»). После этого само внутреннее пространство кольца окружения можно было «резать» на части, образуя «котлы», в которых одновременно или последовательно уничтожить партизанские очаги сопротивления. Однако такой прием не прошел. Готтберг, поняв, что прорвать оборону народных мстителей очень сложно, изменил оперативный рисунок операции. Он перешел к применению другого приема – к сужению кольца окружения путем одновременного продвижения к центру «котла» всех блокирующих частей (прием Kesseltreiben) – своеобразное «удушение удавкой».

В-третьих, до сих пор не до конца определены результаты и потери в карательных операциях. Данные о немецких потерях, которые приводят партизаны, даже невооруженным взглядом в ряде случаев говорят о явных завышениях. Поэтому анализ документальных источников по карательным операциям, привлечение максимально широкого круга источников имеет важнейшее значение. Операция «Весенний праздник» в этом отношении достаточно показательна.

К апрелю 1944 г. в Полоцко-Лепельской партизанской зоне было сконцентрировано 16 партизанских бригад и партизанский полк под командованием И. Садчикова. Партизанским командованием даже рассматривался вопрос о самостоятельном захвате г. Полоцка. Однако к концу марта немецкое военное и полицейское руководство приняли решение о проведении карательной операции. Ее цель «срезание» партизанской области в тылу 3-й танковой армии в период подготовки к советскому летнему наступлению. По распоряжению оперативной группы Полоцко-Лепельской зоны «лесные солдаты» построили многочисленные оборонительные укрепления общей протяженностью 230 километров. Для проведения операции «Весенний праздник» в общей сложности было привлечено около 60 тыс. немецких солдат и их пособников, 137 танков, 236 орудий, 70 самолетов и 2 бронепоезда [1, с. 351–384].

Данные о проведении немцами операции встречаются в разведывательных сводках Белорусского штаба партизанского движения (БШПД) за апрель-май 1944 г. [8, л. 1–437].

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ и РФФИ в рамках проекта № Г20Р-287 «Народ и власть: оккупанты, коллаборационисты и партизаны на пограничной территории Беларуси и северо-запада России в 1941–1944 гг. ».

Основная информативная часть «партизанских» документов сконцентрирована в историях партизанских бригад, в том числе тех, которые оказались в окружении в период карательной операции. В качестве примера приведем материалы о 1-й Антифашистской бригаде, которая оказалась практически полностью уничтоженной в этой операции: «Отчет партизанской бригады о боевой деятельности за апрель—май 1944 г. » от 5 июня 1944 г. [12, л. 165–168]; «Справка командования бригады об обстоятельствах ранения и смерти комбрига В. В. Гиль-Родионова» от 5 июня 1944 г. [12, л. 145]; «Из истории партизанской бригады» [11, л. 19–23]. Аналогичный пример можно привести и с документами по бригаде им. К. Е. Ворошилова [7, л. 1, 32, 33, 38–44, 61; 9, л. 76–77; 10, л. 143–144] и другим бригадам Полоцко-Лепельской зоны. Отметим, что истории партизанских бригад писались уже после освобождения Беларуси, поэтому к этим документам надо относиться с определенной долей критики.

Значительный интерес представляют материалы, связанные с принятием решения о прорыве из «кольца» [13, л. 650–655]. Подробный ход операции представлен в «Докладной записке оперативной группы ЦШПД и БШПД в представительство БШПД на 1-м Прибалтийском фронте с карателями в Полоцко-Лепельской партизанской зоне в апреле—мае 1944 г. » [6, л. 2–91].

Наиболее массовым и интересным видом документов по данной теме являются шифртелеграммы партизанских соединений и руководящих органов партизанского движения (БШПД, представительств и т. д.). Они сконцентрированы в фонде № 1450 в описи № 23. Ценность этих документов заключается в том, что они создавались непосредственно в период карательной операции и касаются различных ее аспектов (координаций действий; вопросов прорыва; помощи советской авиации; непосредственно боевых действий). В быстро меняющихся условиях посредством радиосвязи оперативно решались многие вопросы. Всего выявлено более 300 шифр и радиограмм по данной проблеме. Их сопоставление и анализ по-новому позволяют посмотреть на ход и результаты операции «Фрюлингсфест», в том числе определить просчеты советского партийного и военного руководства.

Безусловно, необходимо указать и важнейшие немецкие документы, связанные с проведением этой антипартизанской операции. В первую очередь, это подробный «Отчет о боевых действиях в операции «Весенний праздник» [30, f. 000836–000858], «Итоговая сводка обобщенного опыта боевых действий операции «Весенний праздник» [30, f. 000816–000819], «Пропаганда, разведка и воздушная разведка в ходе операций «Ливень» и «Весенний праздник» [31, f. 00197–00199], «Телеграмма о действиях группы Каминского и поведении врага» [31, f. 00107].

Ряд немецких документов были выявлены в Российских архивах. Например, в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) в фонде № 625. Так, в нем содержатся приказы по особорму батальону СС Дирлевангер от 14 и 19 апреля 1944 г. [27, л. 176–179; 28, л. 300–301]. Отметим также «Сообщение начальника оперативной группы по Полоцко-Лепельской партизанской зоне полковника В. Е. Лобанка заместителю начальника Белорусского штаба партизанского движения И. П. Ганенко о подготовке немецких войск и бригады РОНА к операции против партизан» от 14 апреля 1944 г. В документе отмечалось: «По данным агентурной разведки 1-й и 3-й полки предателей Каминцев и одной из дивизий танковой армии дан приказ в ближайшее время провести удар от Лепеля в направлении Ушачи. Удар предполагается нанести в треугольнике направлением из Лепеля на Заборовье, Подлобное и Острово, а также со стороны Полоцка будут поддерживаться танками и авиацией» [27, л. 315]. Таким образом, партизанская разведка располагала сведениями о подготовке немцами крупной карательной операции.

В фондах Центрального архива Министерства обороны хранятся «Оперативные донесения штаба 3-й танковой армии штабу группы армий «Центр» [29, л. 1–4, 8–10, 17–18, 23–24].

Также отметим картографический материал из фонда № 1450 опись № 24. Это карта дислокации партизанских формирований Витебской области на апреля 1944 г. [14], а также оперативная карта боевых операций Лепельской партизанской бригады им. И. В. Сталина против карательной акции военно-полицейских сил противника «Весенний праздник» [15] и оперативной обстановки в районе Ушачской зоны [16–26].

Конечно, источниковая база по данной карательной операции значительно шире и разнообразнее. Мы привели лишь отдельные группы и виды документов, а также наиболее важные и информативные источники. Лишь комплексное использование документов (компаративистика) советской и немецкой стороны, а также иллюстративных материалов позволит исследователям объективно и беспристрастно исследовать этот сложный и важный вопрос военной истории Беларуси.

1. Жуков, Д. А. Дважды предавшие. Бригада СС «Дружина» / Д. А. Жуков, И. И. Ковтун. – М. : «Вече», 2019. – 448 с.
2. «Зимнее волшебство». Нацистская карательная операция в белорусско-латвийском пограничье, февраль–март 1943 г. : док. и материалы. – М., 2013. – 512 с.
3. «Корморан». Нацистская карательная операция в Беларуси, май–июнь 1944 г. : документы и материалы / сост.: В. Д. Селеменев [и др.]. – Минск, 2020. – 712 с.

4. «Коттбус». Нацистская карательная операция в Беларуси, май–июнь 1943 г. : док. и материалы / сост.: В. Д. Селеменев [и др.]. – Минск : НАРБ, 2018. – 636 с
5. Карательные акции в Беларуси / сост.: В. Я. Герасимов, С. М. Гайдук, И. Н. Кулан. – Минск : Сталия, 2008. – 164 с.
6. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 600.
7. НАРБ. – Ф. 1403. Оп. 1. Д. 559.
8. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 7.
9. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 4. Д. 46.
10. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 4. Д. 47.
11. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 4. Д. 217.
12. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 4. Д. 218.
13. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 23. Д. 113.
14. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 24. Д. 238.
15. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 24. Д. 249.
16. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 24. Д. 256.
17. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 24. Д. 257.
18. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 24. Д. 258.
19. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 24. Д. 259.
20. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 24. Д. 260.
21. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 24. Д. 261.
22. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 24. Д. 262.
23. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 24. Д. 263.
24. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 24. Д. 264.
25. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 24. Д. 265.
26. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 24. Д. 266.
27. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 625. Оп. 1. Д. 40.
28. РГАСПИ. – Ф. 625. Оп. 1. Д. 43.
29. Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). – Ф. 500. Оп. 12479. Д. 1287.
30. Nationan Archives and Records Administration (NARA). – T-311. R. 218.
31. NARA. – T-313. R. 305.

Пастернак А. М.

ПИСЬМА М. Ф. ШМЫРЕВА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

На сегодняшний день о героической борьбе и трагической судьбе первого на Витебщине партизанского отряда – М.Ф. Шмырева (Батьки Миная) написано немало. Тем не менее, остается актуальной необходимость обращения к исследованию личности героя и его жизни после освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков. Цель работы – раскрыть информационный потенциал писем М.Ф. Шмырева, которые хранятся в фондах учреждения культуры «Витебский областной музей Героя Советского Союза М.Ф. Шмырева», к Анне Александровне Шмыревой. Существует мнение, что Анна Александровна – сестрой легендарного командира (он сам так обращается к ней в переписке), однако на основании изучения писем мы не исключаем, что речь может идти о жене брата М.Ф. Шмырева Михаила, убитого в 1921 г. При цитировании сохранены орфография и пунктуация оригинала.

Нами проанализированы семь писем адресованных родственнице в период с 1944 по 1948 гг. Даная переписка в большинстве своем носит личностный характер, однако, письма содержат информацию о периоде послевоенного восстановления, быте населения.

Через все письма проходит тема личной трагедии М.Ф. Шмырева – трагической гибели детей зимой 1942 г. Шмырев пишет, что качество воспитания детей, их поведение, преданность, которую они проявили в то трудное время, зависит исключительно от качества состояния их родителей, их чести и достоинства, как людей, как работников [1, л. 1]. В письме, датированном 29 марта 1944 года Минай Филиппович описывает портрет самого младшего своего сына Миши: «…Я все время им радовался, этот ребенок далеко был не похож на многих из современной молодежи. Это действительно ребенок взял, был все лучшее не только от своих родителей, но и все лучшее в нашей природе…» [1, л. 1]. Неоднократно в письме Шмырев пишет о себе, как о «мужчине крепкого характера», который не может говорить спокойно без слез о трагедии детей, и старается просто молчать. А с корреспондентами эту тему «детей» не обсуждать.

Из письма датированного 23 апреля 1944 г. мы узнаем, что М.Ф. Шмырев работает в Витебском облисполкоме в должности заместителя председателя по вопросам гособеспечения. Шмырев характеризует условия жизни населения в этот период. Из письма мы можем сделать выводы, что население живет в большой нужде. За период оккупации уничтожено буквально все – жилье, продовольственные запасы, люди живут в землянках наспех устроенных. Население очень болеет, есть случаи заболевания тифом. Минай Филиппович подчеркивает, что экономика очень слаба и средства на содержание семей фронтовиков и семей, оставшихся без крова нужны повседневно, но изыскать их на месте не представляется возможным. Именно в этом письме Шмырев впервые упоминает о своей первой жене Прасковье Ивановне, которая умерла в 1939 г. Он пишет, что «черные дни» в

его жизни наступили после смерти жены. Все строки письма пронизаны чувством любви, памятью к своей первой семье, чувствами, которые он пронес через всю свою жизнь [2, л. 2–3].

На период сентября 1944 г. М.Ф. Шмырев проживает в Витебске, что мы читаем в письме, датированном 2 сентября 1944 г. В письме пишется о том, что город Витебск разрушен полностью. Людям негде жить, работать, размещаться. В этом письме батька Минай подчеркивает, что Гитлеру не удалось остановить «нашу жизнь» [3].

Минай Филиппович крайне редко описывал своих родных. Нам практически неизвестны его родственники и их судьба. Из письма датированного 30 октября 1944 г. мы узнаем сразу о двух его ближайших родственниках матери и сестре Акулине. Шмырев сообщает о том, что в Пинске он разыскал «маму старушку и сестру Акулину и её дочка с двумя детьми»[4, л. 1]. Эти данные чрезвычайно интересные, так как с описанием его матери мы встречались ранее в книге Всеволода Саблина «Батька Минай»: «… Смуглая, почти коричневая, с лицом, изрытым глубокими морщинами, старушка держалась прямо, несмотря на свои 100 с небольшим лет.»[8, с.21] По тексту письма видно, что Шмырев искренне рад этой встрече, «все же как то радостно, и они очень рады, что я их разыскал» [4, л. 1].

Так же по переписке мы можем говорить о Шмыреве, как о руководителе, который на «своем месте» и о человеке, в котором сочетаются удивительные качества организатора, отца, мужа, брата и друга. В своей переписке он неоднократно пишет о дочках от второго брака и о роли семьи в его понимании. «Я без семьи не мог и не могу жить. Я считал и считаю, что семья, особенно дети это вся жизнь и радость в жизни человека, и ты права в том, что я в настоящее время живу в этом отношении в лучших условиях. Я живу сейчас лишь только для детей и ради детей; не будь бы у меня этих малышей, поверь мне, Александровна, я бы давно не жил на свете. А они у меня такие хорошие, что когда приходишь домой, расстроенный и усталый, они заглаживают и отвлекают тебя от всех скверных мыслей»[5, л. 1].

В каждом письме в послевоенной переписке к Анне Минай Филиппович пишет о неважном состоянии своего здоровья. 11 ноября 1947 года ему была сделана сложнейшая операция на гортани («вырезали пол гортани» [6, л. 1–2]). Однако можно судить о том, что положительного эффекта операция не дала. Были послеоперационные осложнения. Врачи предлагали радиолечение, от которого Минай Филиппович отказался. Для дальнейшего лечения решался вопрос о переводе его в Москву или Ленинград. В письме он себя сравнивает с маленьким ребенком, которого начинают учить ходить. Именно такое состояние слабости испытывал Шмырев, что позволяет нам сделать выводы о серьёзности его заболевания.

Так же в письме, датированном 16 июня 1948 г., опять тема «плохого здоровья»[7, л. 2]. В этом письме, как никогда Минай Филиппович затрагивает тему своей личной трагедии, каким бы он не был сильным человеком, но пережить гибель брата Михаила в 1921 г., смерть жены в 1939 г., расстрел детей и родных в 1942 г. – это непосильно. Он во всем винит себя. Он живет со своим горем, которое делит только с самим собой, он несет свой Крест, а в этот период не хватает сил побороть и свою болезнь. Он переживает, что стал обузой не только для своей семьи, но и для самого себя.

Таким образом, письма М.Ф. Шмырева позволяют понять его переживания, связанные с личной трагедией, и раскрывают некоторые аспекты жизни в середине – второй половине 1940-х гг.

1. Письмо М.Ф. Шмырева Анне Александровне от 29 марта 1944 г. Рукопись // Учреждение культуры «Витебский областной музей Героя Советского Союза М.Ф. Шмырева», КП.
2. Письмо М.Ф. Шмырева Анне Александровне от 23 апреля 1944 г. Рукопись // Учреждение культуры «Витебский областной музей Героя Советского Союза М.Ф. Шмырева», КП.
3. Письмо М.Ф. Шмырева Анне Александровне от 2 сентября 1944 г. Рукопись // Учреждение культуры «Витебский областной музей Героя Советского Союза М.Ф. Шмырева», КП.
4. Письмо М.Ф. Шмырева Анне Александровне от 30 октября 1944 г. Рукопись // Учреждение культуры «Витебский областной музей Героя Советского Союза М.Ф. Шмырева», КП.
5. Письмо М.Ф. Шмырева Анне Александровне от 25 марта 1946 г. Рукопись // Учреждение культуры «Витебский областной музей Героя Советского Союза М.Ф. Шмырева», КП.
6. Письмо М.Ф. Шмырева Анне Александровне от 21 ноября 1947 г. Рукопись // Учреждение культуры «Витебский областной музей Героя Советского Союза М.Ф. Шмырева», КП.
7. Письмо М.Ф. Шмырева Анне Александровне от 16 июня 1948 г. Рукопись // Учреждение культуры «Витебский областной музей Героя Советского Союза М.Ф. Шмырева», КП.
8. Саблин, В. Батька Минай / В. Саблин. – Минск : Госиздат БССР, 1959. – 240 с.

Николаева И. В.

«ИСТОРИИ» ПАРТИЗАНСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ УЧАСТИЯ ЖЕНЩИН В ПАРТИЗАНСКОМ ДВИЖЕНИИ

В комплексе документов по истории антигерманского сопротивления на временно оккупированной территории Беларуси в 1941–1944 гг. отдельную группу представляют содержащиеся в фонде № 1450 Белорусского штаба партизанского движения (БШПД) и учтенные по описи № 4 повествовательные источники, названные их составителями «историями» бригад и отрядов [1]. Это отчетные документы о деятельности партизанских формирований, оформленные после соединения с частями Красной Армии или выхода в советский тыл, в большинстве своем, весьма значительные по объему – как правило, не менее 50 страниц рукописного текста. При их написании использовались не только боевые листки, штабные документы, но и бригадные газеты, воспоминания участников. Разработанная оперативным отделом БШПД структура данного вида документов включает отдельный пункт под заголовком «Женщины и девушки-партизанки». В условиях отсутствия отложившихся компактно архивных источников, которые характеризуют участие женщин в партизанском движении, изучение «историй», безусловно, представляет интерес для исследователей.

«Истории партизанских соединений» были включены в утвержденный 31 марта 1944 г. П. З. Калининым перечень документов, предоставляемых БШПД, и должны были вестись систематически со дня организации партизанского соединения. Кроме сведений об организации и боевой деятельности бригад, в «истории» необходимо было включать и информацию о партийно-политической работе внутри партизанского формирования, быте, моральном состоянии личного состава, а также описание боевых заслуг партизан-героев. Составленные командным составом формирований по заданному уже в июле 1944 г. формуляру они, безусловно, требуют критического анализа, что не умоляет их информационного потенциала как повествовательных источников.

Материалы «историй» информативны с точки зрения традиционного исторического исследования. Так, в них представлена общая информация о личном составе из числа женщин: численность, занимаемые должности в партизанских подразделениях. Например, они подтверждают тот факт, что из женщин в основном формировались партизанские кадры, предназначенные для бытового обслуживания личного состава отрядов и бригад (кухарки, пекари, прачки, швеи и др.). В то же время анализ «историй» партизанских формирований, действовавших в разных регионах Беларуси, показывает, что к выполнению работ по хозяйственно-бытовому обслуживанию партизанских лагерей повсеместно широко привлекались рядовые партизанки. Рассматриваемые архивные материалы также представляют собой источник персональной информации о женщинах-участницах партизанского движения (конкретные примеры деятельности отдельных партизанок, имена и фамилии женщин и девушек, представленных к награждению).

Кроме того, данные источники интересны в плане использования их для реконструкции различных аспектов партизанской повседневной действительности (условия проживания, рацион питания, обеспечение одеждой, личная гигиена и т. д.) и показа обратной стороны жизни женщин-партизанок – каждодневной борьбы за выживание. Наблюдающийся в настоящее время всплеск в изучении истории повседневности сопровождается поиском репрезентативной источниковой базы и превращает, на наш взгляд, «истории» в ценный исторический источник.

Вместе с тем, рассматриваемые источники – это и вид исторического свидетельства, отличительной особенностью которого, несмотря на его официальное происхождение, одновременно является субъективно-личностный характер. И хотя в основу историй положены дневниковые записи, что велись на протяжении деятельности соответствующих формирований, в тоже время нельзя не учитывать, что для них характерен хронологический разрыв между временем создания и временем, когда происходили описываемые события. Поскольку они представляют собой позднейшее изложение истории партизанского формирования конкретному официальному адресату, для нас важно, что каждый составитель такой «истории», очевидно, заполнял формуляр в соответствии со своими представлениями о необходимой и идеологически правильной, или, по крайней мере, допустимой информации о деятельности бригады и оценке участия в ней женщин-партизанок.

Обобщая эту информацию, можно выделить характерные суждения о роли и месте женщин и девушек в партизанском движении и проанализировать закономерности восприятия женщин-партизанок мужчинами, разделившими с ними все тяготы суровой жизни в партизанском отряде. И здесь представленные материалы свидетельствуют о расхождении рационально сконструированных авторами «историй» образов партизанок, которые «наравне с мужчинами участвовали в боях и походах», и описываемых реальных повседневных практик. Очевидно стремление авторов придерживаться официального представления о женском вкладе в партизанскую борьбу партийного и

партизанского руководства, которое, как свидетельствует соответствующая информационная и отчетная документация, постоянно держало на контроле проблему, связанную с «недооценкой роли женщин в партизанской борьбе».

Таким образом, «истории» партизанских формирований, действовавших на временно оккупированной территории Беларуси, представляют интерес для изучения участия женщин в партизанском движении. Вместе с тем, учитывая специфику данных партизанских материалов, для получения объективной картины их целесообразно использовать в комплексе с другими источниками.

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 1450. Оп. 4.

Згірскі Ю. І.

ПРАКТЫКА ВЫКАРЫСТАННЯ ФОТАЗДЫМКАЎ ПРЫ АНАЛІЗЕ МАТЭРЫЯЛАЎ ВУСНАЙ ГІСТОРЫІ НА ПРЫКЛАДЗЕ ДАСЛЕДАВАННЯ БІЯГРАФІІ ЖАЎНЕРА ВОЙСКА ПОЛЬСКАГА З 1939 ПА 1954 ГОД

Наратывы сведкаў гістарычных падзей, як і мемуары, праз спецыфічнасць чалавечай памяці, маюць суб'ектыўны характар, таму іх трэба выкарыстоўваць у сукупнасці з іншымі гістарычнымі крыніцамі. Акрамя, архіўных дакументаў, дапоўніць інфармацыю, атрыманую пры аналізе матэрыялаў вуснай гісторыі, дазваляюць фотаматэрыялы. Асабліва карысным выкарыстанне дадзенай групы крыніц з'яўляецца пры даследаванні біяграфіі таго ці іншага чалавека. У дадзеным артыкуле спалучэнне матэрыялаў вуснай гісторыі і аналіза фотакартак з сямейнага архіва будзе прадэманстравана на прыкладзе вывучэння біяграфіі жаўнера польскага войска – Палячонка Сцяпана Пятровіча (гады жыцця: 1911–1975 гг.), які нарадзіўся і пражываў у вёсцы Дубавое Докшыцкай гміны Дзісненскага павета. У міжваенны перыяд гэта была тэрыторыя польска-савецкага памежжа [1]. У якасці асноўных крыніц былі выкарыстаны ўспаміны дачкі Сіндрэвіч (Палячонак) Зінаіды Сцяпанаўны пра свайго бацьку, а таксама фотакарткі з сямейнага архіва за перыяд з 1939 па 1951 год.

Паводле ўспамінаў Сіндрэвіч Зінаіды Сцяпанаўны вынікае, што яе бацьку прызвалі ў Войска Польскае ў самым пачатку II Сусветнай вайны:

"*Іх во… у Поль (шчы). Вот чаго іх прызвалі? Таму што там немцы напалі. З іх зрабілі тую там, армію, і яго адправілі… дзе ён ваяваў, якім месцам, я ня ведаю, патаму што я не цікавілася. А тады ж немец іх там разбіў. І гэтыя людзі.., а тут гэтыя тэрыторыі вассаедзінілася ў Беларусь. І так аказалася што тут сем'і, а людзі ні там.. яны не іхныя, не палякі, не беларусы, ні якія… [прабел], а так, пасадзіліся ў паязды, і вот яны туды без вінтовак, без нічога паехалі ў Брэст. А з іх так і так сказалі: Вы ваеннапленныя. І ніхто іх дамоў не пусьціў*" [2].

Зінаіда Сцяпанаўна ўскосна ўзгадвае прыкладную дату мабілізацыі – 1939 год. Дадатковыя звесткі паказваюць, што Сцяпан Пятровіч Палячонак не паспеў прыняць удзел у баях, так як быў узяты ў палон савецкімі вайскоўцамі пасля 15 верасня 1939 года. Аналіз дадзенага наратыву дазваляе сцвярджаць, што Сцяпан Пятровіч выправіўся ў войска без часу на сборы, што сведчыць аб яго мабілізацыі паміж канцом жніўня – пачаткам верасня 1939 года.

Апошняе абвяргаецца наяўнасцю фатаздымкаў, зробленых Сцяпанам Пятровічам у перыяд мабілізацыі. Перыяд, агучаны ў наратыве, можна ахарактарызаваць як "паскораную мабілізацыю", што стварала пэўныя перашкоды для стварэння фота, прадстаўленых ніжэй (фота 1, фота 2).

Фота 1 з'яўляецца больш афіцыйным, хутчэй за ўсё для дакументаў, але наяўнасць ва ўласным карыстанні дазваляе сцвярджаць аб тым, што фота было зроблена ў студыі і без спешкі. Сцяпан Пятровіч Палячонак на дадзеным фатаздымку апрануты ў форму Войска Польскага міжваеннага перыяду. Паводле знакаў адрознення вайсковых, можна зрабіць выснову аб мабілізацыі Сцяпана Пятровіча Палячонка ў Войска Польскае ў званні радавога. Чорна-белы фармат фота не дазваляе вызначыць род войскаў па знешніх прыкметах, але наяўнасць знакаў вайсковых дазваляе сцвярджаць, што ў войску Сцяпан Пятровіч быў больш чым месяц (так як падобныя знакі атрымоўваюць падчас падрыхтоўкі вайсковага саставу, на што неабходны час, якога ў жніўні-верасні 1939 года ў Польшчы не было.

Ва ўспамінах Зінаіды Сцяпанаўны Сіндрэвіч, а таксама на адвароце фота, не адзначана асоба саслужбоўца. Паводле знешніх прыкмет, чалавек таксама быў залічнана ў радавы склад Войска Польскага і, магчыма, быў аднавяскоўцам Сцяпана Пятровіча Палячонка. Як было адзначана вышэй, Палячонак С. П. ня мог быць прызваны ў войска ў канцы жніўня 1939 г., так як тагачасныя рэаліі не былі спрыяльнымі для фатаграфавання нефармальнага (фота зроблена ў студыі для ўласнага выкарыстання). Магчыма, ён быў мабілізаваны ў канцы сакавіка пачатку красавіка 1939 г. у межах плана "Захад", зацверджанага 22 сакавіка 1939 г. Галоўнакамандуючым Войска Польскага Э. Рыдз-Смыглы і пачаткам таемнай мабілізацыі, пачатай Галоўным штабам Войска Польскага 23 сакавіка 1939 г.

На фота 2 зафіксавана наяўнасць дадатковых элементаў інтэр'еру, а таксама саслужбовец Сцяпана Пятровіча Палячонка.

Фота 1. Палячонак С. П. у 1939 г. (з сямейнага архіву Сіндрэвіч Зінаіды Сцяпанаўны)

Фота 2. Палячонак С. П. з саслужбоўцам ў 1939 г. (з сямейнага архіву Сіндрэвіч Зінаіды Сцяпанаўны)

Як было адзначана вышэй, Сцяпан Пятровіч Палячонак пасля 15 верасня 1939 г. трапіў у савецкі палон. Зінаідай Сцяпанаўнай ўзгаданы падрабязнасці лёсу свайго бацькі ў якасці ваеннапалоннага, дзе яму спатрэбіліся навыкі мірнага часу:

"*Перапісалі і адправілі ў Крывы Рог. У лагер ваенны, усё і работайце. Там камні яны далбілі. [прабел]. Бацька быў усё такі кузнец, [прабел] пакуль там разабраліся, і як ён кузнец, а тыж камні рукамі не паб'ешь, камень аб камень, значыць нада кіркі, нада ўсё. Гэта нада рабіць. І бацька, як кузнец, пайшоў па сваей этай самай, па сваіх руках. А так, есці яны там галадалі, вошы кармілі, і мама маладая, гэта быў 40-ы год, ці які там, яшчэ немцы на нас не напалі, вот яна ездзіла к яму, сама. [прабел]. Казала сядзіць там, а ў яго вошы па каўняру там цэпю лётаюць. Вот так яна яго праведала. Можа два разы так з'ездзіла ілі адзін, гэта я забылася.* " [2].

Рэспандэнт у сваіх успамінах пра бацьку адзначае пабытовыя асаблівасці палонных Войска Польскага з 1939 па 1941 год. Хутчэй за ўсё, гэта пераказ яе маці, якая некалькі разоў наведвала мужа ў лагеры для вязняў. Успаміны даюць магчымасць вызначыць месца дыслакацыі лагера. У выкарыстаным вышэй сюжэце, лагер месціўся ў еўрапейскай частцы СССР, што рабіла магчымым наведванне праз адсутнасць перашкод у часе на дарогу (у параўнанні з падобнымі аб'ектамі ў азіяцкай частцы СССР). Рэспандэнтам не адзначаны іншыя перашкоды (напрыклад, бюракратычныя), якія маглі паўстаць перад жонкай Сцяпана Пятровіча пры наведванні рэжымнага аб'екта.

Зінаіда Сцяпанаўна ў сваіх успамінах пра лёс бацькі пэўным чынам інтэрпрытуе спецыфіку ўзаемаадносін палітычных лідэраў падчас II Сусветнай вайны, а таксама паведамляе пра жыццёвыя перыпетыі Сцяпана Пятровіча ў складзе арміі Андэрса, якая да 1942–1943 гг. фармавалася як польская вайсковая адзінка пад кіраўніцтвам СССР з жаўнераў былога Войска Польскага і рэпрэсаваных жыхароў Заходніх Беларусі і Украіны:

"*А тады, у 41-м, немцы прышлі. І іх, з гэтага самага, зрабілі як бы две арміі. З гэных самых. Там і ўкраінцы былі, і беларусы там, можа і рускія дзе былі, ну хто ў гэтай самай быў. Адну армію аставілі, кажэцца Касцюшка [прабел] сначала яны думалі, што яны будуць умесце з савецкімі салдатамі, а папа папаў у Андэрса. [прабел]. І гэтых салдат, недзе праз Срэднюю Азію, вялі там. Там многа памёрла. І вот іх вялі, яны былі ў Іране, Іраке можа, і аж у Ерусаліме аказаліся. Быў у Іерусаліме, хадзіў па мястах, купіў іконку. Тут у мяне ёсць эта іконка, а тады іх пасадзілі на караблі, тыж панімашь што гэта не цяперашні транспарт, Сталін з Андэрсам паругаўся, а Сталін з Чэрчылям нармальна. І тады саюзнікі адкрылі ватры фронт. Андэрсаву армію яны павязлі туды Італію асвабаждаць. І ніхто там ня мог узяць гэту вышку, Монтэ-Касына, крэпасць такая была. А нашы беларусы, хоць цяпер і Англія хваліцца, но снабжала гэтую армію Англія, таму што дзе ж савецкім, яны ж самі ў прогаладзь жылі. [прабел]. І тады Андэрс, я ад чалавека дазналася папа ня мог рассказываць, яго жаль зжымала, ён ня мог*

рассказываць. [прабел]. У папы медаль была і крэст за гэта Монтэ-Касына. Бераглі, але я цяпер дзецям аддала, на памяць. Не прадаваць жа, бо гэтых медалей зусім нямножка " [2].

У сямейным архіве Палячонкаў адсутнічаюць фатаграфіі Сцяпана Пятровіча за пачатковы перыяд II Сусветнай вайны. Зінаіда Сцяпанаўна ў сваіх успамінах адзначае асаблівасці біяграфіі свайго бацькі за перыяд 1942–1944 гг. у агульнагістарычным кантэксце, які дамінуе ў наратыве, што сведчыць аб адсустнасці падрабязных звестак, звязаных з Сцяпанам Пятровічам, у параўнанні з перыядам 1939–1941 гг., дзе ўспаміны маці Зінаіды Сцяпанаўны, як сведкі падзей, з'яўляецца дамінуючымі і дазваляюць аднавіць тагачасную рэчаіснасць. Ва ўспамінах Зінаіды Сцяпанаўны пра далейшы лёс бацькі прысутнічаюць ўскосныя звесткі аб прыкладным маршруце арміі Андэрса з СССР на Бліжні Усход і ў Італію. Рэспандэнтам агучаны спіс артэфактаў, звязаных з перыядам службы ў Арміі Андэрса: ікона, якая з'яўляецца сямейнай рэліквіяй рэспандэнта; крыж, магчыма за бітву пры Монтэ-Касіна; медаль, не індэтныфікаваны.

Пасля бітвы пры Монтэ-Касіна, якая адбылася ў траўні 1944 г., Сцяпанам Пятровічам былі зроблены фатаздымкі, якія адносяцца да андэрсаўскага перыяду яго біяграфіі (фота 3, фота 4, фота 5).

Фота 3. Палячонак С. П. у 1943–1945 /46 гг. (з сямейнага архіву Сіндрэвіч Зінаіды Сцяпанаўны)

Фота 4. Палячонак С. П. у перыяд 1945–1947 гг. (з сямейнага архіву Сіндрэвіч Зінаіды Сцяпанаўны)

Фота 5. Жаўнеры 2-а Польскага корпуса (з сямейнага архіву Сіндрэвіч Зінаіды Сцяпанаўны)

На фота № 3 фон звяртае на сябе больш увагі, чым у двух папярэдніх. Відавочна, што фотакартка, зроблена на індывідуальны фотаапарат, можа быць аднесена да італьянскага перыяду біяграфіі Сцяпана Пятровіча, аб чым сведчыць архітэктура будынкаў, якія выступаюць фонам. Адсутнасць дадатковага рыштунка і знакаў адрознення дазваляе сцвярджаць, што фота было зроблена ў вольны час. Па выгляду дрэва на фоне можна зрабіць выснову аб прыкладным часе, калі было зроблена фота (лета). Сама форма відавочна летняя, маецца бярэт, што дадаткова сведчыць аб тым, што фота было зроблена летам, пасля 1943 г., калі 2-і Польскі корпус увайшоў у склад Узброеных Сіл Вялікабрытаніі. Дадатковым з'яўляецца алтарнае кальцо на левай руцэ, якое сведчыць пра сямейны стан асобы (сімвал вернасці шлюбу).

Фотакартка № 4, магчыма, магла быць зроблена ў студыі з мэтай выкарыстання яго ў дакументацыі, аб чым сведчыць факусіроўка аб'ектыва на асобе і адсутнасць дэталёвага фону ці элементаў дэкору, што, з аднаго боку, робіць яго падобным да фота № 1, але з другога, адрозневае накірунак позірку асобы (ніжэй аб'ектыву) і само мешчанне аб'ектыву (крыху вышэй асобы). Падобны ракурс адкрывае ня толькі твар асобы, але і вайсковыя знакі (якія адпавядаюць англійскім [3]) і ўзнагароды (на фота бачны ленты ўзнагарод). Форма відавочна англійская, не паходная, што сведчыць аб тылавой ці пазабаявой дыслакацыі фармавання вайсковага, у якім служыў Палячонак Сцяпан Пятровіч. Гэта гіпотэза падмацоўваецца фактам перадыслакацыі Польскага корпуса у 1946–1947 гг. у Вялікабрытанію з Цэнтральнай Італіі, дзе корпус дыслакаваўся ў 1944–1945 гг.

Фотаграфія № 5 мае групавы характар, што стварае перашкоды ў індэнтыфікацыі Палячонка Сцяпана Пятровіча. Адсутнасць інфармацыі аб часе і месцы не дазваляе вызначыць перыяд, у які было зроблена фота (ваенны ці пасляваенны). Знешні выгляд жаўнераў дазваляе сцвярджаць, што фота магчыма было зроблена ў перыяд, які адпавядае форме вайсковай на фота (восень, вясна). Архітэктура будынку відавочна еўрапейская, што вызначае частку света (Еўропа), у якой было зроблена фота і прыкладны час (1943 – 1947 гг.). Галоўнай фігурай на фота з'яўляецца капелан вайсковы, знешне падобны да капелана праваслаўнага, што кажа аб нацыянальным і рэлігійным складзе ўдзельнікаў фотаздымка. Магчыма, фота зроблена ў Вялікабрытаніі пасля перадыслакацыі арміі Андэрса з Італіі. Калектыўнае фота магло быць зроблена на памяць, што дазваляе ўдакладніць час стварэння фатаздымка (1947–1948 гг., час расфармавання корпуса).

Зінаіда Сцяпанаўна ва ўспамінах пра лёс бацькі асобна адзначае, што ў яго быў выбар: застацца ці вярнуцца на радзіму:

"У 47-м... А яны, можна было аставацца на гэтым, там у арміі служыць, ці работаць. Яны, кстаці, палучалі жалаванне. У яго там нават былі акцыі. Яны куда-та эці дзеньгі ўкладавалі. Ёсць фатаграфіі, дзе ён у форме, армейскай, навернае гэта англійская была, а можа польскую такую рабілі. [прабел]. А тады сказалі, што можна спісацца. Ну як: напісаў ён пісьмо, гэта ж пісьмо, пакуль дашло, пакуль нашлі, дзед адпісаў пісьмо, пакуль гэта, тады папа стаў зваць маму, каб дзед атпусціў маму, туды к яму ехаць, таму што там папу сказалі, ня толькі папу, вы пападзіцё ў Сібір. У нас жа гэтыя лагеры былі і да вайны. Колькі там памерзлі і пагібла. [прабел]. І папа прыехаў у 47-м, можа не два гады прашло, гэта я ня помню. Ня тое што ня помню, не дапытывалася" [2].

Зінаідай Сцяпанаўнай агучаны прыкладны год вяртання бацькі з Вялікабрытаніі (1947 г.). Увагу звяртае перапіска паміж ім і сям'ёй да вяртання, што сведчыць аб існаванні паштовай сувязі паміж Вялікабрытаніяй і СССР. Рэспандэнтам адзначаны факт набыцця акцый. Апошні факт патрабуе ўдакладнення, так як гэта інфармацыя мае спецыфічны характар і выклікае сумнеў у дакладнасці факта. Тым не менш, дадзены факт паўплываў на наступныя падзеі:

"Прынялі яго, і добра. Яны хату строюць, папа з мамай, аднаго дзіцятка радзілі, памёр, тады, яны ўжо пастроілі хату, і зрабілі... кузніца у папы была і карова, і аставалася ў той хаце зрабіць толькі печку, была вясна-зіма. А ў 50-м мама радзіла двух дзяўчынак, і ўжо па годзіку дзевачка была, і тады прыехалі гэтыя кагэбісты, паначаваў у прэдседацеля калхоза, у Дубавых, а тады раніцай прыйшоў з пісталетам, а жонка таго прэдседацеля хацела прыйсці сказаць нам, у гэнага чалавека дзе начаваў, той чалавек сказаў: Ня смей. [прабел]. Да гэтага іх сабралі і сказалі, што ў каго ёсць акцыі, давайце ў Полацк етце, аддавайце і вам дзеньгі вернуць. Ну яны павазілі тыя акцыі. Ну і факцічэскі іх перапісалі. Вот і Андэралаў бацька гэдак сама быў. Ну а тады прыйшоў гэты з пісталетам сюды: Сабірайцеся. [прабел]. Пасадзілі іх і дзяцей у прыцэп трактара гусінечнага, кругом слякаць, сырасць і паязлі іх у Глыбокае. Пакуль усіх збіралі, гэтыя дзяўчаткі прастылі і дзяўчаткі памёрлі. [прабел]. Ну яе павялі і яна расказала як усё было. Прывялі таго глаўнага, відна яму дасталася. [прабел]. Ну і завязлі іх туды ў 51-м, у апрэлі месяцы, к лету прывязлі, памясцілі ў баракі і ў лес, у тайгу. Лес загатаўліваць" [2].

У сюжэце адлюстравана вяртанне Сцяпана Пятровіча Палячонка ў Дубавое ў другой палове 1940-х гг. Узгаданыя раней каштоўныя паперы, а дакладней іх абмен на рублі, меў наступствы: у выніку, падчас адной з хваль пасляваенных рэпрэсій (дакладней, у 1951 г., што адзначана Зінаідай

Сцяпанаўнай Сіндрэвіч), сям'я Палячонкаў (Сцяпан Пятровіч з жонкай і дзецьмі) былі высланы за Урал. Зінаідай Сцяпанаўнай узгаданы дрэнныя ўмовы падчас знаходжання ў Глыбокім, вынікам якога стала смерць дзяцей С. П. Палячонка. Цікавым з'яўляюцца ўспаміны рэспандэнта пра штодзённасць жыцця рэпэсіраванай сям'і ў Сібіры:

"Мама с папай стаяць там такія ў чорным, два такія скучныя-скучныя, гэтыя неяк у белым. Сібіракі падумалі, што зэкаў прывязлі, [прабел], а тады после яны прынялі іх, [прабел], тады пазналі што папа каваль. [прабел]. І гэта счасце, што іх не сагналі у "летні лагер", на Камчатку. [прабел]. Тады яны на кварціры былі, у жанчыны. Маму ўстроілі на пякарню, а пасля ў школу уборшчыцай, тады я радзілася, а калхозаў не было. Можна было сваё дзяржаць, ніхто не канфіскоўваў як там, і папа казаў, што давай астанімся. А мама сказала, што я не хачу каб маю дзяўчыну мышкара ела. [прабел]. Сталін памёр у 53-м. Спачатку было ўсё ціха: усе плакалі, а тады як быў с'езд, да мамы суседка прыбягае і кажа: Ай-яй-яй. Мой сарваў партрэт Сталіна і пачаў рваць. А камуніст кажыць быў такі ваабшчэ. А тады, аказваецца, што разаблачылі Сталіна. Тады сталі дамоў адпускаць. У 57-м гаду ім казалі, што хочыце едзце ў Польшчу, ці едзце дамоў" [2].

Фота 6. Палячонак С. П. з жонкай у 17.06.1951 г. (з сямейнага архіву Сіндрэвіч Зінаіды Сцяпанаўны)

Рэспандэнтам адзначаны прыкметы знешняга выгляду асобаў на фота № 6: чорные, простае адзенне. Меркаванне аб стане маёмасным адзначана ў наратыве вышэй. Параўнальны аналіз фотаздымкаў 1 і 4 з фота № 6 дэманструе пагаршэнне знешняга выгляду ў выніку праблем з харчаваннем і ўвогуле асаблівасцямі жыццёвага перыяду 1950-х гадоў. Па сутнасці, фота № 6 з'яўляецца візуальным адлюстраваннем апошняга наратыву, што дазваляе выкарыстоўваць дадзены фотаздымак і аповед пра перыяд 1950-х гадоў не як асобныя дадатакі адзін да аднаго, а як суцэльную крыніцу, узбагачаючаю агульны масіў крыніц. Фота групавое. Сам факт фатаграфавання выклікае патрэбу ў паляпшенні знешняга выгляду, што бачна па адзенні іншых удзельнікаў фатасэсіі, што з'яўляецца тыповым для таго перыяду. У сувязі з абмежаваннем даследавання па часе (1939–1954 гг.), у артыкуле не разгледжана падрабязна вяртанне і рэабілітацыя рэпрэсаванай сям'і Палячонкаў на Радзіму. Абмежаванне 1954 годам звязана з мэтай падзелу перыяда біяграфіі Сцяпана Пятровіча Палячонка на перыяд службы ў Войску Польскім (у тым ліку і Польскім корпусе, які можна лічыць працягам папярэдняга перыяду – андэрсаўскі перыд), уплывам статуса жаўнера польскіх васковых злучэнняў на наступны лёс і сібірскім перыядам. Храналагічныя межы даследавання (1939–1954 гг.) абумоўлены наяўнасцю фотаматэрыялаў, а таксама кардынальнымі зменамі ў эканамічным становішчы сям'і Палячонкаў з 1954 г., а менавіта паляпшэннем жыллевых умоў, інтэргаваннем у мясцовае асяроддзе.. Фактычна, пасля 1954 года пачынаецца новы перыяд у біяграфіі ня толькі Сцяпана Пятровіча, але і ўсёй сям'і Палячонкаў. Вывучэнне побыту пасля адзначанага года, а таксама пасля вяртання з Сібіры, можа выступаць тэмай для асобнага даследавання.

Такім чынам, на падставе прадстаўленага матэрыялу, неабходна вызначыць наступнае:

Магчымыя скажэнні, якія з'яўляюцца дапушчальнымі пры ўліку суб'ектыўнага характару наратыву, як крыніцы гістарычнай, маюць патрэбу ва ўдасканаленні сюжэта ці яго асобных фрагментаў. Карысным з'яўляецца практыка спалучэння асобных сюжэтаў з адным фотаздымкам, які, як правіла, дае візуальнае ўяўленне аб асобным сюжэце ці маюць сувязь з ім праз наяўнасць дэталей,

звязаных з сюжэтам. Пры адсутнасці каардынат ці звестак аб часе, фотакартка дазваляе вызначыць прыкладны час ці месца пры ўліку кантэкста даследчыкам, што выклікае патрэбу ў звяртанні да іншых гістарычных крыніц. Асобныя элементы наратыву ці фота могуць з'яўляцца крыніцамі, пры іх наяўнасці ці магчымасці зафіксаваць у палявых умовах, для працягу даследавання ў адпаведнай тэме. Звычайна, калі фотакартка належыць рэспандэнту, апошні звяртаецца да павярхоўнага аналізу фота пры аповедзе, што можа абясцэніць карысць фотаматэрыялу. Інфармацыя, якую нясе фотаздымак можа стаць асобным сюжэтам, ці важнай складовай часткай пэўнай тэмай. Падобная практыка выкарыстання звязкі фотаматэрыял-наратыў з'яўляецца карыснай падчас біяграфічных даследаванняў ці вывучэння гісторыі паўсядзённасці.

1. Даваеная польская тапаграфічная карта цэнтральнай Беларусі [Электроны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://www.etomesto.ru/map-belarus_zapad/. – Дата доступу: 01.03.2021.
2. Запісана ў 2020 г. Згірскім Ю. І. ад Сіндрэвіч Зінаіды Сцяпанаўны 1954 г. н., у в. Янкі, Докшыцкага р-н, Віцебскай вобласці.
3. Нереализованные возможности военного союза (армия В. Андерса на территории СССР в 1941–1942 гг.) [Электроны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://militera.lib. ru/docs/da/terra_poland/01.html. – Дата доступу: 19.03.2021.

Руссу О. Д.

ТВОРЧЕСТВО КАК ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ ИСТОРИИ БЫТА ВОЕННОПЛЕННЫХ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ

Изучение истории не представляется возможным без тщательного анализа многообразных исторических источников, отличающихся друг от друга содержанием, формой, способом подачи информации и пр. Условно исторические источники можно поделить на два вида: так называемые официальные источники и источники личного происхождения. Данная статья посвящена анализу источников истории быта военнопленных после окончания Сталинградской битвы.

К официальным источникам истории военного плена Второй мировой войны в СССР можно отнести официальные документы международного характера, например, Женевскую конвенцию «Об обращении с военнопленными» 1929 года. Кроме того, к этой группе источников относятся нормативно-правовые акты высших органов государственной власти (например, распоряжения Государственного комитета обороны, протоколы заседаний Политбюро ЦК ВКП (б) по вопросам обращения с военнопленными). Последние определяли основные вопросы содержания и использования труда военнопленных. Отдельную группу источников составляют документы (распоряжения, директивы, приказы) по линии органов НКВД-МВД СССР, которые непосредственно осуществляли работу с военнопленными и интернированными. «Наиболее ценными для исследователя с точки зрения информативности являются итоговые обзоры и доклады о деятельности УПВИ-ГУПВИ» [2, с. 115]. По мнению Кузьминых А. Л. именно в отчетной документации «обобщен обширный фактический и статистический материал, определены этапы в развитии Управления в целом и его отдельных структурных подразделений» [2, с. 116].

Особый интерес представляют документы региональных органов управления военного плена и интернированных, включающих в себя отчетную и справочную информацию по различным вопросам – размещения, учета, быта, питания, а также лечения военнопленных. Отдельную группу составляют отчетные документы лагерей, госпиталей, отражающие деятельность последних за те или иные периоды их существования. В частности, занимаясь исследованием социальных аспектов содержания военнопленных в Сталинграде, мы обращались к целому ряду распорядительных, нормативных документов законодательных и исполнительных органов власти, НКВД-МВД СССР, охватывающих все стороны жизни военнопленных. Проанализировали отчетно-информационные материалы о деятельности Главного управления по делам военнопленных и интернированных (УПВИ-ГУПВИ НКВД-МВД СССР), а также о деятельности региональных структур ГУПВИ НКВД-МВД СССР. Указанные источники включают в себя обзоры, справки, докладные записки, касающиеся истории лагерей, характеризующие работу, проделанную региональными структурами по содержанию, санитарному обеспечению, трудовому использованию военнопленных, а также трудности, с которыми столкнулось руководство лагерей для военнопленных на территории Сталинграда и области. Анализ документов показал, что в период с 1942 по 1943 гг. наблюдались трудности с размещением военнопленных (в разрушенном городе практически отсутствовали помещения, пригодные для жилья), только к 1946 году удалось решить вопрос с размещением [3, с. 198]. Аналогичная ситуация наблюдается в сфере обеспечения продовольствием, медикаментами, средствами личной гигиены. Кроме того, из докладных записок видно, что в лагерях наблюдалась острая нехватка медицинского персонала, и поэтому часто приходилось прибегать к услугам врачей из числа военнопленных.

Как правило, отчетные документы, дополнялись фотодокументами, отражающими жизнь военнопленных на территории Сталинграда: «В столовой», «Наши футболисты», «Мы и СССР», «Наш санаторий», «Актив 6-го лагерного отделения лагеря № 362», «Наша команда футболистов» и другие [4, с. 566-575]. Их сохранилось не так много. Снимки демонстрировали окружающую обстановку, одежду, лица (в том числе, фотопортреты активистов), сцены из лагерной жизни. Это был своеобразный фотоотчет администрации о работе лагерей, поэтому и к выбору снимков подходили весьма избирательно. Чаще всего акцент делался на положительных результатах работы с военнопленными и интернированными.

Нельзя обойти вниманием и такой вид исторического источника как периодическая печать. Пресса выполняла, в первую очередь, информативную функцию. В советских газетах можно было найти сводки о плененных солдатах и офицерах Вермахта, материалы о судебных процессах и т.д. Особенно активно использовались материалы советской прессы в пропагандистской и агитационной работе в лагерях. Большую роль в этом сыграло движение немецких патриотов «Свободная Германия» в лице руководящего органа Национального комитета (НКСГ) и его президента – Эриха Вайнерта. Члены организации вели активную антифашисткую работу в лагерях (в том числе лагерях Сталинграда и области), выпускали собственную газету «Фрайес Дейчланд» (вышло 44 номера) [4, с. 15]. Кроме того в каждом лагере силами военнопленных выпускались стенгазеты, в которых содержались материалы о жизни военнопленных. Например, в лагере № 362 (лагерь был открыт в июне 1945 года для использования военнопленных на восстановительных работах в Сталинграде) во втором батальоне 11 лагерного отделения выпускалась газета «Антифашист». В лагере № 108 (просуществовал до 1950 г.) выпускался ежемесячный литературный журнал объемом 18-20 страниц. Главной трудностью было убедить автора поставить свое имя под заметкой. Часть сохранившихся материалов не подписаны. Даже если статья не носила критического характера, военнопленные старались подписываться псевдонимом. Руководство лагерей поддерживало участие военнопленных в создании стенной печати. Так в лагере № 108 в 1947 году «насчитывалось 68 членов редакционных коллегий общелагерных, батальонных и ротных стенных газет и 333 корреспондента» [1, с. 535], за первый квартал того же года была выпущена 391 стенная газета. За аналогичный период 1948 года выпущено уже 430 газет и работали над ними 855 корреспондентов и 107 членов редакционных коллегий [1, с. 593]. Эта группа документов в той или степени раскрывает различные стороны жизни военнопленных. А именно быт, трудовую деятельность, культурную жизнь, оценку военнопленными политических событий и фактов. Например, есть статьи, напоминающие о необходимости соблюдения правил гигиены в связи с приближением холодного времени года и ростом различных заболеваний. Военнопленный доктор Краус подчеркивает, что «забота о собственном здоровье – это не блажь и роскошь, а необходимое условие для возвращения домой» [4, с. 46]. Встречаются также материалы о симптомах и профилактике простудных заболеваний в холодное время (статья военнопленного 9-го лагерного отделения лагеря № 362 доктора Шэфера).

Публикуются заметки о проводимых в лагере спортивных, культурно-массовых мероприятиях: «Их хроники лагерной капеллы», «В свете рампы», «Наш шахматный турнир»; «Наш клуб – настоящее место отдыха», «Наш лагерный оркестр» и др.

Кроме того, большое место в газетах отводилось освещению трудовой деятельности военнопленных, освещают работу строительных бригад на самых разных объектах Сталинграда. Из заметок («Порт», «Финский дом») видно, что труд военнопленных использовался при строительстве, ремонте, восстановлении самых разных объектов: от промышленных предприятий, жилых домов, сооружений до гостиницы «Интурист» и стадиона «Динамо». Следует отметить, что чаще всего статьи носят пропагандистский характер (о чем свидетельствуют и названия, и содержание заметок). Пропагандируются высокие производственные результаты, что способствует переосмыслению нацистских идей, формирует представление о том, что хороший труд необходим для искупления вины за разрушения и беды. Из статьи военнопленного лагеря № 108 Станслауса Митренга «Лесоцех»: «Строительство фабрики принесло чувство умиротворения всем строителям, поскольку тем самым они смогли искупить свою вину перед русским народом и предоставить в его распоряжение предприятие, производящее мирную продукцию» [4, с. 102].

Заметки, как правило, сопровождались иллюстрациями, выполненными военнопленными в самых разных жанрах, что делало статьи привлекательными для читательской аудитории.

Существует мнение, что к информации, содержащейся в газетах, стенгазетах необходимо относиться критически, учитывая пропагандистский характер представленных материалов. Однако нельзя не отметить тот факт, что редакционная коллегия старалась создать положительный настрой в среде военнопленных, скрасить пребывание человека в лагере. К примеру, «Уголок загадок» включал в себя кроссворды, загадки, придуманные военнопленными. То есть материалы были рассчитаны на разную аудиторию. Поскольку люди, оказавшиеся в окружении под Сталинградом,

отличались друг от друга не только этническим происхождением, но и политическими, религиозными убеждениями (евангелисты, католики, лютеране, неверующие). Опросные листы, содержащиеся в учетных делах, свидетельствуют и о различном уровне образования военнопленных (8 классов народной школы, гимназия, консерватория), а также возрасте. Отличались военнопленные и родом деятельности до службы в армии (артист, художник, слесарь-инструментальщик, каменщик, продавец, композитор-музыкант и др.).

Изучение истории жизни советских военнопленных не представляется возможным без обращения к документам личного происхождения: писем, дневников, записок, воспоминаний, художественных произведений. Так называемая «лагерная культура», способна нарисовать полную картину жизни в плену. Подобные источники позволяют окунуться в эпоху, увидеть то или иное событие глазами участников. Особую ценность представляют дневники, поскольку в них отражается собственный взгляд автора. В отличие от мемуаров, рассчитанных на широкую публику, дневники всегда пишутся для себя. Дневники редки, поскольку ведение их запрещалось в плену. Еще одним немаловажным личным источником выступают мемуары. Мемуары писались, как правило, после освобождения из плена и возвращения домой, спустя длительное время после описываемых событий, что может привести к неточностям, искажениям фактов и событий. При этом, мемуары содержат в себе не только описание, скажем, лагерного быта, но и некоторый аналитический элемент, размышления, оценку. Кроме того, для создания полной картины, целесообразно обратиться к мемуарам, советских военнослужащих, жителей Сталинграда. В воспоминаниях последних прослеживается постепенный переход от ненависти к сочувствию. «Русские оказались людьми с неожиданно порядочным характером. Русский народ ничего больше не требовал от военнопленных, как только восстановления части разрушенного» [1, с. 955].

Отражением внутреннего мира военнопленных выступает почтовая корреспонденция – почтовые карточки и письма.

По нашему мнению, кроме указанных источников необходимо обратить внимание на творчество военнопленных – художественные, музыкальные и иные произведения (рисунки, пьесы, рассказы, стихи) созданные в плену. При этом речь идет о подлинных произведениях, сохранившихся в архивах (военнопленным было запрещено вывозить записи на родину). Что, несомненно, значительно повышает их ценность и позволяет изучить лагерную культуру, оценить внутренний мир, переживания военнопленных.

Представленные в статье источники дают возможность исследователю получить разнообразную информацию о жизни военнопленных в Сталинграде, освещая ее с разных, возможно иногда, противоположных сторон. Изучение истории военнопленных должно опираться не только на документы официального характера, но и на источники личного происхождения. Для многих солдат и офицеров Сталинград стал переломным моментом жизни, когда жизнь разделилась на «до» и «после». Сталинград в некотором смысле стал началом новой жизни для сотен военнослужащих вермахта, оказавшихся в плену. Именно источники личного характера раскрывают перед нами внутренний мир военнопленных, позволяют рассмотреть жизнь лагеря более детально, и самое главное, понять насколько война способна изменить жизнь не только страны, но и отдельно взятого человека.

1. Военнопленные в СССР. 1939–1956 гг. : документы и материалы / под ред. М. М. Загорулько. – Т. 2 : Военнопленные в Сталинграде. 1943–1954 : документы и материалы. - Волгоград : Издатель, 2003. – 1160 с.
2. Кузьминных, А. Л. Корпус источников по истории советского военного плена и интернирования второй мировой войны / А. Л. Кузьминных // ВЕСТНИК АРХИВИСТА = HERALD OF AN ARCHIVIST. – 2013. – № 1. – С. 113–128.
3. Руссу, О. Д. Влияние Сталинградской битвы на изменение мировоззрения военнопленных / О. Д. Руссу // Военная история России : материалы IV Международной научной конференции, посвященной 75-летию победы в Сталинградской битве : в 2 ч. – Ч. 1. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2017. – 652 с.
4. Творчество немецких военнопленных о Сталинграде и о себе. 1946–1949 : документы и материалы // Военнопленные в СССР. 1939–1956 гг. : документы и материалы» / под ред. М. М. Загорулько. – Волгоград : Издатель, 2006. – 600 с.

Півавар М. В.

ВАЖНЫ ДАКУМЕНТ ПА ЗАХАВАННІ ПАМЯЦІ ПРА ПАДЗЕІ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ Ў ВІЦЕБСКІМ РАЁНЕ

Вынікі і наступствы Вялікай Айчыннай вайны ў БССР былі на столькі цяжкімі, што адчуваюцца яшчэ і ў нашы дні. Зразумела, што мемарыялізацыі падзей вайны ў краіне надавалася значная ўвага. Але дынаміка мела выгляд сінусоіды – са сваімі пікамі і спадамі актыўнасці. Актывізацыя працы, звычайна, адбывалася да юбілейных дат. Важным этапам стала святкаванне ХХ годдзя Перамогі ў 1965 годзе і мела працяг. Было прызнана, што ў справе ўвекавечання яшчэ шмат чаго не зроблена, хаця. 17.01.1966 г. Прэзідыўмам ЦК КПБ была прынята пастанова “Аб далейшай рабоце па ўвекавечанні гераічных подзвігаў савецкіх людзей ў перыяд Вялікай Айчыннай вайны”.

Віцебская раённая камісія па ўвекавечанні правяла значную работу і выпрацавала прапановы, якія былі зацверджаны на бюро Віцебскага райкама КПБ і выканкама райсавета дэпутатаў працоўных 15.06.1966 г. Дакумент "Аб прапановах раённай камісіі па ўвекавечанні подзвігаў савецкіх людзей на тэрыторыі раёна ў гады Вялікай Айчыннай вайны" знаходзіцца ў Дзяржаўным архіве Віцебскай вобласці, у фондзе 571 [1].

Прапановы гэтыя ў пэўнай частцы выкананы, але некаторыя актуальны і ў нашы дні. Аналіз гэтага дакумента дазволіць паглядзець – ці зроблена тое, што планавалася, што засталося зрабіць. Прааналізуем дакумент і параўнуем з сучаснай сітуацыяй, зробім вывады.

Дакумент скдалаецца з 10 аркушаў машынапіснага тэксту. На першых двух лістах сама пастанова, у якой адабраюцца вынікі працы раённай камісіі па ўвекавечанні; змяшчаецца хадайніцтва аб зацвярджэнні прапаноў камісіі абласным Саветам народных дэпутатаў; зацвярджаецца склад камісіі для перапахавання партызан з адзіночных магіл у брацкае пахаванне.

Прапановы займаюць 8 аркушаў. Тэкст разбіты на 7 раздзелаў. У першых трох змяшчаюцца прапановы па ўвекавечанне населеных пунктаў цалкам ці часткова знішчаных гітлераўцамі на тэрыторыі раёна. 4–6-я раздзелыя прысвечаны будаўніцтву помнікаў, усталяванню мемарыяльных шыльд у памятных месцах раёна. Сёмы раздзел прысвечаны арганізацыі турыстычных маршрутаў па тэрыторыі раёна, звязаных з падзеямі вайны.

I. **Увекавечанне населеных пунктаў, цалкам знішчаных нямецка-фашысцкімі захопнікамі разам з жыхарамі.** Прапаноўвалася ўзвесці курган і мемарыяльную шыльду у в. Шухвасты Мазалаўскага с /с, дзе былі ў жніўні 1943 г. спалены 61 мірны жыхар і 32 двары. Усталяваць мемарыяльную пліту з тэкстам: "Тут у жніўні 1943 г. нямецка-фашысцкія захопнікі сагнаўшы ў дзве зямлянкі 61 мірнага жыхара зажыва спалілі іх". На пліце размесціць прозвішчы загінуўшых людзей. [Пліта была пакладзена, прозвішчы не нанесены]. Надалей прадставім прапановы ў выглядзе табліцы:

Населены пункт		Што зрабіць	Што зараз	Што рабіць
в. Шухвасты Мазалаўскага с /с	У жніўні 1943 г. спалены 61 мірны жыхар і 32 двары	Насыпаць курган, усталяваць мемарыяльную пліту з прозвішчамі закатаваных людзей	Усталяваны помнік, пліты з прозвішчамі няма	Усталяваць пліту з прозвішчамі забітых
в. Подцева Курынскага с /с	У маі 1943 г. спалены 260 чалавек, 18 двароў	Усталяваны камень з шыльдай Насыпаць курган, усталяваць абеліск і імёнамі загінуўшых	Не зроблена	Усталяваць пліту з прозвішчамі забітых
На месцы былой в. Сувары Бабініцкі с /с	У 1942 г. растраляны 13 і спалены зажыва 20 жыхароў	Насыпаць курган, усталяваць пліту з імёнамі	Не зроблена	Усталяваць пліту з прозвішчамі забітых

II. **Увекавечанне населеных пунктаў, цалкам знішчаных нямецка-фашысцкімі захопнікамі жыхары якіх згінулі часткова**: ўзвесці абеліскі і мемарыяльную шыльду (в. Курына, Платы, Міхалкова, Плешкі, Сушчова, Ходарава, Слабада (Жарэбычы).

Населены пункт		Што зрабіць	Што зараз	Што рабіць
в. Курына	Загінулі 142 мірных жыхара	Усталяваць абяліск і мемарыяльную дошку з імёнамі загінуўшых	Не зроблена	Усталяваць пліту з прозвішчамі забітых
в. Плоты	Знішчана ў маі 1942 г., загінуў 31 жыхар; адбыўся бой партызан з карнікамі	Усталяваць 2 мемарыяльныя дошкі –1) у памяць боя партызан у сакавіку 1942 г. 2) у памяць знішчанай вёскі з імёнамі загінуўшых	1) Усталявана пліта на месцы боя 2) Не зроблена	Усталяваць пліту з прозвішчамі забітых
в. Міхалкова	У маі 1942 г. забіты 32, жыхары, знішчаны 37 двароў	Дошка ёсць, узвесці абеліск	Не зроблена, дошка страчана	Аднавіць дошку
в. Плешкі Курынскага с /с	Спалена ў чэрвені 1942, забіты 38 жыхар, 47 двароў	Усталяваць абеліск	Не зроблена	

в. Сушчова		Усталяваць абеліск у памяць загінуўшых 700 жыхароў	Не зроблена	
в. Ходарава	Знішчана ў маі 1942 г., загінуў 67 жыхар	Усталяваць абеліск у памяць загінуўшых	Не зроблена	
в. Слабада	Растраляны больш 100 чалавек з вв. Слабада, Дворышча, Навасёлкі, Чысці	Усталяваць абеліск і мемарыяльную дошку імёнамі загінуўшых	У 1975 пастаўлены помнік	У Шумілінскім раёне

Адзначыць памятнымі ці мемарыяльнымі дошкамі, курганамі ці іншым чынам наступныя населеныя месцы:

Курынскі сельсавет: Задзвінне, Ізохава, Будзіслава, Коставічы, Мазганы, Дражна, Хамякова, Трыніўкі, Проніна і не адноўленыя Румянцы, Літвіны, Заполле;

Заронаўскі сельсавет: вв. Заронава, Варашылы, Пестуніца, Сцепанкова, Какоры-Мазанава, Баршчоўка, Пракуды і не адноўленыя Швейцарыя, Шчацінка, Сківіры;

Мазалаўскі сельсавет: вв. Грабніца, Шчучына, Мікалаёва, Трыгубцы, Лушчыха, Койтава, Чырвоны Двор, Лужкі (Кабыляк), Сядзенне, Цяцёркі, Бараўляны, Лосвіда, Шылы, Саўчонкі, Канавалава, Буі, Каранцін, Доўжа, Храпавічы, Дутчына, Сакольнікі, Талынава, Маркавічы, Каралева, Шалыгі і не адноўленыя Высокае, Ізбовічы;

Пагарэліцкі сельсавет: вв. Завяззе, Ужляціна і не адноўленыя Залессе, Макаўе (зараз уваходзіць у склад Шумілінскага раёна);

Лятчанскі сельсавет: вв. Волкава, Запруддзе, Казакі, Пабядзіншчына, Чыр'іна і не адноўленая Маханава;

Замастоцкі сельсавет: в. Шаркі;

Варонаўскі сельсавет: вв. Друкава, Цішкова, Астраны, Абухова, Пушкары, Агароднікі, Яроміна, Лучынаўка, Раніна, Каралёва, Кавалёва, Паляі;

Асінаўскі сельсавет: вв. Зарэчча, Шапечына, Языхава, Касачы, Кузмянцы, Шаркі;

Ноўкінскі сельсавет: вв. Процькава, Паўлючэнкі, Луцікі;

Бабініцкі сельсавет: вв. Пышнякі, Косава, Бялынавічы, Сянькова, Шабуні, Гралёва, Жалезнякі, Тулава-Мішкуры, Полудзеткі, Буёва, Кошалева, Максюткі і не адноўленыя Гапонаўка, Прузы, Струброва;

Акцябарскі сельсавет: вв. Ганькова, Ласосіна, Лужына, Бондары, Барышына, Гарэлышы, Лабаны, Зазыбы, Маклакі, Лятохі, Сакольнікі, Шпілі, Заходнікі, Вялікія Копці, Малыя Копці, Дыманова, Старынцы, Ражнова, Навікі, Мяклава, Макарава, Зазыбы, Шапуры, Арлова, Нікраполле, Білева, Сільвоўшчына, Янаполь, Васюты, Шульцава, Бондары.

Усяго – 113 вёсак, 14 неадноўленых

5. У в. Сіроціна насыпаць курган у памяць аб 316 зверскі знішчаных мірных жыхарах яўрэях і ўсталяваць шыльду "Тут пахаваны у 1944 г. зверскі забітыя фашысцкімі захопнікамі 316 мірных савецкіх грамадзян" (зараз уваходзіць у склад Шумілінскага раёна).

III. Па ўвекавечанні населеных пунктаў часткова знішчаных нямецка-фашысцкімі захопнікамі і жыхары якіх засталіся ўжывых ці часткова загінулі.

1.Усталяваць абеліск у в. Вярхоўе Мазалаўскага с /савета брацкай магіле зажыва пахаваных і растраляных нямецкімі захопнікамі 75 мірных жыхароў

2. У г. п. Шуміліна на двух месцах растрэла мірнага яўрэйскага насельніцтва ўсталяваны аграды, на адным узведзены холм з надмагілным каменем і надпісам: "Ахвярам фашызма". Неабходна насыпаць холм і на другім месцы растрэла.

3. У в. Гаркава Асінаўскага сельсавета усталяваць абеліск на брацкай магіле растраляных фашыстамі 14 мірных жыхароў вёскі.

IV. У мэтах далейшага добраўпарадкавання брацкіх воінскіх пахаванняў і могілак, месцаў пахавання партызан неабходна:

1. Перапахаваць у брацкую магілу на тэрыторыі былога торфапрадпрыемства "XX гадоў Кастрычніка" загінуўшых 20 партызан і падпольшчыкаў (спіс прыкладаецца)

2. Усталяваць помнік па месцы пахавання партызан у раёне в. Валконка

3. Улічваючы настаяльныя заявы і патрабаванні сваякоў і мясцовых жыхароў аднавіць і добраўпарадкаваць раней, пасля сімвалічнага перапахавання разбураныя воінскія могілкі:

У в. Тапорына Заронаўскага с /с, дзе пахаваны больш 350 воінаў Савецкай арміі. Правесці перапахаванне сюды з асобных магіл вв. Воранава, Палойнікі і з лесу 700 м. паўднёвей в. Тапорына.

На беразе воз. Б. Лосвіда, ва ўрочышчы Магучова дзе пахаваны больш 1 тыс. воінаў і партызан.

4. Каля Акцябарскай васьмігадовай школы ў в. Копці перапахаваць загінуўшых воінаў з нядаўна знойдзеных пахаванняў у в. Зазыбы і Маклакі. Усяго 400 чалавек.

5. У в. Задзвінне (Пялёнкі) прывесці ў парадак і ўсталяваць помнік Герою Савецкага Саюза Гайко А. С.

V. Дзеля ўвекавечання асабліва памятных месцаў, звязаных з баявымі дзеяннямі Савецкай Арміі, дзейнасцю падпольшчыкаў трэба:

1. Усталяваць мемарыяльную дошку на будынку Віцебскага райкама КПБ у памяць пра загінуўшага сакратара падпольнага райкама КПБ Когаля В. І.

2. Ва ўрочышчы Пяскі (у 1, 5 км. ад в. Гарадняны), дзе гітлераўскія захопнікі праводзілі масавыя растрэлы мірных жыхароў г. Віцебска і падпольшчыкаў насыпаць курган, усталяваць абеліск.

3. Усталяваць абеліск на месцы бессмяротнага подзвіга 27 воінаў 158 сд, якія паўтарылі подзвіг герояў-панфілаўцаў у в. Друкава Варонаўскага с /с

VI. Па прыкладу калгаса імя Леніна, саўгасаў "Рудакова", Вароны і Бабініцкай сярэдняй школы **на тэрыторыі ўсіх калгасаў, саўгасаў, прадпрыемстваў і школ** раёна **усталяваць абеліскі і насыпаць курганы ў памяць аб загінуўшых у баях за Радзіму земляках**.

VII. Устанавіць дзеля турыстычных паходаў па партызанскіх тропах і месцах баявой славы маршруты:

1. Ст. Лужасна–Вярхоўе–Чырвоны Двор–праз Трыніўкі–на былую в. Валконка–в. Шухвасты–Віцебск
2. Ст. Лужасна–Вярхоўе–Здраўнёва–Задзвінне–Плоты–Курына
3. В. Друкава–Дыманова–Шапуры–Узварцы–Віцебск

Такім чынам, выяўлены дакумент "Аб далейшай рабоце па ўвекавечанні гераічных подзвігаў савецкіх людзей ў перыяд Вялікай Айчыннай вайны" выдадзены о 1966 г. не страціў сваё актуальнасці і 55 гадоў пасля яго публікацыі. Не ўсё з запланаванага па шэрагу прычын зроблена. Наша задача – давесці запланаванае да канца. Аднак, трэба ўлічваць тыя змены, якія адбыліся за мінуўшы час. Новыя рэаліі адрозніваюцца ад мінулага. Памянялася грамадска-палітычная сітуацыя ў краіне. Няма больш краіны, якая выйграла вайну – СССР. Няма сацыялістычнага ладу. Скарацілася колькасць населеных пунктаў. Некаторая частка помнікаў аказалася ў цяжкадаступных месцах. Частка помнікаў прыйшла ў кепскі стан. Скарачаецца колькасць насельніцтва вёсак і частка з іх хутка перастане існаваць.

Значная частка з тых помнікаў і шыль, якую было запланавана ўзвесці не былі збудаваны. Іх няма ні ў "Зборы помнікаў" [3], ні ў Дзяржаўным спісе гісторыка-культурных каштоўнасцяў Беларусі [2]. Наўрад ці атрымаецца усталяваць абяліскі, мемарыяльныя дошкі, курганы ў **113** вёсках раёна і 14 неадноўленых вёсках у памяць аб загінуўшых у баях за Радзіму земляках. Але ў кожным *цэнтры сельскага савета*, у *аграгарадках*, у *вёсках, дзе ёсць школы* яны павінны паўстаць. Іх не так шмат. Побач з такімі шыльдамі можна ўсталявацы інфармацыйныя стэнды з матэрыяламі. Большую частку інфармацыі варта размесціць у Інтэрнэце, на сайце, напрыклад, райвыканкама, а каля шыльды размяшчаць QR-код са спасылкай на патрэбныя старонкі.

1. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці. – Фонд 571. Воп. 4. Спр. 185. Арк. 35–44.
2. Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь / склад. В. Я. Абламскі, І. М. Чарняўскі, Ю. А. Барысюк. – Мінск : БЕЛТА, 2009. – 684 с.
3. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская воблаць. – Мн. : БСЭ, 1985. – 496 с.

Юрчак Д. В.

УЛІКОВЫЯ ДАКУМЕНТЫ АБ'ЕКТАЎ КУЛЬТУРНАЙ СПАДЧЫНЫ ЯК ГІСТАРЫЧНЫЯ КРЫНІЦЫ

На сённяшні дзень пытанне аховы культурнай спадчыны мае ўсё большае значэнне ў культурным жыцці Рэспублікі Беларусь. Гэта цалкам адпавядае агульнасусветным тэндэнцыям. Пры гэтым, у мэтах забеспячэння аховы разнастайных аб'ектаў культурнай спадчыны асаблівае месца адводзіцца іх дзяржаўнаму ўліку, што матэрыялізаваны ва ўліковых дакументах. Апошнія, на наш погляд, могуць складаць асобную групу гістарычных крыніц, якія неабходна аналізаваць і даследаваць у гістарычных і практычных мэтах. Па-першае, гэта дазволіць прасачыць асаблівасці развіцця і дынаміку падыходаў з боку дзяржавы да рэалізацыі на практыцы заканадаўства аб ахове культурнай спадчыны. Па-другое, аналіз і параўнанне разнастайных уліковых спісаў дадуць магчымасць выявіць недакладнасці ў дзеючым Дзяржаўным спісе гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь, тым больш, што на месцах спісы фарміраваліся часта вельмі паспешна і без прыцягнення навукоўцаў. А закладзеныя раней памылкі маглі пераходзіць з адных уліковых дакументаў у іншыя. З апошнім аўтар ужо не раз сутыкнуўся ў сваёй практычнай рабоце.

У межах дадзенай публікацыі мы паспрабуем акрэсліць аноўныя ўліковыя спісы, якія пачалі фарміравацца з сярэдзіны XX ст., прасачыць іх эвалюцыю як дакументаў афіцыйнага ўліку аб'ектаў спадчыны і адначасова гістарычных крыніц, якія варта дэталёва і глыбока вывучаць у практычных мэтах.

У пасляваенны час пытанню аховы культурнай спадчыны з боку ўлады была нададзена асабліва пільная ўвага. Гэта ў першую чаргу тычылася ваеннай спадчыны, але распаўсюджвалася і на іншыя культурныя каштоўнасці. Згодна з пастановай Савета Міністраў СССР ад 14 кастрычніка 1948 г. № 3898 "О мерах улучшения охраны памятников культуры" была прынята пастанова Савета Міністраў БССР ад 19 снежня 1950 г. № 1629 "Об утверждении списков археологических и исторических памятников на территории БССР", якой былі зацверджаны спісы археалагічных і гістарычных помнікаў агульнасаюзнага і рэспубліканскага значэння. У спісе археалагічных помнікаў саюзнага значэння апынулася 8 аб'ектаў спадчыны, у аналагічным спісе гістарычных помнікаў – 24. Агульная колькасць археалагічных аб'ектаў рэспубліканскага значэння дасягнула 127, гістарычных помнікаў – 71 [3, с. 121–160].

У далейшым дадзены спіс быў дапоўнены пастановай Савета Міністраў БССР ад 26 жніўня 1957 г. № 538 "Об утверждении дополнительных списков археологических и исторических памятников, находящихся на территории БССР". На гэты раз у рэспубліканскі спіс, што змяшчаўся ў дадатку да пастановы, было дадаткова ўключана 483 гістарычных і 131 археалагічных помнікаў [3, с. 161–276].

Пры аналізе гэтых уліковых дакументаў варта ўлічваць істотныя змяненні ў адміністрацыйна-тэрытарыяльным падзеле БССР, якія адбыліся з 1950-х гг. уключаючы знікненне асобных абласцей, раёнаў і сельсаветаў, змяненне межаў асобных адміністрацыйна-тэрытарыяльных адзінак, назваў населеных пунктаў, а таксама той факт, што некаторыя з вёсак за гэты час перасталі існаваць.

Яшчэ адной важнай спробай стварэння агульнарэспубліканскага збору помнікаў гісторыі і культуры, які б абапіраўся на змены, што былі ўнесены за гэты час ў заканадаўства аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны, стала пастанова Савета Міністраў БССР ад 18 лютага 1988 г. № 32. Дадаткі да гэтай пастановы, ў якіх змяшчаліся спісы помнікаў гісторыі і культуры, былі выдадзены ў двух тамах у 1990 г. [5]. Да гэтай публікацыі, асабліва ў пытаннях лакалізацыі аб'ектаў таксама варта ставіцца крытычна. Напісанне асобных населеных пунктаў можа не супадаць з арыгіналам, што тлумачыцца як праблемамі перакладу, так і наборам тэкстаў першасных уліковых дакументаў машыністкамі.

Акрамя агульнарэспубліканскага на месцах вёўся ўлік помнікаў рэгіянальнага значэння. У Віцебскай вобласці спіс помнікаў па стане на 1988 год і копіі прынятых рашэнняў, якімі быў зацверджаны гэты спіс, захоўваецца і зараз у бягучым архіве ўпраўлення культуры аблвыканкама [напрыклад, гл. 4]. Гэта крыніца карысна тым, што акрамя надрукаванага тэксту ў ёй маецца шмат рукапісных паправак і заўваг, якія дадаткова дазваляюць звярнуць увагу на існуючыя раней у тэкстах уліковых дакументаў памылкі, абдрукі і недакладнасці.

Не гледзячы на наяўнасць вышэйпералічаных уліковых дакументаў, найбольш аўтарытэтным выданнем, падрыхтаваным у 1980-я гг. Інстытутам мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору Акадэміі навук БССР стала шматтомнае выданне Збору помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. У кожны том уключаліся аб'екты спадчыны, якія ўзяты на ўлік і пад ахову, ці на думку даследчыкаў павінны набыць афіцыйны статус помнікаў. Асобны том прысвечаны Віцебскай вобласці быў выдадзены ў 1985 годзе [1]. Але досвед карыстання гэтай крыніцай паказвае, што і ў ёй сустракаюцца памылкі.

Спіс помнікаў гісторыі і культуры, закладзены ў савецкія часы, дзейнічаў і ў Рэспубліцы Беларусь. Праца над новым Дзяржаўным спісам гісторыка-культурных каштоўнасцей (далей – Дзяржаўны спіс) вялася вельмі павольна. У адпаведнасці з Пастановай Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь ад 19 верасня 2001 г. № 1383 аблвыканкамам і Мінскаму гарвыканкаму было рэкамендавана да 1 студзеня 2002 г. адмяніць усе рашэнні аб зацвярджэнні спісаў помнікаў гісторыі і культуры мясцовага значэння. Пастановай Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь ад 1 верасня 2003 года № 1141 быў адменены савецкі спіс помнікаў гісторыі і культуры рэспубліканскага значэння. Пры гэтым пастановай Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь ад 10 красавіка 2003 года быў створаны новы Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь [2], які пасля прыняцця новага закона быў зацверджаны Пастановай Савета Міністраў (упершыню ў 2007 г.) і дзейнічае да цяперашняга часу (актуальная версія размешчаная на адмысловым электронным рэсурсе http://gosspisok.gov.by/).

Якую карысць можна атрымаць, правёўшы аналіз часткі названых уліковых дакументаў, якія ўжо сталі гісторыяй і могуць выступаць гістарычнымі крыніцамі? Па-першае, іх аналіз дае магчымасць звярнуць увагу на не ўлічаныя ў дадзены момант аб'екты спадчыны. Напрыклад, у спісе аб'ектаў агульнасаюзнага значэння 1950 г. на тэрыторыі Полацкага раёна Віцебскай вобласці можна сустрэць магілу Я.Кульнёва (сам ён перапахаваны, але помнік як твор манументальнага мастацтва застаўся), якая на дадзены момант не мае статусу гісторыка-культурнай спадчыны, а дакументы на прысваенне гэтага статусу толькі былі пададзены ў 2021 годзе. Таксама зараз не з'яўляецца каштоўнасцю і так званы "Літоўскі вал" (былая мяжа Рэчы Паспалітай і Расіі), які з 1957 года як помнік

археалогіі меў рэспубліканскае значэнне, а з 1987 г. – рэгіянальнае. Падрабязны аналіз крыніцы па іншых рэгіёнах таксама, на наш погляд, можа дапамагчы "выявіць" не ўлічаныя на дадзены момант культурныя каштоўнасці.

Па-другое, параўнанне розных уліковых спісаў дазваляе прасачыць эвалюцыю змянення значэння асобных аб'ектаў спадчыны, якія, як названы вышэй "Літоўскі вал", чамусьці неапраўдана паніжалі свой ахоўваемы статус. Гэта дазваляе звярнуць ўвагу на неабходнасць павышэння катэгорыі некаторых гісторыка-культурных каштоўнасцей. Прыклад падобных "павышэнняў" на сённяшні дзень маецца і ў Віцебскай вобласці. Доўгі час у дзеючым Дзяржаўным спісе былы Друцкі дзядзінец, які атрымаў статус помніка археалогіі агульнасаюзнага значэння разам з Полацкам яшчэ ў 1950 г., быў пазначаны як "гарадзішча" і меў да нядаўняга часу толькі катэгорыю "3" (рэгіянальнага значэння). Толькі ў 2020 годзе па ініцыятыве Віцебскага абласнога савета па пытаннях аховы гісторыка-культурнай спадчыны атрымалася ўнесці папраўкі ў Дзяржаўны спіс, уключыўшы ў склад каштоўнасці ўвесь комплекс умацаванай частцы горада разам з дзядзінцам і вакольным горадам, а таксама павысіць статус аб'екта да катэгорыі "1" (міжнароднага значэння). Тое ж самае варта зрабіць і з былымі замкамі старажытнага Полацка і некаторымі іншымі аб'ектамі спадчыны.

Па-трэцяе, аналіз розных уліковых спісаў, іх параўнанне з навуковымі публікацыямі і фактычнымі дадзенымі могуць даць магчымасць удакладніць лакалізацыю ўлічаных на дадзены момант аб'ектаў у Дзяржаўным спісе гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь. У якасці прыкладу можна прывесці сітуацыі з лакалізацыяй помнікаў археалогіі ў Віцебскім раёне. Так гарадзішча ля в. Зайцава ў Зборы помнікаў было памылкова аднесена да Лятчанскага сельскага савета [1, с. 187]. У той жа час як у рэгіянальным савецкім спісе аб'ект быў прывязаны да зямель Янавіцкага пасялковага савета [4, л. 59]. А з улікам таго, што вёска Зайцава пад Янавічамі знікла, памылка была перанесена і ў Дзяржаўны спіс. Толькі прывязка да р. Каспля, на беразе якой знаходзіцца гарадзішча, дала магчымасць выправіць памылку ў 2011 годзе і ўнесці змены ў прывязку помніка археалогіі, які цяпер адносіцца афіцыйна да бліжэйшай в. Лёпіна.

Памылкі з лакалізацыяй ў Віцебскім раёне ў 2020 годзе прыйшлося выпраўляць і ў адносінах да селішча і гарадзішча, якія былі прывязаны да в. Шапуры, але фактычна знаходзіліся на тэрыторыі в. Сялюты. Пра апошняе сведчыць само апісанне помнікаў у "Зборы помнікаў": "*на правым беразе р. Лучоса, на гары вышынёй 20 м., за 0.3 км на ўсход ад інтэрната інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны*" [1, с. 200]. Такая прывязка ніяк не адносілася да в. Шапуры, якая знаходзіцца на значнай аддаленасці ад р. Лучоса. Акрамя таго, інтэрнат размешчаны менавіта ў в. Сялюты, а дакладнае размяшчэнне аб'екта, добра вядомае спецыялістам раённага музея, дало магчымасць прывязаць яго ў Дзяржаўным спісе да дома № 2 па вул. Лучоскай у в. Сялюты.

Падобныя прыклады яскрава сведчаць, што грунтоўны аналіз і вывучэнне ўліковых спісаў культурных каштоўнасцей можа не толькі адлюстраваць дынаміку падыходаў да пытання захавання аб'ектаў спадчыны, але і мець важнае практычнае значэнне для аптымізацыі і ўдакладнення дзеючага Дзяржаўнага спісу гісторыка-культурных каштоўнасцей, што створыць надзейны падмурак для захавання нашай спадчыны для наступных пакаленняў.

1. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ; рэдкал.: С. В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. Сав. Энцыклапедыя, 1985. – 496 с.
2. Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь [Электронны рэсурс] / Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь, 2020. – Рэжым доступу: http://gosspisok.gov.by/. – Дата доступу: 17.03.2021.
3. Советское законодательство о памятниках истории и культуры : сборник документов и материалов (1917–1972 гг.). – Мінск : Полымя, 1972. – 430 с.
4. Список памятников археологии 1988 г. // Текущий архив управления культуры Витебского облисполкома. – 72 л.
5. Список памятников истории и культуры республиканского значения Белоруской ССР : в 2 кн. – Мінск : БелЭН, 1990.

Киенко Д. Г.

ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕСТА ПАДЕНИЙ САМОЛЕТОВ И СУДЕБ ЛЕТЧИКОВ: ИЗ ОПЫТА НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ГРУППЫ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ «РУБОН»

Проблемой реконструкции событий, связанных с участием авиации в боевых действиях на территории Беларуси в начале Великой Отечественной войны, является практически полное отсутствие документальных свидетельств о боях приграничных авиадивизий. В таких условиях важное значение приобретают комплексные исследования, включающие в себя выявление и анализ максимального количества документальных источников (советских и немецких), проведение полевых исследований в местах дислокации авиационных частей и падения самолетов.

Единственным свидетельством гибели самолета зачастую является запись в документе «не вернулся с боевого задания». Поэтому установленное место падения самолета и факта гибели

экипажа, подтвержденное различного рода источниками, является неопровержимым фактом, позволяющим установить неизвестные условия и обстоятельства ведения боевых действий, а также трагические судьбы экипажа. На протяжении последних 15 лет автор проводил системные архивно-документальные и полевые исследования в данном направлении, где предметом изучения были места падений сбитых самолетов в период 1941–1945 гг. В результате проведенной работы сложилась определенная методика, позволяющая выявить и изучить источники, определить достоверность фактов, провести мероприятия по популяризации подвига и увековечиванию памяти погибших советских летчиков (в том числе с использованием информационно-коммуникативных технологий) [20; 18].

Локализация места падения самолета на местности, опрос свидетелей из числа местных жителей, установление направления полета, найденные элементы самолета (номера двигателей, заводской номер, элементы фюзеляжа и оборудования), а также «привязка» места падения к немецким заявкам на победы по времени и месту находки позволяет установить имена экипажа и принадлежность самолета к полку.

Особенностью нашего опыта исследований участия авиации в боевых действиях является тот факт, что в большинстве случаев поиск начинается не от записей в документе, а от определения места падения самолета, установлению его типа, принадлежности и восстановлению имен членов экипажа. Это вызвано тем, что самолеты в условиях реального воздушного боя, в большинстве случаев отставали от группы и падали в «одиночестве». В результате, вернувшиеся экипажи, в лучшем случае, могли указать лишь примерное место, где последний раз они видели в строю пропавший самолет. Очень редко в документах бывают указаны точные места или районы падения самолетов. В большинстве случаев имеется запись «пропал без вести» или «не вернулся с боевого задания».

Следующий этап состоит в работе по выявлению имен и судеб летчиков, обстоятельств гибели и возможного места захоронения (в случае если оно имело место быть, так как, примерно в 30% случаях, костные останки членов экипажей остаются на месте падения). На последнем этапе, на основе собранных объективных данных, ведется работа с документальными источниками в белорусских и зарубежных архивах.

Важным этапом является привязка данных, полученных в полевых исследованиях, содержащихся в документах и других источниках посредствам геолокации к современному административно-территориальному делению. Несмотря на то, что территория поисков ограничена административными границами современных областей, исторические события требуют рассматривать территории именно как регион, административное деление помогает лишь локализовать место падения применительно к современным условиям.

Использование термина «регион» вызвано несколькими факторами. Во-первых, оно позволяет проецировать сферу поиска на «приграничные» территории соседних областей и стран. Зачастую, исторические события, приведшие к падению того или иного самолета, начинались в современных административных границах одной области, а затем локализировались в другой, как это имело место во время атак на немецкие мотомеханизированные колонны у Слонима и Барановичей. Имели место и более сложные ситуации, когда самолет был атакован в воздушном пространстве Слонимского района Гродненской области, упал на территории Барановичского района Брестской области, а летчиков похоронили в ближайшей деревне, которая снова оказалась на территории Гродненской области.

Во-вторых, позволяет применять его к более мелким административным единицам: городам, поселкам, деревням и их окрестностям, т. к. в их административных границах имели место события аналогичные вышеупомянутому случаю. Поэтому, в случае локализации места падения и его географической привязки, используются координаты в соответствии с современными административными границами районов и областей и употребляется термин «область». При описании боевых действий и событий, которые происходили динамично в различных территориальных образованиях, возникших позднее, используется термин «регион», как более соответствующий событиям и описаниям свидетельств «на местах», которые воспринимают локальную территорию без административных границ, именно как окрестный «регион».

На сегодняшний момент автором собрана достоверная информация о местах падений более 150 самолетов на территории Гродненской и Минской областей. При этом, в пределах Гродненской области по периоду 1941–1945 гг. находится 41 объект, из которых 7 – немецкие и 34 – советские самолеты, в пределах Минской 102, из которых 26 – немецкие и 76 – советские [Таблица , Таблица 3].

Наибольшая концентрация мест падений и вынужденных посадок логично вытекает из характера боевых действий авиации в 1941 г. Основная масса объектов сконцентрирована на западе Гродненской области, в пределах Гродненского, Щучинского и Мостовского районов, в Минской области – на севере (Молодеченский, Логойский районы) и на юге (Стародорожский, Копыльский) [рисунок 1, рисунок 2].

Таблица 1. Количество установленных безвозвратно потерянных самолетов на территории Минского региона [сост. по результатам исследований автора за период 2013–2019 гг.]

Год	немецкие	совет-ские	Итого
1941	5	45	50
1942	1		1
1943	3	1	4
1944	15	30	45
не установлено	2		2
Всего	**26**	**76**	**102**

Таблица 2. Количество установленных безвозвратно потерянных самолетов на территории Минского региона [сост. по результатам исследований автора за период 2013–2019 гг.]

Немецкие		Советские	
Fi-156	1	СБ	18
He-111	3	А-20	2
Ju-88	7	И-15бис	3
Ju-87	4	Ил-2	9
Fw-58	2	Ил-4	18
Me-110	1	Ли-2	6
Fw-190	3	С-47	6
Fw-189	1	Пе-2	1
Me-109	1	Як-9	1
неизвестный	3	неизвестный	12
Всего	26		76

Таблица 3. Количество установленных самолетов на территории Гродненской области в период 1941–1945 гг. по типам. [сост. по результатам исследований автора за период 2007–2019 гг.]

ВВС РККА		Люфтваффе	
Тип	Количество	Тип	Количество
СБ	9	Me-109	1
Пе-2	2	Do-17	1
И-153	9	Me-110	3
Ил-4	8	Ju-87	2
Ли-2	1		
B-25	2		
А-20	2		
Ил-2	1		
Всего	34	Всего	7

Рисунок 1. Памятник летчикам 127 иап в д. Каменка (фото автора)

Рисунок 2. Установленные безвозвратно потерянные самолеты на территории Гродненского региона [сост. по результатам исследований автора]

Рисунок 3. Установленные безвозвратно потерянные самолеты на территории Минской области [сост. по результатам исследований автора]

Несмотря на проделанную работу, имеющаяся информация не всегда является полной и требует дополнений, так как по другим выявленным местам падений и экипажам (потери 1941 г.) все еще не имеется достаточно достоверных сведений. Так, например, в районе Гродно – Новы Двур – Августов, 22 июня 1941 г., вели воздушные бои на самолетах И-16 пилоты 122 иап [10; 12-15]. Однако, кроме констатации факта, что те или иные летчики не вернулись с боевого вылета, в документах и отчетах о результатах полевых исследований, каких-либо сведений о месте их падения на сегодняшний день не выявлено. В то же время, сомнений в том, что они должны быть – нет, так как имеются немецкие заявки на победы над И-16, сбитых в указанном районе, с указанием времени, но без указания места [20; 16; 17].

Аналогичная ситуация связана с вылетами бомбардировщиков СБ из состава 12 и 13 бад в район Гродно – Индура для поддержки контрудара «группы Болдина» [8; 9]. Имеется информация о предположительных местах падений нескольких машин, в том числе и с возможным нахождением костных останков членов экипажей в районе Гродно. В силу невозможности идентификации в настоящее время имен и типа самолетов, они в базу данных пока не включены.

По результатам исследований боевых действий авиации в 1941 г. в небе над приграничной территорией в районе Гродно автором были достоверно установлены места гибели всех девяти летчиков 127 ИАП, погибших 22 июня 1941 г. Среди них выявлено место падения самолета И-153. По обнаруженному номеру двигателя установлена фамилия летчика, и этот самолет оказался первым сбитым советским самолетом в Великой Отечественной войне, так как пилот погиб в 4. 20 утра 22 июня [1].

Результатом исследований и последующей популяризации в научно-популярной литературе и средствах массовой информации 11-й САД и 127 иап стала установка в д. Каменка Щучинского района памятного знака, посвященного девяти летчикам 127 иап, погибшим 22 июня 1941 г. [3-5, рисунок 1].

Минская область, в силу своего географического положения, оказалась в зоне противодействия немецкой авиации атакам советских бомбардировщиков в ходе наступления немецких войск после прорыва границы. Наибольшая концентрация мест падений советских бомбардировщиков (при полном отсутствии мест падений истребителей) находится на севере и юге Минского региона. Это объясняется тем, что обе танковые группировки наступающих немецких войск пересекали Минский регион именно на севере и юге. Соответственно, потери советских бомбардировщиков были понесены вдоль основных дорог, по которым двигалась техника противника в июне 1941 г.

Значительная часть информации по Гродненской области и Молодеченскому и Логойскому районам Минской области была получена благодаря поискам краеведа Вячеслава Бриштена, который с середины 80-х гг. XX в. проводил полевые и архивные исследования, вел переписку с ветеранами. Сегодня его сын – Дмитрий продолжает дело отца и является заместителем руководителя научно-исследовательской группы «Рубон». Регулярные полевые выезды позволили наладить контакты и сотрудничество с краеведами в регионах. Особенно следует отметить помощь краеведов Крупского, Логойского и Молодеченского районов.

Наибольшее количество обнаруженных мест падений самолетов находится на территории Щучинского, Молодеченского и Логойского районов [Таблица, Таблица]. Это вызвано несколькими факторами: исследования в Щучинском районе начались еще в 2002 г., а в Логойском и Молодеченском все места были обнаружены в результате интенсивных полевых исследований, проведенных на его территории научно-исследовательской группой «Рубон» в период 2015–2019 гг. по инициативе и активной поддержке краеведов А. Павлюковича, Д. Снытко, Д. Бриштена, за что автор высказывает им искреннюю благодарность.

Результаты исследований сводятся в единую базу данных. Информация собиралась следующими методами: опрос свидетелей из местного населения, поиск материальных доказательств, анализ публикаций в прессе, архивных документов и воспоминаний свидетелей или участников боев. Основным принципом включения сведений в базу данных является:

– достоверность фактической информации, которая подтверждается материальными свидетельствами на месте падения самолета, позволяющими идентифицировать его тип;

– показания свидетелей из числа местных жителей или участников боя;

– архивные или иные документальные указания на обстоятельства, место падения и гибели экипажа.

В базе данных учитывались также оставленные экипажем самолеты, которые не разбились и не сгорели при посадке, но тем не менее были безвозвратно потеряны, так как оставались в тылу противника, таких на сегодняшний день подтверждены три факта. Материалы публикуются на сайте научно-исследовательской группы «Рубон», в научных и научно-популярных изданиях Республики Беларусь, Российской Федерации [3-5; 18; 19; 21]

Таблица 4. Распределение по районам Гродненской области установленных безвозвратно потерянных самолетов [сост. по результатам исследований автора за период 2007–2019 гг.]

Волковысский	1
Гродненский	7
Дятловский	1
Кореличский	2
Лидский	2
Мостовский	8
Новогрудский	3
Островецкий	1
Ошмянский	1
Свислочский	1
Слонимский	2
Сморгонский	2
Щучинский	10
Всего	41

Таблица 5. Распределение по Минской области безвозвратно потерянных самолетов на территории [сост. по результатам исследований автора за период 2013–2019 гг.]

Березинский	1
Борисовский	9
Вилейский	4
Воложинский	3
Дзержинский	1
Копыльский	2
Клецкий	5
Крупский	12
Логойский	14
Любанский	2
Червеньский	2
Стародорожский	4
Минский+Минск	18
Молодеченский	18
Слуцкий	4
Смолевичскй	1
Солигорский	2
Червеньский	2
Всего	102

По состоянию на 1 июля 2019 г. в базе данных имеется 102 места падений самолетов (за период 1941–1945г.) на территории Минской области, в Гродненской области – 41. Исходя из имеющихся данных, потенциально может быть установлено еще не менее 50 мест падений.

Советские самолеты, значащиеся как «неизвестные», относятся к 1941 г. [Таблица 2]. По предварительным данным, в большинстве своем, это самолеты СБ, однако дополнительных сведений, позволяющих установить экипаж или принадлежность к полкам, пока не имеется. Наличие такого количества самолетов СБ вполне сопоставляется с интенсивностью и общим направлением их вылетов в данный регион, а также заявками «на победу» с немецкой стороны. Источники пока не позволяют точно локализовать места их падений, так как с советской стороны имеется только указание на цели и время вылета, а а с немецкой – время атаки. При отсутствии исходной документальной информации установить места падений самолетов и узнать о событиях, которые этому предшествовали или имели место после падения самолета, помогает работа с местным населением. Как правило, местные жители полностью подтверждали факт падения или посадки советских многомоторных самолетов с экипажем в составе от 2 до 3 человек в 1941 г., в случае если это происходило в пределах 3–5 км от населенного пункта.

Примером может служить ситуация в Городокском сельсовете Молодеченского района. На окраине деревни имеется безымянная могила советских летчиков, место падения самолета которых, было локализовано группой «Рубон» в 2017 г. Тип и принадлежность самолета к полку, на данный момент, не

установлены ввиду отсутствия значимых находок, однако, исходя из информации свидетелей, учитывая множество косвенных факторов, по всей вероятности это был самолет СБ.

В другом случае, в Логойском районе, на 4–5 день войны, советский двухмоторный самолет, преследуемый немецким истребителем, загоревшись в воздухе, упал на лес. Погибли два лейтенанта и сержант. Деревня Боровые, в 200 м от которой погиб экипаж, была сожжена немецкими полицейскими частями во время войны вместе с жителями и не восстанавливалась после войны. Свидетелей нет, тем не менее, опросом было установлено, что экипаж первично был захоронен рядом, однако в течение трех лет поисков и дополнительного опроса жителей соседних деревень, оказалось, что в 50-е гг. XX в. их как безымянных перезахоронили на кладбище в д. Беларучи. Нашелся даже свидетель, который вспомнил, что, будучи школьником, помогал учителю по труду в Беларучской школе, заливать цемент, для памятника безымянным летчикам. По найденным элементам двигателей и дюраля было установлено что это был СБ, однако имена летчиков до сих пор неизвестны.

В базе данных учитывались также оставленные экипажем самолеты, которые не разбились и не сгорели при посадке, но, тем не менее были безвозвратно потеряны, так как оставались в тылу противника.

Так, один из СБ поздних серий, выпуска 1940 г., совершил посадку у д. Антополь. Через месяц после посадки 13 детей, возвращаясь со сбора грибов, залезли в стоявший на поле самолет. Один из них, не зная с чем имеет дело, расстопорил блестящую «вертушку» взрывателя ФАБ, раскрутил ее, приведя взрыватель в боевое состояние. Раздался взрыв, все дети погибли от детонации бомб, находившихся в бомболюке.

В ходе многолетней работы удалось установить принадлежность 70% самолетов и выявить фамилии более 80 членов экипажей. По немецким потерям самолетов в Беларуси ведется активное сотрудничество с исследователями из Германии.

Таким образом, проводимые комплексные исследования позволяют реконструировать события начального периода Великой Отечественной войны и являются важным источником, который может использоваться в дальнейшем ввиду частого отсутствия документальных свидетельств. Наработанные материалы включают в себя: уточнение и дополнение документальных сведений об обстановке на западном ТВД; установление фактов в действиях авиации, остававшихся ранее неизвестными; выяснение судеб экипажей, погибших или пропавших без вести в Беларуси; проведение системной работы по выявлению, изучению, популяризации и мемориализации фактов участия авиации в боевых действиях в годы Великой Отечественной войны на территории Беларуси.

1. Киенко, Д. Г. Гродненский регион как объект исследования мест падений самолетов 1941–1945 г. / Д. Г. Киенко // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснаць : матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі, Мінск, 7 красавіка 2017 г. / рэдкал.: А. А. Каваленя (адк. рэд.) [і інш.]. – Вып. 16. – Мінск, 2017. – С. 155–159.
2. Киенко, Д. Г. "Каролин (Гродно) первый аэродром Беларуси / Д. Г. Киенко. – Минск : Рубон ; Смоленск : Хартекс, 2018. – 82 с.
3. Киенко, Д. Г. Крылья над Гродно: боевые действия 127 ИАП 22–23 июня 1941 г. / Д. Г. Киенко. – Гродно : Хата, 2009. – 37 с.
4. Киенко, Д. Г. Крылья над Лидой: боевые действия 122 ИАП 22–23 июня 1941 г. / Д. Г. Киенко. – Гродно : Хата, 2009. – 56 с.
5. Киенко, Д. Г. Крылья над Нёманом: трагедия 16 СБАП 22 июня 1941 г. / Д. Г. Киенко. – Гродно : Хата, 2010. – 64 с.
6. Киенко, Д. Г. Аэродром Лида – сто лет полетов / Д. Г. Киенко, В. Н. Сливкин. – Смоленск : Хартекс, 2013. – 168 с.
7. Павлюкович, А. Случай в Загорье (Антопольская трагедия) [Электронный ресурс] / А. Павлюкович // Рубон – сайт военной археологии Беларуси. – Режим доступа: http://rubon-belarus.com/avia-history/423-sluchaizagorie.html. – Дата доступа: 18.10.2008.
8. Центральный архив министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО). – Ф. 13 БАД. Оп. 1. Д. 2. Л. 8–14.
9. ЦАМО. – Ф. 20056. Оп. 1. Д. 8.
10. ЦАМО. – Ф. 11 САД. Оп. 1. Д. 24. Л. 3.
11. ЦАМО. – Ф. 11 САД. Оп. 2. Д. 5. Л. 2.
12. ЦАМО. – Ф. 11 САД. Оп. 2. Д. 6. Л. 2.
13. ЦАМО. – Ф. 122 ИАП. Оп. 143365. Д. 2. Л. 2.
14. ЦАМО. – Ф. 122 ИАП. Оп. 342220. Д. 1. Л. 1–8.
15. ЦАМО. – Ф. 122 ИАП. Оп. 342246. Д. 1. Л. 2–14.
16. Prien, J. «Jagdfliegerverbände der deutschen Luftwaffe 1934–1945. Teil 6 / I. Unternehmen «Barbarossa» Einsatz im Osten – 22.06. bis 05.12.1941» / J. Prien. – London : Axis, 1998. – 279 p.
17. Prien, J. Jagdgeschwader 53 – A History of the «Pik As» Geschwader / J. Prien – London : Axis, 1998. – 196 p.
18. Киенко, Д. Г. Минская область, как объект исследования мест падений самолетов 1941–1945 гг. / Д. Г. Киенко // Военная археология. – 2019. – № 2. – С. 18–20.
19. Киенко, Д. Г. Минская область, как объект исследования мест падений самолетов 1941–1945 гг. Статистический обзор / Д. Г. Киенко // Авиация и космонавтика. – 2020. – № 6. – С. 21–23.
20. Киенко, Д. Г. Гродненский регион как объект исследования мест падений самолетов 1941–1945 г. / Д. Г. Киенко // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснаць : матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі, Мінск, 7 красавіка 2017 г. / рэдкал.: А. А. Каваленя (адк. рэд.) [і інш.]. – Вып. 16. – Мінск, 2017. – С. 155–159.
21. Киенко, Д. Под крылом – Беларусь / Д. Киенко. – Минск : Рубон, Смоленск : Хартекс, 2020. – 144 с.

Сумко Е. В.

КУЛЬТУРА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ КРЕСТЬЯН В ПОСЛЕВОЕННОЙ ДЕРЕВНЕ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ

Исследование вопросов, связанных с жизнеобеспечением белорусских крестьян в послевоенный период является одним из перспективных направлений. В центре исследовательского внимания находится человек, который в сложных, иной раз почти экстримальных, условиях реализовал весь свой потенциал ради выживания и создания приемлемых жизненных условий для собственной семьи (деревни).

Принципиальное значение имеет определение источниковой базы, так как комплексный анализ послевоенных практик жизнеобеспечения сельского населения невозможен только с применением какой-то определённой группы исторических источников.

Документальные комплексы, которые хранятся в архивах, помогают понять контекст событий, условия в которых находилась послевоенная деревня. Архивные документы достаточно разнообразны по своему содержанию: статистические сведения, постановления властной вертикали, политико-экономические обзоры исполкомов, докладные и аналитические записки, годовые отчеты колхозов, единовременные отчеты о возрастном и половом составе населения и т. д. Значительным информационным потенциалом обладает делопроизводственная документация партийных органов, от низовых региональных структур до соответствующих отделов центрального партаппарата. Уникальную информацию о деструктивных проявлениях в сельском социуме содержат документы послевоенной прокуратуры. Особым документальным комплексом являются жалобы и заявления колхозников, изучение которых позволяет выявить проблемы и трудности, с которыми сталкивалось сельское население в первые послевоенные годы. Данный вид источников предоставляет ценную информацию о некоторых аспектах повседневной жизни: материальная необеспеченность, представления и взаимоотношение с властной вертикалью, мотивация нарушения Устава сельскохозяйственной артели и даже возможные варианты решения проблем послевоенной деревни с точки зрения обычного сельчанина.

Архивные документы обрисовывают реальность, в которой находились люди в сложное послевоенное время. Например, в докладной записке секретарю Полоцкого обкома КП (б)Б от 25 января 1946 г. сообщалось, что “в ходе освобождения Освейского района было восстановлено 74 колхоза, в который входят 2 200 хозяйств. В виду плохой и поздней обработки почвы…урожай собран низкий. Весенний сев яровых культур проходил в крайне тяжелых условиях и окончание весеннего сева затянулось до 1 июля 1945 года, это, а также тяжелые климатические условия повлияли на урожай. Из 2 296 га яровых собрано всего 6 660 центеров, из которых колхоз сдал государству 3 221 центнер, 1 363 центнера на семену, что далеко не обеспечивает потребности семян для посева. В виду сложившихся обстоятельств колхозы не имеют возможности оплатить трудодни колхозников и 800 тысяч трудодней выработанных в этом году остались не оплаченными. Только 6 колхозов выдали аванс по 100–200 гр на трудодень, а 65 колхозов не выдали ни одного килограмма. Кроме того 13 031 т /день, заработанный трактористами, на которые колхозы обязан были выдать 39 093 центнера хлеба, остались неоплаченными. В результате население оказалось в крайне тяжелом положении и переживает большие материальные трудности, не имея совсем хлеба или других продуктов, которые могли бы заменить хлеб. Трудности населения увеличились еще и тем, что многие колхозные хозяйства из-за неимения семян не посеяли приусадебный участок. Из 2 200 хозяйства посеяли на 75% – 280, на 50 % – 1176, на 20 % – 612, 112 хозяйств совсем ничего не посеяли и только 20 хозяйств целиком засеяли свой огород…Всё это создало невозможные условия жизни людей ибо из 8 948 человек, проживающих в районе, 7 000 человек не имеет совсем хлеба или других средств к существованию” [1]. На примере данного документа становиться ясно, что население одного из самых потерпевших районов, находилось в чрезвычайно сложном положении. Кроме этого, документы свидетельствуют о том, что колхозное руководство в первые годы после освобождения, особенно в районах, которые были отнесены к наиболее пострадавшим, обладало (или не обладали вообще) минимальными возможностями для оказания помощи. Оно должны были решать задачи, поставленые государством: мобилизация ресурсов для восстановления колхозного хозяйства, выполнение хлебопоставок и т. д. Поэтому возникают вопросы, на которые архивный документ почти не дает ответа: как люди выжили в условиях чрезвычайно ограниченного количества базовых продуктов питания, что они предпринимали для создания приемлемых жизненных условий и т. д.

Реконструировать с достаточной долей вероятности отдельные элементы повседневности: систему питания, особенности удовлетворения материальных и духовных потребностей в сложных условиях послевоенной реальности, позволяют материалы устной истории. Некоторые исследователи считают, что крестьянская повседневность длительный период не привлекала внимания, за исключением некоторых аспектов, интересующих этнографов. Сельские жители составляли

своеобразное молчаливое большинство, к истории которых обращались лишь в интерпретации явлений социального протеста и экономического развития. Поэтому сегодня крестьянская история – это история устная, транслирующая опыт и знания вербальными средствами, сохраняющая преемственность поколений [6, с. 55]. Свидетельства респондентов придают человеческое измерение тем или иным трагическим фрагментам истории, позволяют постичь суть и подоплеку процессов, происходящих в послевоенном сельском социуме, помогают изучить новые социально-культурные явления, неразрывно связанные с изменившимися социальными, экономическими, политическими условиями. Именно «эфемерный момент, этнографически зарегистрированный, раскрывает что-то свое о конфликтах и альтернативах, всплывших на поверхность вследствие деструктивного эффекта переходного периода» [2, с. 10–11].

Ценным информационным потенциалом являются материалы архива отдела народоведения Института искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы, где хранятся полевые дневники этнографических экспедиций, которые проводились в конце 1940-х – начале 1950-х гг: экспедиции Грнблата М. Я., Молчановой Д. А., Залесского А. И. и др. Особый интерес представляют черновые записи в ходе экспедиций, так как описывают непосредственно наблюдаемую реальность, которая по тем или иным причинам оставалась за пределами итоговых отчетов.

Полевые материалы позволяют зафиксировать картину, созданную коллективной памятью населения, определить стратегии повседневной жизни, особенности удовлетворения материальных и духовных потребностей в сложных послевоенных условиях. Необходимо отметить, что на сегодняшний момент большинство респондентов – преимущественно пожилые женщины довоенного или военного поколения, которые были в рассматриваемый период детьми или подростками. Определенная часть исследователей ставит под сомнение достоверность подобных воспоминаний и саму возможность реконструкции послевоенной реальности на основе детских воспоминаний. Однако, по утверждению психологов, социальная память начинает формироваться уже с 4-летнего возраста и включает в себя фрагментарные, наиболее эмоционально окрашенные эпизоды, более осмысленными, соотносимыми с историческим контекстом детские воспоминания становятся в 9-летнем возрасте и затем трансформируются в памяти взрослого под воздействием социокультурных факторов [5, с. 282]. К тому же чрезвычайно сложные жизненные перипетии заставили повзрослеть раньше времени целое поколение. Будучи детьми, они пережили ужасы Великой Отечественной войны, потерю близких, а потом вместе с выжившими взрослыми, в условиях разрухи и недоедания, включались в процессы восстановления. Некоторые респонденты особо подчеркивали роль детей в послевоенное жизни: «*Женщины восстанавливали и дети! Очень работали дети*» [4].

Воспоминания отличаются эмоциональностью, что обусловлено половозрастной и гендерной спецификой восприятия исторических событий, на интерпретацию которых влиял опыт семьи респондента (социальной среды). Отражение послевоенных реалий в индивидуальной памяти имеет свои особенности: приоритет локальной истории, компрессия исторического времени, относительна хронология (хронологическими маркерами становятся формы «до войны / после войны», «до коллективизации / после коллективизации», а не конкретные даты).

Именно свидетельства респондентов дают возможность понять, как люди выживали, как этнический опыт передаваемый из поколения в поколение применялся в сложное послевоенное время, какие стратегии и практики жизнеобеспечения имели место быть, какие ресурсы использовали для восстановления своего хозяйства, как воспринималось сельским населением, происходящие трансформации (особенно это актуально для населения Западной Беларуси), как менялись ментальные установки, ценностные ориентиры и как это влияло на культуру жизнеобеспечения. Именно материалы устной истории фиксируют, что жесткие условия послевоенного восстановления вызвали к жизни либо актуализировали нетипичные формы экономической и торговой активности крестьян, где среди традиционных занятий возникли и нелегальные формы торгового предпринимательства [3, с. 62].

Интересным источником могут выступать фольклорные материалы, так как песни, частушки, прибаутки отражают мысли, эмоции, представления, и их исполнителей, а также некоторые элементы посведневной жизни рассматриваемого преиода.

Отдельной группой источников являются материалы периодической печати, которые содержат преимущественно отретушированную информацию о событиях и явлениях, происходящих в белорусской послевоенной деревне. Однако, особенно на страницах областных и районных газет, встречается интересный региональный материал.

Источниковая база исследования культуры жизнеобеспечения белорусской послевоенной деревни может быть расширена за счет привлечения фотоматериалов, которые могут выступать не только как уникальный иллюстративный материал из истории конкретной семьи, рода, деревни, но и самостоятельный вид исторических источников, который наглядным образом дополняет знания по истории послевоенной повседневности.

Именно сочетание архивных документов, материалов устной истории, фотоматериалов, этнографических источников, которые дополняют друг друга дает возможность провести комплексное исследование такой сложной исследовательской проблемы как культура жизнеобеспечения послевоенной белорусской деревни.

1. Зональный государственный архив г. Полоцка. – Ф. 143. Оп. 2. Д. 25. Л. 1.
2. Мартынова, М. Ю. От этнологии к антропологии: глобальные мировые тенденции в региональном контексте / М. Ю. Мартынов // Этнографическое обозрение. – 2019. – № 5. – С. 5–14.
2. Сумко, А. В. Легальныя і крымінальныя спосабы жыццязбеспячэння беларускай вёскі ў перыяд пасляваеннага аднаўлення (на прыкладзе Полацкай вобласці) / А. В. Сумко // Вестн. Полоц. гос. ун-та. – 2019. – № 1. – С. 55–62.
3. Фольклорный архив Полоцкого государственного университета: (2021 г. записано Сумко Е. В.) Ж., 1936 г. р., д. Жигули Верхнедвинского р-на.
4. Фурсина, Н. О. Практика устной истории: детские воспоминания о Великой Отечественной войне / Н. О. Фурсина // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. – 2016. – № 1. – С. 280–286.
5. Хасянов, О. Р. Методы устной истории в изучении повседневной жизни советского крестьянства / О. Р. Хасянов // Вестн. Самарск. гос. ун-та. – 2014. –№ 1. – С. 53–59.

Филимончик С. Н.

«СРОДНИКИ» О ЖИЗНИ ЗАОНЕЖЬЯ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

В 2015–2019 годах в Карелии вышли в свет три книги «Сродники», в которых представлены 211 текстов жителей Заонежья. Большинство рассказов – это интервью, проведенные по методу устной истории журналистом Любовью Венедиктовной Герасевой. Кроме того, в книгу вошли воспоминания жителей Заонежья, много лет хранившиеся в семейных архивах, и воспоминания, написанные специально для этой книги. Во многих текстах использован заонежский диалект.

По ходу работы замысел Л. В. Герасевой менялся. Вначале журналист предполагала подготовить книгу очерков о жителях Заонежья. Однако во время встреч с респондентами её поразили нестандартные рассказы людей о своей жизни, и Л. В. Герасева решила строить книгу «от первого лица». Начиналось интервью, как правило, с открытого вопроса: «Расскажите о своей жизни». Нередко люди в ответ спрашивали: «А говорить как надо или как было?». Во время работы над первой книгой порой встречали настороженно: зачем пожаловала? На объяснения, что планируется издание книги, отвечали: «Да у нас тут каждое лето студенты что-то записывают. Все, что знали, им рассказали. Только где все это?», «Что про то говорить, что нельзя воротить» [3, с. 5]. Создать доверительную обстановку Л. В. Герасевой помогал большой журналистский опыт. Располагало и то, что знакомство с респондентом она начинала на заонежском диалекте, собеседник понимал, что перед ним земляк. Когда журналист работала над второй книгой, во многих деревнях её уже ждали: «Звоню одному из заонежан, чтобы предложить стать автором. Трубку берет жена. Узнав, кто я, радостно восклицает: “А мы уж вас так заждались!” И мужа зовет: “Иди скорее, тебе «Сродники» звонят!”» [3, с. 8]. Во время сбора материалов развернулось активное волонтерское движение. Волонтеры предоставляли кров, разыскивали людей, у которых могла быть нужная информация, отвозили рукописи для вычитки после редактирования. Выход книги повысил авторитет пожилых людей в кругу семьи и земляков. Один из авторов сказала об этом так: «На меня теперь дети по-другому смотрят» [3, с. 6].

В 2016 году первая книга получила Специальный диплом Новой Пушкинской премии «За сохранение родовой памяти». В 2020 году составитель и редактор серии Л. В. Герасева стала лауреатом премии Республики Карелия в области культуры, искусства и литературы. Презентации книг в Медвежьегорске, Толвуе, Великой Губе, Петрозаводске вызвали большой общественный резонанс. По мотивам книги фольклорный ансамбль музея Кижи подготовил этнографический спектакль. Активизировалась деятельность по установке в Заонежье на месте деревень поминальных крестов с указаниями фамилий живших здесь людей. В социальной сети «В контакте» создана группа «Сродники», где участники представляют семейные реликвии, фотографии, организуют социальные проекты в помощь заонежской деревне, переживающей ныне не лучшие времена.

Несмотря на фрагментарность собранных материалов, они имеют не только социальное значение, но представляют определенный научный интерес для историков, работающих в русле новой локальной истории, истории повседневности, исторической экологии. «Сродники» показали, что в условиях нарастающей нестабильности текущей жизни у людей усилилось желание опереться на опыт, ценности, поведенческие модели ушедших из жизни родителей и земляков. В рассказах о родителях практически не используются слова «отец», «мать», но только «мама», «матушка», «папа». В тексте сестер Н. И. Власовой и Н. И. Манойловой отмечается: «Когда подъезжаем к родительскому дому, всегда в горле ком и слезы на глазах: уже не выйдут тебе навстречу ни мама, ни папа… А войдешь в дом, и все становится на место: как в детские годы. Топишь печку, идешь по воду, ставишь

самовар, готовишь в русской печи то, что готовили и твои предки. Мы живем так, как будто родителя и сейчас с нами» [4, с. 364].

В период создания книги 73 автора были старше 80 лет (самому пожилому участнику проекта исполнилось 96 лет), поэтому в «Сродниках» достаточно полно глазами детей и подростков охарактеризована жизнь северной послевоенной деревни. В начале Великой Отечественной войны Заонежье было оккупировано финскими войсками. После освобождения полуострова в 1944 году жители возвращались в родные места, где все было развалено и разворовано. Многие ярко помнили трудный путь домой. А. М. Пакратова рассказала, что они всей семьей впряглись в повозку с пожитками и тащили её до своей деревни 10 верст [4, с. 88]. Семья В. Н. Максимова достаточно быстро добралась до родных мест на лодке, зато 30 метров от берега до крыльца дома преодолели с трудом. Заросли высокой густой травы с колючками лопухов и крапивы преграждали тропу к дому [4, с. 123].

Мужчин с фронта вернулось мало, поэтому колхозную и семейную жизнь в это время определяли женщины. А. Н. Фокина вспоминает: «Поля все заросли. Мы работаем: две женщины тащат, а третья держит плужок. А мы дерен трясем. Мордой упадешь в ручей, сил нет подняться. Бригадир стучит у церкви на обед. А что есть? Самовар согреем, хорошо, что соль сохранилась, кучку на стол насыплешь, макнешь палец и пьешь чай с солью [4, с. 243].

В колхозах преобладал тяжелый ручной труд, на трудодни давали мизер. В среднем в Карелии в 1949 году колхозник вырабатывал 247 трудодней. Во многих хозяйствах Заонежского района в этом году колхозники получили лишь по 300– 400 г зерна на трудодень [1, с. 66]. А. М. Лапин рассказал, что как-то в их колхозе выдавали семьям немного ржи, но его матери председатель колхоза за какую-то провинность не дал ни капли. Мать везла сына на санках домой и горько плакала. Вспоминая этот трудный день, автор акцентирует внимание на взаимопомощи сельчан: «Ржи раздали немного, все вообще-то тогда были голодные. Но, несмотря на это, деревенские стали приходить к нам в дом и приносить по горсточке семени. К вечеру у нас была целая миска ржи». С другой стороны, завершая рассказ о раздаче ржи, А. М. Лапин подчеркивает несправедливость и нечестность колхозного руководителя: деревенские мальчишки залезли в дом к председателю колхоза и нашли там две большие деревянные бочки, наполненные рожью и овсом, в то время как деревня голодала [4, с. 222].

Для детей и подростков мир определен, прежде всего, укладом родного дома, поэтому одной из ведущих тем в воспоминаниях стало питание. Спасительницей семьи называли корову. Однако сено для неё заготовить было очень трудно. В. М. Андрейчик отмечает, что нужно было накосить 9 стогов в колхоз, и тогда один стог можно было оставить себе: «А когда косить, если всего один выходной» [4, с. 95]. Из-за необеспеченности кормами, высоких денежных и натуральных налогов, низкой закупочной цены на животноводческую продукцию 47 % крестьянских дворов в Карелии в 1953 году не имели коров [1, с. 76]. Скудный рацион питания крестьянских семей подчеркнут во многих текстах. А. В. Кирьянова вспоминает: «Еще помню, как очень редко в доме появлялось повидло, граммов сто, в вощеной бумаге. И нам намазывали хлеб так тонко, что он просто блестел. Но это был праздник. Это было царское угощение. Весной заваривали крапиву и щавель кипятком, и было это очень вкусно. Бегали на гороховое поле, набивали животы горохом. Бабы не ругались, говорили: “Ладно, в брюхе много не унесут”. Очень спасали ягоды» [4, с. 17].

Медицинских пунктов в большинстве деревень не было. Ослабленные плохим питанием люди часто болели, но лечились народными средствами. Когда болели ноги, запаривали в печке живых муравьев и парили ноги [4, с. 114], при укусе змеи знахарь «шептал что-то на яйцо» и мазал место укуса [4, с. 94], бабушки заговаривали на глазу ячмень [3, с. 223].

В школы собирались дети из нескольких деревень. Многие ученики ежедневно ходили на занятия за 5–12 километров пешком. А. А. Романова так охарактеризовала свою школьную одежду: «Я ходила в школу в фуфайке, кирзовых рваных сапогах. Сумку сшила сама, она была холщовой» [4, с. 248]. Важным стимулом посещения школы было дополнительное питание. Л. В. Конева вспоминает, что её сестре-первокласснице на большой перемене давали тарелку супа: «Так нас, малышей, сестра брала на обед к этой тарелке горохового супа» [2, с. 181]. Школьные интернаты были переполнены. М. В. Ичеткина вспоминает: «В интернате все жили в одной комнате. Её делил длинный стол, девочки жили слева, мальчики справа» [4, с. 115]. С собой в интернат ученики привозили из дома продукты – в основном питались картошкой: «Вечером в интернате мы свои котелки с картошкой ставили на плиту. Утром уборщица топила печь и варила нам картошку. Еще мама пекла мне с собой тухмачи, типа ржаных пирожков с картошкой» [4, с. 115]. Те, кому не досталось места в интернате, снимали угол в деревне, спальное место хозяева могли выделить постояльцам чаще всего на полу [4, с. 13].

Многие авторы с горечью отмечают отсутствие в то время выбора личной стратегии из-за долга перед семьей, при этом достойное преодоление выпавших испытаний называют значимым фактором судьбы. А. С. Ермолина рассказала, что после войны её отец, побывавший в финском плену, был забран в лагерь на Урал. Поэтому когда умерла мама, 17-летней Ане пришлось бросить

учебу в ФЗУ и вернуться в деревню, чтобы поднимать шестерых младших братьев и сестер. Когда детей устроили в детдом, она каждую неделю ходила к ним с нехитрой снедью (картошка, пирожки из ржаной муки). Дорога в одну сторону – это 30 км пешком, а потом на лодке [1, с. 21]. Поднимать младших братьев после смерти бабушки в финском лагере пришлось 18-летней А. К. Казистой: «Я в леспромхозе стала работать, дрова заготавливали бревнами. Приду с работы мокрая – едва с ног не валюсь. А дома дрова не напилены. Возьму ухват для острастки (попугать), а оны, робята, от меня на печь. Да что с них требовать – маленьки были! Я сяду и воплю (плачу)» [1, с. 39].

В воспоминаниях о послевоенном детстве и юности много печали. В рассказах представителей интеллигенции ощутимее стремление сгладить, встроить повествование в общепринятые образцы. Рассказчики, менее связанные в повседневной жизни с книжной культурой, чаще вводят информацию, отражающую личное мировидение и ценности своей микрогруппы. В рассказах пожилых людей не могли не отразиться их сегодняшние проблемы, связанные с ухудшением здоровья, одиночеством. В то же время рассказ широкому кругу людей о трудностях послевоенной жизни в ряде случаев помогал респондентам глубже осознать себя и свою судьбу. Как сказала одна из авторов: «Я как будто заново родилась! Хоть и тяжкие воспоминания, а я жить захотела, помирать передумала!» [3, с. 6].

1. Вавулинская, Л. И. Колхозное крестьянство и государственная политика в середине 1940-х – конце 1950-х годов (на материалах Карелии) / Л. И. Вавулинская. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2010. – 235 с.
2. Сродники: мы из Заонежья. – Петрозаводск ; Санкт-Петербург : Реноме, 2015. – 220 с.
3. Сродники: мы из Заонежья. Продолжение. – Петрозаводск ; Санкт-Петербург : Реноме, 2017. – 360 с.
4. Сродники: Мы из Заонежья. Продолжение. Книга третья. – Петрозаводск ; Санкт-Петербург : Реноме, 2019. – 408 с.

Козлов А. А.

НОРМАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ЦЕНЗУРЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (1953–1990 ГГ.)

Основные задачи, принципы и критерии контроля материалов органами цензуры определялись «Положениями о Главлите», но непосредственная работа цензуры строилась на многочисленных нормативных документах, получаемых из Москвы. Все они делились на несколько категорий:

1. *Документы по вопросам ограничений печати, радио и телевидения:* «Перечень сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, передачах по радио и телевидению», «Перечень сведений, запрещенных к опубликованию в районных, городских, многотиражных газетах и передачах по радио», «Дополнения и разъяснения к «Перечню», циркуляры к «Перечню»

2. *Документы о порядке контроля и организации работы органов главного управления:* «Инструкция о порядке цензорского контроля», «Инструкция о порядке подготовки и открытии музеев и выставок» [13], «Указания о порядке подготовки к публикации сведений о научно-технических достижениях СССР, которые могут быть признаны изобретениями или открытиями».

3. *Документы по вопросам печати несекретных изданий и контроль за деятельностью издающих организаций и полиграфпредприятий:* «Единые правила печатания несекретных изданий»

4. *Документы по вопросам книжных фондов:* «Инструкция о порядке хранения и использования в спецфондах библиотек Советского Союза литературы, ограниченной органами цензуры для общего пользования» [15], «Сводный список книг, подлежащих исключению из библиотек и книготорговой сети», «Список книг, подлежащих хранению в спецфондах библиотек», «Список лиц, все книги которых подлежат изъятию».

5. *Документы по вопросам контроля литературы, вывозимой из СССР и ввозимой в ССС:.* «Инструкция о порядке вывоза за границу несекретных произведений печати и осуществлении международного книгообмена», «Рабочая инструкция о порядке контроля материалов, вывозимых из СССР по почте», «Инструкция о порядке выписывания, хранения, и использования литературы капиталистических стран», «Список, периодических научно-технических изданий капиталистических стран», «Инструкция о порядке пропуска в СССР иностранной религиозной литературы и предметов культа», «Инструкция о порядке контроля местными органами цензуры капиталистических стран, изданной на языках народов СССР».

6. *Документы по вопросам отчетности, секретного и несекретного делопроизводства и переписки:* «Правила учета, применения и обращения с совершенно секретными и несекретными документами документов в органах цензуры», «Перечень дополнительных материалов, образующегося в деятельности Главлита СССР и главкрайобллитов, с указанием сроков хранения материалов» [6, л. 5–11].

Важнейшим из документов был «Перечень» Главлита. Он насчитывал более 200 параграфов, каждый из которых содержал до 6 пунктов. Параграфы были объединены в разделы: военный, экономический, финансовый, сельскохозяйственный, международных отношений, работы правоохранительных органов. Главлит издавал «Перечень…» раз в пять лет и рассылал его главным

редакторам газет, журналов и издательств [18, с. 44]. До очередного обновления действовали сводные циркуляры, в которых были представлены все изменения и дополнения к отдельным параграфам и пунктам последнего издания [8, л. 29–63]. В 1963 г. Главлит СССР категорически запретил вести учет каких-либо материалов о закрытых предприятиях и других специальных объектах, выпуске спецпродукции и т. д. [5, л. 43]. Циркуляром № 2 Главлита СССР от 9 июня 1961 г. были усилены ограничения по картографическим материалам. Параграфом 67 «Перечня» циркуляра запрещено открытое издание географических, топографических и специальных карт и планов территории СССР масштабом крупнее 1:250000 [4, л. 9–10]. Также запрещалось давать сведения об использовании спутников Земли и других космических аппаратов в военных целях [16, с. 35].

Все запреты, содержащиеся в «Перечне» разделялись на безусловные и условные. Первые было запрещено давать в открытой печати в любом случае. Вторые разрешалось подавать в печать только при наличии письменного разрешения соответствующего министерства или ведомства. Воспроизведение сведений, предусмотренных условными ограничениями «Перечня», допускалось в пределах опубликованного в центральной, союзно-республиканской, московской и ленинградской печати [16, с. 6]. По большому счету цензурные запреты касались не только реальных тайн, но и большого количества общеизвестных в советском обществе сведений.

В раздел «Различные сведения» входили небезопасные с идейно-политического пункта зрения материалы, в том числе порочившие советский общественный строй, пропагандировавшие национализм, культивировавшие насилие и порнографию [10, с. 39]. Любая информация, которая могла дискредитировать советское государство, подлежала запрету. Например, в нем запрещено было показывать места ссылки (без разрешения МВД СССР или союзной республики), показывать количество следственных изоляторов, тюрем, камер предварительного заключения, численность заключенных (о наличии самих колоний и мест ссылки в области крае и республике разрешалось); численность неграмотных по области и выше; сведения о заболеваниях чумой и холерой, туберкулезом, сыпным и брюшным тифом и т. п., сведения о факте посева с 1974 г. опиумного мака, численность наркоманов [16, с. 97–100]. Заканчивался «Перечень сведений, составляющих государственную и военную тайну» параграфом, который засекречивал сведения об органах Главлита СССР, раскрывающие характер, организацию и методы их работы [16, с. 103]. Так цензура защищала сама себя. В стране, которая провозглашала свободу слова деятельность Главлита и его местных органов могли дискредитировать ее в международном сообществе.

Своеобразным дополнением к разделу «Разные сведения» был «Список лиц, все книги которых подлежат изъятию». Он представлял собой «черный список» авторов, которые ни в каком случае не могли быть напечатаны или выданы читателям библиотек. Порядок хранения книг в спецфондах таких авторов определяла «Инструкция о порядке хранения и использования в спецфондах библиотек Советского Союза литературы, ограниченной органами цензуры для общего пользования». Она также устанавливала правила о создании и комплектовании спецфондов литературы при библиотеках Советского Союза [14]. «Сводный список книг, подлежащих исключению из библиотек и книготорговой сети» издавался Всесоюзной книжной палатой для служебного пользования органам цензуры без всяких пояснений к нему, так что даже сотрудники органов цензуры могли не знать причины изъятия из библиотек тех или иных произведений [17].

Общий механизм цензуры в СССР определял документ под названием «Единые правила открытых произведений печати». В них оговаривались особенности выполнения центральными, областными и районными (там, где не было цензоров Главлита) типографиями заказов учреждений и организаций, которые не имели права заниматься издательской деятельностью, а также частных лиц [10, с. 39]. Еще одним важным документом была «Инструкция о порядке цензорского контроля», полностью регламентировавшая порядок работы сотрудников Главлита на всех подконтрольных им объектах. В отличие от «Перечня», ограничения которого были направлены на охрану военных и государственных тайн, она определяла порядок контроля идейно-художественного содержания произведений. Но конкретных критериев, по которым определялось несоответствующее идейно-художественное содержание, она не определяла. Такое положение означало, что идеологический контроль мог носить субъективный характер [14].

Постановлением Совета Министров СССР от 14 июня 1962 г. «Об улучшении охраны государственных интересов в области изобретений и о дальнейшем улучшении организации изобретательства с СССР» в июне 1962 г. были утверждены «Указания о порядке подготовки к опубликованию сведений о технических достижениях СССР, которые могут быть признаны достижениями или открытиями». Указаниями предусматривалось проведение тщательной предварительной проверки материалов о достижениях советской науки и техники как организациями, готовящими их к изданию, так и издательскими работниками, широко привлекая в этих целях экспертные комиссии из специалистов научно-исследовательских учреждений, министерств, ведомств и т. д. с тем, чтобы не

допустить разглашения запрещенных к открытой публикации сведений, а также преждевременной публикации работ, которые могут быть признаны изобретениями или открытиями [7, л. 7].

Списки с указанием нормативных документов направлялись местным органам Главлита и заинтересованным организациям. Цензорам необходимо было учитывать то, что не все действующие нормативные документы включались в эти списки. Отсутствие какой-либо инструкции или циркуляра не означало их отмены. Они считались не утратившими силы до официального сообщения об их отмене. Сведения, составляющие государственную тайну, были наделены тремя степенями секретности: «С» (секретно), «СС» (совершенно секретно) и «ОВ» (особой важности). С середины 1970-х гг. для отбора документальных материалов, потерявших свое практическое значение, в обллитах создавались постоянно действующие комиссии [6, л. 2–3].

Работа обллитов включала различные сферы, поэтому цензорам при изучении документов было необходимо привлекать справочную литературу. Обллиты обычно вели две картотеки: одну секретную, составленную на основе секретных документов цензуры, другую – несекретную, составленную из различных несекретных источников – газет, журналов, несекретных документов цензуры и т. п. [3, л. 39]. С 1965 г. по параграфам Перечня велась картотека опубликованных сведений, на которые требовались разрешения министерств и ведомств: торговые соглашения, сведения по науке и технике, военные училища, строящиеся дороги и т. д. [9, л. 6–7]. Эта картотека систематически пополнялась за счет сведений из газет, собраний постановлений и законов, журнала «Внешняя торговля», рубрики Бюллетеня «Для справочных служб» и др. материалов [2, л. 13].

В 1980-е гг. в минимум справочной службы обллитов входили:

- Контрольная папка нормативных документов.
- Картотека разъяснений «Перечня».
- Учет статей, опубликованных в Бюллетенях Главлита СССР.
- Словарь цензора (терминологий).
- Списки предприятий, разрешенных к показу в открытой печати.
- Картотека опубликованных сведений перечневого характера [1, л. 10]. Только 12 июня 1990 г. был принят «Закон СССР о печати и других средствах массовой информации», который отменил предварительную цензуру в средствах массовой информации [12]. 24 августа 1990 г. Постановлением Совета Министров СССР было утверждено «Временное положение о Главлите», которое определило задачи органов цензуры. Теперь органы цензуры продолжали осуществление своих обязанностей на договорной основе [11]. Таким образом, рассмотренные материалы позволяют выявить важнейшие направления и методы работы органов цензуры. Нормативные документы охватывали всю сферу деятельности цензуры и имели различную степень секретности. Но даже эти нормативные документы нуждались в постоянной корректировке. Это восполнялось изданием циркуляров, приказов и инструктивных писем, содержавших более современные требования, а также наличия справочной литературы.

1. Государственный архив Брестской области (ГАБрО). – Ф. 974. Оп. 2. Д. 33.
2. ГАБрО. – Ф. 794. Оп. 1. Д. 68.
3. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 3991. Оп. 2. Д. 25.
4. ГАВт. – Ф. 3991. Оп. 2. Д. 38.
5. ГАВт. – Ф. 3991. Оп. 2. Д. 42.
6. ГАВт. – Ф. 3991. Оп. 2. Д. 49.
7. ГАВт. – Ф. 3991. Оп. 2. Д. 50.
8. ГАВт. – Ф. 3991. Оп. 2. Д. 58.
9. Государственный архив Могилевской области (ГАМогО). – Фонд 1195. Оп. 1. Д. 87.
10. Гужалоўскі, А. А. Чырвоны аловак: Нарысы па гісторыі цэнзуры ў БССР : у 2 кн. – Кн. 2 : 1943–1991 гг. / А. А. Гужалоўскі. – Мінск : А. М. Янушкевіч, 2018. – 320 с.
11. Временное положение о Главном управлении по охране государственных тайн в печати и других средствах массовой информации при Совете Министров СССР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://opentextnn.ru/censorship/russia/sov/law/snk/1964/?id=4431. – Дата доступа: 22.10.2018.
12. Закон СССР от 12.06.1990 «О печати и других средствах массовой информации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.levonevsky.org/baza/soviet/sssr0856.htm. – Дата доступа: 22.10.2018.
13. Инструкция о порядке подготовки и представления на контроль в органы Главлита материалов, предназначенных для экспонирования в музеях и на выставках. – Москва : Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР, 1983. – 13 с.
14. Инструкция о порядке цензорского контроля. 1955 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.opentextnn.ru/censorship/russia/sov/org/glavlit/instructions/?id=4410. – Дата доступа: 12.11.2017.
15. Инструкция о спецфондах литературы при библиотеках Советского Союза. 1955 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.opentextnn.ru/censorship/russia/sov/org/glavlit/instructions/?id=44. – Дата доступа: 14.01.2018.
16. Перечень сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, передачах по радио и телевидению. – Москва : Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР (Главлит СССР), 1976. – 176 с.
17. Сводный список книг, подлежащих исключению из библиотек и книготорговой сети. – Ч. 1. – Москва : Издание Всесоюзной книжной палаты, 1960. – 135 с.
18. Смиловицкий, Л. Л. Цензура в БССР: послевоенные годы, 1944–1956 / Л. Л. Смиловицкий. – Иерусалим, 2015. – 360 с.

Асташкин Д. Ю.

ПАРТИЙНЫЕ ОТЧЕТЫ КАК ИСТОЧНИК О РЕАКЦИИ НАСЕЛЕНИЯ НА ДОКЛАД «О КУЛЬТЕ ЛИЧНОСТИ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯХ» (ПО МАТЕРИАЛАМ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ РСФСР)

В российской и белорусской историографии имеется ряд статей о реакции на доклад Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» у жителей СССР: в Витебской области [1], в Крыму [2], в Арзамасской области [3], и т.д.. Так, в 2010 году вышла значимая статья профессора О. Лейбовича о реакции на доклад населения Молотовской области [4]. О реакции Новгородской области РСФСР пока нет исследований, кроме двух страниц в очерке С.В. Ярова о новгородской повседневности [5, с. 16-17]. В настоящем тексте мы дополняем и развиваем тезисы С.В. Ярова. Источниковая база нашего исследования - отчеты о собраниях с обсуждением доклада Н.С. Хрущева, проведенные партийными организациями Новгородской области.

Стоит отметить, что первое послевоенное десятилетие для Новгородской области можно кратко охарактеризовать одним словом: бедность. Многие новгородские города и деревни были разрушены в войну, восстановление Новгородской области было крайне медленным по сравнению с другими регионами. Промышленность не была развита. Даже хлебом Новгородская область не могла сама себя обеспечить. Тем не менее, проведение XX съезда сопровождалось привычным торжественным ритуалом: собраниями, трудовыми вахтами и обязательствами перевыполнить план. Вот типичная информация новгородского горкома КПСС о проведении митингов и собраний трудящихся в честь 20 съезда: “На 18 февраля в Новгороде проведено 65 митингов и собраний, на которых присутствовало 5000 человек, выступили на митингах 207 человек. Все выступающие единодушно одобряли внутреннюю и внешнюю политику ЦК и сов. правительства и принимали на себя новые повышенные социалистические обязательства”[6, л. 5-6]. На предприятиях проводились читки газетных материалов о съезде и беседы по ним. Сквозь эти привычные ритуалы и бюрократический язык отчетов проглядывает порой и человеческая реакция на решения съезда. Вообще, во время подготовки и проведения XX съезда (как и подобных кампаний - например, выборов) власти более активно спрашивали людей об их заботах. Конечно, это нужно было не только для решения проблем, но и для контроля за общественными настроениями. Чувствуя этот интерес, люди активнее стремились рассказать о своих проблемах - накануне и в период XX съезда активно идут ,жалобы, письма во власть. Так общество временно получало инструмент для привлечения внимания власти. Например, рабочие артели “Победа” жаловались агитаторам, что не могут включиться в соц. соревнование из-за того, что нет пряжи и цеха простаивают. На механическом заводе прямо говорили: “Почему в 1940 году было лучше с продуктами, чем сейчас, хотя вы заявляете, что реальная зарплата рабочих повысилась?” [7, л. 17-18].

Официальные итоги съезда разбирались на собраниях. Особое место заняло обсуждение доклада Н.С. Хрущева о культе личности и его последствиях. 5 марта 1956 г. Президиум ЦК КПСС принял постановление, предлагавшее «…обкомам, крайкомам и ЦК компартий союзных республик ознакомить с докладом тов. Хрущева «О культе личности и его последствиях» на XX съезде КПСС всех коммунистов и комсомольцев, а также беспартийный актив рабочих, служащих и колхозников». Отметим, что областные партийные руководители получали только закрытое письмо и не получили с ним никаких дополнительных директив. Как отмечает О.Л. Лейбович: “Это была импровизация рискованная. Доклад предназначался совсем для другой аудитории – для высших слоев партийной номенклатуры” [4, с. 194].

Порядок разоблачения был привычен и непривычен одновременно. Доклад Хрущева зачитывался полностью или в пересказе (в том числе в составе отчетных докладов секретарей партийных комитетов), заслушивались вопросы аудитории и давался на них ответ. Прения не допускались, хотя были исключения. По сути, это была уже отработанная схема политической дискредитации. По такой же схеме проводилась и кампания по разоблачению Л.П. Берия. Характерно использование сталинского языка. Новгородцы спрашивали - был ли Сталин “вредителем”, “врагом народа” - заметно стремление объяснить непривычные тезисы Хрущева привычными клише.

Доклад вызвал множество вопросов, на них были «даны соответствующие разъяснения в свете доклада Н. С. Хрущева» [7, л. 92]. Увы, в отчетах новгородских партийных организаций нет конспектов ответов, приведены только вопросы (в большинстве случаев - без указания автора). В вопросах видно стремление найти противоречия в официальных интерпретациях сталинского курса, определить степень вины представителей власти. Вопросы демонстрируют то, как резко рушился пропагандистский образ И. В. Сталина у новгородцев, вот характерный вопрос: «Не был ли Сталин в последние 20 лет жизни в клиническом смысле сумасшедшим?» [6, л. 16-18].

Новгородцы пытались найти ответ на вопросы, которые замалчивала пропаганда и тем самым вытеснить пропагандистский образ гениального вождя реальной личностью. Так, они

спрашивали о малоизвестных фактах сталинской биографии, про его жену, про сына. Спрашивали об окружении Сталина: Жуков, Берия, Орджоникидзе и др. [6, л. 17-18].

Особенно беспокоило новгородцев наследие сталинской пропаганды – литература, картины, учебники и другие материалы. В вопросах чувствовалась растерянность перед новыми идеологическими установками: «Считать ли классиком марксизма-ленинизма Сталина? Останется ли звание лауреатов Сталинской премии? Как будет с художественной литературой?» [7, л. 39-40].

Звучали вопросы о репрессиях: будет ли исправлена ошибка с выделенным народами, будут ли меры против следователей, которые пытали людей. Интересовала новгородцев судьба репрессированных, их возможное освобождение. Типичными были вопросы о внешней политике: конфликт с Югославией, реакция социалистических стран на доклад Н.С. Хрущева. Новгородцев также беспокоило, что доклад был секретным и не будет публиковаться [7, л. 12-15].

Иногда в отчетах отмечалась необычная реакция: кто-то предложил почтить погибших от руки Сталина минутой молчания [6, л. 16]. Кто-то после ознакомления с докладом плевал на пол и говорил, что не может видеть портрет Сталина теперь [7, л. 26].

Типичность вопросов новгородцев особенно заметна после анализа аналогичных партийных отчетов по другим советским областям. МВ новгородских отчетах почти не заметна местная специфика (в отличие от партийных отчетов Витебской области, где люди спрашивали про местное хозяйство и местную власть). Так, новгородские отчеты содержат лишь один сугубо местный вопрос: почему не восстановлен утраченный в оккупации памятник Ленину в Новгороде (кстати, в 1956 году памятник восстановили). Важно подчеркнуть, что новгородцы не задавали социально-экономических вопросов, они не ассоциировали или боялись ассоциировать свою бедность со Сталиным.

Реакцию населения на доклад Н.С. Хрущева историк С.В. Яров назвал “первой школой политического ослушания” [5, с. 17]. Историк Олег Лейбович определил реакцию как “культурный шок”, который повлек за собой временный отказ от затверженных образцов политического поведения [4, с. 193]. Действительно, в выступлениях и в вопросах слушателей наблюдается сочетание живого интереса к тайнам недавнего прошлого с растерянностью перед будущим, видно недоверие к властям. Впрочем, находились и те новгородцы, что сомневались в целесообразности кампании по развенчанию «культа личности», они спрашивали после читок: «Какой смысл развенчивать этого человека, безусловно гениального, после его смерти?» [6, л. 16]. Некоторые новгородцы в своем отрицании доходили до крайних мер. Так, в марте 1956 года в Новгороде были расклеены листовки, где восхвалялся И. В. Сталин. Вот текст одной из них: «Товарищи! Отцы и матери, братья и сестры! Вы знаете, что 5 марта сего года исполнилось 3 года со дня смерти Сталина. Вы, вероятно, знаете, что народ многим обязан этому гению человечества, но нынешнее правительство почему-то забывает Сталина. Так что же это?»[8, л. 12].

Во второй листовке прямо критиковалась кампания развенчания «культа личности»: «Граждане! Будьте настороженны в отношении политики правительства. Оно ведет вас в пропасть. В день 5 марта по радио не упоминали о Сталине. Стыд и позор правительству Булганина и Хрущева! Эти появленцы перед ним щенки»[8, л. 12]. Отметим, что авторами листовок были три школьника, 1939-1940 года рождения, с идеологически «чистой» биографией (отец одного был погибшим в боях партизаном, у второго отец-политработник погиб на фронте, отец третьего был рабочим). Инициатор распространения был еще и членом ВЛКСМ, вот как он как он объяснял свой поступок: «Обиделся я на руководителей г. Новгорода и на наше Советское Правительство потому, что при жизни Сталина много о нем говорили, что он много делал и делает для народа, а умер он и перестали говорить о нем»[8, л. 13-14]. Можно сделать вывод, что некоторые новгородцы лояльно относились к И. В. Сталину и после начала кампании по его политической дискредитации. Такие же отдельные случаи с листовками были в других областях СССР.

Имеющиеся источники доказывают, что новгородцы поддержали доклад Н. С. Хрущева, как поддерживали и другие идеологические кампании. В кратчайшие сроки тщательно проработанный образ вождя в лице И. В. Сталина был дезавуирован. Однако руководство партии не предвидело масштабов и характера критики системы при обсуждении доклада. Стремясь взять под контроль реакцию населения и очертить рамки для критики культа Сталина, 30 июня 1956 г. ЦК КПСС принял постановление «О преодолении культа личности и его последствий». В целом, вся эта кампания показала, что хрущевская пропаганда опиралась на многие формы, методы, и традиции сталинской пропаганды.

1. Юргевич, Н. К. Обсуждение доклада Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» на XX съезде КПСС в парторганизациях страны [Электронный ресурс] / Н. К. Юргевич // Современные научные исследования и инновации. – 2020. – № 6. – Режим доступа: http://web.snauka.ru/issues/2020/06/92643. – Дата доступа: 16.02.2021.
2. Хаяли, Р. И. Организационно-партийная работа в Крымской области по докладу Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС и постановлению ЦК КПСС "О преодолении культа личности и его последствий" // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России : материалы Всероссийской научной конференции с международным участием / редкол.: В. В. Карпова (отв. ред.) [и др.]. – 2018. – С. 202–207.

3. Филипчук, И. В. Доклад Н.С. Хрущева «О культе личности» и его восприятие в регионах (на примере Арзамасской области) / И. В. Филипчук // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе : сборник материалов XIII Региональной научно-практической конференции / под ред. В. И. Грубова. – Арзамас : Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Арзамасский филиал), 2016. – С. 170–175.
4. Лейбович, О. Л. Отзывы на доклад Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» в Молотовской области. Март–апрель 1956 г. / О. Л. Лейбович // Вестник архивиста. – 2010. – № 4. – С. 193–204.
5. Новгородская земля в эпоху социальных потрясений : сб. документов. – Кн. 4 : 1946–1956. – СПб., 2009.
6. Государственный архив новейшей истории Новгородской области (ГАНИНО). – Ф. 260. Оп. 13. Д. 131.
7. ГАНИНО. – Ф. 260. Оп. 13. Д. 139.
8. ГАНИНО. – Ф. 260. Оп. 13. Д. 95.

Столетова А. С.

ЭПИСТОЛЯРНЫЕ ИСТОЧНИКИ КАК ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И ТРАДИЦИЙ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ УСТРОЙСТВЕ РОССИИ 1950–1980-Х ГГ. (ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ)[1]

Определение значения повседневных представлений и традиций в экономическом устройстве России второй половины XX в. является одной из ключевых проблем для понимания особенностей хода и течения отечественной истории. Экономическая часть социальной системы (воспроизводственный, распределительный процессы, рыночные механизмы, торговая сфера, материальные потребности) оказывала прямое влияние на формирование особенностей ментальности населения России. Среди представителей социальных категорий общества в 1950–1980-е гг. формировались новые представления и тренды, обновлялись повседневные практики, преломлялись традиции и утверждались альтернативные обычаи. Общественное самосознание крестьянства, рабочих, трудовой интеллигенции, управленцев приобретало видоизмененные черты. Преобразования призмы взглядов групп и классов российского социума ввиду прохождения этапов социально-экономического размежевания базировались на аспектах изменения соотношения позиций личности и коллектива, укреплении частного начала, обособлении буржуазных стремлений и идеалов накопительства.

Как известно, воззрения и мнения людей строятся на основании бытовавших концепций, текущей действительности, материальных намерений, материального статуса и др. Поэтому исследования касающиеся изучения суждений населения о том или ином социальном явлении представляются особенно важными для нас. Начало изучения общественного мнения в СССР было положено в 1950-е гг. Систематические социологические исследования в СССР начались с конца 1950-х – начала 1960-х гг. Пристальный интерес к вопросу исследования ментальности и психологии масс российского общества второй половины XX в. как важнейших составляющих закономерностей исторического пути возник в 1990-е гг.

Новации комплекса мировоззренческих, психологических, поведенческих моментов заключались в том, что крестьянство отходило от идей общинной жизни, городская жизнь повлекла за собой процессы орабочивания, определенных мещанских проявлений, стремлений к комфортному проживанию и проч. В деревенской среде выделялась рабочая аристократия, городские управленцы, интеллектуалы. Они являлись носителями иных черт характера, деловых и предприимчивых качеств личности, по-новому смотрящих на эксплуатацию труда и производственную жизнь. Модернизация ментальных и мировоззренческих характеристик, черт сознания как в среде корпорации руководящего звена, так и среди городских и сельских тружеников, впоследствии становилась основой для формирования новой структуры общества. При этом потребительские идеалы людей все больше оказывались сопряженными с проявлением индивидуализма в реализации прав собственности, коммерциализации жизненных проявлений. Наряду с этим в духовной сфере жизни советского общества происходил распад коллективистских идеалов и утверждение частнособственнической морали. Напротив, в устойчивый обычай советской социально-экономической жизни второй половины XX в. оказались вплетены явления кумовства, землячества, блата.

Изменения условий реализации права пользования во второй половине XX в. и процесс овладения имуществом порождали ментальные особенности восприятия отношений собственности. В данной связи нельзя не отметить, что большое количество работ написано о методах искоренения хищений и спекуляции, истории их развития как явления [3]. Интересны изыскания, связанные с рассмотрением стандартов поведения, социально-психологических стереотипов, общенародных настроений. При исследовании проблемы эволюции традиционных установок, в особенности в плане формирования возможностей для развития нелегальных форм ведения коммерческо-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ «Трансформация российского общества 1950–1990-х гг. : классовый генезис и эволюция экономического устройства», проект № 19–18–00269.

спекулятивной деятельности нельзя не обратиться к трудам, освещающим вопросы изучения ценностной проблематики в потребительской сфере, а также социального профиля лиц, тяготеющих к личному обогащению. Нельзя забывать о том, что история повседневности и в целом история быта служат важнейшим базисом в изучении проблем ментальности и психологии масс. Поэтому тема социального обустройства жизни и в частности жилищная проблема, а также проблема общественного отношения к процессу обуржуазивания номенклатурной элиты, частнособственнических проявлений остается актуальной [6]. В контексте сказанного примечательны, анализируемые Ю. С. Никифоровым, аналитические письма представителей академического сообщества и государственных структур [4]. Аспекты формирования российской экономической ментальности и ее влияние на экономическое поведение граждан в современной России проследила Е. С. Балабанова [1]. Вопрос о взаимосвязи экономической ментальности и неформальной экономики поставила С. Ю. Барсукова [2].

Разделяя подходы и внимание современной исторической науки к изучению документов личного происхождения правомерным представляется факт того, что исследование искомой проблематики, невозможно без рассмотрения частных взглядов, наблюдений граждан, выраженных в эпистолярном жанре. Основные направления предпринимаемого исследования трансформации обычаев и менталитета советского общества находятся в плоскости изучения информационного и эпистолярного наследия фонда № 5 «Аппарат ЦК КПСС (1949–1991)» Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ) – информационных записок и материалов отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС; писем граждан в периодическую печать (газеты и журналы «Правда», «Советская торговля», «Литературная газета») и центральные органы власти, а также записок, адресуемых лично Генеральному секретарю, в адрес Президиума партии, писем-откликов на проекты ЦК КПСС. Архивные документы дают возможность изложить аспекты народного взгляда на процесс обогащения и связанный с ним вопрос хищений государственной собственности, обобщить воззрения граждан на уровни благосостояния, выявить отношение к материальным благам (главным образом касательно жилплощади, автотранспорта, личного приусадебного хозяйства), обозначить восприятие материального неравенства и социального расслоения. Наконец, в СМИ поступали большие блоки писем, в которых поднимались всеобъемлющие проблемы организации торговли в городе и, в особенности в деревне.

Архивный материал Российского государственного архива новейшей истории содержит богатое число подборок писем граждан, в которых продемонстрированы взгляды на социальные неурядицы жизнеобустройства, ненадлежащего руководства и злоупотреблений. Отметим, что написание жалоб, обращений, писем, адресовавшихся советским и партийным органам, в газеты, чиновникам было распространено и ранее, в 1930–1950-е гг. В поисках правды крестьяне обращались к коллективным партийным органам. При этом местный уровень власти в крестьянском сознании выступал в роли угнетателя. Такой же тип мышления характерен и для представителей советского социума второй половины XX в., в добавление к этому средства массовой информации выступали как некая трибуна для обнародования всех волнующих и злободневных явлений. На уровне массового сознания утвержденное патерналистское восприятие государственной власти как инстанции гаранта справедливости и заботы являлось аспектом требований эффективного и уравнительного распределения ресурсов, решения проблем жизнеобеспечения. Добавим, что сдержанное отношение к накопительству и собственности, представление о «неправедности» богатства определяемое природой русского народа, спецификой религии и культуры порождало неприятие чужого успеха и выделения из коллектива. Так, член КПСС, участник Великой Отечественной войны В. С. Киселев из г. Черкассы признавался в 1980 г. в следующем: «Как постоянный читатель ценю в “Правде” дух наступательности, непримиримости к различным проявлениям зла и беззакония» [5, л. 52]. Анализ имущественного положения тех или иных современников зачастую вызывал написание претензионных извещений, содержащих констатацию частного мнения о несправедливом обогащении, материальных возможностях, получении благ, использовании связей, служебного положения и, соответственно, проявлений видоизменений ценностных установок недавнего прошлого. Важно, что письма являют собой первоисточник знаний о публичных, часто коллективных общегражданских представлениях в регионах, что позволяет проследить масштабы однотипных тенденций в стране. Наряду с этим необходимо отметить, что социальная разница и дифференциация доходов в восприятии рабочих и сельских тружеников связывалась с оплотом буржуазного перерождения, вызывая порой красноречивые и резонансные выпады. Однако в среде управленцев, в кругу представителей властных структур обосабливался стойкий интерес к высокому уровню жизни. Параллельным явлением, трансформирующим действительность жизни, являлось переструктурирование общества, на основе которого обозначались и новые потребительские стратегии, модернизировался советский образ жизни. В 1970-е гг., а в особенности в 1980-е гг. уже и в числе рядовых граждан и достаточно массово обозначились идеи об овладении такими материальными благами

жизни, как квартира, автомобиль, телефон, дача. Социологические опросы фиксировали стремление населения СССР к обеспечению бытовыми вещами, не связанными с первоочередными жизненными потребностями [3, с. 83]. Следовательно, важнейшими измерениями социальной жизни второй половины XX в. являлись: уровень коллективного потребления, напрямую зависящий от показателей заработной платы; степень многообразия желаемых и приобретаемых вещей.

Таким образом, во второй половине XX в. предметом пристального публичного внимания и анализа стали институты собственности, сферы торговли, семьи. Под воздействием болевых точек советской действительности общественные горизонты испытывали разного рода преломления. Культурная, социально-экономическая, политическая динамика способствовала появлению нового поколения элит. Формировалась принципиально новая номенклатурная система. Складывался новый класс собственников средств производства, интересы которого защищались и реализовывались с помощью особых механизмов. Соответственно, эволюционировали социальные ориентации и нравственные ориентиры правящей когорты. Установление новых обычаев и преобразования ментального плана особенно явно просматриваются в ходе анализа торговой деятельности, ее теневых сторон. В свою очередь эти явления могут лечь в основу рассуждений о концепте, связанном с поведенческими особенностями действий и стереотипами мировоззрения советских граждан в условиях реализации права пользования во второй половине XX в.

1. Балабанова, Е. С. Особенности российской экономической ментальности / Е. С. Балабанова // Мир России. – 2001. – № 3. – С. 67–77.
2. Барсукова, С. Ю. Неформальная экономика и система ценностей россиян / С. Ю. Барсукова // Социологические исследования. – 2001. – № 1. – С. 57–62.
3. Безнин, М. А. Буржуазные тенденции в социальной жизни и менталитете советского общества 1950–1980-х гг. / М. А. Безнин, Т. М. Димони, А. С. Столетова // Вестник Костромского государственного университета. – 2020. – Т. 26. – № 1. – С. 77–86.
4. Никифоров, Ю. С. «В народном хозяйстве обостряются процессы, на которые мы не можем закрывать глаза»: проблемы СССР первой половины 1980-х годов (по материалам фонда Н. И. Рыжкова) / Ю. С. Никифоров // Научный диалог. – 2020. – № 9. – С. 405–419.
5. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). – Ф. 5. Оп. 77. Д. 68.
6. Столетова, А. С. Жилищный вопрос середины 1970-х гг. как проблема социального обустройства в СССР / А. С. Столетова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. – 2020. – Т. 20. – Вып. 4. – С. 475–481.

Дубровская Е. Ю.

ВИДЛИЦКАЯ ОПЕРАЦИЯ 1919 ГОДА НА СТРАНИЦАХ НЕОПУБЛИКОВАННОГО СБОРНИКА ВОСПОМИНАНИЙ О ФИНСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В КАРЕЛИИ*

Весной 1918 г., на завершающем этапе Первой мировой войны, после выхода из нее России и обретения независимости Финляндией, Российская Карелия из тылового и относительно стабильного района начала превращаться в приграничную прифронтовую окраину, а в дальнейшем оказалась одним из первых очагов военной интервенции и Гражданской войны на Севере России. Мемуары участников и очевидцев событий о Гражданской войне и военной интервенции в южную Карелию интересны не только тем, что в яркой и живой форме повествуют о полной драматизма обстановке этих лет, но и потому, что в бурные годы «военного лихолетья» различная документация велась нерегулярно, отрывочно, или вовсе отсутствовала. Источниковеды отмечают особую ценность таких «эго-документов», поскольку они воспроизводят эмоционально-психологическую атмосферу военного времени, без чего невозможно понять и оценить как сами исторические события, так и действия отдельных людей или сообществ [9, 43–73; 10]. Источники личного происхождения являются гибридным жанром: это и воспоминания, и письменные источники, которые создаются по законам построения нарративов. В недавней публикации А. Голубева и С. Ушакина на эпистолярном материале исследована проблема перевода военного опыта в письмо через определенный набор сюжетов, тем, мотивов и действующих лиц [5, 18]. Воспоминания 1930-х – 1950-х гг. также позволяют проследить, как опыт войны переводится в рассказ, как организуется и трансформируется нарратив о войне.

В исследовательской деятельности сектора истории академического Института языка, литературы и истории сохраняется традиционное внимание к сбору воспоминаний об отдельных событиях периода Гражданской войны в Карелии. В 1948–1949 гг. сотрудники Института, входившего тогда в Карело-Финский Филиал АН СССР, готовили материалы для сборника воспоминаний к 30-

* Подготовлено по госзаданию КарНЦ РАН (тема «Карелия в условиях общественных трансформаций XVII-XXI вв. : новые подходы и интерпретации»).

летию блестящей Видлицкой операции РККФ, проведенной 27 июня 1919 г. во взаимодействии с частями Красной армии и приведшей к разгрому военной базы финских добровольцев на Ладожском озере. Предполагалось, что сборник будет включать порядка двух десятков текстов – автобиографии участников событий и их рассказы о происходившем в годы Гражданской войны и военной интервенции в южную Карелию и в Заонежье. Однако сохранились лишь подготовительные материалы к этому сборнику в первичной редакторской обработке с аннотациями аспиранток сектора Г. Н. Богдановой и И. П. Борисовой к каждому из текстов, большинство из которых были собраны специально для этой публикации [7]. В сборник, который в 1948–1949 гг. готовили сотрудники сектора истории и который, к сожалению, так и не увидел свет, планировалось включить воспоминания наиболее заметных участников Гражданской войны в Олонецкой Карелии. Впоследствии отдельные отредактированные тексты вошли в сборники воспоминаний, опубликованные в Петрозаводске в 1957 и 1963 гг. [3; 6].

Однако при подготовке сборника «За Советскую Карелию» дала себя знать идущая из издательского опыта 1930-х – первой половины 1950-х гг. распространенная практика редакционных правок и не оговариваемых в примечаниях купюр в текстах, что неизбежно вело к искажению источника [12]. Следы такой правки носят и воспоминания В. Н. Федотова, который во время Видлицкой операции командовал присланным на Ладожское озеро минным заградителем Балтийского флота «Яуза». Его неотредактированные мемуары были частично введены в научный оборот исследователем военной истории Русского Севера С. М. Титовым. Он отметил, что в ходе Видлицкой операции действия заградителя «Яуза», своим огнем подавившего финские батареи в Видлице, оказались особенно удачными.

Все участники десанта под Видлицей – и моряки, и пехотинцы – заслужили благодарность со стороны высшего военного и политического руководства советской России, однако самая первая награда поступила на борт заградителя «Яуза» от начальника 1-й стрелковой дивизии М. П. Гусарова, которому понравились боевые действия «Яузы». С. М. Титов приводит рассказ командира корабля о том, что сразу же после боя Гусаров как начальник Междуозерного участка прислал ему «в награду четвертную спирта» [11]. Однако этот фрагмент воспоминаний, повествующий о том, как В. Н. Федотов, собрав команду, «произнес свою первую в жизни речь, поздравил с победой и поднял чарку за товарищество и за будущие победы над белыми», показался редакторам несовместимым с образом доблестных военных моряков РККФ и в одной из копий мемуаров был не только вычеркнут, но и вырезан [8, л. 13, 38].

Итак, побудительными причинами для появления анализируемых воспоминаний послужила юбилейная дата и подготовка приуроченного к ней сборника. Поскольку они были написаны спустя тридцать лет после событий 1919 года, и многое из виденного было забыто участниками, для определения их ценности как исторического источника необходимо было выявить, каково соотношение в тексте мемуаров материала, основанного на личных впечатлениях, а сколько позаимствованного из других источников и литературы. В основном эту работу проделала подготовившая рукописные аннотации к воспоминаниям Галина Николаевна Богданова, впоследствии преподаватель Петрозаводского госуниверситета. Она является автором монографии о деятельности раннесоветских административных гражданских учреждений и местного самоуправления, занимавшихся организацией жизни тыла и хозяйственным строительством в Карелии в 1918 – 1920 гг. [1].

В этот период специальных исследований, посвященных анализу различных видов мемуаров о Гражданской войне в нашей стране, было крайне мало. Примечательно, что в 1977 г. А. В. Смолин, ныне известный специалист по проблемам переломного революционного времени в истории России, в кандидатской диссертации, посвященной воспоминаниям участников обороны Петрограда в 1919 г., отметил в числе таких немногочисленных работ опубликованную в 1960 г. статью М. Н. Власовой, будущего директора ИЯЛИ Карельского филиала АН СССР и К. А. Морозова, впоследствии заведующего сектором истории [10, 8].

Показав, что Видлицкая операция стала одним из звеньев наступления советских войск на Петроградском фронте, которое было предпринято во второй половине июня 1919 г., авторы статьи характеризуют многие из мемуарных источников, однако незаслуженно скупо пишут о воспоминаниях Ф. Ф. Машарова [4, 8]. Между тем эти воспоминания весьма примечательны, поскольку в них нашли освещение история фронта и тыла, настроения рядовых, внутренняя атмосфера в частях и подразделениях и повседневная жизнь красноармейского командования в 1919 г. Машинописный подлинник воспоминаний, датированный 6 июня 1949 г., хранится среди подготовительных материалов сборника.

Личность самого мемуариста обращает на себя особое внимание, ведь «диалог, который исследователь ведет с источником, начинается со знакомства с автором, какой бы статус он не имел – безымянный, коллективный или конкретная личность» [2, 18]. Уроженец г. Пермь Федор

Федорович Машаров (1890 – 1981), закончив в 1910 г. Михайловское артиллерийское училище, стал офицером русской армии. Его дальнейшей учебе в академии Генерального штаба помешала Первая мировая война. Ф. Ф. Машаров был командиром взвода 29-й артиллерийской бригады, служил в чине поручика. В декабре 1918 г. добровольно вступил в Красную армию, являлся взводным инструктором-артиллеристом Петроградских командных курсов. В первых числах мая 1919 г. он получил распоряжение заняться формированием красноармейского отряда, который должен был оказать поддержку частям, противостоявшим финским интервентам.

Воспоминания представителей командного состава РККА и РККФ отличаются добросовестным воспроизведением фактов и событий по типу оперативного очерка, что сближает такие «эго-документы» с эмигрантскими белогвардейскими мемуарами: в военных училищах от будущих офицеров требовали точности и достоверности изложения. Записки и воспоминания как красных, так и белых офицеров в той части, где они приводят фамилии, даты и цифры, заслуживают доверия, их авторы зачастую пользовались своими полевыми книжками, сохранившимися штабными документами, сведениями, полученными от других офицеров, участвовавших в описываемых событиях [9, 59]. Ф. Ф. Машаров демонстрирует это в полной мере. Так, он полностью приводит текст изданного в г. Лодейное поле приказа по войскам Олонецкого участка фронта Междуозерного района от 22 июня, а также резолюцию партийной конференции частей 19-й стрелковой дивизии и обращение коммунистических коллективов всех частей Междуозерного района к рабочим и крестьянам Финляндии [7, л. 193–195].

Летом 1919 г. Ф. Ф. Машаров был начальником штаба Междуозерного района и участвовал в разработке и осуществлении Видлицкой десантной операции, приведшей к разгрому финских интервентов под Видлицей и Тулоксой и получившей высокую оценку специалистов. Фрагмент его воспоминаний, не попавший на страницы сборника 1963 г., содержит весьма любопытный рассказ, озаглавленный «Зарождение идеи и подготовка десантсткой операции».

Г. Н. Богданова отметила в аннотации особую ценность подробного описания Ф. Ф. Машаровым десантной операции в Тулоксе, поскольку «об этом вспомогательном десанте очень мало встречается материала», к тому же мемуарист «показал дальнейшее продвижение красноармейских частей после разгрома финнов в Видлице и в Тулоксе». В воспоминаниях хорошо отражены как общие настроения и степень боеспособности красноармейских частей, участвовавших в сражениях, так и причины их неудач в конце мая и в начале июня 1919 г., в частности, упоминается о недисциплинированности бойцов 50-го стрелкового полка [7, л. 171–172].

В 1919 г. «военный фактор» давал себя знать постоянным вмешательством военных властей в управление всеми сферами жизни Олонецкой губернии, что усиливало тяжесть экстремальной ситуации, становившейся повседневностью. Знакомство с сохранившимся в Научном архиве КарНЦ РАН воспоминаниями участников Видлицкой операции 1919 года позволяет по-новому взглянуть на события Гражданской войны и военной интервенции, а также на общественную и повседневную жизнь населения в Олонецкой Карелии, чья история долгое время рассматривалась лишь как борьба политических партий за власть.

1. Богданова, Г. Н. На хозяйственном фронте. Хозяйственное строительство в Карелии в годы иностранной интервенции и гражданской войны. 1918–1920 / Г. Н. Богданова. – Петрозаводск : Карелия, 1980. – 191 с.
2. Булыгина, Т. А. Диалог с прошлым: социальная история локальных сообществ в источниках местной истории / Т. А. Булыгина // Актуальные проблемы источниковедения : матер. III Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 8–9 окт. 2015 г. / Вит. гос. ун-т ; редкол.: А. Н. Дулов, М. Ф. Румянцева. – Витебск : ВГУ, 2015. – С. 18–20.
3. В боях за Советскую Карелию. Очерки и воспоминания. – Л. : ГИХЛ, 1932. – 224 с.
4. Власова, М. Н. Видлицкая операция 27 июня 1919 г. (в воспоминаниях) / М. Н. Власова, К. А. Морозов // Из истории интервенции и гражданской войны в Карелии (1918–1920). – Петрозаводск : Госиздат КАССР, 1960. – С. 29–38.
5. Голубев, А. Экс-позиция письма: о правилах чтения чужой переписки / А. Голубев, С. Ушакин // XX век: письма войны. Антология военной корреспонденции. – М. : Новое литературное обозрение, 2016. – С. 8–21.
6. За Советскую Карелию. 1918–1920. Воспоминания о гражданской войне. – Петрозаводск : Карельское кн. изд-во, 1963. – 535 с.
7. Научный архив Карельского научного центра Российской академии наук (НА КарНЦ РАН) – Ф. 1. Оп. 41. Д. 144.
8. НА КарНЦ РАН. – Ф. 1. Оп. 20. Д. 190.
9. Морозова, О. М. Антропология гражданской войны / О. М. Морозова. – Ростов н /Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. – 560 с.
10. Смолин, А. В. Воспоминания участников обороны Петрограда в 1919 г. как исторический источник : автореф. дис. … канд. наук /А. В. Смолин. – Л. : ЛОИИ АН СССР, 1997. – 29 с.
11. Титов, С. М. Флотилия и дивизия. О боях на Ладожском и Онежском озерах в 1919 г. / С. М. Титов // Север. – 2013. – № 9–10. – С. 166–176.
12. Polyakova, T. The Memoirist and the Redactor: Writing the History of the Russian Civil War in Karelia [Электронный ресурс] / T. Polyakova // Альманах североевропейских и балтийских исследований. – 2016. – Вып. 1. – Режим доступа: http: //nbsr. petrsu. ru /journal /article. php?id=482. – Дата доступа: 01.11.2019.

Кушнерева К. В.

В. И. БЕЛОВ В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ СВОЕГО ВРЕМЕНИ[1]

Василий Иванович Белов – известный русский писатель-вологжанин, прославившийся своими рассказами, повестями, романами о жизни простых крестьян в 1920–1930-е гг. – время, характеризующееся как «великий перелом», а также в послевоенный период и годы перестройки сельского хозяйства (1970–1990) [5, с. 111].

Фонд Василия Ивановича Белова уникален и важен, как для изучения истории края, так и для страны в целом. В ходе работы с письмами, как историческим источником они были структурированы в следующие группы: письма читателей по поводу произведений В. Белова, письма по общественно-политическим вопросам, письма, касающиеся проблем сельского хозяйства, письма по вопросам культуры и фольклора, письма иностранных читателей.

Множественна группа писем, посвященных творчеству писателя, объединенных в дело, состоящее из трех томов и 272 писем. Может показаться, что читатели, дававшие отзывы на книги, прочли все произведения Василия Ивановича или большую их часть, но это не так. В основном, авторы писем – люди, ознакомившиеся с одним произведением и сразу же, увидевшие в писателе родную душу, своеобразного духовника, описывающего с такой невероятной точностью, близкую читателю деревню.

Поднятые Василием Ивановичем проблемы не могли оставить читателей равнодушными. Они обращались к автору, выражая свое согласие с его идеями. Мотивы написания писем прозаику отличались большим разнообразием.

Во второй половине 1980-х гг., граждане сосредоточились на общественно-политических вопросах. Злободневными проблемами, по мнению отправителей, являлись: пьянство, наркомания, бюрократизация государственного аппарата, проблемы межнациональных отношений. Таких писем в фонде В. И. Белова 132. Из них: 34 – по общественно-политическим вопросам, по вопросам борьбы за трезвость – 31, по вопросам отечественной истории – 7, по вопросам демографии и межнациональных отношений – 94.

Вопрос борьбы за трезвость оказался очень актуальным. Читатели отмечали, что проблема пьянства – одна из самых острых и злободневных проблем нашего общества, они просили Василия Ивановича законодательно повлиять на ее решение. «Проблема наркомании и алкоголизма – одна из острейших, – писал В. И. Белов в своей статье «О пьянстве начистоту», – но решается она не нравственным воспитанием, не сокращением выпуска спиртных напитков, а лечением алкоголиков и наркоманов в частных клиниках за большие деньги. Лечится следствие, а не причина. Пьяный «рубль» всегда поддерживал нестабильный бюджет страны» [1, с. 269]. Пожалуй, только указ «О мерах и борьбе с пьянством» 1985 г. имел некоторое положительное воздействие. Количество потребляемого спиртного резко сократилось. Прекратились пьянки на рабочем месте, сократилось число нарушений трудовой дисциплины и так далее», – отмечал автор [1, с. 270]. Выясняя причины пьянства, В. Белов отмечал, что существует несколько мнений по этому поводу: стали жить лучше, национальный атрибут, традиции, виноваты «сто грамм», которые давали на войне. Однако он считал, что фактически причина пьянства – экономическая. «Пьяными» деньгами покрывался дефицит бюджета страны, и регионов, и городов. Пьянство, алкоголизм – болезни не столько физические, сколько морально- общественные. Закономерным будет обращение к письмам по данному вопросу. Так жители г. Фрунзе писали: «Обеспокоены торможением в осуществлении экономических, социальных и политических реформ, предусмотренных перестройкой, наличием межнациональных конфликтов, ростом преступности, падением нравственности. Главная причина – это пьянство… Алкогольная проблема, прежде всего, идейно-политическая и генетическая. Пьянство мешает участию в политической жизни страны. Ни одна революция не совершалась пьяным народом, так что вряд ли совершится перестройка. Создается впечатление о незначительности проблемы. Это не так. 40 млн. пьяниц в стране. Алкоголь – оружие массового поражения, направленное против собственного народа…Народные депутаты и партия дезинформированы в понимании алкогольного вопроса, забыт опыт решения алкогольных проблем в первые годы советской власти. X Всероссийская конференция РКП (б) 1921 г. гласила: в отличии от капиталистических стран, которые допускают в ход такие вещи, как водку, мы этого не допустим, потому что как бы они не были выгодны для торговли, но они поведут нас назад – к капитализму, а не вперед – к коммунизму. А куда сейчас ведет нас партия?! Просим: организовать комиссию по решению этой проблемы; принять закон о запрете рекламы алкогольно-табачных изделий; добиться пропаганды трезвости в СМИ; ужесточить меры по борьбе с самогоноварением» [2, л. 26–30].

Примечательно, что отправители предлагали самые разнообразные пути выхода из сложившейся ситуации. Так предлагалось, например, создание организаций по борьбе за трезвость [2, л. 17].

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ «Трансформация российского общества 1950–1990-х гг. : классовый генезис и эволюция экономического устройства», проект № 19–18–00269.

Другие выступали за запрет рекламы алкогольных и табачных изделий. Третьи говорили, что пока жизнь в стране не наладится, они пить не перестанут. Встречались и интересные предложения по борьбе с этим общественным недугом. Так, В. И. Калинин предлагал создать антирекламу алкогольным напиткам, например, надпись на бутылке водки: «Водка. Нервно-паралитический яд наркологического воздействия. Оказывает разрушающее действие на нервную и сердечно-сосудистую систему» [2, л. 17]. В современности эта идея активно используется в антирекламе. Закономерным отметить, что авторы писем В. И. Белову понимали серьезность проблемы пьянства и алкоголизма в нашей стране и считали, что решить ее можно только совместными усилиями власти и общества.

Многие отправители были согласны с Василием Ивановичем, что среди молодежи идет падение нравов: «До революции моральным воспитанием людей занималось духовенство. В 1930-е гг. власти развили бурную деятельность по уничтожению религии, а заодно и церквей. Добились своего, сделали в этом плане пустоту» [3, л. 3–6]. Решить проблему предлагалось созданием музеев и иных мест культурно-массовой направленности.

Даже деревенские жители все больше тянулись к городской культуре. Например, отправитель Макаренков из г. Череповца писал: «Быть может, стоит в каждом колхозе поставить дома памяти, им может быть и реставрированная церковь или построенный по специальному проекту дом. Там можно проводить торжественные мероприятия» [3, л. 14].

Важно отметить роль писателя, не только как автора, публициста, но и как политика, народного депутата. Так, по мнению М. В. Сурова, писать о В. И. Белове-политике не так-то просто, поскольку отыскать грань между Беловым-публицистом и Беловым-политиком практически невозможно. Существуют мнения и оценки депутатства Василия Ивановича, как опрометчивого шага, как авантюры. На мой же взгляд, решение В. И. Белова стать депутатом вполне логично и закономерно [6, с. 107]. Белов-политик – это всего лишь продолжение Белова-писателя. Нельзя их разъединять и раскладывать по полкам – считал Михаил Васильевич, описывая деятельность писателя, как политического деятеля Читательница А. П. Рязанова просила В. Белова: «Когда станете депутатом, оградите деревню от законов, которые не способствуют их возрождению» [4, л. 2].

Итак, становится ясным то, что, даже занявшись политической деятельностью, Василий Белов продолжал думать о деревне и о попытках ее возрождения. Во время деятельности на депутатском посту, писателю поступали народные предложения. Так, Е. Осина писала: «Основные материальные средства направить в сельское хозяйство, промышленность финансировать по остаточному принципу; надо объединить земли, снова создать колхозы и совхозы, для руководства направить проверенных людей» [4, л. 8–9]. К сожалению, так ничего реализовать и не удалось. В контексте вышеупомянутого, важно отметить, что писали люди В. Белову и о перестройке: «В стране идет перестройка, но надо было раньше. И начинать надо с определения собственности на землю, на средства производства. Прежде всего, следует провести земельную реформу и закрепить с законом» – заключал А. Ф. Багаренков [4, л. 14].

Резюмируя сказанное, отметим, что разные группы отправителей писали В. И. Белову по совершенно разным вопросам, начиная от анализа его произведений, заканчивая проблемами общественно-политического характера.

1. Белов, В. И. О пьянстве начистоту / В. И. Белов // Невозвратные годы. – СПб., 2005. – С. 269–270.
2. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). – Ф. 5134. Оп. 1. Д. 394.
3. ГАВО. – Ф. 5134. Оп. 1. Д. 399.
4. ГАВО. – Ф. 5134. Оп. 1. Д. 475.
5. Столетова, А. С. Русская деревня в жизни и творчестве В. И. Белова в 1960-е гг. / А. С. Столетова // Вопросы истории. – 2018. – № 12. – С. 111–119.
6. Суров, М. В. Белов: штрихи великой жизни / М. В. Суров. – Вологда : [б. и.], 2007. – 742 с.

Павлова О. Г.

ЛИЧНЫЕ ПИСЬМА КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ ДЕЯТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕПИСКИ МУЗЕЕВЕДА И ПЕДАГОГА А. Ф. ЛУНЕВА)

Переписка в жизни и деятельности личности второй половины XX века занимала существенное место. Для многих этот вид коммуникации был одним из важных, а зачастую почти единственным средством общения на расстоянии. С помощью переписки осуществлялось решения многих деловых и личных вопросов. Поэтому анализ эпистолярий в современных исторических исследованиях представляет особый интерес при изучении биографий, межличностных связей, других вопросов.

Для жизни и деятельности основателя Пархомовского историко-художественного музея (с 2004 года – Пархомовский художественный музей имени А. Ф. Лунева) Афанасия Федоровича Лунева (1919–2004) переписка являлась одним из основных коммуникативных средств в его многогранной педагогической, музейной, общественной и другой деятельности.

Афанасий Федорович Лунев – учитель истории сельской школы (Пархомовская средняя школа Краснокутского района Харьковской области) с 1945 осуществлял свою широкую собирательскую деятельность. В ней большое место занимала переписка. Активность его переписки нарастала и к концу 1980-х годов достигла сотен писем, открыток и телеграмм в год. География корреспондентов охватывала многие города Советского Союза и заграницы. Практически каждый день он получал и отправлял письма. Например, к праздникам подписывал и вместе с учениками отправлял более 100 поздравительных открыток. В полном объёме эта переписка не сохранилась, и даже некоторые важные, по высказыванию самого Афанасия Федоровича, письма от видных деятелей культуры он, случайно перепутав, уничтожил.

Афанасий Федорович Лунев был необычным сельским учителем, а необыкновенно деятельным, подвижным, увлеченным искусством педагогом. Обширный круг общения был ему необходим для осуществления педагогических задач, которые он стремился решать. Свою педагогическую деятельность в сельской школе он расширил далеко за традиционные педагогико-воспитательные формы. Увлечение собирательством, превратилось в музейное коллекционирование, к которому он приобщал и своих учеников. Параллельно с учебными задачами, он выбрал одним из главных направлений эстетическое воспитание. Деятельность в этом направлении привела к созданию школьного сельского художественного музея [2]. При поддержке художественной интеллигенции Харькова [7, с. 148], он активно использовал переписку для решения многих возникавших вопросов в организации музея, а также для обсуждения эстетических форм воспитания объединенных вокруг музея школьников.

Коммуникативные связи с видными деятелями культуры страны, с целью создания музея, Лунев начал формировать с 1950-х годов. Вначале, он обратился за помощью к харьковским музееведам, художникам, искусствоведам. Постепенно, с помощью переписки, расширялся круг лиц, которые откликнулись на его обращение посодействовать в вопросе организации школьного музея. Впоследствии, со многими из них завязалась продолжительная деловая, а во многих случаях – и более личного характера переписка. Определенное представление о впечатляющем круге личностей и вопросов, которые решались с помощью этого средства общения, можно составить по опубликованным письмам выдающихся деятелей культуры к Луневу и его ученикам [6; 4, с. 76–107 и др.].

Его связи географически охватывали деятелей второй половины XX века, проживавших в Харькове, Киеве, Москве, Ленинграде (Санкт-Петербурге), Ереване и многих других городах. Среди корреспондентов Лунева также были общественные организации, государственные органы и официальные организации, творческие союзы и отдельные личности: искусствоведы, художники, писатели, поэты, композиторы и др. Наиболее видные из них представлены в уже опубликованной переписке [6]. В этом издании представлены письма от 65 деятелей.

Опубликованная переписка в первую очередь интересна при изучении вопросов организации сельского музея художественного профиля. В письмах прослеживается искренняя заинтересованность корреспондентов в помощи Луневу и его музею советами, в дарении музею художественных произведений. Например, писатель, этнограф, автор работ посвященных истории народного искусства и творчеству художников и народных мастеров Ю. А. Арбат подобрал и подготовил для передачи в коллекцию Пархомовского музея небольшое собрание фарфоровых художественных авторских произведений [6, с. 17]. Бесценную поддержку в создании музея и дарении пархомовцам как своих работ, а также произведениями других художников мы находим в письмах Б. М. Неменского, В. А. Фаворского, С. Т. Коненкова, Н. М. Ромадина, И. Г. Эренбурга, И. С. Ижакевича, Г. С. Зубковского и др.

Формирование коллекции (в круге других вопросов) было центральным, что объединило вокруг идеи организации в Пархомовке художественного музея, многих ведущих музееведов, художников, искусствоведов, других деятелей культуры, искусства и литературы.

Еще одним важным направлением, деятельности А. Ф. Лунева было воспитание искусством. Эстетическое воспитание школьников нашло широкое отражение и в общении посредством переписки. Художники и искусствоведы стремились поделиться мыслями о значении искусства, как, например, поделился в специально написанном для пархомовских учеников небольшом очерке «О значении искусства для человека» Н. М. Ромадин [6, с. 162–164]. Это и советы по изучению истории искусства. Например, известный искусствовед М. В. Алпатов нацеливал учеников, в первую очередь, не столько на собирание коллекции художественных подлинников, сколько художественной, искусствоведческой литературы, которая бы послужила «основой для обладания искусством» [6, с. 11]. Мыслями о значении искусства для человека в письмах делился и О. Г. Верейский [6, с. 40–41].

В переписке Лунев касается многих проблем (помещения для музейной коллекции и др.) и также находит поддержку у своих адресатов [7, с. 148]. Например, переписка с Б. М. Неменским свидетельствует о том, что художник увидел и поддержал увлеченность и самоотверженность А. Ф. Лунева, его одержимость в желании приблизить к сельскому быту высокие эстетические возможности искусства в целях воспитание гармонически развитой личности. Председатель комиссии по

эстетическому воспитанию Союза художников СССР Б. М. Неменский оказывал существенную методическую и организационную помощь в создании Пархомовского музея. С другой стороны, опыт деятельности Лунева подтверждал важность организации эстетического направления в педагогической деятельности Союза художников и объединения вокруг этой идеи деятелей культуры, искусства, педагогики [6, 135–136]. Создавая Эстетическую комисию при Президиуме Академии педагогических наук СССР, организаторы также включили А. Ф. Лунева в эту комиссию [6, 139]. Пархомовский музей был включен также в программу проведения выездного методического совета 1975 года [6, с. 146] и Пленума Союза художников СССР 1983 года [5, с. 106].

Таким образом, переписка А. Ф. Лунева – важный источник для изучения деятельности уникального сельского музея. Во многом благодаря задокументированным в письмах связям, мы сегодня можем проследить все те сложные вопросы, которые приходилось решать Луневу в процессе создания и организации деятельности музея, который уже в последней четверти прошлого века стал всемирно известным и посещаемым туристами со всего Советского Союза и зарубежья. С 1986 года получил статус государственного, интегрированного в структуру Харьковского художественного музея как автономный отдел. Сегодня он является туристической жемчужиной не только Харьковщины, но и Украины, где хранятся произведения А. И. Иванова, И. Е. Репина, Н. А. Ярошенко, И. И. Шишкина, В. А. Серова, А. Н. Бенуа, К. С. Малевича, ван Дейка, Якоба ван Рейсдаля, К. Писарро, Поль Гогена, П. Пикассо и многих других знаменитых отечественных и зарубежных худождников.

1. Афанасій Федорович Луньов. Статті, спогади, документи, матеріали / упоряд. О. Г. Павлова. – Харьков : Тимченко, 2009. – 234 с.
2. Лунев, А. Ф. Пархомовская сокровищница / А. Ф. Лунев. – Харьков : Прапор, 1975. – 40 с.
3. Луньов, П. Ф. Пархомівський історико-художній музей: сторінки історії та сьогодення / П. Ф. Луньов // Скарбниці національної культури : тези доповідей науково-практичної конференції з музеєзнавства, присвяченої 40-річчю Пархомівського історико-художнього музею (1955–1995). – Харків ; Пархомівка, 1995. – С. 4–8.
4. Луньов, П. П. Про епістолярну спрадщину з архіву Афанасія Луньова / П. П. Луньов, О. Г. Павлова // Афанасій Федорович Луньов : статті, спогади, документи, матеріали / упоряд. О. Г. Павлова. – Харків : Тимченко, 2009. – С. 72–75.
5. Павлова, О. Г. Професійна майстерня А. Ф. Луньова / О. Г. Павлова // VII Луньовські читання. Музейний колектив і його проблеми : матеріали науково-практичного семінару, 24 березня 2016 року / укл. О. Г. Павлова. – Харків : ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2017. – С. 100–107.
6. Письма к А. Ф. Лунёву / сост. О. Г. Павлова. – Харьков : ХНУ имени В. Н. Каразина, 2016. – 320 с. (Серия «Джерелознавчі зошити» : тетрадь 7).
7. Сизиков, В. В. Удивительный человек / В. В. Сизиков // Афанасій Федорович Луньов : статті, спогади, документи, матеріали / упоряд. О. Г. Павлова. – Харків : Тимченко, 2009. – С. 148–149.

Архипова Т. Г.

МЕМУАРЫ К. Н. БРУТЕНЦА «ТРИДЦАТЬ ЛЕТ НА СТАРОЙ ПЛОЩАДИ» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Автор мемуаров К. Н. Брутенц – доктор исторических наук, профессор, бывший заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС, кандидат в члены высшего партийного органа и советник Президента СССР (03.07.1924 – 14.06.2017) был не только свидетелем, но и непосредственным участником событий второй половины XX в., причем не только в СССР и России. Его мемуары трудно отнести к какому-то одному из их видов – в них есть все: не только обычное в таких случаях повествование, но и исповедальная, оправдательная и обличительная составляющие. Более того, в них много информации научного плана, обобщений и размышлений, обычно не свойственных этому виду источников.

Мемуары вышли в 1998 г. 90-е гг. – время мемуарного бума [1, 3–8], переосмысления установок пропагандистского характера прежних десятилетий и выхода большого количества работ, в которых огульно охаивалось все, что произошло в стране в 1917 – 1990 гг., а Брутенц был причислен к числу апологетов канувшего в лету политического режима. Между тем, он мучительно искал ответы на многие вопросы, в первую очередь на вопрос, почему распался Советский Союз.

Работа более-менее[1] последовательно повествуется о его малой Родине – Баку, о годах учебы, о работе за рубежом и в Международном отделе ЦК КПСС. Прекрасная память, блестящее владение пером, красочные характеристики советских и зарубежных политических и государственных деятелей делают мемуары автора легко и с интересом читаемыми. Уже в год выхода мемуаров не со всеми наблюдениями и выводами автора можно было согласиться, какие-то из них сегодня могут показаться банальными, некоторая часть информации о внешней политике СССР не является

[1] Термин «более-менее» употребляется здесь потому, что автор в разных частях мемуаров периодически возвращается к преждеупоминаемым событиям и фактам.

актуальной. По истечении времени она просто устарела. Этого нельзя сказать о содержащейся в мемуарах информации о Международном отделе. Именно эта часть мемуаров представляет особый интерес для историка, причем не только специалиста по вопросам внешней политики СССР.

Сам мемуарист неоднократно подчеркивает, что не претендует на всестороннее освещение советской внешней политики тех лет, а только вспоминает о том, как она виделась ему тогда и видится на исходе 90-х гг. Вспоминая, он зачастую использует источники, в том числе и из личного архива.

Он пришел в отдел в мае 1961 г. на излете оттепели, после шокового прозрения в отношении Сталина (этому прозрению он посвящает не одну страницу своей работы), когда в аппарате ЦК КПСС возникла потребность не только в партийных кадрах, но и в специалистах – международниках. Он же к этому времени обладал обоими качествами, поскольку закончил истфак Азербайджанского университета, успел поработать штатным лектором в горкоме партии Баку, защитить кандидатскую диссертацию в АОН при ЦК КПСС. Работе в Международном отделе он посвятил более четверти века жизни, начав с должности референта и дослужившись до первого заместителя начальника отдела. Он, по существу впервые пишет об отделе, его структуре и функциях, его людях – ведь работ отечественных историков о нем по известным причинам почти не было, имевшаяся зарубежная литература из-за недостатка информации содержала значительное количество догадок и измышлений. Даже место отдела в партийном аппарате никому из авторов определить не удалось – оно зависело не только от внутренних, но и внешних факторов [2, с. 131].

Ко времени его прихода в отдел влияние КПСС на международное коммунистическое движение значительно ослабло, в том числе и из-за критики культа личности Сталина. В условиях кризиса коммунистического движения стали набирать политический вес партии социал-демократической ориентации, отдел же, возникший в качестве преемника Коминтерна, продолжал направлять усилия на поддержание и развитие связей исключительно с зарубежными коммунистическими и рабочими партиями. Но и тут было не все гладко. Руководство КПСС категорически отказалось воспринимать идеи еврокоммунизма, возникшие в самых крупных и влиятельных партиях. Брутенц высказывает сожаление, что «в вопросе о подходе к новым явлениям в комдвижении мы в отделе не проявили необходимого упорства» [2, с. 146]. Ну, что же, во время описываемых им событий вряд ли это было возможным. Вряд ли он мог сказать тогда и о том, что КПСС не сумела достойно ответить на призывы итальянских коммунистов демократизировать ее деятельность [2, с. 147].

Международный отдел, уже в силу профессионализма его сотрудников, не мог не принимать участия в обсуждении теоретических вопросов как внутри страны, так и за рубежом при проведении всевозможных встреч самого разного уровня. Так, его сотрудники не могли игнорировать дискуссии о роли и месте рабочего класса в коммунистическом движении. Вспоминая прошлое, он делает вывод, что в те годы замаячила проблема формирования среднего класса, хотя тогда все свелось к констатации расширения границ рабочего класса [2, с. 147–148].

Функции отдела в области связей с компартиями заключались в разных формах финансовой помощи – от прямого финансирования различных мероприятий до подготовки кадров в советских вузах и обучения групп в несколько человек правилам безопасности для охраны руководства. Не «оперившимся» партиям оказывалась помощь в разработке программных документов [2, с. 148–149].

Довольно часто в отделе готовились и направлялись компартиям письма от имени ЦК КПСС. В большинстве случаев они носили информационно-ориентирующий характер. В период разногласий, например, с Китайской компартией, письма носили полемический характер и «ковровые послания» китайцам иногда достигали размеров двух-трех газетных полос. Однако со временем эта форма общения банализировалась [2, с. 149]. Наверное, это было свидетельством серьезности разногласий, с одной стороны, и растерянности верхушки КПСС в сложившейся ситуации, с другой. Демонстрация дружбы, преследующей пропагандистско-информационные цели, носила все более формальный характер, что особенно заметным было при обмене делегациями на разного рода мероприятиях. «Слишком различными были условия в социалистических, капиталистических и развивающихся странах, слишком в разной обстановке действовали, например, КПСС и Французская компартия, КПСС и Компартия Аргентины, КПСС и Компартия Индии» [2, с. 149]. В целом же, в 60-е – 80-е гг. самостоятельность зарубежных партий крепла, и претензии КПСС на гегемонию «все чаще воспринимались ими негативно». Руководители КПСС стали относиться к большинству глав компартий «без особого пиетета» [2, с. 154].

Всевозможные аналитические записки, справки, речи идеолого-пропагандистского характера для партийно-государственных лидеров готовились в отделе и в расчете на внутреннюю аудиторию, поскольку рост влияния средств массовой информации породил потребность в обосновании действий руководства Советского Союза не только за рубежом, но и внутри страны.

Первые попытки установить контакты с социал-демократическими партиями стали предприниматься в 50-х гг, но активизировались они уже в 70-х, стремление к их установлению стало

обоюдным, хотя далеко не все в руководстве партии их одобряли. Автор же мемуаров с некоторой долей удивления отмечает, насколько актуальна в России 90-х гг. точка зрения ряда европейских социал-демократов на рынок и демократию в государственной практике [2, с. 162–163].

Что касается внешней политики СССР, то отдел, несмотря на название, занимался ею куда как реже. Значительно большее влияние на решение вопросов внешней политики в целом оказывали КГБ и МИД. Если с органами госбезопасности отношения были весьма партнерскими, то трения между отделом и МИД, который позиционировался как внешнеполитический отдел ЦК, улаживались с определенным напряжением [2, с. 164–166].

Пишет он и о взаимоотношениях отдела с научными учреждениями; влияние последних на его работу было «не очень большим», тем более что наука скорее была нужна руководству КПСС «для оснащения доводами уже одобренных позиций» [2, с. 168]. Весьма своеобразно относились в аппарате к научным работникам как таковым. С одной стороны, потребность в них была очевидной, их привлекали к работе или брали в штат, а с другой, научная деятельность сотрудников, мягко говоря, не одобрялась и квалифицировалась как «своеобразное хобби бездельников» – считалось: занимаясь наукой, он «отлынивает от своих прямых обязанностей, крадет мозговую энергию, которую обязан сдать полностью цековскому работодателю» [2, с. 232].

Контакты с социал-демократами стали более тесными с приходом М. С. Горбачева, что увеличило объем работы отдела. В мае 1986 г. было утверждено новое положение о нем. К концу 80-х гг. с КПСС поддерживали связи более 30 социалистических, социал-демократических и лейбористских партий, включая наиболее влиятельные [2, с. 158]. Деятельность отдела при молодом Генсеке стала более творческой и содержательной – его сотрудники пытались подсказывать руководству какие-то новые направления и сюжеты в политике, аргументы в пользу нетрадиционных подходов в международных делах, в отношениях с коммунистическими и социал-демократическими партиями – «В этот период даже разработка идеологического аспекта наших позиций приобрела иной характер» [2, с. 228]. Отдел мог представить Горбачеву записку о серьезных недостатках, отрицательно влияющих не только на внешнеполитическую деятельность государства [2, с. 174].

Расширение задач Международного отдела предопределило его объединение с двумя другими отделами, так или иначе связанными с международными делами: по связям с братскими партиями социалистических стран и заграничных кадров и командировок. Как и все звенья аппарата, отдел прошел через 40-процентное сокращение, но из-за объединения с ним вышеназванных отделов к началу 1990 г. стал насчитывать около 300 сотрудников [2, с. 169–171]. С этого времени отдел стал принимать самое активное участие во внешнеполитических делах, включая разоруженческие проблемы [2, с. 170]. Возросла роль органов госбезопасности. Зачастую поступивший от них вопрос мог быть рассмотрен сразу на Политбюро, в составе которого далеко не все члены были достаточно компетентны в нем. Результатом этого, начиная со второй половины 70-х гг., стало принятие многих непродуманных решений [наиболее серьезным из них он считает введение войск в Афганистан [2, с. 173]. По мнению автора, долгосрочная стратегия внешней политики отсутствовала. Ко времени выхода мемуаров автор подчеркивает необходимость создания координирующей в этом вопросе структуры в РФ [2, с. 174]. Тогда Горбачеву это сделать не удалось, сейчас же в составе Администрации Президента есть Управление по внешней политике [9].

Мемуарист, видимо, в силу принадлежности к партийной элите, дает довольно осторожные характеристики лидерам партии: Н. С. Хрущева он упрекает в непоследовательности разоблачения культа личности Сталина, мягко укоряет Л. И. Брежнева за его контрреформизм, симпатию к Горбачеву он демонстрирует на протяжении всего повествования. Значительное место в мемуарах отведено руководившему более 30 лет Международным отделом Б. Н. Пономареву [2, 189–193], лидеру азербайджанских коммунистов М. Д. Багирову [2, с. 82–86 и др].

Отказавшись от критики конкретных политиков в крахе политики КПСС во второй половине 80-х гг., он, не без горечи, обрушивает ее на интеллигенцию [2, с. 183–187], с чем согласиться довольно трудно, хотя доля истины в его обвинениях есть.

По мнению автора мемуаров, коллектив Международного отдела во многом был похож на обычный советский трудовой коллектив профессионалов. Они были детьми своего времени, в них сочетались патриотизм, преданность партии и (на фоне знакомства с «закулисьем политики») постепенная эволюция мировоззрения [2, с. 235], но мыслей об изменении строя, о покушении на его основы, не было – речь могла идти «лишь об определенной демократизации жизни партии и общества, переводе в русло строгой законности» [2, с. 237]. С огромным сожалением он пишет, что не все его члены нашли себе применение в новых российских реалиях [2, с. 179, 187–188, 196 и др.].

В заключении он отмечает, что выдержать повествование без «гнева и пристрастия» до конца ему не удалось – задуманная как мемуарное свидетельство о времени и о себе в нем, книга превратилась в «суд» над тем и другим» [2, с. 560]. В то же время он протестует против отнесения его к

числу тех, кто глумится над прошлым – это куда как более легкое дело, нежели извлекать из него уроки[1], ведь происходящее в России в 90-е гг. – цена за расставанье с ним [2, с. 561].

Окончание написания мемуаров датируется январем 1997 г. Внутри- и внешнеполитическое положение России вызывало у автора тяжелое впечатление. Об этом он пишет с болью и горечью, адресуя свои обвинения политикам, в первую очередь, советским. Россиянам по его мнению, «остается уповать на следующую, новую генерацию политиков – не тех, кто пришел из советских лет, и не тех, кто выпрыгнул на политическую авансцену в послеперестроечные годы. На политиков, взращенных демократией и неусыпно ею контролируемых. На демократов без кавычек, интеллектуально раскрепощенных и отважных, внутренне свободных, ценящих человеческое достоинство и любящих Россию честной нержавеющей любовью. И только реальная демократия способна «уберечь» политику от политиков, а их – от самих себя». Как напутствие этим будущим политикам звучит пожелание, укрепив отношения с мусульманским миром, став очагом интеграционного притяжения для постсоветских государств, найти в XXI в. достойное России место в мире [2, с. 565]. Что же, это пожелание не утратило своей актуальности и сегодня.

1. Болдин, В. И. Крушение пьедестала: Штрихи к портрету И. С. Горбачева / В. И. Болдин. – М. : Республика, 1995. – 445 с.
2. Брутенц, К. Н. Тридцать лет на Старой площади / К. Н. Брутенц. – М. : Международные отношения, 1998. – 566 с.
3. Гайдар, Е. Т. Дни поражений и побед / Е. Т. Гайдар. – М. : Вагриус, 1996. – 365 с.
4. Ельцин, Б. Н. Записки Президента / Б. Н. Ельцин. – М. : Огонек, 1994. – 415 с.
5. Королев, Ю. А. Кремлевский советник / Ю. А. Королев. – М. : Олимп, 1995. – 320 с.
6. Прибытков, В. В. Аппарат (О работе аппарата ЦК КПСС в 70–80-е гг.) / В. В. Прибытков. – СПб. : АОЗТ «ВИС», 1995. – 221 с.
7. Примаков, Е. М. Годы в большой политике / Е. М. Примаков. – М. : Совершенно секретно, 1999. – 445 с.
8. Рыжков, Н. И. Перестройка: история предательств / Н. И. Рыжков. – М. : Новости, 1992. – 397 с.
9. Аппарат Администрации Президента [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/structure/administration/departments. –Дата доступа: 15.03.2021.

Ходин С. Н.

ВОСПОМИНАНИЯ ИРАИДЫ ОСИПОВНЫ ЦАРЮК КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Ираида Осиповна Царюк – выдающийся организатор исторического образования и науки, декан исторического факультета Белорусского государственного университета в 1973–1986 гг, доктор исторических наук, профессор

В текущем году несколько дат актуализируют указанную тему. Во-первых, 100 лет подписания Рижского мирного договора, который на два десятилетия разделил Беларусь на Западную и БССР. Во-вторых, 50 лет как не стало одного из известных деятелей БССР, имя которого связано с героической борьбой против угнетения белорусов в Польше Сергея Осиповича Притыцкого. И наконец, исполняется 100 лет со дня открытия Белорусского государственного университета, который стал локомотивом развития высшего образования в нашей стране.

Ко всем перечисленным событиям Ираида Осиповна имеет непосредственное отношение. Сестра Сергея Осиповича Притыцкого, И. О. Царюк (Притыцкая) родилась и провела детство в Западной Беларуси под властью Польши. Она – первая женщина декан в истории БГУ, известный специалист по истории Западной Беларуси. Кроме научных работ, среди которых диссертации, монографии, статьи и тезисы выступлений, она написала две книги воспоминаний, которые посвящены истории освободительной борьбы в Западной Беларуси, истории семьи Притыцких, Белорусскому государственному университету, преподавателям исторического факультета БГУ. Эти книги и ряд связанных с ними интервью подтверждают тот факт, что историю во всех ее составляющих всегда творили люди. Люди, отличавшиеся своей общественной и интеллектуальной креативностью, неравнодушием к своему делу, к профессии, к жизни страны и своего народа [1, 2].

Книги: «От родного порога» (2011 г., летопись страны, написанная через историю одной семьи – семьи Притыцких.) и «Крутые дороги: посвящается Сергею Притыцкому» (2012), где акцент сделан на жизни и деятельности своего легендарного брата, приуроченная к 100-летию со дня его рождения) наполнены ценным фактическим и документальным материалом. Ираида Осиповна уточняет, что помимо документов, «помощниками были моя память, рассказы, воспоминания близких мне людей, друзей, соратников». Эти книги демонстрируют не только её способности к исследовательской работе, но и дар рассказчика, литератора, философа [2].

Биография Ираиды Осиповны – это отражение всех важнейших событий XX века через призму жизни одной семьи, личности. Ираида Осиповна родилась 29 февраля 1928 г. в деревне Гаркавичи Сокольского уезда Белостокского воеводства (сейчас – Польша) в большой и дружной семье

[1] Здесь очевидна его солидарность с В. О. Ключевским.

Притыцких. Притыцкие – род долгожителей: дед Григорий умер, работая в поле, на 105-м году жизни. Его сын Осип, один из пятерых детей Григория, прожил 86 лет. В его браке с Натальей родились четверо сыновей и четверо дочерей. Ираида была самым младшим ребенком в семье. Старший брат Ипполит и сестра Лена умерли в Пензенской губернии, когда Первая мировая война оторвала семью от родной земли. Второй брат Ираиды Осиповны Александр был расстрелян немцами в 1942 году, брат Виктор погиб под Смоленском на фронте в том же 1942 году, когда ему было лишь 19 лет. И Сергей Осипович Притыцкий прожил не очень долгую жизнь – 58 лет. Судьба оказалась более благосклонной к сёстрам Притыцким. У сестры Ираиды Осиповны – Надежды также очень большая семья – 12 детей. Она награждена орденом «Мать-героиня».

Первая мировая война и беженство – это те страницы воспоминаний, которые наполнены в большей степени рассказами от имени старших братьев и сестер, от родителей. Историк здесь уступает эмоциональному рассказчику. «Как вихрь оторвал от дерева осенние листья, так война вырвала людей из родных мест и развеяла по всей России, – пишет Ираида Осиповна. Когда, возвращались обратно на родину, в дороге заболела сестра Ираиды Осиповны –«восьмилетняя Леночка …голубоглазая, светлорусая девочка четырех лет. Протяжный кашель, тихий детский голос: «Пить, пить». Нужно молоко. А где его взять? Решено, что Сережа и Леня, сын тети Марии, пойдут просить подаяние. Чего только они ни наслушались от крестьян: обидные слова, упреки, угрозы. Если и дадут чашку молока, то с криком, оскорблениями». В Беларусь семья Притыцких возвращалась уже без младшей дочери. Но родная деревня была по ту сторону границы. Уже здесь Притыцкие, вместе с другими беженцами, возвращавшимися в Польшу, ощутили «тёплый приём». Митинги с обещанием сытой и свободной жизни сменились другой риторикой. Вначале семье предстояло просто выжить. Надо было восстанавливать дом и хозяйство. Братья рано научились пахать и сеять, умели не только пилить дрова, но и распиливать бревна на доски, складывать сруб, красиво и чисто косить траву. Восьмилетний Сергей стал на два года постоянным пастухом.

Когда Ираида Осиповна начинает описание освободительной борьбы, очевидно проявляется исследовательский подход. На фоне повествования о о Посольском клубе Белорусской крестьянско-рабочей громады (БКРГ) и Коммунистической партии Западной Белоруссии И. О. Царюк раскрывает и страницы жизни братьев, которые были вовлечены в их деятельность. Воспоминания как бы «оживают», когда привлекаются первые детские впечатления. Однажды полицейские ворвались в дом Притыцких. Шестилетняя Ира вступилась за отца и также была избита. «Живя в экстремальных условиях, воспринимаешь все и запоминаешь с каким-то обостренным чувством, недетским понятием. Мы так рано взрослели! – вспоминала Ираида Осиповна. – Односельчане нас отбили, маму, еле живую, отнесли в дом к Наде, остановили кровь, которая все текла из разбитого лба. А тем временем я, в каких-то ботинках на босу ногу и полураздетая (ведь мы уже легли спать), сидела в сугробе, боясь высунуться». Ее мама после этих событий тяжело заболела.

В воспоминаниях значительное место уделено подготовке и реализации братом Сергеем покушения на провокатора. Ираида Осиповна писала воспоминания в то время, когда терроризм в любой форме в обществе осуждался. Ей было важно раскрыть моральные аспекты, подтолкнувшие брата на такой поступок. В борьбе за освобождение было много измен, провокаций, предательства. Неоднократно предпринимались попытки (и более результативные) со стороны патриотично настроенных молодых людей покушений и убийств тех, кто предал своих товарищей. И тем не менее именно поступок Сергея Притыцкого стал олицетворением такого рода действий. Сыграли свою роль его личное мужество и человеческое обаяние, некоторые обстоятельства покушения: провокатор Стрельчук остался жив; Притыцкий стрелял в воздух, а не в полицейских, стрелявших в него. Яков Стрельчук после покушения служил польской полиции, во время Второй мировой войны – гестапо, в конце войны сбежал за границу и умер в эмиграции.

Уже как историк и историограф И. О. Царюк оценивает события 17 сентября 1939 года, когда части Красной Армии перешли советско-польскую границу. Понимая, что на момент написания воспоминаний существуют разные точки зрения в оценке данного события, Ираида Осиповна подчеркивает: «Тогда не только народные массы, но и политики, историки в Польше и в СССР ничего не знали ни о пакте Молотова – Риббентропа, ни о «сговоре Сталина и Гитлера». Это теперь «всем все» известно, хотя надо учитывать тот факт, что «секретное соглашение» касалось Польши, во многом решало судьбу только государства… «Секретное соглашение» не следует сравнивать с Мюнхенским договором, как это пытаются делать отдельные политики и историки. Это было для нас великое историческое событие. Не случайно в сентябре 1945 г., после окончания войны, в честь 6-й годовщины воссоединения белорусского народа в Минске состоялся парад, забытый, к сожалению, сегодня, – парад победителей»!

Эмоциональное повествование младшей сестры, которую затронули испытания Великой Отечественной войны не окрашено ни обидой, ни завистью. Хотя маленькая Ира прошла через все

испытания. С началом войны она с братом Виктором оказалась в потоке беженцев: «И так мы плетемся целый день. Остановиться в деревне невозможно. Куда ни подойдем – там уже полно беженцев. Наконец, помню, на взгорке – деревня. Не знаю названия. Витя зашел в одну из хат и стал просить, говоря, что его сестренка не может идти дальше: «Пустите передохнуть хоть в сарай». Женщина, усталая, немолодая, только рукой повела, мол, смотри: действительно на полу, скамейках лежали такие же, как и мы, беженцы. Но когда она глянула на меня, на мои сбитые ноги – заплакала и повела за занавеску. Она уступила нам свою кровать, а сама с двумя детьми легла на печи». Ираида Осиповна с теплотой вспоминает ребят в детском доме, о том, как пыталась адаптироваться в Московском ремесленном училище, как тушила по ночам зажигалки на крышах домов и своего общежития. Она пытается доказать, осмысливая смерть своего брата Виктора, который как только исполнилось 18, сбежал на фронт, что это не исключение, а пример целого поколения. Ираида Осиповна пишет об этом и как сестра, и как человек, воспитывавший многие поколения патриотов своей страны.

Победа для И. О. Царюк становится водоразделом в её судьбе. На другой стороне, хоть и были печали и потери, но это была часть жизни, наполненная пафосом созидания, личного роста. И. О. Царюк в 1948 г. окончила Несвижское педучилище с отличием и и приняла решение учиться на истфаке БГУ. Описывает это по-юношески задорно: «Как сейчас помню, одела я свое лучшее платье, что моя старшая сестра Люба отдала мне, цвета кофе с молоком и коричневым воротничком, брезентовые туфли-лодочки, модные в те годы. Взяла старенький, но со многими отделениями портфель, в который сложила все необходимое на первое время; какую-то сумму денег, завернутую в платочек, и поехала учиться, грызть гранит науки». Она поселилась в комнате на 30 человек в общежитии, которое размещалось в сохранившемся довоенном корпусе химического факультета (потом его снесли. «Послевоенный Минск 1948 г., – пишет Ираида Осиповна, – пустые глазницы окон, развалины домов, завалы из кирпича и щебня на улицах. Необходимо было не завоевывать, а восстанавливать столицу всем народом, молодыми силами, и моими в том числе».

Ираида Осиповна с любовью вспоминает о своих преподавателях: декан, «уже не молодой, представительный, несколько медлительный Федор Макарович Нечай» «читал лекции по истории Греции и Рима – интересный, добродушный и очень спокойный человек». Лекции по истории Средневековья читал профессор В. И. Перцев: «Он был уже в возрасте, но память имел феноменальную». Спецкурс читал корифей истории Н. И. Никольский». Лев Михайлович Шнеерсон «тихим спокойным голосом, красивой речью он умел заинтересовать нас, четко расставляя акценты, на конкретных фактах истории вел от события к событию», профессор Гилер Маркович Лившиц: «активный, быстрый, очень энергичный. Он и лекции читал, как будто спешил передать нам как можно больше знаний, и в аудиторию не входил, а влетал вслед за своим желто-коричневым портфелем». Алексей Петрович Пьянков: «Подтянутый, я бы сказала, элегантный на то время, типичный представитель старой русской интеллигенции. Его лекции были выдержаны в классическом стиле, базировались на глубоких научных исследованиях». В те годы пришел и связал всю свою жизнь с университетом Лаврентий Семенович Абецедарский: «В него влюблялись многие студентки, боялись за строгость и требовательность все студенты».

«Мы жили жизнью страны, всего народа»-, пишет Ираида Осиповна. В своих воспоминаниях, И. О. Царюк предстаёт не как сестра знаменитого брата, а как человек своей эпохи, прошедший через все её испытания. Конечно, в воспоминаниях много сюжетов о большой семье Притыцких=Царюк, о родных людях, о факультете, о насыщенной жизни декана факультета.

Как завещание остаются её слова; «*Иногда говорят, что жизнь протекла, как вода из горсти сквозь пальцы. Нет. Это не так. Ведь если вода протекла, то и ладошки высохли. И нет ничего. А в жизни, чьей бы она ни была, не так. Она, как мелкий белый песочек, струится сквозь пальцы. Просыпается, образуя на земле бугорки и впадины. А на руках остаются песчинки. Очень они тебя беспокоят, порою даже саднят. Ты о них помнишь, чувствуешь – это невидимые следы твоей и чужой жизни. Ты о них думаешь. Хотел бы смыть эти следы – да не смоешь. Это ведь память. Не смывай ее, не теряй связь с прошлым, Человек».*

1. Бяляева, Н. Р. Персанальная гісторыя як новы "паварот"? Разважанні на палях адной біяграфіі / Н. Р. Бяляева. – М. : Беларускі гістарычны часопіс, 2019. – № 5 (238). – С. 24–29 ; Памяць і слава: Першы рэктар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта – Уладзімір Іванавіч Пічэта / склад.: С. М. Ходзін, М. Ф. Шумейка, А. А. Яноўскі ; рэдкал.: С. У. Абламейка (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ. – 2011. і інш.
2. Царюк Ираида. От родного порога / под ред. С. Н. Ходина. – Минск : БГУ, 2011. – 168 с. ; Царюк Ираида. Крутые дороги: Сергею Притыцкому посвящается / Ираида Царюк. Сохранено в: Вид документа: Книги. Автор: Царюк, И.О. (род. 1928). Опубликовано: Минск : Рифтур, 2012.

Литвинова Т. Ф.

ПЕСНИ О ГОРОДЕ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЛОКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Как отметил М. Алексеевский, классик музыкальной географии Сара Коэн убедительно показала, что музыка не только отражает социальные, экономические, политические, материальные реалии того места, где она была создана, но и «конструирует это место», становится своеобразным маркером локальной идентичности не только авторов, но и слушателей. Музыка как концептуальная и символическая практика может через коллективную и индивидуальную интерпретацию конструировать образ места: слова формируют устойчивые представления об определенном объекте, а музыкальные инструменты или мелодии отсылают к локальным культурным символам [1, с. 291].

В полной мере это можно отнести к песенному творчеству, которое в современной культурологии рассматривается как факт искусства, культуры, социума. Однако украинскими специалистами песни практически не включаются в корпус источников по изучению локальной, городской культуры, несмотря на то что в рамках культурной и музыкальной географии они рассматривается как форма выражения или конструирования локальной идентичности. Сочетание музыки, текста, исполнения делают песню довольно эффективным механизмом закрепления в сознании определенных образов, знаков, символов, метафор, раскрывая также ценностные ориентиры жителей того или иного населенного пункта, личностное восприятие окружающей действительности.

Особенно это касается патриотической песни, которая получила развитие в СССР с 1920-х гг. К этой же категории относят и песни о городах, которые были призваны воспитывать локальный патриотизм. Как отметил М. Лурье, уже с 1950-х гг. написание «городских песен» поощрялось властями, начали издаваться сборники, например, «Песни о Одессе», «Легендарной Севастополь» и др. [5, с. 41]. В 1956 г. такое издание, подготовленное к Всесоюзному фестивалю молодежи [9], появилось и в Днепропетровске. Именно здесь была напечатана и, думаю, первая песня «Днепропетровский вальс» (муз. А. Мунтяна, сл. В. Прокопенко). Со временем появятся и другие подобные сборники [3; 4; 8].

Начиная с 1956 г., пока удалось обнаружить около 50 песен о Днепропетровске советского периода. Они печатались в городских, региональных и центральных украинских изданиях. К написанию песен приобщались как местные, так и известные на всю страну авторы – П. Майборода, Г. Мовсесян, А. Фельцман, И. Шамо, Г. Рождественский, М. Ткач и др. Песни звучали на украинском и русском языках – «Днепропетровский вальс», «Днепропетровская лирическая», «Пісня про рідне місто», «Рідне місто моє», «Місто квітуче моє» и др. К 200-летнему юбилею Днепропетровска в 1976 г. был написан целый ряд песен как на украинском, так и на русском языках. Такая языковая ситуация сохраняется до сегодняшнего дня.

В советское время городские песни исполнялись во время различных торжеств, многие из них могли не иметь студийных записей, их звуковое воспроизведение не сохранилось. Некоторые песни, вероятно, публика могла услышать один-два раза, очевидно, и из-за невысокого качества. Поэтому трудно определить количество песен, насколько они были известны широкой публике, отвечали идеологии локального патриотизма и влияли на формирование локальной идентичности. Соответственно, это не могло способствовать и исследованиям специфики бытования городской песни. К сожалению, ситуация не слишком изменилась и в наше время – эпоху бурного развития средств массовой информации и увеличения возможностей для тиражирования. Вместе с тем, сохранившиеся тексты, а также некоторые аудиозаписи позволяют использовать этот материал для изучения городской культуры.

Одна из песен не только получила широкое звучание, но и превратилась в неофициальный гимн города. Под эту песню уезжали и приезжали поезда на центральный вокзал, она звучала во время официальных и неофициальных торжеств, исполнялась различными певцами и коллективами. 12 сентября 2012 г. городской совет утвердил песню Г. Мовсесяна и Р. Рождественского «Днепропетровск – мой дом родной» официальным гимном города, которым открывались сессии городского совета. В 2014 г. депутаты горсовета утвердили новую редакцию гимна, высказав надежду на перевод текста на украинский язык, или на создание совсем нового [2]. Но, как показывает выборочный опрос, и сегодня именно эта песня остается самой известной среди горожан.

В постсоветское время влияние государства на создание и популяризацию песен о городах уменьшилось, но возросла роль местных как профессиональных авторов, так и любителей, возможность публиковать, делать аудиозаписи, снимать клипы, распространять собственные произведения через интернет-сеть. Заказчиками песен стали местная городская и областная власть, представители разных социальных групп, что не могло не привести к стилевому, жанрового, содержательному разнообразию. Правда, не исчезли и типичные жанровые приемы, и образные каноны предыдущего времени.

Значительная часть песен представляет собой не столько рассказ о городе, сколько авторские индивидуальные переживания, суждения героев, ностальгические воспоминания о детстве,

юности, лучших моментах жизни, друзьях, что в определенной степени зависит от культурных ориентаций, принадлежности к определенной социальной группе, от социокультурного контекста, институций, стимулирующих и направляющих песенное творчество. Так, для того, чтобы найти как можно больше песен, прославляющих Днепр и дать толчок для их популяризации, в 2018 г. был проведен песенный конкурс, организатором которого стал Днепровский городской совет [7].

Жюри конкурса получило большое количество заявок, что превзошло все ожидания. Организаторы считали, что проведение конкурса должно завершиться созданием нового гимна, который выберут люди. Анализ произведений-победителей, прозвучавших на гала-концерте, с очевидностью показал, что часть песен создавалась «на злобу дня», «в угоду», с претензией написать новый гимн, стать победителем (кстати, такой же подход заметен и в «юбилейных» песнях 1970-х гг.), что важно учитывать при источниковедческом анализе. Но, несмотря на многочисленные претензии авторов создать новый гимн, вряд ли кому-то это удалось, о чем свидетельствует и разноголосица комментариев под клипами песен в youtube. Вместе с тем, как конкурсные, так и другие песни, появившиеся в постсоветский период, существенно дополняют корпус источников для изучения городской культуры.

М. Л. Лурье, анализируя советские песни о городах, констатировал, что урбанистические атрибуты – шумные улицы, фабрики, заводы, быстрый ритм жизни, внутренние строение города (дома, улицы, площади) – довольно редкие элементы в таких произведениях. То есть, песенный текст будто размывает городские границы (например, песня об Одессе «Край мой, родная сторона»). Более того, город не описывается подробно, а включается в контекст природного пространства, с которым он связан (например, Севастополь – бурные черноморские волны) [5, с. 43–44]. К тому же в результате нанизывания шаблонных характеристик часто получается такой образ, который не позволяет узнать, о каком городе идет речь [6, с. 217]. Анализ целого ряда песен, посвященных городам Украины, подтверждает такие наблюдения. Например, в песне о Харькове (муз. Г. Пугачева), которую прекрасно исполнила знаменитая харьковчанка Л. Гурченко, вполне можно подставить и Киев, и Ровно, и Овруч.

Однако этого не скажешь о Днепропетровске /Днепре. В большинстве песен как советского периода, так и современных присутствует четко выраженный урбанистический код, причем фигурируют не только абстрактные реалии (заводы, улицы, парки, небоскребы, мосты), а вполне зримые, связанные именно с этим городом. Знаковыми становятся образы площадей, улиц, монументов, памятников архитектуры. Это касается не только песен в стиле рэп, для которого характерно значительное внимание к пространству, но и лирических песен. Например, у разных авторов можно увидеть такие знаковые для днепрян реалии, как проспекты Гагарина, Карла Маркса, Кирова, Пушкина, улица Шмидта, парки Шевченко и Чкалова, рынок «Озерка», памятник Славы, Набережная, районы города Солнечный, Парус, Левобережный, 12 квартал, конкретные объекты – «Танк», карусель возле Центрального универмага, на месте которой когда-то был фонтан, Старый и Новый мосты, острова Комсомольский и Шефский, услышать гудок Петровки и т. д. Некоторые географические, территориальные, архитектурные ипостаси городского пространства, иногда наделяются аксиологическим содержанием, включают в себя особую мифологию – «купола Преображенские», памятник Славы и др.

Иногда урбанистический код подменяется кодом природным, ландшафтным – река, степь, осень, весна, холмы (город на трех холмах), «Днепровских круч зеленые холмы», яблони, акации, тополя и т. п. Ключевым стал образ реки. Поэтому Днепр, так или иначе, присутствует в большинстве песен не просто как «свой», а как «родной»: город – сын Днепра, Днепр на Днепре (Сергей Бойко, 2018), «Город и река / Вместе на века / С именем одним / Днепр!» (сл. Г. Гельфер, и Е. Гендина, муз. М. Некрич, 2018) и др.

Отношение горожан к городу воплощается в прилагательных «любимый», «родной», «самый лучший», «славный», «бессмертный», «дорогой», город «гордый», «могущественный», «неповторимы» и т. п., в выражениях: «лучший город для жизни», «город красавец», «мой эдем», город, который имеет крылья, «город-герой», «город-труженик», город, полный множества идей и т. п. Правда, такие определения можно приложить к любому городу. Но во многих песнях подчеркивается и уникальность города – город чугуна и стали, Днепр – космическая гордость Украины: «Дніпропетровськ гартує сталь, і це з його землі / Стартують в зоряний кришталь космічні кораблі» («Дніпропетровські зорі, муз. Ю. Кутепова, сл. Ю. Лигун). Представление о городе как о сердце Украины и одновременно как о форпосте государства, городе-герое, который его защитил, стало довольно распространенным лейтмотивом песен последних лет.

Стоит напомнить, что песня – это наиболее клишированный жанр, самой своей природой и ритмикой задающий возвышенно-лирический тон. Однако в песнях о Днепре, написанных в последнее время, особенно в произведениях альтернативной культуры, можно найти неоднозначные характеристики, услышать критические нотки, город «задает нам сложные задачи», имеет свои недостатки – плохие дороги, недостроенное метро («Днепропетровск – наш город непростой» и др.), «город вперемешку нищеты и роскоши» (Днепропетровск, «Потап и Настя»). Но сквозным мотивом

стала вера в будущее города: Днепр – город, стремящийся в будущее, «в будущее откроем дверь», «в лучшее мы все сегодня верим», «в грядущее стремительно летит», «завтрашний, уверенный. открытый». История же города проявляется в именах – Екатерина II, с которой связывается его рождение, А. Поль, А. Матросов, иногда в упоминаниях о казацком прошлом: казацкий край, казацкая сабля, мы – потомки казаков и о Второй мировой войне.

Разумеется, этот город – «наш общий дом», он стал «однією для всіх сім'єю», объединяющей рабочих, студентов, предпринимателей, братву. В Днепре живут «люди сильные, люди дружные», самые красивые в мире девушки, мужественные парни, которые в любой момент готовы встать на защиту державы. Многонациональность города подчеркивает мелодика многих современных песен, где слышатся интонации еврейской, украинской, восточной музыки.

Днепр, «не первый ты, но и не второй» неоднократно заявляют разные авторы. Понятно, подобные «претензии» можно встретить и у одесситов, львовян, харьковчан и т. п. Однако важно, что эта метафора закрепилась в сознании горожан Днепра. Так же, как и «Днепр – сердце Украины», «форпост державы», «космическая столица», «деловая столица», которые составляют метафорическую картину города, что подтверждают и многочисленные комментарии под клипами песен, которые имеют десятки, а иногда и сотни тысяч просмотров. Это позволяет посмотреть на песни Днепра как на информативный комплекс для изучения городской культуры, эволюции топонимики, формирования локального патриотизма и локальной идентичности.

1. Алексеевский, М. Музыка нашего города. Версия 2.0 [Электронный ресурс] / М. Алексеевский // Антропологический форум. – 2011. – № 15. – С. 288–326. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/muzyka-nashego-goroda-versiya-2–0/viewer.
2. Выхристенко, К. Официальный гимн Днепропетровска исполнят дети / К. Выхристенко. – Режим доступа: https://gorod.dp.ua/news/94501.
3. Городские песни: 24 песни И. Лоткина о Днепропетровске и его людях. – 2-е изд. – Днепропетровск, 2005. – 51 с.
4. Кутєпов, Ю. В. Рідний край – Дніпроперовщина: пісні з нотами / Ю. В. Кутепов. – Дніпропетровськ, 2006. – 76 с.
5. Лурье, М. Л. URBS ET TERRA. Поэтика локального патриотизма в песнях о городе / М. Л. Лурье // Литературные явления и культурные контексты : материалы Коллоквиума молодых ученых-гуманитариев Санкт-Петербурга и Даугавпилса. – Санкт-Петербург, 2005. – С. 42–50.
6. Лурье, М. Л. Образ города в советской лирической песне / М. Л. Лурье // Образ России в научном, художественном и политическом дискурсах (история. теория, педагогическая практика) : материалы научной конференции, 4–7 сентября 2000 г. – Петрозаводск, 2001. – С. 214–225.
7. Пісні про Дніпро". – Режим доступа: http://pisniprodnipro.dp.ua/ru/obrashhenie-orgkomiteta-konkursa-pesni-o-dnepre/.
8. Рідне місто моє / упор. В. В. Слобода. – Дніпропетровськ, 2006. – 276 с.
9. Фестивальна збірка пісень композиторів Дніпропетровщини. Співає молодь. – Дніпропетровськ, 1956.

Журба О. И.

ПУТЕВОДИТЕЛИ ПО ДНЕПРОПЕТРОВСКУ ПОЗДНЕГО СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ: ВИЗУАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ САМОРЕПРЕЗЕНТАЦИИ ГОРОДА

Путеводители по городу как комплексный источник имеют особое значение для исследования механизмов саморепрезентации современного городского пространства. Сама их природа связана с демонстрацией города в привлекательном свете, с мобилизацией горожан вокруг значимых городских символов. Путеводители призваны не только информировать, но и формировать осознание самоценности и уникальности родного социума с его мифами, героями, местами памяти, чувством регионального патриотизма.

Именно поэтому, путеводители могут быть вписаны в различные дисциплинарные и проблемно-тематические контексты современной гуманитаристики, все активнее становясь предметом специального рассмотрения [3].

Научная обработка путеводителей по Днепропетровску только начинается и имеет свои особенности. Прежде всего, они появились довольно поздно. Выявлено 11 позиций за 1959–1985 гг. [4 – 14]. Наличие такого количества на коротком временном отрезке позволяет говорить о становлении в позднее советское время региональной традиции саморепрезентации, а также о взрывном характере общественного и властного запросов на туристическую и познавательную привлекательность города.

Еще одной особенностью была целевая аудитория путеводителей, которые были ориентированы исключительно на внутреннего потребителя, то есть на жителей самого города и на их советских соотечественников. Официальный статус Днепропетровска как закрытого города, просуществовавший до 1989 г., накладывал на содержание, структуру, авторскую стратегию, стилистику путеводителей серьезные внешние и внутренние ограничения. Например, образ города как «ракетной, космической столицы» СССР, а позднее Украины, столь популярный с конца XX в., в советских путеводителях не отразился вовсе.

Привлечение путеводителей к формированию духовно-культурного ландшафта города имело свою предысторию. Их предшественниками были информационно-справочные издания второй половины XIX – начала XX в., проблемно-тематическая эволюция которых началась с официального обзора административных структур в «Памятной книжке Екатеринославской губернии» за 1860 г. и завершилась демонстрацией широких возможностей региона в справочниках, изданных накануне Первой мировой войны, не без основания претендовавших на статус своеобразных региональных энциклопедий.

До середины 1980-х гг. в условиях эмбрионального уровня научной разработки истории Екатеринослава и Южной Украины в целом, дореволюционные справочники становились одним из основных источников и образцов для советских путеводителей.

Написание путеводителей оказалось делом преимущественно коллективным: из 11 изданий абсолютное большинство (9) выпущены в соавторстве. Среди авторов заслуженное первенство занимал тандем многолетнего директора Днепропетровского историчного музея А. Ф. Ватченко и её заместителя Г. И. Шевченко. Именно под их руководством в 1960 – 1970-х гг. музей стал признанным центром популяризации истории региона.

О значимости путеводителей свидетельствовал их тираж в 380 000 экземпляров, что демонстрировало как рост мощностей местного книгопечатания, так и высокий общественный запрос на историческое знание, заботу власти о «правильном» массовом восприятии локальной истории, о готовности позиционировать город как значимый туристический и историко-культурный объект. Днепропетровские путеводители активно включались в создание новой городской исторической культуры как важного сегмента духовно-культурного ландшафта [2]. Здесь им принадлежала особая миссия синтезирования городской истории. До конца 1980-х гг., когда история города начала осваиваться как значимая проблематика университетскими учеными, картины городского прошлого приобретали целостность на страницах путеводителей.

Языковый режим характеризовался двуязычием с тенденцией увеличения доли русского языка. На украинском было напечатано 4 книги тиражом 86 000, а на русском – 7 в количестве 294 000. Причем, все четыре украиноязычных издания приходились на 1959–1967 гг. А с 1969 г. публикации выходили только на русском.

Динамичными оказались и изобразительные стратегии путеводителей. Они могут быть понятны сквозь оптику визуальной истории [1]. Сами изображения могут быть разделены на заглавные и иллюстрации, а также на фотографии и изображения, выполненные в различных художественных техниках. В центре моего внимания – приемы саморепрезентации города, отразившиеся в оформлении титульных листов и фронтисписов путеводителей. Тут формировалась визуальная семантика города, что отображалось в интенсивном поиске объектов, которые ярко и выразительно представляли бы городскую историю, настоящее и идеалы будущего.

Несмотря на избитые стереотипы относительно тотальной заидеологизированности советской культуры, знаки и символы Днепропетровска демонстрировали идеологическую сдержанность, понимание составителями неразрывности и целостности городской истории. Снесенные в 2014–2016 гг. памятники В. И. Ленину и Г. И. Петровскому, занимали в поздних советских репрезентациях абсолютно маргинальное место. Так, скульптура Ленина представлена лишь дважды: или как фрагмент архитектурного ансамбля, или как центральная часть многофигурной гравюры. Причем, обращение к образу вождя во многом было запрограммировано временем выхода изданий, так как в 1967 г. в СССР отмечалось 50-летие Великой Октябрьской социалистической революции, а на 1976 г. пришелся 200-летний юбилей самого Днепропетровска. Интересно, что на титульном листе и фронтисписе путеводителя, вышедший 1970 г. в 100-летний юбилей В. И. Ленина его изображение отсутствуют вовсе.

Подавляющее большинство изображений представляли городской ландшафт и архитектуру. Ландшафтные зоны превалировали в ранних путеводителях (1959–1967). Они представлены зимним и летним видами центрального проспекта К. Маркса, причем оба с изображением автомобиля «Волга», который, видимо, должен был подчеркивать динамизм и современный характер городского образа жизни [4, 6]. Заставка издания 1966 г. отображала цветущую аллею парка им. В. Чкалова [5].

В одном из двух путеводителей 1967 г. на титульном развороте отдельно друг от друга представлены три значимые для днепропетровцев памятника, которые были способны создать символическую цепь непрерывности городской истории: одно из старейших городских сооружений – Преображенский собор, построенный в 1835 г., бюст А. С. Пушкина, поставленный к 100-летию поэта и танк, символизирующий освобождение города от фашистских захватчиков [8].

В изображениях двух следующих изданий доминировала тема народного подвига в годы Великой Отечественной войны. Но, если в путеводителе 1970 г. представлен открытый в 1967 г. Монумент Славы, то в следующем (1974 г.) уже помещена сложная композиция из нескольких памятников героям войны, центральное место среди которых занимал все тот же Монумент Славы [10; 11].

Самой сложной с точки зрения композиции, художественного исполнения и смыслового наполнения следует признать фронтиспис путеводителя, изданного к 200-летию города в 1976 г. [12]. Автор сложного многофигурного графического коллажа, пытаясь втиснуть в свое произведение побольше символических сооружений и ландшафтов, демонстрировал растерянность относительно однозначного решения вопроса о выборе визуального символа города. Однако, именно такой подход позволил наиболее полно очертить репертуар претендентов на это почетное звание. Среди них – с левой стороны: река Днепр с ажурным Мерефо-Херсонским мостом, металлургический завод им. Г. И. Петровского, классический Преображенский собор, гостиница «Украина», контуры первого высшего учебного заведения города – Горного института и железнодорожного вокзала. С правой стороны композиции – символы современного динамичного города: только что построенные оперный театр (1974), крупнейшая в Европе Диорама «Битва за Днепр» (1975), очертания первого в Украине 29-этажного небоскреба и новых жилых массивов. Композиционным центром гравюры, связывающим эклектичный изобразительный ряд, стал памятник В. И. Ленину, который был представлен как абсолютно доминирующая фигура. Здесь впервые в изобразительных заставках можно увидеть откровенную идеологическую инструментализацию визуального исторического материала. Между тем, не стоит забывать и о другой локальной семантике ленинского монумента. Его открытием в 1957 г. завершилось восстановление из руин центральной площади, и этот памятник воспринимался тогда не только как идеологический символ, но и как знак окончательного заживления тяжелых военных ран.

Одновременно, смысловое наполнение юбилейной гравюры в путеводителе 1976 г. было значительно глубже и интереснее, чем обнаруживаемая при поверхностном прочтении конкуренция за право быть визитной карточкой Днепропетровска. Прежде всего, привлекает внимание, что композиция полностью лишена милиарных составляющих (если таковой не считать здание диорамы «Битва за Днепр»), которая встречается в предыдущих путеводителях как символ городского пространства. Во-вторых, знаки и символы города равномерно расположены хронологически, с середины XIX в. до современности, демонстрируя понимание целостности и непрерывности городской истории от имперских к советским временам. В-третьих, среди символов города нет отсылок к периоду Екатерины II. В-четвертых, в путеводителе 1976 г. появился выразительный символ украинского Екатеринослава-Днепропетровска – дом Хренникова, построенный в псевдонародном стиле. И последнее, заставочная гравюра отчетливо манифестировала устремления города в будущее, стремление к таким динамических изменений, которые бы опирались не только на готовность продолжать региональные традиции, но и на современные научные, индустриальные, духовно-культурные достижения.

Конечно, проблема выявления механизмов саморепрезентации города на страницах днепропетровских путеводителей не ограничивается исследованием особенностей визуализации. Дальнейшее ее раскрытие будет направлено на выявление знаков, символов, метафор городского пространства, закодированных в текстах и изображениях этих комплексных источников.

1. Вишленкова, Е. А. Визуальное народоведение империи, или «увидеть русского дано не каждому» / Е. А. Вишленкова. – М. : НЛО, 2011. – 384 с.
2. Журба, О. І. Історична культура Катеринославщини та особливості формування історичної пам'яті регіону / О. І. Журба // Харківський історіографічний збірник. – 2016. – Вип. 15. – С. 163–173.
3. Шенк, Ф. Б. Репрезентации пространства и ментальніе карты / Ф. Б. Шенк // Поезд в современность. Мобильность и социальное пространство России в век железных дорог / Ф. Б. Шенк. – М. : НЛО, 2016. – С. 183–231.
4. Дніпропетровськ. Довідник-путівник / А. Ф. Ватченко [та ін.]. – Дніпропетровськ : Дніпропетровське кн. вид-во, 1959. – 302 с.
5. Дніпропетровськ. Серія «Обласні міста України» / Г. А. Мартиненко. – К. : Мистецтво, 1966. – 95 с.
6. Днепропетровск. Краткий путеводитель / А. Ф. Ватченко [та ін.]. – Днепропетровск : Промінь, 1966. – 249 с.
7. Вулиці і площі Дніпропетровська / за ред. Г. І. Шевченка. – Дніпропетровськ : Промінь, 1967. – 150 с.
8. Визначні місця Дніпропетровщини / Г. Ф. Ватченко [та ін.]. – Дніпропетровськ : Промінь, 1967. – 195 с.
9. Страницы каменной книги. 60 памятных мест Днепропетровска / М. Шатров. – Днепропетровск : Промінь, 1969. – 238 с.
10. Ватченко, А. Ф. Днепропетровск. Путеводитель-справочник / А. Ф. Ватченко, Г. И. Шевченко. – Днепропетровск : Промінь, 1970. – 208 с.
11. Ватченко, А. Ф. Днепропетровск. Путеводитель-справочник / А. Ф. Ватченко, Г. И. Шевченко. – Днепропетровск : Промінь, 1974. – 247 с.
12. Ватченко, А. Ф. Днепропетровск. Путеводитель-справочник / А. Ф. Ватченко, Г. И. Шевченко. – 2-е изд. – Днепропетровск : Промінь, 1976. – 263 с.
13. Ватченко, А. Ф. Днепропетровск. Справочник-путеводитель / А. Ф. Ватченко, Г. И. Шевченко. – 3-е изд. – Днепропетровск : Промінь, 1979. – 246 с.
14. Белич, В. Я. Днепропетровск. Путеводитель-справочник / В. Я. Белич, С. Г. Сумина. – Днепропетровск : Промінь, 1985. – 223 с.

Ковальков А. Л.

ДОКУМЕНТЫ АДМИНИСТРАЦИИ ПРЕЗИДЕНТА США ДЖ. КАРТЕРА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ АФГАНСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Главной проблемой изучения афганской проблемы в общем и политики СССР в Афганистане в 1979–1991 гг. в частности остается ограниченность источниковой базы. Лишь небольшая часть документов опубликована [см. 2], с отдельными источниками можно ознакомиться на сайтах электронных архивов, в том числе американских [3; 5; 6]. Исходя из этого, важным исследовательским ресурсом могут стать документы внешнеполитического и разведывательного ведомств США. Часть их была введена в научный оборот в 1997 г. [3].

В 2018 г. в США был опубликован XII том «Международных отношений Соединенных Штатов Америки», посвященный афганскому направлению внешней политики Администрации 39-го Президента США Дж. Картера (1977–1981). Полнотекстовая и интерактивная версия издания доступны на сайте «Офис историка» Института дипломатической службы государственного департамента США [5].

Сборник включает 346 документов, которые охватывают сложный период в истории Афганистана, когда эта страна из маргинального субъекта международных отношений превратилась в эпицентр «холодной войны». Период с марта 1977 по 26 апреля 1978 гг. представлен лишь семью документами. Это свидетельствует о том, что Афганистан тогда мало интересовал США. Начиная же с сообщения Госдепартамента от 27 апреля 1978 г. «Афганский мятеж» (док. № 8) и до января 1981 г. внимание Белого дома и внешнеполитического ведомства, различных служб и ведомств, экспертов и аналитиков было приковано к событиям в Демократической республике Афганистан и вокруг нее. Документы отображают не только отношения между США и ДРА, но и с Советским Союзом, Пакистаном, Саудовской Аравией, Китаем, странами Западной Европы, а также развитие ДРА после Апрельского (Саурского) переворота 1978 г., политику СССР в Афганистане как до, так и после советского декабрьского вторжения 1979 г.

Документы в сборнике представляют различные службы и ведомства США. Часть их имеет «президентское» происхождение. Среди них отрывки из «Ежедневного президентского резюме» (док. № 41, 106, 120, 129, 143, 162, 165, 179, 192, 213, 224, 239, 343). Важной является переписка (док. № 16, 23, 159) и запись телефонных переговоров (док. № 11) Дж. Картера с Президентом Пакистана М. Зией-уль-Хаком, Генеральным Секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым (док. № 113, 114), лидером Национального фронта освобождения Афганистана С. Моджаддеди (док. № 335). Не менее ценны записи переговоров Дж. Картера (вместе с Госсекретарем С. Венсом и советником Президента по национальной безопасности З. Бжезинским) и министра иностранных дел Пакистана Ага Шахи (док. № 163), Президента (с Госсекретарем Э. Маски и З. Бжезинским) и Председателя ЦК КПК Хуа Гофена (док. № 301), а также Картера (с Бжезинским) и Зией-уль-Хака (док. № 326). Заслуживают внимания меморандумы, адресованные Президенту З. Бжезинским (док. № 20, 97, 115, 127, 134, 140, 152, 197, 243), Директором ЦРУ С. Тернером (док. № 297, 328) и другими чиновниками.

З. Бжезинский, который во многом определял внешнюю политику Администрации Картера, часто фигурирует как автор или адресат меморандумов. Кроме адресованных Президенту, это меморандумы Госсекретарям С. Венсу (док. № 15, 43, 73, 128, 229) и Э. Маски (док. № 341), вице-президенту У. Мондейлу, секретарю обороны Г. Брауну (док. № 136). Многочисленны меморандумы З. Бжезинскому от членов Совета Национальной Безопасности (СНБ) США, в которых обсуждались разные аспекты внешней политики. Это меморандумы Т. Торнтона (док. № 12, 29, 35, 55, 64, 122, 212, 268, 283, 291, 304), М Бремента (док. № 61, 91, 112, 132, 137, 154, 164, 180, 258), С. Ларраби (док. № 121, 131), П. Хенца (док. № 37), В. Одома (док. № 199), Г. Сика (док. № 209), Р. Блеквила (док. № 109) и др. Чрезвычайно информативна служебная переписка З. Бжезинского с С. Тернером (док. № 51, 80, 168, 173, 183, 200, 214, 219, 227, 259, 279, 336).

Госдепартамет также представлен различными документами. К уже упомянутым меморандумам З. Бжезинского его руководителям добавим письмо советника Госсекретаря по отношениям с СССР М. Шульмана С. Венсу (док. № 70). Особого внимания заслуживает переписка С. Венса (док. № 202, 211) и Э. Маски (док. № 284, 393) с министром иностранных дел СССР А. А. Громыко. Особое место занимает переписка с американскими посольствами в разных странах. Наиболее многочисленны телеграммы из Вашингтона в Кабул и обратно (док. № 17, 22, 26, 27, 28, 33, 36, 60, 63, 65, 68 72, 74, 75, 78, 82, 90, 94, 98, 99, 100, 108, 110, 116, 169, 177, 203, 253, 334, 346). Не менее важна переписка с американскими посольствами в Москве (док. № 14, 31, 46, 49, 79, 96, 101, 123, 181, 186, 196, 204, 210, 222, 230, 237, 275, 277, 306, 307) и Исламабаде (док. № 18, 21, 30, 42, 104, 142, 145, 171, 263, 274, 310, 333, 338, 345).

Немалую ценность представляют записи переговоров американских дипломатов и чиновников с миссиями разных стран. Кроме упомянутых выше, это переговоры У. Мондейла с премьер-министром Франции Р. Барром и министром иностранных дел Ж. -Ф. Понсе (док. № 265), С. Венса с послом СССР в США А. Ф. Добрыниным (док. № 225), Э. Маски с А. А. Громыко (док. № 290) и тем же А. Ф. Добрыниным (док. № 290). Заслуживают внимания протоколы встреч З. Бжезинского с пакистанским послом в США Султаном Ханом (док. № 144), Г. Брауна с вице-премьером КНР Ген Бяо (док. № 149) и Ден Сяопином (док. № 150), З. Бжезинского и заместителя Госсекретаря У. Кристофера с М. Зией-уль-Хаком (док. № 193), саудовским принцем Саудом (док. № 194) и коронным принцем Фахдом (док. № 195), У. Кристофера с послами ФРГ, Франции, Великобритании, Канады, Италии и Японии (док. № 240), З. Бжезинского с А. Ф. Добрыниным (док. № 235, 302).

Отличаются содержательностью документы, подготовленные Бюро разведки и исследований, информационным управлением Госдепартамента США. Это меморандумы руководителей Бюро Д. Марка (док. № 88, 117) и Р. Спирса (док. № 225, 244, 254, 267) Госсекретарю и его заместителям, «Аналитические документы» (док № 215), «Отчеты» (док № № 282, 314), «Текущие аналитические отчеты» (док. № 332).

Ситуация вокруг Афганистана была предметом пристального внимания министерства обороны и ЦРУ. В кабинетах Пентагона рождены «Оценки разведки» (док. № 93), «Сводные данные разведки» (док. № 93), «Информационные сообщения» (док. № 325). Афганская проблема особенно беспокоила ЦРУ. Кроме упомянутых выше меморандумов С. Тернера, сборник содержит большое количество как информационных, так и аналитических документов этого ведомства. Это выдержки из «Национальной ежедневной газеты разведки», (док. № 92, 155, 157, 166, 170, 184, 188, 313, 331), меморандумы ЦРУ (док. № 47, 77, 85, 153, 233, 262, 288, 309, 324), «Разведывательные меморандумы» (док. № 13, 125, 148, 245, 247, 280, 295, 312), «Предупреждающие меморандумы» (док. № 62, 89), «Межведомственные разведывательные меморандумы» (док. № 24, 67, 323), «Отчеты» (док. № 59), «Разведывательные информационные сообщения» (док. № 19, 40, 52, 69, 84, 118, 138, 178, 182, 205, 206, 232, 278), «Оценки разведки» (док. № 32, 124, 147, 157, 158, 167, 189, 231, 294, 300), «Аналитические документы» и «Специальные аналитические документы» (док. № 39, 45, 50, 54, 119, 248, 256, 261, 266, 296, 316) и другие разрозненные документы (док. № № 83, 161, 191, 201, 246, 342).

Заслуживают внимания исследователя протоколы и резюме заседаний СНБ (док. № 135, 238), Координационного комитета (док. № 48, 53, 76, 95, 107, 130, 172, 198, 220, 228, 236, 257, 271), Комитета по обзору политики (док. № 281, 303), Президентской ревизионной комиссии (док. № 102, 103).

Документы, которые охватывают период от Апрельского переворота 1978 г. в Кабуле до советской интервенции в декабре 1979 г. позволяют проследить эволюцию политики Белого дома по отношению к новому кабульскому режиму. Очевидными являются сомнения и выжидательная позиция, нежелание сворачивать свое присутствие в Афганистане и отдавать эту страну «на откуп Москве». Инцидент с американским послом в ДРА А. Дабсом 14 февраля 1979 г., а также усиление там советского присутствия (эти эпизоды детально отображены в документах) окончательно склонили Администрацию Дж. Картера к более активной поддержке афганской оппозиции. Документы свидетельствуют об осторожности и робости помощи повстанцам, сложности в поисках маршрутов поставок и преимущественно немилитарный их характер в эти годы. Сложный поиск баланса между законодательно обусловленными ограничениями в связи с пакистанской «ядерной программой» и необходимость сотрудничества с Исламабадом в афганском вопросе, попытки склонить к этому Саудовскую Аравию и Китай детально отображены на страницах сборника.

Советска интервенция в ДРА вызвала огромный интерес различных служб и ведомств США. Ввод войск, операция «Шторм-333» и насильственная смена сласти в Кабуле, реакция афганцев на эти события детально воссозданы в документах американского посольства в ДРА и в сводках ЦРУ. Многие аналитические документы посвящены поискам мотивов действий Кремля, тактическим и стратегическим прогнозам их последствий. Это, с одной стороны, существенно дополняет ограниченные советские источники, а с другой – объясняет неприятие Белым домом советской версии событий. Документы иллюстрируют американскую и международную реакцию на советскую агрессию в Афганистане, дискуссии касательно антисоветских санкций, складывание антисоветской коалиции («консорциума» в определении Дж. Картера) с участием стран НАТО, Пакистана, КНР, Саудовской Аравии, Египта. Взяв за основу формулу З. Бжезинского о программе-максимум (полный вывод советских войск из ДРА и «нейтрализация» Афганистана) и программе-минимум (сделать советскую авантюру Москвы как можно более дорогостоящей), США кардинально пересмотрели «Программу скрытых действий» по поддержке оппозиции. Имел место переход от невоенных (гуманитарных, финансовых, пропагандистских) форм помощи к поставкам вооружения. Документы отображают номенклатуру поставок, их объемы и маршруты и окончательно опровергают устоявшееся мнение, что США с самого начала поставляли моджахедам новейшие оружие. Документы

свидетельствуют, что в первые годы американцы скупали на разных рынках устаревшее советское вооружение, чем вызывали недовольство как повстанцев, так и вовлеченных в Программу американцев. Меры Администрации Дж. Картера в этом вопросе выглядят ограниченными, непоследовательными и осторожными.

Суммируя сказанное, отметим, что XII том «Международных отношений Соединенных Штатов Америки» содержит разнообразные и ценные документы по истории афганского кризиса на его начальном этапе. Это особенно важно, учитывая ограниченность советских источников. Документы Администрации Дж. Картера способны существенно дополнить источниковую базу для изучения истории Афганистана, американо-афганских и советско-американских отношений, а также начала нового витка «холодной войны», спровоцированного советской интервенцией в Демократическую республику Афганистан.

1. Архив Национальной безопасности Университета Дж. Вашингтона. Афганистан. – Режим доступа: https://nsarchive.gwu.edu/rus/Afganistan.html.
2. Гроссман, А. С. Секретные документы из особых папок. Афганистан / А. С. Гроссман // Вопросы истории. – 1993. – № 3. – С. 3–33.
3. Позиция руководства США в связи с вводом советских войск в Афганистан в 1979 г. / предисловие Дж. Хершберга (США) // Новая и новейшая история. – 1997. – № 3. – С. 107–139.
4. Советский архив, собран Владимиром Буковским. 9. 2. Афганистан [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.bukovsky-archives.net/pdfs/afgh/afgh-rus.html.
5. Foreign Relations of the United States, 1977–1980. Volume XII. Afghanistan [Electronic resource] / ed. A. M. Howard [et al.] // United States Government Publishing Office – Washington : Department of state, 2018. – 909 p. – Mode of access: http//history.state.gov/historical-documents/frus1977–1980v12.
6. Wilson Center. Digital Archive. International History Declassified. Soviet Invasion of Afghanistan [Electronic resource]. – Mode of access: https://digitalarchive.wilsoncenter.org/collection/76/soviet-invasion-of-afghanistan.

Мацулевич Е. В.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В 1990-Х – НАЧАЛЕ 2000-Х ГГ. В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Фактор политической воли ведомственной элиты и политических лидеров при принятии внешнеполитических решений обуславливает актуальность изучения заявлений официальных лиц и документов с использованием дискурс-анализа. Кроме того, в условиях отсутствия утвержденной Концепции внешней политики Республики Беларусь, внешнеполитический дискурс официальных лиц позволяет реконструировать основные принципы и приоритеты взаимодействия Беларуси с другими странами и организациями. Цель данного исследования – проследить изменения в белорусском внешнеполитическом дискурсе в 1990-х – начале 2000-х гг., т. е. в период выработки основных направлений и принципов деятельности Республики Беларусь на международной арене.

С 1991 г. по 1994 г. главной задачей для Республики Беларусь являлось намерение получить международное признание молодого самостоятельного государства. В связи с этим решающую роль играл голос западных стран. Они, и особенно ведущая держава – Соединенные Штаты Америки (США), рассматривались белорусским руководством как «гарант нашей независимости», и именно с ними устанавливались первые контакты [9, с. 78, с. 229]. Как следствие, одной из задач стало намерение включить Беларусь в общеевропейский процесс. По этой причине, внешнеполитический дискурс белорусского руководства исходил с позиции готовности вписать Беларусь в рамки международных, западных, норм. Наиболее показателен текст «Договора между Республикой Беларусь и Республикой Польша о добрососедстве и дружелюбном сотрудничестве» от 23 июня 1992 г., в основу которого легли принципы «документов по европейскому сотрудничеству <…> уважение прав человека <…> принципов демократии» как «элементов европейского наследия», что в совокупности с целью обеспечивать «мирный порядок в Европе» подчеркивает проевропейский дискурс белорусской стороны [5, с. 73]. Аналогичные позиции прослеживаются в тексте «Договора между Республикой Беларусь и Федеративной Республикой Германия о развитии широкомасштабного сотрудничества в отрасли экономики, промышленности, науки и техники» от 2 апреля 1993 г., в основе которого лежат ссылки на руководство европейским международным законодательством и принципами европейской экономики, которые должны соблюдаться не только в белорусско-германских отношениях, но и в сотрудничестве Республики Беларусь с европейским сообществом в целом [1.1.6].

Несмотря на то, что с началом периода президентской республики (с 1994 г.) на передний план постепенно выходят контакты с Россией и Содружеством Независимых государств (СНГ), продолжили развиваться и двусторонние отношения со странами Запада. Сотрудничество строилось,

исходя из стремления к «эволюционной интеграции нашего государства в новую объединенную Европу» [13, с. 39].

Считается, что во второй половине 1990-х гг. начинает развиваться как стратегия внешней политики Республики Беларусь концепция многовекторности [14, с. 33]. Свои идейные истоки она берет из политического дискурса особого геополитического положения страны, который получил свое развитие уже в 1991 г., когда внешнеполитическая стратегия Беларуси строилась, исходя из тезиса об ее нахождении на перекрестке между Центральной и Восточной Европой [2]. В то же время, акценты на геополитическом положении Беларуси менялись в зависимости от потребностей внешнеполитической деятельности, опыта и атмосферы международных отношений. Анализ понимания белорусским руководством места республики в окружающем пространстве и использования понятий «Восток» и «Запад» во внешнеполитическом дискурсе позволяет реконструировать то, как менялась идейно-теоретическая база деятельности страны на международной арене, заменяющая официальную внешнеполитическую концепцию.

Опыт развития двусторонних и многосторонних отношений первых лет после независимости привел к переосмыслению понятий «Восток» и «Запад». Изначально под «Востоком» понимались страны Восточной Европы [2], которые выделялись наличием «своих собственных специфических дел, не похожих на дела таких европейских государств, как Германия, Великобритания, Франция, Россия, но вместе с тем достаточно важных для стабильности в Европе и для интеграционных процессов в регионе» [12, с. 137]. Однако под влиянием ухудшения отношений с европейцами активно начинает использоваться дискурс Беларуси как «моста» между Западом и Востоком в значении между Европой (без стран-бывших республик Советского Союза) и пространством СНГ. Так, во время критики Европейского Союза (ЕС), за то, что он пытается сделать процессы интеграции приемлемым явлением сугубо для западноевропейского региона, использовалась фраза «Получается так: интеграция на Западе – это очень хорошо, а интеграция на Востоке – это очень плохо» [3, с. 83]. В данном случаи под «интеграцией на Востоке» подразумевались процессы на пространстве СНГ и, в частности, белорусско-российская интеграция, что привязывает понятие «Восток» к этому региону.

В конце 1990-х гг. западный вектор внешней политики был назван «целиком проваленным» [1, с. 321]. Таким образом, к этому времени окончательно сформировалось два основных направления белорусской внешней политики: западное (США, ЕС, страны-члены Организации Североатлантического договора (НАТО), сторонники евроатлантизма) и восточное (СНГ). При этом Восточная Европа была исключена из понятия «Восток», т. к. процессы расширения НАТО и ЕС показали приверженность стран этого региона к западной, евроатлантистской, идеологии.

В связи с кризисом на западном направлении внешней политики белорусское руководство волновали экономические последствия [1, с. 322]. Отсюда – развитие идеи особого геополитического положения в идею позиционирования Беларуси как страны с особым экономическим фактором «исторического перекрестка торговых путей между Востоком и Западом» [7, с. 353]. При этом понятие «Восток» получило дальнейшее смысловое расширение и теперь стало включать в себя не только СНГ, но и азиатское пространство. «Запад» и «Восток» начинали использоваться для отделения стран евроатлантической направленности (в идеологическом плане) и западноевропейских (в географическом плане) от пространства СНГ и Азии. В соответствии с новым внешнеполитическим дискурсом Беларусь позиционировала себя как актор, который будет служить «мостом между Востоком и Западом», помогающим в т. ч. и европейцам открыть «для себя широкий путь на новые и очень емкие рынки» [11, с. 48; 13, с. 39].

По мере активизации цели получить экономическую отдачу от внешней политики в дискурс белорусского руководства в конце 1990-х гг. входит понятие «пояс добрососедства» [10, с. 216]. Одной из его составляющих было недозволение давать оценку внутриполитическим процессам другого суверенного государства [8, с. 270], по сути обозначая таким образом готовность Беларуси сотрудничать по вопросам экономического и социально-культурного характера с любыми партнерами. По этой причине в него вошли в т. ч. ЕС, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, НАТО, Совет Европы (СЕ), в целом европейцы [4, с. 437–438]. При существовании уже довольно развитого дискурса многовекторности внешней политики данное понятие представляло собой идейное обоснование на случай смены приоритетного вектора с восточного на западный так, чтобы минимизировать претензии от партнеров-стран СНГ.

Таким образом, в 1991–1994 гг., в период доминирования устремлений включить Беларусь в западноевропейское пространство, в заявлениях официальных лиц и текстах международных договоров использовался прозападный внешнеполитический дискурс, а понятия «Запад» и «Восток» подразумевали Западную и Центральную («Запад») и Восточную Европу («Восток»), а не Европу («Запад») и СНГ, а также азиатский регион («Восток»), как это стало пониматься в дальнейшем. Эта идея развивалась под влиянием ухудшения белорусско-европейских и белорусско-американских

отношений. Особое геополитическое положение использовалось как аргумент неприятия белорусским руководством процесса расширения НАТО и ЕС и легло в основу концепции многовекторности внешней политики Республики Беларусь. В условиях отсутствия официально закрепленной Концепции внешней политики идейные основы внешнеполитического дискурса позволяли гибко изменять аргументы своего поведения на международной арене.

1. Вытрымка з выступлення Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь А. Р. Лукашэнкі на Урачыстым сходзе, прысвечанным 55-годдзю вызвалення Беларусі ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў і Дню Незалежнасці // Знешняя палітыка Беларусі : зборнік дакументаў і матэрыялаў : у 10 т. / М-ва замеж. спраў Рэспублікі Беларусь, БДУ, БелНДІДАС ; рэдкал. : І. І. Антановіч (гал. рэд.) [і інш.], С. М. Мартынаў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 1997–2014. – Т. 8. – С. 321–322.
2. Вытрымка з выступлення прэзідэнта Рэспублікі Беларусь А. Р. Лукашэнкі з нагоды вызвалення Беларусі ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў з прапановай стварыць бяз'ядзерную прастору ў Цэнтральнай і Усходней Еўропе // Знешняя палітыка Беларусі : зборнік дакументаў і матэрыялаў : у 10 т. / М-ва замеж. спраў Рэспублікі Беларусь, БДУ, БелНДІДАС ; рэдкал. : І. І. Антановіч (гал. рэд.) [і інш.], С. М. Мартынаў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 1997–2014. – Т. 8. – С. 59–60.
3. Вытрымка з выступлення Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь А. Р. Лукашэнкі на І Усебеларускім сходзе // Знешняя палітыка Беларусі : зборнік дакументаў і матэрыялаў : у 10 т. / М-ва замеж. спраў Рэспублікі Беларусь, БДУ, БелНДІДАС ; рэдкал. : І. І. Антановіч (гал. рэд.) [і інш.], С. М. Мартынаў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 1997–2014. – Т. 8. – С. 81–85.
4. Вытрымка з Паслання Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь А. Р. Лукашэнкі Нацыянальнаму сходу Рэспублікі Беларусь // Знешняя палітыка Беларусі : зборнік дакументаў і матэрыялаў : у 10 т. / М-ва замеж. спраў Рэспублікі Беларусь, БДУ, БелНДІДАС ; рэдкал. : І. І. Антановіч (гал. рэд.) [і інш.], С. М. Мартынаў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 1997–2014. – Т. 8. – С. 436–438.
5. Дагавор паміж Рэспублікай Беларусь і Рэспублікай Польшча аб добрасуседстве і дружалюбным супрацоўніцтве // Знешняя палітыка Беларусі : зборнік дакументаў і матэрыялаў : у 10 т. / М-ва замеж. спраў Рэспублікі Беларусь, БДУ, БелНДІДАС ; рэдкал. : І. І. Антановіч (гал. рэд.) [і інш.], С. М. Мартынаў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 1997–2014. – Т. 7. – С. 72–81.
6. Дагавор паміж Рэспублікай Беларусь і Федэратыўнай Рэспублікай Германія аб развіцці шырокамаштабнага супрацоўніцтва ў галіне эканомікі, прамысловасці, навукі і тэхнікі // Знешняя палітыка Беларусі : зборнік дакументаў і матэрыялаў : у 10 т. / М-ва замеж. спраў Рэспублікі Беларусь, БДУ, БелНДІДАС ; рэдкал. : І. І. Антановіч (гал. рэд.) [і інш.], С. М. Мартынаў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 1997–2014. – Т. 7. – С. 147–155.
7. Даклад намесніка міністра замежных спраў Рэспублікі Беларусь А. А. Дабрамудрава "Тэндэнцыі і перспектывы развіцця інвестыцыйнай дзейнасці ў Беларусі" на ІІ Міжнароднай канферэнцыі па інвестыцыях у эканоміку Рэспублікі Беларусь // Знешняя палітыка Беларусі : зборнік дакументаў і матэрыялаў : у 10 т. / М-ва замеж. спраў Рэспублікі Беларусь, БДУ, БелНДІДАС ; рэдкал. : І. І. Антановіч (гал. рэд.) [і інш.], С. М. Мартынаў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 1997–2014. – Т. 8. – С. 352–358.
8. Заява Палаты Прадстаўнікоў Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь у сувязі з прыняццем Сеймам Рэспублікі Польшча «Паслання да беларускага народа» // Знешняя палітыка Беларусі : зборнік дакументаў і матэрыялаў : у 10 т. / М-ва замеж. спраў Рэспублікі Беларусь, БДУ, БелНДІДАС ; рэдкал. : І. І. Антановіч (гал. рэд.) [і інш.], С. М. Мартынаў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 1997–2014. – Т. 8. – С. 270–271.
9. Кебич, В. Ф. Искушение властью: из жизни премьер-министра / В. Ф. Кебич. – Минск : Парадокс, 2008. – 480 с.
10. Паведамленне МЗС Рэспублікі Беларусь аб афіцыйным візіце ў Рэспубліку Беларусь дэлегацыі латвійскага Парламента // Знешняя палітыка Беларусі : зборнік дакументаў і матэрыялаў : у 10 т. / М-ва замеж. спраў Рэспублікі Беларусь, БДУ, БелНДІДАС ; рэдкал. : І. І. Антановіч (гал. рэд.) [і інш.], С. М. Мартынаў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 1997–2014. – Т. 8. – С. 215–216.
11. Паведамленне інфармацыйнага агенцтва БелТА аб сустрэчы прэзідэнта Рэспублікі Беларусь А. Р. Лукашэнка з прэзідэнтам Польшчы А. Кваснеўскім // Знешняя палітыка Беларусі : зборнік дакументаў і матэрыялаў : у 10 т. / М-ва замеж. спраў Рэспублікі Беларусь, БДУ, БелНДІДАС ; рэдкал. : І. І. Антановіч (гал. рэд.) [і інш.], С. М. Мартынаў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 1997–2014. – Т. 8. – С. 46–48.
12. Паведамленне МЗС Рэспублікі Беларусь аб удзеле беларускай дэлегацыі на чале з прэзідэнтам Рэспублікі Беларусь А. Р. Лукашэнкам у міжнароднай канферэнцыі «Суіснаванне народаў і добрасуседскія адносіны – гарантыя бяспекі і стабільнасці ў Еўропе», якая адбылася ў Вільнюсе 5–6 верасня 1997 г. // Знешняя палітыка Беларусі : зборнік дакументаў і матэрыялаў : у 10 т. / М-ва замеж. спраў Рэспублікі Беларусь, БДУ, БелНДІДАС ; рэдкал. : І. І. Антановіч (гал. рэд.) [і інш.], С. М. Мартынаў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 1997–2014. – Т. 8. – С. 136–139.
13. Паведамленне прэсс-службы Кабінета міністраў Рэспублікі Беларусь аб візіце ўрадавай дэлегацыі Рэспублікі Беларусь у Каралеўства Бельгія // Знешняя палітыка Беларусі : зборнік дакументаў і матэрыялаў : у 10 т. / М-ва замеж. спраў Рэспублікі Беларусь, БДУ, БелНДІДАС ; рэдкал. : І. І. Антановіч (гал. рэд.) [і інш.], С. М. Мартынаў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 1997–2014. – Т. 8. – С. 38–39.
14. Шадурский, В. Г. Формирование концептуальных основ внешней политики Республики Беларусь (1991–2011) / В. Г. Шадурский // Веснік БДУ. – 2011. – № 3. – С. 31–36.

Свилас С. Ф., Слепцова В. М.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО ХИЛЛАРИ КЛИНТОН КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ГЕНДЕРНОГО АСПЕКТА ИСТОРИИ И ДИПЛОМАТИИ США

Личность Хиллари Клинтон (1947) разнопланова: адвокат, профессор-юрист, сенатор от штата Нью-Йорк, первая леди Соединенных Штатов, государственный секретарь, кандидат в президенты США от демократической партии. В книге «Для этого нужна деревня: и другие уроки, которым нас учат дети» (1996 г.) Хиллари рассказывает о жизни семьи среднего класса в пригороде Чикаго (отец был ветераном военно-морского флота и владельцем малого бизнеса). Информационно-технологическое развитие, считает она, приносит комфорт, однако делает детей беднее в интеллектуальном и духовном плане. Ностальгировать по прежним временам – не лучший способ

достижения желаемого результата; участие в публичных дискуссиях и обсуждение политических вопросов в семье – шаг на пути к достижению лучшего будущего [6].

Окончив Йельскую юридическую школу, Х. Клинтон начала работу в Фонде защиты детей, где участвовала в разработке законодательства о качественном образовании для учащихся с ограниченными возможностями. В 1975 г. она стала первой леди штата Арканзас, направив свою энергию на улучшение образовательных стандартов и доступа к медицинскому обслуживанию [25]. В течение двух сроков (1993–2001 гг.) Хиллари находилась в качестве первой леди при 42-м президенте США Билле Клинтоне, ведя упорную работу по реформированию системы здравоохранения в направлении его доступности [1]. На Четвертой Всемирной конференции ООН по положению женщин (1995 г.) Клинтон возглавила делегацию США и выступила от лица женщин, лишенных возможности получить качественное образование и медицинское обслуживание, живущих на минимальную зарплату и под постоянной угрозой насилия. Она заявила, что исключение женщин из политики недопустимо, и призвала положить конец умолчанию ситуации, когда труд женщин обесценивают [23].

Вопрос образования всегда волновал Х. Клинтон. Она написала книгу «Дорогие носки, дорогой приятель» (1998), призванную научить детей писать письма и любить чтение, в которой рассказывает о быте Белого дома и домашних питомцах [4]. Собрав детские письма, автор подготовила своим адресатам записки с пожеланиями, советами и интересными историями из жизни своей семьи. Продолжая этот жанр, первая леди издала также «Приглашение в Белый дом», наполнив страницы фотографиями и повествуя о повседневных событиях, включая кулинарные рецепты официальных обедов [3].

В 2000 г. Х. Клинтон стала первой женщиной, избранной в Сенат, и первой женщиной-сенатором от штата Нью-Йорк, что сопровождалось работой в Комитете по вооруженным силам, Комитете по здравоохранению, образованию, труду и пенсиям, Комитете по окружающей среде и общественным работам, Бюджетном комитете и Специальном комитете по проблемам старения [1].

После террористических атак 11 сентября 2001 г. сенатор инициировала перед республиканской администрацией Дж. Буша-мл. (2001–2009 гг.) ассигнование 20 млрд долл. на восстановление Нью-Йорка, активно выступала за финансирование реабилитации и выдачу льгот пострадавшим. Ей удалось реализовать партнерскую программу технической поддержки малого бизнеса, наладить сотрудничество фермерских хозяйств и учреждений образования [1]. Будучи сенатором, Х. Клинтон написала мемуары «Живая история» (2003), в которых рассказала о своих поездках по стране, детально освещая собственные усилия по расширению экономических и образовательных возможностей женщин [7].

Президент Барак Обама (2009–2016 гг.) назначил Х. Клинтон государственным секретарем (2009–2013 гг.). На этом посту она потребовала введения новых жестких санкций против Ирана, выступила посредником в прекращении огня между Израилем и Хамасом, высказывалась за свободу Интернета, реализацию прав и возможностей для женщин и молодежи [25]. В 2009 г. Х. Клинтон совершила визит в Африку: организовала обмен мнениями с переходным правительством Сомали, посетила Кению, Конго и Нигерию, где привлекла внимание к проблеме насилия против женщин, побывала в послевоенной Либерии. Визит ускорил прогресс на пути к глобальной продовольственной безопасности, стимулировал развитие здравоохранения и, в конечном счете, усилил влияние США в регионе [21].

В преддверии Международной конференции ООН «Всеобъемлющая стратегия в региональном контексте» (Гаага, 2009 г.) Х. Клинтон констатировала ухудшение ситуации в Афганистане и призвала к переговорам [1.14]. В том же году она координировала усилия по интеграции программ борьбы с ВИЧ /СПИДом с материнским здоровьем, планированием семьи и снижением детской смертности [22].

Х. Клинтон предложила «инициативу нижнего Меконга» (Lower Mekong Initiative, 2009), которая является частью более широкой стратегии США, включающей объединение материковых участников АСЕАН с целью содействия субрегиональному сотрудничеству, а также поощрения взаимодействия с Вашингтоном. Государственный секретарь призвала к стимулированию региональной интеграции и укреплению АСЕАН [2].

В 2010 г. дипломат произнесла речь о роли НАТО и ее будущем. Она подчеркнула, что мир переживает множество кризисов, но самый главный – кризис лидерства в демократических странах. Европа должна взять на себя ответственность за будущее НАТО и трансатлантической безопасности [1.11]. Визит Х. Клинтон в Украину (4–5 июля 2010 г.) был призван свидетельствовать о приверженности США построению независимой и демократической Украины [17].

Заслугой Х. Клинтон стало начало американо-индийского стратегического диалога по вопросам борьбы с терроризмом, а также проблемам региональной безопасности, энергетики, изменения климата, внешнеторгового оборота (2010 г.) [16]. Она продолжила активное участие в дипломатии Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Выступая на Гавайях в 2010 г., государственный секретарь заявила о намерении администрации Б. Обамы играть ведущую роль в построении открытого и инклюзивного регионального сотрудничества и интерпретировала АСЕАН как «точку опоры» при создании структуры XXI века в АТР [13]. Когда в 2011 г. по арабскому миру прокатились

массовые демонстрации, она выразила уверенность в том, что преобразования позволят Вашингтону продвигать безопасность, стабильность, мир и демократию на Ближнем Востоке [15].

На посту государственного секретаря Х. Клинтон уделяла пристальное внимание расширению прав и возможностей женщин. Американский аналитический центр RAND Corporation создал Африканскую инициативу первых леди (African First Ladies Initiative, 2009 г.), в которой Хиллари принимала участие, поддерживая усилия по достижению Целей развития тысячелетия. В 2010 г. по её предложению была разработана программа поддержки африканских женщин-предпринимательниц [12]. В 2012 г. при поддержке Австралии и Новой Зеландии Х. Клинтон объявила о создании «Партнерства по улучшению положения женщин Тихоокеанских островов», которое ориентировано на реализацию экономических прав и подготовку женщин-руководителей в государственном и частном секторах [1.18].

Книга «Сложные решения» (2014, русский перевод – 2016) предваряла новую президентскую кампанию Х. Клинтон (после неудачи 2008 года). В ней собраны воспоминания экс-первой леди Белого дома о деятельности в качестве государственного секретаря (нападение экстремистов на консульство США в ливийском Бенгази в сентябре 2012 г., спецоперация по убийству О. Бен Ладена, «перезагрузка» в отношениях с Россией, встречи с В. Путиным, Д. Медведевым, С. Лавровым) [5].

В 2016 г. Х. Клинтон во второй раз баллотировалась в президенты США, сохранив большинство избирателей Б. Обамы, поддержавших её борьбу за права женщин и афроамериканцев 19]; избиратели-демократы отмечали, что кандидат заботится о таких же людях, как они [24, 20]. В книге «Вместе сильнее» (2016) Хиллари приводит политические тезисы предвыборной кампании и выдержки из некоторых своих выступлений с предложениями по решению проблем экономики, национальной безопасности, социальной политики. Кандидат от демократической партии призывала к реформированию системы уголовного правосудия, пересмотру некоторых торговых соглашений (НАФТА и Транстихоокеанское партнерство), государственной поддержке социально уязвимых слоев населения, включая женщин-вдов [8].

Анализу причин поражения в президентской кампании посвящена книга «Что произошло?» (2017). Ответственность за неудачу Х. Клинтон берет на себя (в том числе, за использование личной электронной почты для деловой переписки), однако отмечает и другие факторы, в частности, вмешательство России, психологическое давление со стороны Д. Трампа, роль масс-медиа, позицию главы ФБР [1.9].

После выборов Хиллари основала Onward Together – организацию, которая работает над продвижением демократических ценностей и поощряет гражданскую активность, а в 2019 г. совместно с дочерью издала «Книгу смелых женщин», в которой приводятся истории представительниц «слабого пола», достигших успеха в самореализации вне дома [10].

Таким образом, политическая карьера Хиллари Клинтон принесла ощутимые результаты как для американского общества, так и для дипломатии США. Клинтон стала одним из инициаторов оказания помощи пострадавшим от террористических атак 2001 года, способствовала реформированию социальной сферы и здравоохранения, внесла значительный вклад в расширение прав женщин, а в качестве государственного секретаря содействовала поддержанию глобальной и региональной безопасности, предлагая множество инициатив и программ.

1. Biographies of the Secretaries of State: Hillary Rodham Clinton (1947–) [Electronic resource] // Office of the Historian, Bureau of Public Affairs. United States Department of State. – Mode of access: https://web.archive.org/web/20160618165716/https://history.state.gov/departmenthistory/people/clinton-hillary-rodham. – Date of access: 04.02.2021.
2. Bower, E. U. S. moves to strengthen ASEAN by boosting the lower Mekong initiative [Electronic resource] / E. Bower // CSIS. – July 24, 2012. – Mode of access: https://www.csis.org/analysis/us-moves-strengthen-asean-boosting-lower-mekong-initiative. – Date of access: 04.02.2021.
3. Clinton, H. An invitation to the White House / H. Clinton // Simon & Schuster; 1st edition. – November, 2000. – 324 p.
4. Clinton, H. Dear socks, dear buddy / H. Clinton // Simon & Schuster; First Edition. – November, 1998. – 208 p.
5. Clinton, H. Hard Choices / H. Clinton // Simon & Schuster. – June, 2014. – 656 p.
6. Clinton, H. It takes a village: and other lessons children teach us / H. R. Clinton // Simon & Schuster. – 1996. – 318 p.
7. Clinton, H. Living history / H. Clinton // Simon & Schuster Audiobook. – 2003.
8. Clinton, H. Stronger together / H. Clinton // Simon & Schuster. – September, 2016. – 288 p.
9. Clinton, H. What Happened / H. Clinton // Simon & Schuster. – September, 2017. – 512 p.
10. Clinton, H., Clinton, Ch. The book of gutsy women / H. Clinton, Ch. Clinton // Simon & Schuster. – October, 2019. – 461 p.
11. Conley, H. A crisis of leadership in democracies: yours, mine, or ours? [Electronic resource] / H. Conley // CSIS. – March 22, 2010. – Mode of access: https://www.csis.org/analysis/crisis-leadership-democracies-yours-mine-or-ours. – Date of access: 04.02.2021.
12. First ladies of Africa partner with RAND, U. S. Dept. of State and Corporate council on Africa to advance Women's Leadership and Economic Empowerment in Africa [Electronic resource] / News Release // RAND. – September 23, 2011. – Mode of access: https://www.rand.org/news/press/2011/09/23.html. – Date of access: 04.02.2021.

13. Green, M. Analysis of secretary of state Clinton's Asia architecture speech [Electronic resource] / M. Green // CSIS. – January 13, 2010. – Mode of access: https://www.csis.org/analysis/analysis-secretary-state-clinton%E2%80%99s-asia-architecture-speech. – Date of access: 04.02.2021.
14. Inderfurth, K. Ultimate exit strategy [Electronic resource] / K. Inderfurth // RAND. – March 26, 2009. – Mode of access: https://www.rand.org/blog/2009/03/ultimate-exit-strategy.html. – Date of access: 04.02.2021.
15. Jones, S. The Mirage of the Arab spring [Electronic resource] / S. Jones // RAND Corporation. – January 3, 2013. – Mode of access: https://www.rand.org/blog/2013/01/the-mirage-of-the-arab-spring.html. – Date of access: 04.02.2021.
16. Khambatta, P. The 2013 U. S. -India strategic dialogue [Electronic resource] / P. Khambatta // CSIS. – June 21, 2013. – Mode of access: https://www.csis.org/analysis/2013-us-india-strategic-dialogue. – Date of access: 04.02.2021.
17. Kuzio, T. Don't lose Ukraine [Electronic resource] / T. Kuzio // RAND Corporation. – June 25, 2010. – Mode of access: https://www.rand.org/blog/2010/06/dont-lose-ukraine.html. – Date of access: 04. 02. 2021.
18. Larsen, E. From "Witchery" to empowerment: women's policy in the Pacific [Electronic resource] / E. Larsen // CSIS. – March 1, 2013. – Mode of access: https://www.csis.org/analysis/%E2%80%9Cwitchery%E2%80%9D-empowerment-women%E2%80%99s-policy-pacific. – Date of access: 04.02.2021.
19. Mendelsohn, J. Americans Are United … in Dissatisfaction with Their Choices. Analysis of the American Electorate at the Start of the 2016 General Election [Electronic resource] / J. Mendelsohn, M. Pollard // RAND Corporation. – 2016. – Mode of access: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1726.html. – Date of access: 04.02.2021.
20. Mendelsohn, J. What the ghosts of candidates past can tell us about the general election. Mapping America's ideological terrain, Part 2 [Electronic resource] / J. Mendelsohn, M. Pollard // RAND Corporation. – 2016. – Mode of access: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1650.html. – Date of access: 04.02.2021.
21. Morrison, J. Secretary Clinton's Africa trip: The broader context of U. S. policy [Electronic resource] / J. Morrison // CSIS. – August 5, 2009. – Mode of access: https://www.csis.org/blogs/smart-global-health/secretary-clintons-africa-trip-broader-context-us-policy. – Date of access: 04.02.2021.
22. Morrison, J. The new state department office of global health diplomacy: a second chance to get things right [Electronic resource] / J. Morrison // CSIS. – March 18, 2013. – Mode of access: https://www.csis.org/analysis/new-state-department-office-global-health-diplomacy-second-chance-get-things-right. – Date of access: 04.02.2021.
23. Remarks to the U. N. 4th World Conference on Women Plenary Session [Electronic resource] / H. Clinton. – Beijing, China. – 5 September 1995. – Mode of access: https://www.americanrhetoric.com/speeches/hillaryclintonbeijingspeech.htm. – Date of access: 04.02.2021.
24. Tesler, M. In a Trump-Clinton match-up, racial prejudice makes a striking difference [Electronic resource] / M. Tesler // The Washington Post. – May 25, 2016. – Mode of access: https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2016/05/25/in-a-trump-clinton-match-up-theres-a-striking-effect-of-racial-prejudice/. – Date of access: 04.02.2021.
25. The official site of Hillary Clinton [Electronic resource] // The Office of Hillary Rodham Clinton. – Mode of access: https://www.hillaryclinton.com/about/. – Date of access: 04.02.2021.

Свилас С. Ф., Лузан Д. В.

ОБ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОДХОДОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ К РЕФОРМИРОВАНИЮ ООН

Различные аспекты реформирования Организации Объединенных Наций представлены в историографии достаточно широко. Диссертация на соискание ученой степени доктора наук защищена В. Ф. Заемским [4], кандидатские диссертации – М. М. Юрченко [11], Е. В. Голованoвым [3] и Р. Ю. Паламаренко [6].

Подходы же белорусской дипломатии к реформированию Организации Объединенных Наций в историографии освещены недостаточно. Данной проблематики касался кадровый дипломат А. Н. Сычев в статье «Республика Беларусь и ООН» (2006 г.) [7], который рассмотрел подходы Республики Беларусь к реформированию Организации и выделил в качестве приоритетных направлений адаптацию состава Совета Безопасности к современным реалиям, активизацию Генеральной Ассамблеи и работу над уточнением положений Устава ООН.

Тема реформирования ООН затрагивалась А. В. Тихомировым в монографии «Внешняя политика Республики Беларусь (1991–2015 гг.)» (2017 г.) [9], а также в статье «Взаимодействие Республики Беларусь и ООН (1991–2015 гг.)» (2015 г.) [8]. Он высказал мнение, что в начале XXI века Беларусь делает ставку на рационализацию деятельности центральных органов ООН путем наделения их «адекватными возможностями для эффективной реализации уставных целей и задач». В коллективной монографии «Внешняя политика Республики Беларусь в 2000-е годы» (2010 г.) [2], изданной под редакцией профессора А. В. Шарапо, акцент делается на реформе Совета Безопасности: подчеркнуто стремление Беларуси сделать этот орган более представительным, а также расширить присутствие группы восточноевропейских государств в категории его непостоянных членов. Вместе с тем многоаспектной оценки подходов Республики Беларусь к реформированию Организации Объединенных Наций в научной и публицистической литературе автором не обнаружено.

Для восполнения существующего пробела использовалась официальная документация Министерства иностранных дел Республики Беларусь и Организации Объединенных Наций. Базисом для построения аргументации послужили веб-страницы официального сайта МИД Беларуси «Беларусь и реформа ООН» [1] и «Strengthened and reformed UN» [12], предоставляющие информационно-

аналитические справки об основных направлениях деятельности дипломатии Беларуси в контексте реформирования Организации. Отметим, что после реорганизации веб-сайта Министерства иностранных дел Республики Беларусь упомянутые веб-страницы стали недоступны для посещения.

Дальнейшее углубление производилось посредством изучения выступлений белорусских дипломатов с трибуны ООН и ее структурных подразделений, опубликованных на сайте белорусского внешнеполитического ведомства [5], а также содержащихся в электронном виде на портале «United Nations PaperSmart» [13] и в Цифровой библиотеке Организации Объединенных Наций [12].

Сайт МИД РБ презентует избранные выступления белорусских дипломатов, в том числе озвученные в рамках выступлений на различных дискуссионных площадках Организации Объединенных Наций. Особенностью представленных там материалов является репрезентация одновременно с заявлениями с трибуны ООН текстов выступлений представителей внешнеполитического ведомства в рамках национальных, а также международных площадок, не связанных с ООН, но, тем не менее, раскрывающих позицию Беларуси по ключевым аспектам переустройства Организации.

Портал «United Nations PaperSmart» и Цифровая библиотека Организации Объединенных Наций также предоставляют доступ к выступлениям представителей Беларуси с трибуны ООН. Особенно удобным и простым в освоении является портал «United Nations PaperSmart», где государства-члены ООН публикуют тексты выступлений своих дипломатов по всему спектру вопросов. Таким образом поиск необходимого заявления сводится к знанию номера сессии Генеральной Ассамблеи и названия пункта повестки дня, в рамках которого обсуждается проблема. Отметим, однако, что с осени 2020 г. по неизвестным причинам данный портал приостановил свою работу, что значительно утяжеляет поиск необходимой информации.

Механизм работы с Цифровой библиотекой ООН имеет свою специфику. При первичном этапе осуществляется поиск выступлений, в рамках которого для отсечения неподходящих результатов предлагается выбрать государство-член, выступление которого интересует исследователя, а также пункт повестки дня. При этом доступа к текстам выступлений напрямую библиотека не предоставляет, однако есть возможность обратиться к официальному или краткому отчету заседания, в рамках которых будет зафиксировано полное или краткое содержание выступления соответственно.

Создаваемая таким образом комплексная база источников позволяет проанализировать больший объем информации, что делает возможным расширить хронологические рамки и тематическую направленность исследования. В рамках анализа дипломатического и политического дискурса для написания научно-исследовательской работы по проблематике подходов Беларуси к институциональной реформы ООН изучались тексты выступлений и интервью таких видных белорусских дипломатов, как *В. В. Макей* (с 2012 г. – министр иностранных дел Республики Беларусь), *С. Н. Мартынов* (министр иностранных дел Республики Беларусь в 2003–2012 гг.), *А. Н. Сычёв* (заместитель министра иностранных дел Республики Беларусь в 1992–2005 гг.), *В. Б. Рыбаков* (заместитель министра иностранных дел Республики Беларусь в 2013–2017 гг., с 2017 г. – постоянный представитель Республики Беларуси при отделении ООН в Нью-Йорке), *А. В. Дапкюнас* (постоянный представитель Республики Беларуси при отделении ООН в Нью-Йорке в 2004–2017 гг., с 2017 г. – заместитель министра иностранных дел Республики Беларусь), *В. А. Гайсёнок* (заместитель министра иностранных дел Республики Беларусь в 2005–2008 гг.), *С. Ф. Алейник* (с 2009 г. – заместитель министра иностранных дел Республики Беларусь, чрезвычайный и полномочный посол Республики Беларусь в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии), *Ю. Г. Амбразевич* (с 2015 г. – постоянный представитель Республики Беларусь при отделении ООН и других международных организациях в Женеве), *М. М. Хвостов* (постоянный представитель Республики Беларусь при отделении ООН и других международных организациях в Женеве в 2009–2015 гг.), *А. И. Ржеусский* (чрезвычайный и полномочный посол Республики Беларусь в Республике Индия), *В. С. Писаревич* (заместитель постоянного представителя Республики Беларусь при отделении ООН и других международных организациях в Женеве), *И. К. Величко* (заместитель постоянного представителя Республики Беларусь при отделении ООН в Нью-Йорке в 2016–2020 гг.), *С. А. Рачков* (заместитель постоянного представителя Республики Беларуси при отделении ООН в Нью-Йорке в 2003–2006 гг.) и др.

Историографический и источниковедческий этапы исследования проблемы позволили создать модель данных, построенную на систематизации и обобщении исторической информации, а также перейти к аналитическому этапу, предполагающему раскрытие проблемы с использованием методов анализа и синтеза информации. Беларусь по-прежнему привержена ценностям и идеалам ООН, рассматривает Организацию как основу современной системы международных отношений, при этом официальный Минск не отрицает необходимость преобразований в ООН с целью повышения эффективности её работы. Белорусской дипломатией подчёркивается необходимость прозрачности и ясности реформенных процессов, четкого понимания государствами-членами практических результатов трансформации как на местах, так и на уровне всей Организации, что является

необходимым условием соблюдения принципа инклюзивности. В результате модернизации ООН должна более оперативно и качественно отвечать на вызовы постбиполярного мира, выполнять роль связующего звена между государствами. В отношении институциональной реформы Генеральной Ассамблеи Беларусь занимает «центристскую» позицию: предложения и инициативы белорусской стороны направлены главным образом на адаптацию и актуализацию работы этой структуры, не меняя ее основной роли и функций в системе ООН.

1. Беларусь и реформа ООН [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – Режим доступа: http://mfa.gov.by/mulateral/organization/list/un/db41d8fbd2106c7f.html. – Дата доступа: 29.03.2020.
2. Внешняя политика Республики Беларусь в 2000-е годы / Ю. И. Малевич [и др.] ; под ред. А. В. Шарапо. – Минск : БГУ, 2010. – 84 с.
3. Голованов, Е. В. Проблема соотношения универсальной и региональных систем безопасности и реформа Совета Безопасности ООН : дис. … канд. полит. наук : 23.00.04 / Е. В. Голованов. – Санкт-Петербург, 2013. – 228 л.
4. Заемский, В. Ф. Реформы ООН и миротворчество : дис. ... докт. полит. наук : 23.00.04 / В. Ф. Заемский. – Москва, 2009. – 352 л.
5. Заявления и выступления [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства иностранных дел Республики Беларусь. – Режим доступа: https://www.mfa.gov.by/press/statements/. – Дата доступа : 20.03.2020.
6. Паламаренко, Р. Ю. ООН в XXI веке: проблемы реформирования : дис. … канд. полит. наук : 23.00.04 / Р. Ю. Паламаренко. – Москва, 2018. – 170 л.
7. Сычёв, А. Н. Республика Беларусь и ООН / А. Н. Сычев // Дипломатический ежегодник-2005 : сборник статей / редкол.: Ю. Е. Фокин [и др.]. – Москва : Научная книга, 2006. – С. 244–268.
8. Тихомиров, А. В. Взаимодействие Республики Беларусь и ООН (1991–2015 гг.) / А. В. Тихомиров // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития / редкол.: А. М. Байчоров (гл. ред.) [и др.]. – 2015. – Вып. 3. – С. 261–276.
9. Тихомиров, А. В. Внешняя политика Республики Беларусь (1991–2015 гг.) / А. В. Тихомиров. – Минск : БГУ, 2017. – 208 с.
10. Цифровая библиотека Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://digitallibrary.un.org/. – Дата доступа: 15.04.2020.
11. Юрченко, М. М. Политика США в отношении реформирования ООН: 2001–2008 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / М. М. Юрченко. – Тюмень, 2010. – 227 л.
12. Strengthened and reformed UN [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Belarus. – Mode of access: http://mfa.gov.by/en/organizations/un/. – Date of access : 26.04.2020.
13. United Nations PaperSmart [Electronic resource]. – Mode of access: https://papersmart.unmeetings.org/en/. – Date of access : 05.05.2020.

Хришкевич Т. Г.

БЕДНОСТЬ И БОГАТСТВО: ИСТОЧНИКИ О СОСТОЯНИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА В ФРГ

На рубеже XX – XXI в. в западноевропейских государствах был достигнут высокий уровень благосостояния общества. Доходная экономика, повышение заработной платы привели к социально-экономическому прогрессу. Однако в начале нового тысячелетия вновь оживилась полемика о социальном неравенстве и росте бедности населения. В дискуссии участвуют не только политики, используя риторику как инструмент достижения власти, но и экономисты, социологи, подчеркивающие, что разрыв между богатыми и бедными продолжает расти. Тема бедности проникает в послания президентов, выступления глав правительств, министерские отчёты, СМИ. Проблема преодоления бедности становится частью государственных и международных стратегий. В ряду проблемных государств оказался и флагман европейской экономики – Федеративная Республика Германия, государство с целостной системой социальной защиты, охватывающая широкие слои населения.

В начале XXI в. всесторонним изучением проблем бедности в Германии занимаются исследователи ряда фондов и институтов: Германский институт экономики в Кёльне (Institut der deutschen Wirtschaft Köln), Немецкий институт экономических исследований (Das Deutsche Institut für Wirtschaftsforschung), Фонд Конрада Аденауэра (Die Konrad-Adenauer-Stiftung) и другие. Как правило, в них речь идёт о так называемой «относительной бедности», которая не угрожает жизни, но является тревожным показателем, так как при её росте снижаются материальные возможности, увеличивается социальная изоляция, что может привести к появлению социальных рисков. «Отчёты о бедности» публикует Немецкая благотворительная ассоциация «Равенство», например, 9 ноября 1989 г. был опубликован первый доклад на эту тему «Чего мы должны стыдиться в богатой стране». В 2009 г. ассоциация представила атлас бедности, а с 2011 г. отчёты появляются ежегодно. Так, согласно данным за 2013 г. за чертой бедности в стране находилось 12, 5 млн. человек [1, с. 68].

В основу анализа подобных исследований положены материалы, публикуемые Федеральным министерством экономики и энергетики, Федеральным министерством труда и социальных вопросов, Федеральным агентством по труду, Федеральным статистическим ведомством. В качестве индикаторов они используют данные о состоянии рынка труда, размере ВВП на душу населения, уровне безработицы, количестве получающих социальные пособия, уровне доходов и заработной

платы населения и пр. Выводы, предлагаемые авторами, преимущественно сходятся в том, что в объединённой Германии наблюдаются позитивные экономические процессы, тогда как в социальном плане намечается всё более заметный разрыв на региональном уровне.

Тема бедности в ФРГ может быть раскрыта с использованием такого официального источника как доклады «Состояние жизни в Германии», которые начали публиковаться с 2001 г. Федеральное правительство представило первый отчёт о бедности и богатстве «Lebenslagen in Deutschland. Der erste Armuts- und Reichtumsbericht der Bundesregierung», который стал результатом запроса, направленного 27 января 2000 г. фракциями бундестага СДПГ и Союз 90 /Зеленые правительству Германии. С него началось непрерывное освещение вопросов социальной интеграции и распределения богатства на государственном уровне. До настоящего времени опубликовано пять докладов (2001, 2005, 2008, 2013, 2017 гг.).

Первый отчёт позволяет провести анализ социально-экономического неравенства на основании таких индикаторов как уровень доходов, образование, жилищные условия, инвалидность, иммиграция. Отчёт фиксирует улучшение условий роста и занятости, сокращение бедности за счет социальной помощи, укрепление семьи, образования, поддержки инвалидов и иммигрантов. Кроме того, в нем представлены варианты политических мероприятий для противодействия рискам бедности и поляризации общества.

Под богатым человеком в отчёте понимается тот, кто имеет достаточные материальные ресурсы (в частности, здоровое питание и питьевую воду), проживает в благоприятной экологической среде, имеет высокую продолжительность жизни, здоров или имеет доступ к системе здравоохранения, высокий уровень образования, реализовывает свои права и возможности в соответствии со способностями. Богатство рассматривается как экономическая, социальная и культурная категория, а социальное неравенство, проистекающее от низкого дохода, как деконструктивное обстоятельство в условиях социально-ориентированной рыночной экономики.

В количественном исчислении отчёт показал, что в 1998 г. при общей численности населения ФРГ в 80 млн. человек, в Западной Германии к группе лиц с низкими доходами относятся от 6, 6 % до 20 % населения (без учета иммигрантов), т. е. от 3, 9 до 11, 9 млн. человек. В Восточной Германии от 2, 8 % до 11, 9 % (0, 5 – 1, 8 млн. человек). На западе страны 42 % активов принадлежало 10 % самых богатых граждан, тогда как на востоке только 4, 5% активов принадлежало 50% граждан [3, S. XVII]. Низкий доход рассматривается как повод к росту социальной изоляции и как свидетельство снижения социальной справедливости. Отчёт отмечает систематический рост доходов граждан с 1973 г., хотя неравенство продолжает оставаться ярко выраженным. Документ фиксирует непрерывный сдвиг границы относительной бедности [3, s. 25]. В 1993 г. она находилась на отметке 1273 дойчмарок, в 1998 г. – 1439 дойчмарок (50% медиана). С одной стороны, в новых федеральных землях она значительно больше, чем в старых, но имеет тенденцию к снижению из-за гармонизации уровней доходов. С другой стороны, некоторые различия компенсируются более высокой стоимостью жизни на западе страны.

На рубеже XX – XXI в. заметное влияние на нахождение за чертой бедности оказывали: пол (например, только 25 % миллионеров в стране это женщины), возраст (пенсионеры, не имеющие дополнительного дохода, находятся в зоне риска) и получение социального пособия. Ключевым фактором являлось нахождение в статусе безработного, особенно старше среднего возраста, так как средняя продолжительность безработицы увеличивается у лиц старше 50 лет. Если в конце 1990-х гг. у лиц в возрасте от 25 до 29 лет она составляла в среднем 22 месяца, то к 59 годам уже 43 месяца [3, s. 90]. Общее количество получающих социальное пособие в Восточной Германии после объединения возросло с примерно 200 тыс. человек в 1991 г. до 400 тыс. в конце 1998 г. В общей сложности около 2, 9 млн. получили помощь в конце 1998 г [3, s. 75].

Особенностью второго отчёта 2005 г. стало то, что он был составлен в условиях начала реализации социальной реформы правительства Г. Шрёдера Agenda 2010. Авторы доклада подчеркнули, что реформа находится на начальной стадии, поэтому многие меры, принятые федеральным правительством ещё не вступили в силу и не принесли должного результата. Следовательно, документ не может объективно отражать положение бедного и богатого населения в стране. Риск бедности и рост неравенства по-прежнему связывались с безработицей, которая в 2004 г. составляла в Западной Германии 2 млн. 782 человека, а в Восточной Германии 1 млн. 598 тыс. [2, s. 93]. В группу риска были включены лица, не имеющие законченного школьного и профессионального образования (при этом присутствовало четкое противопоставление немецких школьников и детей-иностранцев, например, в 2002 г. гимназии посещали 32, 2 % немецких школьников и только 13, 9 % иностранцев [4, s. 159]. В целом, отчёт фиксировал рост дохода в старых землях на 8, 7 % по сравнению с 1998 г., а в новых землях на 3, 5 % [4, s. XXII].

В 2008 г. в ФРГ вышел третий отчёт о богатстве и бедности. Социальная реформа реализовывалась уже пять лет, условия на рынке труда изменились, что обусловило изменение методики расчета. В него были включены категории населения, ранее не учитываемые, например, студенты и бездомные. Отчёт позволяет прийти к выводу, что положительное влияние на динамику занятости, рост ВВП и доходов населения оказал экономический подъём. Уровень доходов вырос с 0, 3 % в 2005 г. до 1, 5 % в 2007 г. В основном отчёт оперировал данными за 2005 г, указывая, что к бедным можно отнести 13 % населения, получающих доходы ниже «уровня бедности». Среди особо уязвимых групп находились: безработные (43 % от всех категорий бедных), лица без законченного специального образования (19%) и одинокие (24%). В целом, риск бедности населения в Восточной Германии был на 15% выше, чем в Западной Германии. Снижение уровня бедности связывалось с успешной социальной политикой и социальными платежами [5, s. 24].

Отчёт 2013 г. акцентировал внимание на последствиях финансового кризиса, подчеркивая позитивный эффект ответственного поведения «благоразумных» кампаний, «ответственных профсоюзов», коллективных договоров и корректировки условий труда наряду с реформами рынка труда, которые по мнению авторов доклада внесли решающий вклад в подъем занятости. К 2013 г. Германия демонстрировала «чудо рынка труда». Одной из основных причин сравнительно слабых экономических последствий кризиса в ФРГ называлась беспрецедентная устойчивость рынка труда, что в свою очередь нанесло слабый удар по бедному населению страны. Уровень безработицы вырос всего на 0, 7 %. Свою роль сыграла гибкая занятость, изменение рабочего времени и возможность короткого рабочего дня. Заметные успехи были отмечены в борьбе с долгосрочной безработицей, которая является одной из самых серьезных причин возрастания риска бедности. За период с 2005 по 2013 г. долгосрочная безработица сократилась с 1, 73 млн. до 1, 03 млн человек, то есть более чем на 40 %. На 31, 9 % снизился уровень безработицы среди молодежи, за исключением кризисного 2009 г. (с 274 000 до 129 000 человек) [6, s. 36].

Опубликованный в 2017 г. пятый доклад о бедности и богатстве стал одним из самых детализированных. Он охватил 18 индикаторов, освещающих общий социальный фон. Из них 11 показателей иллюстрировали относительную бедность населения и 7 индикаторов – богатство. К индикаторам бедности были отнесены традиционные критерии, а к индикаторам богатства – уровень доходов, владение активами, уплата налогов по максимальной ставке, должность топ-менеджера и пр. Согласно отчёту среднемесячный валовый доход частных домохозяйств в Германии составил в 2016 г. 4 337 евро. К основным источникам дохода работающих граждан (63% населения) были отнесены доходы от трудовой деятельности: в среднем от неё поступало 2 751 евро в месяц (брутто). Около 22% валового дохода (в среднем 961 евро в месяц), частные домохозяйства получали от государственных социальных выплат, таких как пенсионное страхование, пособия на ребенка, пособия по безработице. Из активов поступало 10% валового дохода. Наименьшую долю (в среднем 4, 7%) имели доходы от непубличных трансферных платежей и субаренды. 10 % населения владели 51, 9 % общей суммы всех активов [7. s. 130].

Таким образом, отчёты о бедности и богатстве представляют собой комплексный источник о социально-экономическом неравенстве в современной ФРГ. Широкий перечень индикаторов позволяет составить объективное представление о дифференциации общества по включенности в рынки труда и, как следствие, уровню доходов. Отчёты фиксируют и пространственную специфику: восточная и западная части страны развиваются в разном темпе, что по-прежнему является наследием объединения Германии.

1. Супян, Н. В. Нетипичная занятость в ФРГ / Н. В. Супян // Современная Европа. – 2015. – № 3 (63). – С. 58–70.
2. Amtliche Nachrichten der Bundesagentur für Arbeit. Arbeitsmarkt 2015. Bundesagentur für Arbeit. – Nürnberg, 2016. – S. 93.
3. Lebenslagen in Deutschland. Der ersteArmuts- und Reichtumsbericht der Bundesregierung [Elektronische Ressource]. – Zugriffsmodus: https://www.armuts-und-reichtumsbericht.de/DE/Bericht/Archiv/Der-erste-Bericht/erster-bericht.html. – Behandlungsdatum: 02. 03. 2021.
4. Lebenslagen in Deutschland. Der 2. Armuts- und Reichtumsbericht der Bundesregierung S. 159. [Elektronische Ressource]. – Zugriffsmodus: https://www.armuts-und-reichtumsbericht.de/DE/Bericht/Archiv/Der-zweite-Bericht/zweiter-bericht.html. – Behandlungsdatum: 02.03.2021.
5. Lebenslagen in Deutschland. Der 3. Armuts- und Reichtumsbericht der Bundesregierung S. 24. [Elektronische Ressource]. – Zugriffsmodus: https://www.armuts-und-reichtumsbericht.de/DE/Bericht/Archiv/Der-dritte-Bericht/dritter-bericht.html. – Behandlungsdatum: 02.03.2021.
6. Lebenslagen in Deutschland. Armuts- und Reichtumsberichterstattung der Bundesregierung. Der Vierte Armuts- und Reichtumsbericht der Bundesregierung. [Elektronische Ressource]. – Zugriffsmodus: https://www.armuts-und-reichtumsbericht.de/DE/Bericht/Archiv/Der-vierte-Bericht/vierter-bericht.html. – Behandlungsdatum: 02.03.2021.
7. Lebenslagen in Deutschland. Der FünfteArmuts- und Reichtumsbericht der Bundesregierung. [Elektronische Ressource]. – Zugriffsmodus: https://www.armuts-und-reichtumsbericht.de/DE/Bericht/Archiv/Der-fuenfte-Bericht/fuenfter-bericht.html. – Behandlungsdatum: 02.03.2021.

РАЗДЕЛ 6
ИСТОЧНИКИ ИСТОРИИ СВЯЗЕЙ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ С ГОСУДАРСТВОМ НЕМЕЦКОГО ОРДЕНА В ПРУССИИ И ЛИВОНИИ (XII–XVI ВВ.)

Самонова М. Н.

ТЕОДОРИХ ИЗ ТУРАЙДЫ И ТИДРЕК БЕРНСКИЙ ПОД СТЕНАМИ ПОЛОЦКА

Одним из наиболее известных древнерусских городов, упоминаемым в древнескандинавской литературе, является Полоцк. Обратимся к рассмотрению сведений о захватах Полоцка иноземными правителями, сохранившихся в «Саге о Тидреке Бернском». Эта сага была записана на древнескандинавском языке в Норвегии около 1250 г. Она занимает особое положение среди древнескандинавских саг, поскольку в основу ее сюжета положены не скандинавские сказания, а древнегерманский эпос о Дитрихе Бернском и его рыцарях, долгое время бытовавший в Германии в устной традиции. Условно эту сагу специалисты относят к героическим сагам о древних временах [5, с. 136].

В «Саге о Тидреке Бернском» выделяются два сюжета. Первый сюжет повествует о конунге Вилькине и его походе на Русь во владения конунга Гертнита, во время которого были захвачены Смоленск, Полоцк и Новгород (древнескандинавское обозначение Новгорода – Хольмгард): «Конунг Вилькин всегда побеждал русских, опустошил Польшу и все царства до моря, а после того повел свое войско на Русь и завладел там многими большими городами, Смоленском и Полоцком, и не прежде оставил [дело], как въехал в Хольмгард, что был главным над городами конунга Гертнита» [5, с. 141]. Отметим, что в «Саге о Тидреке Бернском» для именования Руси используется характерное для латиноязычной традиции название Ruczilland, а не традиционное древнескандинавское Gardariki. Это можно объяснить тем, что Ruczilland переходит в норвежскую сагу из немецких сказаний и источников, лежащих в основе саги.

Второй сюжет посвящен победному походу гуннов во главе с Аттилой и Тидреком Бернским на Русь, где правил конунг Вальдемар. Первым городом на их пути стал Полоцк: «И пришел конунг Аттила со всем своим войском к городу, который зовется Полоцком. Город этот так укреплен, что они едва ли знают, как им удастся взять его; была там крепкая каменная стена, большие башни и широкие и глубокие рвы, а в городе было великое войско для его защиты, да и те, которые охраняли этот город, весьма мало боялись войска конунга Аттилы» [5, с. 142–146]. Г.В. Глазырина заметила, что такое подробное описание оборонительных сооружений Полоцка в «Саге о Тидреке Бернском» является нехарактерным для многочисленных упоминаний древнерусских городов в сагах [2, с. 49]. Полоцк – это единственным город из двенадцати древнерусских городов, представленных в древнескандинавских источниках, укреплениям которого было уделено особое внимание. Учитывая топографию Верхнего замка в Полоцке, Т.Н. Джаксон пришла к выводу о том, что древнескандинавские источники отразили реальные впечатления скандинавов об укреплениях и труднодоступности Полоцка, которые рождались у них при приближении к городу по Западной Двине [3, с. 133–135]. О.И. Дернович выдвинул предположение о том, что сведения о Полоцке в «Саге о Тидреке Бернском», а также у Саксона Грамматика появились в результате политических и династических связей Полоцкой земли с Польшей и Данией в XII в. [4]. Отметим, что археологические раскопки, проведенные Д.В. Дуком, подтвердили наличие в Полоцке мощной крепостной стены, основа которой была каменной. Крепостная стена состояла из деревянных городней, а ее нижняя часть опиралась на мощные камни, присыпанные землей. Д.В. Дук предположил, что именно эти укрепления в гипертрофированной форме упомянуты в сказании о захвате Аттилой Полоцка из саги о Тидреке Бернском [6; 7, с. 101].

По нашему мнению, уникальность описания Полоцка как хорошо укрепленного города в норвежской саге середины XIII в., основанной на древненемецких эпических сказаниях, долгое время бытовавших в Германии в устной традиции, имеет под собой определенную историческую основу, связанную с Полоцком времен записи саги. Попытаемся найти эту основу.

Согласно «Саге о Тидреке Бернском» Полоцк был захвачен войском Аттилы с большим трудом после трехмесячной осады. Тидрек Бернский в битве под Смоленском победил конунга Вальдемара. Русью стал править вассал Аттилы. Итак, в саге действуют такие основные персонажи как Аттила – вождь гуннов (умер в 453 г.), Тидрек Бернский – это герой германского цикла эпических сказаний Дитрих Бернский, прототипом которого стал король остготов Теодорих Великий (около 454–526 гг.), и русский конунг Вальдемар. Вальдемара традиционно отождествляют с киевским князем Владимиром Святославичем [5, с. 149–150]. Однако по предположению А.Н. Веселовского, специально

исследовавшего «Сагу о Тидреке Бернском», персонаж конунга Вальдемара является контаминацией двух исторических личностей – Владимира Святославича и полоцкого князя Владимира [8, с. 25–28; 1, с. 24–27]. О последнем известно из хроники Генриха Латвийского как о короле Вольдемаре. Одним из свидетельств в пользу отождествления Вальдемара из «Саги о Тидреке Бернском» с королем Полоцка Вольдемаром («Woldemaro de Ploceke») может быть то, что в одной из рукописей саги упоминается ярл из города Герсике, родич Вальдемара конунга («jarl einn af Gersekeborg, fraendi Valldemars konungs») [1, с. 73]. В Герсике, как известно из «Хроники Ливонии», правил Всеволод, находившийся в вассальной зависимости от полоцкого князя. А.Н. Веселовский полагал, что сведения о Владимире Святославиче и Владимире Полоцком могли попасть в сагу через тех немецких купцов, которые в XIII в. вели торговлю с русскими землями и бывали в Полоцке и Смоленске.

Выше отмечалось, что Тидрек Бернский – это герой древнегерманского эпоса, прообразом которого был остготский король Теодорих. Но, если учитывать, что в «Саге о Тидреке Бернском» отразились разные хронологические пласты, в том числе и пласт, относящийся ко времени записи саги, то есть к XIII в., в котором отразились отголоски реальных событий, связанных с противостоянием полоцкого князя Владимира – Вольдемара и немецких крестоносцев, то вполне вероятно, что у главного героя саги конунга Тидрека есть исторический прототип из этого времени. Выдвинем предположение о том, что это основатель ордена меченосцев Теодорих из Турайды (около1160 – 1218). С 1186 г. он являлся помощником епископа Мейнарда по миссионерской деятельности среди ливов. Затем Теодорих из Турайды стал представителем рижского епископа Альберта по особым поручениям. В 1202 г. Теодорих основал в Риге духовно-воинский орден «Братство Христовых рыцарей», более известный как орден меченосцев. Владимир Полоцкий и Теодорих хорошо знали друг друга еще со времен Мейнарда. Теодорих также побывал в Полоцке. В 1206 г. он возглавил посольство в Полоцк от епископа Альберта, который хотел заключить мир с Владимиром.

По нашему мнению, известность Полоцка в древнескандинавских источниках является комплексным явлением, которое возникло в результате развития славяно-скандинавских связей на белорусских землях на всем протяжении IX–XIII вв. В частности, появление в «Саге о Тидреке Бернском» родича конунга Вальдемара ярла города Герсике могло произойти в результате влияния сведений о реальной исторической обстановке, сложившейся ко времени записи саги в середине XIII в. и связанной с наступлением крестоносцев на земли Прибалтики и Руси в начале XIII в. В таком случае, в «Саге о Тидреке Бернском» в трансформированном виде отразилось противостояние полоцкого князя Владимира – конунга Вальдемара в саге, в вассальной зависимости от которого находился князь Герсике Всеволод – ярл города Герсике в саге, и немецких крестоносцев, одним из лидеров которых был Теодорих из Турайды, представленный с саге в образе конунга Тидрека. Эта борьба завершилась неожиданной смертью Владимира в 1216 г., а в саге – конунг Вальдемар тоже погиб, сраженный Тидреком в битве. В реальности же Теодорих образно говоря тоже «сразил» Владимира тем, что, находясь в Полоцке во главе посольства в 1206 г. сумел узнать о готовящемся походе Владимира на Ригу и предупредить об этом епископа Альберта, тем самым он сорвал план полоцкого князя.

Таким образом, сведения о противостоянии Владимира Полоцкого с немецкими крестоносцами могли попасть в Норвегию, где была записана сага, через посредничество немецких купцов, которые вели активную торговлю с Полоцком и Смоленском или немецких рыцарей, участвовавших в крестоносных походах в Прибалтику и на Русь. На наш взгляд, в образе Полоцка как неприступной крепости в «Саге о Тидреке Бернском» нашли отражения как представления скандинавов и немцев о неуступчивости и упорстве полочан в борьбе с иноземными захватчиками, в том числе и с крестоносцами, так и реальные впечатления иностранцев о мощной оборонительной системе Полоцка.

1. Веселовский, А. Н. Русские и вильтины в саге о Тидрике Бернском (Веронском) / А. Н. Веселовский // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности Императ. Акад. наук / Императ. Акад. наук. – Петроград, 1906. – Т. 11, кн. 3. – С. 1–190.
2. Глазырина, Г. В. Русский город в норвежской саге: к вопросу о достоверности исторических описаний в сагах / Г. В. Глазырина // Древнейшие государства на территории СССР, 1983 : материалы и исслед. / Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР. – М., 1984. – С. 48–55.
3. Джаксон, Т. Н. Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей X–XIII вв. / Т. Н. Джаксон // Древнейшие государства на территории СССР, 1988–1989 гг. : материалы и исслед. / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М., 1991. – С. 5–169.
4. Дзярновіч, А. І. Палтэск'я – паўночная Троя: Вобраз Полацка ў скандынаўскіх крыніцах XI–XIII стст. / А. І. Дзярновіч // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы : науч. сб. / Респ. ин-т высш. шк., Каф. историко-культур. наследия Беларуси. – Минск, 2013. – Вып. 6. – С. 76–90.
5. Древнерусские города в древнескандинавской письменности : тексты, пер., коммент. / сост.: Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон ; Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М. : Наука, 1987. – 209 с.
6. Дук, Д. В. Камни из саги о Тидрике Бернском / Д. В. Дук // Родина. – 2006. – № 10. – С. 44–46.
7. Дук, Д. У. Полацк і палачане (IX–XVIII стст.) / Д. У. Дук. – Наваполацк : Полац. дзярж. ун-т, 2010. – 180 с.
8. Сапунов, А. П. Сказание исландских, или скандинавских саг о Полоцке, князьях полоцких и р. Западной Двине / А. П. Сапунов // Полоцко-Витебская старина / Витеб. учен. арх. комис. – Витебск, 1916. – Вып. 3. – С. 1–33.

Бессуднова М. Б.

АРХИВНОЕ НАСЛЕДИЕ НЕМЕЦКОГО ОРДЕНА В ЛИВОНИИ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ[1]

Немецкий орден в Ливонии (Ливонский орден) в российской историографии представлен крайне невыразительно, чаще всего, в популярных изданиях [4]. Низкая степень изученности темы в России особенно заметна на фоне больших достижений зарубежных историков в этой области [3, с. 103–125]; она же предопределяет витальность политизированных историографических конструкций, которыми насыщена орденская тематика. В русских летописях и ливонских хрониках второй половины XVI века, которые служат российским историкам основными источниками, орден фигурирует в качестве субъекта русско-ливонских отношений, чаще всего в периоды их осложнений, что само по себе не содействует объективному видению ордена, да к тому же заставляет оставлять в стороне изучение природы ордена как корпорации и одного из ландсгерров (государей) Ливонской конфедерации. Помощь в том способны оказать комплексы сохранившейся орденской документации. В XIV веке оформляются канцелярские службы Немецкого ордена, которые обеспечивали сообщение трех его отделений, выполнение директив верховных магистров краевыми магистрами в Ливонии и империи, а также внешнюю переписку орденского руководства. Пополнению документальных собраний немало способствовали обычаи сохранять копии с оригиналов в канцеляриях ордена и изготавливать их для отправки в качестве приложений к другим орденским посланиям.

Документальное наследие Ливонского ордена в результате вышесказанного было весьма внушительным. В первую очередь это касается архива ливонских магистров, долгое время хранившегося в их главной резиденции, Вендене (Цесисе). К великому несчастью его основной фонд был уничтожен в годы Ливонской войны 1558–1583 годов, но значительную часть документации экс-магистр и первый герцог Прусский Готхард Кеттлер перевез в Митаву (Елгаву), откуда в 1621 году шведы ее вывезли в Стокгольм. В настоящее время она содержится в Государственном архиве Швеции (Riksarchivet: Livonica I и Utländska pergamentsbrev) и в Рукописном отделе университетской библиотеки Упсалы (Handlingar om Lifländska Riddar Orden 1515–1572). В 1860-х годах профессор университета Дерпта (Тарту) К. фон Ширрен составил реестр ливонских документов из шведских собраний, подавляющее число которых относится к XVI веку, и издал их подборку, посвященную началу Ливонской войны. Основная же часть документов, касающихся Ливонского ордена первой половины XVI все еще плохо изучена и относится к разряду неопубликованных источников, хотя именно в ней надо искать ответы на вопросы о состоянии и перспективах развития ордена в преддверии его секуляризации в 1561 году.

Обширная коллекция неизданной орденской документации находится также в фондах Немецкого ордена из кёнигсбергского Королевского архива, который ныне хранится в Тайном государственном архиве прусского культурного наследия (Geheimes Staatsarchiv Preussischer Kulturbesitz) в Берлине [6, pp. 412–445; 1, с. 6–15]. В первой половине XIX века К. Е. Напьерский опубликовал его регесты [14], а в середине XX века появился систематизированный каталог одной из его основных разделов – фонда орденских посланий (фонд OBA) [16]. Справочное же издание по фонду орденских фолиантов (OF), который содержит тома с копиями орденской документации, пока отсутствует (описи отдельных томов доступны в читальном зале архива). Подборку копий документов Немецкого ордена из Кёнигсбергского архива, выполненных в начале XIX века, можно найти также в Москве – в РГАДА (фонд 147) и Отделе рукописей ГПБ (фонд 68). Документы, освещающие отношения прусского, ливонского и имперского подразделений Немецкого ордена, хранятся также в Центральном архиве Немецкого ордена (DOZA) в Вене [18], хотя, заметим, ливонская составляющая этого собрания крайне невелика.

Памятники документального наследия Ливонского ордена в настоящее время пребывают среди собраний Ревельского (Таллиннского) магистрата (фонд 230), который является составной частью Таллиннского городского архива (Tallinna Linnaarhiiv). Среди прочего тут можно обнаружить подборки корреспонденции орденских должностных лиц – магистров, ландмаршалов и «областных начальников» (гебитигеров), которые возглавляли административные округа орденского государства. Особый интерес представляют сведения об участии орденских чинов в русско-ганзейской торговле и о характере внутриорденских административных связей. Документы ордена XIV, XV и начала XVI большей частью опубликованы в ряде изданий [5; 12; 13; 15 и др.], где представлены деловая переписка ливонских городов с магистрами, отчеты дипломатов, посланиями верховных магистров и других высокопоставленных чинов Немецкого ордена к ливонским епископам, городам, Ганзе и иноземным государям. Однако, как и в случае со шведской «ливоникой», основная часть неизданной орденской корреспонденции здесь также относится к XVI веку.

[1] Исследование произведено при поддержке РНФ, проект № 19–18–00183.

Ливонские и ганзейские документы, архивные и опубликованные, мало знакомы российскими исследователями. Вместе с тем их обилие, информативность, сугубо канцелярский и зачастую конфиденциальный характер выгодно отличают их от повествовательных источников, в частности, от ливонских хроник второй половины XVI – начала XVII века [11], которые наряду с русскими летописями обычно служат источниками нарративных данных по истории русско-ливонских отношений. При этом уместно заметить, что сведения, почерпнутые в сочинениях авторов-горожан, в массе своей протестантов, в отношении Ливонского ордена полны неточностей и отличаются тенденциозностью, обусловленных также поздним происхождением этих сочинений и их привязкой к событиям Ливонской войны [9, S. 21–41]. Хорошо знакомы средневековые орденские хроники – Старшая и Младшая рифмованные хроники конца XIII и первой половины XIV века, а также хроника Германа Вартберга XIV века [10], тогда как в Университетской библиотеке Упсалы хранятся гораздо менее известные «Магистерская хроника» Иоганна Зандера и «Малая магистерская хроника» (Uppsala universitetsbibliotek (Carolina Rediviva). H 131) конца XV века, а также интереснейшее публицистическо-историческое сочинение, известное как «Прекрасная история об удивительных деяниях государей Ливонии в борьбе с русскими и татарами» (ibidem), в котором представлены события ливонской истории 1491–1507 годов [8, S. 113–265]. Она была создана по инициативе руководства ордена в пропагандистских целях и напечатана в Кёльне в 1508 году, но до наших дней дошел ее единственный рукописный экземпляр, находящийся в настоящее время в Упсале. Автор хроники неизвестен; Л. Арбузов видел в нем секретаря ливонского магистра Вольтера фон Плеттенберга (1494–1535) Кристиана Бомховера, который представлял Ливонский орден в римской курии и занимался распространением в Западной Европе «крестоносных» индульгенций в пользу Ливонского ордена, хотя прямые доказательства авторства Бомховера в данный момент отсутствуют. Сугубо прагматическая направленность «Прекрасной истории» не умаляет ее значение как исторического источника, поскольку содержащаяся в ней информация исходит от автора очень осведомленного, близкого орденскому руководству и имевшего доступ к официальной документации Ливонского ордена [2; 7; 17].

Архивные фонды, таким образом, предоставляют широкие возможности для изучения Немецкого ордена в Ливонии. Вместе с тем в России их реализация немало затруднена отсутствием исследовательских школ соответствующего профиля, нацеленных на всестороннюю подготовку специалистов – историческую, языковую, архивоведческую и палеографическую. Такого рода работа в настоящее время начата на базе Балтийского центра Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого при содействии руководства университета и при финансовой поддержке РНФ.

1. Бессуднова, М. Б. Документы по истории русско-ливонских отношений конца XV – начала XVI в. в Тайном Государственном архиве прусского культурного наследия (Берлин-Далем) / М. Б. Бессуднова // Архивы и история российской государственности. – СПб., 2011. – Вып. 2. – С. 6–15.
2. Бессуднова, М. Б. Ливонская хроника «Прекрасная история» из университетской библиотеки Упсалы как источник по российской истории рубежа XV–XVI вв. / М. Б. Бессуднова // Архивы и история Российской государственности. – СПб., 2013. – Вып. 4. – С. 7–10.
3. Бессуднова, М. Б. Ливонский орден в современной зарубежной историографии / М. Б. Бессуднова // Средние века. – 2018. – Вып. 78–1. – С. 103–125.
4. Филюшкин, А. И. От ордена осталось только имя... Судьба и смерть немецких рыцарей в Прибалтике / А. И. Филюшкин, Д. И. Вебер. – СПб. : Наука, 2018. – 247 с.
5. Akten und Rezesse der livländischen Ständetage / hg. v. L. Arbusow. – Riga, 1908–1910. – 1000 S.
6. Baltic Connections. Archival Guide to the Maritime Relations of the Countries around the Baltic Sea (including the Netherlands) 1450–1800. 3 vols / ed. L. Bes [a. o.]. – Leiden : Brill, 2007. – 2415 p.
7. Benninghoven, F. Rußland im Spiegel der livländischen Schonne Hystorie von 1508 / F. Benninghoven // Rossica externa: Studien zum 15. -17. Jahrhundert. Festgabe für Paul Johansen zum 60. Geburtstag / hg. v. H. Weczerka. – Marburg : Elwer, 1963. – S. 11–35.
8. Eynne Schonne Hystorie van vunderlyken gescheffthen der herren tho Lyfflanth myth den russen unde tartaren // Archiv für die Geschichte Liv-, Est- und Kurlands. – 1861. – Bd. 8 /2. – S. 113–265.
9. Freicherr von Taube, A. «Der Untergang der livländischen Selbständigkeit»: die livländische Chronistik des 16. Jahrhunderts / A. Freiherr von Taube // Die Geschichte der deutschbaltischen Ge-schichtsschreibung / hg. v. G. v. Rauch. – Köln : Böhlau, 1986. – S. 21–41.
10. Geschichtsschreibung im mittelalterlichen Livland. – Münster, 2011. – 306 S.
11. Hormuth, D. Livonia est omnis divisa in partes tres: Studien zum mental mapping der livländischen Chronistik in der Frühen Neuzeit (1558–1721) / D. Hormuth. – Stuttgart, 2012. – 248 S.
12. Hanserecesse. – Abt. 1–3. – Leipzig, 1870–1913.
13. Hansisches Urkundenbuch. – Bde. 1–11. – Halle, Leipzig, Weimar, München, 1876–1916.
14. Index corporis historico-diplomaticus Livoniae, Estoniae Curoniae. – Bde. 1–2. – Riga, Dorpat, 1835. – 414 S.
15. Liv-, Est-und Kurländisches Urkundenbuch. – Abt. 1–2. – Reval, Riga, 1853–1914.
16. Regesta historico-diplomatica Ordinis S. Mariae Theutonicorum 1198–1525. – Göttingen, 1950. – 396 S.
17. Thumser, M. Antirussische Propaganda in der «Schönnen history» / M. Thumser // Geschichtsschreibung im mittelalterlichen Livland / hg. v. M. Thumser. – Münster : LIT-Verlag, 2011. – S. 133–154.
18. Tumler, M. Die Urkunden des Deutschordens-Zentralarchivs in Wien: Regesten / M. Tumler. – Marburg, 2007. – 490 S.

Подберёзкин Ф. Д.

ЗА ЧТО БЫЛИ УБИТЫ ПСКОВИЧИ «НА ДАНИ» В 1285 ГОДУ?

Пожалуй, самым загадочным событием русско-ливонских отношений времён правления магистра Немецкого ордена в Ливонии Виллекина фон Эндорпе (Willekin von Endorpe) является убийство сборщиков дани из Пскова зимой 1285 г. Согласно тексту Псковской первой летописи:

> *«Бысть знамение в луне, месяца декабря в 24, в день неделныи. И по двою недель, месяца генваря во 12 день, избиша Немцы пскович на дани, оу Волысту, 40 муж; якоже древле и грунографи глаголют, яко знамение несть на добро, но на зло присно является»* [7, S. 13–14; 8, S. 22, 88].

Этот неясный пассаж дополняется сведениями из списка потерь немецких торговцев на территории Руси за 1288–1311 годы. Возникает «главный подозреваемый» – брат Ордена Отто Пашедах:

> *«В год Господень 1288 немецких купцов ограбили на 24. 000 единиц пушнины (24 millia puleri operis), и это сделали псковичи, в присутствии епископа Дерпта, братьев и послов из Новгорода, а также в присутствии многих других знатных мужей они подтвердили, что это было сделано из мести за убитых, которых убил брат Отто Пашедах с людьми из Розиттена в земле Атзеле (Adzelle). Причём названые немцы потеряли 60 марок»* [2, S. 13–14; 8, S. 22, 88].

По мнению исследователей, в вышеназванных сообщениях речь идёт об одном и том же убийстве. Если это так, то именно Отто Пашедах (предположительно, фогт Розиттена) и являлся главным организатором убийства псковских сборщиков дани [3, S. 106–107; 9, с. 15–16; 6, S. 250–251; 5, S. 500]. Возможно, что причиной убийства был не согласованный с ливонскими владетелями сбор дани псковичами со спорной пограничной территории. Неясно, почему Отто Пашедах и «люди Розиттена» находились в земле Атзеле, далеко от места своей «непосредственной ответственности». Могло ли убийство иметь исключительно персональные мотивы?

Отто Пашедах дважды упоминается в Рижской долговой книге: 8 и 29 сентября 1289 г. 8 сентября он требует возврата долга в 7 марок серебра у Энгельберта Криспа (Engelbertus Crispus), 29 сентября – 14 марок у Сведеруса из Митавы (Suederus de Mythowe) [1, S. 27, 87]. По всей видимости, эти долговые обязательства возникли в результате ростовщичества, которое стало серьёзной проблемой в рядах братьев Немецкого ордена как раз во второй половине XIII в. [1, S. XXII]. Предположим, что упомянутые события – а) убийство русских в 1285 г.; б) ограбление ливонских торговцев в 1288 г.; в) требования денег со стороны Пашедаха в 1289 г. – взаимосвязаны между собой.

В таком случае ростовщические занятия Отто Пашедаха позволяют объяснить, зачем «люди Розиттена» убили псковичей. Это был один из типичных случаев второй половины XIII в., когда отдельные братья Ордена из-за меркантильных соображений нарушали мирный порядок отношений с пограничными территориями (в данном кейсе – с Псковом) [1, S. XXXIV].

Отто Пашедах мог знать, что псковичи пришли в Ливонию по «старине» предыдущих русско-ливонских соглашений, согласно которым псковичи и новгородцы сохраняли право сбора дани с части земель Рижской церкви и Немецкого ордена [6]. Псковичи не находились на территории фогства Розиттен – таким образом, «люди Розиттена» действовали по собственной инициативе (без указаний магистра, рижского или дерптского епископов). Главной целью являлись деньги, которые впоследствии можно было отдать в рост. Это объясняет, почему требование денег со стороны кредитора (Пашедах, 1289) близко по времени к русско-ливонским переговорам (1288). Псковичи открыто назвали по имени главного виновника конфликта. Следовательно, Отто Пашедах становился ответственным за компенсацию потерь немецких купцов и должен был возместить серебро за счёт своих должников.

1. Das Rigische Schuldbuch (1268–1352) / hrsg. von H. Hildebrand. – St. Petersburg : Eggers & Co. [u. and.], 1872. – 153 S.
2. Hansisches Urkundenbuch : 11 Bd. / hrsg. von K. Höhlbaum [u. and.]. – Halle [u. and.] : Buchhandlung des Waisenhauses [u. and.], 1876–1939. – Bd. 3. – 1882–1886. – 586 S.
3. Keussler, F. von. Die Tributpflichtigkeit der Landschaft Tolowa an die Pleskauer / F. von Keussler // Mitteilungen aus der livländischen Geschichte. – 1890. – Bd. 14. – S. 81–110, 129–130.
4. Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch: nebst Regesten : in 2 Abt., 12 und 3 Bd. / hrsg. von F. G. Bunge [u. and.]. – Reval [u. and.] : Kluge und Ströhm [u. and.], 1853–2018. – Abt. 1, Bd. 6. – 1873. – 796 S.
5. Ritterbrüder im livländischen Zweig des Deutschen Ordens / hrsg. von L. Fenske und K. Militzer. – Köln [u. and.] : Böhlau, 1993. – 956 S.
6. Selart, A. Livland und die Rus` im 13. Jahrhundert / A. Selart. – Köln [u. and.] : Böhlau, 2007. – 373 S.
7. Псковские летописи : в 2 вып. / под ред. А. Н. Насонова. – М. ; Л. : АН СССР, 1941–1955. – 1941. – Вып. 1. – 148 с.
8. Псковские летописи : в 2 вып. / под ред. А. Н. Насонова. – М. ; Л. : АН СССР, 1941–1955. – 1955. – Вып. 2. – 365 с.
9. Юрьенс, И. Вопрос о ливонской дани / И. Юрьенс // Варшавские университетские известия. – 1913. – Вып. 6. – С. 1–8 ; Вып. 7. – С. 9–16 ; Вып. 8. – С. 17–32 ; Вып. 9. – С. 33–57.

Сердюк Б. В.

«ХРОНИКА ЛИВОНИИ» КАК ИЛЛЮСТРАЦИЯ ОСМЫСЛЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫМ ЛАТИНСКИМ КЛИРИКОМ АКТУАЛЬНОЙ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ОБСТАНОВКИ

XIII век стал важной вехой в истории межконфессиональных отношений на границе древнерусских земель и балтийского региона. Если в начале века ещё прослеживаются тенденции к сближению христиан восточного и западного обрядов, то после 30-х годов XIII века две христианские традиции вступают в стадию активной конфронтации [4, с. 7]. Всё это сопровождалось нависшей татарской угрозой и борьбой представителей обеих христианских конфессий с языческими племенами.

Обратимся к памятнику письменности, современному событиям начала XIII века, чтобы пролить свет на ментальные установки средневекового латинского клирика и осмыслить его понимание актуальной конфессиональной обстановки.

Одним из основных источников по истории балтийского региона интересующей нас эпохи является «Хроника Ливонии», составленная современником описываемых событий. На сегодняшний день сохранилось 16 списков хроники, древнейшие из которых датируются XIII веком [2, с. 33]. Начиная с 1740 г. Хроника неоднократно переиздавалась на латыни. На русский язык текст хроники был переведён С. А Аннинским в 1938 г. В 2002 году В. И. Матузова и Е. Л. Назарова уточнили перевод Аннинского и издали его, снабдив обширными комментариями [2].

Большинство исследователей в качестве автора данной хроники называют священника Генриха из северной латгальской области Имера [1, с. 15–27]. Исследователи также отмечают, что священник Генрих являлся приближенным Рижского епископа Альберта и составлял хронику по его благословению с целью подготовки отчета к прибытию папского легата [2, с. 32]. Произведение Генриха является прекрасной иллюстрацией отношения ливонского латинского клирика начала XIII века к представителям иных вероисповеданий.

Начнем с рассмотрения отношения автора к языческим народам балтийского региона. Отметим, что обращение местных язычников в христианство – основная тема хроники Генриха. С самых первых строк автор отсылкой к библейскому тексту намекает читателю на то, как тому следует воспринимать описываемые языческие народы. Он уподобляет балтийских язычников библейским Раав и Вавилону, имея в виду Пс. 8:4. Комментируя данную реминисценцию, Е. Л. Назарова следует за «Толковой Библией» А. П. Лопухина (1904 г.), раскрывшего этимологические тонкости древнееврейского слова «Раав». При таком понимании язычники должны восприниматься как коварные и гордые чудовища Египта [3]. Однако, подобное толкование вряд ли было знакомо средневековому книжнику. Данный отрывок в святоотеческой экзегетической традиции толкуется следующим образом: 1) Бог хранит добрую память о тех, кто грешил, пребывая в неведении, но пробудился и обратился к Нему; 2) Церковь состоит из некогда языческих народов [3]. Такое толкование безусловно более соответствует дальнейшей риторике повествования. Отсылкой к Св. Писанию автор с самого начала хроники подчеркивает, что осуждения достойно язычество как феномен, а не сами «заблудшие» язычники.

Говоря о военных конфликтах с местными народами, автор старается избегать обобщающего термина «язычники» и старательно указывает их наименования (куры, ливы, летты, литовцы и тд.). Он также не снабжает слово «язычники» негативными эпитетами, при этом «лживые ливы», «коварные литовцы» и т. д. встречаются в тексте повсеместно. Таким образом, Генрих представляет местные языческие племена как сообщества людей, временно пораженных недугом идолопоклонства [2, с. 55]. Исцелять которых (если возможно) должно «речами, а не мечами» [2, с. 55].

Интересно, что Генрих ни разу не применяет дефиницию «язычники» в отношении татар. Вероятно, автор находился в замешательстве относительно религиозной принадлежности этого неведомого народа.

Перейдем к рассмотрению статуса христиан восточного обряда в Хронике Ливонии. Из текста явствует, что рижский священник прекрасно понимает, что жители соседних древнерусских княжеств являются христианами. Повествуя о военных столкновениях с русскими, Генрих стремится изобразить сражения как можно деликатнее. Например, захватив русский замок Кукенойс, тевтоны не решились убивать христиан, а просто ограбили их, чем всё равно вызвали негодование епископа, пекущегося о благе всех христиан [2, с. 114]. В других местах хроники автор называет русских единоверцами [2, с. 118] и братьями во Христе (*fratres conchristianos*) [2, с. 87].

Каков в таком случае канонический статут русских епархий в понимании хрониста? Автор неоднократно подчеркивает, что рижский епископ испросил дозволения Полоцка на миссию в землях, входящих в его юрисдикцию [2, с. 52, 111–112]. Следовательно, полоцкая епархия воспринимается рижским клириком как легитимная, каноническая и автономная церковно-административная единица. Показательно также, что в тексте хроники не встречается слово «*Catholico» (*принадлежащий ко Вселенской церкви), которое употреблялось, как противопоставление раскольникам (например, в Магдебургских анналах русские именуются *«minus catholici»,* то есть «не вполне принадлежащие ко Вселенской церкви») [5, p. 188].

В аналогичном каноническом статусе автор воспринимает свою собственную Ливонскую церковь, которую считает молодой, но вполне автономной церковью. Очевидно, григорианская идеология римоцентризма не была близка рижскому духовенству. Хронист ни разу не именует свою церковь «Римской». Генрих безусловно отмечает высокий статус Рима, с пиететом относится к римскому понтифику, однако явно не является ультрамонтаном [2, с. 132].

Для Генриха очевидно, что русские христиане имеют иной богослужебный обряд. Для терминологического размежевания он использует слова «русский» и «латинский» (обряд) [2, с. 114]. Хронист не выказывает негативного отношения к восточному обряду, однако не скрывает радость по поводу решения сыновей Талибалда из Толовы переменить свой обряд на латинский [2, с. 123]. Автор также даёт понять, что ему известно о существовании антилатинской полемики в среде русского духовенства [2, с. 124].

Разница в богослужебной традиции в понимании хрониста не является значимой для действенности божественной благодати. Описывая захват тевтонами русского города, автор указывает, что из местного храма были вынесены иконы, кадила и прочие реликвии [2, с. 133]. Комментируя данный эпизод, Е. Л. Назарова отмечает, что это было сделано из неуважения к восточному христианству и желания продемонстрировать превосходства латинства [2, с. 166, 183]. Однако, на наш взгляд в данном случае очевидно, что речь идёт не о попрании русских святынь, а о переносе их и ливонские храмы. Следовательно, реликвии восточной церкви почитались рижанами наравне с латинскими и считались источниками божественной благодати. Это касается и действенности таинств русской церкви. Генрих повествует о том, что русские священнослужители совершали обряд крещения над некоторыми язычниками [2, с. 119]. Он не сомневается в благодатности крещения, проведенного в рамках восточной традиции.

Стоит также обратить внимание на эпизод прибытия в Ригу папского легата Вильгельма [2, с. 140]. Автор хроники сообщает, что когда русские из окрестных княжеств узнали, что в Риге находится достопочтенный легат апостольского престола, то они тотчас направили на встречу к нему своих послов. Они также просили его утвердить мир между русскими и тевтонами. Далее сообщается что русские в числе иных местных народов внимали душеспасительным проповедям легата. Для нас не столь важно имел ли в действительности место описанный эпизод. Важнее то, что автор хроники считает его таковым. Он не сомневается в том, что система христианских ценностей русских клириков идентична его собственной системе ценностей. Для Генриха очевидно, что такое важное для латинской церковной общины событие, как приезд легата апостольского престола, не может не заинтересовать русское христианское население.

Отношение хрониста к восточным христианам прекрасно иллюстрируется в эпизоде, повествующем о сожжении рижанами русского замка Герцике, который автор представляет, как некий вертеп разбойников, «досаждающий как крещёным, так и некрещеным» [2, с. 86]. Вразумляя «наказанного за свои злые деяния» князя, епископ увещевает его «впредь избегать общения с язычниками, не досаждать вместе с ними рижской церкви, не разорять вместе с литовцами землю твоих христианских единоверцев» [2, с. 86–87].

Можно отметить, что восприятие Генрихом русской церкви не противоречит официальной позиции Рима начала XIII века. Папа Гонорий III, возглавлявший в то время римскую кафедру, в своих письмах выражает подобные настроения. Послание к христианам Руси в 1224 г. он составляет в духе единства церкви, игнорируя существующие различия и разногласия [2, с. 216]. При этом в другом послании папа Гонорий выражает озабоченность тем, что в среде русского духовенства всё же имеются некоторые диссиденты, которые распространяют «греческую схизму, маскируя её под личиной старинных обычаев» [2, с. 206].

Подводя итоги, укажем, что автора Ливонской Хроники трудно назвать идеологом военной борьбы с язычниками – ему более импонирует идея борьбы с язычеством как заблуждением (по возможности проповедью). Некоторых русских Генрих считает плохими христианами, но всё же единоверцами, братьями во Христе. Рижскому клирику известно о существующей полемике между латинской и восточной церквями, однако он предпочитает не акцентировать внимание на разногласиях, а продолжает воспринимать христианство единым.

1. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1938. – 608 с.
2. Матузова, В. И. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г.: Тексты, перевод, комментарий / В. И. Матузова, Е. Л. Назарова. – М. : Индрик, 2002. – 447 с.
3. Толкования на Пс. 86:4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bible.optina.ru/old:ps:086:04. – Дата доступа: 19.03.2021.
4. Флоря, Б. Н. У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII в.) / Б. Н. Флоря. – СПб. : Алетейя, 2004. – 222 с.
5. Annales Magdeburgenses / ed. G. Pertz // MGH SS 16ed. – Hannoverae : IBAH, 1859 – P. 107–196.

Риер Я. А.

О ПЕРСПЕКТИВАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЭМЫ "AULAEUM DUNAIDUM" АВГУСТИНА ЭУКАЭДИЯ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РАННЕЙ ИСТОРИИ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО (СЕРЕДИНА XIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIV В.)

В настоящее время одним из перспективных направлений в исторической науке является изучение исторической памяти, представленной в нарративных источниках, как свидетельства мировоззрения средневекового книжного человека, а также перцепции восприятия авторами произведений тех или иных событий, образов прошлого. В контексте изучения истории Великого княжества Литовского середины XIII – первой половины XIV в., а также анализа образов правителей, представленных в различных нарративных традициях особенный интерес представляют собой хроники, созданные на территории Немецкого ордена в XIV – начале XV в. Вместе с тем, заслуживают внимания и более поздние источники, причем не только летописные, но и литературные, поэтические, которые зачастую отодвигаются на второй план при проведении исторических исследований.

Так, ценным с точки зрения анализа образа и роли правителей Литвы на первых этапах становления государственности, является созданное в XVI в. рифмованное латиноязычное сочинение «Aulaeum Dunaidum...» ливонского автора Августина Эукаэдия (Augustinus Eucaedius). До недавнего времени оно практически не рассматривалось в исторической перспективе. Тем не менее, за последнее десятилетие появился ряд специальных работ, посвященных анализу данного произведения, главным образом, в среде прибалтийских и немецких историков и литературоведов. Изучение текста произведения Августина Эукаэдия, а также знакомство с проведенными историческими и литературными анализами «Aulaeum Dunaidum...» позволяет говорить о нем, как об одном из примечательных исторических поэм эпохи Просвещения, позволяющим глубже понять не только социо-политические и культурные обстоятельства его создания, но изучить память о предшествующих жизни автора событиях, представляющей не что иное, как отражение существовавшей действительности, сохранившиеся в памяти образы событий и личностей. Особенно актуальным с этой точки зрения является изучение и использование «Aulaeum Dunaidum...» Августина Эукаэдия в контексте исследования образа первых правителей Литвы в исторической традиции, анализа их эволюции и трансформации.

До сих пор можно найти очень мало сведений об авторе. Известно, что Августин Эукаэдий происходил из Ливонии и именно так он идентифицировал себя в предисловии к своей работе – «Augustinus Eucaedius Liuonius» [5, с. 400]. История происхождения его псевдонима доподлинного неизвестна. Считается, что настоящая фамилия автора – Унверфехрт. В 1563 г. он был зачислен в Ростокский университет под именем Августин [6, с. 237]. Свой творческий и жизненный путь он связал с Ливонией, ее культурой и политическим наследием.

Произведение, полное название которого звучит как «Aulaeum Dunaidum, continens seriem ac sucessiones Archiepiscoporum Rigensium in Livonia, scriptum ad Reverendissimum ac Illustrissimum Principem ac Dominum Dominum Sigismundum Augustum Archiepiscopum Rigensem designatum, Ducem Megapolensem, principem Vandalorum, Comitem Suerinaeum, ac Stargatiorum Dominum, etc. a Augustino Eucaedio Livonio» впервые было опубликовано на латинском языке в 1564 г. в Виттенберге. В наши дни рукопись хранится в Австрийской национальной библиотеке в Вене. В 1794 г. «Aulaeum Dunaidum...» было переиздано [4]. Считается, что всего было выпущено 14 экземпляров данной редакции издания [1, с. 530]. В 1848 г. поэма была опубликована на латинском языке во втором томе «Scriptores Rerum Livonicarum» [5]. В 1925 г. ее текст и анализ был представлен широкой публике известным латвийским историком и филологом, дипломатом Арнольдом Спекке [8]. В 2014 г. в Риге появилось двуязычное издание поэмы Августина Эукаэдия с комментариями [3].

«Aulaeum Dunaidum...» было посвящено рижским архиепископам и Сигизмунду Августу [2, с. 139]. Образцом для Эукаэдия стала поэма Иоахима Минзингера (Joachim Mynsinger) «Austriados libri duo» (1540 г.), в которой речной бог Дунай созывает мифический водный совет с участием Дунайских нимф и притоков Дуная [2, с. 140]. В поэме Августина Эукаэдия главным героем также является речной бог, оплакивающий судьбу Ливонии, измученную военными кампаниями. При этом Сигизмунд Август представлен спасителем ливонцев, заступившимся за духовенство и народ, а его образ тщательно вплетается в сотканный наядами вязаный ковер с изображениями епископов и архиепископов Риги [2, с. 140].

Создание текста было обусловлено распадом Ливонии, а также воспоминаниями о былом могуществе и многочисленных военных событиях, проходивших на ее территории. Произведение наполнено переживаниями за будущее истощенной земли, а также воспоминаниями о ее героическом прошлом, представленным в поэтической манере. Характерно для автора стремление к покровительству, подчеркивание роли религии, веры в развитии общества и государства в целом [6, с. 238].

В начале повествования Августин описывает образ идеального правителя и указывает, какие качества были бы желательны для него, чтобы он успешно выполнял обязанности главы государства. При этом он подчеркивает важную роль образованности государя, а также его способностей к управлению армией [7, с. 382]. Успех в военном деле – одна из ключевых характеристик могущественного правителя. Поэтому пристальное внимание Августин Эукаэдий уделяет великим правителям прошлого, характеризуя их военные качества и боевые заслуги. Особенно показательны в данном отношении описательные характеристики, даваемые автором первым правителям Великого княжества Литовского. Литва и литовцы представлены Августином Эукаэдием воинственным народом, совершающим набеги и проводящим достаточно жесткую военную политику. Тем не менее, он подчеркивает роль правителей Литвы в развитии государственности и защите своих земель от посягательств, а также создает их воинственный образ.

Так, Августин называет Миндовга могущественным лидером, не уступающим по своей силе другим правителям и в то же время не более суровым, чем они:

Dux Mondauus erat, quo non crudelior alter,
Nec feritate fuit, nec bello maior et armis,
Quem Litaui, quem Samogetae coluere feroces,
Et dominum agnouere suum. Dux ille potentum
Vna Lionum bellum cum gente gerebat
Assiduum, et late vastabat milite campos [5, с. 408].

Важным является также указание автора на то, что Миндовг являлся независимым правителем, проводившим свою военную политику в отношении соседних племен, пусть и очень агрессивную, но держа дисциплину и в войске, и на поле брани.

Необходимо отметить, что сквозь весь текст Августина Эукаэдия проходит мысль о том, что хотя знание (гуманитарные науки) и война пользуются одинаковым уважением в обществе, люди помнят в первую очередь военные достижения правителей, а не период процветания достижений свободного искусства и образования. Возможно, именно поэтому он столько внимания уделяет именно образам правителей прошлого в качестве военных лидеров, подчеркивая их боевые достижения. Так, он ярко описывает Витеня, которого называет «военным лидером» и «героем Литвы», а также «агрессором, атакующим соседние земли»:

«At Vithines belli ductor, Lituanius Heros,
Multa putans, ciuesque animo miseratus amicos,
Brunonem merita mulctabat morte Magistrum…» [5, с. 409].

Кроме того, из данного фрагмента можно почерпнуть ценную информацию о победе Витеня над магистром Бруно и его убийстве, а также о стремлении христианских рыцарей взять реванш, отомстить языческому правителю за данное преступление.

Представляет ценность и информация, содержащаяся в «Aulaeum Dunaidum...» и касающаяся механизмов легитимизации власти первых правителей Литвы. Так, при описании времени правления Гедимина, Августин Эукаэдий подчеркивает его хитрую дипломатическую политику с церковью, указывает на попытки привести его к «истинной вере», которые окончились провалом:

«Imperium Litaui regni Gedeminus habebat,
Pollicitus Christum accepturum sacraque nostra.
Ter conatus eum a vanis deducere Diuis
Mutatum, atque animo conuersum ad numima prisca:
Ter nihil efficiens studium consumpsit inane,
Magnorum impensis operum fraudatus et auro.
Ille olim in syluis Dominum, Regemque suorum
Agressus Vithinem ad patrias truncauerat aras
Ter centum Dious lingua, Diuasque tonantem:
Dotale extinctique viri cum coniuge regnum
Accepit, populumque sibi subiecit agrestem» [5, с. 411].

Примечательно здесь также свидетельство покарания Витеня за его богохульство в виде «божественного огня», убившего грешного литовского правителя за все его прегрешения против истинной веры. Кроме того, подчеркивается значение династического брака Ягайло и Ядвиги, который смог принести литовцам христианство, а государству – спокойствие.

Разумеется, это далеко не полное описание свидетельств, касающихся истории Литвы середины XIII – первой половины XIV в., которое можно найти в произведении «Aulaeum Dunaidum... » Августина Эукаэдия. Сама поэма, как и социо-политические условия ее создания заслуживают тщательного и масштабного анализа с точки зрения исторической ретроспективы. И несмотря на то, что данное произведение было создано в середине XVI в., относится к более позднему периоду, характеризуется ярко выраженной литературизированностью и поэтичностью, а значит – не может

выступать в качестве самостоятельного исторического источника, оно представляет огромную ценность с точки зрения представления образов власти первых правителей Литвы в исторической памяти народов, в том числе, анализа трансформации роли правителя в эпоху Возрождения и Просвещения, исследования механизмов институционализации его власти на разных этапах государствообразования, а кроме того – реконструкции представлений о государе в латинской нарративной традиции в зависимости от конкретных социо-политических и культурных условий развития общества.

1. Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-Lexikon Der Provinzen Livland, Esthland und Kurland / J. Friedrich von Recke, K. E. Napiersky. – B. 1. – Mitau : Johann Friedrich Steffenhafen und Sohn, 1827. – S. 530.
2. Amann-Bubenik, J. Ein Flüssekonzil zu Ehren Kaiser Maximilians II. Das Carmen Danibius des Augustinus Eucaedius / J. Amann-Bubenik // Acta Conventus Neo-Latini Vindobonens : Proceedings of the Sixteenth Intarnational Congress of Neo-Latin Studies, Vienna, 2015 / ed.: A. Steiner-Weber [et al.]. – Leiden ; Boston : Brill, 2015. – S. 139–152.
3. Eicēdijs, A. Daugavas paklājs / A. Eicēdijs / atdz. R. Šestaks, D. Fogele; kom. B. Cīrules, D. Fogeles. – Rīga : LU Akadēmiskais apgāds, 2014. – 167 s.
4. Eucaedius, A. Aulaeum Dunaidum, continens seriem ac sucessiones Archiepiscoporum Rigensium in Livonia… / A. Eucaedius. – Et Ruyni, 1794. – 66 s.
5. Eucaedius, A. Aulaeum Dunaidum… / A. Eucaedius // Scriptores Rerum Livonicarum. – B. 2. – Riga-Leipzig : Eduard Franken`s Berlags, 1848. – S. 393–426.
6. Klekere, I. Daugavas paklājā ieskatoties / I. Klekere // Antiquitas Viva 5. Studia classica. – 2019. – S. 237–242.
7. Laizāns, M. Izglītotības dižciltīgums Rīgas neolatīnisko dzejnieku sacerējumos / M. Laizāns // Current issues in Literary and Cultural Research : Rakstu krājums Conference Proceedings. – Vol. 22. – Liepāja, 2017. – S. 377–384.
8. Spekke, A. Livonijas dzejnieka-humanista Eicedija poema "Danubius" / A. Spekke // Latvijas Universitātes Raksti. – 1925. – № 120. – S. 3–56.

Дзярновіч А. І.

ШТУРМ ЗАМКА ПІЛЕНАЙ У 1336 Г.: СЯРЭДНЯВЕЧНАЯ НАРАЦЫЯ І МЕТОДЫКА ТЭКСТАЛАГІЧНАГА ДАСЛЕДАВАННЯ ХРОНІК

Адзін з самых красамоўных эпізодаў экспансіі Нямецкага ордэна ў Балтыйскім рэгіёне і яго супрацьстаяння з Вялікім Княствам Літоўскім і землямі, якія ў будучым увойдуць у яго склад, звязаны з легендарным штурмам замка Піленай у 1336 г. Гэтая падзея адбылася пад час выправы (рэйду) ордзенскага аддзела на чале з вялікім магістрам Дытрыхам фон Альтэнбургам (з роду бургграфаў Альтэнбургу; вялікі магістр 3. V. 1335 – 6. X. 1341).

Кіраванне вялікага магістра Дытрыха было адметным тым, што ён прыцягнуў у дапамогу Ордэну новыя сілы рыцараў-візіцёраў з Цэнтральнай і Заходняй Еўропы: аддзелы герцага Брандэнбургскага, графаў з Фландрыі (comes de Namen), Францыі, германскіх (Hennenberg) і аўстрыйскіх земляў. Узімку 1335–1336 гг. агульная колькасць гэтых добра ўзброеных "гасцей" дасягала звыш 200 'galea' (шаломаў) [5, S. 196].

Паводле паведамленняў нямецкіх ордэнскіх хронік, аб'яднаныя ордэнскія аддзелы 25 лютага 1336 г. выправіліся на Літву і узялі ў аблогу "castrum Pillenen in terra Troppen". Як можна зразумець, гэты "замак Піленай" у "зямлі Тропен" быў важным апорным пунктам у Жамойці, на мяжы з ужо заваяванай Ордэнам Прусіі. Зямля Тропен, таксама як і замак Піленай, не маюць дакладнай лакалізацыі. Мяркуецца, што яны знаходзіліся на паўночным (правым) беразе ніжняга Нёмана.

Апісанні падзей у замку Піленай, пакінутыя ордэнскай хронікай, нагадваюць па сваёй стылістыцы і маштабу антычную трагедыю. Гэтыя апісанні пакінуў ордэнскі храніст Віганд Марбургскі, паводле словаў якога да Піленай збеглася звыш 4. 000 чалавек з чатырох земляў. Пабачыўшы ордэнскае войска, язычнікі "згубілі надзею на ўтрыманне замку" і пакідалі сваю маёмасць ў полымя. Затым адбыўся акт калектыўнааг суіцыду. Драматызму нарацыі надае аповед пра "vetula pagana" ("старую паганку"), як можна меркаваць – вядунью, якая сякерай забіла 100 сваіх супляменнікаў, а потым забіла сама сябе.

Граф Гененберг узяў пад кантроль замак, але частка абаронцаў, параненыя, здолелі сысці на конях. Правадыр паганцаў, якога хроніка называе "Rex Lithwanorum", быў абаронены тарчамі сваіх слугаў. "Ахоплены страхам" ён уцёк да нейкай хованкі, дзе закалоў сваю жонку і ўкінуў яе цела ў агонь. Паганцы ж, уражаныя такой паразай, нахілілі свае галовы і правадыр іх усіх пазабіваў. "Castrum Polenen" быў разбураны, і з яго былі выведзены палонныя ды багатая здабыча [5, S. 198].

Базавыя звесткі пра падзеі пад Піленай першым зафіксаваў, з таго што на сёння вядома, храніст Віганд Марбургскі (фон Магбургскі) (каля 1365 – 1394 /1409). Сам Віганд не з'яўляўся рыцарам Ордэна, але быў герольдам вялікага магістра Конрада Валенрода (1391–1393). Хроніка Віганда ахоплівае перыяд ад 1293 па 1394 гады і з'яўляецца адной з найважнейшых крыніц па гісторыі Нямецкага ордэна ў Прусіі. Першапачатковы тэкст хронікі быў напісана рыфмаванай прозай на сярэдне-верхне-нямецкай мове (vulgari teutonico). Мяркуецца, што арыгінальны тэкст складаўся з прыкладна 17. 000 радкоў, але да нашых дзён дашлі 542 радкоў (9 урыўкаў) [9, s. 293–294].

У сярэдзіне XV ст. з ініцыятывы польскага гістарыёграфа і каралеўскага прыдворнага Яна Длугаша (1415–1580) быў зроблены лацінскі пераклад хронікі. Мяркуецца, што аўтарам перакладу быў Конрад Геселен / Konrad Gesselen (Konrad von Geismar, Conradus / Konrad Gheßelin, 1409–1469), ураджэнец мястэчка Гайсмар у Гесэне [89, s. 95]. У маі 1425 г. Геселен быў іматрыкуляваны (упісаны ў метрыкі) ва Універсітэце Ростаку [3, S. 24; 6, S. 21], а з 1435 г. ён пасяліўся ужо ў Торуне, які ў 1454 г. прызнаў суверэнітэт польскай кароны. У Торуні ў Святаянскай школе Геселен выкладаў матэматыку і астраномію, у далейшым стаў святаром – вікарыем і пробашчам. З торуньскім перыядам звязана і замова, якую Геселен атрымаў ад Яна Длугаша – перакласці з нямецкай мовы на лаціну тэкст хронікі Віганда Маргбургскага. Гэта пераклад быў выкананы ў празаічнай форме і з'яўляецца адзіным перакладам поўнага тэксту "Новай прускай хронікі". У 1821 г. у бібліятэцы торуньскага кляштару бернардзінцаў К. Лукасам быў знойдзены рукапіс лацінскага перакладу хронікі. Нямецкі гісторык Ёганес Фойгт / Johannes Voigt і меценат граф Эдвард Рачынскі ў 1842 г. ажыццявілі выданне перакладу хронікі Віганда [4]. Менавіта праз гэтае выданне "Новая пруская хроніка" набыла вядомасць сярод даследчыкаў. Найбольш жа папулярнай стала публікацыя хронікі ў шматтомным выданні прускай хранікарнай спадчыны "Scriptores rerum Prussicarum" [5, S. 430–662], якое падрыхтавалі Тэадор Гірш, Макс Тэпен і Эрнст Штрэльке.

Ужо ў XV ст., пасля з'яўлення лацінскага перакладу хронікі Віганда Марбургскага, пачынаюць з'яўляцца інтэрпрэтацыі звестак з гэтага твору. Першым да аблогі Піленай звярнуўся Ян Длугаш, на замову якога і рабіўся лацінскі пераклад "Новай прускай хронікі". Тэксталагічныя адрозненні абедзвюх лацінскіх версіяў можна прааналізаваць з дапамогаю табліцы:

Die Chronik Wigands von Marburg [5, S. 487–4889]	**Ioannis Dlugossi, Annales seu cronicae incliti Regni Poloniae [7, S. 192–193]**
Theodoricus de Aldenburg eligitur in magistrum Eodem anno 5° nonas may in die Invencionis Sancte Crusis frater Theodericus de Aldenbirg eligitur in marschalkum, Saxo nacione. Anno 1336. 3° Kal (endas) Aprilis, idem Theodericus item fit magister generalis. || Hic merito cum fratribus Deum laudavit, quum tempore suo multi principes etc. ei subveniunt, s (cilicer). Brandenburgensis, comes de Namen, similiter de Hennenberg, quidam de Francia et Austria et alii multi bene compositi in armis, ultra 200 galeas habentes; unde magister in dominica Remisniscere transiit cum eis in Lithwaniam impugnando castrum Pillenen in terra Troppen, ad quod pagani plus quam 4000 de 4 terris confugerant. Pagani || exercitum videntes perteriti sunt, desperantes de castri observacione, infinita bona in ignem projecerunt, se ipsos occiderunt, ubi, ut ayunt, quedam vetula pagana cum securi 100 ex eis occiderit et se ipsam post interemit. In tali conflictu pagani sic vulnerati multi hinc equitabant, unde comes de Hennenberg ibidem bene se habuit in hoc castro. Rex Lithwanorum quesivit vindictam in Prutenos, qui ignem, ligna et lapides in Castrum et regem jactabant. Rex tarnen a suis clientibus cum schutis protectus, tandem terrore concussus, fugit in quoddam latibulum et conjugem suam transfixit et in ignem jecit. Pagani in tanta afflictione concussi inclinaverunt cervices suas, et rex omnes occidit. Et sic in profectum Prutenorum et christianitatis castrum Polenen destructum est, de quo captivos et rapinam ducunt magnam.	Cruciferi castrum Lithuanicum Pullen insigniter defensum conquirunt Numeroso exercitu ex almanie et austrie oris ad ferendum magistro et ordini Cruciferorum contra barbaros in Prussiam adveniente, inter quos margrabius Brandeburgensis, comes de Namen et comes de Hemenberg, numerabantur principales, in lithwanorum terras itum est et castrum Pullen diebus pluribus oppugnatum, in quod lithwani ex quatuor districtibus se suasque coniuges, || pignora, liberos, fortunas atque pecus, quod locus tam arte quam natura munitus erat, conferendo, quotuor milium hominum numerum expleverant. Et quamvis lithwani in castro predicto conclusi probe saxis superne feriendo impugnatores restitissent, in pluribus tamen locis castro ex arietacione bombardarum diruto et patefacto, videntes castrum ab hostibus capiendum, pira in castri medio extructa, omnes fortunas suas et substancias, ne hostis illis potiretur, incendunt, coniugibus quoque et parvulis trucidatis, iugulum prefecto castri omnes prebent, ne vivi in hostium manus venirent. interim a Christianis castrum conquisitum est; et irruentibus in illud militibus pauci superstites ex tanto numero lythwanorum reperti aut necantur aut captivantur. Castro autem prefato funditus incenso et demolito, regione in circuitu vastata Prussiam katholicus exercitus rediit.

Параўнаўчы аналіз паведамленняў дзвюх хронік важнае, таму што ілюструе варыянты трансфармацыі інфармацыі. Нагадаем, што абодва тэксты створаны на лацінскай мове, а лацінскі пераклад Хронікі Віганда быў замоўлены непасрэдна Янам Длугашам у сярэдзіне XV ст. Для супастаўлення

звестак увядзем шкалу градацыю ідэнтычнасці інфармацыі, з вылучэннем у тэксце адпаведных фрагментаў (клаўзул):

{1}. Поўнае супадзенне;
{2}. Сэнсавае / частковае супадзенне;
{3}. Адрозная інфармацыя;
{4}. Унікальныя звесткі.

Пры гэтым прысутнічаюць кантэкстуальныя фразы, якія не ўтрымліваюць важнай інфарамацыі, але служаць для сузвязкі інфармацыйных клаўзул.

Табліца суадносін супадзення звестак

№ эпізода / падзеі	Die Chronik Wigands von Marburg	Ioannis Dlugossi, Annales seu cronicae incliti Regni Poloniae
1	{4}- Eodem anno 5° nonas may in die Invencionis Sancte Crusis -{4}	
2	s(cilicer). {1}- Brandenburgensis, comes de Namen, similiter de Hennenberg -{1}, {4}- quidam de Francia -{4}	margrabius {1}- Brandeburgensis, comes de Namen et comes de Hemenberg -{1}
3	{4}- in armis, ultra 200 galeas habentes -{4}	
4	{2}- castrum Pillenen -{2} {4} -in terra Troppen -{4}	{2}- castrum Pullen -{2}
5	ad quod {4}- pagani -{4} {2}- plus quam 4000 -{2} {1}- de 4 terris -{1} confugerant.	quod {4}- lithwani -{4} {1}- ex quatuor districtibus -{1} se suasque coniuges, pignora, liberos, fortunas atque pecus, quod locus tam arte quam natura munitus erat, conferendo, {2}- quotuor milium hominum numerum -{2} expleverant.
6		quamvis {4}- lithwani -{4} in castro predicto conclusi
7		ex arietacione {4}- bombardarum -{4}
8	{2}- infinita bona in ignem projecerunt -{2}	{2}- videntes castrum ab hostibus capiendum, pira in castri medio extructa, omnes fortunas suas et substancias ne hostis illis potiretur, -{2}
9	{3}- vetula pagana -{3} cum {4}- securi 100 ex eis -{4} {2}- occiderit -{2} {3}- et se ipsam post interemit -{3}	{2}- incendunt, coniugibus quoque et parvulis trucidatis -{2}, iugulum {3}- prefecto castri -{3} omnes prebent {2}- Christianis castrum conquisitum est -{2}; et irruentibus in illud militibus pauci superstites ex tanto numero lythwanorum reperti aut necantur aut captivantur.
10	{4}- In tali conflictu pagani sic vulnerati multi hinc equitabant, unde comes de Hennenberg ibidem bene se habuit in hoc castro. -{4}	
11	{4}- Rex Lithwanorum quesivit vindictam in Prutenos, qui ignem, ligna et lapides in Castrum et regem jactabant. Rex tarnen a suis clientibus cum schutis protectus, tandem terrore concussus, fugit in quoddam latibulum et conjugem suam transfixit et in ignem jecit. -{4}	
12	{2}- Pagani in tanta afflictione concussi inclinaverunt cervices suas, et rex omnes occidit. -{2}	[*карэспандуецца з паведменнем 9]*
13	{2}- Et sic in profectum Prutenorum et christianitatis castrum Polenen destructum est, de quo captivos et rapinam ducunt magnam. -{2}	{2}- Castro autem prefato funditus incenso et demolito, regione in circuitu vastata Prussiam katholicus exercitus rediit. -{2}

Параўнаўчы тэксталагічны аналіз з выкарыстаннем шкалы градацыі ідэнтычнасці інфармацыі дазваляе сцвярджаць, што Ян Длугаш выкарыстоўваў звесткі Хронікі Віганда з Марбургу, але

непасрэдна запазычыў з яе пераважна лічбы і імёны – такіх ідэнтычных супадзенняў 2 у 13 эпізодаў. Сэнсавыя (частковыя) супадзенні фіксуюцца ў 6 эпізодах. Унікальнымі з'яўляюцца звесткі Віганда Марбургскага ў 8 эпізодах. Але паміж лацінскімі тэкстамі хронік Віганда Марбургскага і Яна Длугаша маецца і сэнсавае адрозненне – паводле ордэнскага храніста акт калектыўнага суіцыду здзяйсняўся з дапамогаю паганкі-вядуні і яе сякеры, у польскага храніста абаронцы замку падставілі свае галовы пад меч правадыра. Такім чынам, у Яна Длугаша прысутнічаюць сюжэтныя запазычанні з Хронікі Віганда Марбургскага, але абодва гэтыя тэксты не ідэнтычныя. Апроч таго, у тэксце Яна Длугаша з'яўляюцца мадыфікацыі – паводле польскага храніста ордэнскі аддзел выкарыстоўвае пад час аблогі замка Пілены бамбарды. Можна выказаць меркаванне, што Ян Длугаш прыўнёс у апісанне ваенных падзей першай паловы XIV ст. актуальны досвед з XV ст. і актуалізаваў карціну аблогі драўляных замкаў с выкарыстаннем артылерыі. Падобны прыём быў уласцівы і для аўтараў XVI ст. пры апісанні падзей XIV ст. [2, с. 58–59] Важна таксама адзначыць, што менавіта ад Длугаша ідзе традыцыя пазначэння гарадзішча Пілены як *castrum Pullen*. У Віганда Маргбургскага гэта быў *castrum Pillenen*. Напісанне Pullen стане для польскага гісторыяпісання XV–XVI стст.

Але найважнейшую трансфармацыю, якую ажыццявіў Ян Длугаш у сваёй нарацыі пра штурм замку Пілены, гэта наданне этнічных маркераў удзельнікам падзей. У Віганда Марбургскага супольнасць, што супрацьстаяла Ордэну, пазначалася як "паганцы / язычнікі" (pagani). У тэксце ж Яна Длугаша яны сталі пазначацца як літоўцы (lithwani). У самога Віганда Марбургскага толькі адзін раз сам правадыр акрэсліваецца як "Rex Lithwanorum". Відавочна, што Длугаш сыходзіў з уяўленняў XV ст., калі ВКЛ знаходзілася ў персанальнай уніі з Каронай Польскай і мог дазволіць сабе мадэрнізацыю аповеду. Можна меркаваць, што ў гэтым жа мадэрнізацыйным кірунку знаходзіцца і трансфармацыя актара працэсу калектыўнага суіцыду ў Піленах – у Віганда Марбургскага гэта была язычніцкая вядунья з рытуальнай (?) сякерай, у Яна Длугаша – правадыр замка. Такім чынам, у Яна Длугаша адначасова назіраюцца тэндэнцыя "дэпаганізацыі" (ці "хрысціянізацыі") і гераізацыі паведамленняў пра падзеі пад Піленамі. Гэтыя сюжэты атрымаюць распаўсюджанне ўжо ў гісторыяпісанні ранняга Новага часу (Польшчы, ВКЛ, Прусіі), а таксама ў фармаванні гістарычнай легітымаці нацыянальнага праекту мадэрнай літоўскай нацыі [1, S. 55–76]. Выкарыстоўванне ж метаду шкалы градацыяў ідэнтычнасці інфармацыі дазваляе паглыбіць тэксталагічны аналіз і выразна пазначыць кропкі разыходжання розных хранікарных традыцый.

1. Дзярновіч, А. І. "Магіла волатаў": Рэактуалізацыя нарацыі пра штурм замка Пілены ў 1336 г. і фармаванне гістарычнага міфу літоўскай нацыі ў XIX ст. / А. І. Дзярновіч // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по Новой и Новейшей истории : сб. науч. тр. Минск : РИВШ, 2020. – Вып. 4 / редкол. : И. А. Марзалюк (гл. ред.) [и др.]. – С. 55–76.
2. Зімніцкі, А. А. Першыя факты (?) выкарыстанне Тэўтонскім ордэнам агнястрэльнай зброі супраць войскаў Вялікага Княства Літоўскага (па матэрыялах хронікі Мацея Стрыйкоўскага) / А. А. Зімніцкі // Studia historica Europae Orientalis. – 2019. – Вып. 12. – С. 42–61.
3. Archiv der Universität Rostock. – Matrikel der Universität Rostock: 1419. WS-1760 SS. – Mode of access: http://dfg-viewer.de/show/?set%5Bmets%5D=http%3A%2F%2Frosdok.uni-rostock.de%2Ffile%2Frosdok_document_0000000176%2Frosdok_derivate_0000004406%2Fmatrikel1419ws-1760ss.mets.xml&set%5Bimage%5D=26. – Date of access: 21.03.2021.
4. Chronicon seu annales Wigandi Marburgensis, equitis et fratris Ordinis Teutonici / Wigand von Marburg ; wyd. J. Voigt, E. Raczyński. – Poznań : w księgarni nowej, 1842 – 379 s.
5. Die Chronik Wigands von Marburg / Wigand von Marburg // Scriptores rerum Prussicarum / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. – Leipzig : Verlag von S. Hirzel, 1863. – Bd. II. – S. 453–662.
6. Die Matrikel der Universität Rostock. – Rostock : Kraus Reprint, 1976. – Vol. I. (Mich. 1419 – Mich. 1499) / hrs. A. Hofmeister. –– XXXII, 296 S.
7. Dlugossius, I. Ioannis Dlugossi Annales seu cronicae incliti Regni Poloniae. / I. Dlugossius. – Varsaviae : Państwowe wydawnictwo naukowe, 1978. – Liber 9. – 507, [4] p.
8. Krause, K. E. H. Gesselen Konrad G. (Ghesselen, Ghossel) / K. E. H. Krause. // Allgemeine Deutsche Biographie. – Leipzig : Duncker & Humblot, 1879. – Bd. 9. – S. 95. 9 ; Lohmeyer, K. Marburg, Wigand von. / K. Lohmeyer // Allgemeine Deutsche Biographie. – Leipzig : Duncker & Humblot, 1884. – Bd. 20. – S. 293–294.

Мартынюк А. В.

РЫЦАРИ С РЕЙНА НА БЕРЕГАХ ЗАПАДНОЙ ДВИНЫ: ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ИСТОЧНИКИ

История Средневековой Европы знает две Столетние войны. Одна из них, более известная, разворачивалась между Англией и Францией в 1337–1453 гг. Вторая, отдельные события которой известны, но которая часто не осознается как целостное явление, шла с 1304 по 1410 г. между Тевтонским орденом и Великим княжеством Литовским. В этой войне на стороне Ордена выступали рыцари из всех стран Латинского мира, прибывавшие в Пруссию для участия в рейзах (крестовых походах) против «язычников и схизматиков». Исход войны (поражение Ордена) стал ясен после Грюнвальдской битвы 1410 г., однако традиция участия рыцарей-«гостей» в военных предприятиях Ордена прослеживается вплоть до битвы под Вилькомиром в 1435 г.

Исследованию проблематики «прусских поездок» европейской знати посвящены работы немецкого историка Вернера Паравичини, которые вошли в золотой фонд европейской медиевистики. Исследователь посвятил данной проблематике две фундаментальные монографии [5; 6] и серию иных публикаций. Название одной из его статей – «Рыцари с Рейна» – послужило основой и для постановки исследовательской проблемы в данной публикации [7, S. 217–249]. Указанная статья В. Паравичини представляет собой *case studies* на материале биографий трех рыцарей из прирейнских земель – Генриха фон Эфте из графства Марк, Дитриха фон Эльнера из Дюссельдорфа и Рутгера Райтца из Кёльна. Все трое приняли участие в рейзах против Великого княжества Литовского, а Дитрих фон Эльнер еще и в «страну русских» (*tso Rusen in das lant*), речь идет о походе шведского короля Магнуса под новгородский город Орешек в 1348 г. [7, S. 222]. Особым рвением в войне против «врагов Христа» отличался Рутгер Райтц, про которого сообщается, что он совершил тридцать две поездки в Пруссию и три в Ливонию [7, S. 224]. На примере Рутгера Райтца видна сравнительная «привлекательность» Пруссии и Ливонии в глазах крестоносцев. Чаще всего рыцари отправлялись в Ливонию в тех случаях, когда они не смогли по каким-либо причинам поучаствовать в военных предприятиях прусского отделения Ордена [см., например: 1, с. 298–326]. Ливония, таким образом, находилась в тени Пруссии, действия ливонского отделения Ордена против Великого княжества Литовского можно охарактеризовать как «второй фронт», который имел вспомогательное значение. Со стратегической точки зрения целью действий ливонских рыцарей и их «гостей» на этом фронте было обеспечение постоянного военного давления на северные рубежи Великого княжества Литовского – на земли Жемайтии и Центральной Литвы, а также на Полоцкое и Витебское княжества. Таким образом, события на «ливонском фронте» имеют прямое отношение и к средневековой истории Беларуси.

Современный белорусский исследователь Ф.Д. Подберезкин обратил внимание, что представители некоторых династий северной Германии отправлялись в Ливонию на протяжении нескольких поколений [3; 4]. Речь идет, в первую очередь, о графах Марка: в Ливонии достоверно побывали граф Энгельберт III (1346–1391) и его племянник Герхард (1430–1461), а предположительно – и другие представители этого рода. Графы Марка были чрезвычайно активными крестоносцами: в походе против прусских язычников принял участие еще Энгельберт I (1249–1277), таким образом, традиция участия в крестовых походах на Балтике прослеживается у членов этого дома на протяжении почти двух столетий. Наши исследования подтверждают эти наблюдения [2]. Вспомним и упомянутых выше Генриха фон Эфте, Дитриха фон Эльнера и Рутгера Райтца – все трое в ходе своих многочисленных путешествий и походов побывали и в Ливонии [5, S. 50–51; 7, S. 219–224]. Складывается впечатление, что у рыцарства с берегов Нижнего Рейна была своя традиция поездок в Ливонию. Представляется, что данная проблематика должна заинтересовать белорусскую историографию, поскольку желание оказать помощь Ливонскому ордену приводило рыцарей с Рейна на берега Западной Двины, на земли современной Беларуси.

В подзаголовок данной публикации вынесены слова «люди», «события», «источники». Постараемся с их помощью предварительно очертить проблемное поле исследования. *Люди* (интересующий нас круг участников экспедиций в Ливонию и далее на земли северной Беларуси): герцоги Гельдерна и Юлиха, графы Марка, Клеве, Берга, Мёрса, рыцарство указанных земель [см.: 5, S. 49–55, 60–66]. В качестве принципиально важных для нас *событий* укажем осаду Полоцка в 1381 г., выступление ливонских рыцарей и их «гостей» на помощь князю Андрею Полоцкому в 1386 г., а также великому князю Свидригайло Ольгердовичу в 1435 г. (последнее завершилось Вилькомирской битвой). *Источники*: северонемецкие и орденские хроники, актовый материал, памятники рыцарской поэзии рейнского региона (в первую очередь произведения т.н. «гельдернского герольда»). Автор данных строк надеется, что системное исследование очерченной проблематики позволит выявить новые сведения, представляющие интерес для изучения истории Беларуси, военной и политической истории региона в целом, проблематики германо-восточнославянских контактов в Средние века.

1. Мартынюк, А. В. До Герберштейна: Австрия и Восточная Европа в системе персональных связей и культурных контактов (XIII – начало XVI века) / А. В. Мартынюк. – Москва : Квадрига, 2019. – 576 с.
2. Мартынюк, А. В. «Налево пойдешь – жизнь потеряешь»: дипломатическое обеспечение поездок иностранцев по землям Руси в первой половине XV века и казус 1438 года / А. В. Мартынюк // Colloquia Russica. – Series I, vol. 10 (в печати).
3. Подберезкин, Ф. Д. Частная война графа Герхарда фон Клеве / Ф. Д. Подберезкин // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы. – Вып. 5. – Минск, 2012. – С. 116–128.
4. Подберезкин, Ф. Д. Контактные персоны литовских князей в Пруссии (70–80-е гг. XIV вв.): штрихи к шести историческим портретам / Ф. Д. Подберезкин // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы. – Вып. 9. – Минск, 2016. – С. 68–80.
5. Paravicini, W. Die Preussenreisen des europäischen Adels / W. Paravicini. – Teil 1. – Sigmaringen : Jan Thorbecke, 1989. – 396 S.
6. Paravicini, W. Die Preussenreisen des europäischen Adels / W. Paravicini. – Teil 2. – Sigmaringen : Jan Thorbecke, 1995. – 346 S.
7. Paravicini, W. Noblesse. Studien zum adeligen Leben im spätmittelalterlichen Europa / W. Paravicini; hrsg. von U. Ch. Ewert, A. Ranft, S. Selzer. – Ostfildern : Jan Thorbecke, 2012. – 614 S.

Зімніцкі А. А.

ПЕРШЫЯ ФАКТЫ ВЫКАРЫСТАННЯ АРТЫЛЕРЫІ ТЭЎТОНСКІМ ОРДЭНАМ І ВЯЛІКІМ КНЯСТВАМ ЛІТОЎСКІМ У 1381–1382 ГГ.: АНАЛІЗ КРЫНІЦ

Перыяд канца 70-х першай паловы 80-х гг. XIV ст. у гісторыі ВКЛ у пэўным сэнсе можна назваць "выбуховым". Пасля больш чым трыццаці год узгодненага і досыць эфектыўнага валадарання братоў Альгерда і Кейстута ў дзяржаве выбухнула міжусобіца. Барацьба за ўладу паміж сынам Альгерда Ягайлам, з аднаго боку, і Кейстутам з Вітаўтам, з другога, прывяла да шматлікіх крывавых бітваў, эканамічных страт і актыўнага ўмяшання Тэўтонскага ордэна ва ўнутраныя справы літвы. Калі адкінуць у бок метафарычныя выслоўі, то можна адзначыць, што ў той жа перыяд на літоўска-ордэнскім памежжы прагучалі і больш рэальныя выбухі – выбухі ад першых артылерыйскіх стрэлаў.

Аблога замка Наваполле (*Neunpilen /Nawpil*) войскамі Тэўтонскага ордэна.

Пад 1381 г. у "Торнскіх аналах" (*Annalista Thorunensis*) мы знаходзім згадку (тут і далей перакладзена на беларскую мову і **вылучана** аўтарам. Усе геаграфічныя і асабістыя назвы і імёны (акрамя агульнапрынятых) транслітэруюцца згодна з іх расшыфроўкай у апублікаваных наратывах, на якія спасылаецца аўтар артыкула. У дужках прыведзеныя варыянты арыгінальнага напісання на мове крыніцы):

"…11 лютага нашы рыцары прыбылі ў Літву і 13-га, **з вялікімі гарматамі** (***cum magnis pixidibus*****),** аблажылі замак Наваполле, так што літва, спужаўшыся, здала яго і здалася сама са сваёй маёмасцю – у гэтым замка было каля 3000 чалавек абоіх палоў, і яшчэ адзін замак Дарсунішкі (*Dirsunenhusen*), з якога людзі сышлі, напужаныя штурмам папярэдняга замка, і спалілі яго гэтак жа, як і замак Наваполле. У Прусіі тады не было ні князёў, ні знатных баронаў, але было толькі шмат гасцей" [11, s. 115-116; 7].

Больш дакладна рэканструяваць тыя падзеі дазваляе супастаўленне звестак змешчаных у "Торнскіх аналах" з "Новай прускай хронікай" Віганда з Марбурга (*"Chronica nova Prutenica" Wigand von Marburg)* [14, s. 442–445, 448–451] у распараджэнні якога меліся відаць больш падрабязныя крыніцы[14, s.39–40]. Верагодна менавіта гэта разнастайнасць крыніц з розным датаваннем прывяла да таго, што Віганд паведаміў пра дзве аблогі Наваполля ў 1380 і 1381 гг. адпаведна. Фактычна ж гэтыя дзве часткі хронікі, маючы аднолькавую сутнасць, дапаўняюць адна–адну ў сваіх дэталях. Самае істотнае разыходжанне назіраецца толькі ў колькасці палонных (4000/3000 чалавек), аднак апошняя лічба падцвярджаецца афіцыйным данясеннем Вярхоўнага магістра, якое таксама датаванае 1381 г. [10, s. 599; 7].

У лютым 1381 г. па загадзе магістра, брат Куна фон Хаттштайн (*Kun de Hattsteyn)* і вялікі комтур Ротгер фон Элнер (*Rohtgerus de Elner)* з іншымі знатнымі рыцарамі здзейснілі рэйзу на літоўскія землі.

11 лютага яны ўвайшлі ў межы зямлі Вайгова (*Wygow)* рабуючы якую прасоўваліся на ўсход цягам паловы ночы. Пасля адпачынку імі была разрабаваная таксама зямля Леўкішкі (*Lekenisken)*, адкуль атрад рушыў да замка Наваполле. Першым туды дайшоў кавалерыйскі авангард крыжакоў, які за кошт свайго нечаканага з'яўлення забіў многіх у наваколлі замка. Неўзабаве падышла і асноўная частка атрада, якая прыцягнула з сабой **бамбарды (*bombarden/bombardis)***.

На наступны дзень (13 ці 14 лютага) быў пачаты абстрэл літоўскай цвярдыні. Як сведчаць ордэнскія крыніцы, сам факт наяўнасці гармат і іх выкарыстанне моцна ўразіў абаронцаў: "Шмат язычнікаў спужалася, бо перад гэтым не ўжывалі супраць іх бамбардаў…" [14, s. 444–445] пасля чаго "…язычнікі захацелі скласці зброю, заключыць перамір'е і дамову з маршалам, па якой дабравольна аддаліся ў няволю, пакінуўшы замак без бою колькасцю 3000" [14, s. 448–449]. Сам замак быў спалены.

На трэці дзень пасля прыходу да Наваполля (14 ці 15 лютага) войска ўзнялося рана і рушыла далей. Пры выездзе на дарогу кавалерыйскі авангард тэўтонаў сутыкнуўся з літоўскім атрадам, які магчыма ішоў на дапамогу абложаным. Верагодна што бітва была зацятая, і абодва бакі панеслі значныя страты, бо "…шмат засталося забітых" [14, s. 445]. Тое, што крыжакі змаглі прадоўжыць свой пераход да Дарсунішак, якія ляжалі ля Нёману (4 мілі ад Наваполля – каля 31 км.), можа ўказваць на іх перамогу. Аднак у Дарсунішках ужо ведалі пра лёс сваіх суседзяў, таму абаронцы самі падпалілі замак і сышлі ў невядомым накірунку. Агулам рэйза заняла 6 дзён.

Пасля ўдзелу ў гэтым паходзе маркграф Бадэнскі (*marhio de Baden)* атрымаў рыцарскі пояс. Магчыма, што ў гэтай жа выправе, ці на нейкім яе этапе прымалі ўдзел спадары дэ Леке і дэ Евенбург (*domini de Lecke et de Yevenburg),* а таксама магістр Вінрык фон Кніпродэ (*magister Wynricus)*, і яго таварыш Стэфан гаспадар Амена (*Stephanus dominus de Amen*), на што ўказвае Віганд.

Зыходзячы з лакалізацыі згаданых геаграфічных пунктаў, прынятай у апошняй польска-моўнай апрацоўцы хронікі Віганда (пераклад і апрацоўка Славаміра Зоненберга і Крыштафа Квяткоўскага, выданне 2017 г.), можна выказаць меркаванне, што шлях ордэнскага атрада пачынаўся ад Нёмана, альбо ад яго прытока – ракі Стравы, на беразе Нёмана ж паход і скончыўся. Гэта можа

ўказваць на тое, што для аблягчэння транспартыроўкі, да мяжы літоўскіх земляў бамбарды маглі дастаўляцца па замёрзлых рэках, аднак слабым месцам гэтай тэзы заўсёды будзе трываласць лёду. Бліжэйшым ордэнскім замкам, дзе ў той перыяд фіксуецца артылерыя, і адкуль яна магла быць запазычаная для паходу – быў замак Рагнета. Калі абапірацца на гэтае дапушчэнне, то колькасць бамбард пад сценамі Наваполля наўрад ці перавышала 6 ці 7 адзінак – менавіта такая іх колькасць была зафіксаваная ў Рагнеце ў 1379 г. [8, s. 6–8].

Аблогу Наваполля можна лічыць першым дакладна зафіксаваным выпадкам выкарыстання артылерыі войскамі Тэўтонскага ордэна (раннія магчымыя згадкі агнястрэльнай зброі былі разгледжаныя аўтарам у ранейшых артыкулах [3; 4]). Аднак і гэты факт патрабуе ўдакладнення. Сама наяўнасць артылерыі ў арсеналах Ордэна фіксуецца ўжо пад 1374 г. у інвентары замка Лейпе (*Leipe)* [9, s. 25–26]. Магчыма, што праз тры гады пасля гэтага, яна, завуаляваная пад тэрмінам "*huke*", была выкарыстаная супраць Новага замка (*Novum castrum)* у Полацкай зямлі лівонскім войскам [10, s. 113; 1, с. 218-219]. Аднак, калі зыходзіць са ступені дакладнасці звестак, то аблога Наваполля і выкарыстанне там бамбард выглядаюць найбольш пераканаўча.

Аблога замка Юргенбург (*Jurgenborg)* войскамі ВКЛ.

У рэчышчы ваеннай інавацыйнасці не адставала ад свайго суперніка і літва. Так у таго ж Віганда, пад 1382 г. змешчана наступнае паведамленне:

"Пасля Вялікадня [6 красавіка 1382 г.] Кейстут **з бамбардамі (*cum bombardis)*** паплыў на караблі ўніз па Нёмане да замка па народнаму называемаму Юргенбург. Пабачыўшы гэта, брат Яханэс фон Пфірт (*Johannes de Pfirt)* са столькімі вітынгамі, колькі маглі змясціць дзве ладдзі, змусіў да ўцёкаў прыбываючых язычнікаў. І забіў шмат, а 60 захапіў у няволю. Комтур замка, брат Яханэс фон Мелдзінген (*Johannes de Meldingen),* пабачыўшы такое войска, спаліў цалкам прадмесце. На трэці дзень язычнікі атакавалі замак, але хрысціяне, мужна абараняючыся, прымусілі іх адступіць. Пасля чаго кароль узгадніў з маршалам дзень перамоваў і адступіў, страціўшы там многіх" [14, s. 475].

Лаканічнасць і фрагментарнасць гэтага паведамлення тым не менш дазваляюць аднавіць тактычныя рэаліі гэтай літоўскай выправы.

Верагодна сам князь разам са сваім артылерыйскім паркам плыў на караблі па Нёмане, а асноўная маса літоўскага войска рухалася па беразе, як гэта практыкавалася ў падобных выправах [2, с. 23]. Наперад быў высланы авангард (ці таксама на караблях, ці конна), колькасць якога была больш за 60 ваяроў, на яго ж і прыйшоўся ўдар Яханэса фон Пфірта. Пасля гэтай сутычкі да замка падышоў асноўны атрад. Убачыўшы яго, комтур прыняў рашэнне пра бессэнсоўнасць абароны прадмесця і падпаліў яго. На падрыхтоўку аблогі і ўсталяванне бамбардаў літве відаць спатрэбіўся яшчэ адзін дзень, пасля чаго (трэба меркаваць, і пасля абстрэлу з бамбард) быў пачаты штурм. Аднак абаронцы вытрымалі націск. Як вынікае з далейшага кантэксту, пасля штурму да замка падаспеў Куна фон Хаттштайн з падмогай, гэта прымусіла Кейстута адступіць, папярэдне ўзгадніўшы дату наступных перамоваў.

У паходзе Кейстута на Юргенбург можна прасачыць некаторае тактычнае і лагістычнае падабенства з выправай Ордэна пад Наваполле. Войска як мінімум дзялілася на дзве часткі: авангард (задача якога была хутка атакаваць абраны замак і нанесці як мага больш шкоды) і асноўны атрад з артылерыяй. Апошняя, прынамсі да мяжы варожых тэрыторый, дастаўлялася найбольш зручным спосабам, тобок па рацэ. Пасля атакі авангарда на замак і падыхода асноўнага атрада, патрабаваўся прыкладна дзень для падрыхтоўкі аблогі.

Аблога Юргенберга з'яўляецца самым раннім сведчаннем выкарыстання літвой агнястрэльнай зброі. Звесткі пра дадзеную выправу на жаль адсутнічаюць у іншых крыніцах, аднак па меркаванні аўтара, яны ўсё ж такі вартыя даверу. У першую чаргу гэтаму спрыяе сам характар хронікі Віганда – храналагічная блізасць моманту яе стварэння (1391–1394 гг.) да апісаных падзей, і шырокая абазнанасць аўтара ў сферы ваенных кампаній на літоўска–ордэнскім памежжы [14, s. 39–40]. Наступны пераканаўчы фактар, гэта тое, што факт наяўнасці агнястрэльнай зброі ў літвы ўкладаецца ў агульную храналогію распаўсюджвання гэтага віду ўзбраення ў рэгіёне. Як адзначалася вышэй, у Ордэна яна з'явілася ўжо з сярэдзіны – другой паловы 70–х г., у Маскоўскім княстве артылерыя ўпершыню дакладна зафіксаваная ў тым жа 1382 г. [5, с. 62], а ў Польскім каралеўстве – у 1383 г. [12, s. 14; 13, s. 12].

Прыведзеная згадка, тым не менш, пакідае і шэраг пытанняў. Невядома колькі дакладна было гармат у Кейстута. Аднак тое, што яны былі дастаўленыя на адным караблі, наводзіць на думку, што іх было няшмат. Можна толькі меркаваць адкуль яны ўвогуле з'явіліся ў літоўскага князя. Пры спробе адказу на гэтае пытанне таксама варта ўлічваць, што "ў камплекце" з артылерыяй павінны былі ісці артылерысты, порах і боепрыпасы. З самых відавочных варыянтаў: гэта магла быць закупка гатовай зброі, альбо яе вытворчасць у ВКЛ. Тэарэтычна таксама гэта мог быць і захоп трафейнай артылерыі ў адным з замкаў узятых літвой (з магчымым паланеннем адпаведных спецыялістаў). Хаця апошні варыянт падаецца найменш верагодным. У перыяд з 1374 г., калі гарматы былі зафіксаваны ў арсенале Лейпе, і да моманту іх першага выкарыстання Кейстутам у 1382

г. літоўскае войска брала некалькі цвярдыняў: летам 1376 г. у выніку хуткага наскока былі падпаленыя, а потым узятыя Таплакі (*Tapilauken/Taplaken*) [14, s. 388–391; 11, s. 100; 7; верагодна пра гэты ж паход: 10, s. 110–111; 6, с. 129]; у 1378 ці 1379 гг., як сведчыць Віганд, падобным жа чынам быў узяты замак Акартова (*Eckersberg) [*14, s. 435–437]; у красавіку 1379 г., па сведчанні "Торнскіх аналаў", быў узяты замак Астраланкен (*Osterlankcn) [*11, s. 110; 7]; у траўні 1379 г. быў здзейснены напад на Мемель, які таксама па выніку быў спалены (хоць абаронцам верагодна і ўдалося адступіць) [11, s. 110–111; 7; 14, s. 422–423]. Аднак ні ў адной з пералічаных цвярдынь у гэты перыяд наяўныя крыніцы, не фіксуюць артылерыю (напрыклад у Мемелі яна з'яўляецца толькі ў 1389 г.) [8, s. 6–8]. Таксама варта згадаць, што летам 1381 г. Кейстутам была захопленая Вільня і паланёны Ягайла [11, s. 117–118; 7; 14, s. 476–477]. Аднак, калі Кейстут здабыў артылерыю там, то адкрытым застаецца пытанне адкуль яна з'явілася ў Ягайлы?

Падсумаванне.

Падводзячы вынікі можна адзначыць, што агулам, першы вопыт выкарыстання артылерыі на літоўска-ордэнскім памежжы выглядае досыць неадназначным. Дэ-факта, у выніку першага ордэнскага паходу, дзе дакладна прысутнічалі гарматы, былі знішчаныя два літоўскія замкі. Аднак роля бамбард у гэтым знішчэнні была хутчэй маральна-псіхалагічная – абаронцы Наваполля былі ўражаныя самім фактам іх прымянення (пры гэтым невядома нават якія разбурэнні імі былі нанесены), а ў Дарсунішках хутчэй уразіліся незайздросным лёсам сваіх суседзяў, і атрада які ішоў ім на дапамогу. Падобнае ж неадназначнае ўражанне пакідае і ўдзел артылерыі ў выправе Кейстута. Наўрадці абстрэл Юргенбурга быў досыць эфектыўны, калі штурм быў адбіты абаронцамі. Аднак невядома як скончыліся б наступныя атакі, каб да замка не падышоў Куна фон Хаттштайн са сваім атрадам. Такім чынам пытанне эфектыўнасці прымянення артылерыі ў згаданых ваенных акцыях застаецца пакуль адкрытым.

Тое ж можна сказаць і пра пытанні колькасці гармат, месцах іх базавання і крыніцы паступлення. Для Ордэна тут можна высунуць хаця б нейкія тэзы, абапіраючыся на інфармацыю з захаваўшыхся інвентароў замкаў: калі гарматы пад сцены Наваполля былі прывезеныя з Рагнеты, то іх колькасць наўрад ці перавышала 6 ці 7 адзінак, аднак, адкуль яны ўзяліся ў Рагнеце застаецца таксама невядомым. Артылерыйскі ж парк літоўскага войска можна акрэсліць толькі абстрактна: ён быў невялікі і напэўна меншы, чым ордэнскі.

У той жа час, калі разглядаць артылерыю агулам як ваенную інавацыю, то досыць верагодна, што ў ВКЛ яе ўспрынялі менавіта ад Тэўтонскага ордэна. Менавіта яму належыць храналагічнае першынство сярод суседзяў ВКЛ у авалодванні гэтым відам узбраення. У той жа час, наўрадці б прысутнасць агнястрэльнай зброі ў ордэнскіх арсеналах магла быць схаваная ад пільнага вока літоўскіх князёў за перыяд з 1374 па 1381 гг. Да актыўнай узаемнай выведкі і своеасаблівай "гонкі ўзбраенняў" падштурхоўвала сама логіка перманентнай вайны ў якой існавалі дзве дзяржавы на працягу дзесяцігоддзяў. Спрыяць жа гэтай выведцы магла вялікая колькасць перабежчыкаў і палонных, а таксама кантакты і абмен баявым вопытам у межах рыцарскай культуры тагачасных ваенных эліт. Сам характар вайны, якая набыла на той момант зацяжны характар, патрабаваў ад варагуючых бакоў пошуку ўніверсальнай "адмычкі" ад варожых цвярдынь, якой і магла стаць артылерыя. Напрыклад, як мы бачылі вышэй, з 1374 па 1381 гг. літва брала замкі ў асноўным ці наскокам ці хітрасцю, і такая сітуацыя цягнулася яшчэ з канца папярэдняга стагоддзя [2, с. 22]. У гэтым рэчышчы досыць лагічнымі выглядаюць апісаныя аблогі Наупілена і Юргенбога – такія блізкія па часе і падобныя па сваіх абставінах. Невядома наколькі доўга да 1382 г. літоўскія князі маглі валодаць артылерыяй, але верагодна, што паспяховае яе прымяненне Ордэнам у 1381 г. падштурхнула Кейстута да сіметрычнага адказу свайму пастаяннаму ваеннаму суперніку.

Такім чынам, лакалізацыя і блізасць па часе пачатку выкарыстання артылерыі ў наступальных мэтах, ускосна, але не двухсэнсоўна могуць указваць на тое, што агнястрэльная зброя як ваенная інавацыя ў ВКЛ была запазычаная ад Тэўтонскага ордэна.

Сярод пералічаных ваенна-гістарычных асаблівасцей аблогі Юргенбурга войскамі ВКЛ, можна вылучыць і адну ваенна-патрыятычную: ад першай паловы красавіка 1382 г., як ад першай зафіксаванай даты баявога прымянення гармат, можна адлічваць гісторыю артылерыі Вялікага Княства Літоўскага, а значыць і гісторыю артылерыі Узброеных Сілаў Рэспублікі Беларусь.

1. Вилинбахов, В. Б. Новый факт знакомства Руси с огнестрельным оружием / В. Б. Вилинбахов, М. Ф. Мурьянов // Вопросы истории. – 1960. – № 8. – С. 218–219.
2. Гагуа, Р. Б. Характер военных действий на прусско-литовском пограничье на рубеже XIII-XIV столетий / Р. Б. Гагуа // Веснік Палескага дзяржаўнага універсітэта. Серыя грамадскіх і гуманітарных навук: научно-практический журнал. – 2014. – № 2. – С. 22–24.
3. Зімніцкі, А. А. Да пытання наяўнасці агнястрэльнай зброі ў войскаў Тэўтонскага Ордэна падчас аблогі Коўна ў 1362 г. / А. А. Зімніцкі // Беларускі гістарычны часопіс. – 2020. – № 1 (246) – С.9–18.

4. Зімніцкі, А. А. Першыя факты (?) выкарыстання Тэўтонскім ордэнам агнястрэльнай зброі супраць войскаў Вялікага Княства Літоўскага. Па матэрыялах хронікі Мацея Стрыйкоўскага. / А. А. Зімніцкі // Studia historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы : науч. сб. – Вып. 12. – Минск : РИВШ, 2019. – С. 42–62.
5. Кирпичников, А. Н. Военное дело на Руси в XIII-XV вв. / А. Н. Кирпичников. – Москва : Наука, 1976. – 104с.
6. Ливонская хроника Германа Вартберга / Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края; составитель Е. В. Чешихин-Ветринский. – Рига, 1879. –Т. II. – С. 81–133.
7. Торнский анналист [Электронны рэсурс] // Восточная Литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада. – Рэжым доступу: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Thorun/frametext.htm. – Дата доступу: 30.03.2021.
8. Rathgen, B. Die Pulverwaffe im Deutschordensstaate von 1362 bis 1450 / B. Rathgen // Elbinger Jahrbuch – 1922. – T. 2. – S. 1–116.
9. Schmidtchen, V. Die Feuerwaffen des Deutschen Ritterordens bis zur Schlacht bei Tannenberg 1410: Bestände, Funktion und Kosten, dargestellt anhand der Wirtschaftsbücher des Ordens von 1374 bis 1410 / V. Schmidtchen. – Lüneburg : Nordostdeutsches Kulturwerk, 1977. – 93 s.
10. Scriptores rerum Prussicaruin / Hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen und E. Strehlke. – Bd. 2. – Leipzig, 1863. – 866 s.
11. Scriptores rerum Prussicarum / Hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen und E. Strehlke. – Bd. 3. – Leipzig, 1866. – 730 s.
12. Strzyż, P. Broń palna w Europie Środkowej w XIV-XV w. / P. Strzyż. – Łódź : Instytut Archeologii i Etnologii PAN. Ośrodek Badań nad Dawnymi Technologiami, 2014. – 407 s.
13. Szymczak, J. Początki broni palnej w Polsce 1383–1533 / J. Szymczak. – Łódź, 2004. – 424 s.
14. Wigand von Marburg. Nowa kronika pruska / oprac. S. Zonenberg, K. Kwiatkowski. – Toruń : TNT, 2017. – 667 s.

Лицкевич О. В.

ГРАНИЦА МЕЖДУ ВКЛ И ЛИВОНИЕЙ ОТ ОЗЕРА КУРЦУМА ДО ЗАПАДНОЙ ДВИНЫ В XIV–XV ВВ.

В XIV–XVI вв. поле близ озера Курцума, лежащего к востоку от современного литовского города Зарасай, традиционно служило местом проведения литовско-ливонских переговоров и отправной точкой, с которой начиналась демаркация границы между ВКЛ и Ливонией [19, s. 249–253; 5, с. 42]. Отсюда двусторонние комиссии обозначали границу как в западном направлении – до Балтийского моря, так и в восточном – до Западной Двины и дальше в направлении псковского рубежа. Примыкающий к оз. Курцума край издревле занимал приграничное положение на стыке между Полоцкой землей, Литвой, Селонией и Латгалией, а около 1254 г. к озеру с северо-запада вплотную приблизился рубеж территорий, контролируемых Тевтонским орденом в Ливонии [14, col. 361, № 269]. Кроме того, мимо оз. Курцума пролегал сухопутный торговый путь из Литвы в Латгалию, который выходил к Зап. Двине в районе городища Новене (Вецпилс), где в 70-х гг. XIII в. Орден воздвиг замок Динабург [17, s. 48]. В орденском фальсификате грамоты Миндовга 1261 г. этот торговый путь назван Kopwech [3, с. 41, 43]. Вот почему корни этого обычая (проводить переговоры на оз. Курцума) могут восходить еще ко временам великого князя Тройденя, который примерно в 1281 г. в результате сделки с Орденом более чем на 30 лет взял область вокруг Динабурга под контроль ВКЛ [об этих событиях: 12, p. 140–142].

В XIV в. ВКЛ и Тевтонский орден в Ливонии заключали между собой так называемые «договоры о разбойниках» (лат. «pax latrunculorum»; нем. «struter frede»). Два таких договора были заключены в правление Гедимина: один под неизвестной датой («старый мир»), другой в 1338 г. [4, с. 66–69], и еще два в правление Ольгерда: один около 1367 г. («мир Стирпейки») и другой 7 ноября 1367 г. [1, с. 104–107]. Еще один «договор о разбойниках» с Тевтонским орденом в Ливонии заключил князь Скиргайло Ольгердович в январе 1390 г. [1, с. 65]. Называемые в «договорах о разбойниках» местности обозначают не собственно *границу*, а, как показал Стивен Роуэлл на примере договора 1338 г., мирные зоны, в которых стороны гарантировали безопасный проезд купцам [16, p. 79, 257, map 3].

Первая известная нам демаркация литовско-ливонской границы была проведена в 50-х или 60-х гг. XIV в. Со стороны ВКЛ процедурой руководил упитский наместник Войшвилт († 1370) [19, s. 244; 11, s. 93], поэтому в источниках XV–XVI вв. эта граница называется **Войшвилтовой.** О ее конфигурации можно судить лишь по отрывочным данным. В частности, она проходила по р. Сусее, правому притоку р. Мемеле, и в районе, где впоследствии был построен ливонский замок Бауска [19, s. 243–245; 11, s. 94; 6, p. 179–180]. Из договора между ВКЛ и Тевтонским орденом в Ливонии 1473 г. можно понять, что Войшвилтова граница начиналась от оз. Курцума в обе стороны и доходила на западе до самого Балтийского моря, а на востоке до Западной Двины [11, s. 102]. Нет никаких прямых данных о том, что ливонская сторона признавала эту демаркацию. Однако в Мельнском договоре 1422 г. оговаривается, что граница ВКЛ с Ливонией должна идти не по той линии, которая была установлена, когда Орден владел Жемайтией, а по еще более старому рубежу [10, s. 5]. Здесь имеется в виду какая-то граница, проведенная еще до 1382 г. (когда был заключен первый договор об уступке Ордену западных волостей Жемайтии), и речь может идти только о Войшвилтовой границе.

После того как ВКЛ в 1313 г. утратило контроль над Динабургом и прилегающей к нему областью [17, s. 56], вопрос об отрезке границы между оз. Курцума и Западной Двиной с новой остротой встал в 80-х гг. XIV в. в связи с событиями в Полоцкой земле. В 1381 г., осаждая Полоцк, чтобы стать полоцким князем, Скиргайло пообещал ливонскому ландмистру в обмен на военную помощь передать в вечное владение небольшую территорию (terriculam) [17, s. 607]. Вероятно, речь шла о

какой-то волостке в Подвинье. В 1385 г. полоцкий князь Андрей Ольгердович признал себя ленником Тевтонского ордена [5, с. 34]. Это дало основание Ордену в дальнейшем притязать на территории Полоцкой земли. Сохранился отрывок инструкции для послов Ордена, участвовавших в переговорах с королем Польши, верховным князем литовским Владиславом (Ягайлом), вероятно, в 1390 г. Утверждая о своих правах в отношении Поозерья (Seeland) и Руси (Ruysen), крестоносцы предлагали провести литовско-ливонскую границу по линии: исток р. Невяжи (Nawese) – р. Швянтойи (Swentoppe) – оз. Сартай (Sarthe) – река и озеро Wede (какое-то из озер к северо-западу от нынешнего г. п. Видзы) – оз. Дрисвяты (Dryeswethe) – течение р. Дрисвята – течение р. Дисна (die Sene) до ее впадения в Западную Двину [13, f. 25]. Если бы это предложение было принято, то Орден получил бы, помимо прочего, Браслав и Браславские озера.

В правление Витовта вопрос о литовско-ливонской границе долгое время не был урегулирован. В Салинском договоре 1398 г. интересующий нас отрезок границы обозначен лишь в общих чертах: от истока р. Эглайне (Egloffe) через *пущу* до Полоцкой или Псковской (Ploskower) границы [1, с. 81]. В Мельнском договоре 1422 г. дана отсылка к «старым границам» (antiquos limites) между Ливонией, Жемайтией, Литвой и Русью [10, s. 5; 7, p. 134–135]. Такое недетализированное обозначение границы соответствует понятию делимитации в современном международном праве. Демаркация же была осуществлена в 1424–1426 гг., и со стороны ВКЛ этой процедурой руководил вилькомирский староста Шедибор Валимонтович [11, s. 93], почему граница получила название **Шедиборовой.** Соблюдение установленных при Витовте границ между ВКЛ и Орденом было подтверждено договором великого князя Свидригайла 1431 г. и Брестским мирным договором 1435 г. [7, p. 163–164].

Шедиборова граница подробнее всего описана в ливонском источнике 1545 г. Она шла по линии: оз. Курцума, оз. Вейсинис, оз. Смалвос, оз. Скрытели, оз. Боксе. Затем пересекала оз. Дрисвяты, выходя на берег к северу или северо-западу от острова Замок, где был ров с валами по обеим сторонам, шла по р. Ричанке до оз. Муйса, далее следовала на восток и северо-восток по линии: река Purwen (по-литовски Puszesillen) от оз. Муйса до оз. Чертовского, камень «Кобыла» (Kabul), на котором с литовской стороны был изображен всадник, а с ливонской два креста, оз. Локутя, оз. Савонар, оз. Буже, оз. Жвирблянское, оз. Ельно, оз. Струсто, оз. Войсо, оз. Недрово, р. Друйка и какой-то из притоков Зап. Двины под названием Pergatz к западу от Друи. В устье р. Pergatz лежал камень со специальным пограничным знаком [8, p. 172–173].

В сентябре 1445 г. на оз. Курцума состоялись очередные переговоры, на которых делегацию ВКЛ возглавлял смоленский наместник Судивой. Как можно понять из ливонской реляции, литовская сторона потребовала сместить границу между оз. Курцума и Зап. Двиной к северу. На тот момент протяженность этого отрезка составляла 12 миль (около 90 км), а в случае корректировки она бы сократилась до 5 миль (около 40 км), в том числе на 1 милю (7–8 км) в сторону Ливонии сдвинулась бы граница между Браславом и Динабургом [15, s. 110, 115]. Если бы Ливония пошла на это, то граница выходила бы к Зап. Двине не в районе Друи, как линия Шедиборовой границы, а примерно в районе впадения р. Погулянка или р. Борне в Зап. Двину. Впрочем, стороны не пришли к соглашению. Безрезультатными оказались и переговоры, проводившиеся в последующие годы (1448–1449, 1451, 1453, 1458 и 1462) [18, p. 236–238; 7, p. 177–180]. Однако в этих дискуссиях возник и вопрос о том, что конкретно из себя представляла Войшвилтова граница XIV в. Великий магистр Конрад фон Эрлихсхаузен 25 июня 1447 г. писал ландмистру Ливонии, что в мирном договоре с ВКЛ упоминается старая граница, существовавшая еще до того времени, как Орден стал владеть Жемайтией. Он поручил распросить старожилов, которые могли помнить об этой границе, и исследовать на местности ее линию [15, s. 248].

7 июля 1473 г. на оз. Курцума был наконец подписан новый договор о делимитации границы между ВКЛ и Ливонией. С литовской стороны комиссию возглавлял трокский воевода, маршалок Литовской земли Радивил Остикович, поэтому новая граница получила название **Радивиловой**. В ней подробно оговаривался только отрезок границы в районе замка Бауска, построенного ливонцами в 1451 г. к югу от Войшвилтовой границы. Остальные рубежи от Балтики до Зап. Двины проводились с формулировкой «inter medias (или: in medio) granicies predictorum Woyschwilti et Schedibori» [11, s. 101–102]. Убедительное истолкование этого положения предложил Матей Дорна: поскольку Войшвилтова граница, как правило, шла севернее Шедиборовой, то Радивилова граница представляла собой компромиссную линию, проведенную *вдоль посредине пространства между* Войшвилтовой и Шедиборовой границами [11, s. 95–97]. Эту точку зрения подтверждает и конфигурация рубежей на нашем отрезке: Радивилова граница от оз. Курцума до Зап. Двины везде идет на несколько км севернее Шедиборовой.

По литовскому описанию 1542 г. (которое можно слегка уточнить с помощью описания 1529 г.), Радивилова граница в общем виде шла по линии: оз. Курцума, Солнечная Гора (= д. Саулескални), оз Арклежеро (= оз. Грейжу?), оз. Кампуотис, р. Кумпоти, оз. Гульбинис, оз. Пертекиня (= оз. Кочергине?), оз. Акменкас. Здесь завершалась Смолвенская волость и начинался

ливонский рубеж Дрисвятской волости: лесом до оз. Угаринку, далее по акватории оз. Ричу, мыс Острый Рог на оз. Ричу, бором до района оз. Беляны. Отсюда шел ливонский рубеж Браславской волости: цепочка мелких («частых») озер, в том числе предположительно оз. Пшигудка и оз. Каменка, истоки р. Солоной (= р. Борне), далее оз. Плюсы, оз. Пресвято и р. Кобыла (= р. Пресвята), вытекавшая из оз. Пресвято и впадавшая в Западную Двину в месте, где лежал камень «Кобыла» с русской надписью [9, p. 220–221; 2, л. 1–4, 8–15v].

Судя по пропорциям пространства между Радивиловой и Шедиборовой границами, Войшвилтова граница XIV в. выходила к Зап. Двине в районе впадения в нее р. Погулянка или р. Борне к востоку от Динабурга. Сильно похоже, что на упомянутых выше переговорах 1445 г. литовская сторона, говоря об отрезке между оз. Курцума и Зап. Двиной, предлагала вернуться именно к конфигурации Войшвилтовой границы.

1. Ліцкевіч, А. У. Дагаворы паміж князямі ВКЛ, нобілямі Жамойці і прадстаўнікамі Тэўтонскага ордэна ў Прусіі і Лівоніі (1367–1398 гг.) / А. У. Ліцкевіч // Arche. – 2010. – № 10. – С. 39–123.
2. Метрыка Вялікага Княства Літоўскага. Кніга 560 (1542 год). Кніга перапісаў № 3 (копія канца XVI ст.) / падрыхт. А. І. Дзярновіч. – Мінск : Беларуская навука, 2007. – 157 с.
3. Міндаў кароль Літовіі ў дакументах і сьведчаньнях / Уклад., падрыхт. да выд., пераклад А. А. Жлуткі. – Мінск : Тэхналогія, 2005. – 135 с., [16] л. факсім.
4. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. – Т. 1. – М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. – 864 с., XVI с.
5. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. – Т. 2. – М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. – 524 с., CIV с.
6. Bucevičiūtė, L. Lietuvos Didžioji Kunigaikštystė XV–XVI a. : valstybės erdvės ir jos sienų samprata: mokslo monografija / L. Bucevičiūtė. – Kaunas : Vytauto Didžiojo universitetas; Vilnius: Versus aureus, 2015. – 400 p.
7. Čelkis, T. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės teritorija: sienų samprata ir delimitaciniai procesai XIV–XVI amžiuje. Mokslinė monografija / T. Čelkis. – Vilnius : Vilniaus universiteto leidykla, 2014. – 339 p.
8. Čelkis, T. 1545 metų Livonijos ir Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės sienos patikrinimas (Livonijos pareigūnų ataskaita) / T. Čelkis, D. Antanavičius // Lietuvos istorijos studijos. – 2011. – Nr 27. – P. 164–178.
9. Dogiel, M. Limites Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae, ex originalibus et exemplaris authenticis descripti / M. Dogiel. – Vilnae : Typographia Regia & Reipublicae Collegii Vilnensis Scholarum Piarum, 1758. – 225 p.
10. Dokumenty strony Polsko-Litewskiej pokoju Mełneńskiego z 1422 roku / wyd. P. Nowak, P. Pokora. – Poznań : Wyd-wo Poznańskie, 2004. – XVII, 101 s.
11. Dorna, M. Akt delimitacji litewsko-inflanckiej z 7 lipca 1473 roku / M. Dorna // Lituano-Slavica Posnaniensia. – 2013. – Nr 14. – S. 87–102.
12. Dubonis, A. Traidenis: monarcho valdžios atkūrimas Lietuvoje, 1268–1282 / A. Dubonis. – Vilnius : LII leidykla, 2009. – 242 p.
13. Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz. – XX. HA, OF HMK. – OF 1b. Verhandlungen mit russischen, litauischen und polnischen Fürsten.
14. Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch / Hrsg. von F. G. von Bunge. – Abteilung 1. – Bd. 1. 1093–1300. – Reval : In Commission bei Kluge und Ströhm, 1853. – XII, 190, 810 p.
15. Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten / Begr. von F. G. von Bunge... fortges. von H. Hildebrand. – Abteilung 1. – Bd. 10. 1444–1449. – Riga ; Moskau : Kommissions-Verlag von J. Deubner, 1896. – XLVIII, 576 s.
16. Rowell, S. C. Lithuania ascending. A pagan empire within east-central Europe, 1295–1345 / S. C. Rowell. – Cambridge University Press, 1994. – 375 p.
17. Scriptores rerum Prussicarum. – Bd. 2. – Leipzig : Verlag von S. Hirzel, 1863. – VI, 866 s.
18. Varakauskas, R. Lietuvos ir Livonijos santykiai XIII–XVI a. / R. Varakauskas. – Vilnius : Mokslas, 1982. – 392 p.
19. Wojtkowiak, Z. Północna granica Litwy w średniowieczu. «Limites inter Litvaniam et Livonia» z 1473 / Z. Wojtkowiak // Poznań – Wilnu. Studia historyków w roku tysiąclecia Państwa Litewskiego. – Poznań : Wyd-wo Poznańskie, 2010. – S. 213–270.

Ушаков А. В.

К ВОПРОСУ ОБ ИДЕНТИФИКАЦИИ «НОВГОРОДСКИХ ГОСТЕЙ» ЛЮБЕКА В ГАНЗЕЙСКИХ ИСТОЧНИКАХ*

Исследование предпринимательской деятельности гильдии «новгородских гостей» в XV веке связано с определенными трудностями, обусловленными фрагментарностью источниковой базы. Дефицит источников усугубляется сложностью определения принадлежности тех или иных писем и материалов «новгородским гостям». Несмотря на это, представляется возможным выявить специфику ганзейской документации, относящейся к гильдии, и обозначить границы привлекаемых источников.

Гильдия «новгородских гостей» – специализированная купеческая корпорация, организованная в Любеке и ориентированная на русскую торговлю, впервые появившись в ганзейской документации в начале XV века, к концу столетия играла весьма заметную роль в русско-ганзейской торговле. При рассмотрении источников, связанных с предпринимательской деятельностью гильдии, неминуемо возникает ряд вопросов, касающихся принадлежности отдельных документов к истории «новгородских гостей». Проблемы идентификации источников, принадлежавших «новгородским гостям», и особенности их применения в исследованиях представляются актуальной темой для изучения.

*Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 19–18–00183 «Экономические, политические и социокультурные коммуникации России и Прибалтики в XV–XVII вв. по материалам архивных коллекций Таллинна, Любека, Берлина и Санкт-Петербурга».

Так как деятельность «новгородских гостей» XV века на сегодняшний день слабо изучена, источниковедческий анализ обозначенной тематики доселе не предпринимался. В тоже время характеризующаяся своей фрагментарностью источниковая база, представленная купеческой перепиской и различными сопутствующими материалами, позволяет прийти к определенным выводам.

Отождествление любекских купцов, торговавших в Новгороде, и гильдии «новгородских гостей» не всегда представляется верным. Данная позиция, обозначенная Л. К. Гётцем, имеет под собой весьма хрупкую почву. Опираясь на четвертую редакцию новгородской шры, – устава Немецкого подворья в Новгороде, Л. К. Гётц сделал вывод, что «новгородские гости» были закреплены как полновластный участник русско-ганзейского товарообмена во второй половине XIV века [3, s. 227]. Но, обратившись к тексту шры, не представляется возможным найти какие-либо конкретные указания на купцов из числа гильдии. В нескольких статьях устава, посвященных вопросу избрания олдерменов Немецкого подворья, говорилось, что ими могут быть лишь купцы Любека или же Готланда. Если же купцы из Любека или Готланда на подворье отсутствовали, стоило избрать олдерменов из наиболее благочестивых купцов других городов [9, IV, § 65, 67]. Термин *«Novgorodfahrer»* в тексты шры отсутствует. Согласно уставу, должность олдерменов подворья должен был занять «кто-либо от Любека или от Готланда» (*jeman van Lubeke eder van Gotlande*), то есть установить принадлежность любекских купцов к корпорации «новгородских гостей» невозможно. Учитывая, что купцы гильдии обладали отдельными привилегиями, отличавшими их от других ганзейских купцов из Любека, будет справедливо заметить, что впервые купцы рассматриваемой гильдии появились в ганзейской документации в 1409 году [6, s. 91]. Безусловно, к началу XV века гильдия «новгородских гостей» уже имела значительный вес в русской-ганзейской торговле, и период ее формирования следует отнести к более раннему времени, однако, аргументацию Л. К. Гётца стоит признать несолидной уже потому, что старейшая редакция новгородской шры, относящая ко времени подписания первого торгового договора новгородцев с зарождающейся Ганзой, указывала на то, что олдерменами Немецкого подворья могут быть купцы Готланда, Любека, Дортмунда и Зоста [9, I, § 9a]. Абсурдно относить создание гильдии «новгородских гостей» к началу XIII века, однако, формулировки в тексте первой и четвертой редакций устава мало отличаются. Если коротко, мысль Л. К. Гётца о том, что основание гильдии произошло ранее начала XV века небезосновательна, но бездоказательна. В связи с этим, стоит признать, что отождествление любекских купцов, торгующих в Новгороде, и «новгородских гостей» имеет место быть, но при наличии конкретных на то указаний.

Любек, занимавший главенствующее положение среди ганзейских городов, с гильдией «новгородских гостей» связывали прочные деловые отношения. Купцы корпорации нередко использовали влияние любекского совета при решении спорных вопросов с магистратом Ревеля. Любекские ратманы не всегда при этом указывали в своих письмах причастность «новгородских гостей» к рассматриваемому вопросу. К примеру, в 1429 году магистрат Любека просил советы Дерпта и Ревеля посодействовать устройству Генриха Патберга (*Hinrike Patberge*) на должность священника в церкви святого Петра на Немецком подворье [7, № 57]. Стоит помнить, что правом назначать священника обладали исключительно олдермены подворья [9, IV, § 68]. По справедливому замечанию Б. Шуберт, олдермены, избранные из числа любекских купцов, осуществляли передачу информации из Новгорода в Любек [10, s. 90], а также контролировали деятельность немецких купцов, несмотря на то, что новгородская контора с 1442 года официально перешла под руководство Ревеля и Дерпта [9, № 877]. И все же нельзя утверждать, что «новгородские гости» причастны к судьбе Генриха Патберга.

Но в том же 1429 году любекские ратманы сообщили совету Ревеля, что все купцы, находящиеся в Любеке (*gemene copman nu mit uns wesende*), укомплектовали торговые суда наемниками для противоборства пиратам [7, № 58]. Так как спустя пять дней олдермены «новгородских гостей» отправили в Ревель письмо, касающееся данного вопроса, объяснив механизм выплаты жалования наемникам и размер необходимых пошлин, совершенно очевидно, что упоминаемые ратманами Любека купцы относятся именно к рассматриваемой гильдии [7, № 60].

«Новгородские гости» нередко использовали фразу «все купцы» (*gemene copman*) для обозначения своей гильдии. Интересным примером является эпизод, связанный с обращением графа Филиппа фон Клеве к ганзейскому купечеству [2]. Пересказав совету Ревеля просьбу графа, авторы письма, очевидно, принадлежавшие к «новгородским гостям», подписались: «олдермены всех купцов Немецкой Ганзы» (*alderlude des ghemenen coepmans van der Duytsscher Hanze*) [11, fol. 2]. Неизвестно, почему «новгородские гости» отождествляли себя со всем ганзейским купечеством, но в более поздних документах они использовали более точную формулировку «олдермены всего купечества «новгородских гостей»» (*alderlude des ghemeynen copmans der Nowgarderfaren*) [11, fol. 11, fol. 12]. Возможно, это связано с ростом торговой кооперации купцов. Участники гильдии активно торговали во многих балтийских городах – Любеке, Брюгге, Антверпене, Ревеле и других. В конце XV века они предложили новый порядок фрахтования судов: перевозить товары разрешалось

исключительно на кораблях, зафрахтованных фрахтхерен (*vrachtheren*), которыми являлись олдермены «новгородских гостей», находящиеся в Ревеле [5, № 458]. Возможно, в указанный период подобные правила были распространены на другие города, где торговали «новгородские гости», и в связи с этим они стали себя отождествлять со всем ганзейским купечеством.

Обращаясь к обозначенному порядку фрахтования судов, в 1491 году магистрат Любека в письме к совету Ревеля указывал на одобрение «купцов, имеющих торговые дела в Новгороде» (*coplude, to Nowagarden ere verkeringe hebben*). По мнению, любекских ратманов, в связи с тем, что указанный порядок был одобрен купцами в Любеке, его стоило принять без обсуждений [5, № 747]. Как уже отмечалось выше, новый порядок фрахта судов был предложен именно «новгородскими гостями», поэтому, очевидно, ратманы Любека имели ввиду их [5, № 458].

Несмотря на то, что уже к середине XIV века ганзейская документация перешла с латинского языка на средненижненемецкий, отдельные латинские слова и выражения продолжали употребляться в купеческой переписке [1, с. 65]. Так при перечислении расходов Томаса Шрове (*Thomas Schroven*), затраченных на поездку в Москву, олдермены «новгородских гостей» названы по латыни: «*oldermannis communium mercatorum Lubicensium Nowgardie*» [4, № 434]. Использование латыни также расширяет круг возможных источников, связанных с рассматриваемой корпорации.

Таким образом, не всегда представляется возможным в многообразии ганзейской документации выявить материалы, непосредственно относящиеся к гильдии «новгородских гостей». Тесные деловые отношения с магистратом Любека, который зачастую транслировал Ревелю те или иные стремления городской корпорации, осложняют поиск источников, так как порой не содержат прямых указаний на причастность «новгородских гостей» к обсуждаемым вопросам. Отождествление гильдии со всем ганзейским купечеством, допускаемое ее купцами, по всей видимости, для большей солидности, также может запутать исследователя. В подобной ситуации единственно верным методом стоит считать анализ конкретного источника в историческом контексте и без отрыва от других документов, с которыми он может быть связан. Систематизация имеющейся источниковой базы должна облегчить дальнейшее изучение гильдии «новгородских гостей» периода Средневековья.

1. Бессуднова, М. Б. Перспективы изучения ганзейских квитанций из Томского государственного университета / М. Б. Бессуднова // Средние века. – М. : ИВИ РАН, 2019. – № 4. – С. 60–82.
2. Ушаков, А. В. Обращение графа Филиппа фон Клеве к ганзейскому купечеству: к вопросу «авантюрной торговли» на Балтике конца XV века (по материалам Таллиннского городского архива) / А. В. Ушаков // Vita Memoriae: Теория и практика исторических исследований. – Нижний Новгород : НГПУ им. Козьмы Минина, 2021. – С. 29–31.
3. Goetz, L. K. Deutsch-Russische Handelsgeschichte des Mittelalters / L. K Goetz. – Lübeck, 1922. – 572 s.
4. Hanserecesse. Die Recesse und andere Akten der Hansetage. Ab. 3. Bd. 3. – Leipzig : Verlag von Duncker & Humblot, 1888. – 590 s.
5. Hansisches Urkundenbuch. – Bd. 11. – Leipzig : Verlag von Duncker & Humblot, 1916. – 899 s.
6. Harder- Gersdorff, E. Lübeck, die Kompagnie der Novgorodfahrer und der Russlandhandel vor der Gründung St. Petersburgs / E Harder- Gersdorff // Hansische Geschichtsblätter. – Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau, 2002. – Bd. 120. – S. 97–147.
7. Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch. – Ab. 1. – Bd. 8. – Riga ; Moskau : Verlag von J. Deubner, 1884. – 687 s.
8. Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch. – Ab. 1. – Bd. 9. – Riga ; Moskau : Verlag von J. Deubner, 1889. – 722 s.
9. Schlüter, W. Die Nowgoroder Schra in sieben Fassungen vom 13. Bis 17. / W Schlüter. – Jahrhundert. Dorpat, 1911. – 145 s.
10. Schubert, B. Hansische Kaufleute im Nowgoroder Handelskontor / B. Schubert // Nowgorod. Markt und Kontor der Hanse. – Köln : Böhlau, 2002. – S. 79–96.
11. Tallinna Linnaarchuv. – F. 230. BE 14-IV. Fol. 2–20.

Якунина В. А.

КОЛЛЕКЦИЯ ПИСЕМ ФОГТОВ НАРВЫ ИЗ ТАЛЛИННСКОГО ГОРОДСКОГО АРХИВА: ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА[1]

Расположенная на границе России и Ливонии средневековая Нарва играла значительную роль в системе русско-ливонских взаимоотношений, как в экономической, так и в политической сферах. Уже с XIV века город развивался как важный центр русско-ганзейского товарообмена и, кроме этого, с 1347 года являлся стратегически значимой пограничной крепостью Ливонского ордена. Заинтересованность Ордена в экономическом развитии города положительно сказалась на формировании его правового положения. Поскольку представителем Ливонского ордена в Нарве являлся фогт, то целесообразным представляется рассматривать механизмы взаимоотношений Ливонского ордена и Нарвы проанализировав деятельность фогтов, что на данный момент в исторической литературе фактически не находит никакого отражения.

[1]Исследование произведено при поддержке РНФ, проект № 19–18–00183 «Экономические, политические и социокультурные коммуникации России и Прибалтики в XV-XVII вв. по материалам архивных коллекций Таллинна, Любека, Берлина и Санкт-Петербурга»

К сожалению, средневековый архив Нарвы (в первую очередь магистрата) и Нарвского замка не сохранились. Еще до начала XIX века в одной из башен замка Нарвы хранился архив фогтов вместе с грамотами XVII века, но обнаруженный в 1823 году он был отослан на бумажную фабрику вблизи города [12, с. 15–16]. Нам остается пользоваться материалами, сохранившимися в Таллиннском городском архиве (*Tallinna Linnaarhiiv, TLA*) в фонде 230 (*Tallinna magistraat*). На сегодняшний день там хранится документация орденской администрации города (фогтов) Нарвы, а именно их письма в Ревель (Таллинн) [10]. Коллекция писем фогтов включает 84 письма (включая 2 копии [10, 33 /34, 81 /82]), охватывающих период с 1375 по 1510 годы, однако имеются продолжительные временные периоды в документах не освещенные (*рис. 1*).

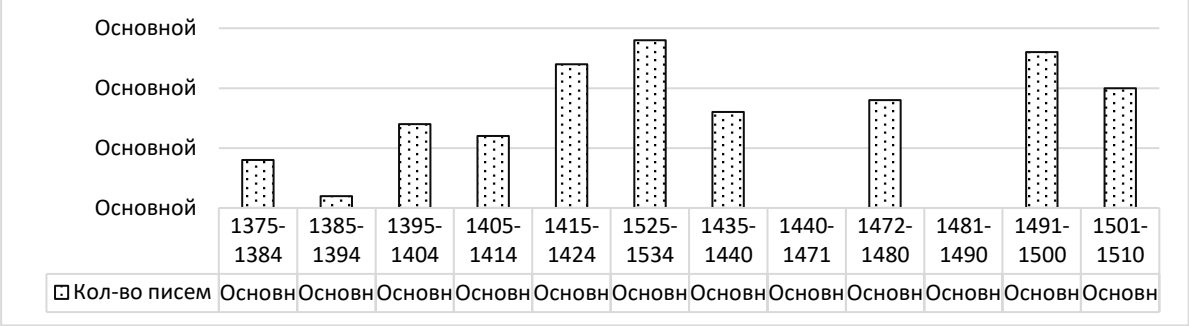


Рис. 1. Распределение количества писем по годам.

В настоящее время письма частично опубликованы в транскрипции на средненижненемецком языке в сборниках «Liv, -Esth -und Curländisches Urkundenbuch» [1–9]. При этом, в процессе исследовательской работы с данными материалами нельзя слепо полагаться на эти публикации, поскольку из-за отсутствия копировальной техники в сборниках зачастую допущены опечатки и неточности, которые могут оказать серьезное влияние на качество и смысле последующего перевода. Помимо этого, небольшая часть (письма, касающиеся вопросов Ливонской войны 1480–1481 годов) опубликована переводах М. Б. Бессудновой [11, № 23, 34, 72].

Данная коллекция сформирована из материалов, которые сохранились в силу различных обстоятельств и объединена по принципу их принадлежности (фогтам или хаускомтурам Нарвы). По тематике имеющиеся письма условно можно разделить на несколько категорий:

	№ листов (BB 52 I)
1) регулирование вопросов торговли Нарвы с ливонскими городами и Россией;	4, 9, 11, 15, 17, 21, 22, 23, 24, 25, 27, 30, 31, 32, 38, 41, 42, 44, 46, 48, 51, 52, 56, 62, 64, 66, 68, 69, 84.
2) досудебные разбирательства и судебные прецеденты:	
а) между ливонцами;	1, 2, 3, 5, 10, 16, 19, 35, 39, 43, 49, 53, 61, 63, 65, 72, 73, 76, 77, 79.
б) с участием русских;	13, 26, 37, 54, 67, 71.
3) документация военно-стратегического характера;	6, 12, 14, 18, 29, 50, 55, 57, 58, 59, 60, 75, 78.
4) вопросы церкви;	8, 20, 28, 36, 40, 45, 47.
5) открытые и рекомендательные письма.	7, 33 /34, 70, 74, 80, 81 /82, 83.

Даже исследователю, который не знаком с материалами приведенные данные красноречиво показывают, что в переписке с Ревелем вопросы военно-стратегического характера отнюдь не занимали первого места, в отличии от вопросов, связанных с торговлей как внутри Ливонии, так и с Россией. Формы участия фогтов в торгово-хозяйственной жизни города выражались по-разному: фогты участвовали в торговых сделках, осуществляя торговые операции (закупку и продажу) через доверенных лиц и лично курируя проблемные ситуации; регулировали вопросы торговли Нарвы с ливонскими городами, в том числе защищая интересы нарвских купцов; регулировали русско-ливонскую торговлю, исполняя запреты верховного магистра на вывоз определенных товаров; контролировали осуществление товарообмена в соответствии с установленным порядком; хранили купеческие товары; конфисковали фальшивые товары и многое другое. О заинтересованности фогтов в развитии торговли с Россией говорит и тот факт, что в мае 1425 года [10, 39] фогт попросил Ревель содействовать в закупке крупной партии соли (30 ластов) его подчиненному Герману Лехтену

(*Herman Lechten*) в обход ганзейского запрета на торговлю с русскими, на что получил от магистрата Ревеля недвусмысленный ответ, что хотя на данный момент и действует запрет на торговлю солью для всех купцов, бюргеров и гостей, но будет ли Герман Лехтен покупать или продавать ее «это не их дело, и он может это делать на свой страх и риск» (*vorder is dat unser zake nycht; wil we wat dar enboven up syn eventhure kopen offte vorkopen de mach dat don*). Изучения фогтов Нарвы не только как исполнителей воли Ордена, но и как самостоятельных участников торговых отношений, крайне заинтересованных в их успешном развитии, на сегодняшний день представляется нам перспективным направление исследования.

Высокую ценность представляет коллекция как для анализа судебно-административных функций орденских фогтов в частности, так и для исследования порядка судопроизводства средневековой Нарвы, который представлял различные формы сотрудничества сеньориальной и муниципальной администрации (магистрата), что наиболее ярко нашло отражение в судебных делах. Между ливонцами наиболее распространены тяжбы касающихся торгово-предпринимательской активности бюргеров, вступления в права наследования и долговых обязательств.

Судебные прецеденты с участием русских (новгородцев и псковичей) заслуживают отдельного внимания, так как фогт являлся первой инстанцией рассмотрения жалоб русских купцов в Нарве. Красноречиво об этом повествует сюжет 1472 года [10, 54], когда фогт Хайденрейх фон Вальгартен обратился к магистрату Ревеля по поводу жалобы от жителя Нейшлосса (*Ямбурга*) Якова (*Jacob*) в отношении ревельского гражданина Генриха Кемпе (*Hinrick Kempe*), задолжавшего ему крупную сумму денег. Дело это тем примечательно, что фогт, в случае если его просьба не будет выполнена, обещал вынести этот вопрос на «великое собрание» (т. е. ганзетаг) вместе с другими жалобами. Если же Ревель не захочет давать делу столь серьезный оборот, то должен передать деньги для Якоба фогту, так как в скором времени он прибудет к нему за ответом. Этот пример, как и другие, повествует о максимальной лояльности орденской администрации к русским, если их вина не была очевидна, поскольку фогты стремились избегать обострения конфликтных ситуаций, так как это могло привести к прекращению торговли.

Документация военно-стратегического характера представлена небольшим количеством документов. В основном сохранились документы с обращениями в Ревель по поводу предоставления городу наемников для защиты, в периоды обострения отношений с Россией, а также содержащие информацию с русской стороны от гостей города и лазутчиков. При этом имеющиеся письма дают возможность узнать о военных полномочиях фогта, необходимом количестве военных людей (*mannen*) для защиты, используемом оружии, тактике и многом другом, что раскрывается не полностью, но при этом рисует яркие картины военной повседневности.

Письма касающиеся церкви имеются лишь за период с 1405 по 1437 годы. Из них мы узнаем, что в этот период Ревель был обязан платить Нарве церковную ренту в размере трех рижских марок, что бы они могли выплачивать жалование капеллану [10, 28, 47], справляющему службу в капелле, расположенной перед замком Нарвы (*belegen vor dem slotte tor Narwe*) [10, 36]. Как правило выплаты происходили на Пасху [10, 45], однако очень часто Ревель задерживал жалование [10, 40, 47], поэтому фогту приходилось обращаться к магистрату по этому вопросу, поскольку задержки могли достигать не только нескольких месяцев, но и почти года.

Особую категорию документов представляют открытые и рекомендательные письма. Рекомендательные письма фогты представляли своим подчиненным с целью помощи в их делах [10, 7, 70], либо предоставления привилегий [10, 33 /34], а открытые письма служили способом волеизъявления фогтов, зачастую и по решению частных вопросов и конфликтов [10, 74, 80, 81 /82, 83].

Коллекция писем фогтов Нарвы представляет собой богатый материал для исследователя средневековой Ливонии и России, позволяя обратиться к экономическим, административным, военно-политическим аспектам жизни Нарвы, а также к вопросам истории повседневности и при более глубоком анализе частично реконструировать быт бюргеров и обитателей замка Нарвы. Данная коллекция представляет для нас особую ценность, поскольку содержит письма, сохранившиеся в силу обстоятельств, а не искусственно отобранные исследователем. Объективность такого материала значительно выше, чем подборок в работах ученых, преследующих поставленные цели и задачи. Именно комплексный анализ всего материала позволяет сделать наиболее достоверные выводы и отказаться от распространенного в историографии мнения о конфронтации Прибалтики (в первую очередь Ливонии) и России на начальном этапе Нового времени, а также позволяет предпринять попытки выявления более сложной модели их взаимоотношений.

1. Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch. – Ab. 1. – Bd. 3. – Reval : in Commission bei Kluge und Ströhm, 1857. – 800 s.
2. Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch. – Ab. 1. – Bd. 4. – Reval : in Commission bei Kluge und Ströhm, 1859. 948 s.
3. Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch. – Ab. 1. – Bd. 5. – Reval : in Commission bei Kluge und Ströhm, 1867. 1071 s.
4. Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch. – Ab. 1. – Bd. 7. – Riga ; Moskau : Verlag von J. Deubner, 1881. – 608 s.

5. Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch. – Ab. 1. – Bd. 8. – Riga ; Moskau : Verlag von J. Deubner, 1884. – 687 s.
6. Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch. – Ab. 1. – Bd. 9. – Riga ; Moskau : Verlag von J. Deubner, 1889. – 722 s.
7. Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch. – Ab. 1. – Bd. 13. – Köln ; Wien ; Weimar : Böhlau Verlag, 2018. – 840 s.
8. Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch. – Ab. 1. – Bd. 14. – Köln ; Wien ; Weimar : Böhlau Verlag, 2019. – 987 s.
9. Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch. – Ab. 2. – Bds. 1–3. – Riga ; Moskau : Verlag von J. Deubner, 1900–1914.
10. Tallinna Linnaarhiiv (Tallinn city archive, далее – TLA). – F. 230. BB 52 I. Fol. 1–84.
11. Бессуднова, М. Б. Первая Ливонская война, 1480–1481 годы. Документы / М. Б. Бессуднова. – СПб., 2019. – 320 с.
12. Кивимяэ, Ю. Ю. Нарвский вопрос в 1494–1558 гг. : дисс. ... к. и. н. / Ю. Ю. Кивимяэ. – Таллин, 1981. – 203 с.

Вебер Д. И.

КАЗНЕННЫЙ ЛИВОНСКИЙ ПЛЕННИК. НАДГРОБИЕ РЫЦАРЯ НЕМЕЦКОГО ОРДЕНА В МОСКВЕ*

Речь идет о надгробной плите, пленного рыцаря Немецкого ордена, комтура Голдингена. Она была найдена в 1823 г., затем, возможно, находилась в собрании Н. П. Румянцева, а впоследствии в Оружейной палате, С октябре 1930 г. в качестве экспоната хранится под инвентарным номером № А-840 в фонде Государственных музеев Московского Кремля [1, с. 175].

Данное надгробие позволяет поставить ряд вопросов, которые связаны с одной стороны с установлением личности покойного и его появлением в Москве, а с другой – с характером изготовления данной надгробной плиты.

В первую очередь хотелось бы отметить, что рассматриваемая находка представляет собой надгробный камень, который был выявлен в 1823 г. Об этом свидетельствует письмо К. Ф. Калайдовича к графу Румянцеву от 20 июня того же года [2, с. 175–176]. Согласно ему, в ходе работ, проводимых по указанию купца Аверина, недалеко от Серпуховской заставы, на Конной площади было выявлены остатки кладбища с фрагментами надгробий немецкого происхождения. По свидетельству Калайдовича, «*Четвертый камень, положенный на тротуар нового Мытного двора, достоин особого внимания: это памятник знаменитого ливонского ландмаршала*…» [2, с. 175–176]. Однако, надпись на камне гласит: HIR LICHT BE // GRABEN DER ACHBAR // UND ERWIRDIGHER // BERNT SCHAL VON // BELL DES R D O // KUMPTOR ZU GOLDING IN LIEFLANDT [1, с. 61; 2, с. 175]. Т. е. возникает первый вопрос, почему Калайдович указывает другую должность покойного? Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к фигуре Шалль фон Белля.

Свидетельство о статусе этого члена Немецкого ордена записано на самой надгробной плите: покойный был комтуром Голдингена (совр. Кулдига). Однако более ранние источники позволяют реконструировать его путь по служебной лестнице. Например, в 1549 г. он упоминается в качестве кумпана в Зегевольде (совр. Сигулде) («…*ock unsern cumpan tho Seggewolde, hern Werner Schall von Bell*») [3], после 1555 г. – как фогт Розиттена (совр. Резекне) [4, s. 66], занимая эту должность вплоть до 1559 г., когда крепость была передана Польше. В 1560 г. он стал комтуром Голдингена, и в этом статусе и оказался в Москве. Согласно ливонским хроникам, произошло в результате пленения в битве при Эрмесе. Кроме того, они отвечают и на вопрос, каким образом комтур Голдингена скончался.

Так, Бальтазар Рюссов описывая битву при Эрмесе и ее последствия отметил: «*alse Philip Schall van Bell, Landtmarschalck up Segewolde, unde sin Vedder herr Schal van Bell, Cumter tho Goldingen…Do sint de vorgemelte Ordensheren und Gebitiegers samtlick gefangen, unde na de Muskow geföret, dar se mit der Külen sint vpr de Köppe geschlagen, unde jamerliken ummegebracht worden*» [5, s. 60][1]. Схожая информация, но с некоторыми отличиями содержится и в других ливонских хрониках. Так Франца Ниенштедта сообщает следующее «*obwohl die Ordensgebittiger, als Herr Schall von Bell, Landmarschalck auff Segewald, Herr Johann von Bell, Cumptor zu Goldingen…, vnd andere mehr sich nach Vermögen gerüstet, dem Feind zu begegnen, vnd bey der Ermis ein Treffen gethan… seynd sie doch… zu schwach gewesen… alle die obgenandte Herren gefangen, vnd in die Moscow geführet, woselbst sie getödtet worden*[2]. [6. s. 62]. Как мы видим, в хронике Ниенштедта информация о месте битвы и пленении схожа с хроникой Рюссова, но отсутствует информация о способе казни. Однако обращает на себя внимание неверное написание имени комтура, не Вернер, а Иоганн.

Ответив на первый вопрос, кто такой Вернер (Берндт) Шалль фон Белль, представляется необходимым обратиться ко второму, связанному с внешними характеристиками надгробной плиты.

* Материал подготовлен в рамках реализации проекта РНФ № 20 – 78 – 10060 «Церковное и монастырское строительство в России XIII–XVII вв. как фактор развития общества и государства в XIII–XVII вв. и начале XXI в.: история, культура, архитектура, наука».

[1] «…Филипп Шалль фон Белль, ландмаршал Зегевольде, и его кузен, Шалль фон Белль, комтур Голдингена…все вышеупомянутые орденские сановники были пленены и отвезены в Москву, где были дубинами головам и умервщлены…»

[2] «…хотя гебитигеры ордена, такие как Шалль фон Белль, ландмаршал в Зегевольде, Иоганн фон Белль комтур гольдингенский…, и другие собрали войско, какое только могли набрать для поражения врага, и сошлись при Эрмесе …, но… они все же потерпели поражение… вышеозначенные персоны были схвачены, отвезены в Москву и там умервщлены».

По ее краям проходит орнаментированная кайма из небольших треугольников, обращенных друг к другу вершинами. К ней примыкает рамка из крупных треугольников, обращенных друг к другу гипотенузами. Данная кайма обрамляет текст. В головной части плиты расположено полукруглое клеймо из остроугольных треугольников, обращенных вершинами к центру клейма [1, с. 61]. Подобная орнаментика характерна для русских надгробий XVII столетия. В качестве сравнения можно обратить внимание на надгробия членов Ордена в Ливонии, выполненные совершенно иным образом местными мастера [7, s. 81, 85] В связи с этим можно предположить, что надгробие было изготовлено русским православным мастером. В подтверждение можно привести также и другой аргумент. На надгробии указано неверное имя – Берндт, а не Вернер. В связи с этим различием имен можно предположить, что надгробие могло быть изготовлено местным мастером, для которого не было существенной разницы между именами Вернер и Берндт.

Грашенков А. В. также обратил внимание на технику резьбы надписи, на неровность букв, разные интервалы между ними, местами слова заходя на кайму. По его мнению, это неопытностью мастера [1, с. 61], что кажется вполне вероятным. Вместе с тем, представляется возможным и иное объяснение, связанное процессом похорон. В связи с тем, что они происходили в спешке, можно, предположить, что в качестве было использовано уже заготовленная надгробная плита без надписи и новый текст приходилось «врезать» в уже имеющиеся рамки.

О том, что погребение, вероятнее всего, происходило именно в таких обстоятельствах, может свидетельствовать и тот факт, что казненные пленные гебитигеры Ордена были погребены не в Немецкой слободе, а на территории, которая в XVI в, находилась за пределами города.

Таким образом, найденное надгробие иллюстрирует последний этап жизни комтура Немецкого ордена, попавшего в плен в ходе Ливонской войны и впоследствии казненного, являясь важным свидетельством политических событий того времени. Специфика оформления надгробной плиты свидетельствует о работе местного мастера.

1. Грашенков, А. В. Надгробная плита ливонского рыцаря Бернта фон Белля / А. В. Грашенков // История и реставрация памятников Кремля. Материалы и исследования. – М. : Искусство. 1989. – Т. 6. – С. 61–63.
2. Материалы для жизнеописания К. Ф. Калайдовича и особенно для изобрадения ученой его деятельности // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. – М. : Университетская типография. 1862. – Кн. 3. – С. 5–208.
3. Латвийский Государственный Исторический Архив,. – Ф. 5561. Оп. 4. Д. 375
4. Renner, J. Livländische Historien 1556–1561 / J. Renner. – Lübeck : M. Schmidt-Römhild. – 1953. –150 s.
5. Russow, B. Chronika der Provinz Lifflandt / B. Russow // Scriptores Rerum Livonicarum – Riga ; Leipzig : Verlag von Frantzens Buchhandlung. – 1848. – Bd. 2, 1. – 132.
6. Franz Nyenstädt's, weiland rigischen Bürgermeisters und königlichen Burggrafen, Livländische Chronik // Monumenta Livoniae Antiqaue. – Riga ; Leipzig : Verlag von Frantzens Buchhandlung. – 1839. – Bd. 2. – S. 28 – 166.
7. Mänd, A. Visuelle Memoria: die Grabplatten der livländischen Ordensmeister und Gebietiger / A. Mänd // Forschungen zur baltischen Geschichte. – 2020. – Nr. 15. – S. 61–94.

Рябов С. М.

ПРОЕКТ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИВОНИИ ШАРЛЯ ДЕ ДАНЗЕ И ЕГО МЕСТО В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ЛИВОНСКИХ ВОЙН

В своей основательной работе о Ливонской войне XVI в. А. И. Филюшкин отметил важность исследования западных источников этого военного конфликта, подчеркнув вместе с тем, что «и то, что опубликовано, ждет своего исследователя» [8, с. 292].

Одним из таких источников является «Рассуждение о делах Дании и Швеции», датированное 12 апреля 1575 г., и написанное французским дипломатом, постоянным послом в Копенгагене Шарлем де Данзе.

Данный источник, расположившийся на страницах издания переписки этого посла с французским двором, включает в себя в числе прочего описание им своей деятельности с момента назначения на должность в 1548 г., равно как актуальной ситуации на Северо-Востоке Европы, а также так называемый «Ливонский проект Франции» (выражение, введенное в историографический оборот Г. В. Форстеном), который и будет рассматриваться в данной работе [14, p. 45–85].

Проект Данзе об инкорпорации Ливонии во Французское королевство не раз затрагивался исследователями. Лучший, на наш взгляд, анализ ключевых положений проекта принадлежит перу известного специалиста в области истории международных отношений Г. В. Форстена [10, с. 621–626]. Можно лишь добавить, что проект предполагал женитьбу герцога Франсуа Алансонского (1555–1584), младшего брата короля Генриха III (1574–1589), на шведской принцессе Елизавете, младшей дочери Густава I Васа, благодаря чему, согласно Данзе, в качестве приданого к Франции могла отойти шведская часть

Ливонии[1]. В дальнейшем планировалось договориться с Польшей о передаче оставшейся польской части. Кульминацией же данного плана являлось предложение о продвижении французского принца на шведский трон, с последующими претензиями на овладение всей Скандинавией. Эта надежда витала в воздухе ещё до Ливонского проекта, опиравшаяся на представления о слабости королевской власти в Швеции, Дании и Польше [16; 19, p. 95–114; 22, p. 649–650][2].

Конечно, этот важный политический проект не уходил от внимания разных исследователей. Впервые опубликованный в рамках «Рассуждения о делах Дании и Швеции» в издании писем Данзе 1824 г., он был повторно напечатан с примечаниями Л. Париса десять лет спустя [20, p. 335–366]. Следующим, кто обратил внимание на этот источник, стал упомянутый Г. В. Форстен. В своем главном труде «Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях» он, изложив основные положения проекта Данзе, первым провел его анализ. Ученый назвал идеи французского посла «дипломатической фантазией», которая была «совершенно неосуществима», т. к. обязательно бы составилась коалиция держав, нацеленных на раздел Ливонии, который был просто неизбежен [10, с. 621–626]. Оценка, данная проекту этим историком в 1893 г., в дальнейшем разделялась почти всеми последующими исследователями, которые так или иначе касались этого вопроса (или же они сами приходили к идентичному выводу). Советский историк В. Д. Преображенский писал о «фантастической программе внешнеполитический мероприятий», ошибочно указывая на то, что первая публикация источника была сделана Л. Парисом, и упуская шведское издание писем Данзе, вышедшее на десять лет раньше[3]. Самого же автора проекта ученый назвал так: «этот авантюрист со столь богатой фантазией» [6, с. 27–29][4]. В. Кирхнер писал о «химерическом проекте», который «превышал средства и силы правительства и народа Франции» [18, p. 170–171]. П. Жанен подверг критике В. Кирхнера за рассмотрение лишь политической стороны присутствия Франции на Балтике, приведя в качестве примера рассмотренный В. Кирхенром проект, но не стал анализировать его с точки зрения экономической истории [17, p. 26]. Грузинский исследователь русско-французских отношений Г. Жордания, вслед за Г. В. Форстеном, назвал проект Данзе «обширным» и «весьма фантастическим» [4, с. 4–6]. Исследователи биографии Данзе лишь упоминают о проекте: А. Ришар называет его «документом, представляющим большой интерес по истории стран Севера» [21, p. 118], а Ю. Досси называет проект «утопическим» [15, с. 213]. Б. Виане считает его «гениальной идеей», но не идёт дальше пересказа его основных положений [2, с. 157–163]. В контексте заинтересованности дома Валуа в свободной торговле на Балтике в условиях противодействия таковой со стороны Польши и Швеции о проекте Данзе пишет В. В. Шишкин [11, с. 944].

Упрекая проект в «фантастичности», не останавливаясь на нём более подробно, исследователи, на наш взгляд, не придавали должного значения этому ценному источнику по истории Ливонских войн, в котором присутствуют образ богатой и плодородной Ливонии и образ России как врага-разорителя этой прекрасной страны. Нам представляется целесообразным связать данный проект с личностью самого дипломата и его деятельностью на посту посла, равно как проследить судьбу этой идеи: родилась ли она ранее апреля 1575 г. и возвращалась ли к ней французская сторона после этого. Не менее важной кажется задача сравнить его с другими геополитическими проектами раннего Нового времени. Наконец, проект Данзе пока не рассматривался в рамках изучения геополитических идей, практик и стратегий эпохи раннего Нового времени. Наша работа нацелена на поиск ответов на поставленные вопросы.

При рассмотрении образа Ливонии, который присутствует в сочинении Данзе, стоит понимать, что до начала Ливонских войн об этом далеком балтийском крае на Западе мало что знали. Когда же войны начались, то ливонские политические и церковные деятели представляли их как несчастье, обрушившееся на их прекрасный, богатый, не знающий проблем регион [8, с. 323–332]. Так формировался образ Ливонии, райской страны, которая, словно Новый Свет, по мнению Данзе, должна быть колонизирована и спасена, в первую очередь, французами [14, p. 73–74]. Однако, наравне с образом такой несравненной Ливонии формировался и образ Московии-агрессора,

---

[1] Ранее в качестве жениха предполагался сам король Генрих III, который, однако, в момент нахождения французского посольства во главе с К. Пинаром при дворе шведского короля, женился на Луизе Лотарингской (февраль 1575 г.), чем поставил в трудное положение не только своего посла, но и сделал холодными отношения со Швецией. Само же посольство Пинара в Швецию вызвало неудовольствие короля Дании, который подозревал о закулисных переговорах между французской стороной и его давним врагом – королем Швеции. Проект Данзе был заманчивой идеей, которая рассматривалась Парижем.

[2] Примечательно, что французская корона и ранее вынашивала планы по коронации французского принца в качестве шведского короля: в частности, Данзе был причастен к заговору по свержению Юхана III и возведению на шведский трон Генриха де Валуа. Заговор, однако, был раскрыт, хотя участие в нем Данзе осталось для шведского двора неизвестным, а Генрих получил польскую корону: на какое-то время французский двор забыл о коронах северных держав.

[3] К слову сказать, датское издание писем Данзе, судя по всему, вовсе не было известно В. Д. Преображенскому. По крайней мере, в течение всей своей работы, исследователь ни разу не ссылается на него.

[4] Ещё одна цитата из сочинения этого советского историка, которая указывает на отсутствие знаний не только о существовавшем издании писем Данзе, но и о биографических работах по личности самого дипломата.

который, наравне с ливонскими деятелями, создавали польские писатели [8, с. 323–332]. Пробыв в Польше некоторое время в период правления Генриха де Валуа, Данзе не мог не знать выстраиваемого Польшей антирусского дискурса [21, p. 102–115]. Тем более, что, как замечал М. П. Алексеев, «с московским государством во Франции в это время знакомились главным образом по польским книгам, принимая на веру их тенденциозное освещение русских событий» [1, с. 40]. Проект Данзе, предполагающий союз Швеции, французской Ливонии и Польши с целью прогнать московитов не может не говорить нам об однозначном помещении им России и русских в раздел «существенно чужих» [14, p. 78; 8, с. 329]. Кроме того, не нужно сомневаться, что Данзе, будучи образованным человеком своей эпохи, был знаком с главными западными сочинениями о Московии, в частности, книгой С. Герберштейна. Мы также знаем, что Данзе общался с французским политическим полемистом Ж. Боденом [21, p. 205–206], который в своих «Шести книгах о государстве» поместил сведения о московитах [5, с. 75]. Думается, что Данзе, как инициатор налаживания торговли между Францией и Россией, и, к тому же, будучи чрезвычайно любознательным человеком [21][1], не мог не поинтересоваться у прославленного мыслителя его мнением о Московии и московитах, которое строилось на основе аристотелевских представлений о деспотии [5, с. 75].

Что же касается времени происхождения проекта и его места во французской политической мысли, можно сказать, что начало размышлений Данзе над ним мы можем отнести уже к 1574 г. : так, в письме королю от 24 марта 1575 г. Данзе указал, что говорил о важности порта Ревеля с будущим Генрихом III еще в Польше [14, p. 35–44; 21, p. 330–335; 2, с. 372]. В письме к королю от 23 января 1575 г. Данзе писал о желании горожан Ревеля уйти под власть Дании, так как у Швеции нет сил «для защиты их от Московита» [Ивана IV], о бедности и раздорах в Швеции, а также о нелюбви подданных к королю Юхану III: «Так что, сир, Шведское королевство поистине находится в великой и очевидной опасности» [14, p. 3–10; 2, с. 371]. В приведенном выше письме от 24 марта французский дипломат также писал о планах короля Дании перекупить шведские крепости, т. к. между наемниками и королем Швеции существует соглашение, по которому они могут не служить ему, если он им не заплатит [14, p. 35–44; 21, p. 330–335; 2, с. 372]. По приведенным письмам видно, что Данзе интересовался положением ливонских городов и крепостей, возможными способами их захвата. Далее, в письме королю от 31 мая 1575 г. Данзе писал, что не сомневается в том, что король Швеции уступит Ливонию королю Дании, если король Франции не ответит на предложение короля Швеции передать Ливонию французской короне, так как «король Швеции беден и больше не может продолжать войну с Московией» [14, p. 97–99; 2, с. 373]. Данное письмо, как мы видим, открывает для нас иную сторону утопического проекта Данзе: оказывается, король Швеции сам предлагал передать шведскую часть Ливонии французской короне. В письме королю от 27 сентября 1575 г. посол говорил о благоволении шведского короля в связи с этим вопросом [14, p. 108–112; 2, с. 164, 378].

Таким образом, проследив развитие проекта французской Ливонии в переписке Данзе, можно предположить, что дипломат внимательно следил за возможностями, в рамках которых имелась вероятность присоединение ливонских земель еще с 1574 г., а также констатировать, что у французского дипломата были определенные договоренности со шведской короной: видимо, шведский король не исключал передачу шведских земель в Ливонии в руки французского принца и мог рассматривать такой вариант. Таким образом, посол Шарль де Данзе предстает амбициозным политическим деятелем, отнюдь не «авантюристом», а проект создания французской Ливонии кажется вполне реальной перспективой, а не «фантастической» и «утопической» придумкой.

Если говорить о проекте Данзе в контексте стратегий и практик геополитического накопления, присущих раннему Новому времени [13; 7, с. 154], мы также можем усомниться в определении его «фантастичности», не столько с точки зрения реальной реализации, сколько с позиций приемлемости данного проекта для политических деятелей эпохи раннего Нового времени. План создания французской Ливонии был реальным шансом для французской короны, которая находилась в финансовом отношении довольно в плачевном состоянии[2], увеличить свои доходы во время Религиозных войн путем захвата торговых путей на Балтике, а также за счет новой налоговой базы в виде ливонских городов и ливонского крестьянства. Геополитическое накопление в этом случае могло быть реализовано военно-политическим и династическим путем и осуществлено в союзе с армией и купечеством, «Марсом и Меркурием», с целью распространения влияния на пространство

[1] Биография этого французского дипломата пестрит сведениями о его любознательности. Еще будучи на секретном задании в Страсбурге в 1547–1548 гг. он познакомился с деятелями Реформации и даже с самим Ж. Кальвином, идеи которого захватили Данзе и вскоре он обратился в кальвинизм, став гугенотом. Кроме того, уже будучи в Дании, Данзе подружился с известным астрономом Тихо Браге, которого просил быть его учителем в постижении астрологии. В качестве же благодарности, Данзе всячески способствовал открытию обсерватории Ураниборг.

[2] Интересны в связи с этим письма Данзе к королю и королеве-матери со слезными просьбами прислать ему жалование. Однажды, дело даже дошло до того, что французского дипломата могли посадить в долговую тюрьму, что расценивалось бы как позор французской короны и короля Генриха III.

Балтийского моря и его превращения в «mare liberum» или «mare clausum», с расширением внутренних полномочий королевской власти и усилением международного влияния. Такова вполне нормальная для эпохи раннего Нового времени стратегия, в которой нет ничего «фантастического»"[1]. Кроме того, можно предположить, что активная внешняя политика, по аналогии с реформами королевского двора [12, с. 262–370], могла давать королевской власти и лично королю ощущение контроля и власти в раздираемом с 1559 г. гражданскими войнами королевстве.

Наши тезисы становятся яснее, если сравнить проект французской Ливонии с проектом Ливонского королевства Ивана IV Грозного и с проектом завоевания Казанского ханства авторства И. Пересветова. Если проект Данзе существовал в рамках стратегии геополитического накопления в условиях эволюции европейского абсолютизма, то проект Ивана Грозного находился в рамках традиций русской удельной эпохи. По замечанию А. И. Филюшкина, «Великий князь был готов пожаловать захваченные земли в вотчину вассалу, принесшему ему оммаж и выселить с них своих подданных» [8, с. 161]. Однако, «удельная стратегия» Ивана Грозного не кажется нам «утопической», равно как не является утопическим и проект «казанского взятия» И. Пересветова, который содержит описание «подрайской землицы», т. е. Казанского ханства [9, с. 34], весьма схожее с тем восхищенным тоном, в котором Данзе описывает Ливонию. Тем не менее, дискурс Данзе о Ливонии как «подрайской землице» для французов до сих пор не нашел должного отклика в историографии.

Таким образом, проект французской Ливонии дипломата Шарля де Данзе нужно рассматривать не как «фантастический» и «утопический» план, который достоин лишь упоминания, но как ценный источник по политике французской короны на Северо-Востоке Европы, а также по конструированию образов Ливонии и России в европейском дискурсе. Наравне с другими геополитическими проектами эпохи раннего Нового времени, проект французской Ливонии можно помещать в рамки тех практик и стратегий, которые были характерны для этой эпохи и международной политики, что позволит нам лучше понять их, не попадая в сети методологического «монизма» [3, с. 7].

1. Алексеев, М. П. Эпизоды из русской истории в «Опытах» Монтеня / М. П. Алексеев // Сравнительное литературоведение / М. П. Алексеев. – Л. : Наука, 1983. – С. 21–42.
2. Виане, Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 году. Открытие Арктики Французами в XVI веке / Б. Виане. – М. : Новое литературное обозрение, 2017. – 528 с.
3. Границы и маркеры социальной стратификации России XVII–XX вв. : векторы исследования. – СПб. : Алетейя, 2018. – 722 с.
4. Жордания, Г. Очерки из истории франко-русских отношений конца XVI и первой половины XVII вв. – Ч. 1 / Г. Жордания. – Тбилиси : Изд-во Тбилис. ун-та, 1959. – 382 с.
5. Колпаков, М. Ю. «Московия» французских интеллектуалов и «Россия» французских путешественников: трансформация образа русских на рубеже XVI–XVII вв. / М. Ю. Колпаков // Метаморфозы истории. – 2015. – № 6. – С. 71–83.
6. Преображенский, В. Д. Франко-русские отношения в XVI–XVII вв. – Ч. I. Взаимоотношения Франции и России до начала дипломатических сношений между ними и первые русские посольства во Францию / В. Д. Преображенский // Ученые записки Ярославского государственного педагогического института. – Вып. VII. История. – 1945. – С. 1–61.
7. Тешке, Б. Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений / Б. Тешке. – М. : Издательство Государственного университета «Высшая школа экономики» (ГУ ВШЭ), 2011. – 416 с.
8. Филюшкин, А. И. Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков / А. И. Филюшкин. – СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2013. – 880 с.
9. Флоря, Б. Н. Иван Грозный / Б. Н. Флоря. – М. : Академический проект, 2019. – 421 с.
10. Форстен, Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648) / Г. В. Форстен. – СПб : Тип. В. С. Балашева и Ко, 1893. – 642 с.
11. Шишкин, В. В. К Господарю нашему писал Францовской король о любви: Генрих III де Валуа и императоры Московии / В. В. Шишкин // Quaestio Rossica. – 2020. – Т. 8. – № 3. – С. 939–962.
12. Шишкин В. В. Французский королевский двор в XVI веке. История института / В. В. Шишкин. – СПб. : Евразия, 2018. – 544 с.
13. Bély, L. L'art de la paix en Europe: Naissance de la diplomatie moderne XVIe–XVIIIe siècle / L. Bély. – P. : Presses Universitaires de France, 2007. – 745 p.
14. Correspondance de Charles Dantzai, ministre de France a la Cour de Danemarck // Handlingar rörande Skandinaviens Historia. – Vol. XI. – Stockholm : Elmén et Granberg, 1824. – P. 3–345.
15. Daussy, H. Un diplomate huguenot au service de la couronne de France: Charles de Danzay, ambassadeur au Danemark (1548–1589) / H. Daussy // Религия. Церковь. Общество. – 2015. – № 4. – С. 198–227.
16. Delavaud, L. Les Français dans le Nord. Notes sur les premières relations de la France avec les royaumes scandinaves et la Russie septentrionale depuis l'Antiquité jusqu'à la fin du XVIe siècle / L. Delavaud. – Rouen : Imprimerie E. Gagniard, 1911. – 110 p.
17. Jeannin, P. L'économie française au milieu du XVIe siècle et le marché russe / P. Jeannin // Annales. Économies, sociétés, civilisations. – 1954. – № 1. – P. 23–43.
18. Kirchner, W. Le commencement des relations économiques entre la France et la Russie (1550–1650) / W. Kirchner // Revue historique. – T. 102. – 1949. – P. 161–183.
19. Maillefer, J. M. Les relations franco-suédoises de Gustave Vasa à la Guerre de Trente Ans / J. M. Maillefer // Une amitié millénaire. Les relations entre la France et la Suède à travers les âges. – P. : Beauchesne, 1993. – P. 95–114.

[1] В качестве примера «нормальности» практики династийного геополитического накопления можно привести присоединение Бретани к Франции (1491 г.), а в качестве борьбы «mare liberum» и «mare clausum» – конфликт Дании с Англией, Голландией и Россией по поводу свободной торговли на Северном пути в 1582 г.

20. Paris, L. La chronique de Nestor, traduite en français, accompagnée de notes et d'un recueil de pièces inédites touchant les anciennes relations de la Russie avec la France. – T. I / L. Paris. – Paris : Heideloff et campé, 1834. – 450 p.
21. Richard, A. Un diplomate poitevin du XVI siècle: Charles de Danzay, ambassadeur de France en Danemark / A. Richard. – Poitiers : Imprimerie de Blais et Roy, 1910. – 246 p.
22. Rördam, H. F. Résidents français près la cour de Danemark au XVI siècle / H. F. Rördam // Extrait du Bulletin de l'Académie royale des sciences et des lettres du Danemark pour l'année 1897. – Copenhague : Imprimerie de F. Dreyer, 1898. – P. 619–668.

Клімаў М. В.

ГРАВЮРЫ ФАРТЭЦЫЙ ПЕРЫЯДУ ЛІВОНСКАЙ ВАЙНЫ: ВЕРЫФІКАЦЫЯ ПАВОДЛЕ АРХЕАЛАГІЧНЫХ КРЫНІЦ. ПАПЯРЭДНІЯ ЗАЎВАГІ

Лівонская (Інфлянцкая) вайна пакінула пасля сябе не толькі знішчэнне часткі населеных пунктаў і насельніцтва ў паўночнай частцы Беларусі, але таксама спрыяла фарміраванню корпуса ілюстратыўных, картаграфічных крыніц, якія дазволілі павялічыць крыніцазнаўчую базу. Падчас і пасля ваеннай кампаніі з'явіўся шэраг мапаў, якія з рознай доляй дакладнасці адлюстроўвалі тапаграфічныя аб'екты. Акрамя мапаў былі надрукаваны і выявы фартэцый, пабудаваных войскамі Івана IV Жахлівага. Найбольш вядомымі з'яўляюцца гравюры на якіх змешчаны выявы 6 фартэцый: Туроўля, Сокал, Казьян, Сітна, Суша, Красный. Аднак фартэцый было больш. Не існуе выявы Нешчарды, якая згадваецца разам з іншымі фартэцыямі адносна апошняга перыяду вайны [4, с. 52]. Адсутнасць Нешчарды сярод указаных фартэцый звязана з даволі познім штурмам умацавання, напрыканцы 1579 г. [3, с. 137–138]. Таму на гэты час С. Пахалавіцкі, як асноўны стваральнік малюнкаў, паводле якіх пазней рабіліся гравюры, ужо, відаць, пакінуў Полаччыну.

Такім чынам, выявы фартэцый стваралiся непасрэдна падчас "Полацкай кампаніі" у жніўні–верасні 1579 г. Таму акрамя вышэй згаданай Нешчарды адсутнічаюць і выявы такіх умацаванняў як Ушачы, Крэчат, Гомель. Пытанне выклікае лакалізацыя і вонкавы выгляд указаных пунктаў, бо аб іх гаворка ў дакументах вялася да ваенных падзей 1579 г., што ўскосна ўказвае на іх ранейшае знікненне [15, с. 90–91; 16, с. 123][1].

З ліку адлюстраваных на гравюрах, дакладна не вядома месцазнаходжанне фартэцыі Красны (мал. 1: *1*), што, па нашаму меркаванню, звязана з пазнейшымі пераўтварэннямі на мясцовасці[2]. Такім чынам, аб'ектыўна магчыма весці гаворку аб пяці выявах фартэцый у сувязі з пытаннем верыфікацыі паводле археалагічных крыніц. Папярэднія заўвагі, вынесеныя ў назву, адлюстроўваюць стан даследаванасці фартэцый археалагічным шляхам, або розную ступень іх вывучэння. Пры паглыбленні вывучэння праблемы і матэрыялы, прыведзеныя ў прапанаваным артыкуле будуць набываць карэктыроўку.

Звычайна, выявы фартэцый падпісваюцца як гравюры С. Пахалавіцкага – Дж. Кавальеры, аўтараў малюнкаў і гравюр. Існуе дыскусійны момант адносна таго, наколькі ўсе малюнкі фартэцый былі выкананы адным С. Пахалавіцкім ці некалькімі людзьмі[3]. Стылізацыя ж малюнкаў і "гравірызацыя", выкананая ў 1580 г. мае адно аўтарства, што вынікае з агульнай манеры іх выяў.

Калі пакінуць па-за ўвагай шырокае выкарыстанне гравюр як ілюстрацый да падзей Інфлянцкай (Лівонскай) вайны іх асобны разгляд, звычайна, прыводзіў да прамой рэтрансляцыі таго, што было бачна на гравюрах. Большасць з аўтараў, якія згадвалі аб фартэцыях ніколі не наведвалі месцы іх размяшчэння, аднак меркавалі аб выявах фартэцый вельмі ўпэўнена. Такая традыцыя ўмацавалася яшчэ ў XIX ст. Так М. В. Без-Карніловічам без сумнення апісваў такія ўмацаванні зыходзячы з выяў на гравюрах [1, с. 123–124, 127]. З гэтай нагоды дастаткова красамоўна выглядае апісанне фартэцыі Сокал, прапанаванае А. Семянтоўскім, якім адносна фартэцыі, было напісана наступнае: "Замок этот был одним из сильнейших: он имел одинадцать башен и был окружен деревянной стеной, валом и рвом. Следы последних существовали ещё не так давно, а быть может существуют и поныне " [13, с. 56]. У апошняй фразе адлюстраваны якраз праекцыйны падыход праз поўную згоду з пабачаным на гравюры. Да 1917 г. менавіта выявам фартэцый была прысвечана асобная публікацыя, зробленая А. Сапуновым. Аднак А. Сапуновым пераказваліся раней вядомыя факты [12]. У пазнейшых выданнях пераважала некрытычнае стаўленне да адлюстраванага на гравюрах. Выява фартэцыі на гравюры апісвалася згодна з тым, што жадаў пабачыць аўтар даследавання. Найбольш поўна такі падыход быў рэалізаваны ў працы Б. Брэжга [2].

Першая спроба археалагічнага вывучэння фартэцый, выявы якіх пакінулі аўтары XVI ст. належыла маскоўскаму археолагу М. Г. Рабіновічу [11]. Наступным даследчыкам фартэцый выступіў

[1] З улікам адсутнасці іх выяў на гравюрах далей развіваць гэта пытанне ў прадстаўленай публікацыі не карэктна.
[2] Пры пошуку фартэцыі аўтарам узнікла версія аб тым, што пры будаўніцтве гравійнай дарогі паміж азёрамі магчымыя рэшткі фартэцыі былі знішчаны.
[3] Гэта пытанне вынесена на рамкі прадстаўленага артыкула

М. А. Ткачоў [14][1]. З часу абследавання, праведзенага М. А. Ткачовым шэраг археолагаў былі на месцы фартэцый без правядзення на іх археалагічных прац. Аўтарам артыкула археалагічныя працы і абследаванні на тэрыторыі вышэй указаных фартэцый пачалі ажыццяўляцца з 2016 г. У выніку былі атрыманы матэрыялы, якія дазволілі нам сфарміраваць не толькі новае меркаванне аб фартэцыях, але і ўнесці пэўныя карэктывы ва ўспрыманне вышэй указаных ілюстратыўных крыніц, што дазволіць надалей пазбягаць некарэктнага іх апісання.

Сокал. Гісторыя лакалізацыі фартэцыі Сокал, змешчанай каля в. Кульнёва Полацкага раёна падкрэслівае сітуацыю з верыфікацыяй ілюстратыўных крыніц збоку археалогіі. Да 2016г. у пытанні месцазнаходжання ўмацавання цалкам пераважала меркаванне аб яго будаўніцтве ў сутоцы рэк Дрысы і Нішчы, што нібы вынікала з выявы гравюры (мал. 1: *2*). Такая выснова падмацоўвалася наяўнасцю прыроднай грады, змешчанай у месцы сутокі, у якой бачылася або прыроднае ўмацаванне, або штучна насыпаны вал. Так у 2015 г. група расійскіх гісторыкаў, у лік якіх уваходзілі А. И. Філюшкін, А. Н. Лобін, А. В. Кузьмін і інш. абследавалі фартэцыі з мэтай суаднясення выяў гравюр на мясцовасці. У выпадку з Сокалам імі без сумнення бачылася фартэцыя ў сутоцы рэк Дрыса і Нішча, а прыродная града была прынята за ўнутраны вал [10]. Гэта бачанне сітуацыі атрымала далейшае развіццё ў адной з сумесных манаграфій, дзе непасрэдна А. І. Філюшкіным было падкрэслена наступнае: "Возможно вал в Соколе играл ту же роль, что в Ивангороде, каменная стена закрывавшая город от обстрела с "Длинного Германа" Нарвского замка" [15, с. 80–81]. Як паказалі абследаванні аўтара, так званы, "вал" з'яўляўся прыроднай градой, на якой у свой час размяшчалася гарадзішча І тыс. н. э. з пластом, што ўтрымліваў ляпную кераміку [5, с. 24–25].

З 2016 г. аўтару артыкула ўдалося дакладна лакалізаваць месцазнаходжанне Сокала і змяніць гістарыяграфічную памылку. Фартэцыя знаходзілася за 350–400 м ад сутокі рэк Дрысы і Нішчы, каля левага берага апошняй са згаданых рэк [8, с. 191–192]. Даследаванні на месцы фартэцыі праводзіліся з 2016 па 2020 г. і дазволілі зрабіць пэўныя высновы адносна яе выявы на гравюры.

Па-першае, асобныя элементы, змешчаныя на гравюры гіпертрафіраваны і стылізаваны. Найперш гэта датычыцца такіх элементаў як: узвышаныя пляцоўкі пад вежамі; пратока да р. Дрысы (мал. 1: *2, а*). На мясцовасці існаванне такой вялікай пратокі, злучанай з р. Дрысай не магчыма з-за перапада высот паміж лакалізаваным месцам фартэцыі Сокал і долам каля р. Дрысы. Гэты перапад складае каля 8 м і такім чынам злучыць фартэцыю з р. Дрысай было не магчыма і не мэтазгодна. У выпадку калі фартэцыя не была дакладна лакалізавана і яе месцазнаходжанне звязвалася непасрэдна з сутокай рэк Дрысы і Нішчы такое пытанне нават не ўзнікала. У той час што мы маем насамрэч? Дакладна існуе штучны вадаём у межах фартэцыі і невялікая пратока-ручай, якая спускаецца з гэтага вадаёма долу для адводу лішняй вады. На дне вадаёма фіксуюцца камяні.

Па-другое, люстэркавае адлюстраванне забудовы. Па археалагічных данных там дзе на гравюры паказана шчыльная забудова, яна часткова адсутнічала. А там дзе яе няма на гравюры, яна фіксавалася па археалагічных данных. Гэта пытанне застаецца адкрытым, тым больш што ўсходні, напольны бок фартэцыі ў месцы знаходжання абарончага рва і месцаў пляцовак вежаў не меў слядоў агню.

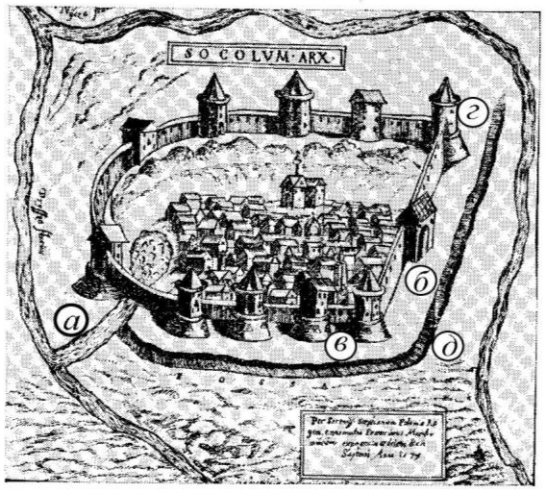
Па-трэцяе, адсутнасць асобных элементаў, існаванне якіх даказваецца з боку пісьмовых і археалагічных крыніц, а менавіта, наяўнасць прахода і брамы збоку р. Нішчы і маста праз гэту рэку. У 2019 г. быў лакалізаваны ўладкаваны да 1579 г. праход да р. Нішчы, выяўлены сляды пажару і асобныя элементы зброі. Пакуль сляды брамы не былі знойдзены, але яе існаванне не выклікае сумненняў.

Што датычыцца дакладнасці самога малюнка, то трэба падкрэсліць, што нягледзячы на пэўныя праўкі і стылізацыю не выклікае сумненняў і той факт, што план фартэцыі складаўся на месцы, падчас ваенных падзей 1579 г. на што ўказвае не толькі лінія рэчышча р. Нішчы, а таксама і дакладная лакалізацыя брамы, адлюстраваная на месцы фартэцыі (мал. 1: *2, б*). Пры супастаўленні гравюры з мясцовасцю ўдалося вызначыць месцазнаходжанне брамы і цалкам яе даследаваць. Паказальна, што агульны план брамы ў выглядзе прамакутніка, а не ў выглядзе аб'ёмнай вежы цалкам быў даказаны археалагічна [6, с. 15, мал. 19; 9, с. 39, мал. 5: *Б*].

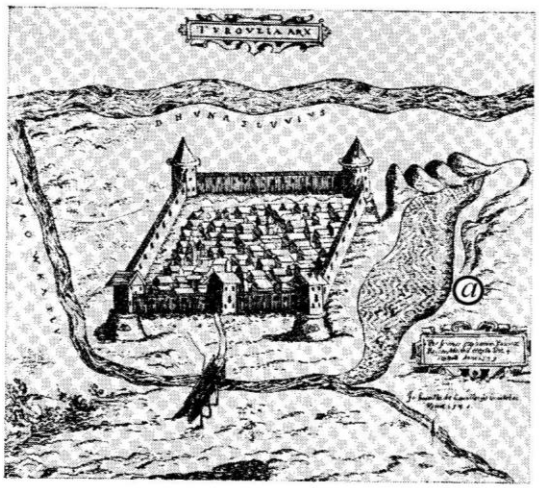
Да гэтага часу не атрымалася лакалізаваць усе вежы, змешчаныя на гравюры, што звязана з адсутнасцю валоў і пастаментаў для веж. Адносна толькі трох вежаў, упісаных у лінію абароны рва з напольнага боку магчыма весці гаворку аб дакладнай лакалізацыі (мал. 1: *2, в*). Адна з вежаў змяшчалася на невялікай круглай пляцоўцы пасярод рва, дзве іншых – выступалі перад рвом і фланкіравалі яго. Спробы лакалізацыі кутняй вежы, змешчанай у паўночна-заходнім куту фартэцыі (мал. 1: *2, г*) яшчэ раз падцвердзілі адсутнасць пастаментаў пад вежамі.

[1] Асобныя вынікі абследаванняў указаных даследчыкаў будуць прыведзены ніжэй, адносна кожнай з разгледжаных фартэцый.

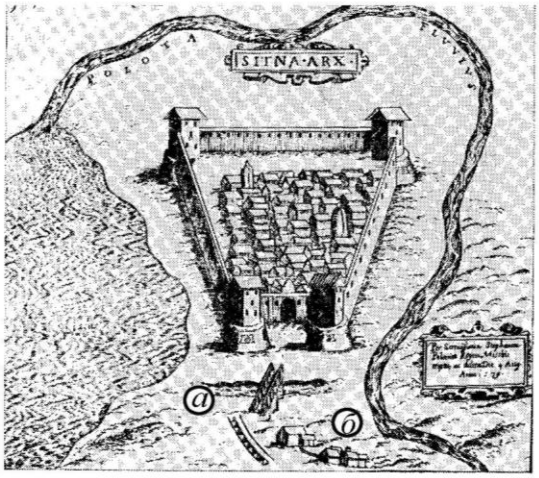
1



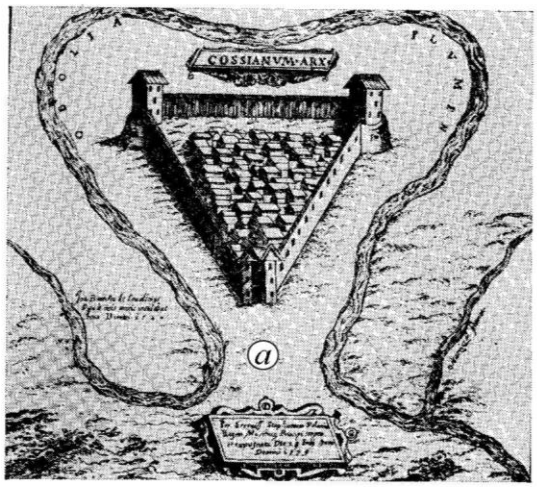
2



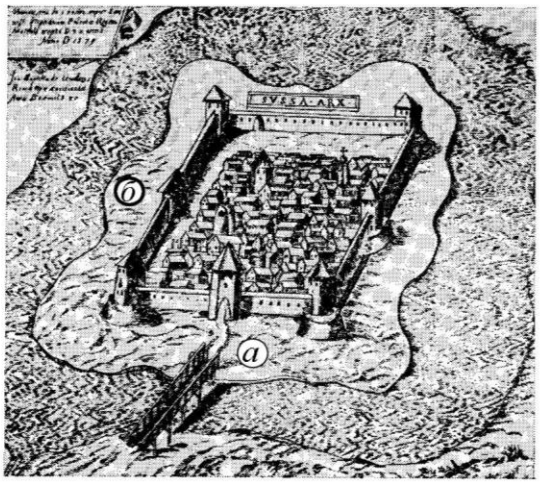
3



4



5



6

Мал. 1. Выявы фартэцый на гравюрах С. Пахалавіцкага – Дж. Кавальеры.

Схематычна блізка да рэальнасці быў паказаны роў (мал. 1: *2, д*), які з паўночнага і паўночна-усходняга боку абараняў фартэцыю. Рэшткі гэтага рва назіраюцца і зараз, часткова былі закапаны.

Такім чынам адносна фартэцыі Сокал магчыма казаць аб правільным паказе фартэцыі ў агульных рысах.

Іншае ўмацаванне, адносна якога былі праведзены археалагічныя працы ў 2014–2015 гг. з'яўлялася фартэцыя **Туроўля** (мал. 1: *3*), змешчаная ў сутоцы рэк Тураўлянка і Заходняя Дзвіна ў межах сучаснай вёскі Гарадзішча Полацкага раёна. Паказальна, што на Радзвілаўскай мапе 1613 г. Туроўля адзіная з пяці лакалізаваных фартэцый, адноснае месцазнаходжанне якой было паказана памылкова – па леваму, а не па праваму (на гравюры) берагу р. Тураўлянкі. Пры супастаўленні выявы Туроўлі з сітуацыяй на мясцовасці было засведчана, што "вадаём" з напольнага боку не захаваўся (мал. 1: *3, а*), сляды вежаў і валоў адсутнічаюць. Выклікае пытанне адносна супастаўлення гравюры з рэальна існуючымі ўмацаваннямі толькі ўчастак былых акопаў уздоўж левага берага р. Зах. Дзвіны. Нельга выключаць, што акопамі часткова былі знівеліраваны рэшткі вала ўздоўж берага. Разам з тым, археалагічнае даследаванне за 84 м на захад ад левага берага р. Зах. Дзвіны дазволіла зафіксаваць выразны культурны пласт, звязаны з жыццядзейнасцю і ваеннымі падзеямі. Тут былі выяўлены прыкметы пражывання ў межах паселішча прадстаўнікоў стралецкага войска, а менавіта: канцэнтрацыя абутковых падковак з шыпамі, спражак, конскай вупражы і асобных узораў зброі (піка, фрагменты баявых нажоў, наканечнікі стрэл). У якасці прамога сведчання ваенных падзей выступала канцэнтрацыя свінцовых куль як у межах даследаванай плошчы так і вакол раскопаў. З улікам таго, што Туроўля не была ўзята ў выніку штурма, (да жніўня 1579 г. былі адбіты спробы яе захапіць з боку войск пад камандаваннем Ф. Жука), было зроблена заключэнне аб наяўнасці "стралецкай слабады", змешчанай побач з фартэцыяй, аднак не адлюстраванай на гравюры [7, с. 36–38].

Такім чынам, параўноўваючы выяву фартэцыі на гравюры з рэальна існуючай сітуацыяй магчыма казаць аб пэўных зменах мясцовасці і адсутнасці відавочных сведчанняў наяўнасці пастаментаў пад вежамі і валоў па ўсяму перыметру.

Сітна. Месцазнаходжанне фартэцыі Сітна звязваецца з месцам вытокі р. Палаты з возера Ізмок каля в. Малое Сітна Полацкага раёна (мал. 1: *4*). Першыя абмежаваныя археалагічныя доследы былі праведзены яшчэ ў 1969 г. М. А. Ткачовым. Па выніках шурфовачных прац даследчык прыйшоў да высновы аб тым, што забалочанае месца было выслана дубовымі падкладкамі каб падняць пляцоўку для ўсталявання фартэцыі [14]. У выніку абследавання, праведзенага аўтарам артыкула магчыма казаць аб тым, што характэрныя асаблівасці мясцовасці на гравюры перададзены адносна дакладна, сярод іх: берагавая лінія, ручаіна з мастком (мал. 1: *4, а*). Побач з узвышанай часткай былі праведзены шурфовачныя працы і быў зафіксаваны культурны пласт і сляды пажара [6, с. 41]. Аднак іншыя элементы, якія ўмацоўвалі пляцоўку, апісаныя А. М. Ткачовым не былі прасочаны. Зрабім дапушчэнне аб тым, што ўзвышаная частка магчыма мела ўзмоцненую падсыпку каб узняць больш умацаваную частку фартэцыі на мясцовасці. На гравюры выкарастана традыцыйная схема стылізацыі з наяўнасцю 4-х вежаў і сцен, аднак на мясцовасці пляцоўкі вежаў ніякім чынам не абазначаюцца. След невялікага вала, вышынёй не болей за 0, 8 м магчыма назіраць толькі з напольнага, паўночна-заходняга боку ад узвышанай часткі фартэцыі. Рвы адсутнічалі. Магчыма, што ручаіна з напольнага боку, паказаная на гравюры, якая існуе зараз, была ўтворана штучна і выконвала функцыю воднай перашкоды.

Месца з правага боку ад мастка таксама характарызуецца наяўнасцю асобных фрагментаў ганчарнай керамікі, дзе на гравюры паказаны хаты (мал. 1: *4, б*) што можа ўказваць на наяўнасць паселішча – "стралецкай слабады".

Фартэцыя **Казьян** лакалізавалася каля сучаснай в. Красамай Шумілінскага р-на ў выгіне правага берага р. Обаль (мал. 1: *5*), якая ў гэтым месцы некалькі разоў змяняла агульны накірунак рэчышча. Зараз фартэцыя з трох бакоў абкружана правым берагам р. Обаль. На гравюры бачна тая ж асаблівасць размяшчэння ўмацавання трохкутнай форму з трыма вежамі. Даказаць такую структуру фартэцыі па-сутнасці не магчыма. Пры сучасным абследаванні пляцоўкі вежаў не прасочваюцца. Магчыма дапусціць існаванне невялікага рва з напольнага боку (мал. 1: *5, а*) і рэшткаў валоў, якія не вызначаліся істотнай велічынёй.

Фартэцыя **Суша** існавала на паўвыспе, як сведчыць і гравюра (мал. 1: *6*). Зараз паўвыспа, абмежавана двума азёрамі, з поўначы – возерам Цемяніца, з поўдня – возерам Астраўкі. Адносна фіксацыі пляцовак веж і валоў неабходна ўказаць на тое, што працы былі пачаты яшчэ М. Г. Рабіновічам. У 1948 г. М. Г. Рабіновічам фіксаваліся рэшткі вала і зроблена шурфоўка, якая была безвыніковай [11, с. 83–84, рис. 38]. Рэшткі валоў таксама назіраліся і М. А. Ткачовым [14]. На гравюры абарончы патэнцыял фартэцыі складаўся з 6 вежаў і вежы-брамы, злучаных сцяной. З улікам таго, што фартэцыя была абаронена вадой аб наяўнасці рвоў магчыма казаць толькі

адносна перашыйка з заходняга боку (мал. 1: *б, а*), аднак пры наяўнасці пратокі (заходні бок) і пазнейшай гаспадарчай дзейнасці іх сляды ідэнтыфікаваць было не магчыма. У выніку абследаванняў аўтарам артыкула ў 2019 г. рэшткі земляных умацаванняў праглядаліся з паўночна-заходняга, паўднёва-заходняга і паўднёва-усходняга боку замчышча. Лакалізацыя ж М. Г. Рабіновічам пляцоўкі вежы, памерамі 19 х 40 м магчыма прызнаць памылковай. Структура паўвыспы не супадае з агульнай выявай на гравюры, бо рэальна асобна выдаецца на мясцовасці паўночны ўзвышаны выступ паўвыспы, паміж якім і асноўнай пляцоўкай выспы захоўваецца паніжаная, заводненая частка ў выглядзе невялікага перашыйка, які мог быць створаны падчас Інфлянцкай вайны. Аднак на гравюры гэта асаблівасць адсутнічае (мал. 1: *б, б*).

Такім чынам, праведзеная верыфікацыя выяў гравюр фартэцый з данымі археалагічнага абследавання і раскопак дазволіла ўдакладніць інфармацыю, якую ўтрымлівалі ілюстратыўныя крыніцы. Найбольшая колькасць удакладненняў была засведчана адносна фартэцы і Сокал, што з'явілася вынікам шматгадовых раскопак. Пры абмежаваных археалагічных працах удакладненні насілі мінімальны характар. Найбольш выразнай дэталлю усіх выяў гравюр, якая не супадала з рэальным станам з'яўляўся паказ фартэцый з "мураванымі сценамі" і вежамі, якія мелі ўзвышаныя пляцоўкі, што ў рэальнай сітуацыі не прасочвалася. Усе ўмацаванні былі драўлянымі. Пісьмовыя крыніцы і археалагічныя працы ў шэрагу выпадкаў сведчаць і аб наяўнасці двух брам (Сокал, Туроўля), аднак на гравюрах іх выявы адсутнічалі. Не выклікае сумненняў, што малюнкі, створаныя С. Пахалавіцкім былі зроблены на месцы размяшчэння кожнай з фартэцый падчас ваенных падзей 1579 г.

1. Без-Корнилович, М. О. Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии с привосокуплении и других сведений к ней же относящихся / М. О. Без-Корнилович. – СПб, 1855. – 355 с.
2. Брэжго, Б. Замкі Віцебшчыны / Б. Брэжго. – Вільня, 1933. – 38 с.
3. Вінаходаў, Дз. Як Няшчэрда стала легендай. Гістарычная аснова паданьня пра волата Княжу ў кнізе "Шляхціч Завальня" Яна Баршчэўскага / Дз. Вінаходаў // ARCHE. – 2011. – № 5. – С. 128–143.
4. Гейденштейн, Р. Записки о Московской войне (1578–1582). / Р. Гейденштейн. – СПб. : Изд-во мин. внутренних дел, 1889. – 309 с.
5. Клімаў, М. В. Фартэцыя Туроўля: новыя звесткі паводле археалагічных доследаў [Электронны рэсурс] / М. В. Клімаў // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і междысцыплінарных даследаванняў : электрон. зб. навук. арт. IV міжнар. навук. канф. Да 50-годдзя Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта, Полацк, 19–20 красавіка 2018 г. // Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт ; пад агул. рэд. А. І. Корсак. – Наваполацк, 2018. – 1 электрон апт. Дыск (CD-ROM). – С. 30–39.
6. Цэнтральны навучны архіў Нацыянальнай акадэміі навук (ЦНА НАН) Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. Арх. № 3447.
7. ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. Арх. № 3491а – тэкст; № 3491б – альбом.
8. Клімаў, М. В. Вызначэнне дакладнага месцазнаходжання фартэцыі Сокал па выніках археалагічных прац 2016 г. / М. В. Клімаў // МАБ. – 2019. – № 30. – С. 191–206.
9. Клімаў, М. В. Фартэцыі перыяду Інфлянцкай вайны на тэрыторыі Расоншчыны па выніках новых археалагічных даследаванняў (2016–2017 гг.) / М. В. Клімаў // Беларусь праз прызму рэгіянальнай гісторыі: Расонскі край. Гісторыя, культура, людзі (да 100-годдзя з дня нараджэння П. М. Машэрава) : зб. навук. арт. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі ; навук. рэд. М. В. Клімаў ; рэдкал. : В. В. Даніловіч [і інш.]. – Мінск : Беларуская навука, 2020. – С. 28–43.
10. Полоцкая земля как контактная зона при Иване Грозном, 1563–1579 гг., экспедиция 18–25 июля 2015 г. – Режим доступа: https://history.spbu.ru/nauka/nauchnye-tsentry/285-rgnf-pogranichie-2015/ekspeditsii/910-polotskaya-zemlya-kak-kontaktnaya-zona-pri-ivane-groznom-1563-1579-gg-ekspeditsiya-18-25-iyulya-2015-g.html. – Дата доступа: 25.03.2021.
11. Рабинович, М. Г. Археологическая разведка в Полоцкой земле / М. Г. Рабинович // Краткие сообщ. о докл. и полевых исслед. Ин-та истории материальной культуры Акад. наук ССС Р. М., 1950. – Вып. 33. – С. 81–88.
12. Сапунов, А. П. Рисунки крепостей, построенных по повелению царя Ивана Грозного после завоевания Полоцка в 1563 году. С 6-ю рисунками / А. П. Сапунов // Полоцко-Витебская старина. – 1912 – Вып. 2. – С. 299–313.
13. Сементовский, А. М. Белорусские древности. / А. М. Сементовский. – Вып. 1. – СПб, 1890. – 136 с.
14. ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. Арх. № 444.
15. Филюшкин, А. И. Когда Полоцк был российским. Полоцкая компания Ивана Грозного 1563–1579 гг. / А. И. Филюшкин, А. В. Кузьмин. – М., 2017.
16. Янушкевіч, А. Вялікае княства Літоўскае і Інфлянцкая вайна 1558–1570 г. / А. Янушкевіч. – Мінск : Медысонт, 2007. – 356 с.

ПАМЯТИ ВИКТОРА ВЛАДИМИРОВИЧА ТАРАНЕВСКОГО (1954–2020)

Дулаў А. М.

ВІКТАР УЛАДЗІМІРАВІЧ ТАРАНЕЎСКІ – ПЕДАГОГ, ПЕРАКЛАДЧЫК, ЛІТАРАТУРАЗНАВЕЦ-МЕДЫЯВІСТ

У 1995 годзе я стаў студэнтам факультэта беларускай філалогіі і гісторыі Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. Старажытную беларускую літаратуру на 1 курсе выкладаў высокапрафесійны і харызматычны выкладчык, лекцыі якога былі грунтоўнымі, змястоўнымі, яскравымі і запамінальнымі, і якога мы, студэнты, вельмі паважалі і любілі – Віктар Уладзіміравіч Таранеўскі. Многія адзначаюць яго знешняе падабенства да Францішка Скарыны. Мне ж было гэтаксама лёгка ўявіць сабе нашага выкладчыка шляхціцам у жупане і кунтушы з шабляй на баку. Тым больш, што і прозвішча ён насіў шляхецкае, маючы, пэўна, адпаведныя карані. Менавіта Віктар Уладзіміравіч, пад кіраўніцтвам якога ў далейшым я пісаў курсавую работу, а таксама засвойваў азы тэксталогіі на спецкурсе, прывіў мне любоў да старабеларускай кніжнасці і крыніцазнаўства.

Віктар Уладзіміравіч Таранеўскі нарадзіўся 18 верасня 1954 г. у в. Байкі Слонімскага раёна Гродзенскай вобласці ў сялянскай сям'і. Адтуль, з сям'і, Віктар Уладзіміравіч вынес любоў да працы і да кнігі. Пачатак жыццёвага шляху будучага перакладчыка і навукоўца быў даволі тыповым для тагачасных юнакоў. Важным этапам сталення стала служба ў Савецкай Арміі (1972–1974 гг.). Віктар служыў у танкавых войсках, быў камандзірам экіпажа танка Т-34. Пасля арміі малады чалавек пайшоў працаваць токарам на Мінскі аўтамабільны завод. Але сваё прызванне Віктар Таранеўскі бачыў у іншым. Таму ў верасні 1975 г. ён стаў студэнтам філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У.І. Леніна. Менавіта вучоба на філфаку БДУ ў вядучых тагачасных мовазнаўцаў і літаратуразнаўцаў і знаёмства з будучай жонкай Зояй прадвызначылі далейшы лёс Віктара Уладзіміравіча. Пасля заканчэння БДУ ў 1980 г. ён накіраваўся ў Віцебск, спачатку працаваў метадыстам абласной станцыі юных турыстаў, потым выкладаў беларускую мову і літаратуру ў сярэдніх школах № 10 і № 34. У кастрычніку 1983 г. Віктар Уладзіміравіч быў прыняты на працу ў Віцебскі дзяржаўны педагагічны інстытут імя С.М. Кірава асістэнтам кафедры беларускай мовы і літаратуры [10, арк. 2 адв.].

З лістапада 1986 г. Віктар Таранеўскі навучаўся ў аспірантуры пры кафедры беларускай літаратуры БДУ. Навуковым кіраўніком маладога даследчыка стаў адзін з яго ўніверсітэцкіх выкладчыкаў, знакаміты літаратуразнавец, паэт і пісьменнік, крытык і перакладчык, доктар філалагічных навук, прафесар, член-карэспандэнт АН БССР Алег Антонавіч Лойка (1931–2008). Буйны навуковец, аўтар дзясяткаў кніг, у тым ліку акадэмічных выданняў і вучэбных дапаможнікаў па гісторыі беларускай літаратуры, а да таго ж добры і светлы чалавек, зямляк, ураджэнец Слоніма аказаў на Віктара Уладзіміравіча вялікі ўплыў. Менавіта Алег Антонавіч Лойка, адной са сфер навуковых інтарэсаў якога была літаратура Беларусі перадрэнесанснага перыяду і Рэнесансу, прапанаваў тэму дысертацыі, якая стала вызначальнай у навуковай дзейнасці Віктара Уладзіміравіча, – "Гісторыка-мемуарная літаратура Беларусі XVI–XVII стст.". Важнейшае значэнне мела навуковая стажыроўка аспіранта В.У. Таранеўскага ў Ягелонскім універсітэце ў Кракаве ў 1988 г. Малады даследчык пазнаёміўся з вядучымі польскімі славістамі, у прыватнасці, з прафесарам Здзіславам Нядзелем (1931–1996), вывучаў даследаванні ў галіне мемуарыстыкі, а самае галоўнае – працаваў з тэкстамі дыярыушаў, як апублікаванымі, так і рукапіснымі.

Па заканчэнні аспірантуры Віктар Уладзіміравіч вярнуўся ў ВДПІ імя С.М. Кірава, дзе стаў працаваць выкладчыкам, а ў канцы 1990 г. быў абраны на пасаду старшага выкладчыка кафедры

беларускай мовы і літаратуры. Гэта былі часы чарговага нацыянальнага адраджэння. Пашыралася сфера ўжытку беларускай мовы, якая ў 1990 г. набыла статус адзінай дзяржаўнай. Расла запатрабаванасць у настаўніках роднай мовы і літаратуры. Таму з верасня 1992 г. на базе адпаведнай спецыяльнасці філалагічнага факультэта быў ўтвораны факультэт беларускай мовы і літаратурыі (з 1993 г. – беларускай філалогіі і гісторыі, з 2001 г. – беларускай філалогіі і культуры), першым дэканам якога стала кандыдат філалагічных навук, дацэнт Людміла Сяргееўна Васюковіч, а намеснікам дэкана – старшы выкладчык Віктар Уладзіміравіч Таранеўскі. На гэтай клопатнай пасадзе, сумяшчаючы з ёй працу на кафедры, Віктар Уладзіміравіч адпрацаваў 7 гадоў, а потым аж да 2014 г. працягваў выконваць абавязкі намесніка дэкана па выхаваўчай рабоце. Такім чынам, Віктар Таранеўскі быў адным са стваральнікаў факультэта беларускай філалогіі, з якім былі звязаны многія гады прафесійнай дзейнасці педагога, перакладчыка, навукоўца.

В.У. Таранеўскі выкладаў гісторыю беларускай літаратуры XI–XVIII стст., курсы па агульнай, славянскай і беларускай міфалогіі, спецкурсы "Тэксталогія" і "Старажытнае пісьменства на ўроках беларускай літаратуры ў школе". Выкладчык умеў захапіць студэнтаў сваёй дысцыплінай, даступна патлумачыць складаныя для першакурснікаў аспекты, стымуляваць да самастойнай працы з тэкстамі літаратурных помнікаў і даследаваннямі. Нездарма знаходзілася нямала студэнтаў, якія пісалі пад кіраўніцтвам Віктара Уладзіміравіча курсавыя і дыпломныя работы, займаліся навукай, удзельнічалі ў канферэнцыях, друкаваліся ў зборніках. Працы яго выхаванцаў адзначаліся катэгорыямі на Рэспубліканскіх конкурсах навуковых работ студэнтаў. Ён выдатна ўмеў падказаць накірункі даследаванняў, арганізаваць паэтапную працу над тэкстам работы, дапамагаў літаратурай, даваў скарыстацца ўласнымі перакладамі нават да іх публікацыі, вычытваў студэнцкія працы і ўносіў у іх неабходныя праўкі. Напісанне курсавой работы, прысвечанай дыярыушу Самуіла Маскевіча, стала для мяне выдатнай школай даследавання гісторыка-літаратурнай крыніцы.

Вялікую ўвагу Віктар Уладзіміравіч надаваў вучэбна-метадычнай працы: падрыхтаваў практыкум [3] і вучэбна-метадычны комплекс па старабеларускай літаратуры, што ўтрымлівае праграму, кароткі курс выбраных лекцый, планы семінарскіх заняткаў, пытанні да заліку і экзамена, матэрыялы для самастойнай работы студэнтаў [18]. Таксама выдаў аўтарскія вучэбныя дапаможнікі і метадычныя рэкамендацыі, якія захоўваюць актуальнасць [12; 16; 17; 19].

На хвалі нацыянальнага адраджэння канца 1980-х – 1990-х гг. у грамадстве вырасла цікавасць да гісторыі Беларусі. Адкрыццё народу роднай мінуўшчыны Віктар Таранеўскі бачыў сваім галоўным абавязкам. Як вядома, шэраг крыніц беларускай гісторыі створаны на польскай мове. Каб данесці іх змест да шырокіх колаў чытачоў, Віктар Уладзіміравіч сканцэнтраваў увагу, найперш, не на ўласнай навукова-даследчай працы, а на перакладчыцкай дзейнасці. У 1990-я гг. на старонках часопісаў "Спадчына" і "Полымя" былі надрукаваны ў перакладзе В.У. Таранеўскага ўрывак з дыярыушу Яна Уладзіслава Пачобута-Адляніцкага аб бітве з маскоўскім войскам на р. Басі ў 1660 г., а таксама Магілёўская хроніка Трафіма Сурты і Юры Трубніцкага (1992 г.); Дыярыуш Піліпа Казіміра Абуховіча (1995 г.); Віцебскі летапіс Міхала Панцырнага і Стафана Аверкі (1997 г.); Дыярыуш Яна Уладзіслава Пачобута-Адляніцкага (1998 г.). Прычым гэтыя пераклады суправаджаліся прадмовамі і каментарыямі. Пазней некаторыя з іх увайшлі ў зборнікі і акадэмічную анталогію [2; 7; 8; 23]. Дарэчы, за папулярызацыю польскамоўнай літаратуры ў Беларусі Віктар Уладзіміравіч атрымаў стыпендыю парыжскага часопіса "Культура" (фонд Ежы Гедройца) на стажыроўку ў Варшаве, якую прайшоў увосень 1998 г. [10, арк. 23, 35].

Як вядома, хлеб перакладчыка – нялёгкі хлеб. Гэта карпатлівая праца, што патрабуе шмат часу і сіл. Яшчэ святы Іеранім, заступнік перакладчыкаў, якога цытуе ў сваёй кнізе Умберта Эка, адзначаў, што пры перакладзе неабходна "non verbum e verbo sed sensum exprimere de sensu" [25, с. 16]. Як удакладняў сам італьянскі навуковец: "Итак, переводить – значит понять внутреннюю систему того или иного языка и структуру данного текста на этом языке и построить такую текстуальную систему, которая в *известном смысле* может оказать на читателя аналогичное воздействие – как в плане семантическом и синтаксическом, так и в плане стилистическом, метрическом, звукосимволическом, – равно как и то эмоциональное воздействие, к которому стремился текст-источник" [25, с. 16–17]. Зрабіць якасны пераклад нават сучаснага іншамоўнага тэксту, які б цалкам адпавядаў акрэсленым крытэрыям, справа вельмі і вельмі складаная. Тым больш складаная, калі нас ад стваральніка тэксту-крыніцы аддзяляе некалькі стагоддзяў. Аднак В.У. Таранеўскаму выдатна ўдавалася перадаць не толькі змест і асаблівасці формы, але і дух перакладзеных ім крыніц.

Польскамоўныя помнікі мемуарнай літаратуры Беларусі XVII ст. павінны былі дайсці да чытача асобным томам з назвай "Дыярыушы" у серыі "Беларускі кнігазбор", які быў падрыхтаваны да друку напрыканцы 1990-х гг. В.У. Таранеўскі ўключыў у рукапіс дыярыушы Самуіла і Багуслава Маскевічаў (відавочна, у перакладах старэйшага беларускага літаратуразнаўца-медыявіста А.Ф. Коршунава), Піліпа Казіміра Абуховіча і Яна Уладзіслава Пачобута-Адляніцкага (ва ўласных перакладах).

Напісаў прадмову і падрыхтаваў каментарыі. Агульны аб'ём рукапісу склаў 580 машынапісных старонак. Ён быў перададзены ў выдавецтва, адкуль знік пры загадкавых абставінах. У выніку мемуары Маскевічаў (Самуіла – упершыню поўны тэкст па-беларуску) і Піліпа Казіміра Абуховіча, а таксама сыноў апошняга былі надрукаваныя пад адной вокладкай толькі праз паўтара дзясятка гадоў у кнізе "Дыярыушы XVII стагоддзя (1594–1707 гады)" [6], выдадзенай у межах акадэмічнай серыі "Помнікі даўняга пісьменства Беларусі".

Важнай вехай перакладчыцкай дзейнасці В.У. Таранеўскага стаў пераклад лістоў Яна Баршчэўскага да Юліі Корсак, арыгіналы якіх захоўваюцца ў фондах Віцебскага абласнога краязнаўчага музея. І гэты пераклад Віктар Уладзіміравіч ажыццявіў першым. Аднак, як ён сам казаў у інтэрв'ю, "…па іроніі лёсу лісты былі надрукаваны ў "Беларускім кнігазборы", але не пад маім прозвішчам" [24, с. 1]. У 2004 г. пабачыла свет кніга, што ўтрымлівала пераклад лістоў да пані Юліі В.У. Таранеўскага побач з публікацыяй іх польскамоўных тэкстаў [1]. Перастварэнне вершаў і балад з лістоў на аснове падрадковага перакладу Віктара Уладзіміравіча выканаў вядомы паэт Анатоль Канапелька (1939–2002). Як адзначала літаратуразнавец і паэтка Вольга Русілка, "…падрадковы пераклад В. Таранеўскага зроблены на высокім прафесійным узроўні і часта сам мае адзнакі сапраўднай паэзіі" [9, с. 99].

Галоўнай сферай навуковых інтарэсаў В.У. Таранеўскага заставалася польскамоўная мемуарыстыка Беларусі XVI–XVII стст. У інтэрв'ю Віктар Уладзіміравіч казаў: "Цікава паназіраць, як праяўлялася асоба ў канкрэтных падзеях, бо нашы продкі ішлі тымі ж шляхамі, што і мы сёння. Мне цікава чытаць мемуары ваенных: яны больш экзатычныя, авантурныя" [5, с. 5]. Даследчык прысвяціў грунтоўныя артыкулы дыярыушам жаўнераў – літвіна Яна Уладзіслава Пачобута-Адляніцкага і паляка Яна Хрызастома Пасека [20; 11], дыярыушу ваяводы смаленскага Піліпа Казіміра Абуховіча [14], успамінам Фёдара Еўлашоўскага і лістам Філона Кміты-Чарнабыльскага [21; 15], даследаваў перадумовы ўзнікнення мемуарнага жанру ў беларускай літаратуры. Таксама цікавіў Віктара Уладзіміравіча дыярыуш Яна Антонія Храпавіцкага, ваяводы віцебскага, які вёў запісы амаль штодня на працягу 29 гадоў, прапусціўшы ўсяго тры дні [22]. Відавочна першым ён звярнуўся да жаночых постацяў у мемуарах XVII ст., прааналізаваў мемуарны пачатак у "Лістах да Юліі" Яна Баршчэўскага.

В.У. Таранеўскі быў удзельнікам шэрагу навуковых канферэнцый, у ліку якіх "Беларуска-руска-польскае супастаўляльнае мовазнаўства, літаратуразнаўства, культуралогія" (1998, 2000, 2003 гг.), "Віцебскія старажытнасці" (2011 і 2012 гг.), "Актуальныя праблемы крыніцазнаўства" (2013 і 2015 гг.), "Віцебскі край" (2015 г.) і інш.

Дысертацыя, праца над якой была адкладзена пасля аспірантуры, так і не была абаронена, хаця некалькі разоў Віктар Уладзіміравіч вяртаўся да яе і нават падрыхтаваў тэкст работы. Між тым, В.У. Таранеўскі карыстаўся заслужаным аўтарытэтам у навуковых колах. Перакладчыцкая і даследчыцкая дзейнасць Віктара Уладзіміравіча дазволілі акадэміку Уладзіміру Васільевічу Гніламёдаву называць яго ў шэрагу знакамітых беларусістаў [4, с. 11].

У планах В.У. Таранеўскага быў пераклад польскамоўнай рукапіснай "Хронікі горада Віцебска". Але гэтым планам не наканавана было здзейсніцца. Стала падводзіць здароўе. У жніўні 2016 г. выкладчык быў вымушаны сысці на адпачынак. У жніўні 2017 г. пабачыла свет апошняе інтэрв'ю з Віктарам Уладзіміравічам, у якім ён распавёў пра асобу і дзейнасць Францішка Скарыны [13]. 10 сакавіка 2020 г. перастала біцца яго сэрца...

Віктар Уладзіміравіч Таранеўскі застаўся ў памяці калег і вучняў выдатным педагогам, які на працягу трыццаці гадоў выкладаў у ВДУ імя П.М. Машэрава. Ён быў таленавітым перакладчыкам польскамоўных помнікаў літаратуры Беларусі і знаным літаратуразнаўцам-медыявістам. А таксама вельмі інтэлігентным, шляхетным, прынцыповым, справядлівым, ветлівым, душою адданым сваёй справе і Бацькаўшчыне чалавекам. Лепшым помнікам Віктару Уладзіміравічу, на маю думку, можа стаць выданне кнігі "Дыярыушы", у якой будуць змешчаны перакладзеныя ім тэксты. Таксама варта выдаць зборнік выбраных работ даследчыка.

1. Баршчэўскі, Я. Лісты да Юліі = Listy do Julii : пісьмы, вершы, балады / Я. Баршчэўскі ; пер. з пол. мовы В. У. Таранеўскага. – Віцебск : Выд-ва УА "ВДУ імя П. М. Машэрава", 2004. – 111 с.
2. Віцебскі летапіс / пер. з польскай і камент. В. Таранеўскага // Беларускія летапісы і хронікі / уклад. У. Арлова ; прадм. В. Чамярыцкага. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 1997. – С. 257–280.
3. Гісторыя беларускай літаратуры XI–XVIII стст. : практыкум / склад. В. У. Таранеўскі. – Віцебск : Выд-ва УА "ВДУ імя П. М. Машэрава", 2006. – 22 с.
4. Дакладваюць старшыні секцый і "круглых сталоў" [III Міжнароднага кангрэса беларусістаў]: Літаратуразнаўства / У. Гніламёдаў // Кантакты і дыялогі : інфармацыйна-аналітычны і культуралагічны бюлетэнь. – Мінск, 2000. – № 6(54). – С. 11–12.
5. Дзядзінкіна, С. Пра што пісалі беларусы ў сваіх дыярыушах : Гутарка з выкладчыкам ВДУ Віктарам Уладзіміравічам Таранеўскім / С. Дзядзінкіна // Нар. слова. – 2002. – 24 снеж. – С. 5.

6. Дыярыушы XVII стагоддзя (1594–1707 гады) / укл., пер. з пол. мовы: А. У. Бразгуноў ; рэд. кал.: А. У. Бразгуноў (старш.) [і інш.]. – Мінск : Белару с. навука, 2016. – 467 с.
7. Магілёуская хроніка Трафіма Сурты і Юрыя Трубніцкага / пер. з польскай і камент. В. Таранеўскага // Беларускія летапісы і хронікі / уклад. У. Арлова ; прадм. В. Чамярыцкага. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 1997. – С. 281–390.
8. Піліп Казімір Абуховіч. Дыярыуш / пераклаў В. Таранеўскі // Старажытная беларуская літаратура (XII–XVII стст.) / уклад., прадм., камент. І. Саверчанкі. – 2-е выд. – Мінск : Кнігазбор, 2010. – С. 531–560.
9. Русілка, В. Паэзія Я. Баршчэўскага ў перакладзе А. Канапелькі / В. Русілка // Ян Баршчэўскі ў славянскім свеце (да 210-годдзя з дня нараджэння) : зборнік навуковых артыкулаў удзельнікаў IV Міжнародных чытанняў 18–19 мая 2004 г. / пад рэд. В. І. Русілкі і В. Ю. Бароўкі. – Віцебск : Выд-ва УА "ВДУ імя П. М. Машэрава", 2004. – С. 99–101.
10. Тараневский Виктор Владимирович. Личное дело / Архіў ВДУ імя П. М. Машэрава. – Ф. 204. Воп. 2-л. Спр. 597.
11. Таранеўскі, В. Па старонках мемуараў Яна Хрызастома Паска / В. Таранеўскі // Шляхам гадоў : гіст.-літ. зб. / уклад. Я. Янушкевіч. – Мінск : Маст. літ., 1994. – С. 76–89.
12. Таранеўскі, В. У. Гісторыка-мемуарная літаратура Беларусі XVI–XVII стст. : метадычныя рэкамендацыі / В. У. Таранеўскі. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2016. – 55 с.
13. Таранеўскі, В. У. Скарыў Еўропу сваім розумам і кнігай / В. Таранеўскі ; гутарыў А. Шчарбіцкі // Витьбичи. – 2017. – 31 авг. – С. III (Прилож.: Вечерний Витебск).
14. Таранеўскі, В. У. "Дыярыуш…" Піліпа Казіміра Абуховіча / В. У. Таранеўскі // Веснік Беларускага дзяржаўнага універсітэта імя У. І. Леніна. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. Псіхалогія. – 1990. – № 1. – С. 6–10.
15. Таранеўскі, В. У. "Лісты" Філона Кміты-Чарнабыльскага / В. У. Таранеўскі // Літаратурныя постаці Віцебшчыны : зборнік навуковых артыкулаў / пад рэд. А. У. Русецкага і В. І. Русілкі. – Віцебск : Выд-ва УА "ВДУ імя П. М. Машэрава", 2001. – С. 4–20.
16. Таранеўскі, В. У. Ад летапісаў да мемуараў : вучэб. дапам. па гісторыі белару с. літаратуры XII–XVII стст. / В. У. Таранеўскі. – Віцебск : Выд-ва УА "ВДУ імя П. М. Машэрава", 2005. – 39 с.
17. Таранеўскі, В. У. Гарадское летапісанне Беларусі XVII–XVIII стст.: "Віцебскі летапіс" М. Панцырнага і С. Аверкі : метад. рэкамендацыі / В. У. Таранеўскі. – Віцебск : УА "ВДУ імя П. М. Машэрава", 2012. – 44 с.
18. Таранеўскі, В. У. Гісторыя беларускай літаратуры XI–XVII стст. : вучэбна-метадычны комплекс для студ. дзённай і завочнай форм навучання / В. У. Таранеўскі. – Віцебск : Выд-ва УА "ВДУ імя П. М. Машэрава", 2007. – 85 с.
19. Таранеўскі, В. У. Польскамоўныя мемуары Беларусі XVII стагоддзя : дапаможнік / В. У. Таранеўскі. – Віцебск : Выд-ва УА "ВДУ імя П. М. Машэрава", 2005. – 27 с.
20. Таранеўскі, В. У. Польскамоўныя мемуары ў кантэксце старабеларускай літаратуры XVII ст. ("Запіскі мае і дыярыуш маёй ваеннай службы..." Я. У. Пачобута-Адляніцкага) // Веснік Віцебскага дзяржаўнага універсітэта. – 2007. – № 4. – С. 118–123.
21. Таранеўскі, В. У. Штрыхі да «Успамінаў» Ф. Еўлашоўскага і «Реестра списань…» Ф. Кміты-Чарнабыльскага / В. У. Таранеўскі // Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова»: сборник научных трудов. – Витебск : УО «ВГУ им. П. М. Машерова». – Т. 6. – С. 177–190.
22. Таранеўскі, В. Я. А. Храпавіцкі і яго "Дыярыуш": полілінгвістычныя мемуары Віцебшчыны / В. Таранеўскі // Літаратурныя постаці Віцебшчыны: гісторыя і сучаснасць : зборнік навуковых артыкулаў ; рэдкал.: В. І. Русілка [і інш.]. – Віцебск : УА "ВДУ імя П.М. Машэрава", 2008. – С. 44–51.
23. Трафім Сурта і Юрый Трубніцкі. Магілёўская хроніка : [урыўкі ў пер. з польскай мовы В. Таранеўскага] / рэдпадрыхтоўка В. А. Чамярыцкага // Анталогія даўняй беларускай літаратуры: XI – першая палова XVIII стагоддзя / НАН Беларусі, Ін-т літ. імя Я. Купалы ; падрыхт. А. І. Богдан [і інш.] ; навук. рэд. В. А. Чамярыцкі. – 2-е выд. – Мінск : Бел. навука, 2005. – С. 816–832.
24. Шыёнак, В. Незвычайны перакладчык : выкладчык ВДУ Віктар Уладзіміравіч Таранеўскі / В. Шыёнак // Віцеб. рабочы. – 2003. – 25 лістап. – С. 1.
25. Эко, У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / У. Эко ; перев. с итал. А. Н. Коваля. – СПб. : Симпозиум, 2006. – 574 с.

Русілка В. І.

ПЕРАКЛАДЧЫЦКАЯ, НАВУКОВАЯ І ПЕДАГАГІЧНАЯ СПАДЧЫНА В. У. ТАРАНЕЎСКАГА

Для факультэта беларускай філалогіі і культуры, які існаваў ў Віцебскім дзяржаўным універсітэце імя П.М. Машэрава з 1992 па 2014 год, асоба Віктара Уладзіміравіча Таранеўскага была ў поўнай меры знакавай: ён, працуючы ва ўніверсітэце з 1983 года, стаяў ля вытокаў факультэта, быў спачатку намеснікам дэкана, а з 1993 нязменным намеснікам дэкана па выхаваўчай рабоце. Пры яго непасрэдным удзеле факультэт стаў сапраўдным навуковым і культурным асяродкам беларускасці ў віцебскім рэгіёне, што могуць з удзячнасцю пацвердзіць сотні высокакваліфікаваных, прафесійна падрыхтаваных выпускнікоў-філолагаў.

В.У. Таранеўскі творча выявіў і рэалізаваў сябе ў розных сферах прафесійнай дзейнасці: як педагог і выкладчык, як даследчык старажытнай беларускай літаратуры, як тэкстолаг і перакладчык з польскай мовы, як адміністратар і арганізатар вучэбна-выхаваўчага працэсу. Паспяховая самарэалізацыя і вялікі аўтарытэт, якім ён бясспрэчна карыстаўся сярод калег і студэнтаў, ў многім вызначалася асабістымі якасцямі гэтага чалавека

В.У. Таранеўскі нарадзіўся 18 верасня 1954 года ў вёсцы Байкі Слонімскага раёна Гродзенскай вобласці ў сялянскай сям'і. У час Другой сусветнай вайны яго бацька ваяваў супраць фашыстаў у складзе польскай арміі. Пазней свой воінскі абавязак перад Радзімай выканаў і Віктар – служыў у танкавых войсках савецкай арміі. У 1975 годзе, ужо дастаткова сталым чалавекам, ён зрабіў свядомы выбар – стаў студэнтам аддзялення беларускай і рускай мовы і літаратуры. У маладосці

Віктар пісаў вершы, і хоць потым кінуў гэтую справу, спаліўшы сшыткі, адчуванне паэтычнай мовы, рытму і мелодыі, вобразнай гармоніі засталося ў яго назаўсёды. Гэта пазней дапамагло яму і ў выкладчыцкай, і ў перакладчыцкай працы.

Скончыўшы ў 1980 годзе вучобу ў БДУ, В. Таранеўскі працаваў у Віцебскім абласным цэнтры пазакласнай і пазашкольнай работы, а з 1983 года – у Віцебскім дзяржаўным педагагічным інстытуце (цяпер – ВДУ імя П.М. Машэрава, дзе Віктар Уладзіміравіч выкладаў да 2016 года). У 1987 – 1989 г. В. Таранеўскі вучыўся ў аспірантуры БДУ, пісаў кандыдацкую дысертацыю пад кіраўніцтвам прафесара, члена-карэспандэнта АН Беларусі А.А. Лойкі, чатыры месяцы стажыраваўся ў Кракаўскім універсітэце, дзе працаваў у архівах над пошукам і перакладамі твораў старажытнай беларускай літаратуры, напісаных па-польску.

Старшы выкладчык В.У. Таранеўскі на высокім прафесійным узроўні, цікава і творча вёў заняткі па дысцыплінах "Гісторыя беларускай літаратуры XI – XVIII стагоддзяў", "Міфалогія беларусаў", "Славянская міфалогія", "Тэксталогія", "Гісторыя беларускай літаратуры XVIII – пачатку XIX стагоддзяў". Многія былыя студэнты памятаюць цікавыя заняткі, на якіх яны складалі свае паэтычныя радаводы, пісалі акравершы, выконвалі іншыя творчыя заданні.

Віктар Уладзіміравіч дбаў пра добрую арганізацыю вучэбнага працэсу, пра што сведчаць створаныя ім шматлікія вучэбна-метадычныя дапаможнікі: "Польскамоўныя мемуары Беларусі XVII стагоддзя"(2005), "Ад летапісаў да мемуараў" (2005), "Гісторыя беларускай літаратуры XI – XVII стст" (2007), "Гарадское летапісанне Беларусі XVII–XVIII ст.: "Віцебскі летапіс" М. Панцырнага і С. Аверкі" (2012), "Гісторыка-мемуарная літаратура Беларусі XVI-XVII стст." (2016).

Усе, хто ведаў Віктара Уладзіміравіча, адзначалі яго безумоўнае знешняе падабенства з Францыскам Скарынам і шляхетную акуратнасць, нават следаванне модзе і арыгінальнасць у адзенні. Думаецца, гэта таксама было выяўленнем самастойнасці, годнасці і незалежнасці характару.

Аднак значна болей істотнымі уяўляюцца тыя надзейнасць, унутраная прыстойнасць, выхаванасць і шляхетнасць, якія вызначалі сутнасць гэтай асобы.

Ён пайшоў з жыцця 10 сакавіка 2020 года. За болей як сорак гадоў знаёмства ні разу не было прычыны сумнявацца, што побач выдатны выкладчык і чалавек.

Асобнай увагі заслугоўвае навуковы ўклад В.У. Таранеўскага ў развіццё гісторыі беларускай літаратуры, тэксталогіі і яго перакладчыцкая дзейнасць.

Віктар Уладзіміравіч не раз зазначаў, што ён перш за ўсё медыявіст. І на самой справе, яго перш заўсё цікавіла гісторыя беларускай літаратуры перыяду Сераднявечча, з чым і былі звязаны кракаўскія архіўныя знаходкі даследчыка.

Ён ажыццявіў пераклад з польскай мовы на беларускую і даследаваў тэксты "Магілёўскай хронікі" Трафіма Раманавіча Сурты і Юры Трубніцкага, "Дыярыуша" Яна Уладзіслава Пачобута-Адляніцкага, "Дыярыуша" Піліпа Казіміра Абуховіча, "Віцебскага летапісу" М. Панцырнага і С. Аверкі. Матэрыялы, падрыхтаваныя В. Таранеўскім, былі апублікаваны ў часопісах "Спадчына" (1992), "Полымя" (1992, 1998, 2001, 2008), "Веснік БДУ" (1990), зборніку "Беларуская літаратура. Выпуск 18" (1990), выдаваліся асобнымі выданнямі ў ВДУ імя П.М. Машэрава. Сярод навуковых асаблівасцей гэтых прац можна адзначыць выключна дакладную перадачу гістарычных фактаў, глыбокія прадмовы і змястоўныя каментарыі, якімі заўсёды суправаджаў тэксты сваіх перакладаў В.У. Таранеўскі, багатую і сакавітую мову, насычаную вобразна-выяўленчымі сродкамі. У якасці прыклада прапануем падзагаловак да "Дыярыуша" Я. У. Пачобута-Адляніцкага, пераклад ненадрукаванай часткі якога быў апублікаваны даследчыкам у 2008 годзе: "Запіскі мае і дыярыуш маёй ваеннай службы, што, калі і дзе здарылася пры маёй бытнасці, занатаваў я для памяці. Няхай гэта будзе Пану Богу на хвалу і ку чці Матцы Міласэрнай, якая мяне ў розных небяспеках апекавала і з многіх маіх цяжкасцей і клопатаў вызваляла, без якіх, што ні крок, ніколі я не быў і не ёсць" " [2, с. 99]. Акрамя вышэйадзначаных асаблівасцей, гэты ўрывак добра захоўвае яшчэ і сінтаксічную асаблівасць польскамоўных тэкстаў.

Навуковыя інтарэсы В.У. Таранеўскага былі шырокія і не абмяжоўваліся Сярэднявеччам, пра што сведчыць яго плённая праца па перакладзе і даследаванні эпісталярнай спадчыны выдатнага польска-беларускага пісьменніка XIX стагоддзя, ураджэнца Віцебшчыны Яна Баршчэўскага. В.У. Таранеўскі пераклаў і апублікаваў з грунтоўнай прадмовай "Лісты да Юліі" Я. Баршчэўскага, змясціўшы сінхронна побач польскамоўныя і беларускамоўныя тэксты. Гэта дае чытачам і даследчыкам выдатныя магчымасці глыбей зразумець лісты выдатнага пісьменніка, якія па сутнасці таксама з'яўляюцца мастацкімі творамі, і параўнаць іх з перакладам. Навуковая прынцыповасць і прафесіяналізм перакладчыка выдатна падкрэслівае той факт, што паэтычныя пераклады вершаў, уключаных у "Лісты да Юліі", В.У. Таранеўскі даверыў зрабіць выдатнаму беларускаму паэту Анатолю Мікалаевічу Канапельку. Аднак і ў тэкстах празаічных перакладаў захавана многа вобразна-выяўленчых паэтычных сродкаў мовы, якія добра перадаюць асаблівасці стылю Яна

Баршчэўскага: “Не вечна будзе панаваць гэтая глухая, халодная і невыносная зіма. Сонца павярнулася на лета, а з поўдня прыйдзе да нас жаданая вясна, і аголеныя шкілеты дрэў апрануцца ў лісце, лугі ў кветкі, і рэкі, скінуўшы аковы, паплывуць вольна ў зялёных берагах” [1, с. 81]. Багацце эпітэтаў і метафар вызначае мову лістоў, і гэта ўдалося захаваць у перакладзе.

Перадаючы каларыт арыгіналу, В.У. Таранеўскі захоўвае і ў беларускамоўным тэксце сінтаксічныя асаблівасці польскамоўнага тэксту, у якім аўтар звяртаецца да Юліі Корсак: “Па загадзе Пані я называю яе імем сястры…” [1, с. 11]. З той мэтай перакладчык ужывае многа паланізмаў: “пекная, мамуня-дабрадзейка, зычэнні” і інш.

Спадчына В.У. Таранеўскага багатая, яна адкрывае новыя магчымасці для даследчыкаў гісторыі літаратуры і вучыць беражліва, сумленна і старанння захоўваць нацыянальныя багацці, прафесійна і аддана займацца навукай.

1. Баршчэўскі, Я. Лісты да Юліі: Пісьмы, вершы, балады / Я. Баршчэўскі ; укладанне, пераклад з польскай мовы В. У. Таранеўскага ; літаратурная апрацоўка вершаў і балад А. М. Канапелькі ; падрыхтоўка польскага тэксту да друку С. М. Якаўлева. – Віцебск : Выдавецтва УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”, 2004. – 111 с.
2. Пачобут-Адляніцкі, Я. Запіскі і дыярыуш / Я. У. Пачобут-Адляніцкі ; пераклад з польскай мовы, прадмова і каментарый В. Таранеўскага // Полымя. – 2008. – № 11. – С. 99–101.

УСПАМІНЫ ПРА ВІКТАРА УЛАДЗІМІРАВІЧА ТАРАНЕЎСКАГА

Вікторыя Дашкевіч, уласны карэспандэнт па Віцебскай вобласці газеты «Беларускі час», выпускніца 1996 г.

Будзем шчырымі, старажытная беларуская літаратура – не самы цікавы прадмет. Для таго, каб чытаць летапісы, жыцці і хаджэнні патрэбны асаблівы склад характару. Для таго, каб заахвоціць да гэтага іншых – асаблівы ўдвая. Дысцыпліну на мяжы гісторыі і літаратуры на маім курсе выкладаў Віктар Уладзіміравіч Таранеўскі.

І ахвотныя да няпростай навукі былі. У 1990-я інтэрнэтам мы яшчэ не карысталіся. А ў чытальнай зале бібліятэкі было па 2 – 3 экземпляры абавязковых для прачытання твораў на курс у амаль 100 чалавек. За імі станавіліся ў чаргу, іх змест канспектавалі. Хаця, што было б прасцей – дэлегіраваць аднаго «чытача», які потым пераказаў бы няхітры змест іншым. Часам думаю, што асоба выкладчыка іграла не апошнюю ролю ў імкненні выканаць яго патрабаванні.

Няспешны і спакойны, як абраная ім для вывучэння эпоха, ён ніколі не павышаў голас. А калі чуў на занятках ці экзаменах чарговы «ляп», усміхаўся, па-змоўніцку падмігваў астатнім і нязменна пытаўся: «Праўда?». Вобраз дапаўняла падабенства са Скарынам. Да гэтага часу не ведаю, свядома ён да гэтага падабенства імкнуўся, ці так здарылася выпадкова.

Віктар Уладзіміравіч быў прызначаны куратарам нашай групы, год апекаваў нас. І гэта таксама рабіў у сваёй манеры: без лішніх эмоцый і неразумных патрабаванняў. Ён быў куратарам такім жа, як і выкладчыкам – ненадакучлівым. Але пры гэтым усё рабілася згодна з яго планам. І тое, што план у яго быў, разумееш толькі зараз, калі мінуў час. Тады, у студэнцтве, здавалася, што гэта мы самі такія разумныя і дасканалыя: і старажытную літаратуру чытаем, і выконваем усё, што павінна рабіцца ў студэнцкай групе.

На пасадзе намесніка дэкана ён быў такім жа стрыманым, нешматслоўным, падкрэслена акуратным. Неяк у сценгазеце давалі выкладчыкам «імёны», скарыстоўваючы назвы твораў сусветнай і беларускай літаратуры. Віктара Уладзіміравіча назвалі «Ценем консула». Тады здавалася, што гэта – надзіва трапная прыдумка. І толькі цяпер, пасталеўшы, разумееш: ён ніколі не быў ценем. Гэта была неардынарная і яркая асоба, з якой пашчасціла сустрэцца ў жыцці. Дзякуй за гэта лёсу.

Вольга Васільеўна Кісель, настаўнік беларускай мовы і літаратуры сярэдняй школы № 46 імя І. Х. Баграмяна, выпускніца 1996 г.

Студэнцкія гады – шчаслівы і незабыўны час. Юнацтва, сябры, вучоба… І, канешне, любімыя выкладчыкі. Адзін з іх – Віктар Уладзіміравіч Таранеўскі. Так склаўся лёс, што апошнія гады ён быў маім суседам. Заўсёды прыемна было прыпыніцца, паразмаўляць, абмеркаваць настаўніцкую працу, успомніць мінулыя часы.

Памятаю першую лекцыю па старажытнай літаратуры. Віктар Уладзіміравіч расказваў так захапляльна, што творы, напісаныя некалькі стагоддзяў назад, станавіліся цікавымі, а аўтары, якія іх

напісалі, паўставалі жывымі. Яго прадмет хацелася ведаць, летапісы і хронікі чытаць. На занятках адкрываўся непаўторны і багаты свет старажытнай літаратуры.

Запомніліся лекцыі, прысвечаныя Францыску Скарыне. Ды і знешне Таранеўскі і Скарына былі падобныя. Калі я расказваю вучням пра нашага першадрукара, то ўзгадваю аповед свайго выкладчыка, успамінаю, як ён пра яго расказваў. За радкамі "Францыск Скарына – першадрукар і асветнік", стаяў цікавы і непрадказальны жыццёвы лёс. Лёс чалавека, які змяніў свет. Віктар Уладзіміравіч таксама змяняў свет. І праз свае творы, праз нас, яго былых студэнтаў, змяняе і зараз.

Ганна Аляксандраўна Гладкова, кандыдат філалагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры літаратуры ВДУ імя П.М. Машэрава, выпускніца 2000 г.

Я пазнаёмілася з В.У.Таранеўскім у далёкім 1995 годе, калі паступіла вучыцца на першы курс факультэта беларускай філалогіі і гісторыі. Віктар Уладзіміравіч чытаў нам курс беларускай старажытнай літаратуры. Быў надзвычай сур'ёзным, вытрыманым выкладчыкам, не шматслоўным, але канкрэтным. Выкладаў курс не па напісанаму, гаварыў сам, толькі часам заглядаючы ў паперы. Адчувалася, што выкладчык дасведчаны, выдатна ведае матэрыял і сам любіць гісторыю і старажытную беларускую літаратуру. Нават знешне мы знаходзілі падабенства нашага выкладчыка са Скарынам, выява якога вядомая па гравюрах: высокі лоб, доўгія валасы, прадаўгаваты твар, сур'ёзны погляд вачэй.

Віктар Уладзіміравіч быў выдатным знаўцам старажытнай літаратуры, сфера яго навуковых пошукаў – літаратурныя набыткі XVI-XVII стагоддзяў, у прыватнасці, дыярыўшы, гісторыка-мемуарная літаратура XVI-XVII стагоддзяў. В.У.Таранеўскі ведаў польскую мову, перакладаў з яе, ён быў першым, каму я паказала свае спробы перакладаў польскамоўных мемуараў І.Быкоўскага, над літаратурнай спрадчынай якога працавала ў межах кандыдацкай дысертацыі. І Віктар Уладзіміравіч не адклаў мой матэрыял убок, не сказаў, што няма часу, ён адразу пачаў чытаць і праз некалькі дзён вярнуў мне пераклад са сваімі праўкамі і рэкамендацыямі. Я магу сказаць, што мой навуковы шлях адбыўся толькі з лёгкай рукі майго шаноўнага выкладчыка. І я заўсёды пра гэта памятаю.

З Віктарам Уладзіміравічам мне пашчасціла працаваць на кафедры беларускай літаратуры некалькі гадоў. У калектыве калег ён вылучаўся спакойнай, разумнай пазіцыяй па рабочых пытаннях, быў чалавекам строгіх правіл, але ніколі не павышаў голас, трымаў эмоцыі пад уладай розуму, быў надзейным у любой справе, за што меў павагу калег і студэнтаў.

Памятаю, як Віктар Уладзіміраваіч гуляў у шахматы, калі выпадаў вольны час, як распавядаў пра будзённыя справы, умеў з гумарам зняць напружанасць любой сітуацыі. Ён не меў высокіх узнагарод, не стаў кандыдатам ці доктарам навук, бо не імкнуўся да прызнання, аднак бясспрэчна тое, што ён быў прафесіяналам у сваёй справе, дасведчаным у самых складаных пытаннях медыявістыкі, Чалавекам з вялікай літары, надзейным, справядлівым і шляхетным.

А гэта, мне думаецца, даражэй за любыя адзнакі і ўзнагароды.

Яўген Аляксандравіч Грэбень, кандыдат гістарычных навук, дацэнт, загадчык кафедры сацыяльна-гуманітарных дысцыплін Беларускага дзяржаўнага аграрнага тэхнічнага ўніверсітэта, выпускнік 2000 г.

Цяжка ацэньваць чалавека, якога ты лічыў дасканалым узорам…

З Віктарам Уладзіміравічам Таранеўскім мы пазнаёміліся падчас вывучэння старажытнабеларускай літаратуры на 1 курсе. І імгненна былі ачараваны ім. Не сакрэт, што выкладчыкі атрымліваюць крытычныя водгукі студэнтаў. Кожнаму штосьці не падабаецца ў канкрэтным чалавеку, і гэта натуральна. Але ж, мне не даводзілася чуць крытыку з боку аднакурснікаў у адрас Віктара Уладзіміравіча.

І гэта зразумела чаму. Сярэднявечныя часы проста ажывалі, матэрыялізаваліся падчас яго лекцый. Нават тыя, каму не вельмі было цікава разбірацца ў хітраспляценнях старажытнай літаратуры, і тыя заціхалі і зачаравана слухалі. І было што слухаць. Сівая даўніна натуральна паўставала ў аўдыторыі. Мала хто ведае, што Віктар Уладзіміравіч быў перакладчыкам шэрагу мемуараў беларускіх шляхціцаў XVII стагоддзя. І гэтыя яго пераклады, якія, на вялікі жаль, да сённяшняга часу асобным выданнем не апублікаваныя, моцна ўражвалі як студэнтаў-філолагаў, так і тых, хто вучыўся на гістарычнай спецыяльнасці. Бо перакласці першакрыніцу, каб яна чыталася з асалодай, гэта трэба мець талент! А яшчэ большы талент, каласальная харызма патрэбны, каб зацікавіць сваім захапленнем моладзь, студэнтаў малодшых курсаў. І Віктар Таранеўскі валодаў такім талентам!

А як падабаўся студэнтам знешні выгляд Віктара Уладзіміравіча! Усе параўноўвалі яго (вусы, доўгія валасы, разумны позірк, які пранізваў наскрозь) з партрэтамі Францыска Скарыны. Мала таго, што яны былі падобныя знешне. Яны – тытан Адраджэння, першадрукар беларусаў, і сціплы выкладчык правінцыйнага ўніверсітэта – рабілі адну і тую ж справу з інтэрвалам ў палову тысячагоддзя: абуджаць людзей, выхоўваць сапраўдных беларусаў, патрыётаў сваёй Бацькаўшчыны.

Праз некалькі дзесяцігоддзяў, ацэньваючы сваё мінулае, сваю студэнцкую маладосць, я шчыра дзякую Богу, што на маім шляху сустрэўся гэты Чалавек, гэты Выкладчык. З гонарам расказваю сыну, што я меў шчасце пісаць курсавую па старабеларускай літаратуры пад кіраўніцтвам Віктара Уладзіміравіча. Адзінае, за што магу сябе даракаць, гэта за то, што так мала (у параўнанні з вечнасцю) пагаварыў з гэтым сапраўдным Чалавекам.

Дзяніс Валер'евіч Юрчак, кандыдат гістарычных навук, дацэнт, галоўны спецыяліст упраўлення культуры Віцебскага абласнога выканаўчага камітэта, выпускнік 2003 г.

Віктар Уладзіміравіч быў даволі яркай і знакавай асобай для студэнтаў факультэта. Вельмі часта ён быў героем студэнцкіх жартаў з-за сваёй яскравай знешнасці. Асабліва кідалася ў вочы яго знешняе падабенства з эталонным вобразам усходнеславянскага першадрукара Францыска Скарыны. У першую чаргу да такіх высноў падштурхоўвалі прычоска і вусы. Якія разам з агульным выглядам стварылі несумненнае падабенства. Таму гэтыя жарты выходзілі нават на ўніверсітэцкую сцэну. Жартавалі і ў больш вузкім фармаце. Аднойчы скарысталіся тым, што ў 622 аўдыторыі віселі графічныя партрэты выбітных дзеячаў айчыннай гісторыі. Сярод іх быў і Скарына. Прычым усе партрэты былі падпісаны. Мы не стрымаліся. Каюся, менавіта я часта быў ініцыятарам падобных жартаў. І на гэта раз я таксама прыклаў руку. Мы замест імя першадрукара павесілі паверх паперу з надпісам "В. У. Таранеўскі". І гэты новы этыкетаж пратрымаўся даволі доўга, покуль хтосьці з выкладчыкаў не заўважыў. А студэнты доўга радаваліся жарту.

Увогуле В. У. Таранеўскага студэнты любілі і паважалі. Падабалася яго ні з кім не параўнальная манера весці лекцыі, каларытная мова. Дарэчы менавіта гэтая мова прывяла да таго, што дыярыуш Я. У. Пачобута-Адляніцкага (у перакладзе Віктара Уладзіміравіча) я чытаў як сапраўдны баявік. Перакладчык бліскуча здолеў перадаць мову і тэмперамент аўтара.

Прыгадваецца і экзамен па старажытнай беларускай літаратуры, які мы здавалі менавіта В. У. Таранеўскаму. Я зайшоў, выцягнуў білет, мне ён паказаўся вельмі нецікавым. Я быў добра гатовы да гэтага экзамену, яле тыя пытанні (штосьці пра Жыціе Еўфрасінні Полацкай і палемічную рэлігійную літаратуру) не давалі магчымасць ўзгадаць цытаты, прывесці яркія факты і г.д. Я з незадаволеным выглядам паглядзеў на выкладчыка і ўбачыў, што ён не кантралюе мяне позіркам. Тут жа паклаў білет, ухапіў іншы на другім баку стала і пайшоў рыхтавацца. Калі ж я ўбачыў білет, мяне чакаў не самы прыемны сюрпрыз: ізноў Жыціе прападобнай, але толькі іншы аспект, і ў дадатак адзін з пісьменнікаў-палемістаў. Атрымалася, як кажуць, "шыла на мыла". Яўна, быў не мой дзень. Хаця адказаў выдатна, але ж мог і лепш, толькі іншыя пытанні.

Яшчэ адзін каларытны выпадак быў, калі знаёмыя з наступнага курса (1999 год набору) здавалі залік П. М. Падгурскаму па курсу "Дапаможныя гістарычныя дысцыпліны". Хлопец не змог адказаць на простае дадатковае пытанне: калі склалася беларуская нацыя. Яму выкладчык параіў пайсці пачытаць у бібліятэку. Студэнт хутка пабег у бібліятэку, акурат перад намі сустрэў у калідоры Віктара Уладзіміравіча і хутка спытаўся: "Віктар Уладзіміравіч, калі склалася беларуская нацыя?" Той паглядзеў на яго, спакойна сказаў: "Яна яшчэ не склалася" і пайшоў далей. Хлопец разгублена завіс пад гучны студэнцкі рогат.

Юрась Каласоўскі, настаўнік беларускай мовы і літаратуры Магілёўскай гарадской гімназіі №1, «Настаўнік года Магілёўскай вобласці – 2014», выпускнік 2006 г.

Віктар Уладзіміравіч Таранеўскі... Думаю, не толькі мне, але і многім з тых, каму давялося вучыцца ў гэтага таленавітага выкладчыка, хочацца назваць яго "наш Скарына"... І не толькі за пэўнае знешняе падабенства, якое, мяркую, дазволіла б Віктару Уладзіміравічу паспяхова сыграць не адну ролю нашага першадрукара ў тэатры ці ў кіно.

Віктар Уладзіміравіч, працуючы на кафедры беларускай літаратуры, не проста расказваў нам пра таго ці іншага пісьменніка ці літаратурны напрамак. Найперш спадар Віктар дазваляў нам пачуць і адчуць, як гучаць на сучаснай беларускай літаратурнай мове сярэднявечныя беларускія летапісы і хронікі, перакладчыкам многіх з якіх ён і з'яўляўся.

Канечне, тут нельга не згадаць і перастворaныя ім "Лісты да Юліі" нашага выдатнага земляка Яна Баршчэўскага – гімн сапраўднаму каханню і тым узнёслым, а часам і трагічным перажыванням, што яму спадарожнічаюць...

Асабіста мяне моцна ўразіла тое, што Віктар Уладзіміравіч, ураджэнец Гродзеншчыны і выкладчык Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта, пераклаў на беларускую мову летапіс майго роднага горада – "Магілёўскую хроніку". Не будзе перабольшваннем сказаць, што менавіта гэтая праца Віктара Уладзіміравіча павысіла маю цікаўнасць да гісторыі роднага горада, што праз гады ўвасобілася ў даследчых работах па тапаніміцы Магілёва, па гісторыі назваў вуліц горада на Дняпры. Акрамя таго, цудоўнае веданне Віктарам Уладзіміравічам польскай мовы паспрыяла і маёй цікавасці да яе вывучэння – і ўжо праз пэўны час я сам не толькі пачаў свабодна размаўляць па-польску, але і перакладаць на беларускую мову вершы польскіх паэтаў.

Нездарма кажуць, што таленавіты выкладчык працягваецца ў сваіх вучнях. Упэўнены, што сваёй выкладчыцкай, даследчыцкай і перакладчыцкай дзейнасцю Віктар Уладзіміравіч пакінуў не проста годны след на зямлі, а знайшоў працяг у сваіх удзячных студэнтах! Таму памяць пра яго – жывая.

Сяргей Шчалкуноў, выпускнік 2007 г.

Vanitas vanitatum et omnia vanitas

Ніхто, упэўнены, не будзе спрачацца, што студэнцкія гады – самыя лепшыя. Гэта значна больш, чым проста лекцыі, семінары і экзамены. Менавіта ў студэнцтве перажываеш першае сапраўднае каханне, знаходзіш сапраўдных сяброў, пачынаеш захапляцца тым, што цікава табе, а не тым, што навязваюць твае школьныя настаўнікі (у мяне было так).

Безумоўна, мы абмяркоўвалі выкладчыкаў: кагосьці – больш, кагосьці – менш, "нецікавых" – толькі адзін раз (былі і такія). Імя Віктара Уладзіміравіча Таранеўскага не сыходзіла з вуснаў кожнага студэнта.

Першае знаёмства з выкладчыкам было завочным. Старшакурснікі папярэджвалі: убачыце чалавека, які падобны да Скарыны (каторы першадрукар), – гэта і ёсць Віктар Уладзіміравіч. І сапраўды!

Запомніўся і фірмовы стыль В.У. Таранеўскага: кашуля, пажадана белая, зверху – безрукаўка або кардыган, штаны – класічныя, чорныя, абутак – таксама класіка, дарагія туфлі, акуратныя, бліскучыя або проста начышчаныя. Дадайце да гэтага "карэ Скарыны", вусы, абавязкова кнігу пад пахай… І перад вамі – мой любімы выкладчык ФБФК ВДУ Таранеўскі Віктар Уладзіміравіч, які вёў заняткі па міфалогіі і старажытнабеларускай літаратуры.

За час вучобы я не памятаю, каб ён хаця б раз павысіў голас на моладзь. Ні разу. Але яго аўтарытэту хапала проста адным словам ці нават позіркам "абсадзіць" недарэчлівага студэнта. Выкладчык не раз гаварыў нам, студэнтам, што добра, калі хоць палова з нас будуць працаваць па спецыяльнасці (Божа, як жа праўдзіва). Вучыў нас, каб мы бралі ад жыцця ўсё толькі найлепшае, у тым ліку і ад вучобы. Гэта ад яго я ўпершыню пачуў анекдот пра беларуса, які трапіў на цвік і думае, что так і трэба. Гэта Віктар Уладзіміравіч лічыў Біблію галоўнай кнігай чалавецтва і застаўляў нас завучваць 10 запаведзяў. Vanitas vanitatum et omnia vanitas, цытаваў з той жа Бібліі цара Саламона, у тую ж секунду перакладаў гэты выраз (чамусьці па-расейску: "суета сует и все суета"). І так гаварыў пра наша жыццё. Ужо на апошнім курсе, калі я ў яго пісаў дыпломную працу па тэме барочнай літаратуры Беларусі, у мяне была магчымасць заставацца тэт-а-тэт. І ў працэсе падрыхтоўкі дыплома да здачы мог пачуць ад спадара Таранеўскага шмат розных гісторый з жыцця, меркаванняў наконт той ці іншай сітуацыі. І гэта было для мяне найлепшым досведам, чым уся вучоба за пяць гадоў.

Знешне спакойны, але ўнутры перажывальны – гэта "барочны" выкладчык: ускладненаць і ўзнёсласць думкі – тое, што адрознівала яго ад астатніх.

З задавальненнем паслухаў бы яго лекцыі і зараз, а пасля падышоў і паціснуў бы яму руку: "Дзякуй, Віктар Уладзіміравіч, за студэнцтва… і жыццёвыя парады".

Рэдактар удзячны за спрыянне ў зборы ўспамінаў і падрыхтоўцы іх да друку Алесі Дуброўскай, Вікторыі Чакушцы, к.ф.н. Таццяне Дубоўскай.

БІБЛІЯГРАФІЯ ПРАЦ В. У. ТАРАНЕЎСКАГА[1]

Складальнікі: *А.М. Дулаў,*
А.В. Камарчук,
З.В. Таранеўская

Пераклады

1. Ян Уладзіслаў Пачобут Адляніцкі. Бітва на Басі / прадм. і перакл. з польскай В. Таранеўскага // Спадчына. – 1992 – № 2. – С. 95–99.
2. Магілёуская хроніка Трафіма Раманавіча Сурты і Юры Трубніцкага / пер. з польскай, прадм. і камент. В. У. Таранеускага // Полымя. – 1992. – № 7. – С.144–172; № 8. – С. 194–216.
3. Дыярыуш Піліпа Казіміра Абуховіча, Ваяводы Смаленскага, Маршалка кола рыцарскага / пераклад з польск., прадм. і камент. В. У. Таранеўскага // Полымя. – 1995. – № 7. – С. 153–188.
4. Віцебскі летапіс Панцырнага і Аверкі / пер. з польскай і камент. В. Таранеўскага ; навук. рэд. перакладу В. Чамярыцкі // Спадчына. – 1997. – № 4. – С. 209–240.
5. Віцебскі летапіс / пер. з польскай і камент. В. Таранеўскага // Беларускія летапісы і хронікі / уклад. У. Арлова ; прадм. В. Чамярыцкага. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 1997. – С. 257–280.
6. Магілёуская хроніка Трафіма Сурты і Юрыя Трубніцкага / пер. з польскай і камент. В. Таранеўскага // Беларускія летапісы і хронікі / уклад. У. Арлова ; прадм. В. Чамярыцкага. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 1997. – С. 281–390.
7. Запіскі і дыярыуш Яна Уладзіслава Пачобута-Адланіцкага / пер. з польск., прадм. і камент. В. У. Таранеўскага // Полымя. – 1998. – № 1. – С. 128–173; № 2. – С. 180–190; 2001. – № 10. – С. 195–246; 2008. – № 11. – С. 99–106; № 12. – С. 74–92.
8. Трафім Сурта і Юрый Трубніцкі. Магілёўская хроніка : [урыўкі ў пер. з польскай мовы В. Таранеўскага] / рэдпадрыхтоўка В. А. Чамярыцкага // Анталогія даўняй беларускай літаратуры: XI – першая палова XVIII стагоддзя / НАН Беларусі, Ін-т літ. імя Я. Купалы ; падрыхт. А. І. Богдан [і інш.] ; навук. рэд. В. А. Чамярыцкі. – Мінск : Бел. навука, 2003; 2-е выд. – 2005. – С. 816–832.
9. Баршчэўскі, Я. Лісты да Юліі : Вершы, балады у перакл. А. Канапелькі [паводле падрадковага перакладу В. Таранеўскага] / Я. Баршчэўскі. – Віцебск : Б.в., 2003. – 34 с.
10. Баршчэўскі, Я. Лісты да Юліі = Listy do Julii : пісьмы, вершы, балады / Я. Баршчэўскі ; пер. з пол. мовы В. У. Таранеўскага ; літ. апрацоўка вершаў і балад А. М. Канапелькі. – Віцебск : Выд-ва УА "ВДУ імя П. М. Машэрава", 2004. – 111 с.
11. Піліп Казімір Абуховіч. Дыярыуш / пераклаў В. Таранеўскі // Старажытная беларуская літаратура (XII–XVII стст.) / уклад., прадм., камент. І. Саверчанкі. – Мінск : Кнігазбор, 2007; 2-е выд. – 2010. – С. 531–560.

Вучэбна-метадычныя выданні

1. Гісторыя беларускай літаратуры XI–XVIII стст. : практыкум / склад. В. У. Таранеўскі. – Віцебск : Выд-ва УА "ВДУ імя П. М. Машэрава", 2003. – 19 с.
2. Таранеўскі, В. У. Ад летапісаў да мемуараў : вучэб. дапам. па гісторыі беларус. літаратуры XII–XVII стст. / В. У. Таранеўскі. – Віцебск : Выд-ва УА "ВДУ імя П. М. Машэрава", 2005. – 39 с.
3. Таранеўскі, В. У. Польскамоўныя мемуары Беларусі XVII стагоддзя : дапаможнік / В. У. Таранеўскі. – Віцебск : Выд-ва УА "ВДУ імя П. М. Машэрава", 2005. – 27 с.
4. Гісторыя беларускай літаратуры XI–XVIII стст. : практыкум / склад. В. У. Таранеўскі. – Віцебск : Выд-ва УА "ВДУ імя П. М. Машэрава", 2006. – 22 с.
5. Таранеўскі, В. У. Гісторыя беларускай літаратуры XI–XVII стст. : вучэбна-метадычны комплекс для студ. дзённай і завочнай форм навучання / В. У. Таранеўскі. – Віцебск : Выд-ва УА "ВДУ імя П. М. Машэрава", 2007. – 85 с.
6. Тэксталогія [Электронны рэсурс] : вучэб.-метад. матэрыялы для студэнтаў 3-га курса (ДА) і 5-га курса (АЗН) ФБФК спец. 1-21 05 01 Беларуская філалогія / [аўт.-склад. В. У. Таранеўскі]. – Электрон. тэкставыя дан. (1 файл: 38 Кб). – Віцебск, 2012. – Рэжым доступу: www.lib.vsu.by. – Загал. з экрана.
7. Таранеўскі, В. У. Гарадское летапісанне Беларусі XVII–XVIII стст.: "Віцебскі летапіс" М. Панцырнага і С. Аверкі : метад. рэкамендацыі / В. У. Таранеўскі. – Віцебск : УА "ВДУ імя П. М. Машэрава", 2012. – 44 с.

[1] Верагодна, у спісе ўлічаны не ўсе публікацыі В. У. Таранеўскага. Бібліяграфічны пошук будзе працягнуты.

8. Таранеўскі, В. У. Гісторыка-мемуарная літаратура Беларусі XVI–XVII стст. : метадычныя рэкамендацыі / В. У. Таранеўскі. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2016. – 55 с.

Артыкулы

1. Таранеўскі, В. У. "Дыярыуш…" Піліпа Казіміра Абуховіча / В. У. Таранеўскі // Веснік Беларускага дзяржаўнага універсітэта імя У. І. Леніна. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. Псіхалогія. – 1990. – № 1. – С. 6–10.

2. Таранеўскі, В. Па старонках мемуараў Яна Хрызастома Паска / В. Таранеўскі // Шляхам гадоў : гіст.-літ. зб. / уклад. Я. Янушкевіч. – Мінск : Маст. літ., 1994. – С. 76–89.

3. Таранеўскі, В. У. "Лісты" Філона Кміты-Чарнабыльскага / В. У. Таранеўскі // Літаратурныя постаці Віцебшчыны : зборнік навуковых артыкулаў / пад рэд. А. У. Русецкага і В. І. Русілкі. – Віцебск : Выд-ва УА "ВДУ імя П. М. Машэрава", 2001. – С. 4–20.

4. Таранеўскі, В. У. Пластычныя міры Васіля Ціханенкі / В. У. Таранеўскі // Мастак Васіль Ціханенка. – Віцебск : Сампа, 2007. – С. 18–28.

5. Таранеўскі, В. У. Штрыхі да "Успамінаў" Ф. Еўлашоўскага і "Реестра спісань..." Ф. Кміты-Чарнабыльскага / В. У. Таранеўскі // Ученые записки УО "ВГУ им. П. М. Машерова" : сборник научных трудов. – Витебск, 2007. – Т. 6. – С. 177–190.

6. Таранеўскі, В. У. Польскамоўныя мемуары ў кантэксце старабеларускай літаратуры XVII ст. ("Запіскі мае і дыярыуш маёй ваеннай службы..." Я. У. Пачобута-Адляніцкага) // Веснік Віцебскага дзяржаўнага універсітэта.– 2007. – № 4. – С. 118–123.

7. Таранеўскі, В. Я. А. Храпавіцкі і яго "Дыярыуш": полілінгвістычныя мемуары Віцебшчыны / В. Таранеўскі // Літаратурныя постаці Віцебшчыны: гісторыя і сучаснасць : зборнік навуковых артыкулаў ; рэдкал.: В. І. Русілка [і інш.]. – Віцебск : УА "ВДУ імя П. М. Машэрава", 2008. – С. 44–51.

Публікацыі ў зборніках матэрыялаў канферэнцый

1. Таранеўскі, В. У. Колькі слоў пра віцебскага ваяводу Яна Антоні Храпавіцкага і яго "Дыярыуш" / В. У. Таранеўскі // Беларуска-руска-польскае супастаўляльнае мовазнаўства і літаратуразнаўства : матэрыялы IV Міжнароднай навуковай канферэнцыі / пад агульн. рэд. Л. М. Вардамацкага і Г. М. Мезенка. – Віцебск : Выд-ва ВДУ, 1997. – Ч. 3. – С. 450–452.

2. Таранеўскі, В. У. Самуіл Маскевіч і яго "Дыярыуш" / В. У. Таранеўскі // Беларуска-руска-польскае супастаўляльнае мовазнаўства, літаратуразнаўства, культуралогія: матэрыялы V Міжнар. навук. канф., Віцебск, 25–27 мая 2000 г. / пад агульн. рэд. Л. М. Вардамацкага і Г. М. Мезенка. – Віцебск : Выд-ва УА "ВДУ імя П. М. Машэрава", 2000. – С. 172–173.

3. Таранеўскі, В. У. "В року 1602..." (некалькі штрыхоў да аднаго сюжэта з "Баркулабаўскай хронікі") / В. У. Таранеўскі // Беларуска-руска-польскае супастаўляльнае мовазнаўства, літаратуразнаўства, культуралогія: матэрыялы VI Міжнар. навук. канф., Віцебск, 15–17 мая 2003 г. / пад агульн. рэд. Л. М. Вардамацкага і Г. М. Мезенка. – Віцебск : Выд-ва УА "ВДУ імя П. М. Машэрава", 2003. – Ч. 2. – С. 170–172.

4. Таранеўскі, В. У. Мемуарны пачатак у "Лістах да Юліі" Я. Баршчэўскага / В. У. Таранеўскі // Ян Баршчэўскі ў славянскім свеце (да 210-годдзя з дня нараджэння) : зб. навук. арт. удзельнікаў IV Міжнар. навук. чытанняў, 18–19 мая 2004 г. / пад рэд. В. І. Русілкі і В. Ю. Бароўкі. – Віцебск : Выд-ва УА "ВДУ імя П. М. Машэрава", 2004. – С. 118–119.

5. Таранеўскі, В. У. "Мемуары" Я. Х. Пасека як крыніца па гісторыі Беларусі другой палавіны XVII ст. / В. У. Таранеўскі // Актуальные проблемы из исторического прошлого и современности в общественно-гуманитарных и социо-религиоведческих науках Беларуси, ближнего и дальнего зарубежья : материалы межд. науч.-теор. конф., Витебск, 19–20 апр. 2007 г. / Вит. гос. ун-т ; редкол. В. А. Космач (гл. ред.) [и др]. – Витебск : УО «ВГУ им. П. М. Машерова», 2007. – Ч. 1. – С. 57–59.

6. Таранеўскі, В. У. Віцебшчына ў мемуарах : некалькі слоў пра "Дыярыўш" Я. А. Храпавіцкага / В. У. Таранеўскі // Наука – образованию, производству, экономике : материалы XV(62) Региональной науч.-практ. конф. преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, посвященной 100-летию со дня основания УО "ВГУ им. П. М. Машерова", Витебск, 3–5 марта 2010 г. / Вит. гос. ун-т ; редкол.: А. П. Солодков [и др.]. – Витебск : УО "ВГУ им. П. М. Машерова", 2010. – С. 196–197.

7. Таранеўскі, В. У. "Баркулабаўская хроніка" як прадвеснік мемуарнага жанру ў беларускай літаратуры пач. XVII ст. / В. У. Таранеўскі // Беларуская мова і літаратура ў славянскім этнакультурным кантэксце : матэрыялы рэсп. навук.-практ. канф., 21–22 кастрычніка 2010 г. / Віц. дзярж. ун-т ; рэдкал.: Г.А. Арцямёнак (адк. рэд.) [і інш.]. – Віцебск : УА "ВДУ імя П. М. Машэрава", 2010. – С. 217–221.

8. Таранеўскі, В. У. “Віцебскі летапіс” М. Панцырнага і С. Аверкі як помнік гарадскога летапісання XVII–XVIII стст. / В. У. Таранеўскі // Наука – образованию, производству, экономике : материалы XVI(63) Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, Витебск, 16–17 марта 2011 г. / Вит. гос. ун-т ; редкол.: А. П. Солодков (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : УО “ВГУ им. П. М. Машерова”, 2011. – Т. 1. – С. 275–276.

9. Таранеўскі, В. У. Жанчына ў кантэксце мемуарнай літаратуры Беларусі XVII ст. / В. У. Таранеўскі // Наука – образованию, производству, экономике : материалы XVII(64) Региональной науч.-практ. конф. преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, Витебск, 14–15 марта 2012 г. : в 2 т. / Вит. гос. ун-т ; редкол.: А. П. Солодков (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : УО “ВГУ им. П. М. Машерова”, 2012. – Т. 1. – С. 204–207.

10. Таранеўскі, В. У. “Дыярыуш” Яна Антонія Храпавіцкага як гістарычная крыніца / В. У. Таранеўскі // Актуальные проблемы источниковедения: материалы междунар. науч.-практ. конф. к 135-летию со дня рождения В. И. Пичеты, Минск–Витебск, 9–11 октября 2013 г. / Вит. гос. ун-т ; редкол.: А. Н. Дулов (отв. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2013. – С.143–145.

11. Таранеўскі, В. У. Вязень з Оршы і яго “Дыярыуш” / В. У. Таранеўскі // Віцебскія старажытнасці: матэрыялы навук. канф. / Упр. ідэалагічнай работы, культуры і па справах моладзі Віцеб. аблвыканкама, Віцеб. абл. краязн. музей ; рэдкал.: Г. У. Савіцкі [і інш.]. – Мінск : Нацыянальная бібліятэка, 2013. – С. 44–46.

12. Таранеўскі, В. У. Жанчына ў шляхецкіх мемуарах XVII ст. // Віцебскія старажытнасці: матэрыялы навук. канф. / Упр. ідэалагічнай работы, культуры і па справах моладзі Віцеб. аблвыканкама, Віцеб. абл. краязн. музей ; рэдкал.: Г. У. Савіцкі [і інш.]. – Мінск : Нацыянальная бібліятэка, 2013. – С. 46–47.

13. Таранеўскі, В. У. “Маёй фартуны кароткі шлях такі...” : (па старонках “Дыярыуша” П. К. Абуховіча) / В. У. Таранеўскі // Актуальные проблемы источниковедения : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 8–9 октября 2015 г. / Вит. гос. ун-т ; редкол.: А. Н. Дулов и М. Ф. Румянцева (отв. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2015. – С. 173–175.

14. Таранеўскі, В. У. Нарацыя ў “Летапісцы вялікіх князёў літоўскіх” / В. У. Таранеўскі // Беларуская мова і літаратура ў славянскім этнакультурным кантэксце : матэрыялы II Рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі, Віцебск, 19–20 лістапада 2015 г. / Віц. дзярж. ун-т ; рэдкал.: Г.А. Арцямёнак (адк. рэд.) [і інш.]. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2015. – С. 247–251.

15. Таранеўскі, В. У. «Шчасце як шкло, а шкло як шчасце» (Віцебшчына ў мемуарах Я.У. Пачобута-Адляніцкага) / В. У. Таранеўскі // Віцебскі край : матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 170-годдзю з дня нараджэння М. Я. Нікіфароўскага, 5 лістапада 2015 г., Віцебск / Галоўнае ўпраўленне ідэалагічнай работы, культуры і па справах моладзі Віцебскага аблвыканкама, Дзяржаўная ўстанова «Віцебская абласная бібліятэка імя У. І. Леніна», Установа культуры «Віцебскі абласны краязнаўчы музей», Установа адукацыі «Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава», Кафедра гісторыі Беларусі ; рэдкал.: Т. М. Адамян (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Нацыянальная бібліятэка Беларусі, 2016. – Т. 1. – С. 224–227.

Артыкулы ў газетах, інтэрв’ю

1. Дзядзінкіна, С. Пра што пісалі беларусы ў сваіх дыярыушах : гутарка з выкладчыкам ВДУ Віктарам Уладзіміравічам Таранеўскім / С. Дзядзінкіна // Нар. слова. – 2002. – 24 снеж. – С. 5.

2. Шыёнак, В. Незвычайны перакладчык : выкладчык ВДУ Віктар Уладзіміравіч Таранеўскі / В. Шыёнак // Віцеб. рабочы. – 2003. – 25 лістап. – С. 1.

3. Таранеўскі, В. Віцебскі летапіс / В. Таранеўскі // Краязнаўчая газета. – 2005. – № 37 (кастрычнік). – С. 4.

4. Таранеўскі, В. У. Скарыў Еўропу сваім розумам і кнігай / В. У. Таранеўскі ; гутарыў А. Шчарбіцкі // Витьбичи. – 2017. – 31 авг. – С. III (Прилож.: Вечерний Витебск).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абеленцева Ольга Алексеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Российская Федерация, г. Санкт-Петербург).

Аверьянов Константин Александрович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (Российская Федерация, г. Москва).

Агеенко Татьяна Николаевна – научный сотрудник Национального архива Республики Беларусь (Республика Беларусь, г. Минск).

Акимченков Виктор Владимирович – кандидат исторических наук, член Российского общества интеллектуальной истории (Российская Федерация, г. Москва).

Алеврас Наталия Николаевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России и зарубежных стран Челябинского государственного университета (Российская Федерация, г. Челябинск).

Алентьева Татьяна Викторовна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории Курского государственного университета, руководитель Центра изучения США Курского государственного университета (Российская Федерация, г. Курск).

Архипова Татьяна Григорьевна – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государственных учреждений и общественных организаций Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (Российская Федерация, г. Москва).

Асташкин Дмитрий Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Российская Федерация, г. Великий Новгород, г. Санкт-Петербург).

Афиани Виталий Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент, заместитель главного редактора журнала «Исторический архив», ведущий научный сотрудник Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (Российская Федерация, г. Москва).

Бабенко Виктор Дмитриевич – магистр истории, заведующий депозитарно-выставочным отделом Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве (Российская Федерация, г. Ставрополь).

Базарова Татьяна Анатольевна – кандидат исторических наук, заведующий Научно-историческим архивом и группой источниковедения Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Российская Федерация, г. Санкт-Петербург).

Бараненко Виктор Викторович – кандидат исторических наук, доцент, заместитель декана механико-технологического факультета Полоцкого государственного университета (Республика Беларусь, г. Новополоцк).

Барановский Александр Викторович – научный сотрудник отдела новейшей истории Беларуси Института истории Национальной академии наук Беларуси (Республика Беларусь, г. Минск).

Бахтурина Александра Юрьевна – доктор исторических наук, профессор Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (Российская Федерация, г. Москва).

Башнин Никита Викторович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук, доцент Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина (Российская Федерация, г. Санкт-Петербург).

Белявский Александр Михайлович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры источниковедения Белорусского государственного университета (Республика Беларусь, г. Минск).

Беспятых Юрий Николаевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник группы источниковедения Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Российская Федерация, г. Санкт-Петербург).

Бессуднова Марина Борисовна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всемирной истории и международных отношений Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого (Российская Федерация, г. Великий Новгород).

Бехтенова Елена Федоровна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий центром сопровождения научных исследований и разработок Института стратегии развития образования Российской академии образования (Российская Федерация, г. Москва).

Богдашина Елена Николаевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Украины Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды (Украина, г. Харьков).

Бондарева Елена Михайловна – заведующий отделом информационно-поисковых систем и автоматизированных архивных технологий Государственного архива Витебской области (Республика Беларусь, г. Витебск).

Боровко Ванда Юльяновна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (Республика Беларусь, г. Витебск).

Буевич Татьяна Владимировна – заместитель директора Государственного архива Витебской области (Республика Беларусь, г. Витебск).

Буланый Николай Юрьевич – аспирант кафедры истории Украины Днепровского национального университета им. Олеся Гончара (Украина, г. Днепр).

Булатая Виктория Юрьевна – аспирант кафедры историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы (Республика Беларусь, г. Минск).

Булатый Павел Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Института менеджмента спорта и туризма Белорусского государственного университета физической культуры (Республика Беларусь, г. Минск).

Вардомацкий Леонид Михайлович – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (Республика Беларусь, г. Витебск).

Варламова Людмила Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций Российского государственного гуманитарного университета (Российская Федерация, г. Москва).

Васильев Василий Михайлович – аспирант кафедры историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы, научный сотрудник отдела археологии, нумизматики и оружия Национального исторического музея Республики Беларусь (Республика Беларусь, г. Минск).

Вебер Дмитрий Иванович – кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета, научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Российская Федерация, г. Санкт-Петербург).

Вишневский Илья Алексеевич – заместитель заведующего отделом публикаций Национального архива Республики Беларусь (Республика Беларусь, г. Минск).

Вовина-Лебедева Варвара Гелиевна – ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук, заместитель директора по научному сотрудничеству Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Российская Федерация, г. Санкт-Петербург).

Вовк Ольга Игоревна – кандидат исторических наук, заместитель директора Центра краеведения имени академика П. Т. Тронько Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина (Украина, г. Харьков).

Воднева Елена Викторовна – аспирант кафедры истории России Белорусского государственного университета (Республика Беларусь, г. Минск).

Воднева Ирина Петровна – заведующий филиалом Краеведческий музей Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника (Республика Беларусь, г. Полоцк).

Вознесенский Владимир Константинович – архивист отдела публикации документов Национального архива Республики Беларусь (Республика Беларусь, г. Минск).

Воробьёв Павел Анатольевич – аспирант Республиканского института высшей школы, учитель истории средней школы № 42 г. Минска (Республика Беларусь, г. Минск).

Гладкова Анна Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры литературы Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (Республика Беларусь, г. Витебск).

Гончаров Геннадий Владимирович – кандидат исторических наук, доцент Харьковского национального университета Воздушных Сил им. Ивана Кожедуба (Украина, г. Харьков).

Гребень Евгений Александрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Белорусского государственного аграрного технического университета (Республика Беларусь, г. Минск).

Гришина Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, декан историко-филологического факультета Челябинского государственного университета (Российская Федерация, г. Челябинск).

Гуларян Артем Борисович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и гуманитарных дисциплин Орловского государственного аграрного университета им. Н. В. Парахина (Российская Федерация, г. Орел).

Дернович Олег Иванович – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси (Республика Беларусь, г. Минск).

Дианова Елена Васильевна – доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета (Российская Федерация, г. Петрозаводск).

Довгялло Михаил Степанович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории южных и западных славян исторического факультета Белорусского государственного университета (Республика Беларусь, г. Минск).

Долгов Вадим Викторович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Института истории и социологии Удмуртского государственного университета (Российская Федерация, г. Ижевск).

Дружинина Юлия Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории Новосибирского государственного педагогического университета (Российская Федерация, г. Новосибирск).

Дубатовка Марина Андреевна – аспирант Республиканского института высшей школы, администратор Национального исторического музея Республики Беларусь (Республика Беларусь, г. Минск).

Дубровская Елена Юрьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Российская Федерация, г. Петрозаводск).

Дулов Анатолий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и культурного наследия Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (Республика Беларусь, г. Витебск).

Ермакова Ольга Константиновна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (Российская Федерация, г. Екатеринбург).

Ерохин Владимир Николаевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук Северо-Восточного государственного университета (Российская Федерация, г. Магадан).

Жилинская Ирина Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий центром всеобщей истории, международных отношений и геополитики Института истории Национальной академии наук Беларуси (Республика Беларусь, г. Минск).

Журба Олег Иванович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой историографии, источниковедения и архивоведения Днепровского национального университета им. Олеся Гончара (Украина, г. Днепр).

Зайцева Наталья Олеговна – учитель истории средней школы № 32 г. Могилева (Республика Беларусь, г. Могилев).

Захаркевич Степан Артурович – кандидат исторических наук, доцент, доцент Белорусского государственного университета (Республика Беларусь, г. Минск).

Згирский Юрий Иванович – студент гуманитарного факультета Полоцкого государственного университета (Республика Беларусь, г. Новополоцк).

Зимницкий Александр Антонович – ведущий научный сотрудник Национального исторического музея Республики Беларусь (Республика Беларусь, г. Минск).

Иващенко Виктория Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры историографии, источниковедения и археологии Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина, директор Музея истории Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина (Украина, г. Харьков).

Илизаров Борис Семенович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (Российская Федерация, г. Москва).

Исаев Сергей Александрович – кандидат исторических наук, исполняющий обязанности заведующего отделом всеобщей истории Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Российская Федерация, г. Санкт-Петербург).

Каиль Максим Владимирович – кандидат исторических наук, советник при ректорате Смоленского государственного университета, доцент кафедры истории России Смоленского государственного университета (Российская Федерация, г. Смоленск).

Кантор Юлия Зораховна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, главный научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук (Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, г. Москва).

Каплиев Алексей Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси (Республика Беларусь, г. Минск).

Каплин Александр Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры историографии, источниковедения и археологии Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина (Украина, г. Харьков).

Карпекин Константин Григорьевич – кандидат исторических наук, главный хранитель фондов Государственного архива Витебской области (Республика Беларусь, г. Витебск).

Кашинская Оксана Александровна – соискатель ученой степени кандидата исторических наук, специалист по учебно-методической работе кафедры теории и истории гуманитарного знания Российского государственного гуманитарного университета (Российская Федерация, г. Москва).

Киенко Дмитрий Геннадьевич – руководитель научно-исследовательской группы военной истории «Рубон», научный сотрудник центра военной истории Института истории Национальной академии наук Беларуси (Республика Беларусь, г. Минск).

Климов Марат Васильевич – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси (Республика Беларусь, г. Минск).

Ковальков Александр Леонидович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всемирной истории Центральноукраинского государственного университета им. В. Винниченко (Украина, г. Кропивницкий).

Ковяко Ирина Ивановна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета (Республика Беларусь, г. Минск).

Козлов Алексей Александрович – выпускник аспирантуры Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (Республика Беларусь, г. Витебск).

Колесникова Марина Евгеньевна – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Северо-Кавказского федерального университета (Российская Федерация, г. Ставрополь).

Колосовская Татьяна Александровна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета (Российская Федерация, г. Ставрополь).

Колпаков Максим Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения Псковского государственного университета (Российская Федерация, г. Псков).

Колпакова Юлия Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Псковского государственного университета (Российская Федерация, г. Псков).

Короневский Виктор Ильич – лаборант-исследователь Санкт-Петербургского государственного университета (Российская Федерация, г. Санкт-Петербург).

Корсак Алеся Иосифовна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и туризма Полоцкого государственного университета (Республика Беларусь, г. Новополоцк).

Космач Вениамин Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры психологии Витебского государственного университета имени П. М. Машерова, профессор кафедры истории и культурного наследия Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (Республика Беларусь, г. Витебск).

Котович Татьяна Викторовна – доктор искусствоведения, профессор, профессор кафедры германской филологии Витебского государственного университета имени П. М. Машерова, профессор кафедры истории и культурного наследия Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (Республика Беларусь, г. Витебск).

Красноженова Елена Евгеньевна – доктор исторических наук, профессор кафедры общественных наук Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Российская Федерация, г. Санкт-Петербург).

Криворот Анатолий Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник центра военной истории Беларуси Института истории Национальной академии наук Беларуси (Республика Беларусь, г. Минск).

Крылов Константин Евгеньевич – исполняющий обязанности руководителя отдела Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики (Российская Федерация, г. Санкт-Петербург).

Кулинок Святослав Валентинович – кандидат исторических наук, заведующий отделом публикаций Национального архива Республики Беларусь (Республика Беларусь, г. Минск).

Кушнерева Ксения Владимировна – магистрант кафедры отечественной истории Вологодского государственного университета (Российская Федерация, г. Вологда).

Ланской Григорий Николаевич – доктор исторических наук, доцент, профессор Российского государственного гуманитарного университета (Российская Федерация, г. Москва).

Литвинова Татьяна Федоровна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Украины Днепровского национального университета им. Олеся Гончара (Украина, г. Днепр).

Лицкевич Олег Владимирович – независимый исследователь.

Лузан Даниил Вячеславович – студент факультета международных отношений Белорусского государственного университета (Республика Беларусь, г. Минск).

Любовец Надежда Ивановна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заведующий отделом Института биографических исследований Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского (Украина, г. Киев).

Лякишева Светлана Ивановна – кандидат педагогических наук, методист по научно-просветительской деятельности Государственного мемориального и природного заповедника «Музей-усадьба Л. Н. Толстого “Ясная Поляна”» (Российская Федерация, Тульская обл., Щекинский р-н).

Маджаров Александр Станиславович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России исторического факультета Иркутского государственного университета (Российская Федерация, г. Иркутск).

Мазур Людмила Николаевна – доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник Российского государственного гуманитарного университета (Российская Федерация, г. Москва).

Майорова Алла Степановна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России и археологии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского (Российская Федерация, г. Саратов).

Маловичко Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор, профессор Государственного гуманитарно-технологического университета, профессор Российского государственного гуманитарного университета (Российская Федерация, г. Орехово-Зуево, г. Москва).

Марданов Александр Вячеславович – начальник цикла кафедры общевойсковой подготовки военно-транспортного факультета Белорусского государственного университета транспорта (Республика Беларусь, г. Гомель).

Мареш Тереза – доктор исторических наук (dr. hab.), профессор исторического факультета Университета Казимира Великого (Республика Польша, г. Быдгощ).

Мартынюк Алексей Викторович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы (Республика Беларусь, г. Минск).

Марьенко Никита Юрьевич – аспирант кафедры историографии, источниковедения и археологии Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина (Украина, г. Харьков).

Мауль Виктор Яковлевич – доктор исторических наук, доцент, профессор Тюменского индустриального университета (филиал в г. Нижневартовске) (Российская Федерация, г. Нижневартовск).

Мацулевич Евгения Васильевна – магистрант кафедры истории и культурного наследия Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (Республика Беларусь, г. Витебск).

Мининков Николай Александрович – доктор исторических наук, профессор, профессор Института истории и международных отношений Южного федерального университета (Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону).

Мининкова Людмила Владимировна – доктор исторических наук, профессор, профессор Института истории и международных отношений Южного федерального университета (Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону).

Минц Светлана Самуиловна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета (Российская Федерация, г. Краснодар).

Михайлова Елена Андреевна – кандидат искусствоведения, научный сотрудник отдела рукописей Российской национальной библиотеки, доцент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Российская Федерация, г. Санкт-Петербург).

Михеев Дмитрий Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Центр комплексного изучения проблем региональной безопасности» Псковского государственного университета (Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, г. Псков).

Монзуль Владимир Юрьевич – заведующий сектором научно-справочного аппарата отдела информационно-поисковых систем Национального архива Республики Беларусь (Республика Беларусь, г. Минск).

Моторова Надежда Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и культурного наследия Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (Республика Беларусь, г. Витебск).

Мясоедова Светлана Николаевна – ведущий архивист отдела использования и публикации документов Государственного архива Витебской области (Республика Беларусь, г. Витебск).

Нагирный Виталий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Восточной Европы Института истории Ягеллонского университета (Республика Польша, г. Краков).

Назарова Ирина Михайловна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела этнографии Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве (Российская Федерация, г. Ставрополь).

Никитин Дмитрий Сергеевич – кандидат исторических наук, ведущий библиограф Национального исследовательского Томского государственного университета (Российская Федерация, г. Томск).

Николаева Ирина Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора Витебского филиала Международного университета «МИТСО» (Республика Беларусь, г. Витебск).

Новиков Сергей Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, мировой культуры и туризма Минского государственного лингвистического университета (Республика Беларусь, г. Минск).

Норкин Виктор Сергеевич – магистрант исторического факультета Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, учитель истории средней общеобразовательной школы № 125 г. Екатеринбурга (Российская Федерация, г. Екатеринбург).

Олейник Вадим Владимирович – подполковник юстиции, начальник цикла правовых дисциплин кафедры идеологической работы и социальных наук Военной академии Республики Беларусь (Республика Беларусь, г. Минск).

Омельченко Дарья Михайловна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории комплексного исследования рукописных памятников Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Российская Федерация, г. Санкт-Петербург).

Павлов Андрей Павлович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Российская Федерация, г. Санкт-Петербург).

Павлова Елена Яковлевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и музееведения Белорусского государственного университета культуры и искусств (Республика Беларусь, г. Минск).

Павлова Ольга Григорьевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры историографии, источниковедения и археологии исторического факультета Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина (Украина, г. Харьков).

Пастернак Анна Михайловна – старший преподаватель кафедры истории и культурного наследия Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (Республика Беларусь, г. Витебск).

Перевалов Ярослав Олегович – старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук Витебского государственного медицинского университета (Республика Беларусь, г. Витебск).

Пестриков Александр Владимирович – аспирант Института истории Польской академии наук (Республика Польша, г. Варшава).

Пивовар Николай Васильевич – кандидат исторических наук, доцент, учитель Витебского кадетского училища (Республика Беларусь, г. Витебск).

Пищулина Светлана Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин Волжского филиала Международного юридического института (Российская Федерация, г. Волжский).

Подберёзкин Филипп Дмитриевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела редких книг и рукописей Центральной научной библиотеки имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси (Республика Беларусь, г. Минск).

Поляков Иван Анатольевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела рукописей Российской национальной библиотеки (Российская Федерация, г. Санкт-Петербург).

Попова Елизавета Михайловна – аспирант Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого (Российская Федерация, г. Великий Новгород).

Посохов Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой историографии, источниковедения и археологии исторического факультета Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина (Украина, г. Харьков).

Приборович Артём Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения исторического факультета Белорусского государственного университета (Республика Беларусь, г. Минск).

Проскурякова Мария Евгеньевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Российская Федерация, г. Санкт-Петербург).

Раздорский Алексей Игоревич – кандидат исторических наук, заведующий группой исторической библиографии Российской национальной библиотеки, ассоциированный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Российская Федерация, г. Санкт-Петербург).

Редин Дмитрий Алексеевич – доктор исторических наук, доцент, заведующий Лабораторией эдиционной археографии Уральского федерального университета, профессор кафедры истории России Уральского гуманитарного института (Российская Федерация, г. Екатеринбург).

Риер Янина Александровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры романо-германской филологии Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова (Республика Беларусь, г. Могилев).

Рокина Галина Викторовна – доктор исторических наук, профессор, заведующий учебно-исследовательской лабораторией этногендерных исследований Марийского государственного университета (Российская Федерация, г. Йошкар-Ола).

Рубинина Зоя Максимовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела собрания фондов музея В. И. Ленина Государственного исторического музея (Российская Федерация, г. Москва).

Русилко Ольга Ивановна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры литературы Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (Республика Беларусь, г. Витебск).

Русина Елена Владимировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник Института истории Украины Национальной академии наук Украины (Украина, г. Киев).

Руссу Оксана Дмитриевна – кандидат философских наук, доцент кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин Международного юридического института (Волжский филиал) (Российская Федерация, г. Волжский).

Рыжко Татьяна Ивановна – аспирант кафедры историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы, старший преподаватель Института теологии Белорусского государственного университета (Республика Беларусь, г. Минск).

Рябов Сергей Михайлович – лаборант-исследователь Лаборатории эдиционной археографии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Российская Федерация, г. Екатеринбург).

Сальков Анатолий Петрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории южных и западных славян Белорусского государственного университета (Республика Беларусь, г. Минск).

Самонова Мария Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры довузовской подготовки и профориентации Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины (Республика Беларусь, г. Гомель).

Свилас Светлана Францевна – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Белорусского государственного университета (Республика Беларусь, г. Минск).

Седов Павел Владимирович – доктор исторических наук, заведующий отделом древней истории России Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Российская Федерация, г. Санкт-Петербург).

Семенчук Константин Анатольевич – аспирант Национального исследовательского Томского государственного университета (Российская Федерация, г. Томск).

Сердюк Богдан Владимирович – аспирант Республиканского института высшей школы (Республика Беларусь, г. Минск).

Середа Надежда Владимировна – доктор исторических наук, профессор, профессор Тверского государственного университета (Российская Федерация, г. Тверь).

Силина Алина Витальевна – ведущий архивист отдела использования и публикации документов Государственного архива Витебской области (Республика Беларусь, г. Витебск).

Синюрка Светлана Александровна – кандидат исторических наук, старший лаборант Центра краеведения им. академика П. Т. Тронька Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина (Украина, г. Харьков).

Слепцова Виктория Михайловна – магистрант кафедры международных отношений Белорусского государственного университета (Республика Беларусь, г. Минск).

Слиж Наталья Владимировна – кандидат исторических наук (Республика Беларусь, г. Гродно).

Смирнова Мария Александровна – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела рукописей Российской национальной библиотеки (Российская Федерация, г. Санкт-Петербург).

Снапковский Юрий Николаевич – заместитель заведующего отделом научно-исследовательской и публикационной деятельности Национального исторического архива Беларуси (Республика Беларусь, г. Минск).

Соколов Сергей Васильевич – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Лаборатории эдиционной археографии Уральского федерального университета (Российская Федерация, г. Екатеринбург).

Солодкин Янкель Гутманович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Нижневартовского государственного университета (Российская Федерация, г. Нижневартовск).

Стебурако Анатолий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы (Республика Беларусь, г. Минск).

Столетова Анна Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института социальных и гуманитарных наук Вологодского государственного университета (Российская Федерация, г. Вологда).

Субботин Александр Александрович – кандидат исторических наук, проректор по воспитательной работе Витебского государственного технологического университета (Республика Беларусь, г. Витебск).

Сукина Людмила Борисовна – доктор исторических наук, кандидат культурологии, доцент, заведующий кафедрой подготовки кадров высшей квалификации Института программных систем им. А. К. Айламазяна Российской академии наук (Российская Федерация, Ярославская обл., Переславский р-н, с. Веськово).

Сумко Елена Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и туризма Полоцкого государственного университета (Республика Беларусь, г. Новополоцк).

Таценко Тамара Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела всеобщей истории Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Российская Федерация, г. Санкт-Петербург).

Твердюкова Елена Дмитриевна – доктор исторических наук, доцент, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Российская Федерация, г. Санкт-Петербург).

Тимофеев Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, доцент, заведующий центром социальной истории Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (Российская Федерация, г. Екатеринбург).

Ткаченко Дмитрий Сергеевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета (Российская Федерация, г. Ставрополь).

Уланов Кирилл Андреевич – ассистент кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления Уральского федерального университета (Российская Федерация, г. Екатеринбург).

Ушаков Артем Владимирович – младший научный сотрудник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого (Российская Федерация, г. Великий Новгород).

Филимонова Мария Александровна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории Центра изучения США Курского государственного университета (Российская Федерация, г. Курск).

Филимончик Светлана Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории Петрозаводского государственного университета (Российская Федерация, г. Петрозаводск).

Ходин Сергей Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения Белорусского государственного университета (Республика Беларусь, г. Минск).

Ходорко Нелли Викторовна – учитель-дефектолог Фариновской средней школы Полоцкого района (Республика Беларусь, Витебская обл., Полоцкий р-н, д. Фариново).

Холмов Дмитрий Вячеславович – магистр исторических наук (Республика Беларусь, г. Могилев).

Хришкевич Татьяна Георгиевна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и регионоведения Псковского государственного университета (Российская Федерация, г. Псков).

Цеменкова Светлана Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления Уральского федерального университета (Российская Федерация, г. Екатеринбург).

Чикалова Ирина Ромуальдовна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка, ведущий научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси (Республика Беларусь, г. Минск).

Чистиков Александр Николаевич – доктор исторических наук, заведующий отделом современной истории России Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Российская Федерация, г. Санкт-Петербург).

Шимукович Сергей Фадеевич – кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры проектирования образовательных систем Республиканского института высшей школы (Республика Беларусь, г. Минск).

Шматько Ольга Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории Ставропольского государственного аграрного университета (Российская Федерация, г. Ставрополь).

Юмашева Юлия Юрьевна – доктор исторических наук, заместитель генерального директора ООО «ДИМИ-ЦЕНТР» (Российская Федерация, г. Москва).

Юрчак Денис Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент, главный специалист управления культуры Витебского областного исполнительного комитета (Республика Беларусь, г. Витебск).

Яковлева Галина Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и культурного наследия Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (Республика Беларусь, г. Витебск).

Якунина Валентина Андреевна – аспирант Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, младший научный сотрудник Научно-исследовательского центра Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого (Российская Федерация, г. Великий Новгород).

Яхутль Юрий Асланбиевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России Кубанского государственного университета (Российская Федерация, г. Краснодар).

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Материалы VI Международной
научно-практической конференции

Витебск, 23–24 апреля 2021 г.

Технический редактор *Г. В. Разбоева*
Компьютерный дизайн *Л. Р. Жигунова*

Подписано в печать 20.04.2021. Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 53,94. Уч.-изд. л. 55,33. Тираж 38 экз. Заказ 62.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П. М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П. М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.